Историческая Комиссія
Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени.

Подъ редакціей: М. В. Бердоносова, А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева и В. И. Пичеты.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

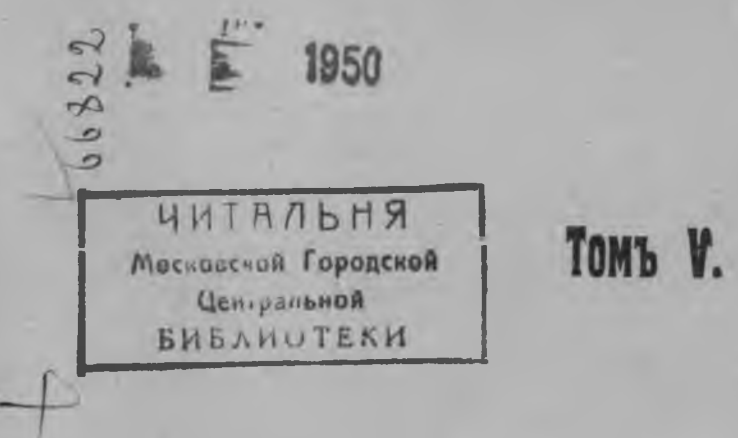
ТОМЪ V.

„Сотрудникъ Школъ" и Т-ва И. Д. Сытина.

Историческая Комиссія
Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени.

Подъ редакціей: М. В. Бердоносова, А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. Н. Перцева и В. И. Пичеты.

ТОМЪ V.

Изданіе „Сотрудника Школъ“ и Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1917.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская настоящій томъ, редакція доводитъ до конца свою первоначальную программу, согласно которой изложеніе должно было закончиться концомъ 70-хъ годовъ. Эта дата была установлена по тѣмъ соображеніямъ, что дальнѣйшая исторія — слишкомъ близкая намъ современность и что научная обработка позднѣйшихъ фактовъ и одновременю приспособленіе ея къ учебнымъ цѣлямъ — дѣло слишкомъ трудное. Но событія 1914 — 1916 годовъ явились своего рода поворотной гранью, на которой кончается гдѣ-то старое и начинается гдѣ-то новое. Поэтому редакція рѣшила по окончаніи войны издать еще одинъ томъ, въ которомъ изложеніе будетъ доведено до этого естественнаго рубежа.

Война, о которой приходится вспомнить и въ этомъ предисловіи, нанесла редакціи тяжелый ударъ. Въ полномъ расцвѣтѣ силъ погибъ на полѣ брани одинъ изъ нашихъ близкихъ сотрудниковъ, В. С. Протопоповъ, авторъ статей о Крестьянской войнѣ и объ объединеніи Италіи (въ наст. томѣ). Онъ пошелъ на войну добровольно, пошелъ, пожертвовавъ всѣми перспективами, которыя открывались передъ нимъ въ сферѣ научной работы, бросивъ лежавшее на немъ большое и отвѣтственное дѣло по обученію юношества, пошелъ, несмотря на то, что любилъ это дѣло и отдавалъ ему всю душу. Около года, безъ отлучки, безъ отдыха служилъ онъ при своей части, будто никогда въ жизни не занимался ничѣмъ другимъ, кромѣ военнаго командованія. И потомъ смертью героя запечатлѣлъ свое служеніе родинѣ.

Приходится намъ вспомнить и о другой понесенной утратѣ. Мы лишились одного изъ самыхъ крупныхъ историковъ русской общественности, Василія Яковлевича Яковлева (Богучарскаго), давшаго намъ статью, посвященную общественнымъ движеніямъ 70 гг. въ Россіи (въ наст. томѣ).

Реакція, новая эра и конституціонный конфликтъ въ Пруссіи.

Контрреволюція

Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ процессъ политической мобилизаціи реакціонныхъ силъ былъ завершенъ. Реакція торжествовала по всей линіи. Почувствовавъ себя полнымъ хозяиномъ въ области «дѣла», во всей политической и административной жизни, реакціонное правительство тогда спокойною и увѣренною рукою наноситъ рѣшительный ударъ и области слова, т.-е. парламенту, гдѣ еще звучала свободная рѣчь.

Послѣднія тучи разсѣянной революціонной бури исчезли. Реакціонный подборъ администраціи вездѣ былъ завершенъ. У реакціи повсюду поставлены были свои люди и всѣ они были проникнуты единымъ желаніемъ — выслужиться передъ правительствомъ путемъ преслѣдованія либераловъ и революціонеровъ. Чѣмъ больше мы подвигаемся ко второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ съ большимъ цинизмомъ мы встрѣчаемся. Реакція сбрасывала покровы политическаго приличія и выступила въ циничной наготѣ. Она, почувствовавъ себя побѣдительницей, стремилась показать, что умѣетъ не только казнить «либераловъ», но и миловать своихъ слугъ. Если на участниковъ освободительнаго движенія обрушивались скорпіоны высылокъ, тюремныхъ заключеній, штрафовъ, то на всѣхъ оказавшихъ правительству реакціонныя услуги обильно сыпались теплыя мѣстечки, желѣзнодорожныя концессіи, пенсіи, награды. Реакціонное правительство усердно развращало неустойчивые общественные элементы, прививая убѣжденіе, что за правительствомъ реакціонная служба не пропадетъ. Политическая дѣятельность переплелась съ открытымъ и отвратительнымъ дѣлечествомъ. Правыя убѣжденія пускались въ ком-

Пособія. *Кауфманъ.* «Политическая исторія Германіи въ XIX в.»; *Дживелеговъ.* «Исторія современной Германіи», *Sybel.* «Begrundung d. deutschen Reichs»: біографія Бисмарка *Lenz'a*, *Marcks'a*, *Andler'a*, *Matter'a* (послѣднія двѣ французскія, болѣе объективны).

мерческій оборотъ и учитывались. Грязные дѣльцы, прикрывавшіе свои уголовныя затѣи патріотическимъ флагомъ, пользовались полною неприкосновенностью.

Политика, дѣлечество и уголовщина срослись въ чудовищный спрутъ, охватившій всю страну. Пресловутый Линденбергъ, оказавшій реакціи грязныя услуги, занимавшійся шпіонствомъ и провокаторствомъ, фальсифицировавшій «государственныя преступленія», шестнадцать разъ былъ осужденъ судомъ и каждый разъ получалъ королевское помилованіе. Публицистъ реакціи Герлахъ съ циничною откровенностью разсказываетъ, какъ королевское помилованіе спасало грязныхъ слугъ реакціи отъ уголовныхъ каръ. Всѣ, кто хотѣлъ уйти отъ сумы и тюрьмы, старались выслужиться передъ реакціей и заслужить ея милости.

За то реакція прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы представители не только революціоннаго, но и либеральнаго движенія были лишены всякой возможности принять широкое участіе не только въ политической и общественной, но и экономической жизни. Унру, бывшій президентъ берлинскаго національнаго собранія, разсказываетъ, что ему пришлось бросить желѣзнодорожную дѣятельность, такъ какъ правительство, мстя ему за политическія выступленія, не давало хода ни одному изъ проектовъ того желѣзнодорожнаго общества, въ правленіи котораго находился Унру. Бывшій президентъ національнаго собранія перешелъ тогда на службу въ газовое общество, но и тутъ открытая министерствомъ травля, чуть не разорившая все огромное общество, вынудила Унру уйти.

Самый безудержный произволъ царилъ повсюду. Реакціонное правительство требовало отъ всѣхъ чиновниковъ отъ малаго до великаго, чтобы они руководствовались политическими видами и соображеніями, и повсюду, отъ полиціи до юстиціи, установился принципъ политическаго лицепріятства. Когда Гинкельдей, берлинскій президентъ полиціи, услышалъ отъ одного лица жалобу на несоблюденіе закона, онъ досадливо воскликнулъ: «Можно ли при нынѣшнемъ положеніи дѣла считаться съ законами?» И съ законами считались лишь постольку, поскольку это нужно было въ интересахъ реакціонной политики. Въ большомъ она сама для своихъ надобностей сочиняла законы, въ маломъ — она ограничивалась игнорированіемъ существующихъ законовъ, если они почему-либо оказывались неудобными.

Одинъ изъ высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства выпускаетъ сочиненіе, въ которомъ съ горечью подводитъ итоги реакціонному

періоду: «Съ внѣшней стороны,—говоритъ онъ,—малодушіе и измѣна нѣмецкому отечеству; внутри—цензурныя стѣсненія, беззаконія, произволъ; въ религіи—лицемѣріе и нетерпимость. Юстиція низведена до положенія служанки при полиціи». Вдохновительницей и руководительницей реакція была небольшая, но отлично сплоченная и спѣвшаяся группа дворянъ-реакціонеровъ, весецѣло прибравшая къ рукамъ короля и диктовавшая ему свою волю. Реакціонная клика, бардомъ которой служилъ Герлахъ, подчинила всю страну своему гласному политическому надзору. За каждымъ шагомъ и словомъ чиновниковъ и офицеровъ слѣдили и немедленно доносили въ случаѣ обнаруженія какого-либо уклоненія отъ правительственнаго образа мышленія.

На ряду съ явнымъ правительствомъ Фридриха-Вильгельма IV существовало тайное, закулисное правительство дворянской камарильи. Оно не останавливалось ни передъ чѣмъ. Оно шпіонило за принцемъ, подозрѣваемымъ въ сочувствіи «либераламъ», оно безцеремонно выкрадывало переписку высочайшихъ особъ, вело тайныя сношенія съ иностранными правительствами. Камарилья запуталась въ собственныхъ сѣтяхъ. Переписка Герлаха съ Россіей, въ свою очередь, была выкрадена, и тогда-то раскрылось воочію существованіе закулиснаго дворянскаго правительства, вершавшаго и внутреннія и внѣшнія дѣла.

Конецъ Фридриха Вильгельма IV.

Физическія и духовныя силы короля Фридриха-Вильгельма быстро угасали и онъ превратился въ жалкую маріонетку въ рукахъ дворянской камарильи, которая прислуживала русскому правительству и мечтала о реставраціи. Когда въ 1852 году Николай I посѣтилъ Берлинъ, все приняло тамъ такой характеръ, будто бы императоромъ Германіи является Николай I, а не Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

«Нѣмецкій король, — говоритъ кн. Гогенлоэ, вспоминая пріѣздъ Николая I,—видимо, принуждалъ себя, стѣснялся и съ отвратительною угодливостью исполнялъ все, что приказывалъ императоръ. Эта угодливость во все возрастающей прогрессіи передалась всѣмъ придворнымъ прусскимъ офицерамъ, такъ что все находилось въ какой-то бѣготнѣ и суетнѣ, и дѣйствительно можно было подумать, что мы, въ качествѣ рабовъ, были присоединены къ великому россійскому государству. Окружающіе царя не только ничего не дѣлали, чтобы облегчить жизнь хозяевамъ, но, наоборотъ, держались съ такимъ высокомѣріемъ, которое непріятно поражало бы даже въ томъ случаѣ, если бы насъ всѣхъ въ самомъ дѣлѣ,

закованными въ цѣпи, потащили въ Москву. При этомъ всѣ ихъ капризы должны были исполняться, и послѣднiй русскiй конюхъ не долженъ былъ имѣть повода къ жалобѣ». Реакцiя привела страну къ внѣшнему безсилiю и внутреннему разложенiю. Но ко второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ реакцiя достигаетъ зенита и начинаетъ клониться къ упадку. Крымская война и ея позорный для русскаго правительства исходъ наноситъ серьезный ударъ не только русской, но и прусской реакцiи, сотворившей себѣ кумира изъ императора Николая I. Крымскiй разгромъ вызвалъ смятенiе и растерянность въ правящей реакцiи Пруссiи, заставивъ усумниться, такъ ли уже прочна прусская реакцiя, если русская, передъ которой раболѣпно поклонялись, оказалась колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. А историческiя событiя складывались все менѣе благопрiятно для прусскаго правительства. Во всей Европѣ чувствовалось дуновенiе новаго общественнаго оживленiя. Даже на востокѣ Европы умеръ наиболѣе законченный и цѣльный представитель реакцiи, подготовлялось освобожденiе крестьянъ и поднималось общественное оживленiе, изъ Францiи и Италiи начинали доноситься революцiонные раскаты. Торговый кризисъ 1857 года усиливалъ общественное и политическое оживленiе. На смѣну жирнымъ годамъ промышленнаго подъема шли тощiе годы кризиса. Сжиманiе производства выбрасывало на рынокъ массу безпокойнаго и озлобленнаго безпокойнаго люда. Плохая конъюнктура умѣрила промышленный пылъ буржуазной интеллигенцiи и позволила ей отдать больше силъ и вниманiя общественнымъ дѣламъ и вопросамъ.

А въ это же время и въ самой Германiи назрѣвали новыя событiя. Фридрихъ-Вильгельмъ угасалъ. Придворная камарилья, давно превратившая короля въ своего медiума, всячески старалась скрыть явную неспособность короля къ управленiю государствомъ. Около постели разбитаго параличемъ и съ померкнувшимъ разумомъ короля происходитъ отвратительная борьба интригъ, мелкихъ заговоровъ, политическихъ подлоговъ.

Въ сентябрѣ 1857 г. короля постигаетъ второй ударъ, лишающiй его языка и разсудка. Министерство Мантейфеля и придворная камарилья напрягаютъ всѣ усилiя, чтобы помѣшать брату короля, принцу Вильгельму, слывшему «либераломъ», занять престолъ. Настаивая на возможности выздоровленiя короля, министерство добивается, чтобы принцъ Вильгельмъ временно лишь исполнялъ обязанности короля, будучи лишеннымъ правъ послѣдняго и прежде всего права смѣны министерства.

Въ роли замѣстителя короля принцъ Вильгельмъ остается до іюля 1858 года. Хотя положеніе короля и продолжало быть безнадежнымъ, но министерство Мантейфеля находитъ услужливое медицинское свѣтило, которое спѣшитъ подать надежды на выздоровленіе Фридриха - Вильгельма. За кулисами политики наскоро тогда создается планъ устраненія «либеральнаго» принца Вильгельма. Орудіемъ этого дворцоваго переворота хотятъ избрать королеву, которая и должна стать маріонеткой въ рукахъ поднявшей голову кучки придворныхъ интригановъ. Въ эту сѣть интригъ пытаются увлечь и Бисмарка. Но для него такія рукодѣльныя сѣти оказываются слишкомъ мизерными. Онъ наотрѣзъ отказывается принять участіе въ «гаремномъ правительствѣ». **Регентство.**

Положеніе короля такъ рѣзко ухудшилось, что министръ Мантейфель счелъ необходимымъ 7 окт. 1858 г. дать ему подписать приказъ о назначеніи регентомъ брата Вильгельма. Въ безсильной ярости трубадуръ реакціи Герлахъ заявляетъ, что вся игра спутана и сразу «половина верховной власти выброшена въ окошко».

Назначеніе регентомъ Вильгельма вызываетъ въ либеральномъ обществѣ Германіи всеобщее ликованіе. Начинается, послѣ лютыхъ морозовъ реакціи, либеральная оттепель. Вильгельмъ даетъ отставку реакціонному министерству Мантейфеля и замѣняетъ его либеральнымъ министерствомъ гр. Шверина. Когда новое министерство сформировалось, Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой явно отразилась вся безпомощность, путанность и безцвѣтность его политическаго міросозерцанія. Но нѣмецкое общество такъ привыкло за годъ реакціи къ выговорамъ, окрикамъ и угрозамъ, что туманныя, малосодержательныя, но мягкія слова Вильгельма вызываютъ всеобщее размягченіе сердецъ либеральныхъ бюргеровъ. **Новая эра.**

«Понять, оцѣнить, провести въ жизнь требованія времени — вотъ въ чемъ заключается тайна государственной мудрости. Крайностей при этомъ должно избѣгать... Обѣщанное необходимо свято выполнить... Если во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства будутъ проявляться правда, законность и послѣдовательность, то правительство будетъ твердо, ибо у него совѣсть чиста, а при чистой совѣсти является право властно противиться всякому злу». Въ дальнѣйшемъ Вильгельмъ развивалъ идеи, весьма напоминавшія идеи его брата. Но размякшая либеральная оппозиція не хотѣла слышать этихъ отрезвляющихъ словъ и изъ рас-

плывчатой рѣчи Вильгельма вылавливала «либеральныя» слова и упивалась ими.

Только стремленіе избѣжать политической борьбы, только потребность въ мирной политической работѣ, только отсутствіе боевого политическаго темперамента могли заставить нѣмецкое либеральное общество такъ восторженно сложить оружіе у ногъ Вильгельма и радостно на всю страну провозгласить наступленіе «новой эры», — эры довѣрія.

Либеральные органы и дѣятели принялись призывать себя и другихъ не мѣшать правительству, не раздражать его, показать ему полную готовность общества пойти навстрѣчу. Эта политическая мечтательность и довѣрчивость зашла такъ далеко, что заслуженные вожди либерализма заявили, что они не примутъ никакого участія въ открывшейся избирательной кампаніи 1858 года, такъ какъ ихъ избраніе въ парламентъ можетъ затруднить правительство, заставивъ его имѣть дѣло съ людьми «такого прошлаго».

Выборы 1858 года проходятъ подъ знакомъ «довѣрія» либераловъ къ правительству. Выборы эти должны были возвѣстить, что реакція въ Германіи скончалась и наступила «новая эра» совмѣстной работы правительства и общества.

Но отпѣтая либералами реакція была еще жива, и Вильгельмъ менѣе всего подходилъ къ роли сразившаго ее героя-освободителя. Отъ своего увлекающагося брата онъ отличался большею сухостью, разсудочностью и сдержанностью. Онъ не склоненъ былъ, подобно брату, рваться въ облака политической романтики, у него не было чувства мести и злости по отношенію къ «либераламъ». Но и сочувствія не было къ нимъ. Новыя идеи, новые люди, новыя отношенія были ему чужды. Онъ мирился съ ними, но съ несомнѣннымъ душевнымъ прискорбіемъ. Онъ былъ слишкомъ мнителенъ, слишкомъ нерѣшительнымъ для реакціонныхъ ударовъ и насилій, но итти въ ногу съ обществомъ онъ тоже не могъ. Вильгельмъ менѣе всего походилъ на того конституціоннаго монарха, которымъ рисовали его самимъ себѣ нѣмецкіе либералы, жаждавшіе положительной работы и закрывавшіе глаза на необходимость политической борьбы.

Очень скоро пришлось имъ убѣдиться, что провозглашенное ими политическимъ лозунгомъ «довѣріе» не было взаимнымъ. Они питали довѣріе къ правительству Вильгельма, но правительство Вильгельма не питало довѣрія къ нимъ.

Новая палата открываетъ свои засѣданія въ январѣ 1859 года. Число либераловъ, настроенныхъ чрезвычайно правительственно, сильно возросло. Вмѣсто прежнихъ 57 мѣстъ они располагаютъ теперь 210. Консерваторы понесли сильное пораженіе: изъ 240 прежнихъ мѣстъ они удерживаютъ въ новой палатѣ лишь 60.

При такомъ составѣ и настроеніи палаты можно было ожидать, что ея работа пойдетъ по широкому и спокойному руслу мирнаго политическаго довѣрія и сотрудничества сильнѣйшей либеральной партіи и «либеральнаго» правительства.

Но Вильгельмъ думалъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ мечтали либералы. Его вдохновляли прежде всего военные планы. Тутъ была его область. Усердный и убѣжденный служака, онъ мечталъ о военныхъ проектахъ, въ сравненіи съ которыми всякіе гражданскіе не могли имѣть серьезнаго значенія.

Либеральная партія сначала съ недоумѣніемъ, а затѣмъ съ растущимъ раздраженіемъ встрѣчаетъ политическія выступленія правительства. Верхняя палата становится камнемъ преткновенія для самыхъ умѣренныхъ законопроектовъ, и Вильгельмъ наотрѣзъ отказывается пойти навстрѣчу требованіямъ либераловъ и сломить противодѣйствіе верхней палаты. Вся администрація, подобранная и воспитанная реакціоннымъ режимомъ, остается на мѣстахъ, и смолкнувшія жалобы на ея невѣжество, грубость и беззаконія вновь наполняютъ страну.

Военная реформа.

Новой палатѣ, вмѣсто того, чтобы заняться переустройствомъ и обновленіемъ гражданской жизни, приходится съ перваго же года столкнуться съ военнымъ законопроектомъ, въ которомъ милитаристическія увлеченія Вильгельма раскрываются во всю ширь. Въ томъ же 1859 году военнымъ министромъ назначается генералъ Роонъ, которому суждено было сыграть чрезвычайно видную роль въ развитіи дальнѣйшихъ политическихъ событій. Генералъ Роонъ былъ талантливымъ стратегомъ и виднымъ реакціонеромъ. Съ его именемъ у нѣмецкаго общества связаны были очень непріятныя политическія воспоминанія. Его назначеніе на постъ министра въ тѣ дни, когда еще были новы всѣ впечатлѣнія новой эры, когда отъ короля терпѣливо и увѣренно ждали либеральныхъ дѣлъ, подѣйствовало какъ ушатъ холодной воды. Внесеніе въ первую же сессію непопулярнаго военнаго законопроекта и назначеніе на постъ военнаго министра завзятаго реакціонера принимается либералами, какъ открытый вызовъ. И съ первой же сессіи палаты

«новой эры» вскрываются острыя противорѣчія между правительствомъ и обществомъ.

Въ 1861 году умираетъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и на престолъ вступаетъ Вильгельмъ. Его первая рѣчь показала, что и эра либеральныхъ словъ отошла въ вѣчность. Центральнымъ мѣстомъ тронной рѣчи была военная реформа. Въ глазахъ Вильгельма реформа арміи заслонила всѣ другіе вопросы. Армія стала единственной ареной для реформъ. Либеральное министерство гр. Шверина было парализовано нежеланіемъ короля заняться штатскими реформами, усилившимися натисками и происками камарильи, обструкціей верхней палаты и реакціоннаго административнаго механизма.

Выдвинутая на первый планъ военная реформа вызываетъ ожесточенную политическую борьбу. Либеральная партія готова была признать необходимость этой реформы и отпустить нужныя для этого средства. Но въ то время, какъ правительство всю политическую жизнь разсматривало черезъ призму этой реформы, либеральная оппозиція смотрѣла на военную реформу черезъ призму общеполитическаго положенія. И въ итогѣ правительство видѣло въ либералахъ то, что имъ было въ сущности чуждо—отсутствіе патріотической готовности къ вооруженію страны. А либералы видѣли въ военномъ законопроектѣ то, что въ немъ, несомнѣнно, было—сильную реакціонную примѣсь. Либеральная оппозиція вноситъ въ законопроектъ поправку—двухлѣтнюю службу вмѣсто трехлѣтней и сохраненіе за ландверомъ прежняго значенія.

Военный законопроектъ становится фокусомъ политической жизни. Борьба за и противъ этого законопроекта все болѣе разрастается въ борьбу за и противъ реакціи. Если вначалѣ еще казалось, что проектъ вызываетъ разногласія лишь техническаго характера, легко устранимыя при взаимной уступчивости, то уже очень скоро для обѣихъ сторонъ и для всей страны яснымъ становится, что происходитъ пока осторожная и сдержанная, но все болѣе увлекающая и озлобляющая обѣ стороны политическая схватка, проба политическихъ силъ. Реакціонное правительство и либеральная оппозиція держатся вначалѣ чрезвычайно осторожно, нащупывая силы и стремленія другъ друга. Либеральная оппозиція менѣе всего склонна была бороться противъ реформы и усиленія арміи. Необходимость этого она признавала съ излишнею экспансивностью и вѣрноподданностью. Но помимо указанныхъ поправокъ по существу она боялась, что тою реформою, которая внесена,

армія окончательно будетъ превращена въ орудіе реакціи, и, проведя нужную ему военную реформу, правительство еще больше будетъ третировать народное представительство.

Король Вильгельмъ, въ свою очередь, неохотно шелъ навстрѣчу назрѣвающему политическому конфликту. Отличаясь политическою мнительностью, онъ только по настоянію придворной камарильи и браваго министра Роона отказался отъ уступокъ, которыя готовъ былъ сдѣлать палатѣ.

Палата ассигновала 9 милліоновъ талеровъ на усиленіе арміи. Этимъ голосованіемъ палата подчеркнула, что готова содѣйствовать росту и усиленію военнаго вооруженія страны, но военный законопроектъ она приметъ тогда, когда его составятъ и проведутъ такъ, что это будетъ свидѣтельствовать о готовности правительства считаться съ мнѣніемъ народныхъ представителей.

Но министръ Роонъ не даромъ былъ поклонникъ политики дѣла. Получивъ ассигнованные милліоны, онъ спокойно принялся съ ихъ помощью проводить намѣченную правительствомъ реорганизацію арміи. Военный законопроектъ правительства, не встрѣтившій одобренія палаты, вводился какъ бы явочнымъ порядкомъ. Хотя и въ ближайшемъ году палата возобновила ассигновку на усиленіе арміи, но ассигновка эта была принята такимъ ничтожнымъ большинствомъ и повлекла за собою столь непріятное для правительства заявленіе, что дѣлается это въ послѣдній разъ, что обѣимъ ясно стало, что наступилъ конфликтъ, который заполнитъ всю жизнь парламента.

Министръ Роонъ требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій. Король Вильгельмъ колебался. Но отказаться отъ военной реформы въ ея правительственномъ видѣ для короля означало отказаться и отъ излюбленнаго дѣла и отъ сильнаго у него абсолютистическаго самолюбія.

Начало конфликта.

А камарилья убѣждала, что страна на сторонѣ правительства, что военная реформа пользуется въ обществѣ популярностью и лишь кучка либеральныхъ болтуновъ, тоскующихъ по политической власти, чинитъ препятствія. Послѣ долгихъ колебаній король рѣшаетъ распустить палату.

Правительство принимается готовить выборы. Разсылаются циркуляры, посылаются эмиссары оказать давленіе на всѣхъ лицъ, находящихся въ зависимости отъ правительства. Владу кипитъ оживленная дѣятельность подготовленія выборовъ въ желательномъ для правительства духѣ.

Но и либеральныя группы развертываютъ необыкновенно энергичную и умѣлую дѣятельность. Они организуютъ группы, кружки, собранія, разсылаютъ воззванія и образуютъ нѣмецкую партію прогрессистовъ, сразу получающую крупное политическое значеніе.

Партія прогрессистовъ выпускаетъ свое первое избирательное воззваніе, помѣченное 9 іюня 1861 года.

«Насущныя задачи времени, неопредѣленность внѣшняго положенія,—гласитъ, между прочимъ, это воззваніе,—внутреннія неурядицы, которыя не могла устранить палата, — все это заставляетъ каждаго гражданина съ энергіей и мужествомъ выполнить свои политическія обязанности».

Разбирая военный законопроектъ и вскрывая его реакціонные элементы, воззваніе зоветъ къ борьбѣ съ крѣпнущей реакціей и указываетъ на то, что палата останется безсильна, пока не будетъ сломлено господство «палаты господъ».

Избирательная кампанія прошла необыкновенно оживленно. Вся страна была взбудоражена и всѣ полноправные граждане поспѣшили принять участіе въ политическомъ поединкѣ между оппозиціей и правительствомъ.

Исходъ кампаніи привелъ къ необыкновенно блестящимъ для прогрессистовъ результатамъ. Выборы 5 дек. 1861 года вмѣсто того, чтобы разсѣять либеральное большинство палаты, какъ надѣялось правительство, привели къ неожиданному для самихъ либераловъ ихъ усиленію. Новая партія прогрессистовъ сразу провела въ палату 140 депутатовъ. Въ палатѣ прогрессисты раздѣлились на двѣ фракціи — основную, насчитывавшую 88 членовъ, и такъ наз. «тихую»—изъ 21 члена. Нѣсколько десятковъ депутатовъ примыкало къ прогрессистамъ, не записываясь по фракціямъ. Остальныя либеральныя фракціи тоже распадались на фракціи — фракцію Грабова, насчитывавшую 95 членовъ, либеральный центръ, вождемъ котораго былъ Гаркортъ, и т. д. Въ общемъ итогѣ въ новой палатѣ либералы распологали 235 мѣстами изъ 352. Президентомъ палаты избранъ былъ либералъ Грабовъ. Выборы нанесли правительству серьезный ударъ. Палата значительно полѣвѣла и, окунувшись въ народную стихію, набралась новой силы и смѣлости. Нечего было и думать при такомъ составѣ палаты продолжать старую политическую линію и проводить военный законопроектъ, не рѣшаясь вмѣстѣ или рѣшительно порвать, или рѣшительно сговориться съ палатою.

Правительство первое время держится предупредительно и не обнаруживаетъ никакого намѣренія итти на рѣшительныя дѣйствія. Король Вильгельмъ, чрезвычайно встревоженный и разочарованный результатами выборовъ, перестаетъ внимать совѣтамъ камарильи, толкающей его на разрывъ съ палатою.

Когда 14 янв. 1862 года открывается первая сессія новой палаты, правительство спѣшитъ внести цѣлый ассортиментъ либеральныхъ проектовъ. Тутъ и проектъ объ отмѣнѣ помѣщичьей полиціи, и проектъ реформы мѣстнаго самоуправленія, и даже законопроектъ объ отвѣтственности министровъ. Палата дѣловито и обстоятельно обсудила и охотно принимала тѣ проекты, которые находила своевременными, но обѣ стороны понимали и чувствовали, что все это лишь политическіе маневры передъ надвигающимся сраженіемъ.

Вопросъ о военной реформѣ вновь надвигался. И его обсужденіе вновь должно было раскрыть силы и планы обѣихъ сторонъ.

Въ засѣданіи комиссіи министръ Роонъ дѣлаетъ 5 марта заявленіе, что правительство смотритъ на трехлѣтнюю службу, какъ на утвержденный законъ. Палата можетъ обсуждать лишь его финансовую сторону. И на этой почвѣ можно сталкиваться. Но трехлѣтняя служба уже рѣшена, и палатѣ остается лишь принять это къ свѣдѣнію.

Это заявленіе сразу показало, что правительство не уступитъ въ вопросѣ о военной реформѣ. Конфликтъ становился неизбѣжнымъ. Король Вильгельмъ по обыкновенію колебался изъ стороны въ сторону. Министръ Роонъ настаивалъ на новомъ роспускѣ палаты. Обсужденіе вопроса о реформѣ бюджета сразу усилило позицію Роона. Прогрессисты внесли законопроектъ о большой детализаціи бюджета. Указывалось, что вносимая роспись страдаетъ слишкомъ большою расплывчатостью и неопредѣленностью отдѣльныхъ статей расхода, чѣмъ широко пользуются министры, тратя средства совсѣмъ не на то, на что уполномачиваетъ роспись.

Министерство увидѣло въ этомъ принятомъ палатою законопроектѣ актъ недовѣрія. Министерство подаетъ королю 8 марта просьбу объ отставкѣ. Король отклоняетъ эту просьбу и созываетъ совѣтъ министровъ. И вновь военному министру Роону удается добиться роспуска палаты, но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь принимается отставка и министерства. Палата депутатовъ распускается указомъ 11 марта, а 18 марта выходятъ въ отставку всѣ мини-

стры, и 19 составляется новое консервативное министерство съ Рономъ, фонъ-Гейдтомъ и Гогенлоэ во главѣ.

Конецъ «новой эры».

Съ назначеніемъ этого на подборъ консервативнаго министерства была официально похоронена «новая эра» довѣрія и офиціально провозглашенъ и признанъ былъ конфликтъ правительства и палаты.

Началась новая жаркая избирательная кампанія Консервативное министерство меньше всего стѣснялось въ средствахъ, которыя вели бы къ цѣли созданія послушной палаты. Неслыханныя давленія и злоупотребленія пускались безъ малѣйшаго смущенія и стѣсненія. Но и либеральная партія развернула широкую дѣятельность. Въ избирательномъ воззваніи центральнаго комитета прогрессистовъ изложены были разочарованія либераловъ, уповавшихъ на «новую эру» довѣрія.

«Тѣ люди,—говорится въ этомъ воззваніи,—которымъ Его Величество въ 1858 г. ввѣрилъ правленіе при радостномъ привѣтствіи народа, не вступили на путь реформъ. Обѣщанія закончить нашу въ существенныхъ пунктахъ недостроенную конституцію, точно такъ же, какъ и проведеніе крупныхъ законопроектовъ, не были осуществлены... Палата депутатовъ была безсильна осуществить что-либо въ области законодательства и администраціи... Ея сила была въ контролѣ надъ расходованіемъ народныхъ средствъ. Неотвратимая обязанность повелѣвала по мѣрѣ совѣсти и разумѣнія использовать эту силу. Но правительство считало лишь за собою рѣшающее слово, оно не освободилось отъ абсолютистическаго убѣжденія, что уступать должны правительству, что ему, а не оно должно итти навстрѣчу».

Въ воззваніи подвергается далѣе обстоятельной критикѣ военный законопроектъ и вновь указывается его реакціонный характеръ.

Король обращается 20 марта 1863 г. съ указомъ по поводу предстоящихъ выборовъ. Администраціи предписывается разъяснять избирателямъ «истинныя цѣли правительства». «Моя обязанность и мое желаніе,—говоритъ въ этомъ указѣ Вильгельмъ,—обезпечить конституцію, которой я присягалъ, и не нарушать правъ народнаго представительства. Но въ равной степени долженъ я хранить права короны».

Ландраты послѣ изданія этого указа принялись наводнять страну своими разъясненіями избирателямъ «видовъ правительства».

Но избиратели остались глухи къ пропагандѣ ландратовъ, и выборы 6-го мая ввели въ палату депутатовъ еще болѣе импозантное либеральное большинство. Еще никогда Пруссія не отмѣчала такого сильнаго участія въ выборахъ. Всѣ спѣшили къ урнамъ, сознавая важность историческаго момента. Либеральная оппозиція завладѣла двумя третями палаты.

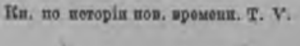
Этотъ составъ палаты заранѣе предсказывалъ всю неизбѣжность страстныхъ и затяжныхъ политическихъ конфликтовъ.

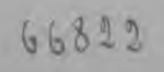
11 сент. началось въ палатѣ семидневное обсужденіе военнаго бюджета. Полился густой дождь рѣчей. Въ лѣтописяхъ нѣмецкаго парламентаризма эта семидневная война оппозиціи съ правительствомъ по темпераменту и краснорѣчію занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Съ рѣчами выступили Вирховъ, Гнейстъ, Вальдекъ, Шульце-Деличъ. Они вскрыли глубокій конституціонный конфликтъ, скрытый въ борьбѣ за и противъ военной реформы. «Не объ одномъ военномъ вопросѣ, — говорилъ Шульце-Деличъ, — идетъ тутъ дѣло. Нѣтъ, передъ нами вопросъ о конституціонныхъ правомочіяхъ народнаго представительства. Если мы уступимъ, то навсегда потеряемъ возможность чего-либо добиться. Мы боремся за самыя основы нашей конституціонной свободы. Мы боремся за будущность націи». Голосованіемъ 23 сентября военный законопроектъ былъ отклоненъ въ палатѣ большинствомъ 308 голосовъ противъ одиннадцати!

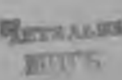
Правительство вновь потерпѣло жестокое пораженіе, и прежняя дилемма во всей остротѣ стояла передъ нимъ.

Бисмаркъ.

Король Вильгельмъ метался изъ стороны въ сторону. Ему мерещились революціонные ужасы. Онъ потерялъ вѣру въ возможность обузданія и укрощенія оппозиціи. Роспускъ палаты, несмотря на всю энергію администраціи, каждый разъ приводилъ къ усиленію оппозиціи. Вильгельмъ готовъ былъ пойти на уступки, готовъ былъ даже отказаться отъ престола. Но и на этотъ разъ спасителемъ реакціи явился министръ Роонъ. — Онъ убѣдилъ короля призвать къ власти сильнаго человѣка, который разрубитъ гордіевъ узелъ спутавшихся политическихъ отношеній. Этимъ сильнымъ человѣкомъ былъ Бисмаркъ, и 24 сентября 1862 г. онъ вступаетъ въ министерство. Имя Бисмарка уже до этого назначенія часто мелькаетъ въ политической хроникѣ. Революціонные мартовскіе дни вызываютъ у него взрывъ реакціонныхъ страстей. Онъ мечтаетъ о кровавыхъ репрессіяхъ, онъ весь охваченъ чув-

ствомъ соціальной и политической мести. Въ этомъ отношеніи Бисмаркъ былъ типичнымъ реакціоннымъ юнкеромъ, ослѣпленнымъ и озлобленнымъ революціонными событіями 1848 года. Но въ отличіе отъ другихъ Бисмаркъ пересталъ быть только реакціоннымъ помѣщикомъ. Послѣдовавшія за революціей событія многому его научили и о многомъ заставили забыть. Одаренный большимъ политическимъ темпераментомъ, стальною волею и холоднымъ политическимъ расчетомъ, Бисмаркъ отлично умѣлъ оцѣнить существующее соотношеніе силъ. Внимательно наблюдая разрастающійся конституціонный конфликтъ, онъ отлично понялъ, что либеральная оппозиція больше пугаетъ словами, чѣмъ страшна на дѣлѣ. Онъ отлично видѣлъ то самое, что узрѣлъ и его геніальный антиподъ — Лассаль [1]). Онъ проницательно подмѣтилъ, что либеральная оппозиція ведетъ чисто словесную политическую компанію, что отъ ея парламентскаго краснорѣчія не идетъ приводный ремень къ народной дѣятельности, что она изолирована отъ народа, что она находится во власти конституціонныхъ иллюзій.

Лассаль пламенно призывалъ къ преодолѣнію конституціонныхъ иллюзій, Бисмаркъ широко использовалъ для своихъ цѣлей ихъ существованіе. Онъ убѣдилъ Вильгельма, что у правительства достаточно силы, чтобы проводить свою политику, не считаясь съ оппозиціей палаты. Но Бисмаркъ не былъ противникомъ конституціоннаго строя — въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ многому научился изъ послѣ-революціоннаго періода и излѣчился отъ буйнаго реакціонерства. Еще во время регентства Вильгельма онъ на вопросъ послѣдняго отвѣтилъ, что не сочувствуетъ упраздненію конституціи. Онъ, какъ мы видѣли, наотрѣзъ отказался отъ участія въ «гаремномъ правительствѣ». Конфликтъ съ палатой его, несомнѣнно, тяготилъ, но страха передъ этимъ онъ не испытывалъ. Хотя и писалъ онъ, что «не спитъ ни одной ночи» изъ-за политическихъ безпокойствъ, но это была риторическая фраза. Спалъ онъ спокойнымъ сномъ не праведника, а человѣка знающаго, что сила въ его рукахъ. А послѣ-революціонный періодъ научилъ и Бисмарка и Лассаля тому, что, располагая политическою силою, нѣтъ основаній бояться политическихъ формулъ, какъ бы красиво и правильно не были онѣ построены.

---

[1]) См. статью «Фердинандъ Лассаль».

Съ грубымъ цинизмомъ Бисмаркъ выразилъ эту истину, до которой дострадались и додумались и революціонные вожди, и на которую закрывала глаза, увлекаясь конституціоннымъ краснорѣчіемъ, либеральная оппозиція.

Черезъ пять дней послѣ своего вступленія въ министерство Бисмаркъ появляется въ палатѣ. Его первая рѣчь носитъ примирительный характеръ. Правительство, заявляетъ онъ, беретъ назадъ военный законопроектъ, чтобы внести его въ ближайшую сессію. Предстоящая сессія пусть будетъ временемъ перемирія. Правительство стремится къ заключенію мира съ палатою.

Обостреніе конфликта.

Но эта вялая рѣчь, конечно, никого не обманула и не успокоила. Перемиріе не наступило, и на слѣдующій же день въ бюджетной комиссіи конфликтъ вскрылся во всей своей непримиримости. Тутъ рѣзко столкнулись два политическихъ воззрѣнія. Либеральная оппозиція доказывала недопустимость съ конституціонной точки зрѣнія использованія на практикѣ бюджета, отвергнутаго ею, а Бисмаркъ доказывалъ, что и буква конституціи на этотъ счетъ не ясна и допускаетъ двойное толкованіе, и что правительство вынуждено будетъ поступить такъ, какъ ему велитъ патріотическій долгъ. «Германія, — заявляетъ онъ вызывающе, — уповаетъ не на либерализмъ Пруссіи, а на ея силу. Пруссія должна сосредоточить свои силы для того, чтобы не пропустить, какъ уже не разъ случалось, благопріятный моментъ. Великіе вопросы будутъ разрѣшены не рѣчами и резолюціями, а желѣзомъ и кровью». Слова Бисмарка вызываютъ негодующій шумъ. Съ демонстративною подчеркнутостью тутъ былъ провозглашенъ полный разрывъ съ либеральной оппозиціей. Палата шумѣла, какъ обозленный улей. Лучшіе ораторы оппозиціи горѣли желаніемъ скрестить свои шпаги съ рыцаремъ крови и желѣза. Конфликтъ назрѣлъ вполнѣ. Правительство, опираясь на верхнюю палату, послушно утверждавшую бюджетъ, не обнаруживаетъ растерянности и заявляетъ о твердомъ рѣшеніи править съ помощью бюджета, отвергнутаго нижней палатой. 13 октября нижняя палата единогласно признаетъ незаконность дѣйствій правительства, а въ составленной Бисмаркомъ тронной рѣчи по случаю закрытія сессіи подчеркивается, что правительство вынуждено проводить бюджетъ безъ соблюденія конституціонныхъ правилъ. Новая сессія палаты, открывающаяся 14 янв. 1863 года, протекаетъ въ чрезвычайно повышенной атмосферѣ и въ самой палатѣ и внѣ ея.

Конституціонный конфликтъ привлекаетъ къ себѣ напряженное политическое вниманіе страны.

Въ концѣ января начинается обсужденіе адреса палаты въ отвѣтъ на тронную рѣчь короля. Адресъ, составленный Вирховымъ и Карловицемъ, указываетъ на нарушеніе конституціи со стороны правительства и на неслыханныя въ свободныхъ государствахъ гоненія на оппозиціонную печать.

Съ очень характерною рѣчью выступаетъ Бисмаркъ. «Этотъ адресъ,—заявляетъ онъ,—отнимаетъ у королевскаго дома Гогенцоллерновъ конституціонныя права и отдаетъ ихъ въ руки большинства палаты». «Вся конституціонная жизнь, — продолжаетъ Бисмаркъ, — есть рядъ компромиссовъ. Если одна изъ сторонъ будетъ съ доктринерскимъ упрямствомъ добиваться, во что бы то ни стало, осуществленія своей воли, то цѣпь компромиссовъ будетъ разорвана и ихъ мѣсто займутъ конфликты. А такъ какъ государственная жизнь пріостановиться не можетъ, то вопросы конституціи станутъ вопросами силы». Съ наивнымъ недоумѣніемъ гр. Шверинъ, бывшій министръ либеральнаго кабинета, воскликнулъ: «Значитъ, сила идетъ впереди права?»—«На чьей сторонѣ сила, — отвѣтилъ Бисмаркъ, — тотъ и вынужденъ будетъ пустить ее въ ходъ». Адресъ былъ принятъ большинствомъ 225 голосовъ противъ 58. Король отказалъ депутаціи съ адресомъ въ пріемѣ и адресъ ему послали.

Вся сессія проходитъ въ крайне нервномъ и напряженномъ состояніи. Министры, оскорбленные замѣчаніемъ, сдѣланнымъ одному изъ нихъ (Роону) предсѣдателемъ палаты, устраиваютъ забастовку и заявляютъ, что они не явятся въ палату, пока имъ не гарантируютъ неприкосновенности по отношенію къ замѣчаніямъ предсѣдателя. Въ конфликтъ вмѣшивается король, который въ своемъ указѣ отъ 20 мая раздраженно дѣлаетъ выговоръ палатѣ. Палата вновь отвѣчаетъ адресомъ, указывая на необходимость оградитъ палату отъ вызывающаго поведенія министровъ, а не наоборотъ. Сессія закрывается рѣчью президента Грабова, указывающаго, что страна переживаетъ тяжелое время борьбы за сохраненіе съ такими жертвами добытыхъ конституціонныхъ гарантій.

Дальнѣйшая работа парламента протекала все въ томъ же направленіи. Одна сессія за другою выдвигала талантливыхъ ораторовъ, на новыхъ примѣрахъ демонстрировавшихъ реакціонность и противоконституціонность правительственной политики. Но это мало смущало Бисмарка. Правительство прибѣгало попрежнему

и къ роспуску палаты, каждый разъ лишь усиливавшему ея оппозиціонность, и къ драконовскимъ мѣрамъ противъ печати, вызвавшимъ возмущеніе во всей странѣ и протесты со стороны городскихъ самоуправленій, и къ судебному преслѣдованію депутатовъ за рѣчи въ палатѣ.

Въ палатѣ депутатъ Форкенбекъ съ горечью восклицалъ: «Шестнадцать лѣтъ существуетъ наша конституція и во что она превратилась? Въ конституціи говорится объ отвѣтственности министровъ, которые за нарушеніе конституціи привлекаются къ судебной отвѣтственности. Въ конституціи говорится далѣе, что мы, депутаты, не несемъ отвѣтственности, а министры отвѣтственны. А высшій трибуналъ считаетъ насъ, а не министровъ, отвѣтственными. Это каррикатура конституціи».

Война 1866 г.

Надвигалась война съ Австріей, что въ сущности составляло смыслъ всей политики Бисмарка. Бисмаркъ давно и систематически подготовлялъ эту войну. Для нея, главнымъ образомъ, нужна была реорганизація арміи, ради нея, главнымъ образомъ, онъ пошелъ навстрѣчу затяжному и острому конституціонному конфликту. Для объединенія Германіи подъ протекторатомъ Пруссіи, о которомъ мечтали и Бисмаркъ и значительная часть либераловъ, нуженъ былъ, по убѣжденію Бисмарка, предварительный разгромъ Австріи. Къ нему Бисмаркъ готовился съ несокрушимой и неослабѣвающей энергіей. Но Бисмарку нужны были для войны деньги и деньги. И онъ пытается войти въ какое-либо соглашеніе съ палатою, чтобы она не препятствовала прочности финансовой стороны войны. Между Бисмаркомъ и видными депутатами оппозиціи въ строгой тайнѣ ведутся переговоры, содержаніе которыхъ опубликовано было значительно позже. Депутатъ Твестенъ въ переговорахъ съ Бисмаркомъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ возстановленіе бюджетныхъ правъ палаты. Онъ требуетъ, чтобы король сдѣлалъ заявленіе въ тронной рѣчи, что въ будущемъ бюджетныя права палаты будутъ соблюдаться въ неприкосновенности. Король наотрѣзъ отказывается принять эти условія. Бисмаркъ пробуетъ продолжать переговоры съ другимъ депутатомъ — фонъ Унру. Эти переговоры не привели ни къ чему.

Война явилась новымъ фактомъ, перепутавшимъ прежнія группировки и внесшимъ расколъ въ либеральную партію. Прогрессисты сочувствовали объединенію Германіи, но война съ «единокровной» Австріей вызвала со стороны многихъ изъ нихъ рѣшительное осужденіе. Но это настроеніе далеко не было господствую-

щимъ въ либеральной партіи. Расколъ замѣчался и среди депутатовъ и среди избирателей. Когда послѣ роспуска палаты начались 9 мая 1866 г. выборы, то многіе либеральные избиратели ставили прогрессистамъ условіемъ переизбранія обѣщаніе голосовать за всякій заемъ для войны. Среди либеральныхъ избирателей распространилось недовольство прогрессистами — ихъ упрекали въ желаніи «морить голодомъ» армію. Правительство всячески старалось раздуть это настроеніе. Избирательная агитація велась подъ патріотическимъ флагомъ. И на этотъ разъ расчеты правительства оправдались. Прогрессисты потеряли почти половину мандатовъ.

Новая палата, которая должна была завершить длительный конституціонный конфликтъ и кодифицировать новое положеніе дѣла, состояла изъ 83 прогрессистовъ, 65 членовъ лѣваго центра, 26 старо-либераловъ, 142 консерваторовъ, 15 клерикаловъ и 21 поляка. Бисмаркъ держался торжествующимъ побѣдителемъ. Онъ считалъ, что блестящимъ разгромомъ Австріи одновременно одержалъ и внутреннюю и внѣшнюю побѣду и одновременно оправдалъ и свою внѣшнюю политику.

Индемнитетъ. Побѣдителей не судятъ — онъ требовалъ поэтому отъ палаты индемнитета. Въ тронной рѣчи, составленной Бисмаркомъ, король вполнѣ признавалъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ правительство опиралось на бюджетъ, проведенный съ нарушеніемъ конституціонныхъ правилъ. Это была печальная необходимость, такъ какъ нельзя было достигнуть соглашенія съ палатой.

Палата отвѣтила патріотическимъ адресомъ, къ которому присовокупила конституціонныя упованія. Принимая депутацію, вручившую этотъ адресъ, король Вильгельмъ поспѣшилъ охладить ея конституціонный пылъ. Онъ заявилъ, что во время конфликта правительство дѣйствовало такъ, какъ вынуждено было дѣйствовать. «И если вновь создадутся подобныя условія, оно вновь будетъ вынуждено поступить такимъ же образомъ».

Обсужденіе вопроса объ индемнитетѣ въ палатѣ вызвало среди либеральной партіи тотъ расколъ, который ясно уже намѣтился при первыхъ барабанныхъ звукахъ австро-прусской войны. Часть либераловъ, представленная Вальдекомъ, Гнейстомъ, Вирховымъ, Шульце-Деличемъ, высказалась противъ примиренія съ правительствомъ, другая же часть, съ Ласкеромъ и Твестеномъ во главѣ, за примиреніе.

Бисмаркъ произноситъ примирительную рѣчь. Зачѣмъ углубляться въ разборъ и критику прошлаго? Обѣ стороны, участвовавшія въ конфликтѣ, считаютъ себя правыми. Ликвидируемъ прошлое. «Мы хотимъ мира не потому, что чувствуемъ себя неспособными къ борьбѣ, а лишь потому, что миръ этотъ въ высокой степени необходимъ нашей родинѣ». Бисмаркъ обѣщаетъ, что отнынѣ правительство будетъ работать рука объ руку съ народнымъ представительствомъ. Депутаты меньшинства предостерегали палаты отъ подчиненія дирижорской палочкѣ Бисмарка, которому нужна теперь политическая симфонія, вмѣсто какофоніи періода конфликта. Неужели — восклицалъ Вальдекъ — мы откажемся отъ того, во имя чего такъ долго боролись? Правительство мы этимъ только убѣдимъ, что нарушеніе конституціи очень вяло исправляется и забывается. Противъ «мирной мелодіи» Бисмарка предостерегалъ палату и Гнейстъ. Принятіемъ индемнитета — заявилъ онъ — мы лишь легализируемъ и увѣковѣчимъ право министровъ заниматься истолкованіемъ конституціи. Пусть создадутъ отвѣтственность министровъ, и тогда мы поговоримъ объ индемнитетѣ. Въ такомъ же духѣ высказался и Вихровъ. Но другая часть либераловъ радостно направилась въ объятія Бисмарка. Устами Твестена она заявила, что довольно отрицательной работы, что либералы истомились по «положительной работѣ» и они должны пойти навстрѣчу правительству, которое провело блестящую войну и теперь протягиваетъ руку примиренія либераламъ. Послѣ долгихъ и длинныхъ рѣчей приступили къ голосованію.

Билль объ индемнитетѣ былъ принятъ значительнымъ большинствомъ—230 голосовъ противъ 75.

Этимъ голосованіемъ былъ положенъ конецъ «конституціонному конфликту». Правительство получило отъ укрощенной палаты отпущеніе своихъ антиконституціонныхъ грѣховъ. Голосованіе палаты вмѣстѣ съ тѣмъ показало, что война съ Австріей вызвала глубокій расколъ въ рядахъ либеральной партіи. Подъ барабанные звуки этой войны родилась нѣмецкая націоналъ-либеральная партія [1]). И партія прогрессистовъ, изъ нѣдра которой она выдѣлилась, вмѣстѣ съ окончаніемъ періода конфликта пережила свои героическіе дни.

Время конфликта оставило блестящій слѣдъ въ политической исторіи Германіи. Оно выдвинуло плеяду блестящихъ ораторовъ,

¹) См. статью В. Н. Перцева.

показало полное безсиліе правительства создать палату услужающихъ ему депутатовъ. Ни постоянные роспуски палатъ, ни безцеремонныя давленія на избирателей, ни затыканіе рта прессѣ, — ничто не помогло Бисмарку и его предшественникамъ. Во все время конституціоннаго конфликта оппозиціонность палаты росла. Несомнѣнно, что съ этой стороны конституціонный конфликтъ показалъ нѣмецкому правительству, что репрессіями нельзя составить угодную палату. Но, съ другой стороны, періодъ конституціоннаго конфликта остался лишь образцомъ блестящаго парламентскаго краснорѣчія.

Если прусское правительство повинно было въ антиконституціонныхъ грѣхахъ, то либеральная оппозиція эпохи конфликтовъ отличалась конституціоннымъ безплодіемъ. Ея упорная и блестящая борьба съ правительствомъ ни на іоту не содѣйствовала улучшенію конституціи. Бисмаркъ, которому одновременно удалось разгромить и Австрію и прогрессистское большинство, пріучилъ правительство къ мысли о возможности править страною, явно и открыто нарушая права палаты. Годы антиконституціоннаго бюджета были годами политическаго развращенія правительства, привыкшаго къ режиму чисто декоративнаго существованія парламента, права котораго попирались самымъ явнымъ и безцеремоннымъ образомъ. Прогрессистская партія не сумѣла использовать то во многихъ отношеніяхъ выигрышное положеніе, въ которомъ она находилась. Рабочая партія отсутствовала въ палатѣ. Рабочіе подавали свои голоса за прогрессистовъ.

Причины пораженія либераловъ.

Конституціонный конфликтъ, чѣмъ больше разгорался, тѣмъ больше изолировалъ правительство и тѣмъ тѣснѣе сплачивалъ страну. Прогрессистская партія становилась «вождемъ народа». Широкая и наступательная внѣшняя политика, нуждавшаяся въ налаженныхъ финансахъ, не могла обойтись безъ парламента. Это отлично сознавалъ Бисмаркъ, который, несмотря на весь свой цинизмъ и на все сознаніе, что сила въ его рукахъ, во все время конституціоннаго конфликта пытался перебросить мостъ примиренія между правительствомъ и палатою. Онъ то и дѣло пытался наладить какой-либо компромиссъ, отлично сознавая, что конституціонный строй неразрушимо связанъ съ судьбами Пруссіи. При этихъ условіяхъ прогрессистская партія должна была искать и легко нашла бы политическую дорогу къ «народу», она именно въ эту историческую минуту могла бы стать носительницей народнаго политическаго недовольства.

Но для этого, на ряду съ конституціонною компаніей, она должна была повести соціальную компанію. Она должна была вобрать въ свою программу соціальныя нужды и чаянія тѣхъ рабочихъ слоевъ, которые поддерживали ее при выборахъ. Но боязнь передъ рабочей демократіей была такъ велика, что прогрессисты обошли молчаніемъ соціальный вопросъ.

Они не сумѣли использовать политическое волненіе и возбужденіе страны для того, чтобы перенести борьбу съ реакціей за стѣны парламента, для того, чтобы вновь установить политическій токъ, прервавшійся послѣ революціи, между рабочей и буржуазной демократіей.

Несомнѣнно, что Бисмаркъ отлично понималъ, что оппозиція, изолированная отъ народа, не хотящая или не умѣющая придать народный характеръ своимъ выступленіямъ, не представляетъ большой опасности.

Палата, благодаря чисто отвлеченной и въ себѣ сосредоточенной тактикѣ прогрессистовъ, вела мнимое существованіе, была лишь бутафоріей конституціоннаго строя, нужной лишь для конституціоннаго вида.

Демократія, тогда еще малочисленная и безсильная, отлично поняла съ самаго начала конфликта, что тактика прогрессистовъ ведетъ къ укрѣпленію не конституціоннаго, а лже-конституціоннаго строя, и въ лицѣ Лассаля она повела блестящую компанію, цѣль которой была раскрыть глаза прогрессистамъ и заставить ихъ отъ слова перейти къ дѣлу [1]).

Но если выходъ, который указалъ Лассаль, при тогдашнихъ условіяхъ и не привелъ бы къ побѣдѣ надъ правительствомъ, то въ своей практической части Лассаль чрезвычайно мѣтко указалъ на слабыя стороны той отвлеченной борьбы за конституцію, которую вели прогрессисты и которая, если и сохранила ихъ конституціонную цѣломудренность, то лишь дорогою цѣною политическаго безплодія.

П. Берлинъ.

---

[1]) См. статью о Лассалѣ.

Фердинандъ Лассаль.

I.

Ростъ промышленности

Пятидесятые годы, бывшіе временемъ могучаго подъема для нѣмецкой буржуазіи, для рабочаго класса Германіи, наоборотъ, были порою самаго жалкаго прозябанія. Суровый полицейскій гнетъ донималъ рабочихъ повсюду. Шпіонство достигло невѣроятныхъ размѣровъ и въ корнѣ пресѣкало возможность протестовъ. Не поощряло протестовъ и экономическое положеніе рабочихъ. Какъ всегда въ періоды первоначальнаго накопленія, капиталъ особенно безжалостно эксплоатировалъ рабочій трудъ. Погоня за наживою принимала гомерическіе размѣры; гуманность, сострaданіе, соображенія разумной гигіэны, — все отступало на задній планъ передъ жаждою быстраго обогащенія. Пролетаризація совершалась при самыхъ суровыхъ условіяхъ. Но она шла все-таки не настолько быстро, чтобы сразу создать сильный, способный постоять за себя, пролетаріатъ. На пространствѣ всей союзной территоріи было только два пункта, гдѣ промышленность создала компактное рабочее населеніе: прусскій округъ Дюссельдорфъ и вся Саксонія. Въ общемъ всюду, за исключеніемъ Саксоніи, сельско-хозяйственное производство еще преобладало надъ промышленностью, а ремесленное — надъ фабричнымъ [2]). Правда, ремесло пришло въ большой упадокъ. Ручныхъ прядильщиковъ, которыхъ въ 1849 году насчитывали въ Пруссіи 84.286, въ 1861

Пособія. *Мерингъ*, Исторія соціалдемократовъ въ Германіи; *Онкенъ*, «Ферд. Лассаль»; *Брандесъ*, Лассаль; *Русановъ*, Соціалисты Запада и Россіи; *Классенъ*, Лассаль; *Дживелеговъ*, «Бисмаркъ и Лассаль».

---

[2]) Въ Пруссіи въ началѣ 60-хъ годовъ, на 3,5 милл. людей, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, приходилось 1 милл. занятыхъ въ ремесленномъ производствѣ и едва 0,75 м.—въ фабричномъ.

году едва оставалось 14.557. Число ручныхъ ткацкихъ станковъ Пруссіи въ промежутокъ между 1846 и 1861 годами упало съ 75.666 до 4.777, а число ткачей—съ 82.193 до 12.541. Прусская реакція, вдохновляемая юнкерами, дѣлала все, чтобы поддерживать падающее ремесло. Юнкеры прекрасно понимали связь между средневѣковыми формами промышленности и средневѣковыми формами землевладѣнія, а тѣхъ и другихъ—со средневѣковыми формами государства. Ихъ усилія, однако, не приводили ни къ чему. Фабричная промышленность безжалостно уничтожала на своемъ пути всѣ тормозы, и ремесленники тысячами становились жертвою крупнаго промышленнаго капитала. Но хозяйственная эволюція совершается медленно, и ростъ промышленности еще не былъ достаточенъ для созданія самостоятельнаго рабочаго класса.

Рабочее движеніе.

Такъ какъ оживленіе рабочаго движенія совпало съ борьбою въ прусской палатѣ, то за рабочими одновременно стали ухаживать обѣ боровшіяся стороны: либеральная буржуазія и феодалы, примыкавшіе къ правительству. Тѣ и другіе понимали значеніе пролетаріата, правильно оцѣнивали роль его въ событіяхъ ближайшаго будущаго и по возможности старались привлечь его на свою сторону.

Буржуазія въ собственныхъ интересахъ должна была взять на себя первыя попытки организаціи рабочихъ. Ей это было необходимо, чтобы создать себѣ опору въ народныхъ низахъ. Если бы буржуазія сидѣла, сложа руки, вліяніе на рабочихъ могло быть всецѣло узурпировано консерваторами. Реакція, которая, въ свою очередь, не теряла времени и старалась пустить корни среди пролетаріата, основала большое количество кружковъ подъ названіемъ «Союзовъ молодежи» и «Союзовъ подмастерьевъ». Тамъ рабочихъ пичкали «духовно-нравственной» пищей и доказательствами пользы цеховъ. Въ 1862 г. реакціонерамъ удалось даже устроить въ Веймарѣ рабочій съѣздъ, потребовавшій возстановленія цеховъ. Вотъ почему буржуазія не могла пройти мимо рабочаго вопроса. Національный союзъ [1]) и выступилъ на помощь рабочимъ. Его дѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ. На

Рабочіе подъ опекой буржуазіи.

---

[1]) Національный Союзъ (Nationalverein) былъ организаціей, основанной нѣмецкой буржуазіей для пропаганды «идеи единой Германіи съ учрежденіями, обезпечивающими ей могущество вовнѣ, слободу внутри». Онъ возникъ 16 сент. 1859 г. и, преслѣдуя свои политическія задачи, не забывалъ соціальныхъ, обусловленныхъ классовыми интересами бюргерства.

первомъ планѣ стояла пропаганда Шульце-Делича. Несчастье этого некрупнаго, но гуманнаго и образованнаго человѣка заключается въ томъ, что съ его дѣятельностью знакомятся обыкновенно по рѣчамъ и памфлетамъ его заклятаго врага, Лассаля, умѣвшаго смѣшивать съ грязью, какъ никто. На дѣлѣ Шульце принесъ много пользы рабочимъ. По его инициативѣ и при его содѣйствіи въ рабочихъ кругахъ было основано нѣсколько сотъ кооперативныхъ товариществъ различнаго типа. Самая крупная роль среди нихъ принадлежала потребительнымъ обществамъ, которыхъ было въ 1863 году около ста. Больше распространены были товарищества кредитныя и для закупки сырья. Первыхъ было до 500, вторыхъ — до 200. Для такого безвременья, какъ пятидесятые годы, дѣятельность Шульце должна представляться въ высокой степени почтенною. Но она количественно была невелика. Шульце агитировалъ, главнымъ образомъ, въ Пруссіи и имѣлъ успѣхъ по преимуществу среди мелкихъ ремесленниковъ тѣхъ округовъ, гдѣ крупная промышленность не пустила прочныхъ корней. Фабричныхъ округовъ его пропаганда почти не коснулась.

Глубже проникли въ пролетарскую среду просвѣтительные кружки (Arbeiterbildungsvereine), которые Національный Союзъ усердно насаждалъ по образцу тѣхъ, которые существовали въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ этихъ кружкахъ рабочимъ сообщали много свѣдѣній по естествовѣдѣнію, литературѣ, исторіи; при нихъ часто устраивались школы профессіональныя и для пополненія образованія. Въ учрежденіяхъ для рабочихъ, основанныхъ буржуазіей, работали многія выдающіяся лица: извѣстный натуралистъ Людвигъ Бюхнеръ, одинъ изъ основателей новаго матеріализма; другой выдающійся натуралистъ, старый Росмеслеръ, бывшій членъ лѣвой франкфуртскаго парламента; историкъ матеріализма Фр. Альб. Ланге и многіе другіе.

Буржуазныя начинанія имѣли то значеніе для рабочихъ, что въ нихъ они впервые могли сойтись внѣ мастерской, чтобы обмѣняться взглядами, чтобы сообща обсудить свои нужды. То была подготовительная школа, которая, несомнѣнно, принесла свою пользу, и когда рабочимъ пришлось эмансипироваться отъ буржуазіи, у нихъ оказались извѣстные организаціонные навыки.

Въ серединѣ 1862 года Національный Союзъ отправилъ на свой счетъ двѣнадцать рабочихъ на Лондонскую всемірную выставку. По возвращеніи на родину, делегаты устроили въ Берлинѣ рядъ рабочихъ собраній, на которыхъ дѣлились съ това-

ришами впечатлѣніями о выставкѣ. На этихъ собраніяхъ впервые родилась мысль объ обще-германскомъ рабочемъ съѣздѣ. Мысль была немедленно подхвачена, и ее сейчасъ же принялись осуществлять. Былъ избранъ комитетъ, мѣстомъ съѣзда назначенъ Лейпцигъ, послана саксонскому правительству просьба о разрѣшеніи. Въ дѣло сумѣлъ втереться агентъ Бисмарка, рабочій Эйхлеръ. Онъ старался повернуть движеніе противъ буржуазіи, утверждая, что правительство готово оказывать пролетаріату всякую помощь въ его борьбѣ противъ предпринимателей. Бисмарку это было необходимо, ибо какъ разъ въ это время (октябрь 1862 г.) обострялся его конфликтъ съ буржуазнымъ большинствомъ прусской палаты; но едва ли это отвѣчало интересамъ рабочихъ. Органъ прогрессистовъ «Volkszeitung» рѣзко осудилъ новыя тенденціи рабочихъ на томъ основаніи, что онѣ оказываютъ услугу врагамъ рабочихъ. Изъ Лейпцига пріѣхали тогда въ Берлинъ настоящіе вожаки рабочихъ. Махинаціи Эйхлера обнаружились, самъ онъ исчезъ съ горизонта, а съ буржуазіей было установлено соглашеніе, въ силу котораго рабочіе обѣщали поддерживать буржуазную оппозицію въ ея борьбѣ съ феодально-абсолютистской реакціей.

Буржуазія этимъ не удовлетворилась. Ей хотѣлось держать въ своихъ рукахъ руководство движеніемъ. Когда образовавшійся въ концѣ 1862 года въ Лейпцигѣ новый Центральный Комитетъ еще разъ разослалъ во всѣ города директивы съ предложеніемъ готовиться къ съѣзду, прогрессисты и члены Національнаго Союза стали пытаться вырвать руководство движеніемъ изъ рукъ рабочаго Центральнаго Комитета. Въ рабочихъ кругахъ попытки буржуазіи вызывали большіе споры. Были голоса, которые требовали признанія гегемоніи прогрессистовъ; были и такіе, которые находили всякое участіе въ политикѣ излишнимъ для рабочихъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, Центральный Комитетъ предложилъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу многимъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ. Въ ихъ числѣ былъ и Фердинандъ Лассаль.

II.

Характеръ Лассаля.

Лассаль вступилъ въ нѣмецкое рабочее движеніе во всеоружіи. Никто, не исключая и зарубежныхъ вождей нѣмецкаго соціализма, не былъ подготовленъ къ этой тяжелой роли лучше, чѣмъ онъ. Весь цѣликомъ, со всѣми своими огромными положи-

тельными сторонами, со всѣми своими недостатками, онъ словно предназначенъ былъ судьбою поднять красное знамя соціалъ-демократіи и сдѣлать съ нимъ первые шаги во главѣ организованныхъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Почти у самаго порога дѣятельности Лассаля Генрихъ Гейне разгадалъ его и «въ гробъ сходя, благословилъ». Великій поэтъ писалъ Варнгагену: «Другъ мой, г. Лассаль — молодой человѣкъ съ выдающимися умственными дарованіями; на ряду съ основательнѣйшей ученостью, съ огромными знаніями, съ величайшимъ остроуміемъ, какое мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать, съ богатѣйшимъ даромъ краснорѣчія онъ соединяетъ энергію, волю, практическое искусство (habileté im Handeln), повергающія меня въ изумленіе... Это соединеніе знанія и силы, таланта и характера радостное явленіе для меня... Г. Лассаль — истинный сынъ новой эпохи, не желающей ничего знать о самоотреченіи и скромности, съ чѣмъ мы болѣе или менѣе лицемѣрно носились въ наше время. Это новое поколѣніе хочетъ наслаждаться и заставить цѣнить себя на виду. Мы, старики, склонялись передъ невидимымъ, тянулись за призрачными поцѣлуями, ловили ароматъ голубого цвѣтка, отрекались, хныкали, но были, быть-можетъ, счастливѣе, чѣмъ эти суровые гладіаторы, такъ гордо выступающіе на смертный бой».

Основные контуры Лассалева облика великій поэтъ уловилъ безошибочно. Лассаль весь въ этомъ геніальномъ гороскопѣ; даже его трагическій конецъ предчувствовалъ какъ будто Гейне.

Самый важный вопросъ при анализѣ ранняго душевнаго развитія Лассаля заключается въ томъ, какимъ образомъ этотъ чрезвычайно богато одаренный юноша оказался въ лагерѣ революціи. Вся обстановка, въ которой онъ созрѣвалъ умственно и нравственно, дѣлала это неизбѣжнымъ. Еврей, — онъ былъ полонъ протестомъ противъ существующаго строя даже раньше, чѣмъ выросъ: мрачное прошлое его народа, полное страданій; тяжелое настоящее, въ которомъ его соотечественники не выходили изъ тисковъ административныхъ утѣсненій и со стороны бюргерства, вызывали постарому брезгливое отчужденіе, плохо прикрывающее страхъ — показали ему съ полной отчетливостью, что его честолюбивымъ дерзаніямъ суждено очень скоро удариться въ неодолимыя соціальныя препятствія. Въ очень юные годы это сознаніе было для него, повидимому, причиною боль-

шого внутренняго разлада. Духъ его жаждалъ власти. И онъ понималъ, что тамъ, гдѣ — власть существующаго буржуазнаго общества, ему нѣтъ мѣста, несмотря на всѣ его дарованія. Еще мальчикомъ онъ записалъ въ дневникѣ: «Я не что иное, какъ эгоистъ: родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы аристократомъ съ головы до пятъ. Теперь, когда я всего только сынъ бюргера, я буду демократомъ». Таковы были первые толчки. Потомъ онъ попалъ въ полосу увлеченія Берне и Гейне, и вообще идеями молодой Германіи, его коснулось вліяніе робкой бюргерской оппозиціи, начинавшей пробуждаться со вступленіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма IV. При томъ темпераментѣ, которымъ одарила его природа, Лассаль недолго стоялъ на перепутьи. Бурное, ненасытное честолюбіе снѣдало его. Онъ былъ не изъ тѣхъ, кто могъ удовлетвориться скромнымъ мѣстомъ въ отцовской конторѣ или лаврами заурялнаго адвоката, взыскивающаго по векселямъ. Онъ выросталъ повелѣвать. Онъ хотѣлъ славы и величія и, чѣмъ больше сознавалъ онъ свои таланты, тѣмъ глубже вѣрилъ, что ему суждена власть. И опять правъ былъ Гейне: ничто не было болѣе чуждо его душѣ, какъ скромность, стремленіе стушеваться, уступить мѣсто другому. Онъ всего хотѣлъ для себя и не считалъ неудобнымъ работать локтями въ жизненной давкѣ. Позднѣе, когда онъ пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ рабочими, его теоретическій, сильно проникнутый эгоистическими мотивами, демократизмъ, сталъ другимъ подъ вліяніемъ живого, непосредственнаго чувства, теплой симпатіи къ обездоленнымъ.

Въ характерѣ юнаго Лассаля было мало привлекательнаго. Директоръ школы, въ которой онъ учился, далъ ему такую аттестацію на выпускномъ свидѣтельствѣ: «выскочка, дерзокъ, безпутенъ, заносчивъ». Нѣкоторыя угловатости потомъ прошли. Лассаль вообще сильно измѣнился подъ вліяніемъ частью политическихъ друзей, частью графини Гальцфельдтъ. Но многое осталось до конца. Самоувѣренность его была безпредѣльна, и было въ ней вдобавокъ что-то такое, что задѣвало даже близкихъ ему людей. Маркса она приводила въ изступленіе: въ только что опубликованныхъ письмахъ его къ Энгельсу много очень сердитыхъ выпадовъ противъ друга, вызванныхъ именно самоувѣренностью Лассаля, назойливымъ выдвиганіемъ собственной особы, кичливостью. Врагамъ своимъ, а иногда и друзьямъ, онъ часто давалъ поводъ нападать на себя необдуманными поступками, политическими промахами, порою даже образомъ жизни. Марксъ въ тѣхъ

же письмахъ къ Энгельсу язвитъ Лассаля за его буржуазныя наклонности: «Лассаль, ослѣпленный славой, пріобрѣтенной въ извѣстныхъ ученыхъ кругахъ благодаря Гераклиту, а въ другихъ — благодаря хорошимъ винамъ и кухнѣ, конечно, не знаетъ, что въ большой публикѣ онъ имѣетъ дурную репутацію».

Все это, быть-можетъ, святая истина. Но при оцѣнкѣ не то что дѣла Лассаля, а просто его человѣческаго облика, все это — такъ неважно. Конечно, Лассаль не былъ цѣльной натурой; свѣтъ и тѣни перемежались въ немъ съ какимъ-то драматическимъ своеобразіемъ. Конечно, Лассаль былъ способенъ низвергаться въ бездны. Конечно, Лассаль погибъ не какъ народный трибунъ, а какъ вульгарный герой мѣщанской мелодрамы. Маркса и Энгельса онъ мучилъ тѣмъ, что непрерывно нарушалъ заповѣди правовѣрнаго коммунизма тѣмъ, что слѣдовалъ велѣніямъ своей безподобной политической интуиціи, а не правиламъ строгой революціонной тактики; тѣмъ, что повиновался нетерпѣливымъ порывамъ темперамента, а не предостерегающимъ зовамъ изъ Лондона. Пусть все это ошибки, пусть — паденія. Но и въ своихъ паденіяхъ онъ былъ великъ, какъ демонъ. И, какъ демонъ, побѣдилъ буржуазныхъ боговъ.

Этому не помѣшали ни дурной характеръ, ни скверная репутація, ни даже хорошія вина его берлинскаго погреба. Онъ шелъ къ своей цѣли планомѣрно и неуклонно, не обращая вниманія ни на прусскихъ прокуроровъ, которые обступили его свирѣпой стаей, ни на скорбные кивки друзей. Онъ не боялся принимать на себя отвѣтственность за цѣлый рядъ тяжелыхъ компромиссовъ. Онъ былъ практикъ и самое важное для него было достигнуть цѣли.

Въ исторіи послѣ-революціонной Германіи нѣтъ образа болѣе обаятельнаго. Въ немъ привлекаетъ то, что онъ живой человѣкъ, которому ничто человѣческое не можетъ быть чуждо. Суровый, аскетически-холодный, не умѣющій ни грѣшить, ни прощать — его великій другъ-антагонистъ, Карлъ Марксъ, былъ человѣкомъ только среди членовъ своей семьи и среди ближайшихъ друзей. Какъ только онъ выходилъ въ общество, онъ застегивался на всѣ пуговицы, съ лица его сходила улыбка и онъ превращался въ великаго жреца своей религіи. Такъ онъ и прожилъ свой путь, и ни разу брызги уличной грязи не запятнали его бѣлоснѣжныя жреческія одѣянія. Поэтому и современники и исторія чувствуютъ къ нему такой піэтетъ. Лассаль благоговѣйныхъ чувствъ не вызываетъ и никогда не вызывалъ, но онъ притягиваетъ къ себѣ

неизмѣримо больше человѣческихъ симпатій именно тѣмъ, что онъ такой земной и понятный: работая для вѣчности, любилъ рисоваться, держалъ хорошія вина, носилъ красивые жилеты и самыя модныя палевыя перчатки, отдавалъ такъ много женщинамъ. И эти маленькія слабости никогда не одѣвались у него налетомъ мѣщанской пошлости и не мѣшали ему выполнить его миссію.

Ибо есть на немъ, на всей его судьбѣ, что-то героическое, несмотря ни на что. Въ часы своего недолгаго мучительнаго полусчастья съ Еленой Деннигесъ Лассаль любилъ называть себя Зигфридомъ.

Какъ Зигфридъ, такой же могучій, такой же прекрасный, весь окруженный побѣднымъ солнечнымъ блескомъ, стоитъ онъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ исторіи нѣмецкаго пролетаріата. По ту сторону была ночь. Онъ пробудилъ рабочихъ отъ заколдованнаго сна.

Какъ оплодотворились умъ и воля Лассаля прежде, чѣмъ онъ дерзнулъ свершить то великое, что было его историческимъ призваніемъ?

III.

Міросозерцаніе Лассаля.

Подготовка Лассаля была и идейная, и практическая. Научныя занятія, съ одной стороны, политическая дѣятельность — съ другой, помогли ему выработать очень опредѣленную, цѣликомъ свою, лассалевскую, программу, которую онъ совершенно сознательно внесъ въ рабочую агитацію.

Вліяніе Гегеля.

У Лассаля былъ философскій складъ ума. Онъ рано подчинился вліянію Гегеля и на фундаментѣ его ученія построилъ свою идейную систему. Но гегелевскія идеи, преломившись въ творческомъ умѣ Лассаля, пріобрѣли, какъ и у многихъ другихъ, радикальный уклонъ. Лассаль никогда не изложилъ намъ того логическаго пути, которымъ онъ пришелъ отъ консервативнаго гегелизма къ общественно-философскому радикализму. Мы можемъ поэтому только высказывать догадки о томъ, какіе пункты ученія Гегеля заронили въ немъ идейныя зерна революціоннаго міровоззрѣнія.

Какъ извѣстно, въ исторіи Гегель видитъ одинъ громадный процессъ развитія абсолюта, постепеннаго познанія духомъ вселенной самаго себя. Въ этомъ процессѣ каждый отдѣльный историческій моментъ является чѣмъ-то непостояннымъ, преходящимъ. И современная эпоха, разсматриваемая подъ этимъ угломъ зрѣнія,

не болѣе, какъ отдѣльная стадія, выхваченная изъ процесса развитія абсолюта, и, какъ всякая другая стадія, подлежитъ развитію, слѣдовательно, измѣненію. Гегель не говорилъ ничего о средствахъ водворенія новаго порядка, но для учениковъ это было несущественно. Важно, что самый принципъ заключался въ его системѣ. Другой вывели изъ него ученики.

Гегелевское заключеніе изъ философіи Шеллинга установило тожество законовъ развитія духа и законовъ развитія міра. Этимъ заключеніемъ процессъ физической эволюціи былъ замкнутъ въ діалектическую рамку. Слѣдствіе вытекало само собою: если тожественны оба процесса, — тожественны также и ихъ отдѣльные моменты, идея и фактъ. Діалектически одно не можетъ быть мыслимо безъ другого. Въ этомъ и заключается основной выводъ. Но дальше логическій путь раздваивается. Въ какомъ соотношеніи находятся идея и фактъ въ этомъ діалектическомъ тожествѣ? Создаетъ ли фактъ идею или самъ онъ является ея практическимъ осуществленіемъ? Гегель склонялся къ первому объясненію, и за нимъ послѣдовала правая фракція гегеліанства. Тутъ ясенъ дальнѣйшій выводъ: разумная дѣйствительность. Если же соотношеніе обратное, если фактъ нужно приспособлять къ идеѣ, какъ учила лѣвая фракція, то практическимъ результатомъ можетъ сдѣлаться призывъ къ творческой работѣ надъ матеріаломъ дѣйствительности, т.-е. въ конечномъ итогѣ къ революціи. Это именно діалектическій процессъ, который удерживалъ подъ эгидою гегеліанства такихъ мыслителей-борцовъ, какъ Фейербахъ, Прудонъ, Марксъ, Бакунинъ. Лассаль былъ изъ ихъ числа.

Вліяніе Фихте.

Въ гораздо меньшей степени, чѣмъ гегельянскія устремленія духа, бросается въ глаза въ идейномъ строѣ Лассалѣ то, что было плодомъ вліянія другого великаго мыслителя Фихте. Характерная черта философіи Фихте именно въ томъ, въ чемъ она отличается отъ системы Гегеля—высокая оцѣнка значенія личности, личнаго начала. Для Лассаля эта идея была существеннымъ дополненіемъ къ гегелевскому представленію о процессѣ развитія абсолюта: у гегелевской схемы она отнимала ея рѣзко-отвлеченный характеръ. Но этого мало. Фихте въ своемъ стремленіи установить тожество бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта,—разсматриваетъ идеальное личное начало, «я», — какъ дѣятельность по преимуществу. Поэтому истинное назначеніе человѣка для Фихте—не мысль, а дѣятельность, осуществленная мысль. Когда у мыслителя Фихте его гносеоло-

гія и онтологія сталкивались съ живой дѣйствительностью, высокая оцѣнка принципа дѣятельности диктовала ему его политическую программу; отличительнымъ признакомъ этой программы была необыкновенная практичность, несравнимое ни съ чѣмъ умѣніе находить точку, къ которой нужно приложить рычагъ прогресса. Основнымъ пунктомъ была въ ней идея національности.

Идея національности бродила въ Германіи съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкая буржуазія стала приходить къ сознанію своихъ политическихъ интересовъ, съ тѣхъ поръ, какъ она поняла, что безъ политическаго единства она никогда не будетъ въ состояніи конкуррировать съ сосѣдями на міровомъ рынкѣ. Окончательно кристаллизовалась идея эта въ трудную для Германіи эпоху борьбы съ французской революціей и съ Наполеономъ. Даже Гегель не остался чуждъ вліянія событій, переживаемыхъ его родиною, и далъ въ своей системѣ мѣсто идеѣ національности. Въ ней она связана съ отрицаніемъ всякаго субъективизма, съ идеей объективной свободы, объективнаго государства. Отсюда у Гегеля преклоненіе передъ римскимъ государственнымъ идеаломъ, какъ идеаломъ единаго національнаго государства. Отсюда преклоненіе передъ макіавеллизмомъ, какъ передъ системой, стремящейся къ національному политическому единству, осуществляемому какой угодно цѣною. Но у Гегеля все это такъ и остается въ рамкахъ отвлеченной доктрины, въ то время, какъ у Фихте опредѣленно прилагается къ нѣмецкой дѣйствительности. Фихте отстаиваетъ идеалъ нѣмецкаго единства и въ томъ документѣ, который Лассаль назвалъ его «политическимъ завѣщаніемъ» противополагаетъ національное единство, какъ единственно возможную политическую организацію свободнаго народа, партикуляризму и федерализму.

Лассаль въ своихъ методологическихъ конструкціяхъ—больше гегельянецъ, чѣмъ фихтіанецъ, но въ практической программѣ онъ прямой преемникъ Фихте. Не даромъ онъ говорилъ, что его міросозерцаніе — «обрученіе духа великаго Фихте съ дѣйствительностью».

Вліяніе Маркса.

Былъ у Лассаля еще и третій учитель, который научилъ его правильно мыслить въ сферѣ экономики и изученія соціальной эволюціи человѣческихъ соединеній — Карлъ Марксъ. Марксъ и Лассаль были современники и друзья. Они работали рука объ руку въ годину нѣмецкой революціи. Марксъ былъ на семь лѣтъ

старше и принесъ съ собою въ революцію славу лучшаго теоретика коммунистической догмы, главнаго автора «Манифеста коммунистической партіи». Экономическіе взгляды Лассаля и вся его соціологическая доктрина начали складываться подъ вліяніемъ сочиненій его друга. Не даромъ Лассаль такъ охотно признавалъ Маркса своимъ учителемъ и такъ огорчался, когда тѣ или другіе взгляды его не находили сочувствія у него и у Энгельса.

Въ дни революціи Лассаль былъ не только сложившимся идеалистомъ, но и сложившимся соціалистомъ. Съ точки зрѣнія соціалистической методологіи онъ смотрѣлъ потомъ на событія контрреволюціи и оцѣнивалъ грядущія судьбы Германіи. Его соціалистическіе взгляды были настолько правовѣрны, что до 1859 года у него не было серьезныхъ разногласій съ Марксомъ и Энгельсомъ. Противоположность ихъ политическихъ взглядовъ стала чувствоваться съ полной опредѣленностью не раньше появленія «Зиккингена». Что касается теоретической области, то въ главномъ между Лассалемъ и зарубежными хранителями завѣтовъ до самаго конца не было расхожденій.

Какое изъ идейныхъ вліяній было сильнѣе? Несомнѣнно, гегелевскій идеализмъ крѣпче сидѣлъ въ головѣ Лассаля, чѣмъ, напримѣръ, въ головѣ Маркса. У Маркса, который обращался съ гегелизмомъ очень свободно, онъ не мѣшалъ желѣзной послѣдовательности чисто-реалистическаго образа мыслей. Въ міровоззрѣніи Лассаля онъ произвелъ нѣкоторое раздвоеніе. Онъ воспринималъ міръ сквозь діалектическую призму, и только огромное чувство дѣйствительности помогло ему не терять въ этой операціи соприкосновенія съ жизнью. Иной разъ является на помощь реалистическій моментъ, дань школѣ историческаго матеріализма. Въ «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ» гегелевскій методъ господствуетъ. Но онъ обставленъ рядомъ поправокъ. Лассаль отказывается признавать вслѣдъ за своимъ учителемъ такіе институты, какъ семья, собственность, наслѣдованіе, незыблемыми, логическими категоріями. Онъ возвращаетъ имъ ихъ историческую сущность, похищенную Гегелемъ, и доказываетъ, что они находятся въ постоянной причинной зависимости отъ историческаго момента. И такъ во многомъ идеалистическій и реалистическій моментъ сливались въ міросозерцаніи Лассаля, быть-можетъ, гораздо болѣе гармонично, чѣмъ это находилъ Марксъ, и его колоссальная индивидуальность выступала обогащенная, но нисколько не затемненная всѣми теоретическими вліяніями.

А самое важное было то, что онъ, какъ истый «идеологъ» [1]), не могъ держать свой теоретическій багажъ въ головѣ. Темпераментъ претворялъ убѣжденіе въ чувство и толкалъ къ дѣятельности. Натура ощущала неодолимую потребность дѣлать изъ идеи дѣйствительность. Но и данную уже, существующую дѣйствительность, Лассаль никогда не упускалъ изъ виду. Это придавало его творческимъ дерзаніямъ такую сокрушающую силу.

Въ рѣчи о косвенныхъ налогахъ Лассаль говорилъ: «Выслушайте, что я вамъ скажу. Это будетъ послѣдній экстрактъ долгихъ и трудныхъ ученыхъ изслѣдованій; это будетъ въ одной фразѣ общій результатъ моихъ работъ въ самыхъ различныхъ областяхъ исторической науки. Одно изъ двухъ: или давайте пить кипрское вино и лобзать красавицъ, т.-е. предадимся животно-эгоистической жаждѣ наслажденій, или, если хотимъ еще говорить о государствѣ и нравственности, то посвятимъ всѣ наши силы улучшенію мрачной участи безконечнаго большинства человѣческаго рода. Мы, имущіе, выдаемся изъ темной пучины его, какъ рѣдкія разбросанныя сваи, выставленныя, какъ бы для того, чтобы показывать, до чего мрачна эта пучина, до чего глубока эта пропасть».

Таковъ въ двухъ словахъ путь отъ письменнаго стола ученаго къ трибунѣ рабочаго агитатора.

IV.

Лассаль въ Германіи.

Лассаля миновала горькая чаша эмиграціи. Изъ крупныхъ дѣятелей союза коммунистовъ онъ одинъ остался въ Германіи послѣ пораженія революціи 1848 года. Это дало ему возможность находиться въ постоянномъ соприкосновеніи съ демократическими и рабочими кругами, быть постоянно освѣдомленнымъ объ ихъ настроеніи, знать, на какія дерзанія они способны и на какія неспособны. Его друзья, эмигранты, сидя въ Лондонѣ, оторванные отъ той почвы, на которой они хотѣли дѣйствовать, главнымъ образомъ, часто роковымъ образомъ осуждены были оцѣнивать факты дѣйствительности при помощи апріорныхъ соображеній. Этимъ обусловливались тѣ ошибки въ практической оцѣнкѣ со-

[1]) Въ особенномъ смыслѣ. Во франкфуртской рѣчи, называя себя идеологомъ, Лассаль даетъ этому слову такое опредѣленіе: «Подъ идеологами я разумѣю людей, прожившихъ свой вѣкъ въ книгахъ, привыкшихъ существовать въ идеяхъ и готовыхъ всѣмъ пожертвовать для нихъ».

бытій и фактовъ нѣмецкой жизни, въ которыя впадали даже Марксъ и Энгельсъ.

Съ того самаго момента, какъ реакція почила на лаврахъ, Лассаль не переставалъ наблюдать нѣмецкую жизнь. Результатъ своихъ наблюденій онъ съ величайшей обстоятельностью сообщалъ въ Лондонъ Марксу и Энгельсу. Факты, истолкованные могучимъ умомъ, который анализируетъ ихъ, вооруженный стройной теоріей, постепенно порождаютъ практическую программу.

Въ октябрѣ 1849 года онъ пишетъ Марксу, обсуждая торжество контрреволюціи въ Австріи: «Венгрія была побѣждена именно вслѣдствіе предательства *національной* партіи. Изъ этого въ связи съ исторіей Германіи 1848 и 1849 годовъ я извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самаго начала она не будетъ провозглашена *чисто соціалистической*; что не можетъ больше посчастливиться никакой борьбѣ, въ которой соціальные вопросы составляютъ элементъ легко испаряющійся и стоятъ на заднемъ планѣ и которая съ внѣшней стороны ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуазнаго республиканизма». Такъ какъ политическая позиція буржуазіи была очень существеннымъ фактомъ въ исчисленіи шансовъ будущей революціи, то Лассаль не спускаетъ съ нея глазъ, хотя кругъ его наблюденій въ теченіе перваго пореволюціоннаго десятилѣтія по необходимости ограничивался рейнскими отношеніями. Въ іюлѣ 1851 г. онъ пишетъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось совершившимся фактомъ наше возвращеніе въ лоно матери сословно-феодальной монархіи, и капиталъ, какъ parvenu, долженъ снова взобраться на запятки кареты крупнаго землевладѣльца,—съ тѣхъ поръ нашей буржуазіей овладѣло тупое рѣшеніе, не ставить, по крайней мѣрѣ, никакихъ препятствій на пути ближайшей революціи». Нѣмецкій пролетаріатъ представлялъ въ то время весьма зыбкій и ненадежный матеріалъ для политическихъ наблюденій, но Лассаль и тутъ пытается найти кое-какія прочныя указанія; правда, для этого приходится къ соціальной эволюціи прикладывать гегеліанскія мѣрки. «Въ широкихъ кругахъ пролетаріата,—пишетъ онъ Марксу въ іюнѣ 1852 года,—происходитъ движеніе, которое Гегель назвалъ бы Einkehr ein sich. Рабочій классъ, очевидно, намѣренъ въ большомъ масштабѣ и въ широкихъ размѣрахъ, пользуясь политическимъ затишьемъ, сжиться со своимъ внутреннимъ содержаніемъ, проникнуться сознаніемъ его и такимъ образомъ укрѣ-

питься, чтобы... насколько возможно живо проникнуться своимъ классовымъ самосознаніемъ, всесторонне выяснить себѣ понятіе рабочаго класса и сдѣлать теоретически вытекающіе изъ него выводы»[1]. Постепенно кругъ политическихъ наблюденій Лассаля становится шире и сужденія его зрѣлѣе. Въ одномъ письмѣ 1855 года, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранился только отрывокъ, Лассаль сообщаетъ Марксу, что буржуазія разочаровалась въ своихъ надеждахъ на способность контрреволюціи создать прошлый порядокъ. «Справедливо или нѣтъ, — пишетъ онъ, — но средняя зажиточная и состоятельная буржуазія сдѣлала расчетъ, что революціонный переворотъ стоилъ бы ей меньше или во всякомъ случаѣ не дороже; или если бы онъ даже взялъ у нея сразу большую часть ея капитала, то былъ бы преходящимъ явленіемъ и освободилось бы мѣсто для новаго періода расцвѣта; между тѣмъ теперь ее медленно пожираютъ, и этому не предвидится конца».

Взглядъ на революцію 1848 г.

Когда Лассаль наблюдалъ буржуазію и рабочихъ на Рейнѣ, гдѣ ростъ соціальныхъ отношеній далеко опередилъ за-эльбскую Пруссію, и наблюдалъ вдобавокъ сквозь призму революціоннаго нетерпѣнія, ему казалось, что новая революція близка. Въ 1857 г. ему удалось добиться разрѣшенія жить въ Берлинѣ, и постепенно онъ началъ понимать, что нельзя судить о Германіи по рейнскому промышленному району. Въ 1859 г. онъ формулировалъ итогъ своихъ берлинскихъ впечатлѣній въ такой фразѣ: «Находясь десять лѣтъ вдали отъ родины, вы, какъ видно, не имѣете никакого представленія о томъ, какъ *мало* нашъ народъ освободился отъ монархическихъ взглядовъ. Я тоже увидѣлъ это съ прискорбіемъ только въ Берлинѣ. Разрывъ между правительствомъ и народомъ, произведенный 1848 годомъ, совершенно сглаживается въ глазахъ здѣшней тупой мелкобуржуазной демократіи, которая все еще тащитъ рабочихъ на буксирѣ». Эти смѣны надеждъ и разочарованій глубоко волновали Лассаля и, хотя онъ все время,

---

[1]) Очевидно, по поводу этой еретической мысли, что классовое сознаніе въ рабочемъ классѣ, какъ таковомъ, можетъ расти путемъ собственныхъ сознательныхъ волевыхъ усилій, Марксъ возражалъ Лассалю и, быть-можетъ, убѣдилъ его. Черезъ два почти года Лассаль возвращается къ этой мысли (10 февр. 1854 г.): «Что современную апатію нельзя преодолѣть теоретическимъ путемъ,—въ этомъ ты совершенно правъ... Массы вовлекаютъ въ движенія не только практически, но и духовно лишь кипучей силой дѣйствительныхъ событій».

вплоть до переѣзда изъ Дюссельдорфа въ Берлинъ, былъ занятъ своимъ «Гераклитомъ», но мысли о причинахъ неудачи революціи 1848 года и о шансахъ предстоящей — кипѣли въ его головѣ постоянно. Такъ родилась его драма «Францъ фонъ Зиккингенъ»— цѣпь гегелевскихъ формулъ, положенныхъ на діалоги и монологи, произведеніе не художника, а политика, піеса, въ которой нѣтъ ни драматическаго дѣйствія, ни психологическихъ типовъ, — одна сплошная, голая тенденція. Тенденція эта или, какъ называетъ ее Лассаль, формальная трагическая идея, заключалась, въ переводѣ съ туманнаго языка гегелевой философіи на общечеловѣческій, въ слѣдующемъ. Зиккингенъ, поднявшій знамя революціи, погибъ самъ и погубилъ свое дѣло потому, что побоялся до конца итти по революціонному пути: протянуть руку возставшимъ крестьянамъ, а вступилъ въ дипломатическій компромиссъ съ силой, защищающей существующій строй, съ князьями. Ибо такова была его дворянско-рыцарская классовая психологія. Мораль трагедіи заключалась, конечно, въ томъ, что ту же ошибку, какую сдѣлалъ въ 1523 году Зиккингенъ, въ 1848 году совершила нѣмецкая буржуазія: вмѣсто того, чтобы протянуть руку рабочимъ и итти по революціонному пути до конца, она, одержимая классовымъ страхомъ, предала рабочихъ и заключила компромиссъ съ правительствомъ. Оттого потерпѣла крушеніе и была раздавлена сама буржуазія.

Эти нравоученія не могли, конечно, страшить Маркса и Энгельса, ибо они согласовались съ тѣмъ, что думали они сами. Но было въ драмѣ Лассаля много такого, что казалось имъ непонятнымъ въ произведеніи соціалиста. Лассаль едва-едва показалъ на сценѣ настоящую революціонную силу времени, крестьянъ, и черезчуръ много занимался дворянствомъ. Онъ идеализировалъ Зиккингена и неправильно понялъ классовое положеніе погибающаго рыцарства. Онъ, наконецъ, прославлялъ силу: Гуттена заставилъ воспѣвать мечъ, Зиккингена — произносить панегирики пушечнымъ жерламъ. Въ первый разъ Лассаль опредѣленно поставилъ политическій идеалъ: объединеніе Германіи, впереди соціальнаго. И вдобавокъ не сумѣлъ выяснить, что первый является лишь неизбѣжнымъ средствомъ для достиженія второго.

Взглядъ на будущее Германіи.

Еще яснѣе это противорѣчіе между Лассалемъ, съ одной стороны, и зарубежными вождями соціализма—съ другой, сказалось во взглядахъ на итальянскую войну 1859 года. Энгельсъ, который говорилъ тутъ и отъ имени Маркса, выпустилъ брошюру, гдѣ

доказывалъ, что, нападая на Австрію, стараясь ее обезсилить, Наполеонъ подготовлялъ натискъ на Рейнъ, и что Пруссія, слѣдовательно, должна защищать Рейнъ на По и на Минчіо. Лассаль стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. Онъ былъ согласенъ, что Наполеонъ III — это реакція, но онъ былъ убѣжденъ, что во Франціи реакція не можетъ длиться долго. Зато Австрію онъ считалъ воплощеніемъ реакціоннаго принципа, какъ такого, крѣпкимъ, упорнымъ олицетвореніемъ противодемократическихъ тенденцій. Онъ думалъ, что не только не слѣдуетъ защищать Австрію въ Италіи, а, наоборотъ, нужно дать Наполеону побить ее тамъ, отнять у нея Италію, побудить къ отпаденію Венгрію, свести Габсбургскую монархію къ размѣрамъ нѣмецкаго княжества. Тогда только она не будетъ больше препятствіемъ для объединенія, какъ въ 1848 — 1849 годахъ. Реваншъ для Пруссіи будетъ заключаться въ томъ, что, когда Пьемонтъ возьметъ Ломбардію и Венецію, она возьметъ Шлезвигъ - Голштинію и приступитъ къ созданію единой демократической Германіи. Такимъ образомъ точкѣ зрѣнія Энгельса, которая приближалась къ велико - германской, Лассаль противопоставилъ свою, которая была ближе къ мало - германской, хотя и не совпадала съ нею. Отличіе точки зрѣнія Лассаля отъ вульгарной (буржуазной) малогерманской заключалось въ томъ, что онъ прежде всего не стастарался исключить Австрію вовсе. Онъ принималъ ее, но лишь освобожденную отъ своего иноплеменнаго балласта, способнаго вести самостоятельное существованіе. А во - вторыхъ, онъ думалъ, что объединенная такимъ образомъ Германія должна быть единой республикой. Эти два отличія отъ буржуазной малогерманской программы онъ формулировалъ однажды, въ письмѣ къ Родбертусу, словами: «Grossdeutschland moins les dynasties», — Великая Германія минусъ династіи. Высказывая эти мысли, Лассаль твердо стоялъ на демократической точкѣ зрѣнія. Въ этомъ было его отличіе отъ другого мало - германскаго публициста Ресслера, который исходилъ въ своихъ соображеніяхъ исключительно изъ династическихъ интересовъ Пруссіи. Но Лассаль ратовалъ за интересы нѣмецкой демократіи, въ то время, какъ Марксъ и Энгельсъ руководились болѣе широкимъ, но и болѣе расплывчатымъ представленіемъ объ интересахъ демократіи международной. И когда въ февралѣ 1860 года Марксъ раздраженно писалъ Лассалю: «на кой мнѣ чортъ сужденіе *твоей нѣмецкой публики!*» и ядовито подчеркивалъ послѣднія три слова, Лассаль имѣлъ

полное основаніе отвѣтить ему, не менѣе ядовито подчеркивая отдѣльныя слова: «Не забывай, что ты *нѣмецкій* революціонеръ и долженъ дѣйствовать въ пользу *Германіи*, что твое вліяніе, какъ вождя партіи, является очень важнымъ для цѣлей самой партіи и должно быть поэтому *сохранено*. Не англизируйся».

Какъ практикъ, Лассаль судилъ правильнѣе, чѣмъ его лондонскіе друзья-противники. Союзъ Пруссіи съ Австріей противъ Франціи въ 1859 году именно для нѣмецкой демократіи былъ бы страшнымъ ударомъ, гораздо болѣе страшнымъ, чѣмъ ударъ, нанесенный ей побѣдою 1870 года. И съ точки зрѣнія нѣмецкаго единства спасеніе итальянскихъ владѣній Австріи было бы ходомъ весьма неостроумнымъ. Но Лассаль на этихъ правильныхъ положеніяхъ не останавливался: ослѣпленный своими объединительными идеалами, онъ дѣлалъ такіе промахи, которые Марксъ и Энгельсъ прощали ему все съ большими оговорками. Имъ казалось страннымъ одно совпаденіе его положительной программы съ положительной программой Ресслера, почти оффиціознаго прусскаго публициста. Они не вѣрили, чтобы Пруссія съ ея политическими и династическими традиціями оказалась способна осуществить миссію демократіи. И будущее показало, что въ этомъ лондонскіе соціалисты были правы. Единство, которое создалъ Бисмаркъ въ 1866 и 1870 годахъ, какъ извѣстно, меньше всего отвѣчало интересамъ демократіи. Но и Бисмаркъ, и единство были еще впереди, и никто не могъ доказать Лассалю, что это стремленіе осуществить единство, во что бы то ни стало, несетъ въ себѣ опасность для демократіи. Другіе его грѣхи были гораздо болѣе явственными. Въ брошюрѣ о Фихте, вышедшей въ 1860 году, онъ могъ написать такую фразу: «Рядомъ съ этой противоположностью федераціи и народнаго единства, даже противоположность между монархіей и республикой становится относительно не важной, и мы совершенно серьезно думали, что тѣ, которые хотѣли наслѣдственной, монархической, единой нѣмецкой имперіи съ полнымъ упраздненіемъ 35 подчиненныхъ суверенитетовъ, стояли на болѣе высокой ступени пониманія и политической правды, чѣмъ наши федеративные республиканцы». Конечно, та федерація, которая связывала части Германіи до 1806 года и послѣ 1815 года, была очень плохой разновидностью федераціи. Лассаль ненавидѣлъ нѣмецкій Союзъ, какъ Фихте въ свое время ненавидѣлъ священную римскую имперію. И имѣлъ всѣ основанія. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ не могли понять, какъ можно

столь легкомысленно обращаться съ такими важными пунктами программы, какъ республика. Тѣмъ болѣе, что для нихъ нѣмецкое единство вовсе не казалось такимъ необходимымъ фундаментомъ для эволюціи пролетаріата, какъ для Лассаля.

Разрывъ съ Марксомъ.

Невозможность понять другъ друга для вождей нѣмецкаго соціализма крылась въ томъ, что Лассалю національный принципъ былъ важенъ, какъ противоположный царившему въ Германіи плохому федерализму и партикуляризму, а Марксу и Энгельсу этотъ же національный принципъ представлялся вреднымъ при сопоставленіи съ интернаціонализмомъ. Невозможность взаимнаго пониманія сознавалась въ Лондонѣ настолько ясно, что Энгельсъ писалъ, узнавъ о смерти Лассаля въ 1864 году: «Въ настоящемъ онъ былъ для насъ очень сомнительный другъ, въ будущемъ довольно несомнѣнный врагъ». Переписка хранитъ на себѣ слѣды этого неотвратимо наступающаго разрыва. Разрывъ сдѣлался фактомъ, когда въ 1862 г. Лассаль поѣхалъ въ Лондонъ и имѣлъ личныя бесѣды съ друзьями.

Марксу и Энгельсу не удалось воспользоваться амнистіей и вернуться въ Германію. Политическое, а потомъ соціальное руководительство нѣмецкой демократіей волею судебъ оказалось нераздѣльно въ рукахъ Лассаля. Ему пришлось взять всецѣло на себя отвѣтственность передъ исторіей, когда онъ въ безысходномъ и сознательномъ противорѣчіи съ Марксомъ, даже больше — въ безмолвной борьбѣ съ нимъ, поднялъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Онъ не отступилъ передъ этой отвѣтственностью. Онъ былъ увѣренъ, что насталъ часъ, когда нужно развернуть пролетарское знамя. Онъ зналъ, куда его нужно нести на первыхъ порахъ.

V.

Лассаль, какъ агитаторъ.

Политическая дѣятельность Лассаля отчетливо дѣлится на двѣ полосы, одна отъ другой очень отличныя. Грань, ее раздѣляющая — «Открытый отвѣтъ» (1 марта 1863 года). До этого момента Лассаль выступалъ, какъ «чистый радикальный демократъ», не касающійся или почти не касающійся вопросовъ, связанныхъ съ экономическимъ положеніемъ пролетаріата, не предлагающій никакого соціальнаго лѣкарства. «Открытый отвѣтъ» положилъ начало планомѣрнымъ агитаторскимъ усиліямъ: теперь Лассаль стремится создать особую, пролетарскую, партію и даетъ ей программу, охватывающую всѣ стороны существованія рабочихъ: экономическую, соціальную, политическую. Онъ

многое сдѣлалъ и въ первую половину своей короткой дѣятельности. Но во весь ростъ, какъ агитаторъ, онъ выросъ въ послѣдніе полтора года своей жизни.

Никогда ему не приходилось такъ сверхчеловѣчески напрягать свою желѣзную энергію, какъ въ эти мѣсяцы. Никогда ему не приходилось исчерпывать до такой степени послѣдніе рессурсы своей воли. Все въ немъ было натянуто. Онъ былъ весь борьба. Передъ нимъ были инертныя, забитыя, едва пробуждавшіяся отъ невѣжества рабочія массы, изъ которыхъ нужно было сдѣлать гражданъ, способныхъ поднять голосъ, способныхъ требовать. Буржуазія считала рабочихъ своимъ удѣломъ и не подпускала къ нимъ никого. Лондонскіе друзья говорили, что еще не время. Берлинскіе друзья предостерегали. Лассаль отвѣчалъ: «Рабочая агитація существуетъ. Я долженъ дать ей теоретическую форму и практическій лозунгъ, хотя бы это тридцать три раза стоило мнѣ головы». Онъ упалъ среди безпорядочныхъ толпъ, какъ громъ Юпитера, и отъ его призывовъ вспыхнуло великое движеніе. На агитаторской трибунѣ, гдѣ до тѣхъ поръ передъ рабочими проходили немощные, безтемпераментные доктринеры, появился титанъ. Ему нельзя было противостоять. Онъ съ необыкновенной легкостью справлялся съ самыми тяжеловѣсными учеными аргументами. Онъ умѣлъ затасканную чужую идею развивать такъ своеобразно, обливать потоками такого неожиданнаго свѣта, что она навсегда запечатлѣвалась въ самыхъ неповоротливыхъ умахъ. Все, что онъ говорилъ, было согрѣто участіемъ къ невзгодамъ рабочаго, которое шло изъ глубины убѣжденія и проникало въ суровыя сердца, не избалованныя симпатіями. Въ этой рѣчи была приподнятость, была пышность въ словахъ, былъ театральный порою паѳосъ, но это не безпокоило и не смущало слушателей. Зато ихъ приводило въ восторгъ его остроуміе, то легкое, изящное, искрометное, то злое и разящее, какъ разрывная пуля; ихъ чаровала его благородная красота. Успѣхъ сопровождалъ уже первыя выступленія Лассаля.

Съ самаго переѣзда въ Берлинъ Лассаль оказался вовлеченнымъ въ кружокъ буржуазной демократіи и, быть-можетъ, нѣкоторыя отклоненія его отъ соціалистической программы были невольной данью новымъ связямъ. Но Лассаль былъ не изъ тѣхъ, кто поддается вліянію, не сопротивляясь. Онъ зналъ, что ему нужно. Первый вопросъ, на которомъ ему пришлось

столкнуться съ буржуазной демократiей, былъ вопросъ о бойкотѣ выборовъ.

Отношенiе къ бойкоту палаты.

Какъ извѣстно, послѣ изданiя трехкласснаго избирательнаго закона прусская демократiя рѣшила (на съѣздѣ въ Кетенѣ 11 iюля 1849 года) бойкотировать выборы. Къ демократiи примкнули и многiе изъ либераловъ, такъ что бойкотисты составили на первыхъ выборахъ въ палату 70% всѣхъ избирателей. Эта цифра увеличивалась все больше, и въ 1855 году достигла 84%. Разумѣется, вся соцiалистическая демократiя была въ числѣ бойкотистовъ. Но когда въ 1858 году обнаружился нѣкоторый поворотъ къ лучшему въ правительственной политикѣ, въ демократiи начались разногласiя во взглядахъ на цѣлесообразность дальнѣйшаго бойкота. Буржуазная часть демократiи, въ томъ числѣ даже такой блестящiй политикъ, какъ Якоби[1]), указывая на то, что бойкотъ пошелъ на пользу лишь врагамъ демократiи, призывала къ урнамъ. Но радикальная и соцiалистическая демократiя, въ томъ числѣ рейнскiе рабочiе, твердо стояла на прежней позицiи. Лассаль былъ въ числѣ самыхъ непримиримыхъ. Въ январѣ 1859 года онъ жалуется Марксу на измѣну буржуазной демократiи, радуется, что число голосующихъ увеличилось всего на 6% (съ 16 до 22) и прибавляетъ: «Такимъ образомъ на 100 избирателей всего только 6 подались соблазну со стороны этихъ людей безъ всякихъ политическихъ взглядовъ и безъ всякаго чувства чести... Зло, кажется, вообще больше всего въ Берлинѣ, что объясняется вполнѣ естественно здѣшними условiями. Мелкая буржуазiя ужасно преобладаетъ. Мало сравнительно крупной промышленности. Поэтому все заражено мелкобуржуазными воззрѣнiями. Однако и здѣсь пролетарiатъ, какъ я имѣю основанiе думать, остался отъ нихъ свободнымъ. Но это не обнаруживается. Обнаруживается одинъ буржуазный кретинизмъ».

Отношенiе къ прусскому конфликту.

Тактика бойкота была революцiонной тактикой. Но въ то же время она была насквозь реалистична. Реалистомъ въ политикѣ Лассаль не переставалъ быть никогда, и ни въ чемъ не сказывается его реалистическая точка зрѣнiя такъ ярко, какъ въ его анализѣ прусскаго конституцiоннаго конфликта и въ его теорiи конституцiи, увѣнчавшей этотъ анализъ.

---

[1]) Позднѣе перешедшiй въ соцiализмъ.

Сущность конфликта, его причины и его ходъ извѣстны[1]). Прогрессисты обвиняли правительство въ томъ, что оно нарушаетъ на каждомъ шагу конституцію. Лассаль взялся имъ доказать, что они горюютъ вовсе не о томъ, о чемъ нужно было горевать. И выставилъ свой взглядъ на сущность конституціи, послѣдовательно реалистическій взглядъ, который съ тѣхъ поръ сталъ господствующимъ. «Конституціонные вопросы, — говорилъ онъ въ рѣчи «о конституціи», произнесенной въ 1862 году, — прежде всего не вопросы права, а вопросы силы. Настоящая конституція страны существуетъ только въ реальныхъ, фактическихъ соотношеніяхъ силъ, господствующихъ въ данной странѣ. Писанныя конституціи только тогда цѣнны и долговѣчны, если являются точнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ, существующихъ въ обществѣ, соотношеній силъ». Съ этой точки зрѣнія любая страна въ любой періодъ ея политическаго бытія имѣетъ конституцію, только не писанную. Стремленіе обзавестись писанными конституціями, столь характерное для XIX вѣка, объясняется тѣмъ, что въ это время въ реальныхъ соотношеніяхъ силъ во всѣхъ культурныхъ странахъ наступили значительныя измѣненія, и эти измѣненія захотѣли закрѣпить писаннымъ конституціоннымъ актомъ. Но писанная конституція не имѣетъ сама по себѣ никакого реальнаго значенія. Въ случаѣ нужды ее можно сочинить въ три дня. При опасностяхъ она ничему не помогаетъ и ничего не предотвращаетъ.

Въ первой рѣчи Лассаль не касался злободневныхъ темъ. Онъ ставилъ и разрѣшалъ вопросы чисто теоретически. Она была произнесена 16 апрѣля 1862 г., когда въ палатѣ еще шла борьба и неясно было, на чью сторону склонится побѣда. Прошло полгода. Король распустилъ ландстагъ, и прогрессисты были въ полномъ недоумѣніи, что дѣлать дальше. Лассаль захотѣлъ прійти на помощь общественному мнѣнію и отвѣтить на этотъ вопросъ. «Что же теперь?» — такъ и называлась его вторая рѣчь о конституціи.

Господствующая въ Пруссіи политическая система — говорилъ Лассаль — есть призрачный конституціонализмъ, т.-е. такой, который конституціонной видимостью прикрываетъ абсолютистскую сущность. Это — не торжество народа, а торжество абсолютизма, слѣдовательно, ложь. Чтобы обезвредить эту ложь,

---

[1]) См. предыдущую статью.

нужно сорвать маску съ правительства, заставить его признать передъ всѣмъ свѣтомъ свои абсолютистскіе принципы. Какъ это сдѣлать? Лассалю кажется, что это очень легко. Сейчасъ же послѣ открытія сессій палата должна вынести постановленіе о прекращеніи засѣданій на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательствъ, что оно остановило производство отвергнутыхъ палатою расходовъ. На этотъ ходъ правительство можетъ отвѣтить двояко. Или оно капитулируетъ; тогда конфликтъ конченъ. Или оно не капитулируетъ, т.-е. начнетъ править безъ палаты; этимъ оно открыто признаетъ себя абсолютистскимъ. Рѣшиться на такое откровенное признаніе оно не можетъ. Его задачи въ Германіи, его внѣшняя политика будутъ сейчасъ же непоправимо скомпрометтированы. Во всякомъ случаѣ рекомендуемое средство ничему повредить не можетъ.

Палата не пошла за Лассалемъ. Она продолжала вести свою линію, и трудно сказать, помогло ли бы оружіе, которое вкладывалъ въ руки прогрессистовъ Лассаль, въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Бисмаркъ[1]).

Въ то время, какъ Лассаль произносилъ эту свою рѣчь, уже была въ полномъ разгарѣ его рабочая агитація.

VI.

„Программы рабочихъ“.

Началъ онъ ее съ теоретическаго манифеста, которому далъ названіе «Программы рабочихъ». Этотъ замѣчательный документъ лучше, чѣмъ что-нибудь другое изъ написаннаго Лассалемъ, показываетъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ умѣлъ онъ изъ отдѣльныхъ мыслей, заимствованныхъ у предшественниковъ, создавать нѣчто совершенно новое, крупное, отмѣченное печатью его собственной индивидуальности и необыкновенно хорошо отвѣчающее практической дѣли, поставленной напередъ.

Рѣчь «Программа рабочихъ» или, какъ она зовется въ подзаголовкѣ, «объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія», была произнесена впервые 12 апрѣля 1862 года. Въ ней двѣ части: историческая и политиче-

---

[1]) Есть мнѣніе, что Лассаль и самъ не придавалъ практическаго значенія своему предложенію и сдѣлалъ его будто бы лишь затѣмъ, чтобы дискредитировать прогрессистовъ: онъ былъ увѣренъ, что они не согласятся измѣнить свою тактику. Такое мнѣніе не подтверждается ничѣмъ.

ская. Историческая — это трехчленный законъ Гегеля, приложенный къ историческому матеріалу, обработанному по методу «Коммунистическаго Манифеста» [1]).

Въ средніе вѣка господствовавшимъ принципомъ было землевладѣніе (тезисъ); послѣ французской революціи 1789 г. господствующимъ принципомъ сталъ капиталъ (антитезисъ); послѣ революціи 1848 года господствующимъ принципомъ дѣлается трудъ (синтезисъ). Этотъ послѣдній періодъ имѣетъ свои особенности. «Четвертое сословіе есть послѣднее сословіе общества, сословіе обездоленное, не выставляющее и не могущее выставить никакого исключительнаго правового или фактическаго условія, ни дворянства, ни землевладѣнія, ни владѣнія капиталомъ, которое оно могло бы превратить въ новую привилегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества... Именно потому оно тождественно со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода самого человѣчества, его господство есть господство всѣхъ». Это и значитъ, что принципъ рабочаго сословія составляетъ господствующую идею текущаго историческаго момента.

Установивъ это положеніе, Лассаль переходитъ къ его анализу. Онъ разсматриваетъ отдѣльно его «нравственное содержаніе», «присущее ему воззрѣніе на цѣль государства» и «формальные средства его осуществленія». По первому вопросу Лассаля вдохновляютъ Фихте и Марксъ, по второму — Фихте и Гегель. Рѣшеніе третьяго подсказывается демократической программой, и оно обосновываетъ здѣсь всю цѣпь предыдущей аргументаціи.

У низшихъ классовъ не существуетъ противоположности между ихъ интересами и культурнымъ развитіемъ націи, вторая неразрывно сопровождаетъ всю исторію классовъ владѣющихъ. Ихъ ростъ, улучшеніе ихъ положенія «совпадаетъ съ развитіемъ всего народа, съ побѣдою идеи, съ прогрессомъ культуры, съ самымъ жизненнымъ началомъ исторіи, съ развитіемъ свободы». Отсюда вытекаетъ и особенное воззрѣніе на роль государства. Буржуазный взглядъ, заключающійся въ томъ, что государство должно лишь охранять личность и собственность, сводитъ роль государства къ функціямъ ночного сторожа. Пролетарскій взглядъ иной.

---

[1]) И, быть-можетъ, еще отголоски вліянія работъ Лоренца Штейна о соціальныхъ движеніяхъ во Франціи.

«Исторія есть борьба съ природою, съ невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, слѣдовательно, со всяческой неволей... Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы... Назначеніе государства — совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго къ свободѣ». Ясны преимущества принципа рабочаго сословія надъ принципами первыхъ трехъ сословій. Рабочее сословіе призвано возвысить свой собственный принципъ, до положенія принципа всего вѣка. «Вы скала, на которой воздвигнется церковь будущаго!» восклицаетъ Лассаль, обращаясь къ рабочимъ. Средство достигнуть этой цѣли — всеобщее, равное и прямое избирательное право.

Лассаль не развиваетъ этого единственнаго пока практическаго момента въ своей рѣчи. Правда, и безъ этого ему пришлось выдержать рядъ процессовъ изъ-за нея. Прокуроры сейчасъ же почуяли, какая страшная опасность кроется въ этой строго теоретической, чисто-научной рѣчи, и приговоры разныхъ инстанцій такъ и посыпались на смѣлаго оратора. Его защитительныя рѣчи полны паѳоса, эрудиціи, остроумія и глубочайшаго презрѣнія къ обвинителямъ. Но долго останавливаться на защитѣ ему было уже некогда. Раздался призывъ Лейпцигскаго Комитета, и Лассаль съ головой кинулся въ кипящія волны агитаціи.

Открытый отвѣтъ.

Его «Открытый отвѣтъ» содержитъ и программу, и тактическія предначертанія для организованной рабочей партіи. Здѣсь впервые съ совершенной ясностью Лассаль выяснилъ свой основной принципъ, тотъ, который до него чартисты разъяснили англійскимъ рабочимъ, а Луи-Бланъ — французскимъ: что только рѣшеніе политическаго вопроса откроетъ путь къ рѣшенію соціальнаго. Рабочіе могутъ начертать себѣ самую прекрасную, самую вѣрную программу, которая кратчайшимъ путемъ приведетъ ихъ къ завоеванію благосостоянія. Пока воля государства формируется силами, имъ враждебными, ни одна самая невинная реформа на этомъ пути не получитъ осуществленія. Только получивъ доступъ къ законодательной работѣ, они будутъ въ состояніи двинуть необходимыя реформы. Получить же доступъ къ законодательству можно лишь однимъ путемъ: завоеваніемъ всеобщаго, равнаго, прямого избирательскаго права. Такъ какъ рабочихъ много, то при демократическомъ избирательномъ законѣ они сумѣютъ добиться прочнаго вліянія въ парламентѣ и выступить съ иниціативой реформы. А какъ добиться всеобщаго избирательнаго права? Иными словами, какъ измѣнить въ смыслѣ, выгодномъ для проле-

таріата, реальную конституцію страны? Отвѣтъ ясенъ: сдѣлавъ изъ пролетаріата группу, имѣющую значеніе на вѣсахъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, т.-е. организовавши ихъ, превративши ихъ въ партію, съ которой нельзя не считаться.

Революціонный путь.

Это былъ послѣдовательный революціонный путь. Лассаль выступалъ, какъ противникъ существующаго порядка, какъ политикъ, стремящійся во имя извѣстныхъ идеаловъ сокрушить то, что господствуетъ, и поставить на его мѣсто нѣчто другое. Потомъ онъ не удержался на этомъ пути, но въ февралѣ 1863 года, когда онъ составлялъ «Открытый отвѣтъ», онъ крѣпко стоялъ на немъ.

Чтобы не было никакихъ недоразумѣній, необходимо установить, что понималъ подъ революціей Лассаль. Вліяніе Гегеля и здѣсь сказывается очень явственно. Лассаль вѣрилъ, что разъ извѣстная идея господствуетъ въ данный историческій періодъ, соотвѣтствующія реальныя перемѣны въ учрежденіяхъ наступятъ во что бы то ни стало. Относительно современнаго ему порядка онъ былъ глубоко убѣжденъ, что долго продержаться ему не суждено, что демократическій переворотъ долженъ осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Но Лассаль не терялъ самообладанія и не призывалъ для ускоренія переворота непремѣнно къ кровавымъ возстаніямъ. Революція для него — замѣна существующаго порядка новымъ принципомъ, безразлично путемъ насилія или безъ него. Революція можетъ быть процессомъ естественнымъ, и роль агитатора тогда сводится къ тому, чтобы вселить въ сознаніе общества господствующую идею. Онъ предостерегаетъ отъ кровавыхъ излишествъ якобинской революціи 1793 года. «Во имя vertu, во имя республиканской добродѣтели,—говоритъ онъ,—Робеспьеръ казнилъ богатыхъ, казнилъ за то, что они не раздѣляли патріотической любви къ равенству, что казалась ему личнымъ преступленіемъ. Тогда люди были безсильны измѣнить объективный химизмъ общественныхъ учрежденій, исправить объективное неравенство въ матеріальномъ положеніи. Напротивъ, въ принципѣ признавали это неравенство, какъ своего рода догматъ и въ ярости, что не могутъ измѣнить положеніе вещей, естественно и необходимо порождавшее соотвѣтствующій строй мысли въ личностяхъ, они валили вину на лица и казнили богатыхъ въ вящшее прославленіе республиканской добродѣтели. Наученный этимъ грознымъ прошлымъ, хорошо зная, какъ склонны бѣдные классы къ этой пагубной ошибкѣ, я говорю рабочимъ: если

событія когда-либо отдадутъ власть въ ваши руки, обращайте вниманіе только на обстоятельства, старайтесь разумно улучшить ихъ, измѣнить ихъ химическія функціи, но людей оставьте въ покоѣ. Ихъ безнравственность, отсутствіе у нихъ патріотической добродѣтели — не ихъ вина, а необходимое выраженіе ихъ классового положенія. На ихъ мѣстѣ вы были бы ни на волосъ не лучше».

Въ этихъ трезвыхъ словахъ слышатся отголоски думъ и переживаній разочарованнаго дюссельдорфскаго бунтаря, безуспѣшно пытавшему увлечь за собою рабочихъ въ 1848 году. Но это не значитъ, что Лассаль въ 1863 году готовъ совѣтовать рабочимъ сидѣть и ждать, пока власть имущимъ покажется, что время для реформъ уже наступило. Онъ предвидитъ и такой случай, когда и кровавая революція, та, которой можно, по его мнѣнію, избѣжать, должна будетъ разразиться въ Германіи. «Меня, — говоритъ онъ, — мои ученыя занятія привели къ вѣрѣ въ революцію... Революція должна во всякомъ случаѣ совершиться въ будущемъ. Она совершится или вполнѣ законнымъ путемъ, среди всѣхъ благодѣяній мира, если будутъ благоразумны и рѣшатся во-время произвести ее сверху, или ворвется она со всѣми судорогами насилія, съ дико развѣвающимися волосами, съ желѣзными сандаліями на ногахъ. Такъ или иначе, она придетъ, и когда вдали отъ уличнаго шума я углубляюсь въ исторію, я слышу, какъ близится ея поступь».

Начиная свою агитацію, Лассаль былъ готовъ ко всякой революціи, но необходимой онъ считалъ только «замѣну стараго новымъ».

Соціальные идеалы.

Каковы же были соціальные идеалы, во имя которыхъ онъ думалъ поднять рабочихъ? Это — производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ. Онъ выдвигалъ ихъ въ противовѣсъ потребительнымъ, кредитнымъ и производительнымъ товариществамъ Шульце-Делича, за которыми отрицалъ всякое значеніе, которыя считалъ вредными. Онъ очень подчеркивалъ моментъ государственнаго кредита, — моментъ, который такъ хорошо отвѣчалъ его взглядамъ на задачи государства, изложеннымъ въ «Программѣ рабочихъ», и который, по его мнѣнію, одинъ превращалъ производительныя коопераціи Шульце изъ вредной утопіи въ соціальную панацею. Теоретически это положеніе опиралось на знаменитый «желѣзный законъ заработной платы», которому Лас-

саль придавалъ такое огромное значеніе и который оказался заблужденіемъ [1]).

Первые плоды агитаціи.

Практическое предложеніе Лассаля заключалось въ томъ, что Лейпцигскій Комитетъ долженъ немедленно приступить къ основанію чисто рабочаго союза, независимаго отъ прогрессистовъ, притомъ обще-германскаго, не прусскаго. Онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что устраняться отъ политической дѣятельности рабочіе не должны, но не должны также итти въ хвостѣ у какой бы то ни было другой политической партіи. У рабочихъ свои задачи, не совпадающія съ задачами прогрессистовъ и даже имъ противоположныя, и путь у рабочихъ долженъ быть самостоятельный.

Нетрудно себѣ представить, какая буря поднялась въ лагерѣ прогрессистовъ: у нихъ грозили отнять одну изъ самыхъ сильныхъ поддержекъ въ политической области. Мало того, говорили о противоположности интересовъ, т.-е. собирались превратить сегодняшняго покорнаго питомца въ непримиримаго противника. Лассаль сдѣлался мишенью нападокъ, оскорбленій, инсинуацій, грязныхъ личныхъ обвиненій. За то онъ нашелъ союзника тамъ, гдѣ не ожидалъ. Наиболѣе дальновидные изъ консерваторовъ въ родѣ Вагенера, друга Бисмарка и редактора «Kreuzzitung'а», сейчасъ же поняли смыслъ новаго демократическаго движенія и пытались использовать его въ своихъ интересахъ. Вагенеръ открыто расшаркался передъ демократіей и въ полемикѣ съ прогрессистами ссылался на аргументы ея теоретиковъ. «Kreuzzeitung» шелъ дальше. Онъ приглашалъ правительство стать на точку зрѣнія Лассаля, чтобы получить «желанный поводъ пріобрѣсти прочный базисъ въ борьбѣ противъ прогрессистовъ и на основаніи ихъ ложныхъ соціальныхъ выводовъ доказать, какъ невѣрны ихъ политическія посылки».

---

[1]) Его сущность такова: «средній размѣръ заработной платы всегда сводится къ безусловно необходимому содержанію, требуемому привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, никогда не поднимаясь выше, никогда надолго не опускаясь ниже». Ибо въ первомъ случаѣ возрастетъ благосостоянье рабочихъ, участятся браки, произойдетъ приливъ рабочихъ рукъ, предложеніе превыситъ спросъ и плата понизится. Во второмъ — наступитъ нужда, участятся смертные случаи, явится недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и плата повысится. «Желѣзный законъ» очень мало оригиналенъ. Его первая формула находится у физіократовъ, потомъ она воспроизводилась у Мальтуса, Рикардо и Родбертуса.

Лассаль горячо вѣрилъ, что стоило появиться его «Открытому отвѣту», и рабочіе всей Германіи сейчасъ же сомкнутся вокругъ него съ восторженными криками: веди насъ! На дѣлѣ оказалось не то. Созданіе рабочей партіи въ странѣ, мало еще развитой въ промышленномъ отношеніи, оказалось дѣломъ труднымъ. Бебель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» прекрасно рисуетъ причины медленнаго успѣха агитаціи Лассаля. «Открытый отвѣтъ» Лассаля,—пишетъ онъ,—не произвелъ на рабочій міръ и малой доли того впечатлѣнія, какого ожидали отъ него самъ Лассаль, а вслѣдъ за нимъ его ближайшіе приверженцы... И это было естественно. Не только экономическія, но и политическія условія были еще очень отсталыя. Свобода промысловъ, свобода передвиженія, свобода поселенія, свобода странствованія, свобода собраній и союзовъ были требованія, которыя рабочимъ того времени были много ближе, чѣмъ производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, о которыхъ они не могли составить себѣ правильнаго представленія. Идея ассоціаціи только что складывалась. Даже всеобщее избирательное право не казалось многимъ правомъ необходимымъ. Во-первыхъ, какъ много разъ уже указывалось, политическое воспитаніе было недостаточное, а затѣмъ огромному большинству борьба прусской палаты съ министерствомъ Бисмарка представлялась мужественнымъ подвигомъ, заслуживающимъ поддержки и одобренія, а не порицанія и издѣвательства. Кто, подобно мнѣ, принималъ участіе въ политической дѣятельности, тотъ зачитывался отчетами о засѣданіяхъ палаты и считалъ рѣчи оппозиціи образцомъ политической мудрости. Либеральная пресса встрѣтила выступленіе Лассаля неслыханными дотолѣ злобными криками и глумленіями. Личные намеки и унизительныя заподозриванія посыпались на него градомъ, и то обстоятельство, что, главнымъ образомъ, консервативные органы, напр., «Kreuzzeitung» относились къ нему объективно—имъ была на руку его борьба противъ либераловъ—не могло увеличить въ нашихъ глазахъ кредитъ Лассаля и его сторонниковъ». Въ средѣ самого Лейпцигскаго Комитета произошелъ расколъ. Часть его съ профессоромъ Росмеслеромъ во главѣ высказалась противъ предложенія Лассаля. Въ концѣ марта былъ избранъ поэтому новый комитетъ, во главѣ котораго стали Фальтейхъ, Фрицше и д-ръ Даммеръ; имъ и была поручена организаціонная работа.

16 апрѣля Лассаль пріѣхалъ въ Лейпцигъ и произнесъ рѣчь, посвященную развитію основныхъ положеній «Открытаго Отвѣта» и опроверженію доводовъ своихъ либеральныхъ противниковъ. Лейпцигъ былъ завоеванъ. Многіе видные дѣятели, профессоръ Вуттке, Лотаръ Бухеръ объявили себя съ нимъ солидарными. Но нападки прогрессистовъ не прекращались. Чтобы дать имъ отповѣдь Лассаль выступилъ съ новой рѣчью въ Франкфуртѣ, которая была едва ли не самымъ большимъ его ораторскимъ тріумфомъ. Она заключила подготовительные шаги. Членовъ набралось по мнѣнію Лассаля достаточно, и 23 мая 1863 года состоялось основаніе Обще-Германскаго Рабочаго Союза.

Своевременно ли было выступленіе Лассаля?

Здѣсь удобнѣе всего поставить главный вопросъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Лассаля. Были ли налицо условія, оправдывающія его выступленіе? Не сдѣлалъ ли онъ ошибки, начавъ свою агитацію въ мало благопріятный моментъ и положивъ въ основу ея принципы производительныхъ ассоціацій съ государственной помощью и всеобщее, равное, прямое избирательное право. Еще въ октябрѣ 1868 года, т.-е. когда послѣ смерти Лассаля прошло больше четырехъ лѣтъ, Марксъ высказалъ рѣзкое осужденіе всей программѣ Лассаля и всей его тактикѣ. Онъ писалъ: «Послѣ пятнадцатилѣтняго сна Лассаль снова разбудилъ рабочее движеніе въ Германіи, — и въ этомъ его безсмертная заслуга. Но онъ совершилъ большія ошибки. Онъ слишкомъ поддался вліянію непосредственныхъ условій времени. Онъ сдѣлалъ малый исходный пунктъ — свой антагонизмъ къ пигмею Шульце-Деличу — центральнымъ пунктомъ своей агитаціи, государственную помощь выдвинулъ противъ самопомощи. Онъ этимъ возобновилъ пароль, который Бюшезъ, вождь французскаго *католическаго* соціализма, выдвинулъ въ 1843 году противъ истиннаго рабочаго движенія во Франціи. Слишкомъ умный, чтобы считать этотъ пароль чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ преходящаго pis-aller, онъ могъ его оправдывать только его непосредственнымъ (мнимымъ!) practicabilitu. Для этого онъ долженъ былъ утверждать его выполнимость въ ближайшемъ будущемъ. «Государство» поэтому превращалось у него въ прусское государство. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ дѣлать уступки прусскому государству, прусской реакціи (феодальной партіи) и даже клерикаламъ. Бюшезовскую государственную помощь ассоціаціямъ онъ связалъ съ лозунгомъ чартистовъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Онъ упустилъ изъ виду, что условія Германіи и Англіи

различны. Онъ упустилъ изъ виду уроки bas-empire насчетъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ, далѣе, съ самаго начала, какъ каждый человѣкъ, который утверждаетъ, что у него въ карманѣ панацея отъ всѣхъ народныхъ бѣдъ, придалъ агитаціи религіозно-сектантскій характеръ. И дѣйствительно, всякая секта религіозна. Онъ, далѣе, отрицалъ, и именно, какъ основатель секты, всякую естественную связь съ предыдущимъ движеніемъ. Онъ впалъ въ ошибку Прудона, который вмѣсто того, чтобы искать реальный базисъ своей агитаціи въ дѣйствительныхъ элементахъ классоваго движенія, хотѣлъ предписывать послѣднему ходъ по опредѣленному доктринерскому рецепту».

Въ чемъ правъ и въ чемъ неправъ Марксъ? Жестокая критика теоретической части совершенно справедлива. «Желѣзный законъ» — не желѣзный и не законъ. Ему недостаетъ эмпирической убѣдительности ученія о прибавочной цѣнности. Производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ — слабая панацея. Ее нельзя сопоставлять съ соціальнымъ идеаломъ, окончательно формулированнымъ въ Эрфутской программѣ — обобществленіемъ средствъ производства. Но дѣло въ томъ, что этотъ идеалъ имѣетъ смыслъ только въ странѣ съ широко развитой промышленностью. Въ отсталой странѣ,—въ странѣ, гдѣ промышленность еще ведетъ борьбу — и не всегда побѣдоносную — съ режимомъ, этотъ широкій идеалъ казался бы даже не утопіей, а просто безсмыслицей. Лассаль былъ хорошій практикъ и эти вещи понималъ.

Что «государственная помощь», нетерпѣливо — не сегодня-завтра — ожидаемая, должна была при существующихъ политическихъ условіяхъ изъ государства вообще сдѣлать прусское государство, было вѣроятно; Марксъ писалъ «post festum», и установить эту связь ему было нетрудно. Лассаль могъ ее не предвидѣть. А если и предвидѣлъ, могъ ея не испугаться. Если только вѣрно то, что онъ говоритъ въ защитительной рѣчи по обвиненію въ государственной измѣнѣ: что онъ зналъ о планахъ Бисмарка даровать всеобщее избирательное право въ день опубликованія «открытаго отвѣта» — онъ не долженъ былъ бояться стать лицомъ къ лицу съ прусскимъ государствомъ.

И уже совсѣмъ неправъ Марксъ въ томъ, что онъ говоритъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, объ урокахъ второй имперіи и проч. Это сейчасъ будетъ видно.

VII.

Обще-Германскій Рабочій Союзъ.

Основная тенденція О. Г. Р. С. выясняется изъ перваго параграфа его устава. «Подъ названіемъ О. Г. Р. С.,—читаемъ мы тамъ, — нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только всеобщее, равное, прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ нѣмецкаго рабочаго сословія и дѣйствовать на мирномъ и законномъ пути, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу возстановленія всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права».

Двѣ основныя идеи Лассаля.

Въ этихъ немногихъ словахъ необычайно рельефно, отчетливо и настойчиво звучали тѣ два мотива агитаціи Лассаля, которые сдѣлали ее историческимъ фактомъ огромной важности. Первый изъ нихъ тотъ, что соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь послѣ рѣшенія политическаго. Второй — что нѣмецкое рабочее движеніе должно быть общегерманскимъ.

Объ экономическихъ идеалахъ Союза въ уставѣ нѣтъ ни слова. Какъ будто ихъ не существуетъ совсѣмъ. Союзу ставится чисто политическая цѣль, къ которой члены его должны стремиться всѣми силами. Когда политическая цѣль будетъ достигнута, хватитъ времени, чтобы подумать о соціальныхъ задачахъ. Этотъ лозунгъ сразу провелъ грань между буржуазной филантропической дѣятельностью на пользу рабочихъ и самостоятельнымъ рабочимъ движеніемъ, руководящимся логикой классовыхъ интересовъ. Отнынѣ уже невозможно было повернуть нѣмецкое рабочее движеніе на другую колею. Оно должно было быть ярко политическимъ и ярко-пролетарскимъ. Оставалось въ предѣлахъ этихъ двухъ пограничныхъ вѣхъ еще много мѣста для споровъ и несогласій: ими будетъ наполнена исторія нѣмецкаго рабочаго движенія въ ближайшія одиннадцать лѣтъ, до Готскаго конгресса, гдѣ слились лассальянцы и эйзенахцы, — но ни за одну, ни за другую изъ этихъ линій движеніе не выйдетъ. Лассаль крѣпко вколотилъ свои вѣхи.

Столь же безошибочно начерталъ онъ территоріальныя грани нѣмецкому рабочему движенію. Не Пруссія и не Австрія, а вся Германія, включая Пруссію, включая исконную нѣмецкую Австрію. Внутренняя логика, управляющая ростомъ нѣмецкаго рабочаго движенія, требовала именно такого опредѣленія террито-

ріальныхъ границъ. Нѣмецкая промышленность стремилась разрушить всѣ таможенные шлагбаумы, отдѣляющіе одно отъ другого многочисленныя нѣмецкія отечества. До тѣхъ поръ, пока эти шлагбаумы стояли непоколебимо, блистая своей полосатой окраской, рабочіе въ разныхъ углахъ Германіи обречены были бороться за лучшее существованіе отдѣльно, они не могли повести общаго наступленія. А безъ него было нельзя. Объединенное дѣйствіе являлось необходимымъ условіемъ успѣшности борьбы. Такъ для идеалистическихъ построеній Фихте, вдохновлявшихъ брошюру объ итальянской войнѣ, оказался готовый реалистическій фундаментъ. И именно потому, что національный принципъ, который Лассаль связалъ съ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ, былъ вѣрнымъ, безошибочно указаннымъ выраженіемъ интересовъ пролетаріата. Такъ же, какъ и другой — онъ навсегда остался начертаннымъ на красномъ знамени нѣмецкаго пролетаріата.

Однако угадать и формулировать принципы, которые должны были повести къ побѣдамъ организованнаго нѣмецкаго рабочаго, оказалось лишь малой частью задачи. Настоящая работа лежала впереди. Всеобщее избирательное право представлялось близкимъ, но не давалось въ руки. Пропаганда, что бы ни говорилъ Лассаль, шла туго. Число членовъ Обще-Германскаго Союза быстро дошло до двухъ тысячъ и съ необычайной медленностью доходило до третьей тысячи[1]). Нетерпѣливые порывы пылкаго вождя жаждали громкихъ успѣховъ, блистательныхъ побѣдъ. Ничего похожаго не давала скупая нѣмецкая дѣйствительность. Тогда-то Лассаль дерзнулъ сдѣлать тотъ шагъ, который онъ такъ сурово осуждалъ въ своемъ «Зиккингенѣ». Онъ оставилъ революціонный путь и попробовалъ ускорить ходъ событій посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ, посредствомъ прямого соглашенія съ властью. **Тактика Лассаля.**

Совершилъ ли Лассаль полностью грѣхъ Зиккингена, т.-е. было ли то, къ чему онъ стремился въ переговорахъ съ Бисмаркомъ, противно интересамъ рабочихъ? Самъ онъ былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ именно въ интересахъ рабочихъ. Но кромѣ интересовъ рабочихъ въ этихъ переговорахъ былъ еще одинъ мотивъ: его собственное честолюбіе.

Обще-Германскому Рабочему Союзу было дано чисто монархическое устройство. Предвидя, что во главѣ Союза станетъ онъ

---

[1]) Въ моментъ смерти Лассаля ихъ было всего 4.600 чел.

самъ, Лассаль необычайно широко надѣлилъ президента правами и полномочіями. Власть, ему предоставленная, мало чѣмъ отличалась отъ диктаторской. На меньшемъ авторитарная натура Лассаля не могла помириться. Лассаль смѣло могъ сказать: «Союзъ, это — я!» Онъ могъ вести его, куда ему казалось полезнымъ; противодѣйствія быть не могло. Поэтому, когда, несмотря на всѣ усилія, несмотря на дѣйствительно большіе успѣхи, сопровождавшіе его осеннюю поѣздку по рейнскимъ городамъ съ рѣчью «Пресса, празднества и французскій съѣздъ депутатовъ», число членовъ Союза продолжало расти медленно, — онъ свернулъ съ революціонной дороги. Его гордый девизъ «Flecere si nequeo superos Acheronta movebo», получилъ обратный смыслъ: если мнѣ не удается привести въ движеніе подземные воды Ахерона, попробую склонить вышнія силы. На это не дерзнулъ бы ни одинъ обыкновенный лидеръ партіи. Лассаль дерзнулъ, потому что онъ былъ диктаторомъ.

Бисмаркъ и Лассаль.

Дѣло шло о томъ, чтобы убѣдить Бисмарка даровать Германіи всеобщее избирательное право. Почему Лассаль не захотѣлъ ждать, чтобы Бисмаркъ уступилъ напору снизу? Почему вмѣсто того, чтобы предстать передъ министромъ при свѣтѣ солнца, побѣдителемъ, во главѣ рабочихъ легіоновъ и мечомъ исторгнуть у него капитуляцію, Лассаль пошелъ къ нему чуть не тайкомъ, съ задняго крыльца? У него не хватало терпѣнія ждать. Онъ боялся, что дѣло затянется, что оправдаются предсказанія Маркса и Энгельса, что рабочіе станутъ безучастны къ его агитаціи. Какой это былъ бы ударъ его самоувѣреннымъ чаяніямъ! Потерпѣть крушеніе въ такомъ дѣлѣ, притомъ не пасть раздавленнымъ превосходными силами въ борьбѣ, а безславно сгинуть, покинутымъ своими! Развѣ могъ онъ, сложа руки, ждать такого — возможнаго, казалось — исхода? Онъ, про котораго Бисмаркъ шутя говорилъ, что ему было не вполнѣ ясно, должна ли Германская имперія основаться съ династіей Гогенцоллерновъ или съ династіей Лассалей! Что его надежды были безбрежныя, мы знаемъ изъ разговоровъ, переданныхъ намъ Еленой Деннигесъ. Что эти надежды должны были сильно потускнѣть уже въ концѣ 1863 года, когда не удался натискъ на Берлинъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. А столкновеніе мечтаній съ дѣйствительностью въ безгранично-честолюбивой душѣ Лассаля должно было произвести именно такое дѣйствіе. Онъ не измѣнилъ рабочимъ изъ-за какихъ-нибудь классовыхъ по-

бужденій, какъ Заккингенъ, но онъ покинулъ революціонный путь, на которомъ рабочихъ ждала побѣда.

Всеобщее избирательное право.

Разумѣется, и убѣдить Бисмарка было задачей нелегкой. Лассалю нужно было скрывать свои взгляды на всеобщее избирательное право, какъ на орудіе демократизаціи страны, и подчеркивать два момента: во-первыхъ, что оно не можетъ сдѣлаться вреднымъ для монархіи, разъ страна въ общемъ настроена консервативно; за это ручалась практика второй имперіи во Франціи; во-вторыхъ, что оно явится великолѣпнымъ средствомъ для моральнаго завоеванія Германіи Пруссіей; это совпадало съ политическими выкладками самого Бисмарка. Министръ, кромѣ того, видѣлъ грандіозные «смотры» Лассаля на Рейнѣ. Они производили впечатлѣніе. Бисмаркъ соображалъ, что всеобщее избирательное право нейтрализуетъ вліяніе буржуазно-либеральныхъ классовъ и, слѣдовательно, послужитъ ему оружіемъ противъ безсильной, но назойливой оппозиціи прогрессистовъ. Поэтому онъ охотно слушалъ аргументы Лассаля. Когда пришлось перестраивать Германію въ 1866 г., Бисмаркъ уже не боялся этого «демократическаго орудія». Лассаля тогда уже не было въ живыхъ, но теперь мы знаемъ съ несомнѣнностью, что духовнымъ отцомъ всеобщаго избирательнаго права въ Германіи былъ Лассаль и никто больше.

Лассаль, вѣроятно, видѣлъ не хуже Маркса, къ чему приводило во Франціи всеобщее избирательное право. Но онъ, очевидно, лучше оцѣнивалъ его болѣе отдаленные результаты. Бисмарку, конечно, нужно было говорить, что примѣръ Франціи показываетъ безопасность всеобщаго избирательнаго права для монархическаго принципа, и Лассаль не жалѣлъ для этого своего краснорѣчія. Но французскіе выборы 1863 года, на которыхъ оппозиція получила цѣлыхъ 35 мѣстъ, вмѣсто жалкихъ пяти, давали ему полное право не очень бояться «уроковъ» бонапартовой имперіи. Явственно обнаруживалось, что всеобщее избирательное право, какъ копье Ахиллеса, само излѣчитъ раны, нанесенныя имъ странѣ. Исторія принесла самыя блистательныя доказательства того, что Лассаль въ 1863 году гораздо правильнѣе учитывалъ положеніе, чѣмъ Марксъ въ 1868. То, что Марксъ писалъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ приведенномъ выше письмѣ къ Швейцеру, показываетъ только одно: что даже четыре года спустя послѣ смерти Лассаля онъ не могъ заставить себя быть вполнѣ безпристрастнымъ къ своему бывшему другу.

Ни въ чемъ Лассаль не обнаружилъ такъ ясно своего политическаго генія, какъ въ томъ, что ближайшей цѣлью нѣмецкаго рабочаго движенія сдѣлалъ всеобщее избирательное право. Онъ былъ поистинѣ великъ, когда сказалъ, указывая эту цѣль рабочему: симъ побѣдиши!

VIII.

Слабые успѣхи.

Выше говорилось, что пропаганда Шульце-Делича сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ старой Пруссіи и почти не касалась фабричныхъ округовъ Германіи. Тѣ кружки самообразованія, которые насаждались соціальными политиками бюргерскаго направленія въ фабричныхъ мѣстностяхъ, подготовляли рабочихъ совсѣмъ по-другому, чѣмъ построенная на извѣстныхъ идеалахъ агитація въ пользу кооперативныхъ товариществъ. Эта агитація подкрѣплялась фактами, и рабочіе (впрочемъ, не столько рабочіе, сколько ремесленники) связывали съ нею представленіе объ извѣстной выгодѣ. Кружки самообразованіе давали нѣкоторую подготовку и нѣкоторое развитіе, но ни съ какой выгодою для рабочихъ не соединялись.

Вотъ почему въ фабричныхъ областяхъ, въ Саксоніи и на Рейнѣ, Лассаль имѣлъ успѣхъ сравнительно большой, а въ Пруссіи, въ частности въ Берлинѣ, потерпѣлъ почти полную неудачу. Тѣмъ не менѣе, у Лассаля были причины, позволявшія ему казаться довольнымъ. Его выступленіе встряхнуло страну. Его «смотры» производили впечатлѣніе на всѣхъ, въ томъ числѣ даже на Бисмарка. У него были поклонники. Среди тѣхъ общественныхъ и ученыхъ круговъ, которые не входили ни въ составъ партіи прогрессистовъ, ни въ составъ Національнаго Союза, его агитація встрѣчала сочувствіе. Правда, то были больше реакціонные круги, но Лассаль тщательно отмѣчалъ всякій новый фактъ этой категоріи. Теоретики юнкерской монархической идеи привѣтствовали въ немъ противника прогрессистовъ, съ которыми они сами вели борьбу. Клерикалы въ лицѣ майнцскаго архіепископа Кеттелера были рады ему, такъ какъ онъ полемизировалъ съ прогрессистами, а прогрессисты и имъ были бѣльмомъ на глазу. Отдѣльные ученые, которые свидѣтельствовали Лассалю если не о солидарности, то объ удовлетвореніи, Родбертусъ, Бухеръ, Вуттке, были людьми консервативно настроенными: Родбертусъ — монархистъ, Бухеръ — очень умѣренный конституціоналистъ ан-

глійской складки, уже съ вожделѣніемъ глядѣвшій на Бисмарка и его канцеляріи, Вуттке — великогерманецъ и австрофилъ. Самое любопытное, что Лассаль зачислилъ въ число своихъ сторонниковъ самого короля. Черезъ посредство Бисмарка онъ выхлопоталъ у Вильгельма аудіенцію для депутаціи силезскихъ ткачей. Король принялъ рабочихъ, далъ имъ нѣкоторую сумму изъ собственной шкатулки и сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ. Лассаль все это утилизировалъ и въ его устахъ всѣ эти разрозненные, скудные факты пріобрѣтали какую-то особенную значительность: «Мы заставили народъ, ученыхъ, епископовъ, короля свидѣтельствовать истину нашихъ принциповъ».

Хуже всего обстояло по части «народа». Лассаль былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять простой вещи: что демократическому и соціалистическому агитатору нельзя работать, имѣя незначительный успѣхъ у рабочихъ и встрѣчая одобреніе только у реакціи.

Разочарованіе и смерть.

И подъ конецъ неутомимаго бойца начинаетъ охватывать жуткое чувство, близкое къ отчаянію. Въ маѣ 1864 года онъ уже съ трудомъ можетъ его скрывать. Тяжелыя перепитіи страннаго романа съ Еленой Деннигесъ, съ одной стороны, нападки въ прогрессистской печати — съ другой, неудачи О. Г. Р. Союза — съ третьей подавляютъ Лассаля. Даже его энергія начинаетъ изсякать. Онъ чувствуетъ, что силъ его хватитъ не надолго. Въ Ронсдорфской рѣчи, произнесенной въ годовщину основанія Союза, онъ не таитъ отъ слушателей предчувствія близкаго конца. «Exoriare aliquis meis ex ossibus ultor!» [1]) восклицаетъ онъ и заставляетъ слушателей поклясться не оставлять дѣла, когда его не станетъ.

Предчувствіе не обмануло Лассаля. Три съ небольшимъ мѣсяца спустя, въ августѣ 1864 г. въ глухомъ швейцарскомъ ущельѣ, его сразила пуля молдаванскаго обожателя Елены. Быть-можетъ, онъ умеръ во-время. Ему, директору Союза, который велъ какіе-то переговоры съ главою правительства, который радовался сочувствію реакціонныхъ дѣятелей, трудно было вывести нѣмецкое рабочее движеніе изъ тупика. Онъ самъ завелъ его въ этотъ тупикъ тѣмъ, что началъ «лукавить» съ революціей. Другимъ теперь было гораздо легче исправить сдѣланныя имъ ошибки, чѣмъ ему самому.

---

[1]) «Изъ костей моихъ родится нѣкій мститель, т.-е. продолжатель дѣла.

Заслуги Лассаля.

Ибо, въ концѣ-концовъ, его промахи въ общей перспективѣ нѣмецкаго рабочаго движенія едва замѣтны. Посредственные люди, его преемники, привели все въ порядокъ довольно быстро. Для этого не нужно было Лассаля съ его колоссальными духовными силами, съ его огромной, все подавляющей, индивидуальностью.

За то, чтобы *создать* нѣмецкое рабочее движеніе, нуженъ былъ именно Лассаль со всѣмъ величіемъ его духа, потому что люди средняго дарованія тутъ были безсильны. И партія, отцомъ которой былъ Лассаль, которая давно уже стала самой многочисленной партіей Германіи, помнитъ его заслуги очень хорошо. Она не забываетъ, что, когда нѣмецкій пролетаріатъ былъ неорганизованной темной толпой, только у одного человѣка хватило силъ укрѣпить въ нѣмецкой землѣ древко краснаго знамени и собрать вокругъ него ядро будущей могучей фаланги, первыя тысячи организованныхъ рабочихъ: у Фердинанда Лассаля.

А. Дживелеговъ.

Объединеніе Германіи.

Австрія и Пруссія.

Пятидесятые годы XIX вѣка были временемъ общей реакціи противъ движенія сороковыхъ годовъ. Новый историческій періодъ начался только въ самомъ концѣ этого десятилѣтія, въ 1859 г., когда произошла итальянская война, приведшая къ объединенію Италіи подъ властью Савойской династіи, царствовавшей въ Сардинскомъ королевствѣ. Событія 1859 — 1861 гг. на Апеннинскомъ полуостровѣ не могли не отразиться на нѣмецкой націи. Если Италія начала объединяться, почему того же самаго не могла бы сдѣлать и Германія? Но тутъ сразу же возродился антагонизмъ велико-германской и мало-германской партій. Одни указывали на Австрію, какъ на державу, способную защищать интересы націи отъ союза латинскихъ расъ на западѣ и отъ Славянской имперіи на востокѣ, но другіе утверждали, что то и другое въ состояніи была бы выполнить Пруссія. Въ 1859 г. сторонники прусской гегемоніи основали нѣмецкій Національный союзъ по образцу дѣйствовавшаго въ Италіи такого же союза, на что нѣсколько времени спустя возникшія тогда же австрофильскія организаціи отвѣтили образованіемъ Союза реформы. Въ исторіи Германіи это были очень живые годы: происходили съѣзды политическихъ дѣятелей, совѣщанія министровъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ и переговоры относительно военной защиты Германіи отъ честолюбивыхъ замысловъ Наполеона III. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ времени Австрія и Пруссія держались прямо-противоположныхъ взглядовъ, да и въ другихъ государствахъ не было единства какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и въ прави-

Пособія. *Карѣевъ*, Исторія Западной Европы и новое время; *Кауфманъ*, Политическая исторія Германіи XIX в.; *Джививелеговъ*, Исторія современной Германіи; *Sybel*, Begrundung d. deutschen Reichs; *O. Lorent*, Kaiser Wilhelm und d. Begrundung d. deutschen Reichs.

тельственной политикѣ. Либералы были на сторонѣ конституціонной Пруссіи противъ абсолютистской Австріи, но когда въ 1861 г. послѣдняя вступила на путь конституціоннаго развитія, а въ Пруссіи въ 1862 г. начался затяжной конфликтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, симпатіи многихъ стали было склоняться на сторону Австріи. Когда австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ предложилъ другимъ нѣмецкимъ государямъ переустройство всей Германіи съ образованіемъ въ ней общаго парламента изъ делегатовъ отъ представительныхъ палатъ отдѣльныхъ государствъ Германскаго союза, Австрія даже сдѣлалась особенно популярною въ нѣмецкомъ общественномъ мнѣніи. Въ Пруссіи руководящимъ министромъ сдѣлался въ это время Бисмаркъ, впослѣдствіи главный дѣятель объединенія Германіи подъ прусской гегемоніей. Правительство въ Берлинѣ въ это время вопреки палатѣ проводило военную реформу, потому что, какъ говорилъ Бисмаркъ, «великіе вопросы рѣшаются не рѣчами и голосованіями, а желѣзомъ и кровью». И на самомъ дѣлѣ для объединенія Германіи понадобились три войны.

Датская война.

Приверженцы германской національной идеи, между прочимъ, стремились къ освобожденію земель, населенныхъ нѣмцами, но находившихся подъ чуждою властью. Въ составѣ Германскаго союза находилась населенная нѣмцами Голштинія, бывшая съ Шлезвигомъ, гдѣ тоже было много нѣмцевъ, провинціей Датскаго королевства. Въ эпоху германской революціи былъ поставленъ вопросъ объ освобожденіи герцогствъ отъ датскаго ига, и Пруссія даже вела изъ-за нихъ съ Даніей войну, ни къ чему, впрочемъ, не приведшую изъ-за вмѣшательства другихъ великихъ державъ. Между тѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Даніи прекратилась династія, при чемъ оба герцогства отказались признать своимъ государемъ лицо, которое царствовало въ Даніи, и выразили желаніе тѣснѣе примкнуть къ Германіи. Въ нѣмецкой націи и у всѣхъ почти германскихъ правительствъ это движеніе нашло сочувствіе и моральную поддержку, но Австрія и Пруссія высказались сначала противъ. Это, однако, не помѣшало обоимъ этимъ державамъ предъявить датскому правительству то отношеніе къ Шлезвигу требованія, отказъ отъ которыхъ Даніи повлекъ за собою войну. Извѣстно, что Данія въ ней была побѣждена и должна была уступить австрійскому и прусскому государямъ оба герцогства. По особому договору Австрія взяла во временное управленіе Голштинію, Пруссія—Шлезвигъ, но по

многимъ вопросамъ союзники между собою не поладили, и это привело къ войнѣ между ними самими.

Австро-прусская война.

Датская война была въ 1864 г., австро-прусская—въ 1866. Пруссія, руководимая Бисмаркомъ, все время готовилась къ столкновенію, уже давно назрѣвавшему между монархіями Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Между прочимъ, прусскому правительству удалось добиться отъ Наполеона III согласія на то, чтобы Италія начала войну съ Австріей, при чемъ сама Италія, конечно, состояла въ союзѣ съ Пруссіей. Нелады австрійцевъ и пруссаковъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ окончились прямымъ столкновеніемъ. Пруссаки заняли Голштинію, вытѣснивъ оттуда австрійское войско. При этомъ прусское правительство заявило, что германскій союзный сеймъ не компетентенъ разсматривать австро-прусскій споръ, и предложило всѣмъ германскимъ государямъ планъ переустройства Германіи съ полнымъ исключеніемъ изъ нея Австріи. Послѣдняя, въ свою очередь, обратилась къ Союзному сейму съ предложеніемъ наказать Пруссію, на что прусскій уполномоченный заявилъ, что его государь считаетъ Германскій союзъ расторгнутымъ. Это было 14 іюня 1866 г., а на другой день Пруссія потребовала отъ Ганноверскаго и Саксонскаго королевствъ и курфюршества Гессенъ-Кассельскаго подчиненія ея желаніямъ. Война началась и окончилась быстро. Пруссаки заняли три названныя государства и не дали австрійскимъ военнымъ силамъ соединиться съ войсками южно-германскихъ государствъ, ставшихъ на сторону Австріи въ то самое время, какъ итальянцы вторглись въ Венеціанскую область, все еще находившуюся въ составѣ Австрійской имперіи. 3 іюля при Садовой (въ Богеміи) произошла рѣшительная битва. Побѣдили пруссаки, передъ которыми теперь былъ открытый путь въ Вѣну и дальше, въ Венгрію. Такимъ поразительнымъ успѣхомъ Пруссія была обязана начальнику генеральнаго штаба Мольтке. Францу-Іосифу пришлось смириться, и въ Прагѣ между обоими государствами былъ подписанъ мирный договоръ.

Сѣверо-германскій союзъ.

По пражскому миру 1866 г. Австрія исключалась изъ Германіи, т.-е. политическое объединеніе нѣмецкой націи начиналось въ духѣ требованій мало-германской партіи. Вмѣстѣ съ этимъ признано было прекращеніе Германскаго союза. Южно-германскія государства (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ) были признаны независимыми, а всѣ государства на сѣверъ отъ линіи Майна вошли въ составъ новаго Сѣверо-германскаго союза

подъ гегемоніей Пруссіи. Въ сѣверной Германіи Пруссія, кромѣ того, присоединила къ своей территоріи не только Шлезвигъ-Гольштейнъ, но и цѣлыя еще государства: Ганноверское королевство, Гессенъ-Кассельское курфюршество и вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, чѣмъ, между прочимъ, была устранена прежняя черезполосность прусскихъ владѣній на востокѣ и западѣ Германіи. Новый Сѣверо-германскій союзъ былъ уже не союзомъ государствъ (Staatenbund), а союзнымъ государствомъ (Bundesstaat) съ общимъ парламентомъ (рейхстагомъ), избираемымъ всеобщей подачей голосовъ. Конституція этого союза, принятая рейхстагомъ въ 1867 г., была отчасти исполненіемъ того, что было задумано въ 1848—1849 г. Президентомъ Сѣверо-германскаго союза былъ сдѣланъ прусскій король. Съ четырьмя южно-германскими государствами Пруссія заключила особые договоры, подписавъ, между прочимъ, и тайные союзные трактаты наступательнаго и оборонительнаго характера. Образованіе Сѣверо-германскаго союза было только преддверіемъ къ возстановленію Германской имперіи. Въ 1866 г. Пруссія одержала побѣду не только надъ Австріей и ея союзниками, но и дипломатическую еще побѣду надъ Франціей, гдѣ не ожидали такой развязки. Бисмаркъ, поманившій Наполеона III компенсаціями въ пользу Франціи, сумѣлъ отвратить ея вмѣшательство въ войну Пруссіи съ Австріей, но именно то, что Наполеонъ III не могъ быть доволенъ исходомъ дѣла, заставило Пруссію готовиться къ войнѣ съ Франціей, на которую нѣмцы стали смотрѣть, какъ на главную помѣху въ дѣлѣ окончательнаго объединенія Германіи. Прусскія побѣды 1864 и 1866 гг. сильно подняли престижъ руководящаго министра Пруссіи Бисмарка. Прусскій ландтагъ простилъ ему нарушеніе конституціи, заключавшееся во взиманіи налоговъ, которые не были разрѣшены народными представителями. Учредительный рейхстагъ Сѣверо-германскаго союза очень быстро принялъ предложенный ему проектъ конституціи, которая была одобрена и ландтагами отдѣльныхъ государствъ союза. Кромѣ рейхстага, избираемаго всеобщею подачею голосовъ, учрежденъ былъ союзный совѣтъ изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ правительствъ, въ которомъ Пруссіи дано было 17 голосовъ изъ 43. Самъ Бисмаркъ получилъ должность канцлера, — должность, замѣщеніе которой было предоставлено президенту союза, прусскому королю.

Исключеніе Австріи изъ Германіи было въ 1866 г. рѣшено безповоротно, и въ слѣдующемъ году монархія Габсбурговъ превратилась въ двуединую Австро-Венгрію. Этимъ нѣмецкія части Австріи отторгались отъ національнаго единства. Наполеонъ III очень желалъ заключенія союза съ Австріей противъ Пруссіи, но та соглашалась на это лишь подъ условіемъ вступленія въ союзъ и Италіи, требовавшей присоединенія Рима, на что Наполеонъ III не соглашался. Благодаря этому задуманный имъ союзъ противъ Пруссіи не состоялся. Зато, наоборотъ, Бисмаркъ создалъ для будущей войны съ Франціей самыя благопріятныя условія для Пруссіи: она шла во главѣ Сѣверо-германскаго союза и въ тѣсномъ единеніи съ южно-германскими государствами, боявшимися честолюбивыхъ замысловъ французскаго императора. Здѣсь не мѣсто разсказывать о поводѣ, приведшемъ къ франко-прусской войнѣ 1870—1871 года, но для вопроса объ объединеніи Германіи есть одна сторона дѣла, заслуживающая особаго вниманія.

Франко-прусская война.

Францію считали въ Германіи наслѣдственнымъ врагомъ не только потому, что боялись ея завоевательныхъ плановъ и видѣли въ ней главную помѣху для окончательнаго объединенія, но и потому, что подъ французскою властью находились двѣ провинціи, населенныя, хотя съ не сплошь, нѣмцами. Это были Эльзасъ и Лотарингія. Въ теченіе тысячелѣтія, протекшаго отъ раздѣла монархіи Карла Великаго до франко-прусской войны, границы между Франціей и Германіей далеко не оставались неизмѣнными, и было время, когда восточная полоса теперешней Франціи входила въ составъ Священной Римской имперіи нѣмецкой націи. Потомъ Франція стала расширяться на востокъ и мало-по-малу начала овладѣвать землями съ нѣмецкимъ населеніемъ. XVII и XVIII вѣка дали Франціи Эльзасъ и Лотарингію, очень скоро сжившіяся со своимъ новымъ отечествомъ. Однимъ изъ стремленій династіи Бурбоновъ было сдѣлать Рейнъ границей Франціи на востокъ, и революція осуществила на время эту мечту. Когда вѣнскій конгрессъ вернулъ Францію къ ея прежнимъ границамъ, здѣсь, на Рейнѣ, противъ нея былъ созданъ сильный оплотъ въ видѣ большой провинціи, отданной прусскому королю. Между тѣмъ Наполеонъ III не только мечталъ о рейнской границѣ, но даже велъ переговоры о томъ, чтобы что-нибудь получить на *лѣвомъ* берегу Рейна. Боязнь завоевательныхъ плановъ французскаго императора немало содѣйствовала

стремленію нѣмцевъ къ объединенію, но, кромѣ того, нѣмцы въ своихъ эльзасскихъ и лотарингскихъ соплеменникахъ видѣли часть націи подъ чужимъ игомъ, хотя тѣ нисколько не страдали отъ того, что не входили въ составъ германскаго отечества. Когда въ серединѣ іюля 1870 г. Франція объявила войну, нѣмцы, давно къ ней готовившіеся, не дали французамъ вторгнуться въ Германію и первымъ дѣломъ поспѣшили вступить въ Эльзасъ и Лотарингію.

Ходъ и исходъ войны 1870—1871 года извѣстны. Франція была разбита. Ровно черезъ два мѣсяца послѣ объявленія войны нѣмцы подступили къ Парижу и его осадили. Въ концѣ января 1871 г. столица Франціи вынуждена была сдаться на капитуляцію побѣдоносному непріятелю, и за десять дней передъ тѣмъ, 18 января, въ Версали, этой бывшей резиденціи французскихъ королей, состоялось провозглашеніе Германской имперіи. Еще за мѣсяцъ до этого къ прусскому королю являлась депутація отъ Сѣверо-германскаго рейхстага, просившая его принять титулъ императора. Любопытно, что въ числѣ депутатовъ былъ одинъ, который участвовалъ и въ депутаціи отъ франкфуртскаго парламента, предлагавшей императорскую корону брату Вильгельма I Фридриху-Вильгельму IV[1]). Но тогда прусскій король отклонилъ отъ себя эту честь, потому что не другіе германскіе государи предлагали ему императорскую корону. Теперь и они были за дарованіе прусскому государю титула императора возстановленной Германской имперіи, или, вѣрнѣе, германскаго императора (Deucher Kaiser). Формально провозглашеніе Германской

Имперія. имперіи взялъ на себя баварскій король, но этому акту предшествовали переговоры между отдѣльными нѣмецкими правительствами. Въ составъ новой имперіи вошли и четыре южно-германскихъ государства, на которыя и распространилось дѣйствіе конституціи 1867 г. Теперь это уже была имперская конституція: президентъ Сѣверо-германскаго союза становился германскимъ императоромъ, союзный канцлеръ — имперскимъ канцлеромъ, въ каковой должности остался Бисмаркъ. Этимъ завершилось объединеніе Германіи, подготовленное въ значительной мѣрѣ и таможеннымъ союзомъ, у котораго былъ тоже своего рода парламентъ, гдѣ встрѣчались представители отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. До 1870—1871 г. австрійское правительство еще мечтало о томъ,

---

[1]) Фамилія его Симонъ

чтобы вернуть себѣ былое положеніе и даже первенство въ Германіи, но теперь эти мечты были оставлены. Съ другой стороны, въ самой Австріи съ теченіемъ времени среди тамошнихъ нѣмцевъ стало складываться тяготѣніе къ сліянію съ общимъ нѣмецкимъ отечествомъ.

Потерявъ австрійскихъ нѣмцевъ, объединенная Германія пріобрѣла двѣ провинціи съ значительнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, не очень-то стремившимся къ подчиненію прусской гегемоніи. Франкфуртскій миръ 1871 г. утвердилъ за Германіей Эльзасъ и значительную часть Лотарингіи съ полуторамилліоннымъ населеніемъ на двѣ трети только нѣмецкимъ. Во Франціи не хотѣли примириться съ потерею двухъ провинцій, которыя сдѣлались поэтому своего рода яблокомъ раздора между двумя націями. Германія объединилась, но далеко не всѣ нѣмцы сдѣлались подданными новой имперіи. Послѣ войнъ, бывшихъ войнами на три фронта—сѣверный противъ Даніи, южный противъ Австріи и западный противъ Франціи—въ Европѣ ожидали войны и на четвертый фронтъ, восточный — противъ Россіи за прибалтійскія ея губерніи и думали еще, что и швейцарскіе нѣмцы тоже, пожалуй, возсоединятся съ единымъ отечествомъ, но всѣ эти ожиданія и опасенія оказались напрасными, и еще самъ Бисмаркъ заявлялъ, что Германія насытилась въ полной мѣрѣ.

Н. Карѣевъ.

Либеральное канцлерство.

Бисмаркъ

Когда въ 1866 г. Пруссія разгромила Австрію, и Бисмаркъ добился своей цѣли — устраненія Австріи изъ начавшей создаваться германской имперіи, передъ покрытымъ военной славой министромъ открывались два пути: путь реакціи и насильственнаго подавленія всякихъ общественныхъ движеній, направленныхъ противъ стародавнихъ пріемовъ гогенцоллерновской политики, или путь примиренія съ обществомъ, раздраженнымъ четырехлѣтнимъ управленіемъ Бисмарка безъ законно утвержденнаго бюджета [1]. И обществу, и правительству представлялись возможными оба пути. Старый, уже приблизившійся къ семидесятилѣтнему возрасту король былъ на сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что исходъ двухъ побѣдоносныхъ войнъ поднялъ авторитетъ правительства на огромную высоту и что теперь народъ встрѣтитъ безъ всякаго протеста политику самой безудержной реакціи. Такого же мнѣнія, конечно, держались и восточно-прусскіе юнкера. Отъ нихъ даже пріѣхала въ находившемуся тогда въ Прагѣ королю депутація, которая толкала Вильгельма на совершеніе государственнаго переворота и на измѣненіе конституціи въ монархическомъ духѣ.

Пособія: *Lamprecht*. Deutsche Geschichte. *Lichtenberger*. L'Allemagne moderne. *Sombart*. Deutschlands wirtschaftliche Entwickelung im XIX Iahre. *E. Denis*. La fondation de l'Empire Allemande. *Poschinger*. Fürst Bismark als Volkswirth. *E. Marks*. Kaiser Wilhelm I. *O. Lorenz*. Kaiser Wilhelm und Bergründung des Deutschen Reichs. *Sybel*. Begründung des Deutschen Reichs durch Kaiser Wilhelm. *W. Oncken*. Zeitalter des Kaisers Wilhelm I. *Egelhaaf*. Geschichte der neuester Zeit (1881—1908). *Bismark*. Gedanken und Erinnerungen. *Бернацкій*. Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка. *Дживелеговъ*. Исторія современной Германіи. *Карѣевъ*. Исторія Западной Европы, т. VI, годъ I. *Лависсъ* и *Рамбо*. Исторія XIX в., т. VII.

---

[1]) См. статью П. А. Берлина: «Реакція, новая эра и конфликтъ въ Пруссіи».

Бисмаркъ думалъ иначе. Въ душѣ онъ всегда хранилъ феодальныя симпатіи и началъ свою карьеру крайнимъ реакціонеромъ, защищавшимъ интересы помѣстнаго дворянства и монархической власти. Но онъ всегда умѣлъ подчинять свои интимныя симпатіи и настроенія соображеніямъ о томъ, что онъ считалъ выгоднымъ и полезнымъ для государства. Въ 80-хъ годахъ онъ говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ: «мой умъ постоянно направленъ на чисто практическое, и для меня всегда существуетъ только единственный компасъ, только одна полярная звѣзда, по которой я направляю свой руль: Salus publica» (общественное благо). Здѣсь нужно сдѣлать одну оговорку: понятіе общественнаго блага часто подмѣнялось въ политическомъ сознаніи Бисмарка понятіемъ сильной и крѣпкой внутри и вовнѣ государственной власти, но идеѣ сильной власти, которая въ умѣ Бисмарка всегда соединялась съ династіей Гогенцоллерновъ, онъ былъ искренно преданъ и служилъ ей не за страхъ, а за совѣсть. При широтѣ своего государственнаго ума Бисмаркъ всегда хорошо понималъ, что силу государства и прочность династіи можно основывать только на крѣпкомъ фундаментѣ общественнаго довѣрія и сочувствія. Тѣмъ болѣе нуждался Бисмаркъ въ общественной поддержкѣ въ 1866 г., когда объединеніе Германіи еще только начиналось и когда для его завершенія надо было пройти еще черезъ новую войну съ Франціей. Дѣло заключалось теперь только въ томъ, какую изъ общественныхъ группъ выбрать въ качествѣ опоры правительства, въ какомъ общественномъ классѣ искать поддержки. Какъ практикъ и реалистъ въ политикѣ, Бисмаркъ былъ прежде всего поклонникомъ силы, и вопросъ сводился для него на то, за какой группой общества онъ признаетъ теперь наличность силы. Для человѣка съ такимъ практическимъ смысломъ, какъ Бисмаркъ, выборъ было сдѣлать нетрудно.

Послѣ революціи 1848 г. въ Германіи стала широко развиваться промышленность и торговля. Германія быстро превращалась изъ сельско-хозяйственной страны въ страну индустріальную. Повсюду возникали акціонерныя компаніи, цѣль которыхъ — собрать достаточныя средства для организаціи различнаго рода капиталистическихъ предпріятій. Въ Дармштадтѣ въ 1853 г. былъ устроенъ «Банкъ торговли и промышленности», оказывающій широкій кредитъ промышленнымъ и торговымъ фирмамъ. Населеніе большихъ городовъ стало быстро расти, и сѣть желѣзныхъ дорогъ за ничтожный промежутокъ времени соединила между собой

главные центры Германіи. Развитіе коммерческой энергіи дало быстрые результаты, и въ короткое время Германія покрылась машиностроительными и рафинадными заводами, прядильными фабриками, горными рудниками, каменноугольными копями, механическими мастерскими. Нѣмецкая буржуазія обнаружила теперь огромную предпріимчивость и жизнеспособность, и Бисмаркъ не могъ не оцѣнить, какія силы она таитъ въ себѣ и какія перспективы сулитъ для Германіи ея трудовая энергія. Человѣкъ, чуждый всякихъ идеалистическихъ порывовъ, поклонникъ здраваго смысла и расчета, Бисмаркъ выше всего цѣнилъ матеріальныя средства культуры — деньги и высокоразвитую технику; только съ помощью этихъ средствъ можно было создать большую и хорошо вооруженную армію, безъ которой Германія не могла стать сильной и грозной вовнѣ. А деньги и техническая выучка сосредоточивались во второй половинѣ XIX вѣка почти всецѣло въ рукахъ буржуазіи, и теперь, работая надъ созданіемъ единой и сильной Германіи, Бисмаркъ не могъ обойтись безъ ея поддержки и сочувствія. Съ другой стороны, и для буржуазіи политика Бисмарка была только выгодна. Развивающійся капиталъ нуждался въ единой монетѣ, въ единомъ торговомъ законодательствѣ и промышленномъ уставѣ, въ единствѣ мѣръ и вѣсовъ, въ объединенныхъ почтѣ, телеграфѣ, желѣзныхъ дорогахъ, — наконецъ, прежде всего въ охранѣ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ со стороны сильной государственной власти. Поэтому можно было заранѣе сказать, что, если Бисмаркъ протянетъ руку примиренія буржуазіи, то она съ удовольствіемъ приметъ это примиреніе. Уже и раньше намѣчались нѣкоторые пункты, на которыхъ прусское правительство и нѣмецкая буржуазія вполнѣ сходились, несмотря на свое коренное расхожденіе въ общихъ политическихъ вопросахъ. Этими пунктами было возобновленіе въ 1853 г. по иниціативѣ прусскаго правительства Таможеннаго Союза, разрушеннаго въ 1850 г. по проискамъ Австріи, и либеральный курсъ въ экономической политикѣ, особенно ярко выразившійся въ новомъ торговомъ договорѣ Пруссіи съ Франціей, подписанномъ всего за полтора мѣсяца до вступленія во власть Бисмарка (1862 г.). Этотъ торговый договоръ устанавливалъ очень низкія таможенныя ставки на ввозимые и вывозимые товары, и прусскіе промышленники, нуждавшіеся и въ свободномъ вывозѣ за границу товаровъ, производившихся внутри страны, и въ свободномъ ввозѣ иностраннаго сырья (главнымъ образомъ, желѣза и хлопка), привѣтствовали его съ восторгомъ. Когда

съ 1862 г. Бисмаркъ сталъ первымъ министромъ Пруссіи, то онъ очень энергично продолжалъ бороться и за сохраненіе Таможеннаго Союза, на который снова предприняла покушеніе Австрія, и за распространеніе фритредерской политики на всю Германію, противъ чего были экономически отсталыя германскія государства во главѣ съ той же Австріей. Такимъ образомъ, и до 1866 г. экономическая политика прусскаго правительства, — и въ частности Бисмарка, — въ самыхъ существенныхъ вопросахъ не противорѣчила интересамъ буржуазіи, несмотря на то, что первые четыре года своего пребыванія у власти Бисмаркъ находился въ острой ссорѣ съ либеральной буржуазіей (въ прусскомъ ландтагѣ ея взгляды выражала партія прогрессистовъ).

Мы знаемъ[1]), что буржуазія подъ вліяніемъ войны измѣнила свое отношеніе къ Бисмарку, и что первымъ признакомъ было то, что на выборахъ 1866 года, происходившихъ какъ разъ въ день битвы при Садовой (3 іюля), прогрессисты потеряли довольно много своихъ прежнихъ голосовъ, которые были поданы теперь за правительственныхъ кандидатовъ. Вторымъ признакомъ измѣненія настроенія буржуазіи былъ расколъ, происшедшій среди самой партіи прогрессистовъ. Часть даже тѣхъ прогрессистовъ, которые прошли въ ландтагъ подъ прежнимъ знаменемъ, перемѣнила уже въ самой палатѣ свое отношеніе къ правительству. Они заявили, что, сохраняя во всей чистотѣ свои старые либеральные лозунги и оставаясь въ вопросахъ внутренней политики на почвѣ лойальной, но бдительной оппозиціи, они, тѣмъ не менѣе, въ будущемъ будутъ поддерживать внѣшнюю политику правительства. Такъ образовалась отколовшаяся отъ прогрессистовъ партія національ-либераловъ, которая съ этихъ поръ и освятила именемъ либерализма систему крайняго политическаго и экономическаго націонализма. Къ новой партіи примкнули либералы вновь присоединенныхъ провинцій (Франкфурта, Кургелена, Нассау, Ганновера и др.) и представители лѣваго центра изъ прежняго состава прусской палаты. Во главѣ ея сталъ Беннигсенъ, бывшій ганноверскій депутатъ.

Національ-либералы.

Національ - либералы стали въ скоромъ времени главною опорою Бисмарка. Въ самомъ рейхстагѣ они во время своего союза съ Бисмаркомъ играли выдающуюся, въ главнѣйшихъ вопросахъ рѣшающую роль, и вся политика Сѣверо-Германскаго Союза и пер-

[1]) См. ст Берлина:

выхъ 8 лѣтъ имперіи прошла подъ флагомъ націоналъ-либерализма. Націоналъ-либералы были въ гораздо большей степени выразителями интересовъ буржуазіи, чѣмъ прогрессисты, которые въ большинствѣ случаевъ не имѣли близкихъ связей съ дѣловымъ міромъ и восприняли, какъ наслѣдство отъ дѣятелей 1848 г., ихъ непрактичность и склонность къ отвлеченной фразеологіи. Въ противоположность имъ націоналъ-либералы быстро усвоили себѣ дѣловой духъ нѣмецкой буржуазіи и превосходно поняли ея наиболѣе кровные интересы. Какъ и Бисмаркъ, націоналъ-либералы были реалистами въ политикѣ; какъ и онъ, они строили свою дѣятельность на принципахъ расчета и были поклонниками финансовой и военной силы государства; какъ и для него, имъ представлялось необходимымъ пріобрѣтеніе Германіей внѣшняго могущества. Разница была только въ томъ, что въ глазахъ Бисмарка правительственная власть должна была быть сильной не только вовнѣ, но и внутри, и въ осуществленіи этой государственной силы онъ видѣлъ не только задачу *своей* политики, но и вообще главную цѣль всякой разумной политической дѣятельности; между тѣмъ націоналъ-либералы не отказывались, — въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, — отъ либеральныхъ лозунговъ, во внутренней политикѣ связанныхъ съ существенными ограниченіями правительственной власти, а во внѣшней силѣ государства видѣли не самоцѣль, а только необходимое средство для обезпеченія нѣмецкимъ капиталамъ свободнаго поля дѣйствій за границей. На практикѣ, однако, либерализмъ новой партіи въ вопросахъ внутренней политики оказался очень тусклымъ, и, поддерживая Бисмарка, ея вожди не требовали отъ него осуществленія главнѣйшихъ пунктовъ ихъ либеральной программы — парламентскаго министерства, отвѣтственности министровъ и вознагражденія депутатовъ. На первомъ планѣ для нихъ всегда стояли коммерческіе интересы дѣлового міра, и въ жертву имъ они готовы были принести какую угодно идеологію. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Бисмарка передъ завершеніемъ германскаго единства и непосредственно вслѣдъ за нимъ должна была ихъ вполнѣ удовлетворить.

Сѣверо-Германскій Союзъ.

Уже въ самую конституцію Сѣверо-Германскаго Союза былъ включенъ цѣлый рядъ положеній, которыя создавали прочныя гарантіи для успѣшнаго развитія торговли и промышленности. Кромѣ установленнаго уже раньше таможеннаго единства, теперь признано было необходимымъ установить единство почты и телеграфа, единые желѣзно-дорожные тарифы, однообразную монету

и вѣсъ и единое торговое законодательство. Для нѣмецкихъ коммерсантовъ, развившихъ къ этому времени уже широкую корресподенцію и пересылавшихъ свои товары изъ конца въ конецъ Германіи, все это было необходимыми условіями правильности внутренняго обмѣна, и потому они съ восторгомъ привѣтствовали эти стороны конституціи. Вслѣдъ за тѣмъ еще до завершенія единства Германіи Бисмаркъ провелъ рядъ мѣръ въ томъ же благопріятномъ для буржуазіи духѣ. Среди нѣмецкихъ торговопромышленныхъ круговъ тогда господствовали фритредерскія воззрѣнія. Свобода промышленности и свобода торговли были тогда лозунгами, вокругъ которыхъ группировалась крупная и средняя буржуазія.

Фритредерство.

Поэтому Бисмаркъ, стремясь закрѣпить свою связь съ національ-либералами, смѣло выкинулъ знамя полной экономической свободы. За короткое время существованія Сѣверо-Германскаго Союза онъ провелъ цѣлый рядъ мѣръ, устранявшихъ препятствія на побѣдномъ пути нѣмецкаго капитализма. Были повсюду уничтожены послѣдніе остатки цеховыхъ организацій, всякаго рода монополіи и ограничительные регламенты; пали также и ограниченія относительно высоты процента. Денежное обращеніе было упрощено и установленъ явочный порядокъ для образованія акціонерныхъ обществъ. Усердно изыскивались новые торговые пути (прорытіе Сенъ-Готардскаго тоннеля) и оборудовались новыя гавани. Сохранившіяся еще рѣчныя пошлины по Эльбѣ и Рейну были уничтожены. Чтобы обезпечить вновь возникавшія фабрики нужнымъ количествомъ рабочихъ, была установлена свобода передвиженія и повсемѣстнаго жительства, при чемъ былъ введенъ крайне дешевый желѣзнодорожный тарифъ для пассажировъ четвертаго класса, паспортная система уничтожалась. Все это дѣлалось крайне быстро, съ необычайною торопливостью, какъ будто бы рейхстагъ и канцлеръ спѣшили поскорѣе наверстать прежде даромъ потраченное время. Результаты не заставили себя ждать, и уже въ этотъ короткій промежутокъ существованія Сѣверо-Германскаго Союза обнаружился значительный ростъ текстильной, красильной, добывающей и орудійной промышленности.

Зато во всемъ томъ, что не касалось торгово-промышленнаго процвѣтанія Германіи, Бисмаркъ не спѣшилъ (за исключеніемъ, конечно, военнаго дѣла), а рейхстагъ съ своей стороны также не торопилъ его. Никакихъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ проведено не было; дворянство попрежнему оставалось хозяиномъ

на мѣстахъ, чиновничество попрежнему во все вмѣшивалось и своею придирчивостью вызывало жалобы населенія; тяжесть податного обложенія еще болѣе увеличилась, такъ какъ войны и великодержавная политика, на путь которой становился Сѣверо-Германскій Союзъ, требовала большихъ расходовъ.

Оправданіемъ бездѣятельности правительства въ области внутренняго законодательства въ періодъ существованія Сѣверо-Германскаго Союза могло служить то обстоятельство, что Бисмаркъ въ это время съ лихорадочной торопливостью готовился къ войнѣ съ Франціей и не могъ обращать вниманія ни на что другое, кромѣ того, что подготовляло успѣшный ходъ и исходъ этой неизбѣжной уже тогда въ его глазахъ войны. Но вотъ пронеслись осенніе и зимніе мѣсяцы 1870 года, въ теченіе которыхъ были уничтожены французскія арміи. 24 января 1871 г. сдалась на капитуляцію столица Франція, а за нѣсколько дней до этого (18 января) въ роскошной зеркальной галлереѣ Версальскаго дворца по предложенію нѣмецкихъ государей прусскій король принялъ титулъ германскаго императора.

Имперія. Главная цѣль всей дѣятельности Бисмарка была теперь достигнута, но общій курсъ политики остался прежнимъ. Узы единенія канцлера съ торгово-промышленными кругами затянулись еще сильнѣе, и дружба правительства съ либеральной буржуазіей выразилась еще ярче. Изъ пятимильярдной контрибуціи, которую Германія получила отъ Франціи, значительная доля пошла на субсидіи промышленникамъ и на покровительство торгово-промышленныхъ предпріятій. Правительственная помощь совпала съ самостоятельнымъ расцвѣтомъ нѣмецкой промышленности, и въ Германіи, какъ грибы, стали расти различнаго рода капиталистическія предпріятія.

Грюндерство. Началась эпоха т. н. «грюндерства», т.-е. учредительской горячки. Это было какъ бы продолженіемъ промышленныхъ увлеченій 50 и 60 годовъ, только въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Въ этихъ увлеченіяхъ приняли участіе не только коммерсанты и финансисты по профессіи; самимъ обществомъ овладѣла страсть къ легкой наживѣ и въ складочные капиталы акціонерныхъ обществъ рѣкою потекли сбереженія среднихъ нѣмецкихъ обывателей. Учредители обѣщали пріобрѣтателямъ акцій быстрое обогащеніе и на первыхъ порахъ выдавали, дѣйствительно, очень щедрые дивиденты. Но очень скоро — уже въ 1874 году — эта предпринимательская лихорадка окончилась крахомъ, и, конечно, печальнѣе всего для тѣхъ, кто, стоя въ сторонѣ отъ непосредственнаго руко-

водительства предпріятіями, участвовалъ въ нихъ лишь своими взносами, такъ какъ организаторы новыхъ банковъ, промышленныхъ обществъ и компаній, не забыли о себѣ и успѣли обогатиться за короткій періодъ существованія основанныхъ ими учрежденій. Тогда обнаружилось, что многіе изъ внезапно возникшихъ и со сказочною быстротою расцвѣтшихъ акціонерныхъ предпріятій имѣли дутый характеръ и были разсчитаны на легковѣріе публики; обнаружился цѣлый рядъ мошенничествъ и обмановъ, въ которыхъ были замѣшаны очень крупные коммерческіе дѣльцы и финансисты новой Германіи; возникъ даже цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ по обвиненію «грюндеровъ» въ злоупотребленіи довѣріемъ публики.

Но отъ промышленныхъ и финансовыхъ увлеченій начала 70-хъ годовъ многое и уцѣлѣло; капитализмъ складывался во все болѣе грозную и внушительную силу, и Бисмаркъ въ общемъ не имѣлъ основаній раскаиваться въ своемъ покровительствѣ крупной буржуазіи. Союзъ съ нею теперь быстро закрѣплялся; и для Бисмарка, и для представителей торгово-промышленныхъ круговъ было какъ нельзя болѣе важно прочнѣе затянуть узы общеимперскаго единства. Бисмаркъ видѣлъ въ этомъ необходимое условіе дальнѣйшаго укрѣпленія государственной власти, а для буржуазіи имперское единство было столь же необходимымъ условіемъ для выхода въ широкій міръ грандіозныхъ коммерческихъ замысловъ и смѣлыхъ финансовыхъ предпріятій. Именно въ эту сторону дальнѣйшаго упроченія германскаго единства и были направлены первые шаги Бисмарка въ качествѣ имперскаго канцлера, при чемъ націоналъ-либералы оказывали ему неизмѣнную поддержку. Въ 1873 году во всей Германіи была установлена единая монета и введено золотое обращеніе. Въ 1871 году было введено общее почтовое право. Въ 1875 году былъ созданъ общій имперскій банкъ. Въ 1871—72 гг. крупныя государства Германіи отказались отъ права имѣть своихъ дипломатическихъ представителей за границей. Затѣмъ объединенію подверглось и судопроизводство, и въ концѣ 70-хъ годовъ появились суды, дѣйствовавшіе на основѣ общеимперскихъ законовъ. Параллельно съ этимъ шла политика сплоченія и объединенія арміи: въ 1872 году во всей Германіи былъ введенъ общій военно-уголовный кодексъ; въ 1874 году прусскій законъ о воинской повинности былъ распространенъ на всю Германію. Конечно, при этомъ Бисмаркъ не забывалъ и объ усиленіи арміи и періодически требовалъ отъ рейхстага и

новыхъ военныхъ контингентовъ, и новыхъ ассигновокъ на военныя нужды.

Экономическая политика.

Но, главное, чѣмъ Бисмаркъ привлекалъ къ себѣ въ это время буржуазныя сердца, было продолженіе той самой фритредерской политики, на путь которой Бисмаркъ сталъ уже послѣ окончанія эпохи конфликта. Его правою рукою былъ въ это время извѣстный манчестерецъ Дельбрюкъ; Бисмаркъ считалъ его тогда однимъ изъ главныхъ авторитетовъ во всѣхъ экономическихъ вопросахъ, и многія изъ записокъ, которыя носили подпись Бисмарка, фактически принадлежали перу Дельбрюка. Принципы, которыми руководился теперь Бисмаркъ въ области экономической политики, были ясно выражены въ одномъ офиціальномъ документѣ отъ 1872 года: «руководящимъ принципомъ для развитія хозяйственныхъ отношеній является, безспорно, снятіе путъ съ производительной дѣятельности, такъ какъ послѣдняя только въ свободномъ состояніи можетъ быть вполнѣ плодотворной и для отдѣльнаго лица, и для всего общества. Если правительственныя учрежденія, разумно руководимыя, не могутъ и думать о нарушеніи этого высшаго начала, то ясно само собою, что ихъ заботы могутъ выражаться лишь въ такихъ мѣропріятіяхъ, которыя соединимы съ условіями промышленной свободы». Таможенная политика имперіи теперь попрежнему основывалась на системѣ низкихъ ставокъ; но буржуазія была благодарна въ это время Бисмарку не только за это, но и за его отказъ поддерживать въ какой бы то ни было формѣ рабочихъ въ ихъ борьбѣ противъ предпринимателей. Прежде, въ эпоху конфликта, Бисмаркъ съ цѣлью запугать либераловъ изъ буржуазныхъ круговъ заигрывалъ съ рабочими, велъ переговоры съ Лассалемъ и предлагалъ Марксу писать корреспонденціи въ «Прусскій Правительственный вѣстникъ», а Либкнехту — мѣсто редактора офиціозной «Nordeutsche Allgemeine Zeitung». Теперь всему этому былъ положенъ рѣшительный конецъ. Въ правительственномъ офиціозѣ («Provicial-Korrespondenz») стали помѣщаться открытыя нападенія на обѣ соціалистическія фракціи, т.-е. и на лассалеанцевъ, и на марксистовъ, при чемъ имъ обоимъ посылался упрекъ, что «онѣ забрасываютъ рабочее населеніе обѣщаніями государственной помощи, которая вообще не можетъ осуществиться и попытки осуществленія которой съ самаго начала терпятъ крахъ». Отъ всякой связи съ государственнымъ соціализмомъ Бисмаркъ теперь рѣшительно отрекается. Онъ даетъ свою подпись подъ такими сло-

вами, значащимися въ одной офиціальной запискѣ 1872 г. (ея авторомъ былъ Дельбрюкъ): «конечно, ослѣпленныя рабочія массы и ихъ вожди предъявляютъ далеко идущія требованія о заботѣ и помощи со стороны государства. Они взываютъ къ вмѣшательству власти, чтобы провести свои требованія о сокращеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы; они хотятъ обезпечить себѣ, кромѣ заработной платы, еще и участіе въ прибыляхъ того предпріятія, гдѣ они заняты; наконецъ, они требуютъ, чтобы государство давало свои средства или открывало свой кредитъ для основанія предпріятій, прибыль съ которыхъ шла бы рабочимъ. Такія требованія государство должно принципіально отклонить, какъ выходящія за границы его полномочій и задачъ. Каждому свѣдущему и образованному человѣку извѣстна истина, что государство можетъ только стѣснять частную промысловую дѣятельность и глубоко разстроить всѣ хозяйственныя отношенія, если пожелаетъ со своими средствами и кредитомъ вмѣшиваться въ промышленную область или выступать съ регулированіемъ цѣнъ и заработныхъ платъ». Нужно, правда, оговориться, что эту категоричность тона Бисмаркъ не выдерживаетъ даже и въ либеральный періодъ своего канцлерства, не говоря уже, конечно, о болѣе позднемъ времени его жизни, когда онъ измѣнилъ фритредерскимъ лозунгамъ своей политики; даже между 1870 и 1878 гг. его душу иногда посѣщаютъ сомнѣнія и онъ колеблется,—не слѣдуетъ ли государству въ виду успѣховъ соціализма принять кое-какія активныя экономическія мѣры—отчасти въ видѣ удовлетворенія нѣкоторыхъ требованій рабочихъ, отчасти въ видѣ полицейскихъ репрессій противъ соціалистовъ; но пока всѣ эти колебанія Бисмарка выражались лишь въ запискахъ, проектахъ и письмахъ и не доходили еще до стадіи законодательныхъ актовъ; поэтому до поры, до времени они еще не могли нарушить союза канцлера съ либеральной буржуазіей.

Административныя реформы.

Но, удовлетворяя экономическимъ желаніямъ буржуазіи, Бисмаркъ далеко не съ той же охотой шелъ навстрѣчу нѣмецкимъ бюргерамъ въ области общей политики. Съ окончаніемъ франко-прусской войны исчезли внѣшнія помѣхи къ устроительной и реформаторской дѣятельности правительства внутри государства, но, тѣмъ не менѣе, канцлеръ обнаруживалъ довольно слабое желаніе становиться на путь реформы. Попрежнему ни одно существенное требованіе націоналъ-либеральной программы не было осуществлено. Попрежнему Бисмаркъ твердо стоялъ на принципѣ

безотвѣтственнаго управленія и гордо заявлялъ, что за свои дѣйствія онъ отвѣчаетъ только передъ закономъ и королемъ; попрежнему онъ не соглашался на вознагражденіе депутатовъ. Въ это время (между 1870 и 1878 гг.) имъ были проведены только двѣ реформы, имѣвшія либеральный характеръ. Во-первыхъ, это была административная реформа округовъ (1872 г.), дополненная указами 1875 и 1876 гг. объ административныхъ судахъ и о надзорѣ за органами мѣстнаго самоуправленія. Реформа 1872 г. была направлена противъ феодальныхъ пережитковъ, сохранившихся еще въ деревняхъ восточныхъ провинцій (на западѣ эти пережитки уже исчезли, и поэтому реформа 1872 г. касалась только Востока); она должна была замѣнить патримоніальную власть помѣщика надъ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ назначенными правительствомъ чиновниками и выбранными представителями мѣстнаго населенія. Именно на низшей ступени — въ участкѣ (Amtsbezirk) — во главѣ стоялъ назначенный правительствомъ участковый начальникъ (Amtsvorsteher), которому помогали избранные отъ общинъ старшины (шульцы). Слѣдующею ступенью были уѣзды (Kreis'ы), подъ управленіемъ назначеннаго ландрата, стоящаго во главѣ уѣзднаго комитета, члены котораго въ количествѣ шести выбирались окружными собраніями (Kreistag'ами); еще выше стояли провинціи, управляемыя провинціальными директорами (Landesdirektor) и провинціальными комитетами, выбираемыми провинціальными собраніями (провинціальныя собранія состояли изъ делегатовъ отъ окружныхъ собраній и муниципальныхъ городскихъ совѣтовъ). Однако вліяніе дворянства на мѣстную администрацію этимъ закономъ не было вполнѣ уничтожено. Въ окружныхъ собраніяхъ, которыя выбирались на основѣ прусскаго трехклассснаго закона, землевладѣльцы играли еще очень значительную роль, а между тѣмъ эти крейстаги были основнымъ зерномъ провинціальнаго управленія. Какъ показалъ опытъ, помѣстное дворянство и послѣ 1872 года еще продолжало господствовать въ области мѣстнаго управленія и самоуправленія. Тѣмъ не менѣе, реформа 1872 года все-таки значительно урѣзала права дворянства на мѣстахъ, и потому вызвала со стороны восточно-прусскихъ юнкеровъ самую яростную оппозицію. Особенно сильное сопротивленіе было оказано прусской Палатою господъ; для того, чтобы сломить это сопротивленіе, королю пришлось даже прибѣгнуть къ экстраординарной мѣрѣ, — а именно къ назначенію новыхъ 25 членовъ верхней Палаты. Истиннымъ винов-

никомъ этой мѣры былъ, конечно, Бисмаркъ, и консерваторы не замедлили учесть это обстоятельство при опредѣленіи своихъ отношеній къ канцлеру. Ихъ органъ «Крестовая газета» (Kreuzzeitung) теперь зачислила Бисмарка въ ряды ревностныхъ противниковъ юнкерскихъ идеаловъ; восточно-прусскіе землевладѣльцы теперь считали Бисмарка своимъ открытымъ врагомъ.

Второй либеральной реформой Бисмарка за это время былъ внесенный имъ зимой 1874 г. въ рейхстагъ и принятый со значительными измѣненіями въ маѣ того же года законъ о печати. Сердце Бисмарка не лежало къ тому, чтобы поставить литературу въ условія свободной дѣятельности. Его авторитарнымъ замашкамъ всевластнаго министра не могла нравиться свобода печатнаго слова, сулившая рядъ ѣдкихъ сарказмовъ и ядовитыхъ уколовъ его дѣятельности. Но союзъ съ либералами обязывалъ. И націоналъ-либералы, и тѣмъ болѣе прогрессисты, и даже католическій центръ настойчиво требовали проведенія либеральныхъ законовъ о печати. Бисмаркъ нѣкоторое время оттягивалъ представленіе законопроекта, но въ концѣ-концовъ принужденъ былъ взять иниціативу въ свои руки, чтобы не быть предупрежденнымъ другими. Представленный имъ законопроектъ не особенно понравился его либеральнымъ союзникамъ, и они подвергли его очень основательной чисткѣ. Бисмаркъ не упорствовалъ; онъ дорожилъ союзомъ съ буржуазіей и согласился на многія, очень существенныя измѣненія своего первоначальнаго законопроекта. Принятый 7 мая 1874 г. законъ о печати доставилъ литературѣ — и періодической, и книжной — возможность довольно независимаго существованія. Его главными достоинствами было установленіе судебной отвѣтственности за литературные проступки и преступленія и введеніе явочнаго порядка для періодическихъ изданій. Печать.

Къ періоду союза Бисмарка съ либералами относится и знаменитая, надѣлавшая много шума его борьба съ католиками, которую одинъ изъ вождей нѣмецкихъ прогрессистовъ—Вирховъ назвалъ «борьбой за культуру» (Kulturkampf), а враги Бисмарка окрестили именемъ «діоклетіановскаго гоненія». Прусское государство издавна относилось совершенно равнодушно ко всякаго рода вѣроисповѣднымъ спорамъ и допускало полную вѣротерпимость въ своихъ предѣлахъ. Въ этомъ отношеніи и Бисмаркъ оставался вѣренъ старымъ традиціямъ прусской политики. Какъ и другихъ выдающихся государственныхъ людей Пруссіи, начиная съ Фридриха II или даже Великаго курфюрста, его совершенно

не интересовали религіозныя убѣжденія католиковъ и въ этой области онъ былъ готовъ предоставить имъ полную свободу. Но онъ высоко держалъ престижъ государственной власти и не хотѣлъ допускать ничьихъ вмѣшательствъ въ область того, что считалъ достояніемъ государства. На этомъ пути ему и пришлось столкнуться съ католической церковью, которая издавна обнаруживала стремленіе вторгаться въ вѣдѣніе государственной власти и до сихъ поръ встрѣчала въ этомъ довольно слабый отпоръ со стороны государства. Несмотря на то, что культъ государственной власти былъ одною изъ старыхъ гогенцоллерновскихъ традицій, несмотря на то, что къ увеличенію государственной мощи были направлены всѣ усилія наиболѣе энергичныхъ королей и министровъ, — несмотря на все это, прусское, а вслѣдъ за нимъ и другія германскія правительства, какъ разъ по отношенію къ католической церкви дѣлали очень существенныя уступки. Въ католицизмѣ даже протестантскія правительства Германіи видѣли одинъ изъ устоевъ порядка и прощали ему то, что не простили бы другимъ общественнымъ элементамъ: и слишкомъ большую самостоятельность, и даже нѣкоторую заносчивость въ поведеніи. До 70-хъ годовъ почти во всѣхъ случаяхъ столкновеній между церковью и государствомъ уступающей стороною было государство. Особенно благопріятно для католицизма было царствованіе короля Фридриха-Вильгельма IV, который находилъ въ своей романтической душѣ много сочувственныхъ откликовъ католическимъ настроеніямъ. Въ 50-хъ, а также и въ 60-хъ годахъ, когда вся энергія и Пруссіи и другихъ германскихъ государствъ была направлена на внѣшнюю политику, католики сумѣли достигнуть очень важныхъ правъ и преимуществъ въ Германіи; народное образованіе находилось въ значительной степени въ рукахъ католическаго духовенства,—даже и въ протестантскихъ государствахъ. Монашескіе ордена и духовныя конгрегаціи, располагавшія большими денежными средствами, покрыли теперь густою сѣтью всю Германію. Папство, лишенное въ 1870 г. свѣтской власти, отнюдь не думало отказываться отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла; наоборотъ, облекшись въ терновый вѣнецъ отреченія отъ мірскихъ благъ и поднявъ этимъ свой моральный авторитетъ среди католическихъ народовъ, оно съ тѣмъ большей энергіей стало настаивать на своемъ правѣ вліять на внутреннюю политику европейскихъ государствъ. Оно только что (на Ватиканскомъ соборѣ 1870 г.) провозгласило догматъ папской непогрѣшимости и теперь

стремилось воспользоваться всѣми послѣдствіями этого провозглашенія. «Постановленія Ватиканскаго собора,—писалъ позднѣе Бисмаркъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ,—превратили епископовъ въ орудіе папы, въ безотвѣтственные органы государя, который въ силу непогрѣшимости располагаетъ гораздо большею полнотою абсолютной власти, чѣмъ какой-либо другой монархъ въ мірѣ». Еще позднѣе въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ, оправдывая свое отношеніе къ католикамъ, писалъ: «Католическое духовенство, если оно хочетъ въ полной мѣрѣ выполнить свое теоретическое призваніе, должно поверхъ церковной сферы выставлять притязаніе на участіе въ свѣтскихъ функціяхъ государства, должно стремиться стать подъ церковными формами политическимъ институтомъ и переносить на своихъ сотрудниковъ свое собственное убѣжденіе, что свобода церкви заключается въ ея господствѣ, что всюду, гдѣ она не господствуетъ, она въ правѣ жаловаться на діоклетіановское гоненіе». Къ возрожденію германскаго единства у католиковъ не было никакихъ основаній относиться благосклонно, потому что во главѣ новой имперіи становилось протестантское государство съ ясно выраженнымъ свѣтскимъ направленіемъ политики, и это свѣтское направленіе, несмотря на всѣ уступки, которыя до сихъ поръ дѣлались католикамъ, должно было дать себя знать съ особенной силой теперь, когда новой имперіи приходилось выступать на широкій путь промышленнаго развитія и имперіалистическаго господства. Возрожденная Германія совсѣмъ не обѣщала быть похожей на старую Священную Римскую Имперію германской націи, въ которой католическое духовенство было однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сословій; это одинаково хорошо понимали и въ Берлинѣ и въ Ватиканѣ, и обѣ стороны готовились къ борьбѣ. Въ Германіи было даже распространено мнѣніе, что никто другой, какъ іезуиты, толкали въ 1870 г. Францію на войну съ Пруссіей, надѣясь этимъ путемъ помѣшать объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи; очень многіе изъ творцовъ германскаго единства этому вѣрили, и въ нихъ тѣмъ сильнѣе разгоралась ненависть къ католицизму и папству. Самъ Бисмаркъ неоднократно повторялъ, что іезуиты являются главными врагами гегемоніи Пруссіи надъ Германіей.

Но помимо боязни, что католическія духовныя власти будутъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, у Бисмарка была еще и другая причина относиться съ опасеніемъ къ католицизму. Съ присоединеніемъ послѣ франко-прусской войны къ Германіи южныхъ—като-

лическихъ — государствъ, католиковъ оказалось болѣе трети всего населенія Германіи; въ южныхъ государствахъ и въ Польшѣ они составляли главную массу населенія, и Бисмаркъ не безъ основанія опасался, что католицизмъ можетъ стать однимъ изъ элементовъ партикуляризма, и что католики захотятъ жить особой отъ остальной Германіи жизнью. Въ этомъ отношеніи особенное опасеніе внушали ему польскія провинціи Пруссіи, въ которыхъ польское населеніе подвергалось постояннымъ гоненіямъ и потому смотрѣло на свою связь съ Пруссіей, какъ на своего рода иноземное иго. Принимаясь за Kulturkampf, Бисмаркъ по преимуществу имѣлъ въ виду поляковъ и намѣревался прежде всего лишить католическое духовенство тѣхъ средствъ сепаратистской пропаганды въ Польшѣ, которыми оно располагало (по его мнѣнію) въ качествѣ воспитателей юношества и церковныхъ проповѣдниковъ. Въ своихъ «воспоминаніяхъ» онъ прямо говоритъ, что «полячество» (Polentum) была для него лейтмотивомъ культуркампфа. Боялся онъ также и партикуляризма южанъ и съ опасеніемъ смотрѣлъ на ту часть программы католической партіи въ рейхстагѣ (центра), которая особенно настаивала на сохраненіи федеративнаго строя въ имперіи. Бисмарку было извѣстно, что въ этихъ государствахъ до войны 1870 — 71 гг. существовало открытое нерасположеніе къ Пруссіи и къ ея пріемамъ управленія. Во время войны, когда передъ южанами встала во весь ростъ французская опасность, это нерасположеніе потонуло въ общемъ національномъ подъемѣ, охватившемъ всѣхъ нѣмцевъ. Но послѣ войны оно могло опять вспыхнуть, и Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что католическое духовенство употребитъ всѣ усилія, чтобы раздуть старую искру недовольства противъ пруссаковъ въ настоящій пожаръ.

Центръ. Католики подняли борьбу первыми, не дожидаясь, пока Бисмаркъ перейдетъ противъ нихъ въ наступленіе. Опираясь на партикуляристовъ юга, на поляковъ и на прирейнскихъ католиковъ, они составили въ рейхстагѣ довольно сильную партію въ 63 члена (центръ). Составъ новой партіи былъ необычайно пестръ; ее нельзя было даже назвать партіей въ точномъ смыслѣ слова, потому что въ ней засѣдали рядомъ и консерваторы, и либералы, аристократы и демократы. Но всѣ они дѣйствовали единодушно и сплочено; ихъ объединяло искреннее убѣжденіе въ необходимости защищать права католической церкви, только что поруганной, по ихъ мнѣнію, несправедливымъ лишеніемъ папы свѣтской

власти, и горячая готовность отстаивать мѣстныя права и обычаи отъ покушеній на нихъ со стороны общеимперскихъ властей. У католической партіи оказался превосходный вождь въ лицѣ Виндгорста; это былъ человѣкъ съ первоклассньмъ ораторскимъ талантомъ, прекрасно образованный, никогда не терявшійся и всегда державшій на готовѣ по адресу противника цѣлый рядъ неожиданныхъ и мѣткихъ ударовъ. Его изворотливаго и тонкаго краснорѣчія боялся даже и Бисмаркъ, который вообще не привыкъ никого бояться.

Борьба началась уже въ 1871 году. Католики внесли въ рейхстагъ требованіе, чтобы государство заступилось за свѣтскую власть папы и чтобы оно гарантировало церковную свободу, понимаемую ими, конечно, въ смыслѣ подчиненія государства требованіямъ церковныхъ властей. Рейхстагъ отказалъ имъ и въ томъ и другомъ, и тогда они перешли въ наступленіе по другому фронту. Догматъ о непогрѣшимости папы, принятый на Ватиканскомъ соборѣ 1870 г., былъ принятъ не всѣми католиками безпрекословно. Подчинилось только высшее духовенство, но нѣкоторые профессора богословія и законоучителя отказались его признать. Среди нихъ было много извѣстныхъ по своей учености людей (особенно большой извѣстностью въ ученомъ мірѣ пользовался профессоръ церковной исторіи Игнатій Дёллингеръ); имъ удалось привлечь на свою сторону довольно много приверженцевъ, и они основали цѣлую партію такъ называемыхъ «старокатоликовъ», къ которой одно время примыкало до 50 тысячъ человѣкъ. Высшее католическое духовенство отнеслось къ новымъ протестантамъ очень сурово. Нѣкоторые изъ нихъ были отлучены отъ церкви, другіе смѣщены и лишены приходовъ и должностей. Мало этого, нѣкоторые изъ епископовъ стали добиваться, чтобы и государство по ихъ требованіямъ смѣщало негодныхъ имъ лицъ. Государству предстояло теперь высказаться, какъ оно относится къ домогательствамъ епископовъ, и оно не замедлило это сдѣлать. Прусскій министръ культовъ Мюллеръ и баварскій Люцъ отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ исполнить требованія духовныхъ властей.

Старо-католики.

Пока это были только частныя столкновенія, не переходившія въ борьбу по всѣмъ фронтамъ. Придать ей болѣе рѣшительный и острый характеръ позаботился Бисмаркъ. Еще въ іюлѣ 1871 года онъ вызвалъ противъ себя раздраженіе католиковъ тѣмъ, что уничтожилъ «католическое отдѣленіе» въ прусскомъ министерствѣ культовъ. Это учрежденіе покровительствовало католической про-

пагандѣ, и Бисмаркъ былъ имъ особенно недоволенъ за то, что подъ его покровительствомъ католическое духовенство воспитывало въ идеяхъ польскаго націонализма деревенскую молодежь въ школахъ Верхней Силезіи, Западной Пруссіи и Познани. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Бисмаркъ поддержалъ предложеніе Люца, уже упомянутаго баварскаго министра, о запрещеніи духовнымъ лицамъ пользоваться каѳедрой проповѣдника съ цѣлью нарушенія общественнаго спокойствія, и рейхстагъ принялъ это предложеніе (ноябрь 1871 г.). Множество священниковъ за нарушеніе новаго закона (такъ называемаго Kanzelparagraph'а) были посажены въ тюрьму. Уже тогда стало ясно, что между католиками и государствомъ предстоитъ нелегкая борьба; поэтому прусскій министръ культовъ Мюллеръ, человѣкъ недостаточно рѣшительный и къ тому же лично очень благочестивый, принужденъ былъ уйти въ отставку. Его замѣнилъ Адальбертъ Фалькъ, прекрасный ораторъ съ боевымъ темпераментомъ, отлично усвоившій мысли Бисмарка о недопустимости свободы церкви отъ подчиненія государству. При немъ прошелъ (и опять-таки при поддержкѣ Бисмарка) новый школьный законъ, который вырывалъ школьное дѣло изъ-подъ вліянія духовенства и отдавалъ руководство имъ всецѣло въ руки государственныхъ властей (мартъ 1872 года). Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого католикамъ былъ брошенъ новый вызовъ: по предложенію союзнаго совѣта рейхстагъ принялъ постановленіе о запрещеніи іезуитскому ордену и родственнымъ ему орденамъ и конгрегаціямъ доступа на германскую территорію (іюнь 1872 г.). Могущественный орденъ, который снова сталъ расправлять свои крылья на нѣмецкихъ земляхъ, принужденъ былъ теперь оставить Германію. Бисмаркъ нашелъ себѣ благодаря этому враговъ не только среди правовѣрныхъ католиковъ, но и среди протестантовъ; и консерваторы и даже лютеранскіе пасторы стали упрекать его въ нечестіи, въ подрывѣ религіозныхъ чувствъ въ народѣ. Но нападки изъ консервативныхъ и клерикальныхъ круговъ заставили Бисмарка тѣснѣе сблизиться съ либералами и сдѣлать въ ихъ пользу новыя уступки; залогомъ единенія съ ними должна была стать проведенная въ 1872 году реформа мѣстнаго самоуправленія.

Фалькъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство продолжало свое наступленіе противъ католиковъ. Въ началѣ 1873 года Фалькъ внесъ въ прусскую палату депутатовъ 4 законопроекта, устанавливавшіе обязательный образовательный стажъ въ *германскихъ* учебныхъ

заведеніяхъ для кандидатовъ на духовныя должности съ предоставленіемъ свѣтскимъ властямъ права не утверждать неподходящихъ кандидатовъ, ограничивавшіе карательныя права духовныхъ властей по отношенію къ паствѣ и служителямъ церкви и разрѣшавшіе свободу выхода изъ любого вѣроисповѣданія. Принятые въ маѣ 1873 года, эти законы получили названіе майскихъ. Католики отвѣтили на нихъ уже не однимъ только взрывомъ негодующихъ чувствъ, но и рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Епископы и священники отказались имъ подчиняться и встрѣтили въ этомъ отношеніи сочувствіе почти всего католическаго населенія Германіи. На выборахъ 1874 г. въ рейхстагъ число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ центра, возросло болѣе, чѣмъ вдвое, а число депутатовъ — на $^1/_3$ (съ 63 до 91). Майскіе законы.

Но и правительство не думало сдаваться. На сопротивленіе католическаго духовенства оно отвѣтило новыми боевыми законами: въ 1874 г. въ Пруссіи былъ признанъ законнымъ гражданскій бракъ, распространенный въ 1875 г. на всю имперію. Въ 1874 году полиціи было предоставлено право ссылать и даже высылать изъ имперіи священниковъ, не подчинившихся судебнымъ приговорамъ. Въ 1875 г., въ виду неподчиненія епископовъ новымъ законамъ, католической церкви перестали выдаваться деньги изъ государственной казны. Вслѣдъ за тѣмъ въ Пруссіи были уничтожены всѣ монашескіе ордена, кромѣ тѣхъ, которые занимались уходомъ за больными; католическому духовенству было запрещено распоряжаться церковными имуществами, а у духовныхъ обществъ отнято право свободныхъ сношеній.

Борьба разгоралась. Несмотря на то, что на непокорныхъ епископовъ и священниковъ десятками и сотнями сыпались судебные приговоры, каравшіе тюремнымъ заключеніемъ и штрафами, католическое духовенство продолжало свое сопротивленіе. Дѣло дошло до того, что къ 1877 году во всей Пруссіи было только 4 замѣщенныхъ епископства: остальные епископы сидѣли по тюрьмамъ или были смѣщены. Около 400 приходовъ не имѣли священниковъ. Самъ папа (Пій IX) вмѣшался въ борьбу и въ энцикликѣ отъ 5 февраля 1875 года грозилъ отлученіемъ всѣмъ католикамъ, которые признаютъ майскіе и имъ подобные законы.

Бисмаркъ не ожидалъ такого упорнаго сопротивленія, и борьба его начинала утомлять. Становилось ясно, что раздоръ съ католической церковью принимаетъ затяжный характеръ и что однимъ ударомъ, какъ бы онъ ни былъ рѣшителенъ, покончить съ упор- Отношеніе партій.

ствомъ католиковъ невозможно. Чѣмъ дальше шла борьба, тѣмъ болѣе разстраивались отношенія Бисмарка съ его прежними друзьями изъ круга восточно-прусскихъ юнкеровъ, и это не могло не огорчать канцлера, въ душѣ котораго всегда жили феодально-консервативныя симпатіи, несмотря на всю гибкость его натуры, несмотря на всю его воспріимчивость къ теченіямъ времени.

Разрывая съ консерваторами, Бисмаркъ въ то же время оттолкнулъ отъ себя и прогрессистовъ. Въ началѣ культуркампфа они видѣли въ канцлерѣ борца противъ церковнаго мракобѣсія и защитника религіозной свободы; но уже очень скоро для нихъ стало ясно, что Бисмарка озабочиваетъ только престижъ государственной власти и что ему нѣтъ никакого дѣла до принципа свободы совѣсти. Борьба съ католиками принимала все болѣе чисто полицейскій характеръ, и прогрессисты совсѣмъ не хотѣли итти за Бисмаркомъ по его пути полицейскихъ преслѣдованій. Вѣрными ему оставались одни національ-либералы; но и они скоро поняли, что канцлеръ, разорвавшій со своими прежними политическими друзьями и лишенный прежнихъ опоръ, безсиленъ безъ нихъ, и увеличили свою требовательность. Они теперь вспомнили о забытыхъ лозунгахъ своей программы, и когда Бисмаркъ въ 1878 г. сдѣлалъ попытку болѣе тѣснаго сближенія съ національ-либералами и предложилъ ихъ вождю Беннигсену войти въ кабинетъ, тотъ условіемъ своего вступленія поставилъ, чтобы кромѣ него въ кабинетъ вошло еще два національ-либерала (изъ лѣваго крыла партіи) и притомъ въ качествѣ отвѣтственныхъ министровъ.

Разрывъ съ либералами.

Для Бисмарка это было уже слишкомъ. Союзъ съ либералами былъ продиктованъ ему исторической необходимостью, но онъ давно уже смущалъ его юнкерскую душу; и теперь, когда либералы стали чрезмѣрно требовательны, Бисмаркъ былъ не прочь повернуться къ нимъ спиной и вернуться въ родное ему лоно консерватизма.

Сюда присоединился цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ. Къ концу 70-хъ годовъ Бисмаркъ успѣлъ разочароваться въ системѣ свободной торговли и промышленности. Государственная казна испытывала нужду въ самостоятельныхъ источникахъ дохода; до сихъ поръ имперскіе финансы питались очередными взносами отъ отдѣльныхъ государствъ Германіи, и Бисмаркъ считалъ эту зависимость имперіи отъ ея составныхъ частей унизительной для нея. Онъ надѣялся создать новый и самостоятельный источникъ доходовъ для имперской казны, поднявъ косвенные налоги (какъ на

предметы потребленія внутри страны, такъ и на ввозимые изъ-за границы товары). На такой переходъ къ высокимъ налогамъ никогда бы не согласились націоналъ-либералы, и это прибавляло новый мотивъ къ прежнимъ причинамъ недовольства канцлера на его недавнихъ союзниковъ. Наконецъ Бисмарка раздражалъ непрерывный ростъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, въ которой онъ видѣлъ очень опасную для любезныхъ его сердцу началъ силу; между тѣмъ союзъ правительства съ либералами и принятое имъ въ силу этого обязательство не вмѣшиваться въ свободу хозяйственныхъ отношеній мѣшали Бисмарку принять какія-нибудь активныя мѣры противъ роста соціалъ-демократической партіи. Всѣ эти причины — и необходимость враждовать съ родными канцлеру по духу консерваторами, и чрезмѣрная, какъ ему казалось, требовательность націоналъ-либераловъ, и разочарованіе въ идеяхъ экономической свободы, и желаніе посчитаться, наконецъ, съ соціалистами, соединились теперь вмѣстѣ и вызвали разрывъ Бисмарка съ націоналъ-либералами. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ Беннигсену, онъ нашелъ для себя болѣе выгоднымъ дать отставку Фальку (1879 г.), пойти на примиреніе съ папою и пригласить въ свой кабинетъ отъявленнаго консерватора Роб. фонъ-Путкаммера. Теперь съ націоналъ - либерализмомъ для Бисмарка было все кончено; начался новый, на этотъ разъ послѣдній періодъ въ его министерской дѣятельности, отмѣченный ликвидаціей культуркампфа, сближеніемъ съ консерваторами, обращеніемъ къ протекціонизму и борьбою съ соціализмомъ.

В. Перцевъ.

Реакція въ Австріи и установленіе дуализма.

Конституція. 1847 г.

Въ моментъ роспуска кремзирскаго рейхстага (7 марта 1849 г.) реакція въ Австріи еще не чувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы уже формально провозгласить отмѣну конституціи. Въ Венгріи и итальянскихъ областяхъ революція еще не была подавлена, въ другихъ частяхъ имперіи броженіе также еще продолжалось. Вернуться сразу къ абсолютизму было еще небезопасно, и поэтому одновременно съ разгономъ парламента была обнародована выработанная правительствомъ помимо участія народныхъ представителей «конституція 4 марта 1849 г.», которая никогда не была приведена въ исполненіе, но, тѣмъ не менѣе, существовала въ видѣ неисполненнаго обѣщанія до 31 декабря 1851 г., когда она была совсѣмъ упразднена.

Въ началѣ этого короткаго періода «бумажнаго конституціонализма» могло дѣйствительно казаться, что представительный строй и режимъ политической свободы будутъ сохранены, хотя бы со значительными урѣзками противъ конституціоннаго проекта перваго австрійскаго парламента. Министерство Шварценберга, призванное къ власти съ цѣлью ликвидаціи революціи, не было однородно въ своемъ составѣ. На ряду съ премьеромъ, относив-

Пособія: *H. Ftiedjung*. Oesterreich von 1848 dis 1860, B. I u. II, Stuttgart une Berlin 1898 und 1812; *Walther Rogge*. Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart, три тома, Leipzig und Wien 1872—3; *Helfert*. Geschischte Oesterreiche vom Ausgange des Wiener Oktoberaufstandes 1848, шесть томовъ, Prag und Leipzig, 1869—86; *L. Gumplowicz*. Das Recht der Nationalitaten und Sprachen in Oesterreich—Ungarn, Innsbruck 1879; *R. Charmatz*. Oesterreichs innere Geschischte von 1848 bis 1907, Leipzig 1909; *E. Denis*. La Bohême depuis la Montagne Blanche, два тома, Paris 1903; *L. Eisenmann*. Le compromis austro-hongrois, Paris 1904.

[1]) Статья написана задолго до начала европейской войны. Ред.

шимся съ глубокимъ презрѣніемъ и, пожалуй, еще болѣе глубокимъ непониманіемъ къ требованіямъ демократіи, въ кабинетѣ находился въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ графъ Стадіонъ, искренно желавшій установленія конституціи. Но несмотря на то, что онъ самъ въ бытность свою намѣстникомъ въ Тріестѣ и Галиціи имѣлъ возможность столкнуться съ разнообразными національными проблемами Австріи, Стадіонъ все-таки считалъ централистскую конституцію въ Австріи осуществимой. Онъ былъ убѣжденъ, что габсбургской монархіей можно управлять изъ Вѣны такимъ же точно образомъ, какъ Франціей изъ Парижа. Требованія же отдѣльныхъ народностей въ области равноправія языковъ и т. д. можно было, по его мнѣнію, удовлетворить путемъ раздѣленія отдѣльныхъ областей Австріи на болѣе мелкія административныя единицы съ однороднымъ по возможности въ національномъ отношеніи населеніемъ. Низшимъ административнымъ единицамъ, — общинѣ, волости и уѣзду, — онъ предполагалъ предоставить весьма широкую автономію. Такимъ образомъ онъ надѣялся удовлетворительно разрѣшить проблемы, обусловленныя пестротой національнаго состава имперіи.

Вмѣстѣ со Стадіономъ въ министерствѣ Шварценберга находился и Александръ Бахъ, которому суждено было сыграть роковую роль въ исторіи Австріи. Адвокатъ по профессіи, Бахъ въ дореволюціонный періодъ занималъ видное положеніе въ рядахъ оппозиціи, поскольку она могла проявляться въ легальныхъ формахъ при домартовскомъ режимѣ, и еще въ первую половину революціи даже «полѣвѣлъ», присоединившись, вопреки своимъ первоначальнымъ взглядамъ, послѣ возстанія 15 мая, къ требованію однопалатной системы. Съ назначеніемъ его на постъ министра юстиціи въ кабинетѣ Вессенбергъ-Добльгофа, Бахъ, однако, началъ двигаться все болѣе и болѣе вправо и въ его выступленіяхъ все рѣшительнѣе съ тѣхъ поръ стало раздаваться требованіе сохраненія «порядка». У Баха исключительная работоспособность, огромныя знанія и прекрасный организаторскій талантъ сочетались съ большимъ честолюбіемъ и отсутствіемъ твердости убѣжденій. Вслѣдствіе этого онъ никогда не былъ способенъ принести свою карьеру въ жертву идеямъ, которыя онъ такъ умѣло отстаивалъ въ началѣ освободительнаго движенія въ Австріи. Цѣпляясь за власть, онъ постепенно, подчиняясь реакціи, становившейся все болѣе и болѣе могущественной, превратился въ ея безвольное орудіе, до такой степени, что впослѣдствіи самъ

сталъ во главѣ реакціоннаго правительства и весь контръ-революціонный періодъ австрійской исторіи былъ названъ «режимомъ Баха». Но въ началѣ 1849 г. Бахъ еще не успѣлъ продѣлать этой эволюціи и, несомнѣнно, былъ еще конституціоналистомъ, мечтавшимъ осуществить рядъ необходимыхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ. Такимъ образомъ двумя наиболѣе выдающимися помощниками Шварценберга (къ нимъ можно причислить также и министровъ торговли Брука и юстиціи Шмерлинга) были люди, не желавшіе возвращенія къ домартовскому періоду. Октроированная конституція 4 марта, которая была, главнымъ образомъ, дѣломъ Стадіона, была поэтому выработана послѣднимъ въ убѣжденіи, что она не останется историческимъ архивнымъ матеріаломъ. Самъ же премьеръ Феликсъ Шварценбергъ видѣлъ въ конституціонномъ актѣ только средство выиграть время и менѣе всего думалъ объ утвержденіи въ Австріи представительнаго строя. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на подавленіи броженія въ разныхъ частяхъ имперіи и въ то же время на возстановленіи внѣшняго политическаго престижа Австріи, прежде всего на борьбѣ съ Пруссіей за преобладаніе въ Германіи. Поэтому, несмотря на всю свою глубокую антипатію къ демократіи и къ режиму политической свободы, онъ предоставилъ Стадіону и Баху на первыхъ порахъ широкій просторъ, думая про себя, что всѣ эти пріобрѣтенія освободительнаго движенія можно будетъ свести на-нѣтъ, когда пораженіе революціи будетъ несомнѣнно. Въ то же время было еще одно обстоятельство, удерживавшее Шварценберга отъ того, чтобы стать слѣпой игрушкой въ рукахъ ультра-реакціоннаго дворянства, во главѣ котораго находился князь Виндишгрецъ, усмиритель Праги и Вѣны: Шварценбергъ относился съ глубокимъ презрѣніемъ къ австрійскому дворянству. «Было бы нетрудно, — пишетъ онъ Виндишгрецу 11 февраля 1849 г., — придать новой конституціи аристократическую окраску, но я думаю, что невозможно сдѣлать нашу аристократію дѣйствительно жизненной и придать ей необходимую силу сопротивленія. Недостаточно быть честными людьми, нужно быть классомъ политически образованнымъ, хорошо организованнымъ и обладающимъ мужествомъ, а этого у насъ совершенно нѣтъ. Я не знаю во всей монархіи и дюжины людей нашего сословія, которые при нынѣшнихъ условіяхъ могли бы занять съ пользой мѣсто въ верхней палатѣ, и я думаю, что такое учрежденіе, которое окажется безсильнымъ служить своей

задачѣ охраны консервативныхъ принциповъ, можетъ только сдѣлать правительство болѣе слабымъ и его задачу болѣе затруднительной». «Я не могу, — говоритъ онъ въ другой разъ, — сдѣлать всѣхъ своихъ идіотовъ-кузеновъ губернаторами». Въ такомъ же духѣ пишетъ онъ нѣсколько позднѣе Меттерниху: «Мы не имѣемъ политически годной аристократіи». Поэтому Шварценбергъ не согласился съ проектомъ Виндишгреца и съ другими проектами реакціонеровъ, которые требовали возвращенія къ сословнымъ сеймамъ до-революціонной эпохи, гдѣ дворянство фактически господствовало, такъ какъ роль представителей городского населенія и крестьянства была въ нихъ совершенно ничтожной. Предоставленіе такихъ прерогативъ дворянству Шварценбергу и его товарищамъ казалось въ то время особенно неудобнымъ, такъ какъ въ Венгріи и Галиціи именно дворянство являлось ядромъ революціонно сепаратистскихъ элементовъ. Поэтому премьеръ высказался, вопреки протестамъ крайнихъ правыхъ, за конституцію 4 марта, которая создавала общеимперскій парламентъ изъ двухъ палатъ: въ нижнюю выборы происходили на основаніи имущественнаго ценза, верхняя же должна была состоять изъ половины членовъ по назначенію короны и другой половины, выбираемыхъ отдѣльными сеймами. Наиболѣе важнымъ при тогдашнихъ условіяхъ пунктомъ октроированной конституціи было то, что она, не отмѣняя формально конституціи Венгріи, признавала въ то же время противорѣчіе между ней и общеимперской конституціей недопустимымъ. Вмѣстѣ съ отмѣной таможенной границы между Венгріей и Австріей это фактически означало превращеніе Венгріи изъ страны съ самостоятельной конституціей въ одну изъ областей имперіи Габсбурговъ.

Шварценбергъ далъ понять Виндишгрецу, что не будетъ спѣшить съ осуществленіемъ конституціи, но въ то же время не мѣшалъ Стадіону и Баху проводить реформы, которыя они считали необходимыми. Его товарищи по кабинету дѣйствительно успѣли очень много сдѣлать въ это время. Ихъ дѣятельность, впрочемъ, оказалась Сизифовой работой, — съ усиленіемъ реакціи значительная часть того, что они сдѣлали, свелась на-нѣтъ.

Реформа Баха.

Стадіону недолго пришлось еще участвовать въ правительствѣ. Спустя недѣль шесть послѣ опубликованіи октроированной конституціи онъ заболѣлъ неизлѣчимымъ психическимъ разстройствомъ (онъ умеръ въ 1853 г.). Его мѣсто занялъ Бахъ, продолжавшій на первыхъ порахъ осуществлять идеи Стадіона,

но не обладавшій стойкостью убѣжденій послѣдняго. Поэтому онъ въ первый періодъ дѣятельно занимался внутреннимъ преобразованіемъ Австріи, но съ не меньшей энергіей сталъ служить контръ-революціи, когда реакціонный курсъ опредѣлился съ достаточной ясностью. Реформаторская дѣятельность кабинета распространилась на всѣ отрасли управленія. Была произведена судебная реформа, которая упразднила патримоніальную юрисдикцію. До революціи 1848 г. въ Австріи (за исключеніемъ Тироля, гдѣ сеньеральныя привилегіи были уничтожены уже крестьянскимъ возстаніемъ 1525 г., и Ломбардіи и пріадріатическихъ областей, гдѣ эти привилегіи были также отмѣнены при Наполеонѣ) низшая инстанція судопроизводства находилась въ рукахъ помѣщиковъ въ деревняхъ и магистратовъ въ городахъ. Такимъ образомъ помѣщику часто приходилось фигурировать въ качествѣ судьи въ дѣлахъ, возникавшихъ на почвѣ сеньеральнаго права, т.-е. тамъ, гдѣ онъ являлся заинтересованной стороной. Судебная реформа Баха и Шмерлинга замѣнила эти патримоніальные суды государственными. Кромѣ того, уголовное уложеніе, изданное въ январѣ 1850 г., отмѣнило тайное и письменное судопроизводство, сдѣлало судъ гласнымъ и подчинило всѣ преступленія суду присяжныхъ. Точно такъ же система административнаго управленія подверглась глубокому измѣненію. Австрія была раздѣлена на 15 намѣстничествъ, при чемъ власть центральнаго вѣдомства была чрезвычайно усилена. Административная реформа осуществила полное отдѣленіе административной власти отъ судебной. Въ то же время была произведена организація общиннаго самоуправленія, при чемъ Бахъ, однако, отказался отъ представительныхъ волостныхъ и уѣздныхъ органовъ, которые предполагалъ первоначально учредить Стадіонъ. Были созданы уставы для отдѣльныхъ коронныхъ земель, согласно которымъ мѣстные сеймы должны были выбираться тремя куріями: куріей городского населенія, сельскаго населенія и куріи наиболѣе высокихъ плательщиковъ налога. Согласно общему отношенію Стадіона къ дворянству, на мѣсто котораго въ управленіи страной онъ хотѣлъ поставить назначаемыхъ государствомъ чиновниковъ, дворянство не должно было образовать отдѣльной куріи, а входило въ курію высшихъ плательщиковъ налога. Для Галиціи, гдѣ Стадіонъ былъ намѣстникомъ какъ разъ въ началѣ революціи 1848 г., и гдѣ онъ стремился опираться на украинцевъ противъ польскаго дворянства, Стадіонъ выработалъ про-

ектъ двухъ отдѣльныхъ сеймовъ: въ одномъ большинство должно было принадлежать украинцамъ, въ другомъ—полякамъ, при чемъ, однако, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, выборы должны были производиться такимъ образомъ, чтобы въ обоихъ польскіе дворяне, тогда бывшіе главными носителями революціонной идеи независимости Польши, оставались въ меньшинствѣ. Бахъ пошелъ даже еще дальше и создалъ для Галиціи проекты трехъ семействъ: польскаго въ Краковѣ, украинскаго въ Станиславовѣ и смѣшаннаго во Львовѣ. Предполагалось, что съ 1850 г. сеймы отдѣльныхъ земель начнутъ функціонировать. Но въ самомъ дѣлѣ они остались такимъ же продуктомъ бумажнаго канцелярскаго творчества, какъ и общеимперская конституція 4 марта. Наибольшее же значеніе во всей реформатской дѣятельности перваго періода министерства Шварценберга имѣла отмѣна крестьянскихъ повинностей, произведенная согласно постановленію перваго австрійскаго парламента. Она была выполнена настолько удачно, что по словамъ Карла Гринберга, извѣстнаго изслѣдователя аграрнаго вопроса, нигдѣ въ Европѣ освобожденіе крестьянъ не было осуществлено такъ скоро, съ такой энергіей и послѣдовательностью и съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Австріи. Не удивительно поэтому, что дворянскій помѣщичій классъ былъ крайне раздраженъ этой реформой, хоть землевладѣльцы и получили въ общей сложности во всей имперіи около 600 милліоновъ гульденовъ за отмѣну крестьянскихъ повинностей. Князь Виндишгрецъ подалъ императору записку, въ которой онъ называетъ выполненное министерствомъ освобожденіе крестьянъ грабежомъ и говоритъ, «что самый крупный коммунистъ еще не посмѣлъ пожелать того, что было на практикѣ выполнено правительствомъ Вашего величества». Въ другомъ мѣстѣ записки онъ говоритъ, что землевладѣльцы во многихъ частяхъ Австріи совершенно разорены, что условія выкупа крестьянскихъ повинностей въ этихъ областяхъ имѣютъ, повидимому, въ виду упраздненіе права собственности «и,—продолжаетъ онъ,—Ваше величество слишкомъ поздно узнаете, какое несказанное зло причинено этими актами произвола тысячамъ уважаемыхъ семействъ». Слѣдуетъ тутъ же отмѣтить, что именно эта реформа была единственной, которой реакція впослѣдствіи не рѣшилась коснуться. Въ начавшемся послѣ короткаго періода реформъ натискѣ реакціи на всѣ пріобрѣтенія освободительнаго движенія, почти всѣ они были отмѣнены формально или фактически и только въ области крестьянскихъ правъ реакція не рѣшилась

вернуться къ дореволюціонному режиму,—до такой степени у нея былъ силенъ страхъ передъ крестьянами и боязнь толкнуть ихъ въ лагерь антиправительственной оппозиціи[1]).

Непрочность партіи реформъ.

Система умѣренно-конституціоннаго централизма, которую силились осуществить въ Австріи Стадіонъ и его товарищи, была, конечно, обречена на неудачу. Игнорируя историческое прошлое разноплеменной Австріи и стремленіе ея національностей къ полному равноправію, стремясь низвести даже Венгрію на уровень одной изъ областей Австріи, лишенной какихъ-либо особыхъ правъ, централистскіе реформаторы ставили себѣ задачу, для выполненія которой было недостаточно той ограниченной политической свободы, допускавшейся октроированной конституціей. Но если бы правительство, по крайней мѣрѣ, искренне проводило эту программу, оно могло бы найти нѣкоторую поддержку не только у нѣмецкаго элемента, напуганнаго обнаружившимися въ 1848 г. центробѣжными стремленіями разныхъ народовъ имперіи, но также и у части славянъ. Словаки, напримѣръ, страдавшіе отъ гнета мадьяръ, и украинцы, боровшіеся съ господствомъ поляковъ въ Галиціи, благодарили даже правительство за изданіе октроированной конституціи, которая по ихъ мнѣнію обезпечивала имъ національныя права. На самомъ дѣлѣ, однако, правящія сферы вовсе не думали объ утвержденіи конституціи. Очень скоро оказалось, что вся реформаторская дѣятельность кабинета была совершена въ сущности только для отвода глазъ. Лишь только революція въ Венгріи была подавлена и во всѣхъ остальныхъ частяхъ имперіи броженіе также перестало проявляться на поверхностяхъ, реакція признала, что революцію пора ликвидировать, и стала постепенно отнимать одно изъ ея завоеваній за другимъ. На молодого императора Франца-Іосифа пріобрѣлъ тогда огромное вліянія баронъ фонъ-Кюбекъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ дореволюціоннаго періода, который до 1848 г. не былъ чуждъ нѣкоторыхъ либеральныхъ тенденцій. Революція, однако, нагнала на него такой страхъ передъ демократіей, что онъ сталъ выразителемъ наиболѣе реакціонныхъ идей и обрабатывалъ молодого монарха въ духѣ находившагося тогда за границей Меттерниха, съ которымъ Кюбекъ былъ въ очень близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ все рѣшительнѣе сталъ требовать отмѣны конституціи

---

[1]) Сущность крестьянской реформы и способъ ея разрѣшенія были изложены въ предыдущей статьѣ (томъ IV, стр. 529, 536 и 558).

4 марта. Реакціонныя тенденціи находили сильную поддержку въ верхахъ арміи, которая гордилась тѣмъ, что ей удалось раздавить революцію и спасти единство имперіи. Взгляды военныхъ реакціонеровъ нашли тогда очень выпуклое выраженіе въ брошюрѣ подъ заглавіемъ «Bekenntnisse eines Soldaten», появившейся безъ указанія автора, но написанной флигель-адъютантомъ молодого монарха, майоромъ Барбартчи. Содержаніе брошюры сводилось къ тому, что императоръ долженъ всецѣло опираться на армію. Раздѣленіе власти между монархомъ и отвѣтственными министрами или парламентомъ совершенно недопустимо, такъ какъ парламентъ «будетъ только стремиться къ продолженію революціи». Нельзя допустить, чтобы либеральныя идеи проникли въ армію. «Ученіе о равноправіи національностей и сословій, борьба противъ унаслѣдованныхъ привилегій очень близко граничатъ съ тѣмъ міромъ идей, въ которомъ зрѣютъ плоды коммунизма». Памфлетъ Барбартчи былъ полонъ упрековъ по адресу Баха и Стадіона. Авторъ, по національности венгерецъ, принадлежалъ къ кругу богатаго дворянства и, подобно остальнымъ реакціонерамъ этого класса, не могъ простить обоимъ министрамъ проведенныхъ ими соціальныхъ и юридическихъ реформъ въ интересахъ крестьянства. Онъ поэтому доходитъ до того, что видитъ въ умственномъ разстройствѣ, которымъ заболѣлъ Стадіонъ, перстъ Божій, «покаравшій мозгъ, въ которомъ возникла мысль о равноправіи національностей». Еще хуже отзывается онъ о Бахѣ, которому даетъ прозвище «любимца черни».

Престижъ Шварценберга еще возросъ, вслѣдствіе побѣды, которую ему удалось одержать надъ Пруссіей въ переговорахъ въ Ольмюцѣ, когда казалось, что Австрія окончательно укрѣпила свое преобладаніе въ Германіи. Начался періодъ ликвидаціи революціи. Члены кабинета, которые оставались вѣрными конституціонализму, какъ Шмерлингъ и Брукъ, должны были подать въ отставку: первый въ январѣ 1851 г., второй въ іюлѣ того же года. Чтобы обуздать печать, въ іюлѣ 1851 г. былъ изданъ законъ, предоставляющій администраціи право закрывать газеты за вредное направленіе послѣ двухъ предостереженій. Бахъ, который къ тому времени уже совершенно капитулировалъ передъ реакціей, исходатайствовалъ у императора право подвергать неблагонадежныхъ лицъ высылкѣ въ административномъ порядкѣ. Одной изъ жертвъ этого права сталъ извѣстный чешскій писатель, столько сдѣлавшій для возрожденія чешскаго національнаго духа, Гавли-

чекъ, который былъ высланъ въ тирольскую горную деревушку Бриксенъ. Въ апрѣлѣ 1850 г. былъ созданъ государственный совѣтъ (Reichsrat), состоявшій изъ высшихъ сановниковъ по назначенію императора. Предсѣдателемъ совѣта, который долженъ былъ служить высшимъ законосовѣщательнымъ органамъ имперіи, былъ назначенъ Кюбекъ. Этому совѣту вмѣстѣ съ министерствомъ было предписано въ указахъ, изданныхъ 26 августа 1851 г., обсудить вопросъ, слѣдуетъ ли сохранить конституцію. Къ какому заключенію они должны были прійти, было ясно изъ текста поясненія къ этимъ указамъ, въ которомъ было сказано, что необходимо положить конецъ фикціи сохраненія неисполнимыхъ законовъ, «чтобы отнять оружіе у враговъ государственнаго порядка». Сохранившіеся еще послѣ революціи жалкіе остатки національной гвардіи 22 августа были упразднены, приблизительно черезъ мѣсяцъ была отмѣнена присяга чиновниковъ въ вѣрности конституціи, уже упраздненная въ арміи еще въ ноябрѣ 1850 г. Министръ финансовъ, Филиппъ Краусъ, пробовалъ было возражать противъ готовящагося государственнаго переворота, указывая на то, что государственный кредитъ можетъ пострадать отъ возстановленія самодержавія, такъ какъ капиталъ не довѣряетъ государственному хозяйству, не находящемуся подъ контролемъ парламента. На это Кюбекъ отвѣтилъ, что этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. «У французовъ, — пишетъ онъ, — послѣ революціи была придумана поговорка les écus sont éminemment monarchiques (деньги убѣжденные монархисты), онѣ направляются туда, гдѣ обезпеченъ порядокъ, собственность и вѣрность данному слову».

Отмѣна конституціи.

Бахъ еще сдѣлалъ нѣкоторыя попытки спасти хоть тѣнь парламентскаго строя и сохранить парламентъ въ видѣ хотя бы законосовѣщательнаго учрежденія, «имперской коллегіи», какъ онъ называлъ это учрежденіе. Но все это ни къ чему не привело, и 31 декабря 1851 г. появился патентъ объ отмѣнѣ конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены судъ присяжныхъ, принципъ несмѣняемости судей, общинная автономія и т. д. 7 апрѣля 1852 г. Шварценбергъ скоропостижно умеръ, но Бахъ, ставшій затѣмъ и премьеромъ, продолжалъ его дѣятельность въ качествѣ покорнаго слуги контръ-революціи.

Уже черезъ мѣсяцъ послѣ отмѣны конституціи мѣсто присяжныхъ заняли коронные судьи и гласное судопроизводство было, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, отмѣнено. Чтобы избавиться отъ оппозиціонной печати, 27 мая 1852 г. былъ изданъ

законъ, устанавливавшій разрѣшительный порядокъ для періодическихъ изданій. Право на изданіе періодическаго органа было обусловлено внесеніемъ залога до 10.000 гульденовъ. Ежедневная газета должна была быть предъявляема въ готовомъ видѣ администраціи и прокурорскому надзору за часъ, всѣ же остальныя произведенія печати за три дня до выхода въ свѣтъ. Чиновникъ отмѣчалъ краснымъ карандашомъ мѣста, вызывающія «сомнѣнія». Если же газета ихъ все-таки печатала, она подвергалась разнаго рода наказаніямъ, начиная съ денежнаго штрафа и тюремнаго заключенія редактора и кончая полнымъ пріостановленіемъ газеты и отнятія разрѣшенія на содержаніе типографіи. Отвѣтственными за преступленіе въ печати являлись не только авторъ, но также и издатель, равно какъ и лица, занимающіяся печатаніемъ и распространеніемъ произведеній печати. Послѣ двухъ письменныхъ предостереженій газета могла быть пріостановлена за «вредное направленіе». Запрещеніе періодическаго изданія зависѣло только отъ администраціи и лишь для прекращенія ввоза иностранныхъ изданій требовалось соглашеніе между полиціей и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Этотъ законъ до крайности обезличилъ печать, и въ 1855 г., напримѣръ, во всей Австріи было всего 50 политическихъ органовъ, совершенно безсодержательныхъ и не рѣшавшихся на сколько-нибудь серьезную критику правительственныхъ дѣйствій. Въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ о печати находился и законъ 28 ноября 1852 г. о союзахъ и собраніяхъ, по которому безъ разрѣшенія министра никакое общество не могло функціонировать. Министру было предоставлено право закрывать общества, признанныя имъ вредными, при чемъ его постановленія не могли быть обжалованы. О собраніяхъ необходимо было предварительно увѣдомлять полицію, которая посылала туда своихъ агентовъ для наблюденія. Тѣмъ же духомъ было проникнуто новое уголовное уложеніе, 27 мая 1852 г., которое усилило кары за оскорбленіе величества и за «возбужденіе недовѣрія и ненависти противъ правительства». Любопытной чертой этого уложенія является то, что оно снова ввело въ Австріи тѣлесное наказаніе съ той курьезной мотивировкой, что въ виду того, что это наказаніе издавна примѣняется въ Венгріи, оно должно существовать также и въ Австріи, такъ какъ принципъ единства монархіи не допускаетъ отдѣльныхъ карательныхъ нормъ для Венгріи. Пониманіе единства имперіи, не лишенное своеобразнаго остроумія!

Реакція и репрессіи.

Опорой этого режима являлось исключительное и осадное положеніе, которое было сохранено еще долго послѣ подавленія революціи. Въ Вѣнѣ и Богеміи осадное положеніе было отмѣнено только въ сентябрѣ 1853 г., въ Галиціи, Венгріи и итальянскихъ владѣніяхъ въ маѣ 1854 г., въ Трансильваніи въ декабрѣ того же года. Но и по отмѣнѣ осаднаго положенія управленіе находилось подъ сильнымъ вліяніемъ арміи: въ большинствѣ областей военное и гражданское управленіе было сосредоточено въ рукахъ генераловъ. Въ то же время власть полиціи чрезвычайно усилилась и достигла размѣровъ, которое, пожалуй, превышали даже все то, что происходило при Меттернихѣ. Для охраненія порядка во всей имперіи былъ учрежденъ жандармскій корпусъ, который раньше существовалъ только въ итальянскихъ областяхъ. Корпусъ состоялъ изъ 19 полковъ по 1000 человѣкъ въ каждомъ. Сыскъ принялъ невѣроятные размѣры и полиція слѣдила за всѣмъ, не исключая и интимной жизни частныхъ лицъ. Мелочному и мучительному преслѣдованію подвергались бывшіе «революціонеры», т.-е. всѣ тѣ, которые принимали сколько-нибудь замѣтное участіе въ событіяхъ 1848 г. Желавшіе поступить на государственную службу должны были дать точныя свѣдѣнія о поведеніи въ 1848—49 гг. Помимо гласныхъ свѣдѣній, въ распоряженіи полиціи находились секретныя справки, которыми она пользовалась безконтрольно, и извѣстны случаи, когда полиція не допускала назначенія чиновниками лицъ, за политическую благонадежность которыхъ ручались даже министры кабинета Баха. Доходили и до явныхъ безсмыслицъ. Такъ, напримѣръ, чиновникамъ запрещалось отпускать бороды, такъ какъ въ 1848 г. ношеніе бороды считалось признакомъ политическаго вольнодумства. Разрѣшались только усы и бакенбарды, но, говорилось въ распоряженіи по этому поводу, «безъ допущенія излишествъ» въ этомъ отношеніи. Начальникъ полиціи, баронъ Кемпенъ-фонъ-Фихтенштаммъ, былъ идеальнымъ полицейскимъ «усмирителемъ»: съ аккуратностью и добросовѣстностью въ исполненіи своихъ обязанностей онъ соединялъ полнѣйшее невѣжество, грубость и рѣзкость и ненависть ко всѣмъ, которыхъ считалъ врагами государства и общественнаго порядка. Благодаря дѣятельности учрежденной имъ жандармеріи число «государственныхъ преступленій» все росло какъ разъ въ то время, когда въ странѣ наступило несомнѣнное успокоеніе: въ 1850 г. это число составляло всего 510, въ 1852 г. поднялось до 1.039 и достигло 3.693 въ 1854 г. Тайное наблюденіе полиціи распространялось даже

на высшихъ должностныхъ лицъ контръ-революціоннаго режима: намѣстниковъ, епископовъ, на самого Баха наконецъ, котораго усердный Кемпенъ въ душѣ продолжалъ считать скрытымъ революціонеромъ. Въ австрійскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сохранились эти полицейскіе акты, которые по провѣркѣ оказывались, конечно, филерскимъ вздоромъ. Полиція сдѣлалась до такой степени всемогущей, что даже такой консерваторъ, какъ прусскій генералъ фонъ-Герлахъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ, что «Австрія стала совсѣмъ похожей на Россію». Вліяніе Кемпена все росло и онъ, вопреки сопротивленія Баха, добился того, что полиція стала независимымъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ самостоятельнымъ вѣдомствомъ, а самъ Кемпенъ — членомъ кабинета. Въ Вѣнѣ его дѣятельнымъ помощникомъ былъ вѣнскій градоначальникъ Вейсъ-фонъ-Штаркенфельсъ, который расширилъ полицейскій произволъ до того, что пытался даже бороться съ пониженіемъ бумагъ на биржѣ путемъ высылки биржевыхъ дѣльцовъ изъ Вѣны въ административномъ порядкѣ.

Судъ сталъ орудіемъ борьбы правительства съ дѣятелями революціоннаго періода. Такъ, напримѣръ, противъ радикальныхъ депутатовъ перваго парламента: Гольдмарка, Фюстера и Віолана, было возбуждено преслѣдованіе по обвиненію въ подготовленіи убійства военнаго министра Латура. Эти три депутата бѣжали послѣ роспуска парламента изъ Австріи. Улики противъ нихъ были до такой степени недостаточны, что военный судъ оставилъ дѣло безъ движенія. Правительство, однако, о немъ не забывало и заставило судъ въ 1856 г. приговорить ихъ заочно къ смертной казни по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Только 12 лѣтъ спустя пересмотръ дѣла возстановилъ честь депутатовъ. Депутатъ Фишгофъ также сидѣлъ въ тюрьмѣ 7 мѣсяцевъ по такому же обвиненію, но былъ освобожденъ по недостатку уликъ. Такая мотивировка освобожденія лишала его, однако, избирательныхъ правъ. Во избѣжаніе преслѣдованія нѣкоторые радикальные депутаты скрылись послѣ роспуска кремзирскаго парламента за границу. Среди нихъ былъ и «освободитель крестьянъ» Кудлихъ, уѣхавшій въ Соединенные Штаты, гдѣ сталъ врачемъ. Онъ достигъ преклоннаго возраста и еще теперь живетъ въ Нью-Йоркѣ.

Съ судьями, проявлявшими нѣкоторую самостоятельность, не церемонились. Такъ, напримѣръ, бывшій предсѣдатель вѣнскаго рейхстага Штробахъ, который затѣмъ въ качествѣ предсѣдателя суда въ Прагѣ оправдалъ обвинявшагося въ оскорбленіи величе-

ства на томъ основаніи, что подсудимый совершилъ преступленіе въ пьяномъ видѣ, былъ уволенъ вмѣстѣ съ остальными членами суда.

Борьба съ національностями.

Въ Вѣнѣ произволъ доходилъ до того, что «за корреспондированіе въ германскія радикальныя газеты» нѣкій Фрейндъ былъ посаженъ въ тюрьму на 10 мѣсяцевъ. Но еще болѣе свирѣпствовала полиція въ провинціи. Въ Богеміи, напр., число осужденныхъ за разнаго рода «политическія преступленія» было чрезвычайно велико. Напр., авторъ статьи, въ которой содержался неблагопріятный отзывъ о Луи-Наполеонѣ, былъ приговоренъ къ заключенію на 3 мѣсяца. За храненіе сочиненій Гавличка приговаривали къ шестинедѣльному заключенію въ тюрьмѣ. Даже Палацкій былъ на дурномъ счету, и начальникъ полиціи въ Прагѣ заставилъ его уйти изъ комитета чешскаго музея, который Палацкимъ же былъ созданъ. Достаточно было быть знакомымъ съ Палацкимъ, чтобы подвергаться такого же рода непріятностямъ со стороны полиціи. Другому выдающемуся вождю чеховъ Ригеру было отказано въ правѣ читать лекціи въ университетѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что студенты будутъ въ немъ видѣть не профессора, а политическаго вождя.

Все это дѣлалось для того, чтобы при помощи средствъ полицейскаго режима германизовать всю монархію Габсбурговъ. Прежде всего этотъ режимъ былъ направленъ, конечно, противъ Венгріи, которая должна была понести наказаніе за революцію. Мѣстное самоуправленіе въ Венгріи (комитатскія собранія) было упразднено, и управленіе передано назначеннымъ центральнымъ правительствомъ чиновникамъ. Изъ состава Венгріи были выдѣлены Кроація, Трансильванія и Воеводина, а оставшаяся такимъ образомъ собственная Венгрія раздѣлена на пять отдѣльныхъ административныхъ округовъ, начальники которыхъ получали предписанія изъ Вѣны, хотя для вида и была сохранена должность намѣстника въ Будапештѣ. Нѣмецкій языкъ сталъ государственнымъ языкомъ въ Венгріи и примѣненіе мадьярскаго языка допускалось чиновниками только въ сношеніяхъ съ простонародьемъ, отъ котораго нельзя было ожидать знанія нѣмецкаго языка. Въ то же время система германизаціи и полицейскихъ репрессій была примѣнена также къ кроатамъ, словакамъ, сербамъ и румынамъ, несмотря на то, что эти народности въ 1848 г. были на сторонѣ Австріи и пролили потоки крови за нее въ борьбѣ съ мадьярами. Тѣмъ не менѣе, и они были лишены

автономіи и также подвергались попыткамъ германизаціи. Мадьяры тогда жестоко иронизировали надъ транслейтанскими славянами и румынами, говоря имъ, что «то, что мы получили въ видѣ наказанія за возстаніе, вы получаете въ видѣ вознагражденія за вѣрность Австріи».

Учебныя заведенія также подвергались попыткамъ германизаціи. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ итальянскихъ, господствовалъ нѣмецкій языкъ. Былъ сдѣланъ нѣмецкимъ также и университетъ въ Краковѣ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ родной языкъ учащихся, хотя и допускался въ качествѣ языка преподаванія также рядомъ съ нѣмецкимъ, но для старшихъ классахъ законы 1855 и 1856 гг. предписывали, чтобы и въ славянскихъ и венгерскихъ земляхъ преподаваніе велось, главнымъ образомъ, на нѣмецкомъ языкѣ и чтобы и въ итальянскихъ областяхъ нѣмецкій языкъ сталъ обязательнымъ предметомъ преподаванія. Только въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ обученіе происходило на родномъ языкѣ учащихся.

Реакція очень ловко использовала многочисленные заговоры, которые тогда то и дѣло раскрывались полиціей въ первые годы контръ-революціоннаго режима. Такихъ заговоровъ было не мало, они обнаруживались въ Богеміи, Галиціи и т. д., но больше всего заговорщическая дѣятельность находила благопріятную для себя почву въ итальянскихъ областяхъ Австріи и Венгріи, гдѣ единомышленники Маццини и Кошута пытались путемъ подпольной конспираціи продолжать борьбу 1848—49 гг. Особенно извѣстенъ миланскій заговоръ, участники котораго произвели 6 февраля 1853 г. нападеніе на одну изъ казармъ мѣстнаго гарнизона. Въ началѣ 1852 г. былъ обнаруженъ въ Венгріи обширный заговоръ, организованный по всѣмъ правиламъ конспиративной романтики. Во главѣ заговора находилось «тайное правительство», а всѣ участники были раздѣлены на отдѣльные отряды, носившіе на конспиративномъ языкѣ названіе мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и т. д. Конспиративный ключъ былъ выданъ правительству однимъ изъ его агентовъ, нѣкимъ Биро, сумѣвшимъ втереться въ ядро организаціи и заручиться довѣріемъ ея руководителей. Всѣ участники были арестованы и послѣ двухлѣтняго слѣдствія съ 1854 г. три главныхъ руководителя организаціи были повѣшены, а изъ остальныхъ 48 человѣкъ приговорены къ разнымъ срокамъ заключенія въ исправительныя отдѣленія отъ $1^1/_2$ до 8 лѣтъ. Кромѣ этихъ осужденныхъ, еще 110 человѣкъ,

привлеченныхъ къ отвѣтственности по тому же дѣлу, были освобождены послѣ продолжительнаго предварительнаго заключенія, въ теченіе котораго нѣкоторые заболѣли психическимъ разстройствомъ. Почти одновременно съ миланскимъ возстаніемъ на императора Франца-Іосифа было произведено покушеніе венгерскимъ подмастерьемъ портняжнаго цеха Либени, при чемъ императоръ былъ раненъ довольно серьезно въ шею и пролежалъ нѣсколько недѣль въ кровати. Въ мартѣ 1853 г. въ Вѣнѣ былъ повѣшенъ ассистентъ политехническаго института Цезарь Безаръ, признанный виновнымъ въ томъ, что онъ совмѣстно съ дѣятелемъ венгерской революціи Майемъ организовалъ сообщество, поставившее себѣ цѣлью произвести вооруженное возстаніе. По обвиненію въ соучастіи привлекался и студентъ Зюссъ, впослѣдствіи ставшій знаменитымъ геологомъ.

Если эта заговорщическая дѣятельность что-нибудь и обнаруживала, то, конечно, только слабость революціонныхъ силъ. Но реакціонному режиму она была очень на руку, т. к. давала возможность сохранить исключительное положеніе и давала матеріалъ военнымъ судамъ. До 1854 г. они продолжали выносить еще смертные приговоры, и имена многихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ за границу и осужденныхъ заочно, прибавились къ висѣлицѣ. Такъ какъ съ такимъ приговоромъ была сопряжена конфискація имущества, то это имѣло очень существенное значеніе для осужденныхъ. Среди лицъ, приговоренныхъ заочно къ смертной казни въ Венгріи, находился, между прочимъ, графъ Юлій Андраши, впослѣдствіи сыгравшій такую видную роль въ исторіи Австро-Венгріи, въ качествѣ одного изъ творцовъ дуализма и министра иностранныхъ дѣлъ.

Реакціонный періодъ былъ ознаменованъ также ухудшеніемъ положенія евреевъ. Уже при Іосифѣ II часть ограниченій евреевъ въ правахъ была отмѣнена, но до 1848 г. у нихъ не было права жительства въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи, напримѣръ, въ альпійскихъ земляхъ. Въ Вѣнѣ могли проживать только семейства, которымъ право жительства было предоставлено особыми разрѣшительными грамотами, остальнымъ же разрѣшалось только временное пребываніе для торговыхъ или вообще дѣловыхъ надобностей. Во многихъ городахъ допускалось только пребываніе извѣстнаго числа еврейскихъ семействъ. Въ 1848 г. эти ограниченія потеряли силу, но съ наступленіемъ реакціи положеніе евреевъ опять стало хуже. Въ изданныхъ

при отмѣнѣ конституціи «основныхъ законахъ», статья, внесенная министерствомъ, гарантировавшая евреямъ равноправіе, была вычеркнута по настоянію императора. Въ октябрѣ 1853 г. евреямъ опять было запрещено, какъ до революціи, пріобрѣтать недвижимость. Опять было возобновлено запрещеніе евреямъ держать у себя христіанскую прислугу и мѣстной администраціи снова было дано право запрещать заключеніе еврейскихъ браковъ, чтобы число ихъ въ данной мѣстности не увеличилось. Систематически сталъ проводиться принципъ, что евреи не должны назначаться на государственную службу и т. д.

Церковная политика.

Помимо бюрократіи, арміи и полиціи, германизаторско-абсолютистическій режимъ Баха нашелъ свою главную опору въ католической церкви. Въ 1855 г. съ римской куріей было заключено соглашеніе (такъ называемый конкордатъ), авторами котораго явились вѣнскій архіепископъ Раушеръ, обучавшій императора Францъ-Іосифа предъ его вступленіемъ на престолъ философіи и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на молодого монарха, и графъ Лео Тунъ, министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетахъ Шварценберга и Баха. Еще въ разгарѣ революціи реакція поняла, какую пользу ей можетъ принести католическое духовенство, крайне раздраженное стремленіемъ перваго австрійскаго парламента осуществить дѣйствительную религіозную свободу. На съѣздѣ епископовъ, состоявшемся въ маѣ и іюнѣ 1849 г. въ Вѣнѣ, была изложена программа, которая впослѣдствіи нашла свое выраженіе на практикѣ въ конкордатѣ. Въ запискѣ, предоставленной Шварценбергу отъ имени комитета съѣзда Раушеромъ, слѣдующимъ образомъ формулируются взгляды князей церкви. «Религія является самымъ сильнымъ оплотомъ существующаго строя противъ революціи. Если европейское общество еще можетъ быть спасено отъ гибели, это можетъ быть сдѣлано только религіей». Революція показала, насколько требованія и эксцессы различныхъ національностей опасны для самаго существованія Австріи. Съ ними совладать можетъ только религія. Національность, какъ и свобода, имѣетъ свои права, но какъ послѣдняя она склонна впадать въ крайности. Національное чувство ведетъ «къ борьбѣ расъ, дикой и грубой, которая позорна для человѣчества» и отвратительна передъ лицомъ Господа Бога, такъ какъ «мы всѣ дѣти одного и того же Отца небеснаго, на землѣ мы всѣ граждане одного и того же государства и надѣемся когда-нибудь быть собраны въ единомъ и вѣчномъ царствѣ». Только свѣтъ,

исходящій отъ церкви, «можетъ уничтожить ядъ раздора и сомнѣній... Разнообразіе расъ, къ которымъ мы принадлежимъ, исчезнетъ передъ единствомъ, вытекающимъ изъ того, что мы дѣти одного и того же Бога».

Послѣ ряда подготовительныхъ шаговъ и былъ заключенъ договоръ съ римской куріей, который далъ католическому духовенству огромную власть. Церковь стала фактически совершенно независимой отъ государства и, наоборотъ, получила въ немъ рѣшающее вліяніе. Римская курія получила право свободно сноситься съ католическимъ духовенствомъ въ Австріи. Была отмѣнена обязанность католическихъ епископовъ представлять экземпляры своихъ пасторскихъ посланій администраціи (такъ наз. Placetum regium, введенное при Іосифѣ II), безъ разрѣшенія которой они не могли быть опубликованы. Епископы получаютъ право обращать вниманіе правительства на произведенія печати, вредныя съ точки зрѣнія церкви. Правительство, въ свою очередь, обязано бороться съ распространеніемъ такихъ произведеній. Епископы должны слѣдить за воспитаніемъ юношества, также и за тѣмъ, чтобы и въ другихъ предметахъ преподаванія не было ничего, что идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ церкви и нравственности. Всѣ учителя въ народныхъ училищахъ съ католическими учащимися должны быть католиками и находиться подъ наблюденіемъ церкви. Была возстановлена церковная юрисдикція и епископы не могли быть преданы свѣтскому суду. Епископамъ предоставлено налагать церковныя кары на вѣрующихъ, не подчиняющихся требованіямъ церкви. Собственность церкви объявляется священной и неприкосновенной. Церкви возвращены находившіеся во владѣніи государства фонды, образованные при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II изъ имущества, конфискованнаго у іезуитовъ и монастырей. Этотъ актъ былъ снабженъ секретнымъ приложеніемъ, ставшій извѣстнымъ лишь 12 лѣтъ спустя, согласно которому Австрія обязывалась не издавать никакихъ законовъ, касающихся того или другого вѣроисповѣданія, безъ полученія на нихъ согласія римской куріи. Въ 1856 г. былъ въ видѣ примѣненія конкордата изданъ новый законъ о бракахъ, подчинившій судопроизводству католической церкви всѣ брачныя дѣла, не только между католиками, но и смѣшанные браки, и предоставившій епископамъ право въ извѣстныхъ случаяхъ даже запрещать вступленіе въ бракъ.

Заключеніе конкордата было логическимъ завершеніемъ системы абсолютизма. Во всей монархіи установился строй, который по опредѣленію одного изъ представителей консервативнаго направленія, графъ Гартига, могъ быть выраженъ въ слѣдующей формулѣ: «императоръ выслушиваетъ, рѣшаетъ и повелѣваетъ, — подданные же имѣютъ желанія, говорятъ и подчиняются». Но и это формула не соотвѣтствовала дѣйствительности. Соглашаясь предоставить подданнымъ, — по извѣстной русской терминологіи, — «силу мнѣнія», на ряду съ «силой власти», которой былъ снабженъ монархъ, Гартигъ даетъ австрійцамъ контръ-революціонной эпохи то, чего у нихъ не было. Мы видѣли, что печать фактически отсутствовала, что также отсутствовали представительныя учрежденія. Въ странѣ господствовала полная тишина и казалось, что событія 1848 г. совершенно забыты населеніемъ. Бюрократія, поддерживаемая, — отчасти направляемая, — арміей и духовенствомъ, напрягала всѣ свои силы, чтобы превратить разноплеменную и разноязычную монархію Габсбурговъ въ страну, управляемую вѣнскими канцеляріями при полномъ игнорированіи стремленій народовъ имперіи къ политической и національной свободѣ. Могло казаться, что въ монархіи нѣтъ больше ни мадьяръ, ни славянъ, ни радикальныхъ и даже политически прогрессивныхъ нѣмцевъ, а существуетъ только реакціонная бюрократія, состоящая изъ нѣмцевъ и изъ онѣмеченныхъ чеховъ, — такъ называемыхъ «баховскихъ гусаръ», — которые подавляютъ всѣ живыя силы страны въ интересахъ реакціонной германизаторской политики. Морицъ Гартманъ не преувеличивалъ, когда говорилъ въ стихахъ о тогдашней Австріи, что она подобна кораблю съ грузомъ рабовъ. Его пассажирами являются несчастные народы, которые могутъ стать свободными только тогда, когда корабль разобьется о какую-нибудь подводную скалу.

Признаки разложенія.

Въ то же время армія, которая явилась одной изъ главныхъ опоръ реакціи при ликвидаціи революціи, далеко не находилась на должной высотѣ. Генералъ-адъютантъ Грюнне, начальникъ военнаго кабинета и одинъ изъ столповъ контръ-революціоннаго режима, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ молодого императора, отдавалъ всѣ высшія должности въ арміи членамъ аристократическихъ семействъ, связи которыхъ во вліятельныхъ сферахъ замѣняли личную годность, знанія и опытность. Въ арміи установилось самое беззастѣнчивое кумовство. Большая часть корпусныхъ командировъ принадлежали къ выс-

шей аристократіи, были членами «шестидесяти семей, которыя господствовали въ Австріи». Почти всѣ они, какъ оказалось потомъ въ 1859 и 1866 гг., отличались феноменальнымъ невѣжествомъ, отсутствіемъ находчивости и инициативы, у многихъ не было и элементарнаго достоинства военнаго, — личнаго мужества. Въ отвратительномъ состояніи находились и финансы. Несмотря на то, что въ періодъ 1848—1860 гг. прямые налоги были увеличены на 143%, а косвенные на 120%, страна боролась съ хроническимъ огромнымъ дефицитомъ, достигшимъ въ 1860 г. 260 милліоновъ гульденовъ. Займы выпускались по очень низкому курсу, но, тѣмъ не менѣе, плохо расходились въ публикѣ и правительство вынуждено было прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, чтобы побудить гражданъ подписаться на заемъ. Какъ выяснилось послѣ войны 1859 г., финансовое вѣдомство въ борьбѣ съ безденежьемъ рѣшилось даже на явное мошенничество и, заключая заемъ 1859 г., выпустило вмѣсто официальнаго объявленныхъ 500 милліоновъ, обязательствъ на 611 милліоновъ гульденовъ. Задолженность государства возросла за этотъ періодъ на 1.300 милліоновъ гульденовъ.

Первый ударъ этому режиму былъ нанесенъ въ 1859 г., австро-французской войной [1]). Окружающая императора военная камарилья была настолько убѣждена въ побѣдѣ Австріи, что ультиматумъ былъ врученъ помимо вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля-Шауэнштейна, который вслѣдствіе этого и подалъ въ отставку. Главнокомандующимъ австрійской арміи былъ назначенъ одинъ изъ фаворитовъ Грюнне, генералъ Дьюлай, который себя самъ считалъ неподходящимъ для такой отвѣтственной должности. Интендантская служба была организована крайне неудовлетворительно. Противъ главнаго интенданта, генерала фонъ-Эйнаттена, — одного изъ любимцевъ Грюнне, — послѣ войны было возбуждено судебное преслѣдованіе и генералъ повѣсился въ тюрьмѣ, не желая пережить неизбѣжнаго обвинительнаго вердикта. Вскорѣ затѣмъ покончилъ самоубійствомъ и министръ финансовъ Брукъ, котораго общественное мнѣніе, хотя и безъ основанія, также обвиняло въ соучастіи въ интендантскихъ хищеніяхъ.

Если до войны правительство было достаточно сильно для того, чтобы равномѣрно угнетать всѣ національности Австріи, то Мад-

[1]) См. ст. «Объединеніе Италіи».

жента и Сольферино обнаружили полную несостоятельность режима абсолютизма. Необходимость пойти навстрѣчу требованіямъ политической и національной свободы стало ясно даже въ высшихъ сферахъ. Въ манифестѣ, въ которомъ Австрія извѣщалась о заключеніи мира Австріи съ Франціей, было дано обѣщаніе стремиться къ созданію мощи и благополучія страны, путемъ развитія «ея матеріальныхъ и моральныхъ силъ и при помощи улучшенія и реформъ въ законодательствѣ и управленіи». Бахъ былъ уволенъ и на его мѣсто былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рехбергъ, а постъ государственнаго секретаря (министра внутреннихъ дѣлъ) получилъ намѣстникъ Галиціи графъ Голуховскій. Среди членовъ правительства былъ одинъ, министръ финансовъ Брукъ, — несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ интересныхъ по богатству идей государственныхъ людей Австріи той эпохи, — который указывалъ на необходимость осуществленія дѣйствительной, а не мнимой конституціи въ Австріи [1]), но реакція еще не считала себя до такой степени побѣжденной и думала, что можно ограничиться полумѣрами. Поэтому былъ созванъ патентомъ 5 марта 1860 г. такъ называемый «Усиленный государственный совѣтъ» (verstärkter Reichsrat). Составъ этого учрежденія, лишеннаго права законодательной иниціативы, задача котораго должна была заключаться въ установленіи бюджета и обсужденій наиболѣе важныхъ законодательныхъ предположеній и законопроектовъ сеймовъ отдѣльныхъ земель, — былъ слѣдующій: кромѣ членовъ учрежденнаго въ 1851 г. государственнаго совѣта, которые назначались пожизненно императоромъ, въ немъ должно было быть еще 38 членовъ по выбору отъ сеймовъ отдѣльныхъ земель. Эти члены должны были предлагаться въ тройномъ количествѣ сеймами, и монархъ утверждалъ изъ предложенныхъ кандидатовъ тѣхъ, которые ему казались наиболѣе подходящими. Предсѣдателемъ сейма былъ назначенъ эрцгерцогъ Райнеръ, одинъ изъ либеральнѣйшихъ членовъ династіи. Пренія

Попытки реформъ.

[1]) Брукъ всегда стремился къ созданію такъ называемаго «70 милліоннаго государства центральной Европы», въ которое вошла бы Австрія и всѣ государства Германіи, объединенныя таможеннымъ союзомъ. Онъ думалъ, что такое союзное государство должно будетъ втянуть постепенно въ сферу своего экономическаго, культурнаго и политическаго вліянія также Нидерланды, Бельгію и Балканскій полуостровъ. При этомъ онъ считалъ необходимымъ, чтобы Австрія отказалась отъ желанія господствовать въ Германіи и согласилась дѣлить политическое вліяніе съ Пруссіей.

совѣта не были гласными и содержаніе ихъ оглашалось только въ офиціальныхъ сообщеніяхъ. Засѣданія совѣта начались 31 мая 1860 г. и продолжались до 20 сентября того же года. Само собою разумѣется, что при такомъ составѣ совѣта даже члены по выбору принадлежали къ наиболѣе реакціоннымъ и, во всякомъ случаѣ, политически умѣреннымъ группамъ населенія. Три четверти новыхъ членовъ совѣта вышли изъ рядовъ высшей аристократіи, духовенства и бюрократіи и только десять были представителями средняго сословія, но, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ собраніи режимъ Баха былъ осужденъ самымъ безповоротнымъ образомъ. Абсолютизмъ совершенно не нашелъ себѣ защитниковъ, и въ совѣтѣ сразу же обнаружились два направленія, борьба между которыми продолжалась въ теченіе всего послѣдующаго періода исторіи Австріи. Это были федералистическо-автономистское, съ одной стороны, и либерально-централистское—съ другой. Первое, представителями котораго являлось дворянство Венгріи, Галиціи и Богеміи, хотѣло перенести центръ тяжести управленія въ сеймы отдѣльныхъ земель, сохранить «историческо-политическую индивидуальность» земель и довести власть центральныхъ учрежденій до минимума. Имперія должна была стать федераціей по возможности самостоятельныхъ отдѣльныхъ земель. При этомъ дворянство стремилось къ тому, чтобы въ сеймахъ этихъ земель его вліяніе было господствующимъ. Другой партіей были централисты, желавшіе сохраненія сильной центральной власти и готовы осуществить децентрализацію государственнаго строя, которая обезпечивала бы отдѣльнымъ землямъ самостоятельность, лишь постольку, поскольку это допускалось интересами имперіи. Эта партія состояла преимущественно изъ нѣмцевъ-бюрократовъ, которые хотѣли сохранить режимъ политической свободы, но въ то же время и единство имперіи, и господство нѣмецкаго элемента. О дѣйствительномъ либерализмѣ этой группы едва ли можно говорить. Это направленіе было либерально лишь въ томъ отношеніи, что ему приходилось бороться съ федералистско-автономистской аристократіей. Усиленный государственный совѣтъ по своимъ полномочіямъ и составу, былъ до такой степени далекъ отъ дѣйствительнаго представительнаго учрежденія, что прогрессивные элементы общества нисколько не интересовались его засѣданіями. Только въ Венгріи радовались тому, что венгерскіе члены совѣта заговорили въ немъ объ историческихъ правахъ Венгріи, о необходимости возстановленія ея конституціи.

При голосованіи резолюціи обоихъ направленій федералисты одержали побѣду, такъ какъ за ихъ предложеніе высказались 34 голоса, за проектъ же централистовъ — 16.

Такъ какъ усиленный рейхсратъ никого не удовлетворилъ, правительство рѣшилось на дальнѣйшую уступку и издало «дипломъ» 20 октября 1861 г., который являлся началомъ конституціонной жизни въ Австріи. Въ основу диплома легли въ значительной степени идеи автономистовъ-федералистовъ. Въ манифестѣ императора «къ моимъ народамъ» говорится, что онъ былъ вынужденъ въ началѣ своего царствованія прибѣгнуть къ централистскому режиму, въ виду необходимости спасти родину отъ угрожавшихъ ей опасностей. Теперь же наступило время «сблизить воспоминанія и правовыя требованія моихъ земель и народовъ съ дѣйствительными потребностями моей монархіи». Эта цѣль должна была быть достигнута октябрьскимъ дипломомъ, который дѣлилъ власть между монархомъ, центральнымъ парламентомъ и сеймами отдѣльныхъ земель. Вопросы, касающіеся одинаково всѣхъ земель монархіи, должны были быть разсматриваемы въ центральномъ парламентѣ, въ рейхсратѣ. Они точно перечислены въ дипломѣ и обнимаютъ таможенное и торговое законодательство, налоги, бюджетъ, почтово-телеграфное вѣдомство, желѣзныя дороги и т. д. Всѣ же остальныя дѣла должны быть разсматриваемы въ сеймахъ отдѣльныхъ земель, при чемъ тѣ, которые касаются земель венгерской короны, должны находиться въ согласіи съ ихъ древней конституціей. Тѣ дѣла, которыми заинтересованы всѣ земли монархіи, за исключеніемъ Венгріи, должны разсматриваться въ «неполномъ рейхсратѣ» (engerer Reichsrat), безъ участія представителей Венгріи. Рейхсратъ долженъ былъ состоять, какъ и его непосредственный предшественникъ, — усиленный рейхсратъ, — изъ членовъ по назначенію и остальныхъ по выбору сеймовъ, съ той только разницей, что вмѣсто 38 выборныхъ членовъ усиленнаго рейхсрата теперь ихъ должно было быть 100. Сеймовъ попрежнему должны были представлять тройное число кандитатовъ на утвержденіе императора. Голуховскій сталъ вырабатывать конституцію различныхъ сеймовъ, но успѣлъ опубликовать только уставы 4-хъ: Тироля, Зальцбурга, Штиріи и Каринтіи.

Однако авторы диплома ошиблись, когда думали, что Венгрія будетъ довольна предоставленными ей дипломомъ правами. Лишь только послѣ опубликованія акта 20 октября въ Венгріи были созваны вновь комитатскія собранія, на нихъ повсюду съ порази- **Венгрія.**

тельнымъ единодушіемъ стали раздаваться одни и тѣ же требованія, именно требованіе возстановленія законовъ 1848 г., созыва венгерскаго парламента со всѣми присущими ему правами, созданія министерства передъ нимъ отвѣтственнаго, пріостановки законовъ, изданныхъ для Венгріи австрійскимъ правительствомъ послѣ революціи 1848 г. и т. д. Комитатское собраніе Пешта высказалось за прекращеніе уплаты налоговъ и отказъ отъ исполненія воинской повинности до удовлетворенія національныхъ требованій. Большинство остальныхъ комитатовъ присоединились къ этому предложенію и во многихъ мѣстахъ Венгріи самовольно было пріостановлено дѣйствіе законовъ, изданныхъ послѣ 1848 г. Консервативные венгерскіе аристократы, которые были готовы примириться съ правами, предоставленными Венгріи октябрьскимъ дипломомъ, потеряли вліяніе въ странѣ, населеніе которой въ подавляющемъ большинствѣ пошло за Францемъ Деакомъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей Венгріи, — «мудрецомъ націи», какъ его называли, — требовавшимъ возстановленія венгерской конституціи. Такимъ образомъ сразу обнаружилось, что десятилѣтній гнетъ абсолютистско-централистскаго режима Шварценберга-Баха не достигъ своей цѣли. Венгрія не была уничтожена, только подчинилась временно грубой силѣ и предъявила свои требованія вновь, лишь только обстоятельства сложились болѣе благопріятно. Не болѣе дружелюбно былъ встрѣченъ дипломъ и въ нѣмецко-славянскихъ частяхъ имперіи. Правда, чехи были до извѣстной степени удовлетворены тѣмъ, что дипломъ заключилъ въ себѣ признанія историко-политической индивидуальности народовъ Австріи. Но, за исключеніемъ аристократіи, ихъ раздражало то, что въ сеймахъ отдѣльныхъ земель господство было обезпечено за дворянствомъ и высшимъ духовенствомъ. А такъ какъ центральный парламентъ долженъ былъ быть образованъ изъ делегаціи отдѣльныхъ сеймовъ, то было ясно, что октябрьскій дипломъ въ сущности обезпечивалъ и въ немъ политическое вліяніе за тѣми же группами. Еще болѣе недовольны были, конечно, нѣмцы, которые видѣли въ октябрьской конституціи начало осуществленія федерализма въ Австріи.

Февральскій патентъ.

Въ придворныхъ кругахъ поведеніе Венгріи произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Казалось, что тамъ вновь начинается революція и что имперіи вновь грозитъ распаденіе. Этимъ страхомъ воспользовалась партія централистовъ и послѣ короткаго періода колебанія она одержала верхъ. Было рѣшено вернуться къ цен-

трализму. На мѣсто поляка Голуховскаго еще въ декабрѣ 1860 г. былъ назначенъ нѣмецъ Шмерлингъ, убѣжденный централистъ и умѣренный конституціоналистъ, а 26 февраля 1861 г. была обнародована новая конституція, такъ называемый «февральскій патентъ», проникнутый централистскими тенденціями, прямо противоположными федералистскимъ началамъ октябрьскаго диплома. Въ этомъ переходѣ отъ федерализма къ централизму довольно значительную роль сыграли соображенія внѣшней политики. Октябрьскій дипломъ былъ изданъ непосредственно передъ поѣздкой императора Франца-Іосифа въ Варшаву на свиданіе съ Александромъ II и прусскимъ королемъ. Цѣль этой поѣздки заключалась для австрійскаго императора въ томъ, чтобы побудить Россію и Пруссію оказать Австріи поддержку въ Италіи, гдѣ она еще надѣялась на возстановленіе своего владычества. Однако результатъ свиданія не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Франца-Іосифа и онъ долженъ былъ убѣдиться, что Австріи приходится помириться съ новымъ положеніемъ вещей въ Италіи. У нея еще оставалась Германія, гдѣ она собиралась продолжать господствовать. Въ виду этого династіи приходилось считаться съ настроеніемъ нѣмцевъ, какъ и въ Австріи, такъ и въ Германіи, которымъ автономистско-федералистскія тенденціи октябрьскаго диплома были крайне непріятны. Императоръ поэтому согласился отказаться отъ диплома.

Основа февральскаго патента заключалась въ томъ, что центръ тяжести законодательной власти, поскольку она осуществлялась представительными учрежденіями вообще, переносился въ имперскій парламентъ, состоявшій изъ двухъ палатъ: палаты господъ и палаты депутатовъ. Членами первой были представители аристократическихъ родовъ и лица по назначенію. Вторая состояла изъ 343 депутатовъ, изъ которыхъ Венгрія посылала 85, Трансильванія 26, Кроація 9 и Венеція 20. Остальные 203 депутата посылались прочими частями Австріи. Эти представители Цислейтаніи образовывали такъ называемый «неполный рейхсратъ» (engerer Reichsrat), который долженъ былъ разсматривать вопросы, не касающіеся Венгріи. Члены палаты депутатовъ выбирались не населеніемъ, а сеймами отдѣльныхъ земель. Избирательное право для сеймовъ было составлено такимъ образомъ, чтобы обезпечить въ нихъ господство нѣмецкаго элемента, а такъ какъ сеймы служили избирательными коллегіями для рейхсрата, то ясно, что и въ немъ нѣмцы должны были господствовать. На выборы въ сеймы

избиратели дѣлились на 4 куріи: крупное дворянское землевладѣніе, города и промышленные центры, торговыя палаты и сельское населеніе. Кромѣ того, въ сеймахъ еще участвовали «вирилисты», т.-е. лица, засѣдающія въ сеймахъ въ силу занимаемыхъ ими должностей. Избирательный законъ давалъ городскому населенію большое преимущество надъ сельскимъ. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи въ среднемъ 1 депутатъ приходился на 1.166 городскихъ жителей, въ сельскихъ же округахъ—на 49.081. Нѣмцы оказались въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ чехи. Въ избирательныхъ округахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ 1 депутатъ выбирался въ среднемъ 10.315 жителями въ городахъ и 40.861 въ деревняхъ. Для чешскихъ же округовъ соотвѣтствующія цифры были 12.020 и 53.204. Города съ чисто нѣмецкимъ населеніемъ получили большее число депутатовъ, чѣмъ города, населенные чехами. Въ Прагѣ, напримѣръ, которая посылала въ сеймъ 10 депутатовъ, чисто нѣмецкій кварталъ, въ которомъ было всего 2.800 жителей, выбиралъ одного депутата, т.-е. столько же, сколько чисто чешскій кварталъ, въ которомъ было 32.416 жителей. Точно такъ же и въ Далмаціи итальянцамъ было оказано предпочтеніе передъ славянами. Итальянцы, которые составляли $^1/_{10}$ населенія, посылали 21 депутата въ сеймъ, словинцы же, которые составляли $^9/_{10}$ населенія, всего только 20. Это было сдѣлано не изъ любви къ итальянцамъ, а для того, чтобы не допустить образованія въ далматинскомъ сеймѣ славянскаго большинства, которое высказалось бы за возстановленіе единства королевства Кроаціи, Славоніи и Далмаціи. Уставы сеймовъ, выработанные Шмерлингомъ, предоставляли имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже меньше правъ, чѣмъ составленные при Бахѣ, которые, правда, остались на бумагѣ. Такъ, напримѣръ, по Шмерлингу, предсѣдатели сеймовъ назначались короной, въ то время, какъ по уставамъ Баха они выбирались самими сеймами. Придуманное Шмерлингомъ избирательное право было до такой степени благопріятно для нѣмцевъ, что даже нѣмецъ Фишгофъ (радикальный депутатъ 1848 г.) называлъ его «ловкимъ и изящнымъ способомъ препроводить права большинства въ карманы меньшинства». Въ сеймахъ крупному дворянскому землевладѣнію было предоставлено огромное значеніе. Такъ, напримѣръ, въ нижне-австрійскомъ сеймѣ 200 крупныхъ землевладѣльцевъ выбирали 15 депутатовъ, въ то время, какъ въ городской куріи 26.000 посылали всего 20.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что функціи центральнаго парламента были весьма ограничены. Прежде всего въ конституцію была включена статья 13 (впослѣдствіи ст. 14), которая давала правительству право принимать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, въ отсутствіи парламента мѣры, признанныя имъ необходимыми, и только предписывала ему сообщить по открытіи сессіи парламенту причины, побудившія правительство это сдѣлать. Эта статья впослѣдствіи оказалась самымъ больнымъ мѣстомъ австрійской конституціи и давала правительству часто возможность игнорировать парламентъ. Конституція также не устанавливала отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ. Въ ней не было оговорено и право запросовъ. Не была достаточно гарантирована и неприкосновенность депутатовъ, и только впослѣдствіи Шмерлингъ согласился на удовлетвореніе требованія парламента въ этомъ отношеніи.

Въ стремленіи Шмерлинга къ германизаціи и заключалась причина слабости конституціи 20 февраля. Она могла бы, пожалуй, достигнуть цѣли, которую себѣ поставилъ Шмерлингъ, — заставить Венгрію отказаться отъ требованія самостоятельности, — если бъ желанія всѣхъ остальныхъ національностей Австріи были удовлетворены. Если бъ Шмерлингу удалось удовлетворить славянъ Австріи и Венгріи, мадьяре были бы въ концѣ-концовъ изолированы и вынуждены были бы отказаться отъ требованія господства въ Транслейтаніи. Но Шмерлингъ и не думалъ о соглашеніи со славянами, а, наоборотъ, своими германизаторскими тенденціями оттолкнулъ ихъ отъ себя такъ же, какъ и мадьяръ. Для всѣхъ не-нѣмецкихъ народовъ Австро-Венгріи его режимъ явился въ дѣйствительности продолженіемъ системы Баха въ облаченіи призрачнаго конституціонализма. Поэтому февральская конституція повсюду натолкнулась на почти непреодолимыя препятствія.

Отношеніе къ патенту.

Венгерскій сеймъ принялъ въ отвѣтъ на патентъ 20 февраля адресъ, составленный Деакомъ, въ которомъ, въ умѣренныхъ хотя выраженіяхъ, самымъ категорическимъ образомъ снова было высказано требованіе возстановленія законовъ 1848 г., заявлялось объ отказѣ послать представителей Венгріи въ центральный парламентъ и отрицалось за вѣнскимъ парламентомъ право издавать законы, касающіеся Венгріи. Сеймъ былъ распущенъ, и въ ноябрѣ 1861 г. въ Венгріи снова было введено осадное положеніе, комитатскія собранія распущены и т. д. Несмотря на карательныя

8*

мѣры правительства, многіе въ Венгріи упорно отказывались платить налоги. Итальянскія области также не подчинились. Венеціанская «конгрегація» — мѣстный сеймъ — отказалась выбрать представителей въ вѣнскій парламентъ, и когда правительство само назначило депутатовъ, которые должны были отправиться въ Вѣну, послѣдніе туда не поѣхали. Чешскіе представители явились было въ центральный парламентъ послѣ того, какъ между вождемъ группы чешскаго крупнаго землевладѣнія, графомъ Кламъ-Мартиничемъ, и Ригеромъ, прежде казавшимся чешскимъ феодаламъ олицетвореніемъ красной демагогіи, состоялось объединеніе на почвѣ требованія государственнаго права Чехіи,—формулы, въ которую чехи вкладывали такое же содержаніе, какъ мадьяры въ требованіе самостоятельности Венгріи. Но убѣдившись, что въ вѣнскомъ парламентѣ всѣ ихъ требованія остаются неудовлетворенными, они въ іюнѣ 1863 г. покинули парламенты и вернулись туда только 16 лѣтъ спустя, въ 1879 г., когда требованіе активной политики «младо-чеховъ» стало одерживать верхъ надъ пассивной тактикой «старо-чеховъ». Кроатскій сеймъ также не послалъ делегатовъ въ вѣнскій парламентъ. Режимъ Баха сдѣлалъ Кроацію крайне недовѣрчивой по отношенію къ Австріи, и если Кроація занимала враждебное положеніе по отношенію къ Венгріи, то она въ то же время питала рѣзко отрицательныя чувства ко всякаго рода централистской политикѣ. Были также недовольны и словинцы, которые въ 1861 г. потребовали въ петиціи, предъявленной Шмерлингу, равноправія словинскаго языка. Въ оппозиціи къ режиму Шмерлинга находились и поляки Галиціи, стремившіеся къ полной автономіи и полонизаціи края. Только галиційскіе украинцы изъ антагонизма къ полякамъ относились сочувственно къ правительству. Точно такъ же въ Трансильваніи, гдѣ саксонцы (нѣмцы) естественно были на сторонѣ германизаціи, а румыны глубоко ненавидѣли мадьяръ, сеймъ послалъ въ 1863 г. делегатовъ въ вѣнскій парламентъ.

Такимъ образомъ Шмерлингъ не удовлетворилъ почти ни одного изъ не-нѣмецкихъ народовъ Австріи. Въ то же время имъ были сильно недовольны и прогрессивные круги нѣмецкаго общества, требовавшіе расширенія правъ парламента, отвѣтственности министерства, улучшенія положенія печати, которое было при Шмерлингѣ крайне незавиднымъ, и оздоровленіе финансовъ страны, не выходившей изъ хроническаго дефицита. Дефицитъ составлялъ въ это время приблизительно 50 милліоновъ гульденовъ въ годъ

и, по выраженію одного изъ депутатовъ рейхсрата, Бергера, Австрія шла навстрѣчу «финансовому Сольферино». Поэтому парламентъ добивался сокращенія расходовъ, особенно по военному вѣдомству, чѣмъ вызывалъ крайнее раздраженіе военныхъ сферъ, очень вліятельныхъ при дворѣ, гдѣ въ то же время венгерскимъ консервативнымъ магнатамъ удалось привлечь на свою сторону расположеніе монарха. Среди этихъ магнатовъ особенно близокъ къ Францу-Іосифу былъ графъ Морицъ Эстергази. Подъ ихъ вліяніемъ императоръ сталъ склоняться къ заключенію соглашенія съ Венгріей, и 30 іюля 1865 г. Шмерлингу пришлось подать въ отставку, черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія сессіи вѣнскаго парламента. Мѣсто Шмерлинга занялъ намѣстникъ Богеміи, графъ Белькреди. Новый кабинетъ получилъ названіе «министерства трехъ графовъ» (Dreigrafeministerium), такъ какъ, кромѣ Белькреди, въ немъ находилось еще два графа: министръ финансовъ—Ларишъ и иностранныхъ дѣлъ—Менсдорфъ. 18 сентября того же года появился рескриптъ императора, которымъ доводилось до общаго свѣдѣнія о переговорахъ, начатыхъ съ Венгріей и Кроаціей съ цѣлью достиженія соглашеній, и о временной пріостановкѣ въ виду этого конституціи 20 февраля. Императорскимъ указомъ правительству даны были полномочія принимать въ отсутствіе парламента всѣ неотложныя мѣры.

Сеймы земель съ почти исключительно нѣмецкимъ населеніемъ: Нижней и Верхней Австріи, Штиріи, Зальцбурга протестовали противъ пріостановки централистской конституціи. Наоборотъ, сеймы Богеміи, Галиціи, Истріи и Буковины выразили благодарность за этотъ актъ и вновь предъявили свои автономическія требованія.

14 декабря 1865 г. венгерскій сеймъ былъ открытъ въ присутствіи императора. Въ тронной рѣчи легальность законовъ 1848 г. уже не отвергалась и правительство ограничилось требованіемъ пересмотра и согласованія ихъ съ октябрьскимъ дипломомъ и февральскимъ патентомъ. Послѣ сложныхъ дебатовъ сеймомъ была назначена комиссія изъ 67 человѣкъ, выдѣлившая впослѣдствіи подкомиссію изъ 15 членовъ для выработки проекта соглашенія между Венгріей и Австріей. Вдохновителемъ проекта былъ Деакъ, а его ближайшимъ помощникомъ графъ Юлій Андраши, прежній представитель революціоннаго венгерскаго правительства въ Константинополѣ въ 1849 г., помилованный императоромъ въ 1857 г. и вернувшійся тогда на родину. Но засѣданія комиссіи и

сейма были прерваны въ іюнѣ 1866 г. вслѣдствіе начала военныхъ дѣйствій между Австріей и Пруссіей [1]).

Результатъ войны 1866 г.

Австрійскіе славяне считали, что послѣ пораженія Австріи наступила пора организаціи государства на началахъ федерализма. Въ такомъ именно смыслѣ высказался тогда Палацкій въ рядѣ статей. Въ августѣ 1866 г. въ Вѣнѣ состоялся съѣздъ федералистовъ, на которомъ присутствовали чехи Палацкій, Ригеръ и Браунеръ, кроатскій епископъ Штроссмейеръ и полякъ Голуховскій. Чехи думали, что удаленіе Австріи изъ Германіи заставитъ Габсбурговъ согласиться на удовлетвореніе государственно-правовыхъ требованій чеховъ и дать Богеміи такую же самостоятельность, какой добивалась все время съ такой настойчивостью Венгрія. Однако на самомъ дѣлѣ этимъ ожиданіямъ не суждено было исполниться. Непосредственно послѣ войны «правящія сферы» еще не понимали истиннаго смысла пораженія подъ Садовой. Имъ казалось, что борьба съ Пруссіей еще не рѣшена въ пользу послѣдней и что возможенъ еще реваншъ. Только послѣ Седана Австрія поняла, что побѣда Пруссіи окончательна. До тѣхъ же поръ она готовилась еще помѣриться силами съ Пруссіей. Главнымъ носителемъ идеи австрійскаго реванша сталъ бывшій предсѣдатель саксонскаго совѣта министровъ графъ Бейстъ, перешедшій на австрійскую службу и назначенный въ октябрѣ 1866 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи. Бейстъ надѣялся свести счеты съ Бисмаркомъ и стремился къ международнымъ комбинаціямъ, которыя дали бы Австріи возможность вернуть утраченное положеніе въ Германіи. На ряду съ этими комбинаціями внѣшней политики было ясно, что и внутренній строй монархіи долженъ быть преобразованъ такимъ образомъ, чтобы дѣлать Австрію готовой къ продолженію своей исторической роли въ Германіи. Такимъ образомъ нужно было щадить нѣмцевъ въ Австріи, чтобы удержать ихъ отъ стремленія приблизиться къ организовавшейся тогда Пруссіей единой Германіи, — слѣдовательно, нельзя было согласиться на требованія славянъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ нѣмцы въ Австріи были сведены на роль меньшинства. Сохранить господство нѣмцевъ казалось поэтому «сферамъ» тогда необходимымъ. Въ то же время было необходимо удовлетворить Венгрію, чтобы устранить, въ случаѣ повторенія войны съ Пруссіей, возможность новой вен-

---

[1]) Объ Австро-Прусской войнѣ. См. ст. «Объединеніе Германіи».

герской революціи, которая во время австро-прусской войны готова была ежедневно вспыхнуть. Эти соображенія заставили австрійское правительство отказать славянамъ въ удовлетвореніи ихъ требованій и согласиться на установленіе австро-венгерскаго дуализма по «соглашенію» 1867 г. Такимъ образомъ политическій смыслъ соглашенія состоялъ въ томъ, чтобы цѣной выдачи всей Транслейтаніи мадьярамъ обезпечить нѣмцамъ господство въ Цислейтаніи. Белькреди, который склонялся въ сторону установленія строя, болѣе выгоднаго для славянъ, вышелъ въ отставку въ началѣ февраля 1867 г. и на его мѣсто былъ назначенъ Бейстъ. Переговоры между австрійскими и венгерскими государственными людьми пошли послѣ этого очень быстро. Въ февралѣ была возстановлена венгерская конституція и назначено отвѣтственное передъ парламентомъ венгерское министерство съ графомъ Андраши въ качествѣ премьера, а въ іюнѣ Францъ-Іосифъ былъ коронованъ венгерскимъ королемъ.

Соглашеніе 1867 г.

По соглашенію 1867 г. Австрія и Венгрія образуютъ два самостоятельныхъ государства, у которыхъ общими являются только таможенная политика, армія и флотъ и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, во всѣхъ же остальныхъ дѣлахъ Австрія (Цислейтанія) и Венгрія (Транслейтанія) другъ отъ друга независимы. Контроль за дѣятельностью «общихъ» министерствъ производится делегаціями, избираемыми парламентами въ Вѣнѣ и Будапешта, состоящими изъ 60 человѣкъ каждая: 20 выбираются верхней, остальные 40 нижней палатой каждаго парламента. Пропорція, по которой распредѣляются расходы по общимъ вѣдомствамъ должна быть устанавливаема каждая 10 лѣтъ особымъ актомъ. (Въ 1867 г. оно равнялось 70% для Австріи и 30% для Венгріи, а съ тѣхъ поръ она была нѣсколько увеличена для Венгріи и соотвѣтствующимъ образомъ уменьшена для Австріи). Венгрія обязалась вносить ежегодно для погашенія государственнаго долга около 30 милліоновъ гульденовъ въ годъ. Финансовыя условія соглашенія были несравненно болѣе выгодны для Венгріи, чѣмъ для Австріи. Но и въ другихъ отношеніяхъ интересы Австріи были принесены въ жертву Венгріи. Въ своей уступчивости по отношенію къ Венгріи авторы соглашенія пошли такъ далеко, что рѣшились включить въ составъ Венгріи также и Трансильванію, несмотря на то, что тамошніе румыны и нѣмцы этого нисколько не желали, и Кроацію, хотя кроатскій

сеймъ еще въ декабрѣ 1866 г. послалъ въ Вѣну адресъ съ требованіемъ полной независимости Кроаціи отъ Венгріи.

Бейсту стоило немало труда заставить цислейтанскій парламентъ санкціонировать соглашеніе. Такъ какъ чехи требовали въ сеймахъ Богеміи и Моравіи (ровно какъ и словинцы) для себя такихъ же правъ, какія давало соглашеніе мадьярамъ, сеймы этихъ земель были распущены и новые выборы произведены подъ сильнымъ давленіемъ правительства, вплоть до использованія личнаго вліянія императора на чешскую аристократію. Такимъ образомъ Бейсту удалось добиться въ парламентѣ большинства, благопріятнаго соглашенію. Поляки же вотировали за соглашеніе безъ оговорокъ, такъ какъ имъ за это было обѣщано удовлетвореніе ихъ требованій въ Галиціи. Но такъ какъ и среди нѣмцевъ было немало депутатовъ, находившихъ соглашеніе съ Венгріей невыгоднымъ для Австріи, Бейсту пришлось сдѣлать цѣлый рядъ весьма существенныхъ конституціонныхъ уступокъ. Правительство должно было согласиться на отвѣтственность министерства передъ парламентомъ, гарантію гражданскаго равноправія и политическихъ свободъ, независимости судей вынуждено было предоставить парламенту право ежегоднаго вотированія контингента рекрутъ и расходовъ и т. д., несмотря на то, что епископъ Раушеръ доказывалъ въ Верхней палатѣ, что отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ является умаленіемъ правъ короны. Вмѣстѣ съ этими улучшеніями конституціи Шмерлинга, соглашеніе между Австріей и Венгріей вошло въ конституцію 21 декабря 1867 г. Эта «декабрьская конституція» еще и теперь осталась почти безъ всякихъ перемѣнъ. Соглашеніе 1867 г. стало такимъ образомъ основой государственнаго строя Австро-Венгріи.

Послѣ соглашенія. Исторія періода, послѣдовавшаго за заключеніемъ соглашенія, показала, что оно совершенно не оправдало ожиданій возлагавшихъ на него его авторами въ Австріи. Отъ мысли реванша противъ Пруссіи послѣ франко-прусской войны пришлось отказаться. Такимъ образомъ главная задача, ради которой австрійское правительство согласилось на полную внутреннюю независимость Венгріи, не была выполнена. Вмѣстѣ съ тѣмъ не была и осуществлена и гегемонія нѣмцевъ въ Цислейтаніи, ради которой Венгріи были пожертвованы Кроація и Трансильванія. Мадьяры широко использовали права, которыя имъ дало соглашеніе 1867 г., и съ тѣхъ поръ систематически проводятъ въ Транслейтаніи крайне шовинистскую политику, стараясь превра-

тить Венгрію, въ которой мадьяръ всего около 48—50%, въ дѣйствительно мадьярскую страну. Поэтому венгерское правительство преслѣдуетъ при помощи средствъ, очень часто совершенно идущихъ въ разрѣзъ съ обезпеченными конституціей теоретически правами національностей (по закону 1868 г. о національностяхъ), всякое проявленіе стремленія немадьярскихъ народовъ Венгріи сохраненію и развитію своей національной индивидуальности. Даже кроаты, съ которыми было въ 1868 г. заключено соглашеніе, предоставляющее имъ довольно широкую, хотя и далеко неполную, автономію, подвергаются попыткамъ мадьяризаціи.

Нѣмцамъ же не удалось занять въ Цислейтаніи такого безусловно доминирующаго положенія, какое обезпечило соглашеніе мадьярамъ въ Транслейтаніи. Славянскіе народы Австріи не перестаютъ послѣ заключенія австро-венгерскаго соглашенія бороться за свои права. Уже во время министерства князя Карла Ауершперга, названнаго «бюргерскимъ министерствомъ» (Bürgerministerium) потому, что впервые въ Австріи четыре члена кабинета: Гискра, Гербстъ, Гаснеръ и Брестель, не принадлежали къ дворянскимъ семьямъ, а вышли изъ рядовъ нѣмецкой буржуазіи, — назначеннаго вскорѣ послѣ принятія рейхсратомъ соглашенія и осуществившаго рядъ крупныхъ реформъ, въ родѣ введенія всеобщаго обязательнаго обученія, отдѣленія административной власти отъ судебной, подчиненія печати суду присяжныхъ, подготовленія отмѣны конкордата и т. д., чехи предъявили свою знаменитую декларацію 1868 г., въ которой требовали признанія за Богеміей такихъ же правъ, какія предоставлены Венгріи. Отношенія между Богеміей и остальной монархіей должны, согласно этой деклараціи, быть опредѣлены особымъ соглашеніемъ между сеймомъ и короной, при чемъ должно быть реформировано въ духѣ справедливости избирательное право, придуманное Шмерлингомъ въ интересахъ нѣмецкаго населенія Богеміи. Въ Прагѣ тогда правительство опять ввело осадное положеніе. Чехи бойкотировали не только рейхсратъ, но и богемскій сеймъ. Аналогичныя требованія для Галиціи были формулированы въ резолюціи, принятой по предложенію Смолки въ 1868 г. галиційскимъ сеймомъ. Требованія поляковъ были до извѣстной степени удовлетворены указами 1868 и 1869 гг., которые обезпечили примѣненіе польскаго языка въ управленіи и судопроизводствѣ и нѣсколько расширили компетенціи галиційскаго сейма. Словенцы, итальянцы и т. д. также потребовали гарантій національныхъ правъ.

Въ 1871 г., въ министерство Гоэнварта (1871—72) чехи, казалось, были близки къ осуществленію своихъ національныхъ требованій, такъ какъ императоръ выразилъ готовность принять «основныя статьи», выработанныя сеймами Богеміи и Моравіи въ октябрѣ 1871 г., которыя создали бы для Богеміи и Моравіи почти такое же независимое положеніе, въ какомъ находится Венгрія. Осуществленіе этихъ статей было бы равносильно фактическому установленію федерализма въ Цислейтаніи, общія дѣла которой, т.-е. вопросы, касающіеся арміи, таможеннаго законодательства, монополіи, почтъ и телеграфовъ, должны были, согласно этимъ «статьямъ», разсматриваться въ конгрессѣ представителей сеймовъ 17 отдѣльныхъ земель Цислейтаніи. Представители земель въ цислейтанской делегаціи должны выбираться не рейхсратомъ, а отдѣльными сеймами. Для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ предлагалось учрежденіе сената и т. д. Но осуществленію этихъ статей воспротивились не только нѣмцы, но и мадьяры. Венгерскій премьеръ, Андраши, боялся, что установленіе такого режима въ Цислейтаніи, который обезпечилъ бы въ ней господство славянъ, могло бы вызвать усиленіе стремленія славянскаго населенія Венгріи къ осуществленію такого режима также и въ Транслейтаніи. Поэтому статьи эти не стали закономъ.

Такимъ образомъ въ обѣихъ половинахъ имперіи — Цислейтаніи и Транслейтаніи — результаты компромисса были совершенно различны. Въ Венгріи, гдѣ славянское и румынское населеніе находилось на гораздо болѣе низкомъ культурномъ и экономическомъ уровнѣ, чѣмъ въ Австріи, мадьярамъ удалось свести, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, національную оппозицію на-нѣтъ. Въ венгерскомъ парламентѣ и въ делегаціяхъ, гдѣ приходится разрѣшать общія для обѣихъ половинъ имперіи дѣла, представители Венгріи всегда выступали единодушно, какъ представители національныхъ требованій Венгріи. На самомъ дѣлѣ эти требованія очень часто вовсе не были требованіями всей Венгріи, а только господствующихъ въ ней мадьяръ, но немадьярскія національности не имѣли легальной возможности протестовать противъ самозваннаго отожествленія мадьяръ съ венгерцами, такъ какъ венгерское избирательное право и практика его примѣненія фактически почти совсѣмъ лишила транслейтанскихъ славянъ и румынъ права голоса. Венгерское правительство поэтому всегда имѣло возможность опираться на вполнѣ солидарный съ нимъ въ національномъ отношеніи парламентъ. Въ со-

вершенно другомъ положенiи находилось австрiйское правительство. Цислейтанскiй парламентъ съ заключенiя соглашенiя не переставалъ быть ареной ожесточенной нацiональной борьбы и поэтому не могъ служить дѣйствительной опорой Австрiи противъ притязанiй Венгрiи. Поэтому каждый разъ при возобновленiи соглашенiя Венгрiя выторговывала для себя гораздо лучшiя условiя, чѣмъ Австрiя. Влiянiе Венгрiи въ дуалистической монархiи становилось все сильнѣе и въ этомъ заключается одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ политическаго строя Австро-Венгрiи. Раздираемый внутренней борьбой австрiйскiй парламентъ иногда совсѣмъ бездѣйствовалъ, правительство часто прибѣгало къ ст. 14 конституцiи, дающей ему право принимать, безъ разрѣшенiя парламента, неотложныя мѣры тогда, когда парламентъ не работаетъ. Такимъ образомъ часто Австрiей въ сущности управляла бюрократiя, которая въ душѣ была рада, что нацiональная борьба избавляетъ ее въ значительной степени отъ контроля парламента. Понятно, что такое состоянiе въ Австрiи должно было быть очень выгодно для мадьяръ, такъ какъ въ Венгрiи до начала перваго десятилѣтiя XX вѣка парламентъ былъ всегда единодушенъ съ правительствомъ тамъ, гдѣ рѣчь шла о борьбѣ съ традицiоннымъ врагомъ вольностей Венгрiи — «Вѣной». Особенно же невыгоднымъ оказалось для Австрiи то, что она не имѣла возможности влiять на нацiональную политику Венгрiи. Послѣ франко-прусской войны 1870 — 71 гг., когда Австрiя поняла, что она вытѣснена изъ Германiи такъ же безповоротно, какъ изъ Италiи, и она устремила свое вниманiе, главнымъ образомъ, на Балканскiй полуостровъ, ей прямой политическiй расчетъ диктовалъ улучшенiе положенiя ей славянскаго, въ частности юго-славянскаго населенiя. Только политика предоставленiя полной политической свободы и полнаго равноправiя австро-венгерскимъ юго-славянамъ могла ей облегчить расширенiе сферы влiянiя на Балканскомъ полуостровѣ и сдѣлать прочными тѣ прiобрѣтенiя, которыя она имѣла въ виду на Балканахъ. Но на пути къ такой политикѣ прежде всего стояла Венгрiя, для которой дѣйствительное равноправiе юго-славянъ означало неизбѣжное прекращенiе гегемонiи мадьяръ въ Транслейтанiи. Такимъ образомъ дуализмъ явился одной изъ главныхъ причинъ слабости имперiи, какъ разъ въ той области международной политики, гдѣ она еще могла разсчитывать на территорiальныя и моральныя завоеванiя.

И. О. Левинъ.

Внутренняя политика второй имперіи и французское общество.

Кровавые декабрьскіе дни 1851 года отдали Парижъ, а за нимъ и всю Францію во власть президента: Луи-Наполеонъ искусно воспользовался ожесточенной почти трехлѣтней борьбой партій и классовъ.

Политика Національнаго собранія послѣ іюньскихъ дней.

Уже выборы въ Національное собраніе 1848 г. дали большинство буржуазнымъ республиканцамъ, которые желали предупредить соціальную революцію. Іюньскіе дни покончили съ правомъ на трудъ и оттолкнули рабочихъ отъ буржуазіи: республиканцы порядка одержали верхъ надъ возставшимъ парижскимъ пролетаріатомъ и отказались отъ политики соціальныхъ реформъ. Большинство Національнаго собранія постаралось теперь обезоружить крайнюю лѣвую: легіоны національной гвардіи, не принявшіе участія въ борьбѣ съ инсургентами, были распущены, наиболѣе извѣстные клубы закрыты, другіе ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ и подвергнуты надзору полиціи; стѣснена была и свобода печати, — помимо высокаго залога, была введена республиканская цензура, запрещавшая нападеніе на семью, собственность и т. д. Старикъ Ламене принужденъ былъ прекратить свою газету и съ горечью говорилъ въ прощальной статьѣ: «Теперь нужны деньги, много денегъ, чтобы имѣть право говорить. Мы не такъ богаты. Молчать, бѣдняки!»

Источники: *Taxile Delord*. Histoire du Second Empire. 1, 2, 3, 4, 5, 6 tt. *De le Gorce*. Histoire du Second Empire. 1, 2, 3 tt. *Вейль*. Исторія республиканской партіи. *Вейль*. Исторія соціальнаго движенія во Франціи. Histoire socialiste, tt. X. XI. *J. Tchernoff*. Le parti republicain au coup d'Etat et sous le Second Empire. *A. Lebey*. Louis Napoleon Bonaparte et le Revolution de 1848. 2 т. *A. Lebey*. L. Napoleon Bonaparte et le ministere Odilon Barrot en 1849. *Карлъ Марксъ*. Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 г.; Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *Pimienta*. La propagande bonapartiste.

Постепенно республиканская партія порядка сближается съ монархическими партіями: въ число министровъ вступаютъ три монархиста. Вырабатывается конституція на основѣ верховенства народа и раздѣленія властей. Законодательное собраніе избирается всеобщей подачей голосовъ. Тѣмъ же способомъ выбирается и президентъ: такъ сказалась боязнь соціальной революціи. «Демократіи нужна сильная власть!» заявилъ Марра, и въ этомъ съ нимъ были согласны и республиканцы и монархисты. Президентъ не могъ распустить собранія, а послѣднее не могло заставить президента подчиниться своимъ распоряженіямъ. Законодательная и исполнительная власть были разобщены. Но президентъ получилъ право избирать министровъ, назначать и смѣщать чиновниковъ, командовать арміей, распоряжаться полиціей, — словомъ, превращался въ настоящаго господина судебъ государства. Республиканское большинство надѣялось, что такимъ господиномъ будетъ избранъ генералъ Кавеньякъ, энергично подавившій іюньское возстаніе. Но громадное большинство избирателей голосовало за принца Людовика-Наполеона Бонапарта.

Конституція 1849 года.

Второй сынъ бывшаго голландскаго короля Людовика, племянникъ «маленькаго капрала» провелъ молодость, обильную приключеніями, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи и Англіи. Былъ онъ и итальянскимъ карбонаріемъ и членомъ одного французскаго республиканскаго клуба, пытался сойтись съ Луи-Бланомъ, мечталъ о демократической имперіи и уничтоженіи пауперизма, выпустилъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ туманно излагалъ свои идеалы — помѣсь доморощеннаго соціализма съ наполеоновскимъ военнымъ порядкомъ. Какъ истый карбонарій, онъ дважды неудачно пытался при Людовикѣ-Филиппѣ поднять противъ правительства войско. Наружно кроткій, молчаливый и сдержанный, въ то же время предпріимчивый, онъ какъ началъ, такъ и остался до конца заговорщикомъ. Фаталистъ по убѣжденію, вѣрившій, подобно дядѣ, въ свою счастливую звѣзду, онъ убѣжденъ былъ въ томъ, что добьется власти. Онъ умѣлъ поэтому выжидать и, встрѣчая препятствіе, останавливаться, но никогда не уклонялся отъ одной цѣли: верховной власти. Поэтому онъ не зналъ угрызеній совѣсти, не боялся противорѣчить или уступать, чтобы упрямо вернуться къ прежнему. Поклонникъ своего дяди, на котораго смотрѣлъ какъ на избранное Провидѣніемъ лицо для примиренія демократіи и твердой власти, онъ выдвинулъ своеобразную теорію демократическаго цезаризма: «Когда правительство опирается

Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ.

на демократическія начала, одинъ глава его обладаетъ правительственной властью; нравственная сила исходитъ только отъ него; все сводится непосредственно къ нему, и любовь и ненависть. Централизація въ такомъ обществѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, потому что представители власти обладаютъ лишь тѣмъ престижемъ, который даруется имъ властью, и для сохраненія этого престижа они, въ свою очередь, должны обладать большимъ авторитетомъ, не переставая въ то же время находиться въ полной зависимости отъ главы и состоя постоянно подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ».

Подчиняясь тенденціи эпохи, онъ мечталъ объ искорененіи пауперизма путемъ полувоенной организаціи рабочихъ, но въ то же время прекрасно учитывалъ обаяніе «сѣраго сюртука» на простолюдина и рабочаго. Подобно дядѣ, онъ былъ сторонникъ переворотовъ и, какъ тотъ, хотѣлъ царствовать милостію Божіей, но съ согласія народа. Таковъ былъ оригинальный и типичный плодъ той бурной эпохи — сочетаніе салоннаго соціализма, наполеоновской традиціи, карбонарскихъ и клубныхъ интригъ, велерѣчивый ораторъ, народникъ на словахъ и холодный эгоистъ въ душѣ, жадный до власти и наслажденій.

Послѣ февральской революціи онъ выступаетъ кандидатомъ въ депутаты и при помощи денегъ, услужливо предоставленной ему его близкимъ другомъ, богатой англичанкой Гордонъ, организуетъ усиленную агитацію. Пользуясь борьбой партій и взаимнымъ ожесточеніемъ, искусно составленный кружокъ агитаторовъ-бонапартистовъ всячески выдвигаетъ грядущаго умиротворителя соціальныхъ распрей, Луи-Наполеона. Испуганной краснымъ призракомъ буржуазіи обѣщается безопасность и обезпеченіе собственности, безработнымъ намекается на раздѣлъ имуществъ богатыхъ капиталистовъ, мимоходомъ ввертывается рѣзкое словечко по поводу погони за наживой крупныхъ еврейскихъ биржевиковъ въ родѣ Ротшильда. Одновременно издается нѣсколько уличныхъ листковъ разнаго типа отъ реакціоннаго до анархическаго.

Избраніе его президентомъ республики.

Выборы Луи-Наполеона въ Національное собраніе были кассированы собраніемъ, но популярность отъ этого только возросла: искусными громкими и пышными заявленіями своей лойяльности онъ сумѣлъ привлечь снова и снова къ себѣ вниманіе, и побѣдилъ на выборахъ въ президенты. За него голосовали роялисты, католическое духовенство, крестьяне, недовольные республикой за

увеличеніе налоговъ, и тѣ рабочіе, которые не получили политической подготовки и находились подъ обаяніемъ имени Наполеона. Недовольное крестьянство и напуганная буржуазія послали въ новое законодательное собраніе большинство, враждебное республикѣ: орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ было до 500, тогда какъ республиканцевъ не было и трехсотъ. Послѣдніе дѣлились на умѣренныхъ, весьма пострадавшихъ на выборахъ, и «красныхъ», сторонниковъ демократической и соціальной республики, или «Горы». Новый президентъ назначилъ министерство изъ орлеанистовъ и, сближаясь то съ лѣвыми, то съ правыми, постепенно сталъ подготовлять почву для переворота. Къ радости католической и роялистской правой онъ назначалъ префектами лицъ, извѣстныхъ своей нелюбовью къ республикѣ. Противъ утвердившейся въ Римѣ республики былъ посланъ военный корпусъ, несмотря на протестъ республиканцевъ. Республиканское меньшинство тщетно протестовало противъ римской экспедиціи. Правительство воспользовалось манифестаціей, устроенной вождями Горы, разогнало демонстрантовъ силой оружія и арестовало вождей. Собраніе же объявило Парижъ на осадномъ положеніи. Гора была раздавлена: часть вождей бѣжала, видные члены были арестованы. Затѣмъ были запрещены политическія собранія, закрыты клубы, новое повышеніе залогового взноса стѣснило изданіе газетъ. По иниціативѣ ревностнаго клерикала, министра Фаллу, былъ принятъ въ 1850 году законъ о народномъ образованіи, который, устанавливая свободу обученія, съ одной стороны, облегчалъ открытіе частныхъ школъ, съ другой— косвенно давалъ преимущества преподавателямъ школъ, учрежденныхъ духовными обществами, но, главное, подчинялъ среднія и низшія школы контролю верховнаго и департаментскихъ совѣтовъ, состоявшихъ изъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ. Съ этихъ поръ быстро стало увеличиваться число школъ, открываемыхъ духовными конгрегаціями. Горячая оппозиція республиканцевъ ни къ чему не привела вслѣдствіе опредѣленнаго настроенія большинства, мнѣнія котораго выразили орлеанистъ Тьеръ и католикъ Монталамберъ. Послѣдній заявилъ, что проводимый законъ «является нравственнымъ оружіемъ, которое поможетъ силѣ матеріальной, т.-е. арміи противъ враговъ общества».

Его политика.

Продолжая борьбу съ лѣвыми, собраніе закономъ 31 мая ограничило принципъ всеобщаго избирательнаго права: новый законъ требовалъ отъ избирателя трехлѣтняго проживанія на мѣстѣ

Избирательный законъ.

для права участія въ выборахъ и лишалъ избирательныхъ правъ всѣхъ, кто былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи. Такимъ образомъ исключалось изъ политической жизни много лицъ, принадлежавшихъ къ радикальной буржуазіи и революціонному пролетаріату. Всѣ усилія оппозиціи были тщетны. Монталамберъ прямо сказалъ, что всеобщая подача голосовъ должна подвергнуться радикальнымъ измѣненіямъ; принятіе закона было бы для партіи порядка великой нравственной побѣдой и привело бы къ утвержденію порядка вещей, формулированнаго президентомъ республики въ словахъ: «Необходимо, чтобы злодѣи затрепетали, а честные люди успокоились». Тьеръ въ сильной рѣчи откровенно утверждалъ, что исключаются отъ голосованія не бѣдняки, а бродяги, хотя и зарабатывающіе законными и незаконными средствами себѣ пропитаніе, но не имѣющіе своего собственнаго жилища, проживающіе все, что пріобрѣтается на работѣ и ничего не приносящіе въ домъ. «Это тѣ люди, — воскликнулъ онъ съ пафосомъ, — которые заслуживаютъ названіе толпы! Друзья истинной свободы, или лучше истинные республиканцы презираютъ эту толпу, подлую толпу, погубившую столько республикъ»...

Національное Собраніе и президентъ.

Но, раздавивши Гору, большинство вскорѣ стало въ непріязненныя отношенія къ президенту. И первое и второй стремятся измѣнить режимъ республики 48 года. Но въ то время, какъ Луи-Наполеонъ домогается переизбранія, запрещеннаго ему конституціей, и стремится поэтому къ частичному пересмотру конституціи, роялистское большинство желаетъ возстановить монархію. Съ іюля 1850 года президентъ начинаетъ усиленно формировать свою личную партію изъ роялистовъ и бывшихъ республиканцевъ. Старый карбонарій обладалъ для этого всѣмъ необходимымъ: бурная жизнь политическаго авантюриста надѣлила его прекраснымъ практическимъ знакомствомъ съ человѣческой психологіей, и онъ умѣлъ окружить себя чарующей таинственностью, умѣлъ выбрать людей дѣла, честолюбивыхъ карьеристовъ. Мало отдавая себѣ отчетъ въ глубинѣ революціи, онъ представлялъ её сверху чѣмъ-то въ родѣ удачной военной операціи. Если провинція до сихъ поръ подчинялась столицѣ, а столицей руководили тайныя общества, то все сводилось къ организаціи тайнаго общества и умѣлому использованію момента. Оставалось организовать заговоръ на вершинѣ государства.

Подготовка переворота.

Въ заговорѣ приняли участіе: старый его сторонникъ опытный агитаторъ Фіаленъ-Персиньи; побочный братъ Морни, энергичный спекулянтъ, искусный дипломатъ и ловкій дѣлецъ; суровый и жестокій генералъ Сентъ-Арно, карьеристъ съ довольно сомнительнымъ прошлымъ; грубый исполнительный солдатъ полковникъ Эспинасъ, весь погрязшій въ долгахъ; умѣлый интриганъ офицеръ Флери, префектъ Мопа, чрезмѣрно исполнительный въ репрессіяхъ по отношенію къ тѣмъ, кого считалъ врагами существующаго строя. Примкнули къ президенту и даровитые ораторы, адвокаты Барошъ и Руэръ, сперва орлеанисты, потомъ ярые сторонники соціальной республики и столь же ярые защитники консервативнаго порядка послѣ разгрома республиканской лѣвой.

Лѣтомъ президентъ совершаетъ объѣздъ Франціи и произноситъ рѣчи, гдѣ восхваляетъ имперію. Во многихъ мѣстахъ его привѣтствуютъ криками «да здравствуетъ Наполеонъ». Громадное большинство генеральныхъ совѣтовъ шлетъ петиціи въ пользу пересмотра конституціи. Въ Парижѣ создается съ одобренія полиціи для манифестацій въ честь президента «общество 10 декабря» (день выбора Луи-Наполеона), которое дубинками колотитъ республиканцевъ. Чрезъ офицеровъ Луи-Наполеонъ старается пріобрѣсти расположеніе солдатъ. Кавалерія на парадѣ шумно привѣтствуетъ его, слышны даже крики «да здравствуетъ императоръ!»

Тактика Національнаго Собранія.

Тѣмъ временемъ монархическое большинство, въ виду смерти Луи-Филиппа, безуспѣшно пытается примирить Орлеановъ съ бездѣтнымъ графомъ Шамборомъ. Ясно, что конфликтъ долженъ рѣшиться силой. Не надѣясь на сочувствіе генераловъ парижскаго гарнизона, Луи-Наполеонъ постепенно замѣщаетъ ихъ преданными ему офицерами изъ африканскихъ войскъ и неожиданно даетъ отставку главнокомандующему парижской арміи, важному тщеславному роялисту Шангарнье. Собраніе взволновалось. Во время бурныхъ преній по поводу этой отставки Тьеръ въ рѣзкой рѣчи заявилъ о разрывѣ орлеанистовъ съ правительствомъ и предложилъ соединиться противъ угрожающей опасности: «Въ настоящее время въ государствѣ существуютъ двѣ власти—законодательная и исполнительная. Если собраніе уступитъ сегодня, то останется одна власть. А когда останется одна власть, форма правленія измѣнится: наименованія и формы не замедлятъ явиться... Когда они явятся, это неважно, но то, чего вы не желаете, совершится теперь же, если собраніе уступитъ

въ настоящемъ случаѣ... Названіе явится, когда будетъ нужно... Имперія готова»... Президентъ не задумался смѣнить министерство, но назначилъ новое изъ политическихъ дѣльцовъ и военныхъ, взятыхъ внѣ собранія.

Большинство между тѣмъ раскалывается, отъ него отдѣляется группа роялистовъ, поддерживающая президента. Въ теченіе всего 1851 года составляются лишь временныя соглашенія фракцій. Вслѣдствіе этихъ разногласій отвергается пересмотръ конституціи: за него не было подано и $^2/_3$ голосовъ собранія (по конституціи необходимо было $^3/_4$). Теперь президентъ явно стремится къ перевороту: онъ снова смѣняетъ министерство и назначаетъ военнымъ министромъ Сентъ-Арно, министромъ внутреннихъ дѣлъ Морни и префектомъ полиціи Мопа, главныхъ дѣльцовъ переворота. Квесторы собранія предлагаютъ облечь предсѣдателя правомъ вызвать для защиты вооруженную силу, но лѣвая не вѣритъ въ измѣну солдатъ. Депутатъ Мишель изъ Буржа заявляетъ: «Армія наша... Есть невидимый часовой, который сохраняетъ насъ... этотъ часовой — народъ»... Соединенными усиліями бонапартистовъ и лѣвыхъ предложеніе квесторовъ отвергается. Тогда правые попытались тайно вступить въ соглашеніе съ президентомъ, предлагая ему произвести переворотъ сообща, но Луи-Наполеонъ отвергъ предложеніе: онъ и его друзья уже приготовили все.

Переворотъ 2 декабря.

Въ ночь на 2 декабря, подъ угрозой смерти, наборщики національной типографіи набрали прокламацію, возвѣщавшую о переворотѣ. До разсвѣта были арестованы выдающіеся депутаты, равно какъ и извѣстные полиціи партійные дѣятели. «Во имя французскаго народа» президентъ особымъ декретомъ возстановлялъ всеобщее избирательное право и распускалъ собраніе. Воззваніе къ народу, расклеенное на улицахъ, оправдывало роспускъ собранія, «которое вмѣсто того, чтобы вырабатывать законы въ общихъ интересахъ, ковало оружіе для гражданской войны» и требовало широкихъ полномочій для президента, дабы онъ могъ закончить эру революцій посредствомъ удовлетворенія законныхъ нуждъ народа и охраненія его отъ вліянія разрушительныхъ страстей. Большинство депутатовъ-монархистовъ, собравшись въ мэрію округа, ограничилось словеснымъ протестомъ и безъ сопротивленія дало себя арестовать. Депутаты-республиканцы пытались организовать контръ-революцію, опубликовали воззваніе къ народу, объявлявшее президента внѣ закона, воз-

становлявшее всеобщее избирательное право и призывавшее къ оружію. Группы республиканской молодежи и присоединившихся къ нимъ рабочихъ устроили нѣсколько баррикадъ; на одной изъ нихъ геройски умеръ депутатъ Бодэнъ. Согласно плану Морни, инсургентамъ дали время развернуть свои силы, построить серьезныя баррикады, чтобы потомъ ихъ окончательно раздавить и уничтожить. Уже третьяго декабря началась ожесточенная борьба, несмотря на прокламацію, угрожавшую разстрѣломъ всѣмъ, кто будетъ взятъ при постройкѣ или защитѣ баррикадъ. Негодованіе росло. На собраніи республиканскихъ депутатовъ журналистъ Эмиль Жирарденъ выступилъ даже съ предложеніемъ всеобщей забастовки. Но боевые элементы парижскаго населенія были дезорганизованы трехлѣтней классовой борьбой. Ни пассивное, ни активное выступленіе не обѣщало успѣха. 4 декабря новая прокламація грозила разгонять всѣ собранія безъ предупрежденія силой оружія и приглашала гражданъ оставаться дома. Неожиданно и безъ предупрежденія солдаты открыли жестокую стрѣльбу по толпамъ любопытныхъ, наполнявшихъ парижскіе бульвары. Безжалостная бойня произвела удручающее впечатлѣніе (по офиціальнымъ даннымъ 380 человѣкъ погибло въ декабрьскіе дни). Парижъ былъ скованъ страхомъ и смирился.

Подавленіе инсургенціи.

Но въ департаментахъ вспыхнуло возстаніе, на сѣверо-востокѣ, въ центрѣ, на юго-востокѣ и на юго-западѣ. Тамъ еще кое-гдѣ уцѣлѣли тайныя общества. Нѣкоторые члены этихъ обществъ и республиканцы, принадлежавшіе къ мелкой буржуазіи — врачи, адвокаты, нотаріусы, иногда землевладѣльцы, сорганизовали отряды крестьянъ и поднялись на защиту республики. Но отсутствіе общей организаціи и разрозненность погубило возстаніе. Правительство при помощи преданныхъ ему газетъ выставило республиканцевъ новыми неистовыми «Жаками». Духовенство и буржуазія, жаждавшія порядка, оказали дѣятельную поддержку войскамъ, полиціи и судебнымъ властямъ: «одна половина Франціи доноситъ на другую», писала Жоржъ-Сандъ. Тридцать два департамента было объявлено на осадномъ положеніи. Арестовали около ста тысячъ человѣкъ. Смѣшанныя судебныя комиссіи, состоявшія изъ префекта, генерала и прокурора, чинили судъ и расправу, основываясь на донесеніяхъ и свѣдѣніяхъ мѣстныхъ властей. Осуждено было до 15.000 человѣкъ. Свыше 10.000 выслано въ Алжиръ, на каторгу въ Кайенну, другіе отданы подъ надзоръ полиціи, иныхъ крестьянъ подвергли унизительному тѣ-

лесному наказанію. Правительство въ концѣ-концовъ принуждено было послать особыхъ ревизоровъ, чтобы смягчить ретивость мѣстныхъ властей, но одинъ изъ ревизоровъ, генералъ Эспинасъ, доносилъ, что наказанія очень слабы и населеніе вовсе не требуетъ милосердія.

Плебисцитъ и конституція 1852 года.

10 декабря 1851 года президентъ для утвержденія переворота произвелъ плебисцитъ. Онъ прошелъ подъ суровымъ наблюденіемъ мѣстныхъ властей. Подозрительныхъ подвергали домашнему аресту, деревенскихъ избирателей принуждали силой итти къ урнамъ. Большинство республиканцевъ воздержалось отъ голосованія, католическое духовенство стояло за президента. Бурный памфлетистъ-католикъ, редакторъ «Вселенной» Вейо еще до переворота стоялъ за Луи-Наполеона, и 12 декабря Монталамберъ писалъ въ его газетѣ: «Вотировать за Луи-Наполеона, не значитъ одобрять то, что онъ дѣлаетъ, а выбирать между нимъ и полнымъ разрушеніемъ Франціи». За формулу «Французскій народъ желаетъ поддержанія авторитета Луи-Наполеона Бонапарта и даетъ ему полномочія для устройства конституціи» было подано 7.439.216 голосовъ, противъ нея 640.737, при нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ воздержавшихся. Въ торжественной рѣчи президентъ заявилъ, что Франція поняла, что онъ отступилъ отъ законности, дабы вернуться къ праву... «Болѣе 7.000.000 голосовъ даютъ прощеніе и оправдываютъ актъ 2 декабря»... Представители всѣхъ государствъ поздравили Луи-Наполеона, и 1 января 1852 года была отслужена торжественная месса въ соборѣ Парижской Богоматери. Послѣ «Тебѣ Бога хвалимъ», хоръ запѣлъ «Спаси, Господи, республику», «Спаси Господи, Людовика-Наполеона». Специальная комиссія, назначенная президентомъ, въ одну ночь составила такъ называемую конституцію 1852 года.

Президентъ, избранный на десять лѣтъ, получилъ всю полноту власти: онъ назначаетъ министровъ, которые отвѣтственны лишь предъ нимъ, заключаетъ договоры, имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ. Законодательная власть вручается законодательному корпусу изъ 261 депутата, избираемыхъ посредствомъ всеобщей подачи голосовъ на 6 лѣтъ. Онъ лишенъ инціативы, не имѣетъ права даже вносить измѣненія въ вотируемые законы, засѣдаетъ не менѣе 3 мѣсяцевъ въ годъ. Сенатъ, состоящій изъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно, стоитъ на стражѣ конституціи, имѣетъ право измѣнять конституцію по-

средствомъ сенатусъ-консульта съ разрѣшенія президента. Самые законы составлялись государственнымъ совѣтомъ, совѣщательнымъ органомъ при особѣ президента.

Такимъ образомъ, этотъ сколокъ съ конституціи VIII года сосредоточивалъ власть въ рукахъ одного человѣка, конституція была лишь замаскированнымъ единовластіемъ.

Репрессивныя мѣры продолжались: закрываются рабочіе союзы, закрываются конторы тѣхъ нотаріусовъ, стряпчихъ и адвокатовъ, которые признаны были неблагонадежными, распускается національная гвардія. Устанавливается система предварительнаго разрѣшенія газетъ и журналовъ. Послѣ двухъ предостереженій газету закрываютъ. Министръ народнаго просвѣщенія Фортуль, бывшій профессоръ, ограничилъ университетскую автономію, сузилъ преподаваніе исторіи и философіи въ средней школѣ, подчинилъ ее суровой и мелочной опекѣ: запретилъ, напримѣръ, преподавателямъ носить усы, чтобы они не походили на анархистовъ. Владѣнія орлеанскихъ принцевъ были конфискованы: 10 милліоновъ обращены на общества взаимопомощи, 10 — на учрежденіе поземельнаго кредита, 5 — въ пенсіонную кассу духовенства: президентъ хотѣлъ отблагодарить духовенство и крестьянство за поддержку. Чтобы удовлетворить и крупную буржуазію, Ліонская желѣзная дорога передана была частной компаніи, организовано общество поземельнаго кредита.

Выборы въ законодательный корпусъ.

Въ 1852 г. осадное положеніе было снято. Въ февралѣ состоялись выборы въ законодательный корпусъ. Морни и префекты озаботились, чтобы были выбраны офиціальные кандидаты, рекомендованные правительствомъ, «люди, окруженные всеобщимъ уваженіемъ, болѣе заботливые къ интересамъ страны, чѣмъ къ борьбѣ партій, сочувствующіе страданіямъ трудящагося класса, — говорилъ офиціальный министерскій циркуляръ, — ибо человѣкъ, составившій себѣ состояніе, заслуживаетъ предпочтенія предъ политическимъ дѣятелемъ: онъ внесетъ практическій духъ въ законодательную работу и поможетъ правительству въ дѣлѣ умиротворенія и преобразованія». Правительство одержало полную побѣду. Офиціальные кандидаты были избраны почти единогласно. Лишь Парижъ выбралъ кандидатовъ республиканской оппозиціи Карно и генерала Кавеньяка, да въ Ліонѣ прошелъ Энонъ, но и тѣ отказались присягнуть и объявлены были подавшими въ отставку.

Сессія продолжалась три мѣсяца. Законодательный корпусъ въ одно засѣданіе утвердилъ бюджетъ 1852 года.

Еще въ маѣ всѣмъ должностнымъ лицамъ предписано было принести присягу въ вѣрности принцу-президенту. Неприсягнувшіе были уволены въ отставку; въ числѣ ихъ много крупныхъ профессоровъ: историкъ литературы Вильменъ, философъ Кузенъ, историкъ Мишле и много другихъ.

Блестящія празднества, грандіозные парады чаровали легкомысленные умы, разсѣивали безпокойныхъ людей, прельщали толпу, жаждущую зрѣлищъ, нерѣдко раздавались крики «да здравствуетъ императоръ!»

Основаніе Второй имперіи.

Лѣтомъ Луи-Наполеонъ отправился въ объѣздъ страны. Въ пышныхъ рѣчахъ обѣщалъ онъ внутреннее спокойствіе и миръ. Въ Бордо онъ объявилъ на банкетѣ, что «не зачѣмъ примѣнять старыя системы, прежде всего надо довѣрять настоящему и быть увѣреннымъ въ будущемъ. Вотъ почему Франція желаетъ вернуться къ имперіи»... «Изъ недовѣрія нѣкоторые говорятъ, что имперія — это война, а я говорю: имперія — это миръ». Затѣмъ онъ говорилъ о примиреніи борющихся партій, развивалъ программу широкихъ финансовыхъ предпріятій, обѣщалъ бороться съ ложными богами, завоевать для религіи, нравственности и благоденствія ту столь многочисленную часть населенія, которая едва знаетъ наставленія Христа. Эта рѣчь произвела всюду громадное впечатлѣніе. «Да здравствуетъ императоръ!» кричали вслѣдъ проѣзжающему президенту не только переодѣтые въ блузы полицейскіе, но и буржуа, и крестьяне, и рабочіе. Въ льстивыхъ рѣчахъ мэры и префекты выражали горячее ожиданіе грядущей имперіи. Парижъ встрѣтилъ возвращавшагося президента грандіозной манифестаціей. На тріумфальныхъ аркахъ значилась надпись «императору». Осталось оформить возстановленіе имперіи.

Сенатъ особымъ сенатусъ-консультомъ возстановилъ императорское достоинство въ лицѣ Луи-Наполеона Бонапарта. Произведенный 20 ноября плебисцитъ далъ 7.839.000 утвердительныхъ и 253.000 отрицательныхъ голосовъ.

Такъ начинается періодъ имперіи авторитарно-бюрократической, продолжающійся почти до 1860 года.

Аворитарная имперія, ея политика.

Законодательный корпусъ превратился въ законопослушный; бюджетъ вотировали сразу по министерствамъ, и дебаты происходили подъ бдительнымъ надзоромъ президента Морни. Лишь Монталамберъ выступалъ иногда съ критикой законопроектовъ, за

что и подвергся въ концѣ-концовъ судебному преслѣдованію. Газеты могли помѣщать лишь коротенькій, утвержденный оффиціально отчетъ, чтобъ не давать пищи партійному духу. Хотя всеобщее избирательное право и было признано правительствомъ, но прохожденіе кандидата оппозиціи всячески затруднялось. Барошъ откровенно говорилъ, что «всеобщее избирательное право, оставленное безъ руководства и отданное на жертву мѣстнымъ страстямъ, можетъ стать серьезной опасностью». Выборы происходили подъ руководствомъ мэровъ, назначенныхъ правительствомъ, въ теченіе 2 дней. Вечеромъ перваго дня мэръ уносилъ урну съ избирательными голосами къ себѣ на домъ. Избирательные округа устанавливались произвольно, чтобы обезпечить успѣхъ правительственнаго кандидата: города дѣлились на части и соединялись съ селами и деревнями. Печать была подчинена министру: всѣ перемѣны въ персоналѣ газеты происходили съ его согласія. Строгая цензура умѣрила розмахъ бойкаго пера: за два года дано 91 предостереженіе; карались не только вредныя тенденціи, но и скрытый смыслъ. Помимо привлеченія къ суду исправительной полиціи правительство могло прекратить изданіе и особымъ декретомъ въ порядкѣ охраны. Съ разрѣшенія правительства для сохраненія внѣшняго декорума законности каждая партія издавала свою газету; существовали и орлеанистскіе и легитимистскіе органы; былъ органъ ультрамонтанскаго католицизма «Вселенная», въ которомъ Луи Вейо открыто восхвалялъ объединеніе арміи, вѣрующей въ честь своего знамени, съ арміей милосердія изъ 40.000 священниковъ и 50.000 монаховъ. Съ особаго дозволенія императора и не безъ тайной интриги держался умѣренный республиканскій органъ «Вѣкъ» и бойкій сатирическій журналъ «Шаривари». Остальные либо подчинились правительственному указанію, либо безвременно никли подъ градомъ преслѣдованій. Личная свобода находилась всецѣло въ зависимости отъ произволенія администраціи и полиціи. Наканунѣ пріѣзда императора всѣ жители мѣстечка, политически неблагонадежные, заблаговременно арестовывались. Лица, состоявшія на государственной службѣ, ежечасно ожидали увольненія или начальственнаго взысканія, если попадали въ разрядъ подозрительныхъ. Университеты, заподозрѣнные въ либерализмѣ, подвергались репрессіямъ: составъ факультетовъ былъ заполненъ профессорами, назначенными Луи-Наполеономъ по представленію министра. Учителя смѣщались по самымъ ничтожнымъ поводамъ въ дисципли-

нарномъ порядкѣ. Министръ Фортуль хотѣлъ подчинить надзору даже академію безсмертныхъ, которой едва удалось спастись благодаря посредничеству извѣстнаго писателя Проспера Мериме, близкаго къ Луи-Наполеону.

Зато въ награду за поддержку католическое духовенство осыпано было милостями: его миссіямъ оказывалась всяческая поддержка, чиновникамъ предписано присутствовать на богослуженіи, облегчено было основаніе новыхъ женскихъ духовныхъ конгрегацій, повышено жалованье епископамъ, разрѣшены провинціальные съѣзды духовенства, возвращенъ Пантеонъ. Почувствовавши свою силу, духовенство въ мрачный періодъ 1852—1858 гг. не боялось выступать въ оппозиціи главѣ государства. Но само оно раздѣлилось на умѣренныхъ и крайнихъ (ультрамонтановъ), желавшихъ добиться дальнѣйшихъ уступокъ отъ государства.

Экономическая политика.

Людовику-Наполеону недостаточно было согласія съ церковью, онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ торговую буржуазію и трудящіяся массы. Взамѣнъ политической свободы имъ предлагалось удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ. Его поддерживали и ближайшіе сотрудники и сенсимонисты. Немало изъ крупныхъ дѣятелей имперіи принадлежало къ биржевикамъ, жадно ожидавшимъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій: Морни, бывшій офицеръ, потомъ ловкій спекулянтъ и крупный сахарозаводчикъ, Фульдъ — биржевикъ-финансистъ. Первые же проекты императора встрѣтили горячее сочувствіе сенсимонистовъ. Отецъ Анфантенъ открыто привѣтствовалъ усиленіе желѣзнодорожнаго строительства. Его друзья и сотрудники поддерживали императора и перомъ, какъ Мишель Шевалье, и дѣломъ, какъ банкиры братья Перейры. Они были искренно убѣждены въ томъ, что промышленный расцвѣтъ — главное условіе соціальнаго прогресса, и ради этого готовы были простить самый декабрьскій переворотъ.

Самъ императоръ въ своемъ «Искорененіи пауперизма» (1844) высказывалъ мысль, что правительство должно поддерживать трудящіеся классы, мечталъ возродить индустрію и сельское хозяйство, дисциплинировать рабочія массы, которыя должны были быть раздѣлены на десятки и подчинены особымъ прюдомамъ, получавшимъ отъ хозяевъ двойную плату. Прудонъ, вскорѣ послѣ переворота, предлагалъ Луи-Наполеону вступить на широкую дорогу освобожденія и организаціи труда. Но подъ вліяніемъ своихъ сотрудниковъ и панегиристовъ императоръ прежде всего обра-

тился къ покровительству землевладѣльцамъ и крупнымъ промышленникамъ. Въ 1852 году основано было общество поземельнаго кредита, нѣсколько поземельныхъ банковъ, которые вскорѣ слились въ одинъ Французскій поземельный банкъ съ правительственной субсидіей въ 10 милліоновъ. Въ 1852 году братья Перейры основали главное общество движимаго кредита, которое скоро стало главнымъ участникомъ всѣхъ кредитныхъ спекуляцій. И французскій банкъ расширяетъ свои операціи. Но особенно развивается желѣзнодорожное строительство. Концессіи обществамъ были продолжены на 99 лѣтъ, гарантирована прибыль, но они должны были объединиться въ 6 крупныхъ компаній. Крупная индустрія получила рядъ льготъ и преимуществъ, мелкая была освобождена отъ патентнаго сбора. Всемірныя выставки 1855—1867 гг. свидѣтельствовали о быстромъ ростѣ французской промышленности. Франціей положительно овладѣла предпринимательская лихорадка: буржуазія съ жаромъ бросилась въ аферы, увлеклась необузданной биржевой игрой. Оппозиціонное настроеніе ея уступало мѣсто дѣловитому расчету и жаждѣ къ быстрому обогащенію. Грандіозныя общественныя работы обезпечили заработокъ рабочему классу.

Общественныя работы.

Префектъ Османнъ перестраиваетъ Парижъ. Большія линіи красивыхъ и широкихъ бульваровъ крестъ-накрестъ пересѣкаютъ Парижъ, разбиваются парки, скверы, сносятся узенькія улички, хранившія въ своихъ извивахъ живой ароматъ старины, прокладываются канализаціонныя трубы, водопроводъ, газопроводъ. Перестраиваются и приспособляются къ интересамъ индустріи и другіе крупные торговые центры и гавани. Одновременно упорядочивается дѣятельность ссудныхъ кассъ, выростаетъ рядъ филантропическихъ учрежденій. Рабочіе союзы закрываются, но правительство учреждаетъ общества взаимопомощи при содѣйствіи мэровъ и мѣстныхъ священниковъ: они получаютъ различныя льготы, финансовую поддержку отъ государства, но обязываются предоставить императору право назначенія предсѣдателя, не помогать стачечникамъ и принимать хозяевъ въ качествѣ почетныхъ членовъ съ большими взносами.

Такъ, широкое покровительство денежной спекуляціи соединяется съ системой грандіозныхъ работъ, патріархальная филантропія сливается съ вездѣсущей опекой, чтобы удовлетворить матеріальные интересы и буржуазіи, и пролетаріата и усыпить общественную мысль и политическія страсти.

Настроенiе общества.

«Люди поютъ, смѣются, поютъ и пируютъ», восклицаетъ Викторъ Гюго. «Все спитъ мертвымъ сномъ», жалуется Пессаръ. «Никто ничего не дѣлаетъ и ни о чемъ не думаетъ», замѣчаетъ Гизо. «Всякое сопротивленiе умерло, — пишетъ философъ Кузенъ, — никто не рискуетъ говорить въ провинцiи и писать въ Парижѣ, аристократiя сокрушена, буржуазiя думаетъ лишь о деньгахъ, народъ — о хлѣбѣ»... «Но, — обмолвливается осторожный экономистъ Сэ, — всѣ говорятъ, что это недолго продлится, и спѣшатъ насладиться»...

Погоня за наслажденiями.

Примѣръ подаетъ самъ императоръ. Онъ женится на красавицѣ Евгенiи де-Монтихо, испанкѣ весьма сомнительнаго благородства, заводитъ дворъ, учреждаетъ придворныя должности, вводитъ прiемы. Доморощенное веселье на первыхъ придворныхъ балахъ, танцы подъ аккомпанементъ органчика, вращаемаго церемонiймейстеромъ или генераломъ, скоро уступаютъ мѣсто пышнымъ вечерамъ съ соблюденiемъ всѣхъ тонкостей придворнаго этикета, позаимствованнаго у баварскаго двора. Блестящiе балы и прiемы тюльерiйскаго дворца задаютъ тонъ департаментамъ. Едва ли когда-либо такъ безумно веселились и танцовали, какъ во время Второй имперiи. Создается новый видъ музыки веселой, фривольной, раздражающей чувственность: оперетка Оффенбаха съ ея насмѣшками надъ семьей, религiей, властью въ «Еленѣ прекрасной», «Орфеѣ въ аду», «Герцогинѣ Герольштейнской» — настоящее отраженiе лихорадочной погони за удовольствiемъ. Буржуазное общество необузданно домогалось денегъ и торопилось поскорѣе купить на нихъ какъ можно болѣе наслажденiя. Холодно иронизируя, оно съ жадностью стремилось къ чувственному опьянѣнiю.

Возрожденiе политической оппозицiи.

Но политическая оппозицiя не умерла: она лишь притаилась, ушла въ подполье, перекочевала за границу. Прежнiе борцы были въ изгнанiи или ссылкѣ; одни умерли въ лишенiяхъ, другiе на чужбинѣ цѣпко боролись за кусокъ насущнаго хлѣба, поддерживая другъ въ другѣ духъ протеста маленькими газетками и брошюрами, пылавшими ненавистью къ «узурпатору». Умы ихъ продолжали старую работу, и сердце билось за республику и свободу. И въ дорогую сердцу Францiю издалека доходило огненное проклятiе Виктора Гюго въ его «Карахъ», гнѣвная инвектива въ его «Маленькомъ Наполеонѣ». Несмотря на усиленный надзоръ, обыски, аресты, почтовыя перлюстрацiи, революцiонныя произведенiя изгнанниковъ продолжали доходить контрабаднымъ пу-

темъ во Францію. Въ Парижѣ и другихъ городахъ организовался комитетъ для матеріальной помощи эмигрантамъ, сближавшій разбросанные обломки прежней республиканской партіи. Оппозиціонная мысль таилась въ академіи, пряталась въ салонахъ, воскресала въ студенческихъ кружкахъ, питаясь рукописными памфлетами, запрещенными заграничными изданіями, эпиграммами, ѣдкими пѣсенками, каламбурами. Изгнанные профессора нашли пріютъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ встрѣтили отзывчивую и внимательную молодую аудиторію.

Преподаваніе скоро превратилось въ пропаганду идей свободы, а дружескія бесѣды со слушателями еще болѣе сближали старыхъ идеалистовъ съ молодымъ поколѣніемъ. Похороны умершихъ республиканскихъ дѣятелей или ихъ близкихъ родственниковъ служили поводомъ для молчаливыхъ внушительныхъ демонстрацій. Умирала ли мать демократа Ледрю-Роллена, или жена народника-революціонера Распайля, Арманъ Марра или Ламене, многотысячная толпа почтительно провожала прахъ усопшаго.

Въ департаментахъ уцѣлѣвшіе отъ преслѣдованій и сумѣвшіе скрыть свои убѣжденія республиканцы довольствовались покамѣстъ тѣмъ, что проваливали на муниципальныхъ выборахъ кандидатовъ администраціи. Префекты, повидимому, могли быть увѣрены въ томъ, что посредствомъ жестокихъ репрессій уничтожены всѣ клубы и тайныя общества, но вскорѣ замѣтили, что расчеты не оправдались. Если за границей эмигранты тщетно пытались объединиться и, пользуясь свободой, продолжали безконечные споры изъ-за политическихъ и революціонныхъ программъ, то общія гоненія и гнетъ сблизили съ буржуазными республиканцами политически развитыхъ рабочихъ; послѣдніе одинаково съ первыми желали гибели режима Второй имперіи.

Удары и терроръ сверху поэтому скоро вызываютъ революціонныя вспышки снизу, при чемъ онѣ отливаются въ форму карбонарскаго заговора, конспиративнаго бунтарства, террористическаго покушенія. Изъ года въ годъ открываются дѣйствительные или мнимые заговоры среди мелкой буржуазіи, студенчества, рабочихъ. Заговорщики покушаются убить Наполеона III, взорвать императорскій поѣздъ. Напрасно стремятся префекты запугать общество, раздувая свѣдѣнія о находимыхъ адскихъ машинахъ, громадныхъ складахъ оружія. Въ 1855 году въ Анжерѣ вспыхнулъ серьезный бунтъ рабочихъ, принадлежавшихъ къ

обществу Маріанны. Повстанцы были разсѣяны вооруженной силой.

Оппозиціонныя теченія въ литературѣ.

Разгромленная партія не исчезла: она только порвала съ наполеоновской легендой, почувствовала жгучую вражду къ римской церкви, поддержавшей государственный переворотъ, и либеральный публицистъ Пейра формулировалъ это чувство фразой: «Клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ».

Отсюда возникаетъ сперва рядъ попытокъ обновить католицизмъ, противопоставить ему «естественную религію», основанную на одной морали. Прудонъ старается создать народную популярную философію, которая должна замѣнить собой религію и основываться на идеѣ справедливости. Жюль Симонъ излагаетъ систему естественной религіи въ формѣ очищеннаго деизма. Кине и Мишле рѣзко нападаютъ на религіозную политику католицизма въ прошломъ, критикуютъ мораль іезуитовъ.

Защитники свободы стали искать себѣ аргументовъ въ изученіи событій прошлаго. Кине и Мишле въ яркихъ статьяхъ обличаютъ своекорыстіе политики французскихъ королей. Мишле же своимъ пылкимъ народничествомъ открылъ дорогу Прудону и поклонникамъ Гебера и Дантона. Съ особенной любовью обратились республиканскіе историки къ изученію великой революціи: Луи Бланъ, Кине, Мишле, Токвиль съ энергіей разрабатывали богатый матеріалъ. Шаррасъ и Кине напали на наполеоновскую легенду; Ланфре въ своей «Исторіи Наполеона» изобразилъ послѣдняго деспотомъ, терзаемымъ страстью произвола.

Идеалы молодого поколѣнія.

Среди этой оживленной работы философовъ и историковъ росло и крѣпло поколѣніе 1848—1851 гг. Переживши энтузіазмъ февральскихъ дней, оно затѣмъ испытало горькое разочарованіе послѣ декабрьскаго переворота. Поэтому оно чуждалось энтузіазма и религіознаго настроенія дѣятелей сороковыхъ годовъ, оно хотѣло не вѣры, а критики, желало не пылать вдохновеніемъ, а дѣйствовать, стремилось къ точному знанію фактовъ исторіи человѣческой и естественной. Его привлекаетъ къ себѣ Прудонъ, безстрашный критикъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ вопросовъ, оно интересуется позитивизмомъ Огюста Конта, матеріализмомъ Бюхнера и Фогта, занимается исторіей съ Мишле.

Крымская война.

Наполеонъ III стремится теперь занять вниманіе общества вопросами внѣшней политики и завоевать авторитетную роль въ концертѣ европейскихъ державъ: споръ изъ-за ключей отъ свя-

тыхъ мѣстъ далъ удачный случай ему высказать себя достойнымъ наслѣдникомъ націоналистическихъ идей своего дяди и традиціонной политики французскихъ королей на Востокѣ; удовлетворяя желаніямъ клерикальной партіи, зажигая во французскомъ обществѣ жажду славы, императоръ въ то же время сообщалъ своей династіи ореолъ либерализма войной противъ императора, представлявшаго оплотъ реакціи въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ мстилъ императору Николаю I и лично за свое оскорбленное достоинство: какъ ни гордился Луи-Наполеонъ прозвищемъ «выскочки», онъ былъ глубоко уязвленъ тѣмъ, что императоръ «Божіей милостію» именуетъ его, императора «волею народа», въ офиціальной перепискѣ «другомъ», а не «братомъ». Всѣ эти мотивы побудили Наполеона вмѣшаться активно въ восточныя дѣла. Началась кровопролитная Крымская кампанія. Героическое сопротивленіе защитниковъ Севастополя, приказы и контръ-приказы изъ Тюльери, соперничество и интриги генераловъ, несогласіе среди союзниковъ, сильная эпидемія въ союзной арміи — надолго затянули войну. Взятіе Малахова кургана повело къ окончанію военныхъ дѣйствій. Мирные переговоры велись въ Парижѣ. Императоръ былъ удовлетворенъ: рожденіе наслѣдника и заключеніе европейскаго мира при его главномъ посредничествѣ послѣ удачной войны сулило прочное утвержденіе династіи и предоставляло рѣшающую роль въ вопросахъ европейской международной политики. «Франція снова заняла подобающее ей мѣсто», говорилось въ тронной рѣчи 1857 года.

Наступаетъ время новыхъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Система воздержанія, рекомендуемая старыми дѣятелями, потеряла подъ собой почву, и большинство республиканцевъ приняло активное участіе въ выборахъ. Вокругъ редактора «Вѣка», Гавэна, сгруппировалось нѣсколько честолюбивыхъ молодыхъ республиканцевъ; среди нихъ выдѣлялись Пикаръ и сынъ стараго республиканца сороковыхъ годовъ Эмиль Оливье. Этотъ краснорѣчивый ораторъ свысока смотрѣлъ на стариковъ, дѣятелей февральской революціи, считая ихъ фразерами. Онъ находилъ возможнымъ доставить господство республиканской идеѣ открытой борьбой на трибунѣ законодательнаго корпуса. Въ своей избирательной платформѣ Эмиль Оливье доказывалъ, что удаленіе демократіи достигается путемъ ассимиляціи и измѣненія. Цѣль демократіи — матеріальный прогрессъ и улучшеніе условій тружениковъ, средство для этого — свобода.

Выборы 1858 г.

„Пятерка".

Выборы окончились побѣдой 7 республиканцевъ, двое изъ нихъ (Карно и Гудшо) отказались отъ присяги, одинъ (Кавеньякъ) умеръ, одинъ перешелъ на сторону правительства и лишь трое принесли присягу, но сохранили оппозиціонное положеніе. Еще двое прошли на дополнительныхъ выборахъ. Такъ образовалась въ законодательномъ корпусѣ знаменитая Пятерка (les Cinq): Эмиль Оливье, Даримонъ, Энонъ, Жюль Фавръ и Эрнестъ Пикаръ.

Политика освобожденія національностей.

Между тѣмъ Луи-Наполеонъ стремится къ уничтоженію трактатовъ 1815 года, отнявшихъ у Франціи пріобрѣтеніе революціи, прикрывая свои намѣренія идеей освобожденія національностей. Онъ разсчитываетъ такимъ образомъ привлечь на свою сторону и умѣренныхъ республиканцевъ и европейскихъ либераловъ. «Имперія, по словамъ императора, находится еще въ юномъ возрастѣ и подвержена дѣтскимъ болѣзнямъ. Она должна объединить подъ мантіей славы тѣ партіи, которыя все болѣе стремятся разойтись въ разныя стороны»... Поэтому Луи-Наполеонъ поддерживаетъ молдавскихъ и валахскихъ патріотовъ, домогающихся объединенія, затѣмъ его вниманіе поглощаютъ итальянскія дѣла. Геніальный сардинскій дипломатъ Кавуръ сумѣлъ привлечь на сторону Сардиніи Луи-Наполеона, убѣдивши своего короля принять участіе въ Крымской войнѣ. Но императоръ колебался стать рѣшительно на сторону итальянскихъ патріотовъ, готовившихся сбросить австрійское иго. Въ тюльерійскомъ дворцѣ шла горячая борьба среди придворной камарильи: клерикальному кружку императрицы, опасавшемуся за цѣлость папской области, противопоставлялось вліяніе либеральнаго принца Жерома Наполеона, сына бывшаго вестфальскаго короля, стоявшаго за освобожденіе Италіи. Озлобленные политикой своего стараго сочлена, итальянскіе карбонаріи организовали подъ главенствомъ Орсини покушеніе на жизнь императора. Луи-Наполеонъ едва спасся. Послѣдовали суровыя репрессіи. Немедленно проведенъ былъ законъ объ общественной безопасности, каравшій не только уличаемыхъ, но и прежнихъ участниковъ событій 1849—1851 гг.

Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ генералъ Эспинасъ, заявившій въ своемъ циркулярномъ посланіи: «Необходимъ бдительный и неустанный надзоръ, способный на мѣры предупрежденія, твердый и скорый на мѣры пресѣченія и всегда сдержанный, какъ это подобаетъ силѣ и праву; встревоженное населеніе страны должно узнать, что въ настоящее время добрые могутъ быть спокойны, а злые должны трепетать». Не менѣе

2.000 человѣкъ подверглось преслѣдованію, многіе по одному лишь подозрѣнію.

Война съ Австріей.

Передъ своей казнью Орсини обратился изъ тюрьмы къ императору съ письмомъ, заклиная его помочь Италіи. Императрица, обезпокоенная судьбой династіи, перестала сопротивляться вмѣшательству въ итальянскія дѣла. Между тѣмъ выборы Ж. Фавра и Э. Пикара указывали на постепенное пробужденіе оппозиціи. И Луи-Наполеонъ рѣшился на разрывъ съ Австріей. Тщетно придворная камарилья останавливала императора. Даже группа Пяти республиканцевъ была за войну. Война была успѣшна. Но послѣ побѣдъ при Маджентѣ и Сольферино Луи-Наполеонъ поспѣшилъ начать переговоры о мирѣ. Боясь раздраженія клерикаловъ, онъ придумалъ выходъ изъ затруднительнаго положенія: предоставить папѣ роль президента въ федераціи итальянскихъ государствъ. Въ то же время, чтобы примирить съ собой либераловъ и республиканцевъ, онъ объявляетъ полную и безусловную амнистію 17 августа 1859 года. Но возстаніе Гарибальди разрушило дипломатическіе планы императора и привело къ объединенію почти всего полуострова подъ властью Виктора Эммануила II. Папа сохранилъ за собою лишь часть своего государства: Римъ, Витербо и Чивитта-Веккію.

Раздраженіе клерикаловъ.

Тотчасъ клерикалы яростно обрушились на императора: епископы сыпали обличительными брошюрами, укорительными пастырскими посланіями, свѣтскіе публицисты клерикальной партіи проводили ядовитую параллель между новымъ и старымъ курсомъ политики и грозили новымъ Ватерлоо, забывая, что папа удержалъ свою вотчину св. Петра лишь при охранѣ французскаго корпуса.

Если клерикалы вопіяли о необходимости новаго крестоваго похода для спасенія папы, то либеральные круги были недовольны тѣмъ, что императоръ остановился на полдорогѣ.

Недовольство крупной буржуазіи.

Наконецъ Луи-Наполеонъ вооружилъ противъ себя и крупную буржуазію, до сихъ поръ довольную его финансовой политикой и твердой охраной порядка.

Жестокія нападки правительственныхъ ораторовъ послѣ покушенія Орсини на англійское правительство, дававшее убѣжище политическимъ преступникамъ, привели къ охлажденію отношеній съ Англіей. Послѣдняя уже и раньше подозрительно относилась къ возраставшему вліянію Франціи на Востокѣ, съ неудовольствіемъ смотрѣла на дружескія отношенія, установившіяся между Александромъ II и Луи-Наполеономъ, и потому оказывала под-

держку Австріи въ восточныхъ дѣлахъ. Чтобы вновь сблизиться съ Англіей, императоръ заключилъ съ ней торговый договоръ въ 1860 г. Этимъ договоромъ очень ослаблялся протекціонизмъ французской финансовой политики, Англія же отмѣняла пошлины почти на всѣ французскіе товары. Среди французскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ началась тревога; благодаря ихъ голосамъ дебаты въ законодательномъ корпусѣ и сенатѣ приняли страстный характеръ и хотя не привели ни къ чему, но агитація противъ договора сильно обезпокоила императора. Правительство вынуждено было обратиться къ общественному мнѣнію и открыть эру уступокъ по личной волѣ императора.

Дрожа своей личной властью, Луи-Наполеонъ хочетъ оставаться популярнымъ, угождая всѣмъ соціальнымъ классамъ и группамъ. Съ первыхъ лѣтъ правленія, онъ добился поддержки буржуазіи и духовенства. Возбудивши противъ себя духовенство и поселивши подозрѣніе среди буржуазіи, онъ очутился между двумя оппозиціями, клерикальной и республиканской, и дѣлаетъ попытку успокоить первую, примириться со второй. Онъ готовъ сдѣлать уступки, но съ тѣмъ, чтобы удержать личную власть, готовъ ослабить репрессіи, но не устранить ихъ, желаетъ сохранить всесильную бюрократію, но согласенъ нѣсколько расширить сферу дѣйствій законодательнаго корпуса. Такимъ образомъ Луи-Наполеонъ становится на старую дорогу прежнихъ правительствъ, приближается къ парламентаризму, неизбѣжно подходитъ къ старой формулѣ Луи-Филиппа: «примирить порядокъ и свободу». Такъ начинается періодъ либеральной имперіи.

„Либеральная имперія“.

Первое измѣненіе въ авторитарный режимъ вноситъ декретъ 1860 года: вотированіе адреса даетъ возможность депутатамъ обсуждать дѣятельность правительства, возстанавливается право поправокъ и разрѣшается два отчета дебатовъ: стенографическій въ офиціозномъ изданіи и сокращенный для свѣдѣнія публики. Для защиты правительственной политики назначаются особые министры безъ портфелей — «адвокаты правительства». Первымъ слѣдствіемъ новаго закона было оживленіе оппозиціи въ обоихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Клерикалы требуютъ энергичной защиты интересовъ папы. Группа пяти республиканцевъ настаиваетъ на прекращеніи репрессій.

«Всѣ, у кого есть мысль въ головѣ и перо въ рукахъ, — замѣчаетъ историкъ Барантъ, — кажется, немного пошевельнулись.

Они не образуютъ еще партіи старой или новой, но читаютъ одни другихъ и отсюда выходитъ маленькое волненіе умовъ, которое безпокоитъ, болѣе чѣмъ слѣдовало, господина и его слугъ».

Колоніальная политика. Экспедиція въ Мексику.

Императоръ не теряетъ надежды вернуть расположенія клерикаловъ и крупной буржуазіи: предпринимаются экспедиціи въ Китай, Аннамъ, Кохинхину для защиты католическихъ миссій, въ Сирію для защиты маронитовъ. Наконецъ представляется крупная экспедиція въ Мексику, которая должна была бы удовлетворить клерикаловъ, обрадовать биржевиковъ и подогрѣть націоналистическія страсти. Въ этой несчастной странѣ борьба между клерикалами-консерваторами и либералами достигла высшаго напряженія въ 1859—1861 годахъ: либералы, руководимые энергичнымъ Хуаресомъ, секуляризировали церковныя земли и изгнали іезуитовъ. Интересы европейскихъ купцовъ были нарушены и вызвали вмѣшательство въ мексиканскія дѣла Англіи, Испаніи и Франціи съ тѣмъ, чтобы заставить мексиканское правительство выполнить свои долговыя обязательства. Императрица Евгенія со своими друзьями надѣялась возстановить авторитетъ католической церкви въ Мексикѣ, императоръ думалъ увлечь всѣ партіи націоналистической идеей войны за распространеніе латинской націи, всесильный Морни лично былъ заинтересованъ въ дѣлахъ банкира Жеккера, которому Мексика была должна 75 милліоновъ піастровъ. Но Англія и Испанія скоро отозвали свои войска, и французскій корпусъ одинъ продолжалъ при поддержкѣ клерикально-консервативной партіи ожесточенную борьбу съ Хуаресомъ и либералами.

Нападки клерикаловъ.

Но епископы продолжали открыто обличать правительство за итальянскую политику. Напрасно правительство приняло строгія мѣры противъ пастырскихъ посланій. Папа Пій IX поощрялъ сопротивленіе; епископъ Пуатье въ рѣзкой рѣчи называлъ императора Пилатомъ, человѣкомъ, прикованнымъ къ позорному столбу католическаго символа и заклейменнымъ клеймомъ богоубійцъ. Правительство тщетно пытается обуздать клерикальную оппозицію репрессіями противъ религіознаго общества св. Винцентія де-Поля.

Положеніе финансовъ.

Между тѣмъ безотвѣтственное распоряженіе финансами, громадныя затраты на внѣшнюю политику вызвали безпокойство даже въ тѣхъ дѣловыхъ кругахъ, которые усердно поддерживали императора. Чрезвычайные кредиты за семь лѣтъ перевысили уже слишкомъ два милліарда. Ежегодный дефицитъ не спускался ниже ста милліоновъ (83 милліона въ 1859, 115 въ 1860, около 200

въ 1861), неотвержденный долгъ къ 1862 году достигъ милліарда. Тревога, овладѣвшая финансистами, нашла выраженіе въ докладѣ близкаго къ императору банкира Фульда. Луи-Наполеонъ назначаетъ докладчика министромъ финансовъ. Послѣдній обязанъ былъ отнынѣ контрасигнировать всѣ финансовыя распоряженія. Особый сенатусъ-консультъ предоставлялъ право законодательному корпусу вотировать бюджетъ по 65 отдѣламъ, а не по министерствамъ, но правительство сохранило право перевода фондовъ изъ одного отдѣла въ другой и свело къ нулю финансовый контроль искуснымъ пріемомъ: съ 1862 года вмѣстѣ съ бюджетомъ обычнымъ вотируется бюджетъ чрезвычайный.

Подготовка молодой оппозиціи.

Дебаты въ законодательномъ корпусѣ оживились: оппозиціонная «Пятерка» обращалась съ трибуны прямо къ странѣ, пользуясь обсужденіемъ отвѣтнаго адреса. Постепенно на сцену общественной дѣятельности выступало молодое поколѣніе республиканской буржуазіи. Группа молодыхъ людей, по преимуществу адвокатовъ, собиралась сперва у Э. Пикара и Оливье, потомъ устроила два самостоятельныхъ кружка. Они внимательно слѣдили за преніями, постоянно занимая 18 мѣстъ, отведенныхъ для публики въ залѣ законодательнаго корпуса, и съ жаромъ обсуждали политическіе вопросы въ кофейной послѣ засѣданія. Многіе изъ нихъ нашли для себя аудиторію въ нѣсколькихъ масонскихъ ложахъ. Среди нихъ особенно выдѣлялся страстный ораторъ Леонъ Гамбетта, привлекавшій къ себѣ открытымъ характеромъ и искусной діалектикой. Основательно знакомый съ бабувистами, проштудировавшій Прудона, внимательно слѣдившій за оппозиціонной литературой молодой адвокатъ постепенно превращался въ политика, умѣвшаго сочетать внѣшнюю пылкость южанина съ холоднымъ расчетомъ дѣльца, облекать республиканскую идею въ живыя формы, учитывать соотношеніе реальныхъ фактовъ съ начертанной заранѣе директивой. Рядомъ съ нимъ Жюль Ферри, сынъ либеральнаго буржуа, тщательно изучавшій позитивную философію, знакомый съ Прудономъ, выдѣлялся своей убѣжденной враждой къ клерикализму и опредѣленными республиканскими взглядами.

Развитіе историческихъ этюдовъ.

Другіе съ любовью и тщаніемъ пересматривали исторію великой революціи. Анатоль Франсъ и Рикаръ задумывали издать энциклопедію французской революціи, чтобы корректировать республиканскую традицію, фальсифицированную реакціонными историками. Гамель приступаетъ къ основательному изученію

дѣятельности Робеспьера и С. Жюста. Каждый крупный боецъ стараго прошлаго нашелъ себѣ поклонниковъ и защитниковъ: Гамбетта восхищался Дантономъ; Тридонъ восхвалялъ Гебертистовъ, какъ представители позитивной политики дѣйствія; Верморель превозносилъ «Опытъ о деспотизмѣ» Мирабо. Людей дѣла предпочитаютъ людямъ отвлеченной доктрины. Все болѣе сказывалось различіе между идеалистами-деистами сороковыхъ годовъ и молодыми реалистами шестидесятыхъ, практичными индивидуалистами, сторонниками позитивизма и даже матеріализма. Строго реальное изслѣдованіе фактовъ экономической жизни смѣняло идеалистическій соціализмъ, и въ области литературы романтизмъ уступалъ все болѣе мѣсто методу точнаго изображенія характеровъ маленькихъ, ординарныхъ людей реализму Флобера и его молодыхъ друзей. **Реализмъ.**

Оппозиція въ Латинскомъ кварталѣ.

Главнымъ питомникомъ людей молодого направленія было парижское студенчество. Съ 1859—1863 года необычайное оживленіе овладѣваетъ Латинскимъ кварталомъ. Молодежь испытываетъ свои силы въ небольшихъ литературныхъ газеткахъ, которыя скоро никнутъ подъ ударами цензуры, такъ какъ быстро переходятъ къ обсужденію политическихъ вопросовъ.

Таковы были «Трудъ», «Впередъ», «Быть или не быть», «Безъ копейки», «Призывъ», «Заря», «Фронда», «Богема», «Діогенъ», «Будущность» и др. Въ «Трудѣ» сотрудничали будущіе дѣятели 3-й республики: Клемансо, Мелинъ, Зола. Особенно выдѣлился «Лѣвый берегъ», органъ матеріалистической и революціонной мысли, комментирующій идеи Прудона, Маркса. Здѣсь появляются язвительныя «Рѣчи Лабіена», въ изящной формѣ подъ покровомъ классическаго прошлаго, жестоко нападавшія на авторитарный режимъ. «Въ эту эпоху жилъ Лабіенъ... Странный человѣкъ съ очень оригинальнымъ характеромъ... Представьте себѣ, что онъ упорно оставался гражданиномъ въ городѣ, гдѣ всѣ превратились въ подданныхъ... «Civis Romanus sum», говоритъ онъ, и невозможно было сбить его съ этой позиціи... Это былъ одинъ изъ вредныхъ людей, которыхъ сильное правительство должно заставить трепетать, чтобы успокоить благонамѣренныхъ, и чтобы общество, непоколебимое въ своихъ основахъ, могло снова утвердиться на нихъ». Молодые поэты звучными стихами воспѣвали свое поколѣніе. Иные увлекались идеями Бланки и мечтали о возстаніи, конспираціяхъ, насильственномъ ниспроверженіи Второй имперіи. Въ кабачкахъ и кафе звучала сочиненная

Рожаромъ студенческая пѣсня: «Берегитесь, чтобъ не проснулся левъ Латинскаго квартала». Спокойное теченіе университетской жизни прерывается манифестаціями; взысканія съ вождей радикальныхъ и соціалистическихъ студенческихъ кружковъ вызываютъ безпорядки, которые иногда принуждаютъ временно прекратить занятія въ нѣсколькихъ университетахъ.

Выборы въ 1863 г.

Наступаютъ выборы 1863 года. Тактика воздержанія окончательно теряетъ почву. Старые республиканцы 48 года и группа молодыхъ дѣятелей энергично готовятся къ избирательной борьбѣ. Гарнье Пажесъ объѣзжаетъ до 60 городовъ, чтобы сблизить, объединить сторонниковъ республиканскихъ взглядовъ. Рядомъ съ республиканцами и будирующими клерикалами, недовольными итальянской политикой, формируется новая оппозиція. Нѣкоторые старые дѣятели легитимисткой и орлеанисткой партій принимаютъ присягу и выступаютъ кандидатами оппозиціи, требуя возвращенія къ парламентарному режиму и политическихъ свободъ; среди нихъ крупные ораторы: Тьеръ, Беррье.

Три оппозиціи имѣютъ одну цѣль — побить официальныхъ кандидатовъ. Общее соглашеніе оппозиціонныхъ группъ не могло состояться; ограничились лишь молчаливой взаимной поддержкой. «Собственно, нѣтъ ни легитимистовъ, ни орлеанистовъ, ни республиканцевъ, — пишетъ популярный публицистъ, — есть партія нажима и партія свободы, партія сопротивленія и партія прогресса».

Успѣхи оппозиціи.

Успѣхъ оппозиціи былъ великъ: она завоевала 35 мѣстъ, изъ нихъ 17 принадлежало республиканцамъ. Въ Парижѣ прошли только оппозиціонные кандидаты. Имперія потерпѣла пораженіе въ большихъ городахъ, но обезпечила себѣ большинство голосами крестьянъ. Префекты употребили всѣ усилія, чтобы провести официальныхъ кандидатовъ. Оппозиціонные кандидаты принуждены были заходить къ вліятельнымъ избирателямъ съ задняго хода. Иногда имъ приходилось самимъ расклеивать афиши, которыя тотчасъ же срывались сельскимъ стражникомъ. И при всемъ томъ оппозиція получила 1.954.369 голосовъ, правительство 5.308.254. Луи-Наполеонъ почувствовалъ перемѣну настроенія. Руководитель внутренней политики Персиньи получилъ отставку. Въ составъ правительства вошли орлеанистъ Бегикъ и Дюрюи, противникъ клерикализма, сторонникъ всеобщаго обученія; послѣдній тотчасъ же сталъ возстановлять дѣло народнаго просвѣщенія, разрушенное Фортулемъ. Бильо становится официальнымъ защитникомъ правительственной политики — госу-

дарственнымъ министромъ (прежде министръ безъ портфеля). По смерти его замѣщаетъ Руэръ, который скоро дѣлается главнымъ направителемъ императорской политики, «вице-королемъ», по злому замѣчанію Оливье.

Итакъ, и клерикалы и прежняя партія порядка среди буржуазіи обращаются противъ имперіи. Въ этотъ моментъ пробуждается самостоятельная оппозиція и среди рабочаго класса.

Рабочій классъ.

Несмотря на разгромъ 50-хъ годовъ, въ рабочихъ кругахъ удержалась идея демократической и соціальной республики. Эта традиція долго и своеобразно питала тайные кружки и карбонарскія организаціи. Новый подъемъ явился послѣ грандіознаго роста французской индустріи въ 1850—1860 гг. Сила пара, преобразованіе техники способствуютъ быстрому развитію металлургическаго производства, горнаго дѣла, текстильной промышленности, сахарозаводства. Съ 1845 г. по 1865 г. общая цѣнность промышленнаго производства удвоилась. Одновременно происходитъ усиленная концентрація промышленности. Тяга изъ деревни въ городъ растетъ: сельское населеніе приливаетъ въ крупные центры. Обширныя общественныя работы требуютъ массы рабочихъ рукъ. Населеніе прогрессивно уменьшается въ департаментахъ и быстро растетъ въ городахъ.

Ростъ капитализма.

Интенсивный ростъ капиталистическаго производства сказывается въ повышеніи квартирныхъ цѣнъ, дороговизнѣ съѣстныхъ продуктовъ. Заработная плата повысилась въ большинствѣ производствъ отъ 10 до 40%, цѣна фабрикатовъ поднялась на 15%, сельскихъ продуктовъ на 67%. Цѣна говядины выросла къ 1857 г. на 25% въ городахъ. Въ Парижѣ всѣ съѣстные продукты подорожали на 55% къ 1863 г., квартирная плата повысилась на 70%. Недовольство матеріальнымъ положеніемъ все болѣе проникало въ рабочія массы, обостряясь послѣ неурожаевъ и доходя иногда до вспышекъ голоднаго бунта. Неминуемо, свидѣтельствуютъ донесенія прокуроровъ, должно было наступить столкновеніе между интересами работодателей и непрерывно растущаго пролетаріата. Зловѣщимъ симптомомъ былъ штрафной кодексъ, принятый на многихъ фабрикахъ.

Организація рабочаго класса.

Парижскіе рабочіе долгое время были заняты идеей корпоративной организаціи и осуществленія права на трудъ. Наконецъ правительство Луи-Наполеона, долгое время преслѣдовавшее рабочіе союзы, само вступаетъ на путь организаціи рабочихъ, желая создать противовѣсъ республиканской буржуазіи и фрон-

дирующимъ протекціонистамъ. Въ Пале-Роялѣ при дѣятельномъ участіи либеральнаго принца Жерома Наполеона собирается кружокъ рабочихъ, которые враждебно относятся къ хозяевамъ и ждутъ соціальныхъ реформъ отъ императора. Принцъ Наполеонъ добился отъ правительства разрѣшенія рабочимъ выбрать делегатовъ для поѣздки на лондонскую выставку 1861 г. Создалась офиціальная организаціонная комиссія. Тогда молодой чеканщикъ, Толэнъ, энергично потребовалъ предоставить организацію поѣздки самимъ рабочимъ: «есть лишь одно средство — сказать намъ: организуйтесь, занимайтесь сами своими дѣлами, мы не будемъ вмѣшиваться». 200 делегатовъ отправились въ Лондонъ. Оттуда большинство вернулось, проникнутое горячимъ желаніемъ улучшить положеніе своихъ собратьевъ, значительно уступавшее положенію англійскихъ рабочихъ. Делегаты ознакомились съ дѣятельностью англійскихъ тредъ-юніоновъ, и на общихъ митингахъ выросла мысль объединить рабочихъ всѣхъ національностей. Расколъ между рабочими-бонапартистами и рабочими, сторонниками самостоятельнаго развитія, обостряется. Послѣдніе выставляютъ самостоятельныя рабочія кандидатуры Толена, Блана и Кутона на выборахъ 1863 года. Душа движенія Толэнъ указывалъ, что такое выступленіе рабочихъ—продолженіе соціальныхъ идей 1848 г. На дополнительныхъ выборахъ 1867 года въ особомъ манифестѣ 60-ти авторы требуютъ отъ либеральной и радикальной буржуазіи признанія рабочихъ кандидатуръ, дабы подкрѣпить дѣятельность либеральной оппозиціи и достигнуть необходимаго минимума соціальныхъ реформъ. Несмотря на возраженія, поднявшіяся въ рабочей средѣ противъ дробленія оппозиціи, неутомимый Толэнъ снова выставляетъ свою кандидатуру. Онъ собралъ всего 424 голоса, но выступленіе рабочихъ обратило вниманіе либеральной оппозиціи. Рядъ публицистовъ занимается разработкой соціальнаго вопроса, организуются народныя библіотеки, появляются дешевыя изданія для народа («Національная библіотека», «Полезная библіотека»). Въ то же время развивается кооперативное движеніе. Правительство, продолжая заискивать предъ рабочимъ классомъ, до сихъ поръ амнистировало осуждаемыхъ стачечниковъ, теперь отмѣняетъ старый законъ, сурово каравшій за стачки. Между тѣмъ непрерывныя сношенія англійскихъ рабочихъ съ французскими привели къ образованію Международнаго союза рабочихъ (Интернаціонала [1]):

Поѣздка на Лондонскую выставку.

Рабочія кандидатуры.

„Интернаціоналъ“.

[1]) Объ Интернаціоналѣ см. статью Борового.

Послѣдняя надежда императора привлечь къ себѣ рабочій классъ рушилась...

Неудачи внѣшней политики.

Авторитетъ въ европейскомъ концертѣ державъ падалъ вслѣдствіе нерѣшительной политики полумѣръ, не согласованной съ словесными выступленіями. Громко порицая трактаты 1815 года и приглашая преобразовать Европу по принципу самоопредѣленія національностей и естественныхъ границъ, императоръ останавливается на полдорогѣ, опасаясь вызвать европейскую войну. Попытка созвать новый конгрессъ не встрѣтила сочувствія державъ. Между тѣмъ колоніальная политика Франціи раздражала Англію, вмѣшательство въ польскія дѣла охладило отношенія съ Россіей, Соединенные Штаты были недовольны мексиканской экспедиціей, Австрія злобилась за помощь Италіи, Италія недовольна была поддержкой, оказываемой папѣ Пію IX, папа недоволенъ слабой защитой его интересовъ.

Война въ Мексикѣ.

А война съ либералами въ Мексикѣ разгоралась все больше и уносила много и людей и денегъ. Императоръ рѣшилъ возстановить въ Мексикѣ католическую монархію и предложилъ австрійскому эрцгерцогу Максимиліану, зятю бельгійскаго короля и брату Франца-Іосифа, мексиканскій императорскій престолъ. Большой экспедиціонный корпусъ французскихъ войскъ овладѣлъ частью Мексики. Максимиліанъ прибылъ въ пожалованное ему государство, короновался въ столицѣ, но вскорѣ почувствовалъ себя безсильнымъ между клерикальными консерваторами и умѣренными либералами, къ тому же въ жалкой зависимости отъ французскаго главнокомандующаго Базена. Хуаресъ во главѣ патріотовъ продолжалъ энергично борьбу за независимость родной страны. Громадныя затраты на мексиканскую экспедицію вызвали жестокія нападки оппозиціи. Тьеръ въ сильной рѣчи указалъ, что мексиканская экспедиція ежемѣсячно поглощаетъ 14 милліоновъ и удерживаетъ за моремъ сорокъ тысячъ солдатъ, совѣтовалъ убѣдить Максимиліана не принимать короны, предлагалъ начать переговоры съ Хуаресомъ. Но послушное большинство поддержало Руэра, который призывалъ вѣрить въ великое будущее Мексики и предусмотрительный геній императора.

Пассивное отношеніе къ датской войнѣ.

Занятое мексиканскимъ вопросомъ правительство Луи-Наполеона не могло предупредить войну Австріи и Пруссіи съ Даніей, ограничившись лишь дипломатическими нотами. Новая попытка примирить Пія IX съ Италіей также не увѣнчалась успѣхомъ. Раздраженный папа обнародовалъ энциклику «Quanta cura», въ

которой рѣзко провозглашалось, что свѣтское общество организовано на ложныхъ началахъ и должно быть перестроено на основанiи незыблемаго авторитета католической церкви; къ энцикликѣ былъ приложенъ силлабусъ, каталогъ заблужденiй, осужденныхъ римской церковью, объявлявшiй проклятiе свободной философiи, свободной наукѣ, свободѣ вѣроисповѣданiй, свободѣ совѣсти. Тогда императоръ сближается съ Пруссiей: на свиданiи въ Бiаррицѣ Бисмаркъ домогается нейтралитета Францiи въ случаѣ войны съ Австрiей; онъ убѣждаетъ Луи-Наполеона, что при видоизмѣненiи германскаго союза Францiя можетъ разсчитывать на территорiальныя приращенiя, добивается согласiя на союзъ Пруссiи съ Италiей, которой должна быть возвращена Венецiя.

Между тѣмъ оппозицiя все рѣзче и рѣзче нападала на правительственную политику: ораторы ея не стѣснялись называть событiе 2 декабря преступленiемъ и требовали болѣе тщательнаго контроля надъ бюджетомъ.

„Средняя партiя“.

Складывается такъ называемая «средняя партiя» (tiers-parti) изъ оппозицiонно-настроенныхъ членовъ правительственнаго большинства и честолюбивыхъ депутатовъ лѣвой, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ Эмиль Оливье. Онъ давно прокладывалъ себѣ дорогу къ сближенiю съ Наполеономъ черезъ Морни, а послѣ его смерти черезъ дипломата Валевскаго и принца Жерома Наполеона: въ своихъ рѣчахъ онъ обѣщалъ свою поддержку императору, который возьметъ на себя смѣлую инициативу прiученiя народа къ свободѣ, съ готовностью выступалъ докладчикомъ правительственныхъ законопроектовъ, подчеркивалъ свое желанiе связать демократiю и свободу посредствомъ сильной нацiональной власти.

При обсужденiи отвѣтнаго адреса 1866 года, новая партiя внесла за подписью 45 поправку, которая «повергала къ подножiю престола пожеланiе, чтобы его величество далъ великому акту 1860 года надлежащее дальнѣйшее развитiе». Но императоръ колебался. Либеральное влiянiе Валевскаго и принца Наполеона не осилило еще реакцiоннаго давленiя кружка камарильи, во главѣ котораго стоялъ Руэръ.

Отношенiе къ австро-прусской войнѣ.

Обострявшiяся отношенiя Пруссiи и Австрiи вызвали энергичное выступленiе Тьера. Онъ разоблачалъ алчность прусской политики, беззастѣнчивое использованiе права силы въ датскомъ вопросѣ и въ предстоящей борьбѣ съ Австрiей предрекалъ въ случаѣ побѣды Пруссiи возстановленiе имперiи Карла V, опасное

для европейскаго равновѣсія, требовалъ энергичнаго вмѣшательства Франціи. Но и либеральная оппозиція и республиканцы сочувствовали объединенію Германіи; лишь маленькая кучка соціалистическихъ публицистовъ и республиканской молодежи и интернаціоналъ попытались протестовать противъ войны. Неожиданный быстрый разгромъ Австріи и ея германскихъ союзниковъ засталъ положительно врасплохъ правительство Луи-Наполеона. Вооруженное посредничество въ виду незаконченной мексиканской экспедиціи было невозможно. Между тѣмъ общественное настроеніе рѣзко измѣнилось: различныя партіи и группы требовали выступленія противъ Пруссіи. Луи-Наполеонъ попытался получить вознагражденіе за нейтралитетъ путемъ дипломатическихъ выступленій. Но требованіе уступки Майнца и части лѣваго берега Рейна встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Бисмарка. Равно не удалось добиться и уступки Люксембурга. Приходилось ликвидировать мексиканскія дѣла: французскія войска покинули Мексику, и вслѣдъ за тѣмъ императоръ Максиміліанъ былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Внѣшнему авторитету Франціи былъ нанесенъ непоправимый ударъ: Пруссія не стѣснялась рѣзко возражать на французскія ноты. Наполеонъ начинаетъ искать сближенія съ Австріей. Еще не сблизившись съ Австріей, окончательно оттолкнули Италію: когда Гарибальди попытался овладѣть Римомъ, то былъ разбитъ при Ментанѣ французскими войсками, посланными для защиты свѣтской власти Пія IX, и Руэръ торжественно заявилъ, что «Италія никогда не овладѣетъ Римомъ».

Крахъ внѣшней политики.

Такимъ образомъ, политика «освобожденія національностей» привела къ полному краху и къ потерѣ прежней роли въ Европѣ. Луи-Наполеонъ не могъ скрыть своего огорченія: «Черныя точки,— сказалъ онъ въ публичной рѣчи, — появились на нашемъ горизонтѣ». Правда, Руэръ утѣшалъ большинство законодательнаго корпуса, что прежній германскій союзъ послѣ побѣды Пруссіи «распался на три обломка, которые никогда не соединятся». Но какъ бы въ отвѣтъ на это Бисмаркъ обнародовалъ военную конвенцію, заключенную между сѣверо-германскимъ союзомъ и южными государствами, которая отдавала всѣ военныя силы Германіи въ случаѣ войны подъ команду прусскаго короля.

Недовольство въ странѣ.

Недовольство растетъ: боятся войны, революціи, капиталисты боятся помѣщать деньги въ предпріятія: болѣе милліарда внесено вкладовъ въ банки. «Куда ни посмотришь, — писалъ въ секретномъ докладѣ префектъ полиціи Піетри, — повсюду на-

талкиваешься на искреннее безпокойство или недовѣріе, внушаемое пылкою враждою. Дѣятельная часть общества болѣе рѣзко, чѣмъ когда-либо прежде, высказываетъ свою радикальную и систематическую оппозицію... Она повторяетъ, что внѣшнему престижу имперіи нанесенъ ударъ и что такой же ударъ нанесенъ и гарантіямъ, которыя она давала общественному порядку». Императоръ тщетно надѣется согласить Руэра и Оливье; Руэръ противится всякимъ послабленіямъ режима и организуетъ кружокъ противниковъ реформъ, такъ называемый «Аркадскій». Среди колебаній Луи-Наполеонъ рѣшается еще на уступки: отказывается отъ трехмѣсячнаго срока сессій законодательнаго корпуса, назначаетъ жалованье депутатамъ.

Республиканская оппозиція мало-по-малу дифференцируется: отъ нея отмежевывается группа молодыхъ республиканцевъ-соціалистовъ, выдвигающая на первый планъ соціальный вопросъ; въ то же время члены французской группы Интернаціонала ведутъ дѣятельную пропаганду своихъ идей. Стачки растутъ и принимаютъ болѣе рѣзкій характеръ. Раздраженное республиканскими взглядами, развитыми членами Интернаціонала на второмъ конгрессѣ, правительство вступаетъ въ борьбу съ французской секціей и послѣдовательно дважды привлекаетъ членовъ ея къ суду.

Новыя уступки правительства.

Усталый и больной Луи-Наполеонъ все болѣе склоняется на сторону либеральной группы придворной камарильи: новый законъ о печати (1868 г.) освобождалъ печать отъ предварительнаго разрѣшенія и отъ системы предостереженій и подчинялъ её юрисдикціи исправительнаго суда; законъ о собраніяхъ разрѣшалъ публичныя собранія подъ надзоромъ полицейскаго комиссара въ закрытомъ помѣщеніи въ силу одного лишь заявленія; спеціальныя разрѣшенія необходимы были лишь для собраній политическихъ и религіозныхъ.

Оппозиціонная журналистика. Рошфоръ.

Еще одна брешь открылась въ авторитетномъ режимѣ, но общественное раздраженіе уже настолько было велико, что и этой бреши оказалось достаточно для того, чтобы создать общее оппозиціонное движеніе. Быстро основываются открыто-оппозиціонные журналы: умѣренно-республиканскій «Выборщикъ», болѣе радикальные «Политическое пробужденіе» и «Трибуна», антиклерикальная и радикальная «Демократія» и открыто-революціонный «Пробужденіе» Делеклюза. Но всѣ эти газеты затмила газета-памфлетъ Рошфора «Фонарь», ѣдко и злобно высмѣивавшій не

только авторитарный режимъ, но издѣвавшійся надъ самой личностью Луи-Наполеона и его семьи. Несмотря на всѣ репрессіи, запрещенный во Франціи «Фонарь» контрабандой проникалъ изъ-за границы, то внутри выписныхъ бюстовъ императора, то подъ брюхомъ перегоняемыхъ черезъ границу густо-шерстыхъ барановъ. Серьезная книга Тэна «Парижъ въ декабрѣ 1851 года» напомнила о забытыхъ борцахъ декабря. Республиканцы отыскиваютъ могилу Бодэна, погибшаго на баррикадѣ, и открываютъ въ газетахъ подписку на его памятникъ. Правительство поспѣшило привлечь къ суду редакторовъ. Гамбетта, бывшій въ числѣ защитниковъ, произнесъ грозную рѣчь, превратившуюся въ настоящій обвинительный актъ противъ организаторовъ переворота 2 декабря: «Прошло уже семнадцать лѣтъ,—говорилъ онъ,—а правительство попрежнему старается воспретить обсужденіе этихъ фактовъ, но это ему не удастся. Этотъ процессъ судили вчера, его будутъ судить завтра, будутъ судить всегда или общественная совѣсть не получитъ высшаго удовлетворенія. Въ теченіе семнадцати лѣтъ вы, произвольные, неотвѣтственные властелины Франціи, не смѣли ни разу праздновать 2 декабря въ качествѣ національной годовщины; мы беремъ себѣ эту годовщину»... Обвиняемые были осуждены, но общество привѣтствовало смѣлую рѣчь Гамбетты, воспроизведенную газетами въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Краснорѣчивый защитникъ сразу занялъ мѣсто первокласснаго политическаго оратора. Памфлеты Рошфора дѣлали Вторую имперію смѣшной, рѣчь Гамбетты — ненавистной.

Дѣло о подпискѣ на памятникъ Бодэну.

Оппозиціонная агитація.

Законъ о собраніяхъ вызываетъ въ залѣ вокзала, въ парижскихъ предмѣстьяхъ цѣлый рядъ публичныхъ собесѣдованій, посвященныхъ соціальному вопросу. Въ оживленныхъ преніяхъ мѣрились силами выдающіеся экономисты и крупные рабочіе дѣятели. Аудиторія проявляла явную вражду къ католической церкви и имперіи. Выдвигаются молодые талантливые ораторы, которые потомъ играли видную роль въ революціонной оппозиціи.

Правительство, надѣявшееся, что «красный призракъ» вновь испугаетъ буржуазію, принуждено было прибѣгнуть къ репрессіямъ: 118 процессовъ по дѣламъ печати были вчинены за 13 мѣсяцевъ.

Гораздо медленнѣе развивалось оппозиціонное движеніе въ провинціи, гдѣ и пресса и общество находилось подъ опекой всевластнаго префекта, хотя въ большихъ городахъ республиканская идея дѣлала постепенно успѣхи.

Правящіе круги.

Тѣмъ энергичнѣе ведутъ свою агитацію въ рабочихъ кругахъ интернаціоналисты, пользуясь уже существующими, съ разрѣшенія правительства, организаціями. Ни преслѣдованія, ни расколъ между прудонистами и коллективистами не ослабляютъ энергіи пропагандистовъ: хладнокровнаго, убѣжденнаго Малона, пылкаго А. Ришара, блестящаго оратора-самоучки Варлена, искусныхъ организаторовъ Толена, Обри, Бастелика.

Вышедшій изъ тюремнаго заключенія старый бунтарь Бланки неутомимо вербуетъ сторонниковъ и жаждетъ момента для того, чтобы поднять возстаніе.

Тѣмъ разительнѣе разладъ въ средѣ правящаго кружка. Больной, усталый, разочарованный неудачами Луи-Наполеонъ, предвидя близкую смерть, предназначаетъ регентство императрицѣ, что еще болѣе усиливаетъ ея вліяніе. Старые крупные члены камарильи уходятъ, а новыхъ талантовъ примыкаетъ мало: умерли Бильо, Морни, Фульдъ, Валевскій; примкнулъ Оливье, еще три-четыре человѣка. Но и въ этомъ замкнутомъ кругѣ нѣтъ единенія: Персиньи соперничаетъ съ Руэромъ, Руэръ сперва съ Валевскимъ, потомъ съ Оливье, даже Мопа играетъ въ либеральную оппозицію.

Выборы 1869 года.

Близятся выборы 1869 года. Обѣ стороны готовятся къ ожесточенной борьбѣ. Кандидаты правительства въ Парижѣ, уступая духу времени, называли себя либеральными консерваторами, префекты готовились оказать обычное давленіе на избирателей; правительство снова пыталось напугать буржуазію провокаціей «краснаго призрака»: въ Парижѣ появились подозрительныя бѣлыя блузы на бульварахъ, тамъ, гдѣ не было полиціи, при революціонныхъ крикахъ безуспѣшно возбуждавшія строить баррикады.

Среди республиканской оппозиціи люди 48 года «сухіе фрукты» теряютъ свой авторитетъ. Молодежь упрекаетъ ихъ въ умѣренности, въ сопротивленіи соціальнымъ реформамъ, диктаторскихъ замашкахъ. Имъ противопоставляются новые люди, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ Гамбетта, Ферри, Рошфоръ. Гамбетта объявляетъ себя «непримиримымъ» и принимаетъ отъ своихъ избирателей наказъ съ радикальной программой, въ которой, между прочимъ, значится отвѣтственность чиновниковъ, свобода сходокъ и союзовъ, отдѣленіе церкви отъ государства, уничтоженіе постоянной арміи; соціальныя реформы оговорены очень обще и подчинены политическимъ. Выставлены были и самостоятель-

ныя рабочія кандидатуры, но нашли вновь мало сочувствія въ виду разногласія по вопросу о тактикѣ среди крупныхъ дѣятелей рабочаго класса. Выборы окончились огромнымъ успѣхомъ оппозиціи: правительство получило 4.438.000 голосовъ, оппозиція 3.355.000. Либеральный союзъ пріобрѣлъ 40 мѣстъ, республиканцы — 30. Число оппозиціонныхъ депутатовъ достигло одной трети законодательнаго корпуса.

Запросъ 116-ти.

Съ открытіемъ сессіи 116 депутатовъ средней партіи предъявили запросъ о необходимости удовлетворить страну, предоставивши ей болѣе дѣятельное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Луи-Наполеонъ обѣщалъ расширить сферу дѣятельности законодательнаго корпуса. Тщетно Руэръ старался оттянуть исполненіе обѣщанія: онъ долженъ былъ уйти и уступить мѣсто дѣловому министерству. Сенатусъ-консультъ 6 сентября предоставлялъ автономію законодательному корпусу, давалъ ему право избирать бюро, составлять регламентъ, право законодательной инициативы. Засѣданія сената дѣлались публичными, должность государственнаго министра уничтожалась, министры признавались отвѣтственными, но зависимыми отъ императора. Возбужденіе въ обществѣ возрастаетъ: на дополнительныхъ выборахъ въ Парижѣ проходитъ въ депутаты Рошфоръ. Обостряется стачечное движеніе при поддержкѣ интернаціоналистовъ. Но лишь послѣ долгой отсрочки, крайне раздражавшей оппозицію, открывается законодательная сессія. Наконецъ Луи-Наполеонъ, преодолѣвъ обычныя колебанія, обращается къ Эмилю Оливье съ предложеніемъ составить кабинетъ; Эмиль Оливье сумѣлъ согласить правый (средняя партія) и лѣвый (орлеанисты) центры, располагавшіе подавляющимъ большинствомъ въ законодательномъ корпусѣ, и организовать министерство изъ членовъ этихъ двухъ фракцій (2 января 1870). Такъ сложилось почти парламентское министерство: президента совѣта министровъ нѣтъ, и министры не несутъ полной отвѣтственности.

Министерство Эмиля Оливье.

Лѣвая, предводимая Гамбеттой, осталась враждебна Эмилю Оливье. Гамбетта заявилъ: «въ нашихъ глазахъ всеобщее голосованіе не совмѣстимо съ представляемой вами формой правленія... Между республикой 48 года и республикой будущаго вы только мостикъ, и мы его перейдемъ»... Примиреніе еще болѣе затруднилось послѣ того, какъ Эмиль Оливье выработалъ измѣненіе конституирующихъ функцій сената, но этотъ послѣдній, подъ вліяніемъ Руэра, недовольный значеніемъ законодательнаго корпуса,

предложилъ всю реформу подвергнуть плебисциту, предоставивъ это право императору и на будущее время.

Убійство Виктора Наура.

Черезъ нѣсколько дней двоюродный братъ императора, принцъ Пьеръ Наполеонъ Бонапартъ, застрѣлилъ молодого журналиста, Виктора Нуара, который явился къ нему въ качествѣ секунданта. Убійство вызвало страшный взрывъ негодованія. Рошфоръ въ своей газетѣ «Марсельеза» писалъ: «Восемнадцать лѣтъ Франція находится въ окровавленныхъ рукахъ этихъ разбойниковъ, которые, не довольствуясь разстрѣломъ республиканцевъ, завлекаютъ ихъ въ гнусныя западни, чтобы убивать на дому. Французскій народъ! неужели ты все еще не находишь, что долѣе терпѣть нельзя?» 200.000 человѣкъ сопровождали тѣло убитаго на кладбище. Рошфоръ и сотрудники «Марсельезы» были арестованы. Флурансъ попытался поднять возстаніе на улицахъ Парижа. Напечатанное въ газетахъ воззваніе 10 членовъ Интернаціонала многозначительными словами призывало къ спокойствію: «Моральная революція уже совершилась... Можно сказать, что мы находимся у порога революціи... Революція идетъ широкими шагами, не станемъ же загромождать ея дорогу нетерпѣніемъ»...

Конституція 1870 г. „Парламентарная“ имперія.

Сенатъ-консультъ 20 апрѣля 1870 г., иначе конституція 1870 г., превращалъ законодательный корпусъ въ парламентскую палату, сенатъ — въ верхнюю палату, члены которой назначаются императоромъ. Законопроекты подготовляются государственнымъ совѣтомъ и проходятъ чрезъ обѣ палаты, которыя, однако, имѣютъ законодательную инициативу. Но попрежнему остались официальныя кандидатуры, произвольныя опредѣленія избирательныхъ округовъ, право императора объявлять войну и заключать миръ; неполная отвѣтственность министровъ. Учредительная власть оставлялась за народомъ и императоромъ. Такъ оригинально соединились формы парламентаризма съ старымъ автократическимъ режимомъ.

Оливье принялъ энергичныя мѣры, чтобы провести конституцію, и предложилъ префектамъ «дать почувствовать руку правительства, уважая свободу». Несмотря на агитацію крайнихъ республиканцевъ и интернаціоналистовъ, 7.358.786 отвѣтили утвердительно, 1.571.939 отрицательно, 1.894.681 воздержались. Луи-Наполеонъ почувствовалъ себя спокойнымъ за будущее династіи, и въ министерство вошли вмѣсто депутатовъ лѣваго центра креатуры императора: герцогъ Граммонъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Сегрисъ и Плишонъ. Теперь правительство кажется са-

мому себѣ всесильнымъ, тѣмъ болѣе, что республиканская лѣвая раскалывается на двѣ группы: умѣренную или открытую, которая хочетъ оставить открытымъ доступъ для недовольныхъ монархистовъ, чтобы увеличить оппозицію, и закрытую, которая считаетъ несовмѣстимыми демократію и имперію. Правительство обрушивается на Интернаціоналъ, поддерживающій стачки: создается третій процессъ французской секціи Интернаціонала. Между тѣмъ консервативная фракція придворной камарильи съ императрицей во главѣ, напуганная ростомъ оппозиціоннаго настроенія, ищетъ войны, чтобы славой побѣдъ обезпечить престолъ наслѣдному принцу. «Война,—по словамъ Одиллона Барро,—стала династическою необходимостью». Случай скоро представился. Въ іюлѣ 1870 г. предложеніе испанской короны принцу Леопольду Гогенцоллерну вызвало протестъ Франціи. Принцъ снялъ свою кандидатуру, но герцогъ де-Граммонъ потребовалъ отъ прусскаго короля гарантіи для будущаго. Король отказалъ. Бисмаркъ въ знаменитой Эмской депешѣ опубликовалъ содержаніе отвѣта короля въ краткомъ и рѣзкомъ изложеніи. Тогда французское правительство заявило, что Пруссія оскорбила Францію, и потребовало отъ законодательнаго корпуса кредитовъ на войну. Напрасно Тьеръ указывалъ, что нѣтъ необходимости придавать значеніе формальностямъ въ виду отказа принца отъ испанскаго престола, напрасно республиканскіе ораторы съ Гамбеттой во главѣ требовали опубликованія дипломатической переписки. За войну было большинство. Эмиль Оливье воскликнулъ, что объявляетъ войну съ легкимъ сердцемъ и принимаетъ на себя всю отвѣтственность. Военный министръ, маршалъ Лебёфъ, заявилъ: «Мы архиготовы. Если война продлится годъ, и то не было бы нехватки ни въ одной пуговицѣ на гамашѣ солдата». Дѣйствительность показала иное... Франція попыталась было обезпечить себѣ помощь Австріи и Италіи, но первая была не готова, а вторая потребовала отозванія французскаго корпуса изъ Рима. Вся Германія встала на сторону Пруссіи, и вскорѣ французская армія потерпѣла пораженія при Виссенбургѣ, Фрешвиллерѣ, Шпихернѣ.

Война съ Пруссіей.

Несмотря на похвальбу Лебёфа, правительство не сумѣло ни организовать арміи, ни провести толково мобилизацію. Военный законъ 1868 года, внесенный Ніелемъ, хотя и организовалъ регулярную армію и предполагалъ образованіе національной гвардіи, но послѣдняя не была организована, и впервые призвана лишь на войну 1870 года. Во главѣ арміи стояли люди неспособные или

заурядные карьеристы. Генералы отличались личной храбростью, нѣкоторые и образованіемъ, но не имѣли понятія объ основныхъ тактическихъ пріемахъ, не умѣли пользоваться кавалеріей, поддерживать товарищей. Вѣрные слуги эгоистическаго авторитарнаго режима, они неспособны были проникнуться національной солидарностью. Артиллерія сильно отстала отъ успѣховъ военной техники; крѣпости были не подготовлены къ обстрѣлу изъ тяжелыхъ орудій; интендантское, санитарное дѣло находились въ хаотическомъ состояніи. Къ тому же самъ императоръ, больной и состарившійся, считалъ себя великимъ стратегомъ и сопровождалъ войско. При извѣстіи о пораженіяхъ законодательный корпусъ выразилъ недовѣріе министерству Эмиля Оливье, и оно подало въ отставку.

Министерство графа Паликао.

Законодательный корпусъ объявилъ себя засѣдающимъ непрерывно, а императрица-регентша поручила составить министерство старому генералу Кузену-Монтобану, графу Паликао, отличившемуся въ войнѣ съ Китаемъ. Рѣшено было мобилизовать національную гвардію, вручить главное командованіе маршалу Базену. Луи-Наполеонъ хотѣлъ было вернуться въ Парижъ, но и императрица и министры отсовѣтовали, боясь паденія династіи. Вскорѣ послѣ пораженія при Базейлѣ императоръ вмѣстѣ съ арміей маршала Макъ-Магона принужденъ былъ капитулировать въ Седанѣ. Тогда 3 сентября, во время ночного засѣданія законодательнаго корпуса, Жюль Фавръ предложилъ отъ лица 27 депутатовъ объявить Луи-Наполеона и его династію лишенными власти и выбрать комиссію національной обороны.

Революція 4 сентября.

На другой день 4 сентября министерство предложило назначить правительственный совѣтъ національной обороны подъ предсѣдательствомъ графа Паликао. Тьеръ отъ имени 47 депутатовъ внесъ предложеніе назначить правительственную комиссію и комиссію національной обороны и созвать учредительное собраніе, когда позволятъ обстоятельства.

Возбужденіе въ Парижѣ росло (уже въ августѣ Бланки сдѣлалъ безуспѣшную попытку захватить казармы Виллетъ). Пока въ законодательномъ корпусѣ шли пренія, громадная толпа въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ наполнила всю площадь и набережную, часть ея при поддержкѣ національной гвардіи проникла въ залу засѣданій. Засѣданіе прерывается. Тогда Гамбетта въ виду громкихъ требованій провозгласить республику объявляетъ,

что Луи-Наполеонъ Бонапартъ и его династія навсегда перестали царствовать во Франціи. Депутаты лѣвой съ Гамбеттой и Жюлемъ Фавромъ во главѣ направляются въ городскую думу, гдѣ и была провозглашена республика, и членами временнаго правительства посредствомъ акклимаціи признаны депутаты отъ Парижа вмѣстѣ съ генераломъ Трошю, военнымъ губернаторомъ Парижа. Императрица бѣжала въ Англію. Вторая имперія отошла въ вѣчность, но многострадальной Франціи предстояли еще тяжелыя испытанія борьбы съ вторгнувшимся непріятелемъ и ужасы междоусобной войны.

Провозглашеніе республики.

А. Васютинскій.

Паденіе Второй имперіи и гражданская война во Франціи 1870—71 гг.

I.

Военный разгромъ Второй имперіи.

3 сентября 1870 г. надъ Франціей разразился страшный ударъ. Въ Парижѣ была получена вѣсть о Седанскомъ пораженіи.

Капитуляція 80.000 французской арміи съ Наполеономъ III во главѣ была событіемъ тѣмъ болѣе ошеломляющимъ, чѣмъ болѣе заносчиво выступало императорское правительство въ началѣ войны. Оно завѣряло народъ въ полной своей боевой готовности; оно сулило Франціи самыя блестящія побѣды. «Мы готовы. Мы болѣе готовы, чѣмъ когда - нибудь, — заявлялъ маршалъ Лебефъ въ Законодательномъ Корпусѣ, — и, если бы война продлилась цѣлый годъ, у насъ и тогда хватило бы всего — до послѣдней пуговицы на гетрахъ». — «Однако есть ли у нашихъ офицеровъ хорошія карты?» освѣдомился кто-то изъ членовъ высокаго собранія. «Карты? Конечно! — отвѣтилъ маршалъ. — Вы видите — моя при мнѣ!..» При этомъ эффектнымъ жестомъ онъ указалъ на свою шпагу. «Все это хорошо, — нерѣшительно замѣтилъ кто-то, — но вѣдь противъ насъ прусская армія подъ командою самого Мольтке»... — «Прусская армія?! — презрительно воскликнулъ маршалъ.—Прусскую армію я отрицаю»... Подобныя фразы встрѣчались бурными кликами патріотическаго восторга. Мини-

Пособія: *К. Марксъ.* Гражданская война во Франціи (нѣск. изд.). *Лиссагарэ.* Исторія коммуны 1871 г. (нѣск. изд.). *Луиза Мишель.* Коммуна. М. 1907. *Арну.* Народная исторія парижской коммуны (безъ года). *П. Луи.* Исторія соціализма во Франціи. М. 1906. *Вейль.* Исторія соціальнаго движенія во Франціи. М. 1906. *Дюбрейль.* Коммуна въ 1871 г. СПБ. 1908. *Hanotaux.* Histoire de la France. contemporaine, v. I. *Maxime du Camp.* Les convulsions de Paris. 1878—79. *G. du Costa.* La commune' vecue (1900—1905). *J. Claretie.* Histoire de la révolution de 1870—71. *V. Mecrheimb*. Geschichte des Pariser Commune. 1880 и др.

стерство иностранныхъ дѣлъ многозначительно намекало, что на защиту интересовъ Франціи могутъ выступить Австрія, Италія, Данія и даже южныя германскія государства. Бонапартисты бились о закладъ, что день именинъ императора — 15 августа — они будутъ праздновать, уже прійдя въ Берлинъ... «Въ Берлинъ!» вопила подкупная патріотическая пресса. «Въ Берлинъ!» вторили ей толпы какихъ-то подозрительныхъ манифестантовъ на бульварахъ и площадяхъ, — и звуки недавно еще запретной марсельезы и «Chant du départ» еще болѣе возбуждали это воинственное воодушевленіе.

И что же оказалось? Боевая готовность Франціи выразилась въ недостаткѣ денегъ, провіанта, оружія и даже крѣпостей. Шпаги храбрецовъ изъ генеральнаго штаба, конечно, не могли замѣнить великолѣпныхъ картъ, которыми пользовались нѣмецкіе офицеры, — и случай съ генераломъ Мишель, который, явившись на мѣсто дѣйствія, не зналъ, гдѣ его бригада, гдѣ его дивизія, гдѣ, наконецъ, онъ самъ, и отчаянно взывалъ по телеграфу къ военному министру, умоляя объяснить, куда онъ попалъ, — былъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ эпизодомъ. Прусская армія — эта несуществующая величина въ глазахъ Лебефа — оказалась слишкомъ реальной силой при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ ней, близъ Виссенбурга, — и французскіе генералы, которые совсѣмъ было собрались попировать на именинахъ императора въ Берлинѣ, должны были горько пожалѣть о томъ, что поспѣшили взять съ собой своихъ женъ и кухарокъ, дѣтей и кормилицъ, мѣшавшихъ имъ бѣжать налегкѣ куда-нибудь въ Страсcбургъ или на Шалонь... Воинственный пылъ бонапартистовъ Сената и Законодательнаго Корпуса смѣнился жалкой растерянностью; манифестаціи наемныхъ патріотовъ прекратились, — и, когда 3 сентября Парижъ узналъ о Седанѣ, только одинъ крикъ, — крикъ негодованія и мести за позоръ великой націи раздавался на улицахъ, бульварахъ,—вездѣ, гдѣ толпился возмущенный народъ.

Провозглашеніе республики.

Парижу некогда было разсуждать. Нужно было дѣйствовать, чтобы спасти Францію отъ неслыханнаго униженія. Завѣтное слово — «республика» было у всѣхъ на устахъ. Оно звучало, какъ заклинаніе, взывающее къ греческому прошлому. Другое волшебное слово было — «низложеніе»: едва оно было произнесено, какъ стало совершившимся фактомъ. Вторая имперія рухнула. Императрица бѣжала. Въ Парижѣ провозглашено было пра-

вительство Національной обороны, въ составъ котораго вошли депутаты отъ Парижа, засѣдавшіе въ Законодательномъ Корпусѣ.

Столь быстрое паденіе имперіи на первый взглядъ представляется чѣмъ-то непостижимымъ. Двадцать лѣтъ существовалъ этотъ порядокъ, — и поверхностный наблюдатель могъ легко счесть его если не непоколебимымъ, то, во всякомъ случаѣ, прочнымъ и долговѣчнымъ. Къ услугамъ Наполеона III былъ чудовищный аппаратъ военнаго и бюрократическаго управленія: ему повиновались полмилліона солдатъ и столько же чиновниковъ. Въ рукахъ императорскаго правительства сосредоточена была вся исполнительная власть; оно распоряжалось громадными финансовыми средствами; къ подножію престола Наполеона III 8 милліоновъ вѣрноподданныхъ бонапартистовъ покорно слагали свои бюллетени... И что же? Достаточно было внѣшняго толчка, чтобы вся эта громада повалилась, какъ жалкій балаганъ...

Чѣмъ же могла нація помянуть Вторую имперію? Чѣмъ обязаны ей были прежде всего имущіе классы?

Экономическое наслѣдіе Второй имперіи.

Правленіе Наполеона III ознаменовалось давно невиданнымъ подъемомъ промышленности и торговли. Правда, далеко не повсемѣстно индустрія того времени успѣла отлиться въ характерную форму капиталистическаго производства. Особенно туго развивались въ этомъ направленіи центръ страны и Нормандія. Зато сѣверъ и Эльзасъ оживились необычайно. Здѣсь образовались крупнѣйшіе торгово-промышленные центры. По анкетѣ 1866 г. болѣе двухъ третей парижскаго населенія оказались занятыми въ промышленности. Годовой оборотъ капитала, вложеннаго здѣсь въ индустрію, равнялся 3.369.000.000. Не менѣе быстро развивалась и французская торговля. Въ 1860 году правительство заключило торговый договоръ съ Англіей, а въ 1866 г. коммерческій оборотъ Франціи уже въ пять разъ превышалъ торговыя операціи 1848 года. Всѣ эти явленія сопровождались усиленной концентраціей капитала. Французскій банкъ мало-по-малу поглотилъ всѣ департаментскіе банки. Три главныхъ общества поземельнаго кредита (парижское, марсельское, неверское) слились въ одно. Желѣзнодорожная сѣть, выросшая въ два раза, постепенно перешла въ руки десяти компаній — вмѣсто сорока двухъ. Весьма характерныя данныя сообщаетъ, между прочимъ, Дюпенъ. По его подсчету, въ 1869 году всѣ крупныя финансовыя учрежденія и промышленныя предпріятія страны оказались собственностью ста восьмидесяти лицъ съ капиталомъ около 20 милліардовъ.

Капиталъ концентрируется; растутъ банки и биржи; размножаются акціонерныя общества, торгово-промышленныя компаніи и товарищества. Безпокойный духъ наживы и спекуляціи, какъ лихорадочное повѣтріе, распространяется повсюду. Парижская биржа становится второй въ мірѣ по своему значенію. Бѣшеная игра на повышеніе и пониженіе курса дѣлается страстью болѣе или менѣе обезпеченныхъ круговъ. Авантюристъ, пробравшійся на императорскій престолъ, первый подаетъ примѣръ азарта: онъ не чуждается самыхъ сомнительныхъ операцій. Еще въ 1850 г. Луи Бонапартъ затѣялъ сенсаціонную лотерею золотыхъ слитковъ. Обезумѣвшая публика расхватала билетовъ на 7.000.000 франковъ. Бонапарту было недостаточно: впослѣдствіи обнаружилось, что глава государства выпускалъ... фальшивые лотерейные билеты.

Господство крупныхъ капиталистовъ.

Владѣльцы земельныхъ богатствъ съ рудниками и лѣсами, короли банковъ и биржъ, воротилы торгово-промышленныхъ левіаѳановъ должны были чувствовать себя счастливыми въ эпоху Второй имперіи. Они собирали милліоны. Они засѣдали въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Они распоряжались періодической печатью, которая служила имъ рекламой или прейсъ-курантомъ. Въ ихъ рукахъ была власть; къ ихъ услугамъ были всѣ утѣхи, всѣ наслажденія жизни, — и тѣмъ болѣе вопіющимъ контрастомъ рядомъ съ этимъ царствомъ золотого тельца, съ этимъ безпутствомъ роскоши выступало грустное положеніе менѣе обезпеченныхъ классовъ.

Положеніе средней и мелкой буржуазіи.

Въ самомъ дѣлѣ, судьба мелкой и средней буржуазіи въ эпоху Второй имперіи была далеко не столь завидна. Концентрація капитала привела эти общественныя группы въ состояніе рабской зависимости отъ французскихъ Шейлоковъ. Вѣчныя колебанія биржевого курса расшатывали или совсѣмъ разрушали матеріальное благополучіе этой части буржуазіи, — и, бѣднѣя все больше и больше, все дальше и дальше запутываясь въ тенета крупныхъ капиталистовъ, она изнывала подъ гнетомъ срочныхъ платежей, изнемогала въ безнадежной борьбѣ съ сильнѣйшимъ экономическимъ конкурентомъ. Эпоха Второй имперіи была для нея черными днями. Но республиканская буржуазія сама уготовала себѣ такую долю. Въ своемъ ужасѣ передъ соціальной республикой она вызвала на помощь къ себѣ грубую силу. Эта сила явилась среди треска картечи и звона сабель, — и, растерявшись передъ нею, какъ неосторожный заклинатель передъ грознымъ

духомъ, республиканская буржуазія лепетала одно лишь слово— «порядокъ»!..

Остается выяснить теперь, что дала Вторая имперія французскому крестьянству и рабочему классу.

Положеніе крестьянъ.

Четыре страшныхъ неурожая на пространствѣ четырехъ лѣтъ подъ рядъ (1853 — 1857 гг.); постепенное истощеніе жалкаго клочка земли — парцеллы; невѣроятная, все увеличивающаяся задолженность передъ ростовщическимъ капиталомъ,—таково, въ общихъ чертахъ, было положеніе 16.000.000 французскаго крестьянства въ эпоху Второй имперіи. И, однако, въ своей массѣ сельское населеніе Франціи было предано Наполеону III. Почему? Потому, что нѣтъ менѣе сознательнаго, нѣтъ болѣе консервативнаго класса, чѣмъ парцеллярное, карликовое крестьянство. Отгородившись своимъ частоколомъ отъ всего міра, цѣлый день ковыряя мотыгой тощую землю, ревниво слѣдя, какъ бы кто не сорвалъ его груши, не унесъ его заступа, — мелкій крестьянинъ Второй имперіи напоминалъ собою улитку, которая неохотно и рѣдко выглядываетъ изъ-подъ своей раковины на Божій свѣтъ. Стукнетъ щеколда у его калитки, — ужъ не пріѣхалъ ли сборщикъ податей? Придетъ письмо изъ города, — ужъ не вызываютъ ли его въ банкъ, гдѣ заложена его жалкая земля? Сказываютъ, будто въ Парижѣ безпорядки, — ужъ не объявлена ли опять республика, и не хотятъ ли соціалисты отобрать у крестьянства его трудовую собственность? Хорошо было бы пройти къ сосѣду, потолковать о новостяхъ,—да у нихъ ссора съ тѣхъ поръ, какъ хозяйки побранились изъ-за курицы...

«Императоръ Наполеонъ I закрѣпилъ землю за крестьянствомъ», размышляетъ крестьянинъ: «Императоръ Наполеонъ III не выдастъ насъ соціалистамъ». Эта мысль успокаиваетъ его сомнѣнія. Онъ съ двойнымъ усердіемъ принимается за свою мотыгу. Не трудно понять — почему, когда настанетъ плебисцитъ, Жакъ Бономъ пойдетъ голосовать въ пользу императора...

Не такъ легко было провести французскій пролетаріатъ.

Пролетаріатъ.

Правда, еще въ 1848 году значительная часть рабочихъ голосовала за Луи Бонапарта. Однако въ тотъ моментъ торжество этого кандидата надъ Кавеньякомъ было для рабочаго класса своего рода реваншемъ за іюньскую бойню. Вотировала часть пролетаріата за Бонапарта и 20 декабря 1851 года. Это значило, что рабочіе ждутъ возстановленія всеобщаго избирательнаго права и сочувствуютъ разгону Національнаго собранія «25

франковиковъ», предавшихъ ихъ въ іюньскіе дни. Быть-можетъ, нѣкоторое вліяніе на вотумъ рабочихъ оказывало и то, что голосовать приходилось за автора «Уничтоженія пауперизма». Извѣстно, что Луи Бонапартъ питалъ слабость къ военно-цезаристскому соціализму. Не даромъ любилъ онъ повторять слова Наполеона I: «Я больше боюсь возстанія голодныхъ, чѣмъ битвы съ 200.000 войска». Ставши главой имперіи, онъ всячески старался пріобрѣсти расположеніе рабочихъ массъ. Однако привлечь на свою сторону ему удалось лишь незначительную ихъ часть: слишкомъ уже очевидны были противорѣчія его рабочей политики. Въ 1853 году правительство допустило въ «совѣты добросовѣстныхъ» делегатовъ отъ рабочаго класса; однако, оно потребовало при этомъ, чтобы предсѣдатель и служащіе совѣтовъ назначались администраціей. Въ 1854 году предписано было выдавать рабочія книжки на руки самимъ мастеровымъ; но одновременно этимъ книжкамъ былъ приданъ болѣе офиціальный и обязательный характеръ. Въ 1866 году императоръ обѣщалъ пожертвовать въ кассу кооперативныхъ обществъ сумму въ 500.000 франковъ. А годъ спустя онъ же самъ запретилъ международный конгрессъ дѣятелей коопераціи въ Парижѣ. Для нуждающихся организованы были въ столицѣ общественныя работы, но пролетаріатъ зналъ прекрасно, что перестройка Парижа по плану Оссмана преслѣдуетъ единственную цѣль — создать прямыя и широкія улицы, на которыхъ удобнѣе разстрѣливать возставшій народъ. Въ 1864 году были разрѣшены ассоціаціи рабочихъ, въ 1868 году—синдикальныя палаты, но, когда рабочіе рудокопы луарскаго бассейна начали свою стачку, солдаты правительства дважды стрѣляли въ нихъ — въ Рикамари и въ Обэнѣ. Той же военной силой подавлена была стачка и въ Крезо, гдѣ въ 1870 году забастовали рабочіе на заводахъ предсѣдателя Законодательнаго Корпуса.

Ростъ пролетарской оппозиціи.

Чѣмъ ближе къ концу имперіи, тѣмъ настроеніе французскаго пролетаріата становится все болѣе и болѣе оппозиціоннымъ. Напрасно призываютъ его къ терпѣнію и покорности теоретики буржуазнаго лагеря — отъ Жозефа Гарнье до Ле Плэ, отъ Огюста Конта до Дюпонъ Уайта; тщетно стараются убаюкать его обѣщаніями великихъ и богатыхъ милостей отъ государства краснорѣчивые публицисты—отъ Жюля Симона до Эмиля Дежирардена, отъ сотрудниковъ «Siecle'я» до Ледрю Роллена... «Мы ни у кого не просимъ ни покровительства, ни жертвъ!—гордо восклицаютъ

рабочіе кожевники въ своемъ докладѣ о лондонской выставкѣ 1867 г.—Справедливость требуетъ, чтобы солнце свѣтило одинаково для всѣхъ»...—«Мы не хотимъ быть народомъ илотовъ среди общества сибаритовъ!» съ негодованіемъ вторятъ имъ рабочіе, изготовляющіе музыкальные инструменты,—и знаменитый манифестъ 60-ти, напечатанный въ «Opinion Nationale» 17 февраля 1864 г., уже опредѣленно требуетъ представительства рабочихъ въ законодательномъ собраніи. Что это значитъ? Это значитъ, что, по мнѣнію передовой части пролетаріата, никто лучше самихъ рабочихъ не можетъ защищать въ парламентѣ интересы трудящихся массъ.

Роль Интернаціонала. Классовое сознаніе пробудилось. Мало-по-малу оно связывало французскихъ рабочихъ крѣпкимъ цементомъ соціальной солидарности. Оно же привело французскій пролетаріатъ на новый, широкій путь международнаго общенія. Сношенія съ англійскими рабочими явились самымъ рѣшительнымъ толчкомъ въ этомъ направленіи. 28 сентября 1864 г. основано было въ Лондонѣ Международное общество рабочихъ — Интернаціоналъ. 8 іюля 1865 г. въ Парижѣ открылось бюро мѣстныхъ секцій Интернаціонала. Оно помѣщалось на улицѣ Гравилье, въ убогой комнаткѣ, гдѣ стояли сломанная чугунная печка, некрашеный столъ, четыре стула и два табурета. Не прошло и года, какъ подобныя же бюро были открыты въ четырнадцати французскихъ городахъ. Черезъ пять лѣтъ въ Парижѣ насчитывалось около 70.000 членовъ Интернаціонала. Во всей странѣ ихъ было около 200.000 человѣкъ.

Не слѣдуетъ думать, что въ массѣ своей французскіе рабочіе скоро прониклись боевымъ, революціоннымъ настроеніемъ. До 1867 года среди пролетаріата господствуетъ мирное профессіональное движеніе. — Чего добиваются рабочіе? Всеобщаго, общедоступнаго, свѣтскаго образованія; свободы ассоціацій, десятичасового рабочаго дня; отмѣны обязательныхъ рабочихъ книжекъ; организаціи синдикальныхъ палатъ; повышенія заработной платы...

Но время дѣлало свое дѣло. Прибой политической оппозиціи вздымался все выше и выше, — и скоро организованный французскій пролетаріатъ былъ подхваченъ и увлеченъ этимъ возбуждающимъ и мощнымъ общественнымъ движеніемъ. Разсѣялись послѣднія иллюзіи насчетъ соціалистическихъ симпатій Наполеона III. Пала цитадель мирнаго кооперативнаго движенія — банкъ кредита труда; за нимъ закрылась Учетная касса народныхъ обществъ, — и тѣ самые французскіе интернаціоналисты, которые

на Женевскомъ конгрессѣ 1862 года неистовыми криками изгнали революціонеровъ — бланкистовъ и высказались противъ боевыхъ выступленій рабочаго класса, противъ стачекъ и всякой политики, — годъ спустя открыто примкнули къ оппозиціонному лагерю. Уже Лозаннскій конгрессъ вступилъ въ сношенія съ республиканской Лигой міра и свободы. Нѣсколько недѣль спустя парижскія секціи Интернаціонала устроили манифестацію на могилѣ Манена, протестуя противъ экспедиціи французскихъ войскъ на помощь папѣ Пію IX. Когда же правительство, раздраженное этими демонстраціями, привлекло нѣкоторыхъ дѣятелей Интернаціонала къ суду, обвиняемые выступили со смѣлыми, вызывающими рѣчами, въ которыхъ ясно слышались лозунги революціоннаго соціализма...

Подъемъ революціоннаго настроенія.

Сгущаются тучи. Волны вздымаются все выше и выше, и въ воздухѣ, насыщенномъ предчувствіемъ катастрофы, проносятся буревѣстники... Кто они? Одинъ — бездомный скиталецъ, перекати-поле революціонныхъ бурь, съ рѣчью, какъ горящая лава, съ душой ненасытнаго искателя приключеній... Другой—вѣчный узникъ всевозможныхъ правительствъ, властитель думъ, царствовавшій изъ тюремъ, поэтъ политическихъ заговоровъ, фанатикъ насильственныхъ переворотовъ... Бакунинъ и Бланки. Достаточно назвать эти два имени, столь популярныхъ во Франціи конца 1860 года, чтобы понять, какія мечты овладѣвали въ эту пору наиболѣе горячими головами. Къ пролетаріату примыкало студенчество. Между мастерской и аудиторіей вновь заключенъ былъ союзъ, освященный кровью па баррикадахъ 1830 и 1848 года. Но пролетаріи готовились къ бою, вооруженные Прудономъ, Бланки, резолюціями Интернаціонала; учащаяся молодежь — теоріями Литтре, Бюхнера, Дарвина. И тѣ, и другіе мечтали пожертвовать собою во имя великой идеи. Какой? Соціализма. Какъ же понимали тогда соціализмъ? Не всѣ сторонники его судили объ этомъ одинаково. Но всѣ были убѣждены, что соціализмъ является единственнымъ путемъ къ возрожденію человѣчества. Для народа же, который тѣснился на публичныхъ собраніяхъ конца 1860 годовъ, это слово звучало, какъ благая вѣсть новой религіи правды и разума.

Почему же не поднялъ пролетаріатъ открытаго возстанія противъ Второй имперіи? Если республиканская буржуазія была *уже* неспособна къ этой борьбѣ, то рабочій классъ былъ *еще* недостаточно вооруженъ для нея. И той и другой сторонѣ пра-

вительство могло противопоставить внѣшнюю силу, которая была главнымъ основаніемъ ея власти. Эта сила была прямымъ послѣдствіемъ общественной разрозненности. Одни были за имперію, такъ какъ Наполеонъ III не былъ изъ орлеанскаго дома; другіе стояли за нее, такъ какъ онъ былъ не изъ Бурбоновъ; третьи поддерживали императора, такъ какъ онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Всѣ же склонялись передъ его властью, ибо она казалась силой. Говоримъ: «казалась» потому, что при первомъ же серьезномъ испытаніи ничтожество императорскаго правительства раскрылось съ ужасающей очевидностью.

Седанская катастрофа развѣяла послѣднія иллюзіи насчеть могущества Второй имперіи. Шпага Наполеона III была извлечена изъ ноженъ только для того, чтобы глава французской націи передалъ это оружіе побѣдителю. Паденіе имперіи произошло со сказочной, поистинѣ, быстротой.

4-го сентября Парижъ ликовалъ, привѣтствуя республику. Но уже 5-го надъ городомъ нависла забота. Нужно было организовать Національную Оборону. Необходимо было спасти столицу отъ врага, который былъ уже близко... Было ли способно новое правительство съ честью выполнить такую задачу?

Національная Оборона.

За исключеніемъ немногихъ лицъ, какъ Гамбетта или Рошфоръ—правительство Національной Обороны не стояло на высотѣ своего отвѣтственнаго историческаго призванія. Въ большинствѣ то были честолюбивые либералы. Разумѣется, они не отказывались отъ власти, но зато и не воспользовались ею въ интересахъ народнаго дѣла. Съ экзальтированнымъ Парижемъ они говорили языкомъ Дантоновъ и Робеспьеровъ; но передъ «благоразумнымъ большинствомъ» націи, но въ глазахъ Бисмарка — старались выказать себя сторонниками мира и порядка. Принявъ свои полномочія изъ рукъ возставшаго народа, они заискивали передъ нимъ, разжигая его возбужденіе напыщенными фразами. Отсюда—вопіющія противорѣчія въ ихъ политикѣ; отсюда—позорное имя: «правительство Іуды», которымъ заклеймилъ ихъ впослѣдствіи народъ. Въ самомъ дѣлѣ: приносить клятву, что врагъ не получитъ ни пяди французской земли, не коснется ни одного камня національныхъ крѣпостей,—и соглашаться на уступку пруссакамъ Эльзаса и Лотарингіи, и допускать врага къ оккупаціи Парижа; завѣрять народъ, что правительство ни за что не пойдетъ на миръ,—и умолять европейскіе дворы и Бисмарка, чтобы они сжалились надъ Франціей и прекратили ужасную войну; сулить парижанамъ

блестящія побѣды,—и въ своемъ кругу признавать оборону города безуміемъ... Это ли не предательство? Это ли не преступленіе? Нужно еще добавить къ этому бездѣятельность, болтливость, постоянную систему офиціальной лжи, — и понятнымъ станетъ, почему въ парижскомъ населеніи все глубже и глубже укоренялось недовѣріе къ этому «правительству національной измѣны». Между тѣмъ въ столицѣ было около 300.000 одной національной гвардіи, кромѣ регулярнаго войска и моряковъ; городъ былъ защищенъ могучей артиллеріей; населеніе готово было итти на всевозможныя жертвы, терпѣливо питаясь мясомъ кошекъ и крысъ, воронъ и собакъ и даже животныхъ изъ зоологическаго сада; самые неисправимые гастрономы приспособлялись къ этому режиму, серьезно дебатируя у своего фаворита, ресторатора Бребана, вопросъ—что лучше: хорошая котлета изъ кошачьяго мяса, или рагу изъ двуутробки?.. За время осады Парижа пруссаками въ столицѣ умерло 50.000 человѣкъ отъ всякихъ лишеній; но это не смущало никого, и женщины нерѣдко превосходили мужчинъ въ своемъ героизмѣ. И за всю эту пору — ни одной серьезной вылазки, ни одной энергичной попытки прорвать линію блокады, которая желѣзнымъ кольцомъ сжала Парижъ!.. За отсутствіемъ живого дѣла въ возбужденныхъ головахъ рождались самые фантастическіе планы. Одинъ предпріимчивый парижанинъ предлагалъ—наловить собакъ, привить имъ бѣшенство и выпустить эту стаю на пруссаковъ; другой объявилъ премію за изобрѣтеніе греческаго огня. Правительство не давало этимъ стремленіямъ никакого выхода, никакой организаціи. Тогда населеніе попыталось организоваться самостоятельно. Вскорѣ образовался комитетъ делегацій 20-ти округовъ; въ союзѣ съ секціями Интернаціонала и съ бюро синдикальныхъ палатъ онъ попробовалъ оказать давленіе на правительство. Но манифестаціи 5-го и 8-го октября не дали никакого результата. 31-го октября Парижъ узналъ о капитуляціи маршала Базена въ Мецѣ со 180.000 войскъ; одновременно стало извѣстно, что Тьеръ вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ относительно перемирія. Въ столицѣ произошло возстаніе, но организація его оказалась слабой, и правительство восторжествовало. 22-го января 1871 года въ Парижѣ снова вспыхнулъ мятежъ, но регулярныя войска стрѣльбою разсѣяли демонстрантовъ. Дѣло быстро шло къ развязкѣ. 28-го января, по договору съ Бисмаркомъ, правительство обязалось—сдать ему 240.000 солдатъ и моряковъ, выплатить за Парижъ 200.000.000 франковъ

въ 15 дней и произвести выборы въ Національное собраніе для рѣшенія вопроса о мирѣ.

Національное собраніе въ Бордо.

Торжество реакціи было обезпечено. Выборы должны были произойти въ теченіе недѣльнаго срока. Ни о какой агитаціи нечего было и помышлять. Въ сорока трехъ департаментахъ почтовыя сношенія совершенно прекратились... Немудрено, что въ итогѣ голосованія сказалось настроеніе невѣжественнаго и неорганизованнаго большинства. Ядромъ этой массы было крестьянство. Извѣстно, какъ относилось оно къ республикѣ, какую ненависть питало оно къ революціонерамъ и соціалистамъ. Нетрудно представить себѣ, какъ оцѣнивало оно войну, которая грозила всяческими бѣдствіями мелкому сельскому хозяйству, отрывая отъ него рабочія руки и нарушая весь порядокъ мирныхъ деревенскихъ отношеній. Къ крестьянамъ примкнули династическія группы—феодалы и крупные промышленники — и, когда въ Бордо открылось новое Національное собраніе, 450 депутатовъ изъ 750-ти оказались откровенными монархистами и горячими сторонниками мира. Что значили въ этой массѣ республиканцы и соціалисты—депутаты Парижа? Какую роль могли тамъ играть лѣвые—представители большихъ промышленныхъ городовъ? Грубая «деревенщина» задавила всѣхъ. Она потребовала учрежденія должности квесторовъ—полицейскихъ приставовъ при собраніи, возмутившись криками: «да здравствуетъ республика!», раздавшимися съ трибунъ; она дикимъ ревомъ заглушила прощальныя слова депутата Гарибальди, взбѣшенная краснымъ цвѣтомъ его рубахи и воспоминаніями о борьбѣ великаго патріота съ папой; она заставила уйти изъ собранія всѣхъ честныхъ депутатовъ лѣвой, начиная съ Виктора Гюго, которому это мужичье осмѣлилось кричать, что онъ разучился... говорить по-французски. Главою исполнительной власти они избрали Тьера—«Мирабо—муху», «гнома Футрикэ», который въ въ 1848 г. объявлялъ себя неизмѣннымъ сторонникомъ партіи революціи, а въ 1871 г. ухаживалъ за монархистами, до 1830 г. былъ республиканцемъ и нищимъ, а пять лѣтъ спустя—министромъ Луи-Филиппа и миллюнеромъ. Въ министры они предоставили ему избрать людей вполнѣ благонамѣренныхъ,—и въ доказательство собственнаго патріотизма 1 марта утвердили неслыханныя усло-

Условія мира.

вія мира съ Пруссіей, отдавъ ей Эльзасъ съ половиной Лотарингіи и почти 2.000.000 французскаго населенія и согласившись на уплату пяти милліардовъ контрибуціи, а также на содержаніе оккупаціонной прусской арміи. Такова бываетъ любовь къ отечеству!

«Деревенщина» на этомъ не остановилась. Она хотѣла демонстративно подчеркнуть свой разрывъ съ Парижемъ. Резиденціей Національнаго собранія былъ избранъ Версаль. Республиканскую форму государства рѣшено было сохранить лишь на время,— впредь до успокоенія страны, точнѣе столицы. Для послѣдней цѣли былъ изданъ цѣлый рядъ декретовъ. У парижской національной гвардіи отняли ея суточное жалованіе въ полтора франка на человѣка, отчего многотысячная армія рабочихъ осталась безъ куска хлѣба. Платежи, отсроченные было на время осады, предписано было произвести немедленно, вслѣдствіе чего потерпѣли банкротство около 45.000 мелкихъ и среднихъ промышленниковъ и торговцевъ. Губернаторомъ Парижа назначенъ былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей 2-го декабря—Винуа; главнокомандующимъ національной гвардіи сталъ іезуитъ и бонапартистъ— д'Орель. Республиканскія газеты были закрыты. Бланки и герой возстанія 1-го октября, Флурансъ, было заочно приговорены къ смерти... «Нужно дѣйствовать!» говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пиккаръ. И реакція дѣйствовала во-всю. Цѣль ея была очевидна: ей нужно было вызвать новый мятежъ въ Парижѣ, чтобы утопить республику въ ея собственной крови.

Парижъ.

Парижъ стоически сносилъ эти оскорбленія. Онъ не хотѣлъ гражданской войны. Онъ зналъ, что съ честью выполнилъ долгъ національной защиты,—и даже тогда, когда на Елисейскихъ Поляхъ показались мундиры пруссаковъ, по соглашенію съ Бордосскимъ правительствомъ занявшихъ часть столицы, Парижъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ зловѣщимъ молчаніемъ своихъ темныхъ улицъ, траурнымъ флеромъ на домахъ и памятникахъ да грозной щетиной штыковъ, охранявшихъ демаркаціонную линію... Тотъ самый Интернаціоналъ, генеральный совѣтъ котораго послѣ Седана призывалъ французскихъ рабочихъ выполнить свой долгъ и стать на защиту націи,—теперь убѣждалъ пролетаріатъ организовать свои силы.

Возстаніе 18 марта.

И республиканскій Парижъ организовался. Къ существовавшему уже Центральному Комитету делегацій двадцати округовъ, комитету обороны, федеральному совѣту интернаціональной федераціи рабочихъ, федеральному республиканскому комитету—присоединился Центральный Комитетъ республиканской федераціи національной гвардіи. Онъ рѣшительно заявилъ о своей готовности защищать республику отъ всякихъ посягательствъ... Между тѣмъ опасность контръ-революціи становилась все болѣе и болѣе

угрожающей, и передъ ея лицомъ республиканскій Парижъ все тѣснѣй смыкалъ свои ряды, все крѣпче сжималъ въ рукахъ своихъ оружіе. Правительство Тьера рѣшило вырвать у него это оружіе. 17 марта былъ отданъ приказъ — отнять у Парижа его гордость и любовь, его славныя пушки. Тогда городъ возсталъ. Могучимъ ревомъ льва онъ отвѣтилъ на дерзновенную попытку. Пушки были отбиты; значительная часть регулярныхъ войскъ, братаясь съ народомъ, отдала ему свое оружіе; правительство въ паническомъ ужасѣ бѣжало въ Версаль. Центральный Комитетъ завладѣлъ зданіемъ Думы и водрузилъ на ней красное знамя революціи. Раздался могучій кликъ: «Да здравствуетъ Коммуна!» Въ Парижѣ нарождалось народное правительство.

II.

Роль Центральнаго Комитета.

«Государь, ты освободилъ себя... Теперь исполни свою волю», писалъ Центральный Комитетъ въ своемъ воззваніи къ Парижу послѣ 18 марта. Воля Парижа была извѣстна. Она ясно выразилась въ кличѣ: «Да здравствуетъ Коммуна!» — который гремѣлъ въ эти дни по всему городу. Однако, прежде нежели организовалась Коммуна, Центральному Комитету пришлось провести цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ. Получивъ полномочія временнаго правительства отъ возставшаго народа, онъ долженъ былъ побороть сопротивленіе другого, законнаго правительства — т.-е. мэровъ, уполномоченныхъ Тьеромъ и желавшихъ примирить Парижъ съ Версалемъ, республику съ монархіей. Стремясь поддержать въ городѣ спокойствіе, онъ вынужденъ былъ подавлять провокаторскія манифестаціи. Идя навстрѣчу требованіямъ народа, онъ отмѣнилъ осадное положеніе и военные суды, провозгласилъ политическую амнистію, далъ свободу печати, пріостановилъ продажу вещей, заложенныхъ въ ломбардѣ, отсрочилъ платежи по векселямъ и запретилъ домохозяевамъ выселять задолжавшихъ квартирантовъ. — Онъ добылъ деньги для выдачи жалованія національной гвардіи; онъ успокоилъ пруссаковъ, опять было наводившихъ пушки на возставшій Парижъ, и, въ довершеніе этой многосложной дѣятельности, организовалъ, наконецъ, выборы въ Коммуну. Когда этимъ послѣднимъ актомъ революція 18 марта была доведена до своего логическаго конца, Центральный Комитетъ спустился по ступенямъ Думы съ гордо поднятой головой

Коммуна организовалась. Парижъ, раздѣленный на округа, избралъ ея членовъ всеобщимъ голосованіемъ. Ихъ было девяносто человѣкъ. Революціонеры различныхъ фракцій прошли въ Коммуну въ числѣ семидесяти двухъ человѣкъ; либералы — главнымъ образомъ мэры и ихъ товарищи — представлены были тамъ шестнадцатью членами. Большинство революціонеровъ составилось изъ депутатовъ мелкой буржуазіи, журналистовъ, адвокатовъ, клубныхъ ораторовъ; рабочій классъ послалъ въ Коммуну двадцать пять делегатовъ: изъ нихъ семнадцать человѣкъ были членами Интернаціонала; Центральный Комитетъ провелъ туда тринадцать человѣкъ... Если либеральная группа была болѣе или менѣе однородна, то составъ революціоннаго большинства являлся въ высшей степени пестрымъ. Здѣсь чистые якобинцы встрѣчались съ доктринерами соціализма, ученики Бланки съ послѣдователями Прудона, герои Іюльской революціи съ изгнанниками 1848 года. Тутъ ученый экономистъ сидѣлъ рядомъ съ изобрѣтателемъ «симпатическихъ улитокъ», «дитя царства Божія» — парфюмеръ съ улицы Де Немуръ — съ растриженнымъ капуциномъ, сочинитель чувствительной пѣсенки о вишняхъ — съ авторомъ знаменитаго возванія къ Маріаннѣ... Тутъ былъ самъ революціонный Парижъ — со всѣми его лозунгами и знаменами, мечтами и упованіями, стремленіями и страстями. И старая Ратуша, видѣвшая и Фронду, и Реставрацію, и торжество Высшаго разума, и бракосочетаніе Наполеона III, безстрастно, какъ сама исторія, приняла въ свои вѣковыя стѣны эту возбужденную, экзальтированную толпу.

Личный составъ и политическія группировки Коммуны.

Уже съ первыхъ засѣданій Коммуны обнаружилось, насколько различно понимали ея члены свою задачу. Либеральное меньшинство — мэры и ихъ товарищи — признавали Коммуну простымъ общиннымъ совѣтомъ, а свои полномочія считали чисто муниципальными. Напротивъ, революціонное большинство заявляло, что Коммуна есть суверенное политическое собраніе — нѣчто въ родѣ Комитета Общественнаго Спасенія. Первые хотѣли сохранить лойяльность по отношенію къ версальскому правительству; вторые и слышать не желали о какихъ бы то ни было соглашеніяхъ съ «деревенщиной» и ея избранникомъ — Тьеромъ. Какъ согласить столь противоположные взгляды? Протестуя или злорадно улыбаясь, меньшинство вышло изъ Коммуны, сложивъ съ себя званіе ея членовъ. Такимъ образомъ, двусмысленность въ положеніи народнаго правительства была, повидимому, окончательно устранена:

Уходъ либераловъ.

Коммуна рѣшительно и безповоротно вступала на революціонный путь.

Большинство и меньшинство.

Можно ли думать, однако, что съ этого момента между членами народнаго правительства водворилось полное согласіе? На самомъ дѣлѣ, депутаты, изъ которыхъ состояла теперь Коммуна, распадались на двѣ неравныя группы. Большинство составляли тѣ, которыхъ можно назвать чистыми революціонерами; въ меньшинствѣ находилось тѣ, кого слѣдуетъ опредѣлить, какъ соціалистовъ. Во главѣ большинства шли ветераны 48 года и бланкисты. Здѣсь царилъ фанатическій культъ старыхъ якобинскихъ традицій; здѣсь господствовали убѣжденные сторонники властнаго централизма; здѣсь предлагали — провозгласить диктатуру революціоннаго правительства, вооружить его силой и облечь его работу грозной тайной. Образовать изъ Коммуны всемогущій совѣтъ десяти, какъ выражался Паскаль Груссе; тираннически властвовать надъ единой, нераздѣльной республикой; желѣзной рукой довести революцію до конца, а Францію — до свободы, — не было ли все это попыткой вернуться на старый путь, повторить роковую ошибку, которая погубила когда-то дѣло великой революціи? Меньшинство Коммуны — соціалисты — такъ именно оцѣнивали стремленія большинства. Они были противниками всякаго авторитарнаго начала; они не желали мириться съ деспотической властью, стоящей выше и внѣ народа. Ихъ программа была, по существу своему, антиправительственной: Коммуну они представляли себѣ, какъ непосредственное господство самого народа. Захватъ власти пролетаріатомъ былъ въ ихъ глазахъ началомъ великой революціи, которая неминуемо должна повести къ коренному соціальному перевороту. Именно въ этомъ видѣли они ея своеобразіе; именно потому и утверждали они, что, въ соотвѣтствіи съ новымъ принципомъ движенія, въ борьбѣ противъ стараго строя необходимо пользоваться и новыми пріемами... Такимъ образомъ разногласіе между тѣми и другими вытекало изъ глубокаго различія во взглядахъ на то, чѣмъ должна явиться для Франціи Коммуна. Одни считали ее прямымъ продолженіемъ 1793 года, когда господствовала диктатура якобинцевъ; другіе видѣли въ ней начало новой эры, главнымъ дѣятелемъ которой явится властвующій пролетаріатъ. Это характерное расхожденіе въ нѣдрахъ Коммуны сказалось уже въ самомъ началѣ ея дѣятельности. Но особенно рѣзко выразилось оно въ извѣстномъ манифестѣ меньшинства по поводу учрежденія Коммуной комитета обществен-

наго спасенія. Этотъ актъ социалисты признавали самоубійствомъ народнаго правительства. Они заявляли, что Коммуна нарушила свой долгъ, произвольно передавъ предоставленныя ей полномочія ничтожной группѣ нѣсколькихъ лицъ. Весьма знаменательно, что федеральный совѣтъ Интернаціонала всецѣло присоединился къ такому взгляду меньшинства. Въ засѣданіи 20 мая 1871 года онъ выразилъ полное одобреніе тактикѣ соціалистовъ.

Политическая программа Коммуны.

Была ли у Коммуны какая-нибудь конкретная политическая программа, на которой объединились всѣ элементы, входившіе въ ея составъ? Детально разработанной программы такого рода мы не знаемъ. Но, въ общихъ чертахъ, планъ политической реформы, принятый Коммуной, намѣченъ былъ въ декларации 19 апрѣля. Этотъ планъ былъ простъ, — какъ проста всякая истинно-народная мысль. Но онъ былъ и жизненнымъ, — какъ жизненно все, что удовлетворяетъ дѣйствительной потребности общества... Создать изъ каждой сельской и городской общины автономную политическую ячейку; объединить эти мелкія Коммуны въ окружныхъ совѣтахъ; образовать въ Парижѣ національное собраніе изъ делегатовъ этихъ окружныхъ совѣтовъ, — такова была та схема, въ которой рисовался составителямъ декларации общественный строй обновленной Франціи. То была, конечно, республика, — но республика совершенно новаго типа: она основывалась на федераціи свободныхъ и равноправныхъ Коммунъ, обладающихъ самой широкой автономіей. Эта автономія ограничивалась лишь тѣмъ договоромъ, который связывалъ Коммуны между собою, обезпечивая національное единство Франціи. Какіе же общіе принципы устанавливала декларація въ качествѣ директивъ, коими должна руководиться внутренняя жизнь Коммунъ? Выборность чиновниковъ, полиціи, судей, постоянно контролируемыхъ и могущихъ быть смѣненными въ любую минуту; уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народной милиціей; участіе гражданъ во всѣхъ дѣлахъ общины; самыя широкія гарантіи свободы личности, совѣсти, труда, собраній и слова.

Таковы были политическіе идеалы Коммуны. Какъ осуществлялись они въ дѣйствительности? Для того, чтобы удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо пересмотрѣть хотя бы главнѣйшіе акты правительственной дѣятельности Коммуны.

Правительственная дѣятельность Коммуны.

Уничтоживъ бюрократію, упразднивъ постоянную армію вмѣстѣ съ государственной полиціей, Коммуна направила свои удары еще на одинъ оплотъ стараго порядка. Декретомъ отъ 3-го

апрѣля она отдѣлила церковь отъ государства. Бюджетъ вѣроисповѣданій былъ упраздненъ; всѣ церкви были распущены; имущество ихъ подверглось конфискаціи. Въ какое же положеніе становились отнынѣ священники? Они дѣлались представителями одной изъ свободныхъ профессій: поддерживать ихъ существованіе должны были добровольныя даянія вѣрующихъ. Коммуна этимъ не ограничилась. Дабы скорѣе уничтожить слѣды духовнаго рабства народныхъ массъ, она поспѣшила ввести общедоступное и безплатное обученіе. Школы были поставлены внѣ всякой зависимости отъ церкви и государства; преподавательскому персоналу было назначено, сравнительно, крупное вознагражденіе. Не позабыла Коммуна и объ организаціи общественнаго правосудія. Какъ и всѣ должностныя лица, судьи стали выборными, отвѣтственными, смѣняемыми; судъ равныхъ и свобода защиты сдѣлались руководящими принципами новаго судостройства. Вполнѣ естественно, что народное правительство позаботилось и о томъ, дабы содержаніе его не ложилось на гражданъ слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Максимумъ жалованія должностнымъ лицамъ былъ опредѣленъ въ 6.000 франковъ въ годъ (менѣе двухсотъ рублей въ мѣсяцъ); для членовъ Коммуны было назначено вознагражденіе въ размѣрѣ пятнадцати франковъ (около шести рублей) въ день. Можно съ увѣренностью говорить, что это было самое дешевое правительство, которое когда-либо знала исторія... Вотъ почему все время, пока финансовый делегатъ Коммуны — Журдъ—охранялъ три съ половиной милліарда, лежавшіе въ парижскомъ банкѣ, жена его стирала бѣлье въ общественной прачечной, а сынъ бѣгалъ въ безплатную школу. Вотъ почему члены Коммуны избѣгали брать извозчиковъ и обѣдали въ самыхъ дешевыхъ столовыхъ. Какъ долженъ былъ потѣшаться надъ этими чудаками глава версальскаго правительства—Тьеръ! Самъ онъ былъ несравненно болѣе практиченъ. Убѣдивъ «деревенщину», что онъ одинъ можетъ спасти Францію отъ соціалистовъ, онъ выговорилъ себѣ за эту патріотическую миссію ежегодное жалованіе въ размѣрѣ 3.000.000 франковъ.

Сократить расходованіе народныхъ средствъ Коммуна считала еще недостаточнымъ. Она признавала своимъ долгомъ болѣе дѣйствительнымъ способомъ улучшить положеніе трудящихся массъ. Отсюда — цѣлый рядъ мѣропріятій, въ которыхъ выразилось соціальное міровоззрѣніе Коммуны. Эти данныя представляютъ исключительный интересъ: къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ.

Соціальныя мѣропріятія Коммуны.

Уже въ манифестѣ 19 апрѣля Коммуна призывала къ обобществленію собственности и экономическому освобожденію пролетаріата. 28 апрѣля, въ обращеніи къ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, она приглашала ихъ къ организованной борьбѣ противъ землевладѣльцевъ. Конечно, все это недостаточно опредѣленно: во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ налицо чистаго соціализма. Надобно помнить, однако, что личный составъ Коммуны былъ чрезвычайно пестрымъ. Тутъ соціалъ-реформаторы мютюалисты смѣшивались со сторонниками коммунизма, буржуазные революціонеры — съ бланкистами. Объединить всѣ эти элементы можно было лишь на самыхъ общихъ — пожалуй, слегка туманныхъ терминахъ соціализма. Однако это вовсе не значитъ, чтобы въ практической дѣятельности Коммуны не сказывалась вполнѣ опредѣленная соціальная тенденція. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣло запрещеніе ночного труда въ пекарняхъ и всякихъ вычетовъ изъ заработной платы рабочихъ? Почему требовала Коммуна, чтобы ея подрядчики платили рабочимъ по ею установленной таксѣ, и чтобы при каждой мэріи открыта была запись предложенія труда и спроса на него съ точнымъ обозначеніемъ условій той и другой стороны? Указомъ отъ 24 марта Коммуна отсрочила квартирные платежи и отмѣнила продажу вещей, заложенныхъ въ ломбардѣ, при чемъ залоги стоимостью не свыше 25 франковъ были возвращены владѣльцамъ. Далѣе, Коммуна постановила учредить особую комиссію для иниціативы соціальныхъ реформъ: эта коммиссія должна была обращаться за содѣйствіемъ къ рабочимъ ассоціаціямъ и синдикальнымъ палатамъ. Наконецъ необходимо упомянуть о декретѣ 16 апрѣля: этимъ актомъ Коммуна предоставляла рабочимъ союзамъ всѣ мастерскія, покинутыя бѣжавшими изъ Парижа предпринимателями. Несомнѣнно, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ приходится видѣть сознательную защиту интересовъ пролетаріата.

Дѣятели Коммуны сознавали, какое универсальное значеніе имѣетъ ихъ борьба. Поэтому они и не считали себя вправѣ отказывать иностранцамъ, которые примыкали къ нимъ. Такимъ образомъ, во главѣ защитниковъ Парижа становятся изгнанники Польши и сыны молодой Италіи; такимъ образомъ, завѣдываніе комиссіей обмѣна и труда Коммуна поручаетъ венгерцу Франкелю. Русская дѣвушка—красавица Дмитріева оказывается одной изъ героинь революціи 1871 г.

Энергія Коммуны.

Засѣданія Коммуны происходили два раза въ день и затягивались обыкновенно до глубокой ночи. Большинство членовъ этого правительства несли на себѣ самыя разнообразныя обязанности. Въ качествѣ делегатовъ Коммуны, они руководили работами десяти комиссій, которыя завѣдывали отдѣльными частями управленія. Въ званіи мэровъ, они распоряжались въ своихъ муниципальныхъ округахъ: наконецъ, въ роли офицеровъ національной гвардіи, они засѣдали въ Центральномъ Комитетѣ, несли караульную службу, участвовали въ вылазкахъ и сраженіяхъ... Это была горячка; это было изступленіе работы... Но, не досыпая и не доѣдая, чувствуя себя счастливыми, если за день удастся пообѣдать гдѣ-нибудь за два франка, не жалуясь, если за два мѣсяца приходится уснуть, раздѣвшись, какихъ-нибудь десять разъ,—члены Коммуны не теряли бодрости, не знали никакой устали. Гдѣ бы ни появлялись они—на торжествѣ разрушенія Вандомской колонны или на похоронахъ убитыхъ федералистовъ, на публичномъ сожженіи гильотины поддерживали они среди защитниковъ столицы революціонный энтузіазмъ.

Много говорили о героизмѣ коммунаровъ. Повторять, а, тѣмъ болѣе, доказывать это избитое мѣсто было бы совершенно излишне. Восторгались необычайной честностью ихъ. Однако въ этомъ восхищеніи сказывается безсознательная пошлость... Какъ будто правительство рабочихъ могло оказаться шайкой воровъ! Не удивительно, что вдова разстрѣляннаго версальцами Трельяра, согласно волѣ убитаго, отдаетъ палачамъ мужа 37.000 общественныхъ денегъ; понятно, почему Луи Гильменъ возвращаетъ версальцамъ 200.000 франковъ, случайно найденныхъ имъ въ брошенномъ всѣми министерствѣ финансовъ... Такихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлые десятки.

Слабыя стороны Коммуны.

Несравненно важнѣе выяснить ошибки и слабости правительства Коммуны. Только такимъ образомъ можно рѣшить вопросъ,—почему замыселъ ея завершился катастрофой.

Дезорганизація военныхъ силъ; неправильная постановка полиціи; неумѣніе связать Парижъ съ провинціей, — таковы были три слабыхъ мѣста Коммуны, изъ которыхъ каждое могло погубить все ея дѣло.

Военная организація.

Громоздкая по размѣрамъ, пестрая по составу и слишкомъ теоретичная по своему настроенію,—Коммуна не смогла или не захотѣла принять въ свои руки военную власть. Нужно было реформировать національную гвардію; необходимо было создать новый

Центральный Комитетъ, который былъ бы послушнымъ исполнителемъ велѣній народнаго правительства. Ничего подобнаго Коммуна не сдѣлала. Поэтому тотъ самый Центральный Комитетъ, который, создавъ Коммуну, хотѣлъ было сложить свои исключительныя полномочія, — скоро опять почувствовалъ себя хозяиномъ положенія и постепенно усвоилъ себѣ крайне пренебрежительный взглядъ на правительственную власть. Въ глазахъ Центральнаго Комитета Коммуна оказалась лишь ничтожной говорильней. Съ своей стороны, Коммуна признавала Центральный Комитетъ горстью какихъ-то самозванцевъ. Отсюда та вражда, тѣ интриги, которыя вносили въ дѣло обороны Парижа самую гибельную дезорганизацію. Это было тѣмъ болѣе трагично, что Парижъ былъ прекрасно снабженъ боевыми средствами. Въ ряды національной гвардіи можно было призвать не менѣе 200.000 человѣкъ; но силы защитниковъ столицы были раздроблены между «мѣстной» и «дѣйствующей» арміи, при чемъ въ послѣдней числилось не болѣе 45.000 человѣкъ. Въ распоряженіи Коммуны было около 500.000 ружей съ нѣсколькими милліонами патроновъ; но великолѣпные ружья Шаспо валялись безъ употребленія въ арсеналахъ, а изъ тысячи семисотъ пушекъ дѣйствовали только триста двадцать одна. Коммуна пыталась исправить дѣло, назначая военными делегатами и начальниками генеральнаго штаба такихъ людей, которые казались ей наиболѣе знающими и энергичными. Но выборъ ея часто бывалъ совершенно неудаченъ, и сами военачальники сознавали, что почва ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ.

Медленно и вѣрно разсчитывая каждый шагъ и заранѣе наслаждаясь агоніей Парижа, Тьеръ все тѣснѣе и тѣснѣе придвигалъ свои войска къ аванпостамъ осажденнаго города. Авторъ историческихъ трудовъ о Наполеонѣ, онъ едва ли не воображалъ себя преемникомъ его военнаго генія. Во всякомъ случаѣ, онъ самъ намѣчалъ линіи окоповъ, съ увлеченіемъ воздвигалъ батареи и тономъ непререкаемаго авторитета возражалъ самому маршалу Макъ Магону. По соглашенію съ Бисмаркомъ, онъ усилилъ свою армію нѣсколькими десятками тысячъ солдатъ, отпущенныхъ изъ прусскаго плѣна. Такимъ образомъ, войскамъ, капитулировавшимъ при Седанѣ и въ Мецѣ, онъ готовилъ блистательный реваншъ, въ видѣ расправы надъ парижскими рабочими... Въ маѣ въ распоряженіи Тьера было уже около 100.000 солдатъ. Бомбардировка Парижа началась еще съ первыхъ чиселъ апрѣля, —

хотя Тьеръ и старался успокоить общественное мнѣніе страны, увѣряя въ своихъ циркулярныхъ депешахъ, будто артиллерійскимъ огнемъ дѣйствуютъ только коммунары. Очевидно, они были очень плохими канонирами, ибо откуда-то на Парижъ сыпался цѣлый дождь снарядовъ.

Постановка полиціи.

Но коммунары были не только плохими артиллереристами; никуда не годились они и въ качествѣ полицейскихъ. А между тѣмъ организація полицейской службы была для осажденнаго Парижа задачей первостепенной важности. Весь городъ кишѣлъ заговорщиками противъ Коммуны. Одни сообщали версальцамъ планъ парижскихъ баррикадъ; другіе агитировали среди національной гвардіи; третьи собирались отворить версальцамъ городскія ворота или проникали въ различныя учрежденія Коммуны, дабы внести въ ихъ дѣятельность начала дезорганизаціи. Версальскіе шпіоны шныряли повсюду. Ихъ можно было встрѣтить въ кафе и на бастіонахъ; они прятались въ публичныхъ домахъ и даже въ водосточныхъ трубахъ. Реакціонныя газеты печатали вызывающія статьи, собщая версальцамъ о каждомъ шагѣ Коммуны. Французскій банкъ, сокровища котораго столь добросовѣстно охранялъ простодушный Белэ, тайкомъ отправлялъ въ Версаль цѣлыя сотни милліоновъ... Какъ боролась полиція Коммуны съ этими явленіями? Безъ плана, безъ системы, наугадъ... Во главѣ вѣдомства общественной безопасности стоялъ молодой человѣкъ, Рауль Риго. Въ послѣдніе дни Коммуны онъ сумѣлъ умереть, какъ истинный герой; но для полиціи нужны не столько герои, сколько исполнительные агенты. Ихъ не было у Коммуны,—и потому побѣда надъ нею далась Версалю легче, чѣмъ можно было ожидать.

Изолированность Парижа.

Эта побѣда была тѣмъ болѣе неизбѣжной, что, въ концѣ-концовъ, Парижъ остался совершенно изолированнымъ отъ всей страны. Правда, еще въ мартѣ 1871 г. нѣкоторые большіе, торгово-промышленные города Франціи отозвались на его революціонный кличъ. Но въ этомъ движеніи городовъ не было ни плана, ни единодушія, — и правительство безъ труда подавило его репрессіями. Разумѣется, революціонные элементы въ провинціи были не уничтожены, а только подавлены этими мѣрами. Парижу слѣдовало заново организовать ихъ, скрѣпивъ себя съ ними прочной связью... Что же мы видимъ? Отдѣльныхъ эмиссаровъ, изрѣдка, — манифестъ, иногда — прямыя столкновенія Коммуны съ тѣми самыми лицами, которыя являлись посредниками

между Парижемъ и провинціей. «Нужно покончить съ этими агентами!» раздражительно заявилъ однажды Паскаль Груссе. И это говорилъ уполномоченный Коммуной по внѣшнимъ сношеніямъ! И это высказывалось тогда, когда муниципальные выборы 30 апрѣля дали по всей провинціи подавляющее большинство сторонниковъ республики,—когда, послѣ неудачной попытки съѣхаться въ Бордо, делегаты новыхъ муниципальныхъ совѣтовъ собрались въ Ліонѣ и потребовали немедленнаго прекращенія гражданской войны и созыва учредительнаго собранія!.. Парижъ былъ оторванъ отъ провинціи и безмолвствовалъ... Зато дѣйствовалъ глава версальскаго правительства — Тьеръ. Прервавъ всѣ почтовыя сношенія Парижа съ провинціей, онъ увѣрялъ республиканцевъ, что правительство чуждо мести, что наказаны будутъ только убійцы генераловъ Леконта и Тома; въ то же время, чтобы пріобрѣсти поддержку реакціонеровъ — крестьянъ, феодаловъ и крупныхъ капиталистовъ — онъ въ лживыхъ депешахъ сообщалъ имъ, что парижская Коммуна дѣлитъ частныя имущества и расхищаетъ государственную казну, поджигаетъ дома и уничтожаетъ церкви. Возбуждая такимъ образомъ самыя низменныя страсти, онъ быстро велъ дѣло къ развязкѣ.

Агонія.

Парижъ задыхался въ тискахъ осады. Коммуна изнемогала въ непосильной борьбѣ. Наступала агонія.

21 мая шпіонъ Дюкатель открылъ правительственной арміи ворота Сенъ-Клу. Версальцы прокрались въ Парижъ, какъ воры, хотя Тьеръ и сообщалъ провинціи, что городъ взятъ послѣ блистательной атаки. Началось то избіеніе, которое кровавыми буквами вписано въ исторію Франціи подъ именемъ «майской недѣли»...

Владиміръ Потемкинъ.

Республика въ борьбѣ съ монархистами.

Борьба за родину съ непріятелемъ. Послѣ паденія второй имперіи республиканская партія захватила въ свои руки и власть и борьбу съ вторгнувшимся въ страну непріятелемъ. Казалось, что объединились всѣ республиканскія группы въ виду грозной опасности: въ правительство національной обороны вошли и умѣренные и непримиримые республиканцы и Рошфоръ, за спиной котораго стоялъ революціонный парижскій пролетаріатъ. Но въ виду быстраго наступленія германцевъ на Парижъ центральное правительство, боясь быть отрѣзаннымъ отъ остальной Франціи, выдѣлило изъ своей среды въ Туръ делегацію, которая должна была организовать сопротивленіе департаментовъ. Послѣдовавшая за тѣмъ осада Парижа, дѣйствительно, заставила вступить въ переговоры съ Бисмаркомъ. Впрочемъ, они скоро прекратились, и Гамбетта вслѣдъ за тѣмъ вылетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, благополучно прибылъ въ Туръ, гдѣ и сталъ во главѣ делегаціи. Такимъ образомъ, среди почти безнадежнаго положенія, пришлось произвольной организаціи общественныхъ силъ съ лихорадочной поспѣшностью пополнять недочеты, зіяющіе пробѣлы, оставленные въ наслѣдство своекорыстнымъ и безконтрольнымъ режимомъ второй имперіи. Несмотря на крайнія затрудненія, маленькая кучка общественныхъ и политическихъ дѣятелей съ Гамбеттой во главѣ, движимая горячей любовью къ терзаемой непріятелемъ родинѣ, оживила упавшую энергію, прекратила мѣстныя распри, создала нѣсколько армій, организовала заново почти несуществовавшее снабженіе арміи военными и съѣстными припасами, артиллерію, развѣдочное дѣло, вызывая столько же восхищеніе патріо-

Гамбетта.

Пособія. *G. Hanotaux*. Histoire de la France contemporaine, tt: I, II, III, IV. *E. Franck*. L'Assemblée Nationale. *Freycinet*. Memoires. *Falloux*. Memoires d'un royaliste: *Gambetta*. Discours et plaidoyers choisis. *L. Blanc*. Histoire de la Constitution du 25 fevrier 1875. *Грегуаръ*. Исторія Франціи въ XIX в. Т. 4. *De Marcere*. Le seize mai et la fin du septennat.

товъ, сколько и удивленіе враговъ. Душой этой кучки былъ Гамбетта, развившій кипучую дѣятельность, проявившій необычайный организаторскій талантъ и съ рѣдкимъ умѣньемъ подобравшій сотрудниковъ въ тяжеломъ дѣлѣ. Но геройскія четырехмѣсячныя усилія молодыхъ сформированныхъ армій оттѣснить регулярныя войска непріятеля оказались тщетными. Делегація принуждена была переселиться изъ Тура въ Бордо. Сдача Базеномъ Меца, голодъ въ осажденномъ и бомбардируемомъ Парижѣ, принудили парижское правительство заключить трехнедѣльное перемиріе для выборовъ въ Національное собраніе, которое и должно было рѣшить вопросъ о мирѣ. Напрасно делегація съ Гамбеттой во главѣ стояла за войну до послѣдней крайности. Парижское правительство настаивало на прекращеніи борьбы. Гамбетта вынужденъ былъ подать въ отставку.

Національное собраніе 1876 г.

Національное собраніе 1871 года избрано было, подобно законодательному 1849 года, всеобщей подачей голосовъ, но при крайне необычныхъ условіяхъ: почтовое сообщеніе въ слишкомъ сорока департаментахъ почти не существовало, голосовать приходилось чуть ли не подъ надзоромъ заинтересованнаго въ заключеніи мира непріятеля, предвыборная агитація въ виду спѣшности выборовъ свелась къ минимуму, населеніе деревень было измучено безуспѣшной и опустошительной войной, теряло бодрость и желало прекращенія войны, такъ что многіе кандидаты прямо рекомендовались «кандидатами мира». Поэтому республиканцы, считавшіеся сторонниками борьбы до послѣдняго, не имѣли успѣха. Гамбетта, однако, былъ выбранъ въ 9 департаментахъ, за то Тьера, извѣстнаго за ожесточеннаго противника войны, избрали въ 26 департаментахъ. Громадное большинство — около 400 депутатовъ принадлежало къ сторонникамъ старыхъ политическихъ режимовъ, легитимистамъ и орлеанистамъ, около двухсотъ представляло крайнихъ и умѣренныхъ республиканцевъ, десятка три было бонапартистовъ.

Тьеръ—глава исполнительной власти.

Собравшись въ Бордо, депутаты избрали Адольфа Тьера главой исполнительной власти французской республики, пока не будетъ установленъ опредѣленный политическій порядокъ. Новый глава, публицистъ, историческій писатель, старый парламентскій дѣятель іюльской монархіи, прекрасно знакомый съ финансовыми вопросами, былъ въ то же время убѣжденнымъ сторонникомъ твердой власти, опирающейся на буржуазію. Сухо-расчетливый, съ твердой волей, — онъ былъ прирожденнымъ государственнымъ

дѣятелемъ. Честолюбецъ по натурѣ, онъ умѣлъ во-время уйти въ уединеніе и во-время выступить съ сокрушительной критикой финансовой и внѣшней политики Людовика-Наполеона. Одаренный рѣдкой политической прозорливостью, онъ, какъ никто, умѣлъ опредѣлять ближайшую политическую фазу страны, прекрасный парламентскій боецъ, онъ умѣлъ во-время отступать и во-время настаивать на своемъ. Но преданный всей душой буржуазіи, онъ былъ заклятымъ врагомъ революціоннаго пролетаріата.

Тьеръ быстро оцѣнилъ сложившееся политическое положеніе и ловко сумѣлъ привлечь на свою сторону монархическія группы въ собраніи. Въ частной бесѣдѣ съ монархистами онъ не скрывалъ, что во Франціи должна быть монархія, но для этого необходимо время. То, что нащупывалось въ частныхъ переговорахъ, открыто было заявлено въ вступительномъ словѣ новаго президента: единственная возможная политика — умиротворять, реорганизовать, поднимать кредитъ, воодушевлять трудъ; лишь когда работа возстановленія будетъ окончена, тогда можно подумать и объ окончательномъ политическомъ порядкѣ. Такъ хитрый властолюбивый дипломатъ сумѣлъ угодить всѣмъ партіямъ, выиграть время для окончательной оцѣнки политическихъ силъ и обезпечить себѣ содѣйствіе большинства въ Національномъ Собраніи. Сообразно съ этимъ, онъ составилъ и свое первое министерство: въ него вошли и орлеанисты, и умѣренные республиканцы, и умѣренные члены бывшаго правительства Національной Обороны, одинъ легитимистъ, одинъ бонапартистъ. Вскорѣ Тьеру удалось заключить съ Германіей миръ тяжелый и дорогой, но съ большимъ искусствомъ вытянутый у неуступчиваго побѣдоноснаго противника. Съ горькимъ чувствомъ обиды и негодованія собраніе утвердило мирный договоръ, уступавшій Германіи Эльзасъ и часть Лотарингіи, затѣмъ вотировало декларацію, низлагавшую Наполеона III, который былъ объявленъ отвѣтственнымъ за расчлененіе государства. Рознь между революціоннымъ Парижемъ и Бордосскимъ собраніемъ становилась все рѣзче, и собраніе рѣшило, что мѣстомъ его засѣданій будетъ не Парижъ, а Версаль.

«Бордосское соглашеніе». Между тѣмъ монархисты всѣми силами старались сблизить обоихъ до сихъ поръ враждебныхъ другъ другу претендентовъ, Генриха графа Шамбора, внука Карла X, и графа Парижскаго, внука Людовика-Филиппа: орлеанскіе принцы соглашались не препятствовать возстановленію легитимной монархіи Бурбоновъ. Властолюбивый президентъ зорко слѣдилъ за этой роялистиче-

ской интригой и 15 февраля, созвавши самыхъ видныхъ представителей монархистовъ, убѣдилъ ихъ оказать ему довѣріе и содѣйствіе, не давать перевѣса той или иной партіи, «такъ какъ очевидно, что въ случаѣ благоразумія дѣло должно кончиться единой монархіей». Такъ состоялось своеобразное соглашеніе, которое получило названіе «Бордосскаго». Монархисты считали теперь Тьера своимъ, а Тьеръ, какъ опытный дипломатъ, выжидалъ дальнѣйшихъ событій. 10 марта въ своей рѣчи Тьеръ болѣе опредѣленно формулировалъ «Бордосское соглашеніе»: первая обязанность реорганизовать страну, а потомъ уже дать ей окончательную политическую форму. Лукавый политикъ, быть-можетъ, лучше, чѣмъ всѣ монархисты, понималъ, что значитъ достигнуть «единой» монархіи.

Политика Тьера.

Послѣ того начался жестокій разгромъ коммуны, подавленной Тьеромъ при содѣйствіи консервативнаго большинства съ неумолимой и послѣдовательной жестокостью. Революціонный пролетаріатъ былъ разгромленъ, и напуганная коммуной буржуазія жаждала твердаго порядка, а аристократія — реабилитаціи прежняго монархическаго режима.

Тьеръ и приступилъ прежде всего къ укрѣпленію твердой власти и упорядоченію финансовъ. По настоянію его въ главныхъ городахъ департаментовъ и округовъ и въ городахъ болѣе чѣмъ съ 20.000 жителей мэровъ назначало правительство. Въ департаментахъ же генеральные совѣты выдѣляли изъ себя комиссіи, которыя руководятъ и контролируютъ префекта, главнымъ образомъ, въ финансовыхъ дѣлахъ. Необходимо было очистить французскую территорію, оккупированную нѣмецкими войсками впредь до уплаты контрибуціи. Тьеръ рѣшилъ сдѣлать заемъ сперва въ 2,7 милліарда; подпиской онъ былъ быстро покрытъ болѣе чѣмъ вдвое. Черезъ годъ Тьеръ снова выпустилъ заемъ въ $3^1/_2$ милліарда съ еще большимъ успѣхомъ: онъ покрытъ былъ болѣе чѣмъ въ 13 разъ. Такимъ образомъ, нѣмцы принуждены были очистить сперва 6 департаментовъ, а потомъ и остальную оккупированную часть Франціи. Но платежи по громадному долгу, дефицитъ военныхъ лѣтъ (всего война обошлась Франціи вмѣстѣ съ контрибуціей въ 15 милліардовъ), требовали новыхъ налоговъ. Тьеръ энергично боролся противъ подоходнаго налога: необходимо было прежде всего, по его мнѣнію, спасать преобладающій классъ, буржуазію, помѣшать тому, чтобы зажиточные классы отданы были на произволъ оцѣнщиковъ. Поэтому повышены старые и введены новые косвенные налоги на предметы потребленія,

кромѣ того, Тьеръ стоялъ за обложеніе сырья — онъ былъ ярымъ протекціонистомъ, — но тутъ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе представителей французской промышленности. И лишь угрожая отставкой, упрямый президентъ добился своего. До сихъ поръ суровыя кары коммунаровъ, преслѣдованія интернаціонала, бдительная опека осаднаго положенія располагали консервативныхъ депутатовъ къ политикѣ Тьера. Но по мѣрѣ того, какъ успокаивалось населеніе Франціи, оно освоивалось съ мыслью о республиканскомъ строѣ: на дополнительныхъ выборахъ въ Національное собраніе (нужно было выбрать 111 депутатовъ), въ 39 изъ 46 департаментовъ одержали верхъ республиканцы большею частью консервативнаго оттѣнка. Монархисты забили тревогу: поведеніе Тьера стало имъ казаться подозрительнымъ, и они направляютъ всѣ силы къ тому, чтобы добиться соглашенія между претендентами на французскую корону. Особенно хлопочетъ духовенство и среди него епископъ Дюпанлу, умный прелатъ, скорѣе свѣтскій человѣкъ, чѣмъ епископъ, публицистъ, чѣмъ богословъ, политикъ, чѣмъ духовное лицо. Главнымъ препятствіемъ слiянію орлеанистовъ съ легитимистами былъ графъ Шамборъ. Глубоко увѣренный въ своемъ правѣ короля Божьей милостью, монархистъ—доктринеръ и мистикъ онъ соглашался сдѣлать уступки парламентарному строю, но не хотѣлъ во имя принципа отказаться отъ бѣлаго знамени Бурбоновъ въ пользу трехцвѣтнаго знамени Орлеановъ: «Генрихъ V, по его словамъ, не могъ оставить знамени Генриха IV».

Интриги монархистовъ.

Консолидируя свою власть, Тьеръ искусно поддерживалъ исподтишка разъединеніе между монархистами, и чувствуя, что въ немъ нуждаются, усвоилъ себѣ постепенно диктаторскій тонъ. Онъ былъ глубоко возмущенъ, когда орлеанскіе принцы, несмотря на его убѣжденія, добились отмѣны закона, удалявшаго ихъ съ французской территоріи, и заняли депутатскія мѣста въ Національномъ собраніи. Чувствуя свою силу, онъ неоднократно въ случаѣ несогласія собранія на его предложенія добивался уступокъ угрозой немедленно выйти въ отставку. По предложенію Вите и Риве власть его была продолжена до расхожденія собранія. Но боясь давленія президента на собраніе, вслѣдствіе его непосредственныхъ выступленій въ защиту своей политики постановлено было, что Тьеръ будетъ говорить, только предварительно увѣдомивъ объ этомъ президента собранія. Недовѣріе роялистовъ къ властолюбивому президенту росло по мѣрѣ посте-

пенныхъ успѣховъ республиканцевъ: выборы въ генеральные совѣты дали $^2/_3$ мѣстъ республиканцамъ съ консервативной окраской. Буржуазія постепенно оправлялась и привыкала къ новому режиму: у нея явился скоро энергичный агитаторъ и пропагандистъ, сумѣвшій прогнать страхъ предъ республикой.

Возвращеніе Гамбетты къ политической дѣятельности.

Гамбетта, ожесточенный врагъ второй имперіи, защитникъ войны съ Германіей до послѣдней возможности, ушелъ изъ политической жизни и все время борьбы Тьера съ коммуной провелъ въ Испаніи въ Санъ-Себастіанѣ. Теперь онъ вновь вернулся въ Національное собраніе, но уже не врагомъ Тьера, котораго раньше называлъ «зловѣщимъ старикомъ». Видя, что со стороны реакціоннаго большинства угрожаетъ опасность самой идеѣ республики, Гамбетта выступилъ на ея защиту: онъ забылъ, что Тьеръ его раньше называлъ «буйнымъ помѣшаннымъ», переломилъ свою нелюбовь къ диктаторскимъ замашкамъ стараго честолюбца и рѣшилъ изо всѣхъ силъ поддерживать его, понимая, что лишь Тьеръ сумѣетъ сдержать монархистовъ. Нужно было убѣдить боязливую буржуазію, что республика не несетъ съ собой анархіи — и Гамбетта безъ-устали предпринимаетъ поѣздки по Франціи, говоритъ неутомимо рѣчи, ухитряется преодолѣвать всѣ препятствія, чинимыя ему реакціонными префектами, ободряетъ, разувѣряетъ, убѣждаетъ и объединяетъ разрозненныхъ республиканцевъ. Съ чуткостью опытнаго агитатора онъ примѣняется къ аудиторіи и находитъ идущія къ сердцу буржуазныхъ слушателей слова. Первыя его рѣчи — призывъ къ порядку, терпѣнію: «Героическое время прошло, будемъ же партіей практической, партіей правительства: слѣдуетъ терпѣть и цѣпляться за реформы, чтобы эта реформа была немедленно осуществлена и держаться за нее, пока она не осуществилась». Это политика приспособленія, политика любящаго порядокъ буржуа: и она должна была прійтись по душѣ большинству слушателей. Въ Анжерѣ онъ объясняетъ, что республика — единственная гарантія строгаго порядка, опора собственности, семьи и совѣсти. «Соціальнаго вопроса нѣтъ, — увѣряетъ онъ слушателей въ богатомъ торговомъ Гаврѣ, — есть только рядъ задачъ, которыя слѣдуетъ разрѣшить, и затрудненій, которыя нужно преодолѣть».

Въ Лаферте-су-Журръ онъ призываетъ «братски соединиться старшаго брата—буржуазію, съ младшими крестьянами и рабочими». И чѣмъ болѣе знакомился Гамбетта съ настроеніемъ буржуазіи во время поѣздокъ, тѣмъ все увѣреннѣе становились его нападки на

реакціонное собраніе. Онъ все горячѣе требуетъ его распущенія, озлобляя противъ себя монархистовъ. Въ Греноблѣ онъ съ пылкостью привѣтствуетъ выступленіе новаго соціальнаго слоя, идущаго на смѣну старымъ: «Развѣ не видимъ мы, что въ политическую жизнь вступили городскіе и деревенскіе рабочіе, этотъ трудовой міръ, которому принадлежитъ будущее? Развѣ не характерное это предостереженіе, если страна, испытавъ много формъ правленія, желаетъ, наконецъ, обратиться къ другому, новому общественному слою, чтобы испробовать республиканскую форму. Я предчувствую и провозглашаю появленіе и присутствіе въ политической жизни новаго соціальнаго слоя, который занимается политикой уже восемнадцать мѣсяцевъ и навѣрное ничѣмъ и ничуть не хуже другихъ классовъ, ему предшествовавшихъ»... Но весь радикализмъ искуснаго агитатора ограничивается лишь громкой фразеологіей; главное его вниманіе посвящено буржуазіи.

Политика «оппортунизма».

Для этихъ едва оживающихъ отъ страха передъ пережитыми потрясеніями войны и коммуны мирныхъ буржуа Гамбетта и обобщилъ политику приспособленія «оппортунизма», такъ ярко очерченную имъ въ бельвилльской рѣчи (1873 г.). «Вмѣсто систематической, воинствующей, геройской, рыцарской оппозиціи необходимо ввести въ дѣло оппозицію законную, конституціонную, парламентскую, научную, борящуюся за каждую пядь земли, ведущую за собой мирную борьбу партій, которая есть не что иное, какъ борьба идей. Эта политика налагаетъ необходимость дѣлать много уступокъ, обходовъ, пускать въ ходъ безконечное множество среднихъ терминовъ, среднихъ рѣшеній. Но гдѣ? Въ парламентѣ, на естественной почвѣ политическихъ сдѣлокъ, въ области изготовленія законовъ, дѣловой сутолоки, въ томъ, что можно назвать ежедневнымъ политическимъ хозяйствомъ страны... «Вотъ гдѣ необходимы уступки со стороны республиканской партіи, гдѣ онѣ справедливы, часто выгодны для насъ, всегда дѣйствительны для общественнаго мнѣнія: онѣ-то и позволили намъ укрѣпить мало-по-малу ту власть, которая была республикой только по имени... Слишкомъ часто въ этой странѣ, вотъ ужъ пятьдесятъ пять лѣтъ, наши искусные враги вовлекали нашу партію въ сѣти, заставляли ее совершать ошибки, преждевременно толкали къ началу активныхъ дѣйствій и эксплуатировали въ свою пользу ея качество, благородный пылъ, чтобы подавить, побѣдить и изгнать. Осторожность! Трудно пріобрѣтается это качество! Осторожность и благоразуміе, вотъ что намъ необхо-

димо больше всего, но въ особенности нужно умѣть распознавать, отъ чего намъ слѣдуетъ воздерживаться. Милостивые государи, поистинѣ вся политика въ этомъ и заключается!»

Политическія партіи.

Къ зимней сессіи 1872 года въ Національномъ собраніи окончательно сложились политическія фракціи: крайняя правая изъ горячихъ легитимистовъ, правая — легитимисты парламентарнаго строя, правый центръ — орлеанисты, сторонники парламентарной монархіи съ орлеанской династіей; лѣвый центръ — сторонники консервативной буржуазной республики, — въ него входили и друзья Тьера и нѣкоторые бывшіе орлеанисты; лѣвая изъ убѣжденныхъ умѣренныхъ республиканцевъ (Жюль Греви, Жюль Симонъ, Жюль Фавръ и ихъ друзья); республиканскій союзъ — Гамбетта и его товарищи: ихъ напрасно называли «красными» — они откладывали соціальныя реформы до утвержденія республики; наконецъ, бонапартисты, главой которыхъ былъ Руэръ, организовавшій группу «апелляціи къ народу», и которые послѣ смерти Наполеона III признаютъ государемъ своимъ его сына, подъ именемъ Наполеона IV.

Недовольство монархистовъ.

Между тѣмъ монархисты постепенно теряютъ терпѣніе, наблюдая, какъ дополнительные выборы посылали въ собраніе республиканцевъ, бонапартистовъ и рѣдко монархистовъ, какъ къ республикѣ переходили бывшіе орлеанисты. Попытка согласить правый и лѣвый центры не осуществилась и тогда десять делегатовъ отъ правой стороны рѣшаютъ объясниться съ Тьеромъ по поводу его внутренней политики. На обвиненія въ попустительствѣ радикальнымъ элементамъ, Тьеръ не безъ ироніи предложилъ депутатамъ правой прямо возстановить монархію, а въ случаѣ невозможности, принять консервативную республику съ двумя палатами, надѣлить исполнительную власть правомъ распускать нижнюю палату съ согласія верхней, установить избирательный законъ, гарантирующій всеобщее избирательное право противъ увлеченій и худшихъ попытокъ демагогіи. Депутаты удалились въ сильномъ раздраженіи. И правыя группы рѣшили свергнуть президента. А Тьеръ, ободренный безсиліемъ правыхъ, все опредѣленнѣе высказывается въ пользу республики: «Республика существуетъ, она законное правительство страны, желать чего-либо иного — желать новой и самой страшной революціи. Республика либо будетъ консервативной, либо ея вовсе не будетъ. Необходимо лишь организовать ее»... Правые обвиняютъ Тьера въ нарушеніи Бордосскаго соглашенія. Тьеръ оправдывается тѣмъ, что онъ принялъ

на себя обязательство защищать республику, признаетъ себя монархистомъ, который стоитъ за республику по расчету, ибо не можетъ быть во Франціи ничего другого, кромѣ консервативной республики. Между тѣмъ агитаціонныя рѣчи Гамбетты и въ собраніи и за его предѣлами дѣлаются все рѣзче. На запросы обезпокоенныхъ монархистовъ Тьеръ попрежнему отвѣчаетъ уклончиво и, не одобряя рѣзкой тактики Гамбетты, не принимаетъ противъ него репрессивныхъ мѣръ. Озлобленіе правыхъ достигаетъ крайняго напряженія. Президентъ собранія, республиканецъ Жюль Греви, долженъ уступить свое мѣсто члену праваго центра Бюффе, личному врагу Тьера. Когда же на выборахъ въ самомъ Парижѣ кандидатъ лѣвыхъ нанесъ пораженіе умѣренному другу Тьера, де-Ремюза, то правые уже не сомнѣвались въ двуличной политикѣ президента. Всѣ правыя группы до бонапартистовъ включительно сошлись на новомъ кандидатѣ въ президенты, маршалѣ Макъ-Магонѣ. Назначеніе Тьеромъ министровъ, явно близкихъ къ лѣвому центру, дало сигналъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Подъ руководствомъ герцога Броля 320 депутатовъ вносятъ запросъ объ общей политикѣ президента, и 23 мая Броль, лидеръ правой коалиціи, произноситъ громовую рѣчь: «опасность грозитъ со стороны партіи радикально-соціальнаго безпорядка. Щадя радикализмъ, правительство готовитъ возрожденіе коммуны. Оно должно отвѣтить прямо, какой политики намѣрено держаться, политики сопротивленія или радикализму, или политики уступокъ ему». Заканчиваетъ рѣчь Броль прямымъ нападеніемъ на самого президента: «Погибнуть за свое дѣло со знаменемъ въ рукахъ у подножія защищаемаго укрѣпленія — смерть славная, которая возвышаетъ партію и возвеличиваетъ память государственныхъ людей. Напротивъ того, погибнуть послѣ того, какъ самъ подготовилъ торжество противниковъ, погибнуть, открывъ ворота крѣпости, ставши въ печальное положеніе жертвы и смѣшное положеніе одураченнаго и невольно сдѣлавшись соучастникомъ въ преступленіи — позоръ, убивающій и репутацію и жизнь государственныхъ людей».

Паденіе Тьера 24 мая 1873 г.

Напрасно 24 мая Тьеръ оправдывался предъ собраніемъ, что умѣренная политика диктовалась обстоятельствами въ виду страшнаго разъединенія внутри страны, указывалъ на достигнутые имъ успѣхи: возстановленіе внутренняго порядка, реорганизацію финансовъ, арміи; доказывалъ, что такъ какъ нельзя тремъ династіямъ усѣсться на тронъ, то остается поддерживать респу-

блику... Большинствомъ 16 голосовъ (360 противъ 344) собраніе приняло переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражавшій порицаніе Тьеру за то, что недавнія перемѣны въ составѣ министерства не доставили консервативнымъ интересамъ того удовлетворенія, на которое они имѣютъ право. Одновременно подчеркивалось, что форма правительства не подвергается обсужденію. Тьеръ вслѣдъ за своими министрами немедленно подалъ въ отставку. Простымъ голосованіемъ при воздержавшихся лѣвыхъ былъ выбранъ президентомъ маршалъ Макъ-Магонъ. Новый президентъ, старый боевой генералъ, извѣстенъ былъ лойяльностью, съ которой служилъ при различныхъ политическихъ режимахъ и былъ особенно пріятенъ консервативному блоку, какъ подавитель коммуны. Его неопытность въ политическихъ вопросахъ внушала надежду, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ опытныхъ вождей правой.

Избраніе въ президенты Макъ-Магона.

Организаторомъ и главой новаго кабинета министровъ изъ правой естественно явился герцогъ Броль, вдохновитель коалиціи, низвергнувшей Тьера. Либеральный католикъ, орлеанистъ, недурной литераторъ, основатель клерикальнаго журнала «Корреспондентъ», дипломатъ-дѣлецъ, не трибунъ, но искусный парламентскій тактикъ, «Макківель кулуаровъ» (по словамъ Гамбетты), герцогъ Броль не скрывалъ отъ себя затрудненій, которыя представляло возстановленіе монархіи. Съ опытностью ловкаго дипломата онъ рѣшился выждать время, поставивши Макъ-Магона «часовымъ на мѣстѣ встрѣчи трехъ партій». Президентъ былъ вполнѣ подъ его вліяніемъ вслѣдствіе родственныхъ связей. Отмѣна протекціонныхъ налоговъ Тьера обѣщали поддержку имущихъ классовъ. Содѣйствіе церкви тоже было обезпечено. Оставалось обезпечить сліяніе двухъ династій.

Попытка монархической реставраціи.

Графъ Парижскій рѣшился, наконецъ, посѣтить своего старшаго родственника въ замкѣ Фросдорфъ, близъ Вѣны. Свиданіе ограничилось лишь однимъ личнымъ сближеніемъ. Но признавши старшинство бездѣтнаго графа Шамбора, графъ Парижскій становился естественнымъ путемъ его наслѣдникомъ. Тогда представители праваго центра, умѣренной правой и крайней правой образовали комиссію изъ десяти лицъ, которая выработала формулу, примирявшую программы легитимистовъ и орлеанистовъ и поручила депутату Шенелону ознакомить съ нею графа Шамбора. Шенелонъ сумѣлъ сговориться съ графомъ Шамборомъ относительно конституціоннаго строя возстановляемой монархіи,

но наткнулся на непреодолимое сопротивленіе въ вопросѣ о бѣломъ знамени. Съ большимъ трудомъ послѣ трехъ бесѣдъ ему удалось добиться у графа Шамбора уклончиваго обѣщанія: «Я согласенъ предоставить этотъ вопросъ рѣшенію собранія и, я думаю, мы сойдемся». Но тотчасъ же на четвертомъ свиданіи онъ заявилъ, что не хочетъ ставить себя слишкомъ въ зависимость отъ собранія и согласенъ признать всю формулу, кромѣ послѣдней ея части, которая касалась признанія трехцвѣтнаго знамени. Несмотря на это, роялисты рѣшили предпринять рѣшительныя дѣйствія, чтобы возстановить монархію. Они были такъ увѣрены въ ближайшемъ торжественномъ въѣздѣ короля Генриха V въ Парижъ, что уже были заготовлены кареты съ гербами, бѣлыя кокарды, фонарики, транспаранты, плакаты съ надписью «да здравствуетъ Генрихъ V!» Тревога овладѣла населеніемъ: во многихъ мѣстахъ крестьяне, боясь возстановленія десятины, спѣшили продать свой скотъ. Республиканскій союзъ организуетъ сопротивленіе грозящей реставраціи, сближается съ другими группами лѣвой, и онѣ совмѣстно выбираютъ «комиссію дѣйствія». Въ арміи генералъ Бельмаръ протестовалъ и былъ уволенъ маршаломъ за несоблюденіе дисциплины. Роялисты были увѣрены, что колебанія графа Шамбора уступятъ желанію царствовать. Великосвѣтское общество забыло свои охоты и балы, въ салонахъ высчитывали, сколько депутатовъ подадутъ голосъ за монархію, сколько противъ, сколько нерѣшительныхъ. Графъ Шамборъ, дѣйствительно, былъ сильно потрясенъ: онъ, представитель легитимной королевской власти, долженъ былъ сдѣлать уступки, стать законнымъ королемъ революціи. Въ своей растерянности онъ обратился къ папѣ Пію IX, и тотъ одобрилъ мотивы, склонявшіе Шамбора не уступать. Между тѣмъ въ газетахъ появился протоколъ отчета, представленнаго Шенелономъ своимъ товарищамъ. Онъ былъ составленъ настолько въ орлеанистскомъ духѣ, такъ подчеркивалъ уступки будущаго короля либерализму и согласіе его на признаніе трехцвѣтнаго знамени, что раздраженный графъ Шамборъ опубликовалъ немедленно письмо къ Шенелону, въ которомъ съ упрекомъ говорилъ о томъ, что ему рѣшились ставить условія, говорить о гарантіяхъ; онъ требовалъ довѣрія къ себѣ и подтверждалъ свою вѣрность старому принципу. Возводимая съ большимъ трудомъ постройка рухнула. Прекрасная мечта роялистовъ была разрушена. Но разъ парламентская реставрація монархіи оказалась невозможной, Броль и

его друзья рѣшили поддерживать неопредѣленный режимъ Макъ-Магона, прибѣгнуть вновь къ выжидательной тактикѣ, продолживши власть маршала.

Графъ Шамборъ въ Парижѣ.

Въ это время графъ Шамборъ сдѣлалъ попытку лично повліять на «Баярда нашего времени», какъ онъ называлъ маршала. Вѣрный своимъ принципамъ, желая избѣгнуть обращенія къ народу, онъ попытался воздѣйствовать на конкретнаго носителя верховной власти — намѣстника королевства въ отсутствіе короля. Пріѣхавши тайкомъ въ Версаль, онъ отправилъ одного изъ преданныхъ ему приближенныхъ къ маршалу, предлагая ему прійти для тайныхъ личныхъ переговоровъ. Маршалъ отклонилъ приглашеніе и отказался принять ключъ отъ двери, который обязательно предлагалъ ему посланецъ графа Шамбора. Теперь представителю старой династіи оставалось возложить всю свою надежду на помощь свыше. И онъ нѣсколько дней еще пробылъ во Франціи, ожидая конца дебатовъ о срокѣ полномочій Макъ-Магона, чтобы затѣмъ покинуть Францію навсегда.

«Септенатъ». Второе министерство герцога Броля.

Несмотря на возраженія лѣвой и бонапартистовъ, сплоченной коалиціей правой власть маршала была продлена на семь лѣтъ закономъ 20 ноября 1873 года (такъ называемый «септенатъ»). Герцогъ Броль немедленно составилъ новое министерство изъ членовъ реакціоннаго большинства. Была выбрана комиссія для составленія конституціонныхъ законовъ, большинство въ ней принадлежало правымъ группамъ. Но согласіе между легитимистами и орлеанистами продержалось недолго. Первое недоразумѣніе произошло изъ-за законопроекта, предоставлявшаго правительству временно право назначать мэровъ. Крайняя правая, объединившись съ оппозиціонной лѣвой, провалила законъ, имѣя въ виду получить отъ герцога Броля завѣреніе, что онъ не считаетъ септената догмой, но Макъ-Магонъ не принялъ отставки кабинета Броля; за кулисами быстро уладили разногласія, новое голосованіе выразило довѣріе кабинету, а рѣшено было законъ обсуждать сызнова. Проведя законъ, министерство стало увольнять мэровъ, извѣстныхъ своими республиканскими убѣжденіями. Это вызвало возмущеніе многихъ муниципальныхъ совѣтовъ, которые стали бойкотировать назначенныхъ мэровъ, непріятныхъ для населенія.

Дополнительные выборы попрежнему сопровождались пораженіями легитимистовъ и орлеанистовъ; одерживали верхъ республиканцы и бонапартисты.

Распаденіе праваго блока.

Маршалъ-монархистъ принужденъ былъ поддерживать республику, хотя правительство избѣгало этого слова; всюду во время своихъ поѣздокъ Макъ-Магонъ обѣщаетъ поддерживать порядокъ, подчеркиваетъ свою власть: «во Франціи существуетъ мое правительство». Но безпокойство въ странѣ не прекращалось: въ промышленности наступилъ застой, купечество громко жаловалось на упадокъ торговыхъ оборотовъ. Тогда лѣвая искуснымъ маневромъ рѣшаетъ добиться отъ Броля положительнаго отвѣта, будетъ ли онъ бороться противъ всякой попытки монархической реставраціи. Тщетно министръ уклончивымъ отвѣтомъ старается избѣгнуть поставленной ловушки, явно разсчитанной на то, чтобы поссорить его съ крайними правыми: онъ принужденъ сознаться, что власть Макъ-Магона «неизмѣнима». Тотчасъ же ярый легитимистъ, Казновъ де-Прадинъ, объявляетъ, что продленіе власти маршала лишь временная мѣра, за которой послѣдуетъ монархическая реставрація. Политика двусмысленностей была порвана. И Броль поневолѣ заявилъ, что мнѣніе Казнова де-Прадинъ чисто личное и ни къ чему не обязываетъ правительство. И на этотъ разъ коалиція поддержала министерство и разрѣшила ему даже продлить полномочія муниципальныхъ совѣтовъ изъ боязни, что новые выборы дадутъ преобладаніе республиканцамъ, но довѣріе крайнихъ легитимистовъ было весьма поколеблено; оно окончательно рушилось, когда Броль внесъ законопроектъ объ учрежденіи Большого Совѣта или верхней палаты. Изъ трехсотъ членовъ верхней палаты 150 назначались пожизненно правительствомъ, часть заполнялась высшими военными, духовными и судебными сановниками въ силу занимаемой должности, остальные избирались особой смѣшанной коллегіей изъ крупнѣйшихъ плательщиковъ налоговъ и чиновниковъ на 7 лѣтъ. Этой верхней палатѣ, засѣдающей безъ жалованья, представлялось право совмѣстно съ президентомъ республики распустить національное собраніе. Въ случаѣ смерти или отставки президента она, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, избирала новаго президента республики. Кромѣ того, вносится законъ избирательный и муниципальный. При этомъ министерство настаивало, чтобы первымъ былъ обсужденъ избирательный законъ. Но крайняя правая уже не довѣряетъ Бролю: она боится, что онъ стремится къ возстановленію орлеанской монархіи; вопреки настояніямъ Броля, стараніями крайнихъ правыхъ палата рѣшила прежде всего обсуждать муниципальный законъ. Правый блокъ

распадается, министерство выходитъ въ отставку, и Макъ-Магонъ назначаетъ дѣловой кабинетъ изъ правыхъ.

Конституціонные законы 1875 г.

Вновь начинается безуспѣшная борьба изъ-за опредѣленія политическаго режима: лѣвыя группы требуютъ провозглашенія республики, крайняя правая — возстановленія монархіи. Между тѣмъ президентъ настаивалъ на скорѣйшемъ обсужденіи конституціонныхъ законовъ. Чтобы не внести волненія въ круги крупной буржуазіи, сводившей балансъ къ концу года, рѣшено было начать обсужденіе съ января 1875 года. Докладчикъ учредительной комиссіи Вантавонъ представилъ проектъ, который опредѣлялъ политическій строй септената. Согласно ему маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ республики, продолжаетъ отправлять съ этимъ титуломъ исполнительную власть, которой облекъ его законъ 20 ноября 1873 года. Онъ безотвѣтственъ. Министры солидарно отвѣтственны предъ палатами. Законодательная власть ввѣряется двумъ собраніямъ — палатѣ депутатовъ и сенату. Палата депутатовъ избирается всеобщимъ голосованіемъ. Сенатъ состоитъ изъ двоякаго рода членовъ: выборныхъ и назначенныхъ согласно спеціальному закону. Маршалъ-президентъ можетъ распустить палату депутатовъ. По истеченіи срока его полномочій совѣтъ министровъ созываетъ обѣ палаты, которыя образуютъ конгрессъ, отъ котораго и зависитъ дальнѣйшее. Въ теченіе всего срока полномочій маршала пересмотръ конституціонныхъ законовъ можетъ быть производимъ лишь по его предложенію. Такимъ образомъ получалось своеобразное личное намѣстничество Макъ-Магона, подготовлявшее конституціонную монархію. Но во время второго чтенія проекта комиссіи депутатъ лѣваго центра Валлонъ вноситъ поправку общаго характера къ 3 параграфу акта 3, опредѣляющаго факторы власти: «Президентъ республики избирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ депутатовъ сената и палаты, соединяющихся въ Національномъ Собраніи. Онъ избирается на семь лѣтъ и можетъ быть переизбранъ». Докладчикъ потребовалъ отсрочки на одинъ день, но за ночь депутаты лѣвой сумѣли привлечь на свою сторону вліятельную группу праваго центра, объединявшуюся около Леонсъ де-Лаверня и большинствомъ одного голоса, 353 противъ 352 на другой день поправка Валлона была принята. Но это обозначало признаніе республики. Отколовшаяся группа праваго центра откровенно объяснила устами одного изъ своихъ членовъ, что пора прекратить разногласіе, которое вело лишь къ окончательной потерѣ обще-

Поправки Валлона.

ственнаго довѣрія, и вотировать за консервативную республику. Послѣ этого остальные законы были приняты съ поправками Валлона, измѣняющими личный характеръ режима маршала-президента. Проектъ Вантавана обобщается, исчезаетъ прибавка «маршалъ» къ титулу «президентъ республики», опускается упоминаніе о конечной датѣ 1880 года. И несмотря на ожесточенную борьбу, законопроектъ проходитъ съ поправками въ цѣломъ, большинствомъ 508 противъ 134.

Тогда маршалъ вмѣшивается въ обсужденіе конституціонныхъ законовъ, предупреждая особымъ посланіемъ, чтобы собраніе въ законѣ о сенатѣ не уклонилось отъ консервативныхъ принциповъ. Пользуясь этимъ давленіемъ, правымъ удается провалить законопроектъ въ цѣломъ, несмотря на то, что онъ былъ принятъ по отдѣльнымъ параграфамъ.

Законъ о сенатѣ.

Тогда лѣвый центръ входитъ въ соглашеніе съ правымъ центромъ, чтобы провести проектъ Валлона, который предлагаетъ изъ числа 300 сенаторовъ 75 несмѣняемыхъ избирать въ собраніи большинствомъ голосовъ, а остальныхъ на девять лѣтъ (при условіи, что треть будетъ выбывать каждые три года) въ особыхъ департаментскихъ собраніяхъ изъ членовъ генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ и делегатовъ отъ муниципальныхъ совѣтовъ. Всѣ поправки бонапартистовъ и легитимистовъ отвергаются, и законопроектъ Валлона проходитъ большинствомъ 448 противъ 241. Послѣднія надежды роялистовъ исчезаютъ: рядъ ораторовъ крайней правой обвиняетъ орлеанистовъ въ измѣнѣ, патетически заклинаетъ спасти Францію, раскаяться, пока есть время. Но всѣ усилія остановить укрѣпленіе республики напрасны: конституціонные законы проходятъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 425 противъ 254. Министерство уходитъ въ отставку, и составленіе новаго кабинета президентъ поручаетъ Бюффе, который и составляетъ новый кабинетъ изъ членовъ праваго центра и умѣренной группы лѣваго центра.

Политика Бюффе.

Программа новаго министерства обѣщала консервативную политику, но обходила молчаніемъ конституированіе республики. Министры въ своихъ рѣчахъ защищали конституцію, но Бюффе обнаружилъ скоро явное снисхожденіе къ префектамъ и чиновникамъ съ бонапартистскими симпатіями. Зато въ новой учредительной комиссіи большинство принадлежало республиканцамъ. Новые законопроекты, внесенные министерствомъ, обезпечивали денежное вознагражденіе сенаторамъ и опредѣляли взаимныя от-

ношенія сената, палаты депутатовъ, президента и министровъ. Республиканскія группы, довольныя своей побѣдой, боятся какого-нибудь неожиданнаго выпада со стороны президента и его совѣтниковъ и ограничиваютъ свои возраженія, примиряясь съ несовершенствами законовъ. Мало того, Гамбетта въ своей агитаціонной поѣздкѣ всѣми мѣрами призывалъ къ спокойствію и единенію, чтобы не раздражать консервативные круги, еще озлобленные принятіемъ республиканской конституціи. Пользуясь этимъ и опираясь на консервативное большинство, Бюффе провелъ законъ, разрѣшавшій епархіямъ открывать высшія учебныя заведенія и стѣснявшій дѣятельность частныхъ курсовъ. Такимъ образомъ духовенство могло захватить въ свои руки и высшее образованіе. Оно сейчасъ и намѣтило открытіе нѣсколькихъ университетовъ, при чемъ папскій легатъ въ своей рѣчи намѣтилъ основные принципы высшаго образованія: преподаваніе не должно быть свободнымъ, оно обязано итти по пути, указанному религіей...

Ростъ клерикализма.

Такъ подъ покровомъ консервативной аристократіи и буржуазіи укрѣплялся клерикализмъ. Съ 1871 года католическіе епископы развиваютъ усиленную дѣятельность: при помощи набожныхъ свѣтскихъ дамъ, среди которыхъ была и жена маршала Макъ-Магона, организуются экскурсіи къ новымъ чудотворнымъ источникамъ, поддерживается усиленная агитація въ пользу свѣтской власти папы, притѣсняемаго Италіей. Религіозныя паломничества часто превращались въ политическія манифестаціи, враждебныя республикѣ. Въ знакъ искупленія грѣховной Франціи на Монмартрѣ въ Парижѣ была съ согласія консервативнаго большинства заложена церковь, посвященная св. сердцу Іисусову.

Въ противовѣсъ клерикализму, ставшему оплотомъ реакціи, масонскія ложи, очагъ свободной религіозной мысли, энергично поддерживаютъ либеральную и радикальную оппозицію. Число ихъ быстро растетъ параллельно усиленію оппозиціи и вскорѣ онѣ становятся внушительной политической организаціей.

Законъ объ избраніи депутатовъ.

Наконецъ былъ внесенъ законъ объ избраніи депутатовъ. Предложеніе легитимистовъ, стремившихся ограничить всеобщее избирательное право двумя годами мѣстожительства вмѣсто шести мѣсяцевъ, установленныхъ конституціонной комиссіей, было отвергнуто, но не встрѣтили поддержки и защищаемые Гамбеттой выборы по спискамъ. Правительство отстояло выборы по округамъ, которые давали возможность оказывать больше давленія въ пользу

угодныхъ ему кандидатовъ. Мало того, консервативное большинство уменьшило число депутатовъ отъ Парижа и Ліона. Напослѣдокъ горячая борьба возгорѣлась изъ-за 75 сенаторскихъ мѣстъ, замѣщаемыхъ по выбору Національнаго Собранія. Правая и лѣвая составили свои списки, но кучка легитимистовъ, снова заподозривъ въ измѣнѣ орлеанистовъ, вошла въ тайное соглашеніе съ соединенной лѣвой. Благодаря этому въ сенатъ были выбраны 57 республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ и 9 легитимистовъ. Дѣло составленія конституціонныхъ законовъ было закончено, и Національное Собраніе разошлось.

Конституція 1875 года.

Такъ изъ отдѣльныхъ конституціонныхъ законовъ сложилось то, что называется конституціей 1875 года. Законодательная власть принадлежитъ палатѣ депутатовъ, избираемой всеобщей подачей голосовъ, и сенату. Учредительной властью (правомъ пересмотра конституціи) обладаетъ конгрессъ, состоящій изъ сената и палаты депутатовъ. Глава республики избирается конгрессомъ, т.-е. соединенными обѣими палатами на 7 лѣтъ, распоряжается военной силой, назначаетъ гражданскія и военныя власти, предсѣдательствуетъ на національныхъ торжествахъ, посылаетъ своихъ представителей къ иностраннымъ дворамъ, заключаетъ трактаты, распускаетъ палату съ согласія сената. Властъ исполнительная находится въ рукахъ совѣта 10 министровъ, которые солидарно отвѣтственны предъ палатами. Такимъ образомъ конституція напоминала режимъ парламентарной монархіи.

Передъ своимъ расхожденіемъ Національное Собраніе сняло осадное положеніе, тяготѣвшее надъ страной, префекты лишились права запрещать газеты. Политическая жизнь оживилась и тотчасъ же началась усиленная предвыборная агитація. Между монархистами продолжались несогласія, лѣвыя же группы поддерживали другъ друга. Программа ихъ обѣщала мирную политику, всеобщую воинскую повинность, равномѣрное распредѣленіе податного бремени, освобожденіе образованія отъ вліянія духовенства, избираемость мэровъ и ихъ помощниковъ, сохраненіе права всеобщаго голосованія.

Выборы 1875 года.

Чтобы обезпечить побѣду правительству, Бюффе прибѣгнулъ къ старымъ мѣрамъ: отдалъ приказъ префектамъ поддерживать кандидатовъ правой и праваго центра и препятствовать агитаціи республиканцевъ, запретилъ разносчикамъ продавать тѣ газеты, которыя, по его мнѣнію, оскорбляли порядокъ, нравственность, религію и нарушали общественную «безопасность». Тогда члены

лѣваго центра покинули министерство. Въ то же время маршалъ издалъ манифестъ, рекомендуя выбирать людей порядка и увѣряя въ своей консервативной и истинно либеральной политикѣ.

Выборы въ сенатъ дали большинство роялистамъ, но большое число избранныхъ ранѣе несмѣняемыхъ сенаторовъ-республиканцевъ дали монархическому большинству перевѣсъ всего въ нѣсколько голосовъ. Особенно ожесточенная борьба велась изъ-за выборовъ въ палату. Гамбетта по обыкновенію былъ неутомимъ: въ теченіе двухъ недѣль онъ произнесъ 4 большихъ рѣчи въ далекихъ другъ отъ друга крупныхъ центрахъ. Рѣзко нападая на злоупотребленія правительства, онъ въ то же время защищалъ консервативную республику и даже восхвалялъ сенатъ, какъ «цитадель республиканской демократіи». Министерство не стѣснялось въ средствахъ давленія на избирателей: робкихъ застращивали войной въ случаѣ побѣды республиканцевъ, энергичнымъ и предпріимчивымъ обѣщали субсидію, награды, разрѣшенія. Духовенство энергично воздѣйствовало на военныхъ и свѣтскихъ. Но, несмотря на всѣ усилія, Бюффе былъ забаллотированъ, Гамбетта выбранъ въ четырехъ мѣстахъ, республиканцы получили до 363 мѣстъ, правые едва 170. Правый центръ почти исчезъ. Министерство подало въ отставку, и Макъ-Магонъ принужденъ былъ обратиться къ Дюфору, который и составилъ министерство изъ умѣренныхъ членовъ лѣваго центра. Президентомъ палаты депутатовъ выбранъ былъ членъ республиканской лѣвой, Жюль Греви. Правда, республиканцы послѣ выборовъ снова разбились на отдѣльныя группы: крайнюю лѣвую, которая была недовольна примирительной и уступчивой политикой оппортунизма и желала выдвинуть соціальныя реформы, республиканскій союзъ Гамбетты и лѣвый центръ. Всѣ они поддерживали другъ съ другомъ связь, устраивая общія собранія. Крайняя лѣвая тотчасъ же внесла предложеніе амнистировать коммунаровъ, что не встрѣтило сочувствія ни въ палатѣ, ни тѣмъ болѣе въ консервативномъ сенатѣ.

Первое министерство Дюфора.

Министерство старалось загладить реакціонныя мѣропріятія Бюффе, провести законъ о высшемъ образованіи, ослаблявшій вліяніе клерикаловъ. Но законъ этотъ былъ отвергнутъ въ сенатѣ консервативнымъ большинствомъ, которымъ руководили Бюффе и Броль. При всемъ томъ политическая жизнь оживилась. Въ генеральныхъ совѣтахъ требовали скорѣйшаго введенія свѣтскаго первоначальнаго обученія. Собрался впервые рабочій конгрессъ, на которомъ делегаты высказали пожеланіе организовать рабочій

классъ посредствомъ синдикальныхъ палатъ, коопераций и другихъ вспомогательныхъ учрежденій. Выставлено было требованіе самостоятельныхъ кандидатуръ отъ рабочихъ въ палату депутатовъ, гдѣ они должны составить особую группу.

Министерство Жюля Симона.

Тѣмъ рѣзче почувствовалось предупредительное отношеніе Дюфора къ клерикаламъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергнуты были гражданскія похороны. Мало того, Дюфоръ выступилъ горячимъ защитникомъ лойяльности духовенства, увѣряя, что клерикализмъ пустой призракъ. Это было причиной паденія кабинета. Маршалъ принужденъ былъ поручить составленіе кабинета умѣренному республиканцу Жюль Симону, который, однако, былъ лѣвѣе Дюфора. Но Макъ-Магонъ былъ недоволенъ переходомъ власти къ республиканцамъ и воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ ненавистнаго ему лично Жюля Симона.

Епископы въ петиціи потребовали отъ правительства выступить на защиту папы Пія IX, пребывавшаго узникомъ въ Ватиканѣ. Агитація клерикаловъ росла: въ Парижѣ собрался католическій конгрессъ, обсуждавшій мѣры, необходимыя для того, чтобы обезпечить прочное вліяніе церкви во Франціи. Обезпокоенные республиканцы внесли запросъ. Жюль Симонъ думалъ ослабить остроту положенія: онъ, съ одной стороны, старался нѣсколько смягчить поведеніе епископовъ, съ другой стороны, заявилъ, что папа не плѣнникъ въ Ватиканѣ, и перечислилъ мѣры, принятыя имъ противъ клерикальной агитаціи. Дебаты закончились рѣзкимъ выступленіемъ Гамбетты. Онъ вскрылъ тайную связь между клерикалами и монархистами, противниками республики, и, перечисляя всѣ захваты клерикализма, заключилъ: «Національное сознаніе возмущено тѣмъ, что страну систематически смущаютъ люди, успѣхъ которыхъ можетъ лишь радовать враговъ Франціи. Если для Франціи, или точнѣе для французскихъ крестьянъ что-либо ненавистно въ одинаковой мѣрѣ съ возстановленіемъ порядковъ стараго режима, такъ это подчиненіе страны господству клерикализма... Клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ!» Палата пригласила министерство прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣропріятіямъ для обузданія антипатріотической манифестаціи.

Переворотъ 16 мая 1877 г.

Раздраженный Макъ-Магонъ хотѣлъ тотчасъ же порвать съ министерствомъ, но его ближайшій вдохновитель Броль посовѣтовалъ избѣгнуть столкновенія по религіозному вопросу и выждать другого случая. Началось обсужденіе закона о печати и

муниципальнаго; большинство домогалось отмѣны законовъ о печати, но Жюль Симонъ просилъ обождать до выработки новаго законопроекта. Несмотря на это, палата отмѣнила законъ о печати. Тогда маршалъ рѣшается, и 16 мая Жюль Симонъ получаетъ отъ него письмо, въ которомъ маршалъ высказываетъ порицаніе за то, что ни Жюль Симонъ, ни министръ юстиціи не боролись противъ отмѣны закона о печати, упрекаетъ за пассивное отношеніе къ обсужденію муниципальнаго закона въ комиссіи. «Если я, — заявляетъ президентъ, — не отвѣтственъ, какъ вы предъ большинствомъ палаты, то несу отвѣтственность предъ Франціей». Такимъ образомъ Макъ-Магонъ вновь пытается вернуть личный режимъ президента. Жюль Симонъ немедленно подаетъ въ отставку вмѣстѣ со своими товарищами. Немедленно всѣ группы лѣвой соединяются, и Гамбетта указываетъ, что въ письмѣ президента содержится притязаніе на личную власть, утверждается собственная отвѣтственность. Онъ предлагаетъ противопоставить этому интересы страны, представителями которой являются депутаты. На другой же день лѣвая въ мотивированномъ переходѣ постановляетъ, что въ силу конституціонныхъ законовъ преобладаніе власти парламента, выражаемое министерской отвѣтственностью, — первое условіе управленія страны самой страною; палата заявляетъ, что довѣріе большинства можетъ принадлежать лишь кабинету, свободному въ своихъ дѣйствіяхъ.

Третье министерство герцога Броля.

Макъ-Магонъ образуетъ боевое министерство изъ правой, подъ предсѣдательствомъ Броля. Такъ входитъ въ силу снова личный режимъ президента. Въ своемъ посланіи Макъ-Магонъ говорилъ, что въ виду неудачъ, постигшихъ министерства Дюфора и Жюля Симона, которые не нашли поддержки въ большинствѣ, онъ не можетъ обратиться къ республиканской фракціи, требующей радикальныхъ перемѣнъ во всѣхъ учрежденіяхъ и увѣренный въ томъ, что страна раздѣляетъ его мнѣніе, отсрочиваетъ на мѣсяцъ засѣданіе палатъ Немедленно республиканскія группы издали манифестъ, подписанный 363 депутатами, въ которомъ предлагали избирателямъ выбирать между реакціонной политикой и твердой умѣренной и прогрессивной. Въ департаментахъ Макъ-Магонъ не встрѣтилъ одобренія. Торговые люди, промышленники и землевладѣльцы боялись переворота, который могъ отразиться на хозяйствѣ страны. Армія тоже едва ли сочувствовала, — по крайней мѣрѣ, нѣкоторые генералы обѣщали Тьеру не поддерживать государственнаго переворота.

Министерство Броля тотчасъ почти всюду смѣнило префектовъ и замѣстило ихъ старыми имперіалистами, подвергло строгому надзору собранія, общества и печать, начало увольнять чиновниковъ, замѣченныхъ въ сочувствіи республикѣ.

Борьба за парламентарный строй.

Когда черезъ мѣсяцъ возобновились засѣданія палаты, дебаты между министерствомъ и его противниками показали, что обѣ стороны толкуютъ конституцію, исходя изъ двухъ противоположныхъ принциповъ. По мнѣнію Броля и его сторонниковъ, президенту принадлежитъ независимая власть, прерогатива самостоятельно избирать министровъ. Поставленный на защитѣ общества, онъ не можетъ взять министровъ среди радикаловъ, тѣмъ болѣе, что желательно сохранить отъ нихъ существующую конституцію до ея пересмотра. Президентъ сохраняетъ право аппеляціи къ странѣ и свободнаго избранія своихъ министровъ. Республиканская партія доказываетъ, что безотвѣтственный министръ не можетъ вести личной политики; что лѣвая, въ свою очередь, охраняетъ республику отъ ея враговъ. Борьба противъ радикаловъ лишь прикрываетъ поддержку клерикаловъ и дворянъ, ненавидящихъ демократію (рѣчь Гамбетты). Обѣ стороны стремятся опереться на историческую традицію. Защитники маршала настаиваютъ, что они представляютъ Францію 1789 года въ борьбѣ съ Франціей 1793; имъ отвѣчаютъ, что министерство представляетъ не 1789, а 1852 годъ и понимаетъ конституцію, какъ авторъ конституціи 1852 года.

Наиболѣе ясно выражается теорія большинства въ формулѣ порядка дня: «Палата депутатовъ, принимая во вниманіе, что министерство призвано къ дѣламъ вопреки закону о большинствѣ, составляющему принципъ парламентаризма, что оно въ самый день своего образованія уклонилось отъ всякаго объясненія предъ представителями страны, чтобы произвести давленіе на всеобщее голосованіе, что оно, въ силу своего образованія и происхожденія, представляетъ лишь коалицію партій, враждебныхъ республикѣ... руководимую вдохновителями клерикальныхъ манифестацій, уже осужденныхъ палатой..., что оно стало препятствіемъ къ сохраненію порядка и внѣшняго мира, равно причиной застоя всѣхъ коммерческихъ дѣлъ и интересовъ, объявляетъ, что министерство не заслуживаетъ довѣрія народнаго представительства и переходитъ къ очередному порядку»...

Сенатъ большинствомъ 150 противъ 130 вотировалъ распущеніе палаты. Теперь обѣ стороны обратились къ суду избирате-

лей. Министерство прибѣгло къ старымъ пріемамъ избирательной борьбы, завѣщаннымъ второй имперіей. Оно выставило официальныхъ кандидатовъ, обязало всѣхъ чиновниковъ голосовать за нихъ подъ угрозой отставки. Министерскіе циркуляры говорили, что, такъ какъ чиновникъ получаетъ жалованье, онъ теряетъ свою независимость и обязанъ служить интересамъ своего начальства. Уговорили маршала проѣхать по странѣ и произнести заранѣе составленныя рѣчи. Маршалъ обязывался не уступать: «Идите ко мнѣ на мой призывъ,—ко мнѣ, поставленному конституціей на постъ, который покидать запрещаетъ мнѣ долгъ». Въ манифестѣ къ избирателямъ онъ говорилъ: «Вы подадите голосъ за кандидатовъ, которыхъ я вамъ рекомендую. Идите смѣло голосовать. Я отвѣчаю за порядокъ и миръ». Но его встрѣчаютъ криками: «да здравствуетъ республика, да здравствуютъ 363!» Между тѣмъ правительство закрыло питейныя заведенія, гдѣ собирались республиканцы, запретило продажу враждебныхъ газетъ, распустило 613 муниципальныхъ совѣта, отозвало 1743 мэра и 1334 помощника, закрыло 344 общества, смѣстило 4779 чиновниковъ, подвергло суду 72 брошюры. Гамбетту дважды присудили къ штрафу и заключенію за непочтительные отзывы о маршалѣ. Но среди группъ правыхъ не было согласія: бонапартисты, озлобленные преслѣдованіями, дѣйствуютъ самостоятельно. Напротивъ, 363, несмотря на всѣ стѣсненія и репрессіи, выступаютъ всѣ съ одной и той же программой. Чтобы избѣжать преслѣдованій правительства, во главѣ избирательной агитаціи стоитъ центральный комитетъ изъ сенатскихъ республиканцевъ. Главнымъ агитаторомъ, какъ всегда, являлся Гамбетта, нанесшій жестокій ударъ противной сторонѣ своей рѣчью въ Лиллѣ. «Напрасно,—говорилъ онъ,—утверждаютъ, что народное голосованіе, высказавшееся въ пользу республики, можетъ быть оставлено безъ вниманія, когда единственная власть, предъ которой всѣ преклоняются, выскажется. Не думайте, что кто-нибудь рѣшится оказать ей противодѣйствіе. Не думайте, когда эти милліоны французовъ, крестьяне, рабочіе, буржуа, избиратели свободной французской земли выскажутъ свою волю, не думайте, когда столько милліоновъ французовъ заговоритъ, чтобы кто-нибудь, кто бы онъ ни былъ, на какой ступени политической или административной лѣстницы ни находился, рѣшился бы имъ сопротивляться. Когда раздастся державный голосъ Франціи, повѣрьте мнѣ, господа, придется или подчиниться или устраниться (se soumettre ou se demettre)». Выборы дали 326 мѣстъ республи-

канцамъ и 209 монархистамъ (изъ нихъ болѣе 100 бонапартистамъ). И на выборахъ въ генеральные совѣты республиканцы одержали побѣду въ 50 изъ 90. Но Броль не сразу сдался. Правда, онъ не рѣшался на насильственный переворотъ, тѣмъ болѣе, что часть орлеанистовъ не одобряла 16 мая. Между тѣмъ республиканцы переходятъ въ наступленіе, назначая разслѣдованіе по поводу нарушеній закона во время выборной борьбы. Броль надѣялся найти опору въ сенатѣ, но тотъ занялъ уклончивую позицію и вотировалъ назначеніе слѣдствія «согласно съ консервативными принципами». Министерству осталось подать въ отставку. Тогда Макъ-Магонъ, не желая уступать, образуетъ чисто дѣловой кабинетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Рошбуэ. Но онъ не просуществовалъ и дня. Палата отказалась входить въ какія бы то ни было сношенія съ министерствомъ, которое являлось прямымъ отрицаніемъ народныхъ правъ. Маршалъ попытался добиться утвержденія хоть части бюджета. Но Гамбетта, выбранный предсѣдателемъ бюджетной комиссіи, отказался входить въ какія-либо сношенія съ отвергнутымъ министерствомъ: «Палата тогда доставитъ нужныя для управленія средства, когда правительство преклонится предъ волей страны. Франція должна узнать, кто ею управляетъ: одинъ человѣкъ или народъ». Президенты обѣихъ палатъ отсовѣтовали маршалу прибѣгать ко второму распущенію. Маршалъ обратился тогда къ Дюфору, думая убѣдить его составить министерство изъ праваго и лѣваго центра, но Дюфоръ потребовалъ министерство изъ одной лишь лѣвой. Новыя усилія составить боевое министерство не удались вслѣдствіе отсутствія министра финансовъ, который рискнулъ бы собирать налоги безъ согласія палаты съ примѣненіемъ военной силы. Между тѣмъ смятеніе въ Парижѣ возрастало. Купцы и фабриканты представляли коллективныя петиціи за сотнями и тысячами подписей, прося положить конецъ невыносимому положенію, грозящему полнымъ разстройствомъ народнаго хозяйства. Посыпались петиціи изъ департаментовъ, участились личныя настоянія депутатовъ, на которыхъ оказывали давленія избиратели — и маршалъ уступилъ: онъ снова поручилъ Дюфору сформировать кабинетъ, который и составился изъ членовъ лѣваго центра и одного члена республиканскаго союза — Фрейсинэ, друга Гамбетты.

Министерство генерала Рошбуэ.

Побѣда парламентаризма. Второе министерство Дюфора.

14 декабря президентъ въ своемъ посланіи заявилъ палатнымъ: «Повинуясь парламентарнымъ правиламъ, я образую кабинетъ, составленный изъ людей, рѣшившихся защищать учрежденія

искреннимъ примѣненіемъ конституціонныхъ законовъ... Примѣненіе права распущенія не можетъ быть возводимо въ правительственную систему... Конституція 1875 года основала парламентарную республику, устанавливая мою неотвѣтственность, но въ то же время она устанавливаетъ отвѣтственность министровъ»...

Итакъ, президентъ принужденъ былъ признать, что не имѣетъ права пользоваться личной властью, и что правленіе должно быть парламентарнымъ. Власть переходила къ большинству палаты депутатовъ, которая такимъ образомъ становилась главной направительницей политической жизни Франціи.

Тотчасъ же былъ утвержденъ бюджетъ, аннулированы всѣ насильственныя мѣры министерства Броля: возстановленъ прежній административный персоналъ, осуждены офиціальныя кандидатуры, прекращены стѣсненія прессы, дана амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ съ 16 мая по 14 декабря, наконецъ, кассированы выборы 72 офиціальныхъ кандидатовъ, многіе изъ которыхъ уже не вернулись обратно въ палату.

Въ началѣ 1879 года начались выборы въ сенатѣ. Республиканцы одержали побѣду — изъ 300 мѣстъ имъ принадлежало 176. Сенатъ пересталъ быть опорой монархистовъ, враговъ республики, дорога для молодой республики сдѣлалась еще глаже.

Отставка президента Макъ-Магона.

Палата потребовала отъ министерства энергичныхъ перемѣнъ въ составѣ административнаго персонала и магистратуры. Министерство, подчиняясь требованію, стало очищать отъ реакціонныхъ дѣятелей судебную магистратуру и армію. Макъ-Магонъ отказался уволить нѣсколькихъ своихъ старыхъ товарищей генераловъ. Министерство подало въ отставку. Казалось, что начинается снова политическій кризисъ, но Макъ-Магонъ чувствовалъ себя безсильнымъ, популярность его пала, и онъ самъ подалъ въ отставку. Немедленно собрался національный конгрессъ, и республиканскимъ большинствомъ былъ выбранъ въ президенты старый республиканецъ, членъ умѣренной лѣвой, предсѣдатель палаты депутатовъ, Жюль Греви. Гамбетта былъ избранъ президентомъ палаты депутатовъ, вскорѣ и министерство Дюфора уступило мѣсто министрамъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ составу республиканской лѣвой. Началась эра буржуазно-парламентарной республики.

А. Васютинскій.

Объединеніе Италіи.

I. Характеристика положенія въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ.

Революціонное движеніе 1848—9 г., казалось, прошло для всѣхъ итальянскихъ государствъ, кромѣ Сардинскаго королевства, безслѣдно. Вездѣ вернулись къ тому, что было до «безумнаго года», вездѣ снова водворились абсолютныя правительства, политическое и умственное движеніе съ виду были совершенно подавлены.

Ломбардо-Венеціанская область.

Разсмотримъ сперва положеніе во всѣхъ частяхъ Италіи. Начнемъ обозрѣніе съ сѣвера, именно съ Ломбардо-Венеціанской области, входившей въ составъ австрійскихъ владѣній. Бывшія уже раньше взаимное непониманіе и антипатія между господствующими нѣмцами и подвластными итальянцами послѣ подавленія революціи еще усилились. Мѣры, къ которымъ прибѣгалъ фельдмаршалъ Радецкій, содѣйствовали усиленію взаимнаго озлобленія. Съ 6 августа 1848 г. по 22 августа 1849 г. было совершено 961 смертныхъ казней. Всего осуждено за политическія преступленія въ 1849 г. 2514 человѣкъ, въ 850 — 324 человѣкъ, и въ первые 3 мѣсяца 1851 г.—223. На отдѣльныхъ лицъ и на цѣлыя общины накладывались огромныя контрибуціи, напр., на Миланъ фельдмаршалъ наложилъ контрибуцію въ 20.315.000 лиръ. За простое храненіе оружія люди подвергались разстрѣлу. Когда въ 1849 г. возобновились театральныя представленія, то власти требовали ихъ посѣщенія, напр.: въ Павіи военная власть объявила, что непосѣщеніе театровъ будетъ считаться преступной молчаливой демонстраціей, въ Брешіи Гайнау, столь прославившійся жестокостями при взятіи города, требовалъ отъ чи-

Пособія: *Орси*, Современная Италія. Переводъ подъ редакціей Форстена (Спб. 1907). *Соренъ*, Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила. Переводъ Чеменской (Спб. 1898). *Больтонъ Книгъ*. Исторія объединенія Италіи.

новниковъ посѣщенія театровъ, а рабочимъ указалъ, что непосѣщеніе театровъ будетъ сочтено революціоннымъ дѣйствіемъ. Австрійское владычество все больше пріобрѣтало характеръ чисто военный—господства инородческаго войска во враждебной странѣ.

Недовольству властей и развитію духа національной независимости особенно содѣйствовали увеличивавшіеся съ 1849 года налоги. Налоги оказывали на населеніе большее вліяніе, чѣмъ разныя книги и статьи. Поземельный налогъ въ другихъ областяхъ Австріи равнялся 16% дохода, въ Ломбардо-Венеціанской области — 28. При переходѣ собственности въ этихъ областяхъ платилось 17%, а въ другихъ австрійскихъ земляхъ — 9½. Въ Ломбардіи въ 1849 г. поземельный налогъ съ 39.000.000 лиръ возросъ до 58.000.000. Въ Венеціанской области въ 1847 г. поземельный налогъ равнялся 5.395.557 флориновъ, а въ 1857 г. — 6.715.162, косвенные налоги въ 1847 г. давали 12.710.801 флор., а въ 1857 г. — 14.830.842. Всего въ 1857 г. Венеціанская область платила 23.161.348 флор. государственныхъ налоговъ, а тратила на нее Австрія 12.972.738 фл., правда, въ это число не внесенъ расходъ на содержаніе войскъ, находившихся въ области. Хотя военныя экзекуціи здѣсь и мягче, чѣмъ въ Ломбардіи, однако, число казненныхъ все-таки достигаетъ 500. Цифра эта даже должна показаться весьма незначительной, если мы вспомнимъ, что въ 1831 г. въ Ломбардіи былъ подтвержденъ законъ, карающій смертной казнью за распространеніе революціонныхъ писаній и пятилѣтней каторгой за недонесеніе о распространеніи!

Объединеніе Италіи.

Населеніе отвѣчало на подобныя мѣропріятія правительства «подпольной» агитаціей и заговорами, изъ которыхъ наиболѣе значительнымъ былъ заговоръ, кончившійся такъ называемымъ «Мантуанскимъ процессомъ». Заговорщики имѣли въ виду освободить родину отъ австрійцевъ и ввести республиканское правленіе. Число заговорщиковъ превысило 3.000, и, несмотря на такое значительное количество участниковъ, заговоръ годъ и два мѣсяца не былъ извѣстенъ полиціи, которой удалось раскрыть его совсѣмъ случайно. Результатомъ «Мантуанскаго процесса» было 46 осужденій на смертную казнь и еще много приговоровъ къ болѣе мелкимъ наказаніямъ.

Миланскій заговоръ.

Въ «Мантуанскомъ процессѣ» мы имѣли дѣло съ заговоромъ, осуществить который помѣшали. Въ Миланѣ дѣло дошло до попытки осуществленія заговора. Тамъ образовалось респу-

бликанское общество, которое не только не было напугано «Мантуанскимъ процессомъ», но было имъ только озлоблено. Общество вступило въ непосредственныя сношенія съ Мадзини [1]). Онъ, какъ извѣстно, считалъ возможнымъ посредствомъ возмущеній, произведенныхъ въ заранѣе опредѣленный день, освободить Италію отъ иноземнаго владычества. Мадзини вѣдь предполагалъ, что, какъ только произойдетъ возстаніе, къ возставшимъ присоединится масса населенія. На бумагѣ число заговорщиковъ въ Миланѣ достигло 3.000, на бумагѣ они были раздѣлены на отряды съ начальниками, условными знаками и т. п. По плану Мадзини сигналъ къ возстанію долженъ былъ дать Миланъ, а участники заговора собрать къ назначенному дню вооруженные отряды въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Павіи, въ Швейцаріи и въ Кьяссо. Примѣру Милана, предполагалъ Мадзини, послѣдуютъ Эмилія, Каррара и Тоскана. Если Миланъ сможетъ сражаться два дня, то пожаръ распространится по всей Ломбардіи, а въ Сициліи, Генуѣ и Пьемонтѣ будетъ такое же волненіе и возбужденіе, какъ въ 1848 г. При удачѣ Миланскаго возстанія австрійскія войска или покинутъ города центральной Италіи, чтобъ сконцентрироваться на По, или же, сопротивляясь въ отдѣльности, легко будутъ уничтожены народнымъ движеніемъ. Въ такихъ приблизительно чертахъ рисовалось Мадзини будущее возстаніе.

Возстаніе должно было разразиться 6 февраля 1853 г. въ Миланѣ. Чтобъ завладѣть внезапнымъ нападеніемъ Миланской цитаделью, былъ составленъ крайне сложный планъ. Но предпріятіе кончилось самымъ плачевнымъ образомъ. 6 февраля вмѣсто предполагаемыхъ тысячъ явилось въ назначенное время 130 человѣкъ и вмѣсто сраженія съ австрійскимъ гарнизономъ произошло убійство и пораненіе нѣсколькихъ солдатъ и офицеровъ на улицахъ. За эту попытку властями было повѣшено 16 человѣкъ. Изъ Милана были удалены всѣ подозрительные иностранцы, въ томъ числѣ 6.000 человѣкъ изъ кантона Тессина, ибо кантонъ этотъ былъ виновенъ въ томъ, что принималъ опальныхъ и помогалъ имъ. Миланская община должна была содержать какъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ въ теченіе всей ихъ жизни, такъ и семейства убитыхъ. 13 февраля все имущество какъ движимое, такъ и недвижимое политическихъ эмигрантовъ [2]) было объ-

---

[1]) О немъ смотри статью Тарле въ IV томѣ.

[2]) Политическими эмигрантами являются не только тѣ эмигранты, которые объявлены таковыми въ декабрѣ 50 г., но и всѣ исключенные изъ амнистіи·

явлено подлежащимъ секвестру. Радецкій уже раньше предлагалъ наложить секвестръ на имущество ломбардскихъ эмигрантовъ. Такъ какъ секвестру подверглось также и имущество ломбардскихъ эмигрантовъ, ставшихъ пьемонтскими подданными, то это распредѣленіе австрійскаго правительства вызвало дипломатическую переписку съ туринскимъ правительствомъ. Предпріятіе 6 февраля сильно повредило престижу Мадзини и значительно усилило въ Ломбардіи партію, стремившуюся къ сліянію Ломбардіи съ Пьемонтской монархіей.

Послѣ 6 февраля мы не встрѣчаемъ больше попытокъ къ вооруженному возстанію, но зато въ австрійской Италіи усилилось пассивное сопротивленіе, особенно въ Венеціанской области. Тамъ, какъ и въ Ломбардіи, населеніе не трогалось заботами правительства объ его матеріальномъ благополучіи, напр., осушеніемъ болотъ. Наконецъ Австрія увидала, что суровыя мѣры не даютъ желанныхъ результатовъ, и рѣшила испытать политику примиренія. Правителемъ Италіи былъ назначенъ не лишенный личной привлекательности эрцгецогъ Максиміліанъ [1]), который мечталъ примирить населеніе съ австрійскимъ владычествомъ. Въ 1857 г. 72 лица, осужденныя за политическія преступленія, получили амнистію. Однако въ общемъ примирительная политика Максиміліана успѣха не имѣла: къ эрцгерцогу примкнула только весьма небольшая часть Ломбардо-Венеціанскаго дворянства. Отношеніе же громаднаго большинства населенія къ правительству нашло себѣ выраженіе въ извѣстныхъ словахъ Даніеля Манина: «Мы не просимъ Австрію быть въ Италіи гуманной и либеральной, ибо это невозможно, даже если она этого пожелаетъ; мы ее просимъ уйти». Эти слова Манина прекрасно характеризуютъ положеніе дѣлъ въ австрійской Италіи, гдѣ не могло быть иного австрійскаго правленія, кромѣ какъ основаннаго на господствѣ арміи.

Модена. Въ герцогствѣ Моденскомъ Францискъ V правилъ съ полнымъ произволомъ, хотя и ввелъ государственный совѣтъ и консульту. Францискъ отличался ненавистью къ Франціи Наполеона III, котораго называлъ разбойникомъ, а побѣду союзниковъ въ Крымской кампаніи называлъ тріумфомъ плутовъ. Въ бумагахъ герцога нашелся планъ военныхъ дѣйствій армій австрійской, прусской и итальянской въ связи съ англійскимъ флотомъ, под-

[1]) Впослѣдствіи мексиканскій императоръ, разстрѣлянный въ 1867 г.

нявшимся по Сенѣ, противъ Парижа, главы гидры, скорѣе клоаки европейскихъ злодѣйствъ, чѣмъ столицы Франціи. По мнѣнію герцога, послѣ взятія Парижа, столица должна быть перенесена въ другое мѣсто; всѣ внутреннія французскія крѣпости должны быть разрушены, пограничныя же должны быть заняты союзниками; въ департаментахъ, смежныхъ съ Германіей и Италіей, должны быть учреждены военныя поселенія хорватовъ и славянъ (повидимому, герцогу осталось неизвѣстнымъ, что хорваты тоже славяне). Наиболѣе же безпокойное населеніе этихъ департаментовъ должно быть отправлено во внутрь Франціи и переправлено въ Америку. Число французскихъ крѣпостей и военныхъ кораблей должно быть ограничено. Наконецъ Франція обязана содержать непріятельскія арміи, пока все не придетъ въ порядокъ; Франція обязана также уплатить военныя издержки и затраты на колонизацію и, наконецъ, разрушить укрѣпленія Парижа. Проектъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ. Неудивительно поэтому, что Францискъ V въ критическій моментъ не нашелъ никакого сочувствія у Наполеона III.

Для характеристики положенія внутреннихъ дѣлъ въ Моденскомъ герцогствѣ можно ограничиться весьма немногимъ, но говорящимъ довольно много. Герцогъ замѣнилъ вербовку солдатъ наборомъ, изъ котораго были исключены евреи, при чемъ общины платили 1.500 лиръ за каждаго изъятаго отъ набора. Полиція имѣла право карать тюрьмой до года, ссылкой до двухъ лѣтъ, тѣлесными наказаніями и штрафами. За богохульство грозила по суду каторга до 5 лѣтъ. Общины, въ которыхъ происходили политическія преступленія, должны были содержать войска и платить пенсіи вдовамъ убитыхъ солдатъ, пока преступники не будутъ открыты.

Францискъ V велъ постоянную борьбу съ каррарскими мраморщиками. Каррара была въ Моденскомъ герцогствѣ центромъ инсуррекціонныхъ движеній, которыя подавлялись правительствомъ съ крайней жестокостью.

Парма. Въ сосѣднемъ Пармскомъ герцогствѣ правленіе было много мягче, но все-таки герцогъ Карлъ III присудилъ членовъ регентства[1]) къ уплатѣ 31.000 лиръ, а членовъ временнаго правительства къ уплатѣ 582.000, какъ «денегъ, взятыхъ на пользу революціи». Съ другой стороны, герцогъ издалъ нѣсколько распо-

---

[1]) См. статью Тарле въ IV томѣ.

ряженій, имѣвшихъ въ виду благо низшихъ слоевъ населенія: сдалъ въ 100-лѣтнюю аренду государственныя земли, которыхъ стоимость достигла 20.000.000 лиръ; покровительствовалъ арендаторамъ-крестьянамъ противъ землевладѣльцевъ; ввелъ прогрессивно-подоходный налогъ. Это, однако, не мѣшало герцогу быть пьяницей и скандалистомъ: разъ онъ бросилъ въ театрѣ горящую сигару, а другой разъ велѣлъ опустить занавѣсъ во время дѣйствія. Не нравилось его подданнымъ и то, что онъ благоволилъ Австріи, въ 1849 г. онъ заключилъ съ ней почтовый договоръ, а въ 32 — таможенный. Австрійская оккупація обошлась съ 1850 по 1858 г.г. Пармѣ болѣе, чѣмъ въ 2.000.000 лиръ. Въ 1854 г. Карлъ III былъ убитъ изъ личной мести, при чемъ убійца былъ якобы не обнаруженъ, и во главѣ правленія стала вдова герцога Марія Луиза Бурбонская, правившая именемъ своего сына Роберта. Въ это правленіе въ 1856 г., вслѣдствіе политическихъ убійствъ, ремесленникамъ и рабочимъ было запрещено оставаться внѣ дома послѣ 9 часовъ вечера.

Тоскана.

Великій герцогъ Тосканскій Леопольдъ II возвратился къ себѣ съ помощью австрійцевъ, при этомъ возвращеніи населеніе въ общемъ встрѣчало своего правителя съ радостью. Великій герцогъ далъ всѣмъ, кромѣ поименно упомянутыхъ 81 лица, амнистію, но для предупрежденія безпорядковъ издалъ распоряженіе, что рѣчи и дѣйствія, не являющіяся настоящимъ преступленіемъ противъ существующаго строя и религіи, караются администрацiей заключеніемъ до трехъ лѣтъ или даже изгнаніемъ. Рескриптомъ 21 октября 1850 г. было объявлено, что вся власть сосредоточивается въ правителѣ, такъ что всякія конституціонныя учрежденія являлись отмѣненными; а въ маѣ 1852 г. конституція была прямо объявлена уничтоженной. Были возбуждены процессы противъ повременныхъ изданій, осмѣлившихся порицать поведеніе великаго герцога. Леопольдъ II заключилъ съ Австріей такой военный договоръ, который въ сущности отдалъ Тоскану подъ австрійскій протекторатъ. Австрійская оккупація обошлась Тосканѣ отъ 1849 по 1855 гг. почти въ 32.000.000 лиръ, и государственный долгъ Тосканы возросъ почти до 102.000.000 лиръ.

Съ другой стороны, Леопольдъ II заключилъ конкордатъ съ Римомъ, который являлся полнымъ отказомъ отъ прежней независимой церковной политики, отъ такъ называемыхъ «Леопольдовскихъ традицій». По конкордату церковная власть получала полную свободу въ своей области. Епископы получили право сво-

бодно распубликовывать свои акты и безпрепятственно сноситься съ римской куріей. Всѣ дѣла, касающіяся вѣры, таинствъ, вообще всѣ духовныя и церковныя дѣла подлежали теперь суду церковной власти по каноническому праву. Вопросы, связанные съ бракомъ, должны рѣшать церковные суды, а свѣтскіе — только чисто свѣтскіе вопросы, возникающіе между супругами. Церковныя имущества должны управляться исключительно духовными лицами. Конкордатъ, столь явно нарушавшій прерогативы государства, былъ заключенъ, потому что Австрія готовилась заключить подобный. а по словамъ одного изъ тосканскихъ министровъ, Тоскана должна была подражать Австріи.

Церковная область.

Политика Леопольда II оттолкнула отъ него конституціоналистовъ, которые хотѣли видѣть Тоскану автономнымъ конституціоннымъ государствомъ и которые въ общемъ относились враждебно къ притязаніямъ клерикаловъ. А увеличеніе налоговъ, бывшее результатомъ политики великаго герцога, возбуждало неудовольствіе такихъ общественныхъ слоевъ, которые были далеки отъ всякихъ политическихъ теорій.

Въ общемъ все-таки положеніе населенія Тосканы можно признать сноснымъ, чего отнюдь нельзя сказать о сосѣдней съ ней церковной области. Папа Пій IX вернулся въ Римъ 12 апрѣля 1850 г. Напрасно добивалась отъ него Франція общей амнистіи, новаго гражданскаго кодекса, реформы судебныхъ процессовъ съ введеніемъ устности и публичности въ судахъ, выборныхъ общинныхъ должностей, напрасно 256 общинъ протестовали противъ реставраціи стараго порядка; была только назначена комиссія для улучшенія суда и законовъ; только неопредѣленно была обѣщана амнистія, и 25.000 лицъ пришлось покинуть Римъ. Начались разстрѣлы. Въ одной Болоньѣ за нѣсколько лѣтъ разстрѣляно 186 человѣкъ. На разстрѣлы населеніе отвѣчало политическими убійствами, которыя обыкновенно являются слѣдствіемъ правительственныхъ репрессій.

Полиція, свирѣпствовавшая противъ политическихъ противниковъ правительства, была совершенно не въ силахъ справиться съ разбойниками. Однажды разбойническая шайка въ городкѣ Форлимпополи овладѣла театромъ, ограбила зрителей и принудила болѣе состоятельныхъ изъ числа зрителей отдать разбойникамъ ключи отъ своихъ домовъ, такъ что разбойники на досугѣ могли разграбить ихъ домъ.

Число заключенныхъ въ тюрьмахъ достигало въ 1850 году 10.436 человѣкъ, а въ 1853 г. — 12.035, въ томъ числѣ больше 1.000 политическихъ. Сознаніе обвиняемыхъ вынуждалось полиціей довольно первобытными пріемами: главное средство было битье: то обвиняемаго били палками наединѣ, то избивали его въ присутствіи друга, чтобы тотъ изъ жалости къ избиваемому сдѣлалъ признаніе. Въ числѣ преступленій мы находимъ и работу по праздничнымъ днямъ. Инквизиція была въ полной силѣ: одинъ человѣкъ за то, что не снялъ въ церкви шляпы, былъ присужденъ къ галернымъ работамъ, другой за богохульство подвергался такой пыткѣ, что въ результатѣ ея оказался мертвымъ.

Неаполь.

Хуже всего было, пожалуй, положеніе въ неаполитанскомъ королевствѣ, самомъ значительномъ итальянскомъ государствѣ какъ по населенію, такъ и по площади. Король Фердинандъ II не отмѣнилъ конституціи, ибо онъ ей присягалъ и его нравственное чувство не позволяло ему нарушить присягу. Вѣдь, какъ извѣстно, нравственное чувство этого правителя было такъ сильно развито, что онъ опредѣлялъ длину рукавовъ и юбокъ актрисъ, велѣлъ танцовщицамъ одѣваться въ зеленое трико и даже приказалъ завѣсить вуалью Венеру Праксителя. Король получилъ 2.283 адреса, въ томъ числѣ 1.854 отъ общинъ съ просьбой объ отмѣнѣ конституціи и все-таки король, руководимый своей совѣстью, не отмѣнилъ ея, ибо нарушилъ бы свою присягу. Фердинандъ попросту уничтожилъ траты на парламентъ, который онъ не созывалъ, отставилъ чиновниковъ и ввелъ новую формулу присяги, такъ что конституція, не будучи формально отмѣнена, реально перестала дѣйствовать. Король самъ установлялъ налоги и ввелъ предварительную цензуру.

Главнымъ господствующимъ зломъ была всеобщая подкупность: случалось, что министръ, столкнувшись съ крупной фирмой, запрещалъ вывозъ хлѣба, а то искусственно понижалъ его цѣну, когда же фирма успѣла произвести закупку хлѣба, запретъ вывоза снимался и цѣна хлѣба повышалась. Должности получались по фавору и за взятки. Администрація стоила крайне дорого, потому что чиновниковъ разъ въ 10 больше, чѣмъ нужно, при чемъ высшіе получали слишкомъ много, а низшіе слишкомъ мало. Въ результатѣ такой системы таможенные чиновники превращались въ контрабандистовъ, солдаты — въ убійцъ; за общественныя работы деньги платились, а самыя работы не исполнялись. Многія книги, изданныя за границей, были запрещены, но всякій,

кто могъ и хотѣлъ заплатить за книгу въ нѣсколько разъ дороже обозначенной на ней цѣны, могъ получить любую книгу. Дороги были такъ плохи, что путь отъ Неаполя до Аквилы продолжался 8 дней, а до Реджіо — 12. Путешественниковъ было очень мало, ибо, чтобъ явиться изъ провинціи въ столицу, надо было заручиться паспортомъ, что было сопряжено не только съ утомительными формальностями, но и со взятками, даваемыми полиціи. Цѣлыя области были заброшены, отъ чего онѣ становились болотистыми и нездоровыми.

Населеніе королевства крайне старательно охранялось отъ соприкосновенія съ гибельнымъ вліяніемъ другихъ странъ, поэтому было запрещено принимать участіе на Лондонской и Парижской выставкахъ. Въ 1853 г. одинъ цырюльникъ осужденъ къ штрафу въ 4.300 лиръ, ибо у него «найдены стихи Леопарди, противные религіи и добрымъ нравамъ». Для внушенія «здравыхъ понятій» былъ изданъ для употребленія въ низшихъ школахъ «Философскій катихизисъ». Въ этомъ катихизисѣ мы находимъ, между прочимъ: конституція или основные законы невозможны, такъ какъ ихъ результатомъ было бы ограниченіе верховной власти, которая, однако, можетъ подчиняться только мѣрѣ и предѣлу, установленнымъ собственнымъ желаніемъ государя. Народъ созданъ для того, чтобъ повиноваться, а не приказывать, и, слѣдовательно, не можетъ предписывать законовъ властителю, который получаетъ власть не отъ народа, а отъ Бога. По «Философскому катихизису» государь, даже давъ клятву соблюдать конституцію, не обязанъ ее соблюдать, если она посягаетъ на права его верховной власти, ибо въ этомъ случаѣ конституція противна велѣніямъ Божьимъ; и государь обязанъ сохранять вполнѣ и нерушимо верховную власть, отъ Бога установленную и отъ Бога ему ввѣренную.

Въ университетахъ правила и программа были хороши, но искажались административнымъ вмѣшательствомъ. Курсъ могъ читаться только съ правительственнаго разрѣшенія, которое давала полиція. Курсъ одного профессора права, вполнѣ преданнаго королю, былъ запрещенъ потому, что могъ возбудить разсужденія о формахъ правленія и о правительственныхъ мѣрахъ. Полиція вмѣшивалась даже въ курсы физики извѣстнаго ученаго Меллони.

Неудивительно, что при произволѣ администраціи и полиціи число подозрительныхъ достигало 50.000. Подозрительными въ

числѣ прочихъ считались «носившіе длинныя бороды и странныя шляпы». Подозрительные не могли безъ полицейскаго разрѣшенія передвигаться съ мѣста на мѣсто. Число заключенныхъ по политическимъ дѣламъ на континентѣ (т.-е. не считая Сициліи) дошло въ 51 г., по Гладстону, до 20.000. Гладстонъ въ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ іюлѣ 51 г., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «я хочу описать постоянное, систематическое, обдуманное нарушеніе всякаго права, совершаемое властью, долгъ которой слѣдить за дѣйствіемъ права, нарушеніе писанныхъ законовъ, совершаемое съ цѣлью нарушить неписанные законы, божескіе и человѣческіе, безусловное преслѣдованіе доблести, соединенной съ умомъ, профанацію религіи, нарушеніе всякой нравственности... Правительство движимо свирѣпой, жестокой и незаконной враждебностью противъ всего, что живетъ и движется, противъ всего, что можетъ способствовать прогрессу и улучшенію. Своимъ явнымъ попраніемъ всякаго нравственнаго закона правительство попираетъ религію общества... Судъ явно принимаетъ самую грубую и низкую клевету, съ цѣлью разрушить свободу, а также и жизнь самыхъ доблестныхъ, честныхъ и умныхъ людей. Я очень часто слышалъ рѣзкое, но вѣрное мнѣніе: «отрицаніе Бога было возведено въ систему управленія». Гладстонъ даетъ ужасающее описаніе неаполитанскихъ тюремъ: «врачи не ходятъ къ заболѣвшимъ заключеннымъ. Хлѣбъ столь плохъ и такъ противенъ, что только сильнѣйшій голодъ можетъ принудить ѣсть его. Тюрьмы грязны, какъ конуры. До 400 заключенныхъ помѣщаются въ длинной и низкой камерѣ со сводами, освѣщаемой и освѣжаемой маленькимъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой. Заключенные связаны попарно тяжелыми цѣпями, которыя никогда не снимаются. До суда заключенные содержатся иногда нѣсколько лѣтъ. Если нельзя установить обвиненіе путемъ искаженныхъ толкованій и пристрастныхъ свидѣтельствъ, то прибѣгаютъ къ лжесвидѣтельству и клеветѣ, при чемъ вполнѣ сознательно правительство противъ человѣка, котораго хочетъ погубить, пользуется отъявленными негодяями. Обвиняемый можетъ привести сколько угодно разсужденій въ свое оправданіе, но ему не позволяютъ ими воспользоваться. Поведеніе правительства является постояннымъ оскорбленіемъ религіи, цивилизаціи, человѣчности и общественной нравственности». Письма эти произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ.

Пьемонтъ.

Теперь перейдемъ къ Пьемонту, единственному итальянскому государству, сохранившему конституцію. Уже одно это обстоя-

тельство дѣлало его въ глазахъ многихъ итальянцевъ чѣмъ-то въ родѣ «земли обѣтованной». Туда эмигрировало до 50.000 лицъ, замѣшанныхъ въ движеніяхъ 48 — 9 гг. Молодой король Викторъ Эммануилъ II заключилъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ миръ съ побѣдоносной Австріей безъ какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ, но съ уплатой значительной контрибуціи. Съ 7 мая 49 г. во главѣ министерства сталъ извѣстный писатель Массимо д'Азельо, крайне умѣренный либералъ. Передъ правительствомъ была трудная задача: вести дѣло такъ, чтобы результаты неудачной войны съ Австріей не оказали рокового вліянія на дальнѣйшую судьбу побѣжденнаго государства. Главная заслуга д'Азельо какъ разъ и состоитъ въ томъ, что онъ среди дебрей реакціи сохранилъ конституціонный строй. Но приходится настаивать на томъ, что Пьемонтъ, если его сравнивать не съ остальными итальянскими государствами, а съ болѣе передовыми странами, являлся страной отсталой. Въ немъ было изъ 5.000.000 населенія болѣе 1.000.000 безграмотныхъ и около 420.000 умѣвшихъ только читать!

Въ 50 г. министръ юстиціи, графъ Сиккарди, внесъ законопроектъ объ отмѣнѣ церковной юрисдикціи, уничтожавшій церковные трибуналы, право прибѣжища въ церквахъ и въ другихъ святыхъ мѣстахъ. Въ сущности законы Сиккарди давали Пьемонту только то, чѣмъ уже пользовались другія католическія государства. Но такъ какъ законы были предложены безъ предварительнаго соглашенія съ Римомъ, то курія разгнѣвалась. Законъ былъ принятъ палатой и утвержденъ королемъ. Туринскій архіепископъ Фромеани, призывавшій въ своемъ пасторскомъ посланіи подчиненный ему клиръ не повиноваться этому закону, былъ осужденъ къ непродолжительному тюремному заключенію и небольшому штрафу. Это повлекло за собой отозваніе изъ Турина папскаго нунція. Такимъ образомъ, началась борьба между конституціоннымъ Пьемонтомъ и абсолютистической римской куріей. Въ числѣ министровъ, составлявшихъ министерство д'Азельо, мы находимъ и графа Камилло Кавура.

Кавуръ.

Кавуръ, отецъ котораго былъ рьянымъ реакціонеромъ, родился въ 1810 г. въ Туринѣ, когда городъ входилъ въ составъ имперіи Наполеона I. Онъ получилъ образованіе въ Пьемонтской военной академіи, которую окончилъ въ 1826 г., но уже въ 1831 г. вышелъ въ отставку и сперва предался сельскому хозяйству въ своемъ имѣніи. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, но не по-

Италіи. Въ Парижѣ онъ сошелся съ членами орлеанскаго кружка, идеи коего о juste-milieu оказали на него вліяніе, хотя графъ и замѣтилъ распространеніе демократическихъ идей. Изъ путешествій по Англіи Кавуръ вынесъ идеи свободной торговли. Англоманство графа до такой степени бросалось въ глаза, что заслужило ему насмѣшливую кличку «милорда Кавура». Его обычнымъ языкомъ, какъ и большинства пьемонтскихъ дворянъ того времени, кромѣ родного пьемонтскаго нарѣчія, былъ французскій, а не итальянскій, которымъ онъ владѣлъ весьма несовершенно. Его выступленіе въ палатѣ въ качествѣ депутата за законъ Сиккарди было его первымъ парламентскимъ успѣхомъ; результатомъ чего и явилось его вступленіе въ министерство въ качествѣ министра земледѣлія и торговли, а также и морского. Король согласился на это назначеніе, но предсказалъ маркизу д'Азельо, что въ концѣ-концовъ Кавуръ ссадитъ всѣхъ министровъ съ ихъ мѣстъ, и дѣйствительно, 4 ноября 52 г. Кавуръ сталъ во главѣ министерства—это такъ называемое «великое министерство». Онъ сблизился съ Англіей и Франціей, но нужно отмѣтить, что уже въ 1850 г. д'Азельо сумѣлъ заинтересовать Францію и Англію, такъ что Кавуру пришлось итти по пути, уже до извѣстной степени проложенному.

Крымская кампанія.

Сближеніе это привело къ участію въ Крымской кампаніи. Отмѣтимъ, что, можетъ-быть, первая мысль объ экспедиціи въ Крымъ принадлежитъ не Кавуру, а Фарини. Первоначально сардинское правительство хотѣло, чтобы союзники гарантировали ему: 1) по окончаніи войны участіе въ мирныхъ переговорахъ, 2) разсмотрѣніе положенія дѣлъ въ Италіи и, наконецъ, 3) потребовали бы отъ Австріи снятія секвестра съ имущества ломбардскихъ эмигрантовъ, ставшихъ подданными пьемонтской монархіи,—но получило только гарантію цѣльности и неприкосновенности всѣхъ владѣній савойской династіи.

Въ то время, какъ шли переговоры съ Англіей и Франціей, министерство провело важную церковную реформу. Были уничтожены 34 религіозныхъ корпорацій съ 4.600 членами, такъ что остались 22 корпораціи съ 4.000 членами. Недвижимыя имущества упраздненныхъ монастырей перешли къ государству. Англія хотѣла взять сардинскія войска въ качествѣ вспомогательныхъ, но Кавуръ добился участія въ войнѣ въ качествѣ равноправнаго союзника. Сардинія отправила въ Крымъ войско въ 11.767 человѣкъ,

изъ которыхъ 40 было убито въ сраженіяхъ, а 1.200 умерло отъ болѣзней. Государству стоила крымская экспедиція 75.000.000 лиръ.

Участіе въ Крымской кампаніи никакихъ выгодъ Италіи не принесло: вѣдь совсѣмъ произвольно утвержденіе, что участіе сардинскаго войска въ битвѣ при Черной рѣчкѣ доказало итальянцамъ существованіе у Пьемонта войска, способнаго вступить въ борьбу съ Австріей. Врядъ ли можно согласиться съ Кавуромъ и его поклонниками въ томъ, что Парижскій конгрессъ, который закончилъ Крымскую кампанію, сыгралъ видную роль въ дѣлѣ объединенія Италіи. Дѣйствительно при окончаніи конгресса Кавуръ могъ обратить вниманіе дипломатовъ на ненормальное положеніе Италіи. На конгрессѣ было указано на неподобающее преобладаніе Австріи, на деспотизмъ и произволъ, господствующіе въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и на тяжелое положеніе Церковной области. Конечно, все это было хорошо извѣстно и раньше парижскаго конгресса, и нельзя видѣть въ результатахъ этого конгресса значительный нравственный успѣхъ для итальянскаго дѣла. Самъ Кавуръ ожидалъ отъ конгресса совершенно иного, именно территоріальныхъ пріобрѣтеній для Пьемонта, и вернулся съ конгресса разочарованнымъ, что и вполнѣ понятно, ибо въ то время для него существовали только пьемонтскіе, а не общеитальянскіе интересы.

II. Образованіе Итальянскаго королевства.

Планы Кавура.

Кавуръ, преслѣдуя задачу территоріальнаго увеличенія Пьемонта, не могъ обойтись безъ союзниковъ и вступилъ въ договоръ съ Наполеономъ III. Условія договора сводились къ слѣдующему: послѣ изгнанія австрійцевъ, долина По и Романья перейдутъ къ Пьемонту; папа сохраняетъ Римъ съ ближайшей къ нему частью Церковной области; остальная же часть Церковной области, Модена, Парма и Тоскана, образуютъ средне-итальянское королевство; границы Неаполитанскаго королевства остаются неизмѣнными. 4 итальянскихъ государства образуютъ конфедерацію подъ предсѣдательствомъ папы. Такъ какъ Кавуръ стремился не къ объединенію Италіи, а къ увеличенію Пьемонта, то онъ былъ вполнѣ доволенъ договоромъ; иначе смотрѣлъ на договоръ настоящій унитарій Мадзини, надъ которымъ все еще тяготѣлъ смертный приговоръ пьемонтскаго правительства. Кавуръ согласился на только что приведенный проектъ, потому что предполагалъ, что онъ при-

ведетъ къ преобладанію Савойской династіи. Правителемъ южнаго королевства Наполеонъ предлагалъ Луціана Мюрата (сына короля Іоахима), а для центральнаго — Кавуръ выдвигалъ герцогиню Пармскую. Франція должна получить отъ Сардиніи за свое содѣйствіе Савойю, колыбель царствующей династіи, противъ же требованія уступки Ниццы Кавуръ выдвинулъ принципъ національности. Проектъ этотъ не хуже актовъ Вѣнскаго конгресса 1815 г. тасовалъ правителей и земли, какъ карты. Наполеонъ желалъ имѣть въ Италіи федерацію государствъ, Кавуру же федерація была безразлична, ибо единственно важнымъ въ его глазахъ было то, чтобы у Пьемонта была гегемонія въ Италіи.

На новогоднемъ пріемѣ 59 г. дипломатическаго корпуса императоръ французовъ громко сказалъ австрійскому послу: «жалко, что наши отоношенія съ вашимъ правительствомъ не такъ хороши, какъ прежде; скажите, однако, вашему государю, что мои чувства къ нему не измѣнились». А Викторъ Эммануилъ, открывая 10 января засѣданія парламента, указалъ, между прочимъ, что горизонтъ, на которомъ восходитъ заря новаго года, не вполнѣ ясенъ, «ибо, соблюдая договоры, мы не равнодушны къ крику страданія, который изъ столькихъ областей Италіи возносится къ намъ». Только что приведенныя слова, наиболѣе рѣзкое мѣсто королевской рѣчи, были вставлены въ рѣчь по личному желанію Наполеона. Всѣ стали ожидать войны съ Австріей, которая и разразилась въ концѣ марта.

Война 1859 г.

Вначалѣ императоръ французовъ заявилъ, что Италія будетъ свободной «отъ Альпъ до Адріатическаго моря». Австрійцы были разбиты при Маджентѣ (4 іюня французами), а также при Сольферино и Санъ-Мартино (24 іюня французскими и пьемонтскими войсками). Слѣдуетъ упомянуть. что Гарибальди, командуя своими добровольцами, такъ называемыми «альпійскими охотниками», одержалъ нѣкоторые успѣхи надъ австрійцами въ сторонѣ отъ театра главныхъ военныхъ дѣйствій. Наполеонъ не исполнилъ своего обѣщанія освободить Италію «отъ Альпъ до Адріатическаго моря» и 11 іюля заключилъ съ австрійскимъ императоромъ Францемъ Іосифомъ миръ въ Виллафранкѣ. По Виллафранкскому миру должна была образоваться итальянская конфедерація подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы; Ломбардія, за исключеніемъ крѣпостей Пескары и Мантуи, войти въ составъ конфедераціи; бѣжавшіе, благодаря возстанію своихъ подданныхъ, правители Модены и Тосканы вернуться въ свои земли. Вилла-

франкскими прелиминаріями окончилась война, стоившая Сардиніи 103.000.000 лиръ, затѣмъ ей пришлось еще уплатить Австріи 10.000.000 да Франціи — 60.000.000.

Въ числѣ причинъ, приведшихъ французскаго императора къ заключенію этого мира, особенно важнымъ является то, что онъ замѣтилъ стремленіе итальянцевъ не только къ освобожденію отъ австрійскаго преобладанія, но и къ объединенію. Если сравнить поведеніе итальянцевъ въ 1848 — 9 гг. съ ихъ поведеніемъ въ 1854 г., то мы увидимъ, что унитарная идея за десятилѣтіе сдѣлала огромные успѣхи. Главная услуга распространенія унитарной идеи принадлежитъ республиканцамъ и особенно Мадзини. Дѣйствія мадзинистовъ, какъ къ нимъ не относиться, во всякомъ случаѣ имѣли то значеніе, что побуждали умѣренныхъ къ дѣйствію. Умѣренный Фарини въ своей исторіи Римскаго государства, изданной въ 1853 г., стоитъ за федерацію. Кавуръ писалъ въ частномъ письмѣ изъ Парижа въ 1856 г., что видѣлъ Манина, который говорилъ объ единствѣ и о другихъ глупостяхъ. Во время Крымской кампаніи Кавуръ не былъ противъ того, чтобъ въ Неаполѣ былъ королемъ Луціанъ Мюратъ, если того будетъ поддерживать Франція, ибо, по мнѣнію графа, «это начало освобожденія Италіи и увеличенія Пьемонта». Для увеличенія Пьемонта въ верхнеитальянское королевство и была затѣяна въ союзѣ съ Франціей война 1859 г. противъ Австріи. Война, однако, привела къ результатамъ, которыхъ Кавуръ не ожидалъ и которые сдѣлали его унитаріемъ. Нельзя приписывать успѣхъ объединительныхъ тенденцій въ 1859—60 гг. итальянскому «національному обществу», основанному въ Туринѣ Ла-Фариной и Паллавичино, измѣнившими республиканскимъ идеямъ, которыхъ они прежде держались. Въ числѣ подписавшихъ манифестъ отмѣтимъ еще Манина и Гарибальди. Девизомъ общества было «объединеніе и независимость», для достиженія ихъ общество считало нужнымъ народное движеніе, которому помогло бы пьемонтское правительство. Лозунгомъ общество выставляло: Италія и Викторъ Эммануилъ. А народное движеніе, въ особенности въ Тосканѣ, выставляло лозунгъ по существу не столь положительный — сліяніе съ Пьемонтомъ, — сколь отрицательный: нежеланіе быть подъ прежней властью. Программа 1859 г.: сильное верхнеитальянское королевство смогло осуществиться только потому, что великій герцогъ Леопольдъ II оттолкнулъ отъ себя тосканскихъ конституціоналистовъ, бывшихъ въ громадномъ большинствѣ весьма опре-

дѣленными сторонниками самостоятельной конституціонной Тосканы.

Присоединеніе герцогства.

Тосканецъ Гверрацци совершенно правильно замѣтилъ, что съ точки зрѣнія итальянской Кавуръ не правъ, утверждая, будто бы виллафранкскія прелиминаріи искуплены присоединеніемъ къ Пьемонту герцогствъ и Романьи. «Если говорить только о Пьемонтѣ, — замѣчаетъ Гверрацци, — то въ этомъ есть мысль; но ежели имѣть въ виду Италію, то здѣсь чистѣйшая безсмыслица, потому что Италія не увеличилась отъ соединенія герцогствъ съ Пьемонтомъ, а отъ уступки Ниццы и Савойи существенно уменьшилась».

Ниццу и Савойю Пьемонту пришлось уступить Франціи, такъ сказать, первую за присоединеніе Тосканы, а вторую — герцогствъ и Романьи. Какъ въ центральной Италіи, такъ и въ уступленныхъ Франціи провинціяхъ населеніе было запрошено о своемъ желаніи. Плебисциты дали слѣдующіе результаты: въ Пармѣ, Моденѣ и Романьѣ за присоединеніе къ Пьемонту — 425.000, противъ меньше 8.000, въ Тосканѣ за — 365.000, противъ—15.000, въ Савойѣ за присоединеніе къ Франціи—130.000, противъ—2.000, въ Ниццѣ за — 25.000, противъ—150. При заключеніи договора, уступавшаго Франціи Савойю и Ниццу, Кавуръ ядовито сказалъ французскому уполномоченному: «Теперь вы наши сообщники, не правда ли?»

Тѣмъ, что французы стали сообщниками пьемонтской политики захвата, Кавуру пришлось воспользоваться гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. 22 мая 1859 г. умеръ король неаполитанскій Фердинандъ II, и престолъ перешелъ къ его двадцатичетырехлѣтнему сыну Франциску II. Такъ какъ мать Франциска была савойской принцессой, то въ виду родственныхъ связей Викторъ Эммануилъ совѣтовалъ Франциску дать конституцію своему государству и заключить союзъ съ Пьемонтомъ противъ Австріи, но Францискъ предпочелъ заключить союзъ съ Піемъ IX и продолжалъ отцовскую политику. А что изъ себя представляло королевство при Фердинандѣ II, мы уже видѣли. 4 апрѣля 1860 г. въ Палермо вспыхнуло возстаніе.

Возстаніе юга.

Въ Генуѣ образовалась активная партія, хотѣвшая помочь сицилійскимъ мятежникамъ. Душой этого предпріятія былъ неутомимый Мадзини, который еще въ мартѣ призывалъ сицилійцевъ къ возстанію, имѣющему цѣлью объединеніе Италіи, все равно въ формѣ монархіи или республики, но сообразно съ желаніемъ

итальянскаго народа. Этотъ манифестъ Мадзини доказываетъ, что его авторъ не былъ республиканскимъ доктринеромъ, несчитающимся съ мнѣніемъ большинства. Замѣтимъ, что еще въ февралѣ Кавуръ не противъ всякихъ осложненій на югѣ Италіи, опасаясь, что они прибавятся къ затрудненіямъ въ центральной Италіи. Партіи дѣйствія нуженъ былъ военный вождь, и она обратилась къ Гарибальди, который, будучи родомъ изъ Ниццы, былъ крайне оскорбленъ политикой Кавура, уступившаго его родину Франціи. Но Гарибальди и его товарищи сперва считали сицилійское предпріятіе неосуществимымъ, только одни мадзинисты съ самаго начала были увѣрены въ успѣхѣ. Сицилійская экспедиція — дѣло крайнихъ, въ то время, когда политика Кавура преслѣдовала не объединеніе, а только увеличеніе владѣній Савойской династіи. Все первоначальное содѣйствіе правительства ограничилось тѣмъ, что оно не противодѣйствовало «тысячѣ» (точная цифра 1.072) гарибальдійцевъ, одѣтыхъ въ красныя рубашки, отплыть отъ лигурійскихъ береговъ. Большинство гарибальдійцевъ составляли адвокаты, врачи, аптекари, конторщики, торговцы, студенты. Весь отрядъ помѣстился на двухъ торговыхъ судахъ и въ ночь на 5 мая отплылъ изъ деревни Кварто (около Генуи). 11 мая суда прибыли къ гавани Марсала.

«Тысяча».

Изъ разныхъ версій о томъ, почему гарибальдійцамъ удалось высадиться почти безпрепятственно, наиболѣе правдоподобной является та, по которой командиръ неаполитанскаго военнаго судна «Stromboli» не желалъ причинить добровольцамъ существеннаго вреда. Ходъ военныхъ дѣлъ въ Сициліи представляется сказочнымъ: менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ «тысяча» побѣдила 24.000 бурбонскихъ солдатъ и завоевала прекраснѣйшій островъ съ двухмилліоннымъ населеніемъ. Конечно, это не надо понимать такъ, будто къ Гарибальди не было притоковъ добровольцевъ. Благодаря послѣдующимъ экспедиціямъ у Гарибальди стало 3.800 человѣкъ, не считая сицилійцевъ. Замѣтимъ, что Кавуръ, между прочимъ, требовалъ отъ Гарибальди ареста Мадзини, ибо графъ вполнѣ удовольствовался бы присоединеніемъ къ Пьемонту Сициліи, оставивъ Франциску его континентальныя владѣнія. Гарибальди, который провозгласилъ себя диктаторомъ отъ имени Виктора Эммануила, не только не встрѣтилъ со стороны своего правительства содѣйствія, но даже испыталъ противодѣйствіе. Эмиссары Кавура настолько ему мѣшали, что онъ былъ принужденъ одного изъ нихъ, именно Ла-Фарини, удалить изъ Си-

циліи. Кавуріанцы желали исключительно немедленнаго присоединенія Сициліи къ Пьемонту, для достиженія этой цѣли приносили въ жертву все остальное.

Успѣхи Гарибальди въ Сициліи вызвали, повидимому, тревогу Виктора Эммануила и Кавура. Король писалъ Гарибальди, чтобы онъ не переправлялся на материкъ; правда, утверждаютъ, что, кромѣ офиціальнаго письма, королемъ было отправлено другое, содержанія прямо противоположнаго, но, какъ замѣчаетъ Тивароні, никто этого частнаго письма не видалъ. Только послѣ побѣды Гарибальди при Милаццо, доказавшей неспособность Бурбоновъ къ сопротивленію, Кавуръ въ іюлѣ рѣшилъ присоединить также и континентъ и явиться въ Неаполь прежде Гарибальди. Раньше же Кавуръ писалъ сардинскому уполномоченному въ Неаполѣ, маркизу Вилламаринѣ, чтобы тотъ остерегался поддерживать насильственныя движенія, ибо де революція на югѣ будетъ губительной для всей Италіи.

Въ августѣ Гарибальди переправился на континентъ, имѣя съ собой 25.000 людей. Теперь пьемонтскіе агенты занялись, съ одной стороны, революціонизированіемъ юга и распространеніемъ измѣны законному правителю, а съ другой стороны, противодѣйствіемъ гарибальдійцамъ. Когда Гарибальди переправился на континентъ, то господствовавшая въ неаполитанскомъ королевствѣ деморализація выказалась вполнѣ. Войска позорно бѣжали передъ красными рубашками не только потому, что считали Гарибальди заколдованнымъ отъ пуль: играла роль какъ измѣна начальниковъ, такъ, и притомъ всего больше, то обстоятельство, что съ 1830 г., какъ утверждаетъ Коррано, солдатъ обучали не военному дѣлу, а тому, чтобы удовлетворять желаніямъ короля и въ особенности подавлять народныя движенія. **Завоеваніе юга.**

Благодаря Гарибальди, въ борьбѣ противъ бурбонскаго правительства приняло участіе сельское населеніе и простой народъ. Эти классы общества были весьма далеки отъ всякихъ политическихъ теорій, а попросту надѣялись, что съ удаленіемъ Бурбоновъ ихъ положеніе улучшится. Увидавъ успѣхи гарибальдійцевъ, пьемонтское правительство рѣшило воспользоваться этими успѣхами. Оно прибѣгло къ нечестному способу борьбы съ Францискомъ. Не объявляя войны, оно возбуждало подданныхъ противъ своего государя, а чтобы протянуть время, предлагало Франциску союзъ на такихъ условіяхъ, какія тотъ не могъ принять. Д'Азельо въ одномъ письмѣ прямо противополагаетъ открытый образъ дѣй-

ствія Гарибальди двуличному поведенію пьемонтскаго правительства. Ланца, бывшій министромъ вмѣстѣ съ Кавуромъ, утверждалъ въ одномъ письмѣ: «Теперь всему свѣту извѣстно, что наше правительство не сумѣло ни воспрепятствовать Сицилійской войнѣ, если хотѣло этого, ни руководить ей, если считало войну для себя полезной». Двуличность политики пьемонтскаго правительства продолжалась и тогда, когда Гарибальди долженъ былъ уже дѣйствовать на континентѣ. Кавуръ писалъ адмиралу Персано, что надо: 1) препятствовать переходу Гарибальди на континентъ и 2) возбудить революціонное движеніе въ Неаполѣ, такъ какъ желательно, чтобы Неаполь не былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ Гарибальди. Настоящаго революціоннаго движенія кавуріанцы вызвать не сумѣли, хотя прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, «дозволеннымъ и недозволеннымъ», зато имъ удалось широко посѣять измѣну среди слугъ самодержавнаго правительства. Нунціанте, одинъ изъ генераловъ, пользовавшихся наиболѣе довѣренностью Франциска, обѣщалъ Кавуру, что убѣдитъ войска измѣнить Бурбонамъ; министръ внутреннихъ дѣлъ Либорія Романо сталъ явнымъ заговорщикомъ и измѣнникомъ,— правда, онъ желалъ предаться не столь пьемонтцамъ, сколько Гарибальди.

Присоединеніе Церковной области.

Если въ Сициліи Гарибальди пришлось одержать нѣсколько побѣдъ, то на континентѣ ему сражаться не было нужды, и его движеніе отъ Реджіо до Неаполя, куда онъ прибылъ 7 сентября, было похоже больше на военную прогулку, чѣмъ на войну. Теперь только Туринское правительство стало дѣйствовать болѣе рѣшительно и прямо. Для того, чтобы пройти въ неаполитанское королевство, пьемонтской арміи приходилось пересѣчь Церковную область. Предлогомъ для вмѣшательства въ дѣла Церковной области послужили жестокости, совершаемыя наемными папскими войсками въ Умбріи и Маркахъ. 7 сентября Кавуръ потребовалъ, чтобы эти войска, бывшія подъ начальствомъ француза Ламорисьера, были распущены, и раньше, чѣмъ отказъ папскаго правительства прибылъ въ Туринъ, пьемонтскія войска перешли границу и 18 сентября разбили Ламорисьера при Кастельфидордо. Вся оставшаяся часть Церковной области, кромѣ Рима и ближайшей къ нему территоріи, охраняемыхъ французами, была занята пьемонтцами. Населеніе было запрошено о своей судьбѣ 4 и 5 ноября: въ Маркахъ за присоединеніе къ Пьемонту высказалось 133.000 противъ 1.212; въ Умбріи—97.000 противъ

308. Конечно, съ точки зрѣнія международнаго права, плебисциты не сдѣлали пьемонтское вторженіе легальнымъ актомъ.

Францискъ передъ прибытіемъ Гарибальди въ Неаполь оставилъ столицу и отправился на сѣверъ, чтобъ защищать линію рѣкъ Волтурно и Гарильяно, а также крѣпости Капую и Гаэту, при чемъ моряки отказались послѣдовать за королемъ въ Гаэту; вѣрность флота заколебалась уже давно: флотъ могъ мѣшать первоначальнымъ движеніямъ Гарибальди на материкѣ, но не дѣлалъ этого. На сѣверѣ 1 октября при Вольтурно произошло самое кровопролитное сраженіе этой войны, окончившееся побѣдой гарибальдійцевъ. На другой день разбитые неаполитанцы возобновили неудачно сраженіе. Въ этотъ день въ сраженіи приняло участіе небольшое количество регулярныхъ пьемонтскихъ стрѣлковъ, роль которыхъ была крайне незначительна. Грубымъ искаженіемъ дѣйствительности является утвержденіе, что пьемонтскіе стрѣлки рѣшили сраженіе въ пользу Гарибальди.

Присоединеніе Неаполитанскаго королевства.

Послѣ сраженія при Волтурно личныя дѣйствія Гарибальди замѣняются офиціальными дѣйствіями пьемонтскаго правительства. Вмѣшательство въ дѣла неаполитанскаго королевства въ циркулярѣ, обращенномъ къ европейскимъ дворамъ, Кавуръ оправдывалъ слѣдующимъ образомъ: Францискъ, покинувъ столицу, такъ сказать, отрекся отъ престола и сдѣлалъ его вакантнымъ; необходимо спасти Италію отъ грозящей ей анархіи. 21 октября плебисцитомъ, при которомъ весьма безцеремонно была нарушена тайна голосованія, было постановлено присоединеніе неаполитанскаго королевства къ Пьемонту. На континентѣ за присоединеніе высказалось 1.300.000, противъ—10.312, въ Сициліи за—430.000, противъ — 667.

29 октября у Кай-Ріено, недалеко отъ Теано, произошла встрѣча между Викторомъ Эммануиломъ и Гарибальди, завоевавшимъ ему самую большую итальянскую территорію. При встрѣчѣ была замѣтна холодность съ обѣихъ сторонъ. Король даже не пригласилъ Гарибальди къ своему столу, тотъ позавтракалъ на конюшнѣ хлѣбомъ съ сыромъ, запивая его водой. Королевская свита была, какъ мы знаемъ отъ очевидцевъ, скандализована красной рубашкой Гарибальди. Въ довершеніе королевской обиды, пока король ѣхалъ рядомъ съ Гарибальди, мѣстные крестьяне кричали «да здравствуетъ Гарибальди», хотя тотъ, знавшій болѣзненную любовь спутника къ оваціямъ, неоднократно провозглашалъ «да здравствуетъ король». Викторъ Эммануилъ былъ весьма огорченъ подобнымъ

іемомъ. Это впечатлѣніе отозвалось, съ одной стороны, на дальнѣйшихъ отношеніяхъ короля къ южанамъ, а съ другой — на отношеніяхъ къ Гарибальди, которому систематически отказывали въ его просьбахъ за многихъ изъ его сотрудниковъ.

Францискъ не могъ долго держаться въ Гаэтѣ, особенно послѣ того, какъ французскій флотъ, мѣшавшій полной блокадѣ приморской крѣпости, былъ отозванъ Наполеономъ. Францискъ уѣхалъ моремъ въ Римъ къ Пію IX, и 13 февраля 61 г. Гаэта сдалась.

Когда во главѣ войска стали присяжные генералы, въ противоположность Гарибальди при безправіи соблюдавшіе форму, то они стали разстрѣливать вооруженныхъ крестьянъ, но зато щадить неаполитанскихъ солдатъ. Значеніе присоединенія юга въ процессѣ объединенія Италіи громадно, теперь, по крайней мѣрѣ внѣшне, Италія была объединена. Для достиженія полнаго внѣшняго объединенія нужно было еще присоединить Римъ, который ходомъ всей вѣковой исторіи Италіи былъ предназначенъ стать столицей новаго государства, и Венеціанскую область. Конечно, объединеніе было только внѣшнее, даже Ла-Фарина призналъ, что нравственнаго присоединенія къ Пьемонту не произошло. Д'Азельо выразился весьма удачно: «на югѣ насъ не хотятъ, какъ разбойники, такъ и не разбойники». Время показало, что относительно юга были правы тѣ, которые, подобно Мадзини, были противъ немедленнаго слiянія съ Пьемонтомъ. Разбойничество, и раньше сильно распространенное въ неаполитанскомъ королевствѣ, теперь пріобрѣло политическую окраску и ужасающіе размѣры. Можно даже сказать, что на югѣ послѣ присоединенія разразилась цѣлая междоусобная война. Война эта, какъ обыкновенно бываетъ при междоусобныхъ войнахъ, сопровождалась взаимными жестокостями. Регулярныя войска сжигали цѣлыя села и превращали цѣлые округа въ развалины; многіе военачальники разстрѣливали всѣхъ крестьянъ, захваченныхъ съ оружіемъ. А генералъ Пинелли подвергалъ разстрѣлу населеніе даже за оскорбленіе Савойскаго герба, королевскаго изображенія и итальянскаго знамени. Названный генералъ въ приказѣ войскамъ дошелъ до утвержденія: «съ подобнымъ врагомъ милосердіе оказывается преступленіемъ. Огнемъ и мечомъ разоримъ мы эти области». Правда, Пинелли за свои приказы вскорѣ былъ отозванъ. Настолько пьемонтское правительство не сумѣло заручиться расположеніемъ юга, что тамъ даже начала возрождаться партія мюратистовъ. Къ «разбойникамъ» при-

Усобицы на югѣ.

мкнули приверженцы бурбонской династіи. Это движеніе находило себѣ поддержку въ Римѣ, гдѣ пребывалъ послѣ потери своего королевства Францискъ II.

Королевство Италія.

Пока на югѣ велась братоубійственная война, въ Туринѣ собрался первый итальянскій парламентъ, который, однако, только съ большой оговоркой можетъ быть признанъ выразителемъ мнѣнія страны, ибо изъ 21.737.334 населенія только 394.365 лицъ пользовались избирательнымъ правомъ. Парламентъ этотъ провозгласилъ Виктора Эммануила II первымъ королемъ Италіи. Хотя большинство парламента было за титулъ Викторъ Эммануилъ I, но самъ король хотѣлъ не разрывать въ титулѣ связи со своими предками. Такимъ образомъ, новое итальянское королевство являлось какъ бы увеличившимся Пьемонтомъ. Противъ новаго королевства протестовали Австрія, низвергнутые итальянскіе правители и папа, признали же Англія, Соединенные Штаты, Швейцарія и Греція.

Вскорѣ послѣ образованія итальянскаго королевства, именно 6 іюня 1861 г., умеръ отъ воспаленія мозга Кавуръ. Лучшей чертой этого государственнаго дѣятеля было стремленіе къ соблюденію конституціонныхъ формъ, такъ какъ конституціонное правленіе, по его мнѣнію, меньше всѣхъ другихъ приноситъ съ собой зла. Онъ утверждалъ, что самая плохая палата (chambre) лучше самой блестящей прихожей (antichambre) и что всякій дуракъ сумѣетъ управлять при помощи исключительнаго положенія. Что своимъ объединеніемъ, однако, Италія вовсе не обязана исключительно Кавуру, какъ иногда утверждаютъ, ясно изъ всего предшествующаго изложенія. Тиварони правильно указывалъ, что объединеніе — дѣло крайнихъ, которымъ, однако, воспользовались умѣренные, при чемъ поступали съ Италіей не какъ съ націей, а какъ съ увеличивающимся Пьемонтомъ и принесли въ жертву централизаціи всѣ мѣстныя особенности.

III. Присоединеніе Венеціанской области и Рима.

Не будемъ гадать, какъ разрѣшились бы венеціанскій и римскій вопросы, будь при разрѣшеніи ихъ живъ Кавуръ. Разсужденія на эту тему являются совершенно излишними, а посмотримъ, какъ эти вопросы разрѣшились въ дѣйствительности.

Война 1866 г.

Венеціанскій вопросъ разрѣшился очень просто. Еще Кавуръ видѣлъ въ Пруссіи естественную союзницу противъ Австріи. При

возникновеніи Прусско-Австрійскаго конфликта во главѣ итальянскаго министерства былъ «пруссоманъ», генералъ Ламармора. Онъ отправилъ уполномоченнымъ въ Берлинъ одного генерала, который заключилъ договоръ съ Пруссіей. Договоръ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, что приходилось понимать нѣсколько своеобразно: Пруссія должна была помогать Италіи только въ томъ случаѣ, если агрессивной стороной будетъ Австрія, Италія же обязана помочь Пруссіи во всякомъ случаѣ. Война велась Италіей очень плохо, ея войска по своей численности превосходили австрійскія, бывшія на итальянскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій; однако, при Кустоццѣ 24 іюня 1866 г. австрійцы напали на армію Ламармора, шедшаго, несмотря на близость непріятеля, не боевымъ, а походнымъ строемъ, въ этомъ сраженіи итальянцы были разбиты. Хотя у нихъ даже послѣ пораженія больше войскъ, чѣмъ у австрійцевъ, но ихъ военачальники даже не попытались загладить пораженіе. Пруссаки вполнѣ правильно называли союзъ съ Италіей безполезнымъ и даже, правда, совершенно несправедливо, подозрѣвали своихъ союзниковъ въ томъ, что тѣ нарочно плохо ведутъ войну. Столь неспособными оказались итальянскіе генералы! Лучше, чѣмъ регулярныя войска, дѣйствовали добровольцы, бывшіе подъ командой Гарибальди, единственнаго итальянскаго генерала, одареннаго военнымъ талантомъ. Добровольцевъ, вмѣсто ожидаемыхъ 15.000, явилось къ Гарибальди до 40.000. Ихъ правительство вооружило и снабдило нужнымъ для войны въ самой недостаточной мѣрѣ. Если Гарибальди до самаго пораженія австрійцевъ пруссаками при Садовой (3 іюля) и не имѣлъ большого успѣха, то, по крайней мѣрѣ, онъ испыталъ пораженія.

Итальянцы возлагали большія надежды на свой флотъ, которымъ начальствовалъ адмиралъ Персано, выказавшій себя ловкимъ интриганомъ-кавуріанцемъ во время присоединенія неаполитанскаго королевства. Но въ войнѣ съ австрійцами Персано оказался совершенно несостоятельнымъ. Сперва онъ бездѣйствовалъ и крейсировалъ около береговъ Италіи и только, когда 14 іюля получилъ формальное предписаніе дѣйствовать противъ Лиссы (въ Далмаціи), сталъ дѣйствовать. 20 іюля у Лиссы появился австрійскій адмиралъ Тегеттофъ съ болѣе слабымъ флотомъ и напалъ на итальянскій флотъ. Съ самаго начала сраженія Персано съ адмиральскаго судна перешелъ на другое и все время битвы держался внѣ сраженія, которое окончилось пораженіемъ итальянцевъ. 22

іюля Пруссія, не уговорившись съ Италіей, заключила перемиріе съ Австріей, что принудило Италію, въ свою очередь, заключить перемиріе, за которымъ послѣдовалъ и миръ. Венеціанская область была передана Наполеону III, который, въ качествѣ посредника, уступилъ ее Виктору Эммануилу послѣ того, какъ за присоединеніе къ Италіи высказалось 647.000 и противъ 69. Присоединеніе Венеци.

Судьба римскаго вопроса значительно сложнѣе. Чтобъ понять ее, надо помнить, что послѣ образованія итальянскаго королевства, въ немъ, такъ сказать, поверхъ обычныхъ политическихъ партій, образовались двѣ тактическія партіи. Первая, такъ называемая «партія дѣйствія», считала нужнымъ для достиженія полнаго территоріальнаго объединенія, главнымъ образомъ, народныя движенія, а вторая предоставляла всю инициативу исключительно правительству.

Кавуръ считалъ, что Римъ въ качествѣ столицы необходимъ молодому королевству. Вѣдь даже часть богослововъ, во главѣ которыхъ іезуитъ Пассалья, выступила печатно съ утвержденіемъ, что свѣтская власть папы вовсе не является необходимымъ условіемъ существованія папства. Хорошій папа, утверждалъ Пассалья, будетъ всегда свободнымъ, а свобода папы лучше гарантируется подражаніемъ Христу, чѣмъ свѣтской властью папы.

По мысли Кавура церковь должна подчиниться общимъ законамъ страны, но можетъ свободно распоряжаться оставшимся у нея имуществомъ. Папа можетъ созывать церковные соборы и вести свободно переписку съ епископами, которые будутъ назначаться правительствомъ, а избираться духовенствомъ епархіи. Папа сохранитъ титулъ государя и получитъ отъ государства опредѣленныя суммы для себя и для своего двора. Конклавъ будетъ вполнѣ свободнымъ отъ правительственнаго вмѣшательства. Свои идеи по церковному вопросу Кавуръ, какъ извѣстно, выразилъ сжатой формулой: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Планы правительства.

Относительно того, какъ поступать, чтобъ папа лишился свѣтской власти, очевидно, представляется нѣсколько теоретическихъ возможностей. Кавуръ предполагалъ добиться Рима въ согласіи съ католическимъ міромъ. «Римскій вопросъ,—заявилъ онъ въ палатѣ, — не можетъ быть рѣшенъ оружіемъ». И дѣйствительно, Кавуръ пытался разрѣшить римскій вопросъ путемъ переговоровъ съ государственнымъ секретаремъ папы, кардиналомъ Антонелли. Характерно для министра Церковной области, что тотъ желалъ,

между прочимъ, 1) чтобъ всѣ контракты и подряды фамиліи Антонелли съ римскимъ правительствомъ были утверждены, 2) чтобъ самъ кардиналъ за труды при переговорахъ получилъ 3000000 лиръ. Переговоры эти не привели ни къ какимъ результатамъ.

Послѣ смерти Кавура французскій посолъ въ январѣ 1862 г. запросилъ папское правительство, не согласится ли оно, не отказываясь формально отъ своихъ правъ, «на фактическую сдѣлку, которая вернетъ католической церкви внутренній миръ и привлечетъ папу къ участію въ торжествѣ итальянскаго патріотизма». На это Антонелли отвѣтилъ, что никогда никакой папа не согласится ни на какія уступки. Вскорѣ послѣ этого 25 кардиналовъ и 244 епископа, собравшись въ Римъ для канонизаціи 25 древнихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ Японіи, заявили о необходимости свѣтской власти папы.

спромонте. Какъ бы въ отвѣтъ на это заявленіе Гарибальди и явился съ острова Капреры, своего обычнаго мѣстопребыванія, въ Сицилію. Палермо встрѣтило его съ энтузіазмомъ. Тамъ онъ заявилъ, что Наполеону нужно вывести свои войска изъ Рима или иначе повторится сицилійская вечерня. Черезъ нѣсколько дней Гарибальди держалъ рѣчь въ Марсалѣ и кто-то изъ слушателей крикнулъ: «Римъ или смерть». Эти слова Гарибальди немедленно сдѣлалъ своимъ лозунгомъ. Ратацци, бывшій тогда первымъ министромъ, велъ столь двусмысленную политику, что многіе, въ томъ числѣ Гарибальди, думали, что правительство окажетъ содѣйствіе предпріятію противъ Рима. Но въ августѣ королевская прокламація объявила, что римская экспедиція является призывомъ къ возстанію и междоусобной войнѣ. Въ концѣ августа Гарибальди съ 2500 добровольцами высадился въ Калабріи и двинулся на высоты Аспромонте. Несмотря на желаніе обѣихъ сторонъ избѣжать кровопролитія, оно, правда, весьма незначительное, все-таки произошло 29 августа. Въ числѣ раненыхъ пулями былъ и Гарибальди, котораго королевскія войска и взяли въ плѣнъ. Невозможность удачи римской экспедиціи безъ согласія итальянскаго правительства Мадзини видѣлъ еще до Аспромонте: «итальянское правительство,—утверждалъ онъ,—изъ страха передъ Наполеономъ, должно будетъ воспротивиться римской экспедиціи». Дѣйствительность оправдала утвержденіе Мадзини. Послѣ Аспромонте сказалось, насколько военные начальники не любили гарибальдійцевъ. Одинъ майоръ безъ всякой нужды разстрѣлялъ 7 плѣнныхъ. За этотъ подвигъ онъ получилъ подполковника. А генералъ Пи-

нелли говорилъ, что въ одной изъ Мессинскихъ кофейныхъ онъ предложилъ тостъ въ честь пули при Аспромонте. Наконецъ, 7 октября правительство амнистировало всѣхъ участниковъ экспедиціи, кромѣ солдатъ дезертировъ. Стычка при Аспромонте, какъ къ ней ни относиться, во всякомъ случаѣ показала, что, пока Римъ не сталъ столицей, въ итальянскомъ королевствѣ нельзя разсчитывать на полное спокойствіе.

Роль Франціи.

Итальянцевъ возбуждало не только то, что Римъ не былъ столицей ихъ королевства, но также и то, что папское правительство держалось, благодаря французской оккупаціонной арміи. Наполеону съ своей стороны хотѣлось какъ-нибудь развязать себѣ руки относительно Рима. При такомъ отношеніи императора къ римскому вопросу итальянскому правительству оказалось возможнымъ прійти къ соглашенію, которое и выразилось въ конвенціи 15 сентября 1864 г. Передъ заключеніемъ конвенціи король велъ тайные переговоры какъ съ Мадзини, такъ и съ Гарибальди, причемъ оба не знали, что король ведетъ переговоры съ другимъ. Повидимому, вся цѣль короля при этихъ интригахъ ограничивалась тѣмъ, чтобъ отвлечь вниманіе Мадзини отъ конвенціи и удалить Гарибальди изъ Италіи въ рискованное предпріятіе на Дунаѣ на время, пока будетъ заключаться конвенція.

Содержаніе конвенціи заслуживаетъ быть приведеннымъ подробно: 1) Италія обязуется не нападать на территорію папы и даже препятствовать вооруженной силой всякому нападенію, которое будетъ сдѣлано извнѣ. 2) Франція будетъ отзывать свои войска по мѣрѣ того, какъ будетъ организоваться папское войско. Эвакуація должна во всякомъ случаѣ окончиться въ теченіе двухъ лѣтъ. 3) Итальянское правительство не будетъ протестовать противъ организаціи папскаго войска даже изъ католиковъ иностранцевъ, достаточнаго для поддержанія спокойствія какъ внутри государства, такъ и на его границахъ, если только это войско не выродится въ средство нападенія на итальянское правительство. Конвенція должна вступить въ силу только послѣ того, какъ будетъ декретировано перенесеніе столицы изъ Турина въ другой городъ.

Конвенція вполнѣ удовлетворила дипломатовъ, ибо она молчала о самомъ животрепещущемъ, именно о томъ, какъ поступятъ договаривающіяся стороны въ случаѣ возмущенія папскихъ подданныхъ. Императоръ смотрѣлъ на конвенцію, какъ на исходъ, который позволилъ бы ему увѣрять, что Италія отказалась отъ

Рима, а итальянское правительство, основываясь на конвенціи, считало возможнымъ поддерживать предположеніе, что оно отъ Рима не отказывалось. Дѣйствительно итальянскіе государственные люди заявляли, что новая столица будетъ просто приваломъ на пути къ Риму. Мадзини возмущался этимъ толкованіемъ конвенціи, сводившимся къ тому, что «если французы оставятъ Римъ, мы найдемъ случай избѣжать нашихъ обѣщаній». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи о конвенціи услышали съ удовольствіемъ, ибо она унижала Туринъ требованіемъ переноса столицы. Конвенцію палата депутатовъ приняла въ ноябрѣ 305 голосами противъ 63 при 2 воздержавшихся и 75 отсутствующихъ; въ сенатѣ голосовало за конвенцію 134 противъ 47. Вопросъ о перенесеніи столицы вызвалъ въ Туринѣ демонстраціи, во время которыхъ войска убили нѣсколькихъ демонстраторовъ. 24 ноября парламентъ вотировалъ переносъ столицы во Флоренцію.

Силлабусъ. Внѣ парламента конвенція вызвала негодованіе: Гарибальди заявилъ, что единственный возможный договоръ съ Бонапартомъ— это освобожденіе Италіи отъ него, а Мадзини,—что конвенція уничтожаетъ постановленія плебисцитовъ, правительства, парламента и исторіи о томъ, что Римъ долженъ быть столицей Италіи.

Своеобразный отвѣтъ на сентябрьскую конвенцію далъ папа въ энцикликѣ 8 декабря и въ сопровождавшемъ энциклику силлабусѣ. Если не знать даты этихъ памятниковъ, то нѣкоторыя статьи, вѣроятно, многими были бы приняты за средневѣковыя. Въ нихъ провозглашалось полное верховенство церковной власти надъ гражданской, осуждались всѣ, допускающіе свободу совѣсти и вѣроисповѣданія[1]), всѣ, признающіе свѣтскую школу. Силлабусъ требовалъ для церкви права прибѣгать къ свѣтскимъ наказаніямъ, требовалъ для духовенства участія въ контролѣ надъ школами и надъ выборомъ преподавателей. Требовалось также возстановленіе церковныхъ судовъ и отказъ со стороны государства отъ

---

[1]) Соренъ остроумно указываетъ, что папа отлучилъ отъ церкви косвеннымъ образомъ самого себя. Въ силлабусѣ есть статья: анаѳема тому, кто скажетъ: «нельзя не одобрять тѣхъ католическихъ странъ, гдѣ законъ позаботится о томъ, чтобы иностранцы, пріѣзжая туда, могли публично отправлять свое богослуженіе». А папа самъ разрѣшилъ выстроить у воротъ Рима протестантскую церковь.

назначенія епископовъ. Можетъ-быть, самымъ интереснымъ пунктомъ силлабуса было провозглашеніе заблужденіемъ положенія, «что папа можетъ или долженъ примириться или устроиться съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей». Яснѣе этого выразиться о несовмѣстимости съ современной цивилизаціей папской власти не могли даже враги этой власти.

Конечно, энциклика и силлабусъ усилили антиклерикализмъ и вызвали негодованіе. Разрѣшеніе венеціанскаго вопроса на нѣкоторое время отодвинуло римскій вопросъ на второй планъ. Но послѣ присоединенія Венеціанской области для полноты территоріальнаго объединенія не хватало только Рима, и римскій вопросъ пріобрѣлъ еще большую жгучесть, чѣмъ раньше. Когда послѣднія французскія войска, согласно сентябрьской конвенціи, оставили Римскую область, то въ ней не произошло никакого возстанія, ибо она не была готова къ возстанію. Въ іюлѣ 1867 г. Гарибальди сталъ собирать на югѣ Тосканы добровольцевъ для вторженія въ папскую область. Ратацци, бывшій тогда опять во главѣ министерства, снова велъ себя такъ нерѣшительно, что можно было предположить, что ужъ на этотъ разъ правительство не окажетъ противодѣйствія. Однако правительство не рѣшилось итти вопреки ясно выраженному требованію французскаго правительства помѣшать предпріятію Гарибальди, хотя, съ своей стороны, Франція нарушила октябрьскую конвенцію, ибо въ такъ называемомъ «Антибскомъ легіонѣ» служили лица, бывшія на французской военной службѣ. Ратацци исполнилъ желаніе французскаго правительства и отправилъ Гарибальди на островъ Капреру, откуда тому, однако, удалось бѣжать, и 23 октября Гарибальди перешелъ границу папской области. Тогда изъ Тулона отплыла французская эскадра и вскорѣ французскій корпусъ подъ начальствомъ Файли вступилъ въ Римъ. 3 ноября при деревнѣ Ментанѣ произошло сраженіе, въ которомъ гарибальдійцы были разбиты папскими и французскими войсками. Въ донесеніи Файли объ этой битвѣ мы находимъ извѣстную фразу: «Шаспо (новыя военныя ружья) въ этотъ день совершили чудеса». Безтактность генерала еще превзошелъ министръ президентъ, который послѣ Ментаны сказалъ въ палатѣ: «мы заявляемъ отъ имени французскаго правительства: Италія не завладѣетъ Римомъ; никогда, никогда Франція не потерпитъ такого оскорбленія чести своей и католиче-

Ментана.

скаго міра. Если Италія пойдетъ на Римъ, она снова встрѣтитъ на своемъ пути Францію».

Битва при Ментанѣ не только усилила разладъ между Франціей и Италіей, но вызвала въ послѣдней реакцію. Умѣренная пресса говорила даже о томъ, чтобы на время пріостановить дѣйствіе конституціи. Началось преслѣдованіе печати. Но въ сущности это была правительственная, а не общественная реакція. Мадзини, утверждавшій, что корень зла—въ монархическомъ строѣ, находилъ многихъ послѣдователей. Присяжные оправдывали республиканскія изданія, а весной 1870 г. даже произошло нѣсколько малыхъ возстаній.

Ватиканскій соборъ. Между тѣмъ подъ защитой французскихъ штыковъ Пій IX созвалъ въ декабрѣ 1869 г. вселенскій «Ватиканскій соборъ», на который изъ 921 католическаго епископа явилось 683. На соборѣ были проведены два весьма важныхъ положенія: 1) «Когда римскій первосвященникъ, исполняя высшую обязанность перваго учителя всѣхъ христіанъ, опредѣляетъ, что слѣдуетъ исполнять въ догмахъ вѣры и нравственности, то онъ не можетъ заблуждаться; и эта невозможность ошибки или непогрѣшимость римскаго первосвященника признается всею церковью». Это и есть догматъ и непогрѣшимости папы, когда онъ говоритъ ex cathedra. Относительно того, что значитъ слова: «ex cathedra» имѣются до 20 теорій и 2) у папы верховенство во всѣхъ вопросахъ церковнаго ученія и управленія. Папа становился, такимъ образомъ, «епископомъ всей католической церкви» и, какъ выразился одинъ австрійскій государственный дѣятель, «человѣкъ сдѣлался Божествомъ».

Присоединеніе Рима. 11 мая 1870 г. былъ принятъ догматъ о папской непогрѣшимости, а 20 іюня началась франко-прусская война. 12 августа послѣднія французкія войска покинули папскую область, и 4 сентября была провозглашена во Франціи третья республика. Итальянское правительство сочло, что сентябрьская конвенція связывала его только относительно императора французовъ, а не Франціи, и рѣшило прекратить существованіе свѣтской власти папы. Сперва король хотѣлъ, чтобъ папа добровольно отказался отъ свѣтской власти, но тотъ заявилъ, что уступитъ только силѣ, и тогда 20 сентября итальянское войско пробило брешь въ римской городской стѣнѣ. Папа, которому важно было только показать, что терпитъ насиліе, приказалъ тогда своему войску пре-

кратить сопротивленіе и удалился въ Ватиканъ, обратившись, такимъ образомъ, изъ свѣтскаго правителя въ «Ватиканскаго узника». При октябрьскомъ плебисцитѣ высказалось за присоединеніе къ итальянскому королевству 133.000 и противъ — 1.500. Такимъ образомъ Римъ былъ присоединенъ къ итальянскому королевству, и 2 іюля 1871 г. состоялся торжественный въѣздъ въ столицу короля Виктора Эммануила, который при этомъ произнесъ извѣстныя слова: «Мы пришли въ Римъ и останемся въ немъ».

В. Протопоповъ.

Конституціонныя и демократическія реформы въ 60 и 70 г. XIX в. въ Англіи.

I.

Капиталистическое развитіе Англіи.

Къ 60-мъ годамъ XIX в. Англія, благодаря промышленному перевороту, выросла въ могущественную капиталистическую страну.

Накопленіе капиталовъ въ ней быстро и неуклонно прогрессировало. Общая сумма всѣхъ доходовъ, обложенныхъ подоходнымъ налогомъ, равнялась въ 1859 году 3 милліардамъ 280 милл. рубл. на наши деньги; въ 1862 году она равнялась уже 3 милліардамъ 510 милл. рубл.; въ 1865 году 3 милліардамъ 850 милл. Это накопленіе капиталовъ сопровождалось въ то же время сосредоточеніемъ его въ немногихъ рукахъ: къ 60-мъ годамъ, по словамъ вождя англійскихъ радикаловъ Брайта, всего 150 лэндлордовъ владѣютъ чуть ли не половиной англійской земли; и чуть ли не 12—половиной шотландской; на ихъ земляхъ уменьшается число мелкихъ фермеровъ и возрастаетъ число крупныхъ фермеровъ—капиталистовъ. Въ Англіи растетъ число милліонеровъ; они появляются не только среди крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ средѣ торгово-промышленнаго класса, главнымъ богатствомъ котораго являлся движимый капиталъ. Съ 1815 по 1825 гг. не было ни одного движимаго имущества выше 10 милліоновъ рубл. на наши деньги, которое подлежало бы налогу на наслѣдство; съ 1825 по 1859 гг. такихъ имуществъ можно насчитать 12.

Пособія: *Herbert Paul*. Hist of modern England, v. III; *Morley*. Life of Gladstone. vv. I—II; Craik The State in its relation to education; *Webb*. History of trade unionism. *Карѣевъ*. Ист. Зап. Евр., тт. V и VI. *Мижуевъ*. Политическая исторія Англіи въ XIX в. *Афанасьевъ*. Истор. и эконом. статьи Т. I. Читатель, желающій познакомиться съ другими иностранными и русскими сочиненіями по предмету статьи, найдетъ ихъ перечень въ Исторіи Зап. Европы Карѣева, т. VI, ч. I, въ примѣчаніяхъ къ главѣ IX.

Образованіе такихъ крупныхъ милліонныхъ состояній у представителей среднихъ, торгово-промышленныхъ класовъ англійскаго общества находитъ себѣ объясненіе въ томъ фактѣ, что Англія въ половинѣ XIX в. сдѣлалась міровой торговой державой, превратилась въ міровую мастерскую.

Мощные пароходы изъ разныхъ концовъ земного шара стали привозить въ Англію огромныя количества сырья для различныхъ отраслей ея промышленности, колоссально возраставшей съ каждымъ годомъ. Напримѣръ, въ 1846 году, въ годъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ и начала эры свободной торговли, въ Англію было ввезено хлопка изъ Индіи и Соединенныхъ Штатовъ около 400 милліон. фунт.; въ 1860 году хлопка было ввезено изъ тѣхъ же странъ уже сколо милліарда 200 милл. фунтовъ.

Въ 1855 году въ Великобританіи было произведено 3 милліарда 782 милл. пудовъ каменнаго угля, стоимостью въ 161 милл. рубл.; въ 1864 году 5 милліардовъ 704 милл. пудовъ стоимостью 231 милл. рубл.; въ 1855 году было произведено около 200 милл. пудовъ чугуна, стоимостью въ 80 милл. рубл.; въ 1864 году около 300 милл. пудовъ на 120 милл. рублей.

Въ 1855 году въ Великобританіи всего было открыто желѣзныхъ дорогъ протяженіемъ 12.000 верстъ, стоимостью около 3 милліардовъ рубл.; въ 1864 году длина ихъ увеличилась до 20.000 верстъ, стоимостью въ 4 милліарда съ четвертью рублей.

Въ 1846 году изъ Англіи было вывезено на 588 милл. рубл.; въ 1866 году на 1 милліардъ 880 милл. рублей.

Какъ ни быстро возрастало населеніе Англіи, оно не могло поспѣть за быстрымъ прогрессомъ промышленности и богатства. Это колоссальное увеличеніе богатства и силы приходилось на долю исключительно имущихъ классовъ; оно дѣлало особенно рѣзкій скачокъ вверхъ у среднихъ классовъ, у торговыхъ и промышленныхъ капиталистовъ. Но и рабочее населеніе страны получило нѣкоторыя выгоды отъ того положенія, которое заняла Англія въ срединѣ XIX вѣка въ міровой экономической жизни: заработки во многихъ отрасляхъ промышленности увеличились, а вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе стали сочувствовать принципу добровольнаго подчиненія третейскому разбирательству въ случаяхъ споровъ и столкновеній капитала съ трудомъ; среди рабочихъ пріобрѣтала популярность идея примирительныхъ камеръ (Councils of Conciliation) взамѣнъ стачекъ и локаутовъ (т.-е. массовыхъ расчетовъ фабрикантами рабочихъ).

Объединеніе трэдъ-юніоновъ механическихъ и машиностроительныхъ рабочихъ.

Во главѣ этого движенія въ пользу соціальнаго мира стояла рабочая аристократія механическихъ и машиностроительныхъ рабочихъ. Эти механики и машинисты, давно уже организованные въ профессіональные рабочіе союзы (трэдъ-юніоны), въ началѣ 50-хъ годовъ объединили свои трэдъ-юніоны въ одно цѣлое; образовалось такимъ образомъ «Соединенное Общество механиковъ» (Amalgamated Society of Engineers). Руководящую роль въ немъ игралъ трэдъ-юніонъ машиностроительныхъ рабочихъ, носившій названіе Дружеское общество поденныхъ рабочихъ въ машиностроительной и механической промышленности, съ правленіемъ въ Манчестерѣ—первоначально мѣстный манчестерскій клубъ взаимопомощи, онъ скоро превратился, благодаря кочеванію своихъ членовъ изъ города въ городъ, въ обширную профессіональную организацію, имѣвшую членовъ во всѣхъ частяхъ Соединеннаго Королевства (Англіи, Шотландіи и Ирландіи). Въ срединѣ XIX в. онъ далеко превосходилъ всѣ другіе трэдъ-юніоны по числу членовъ и по финансовымъ средствамъ: въ немъ было въ 1848 году 7.000 членовъ, а его денежный запасный фондъ=270.000 рублей; для поступленія въ его члены требовалась преварительная практическая дѣятельность по своей спеціальности, достаточная для того, чтобы быть дѣйствительно обученнымъ и опытнымъ механикомъ или монтеромъ.

Только при такомъ требованіи—говорилось въ предисловіи къ уставу трэдъ-юніона, изд. 1846 года—званіе члена нашего трэдъ-юніона, служа какъ бы свидѣтельствомъ на званіе обученнаго механика, защититъ его отъ несправедливой конкурренціи всякаго рода шарлатановъ его профессіи. Вѣдь у обученнаго механика нѣтъ диплома, который позволилъ бы искать судебной защиты противъ подобныхъ шарлатановъ, какъ это могутъ дѣлать люди врачебной и другихъ ученыхъ профессій.

Этотъ трэдъ-юніонъ машиностроительныхъ рабочихъ съ самаго момента своего возникновенія въ 1826 году тратилъ свои денежныя средства на сочленовъ, оставшихся безъ работы, снабжалъ деньгами переѣзжавшихъ изъ одного города въ другой, выдавалъ деньги на погребеніе и единовременное пособіе попавшимъ случайно въ безпомощное положеніе. Въ 1846 году прибавились къ этимъ видамъ помощи еще пособія въ случаѣ болѣзни, а вскорѣ послѣ того старческая пенсія престарѣлымъ сочленамъ.

Управленіе финансами трэдъ-юніона машиностроительныхъ рабочихъ, послѣ того какъ онъ превратился въ обширную профессіо-

нальную организацію, раскинутую по всему Соединенному Королевству, сдѣлалось крайне сложнымъ: касса была единой, ею завѣдывало правленіе въ Манчестерѣ; въ эту единую кассу поступали всѣ взносы сочленовъ и изъ нея же шли всѣ выдачи и расходы, вплоть до мелкихъ канцелярскихъ расходовъ секретарей многочисленныхъ мѣстныхъ отдѣловъ. Практическая выгода такой концентраціи денежныхъ средствъ была та, что въ распоряженіи Центральнаго Органа этого трэдъ-юніона оставался всегда значительный запасъ денегъ на непредвидѣнные случаи, но правленіе не имѣло права контролировать мѣстные отдѣлы въ ихъ выдачахъ: тутъ каждый отдѣлъ въ этомъ отношеніи былъ вполнѣ автономенъ.

Машиностроительный трэдъ-юніонъ, войдя въ Соединенное Общество механиковъ, передалъ ему и свой уставъ, при чемъ принципъ финансовой автономіи мѣстныхъ отдѣловъ и контроль центральнаго органа были удачно размежеваны. При этой передачѣ Уставъ Соединеннаго Общества механиковъ оказался построеннымъ на такихъ 2 руководящихъ принципахъ: Соединенное Общество механиковъ во 1) является дружескимъ обществомъ взаимопомощи, взаимнаго страхованія на случай безработицы, болѣзни и старости; 2) оно является профессіональнымъ союзомъ, защищающимъ интересы своихъ сочленовъ отъ посягательствъ на нихъ со стороны капиталистовъ—предпринимателей.

Въ силу перваго принципа это Общество является соединеніемъ ряда самоуправляющихся мѣстныхъ отдѣловъ, дѣйствующихъ на точномъ основаніи Устава; всякія сомнѣнія въ правильности толкованія того или иного пункта дѣйствующаго Устава разрѣшаются Центральнымъ Исполнительнымъ Совѣтомъ.

Въ силу второго принципа на Центральномъ Исполнительномъ Совѣтѣ лежитъ забота о выработкѣ и проведеніи въ жизнь равномѣрной расцѣнки труда своихъ сочленовъ во всей странѣ; поэтому Центральному Исполнительному Совѣту принадлежитъ абсолютная власть ассигновать и прекращать выдачу стачечныхъ денегъ (въ возмѣщеніе заработной платы бастующихъ рабочихъ). Ни одинъ мѣстный отдѣлъ не могъ выдавать стачечныхъ денегъ безъ приказа Центральнаго Исполнительнаго Совѣта. Уставъ Соединеннаго Общества механиковъ можетъ быть измѣненъ только спеціальнымъ собраніемъ мѣстныхъ делегатовъ, являющихся каждый съ опредѣленнымъ и подробнымъ наказомъ отъ своихъ избирателей. Что же касается тѣхъ пунктовъ Устава, которые предусматриваютъ опредѣленный видъ денежной помощи сочленамъ, то ихъ

отмѣна делегатскимъ собраніемъ считается дѣйствительной лишь послѣ того, когда за это рѣшеніе выскажутся $^{2}/_{3}$ всѣхъ членовъ Общества.

Финансовыя дѣла Общества уже въ 50-хъ годахъ, т.-е. вскорѣ послѣ его возникновенія, были въ блестящемъ состояніи. Высокій еженедѣльный взносъ съ каждаго члена — 50 коп. — аккуратно уплачивался членами, число которыхъ все увеличивалось. Это давало возможность не только выдавать щедрой рукой пособія въ случаѣ безработицы, болѣзни и при наступленіи дряхлости, но и быстро накопить резервный фондъ.

Такое обиліе свободныхъ денежныхъ средствъ у Соединеннаго Общества механиковъ не давало покоя хозяевамъ фабрикъ и заводовъ. Несмотря на то, что организаторы этого Общества (Ньютонъ, Алленъ и др.) смотрѣли на него прежде всего, какъ на Общество взаимнаго страхованія на случай безработицы, болѣзни и старости, несмотря на то, что они желали замѣнить войну между классами, гдѣ только возможно, мирными переговорами съ капиталистами, послѣдніе все время твердили, что большой резервный денежный фондъ у Соединеннаго Общества механиковъ не что иное какъ стачечный фондъ и что безобидные члены Общества вводятся въ обманъ: они думаютъ, что ихъ взносы служатъ цѣли взаимнаго страхованія, а на самомъ дѣлѣ ихъ взносы идутъ на поддержку стачекъ.

Организаторамъ Соединеннаго Общества механиковъ, впрочемъ, пришлось скоро убѣдиться, какъ обманчивы надежды на соціальный миръ, въ воцареніе котораго многіе такъ горячо вѣрили въ 50-е годы. Пока шли годы промышленнаго оживленія и процвѣтанія, волна стачекъ сошла почти на-нѣтъ, но съ наступленіемъ въ 1857 г. промышленнаго кризиса, когда міровой рынокъ оказался чрезмѣрно переполненнымъ англійскими товарами (главнымъ образомъ, хлопчато-бумажными издѣліями) и фабрики стали или разсчитывать рабочихъ или огульно понижать заработную плату, волна стачекъ стала быстро расти. Изъ нихъ стачка строительныхъ рабочихъ въ столицѣ въ 1859—60 г.. сыграла особенно важную роль въ исторіи англійскаго профессіональнаго рабочаго движенія.

Лондонская стачка строительныхъ рабочихъ въ 1859—60 гг.

Стачка эта вспыхнула при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Плотники и каменщики желали сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ. Когда одна изъ строительныхъ фирмъ уволила своего

рабочаго, явившагося вмѣстѣ съ другими, съ заявленіемъ о сокращеніи рабочаго дня, это немедленно вызвало забастовку протеста противъ этой фирмы, а черезъ двѣ недѣли всѣ лондонскіе хозяева строительныхъ конторъ съ количествомъ рабочихъ свыше 50 человѣкъ каждая закрыли ихъ и 24.000 человѣкъ сразу очутились безъ работы.

Несмотря на миролюбивую политику, усвоенную въ 50-ѳ годы вождями префессіональнаго рабочаго движенія; хозяева строительнаго дѣла заняли непримиримую позицію, отказались вести какіе-либо переговоры о новыхъ условіяхъ найма съ представителями забастовавшихъ организованныхъ рабочихъ и объявили форменную войну всему трэдъ-юніонизму; Центральная организація хозяевъ строительнаго дѣла постановила: ни одинъ изъ входящихъ въ эту организацію хозяевъ не долженъ нанимать вновь или дольше держать у себя рабочаго, который дѣлаетъ взносы въ какой-либо трэдъ-юніонъ или другую профессіональную рабочую организацію (Trade Society), практикующую вмѣшательство въ распорядки какого-либо промышленнаго предпріятія, въ часы часы или условія труда, контракты или соглашенія нанимателей и нанимаемыхъ или въ опредѣленіе характера наемной службы.

Этотъ вызовъ трэдъ-юніонизму вызвалъ горячую поддержку забастовавшимъ. Еженедѣльно созывались митинги делегатовъ организованныхъ столичныхъ рабочихъ съ цѣлью поддержать рабочихъ строительнаго дѣла силами всего столичнаго трэдъ-юніонизма. Изъ всѣхъ концовъ Соединеннаго Королевства потекли въ изобиліи пожертвованія, скоро достигнувшія солидной цифры 230.000 рублей, при чемъ одно только Соединенное Общество механиковъ пожертвовало 10.000 рублей.

Благодаря такой обильной поддержкѣ, строительные рабочіе могли стойко держаться въ завязавшейся борьбѣ. Попытки замѣнить упорныхъ забастовщиковъ покладистыми рабочими, готовыми подписать «документъ» отреченія отъ трэдъ-юніонизма, не удались. Наконецъ, въ февралѣ 1860 года, благодаря посредничеству одного лорда, упорство хозяевъ стремительнаго дѣла было сломлено: они согласились не требовать подписи «документа» при наймѣ на работу.

Эта длительная битва между силами капитала и труда кончилась такимъ образомъ въ ничью, но она, тѣмъ не менѣе, имѣла важныя послѣдствія для профессіональнаго рабочаго движенія:

благодаря ей не только оживилось чувство солидарности между рабочими различныхъ профессій, но и возникли новыя, сильныя рабочія организаціи. Во-первыхъ, по образцу Соединеннаго Общества механиковъ образовалось Соединенное Общество плотниковъ и столяровъ; во-вторыхъ, возникъ Лондонскій Совѣтъ профессіональныхъ рабочихъ организацій.

Лондонскій Постоянный Совѣтъ профес. рабоч. орган. и хунта.

Послѣдній былъ младшимъ братомъ постоянныхъ совѣтовъ профессіональныхъ рабочихъ организацій въ Шеффильдѣ, Ливерпулѣ, Эрдинбургѣ, Глэсто; какъ и они, Лондонскій Совѣтъ выросъ изъ временнаго стачечнаго комитета, возникшаго сейчасъ же по окончаніи описанной выше стачки строительныхъ рабочихъ 1859 — 60 гг. на случай, если потребуется въ минуту опасности моментально организовать силы трэдъ-юніоновъ. Лондонскій Постоянный Совѣтъ образовался лѣтомъ 1860 г. и первоначально состоялъ изъ представителей, по преимуществу мелкихъ профессіональныхъ союзовъ: въ немъ не было делегатовъ ни отъ одной изъ вліятельныхъ лондонскихъ рабочихъ организацій: ни отъ машиностроительныхъ рабочихъ, ни отъ типографскихъ наборщиковъ, ни отъ каменщиковъ, ни отъ литейщиковъ. Постепенно эти недостающіе делегаты вступали въ его составъ, и въ 1864 году Лондонскій Постоянный Совѣтъ былъ уже въ сущности соединеннымъ комитетомъ должностныхъ лицъ всего англійскаго крупнаго трэдъ-юніонизма, своего рода кабинетомъ министровъ англійскаго организованнаго рабочаго міра. Къ этому времени въ трэдъ-юніонахъ становится замѣтнымъ рѣшительный поворотъ на новый путь. Бросаются попытки установленія соціальнаго мира посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ съ капиталистами; къ этому миру хотятъ итти путемъ парламентской агитаціи и парламентскаго законодательства.

Эта новая тактика проводилась новыми людьми, ставшими съ начала 60-хъ годовъ во главѣ профессіональнаго рабочаго движенія. То были 5 генеральныхъ секретарей крупнѣйшихъ профессіональныхъ рабочихъ организацій Англіи. Такъ какъ эти генеральные секретари, т.-е. платныя должностныя лица въ Центральныхъ Исполнительныхъ Совѣтахъ объединенныхъ рабочихъ организацій, постоянно жили въ Лондонѣ—мѣстѣ пребыванія этихъ Совѣтовъ, ихъ частыя дѣловыя сношенія легко перешли въ тѣсную дружбу; получился интимный кружокъ пяти или «хунта», какъ его называли на испанскій манеръ.

Эту «хунту» составляли выдающіеся рабочіе. Генеральный секретарь Соединеннаго Общества механиковъ Аллэнъ, честный скромный человѣкъ, колоссальной работоспособности дѣловитый финансистъ, былъ великолѣпнымъ практическимъ организаторомъ управленія, дѣлопроизводства и счетоводства въ крупнѣйшей изъ профессіональныхъ рабочихъ организацій съ ея 10.000 членовъ; онъ пріучилъ рабочихъ къ общественному веденію дѣлъ въ ихъ профессіональныхъ организаціяхъ, а ихъ довѣренныхъ—къ отчетносоти и отвѣтственности. Генеральный секретарь Соединеннаго Общества плотниковъ и столяровъ Эпплыгартъ (Applegarth) былъ дѣятелемъ иного характера: бороецъ за легализацію трэдъ-юніоновъ и за участіе ихъ въ политической жизни страны, видный членъ Интернаціонала[1]), пропагандистъ широкихъ соціальныхъ и политическихъ проблемъ среди рабочихъ, человѣкъ яснаго, живого ума и дипломатическихъ способностей—онъ былъ какъ бы созданъ для роли идеальнаго представителя и адвоката англійскаго рабочаго движенія въ мірѣ политическихъ реформаторовъ. Третій членъ хунты, генеральный секретарь Лондонскаго Постояннаго Совѣта Оджеръ, полная противоположность Аллэну въ отношеніи дѣловитости и аккуратности, былъ митинговымъ ораторомъ поражающей силы, кумиромъ лондонскихъ рабочихъ, не только блиставшимъ реторикой, но и поражавшій политической проницательностью. Оджеръ былъ единственнымъ изъ всей хунты, совмѣщавшимъ въ себѣ и вождя рабочаго класса и рядового рабочаго — башмачника, чередовавшимъ работу секретарскимъ перомъ съ работой дратвой и шиломъ. Двое остальныхъ членовъ хунты были людьми меньшей оригинальности, но не меньшей энергіи и вліянія въ рабочей средѣ. Вокругъ хунты въ Лондонѣ группировались выдающіеся рабочіе одинаковыхъ съ нею взглядовъ на тактику англійскаго профессіональнаго рабочаго движенія; среди нихъ были, напримѣръ, Александръ Макдональдъ, дѣловитый организаторъ Національнаго Юніона рудокоповъ, будущій старѣйшій членъ рабочей партіи въ парламентѣ, и Генри Бродгэрстъ, будущій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Хунта проповѣдывала, съ одной стороны, крайнюю осторожность въ классовыхъ, профессіональныхъ требованіяхъ рабочихъ къ капиталистамъ, а съ другой—энергичную агитацію за по-

---

[1]) Объ Интернаціоналѣ см. ст.Боровего.

литическія реформы. То и другое складывалось у нихъ подъ вліяніемъ английскихъ радикаловъ изъ среднихъ классовъ. Крайне сомнительно, чтобы Аллэнъ, Эппльгартъ и другіе члены хунты раздѣляли популярную среди рабочихъ вѣру, что профессіональные рабочіе союзы смогутъ добиться общаго повышенія уровня заработной платы въ годы промышленнаго подъема или успѣшно сопротивляться ея общему пониженію въ годы промышленныхъ кризисовъ и застоя. Они скорѣе вѣрили въ моральную силу крупныхъ резервныхъ денежныхъ фондовъ у трэдъ-юніоновъ, изъ которыхъ могли выдаваться безработнымъ щедрой рукой суточныя, чтобы отбить охоту у капиталистовъ произвольно понижать заработную плату ниже нормальнаго въ данный моментъ уровня. А для достиженія болѣе широкой экономической эмансипаціи рабочаго хунта считала необходимымъ предварительно добиться политической эмансипаціи рабочаго класса, т.-е. уравненія политическихъ правъ всѣхъ классовъ общества, и сверхъ того добиться общедоступнаго образованія и легализаціи всѣхъ рабочихъ организацій.

При осуществленіи всего этого на дѣлѣ хунтѣ пришлось преодолѣвать довольно значительныя практическія затрудненія. Использованіе трэдъ-юніоновъ для парламентской агитаціи являлось новой идеей для міра профессіонально-организованныхъ рабочихъ. Когда Брайтъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ 1860 году задавалъ вопросъ: «у рабочихъ людей имѣются ассоціаціи; они могутъ устраивать внушительныя стачки противъ капитала, иногда выставляя справедливыя требованія, иногда требуя невозможнаго. У нихъ имѣются ассоціаціи, профессіональные союзы, организаціи, и я хочу спросить ихъ, почему всѣ эти разнообразныя организаціи, раскинутыя по всей странѣ, не могутъ быть использованы въ цѣляхъ полученія ими политическихъ правъ?» онъ не получилъ никакого отвѣта: всѣ трэдъ-юніоны этого времени, не исключая и столичныхъ, строго хранили свое традиціонное (со времени краха чартизма) отвращеніе къ политической дѣятельности. Уставы многихъ трэдъ-юніоновъ опредѣленно запрещали всякое упоминаніе о политикѣ на ихъ митингахъ. Даже огромное вліяніе членовъ хунты на ихъ трэдъ-юніоны оказывалось не достаточнымъ, чтобы убѣдить товарищей согласиться на использованіе ихъ организацій для агитаціи за парламентскую реформу, за всеобщее обученіе, наконецъ, за полную легализацію самихъ трэдъ-юніоновъ.

Тогда хунта обратила свои взоры на молодые, недавно возникшіе въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Постоянные Совѣты профессіональныхъ рабочихъ организацій и особенно на Лондонскій. Въ послѣдній хунта, вслѣдъ за Оджеромъ, постепенно вошла вся цѣликомъ. Подъ вліяніемъ хунты Постоянные Совѣты превратились въ политическіе органы всего трэдъ-юніонизма. Лондонскій Совѣтъ завязалъ дѣловыя отношенія съ либеральнымъ правительствомъ и прежде всего съ Гладстономъ, а затѣмъ, въ 1866 году, съ энтузіазмомъ взялся за руководящую роль въ агитаціи за парламентскія избирательныя права городского рабочаго населенія.

Вожди трэдъ-юніонизма пошли такимъ образомъ на встрѣчу либеральному правительству лорда Джона Росселя, которое черезъ своего канцлера казначейства (министра финансовъ) Гладстона внесло въ Палату Общинъ въ мартѣ 1866 года билль (законопроектъ) о реформѣ народнаго преставительства въ Англіи, увеличивающій избирателей въ Парламентъ на 400 тысячъ человѣкъ, приходившихся пополамъ на долю средняго и на долю рабочаго класса.

II.

Россель-Гладстоновскій билль о реформѣ народнаго представительства въ Англіи и вызванная имъ парламентская борьба.

Правительственная защита въ нижней Палатѣ этого билля о реформѣ народнаго представительства оказалась очень труднымъ дѣломъ. Противъ билля, кромѣ консерваторовъ, съ ихъ вождемъ Дизраэли, была также группа либераловъ-аристократовъ съ Лоу во главѣ. Правительству съ большимъ трудомъ удалось добиться перехода ко второму постатейному чтенію билля, и этимъ оно всецѣло было обязано Гладстону, развернувшему тутъ во всемъ блескѣ свои качества первокласснаго парламентскаго оратора.

Сынъ богатаго ливерпульскаго купца и питомецъ оксфордскаго университета, получившій въ немъ утонченное классическое образованіе, Гладстонъ въ совершенствѣ усвоилъ себѣ образцовое парламентское краснорѣчіе, не чуждое риторическихъ фразъ и академическихъ украшеній стиля, и тонъ практическаго дѣльца, стоящаго на почвѣ реальной дѣйствительности и желающаго имѣть дѣло лишь съ насущными, неотложными нуждами момента. Въ Палатѣ Общинъ онъ былъ своимъ не только для засѣдавшихъ въ ней представителей высшей англійской интеллигенціи, но былъ близокъ и понятенъ для всѣхъ практиковъ жизни — членовъ Парламента изъ банкировъ, купцовъ, фабрикантовъ и адвокатовъ.

Въ засѣданіи Палаты Общинъ 27 апрѣля, уже въ часъ ночи, передъ переполненной, какъ никогда, Палатой Общинъ, съ волненіемъ и нетерпѣніемъ ожидавшей голосованія и переходѣ ко второму чтенію билля, Гладстонъ выступилъ съ трехчасовой рѣчью, и Палата слушала, словно зачарованная магической силой его словъ, а онъ мастерски обозрѣвалъ весь ходъ преній о парламентской реформѣ; оборонялся и нападалъ на своихъ политическихъ противниковъ съ искусствомъ великолѣпнаго парламентскаго борца, который не задумывается надъ вопросомъ, вѣрно ли то, что сказалъ сейчасъ противникъ, а спѣшитъ отвѣтить ему такъ, чтобы наивѣрнѣйшимъ способомъ его побить и уничтожить.

Подъ натискомъ мощнаго краснорѣчія Гладстона, благодаря его замѣчательному ораторскому искусству, ряды противниковъ билля заколебались; при голосованіи 318 членовъ Нижней Палаты высказались за переходъ ко второму чтенію и 313 противъ.

Но эта съ трудомъ одержанная побѣда правительства не обезкуражила противниковъ билля. Они и послѣ перехода ко второму чтенію продолжали вести борьбу съ возраставшей настойчивостью и упорствомъ, пока не добились въ іюнѣ отставки либеральнаго министерства.

У власти стало консервативное правительство съ премьеромъ лордомъ Дерби и канцлеромъ казначейства Дизраэли.

Эта смѣна либеральнаго консервативнымъ министерствомъ изъ-за парламентской реформы сильно подѣйствовала на лондонское населеніе, до того совершенно спокойно относившееся къ вопросу о реформѣ. Агитація за реформу до сихъ поръ была сильна лишь на сѣверѣ Англіи, а теперь и въ Лондонѣ тишина смѣнилась бурей. Вечеромъ на Петровъ день въ Трафальгарскомъ скверѣ собралось 10.000 человѣкъ; на этомъ митингѣ громко требовали всеобщаго избирательнаго права, пришествіе къ власти торіевъ (консерваторовъ) осыпалось проклятіями, критиковалось поведеніе кабинета лорда Росселя, вышедшаго въ отставку вмѣсто того, чтобы распустить парламентъ; но имя Гладстона неизмѣнно вызывало чрезвычайный энтузіазмъ. Толпа изъ Трафальгарскаго сквера подошла съ криками: «Гладстонъ и свобода» къ его квартирѣ. Самого Гладстона въ это время не было дома. Полицейскій офицеръ попросилъ гаспожу Гладстонъ показаться на минуту-двѣ толпѣ. Когда супруга Гладстона съ дочерьми появилась на балконѣ, раздался гулъ восторженныхъ аплодисментовъ.

Затѣмъ толпа пошла дальше по Лондону: она салютовала восторженными криками либеральному клубу Реформы и отчаянно свистала передъ торійскимъ Карльтонъ-клубомъ. Эту многочисленную толпу составляли главнымъ образомъ, если не всецѣло, солидные, степенные рабочіе подъ предводительствомъ одного виднаго трэдъ-юніониста.

Черезъ 3 недѣли столица оказалась свидѣтельницей еще болѣе бурныхъ сценъ. На 23 іюля Національной Лигой реформы, въ которую входили и радикалы, и вожди трэдъ-юніонизма, и цѣлые трэдъ-юніоны (особенно бэрмингэмскіе), была назначена политическая демонстрація въ Гайдъ-паркѣ въ цѣляхъ достиженія всеобщаго избирательнаго права и тайнаго голосованія. Просили Гладстона говорить на этомъ митингѣ, такъ какъ онъ два года тому назадъ, въ одной изъ своихъ рѣчей высказался за нравственный принципъ всеобщаго голосованія, произнеся знаменательныя слова: «я рѣшаюсь сказать, что всякій человѣкъ, не оказавшійся неспособнымъ по своимъ личнымъ качествамъ или опаснымъ для государства, имѣетъ нравственное право войти въ ограду конституціи» (т.-е. получить избирательныя права).

Гластонъ отклонилъ приглашеніе явиться на митингъ, но высказалъ свое убѣжденіе, что либеральное правительство, выйдя въ отставку, дѣлаетъ этимъ энергичный и важный шагъ къ конечному успѣху дѣла реформы: «въ часъ пораженія у меня является предчувствіе побѣды».

Внѣпарламентская агитація за избирательную реформу послѣ паденія либеральнаго министерства.

Устройство митинга на великолѣпныхъ лужайкахъ и среди купъ деревьевъ Гайдъ-парка, занимающаго нѣсколько десятковъ десятинъ въ Западномъ Лондонѣ, встрѣтило препятствіе со стороны правительства. Дѣло въ томъ, что Гайдъ-паркъ является собственностью Короны, и правительство поэтому имѣетъ формальное право прекращать доступъ публики туда, когда оно найдетъ это нужнымъ; и вотъ въ самый день демонстраціи 23 іюля послѣ полудня на улицахъ Лондона было расклеено печатное объявленіе, за подписью начальника лондонской столичной полиціи, о томъ, что входы въ паркъ будутъ закрыты въ 5 часовъ.

Организаціонный комитетъ Лиги не захотѣлъ отказаться отъ Гайдъ-парка, какъ мѣста для митинга, такъ какъ Трафальгарскій скверъ, гдѣ полиція не препятствовала устройству митинга, былъ на бойкомъ мѣстѣ и неудобенъ для скопленія большихъ массъ народа. Организаціонный Комитетъ, во главѣ котораго стоялъ видный юристъ (мистеръ Бильсъ), резонно полагалъ, что, когда

большое количество трезвыхъ, приличныхъ гражданъ желаютъ выразить свое мнѣніе по безпокоющему ихъ вопросу о парламентской реформѣ, они и будутъ осуществлять это свое законное право, и отнюдь не государственная мудрость руководитъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, если онъ имъ препятствуетъ въ этомъ.

По указаніямъ организаціоннаго комитета многолюдныя процессіи сторонниковъ реформы двинулись изъ Восточной (наиболѣе демократической) части Лондона черезъ Сити, Хольборнъ и Оксфордскую улицу къ Мраморной Аркѣ. Полиція Сити, подчиненная городскому самоуправленію, встрѣчала ихъ дружелюбно и съ уваженіемъ. Но на дальнѣйшемъ пути (внѣ Сити) столичная полиція, подчиненная министру внутреннихъ дѣлъ, была далеко не такъ милостива и демонстранты достигли Гайдъ-парка въ повышенномъ настроеніи, благодаря стычкамъ съ этой полиціей. Входы въ Гайдъ-паркъ были закрыты, и когда полиція отказалась открыть ихъ по требованію министра Бильса, сдѣлана была попытка открыть входы въ паркъ натискомъ толпы; попытка не удалась, и организаторы повернули толпу къ Трафальгарскому скверу для устройства тамъ митинга протеста.

Въ это время съ другой стороны Гайдъ-парка скопилась масса народа; линія полицейскаго оцѣпленія оказалась слишкомъ растянутой, чтобы всюду съ успѣхомъ противостоять толпѣ; рѣшетка во многихъ мѣстахъ была сломана, повалена и паркъ быстро былъ запруженъ наименѣе дисциплинированными демонстрантами. Начались схватки группъ демонстрантовъ съ полиціей; пущены были въ ходъ камни и желѣзные прутья; было причинено нѣсколько серьезныхъ, хотя и не смертельныхъ пораненій.

Такое нарушеніе порядка не входило въ планы Лиги реформы, и ея уполномоченные стали сдерживать разъяренную толпу, рискуя сами серьезно пострадать въ свалкѣ.

Въ концѣ-концовъ были вызваны гвардейскія войска, но они появилась, когда буря уже стихла, и имъ пришлось быть лишь предметомъ дружескихъ овацій со стороны демонстрантовъ, которые, сдѣлавъ свое дѣло, спокойно разошлись по домамъ.

Агитація за парламентскую реформу продолжалась всю осень и зиму. Національная Лига Реформы, Манчестерскій Союзъ Реформы и другія ассоціаціи организовывали во всѣхъ большихъ городахъ, отъ Лондона до Глэсго, шествія, тянувшіяся непрерывно на версту и болѣе; устраивали митинги на открытомъ воздухѣ

по 100, 200, 250 тысячъ человѣкъ. Брайтъ совершалъ всю осень поѣздки по Англіи, Шотландіи и Ирландіи и говорилъ на митингахъ такъ, какъ онъ одинъ могъ тогда говорить передъ многотысячной народной толпой. Его краснорѣчивыя рѣчи дышали глубокимъ убѣжденіемъ. Онъ считалъ необходимымъ для Англіи расширеніе избирательныхъ правъ до такихъ предѣловъ, которые могли бы вмѣстить всѣхъ осѣдлыхъ обитателей страны. Слѣдуетъ дать избирательныя права всѣмъ квартиронанимателямъ и всѣмъ постояннымъ комнатнымъ жильцамъ, твердилъ неустанно Брайтъ и въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ, и въ публицистическихъ своихъ письмахъ, и въ митинговыхъ своихъ рѣчахъ; и слушатели соглашались съ нимъ: на всѣхъ осеннихъ митингахъ 1866 года съ участіемъ Брайта принимались резолюціи, требовавшія избирательнаго права для всѣхъ осѣдлыхъ обитателей страны и тайнаго голосованія.

Зима 1866—67 гг. была памятной для англійскаго пролетаріата. Надвинулся торгово-промышленный кризисъ, особенно тяжело отозвавшійся въ Лондонѣ: число безработныхъ въ немъ возросло почти на 19%, по сравненію съ 1865 годомъ, и на 24% по сравненію съ 1864 годомъ. Отъ этого кризиса тяжело пришлось и наилучше оплачиваемымъ рабочимъ. Въ концѣ 1866 и началѣ 1867 г. корреспондентъ газеты «Утренняя Звѣзда» посѣтилъ Гриничъ, Дептфордъ и еще 4 другихъ восточныхъ лондонскихъ пригорода и представилъ своей газетѣ подробный отчетъ объ этомъ посѣщеніи. Оказалось, что въ этихъ пригородахъ находятся въ крайней нуждѣ, по крайней мѣрѣ, 15.000 рабочихъ съ ихъ семействами; больше 3.000 искусныхъ механиковъ разбивали камни во дворѣ работнаго дома (послѣ того какъ болѣе полугода они находились въ крайней нуждѣ).

Благодаря этому кризису чрезвычайно обострилась борьба капитала съ трудомъ, участились стачки въ отвѣтъ на попытки огульнаго пониженія заработной платы, а суды систематически стали отказывать профессіональнымъ рабочимъ союзамъ въ судебной защитѣ ихъ денежныхъ фондовъ отъ расхищенія. И эта обострившаяся борьба капитала съ трудомъ гораздо болѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ осеннія митинговыя резолюціи съ требованіемъ избирательнаго права для всѣхъ осѣдлыхъ обитателей страны, укрѣпляла твердую рѣшимость Лондонскаго Постояннаго Совѣта профессіональныхъ рабочихъ организацій добиваться избирательныхъ правъ для рабочихъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ, съ открытіемъ въ февралѣ 1867 года парламентской сесіи, началась парламентская борьба за избирательное право для всѣхъ квартиронанимателей.

Билль Дизраэли и его прохожденіе черезъ Парламентъ.

Дизраэли, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ примирить всѣхъ членовъ кабинета на какомъ-либо одномъ изъ 2 предложенныхъ имъ проектовъ о реформѣ, пошелъ навстрѣчу расколу въ кабинетѣ; и когда наиболѣе непримиримые министры подали въ отставку, онъ внесъ въ Палату въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (18 марта) новый, переработанный билль о парламентской реформѣ. Этотъ билль Дизраэли предоставлялъ право голоса всѣмъ городскимъ квартиронанимателямъ, при условіи, если они живутъ на данной квартирѣ не менѣе 2 лѣтъ, и лично, а не черезъ домовладѣльца, платятъ квартирный налогъ на содержаніе бѣдныхъ своего прихода; что же касается владѣющихъ личной собственностью въ графствахъ, для нихъ вводился вмѣсто имущественнаго податной цензъ.

По своему принципу — право голоса у всякаго городского квартиронанимателя — реформа являлась радикальной, но приведенныя оговорки и ограниченія этого принципа грозили уничтожить на практикѣ весь ея радикализмъ, почти безъ остатка.

Гладстонъ еще осенью 1866 года рѣшилъ бороться за этотъ радикальный принципъ въ биллѣ о реформѣ, имѣя въ головѣ такія соображенія: чтобы народъ спокойно принялъ билль о реформѣ, выработанный консервативной партіей, послѣдній обязательно долженъ быть шире, а не уже, чѣмъ внесенный либералами или желательный для либераловъ. Вѣдь только отъ сильнаго врага слѣдуетъ брать то, что онъ даетъ, а отъ слабаго, какимъ является въ отношеніи народа консервативное министерство, надо требовать возможно большаго; при этомъ Гладстонъ былъ убѣжденъ, что билль Дизраэли, благодаря лукавому, каверзному, склонному къ разнымъ неожиданнымъ эффектамъ уму послѣдняго, потребуетъ особаго вниманія со стороны либеральной партіи, иначе благодѣтельная для народа на первый взглядъ мѣра можетъ оказаться искусно замаскированнымъ капканомъ.

Когда Дизраэли внесъ въ Парламентъ свой билль, это подозрительное отношеніе къ его биллю Гладстона, равно и Брайта, на первыхъ порахъ приняло характеръ прямой враждебности; но настроеніе либеральной партіи было таково, что оппозиція ея вождей не помѣшала либераламъ единогласно, вмѣстѣ съ консерваторами, голосовать въ Палатѣ Общинъ за переходъ ко второму,

постатейному чтенію билля. Это и было нужно Дизраэли. Теперь онъ смѣло могъ задать вопросъ консерваторамъ, какимъ образомъ этотъ его билль, столь непріятный вождю радикаловъ Брайту, можетъ быть похожимъ на радикальную мѣру.

За этимъ тріумфомъ Дизраэли послѣдовалъ другой, когда Гладстонъ внесъ одну поправку къ биллю, надѣлявшую избирательнымъ правомъ каждаго квартиронанимателя, независимо отъ того, самъ онъ или черезъ домовладѣльца вноситъ налогъ на бѣдныхъ. Эта поправка вождя либераловъ не прошла; правительство одержало побѣду большинствомъ въ 21 голосъ, и Палата разошлась на пасхальныя каникулы.

Дизраэли торжествовалъ. Современники приписываютъ ему фразу, что онъ не допуститъ Гладстона къ власти, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 20 лѣтъ. Дѣйствительность скоро показала, что ближе къ истинѣ было бы сказать 20 минутъ вмѣсто 20 лѣтъ. Упадокъ вліянія Гладстона среди либераловъ оказался весьма кратковременнымъ. Брайтъ горячо убѣждалъ радикальное крылю либеральной партіи оказать поддержку Гладстону въ его борьбѣ за парламентскую реформу. «Кто въ Палатѣ Общинъ равенъ Гладстону въ знаніи всѣхъ политическихъ вопросовъ,—говорилъ Брайтъ въ Пасху 1867 года на митингѣ въ Бэрмингэмѣ.—Кто равенъ ему по живости ума? Кто равенъ ему въ краснорѣчіи? Кто равенъ ему въ мужествѣ и вѣрности своимъ убѣжденіямъ? Если тѣ джентльмены, которые говорятъ, что они не хотятъ за нимъ слѣдовать, имѣютъ кого-либо еще, кто ему равенъ, пусть они намъ покажутъ его. Если они могутъ указать на какого-либо государственнаго человѣка, который можетъ добавить достоинства и величія къ фигурѣ мистера Гладстона, пусть они представятъ его».

Радикалы вняли голосу своего вождя и согласились поддержать Гладстона, но требовали: 1) удаленія всякихъ ограниченій для избирательнаго права квартиронанимателей и 2) избирательнаго права для комнатныхъ жильцовъ. Эти требованія, высказанныя въ резолюціяхъ многихъ пасхальныхъ митинговъ 1867 года, оказали свое вліяніе. Когда послѣ пасхальныхъ вакацій разсмотрѣніе дизраэлевскаго билля о реформѣ возобновилось въ комитетѣ (комиссіи) Палаты Общинъ, Комитетъ, вопреки мнѣнію правительства, принялъ поправку о предоставленіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ, прожившимъ не 2, а всего одинъ годъ на данной квартирѣ. Правительство уступило въ этомъ пунктѣ.

Черезъ нѣсколько дней, а именно 6 мая, Національная Лига реформы созвала митингъ въ Гайдъ-паркѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ выпустилъ объявленіе за своей собственной подписью, предостерегавшее народъ отъ посѣщенія этого митинга. Въ отвѣтъ на это Лига выпустила свое объявленіе, гдѣ настоятельно приглашала всѣхъ и каждаго явиться на митингъ. Тогда премьеръ министръ, лордъ Дерби, объявилъ для всеобщаго свѣдѣнія, что митингъ вполнѣ легаленъ и правительство не будетъ чинить ему никакихъ препятствій. Митингъ вышелъ чрезвычайно многолюднымъ и прошелъ въ совершенномъ порядкѣ. Хотя въ Гайдъ-паркѣ собралось по меньшей мѣрѣ 2000.000 народа, ни одно растеніе не было поломано, ни одинъ цвѣтокъ не былъ смятъ. Одинъ изъ организаторовъ митинга, полковникъ Диксонъ, такъ выразился въ своемъ обращеніи къ толпѣ: мои друзья и сотоварищи по преступленію (какъ поступившіе наперекоръ совѣту министра внутреннихъ дѣлъ не ходить на митингъ),—и министру внутреннихъ дѣлъ не оставалось ничего другого, какъ сейчасъ же послѣ митинга оставить свой постъ.

Подобныя событія, происходившія за стѣнами парламента, чрезвычайно укрѣпляли единодушіе парламентскихъ либераловъ въ вопросѣ о реформѣ. Одинъ либеральный членъ парламента вскорѣ послѣ этого митинга предложилъ надѣлить избирательными правами комнатныхъ жильцовъ, и правительство согласилось съ его предложеніемъ, съ оговоркой, что избирателями могутъ быть лишь тѣ комнатные жильцы, которые платятъ за пустую комнату безъ меблировки не меньше 100 рублей въ годъ.

Вскорѣ послѣ этого, другой малозамѣтный въ Палатѣ членъ либеральной партіи внесъ предложеніе, что ни одно лицо въ предѣлахъ парламентскаго города, кромѣ тамошнихъ осѣдлыхъ обывателей, не должно быть облагаемо приходскими налогами (на содержаніе бѣдныхъ). Внесшій это предложеніе настолько мало мечталъ объ успѣхѣ, что считалъ вѣроятное большинство противъ этой его поправки къ биллю равнымъ ста голосамъ или около того. Но къ удивленію всѣхъ и каждаго и къ ужасу консервативной партіи Дизраэли принялъ поправку малоизвѣстнаго либерала, и она была присоединена безъ голосованія къ биллю. Гладстонъ, описывая тридцать лѣтъ спустя ходъ парламентской реформы 1867 года, счелъ нужнымъ отмѣтить, что ни одинъ эпизодъ во всей жизненной карьерѣ «загадочнаго человѣка» (Дизраэли) не поражалъ его болѣе, чѣмъ этотъ; Гладстонъ доба-

вляетъ, что министръ Дизраэли принялъ такое свое рѣшеніе, не посовѣтовавшись съ кабинетомъ, который былъ созванъ, уже послѣ включенія поправки въ билль, лишь для того, чтобы выслушать отъ выдающагося статистика, мистера Ламберта, численный результатъ включенія этой поправки въ билль.

Такимъ образомъ обѣ плотины, воздвигнутыя лордомъ Дерби въ биллѣ о парламентской реформѣ противъ наплыва массы новыхъ избирателей изъ демократическихъ слоевъ населенія: требованіе двухгодичной осѣдлости и требованіе личнаго платежа (а не черезъ домовладѣльца) квартирнаго налога на бѣдныхъ, потеряли свое значеніе: одна прямо рухнула, а другая превратилась въ фарсъ: всякій городской осѣдлый обыватель долженъ былъ лично платить квартирный налогъ на бѣдныхъ и тѣмъ самымъ попадалъ въ парламентскіе избирательные списки.

И такимъ образомъ, въ биллѣ безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій воплощенъ былъ чистый принципъ избирательнаго права всѣхъ квартиронанимателей.

По этому поводу про Дизраэли было выпущено въ ходъ острое словцо, что онъ величайшій радикалъ въ Палатѣ. Но Дизраэли былъ невозмутимъ, удовлетворенный тѣмъ, что онъ «дьявольски ловко провелъ за носъ виговъ» (либераловъ), какъ выразился лордъ Дерби. Для Дизраэли высшей мѣрой человѣческихъ дѣлъ былъ успѣхъ; и если успѣхъ былъ на его сторонѣ, онъ приписывалъ враждебную критику обидѣ, порожденной неудачей.

Палата занялась далѣе избирателями въ графствахъ: ихъ избирательный податной цензъ въ 150 рублей по правительственному биллю былъ пониженъ до 120 рублей.

Имущественный, а не податной, цензъ въ графствахъ сохранялся за владѣніями и держаніями по старинному земельному праву (фригольдъ, копигольдъ и т. п.), но и онъ былъ пониженъ со 100 рублей чистаго дохода до 50 рублей.

Палатѣ Общинъ оставалось еще разсмотрѣть вопросъ о распредѣленіи депутатскихъ мѣстъ. «Гнилыя мѣстечки» все еще оставались въ 60-хъ годахъ, несмотря на массовое ихъ упраздненіе парламентской реформой 1832 года; поэтому сдѣланы были дальнѣйшіе шаги къ ихъ совершенному уничтоженію. У трехъ городковъ отнято было право посылки депутата въ виду обнаруженныхъ въ нихъ подкуповъ при парламентскихъ выборахъ; у городовъ съ населеніемъ менѣе 10.000 отнято было право посылать двухъ депутатовъ и оставлено каждому изъ нихъ по одному депутату.

Освободившіяся такимъ образомъ депутатскія мѣста были распредѣлены между существующими, болѣе крупными населенными мѣстами и округами и 9 новыми парламентскими городами. Бэрмингэмъ, Манчестерское Сити, Ливерпуль, Лидсъ получили каждый вмѣсто прежнихъ двухъ 3 депутатовъ. Представительство всѣхъ частей Лондона увеличилось на 4 новыхъ депутата, а кромѣ того получилъ право посылки депутата Лондонскій Университетъ.

Было упразднено право присылки своего голоса въ письмѣ вмѣсто личной явки къ избирательному ящику—привилегія дряхлыхъ старцевъ, лѣнивыхъ, далеко живущихъ, немощныхъ. По мнѣнію противниковъ демократіи, этимъ самымъ былъ удаленъ послѣдній барьеръ противъ напора буйной толпы новыхъ избирателей.

Биллю, принятому Палатой Общинъ, недолго пришлось терпѣть мытарства въ Палатѣ Лордовъ. Правда, онъ былъ возвращенъ въ Палату Общинъ съ рядомъ поправокъ, изъ которыхъ одна, имѣя въ виду обезпечить представительство меньшинства, предлагала, чтобы въ парламентскихъ городахъ съ 3 депутатами (т.-е. въ Бэрмингэмѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ и Лидсѣ), каждый избиратель имѣлъ право голосовать лишь за 2 лицъ, а въ парламентскихъ городахъ съ 4 депутатами (Лондонское Сити) лишь за 3 лицъ. Когда эта поправка, вопреки возраженіямъ Брайта, Гладстона и Дизраэли, была принята Палатой Общинъ и сдѣлалась закономъ, Палата Лордовъ не стала настаивать на остальныхъ своихъ поправкахъ. Билль получилъ королевское утвержденіе и былъ внесенъ въ Книгу Статутовъ 15 августа 1867 года.

Роль Гладстона, Брайта и Милля въ подготовкѣ и осуществленіи парламентской реформы 1868 г.

Этотъ актъ о народномъ представительствѣ — этотъ прыжокъ въ неизвѣстность, по выраженію лорда Дерби — перешелъ въ исторію съ именемъ реформы Дизраэли, хотя и не былъ его твореніемъ. Въ этомъ актѣ воплотились принципы Брайта, при чемъ принципъ надѣленія избирательными правами комнатныхъ жильцовъ осуществленъ былъ буквально въ той формѣ, которая рекомендовалась въ его «Политическихъ письмахъ» 17 лѣтъ тому назадъ. Но заслуга законодательной формулировки этихъ общихъ принциповъ Брайта принадлежала всецѣло Гладстону.

Актъ 1867 года благополучно завершилъ цѣлый рядъ попытокъ второй парламентской реформы, дѣлавшихся въ 50 и 60-хъ годахъ, когда одинъ за другимъ и чередуясь другъ съ другомъ, появлялись на свѣтъ Божій и увядали, не успѣвъ расцвѣсть, билли о реформѣ двухъ видныхъ дѣятелей первой парламентской реформы, лорда Джона Росселя и лорда Дерби.

Всѣ эти билли, кончая Россель-Гладстоновскимъ биллемъ 1866 года, имѣли въ виду увеличить число избирателей, но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ этого такъ радикально, какъ сдѣлалъ актъ 1867 года. Послѣдній увеличивалъ число избирателей почти на миллiонъ человѣкъ; и крупная доля изъ этого миллiона новыхъ избирателей пришлась на долю рабочаго пролетарiата промышленныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Этотъ пролетарiатъ, ходившiй въ 1866 и 1867 годахъ на митинги, организованные Нацiональной Лигой реформы, съ почетомъ привѣтствовалъ имена Гладстона, Брайта и Милля. Если первый можетъ быть названъ самымъ крупнымъ парламентскимъ борцомъ за допущенiе рабочихъ въ ограду конституцiи, въ ряды избирателей; если второй можетъ быть названъ самымъ блестящимъ митинговымъ ораторомъ и самымъ популярнымъ агитаторомъ въ дѣлѣ политическаго освобожденiя рабочаго класса, то третьему принадлежитъ самое почетное мѣсто въ идейной подготовкѣ второй парламентской реформы.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Джонъ Стюартъ Милль выпустилъ въ свѣтъ свои знаменитые публицистическiе очерки: «О представительномъ правленiи». Милль считаетъ наилучшей формой правленiя для Англiи представительную демократiю, но эта демократiя можетъ быть истинной, но можетъ быть и ложной. Милль называетъ истинной или чистой демократiей самоуправленiе всего народа посредствомъ выборныхъ, равномѣрно представляющихъ народъ.

Демократiя же, какъ она понимается на практикѣ и которую Милль называетъ ложной демократiей, это самоуправленiе не всего народа, а простого его большинства; посредствомъ своихъ выборныхъ это большинство управляетъ всѣмъ народомъ.

Въ зрѣломъ и цивилизованномъ народѣ не должны встрѣчаться парiи и люди, лишенные своей правоспособности, если только это случилось не по ихъ собственной волѣ. Всякiй человѣкъ униженъ, сознаетъ ли онъ это или нѣтъ, если другiе распоряжаются его судьбой съ неограниченной властью, даже не совѣтуясь съ нимъ. Даже предполагая болѣе культурное состоянiе государствъ, чѣмъ какого пока достигало человѣчество, все-таки неестественно ждать, чтобы къ тѣмъ, которыми распоряжаются такимъ образомъ, проявилось такое же справедливое отношенiе, какъ и ко всѣмъ, имѣющимъ право голоса. Правители и правительственный классъ поставлены въ необходимость считаться съ интересами и желанiями всѣхъ, обладающихъ правомъ голоса; по отношенiю ко всѣмъ,

лишеннымъ этого права, ничто не обязываетъ правительство поступать такъ же; какъ бы честно правительство не было настроено, оно въ общемъ слишкомъ занято дѣлами, съ которыми ему, во что бы то ни стало, приходится считаться, для того чтобы имѣть досугъ позаботиться о томъ, чѣмъ можно безнаказанно пренебречь.

Вотъ почему никакая комбинація избирательной системы не можетъ быть удовлетворительной продолжительное время, если изъ этой комбинаціи какой-нибудь классъ или какое-нибудь лицо окажется совершенно исключеннымъ или если избирательная преимущества недоступны всѣмъ взрослымъ людямъ, желающимъ ихъ получить.

Милль требуетъ такимъ образомъ всеобщаго избирательнаго права для всѣхъ взрослыхъ людей, лишь бы они были грамотны (т.-е. умѣли читать, писать и знали 4 первыхъ правила ариѳметики) и платили прямые налоги. Первое условіе явилось бы ограниченіемъ избирательныхъ правъ лишь до введенія въ Англіи всеобщаго обученія; послѣ же введенія его, совсѣмъ и не возникалъ бы вопросъ объ избирательныхъ правахъ для человѣка неумѣющаго читать, какъ въ настоящее время не ставится подобный вопросъ относительно ребенка, не умѣющаго говорить; тогда не общество лишало бы неграмотныхъ ихъ правъ, а ихъ собственная лѣнь. Второе же условіе находится въ согласіи съ теоріей англійскихъ государственныхъ учрежденій.

Милль требуетъ всеобщаго избирательнаго права для взрослыхъ людей обоего пола. Въ отношеніи политическихъ правъ, вопросъ о различіи половъ, по его мнѣнію, имѣетъ то же значеніе, какъ различіе въ цвѣтѣ волосъ и ростѣ. Всѣ люди одинаково заинтересованы въ хорошемъ правленіи, и слѣдовательно, равно нуждаются въ правѣ голоса, чтобы обезпечить свою долю участія въ его выгодѣ. Если и существуетъ какое-либо различіе, то только въ томъ, что женщины нуждаются въ этомъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически болѣе слабыми, онѣ сильнѣе, чѣмъ мужчины, нуждаются въ покровительствѣ закона и общества.

Всеобщее избирательное право, безъ различія пола, до сихъ поръ еще не осуществлено въ Англіи, но Милль вѣрно угадалъ, что демократическое развитіе его родной страны медленно, можетъ-быть, но вѣрно ведетъ къ этому, и парламентская реформа 1867 года была однимъ изъ первыхъ этаповъ на пути этого демократическаго развитія.

III.

Актъ 15 августа 1867 года реформировалъ народное представительство въ Англіи и Уэльсѣ, но онъ не касался ни Шотландіи, ни Ирландіи; для той и другой были составлены особые билли о реформѣ; они прошли черезъ Парламентъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ и стали законами лишь въ слѣдующемъ 1868 году, при томъ же самомъ консервативномъ министерствѣ; только премьеръ-министромъ былъ теперь не лордъ Дерби, подавшій въ отставку по болѣзни, въ началѣ 1868 года, а Дизраэли. Въ министерство Дизраэли прошли и первые выборы по новому избирательному закону. Общій ихъ результатъ былъ въ высокой степени благопріятенъ для либеральной партіи. Либеральное большинство было наибольшимъ въ Шотландіи, гдѣ на каждые 5 избранныхъ либераловъ приходился одинъ консерваторъ; въ Англіи на каждыхъ 3 либераловъ приходилось 2 консерватора; въ Ирландіи на 4 либераловъ—3 консерватора. Либеральное большинство въ новой Палатѣ Общинъ опредѣлялось въ 390 голосовъ, а консервативное меньшинство въ 268 голосовъ.

Первое министерство Гладстона и его реформаторская дѣятельность.

Дизраэли, какъ только выяснилась эта побѣда либераловъ на выборахъ, немедленно подалъ въ отставку, и королева поручила составленіе кабинета главѣ либеральной партіи Гладстону. Его популярность, большая въ 1866 и 1867 годахъ, еще болѣе возросла въ 1868 году. Одинъ безталанный, но ловкій кандидатъ въ члены Парламента признавался, что когда онъ говорилъ на предвыборныхъ митингахъ и чувствовалъ, что запасъ его краснорѣчія изсякаетъ, онъ дѣлалъ ссылку на Гладстона; при одномъ этомъ имени митинговая толпа разражалась бурными аплодисментами, и во время получавшейся такимъ образомъ довольно значительной паузы ораторъ могъ собраться съ мыслями и приступить къ продолженію своей рѣчи. По остроумно-ироническому замѣчанію Милля, когда Дизраэли говорилъ рабочимъ передъ выборами 1868 года, что это онъ далъ имъ политическія права, они отвѣчали ему: благодаримъ Васъ, мистеръ Гладстонъ. Рабочіе были достаточно проницательными и видѣли, что хотя билль о парламентской реформѣ 1867 года былъ составленъ консервативнымъ министерствомъ, актъ о парламентской реформѣ 1867 года былъ дѣломъ либеральной оппозиціи съ Гладстономъ во главѣ.

Гладстонъ былъ младшимъ изъ стараго поколѣнія государственныхъ людей Англіи; личная и политическая дружба связы-

вала его со многими изъ плеяды дѣятелей первой парламентской реформы и волею судебъ онъ имѣлъ грустную привилегію провожать почти всѣхъ своихъ друзей до мѣста ихъ послѣдняго успокоенія. Гладстонъ былъ живой связью между этимъ старымъ уходившимъ въ вѣчность поколѣніемъ англійскихъ государственныхъ людей и молодымъ, пришедшимъ ему какъ-то сразу на смѣну Овъ 60 годахъ. Когда со смертью Пальмерстона премьеръ-министромъ сталъ лордъ Джонъ Россель, одинъ изъ дѣятелей первой парламентской реформы, общее мнѣніе считало лорда Росселя временной «затычкой». По общему мнѣнію, вопросъ времени и недалекаго, когда парламентскій вождь либераловъ въ Палатѣ Общинъ, канцлеръ казначейства въ кабинетѣ лодра Росселя и фактическій премьеръ-министръ Гладстонъ офиціально станетъ во главѣ кабинета. Это и случилось въ 1868 году.

Составленіе кабинета—весма деликатное дѣло, и, хотя Гладстонъ очень быстро справился съ нимъ, хотя онъ привлекъ въ свое первое министерство многихъ талантливыхъ людей, придавшихъ чрезвычайный блескъ этому министерсву,—все-таки нельзя сказать, что искусство выбирать людей себѣ въ помощники и товарищи по государственной дѣятельности было однимъ изъ крупныхъ талантовъ Гладстона. Про него никоимъ образомъ нельзя сказать, что онъ хорошо зналъ людей и умѣлъ опредѣлить, кто на что годенъ: со своимъ безхитростнымъ взглядомъ на людей онъ всегда былъ склоненъ ихъ нѣсколько идеализировать и не старался поставить себя въ такія условія, чтобы имѣть возможность лучше распознать ихъ. Будучи парламентскимъ вождемъ либераловъ, онъ былъ окруженъ тѣснымъ кругомъ лицъ, не занимавшихъ виднаго положенія въ партіи, и не было слышно, чтобы вокругъ него группировались наиболѣе крупные и подающіе большія надежды изъ либераловъ. Молва приписывала Гладстону диктаторскія замашки, когда онъ дѣйствовалъ въ качествѣ либеральнаго лидера въ Палатѣ Общинъ: онъ совѣтовался съ двумя, тремя членами партіи, вмѣсто того, чтобы совѣщаться со всей партіей; а всей партіи онъ дѣлалъ не предложенія, а предписанія. Въ то же самое время Гладстонъ пренебрегалъ мелкими условностями и общепринятой среди политическихъ дѣятелей дозой лицемѣрія. Гладстону поэтому пришлось затратить колоссальную энергію на сложные переговоры съ отдѣльными политическими дѣятелями, которыхъ онъ приглашалъ въ свое министерство, спѣша, по желанію королевы, его составить.

Въ послѣднемъ были представлены различныя теченія либеральной партіи: и аристократическіе виги, и демократическіе, радикальные элементы; въ него вошли и Лоу и Брайтъ.

Личный составъ перваго министерства Гладстона (1868—1874 гг.) нельзя такимъ образомъ назвать вполнѣ однороднымъ и способнымъ къ энергичной работѣ безъ треній. Было бы необъяснимо на первый взглядъ, какъ такое министерство могло провести въ жизнь въ первые 4 года своего существованія цѣлый рядъ капитальныхъ реформъ, обновившихъ во многомъ политическую и соціальную жизнь Англіи и всего Соединеннаго Королевства.

Но разгадка этого можетъ быть найдена, во-первыхъ въ томъ, что новое министерство, приступая къ своей реформаторской дѣятельности, могло опираться на такое солидное, прочное большинство Палаты Общинъ, какого Палата не знала съ 1846 года,—года отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и какое представляло столь рѣзкій контрастъ съ полнымъ отсутствіемъ прочнаго правительственнаго большинства въ Нижней Палатѣ въ предыдущіе два года, въ правленіе консервативнаго кабинета Дерби—Дизраэли, и, во-вторыхъ, въ личной энергіи Гладстона и его несравненномъ талантѣ законодателя. Его работоспособность, неизсякавшая съ годами, была изумительна: по словамъ его біографа, онъ въ 4 часа могъ сдѣлать то, что другому потребовалось бы 16 часовъ; а обычный рабочій день Гладстона въ время парламентской сессіи=16 часамъ. А законодательный талантъ Гладстона нашелъ себѣ слѣдующую оцѣнку у современниковъ. Въ номерѣ «Новостей дня» (Daily News) 26 апрѣля 1869 года имѣются такія строчки: «Въ нѣкоторыхъ другихъ качествахъ своей парламентской дѣятельности: какъ ораторъ, какъ тактикъ, Гладстонъ имѣетъ соперниковъ, но по силѣ и умѣнью облечь общіе принципы въ законодательную форму и провести ихъ во всей полнотѣ и чистотѣ черезъ все многообразіе запутанныхъ деталей въ билляхъ и поправкахъ къ нимъ, онъ не имѣетъ ни равнаго, ни подобнаго себѣ среди всѣхъ живыхъ государственныхъ дѣятелей».

Гладстону выпало на долю продолжать политическое освобожденіе рабочаго класса, начатое парламентской реформой 1867 г. Эта крупная конституціонная реформа, широко раздвинувшая кругъ избирателей, допустившая народныя, рабочія массы къ избирательнымъ урнамъ, неминуемо должна была повлечь за собою другую конституціонную и притомъ демократическую реформу, именно введеніе тайнаго голосованія.

Вопросъ о тайномъ голосованіи въ литературѣ въ 50 и 60 г.

Противъ тайнаго голосованія приводились сильные теоретическіе доводы. Никто иной какъ Джонъ Стюартъ Милль въ своихъ очеркахъ «О представительномъ правленіи» приводитъ такое, напримѣръ, соображеніе противъ тайнаго голосованія: когда избирательное право ограничено извѣстнымъ кругомъ избирателей, открытое голосованіе служитъ средствомъ контроля неизбирателей надъ избирателями, чтобы эти послѣдніе дѣйствовали не въ своекорыстныхъ интересахъ, ни подъ чьимъ-либо давленіемъ, а къ общей выгодѣ; при наличности же всеобщаго избирательнаго права тайное голосованіе будетъ совершенно безполезно, если всеобщее образованіе будетъ предшествовать всеобщему избирательному праву и общій уровень сознательности избирателей такимъ образомъ повысится. Но и тогда, если охраненіе тайны голосованія стало бы безполезнымъ, контроль гласности сдѣлался бы необходимѣе обыкновеннаго. Совершенно ошибаются тѣ, кто, разсматривая человѣческую природу, воображаютъ, что человѣку достаточно быть простымъ членомъ общества и не имѣть интересовъ явно противоположныхъ интересамъ общественнымъ, чтобы обезпечить этимъ выполненіе общественныхъ обязанностей безъ всякихъ поощреній или обузданій, производимыхъ общественнымъ мнѣніемъ.

Значительное число избирателей руководствуется за разъ и частными и общественными интересами; но одни изъ нихъ отдаютъ предпочтеніе частнымъ, а другіе—общественнымъ. Эти послѣдніе интересы являются, однако, единственными, какіе избиратель желаетъ выставлять на показъ. Лучшую сторону своего характера люди любятъ показывать даже передъ тѣми, кто не лучше ихъ. Люди будутъ подавать свои голоса безчестно и низко (изъ-за корыстолюбія, злобы, мести, личнаго соперничества и даже изъ-за классовыхъ или сектантскихъ интересовъ) гораздо охотнѣе, если это можно сдѣлать тайно. Существуютъ случаи—и можетъ быть они станутъ болѣе частными—когда единственной уздой, сдерживающей большинство мошенниковъ, является ихъ невольное уваженіе къ мнѣнію честнаго меньшинства. Все это благотворное вліяніе будетъ потеряно при тайной подачѣ голосовъ, даже при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; для принятія этой системы выборовъ надо имѣть болѣе крайнюю нужду, чѣмъ та, какую можно встрѣтить въ наше время.

Но какъ бы ни были неотразимы эти теоретическіе доводы противъ тайнаго голосованія, практическая дѣйствительность не менѣе убѣдительно говорила за это голосованіе. Опытъ показы-

валъ, что открытое голосованіе было въ то же время и несвободнымъ: при немъ фермеръ опасался своего лендлорда, а батракъ—фермера, капиталистъ могъ прижать рабочаго, лавочникъ опасался неудовольствія своихъ лучшихъ покупателей, должникъ трепеталъ передъ своимъ кредиторомъ, священникъ могъ грозить небесными карами вѣрующему. Открытое голосованіе не только не было свободнымъ, оно было чревато для обладателя избирательнаго голоса столькими непріятностями, что вмѣсто благодѣянія становилось для него тягостной обузой.

Борьба за тайное голосованіе шла около 40 лѣтъ: оно фигурировало въ ранней редакціи билля о реформѣ 1832 года. Членъ парламента, знаменитый историкъ Гротъ, въ теченіе ряда лѣтъ вносилъ законодательное предложеніе о тайномъ голосованіи. Послѣднее было также однимъ изъ требованій чартистовъ. Почти на каждомъ митингѣ о парламентской реформѣ между Крымской войной и биллемъ Дизраэли 1867 года тайное голосованіе являлось важнымъ пунктомъ обсужденія, но солидные журналы 60-хъ годовъ, несмотря на это, считали вопросъ о тайномъ голосованіи мертвой политической идеей.

Расширеніе круга парламентскихъ избирателей въ 1867 году вызвало вновь къ жизни вопросъ о тайномъ голосованіи. Брайтъ, приступая къ предвыборной парламентской агитаціи въ 1868 году, сдѣлалъ тайное голосованіе однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ своей платформы: «Когда я гляжу,—говорилъ онъ,—на чрезмѣрные расходы при выборахъ, или на сумятицу, нерѣдко бывающую во время нихъ, или на несправедливое и жестокое давленіе на менѣе независимыхъ избирателей, я убѣжденъ, что истинные интересы общества и свободы могутъ обслуживаться при помощи тайнаго и свободнаго голосованія». Между тѣмъ какъ Джонъ Стюартъ Милль доказывалъ, что избиратель долженъ оглашать имя своего кандидата въ избирательной комнатѣ также открыто, какъ судья исполняетъ свои обязанности въ публичномъ засѣданіи суда, Брайтъ возражалъ ему: совѣщательная комната присяжныхъ также важна, какъ судейское мѣсто въ залѣ публичнаго засѣданія, однако, то, что происходитъ въ совѣщательной комнатѣ передъ вынесеніемъ оправдательнаго или обвинительнаго вердикта, составляетъ тайну; а въ иныхъ странахъ самый вердиктъ формально принимается путемъ тайнаго голосованія.

Нѣсколько скандальныхъ случаевъ запугиванья избирателей много помогли созрѣть общественному мнѣнію о пользѣ и необхо-

димости тайнаго голосованія. Одна парламентская комиссія установила и ярко освѣтила факты подобнаго запугиванья, а другая комиссія рекомендовала тайное голосованіе, какъ средство лѣченія подобнаго зла.

Что касается Гладстона, то его никоимъ образомъ нельзя зачислить въ ряды пылкихъ сторонниковъ смѣны открытаго голосованія тайнымъ; скорѣе наоборотъ, его можно причислить къ послѣднимъ новообращеннымъ сторонникамъ тайнаго голосованія. Уже будучи главой правительства, Гладстонъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Гриничѣ 21 декабря 1868 года, высказывался такъ: я всегда подавалъ мой голосъ за открытое голосованіе; такъ я дѣлалъ раньше, такъ я дѣлаю и теперь, съ одной лишь важной оговоркой, что свободное голосованіе должно быть обезпечено, путемъ ли открытаго голосованія или какимъ-либо другимъ способомъ.

Барьба министерства Гладстона за введеніе тайнаго голосованія.

Билль о тайномъ голосованіи внесенъ былъ въ 1870 году однимъ изъ членовъ кабинета, но вскорѣ былъ взятъ назадъ и внесенъ затѣмъ однимъ изъ рядовыхъ членовъ Палаты Общинъ, не принадлежавшимъ къ составу правительства. Правительство поддержало этотъ новый билль, и Гладстонъ во время преній о переходѣ къ постатейному чтенію воспользовался удобнымъ случаемъ и такъ объяснилъ перемѣну своего мнѣнія относительно тайнаго голосованія: «Въ настоящее время пріобрѣли право голоса крупныя народныя массы, зарабатывающія свой хлѣбъ насущный каждодневными трудами рукъ своихъ; ихъ свобода голосованія встрѣчаетъ угрозы съ разныхъ сторонъ. Тайное голосованіе при тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ они живутъ до сихъ поръ, является настоятельной необходимостью для осуществленія принципа свободныхъ выборовъ въ Парламентѣ».

Билль о тайномъ голосованіи ожидали большія мытарства. Онъ опять былъ взятъ назадъ для передѣлокъ и внесенъ только въ слѣдующемъ 1871 году со значительными дополненіями; его защита въ Палатѣ Общинъ была поручена радикалу Форстеру, новому члену кабинета, вступившему въ него въ 1870 году, вслѣдствіе ряда перемѣщеній, вызванныхъ смертью министра иностранныхъ дѣлъ лорда Кларендона. Подобно Гладстону Форстеръ былъ новообращенный сторонникъ тайнаго голосованія; благодаря его упорной энергіи и способности къ неослабному тяжелому труду, билль о тайномъ голосованіи въ теченіе 18 дней былъ разсмо-

трѣнъ въ комиссіи и послѣ этого очень быстро прошелъ черезъ Палату Общинъ.

У противниковъ билля, потерпѣвшихъ неудачу въ Палатѣ Общинъ, оставалась въ резервѣ Палата Лордовъ, и лорды не обманули ихъ ожиданій. Значительнымъ большинствомъ, при многихъ воздержавшихся, они безцеремонно отвергли билль, какъ невиданное и неслыханное новшество, какъ опасную законодательную мѣру, недостаточно разсмотрѣнную ни страной, ни парламентомъ (послѣ 18-дневнаго пребыванія билля въ комиссіи Палаты Общинъ и 40-лѣтняго публичнаго обсужденія вопроса), какъ несогласованную и противорѣчивую и какъ мѣру, неизбѣжно влекущую за собой паденіе монархіи.

Сопротивленіе биллю со стороны лордовъ вызвало возбужденіе въ странѣ противъ наслѣдственныхъ законодателей, осмѣлившихся отвергнуть демократическій билль, уже принятый Палатой народныхъ представителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это сопротивленіе лордовъ окончательно сдѣлало Гладстона сторонникомъ принципа тайнаго голосованія.

Билль снова былъ внесенъ и прошелъ черезъ Палату Общинъ въ 1872 году. Гладстонъ приготовился къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ, на случай упорства лордовъ, вплоть до роспуска Парламента. Тогда лорды уступили, добившись лишь нѣкоторыхъ поправокъ къ биллю, и билль, наконецъ, сталъ закономъ въ томъ же 1872 году.

Результаты тайнаго голосованія сказались не скоро. Они были еще слабо замѣтны на общихъ выборахъ, происходившихъ 2 года спустя послѣ осуществленія этой конституціонно-демократической реформы. — Правда, выборы 1874 года прошли въ Англіи безъ такихъ подкуповъ, какъ раньше, при большей свободѣ избирателей отъ давленія и въ большемъ порядкѣ, но тайное голосованіе не обнаружило новыхъ, демократическихъ источниковъ силы либеральной партіи.

Лишь въ Ирландіи тайное голосованіе провело рѣзкую грань между минувшими выборами 1868 года и новыми 1874 года: оно рѣшительно вытѣснило со сцены парламентскихъ выборовъ политическую власть ирландскаго лэндлорда.

IV.

Парламентская реформа 1867 года поставила на очередь, кромѣ тайнаго голосованія, и вопросъ объ общедоступномъ началь-

номъ обученіи. Въ ряды избирателей вошли широкіе слои рабочаго класса. Къ старымъ хозяевамъ страны присоединились новые хозяева. Чувствовалась настоятельная потребность обучить многихъ изъ этихъ новыхъ хозяевъ страны, по крайней мѣрѣ, чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. А между тѣмъ главная тяжесть начальнаго народнаго образованія лежала на плечахъ всего 200.000 лицъ, дѣйствовавшихъ единолично или соединившись въ ассоціаціи и добровольно жертвовавшихъ на нужды народнаго образованія.

Въ концѣ 60-хъ годовъ всѣ усилія этой кучки англійскаго народа обезпечивали, какъ слѣдуетъ, обученіе около $^1/_3$ англійскихъ дѣтей школьнаго возраста, а школьныхъ помѣщеній могло хватить на половину всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Другой половинѣ англійскихъ дѣтей оставалось, такимъ образомъ, посѣщать совершенно неудовлетворительныя школы, гдѣ единственными учебными пособіями была библія и палка, или же не ходить ни въ какую школу; вѣдь для всѣхъ нихъ и нехватило бы наличныхъ школъ. Отъ недостатка школъ особенно страдали земледѣльческіе округа Юга Англіи, и этому горю можно было помочь лишь насажденіемъ здѣсь государственныхъ начальныхъ школъ.

Такимъ образомъ, сама жизнь опровергала и торійскую теорію объ единственномъ хорошемъ организаторѣ начальныхъ школъ въ лицѣ англійской церкви и ходовую радикальную теорію о начальномъ народномъ образованіи, какъ объ исключительномъ продуктѣ частной предпріимчивости и щедрости. Послѣдней теоріи строго держались до половины 60-хъ годовъ англійскіе диссентеры: они смотрѣли на вмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія, какъ на поддержку установленной, т.-е. англиканской, церкви, а потому были враждебно настроены противъ этого вмѣшательства.

Теорія Милля о начальномъ обученіи дѣтей, какъ о государственной обязанности.

Вообще до второй парламентской реформы очень мало кто въ Англіи смотрѣлъ на воспитаніе подрастающаго поколѣнія, какъ на національную обязанность, а люди науки удѣляли чрезвычайно мало вниманія вопросу о роли государства и семьи въ дѣлѣ начальнаго обученія дѣтей. Поэтому заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ немногія страницы, которыя удѣлилъ этому вопросу Джонъ Стюартъ Милль въ своей книгѣ «Основанія политической экономіи», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1848 году.

Разбирая случаи законнаго и полезнаго ограниченія принципа невмѣшательства (laissez faire, laissez passez), Милль однимъ

изъ такихъ случаевъ считаетъ дѣло начальнаго народнаго образованія.

Есть опредѣленные первичные элементы какъ знанія, такъ и пути къ нему, которые слѣдовало бы усвоить въ дѣтствѣ всѣмъ человѣческимъ существамъ, рожденнымъ въ нашей странѣ, писалъ Милль въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи». Если родители или лица, отъ которыхъ дѣти зависятъ, имѣютъ возможность дать имъ начальное образованіе и пренебрегаютъ этой возможностью, они совершаютъ двойное нарушеніе своихъ обязанностей, во-первыхъ, по отношенію къ дѣтямъ и, во-вторыхъ, по отношенію ко всему обществу, которое принуждено серьезно терпѣть отъ послѣдствій невѣжества и необразованности этихъ своихъ будущихъ согражданъ. Поэтому вполнѣ допустимо со стороны правительства проявить свою власть и обязать родителей дать элементарное образованіе своимъ дѣтямъ. Въ Англіи и большинствѣ европейскихъ странъ элементарное образованіе не можетъ быть оплачено въ полной мѣрѣ при обычныхъ размѣрахъ заработной платы необученныхъ рабочихъ, такъ какъ общій уровень этой платы недостаточно высокъ, чтобы вынести эти расходы; да если бы и былъ высокъ, нѣтъ основаній надѣяться, что необученные рабочіе станутъ включать расходы на образованіе своихъ дѣтей въ число своихъ необходимыхъ расходовъ, безъ которыхъ нельзя обойтись и которые слѣдуетъ покрывать изъ своего нормальнаго бюджета; поэтому расходы на обученіе дѣтей рабочихъ должны быть покрыты изъ другого источника.

Тутъ правительство, по мнѣнію Милля, должно прійти на помощь, такъ какъ обученіе, если оно поставлено, какъ слѣдуетъ, не ослабляетъ, а укрѣпляетъ и развиваетъ природную энергію; его дѣйствіе на умъ способствуетъ духу независимости; это такого рода помощь со стороны правительства, которая имѣетъ цѣлью научить обходиться совсѣмъ безъ помощи правительства, полагаясь лишь на свои собственныя силы.

Помощь правительства дѣлу начальнаго образованія можетъ выразиться въ денежныхъ субсидіяхъ элементарнымъ школамъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными всѣмъ дѣтямъ бѣдныхъ или безвозмездно, или за самую незначительную, совсѣмъ нечувствительную, плату.

Настоятельно необходима лишь такая оговорка. Правительство не должно притязать на монополію народнаго образованія; не должно прибѣгать ни къ своей власти, ни къ вліянію, чтобы скло-

нить народъ итти къ правительственнымъ учителямъ предпочтительно передъ другими и не должно предоставлять никакихъ особыхъ выгодъ тѣмъ, кто учился у правительственныхъ учителей. Хотя учителя въ правительственныхъ школахъ, вѣроятно, въ среднемъ и будутъ выше, чѣмъ учителя въ частныхъ, все-таки они не будутъ исключительнымъ воплощеніемъ всей школьной науки и педагогическаго искусства.

Полный контроль правительства надъ народнымъ образованіемъ совершенно невыносимая вещь. Имѣть право такого контроля и осуществлять его на дѣлѣ значитъ быть деспотомъ. Правительство въ правѣ требовать отъ всего народа элементарнаго образованія въ опредѣленныхъ размѣрахъ, но оно не въ правѣ предписывать ему, какъ и отъ кого онъ долженъ получить его. Возможность для частныхъ лицъ основывать школы не должна ни въ какой степени быть стѣснена требованіемъ правительственнаго разрѣшенія.

Со времени второй парламентской реформы вопросъ объ общедоступной начальной государственной школѣ сдѣлался уже вопросомъ практической политики: у него стало много друзей, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ надо поставить профессіонально организованныхъ рабочихъ (трэдъ-юніонистовъ). Молодое поколѣніе диссентеровъ круто измѣнило прежніе взгляды своей среды на государственное вмѣшательство въ народное образованіе. Диссентеры,—сторонники государственной школы, оказались хорошо представленными въ Парламентѣ, впервые созванномъ по новому избирательному закону. Въ обновленномъ парламентѣ и кромѣ диссентеровъ оказалось много сторонниковъ государственной школы въ лицѣ ученыхъ либераловъ и крайнихъ радикаловъ.

Всѣ эти парламентаріи находили могущественную опору въ странѣ и имѣли передъ глазами поучительные примѣры изъ заграничной дѣйствительности. Опору въ странѣ давали 2 крупныя ассоціаціи сторонниковъ немедленной реформы начальнаго образованія: изъ нихъ одна—Лига Начальнаго Образованія—возникла въ 1869 году въ сильнѣйшей тогда твердынѣ англійскаго радикализма, Бэрмингэмѣ, и выражала взгляды воинствующихъ диссентеровъ, а именно она выставляла требованіе свободнаго, общеобязательнаго, свѣтскаго обученія; другая — Союзъ Начальнаго Образованія—выставляла требованіе общедоступной, начальной школы, но на прежнемъ фундаментѣ, т.-е. съ сохраненіемъ виднаго положенія въ школьномъ дѣлѣ англиканской церкви.

Что же касается заграничныхъ примѣровъ, ихъ въ изобиліи доставляли разныя страны и Стараго и Новаго Свѣта, и Сѣверъ Американскихъ Штатовъ съ ея общедоступной школой, и Пруссія съ ея школьнымъ учителемъ — молніеносная побѣдительница Австріи въ 1866 году, и Швейцарія. Такимъ образомъ, принципъ государственной, начальной общедоступной школы не былъ для Англіи какимъ-то невиданнымъ, неслыханнымъ, нигдѣ не испытаннымъ новшествомъ, но нужно было формулировать этотъ принципъ въ ясныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобы всѣ знакомые съ фактами англійской школьной жизни и понимавшіе ихъ значеніе почувствовали настоятельную необходимость немедленной реформы, построенной именно на этомъ принципѣ.

Билль Форстера.

Эта заслуга ясной формулировки основного принципа важной демократической реформы начальнаго образованія принадлежитъ, главнымъ образомъ, Уильяму Форстеру, тому самому Форстеру, который игралъ видную роль въ проведеніи закона о тайномъ голосованіи при парламентскихъ выборахъ.

Билль о начальномъ народномъ образованіи на основахъ, выработанныхъ Форстеромъ, былъ внесенъ въ Парламентъ сейчасъ же по открытіи его сессіи въ 1870 г., и Форстеру, вице-призиденту тайнаго совѣта, но тогда еще не члену кабинета, была поручена оффиціальная защита билля въ Палатѣ Общинъ.

Форстеръ былъ парламентскимъ ораторомъ необычнаго типа: онъ не поражалъ ни блестящей риторикой, ни обстоятельностью и точностью изложенія хорошо изученныхъ фактовъ. Но онъ не былъ въ то же время тусклымъ, блѣднымъ, дюжиннымъ ораторомъ. Сквозь грубоватые, неуклюжіе пріемы его парламентскихъ рѣчей, сквозь нарочитое пренебреженіе къ пріятной для слушателей дикціи, вдругъ иногда обнаруживался природный ораторскій темпераментъ, а то, какъ будто невзначай, срывались съ его устъ крылатыя фразы, казавшіяся вдохновенной импровизаціей, но на самомъ дѣлѣ тщательно обдуманныя заранѣе. Для защиты билля о начальномъ народномъ образованіи особенно важно было, что у Форстера была ясная голова дѣлового человѣка, привыкшаго имѣть дѣло съ цифрами и держать въ порядкѣ всякую мелочь. Какихъ бы различныхъ мнѣній ни держались объ его схемѣ, неправильно понять его было невозможно.

Онъ предлагалъ покрыть страну хорошими школами. Хорошія, даже превосходныя школы встрѣчались тамъ и сямъ въ Англіи, но ихъ было слишкомъ мало и для восполненія этого недостатка, для

заполненія широкихъ прорѣхъ въ раскинутой по странѣ школьной сѣти и былъ предназначенъ билль Форстера. Англію и Уэльсъ предполагалось раздѣлить на школьные округа, границы которыхъ совпадали съ каждымъ самоуправляющимся городомъ и съ каждымъ сельскимъ приходомъ. Если въ какомъ-нибудь округѣ частныя, вольныя школы оказывались найденными правительственными инспекторами въ достаточномъ числѣ, доброкачественными и доступными для дѣтей всѣхъ вѣроученій и сектъ, существующій порядокъ вещей оставлялся въ неприкосновенности, только со школъ, получающихъ правительственную субсидію, отбиралось обязательство соблюдать свободу совѣсти обучающихся въ нихъ дѣтей и не принуждать ихъ учиться въ школѣ закону Божію, если родители ихъ того не пожелаютъ. Гдѣ не было достаточнаго числа школьныхъ мѣстъ для дѣтей отъ пятилѣтняго до тринадцатилѣтняго возраста, назначенъ былъ годовой срокъ (позже сокращенный до 6 мѣсяцевъ), въ теченіе котораго предоставлялось устранить этотъ недостатокъ средствами мѣстныхъ дѣятелей по народному образованію. Если же это не выполнялось въ данный срокъ, тогда въ городахъ Городскимъ Совѣтомъ, а въ сельскихъ мѣстностяхъ приходомъ выбирался Училищный Совѣтъ, въ составѣ не болѣе 12, и не менѣе 3 членовъ, для организаціи школьнаго обученія всѣхъ дѣтей округа. Въ наиболѣе бѣдныхъ округахъ Училищные Совѣты имѣли власть устраивать съ послѣдующимъ утвержденіемъ центральнаго правительства общедоступныя школы и вносить плату за ученіе вмѣсто тѣхъ родителей, которые сами не въ состояніи этого дѣлать. Денежныя средства, которыми могли распоряжаться школьные совѣты, поступали къ нимъ изъ 3 источниковъ: плата за ученіе, парламентская субсидія и особый школьный налогъ, взимать который представлено было Училищнымъ Совѣтамъ. Поступленія отъ школьнаго налога шли или на устройство новыхъ школъ, или на субсидію уже существующимъ частнымъ школамъ. Училищные Совѣты могли также учреждать профессіональныя школы.

Хотя Форстеръ былъ за общеобязательность обученія, кабинетъ не согласился включить этотъ принципъ въ билль: каждому Училищному Совѣту предоставлено было лишь право, но никоимъ образомъ не обязанность, требовать своимъ обязательнымъ постановленіемъ посѣщенія школы дѣтьми отъ 5-лѣтняго до 13-лѣтняго возраста, подъ страхомъ пени въ размѣрѣ 5 шиллинговъ (2 руб. 50 коп.) для родителей, не представившихъ уважительныхъ

причинъ манкировки ихъ дѣтей, въ родѣ болѣзни или дальности разстоянія отъ школы (свыше $1^1/_2$ верстъ). Форстеръ предоставилъ далѣе на полное усмотрѣніе каждаго Училищнаго Совѣта, какую форму религіознаго обученія онъ найдетъ нужнымъ ввести въ своихъ школахъ, ту пусть и вводитъ при непремѣнномъ соблюденіи принципа свободы совѣсти.

Такова была въ главныхъ чертахъ та обширная и внушительная схема начальнаго народнаго образованія, за которую ея автору пришлось выслушать массу восторженныхъ похвалъ и массу жестокихъ нападокъ. Любопытно отмѣтить, что немалая доля этихъ похвалъ исходила отъ политическихъ противниковъ радикала Форстера—отъ консервативной партіи, а немалая доля нападокъ отъ его политическихъ друзей, изъ Бэрмингэмской Лиги.

Билль Форстера и Бэрмингэмская Лига.

Между тѣмъ какъ ни одинъ консерваторъ въ Палатѣ Общинъ не намѣревался голосовать противъ перехода ко второму чтенію билля, Бэрмингэмская Лига яростно атаковала его и въ Парламентѣ и внѣ его. Лигисты были недовольны годичнымъ срокомъ, даваемымъ биллемъ частнымъ школамъ для исправленія ихъ недостатковъ: это тормозило введеніе повсюду Училищныхъ Совѣтовъ; далѣе, они не считали достаточно гарантированной въ биллѣ свободу совѣсти; они были разочарованы также отсутствіемъ безусловной общеобязательности обученія въ биллѣ.

При второмъ чтеніи билля въ Палатѣ Общинъ Лига дала своимъ представителямъ въ Парламентѣ инструкцію сосредоточить ихъ наступательную энергію на религіозномъ вопросѣ въ биллѣ. Одинъ изъ засѣдавшихъ въ Парламентѣ видныхъ членовъ Лиги, Диксонъ, предложилъ поправку, направленную противъ права Училищныхъ Совѣтовъ вводить въ своихъ школахъ по своему усмотрѣнію любое религіозное обученіе или же не вводить никакого. По мнѣнію диссентеровъ—членовъ Бэрмингэмской Лиги, это право Училищныхъ Совѣтовъ приведетъ въ $^9/_{10}$ сельскихъ приходовъ къ преподаванію формулъ англиканской церкви, а сверхъ того, къ религіознымъ распрямъ внутри каждаго Училищнаго Совѣта.

Форстеръ энергично защищалъ этотъ пунктъ своего билля. Онъ могъ ссылаться, съ одной стороны, на желательность довѣрія къ мѣстнымъ представительнымъ учрежденіемъ, каковыми являлись Училищные Совѣты, а съ другой—на твердую волю каждаго англичанина, къ какой бы церкви или сектѣ онъ ни принадлежалъ, чтобы его дѣти знали въ полнотѣ заповѣди христіанской

религіи. Форстеръ увѣрялъ, что въ сотняхъ школъ ежедневно происходитъ это религіозное обученіе безъ догматовъ.

Билль Форстера и Гладстонъ.

Въ этомъ вопросѣ Форстеръ рѣзко расходился съ Гладстономъ, строгимъ церковникомъ-англиканцемъ, убѣжденнымъ, что религія безъ догматовъ это — противорѣчивое опредѣленіе сущности религіи. Но Гладстонъ, занятый въ 1870 году ирландской земельной реформой[1]) и заваленный грудой текущихъ дѣлъ, касавшихся перваго министра, не принялъ энергичнаго участія въ этой разжегшей страсти борьбѣ изъ-за религіознаго обученія народныхъ массъ. Онъ не велъ борьбы за правительственный билль о начальномъ образованіи, а скорѣе успокаивалъ разгоряченныхъ парламентскихъ борцовъ: Форстеръ съ его прямолинейностью въ религіозномъ вопросѣ продолжалъ порою борьбу дальше, чѣмъ того требовали интересы билля, и раздражалъ безъ нужды своихъ противниковъ; первому министру приходилось тогда вступать въ пренія и усмирять бурю. Такъ ему удалось уговорить Диксона снять свою поправку; въ свою очередь и правительство сдѣлало рядъ уступокъ радикаламъ и диссентерамъ; но диссентеры все-таки были недовольны, и Гладстону при третьемъ чтеніи билля пришлось имъ напомнить, что правительство королевы должно стать выше ихъ сектантскихъ интересовъ и законодательствовать для всего народа.

Законъ 1870 г. объ общедоступномъ образованіи и результаты его дѣйствія.

Послѣ этого оппозиція биллю въ Парламентѣ прекратилась, и Форстеровскій билль сталъ закономъ 9 августа 1870 года, впрочемъ, значительно измѣнивъ свой первоначальный видъ Главной изъ перемѣнъ была та, что выборъ Училищныхъ Совѣтовъ принадлежалъ плательщикамъ прямыхъ налоговъ, а не приходскимъ вѣчамъ и Городскимъ Совѣтамъ. Преподаваніе Закона Божія не должно было основываться на катихизисѣ и вообще не должно было носить догматическаго характера. Гарантіи свободы совѣсти учащихся дѣтей усиливались тѣмъ, что въ школьныхъ расписаніяхъ уроковъ Законъ Божій ставился обязательно на первомъ или на послѣднемъ часѣ, такъ что родители, не желавшіе религіознаго обученія своихъ дѣтей въ школѣ, могли ихъ посылать прямо ко второму уроку или брать ихъ изъ школы передъ послѣднимъ урокомъ.

Лондонскимъ начальнымъ школамъ законъ 9 августа 1870 г. давалъ нѣсколько отличную отъ другихъ мѣстъ организацію.

---

[1]) См. ст. Тарле объ Ирландіи въ этомъ же томѣ.

Такъ выборы въ Лондонскій Училищный Совѣтъ были тайные, между тѣмъ какъ для всѣхъ остальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ тайное голосованіе, принятое Палатой Общинъ, было отвергнуто Палатой Лордовъ, и правительство не настаивало на немъ.

Въ ноябрѣ 1870 г. былъ выбранъ тайнымъ голосованіемъ первый Лондонскій Училищный Совѣтъ. Наибольшее число голосовъ получила миссъ Елизавета Гэретъ, докторъ медицины Лондонскаго Университета. Въ число членовъ этого перваго Лондонскаго Училищнаго Совѣта былъ избранъ также профессоръ Гёксли. Хотя этотъ послѣдній вмѣстѣ съ однимъ или двумя другими членами Совѣта стоялъ за чисто свѣтское, начальное обученіе, англиканцы и диссентеры, входившіе въ составъ Совѣта, провели почти единогласно постановленіе въ пользу чтенія Библіи и объясненія ея въ начальныхъ школахъ, не прибѣгая къ догматамъ той или иной церкви, той или иной секты.

Прогрессъ начальнаго образованія подъ дѣйствіемъ закона 1870 года можетъ быть представленъ въ такихъ цифрахъ: въ 1876 г. число школьныхъ мѣстъ приблизительно удвоилось сравнительно съ тѣмъ, что было въ 1869 году: это число теперь равнялось $3^1/_2$ милліонамъ, изъ которыхъ болѣе 2 милл. находилось въ распоряженіи англиканской церкви; 600.000 въ распоряженіи диссентерскихъ организацій; 200.000 римско-католическихъ и болѣе 550.000 въ распоряженіи Училищныхъ Совѣтовъ. Общій расходъ на содержаніе школъ въ 1876 году болѣе чѣмъ удвоился сравнительно съ 1869 г.: вмѣсто 16 милл. руб., онъ теперь равнялся приблизительно 35 милліонамъ руб. Въ эту сумму входили $7^1/_2$ милл. добровольныхъ пожертвованій отъ 275.000 лицъ; школьный налогъ, шедшій исключительно на правительственныя школы, далъ въ этомъ (1876) году 3.700.000 р.; ежегодная парламентская субсидія, покрывавшая по закону 1870 года половину расходовъ всѣхъ элементарныхъ школъ, все равно будь онѣ вѣроисповѣдныя или нѣтъ, возросла до $1^1/_2$ милл. руб. Остальную сумму доставляла плата за ученіе.

Введеніе принципа обязательнаго начальнаго обученія дѣтей.

Этому очевидному прогрессу въ организаціи и матеріальной обезпеченности начальнаго образованія въ Англіи, къ сожалѣнію, далеко не соотвѣтствовала посѣщаемость школы: она едва превышала 2 милліона, будучи значительно ниже разчетовъ 1870 г., т.-е. времени изданія закона о начальномъ образованіи. Поэтому, въ томъ же 1876 г., министерство лорда Биконсфильда (Диз-

раэли) — Гладстоновское первое министерство пало въ 1874 г. — провело черезъ Парламентъ добавочный билль, сущность котораго сводилась къ насажденію и укрѣпленію общеобязательности начальнаго обученія, уже испытаннаго на практикѣ въ Шотландіи, гдѣ она была введена закономъ о всеобщемъ начальномъ обученіи 1872 г.

Борьба изъ-за религіознаго обученія, поднятая Форстеровскимъ биллемъ, не улеглась и по превращеніи этого билля въ законъ 9 августа 1870 г.

Это была борьба не педагогическихъ системъ и не религіозныхъ принциповъ; въ основѣ ея лежало соперничество въ дѣлѣ народнаго образованія между церковью и часовней, между англиканизмомъ и диссентерствомъ, между аристократическимъ принципомъ вѣроисповѣдной школы и демократическимъ принципомъ свободной, чисто свѣтской школы. Компромиссная позиція, занятая правительствомъ и помогшая ему провести Форстеровскій билль, не удовлетворила надолго ни ту, ни другую изъ враждующихъ сторонъ. Англиканская церковь, враждебно настроенная къ либеральному правительству Гладстона за лишеніе ея привилегій въ Ирландіи, старалась возмѣстить горечь этой утраты рѣшительнымъ укрѣпленіемъ своихъ позицій въ дѣлѣ народнаго образованія; ей это не удалось, и вражда ея къ правительству только усилилась.

Диссентеры, съ другой стороны, многимъ остались недовольны въ биллѣ и при выборахъ 1874 г. условіемъ поддержки либеральныхъ кандидатовъ ставили, между прочимъ, обязательство ихъ бороться за отмѣну 25-ой секціи закона о начальномъ образованіи, которой Училищные Совѣты уполномочивались вносить плату за ученіе въ вѣроисповѣдныхъ школахъ за тѣхъ дѣтей, чьи родители, хотя и не были включены въ списки призрѣваемыхъ бѣдныхъ, не могли за нихъ платить. Изъ 425 либеральныхъ кандидатовъ въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи 300 дали такое обязательство. Это знаменовало собой расколъ въ либеральной партіи, болѣе симптоматическій и грозный, чѣмъ въ 1866 году. Консервативное министерство, ставшее у власти въ 1874 г., отмѣнило эту 25-ую сексію тѣмъ же закономъ 1876 года, который устанавливалъ принципъ общеобязательности начальнаго обученія.

Практическое осуществленіе этого принципа было тѣсно связано съ усиленіемъ охраны дѣтскаго труда на фабрикахъ. По-

этому, въ школьный законъ 1876 г. была включена статья, воспрещавшая наемъ дѣтей на фабрики до 10-лѣтняго возраста, а съ 10 до 14 лѣтъ допускавшая этотъ наемъ лишь со свидѣтельствомъ объ успѣшномъ прохожденіи ребенкомъ курса начальной школы или, по крайней мѣрѣ, объ аккуратномъ посѣщеніи имъ этой школы въ теченіе опредѣленнаго періода времени.

V.

Среди демократическихъ мѣропріятій, стоявшихъ на очереди дня въ моментъ второй парламентской реформы и осуществленныхъ въ Гладстоновское первое министерство, видное мѣсто занимаетъ и законъ 1871 г. о легализаціи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ).

Этотъ законъ явился хорошимъ оборонительнымъ оружіемъ для трэдъ-юніонизма въ его борьбѣ за существованіе. Торгово-промышленный кризисъ 1866—67 гг. чрезвычайно обострилъ борьбу капитала съ трудомъ. Капиталисты, начиная съ 1867 года, повели организованную систематическую борьбу съ профессіональнымъ рабочимъ движеніемъ. Для капиталистовъ-предпринимателей могучей опорой въ этой борьбѣ послужилъ рядъ судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ проводилась та мысль, что трэдъ-юніоны, какъ нелегализованныя общества, не могутъ разсчитывать на судебную защиту ихъ имущественныхъ правъ, въ случаѣ, если принадлежащія имъ денежныя средства будутъ украдены или растрачены кѣмъ-либо. Такимъ образомъ ставилось подъ вопросъ все матеріальное благополучіе, достигнутое уже многими трэдъ-юніонами. Мало того. Капиталисты стали возстанавливать общественное мнѣніе противъ трэдъ-юніоновъ, которые якобы преслѣдуютъ преступную цѣль: заставить путемъ угрозъ примкнуть къ профессіональному рабочему движенію еще не примкнувшихъ рабочихъ. Поводомъ къ такого рода обвиненію всего вообще трэдъ-юніонизма послужилъ рядъ единичныхъ насильственныхъ дѣйствій (напр., взрывъ порохомъ дома одного рабочаго въ Шеффильдѣ и другіе подобнаго рода случаи тамъ же), во время кризиса 1866—67 гг.

Королевская Комиссія для раслѣдованія дѣятельности трэдъ-юніоновъ.

Раздраженіе противъ трэдъ-юніонизма въ результатѣ такого рода преступныхъ дѣйствій оказалось настолько сильнымъ, что послѣ открытія сессіи Парламента, въ февралѣ 1867 г., была назначена Королевская Комиссія для раслѣдованія дѣятельности

профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и ихъ отношенія къ имѣвшимъ мѣсто преступнымъ актамъ.

Трэдъ-юніонизму приходилось бороться за свое существованіе на два фронта: съ одной стороны, легко было предвидѣть, что предприниматели и ихъ сторонники захотятъ сдѣлать попытку использовать Королевскую Комиссію и шеффильдскія преступныя происшествія, чтобы задушить трэдъ-юніонизмъ въ тискахъ уголовнаго закона; съ другой стороны, накопленные тяжкимъ трудомъ денежные фонды болѣе крупныхъ трэдъ-юніоновъ, превышавшіе въ это время $2^1/_2$ милл. руб. на наши деньги, не были обезпечены отъ расхищенія: они находились на рукахъ цѣлой арміи секретарей и кассировъ отдѣловъ, и легко могло случиться, что тотъ или другой изъ нихъ присвоитъ, и притомъ совершенно безнаказанно, суммы своего трэдъ-юніона. Положеніе было крайне серьезно и требовались энергичныя мѣропріятія. Лондонскій Постоянный Совѣтъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ оказался для этого слишкомъ громоздкимъ, и хунта, т.-е. 5 генеральныхъ секретарей крупнѣйшихъ трэдъ-юніоновъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ друзей, стала собираться еженедѣльно на такъ называемую конференцію. Эта конференція въ теченіе цѣлыхъ 4 лѣтъ, съ 1867 по 1871 годъ, явилась настоящимъ правительствомъ профессіональнаго рабочаго движенія. Протоколы этой конференціи, которые велъ Эппльгартъ, раскрываютъ передъ читающимъ ихъ всю политическую жизнь трэдъ-юніонизма того времени. По нимъ мы можемъ заключить, что главной задачей хунты въ это время было — добиться легализаціи трэдъ-юніоновъ, равно необходимой и для сохранности денежныхъ фондовъ профессіональныхъ рабочихъ организацій и для уравненія послѣднихъ съ предпринимательскими и иными общественными организаціями, въ гражданскихъ правахъ.

Но, до разрѣшенія этой главной задачи путемъ парламентской борьбы, необходимо было предварительно обезпечить трэдъ-юніонизмъ отъ натиска предпринимателей, стремившихся использовать Королевскую Комиссію, какъ орудіе для задушенія трэдъ-юніонизма въ тискахъ уголовнаго закона. Вождямъ трэдъ-юніонизма удалось защитить его передъ Королевской Комиссіей. Оффиціальный рапортъ Комиссіи, на который враги трэдъ-юніонизма возлагали такія большія надежды, не рекомендовалъ ни одной мѣры, которая ухудшала бы положеніе какого-нибудь отдѣльнаго трэдъ-юніона. Хотя въ немъ и доказывалось, что профессіо-

нальная организацiя не можетъ дать реальной экономической выгоды рабочему, но, тѣмъ не менѣе, рекомендовалась легализацiя юнiоновъ на извѣстныхъ условiяхъ: уставы юнiоновъ регистрировались и ихъ денежные фонды получали судебную защиту, если уставъ не содержалъ въ себѣ пунктовъ, имѣвшихъ въ виду вмѣшательство во внутреннiе распорядки фабрики или промышленнаго заведенiя, напримѣръ, требованiе ограниченнаго употребленiя машинъ вмѣсто живой рабочей силы, отказъ отъ поштучной работы и платы вмѣсто поденной и т. под.

Ни одинъ трэдъ-юнiонъ не соглашался получить легализацiю на этихъ условiяхъ; и друзья трэдъ-юнiонизма, засѣдавшiе въ Комиссiи, составили особый докладъ, выражавшiй мнѣнiе меньшинства Комиссiи и формулировавшiй въ общихъ выраженiяхъ принципы будущаго парламентскаго законодательства о профессiональныхъ рабочихъ союзахъ. Онъ рекомендовалъ отмѣну всякаго исключительнаго законодательства о рабочихъ договорахъ на основанiи того принципа: 1) что никакой поступокъ, совершенный рабочимъ, не долженъ считаться нелегальнымъ, если онъ таковымъ не считается въ случаѣ совершенiя его лицомъ изъ другого класса, и 2) никакой актъ не долженъ считаться уголовно-наказуемымъ только потому, что онъ совершенъ не отдѣльнымъ лицомъ, а группой лицъ.

Въ вопросѣ о предоставленiи трэдъ-юнiонамъ корпоративныхъ правъ (т.-е. право имѣть общее имущество и выбирать должностныхъ лицъ для завѣдыванiя этимъ имуществомъ, подавать въ судѣ иски отъ имени трэдъ-юнiона черезъ этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ или отвѣчать по искамъ, предъявляемымъ къ трэдъ-юнiону), какими уже пользовались Дружескiя Общества взаимопомощи, составителямъ доклада меньшинства Комиссiи пришлось столкнуться съ затрудненiями. Полныя корпоративныя права, доставляя судебную защиту общему имуществу трэдъ-юнiона, въ то же время могли разорить юнiонъ, вынуждая его отвѣчать по искамъ исключенныхъ имъ за нарушенiе устава членовъ и платить тяжелыя судебныя издержки. Богатые предприниматели легко могли взять подъ свое покровительство такихъ исключенныхъ и убѣдить ихъ подать самый неосновательный искъ къ трэдъ-юнiону; эти подставныя лица ничѣмъ не рисковали; всѣ судебные расходы охотно оплачивали ихъ богатые покровители, лишь бы трэдъ-юнiонъ былъ основательно разоренъ непосильными для него судебными издержками

(очень дорогими въ англійскихъ судахъ). Чтобы избѣжать этой опасности, одинъ изъ составителей доклада меньшинства Комиссіи придумалъ остроумный планъ подвести трэдъ-юніоны подъ дѣйствіе закона о корпоративныхъ правахъ дружескихъ обществъ только отчасти, т.-е. поставить подъ судебную охрану цѣлость денежныхъ фондовъ юніоновъ съ правомъ взыскивать съ виновныхъ похищенную или растраченную сумму, но въ остальномъ сохранить прежнее положеніе трэдъ-юніоновъ, дѣлавшее ихъ неприступными для предъявленія къ нимъ исковъ объ убыткахъ.

Всѣ эти принципы и вошли въ билль, внесенный въ началѣ 1869 года двумя членами Парламента — друзьями трэдъ-юніонизма, изъ которыхъ одинъ былъ въ числѣ составителей доклада меньшинства.

Хотя этотъ билль очень недружелюбно былъ встрѣченъ предпринимателями, онъ нашелъ себѣ нѣкоторую поддержку среди новыхъ членовъ обновленнаго Парламента и былъ энергично поддержанъ за стѣнами Парламента рабочими.

Благодаря такому настроенію въ странѣ, скрытая враждебность биллю со стороны почти всѣхъ членовъ Палаты Общинъ и либеральнаго правительства съ Гладстономъ во главѣ, не смогла затянуть прохожденіе билля въ Нижней Палатѣ; и правительство согласилось на формальный переходъ ко второму постатейному чтенію, заявляя при этомъ, что кабинетъ въ слѣдующемъ году внесетъ свой собственный билль по тому же вопросу.

А пока черезъ Парламентъ, въ самомъ концѣ сессіи 1869 г., была поспѣшно проведена временная мѣра, имѣвшая въ виду немедленно поставить подъ охрану отъ расхищенія денежные фонды трэдъ-юніоновъ; хунта одержала такимъ образомъ свою первую побѣду въ борьбѣ за легализацію трэдъ-юніонизма.

Законъ 1871 г. о легализаціи трэдъ-юніоновъ.

Наступилъ и прошелъ слѣдующій 1870 годъ, а обѣщанный правительствомъ билль о трэдъ-юніонахъ такъ и не былъ внесенъ. Но трэдъ-юніонисты не расположены были дать замереть вопросу о легализаціи, и, благодаря ихъ давленію, министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ, наконецъ, въ 1871 году билль, живо разобранный по косточкамъ профессіонально-организованнымъ рабочимъ міромъ. Правительство предложило уступить по всѣмъ пунктамъ, на которыхъ особенно настаивала хунта. По правительственному биллю уставъ всякаго юніона подлежалъ реги-

страціи, если онъ только явно не расходился съ велѣніями уголовнаго закона. Регистрація давала полную юридическую защиту отъ расхищенія денежныхъ фондовъ трэдъ-юніоновъ, оставляя въ то же время въ прежней неприкосновенности ихъ внутреннюю организацію и прежнюю свободу трэдъ-юніона отъ появленія передъ судомъ въ качествѣ отвѣтчика.

Предприниматели жестоко атаковали правительство за то, что оно, по ихъ мнѣнію, уступило на практикѣ всѣмъ требованіямъ трэдъ-юніонистовъ. Но съ точки зрѣнія рабочихъ, законъ о легализаціи ихъ профессіональныхъ союзовъ представлялъ для нихъ крупную невыгоду, и вотъ въ какомъ отношеніи. Билль, жаловались они, отмѣняя старинные законы противъ рабочихъ коалицій, свой III секціей вводитъ противъ рабочихъ, какъ таковыхъ, суровыя уголовныя кары за насиліе, угрозы или утѣсненіе, какъ нанимателей, такъ и нанимаемыхъ. Трэдъ-юніонисты могли утверждать, что правительство, давая имъ права одной рукой, другой ихъ отбираетъ.

Буря негодованія поднялась въ профессіонально-организованномъ рабочемъ мірѣ. Хунта ломала голову надъ создавшимся положеніемъ. Въ концѣ-концовъ рѣшено было организовать широкій протестъ противъ III секціи билля, и съ этой цѣлью хунта рѣшилась на созывъ въ Лондонѣ въ мартѣ 1871 года 3-го Національнаго Конгресса делегатовъ трэдъ-юніоновъ [1]).

Время созыва 3-го Конгресса было правильно разсчитано и пріурочено къ моменту обсужденія злополучной III секціи билля въ Палатѣ Общинъ. Рабочіе делегаты тратили большую часть своего времени на жестокую критику карательныхъ мѣропріятій билля и были совсѣмъ недалеко отъ того, чтобы отвергнуть весь билль. Но, въ концѣ-концовъ, рѣшили одобрить ту часть билля, которая говоритъ о легализаціи, и въ то же время не жалѣть никакихъ усилій для устраненія изъ билля III секціи. Была отправлена депутація къ министру внутреннихъ дѣлъ. Протестъ за протестомъ передавался законодателямъ, и Конгрессъ ежедневно прекращалъ свои занятія половина пятаго, для того, чтобы делегаты могли вечеромъ посѣтить членовъ Парламента. Но правительство и Палата Общинъ рѣшительно не

---

[1]) Первый конгрессъ тредъ-юніоновъ былъ созванъ въ 1868 году въ Манчестерѣ; второй въ 1869 году въ Бэрмингэмѣ тамошними Постоянными Совѣтами профессіональныхъ рабочихъ организацій.

одобряли трэдъ-юніонистовъ, стремившихся ограничить свободную конкуренцію и стѣснить договоры найма отдѣльныхъ рабочихъ предпринимателями. А предприниматели прямо объявляли неслыханными захватами хозяйскихъ правъ всѣ попытки рабочихъ коллективно вліять, хоть въ малой долѣ, на упорядоченіе условій наемнаго труда.

Крайняя уступка, которой могли добиться трэдъ-юніонисты, это выдѣленіе III секціи въ самостоятельный билль подъ заголовкомъ: билль объ исправленіи уголовнаго права. Въ такомъ неудовлетворительномъ видѣ оба билля стали закономъ.

Проведя законъ о легализаціи трэдъ-юніоновъ, конференція вождей трэдъ-юніонизма сочла свое дѣло исполненнымъ и формально распустила себя; руководящая роль въ профессіональномъ рабочемъ движеніи перешла тогда къ такъ называемому Парламентскому Комитету, назначенному въ мартѣ 1871 года на Лондонскомъ Національномъ Конгрессѣ трэдъ-юніоновъ и включившему въ себя всѣхъ главныхъ вождей крупныхъ профессіональныхъ союзовъ того времени, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Начавшаяся вслѣдъ за тѣмъ агитація за отмѣну закона 1871 года объ исправленіи уголовнаго права для рабочихъ въ теченіе ближайшихъ 4 лѣтъ была наиболѣе значительнымъ явленіемъ въ профессіонально-организованномъ рабочемъ мірѣ; она быстро разрослась въ агитацію за полную отмѣну всѣхъ карательныхъ мѣръ относительно стачекъ.

Либеральное правительство начала 70-хъ годовъ, такъ же, какъ и большинство обѣихъ партій: консервативной и либеральной, было рѣшительно противъ подобной отмѣны. Гладстонъ категорически отказался въ 1872 году пересматривать законъ предыдущаго года объ исправленіи уголовнаго права для рабочихъ и въ продолженіе парламентской сессіи 1872 года Парламентскій Комитетъ трэдъ-юніонистовъ не могъ найти ни одного члена Парламента, готоваго внести билль, отмѣняющій исправленный уголовный законъ для рабочихъ 1871 года.

Вожди трэдъюніонистовъ, однако, не опускали рукъ; агитація за отмѣну уголовнаго закона для рабочихъ 1871 года энергично продолжалась всю первую половину 70-хъ годовъ.

Это были годы сильнаго роста трэдъ-юніонизма, — роста, стоявшаго въ связи съ полнымъ расцвѣтомъ свободной торговли,

благодаря отмѣнѣ въ эти годы послѣднихъ покровительственныхъ пошлинъ. Въ 1871—75 годахъ число членовъ каждаго изъ профессіональныхъ союзовъ быстро возрастало; возникали новыя профессіональныя организаціи среди рудокоповъ, сельскихъ батраковъ, прядильщиковъ. Національный Конгрессъ трэдъ-юніоновъ въ Шеффильдѣ, сошедшійся какъ разъ передъ общими парламентскими выборами 1874 года, претендовалъ на представительство свыше 1.100.000 организованныхъ рабочихъ, включая $^1/_4$ углекоповъ, многихъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ и 100.000 сельскихъ батраковъ. Число всѣхъ трэдъ-юніонистовъ въ годы 1871—75, вѣроятно, удвоилось. Въ среду трэдъ-юніонистовъ все шире и шире проникало сознаніе, что они являются крупной политической силой, способной не только оказывать могучее давленіе при парламентскихъ выборахъ на обѣ политическія старыя партіи: либеральную и консервативную, но и къ большему. Старая идея воздержанія трэдъ-юніонизма отъ политики уступала дорогу яснымъ, опредѣленнымъ попыткамъ къ самостоятельно организованной политической дѣятельности. Лига представительства рабочихъ въ Парламентѣ, составленная по преимуществу изъ выдающихся трэдъ-юніонистовъ, старалась обезпечить прохожденіе рабочихъ въ народные представители. Самостоятельная, безпартійная кандидатура Оджера въ 1869 и 1870 гг. вызвала къ себѣ замѣтное сочувствіе среди радикаловъ изъ среднихъ классовъ. Но до 1874 года профессіональные рабочіе союзы не выставляли своихъ офиціальныхъ кандидатовъ; и только въ этомъ году на Національномъ Конгрессѣ трэдъ-юніоновъ, происходившемъ незадолго до парламентскихъ выборовъ, одинъ изъ вождей трэдъ-юніонизма, мистеръ Бродгерстъ, могъ довести до свѣдѣнія участниковъ Конгресса, что рудокопы и нѣкоторые другіе профессіональные союзы уже ассигновали опредѣленныя суммы на расходы, связанные съ выставленіемъ рабочихъ кандидатовъ въ Парламентъ. На послѣдовавшихъ общихъ выборахъ выставлены были не менѣе 13 рабочихъ кандидатовъ. Въ большинствѣ случаевъ либеральные и консервативные кандидаты вступали съ ними въ состязаніе, и въ результатѣ депутатское мѣсто оставалось за консервативнымъ кандидатомъ.

Но въ Стаффордѣ и Морпетѣ одержали побѣду рабочіе кандидаты: Александръ Макдональдъ и Томасъ Бэртъ — оба видныхъ должностныхъ лица Національнаго Юніона рудокоповъ.

Они сдѣлались, такимъ образомъ, первыми рабочими членами Парламента.

На выборахъ 1874 г. либеральная партія потерпѣла непредвидѣнное крушеніе, при чемъ, благодаря тайному голосованію, остается не вполнѣ яснымъ, но, кажется, вѣроятнымъ, что либераламъ больше всего повредили голосовавшіе противъ нихъ трэдъ-юніонисты.

Законы 1875 г. о трэдъ-юніонахъ.

Вожди побѣдившей консервативной партіи не скупились передъ выборами на обѣщанія трэдъ-юніонистамъ и тѣ, естественно, ожидали, что консервативное правительство, ставъ у власти, сейчасъ же отмѣнитъ законъ 1871 года объ уголовномъ правѣ для рабочихъ. Но консервативное правительство къ великому разочарованію трэдъ-юніонистовъ, видимо, не торопилось съ этимъ и назначило парламентскую комиссію для изслѣдованія дѣйствія всѣхъ законовъ о трудѣ. Въ началѣ 1875 г. примѣненіе къ одному частному случаю уголовнаго закона для рабочихъ 1871 г. вызвало сильное возбужденіе среди послѣднихъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ поспѣшилъ внести два билля, въ которыхъ сдѣланъ былъ рядъ поправокъ въ комиссіи, и эти билли превратились въ законы, вполнѣ удовлетворившіе требованія трэдъ-юніонистовъ: изъ нихъ одинъ, а именно законъ о нанимателяхъ и рабочихъ, произвелъ настоящую революцію въ англійскомъ гражданскомъ правѣ: сама официальная замѣна выраженія «хозяинъ и слуга», принятаго въ старомъ законѣ 1867 г., какъ обозначеніе двухъ неравноправныхъ договаривающихся сторонъ, выраженіемъ «наниматель и рабочій», имѣла тотъ смыслъ, что теперь наниматель и нанятой являются совершенно равными сторонами, если заключаютъ между собою договоръ найма.

Другимъ новымъ биллемъ безусловно отмѣнялся уголовный законъ для рабочихъ 1871 года. Легализація трэдъ-юніоновъ пополнялась такимъ образомъ признаніемъ легальности способовъ ихъ борьбы. Мирное уговариваніе примкнуть къ забастовкѣ или же не мѣшать ей отнынѣ закономъ открыто разрѣшалось. Отнынѣ группа рабочихъ, совершавшая дѣйствіе, ненаказуемое въ случаѣ совершенія его отдѣльнымъ лицомъ, также не подлежала уголовной карѣ. Коротко говоря, коллективный договоръ найма послѣ полувѣковой законодательной борьбы былъ, наконецъ, признанъ закономъ страны.

Теперь трэдъ-юніоны могли легально заключать договоры отъ лица всѣхъ своихъ членовъ съ работодателями и добиваться

осуществленія основного принципа трэдъ-юніонизма, т.-е. такого низшаго уровня средствъ къ существованію, который долженъ быть признанъ необходимымъ для каждаго организованнаго рабочаго. Но они вынуждены были добиваться осуществленія этого принципа въ очень узкихъ предѣлахъ. Вожди трэдъ-юніонизма въ борьбѣ за свободу коллективныхъ договоровъ рабочихъ съ работодателями добились побѣды надъ капиталистами только потому, что они тщательно замалчивали, что коллективный договоръ рабочихъ они считаютъ необходимымъ средствомъ для цѣли осуществленія обязательнаго минимума заработной платы и настаивали лишь на правѣ каждаго англичанина договариваться о продажѣ своего труда тѣмъ способомъ, какой онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ его собственнымъ интересамъ; они требовали полной свободы для рабочаго замѣнять единоличный свой договоръ съ нанимателемъ коллективнымъ, если онъ считалъ второй для себя выгоднѣе.

Такіе индивидуалистическіе, по существу, доводы естественно проникали въ окружающую вождей трэдъ-юніонизма среду организованныхъ рабочихъ и усваивались ею. Принципъ обязательнаго для всѣхъ организованныхъ рабочихъ уровня ихъ средствъ къ существованію подвергался серьезной опасности. Чтобы спасти его, трэдъ-юніоны смыкались въ тѣсныя, замкнутыя группы, подчиненныя строжайшей профессіональной дисциплинѣ, вплоть до отказа работать вмѣстѣ съ неорганизованными рабочими.

Трэдъ-юніонисты такимъ образомъ все болѣе и болѣе становились «трудовой аристократіей». Они не мѣшали среднимъ классамъ держать въ своихъ рукахъ весь механизмъ законодательства и управленія и безмятежно господствовать въ странѣ. А сильная и гибкая правительственная власть, стоявшая на стражѣ экономическихъ и политическихъ интересовъ среднихъ классовъ, чутко прислушивалась къ голосу жизни, къ голосу демократическихъ слоевъ англійскаго населенія и во-время дѣлала уступки рабочему классу.

Реформы 60 и 70-хъ годовъ въ Англіи расширили кругъ избирателей и уравняли въ политическихъ и гражданскихъ правахъ широкія народныя массы съ привилегированными группами англійскаго населенія. Онѣ дали могучій толчокъ дальнѣйшему демократическому развитію Англіи. Старинный механизмъ двухъ парламентскихъ политическихъ партій—виговъ и тори, либеральной и консервативной, зачастую оказывался теперь не въ силахъ на-

правлять движенiе общественныхъ силъ въ странѣ. Являлось настоятельно необходимымъ для парламентскихъ партiй отказаться отъ своей замкнутости въ стѣнахъ Парламента, пойти въ самую гущу жизни и создавать внѣпарламентскiя партiйныя организацiи. Это послѣднее было особенно важно и необходимо при общихъ выборахъ въ Парламентъ, на которыхъ рѣшался вопросъ не только о составѣ будущей Палаты Общинъ, но и о составѣ будущаго правительства.

Михаилъ Бердоносовъ.

Ирландія въ срединѣ XIX вѣка.

I.

Ирландія въ теченіе всего XIX столѣтія далеко не всегда успѣшно, но въ высшей степени упорно боролась противъ англійскаго правительства и англійскаго парламента за достиженіе трехъ цѣлей: религіозной эмансипаціи сначала, политическаго самоуправленія — впослѣдствіи, аграрной реформы, обезпечивающей за фермеромъ обрабатываемую имъ землю — и въ на- **Ирландія въ XIX вѣкѣ.**

Пособіе: *Е. В. Тарле.* «Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы 1903 г.». «Міръ Божій» за 1904 и 1905 гг. *Е. В. Тарле.* Очерки и характеристики изъ исторіи XIX вѣка (біогр. Парнеля) (Спб. 1904).—*А. А. Мануиловъ.* Аренда земли въ Ирландіи (М. 1895). *Аѳанасьевъ.* Ирландія въ XIX вѣкѣ. *Быкова.* Исторія Ирландіи. *В. Керженцевъ.* Революціонная Ирландія. *Голосъ Минувшаго,* 1914, № 7. *W. O'Konnor Morris,* Ireland 1798—1898 (London 1898). Antonio *Pittaluga,* La questione agraria in Irilanda, studio storicoeconomico (Roma 1894). Gustave *de Beaumont,* L'Irlande sociale, politique et religieuse (Paris 1863). J. H. *Mc. Carthy,* Ireland since the union (s. d.). *Duffy,* Joung Ireland (London 1896). *Duffy,* Four years of irish history (London, 1893), *Lewis,* On local disturbances in Ireland and on the irish csurch question (London 1836). *Barry O'Brien,* Fifty years of concessions to Ireland. 1831—1881. (London, годъ не обозначенъ). Коллективное изданіе: *Two centuries of irich history 1691—1870,* with introduction by *J. Bryce* (Lond. 1888). *Ball,* the reformed church of Ireland (Lond. 1886). *Belleshsim,* Geschichte der katolischen Kirche in Irland (Mainz 1890). *Montgomery,* The history of land tenure in Ireland. *Hervé,* La crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle jusqu'à nos jours (Paris 1885). *Wiss,* Das irische Landgesetz von 1881. *M. Davitt,* The fall of the feudalism in Ireland (Lond. 1903). *Tynnan,* The irish invincibles and their times (Lond. 1893). *L. Maisonier et G. Lecarpantier,* L'Irlande et le Home Rule (Paris 1912). (Въ частности, о Парнелѣ см. подстрочныя ссылки въ книгѣ *Е. В. Тарле*).

чалѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ XIX вѣка. Первая цѣль была достигнута въ 1829 году, вторая — не достигнута и до настоящаго времени, хотя можно надѣяться на скорое достиженіе ея, третья цѣль — отчасти достигнута аграрною реформою 1903 года, связанною съ именемъ члена кабинета Бальфура-Уиндгэма. Съ этой точки зрѣнія XIX и начало XX вв. для Ирландіи были эпохою, когда постепенно, и съ неимовѣрными трудностями, залѣчивались тяжкія раны, нанесенныя Ирландіи ея жестокою историческою судьбою. Въ XVII вѣкѣ ирландцы лишились, въ качествѣ католиковъ, какихъ бы то ни было политическихъ правъ; тогда же лишились они и земли, которая у нихъ была отнята усмирителями (сначала Кромвелемъ, потомъ королемъ Вильгельмомъ III). Наконецъ, послѣ кратковременнаго (1781 — 1801 гг.) существованія дублинскаго парламента, — это учрежденіе было уничтожено. Такимъ образомъ, ирландскимъ поколѣніямъ XIX вѣка суждено было исправлять длительныя и тяжкія несчастья, тяготѣвшія надъ страною именно съ тѣхъ временъ, когда Англія завоевала вновь и упрочила отъ всякихъ покушеній свою собственную политическую свободу.

Невыносимый соціально-экономическій и политическій гнетъ вызвалъ въ 1798 г. возстаніе, основанное, главнымъ образомъ, на надеждахъ ирландцевъ получить сколько-нибудь существенную помощь отъ революціонной Франціи, ведшей противъ Англіи ожесточенную борьбу. Это возстаніе было подавлено съ чрезвычайною жестокостью, и Ирландія была (въ 1801 г.) лишена главнаго органа самоуправленія («дублинскаго» парламента), въ которомъ, правда, коренное населеніе — ирландцы-католики — не имѣли и не могли по закону имѣть ни одного представителя, но которымъ все-таки приходилось дорожить, какъ единственнымъ залогомъ лучшаго будущаго. Послѣ уничтоженія этого парламента и проведенія «уніи» съ Англіей исчезла всякая тѣнь самоуправленія Ирландіи.

О'Коннель. Пока шла ожесточенная борьба Англіи съ Наполеономъ, нечего было и думать о возбужденіи сколько-нибудь серьезнаго общественнаго движенія въ Ирландіи, и не такія стояли времена, чтобы англійское правительство допустило какую-либо даже самую сдержанную пропаганду въ странѣ. Только съ 20-хъ гг. XIX столѣтія талантливому адвокату Даніелю О'Коннелю удалось стать иниціаторомъ новаго движенія.

О'Коннель прежде всего задался цѣлью показать англійскому правительству и обществу, что Ирландія уже не задается революціонною цѣлью отдѣленія отъ Англіи, но что въ Ирландіи ждутъ эмансипаціи католиковъ и возвращенія странѣ самостоятельнаго парламента — отъ мудрости англичанъ. Эта точка зрѣнія какъ нельзя болѣе подошла къ настроенію запуганнаго и подавленнаго общества первыхъ лѣтъ XIX вѣка. Порывистый, живой, раздражительный, невоздержный на языкъ, склонный къ оптимистическимъ взглядамъ на намѣренія властей и быстро переходящій отъ надеждъ къ гнѣву и отъ гнѣва къ надеждѣ, — О'Коннель очень подходилъ, по характеру, къ среднему типу образованнаго ирландца. Популярность его въ странѣ уже къ рединѣ 20-хъ гг. была огромна.

Трудность положенія О'Коннеля основывалась на слѣдующемъ. Онъ являлся въ это время (до 1829 г.) представителемъ, главнымъ образомъ, достаточныхъ классовъ ирландскаго народа, католическихъ лендлордовъ и католической буржуазіи, тѣхъ классовъ, которые по его плану прежде всего должны были воспользоваться эмансипаціею католиковъ и занять мѣста въ парламентѣ (пока — англійскомъ, со временемъ — ирландскомъ), а также на государственной и общественной службѣ. Выдвинутый О'Коннелемъ непосредственный политическій идеалъ — эмансипація католиковъ — волновалъ эти достаточные классы безъ всякаго сравненія больше, нежели голодную и несчастную массу крестьянъ-арендаторовъ, которыхъ изводили и высокая арендная плата, и вѣчный страхъ изгнанія съ арендуемаго участка, и уплата «десятины» — обязательной подати въ пользу господствующей (чуждой имъ) англиканской церкви. Но своею энергіею, организаторскимъ талантомъ, искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ дѣйствуетъ на пользу всего народа, а вовсе не только маленькой его части — О'Коннель превратилъ, въ концѣ-концовъ, вопросъ объ эмансипаціи католиковъ въ общенаціональное дѣло и объединилъ вокругъ этого дѣла почти весь ирландскій народъ. Ему удалось внушить крестьянству, что эмансипація католиковъ есть огромный шагъ къ исправленію всѣхъ бѣдъ. Отвергая революціонныя средства борьбы, — какъ представлялъ онъ себѣ новую тактику? «Будемъ, мои земляки, сходиться, будемъ готовить наши петиціи, пусть этихъ петицій будетъ много; пусть онѣ будутъ проникнуты единымъ духомъ и пріурочены къ одной цѣли — къ достиженію эмансипаціи», читаемъ мы въ одной его рѣчи, ска-

занной въ 1819 году. Петиціи, митинги, мирныя демострацін — вотъ были рекомендуемыя имъ средства. Какъ разъ когда (въ 1817 — 1821 гг.) въ самой Англіи было далеко неспокойно, — О'Коннель воспользовался посѣщеніемъ Дублина королемъ Георгомъ IV для ряда лоялистическихъ манифестацій, — только потому, что король произнесъ нѣсколько милостивыхъ словъ о католикахъ. Но король на самомъ дѣлѣ твердо рѣшилъ противиться эмансипаціи. А тутъ еще присоединилось одно обстоятельство, всегда неожиданно врывавшееся и властно дѣйствовавшее на ирландскую политическую жизнь: послѣ ряда неурожаевъ картофеля вспыхнули аграрныя волненія. Кромѣ этой случайной (но періодически возвращавшейся) причины — тутъ дѣйствовали и постоянныя условія: высокая арендная плата, десятина въ пользу англиканской церкви, эксплуатація крестьянъ такъ называемыми «посредниками», которые брали у вѣчно отсутствовавшихъ лендлордовъ въ аренду всю землю и уже отъ себя сдавали ее маленькими участками крестьянамъ. Крестьяне образовали отряды, иногда доходившіе до 1.500 — 2.000 человѣкъ, производили нападенія, уволакивали скотъ. Смуты вспыхнули въ Коркѣ, Лимерикѣ, Уиклоу. Болѣе 20.000 солдатъ рыскали по странѣ, охотясь за бунтовщиками, которые иной разъ и не убѣгали отъ нихъ, а съ отчаяніемъ шли прямо подъ пули. Послѣ одного изъ такихъ сраженій было разомъ повѣшено около 50 человѣкъ, захваченныхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ. Министерство (въ 1822 г.) пріостановило дѣйствіе Habeas corpus act'а и провело рядъ мѣръ, расширявшихъ и безъ того огромную власть вице-короля.

Аграрныя волненія.

Хотя О'Коннель рѣшительно порицалъ аграрный бунтъ, но эти волненія позволили ему особенно настоятельно просить о скорѣйшемъ проведеніи эмансипаціи католиковъ, въ чемъ онъ видѣлъ залогъ возстановленія спокойствія въ странѣ (т.-е. по крайней мѣрѣ такъ обрисовывалъ дѣло въ своихъ агитаціонныхъ рѣчахъ). Въ 1823 г. онъ основалъ «Католическую ассоціацію» спеціально съ цѣлью добиться эмансипаціи. Эта ассоціація сыграла огромную агитаціонную роль. Высказываясь противъ аграрныхъ безпорядковъ, она, тѣмъ не менѣе, возбуждала общественное мнѣніе противъ тѣхъ лендлордовъ, которые слишкомъ безчеловѣчно повышали арендную плату и изгоняли фермеровъ, организовала даровую систематическую судебную защиту правъ фермеровъ и т. д. О'Коннель организовалъ также сборъ доброхотныхъ общенаціональныхъ взносовъ на цѣли этой

ассоціаціи. Католическое духовенство ревностно помогало ему, устраивая этотъ сборъ по церковнымъ приходамъ. Между тѣмъ аграрныя волненія (виновники которыхъ усвоили себѣ традиціонное названіе «бѣлыхъ парней», white boys) продолжались. Въ 1825 г. министерство провело билль о закрытіи этой «Католической ассоціаціи», но О'Коннель уже въ 1826 г. открылъ «Новую католическую ассоціацію», и агитація продолжалась. Въ самомъ кабинетѣ (особенно съ того времени, какъ руководящее значеніе получилъ Каннингъ) были разногласія по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. Когда въ 1827 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, Каннингъ сдѣлался первымъ министромъ, Ирландія стала ждать отъ него всякихъ благъ, но вскорѣ послѣдовавшая смерть министра замедлила благополучное разрѣшеніе вопроса. Волненія въ Ирландіи въ концѣ 1827 и въ 1828 году усилились. Въ нижней палатѣ можно было разсчитывать на большинство въ пользу эмансипаціи католиковъ, но палата лордовъ была противъ. Дѣло было рѣшено переходомъ консервативнаго правительства на сторону приверженцевъ эмансипаціи: Веллингтонъ, а съ нимъ и весь кабинетъ затруднялись вести борьбу одновременно на два фронта—и противъ требованія парламентской реформы въ Англіи, и противъ католической эмансипаціи въ Ирландіи. Революція въ Ирландіи была бы не страшна при внутреннемъ спокойствіи Англіи, но именно этого спокойствія въ Англіи не было. Министерству пришлось выдержать сильную бурю со стороны главныхъ сановниковъ англійской церкви, многихъ протестантскихъ фанатиковъ («оранжистовъ») изъ числа членовъ палаты лордовъ, наконецъ, со стороны короля Георга IV. Изъ Ирландіи приходили самыя тревожныя вѣсти. Страна была переполнена спѣшно созываемыми войсками, но доводить дѣло до рѣзни было явно несвоевременно, да и далеко не на всѣхъ солдатъ возможно было положиться. Повторялись слова, сказанныя однимъ солдатомъ 21-го полка: «Есть два способа стрѣлять: можно выстрѣлить въ человѣка и *поверхъ* человѣка; и если бы намъ скомандовали противъ О'Коннеля и нашей страны, я думаю, мы бы вспомнили объ этомъ различіи».

При такихъ условіяхъ наступилъ 1829 годъ и открылась парламентская сессія. Въ началѣ февраля О'Коннель произнесъ на собраніи «Новой католической ассоціаціи» рѣчь о необходимости поддерживать всѣми мѣрами агитацію. Ассоціація послѣ этого была спѣшно закрыта правительствомъ, но

это закрытіе было послѣднею умилостивительною жертвою «оранжистамъ».

Эмансипація католиковъ.

5 марта Пиль внесъ отъ имени кабинета предложеніе «измѣнить законы, касающіеся католиковъ». Въ палатѣ общинъ предложеніе прошло почти безъ всякаго труда, но гораздо больше борьбы было въ палатѣ лордовъ, такъ какъ тамъ далеко не всѣ раздѣляли взглядъ Веллингтона на эмансипацію католиковъ, какъ на цѣлесообразный стратегическій пріемъ. Но, несмотря на запальчивые протесты архіепископа Кентерберійскаго и другихъ, билль прошелъ при третьемъ обсужденіи въ палатѣ лордовъ, большинствомъ 213 голосовъ противъ 109, 10 апрѣля 1829 г. Король Георгъ IV былъ такъ раздраженъ, когда билль былъ внесенъ министерствомъ въ палату, что Веллингтону понадобилось пригрозить своею отставкою, чтобы король уступилъ. Послѣднее сопротивленіе было сломлено, и эмансипація католиковъ совершилась: 14 апрѣля 1829 г. король подписалъ билль.

О'Коннель былъ на верху своей славы и счастья. Еще въ 1828 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ въ парламентъ, хотя, конечно, фактически занять свое мѣсто не могъ, пока требовалась антикатолическая присяга отъ всякаго новаго члена парламента. Теперь, 30 іюля 1829 г., онъ былъ переизбранъ, — и сталъ продолжать въ парламентѣ вести ту борьбу, которую такъ упорно до сихъ поръ велъ внѣ его стѣнъ.

Начавшіяся вскорѣ послѣ эмансипаціи католиковъ ирландскія волненія явно обнаружили, что актъ 1829 года не только не все, но даже и не самое главное, что представлялось необходимымъ для полнаго умиротворенія страны. Еще во время обсужденія эмансипаціи католиковъ въ палатѣ лордовъ Веллингтонъ сказалъ: «Милорды! билль самъ по себѣ очень простъ. Онъ дастъ католикамъ право занимать всякую должность въ государствѣ, кромѣ немногихъ тѣхъ, которыя связаны съ управленіемъ дѣлами англиканской церкви; и онъ даетъ имъ также право становиться членами парламента». Ближайшіе годы показали, что нужно нѣчто не столь «простое», чтобы успокоить несчастную страну.

Аграрныя отношенія.

Упадокъ цѣнъ на продукты земледѣльческаго труда, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ, отнюдь не препятствовалъ лендлордамъ съ усиленною суровостью требовать аккуратной уплаты арендныхъ повинностей и сгонять неисправныхъ плательщиковъ съ арендуемыхъ ими участковъ, такъ какъ населеніе страны увеличивалось (пока) и въ аренда-

торахъ недостатка не было. Арендная плата все росла, десятина въ пользу англиканской церкви взыскивалась съ неукоснительностью. Въ 1830 году былъ голодъ, охватившій центральные округи, и всѣ обычныя бѣдствія ирландскаго крестьянина усилились. Въ противоположность лендлордамъ Англіи лендлорды Ирландіи не строили фермъ и не ремонтировали ихъ, вообще, ничего не дѣлали на пользу арендатора: они только давали ему кусокъ земли и требовали за нее условленную арендную плату, а ужъ арендаторъ, если ему не было угодно спать подъ открытымъ небомъ, долженъ былъ выстроить себѣ жилище, откуда его и выгоняли вонъ, когда онъ медлилъ съ уплатою денегъ въ срокъ. Населеніе Ирландіи въ 1831 г. было равно 7.765.000 чел.; оно почти удвоилось за пятьдесятъ лѣтъ (съ 1780 г.); количество же земли, отдавшейся въ аренду, — въ однихъ округахъ оставалось прежнее, а въ другихъ сократилось вслѣдствіе расширенія пастбищъ; никакого земледѣльческаго прогресса въ Ирландіи тоже не замѣчалось, — невѣжество и темнота царили прежнія.

Аграрные повстанцы, «бѣлые парни», появились вновь и съ начала 1830-хъ г.г. усилились въ весьма серьезной степени. Они появились въ разныхъ графствахъ подъ разными кличками, хотя обыкновенно объединялись этимъ традиціоннымъ названіемъ. Отдѣльными отрядами совершали они свои дѣла, и, какъ прежде, окрестное населеніе укрывало и спасало ихъ своимъ соучастіемъ и свидѣтельствами на судѣ; какъ и прежде, они вскорѣ навели ужасъ на землевладѣльческій классъ и англиканское духовенство. Но нѣчто новое появилось въ ихъ организаціяхъ; они ставили предъ собою вполнѣ сознательно опредѣленную общую цѣль: измѣненіе аграрной системы въ Ирландіи. По словамъ одного англійскаго наблюдателя (Льюиса), «ассоціацію бѣлыхъ парней можно разсматривать, какъ обширный трэдъ-юніонъ для покровительства ирландскому крестьянству, при чемъ ихъ цѣль не регулировать размѣры платы или количество рабочихъ часовъ, но сохранить за нынѣшнимъ арендаторомъ его землю и, вообще, устроить отношенія между лендлордомъ и арендаторомъ къ выгодѣ послѣдняго». Вербовались они изъ бѣднѣйшаго слоя крестьянства, изъ изгнанныхъ арендаторовъ, изъ батраковъ. Они обыкновенно по ночамъ (но иногда и днемъ) избивали или убивали новыхъ арендаторовъ, занявшихъ участокъ, откуда лендлордъ изгналъ предшествующаго арендатора; убивали управляющихъ, иногда лендлордовъ, жгли дома. Окрестное населеніе молчаливо и незамѣтно

Усиленіе волненій.

укрывало убійцъ, пока не прекращался первый горячій розыскъ. Въ 1831—1832 г.г. подъ вліяніемъ голода движеніе стало пріобрѣтать громадные размѣры и массовый характеръ. Въ короткое время было убито нѣсколько лендлордовъ и одинъ судья. Крестьяне (особенно въ графствахъ Мэйо, Голвей, Слиго, Клэръ) съ женами и дѣтьми вооружались, чѣмъ попало, разрушали изгороди, угоняли скотъ и т. д. Начались аресты, суды, смертныя казни. Отказы отъ уплаты десятины въ пользу англиканской церкви особенно участились. Въ ноябрѣ 1831 г. въ Кильkенни на этой почвѣ произошло цѣлое сраженіе между крестьянами и войсками. Спустя нѣсколько дней тамъ же крестьяне убили начальника полицейскаго отряда и двѣнадцать человѣкъ его подчиненныхъ, пришедшихъ взыскивать десятину. Эта десятина особенно возмущала голодныхъ крестьянъ, и католическое духовенство, съ своей стороны, конечно, очень настраивало свою паству противъ ненавистнаго сбора въ пользу чуждой церкви. Разомъ въ нѣсколькихъ ирландскихъ графствахъ стали жечь дома и убивать тѣхъ, кто не соглашался участвовать въ коллективныхъ отказахъ отъ уплаты десятины. Констебли и всѣ чины, которые принимали участіе въ сборѣ десятины, умерщвлялись руками тайныхъ убійцъ или же среди бѣла дня отдѣльными крестьянскими отрядами. Судьи и прокуроры, объятые страхомъ предъ тайными и открытыми убійствами, иногда отказывались разсматривать дѣла объ аграрныхъ преступленіяхъ и откладывали ихъ. Англиканскихъ священниковъ убивали открыто, въ ихъ саду, на дорогѣ, въ полѣ, и виновные не находились. Оффиціально было установлено, что за одинъ только 1832 годъ ирландское движеніе выразилось въ чудовищныхъ цифрахъ: въ этомъ году въ Ирландіи были совершены 172 убійства, 465 разбоевъ, 568 грабительскихъ ночныхъ вторженій въ обитаемые дома, 455 случаевъ избіеній и порчи скота, 796 злонамѣренныхъ поврежденій чужой собственности, 753 нападенія на фермы, 280 поджоговъ, 3156 нападеній и пораненій отдѣльныхъ лицъ и т. д. Въ общемъ же, по оффиціальной статистикѣ, сообщенной парламенту министромъ Греемъ въ Ирландіи за одинъ только 1832 годъ было совершено аграрныхъ преступленій и преступленій, вызванныхъ сборомъ десятины, *девять тысячъ* (считая и менѣе важные случаи). Положеніе вещей, когда, въ среднемъ, *ежедневно* въ странѣ происходитъ двадцать пять такихъ преступленій, когда это творится на другой день послѣ реформы, казалось бы долженствовавшей умиротво-

рить страну, — такое положеніе вещей съ болѣзненною силою должно было приковать къ себѣ взоры и правительства Великобританіи, и имущихъ слоевъ Ирландіи, и О'Коннеля, человѣка, считавшагося національнымъ вождемъ. Изъ политиковъ и организаторовъ никто это аграрное движеніе тридцатыхъ годовъ не вызывалъ и даже не усиливалъ. Оно вышло само собою какъ изъ-подъ земли — и стало предъ испуганными взорами и своихъ, и чужихъ, англичанъ и ирландцевъ.

Либеральный кабинетъ, стоявшій у власти, провелъ въ 1833 году суровый актъ о подавленіи волненій въ Ирландіи, дававшій вице-королю самыя широкія полномочія. Вице-король могъ отнынѣ учреждать военные суды, гдѣ и когда найдутъ нужнымъ, полиціи присвоивалось право свободно входить въ квартиры и искать тамъ оружіе, ни одинъ митингъ не могъ отнынѣ созываться безъ разрѣшенія вице-короля, мѣстами воспрещено было выходить изъ дома отъ заката до восхода солнца и т. п. Но движеніе продолжалось.

О'Коннель, присматриваясь къ движенію, замѣтилъ въ немъ двѣ основныя черты: ярость голодающаго крестьянства направлялась противъ двухъ эксплуатирующихъ силъ во-первыхъ, лендлордовъ, во-вторыхъ, чуждой, англиканской церкви. Измѣнить аграрный строй было предпріятіемъ, по условіямъ времени, совершенно невозможнымъ. И вотъ О'Коннель рѣшилъ направить всѣ усилія въ сторону меньшаго сопротивленія и домогаться уничтоженія ненавистной десятины. Остановимся на происхожденіи и развитіи этого зла.

Десятина.

Англиканская церковь изъ всѣхъ превратностей судьбы въ XVI — XVII вв. вышла побѣдительницей и утвердилась въ своемъ привилегированномъ положеніи какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. *Вся* земля въ Ирландіи была обложена десятинною податью, всѣ, пользовавшіеся землею, должны были вносить десятую часть добываемаго въ пользу англиканской церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію они сами ни принадлежали. Въ 1735 году было введено нѣкоторое измѣненіе въ законы объ уплатѣ десятины: лендлордамъ удалось добиться, чтобы пастбищная земля была исключена изъ обложенія десятиною. Къ концу XVIII столѣтія положеніе вещей окончательно сложилось такъ: самыя богатыя помѣстья, занятыя разведеніемъ скота и обладающія огромными пастбищами, принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лицамъ англиканскаго исповѣданія, а они въ пользу своей, англиканской церкви ничего не платятъ (ибо пастбища не обложены).

А мелкіе земельные участки, обрабатываемые полунищими арендаторами, крестьянами — католиками, служатъ, конечно, не для пастбищъ, но для разведенія картофеля и для хлѣбопашества, и слѣдовательно, должны платить десятину, — въ пользу чуждой имъ англиканской церкви! Несправедливость подобныхъ порядковъ была кричащая, неприкрытая, наглядная: такъ, казалось, и заявляли эти законы, что они созданы господствующею кастою, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ ко всякой логикѣ и всякому здравому смыслу. Католическое духовенство питалось, чѣмъ Богъ пошлетъ, больше добровольными даяніями своей нищей паствы; англиканское же—неукоснительно взыскивало подать съ католиковъ, населявшихъ Ирландію. Во второй половинѣ 30-хъ гг. XIX вѣка въ Ирландіи (гдѣ населеніе въ эти годы еще росло) насчитывалось 7.943.000 жителей; изъ нихъ католиковъ 6.427.712 человѣкъ, англиканцевъ же 852.356 чел. (остальныя нѣсколько сотъ тысячъ были пресвитеріанами и принадлежали къ другимъ исповѣданіямъ). Итакъ, для 6½ милліоновъ человѣкъ не находилось ни достаточно церквей ни порядочныхъ помѣщеній для церквей, но эти же 6½ милліоновъ человѣкъ обязаны были поддерживать чужое, презирающее ихъ англиканское духовенство. Англиканская іерархія была до смѣшного велика сравнительно съ количествомъ паствы: эта іерархія состояла изъ четырехъ архіепископовъ, 18 епископовъ и около двухъ тысячъ человѣкъ священниковъ и низшаго причта. Въ общемъ, на ихъ содержаніе шло около восьмисотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Были въ Ирландіи такіе англиканскіе приходы, гдѣ *паства* состояла изъ двухъ, изъ трехъ, изъ шести человѣкъ. А были и такіе, гдѣ не было *ни одного* англиканца. Лучшіе люди изъ англиканскаго духовенства сами тяготились подобнымъ безобразнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ положеніемъ вещей. Все установленіе англиканской церкви въ Ирландіи протестанскій архидіаконъ Глоуэръ открыто назвалъ въ 1835 году «аномаліею, не имѣющей ничего себѣ подобнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ». Но такіе голоса въ этой средѣ были, конечно, рѣдки. Гораздо чаще доказывалось со сладчайшею убѣдительностью, что взиманіе этой десятины оправдывается всѣми канонами.

Съ 1831 г. уже О'Коннель говорилъ въ парламентѣ противъ десятины и старался убѣдить министерство въ необходимости отмѣнить десятину. Но виги, бывшіе у власти, чувствовали себя въ эти годы, — съ 1832 года, когда уже окончилась въ Англіи

борьба за избирательную реформу, до 1837—38 г.г., пока еще не началось чартистское движеніе, — очень спокойно, и не торопились итти на уступки. Торійскій кабинетъ Роберта Пиля, который за это время побывалъ у власти нѣсколько мѣсяцевъ (съ 9 декабря 1834 г. до 8 апрѣля 1835 г.), обнаружилъ подобную же неуступчивость. Только съ 1835 г., со времени министерства лорда Мельбурна, англійское правительство начинаетъ внимательнѣе прислушиваться къ голосу О'Коннеля и проявляетъ стремленіе къ нѣкоторому смягченію режима въ Ирландіи. Помощникомъ главнаго секретаря при вице-королѣ былъ назначенъ Томасъ Дрэммондъ, который старался не раздражать населеніе и самъ относился отрицательно къ десятинѣ. Министерство начало даже проводить кое-какія мало существенныя мѣропріятія съ цѣлью смягчить ненавистную подать, но палата лордовъ упорно проваливала почти всѣ эти мѣры. Обстоятельства внутренней англійской жизни и на этотъ разъ помогли ирландскому дѣлу.

20 іюня 1837 г. скончался Вильгельмъ IV, и на престолъ вступила Викторія. Въ іюлѣ произошли выборы, и Мельбурнъ получилъ довольно ничтожное большинство: виговъ и ирландцевъ оказалось въ парламентѣ, въ общей сложности, на 34 человзѣка больше, нежели торіевъ. О'Коннель и ирландскіе депутаты поддерживали Мельбурна, который все болѣе склонялся къ примирительному компромиссу: дѣло въ томъ, что въ 1837 г. началось, а въ 1838 г. непрерывно продолжалось и усиливалось чартистское движеніе, захватившее въ Англіи все большія и большія рабочія массы и стремившееся къ полной демократизаціи государственнаго строя [1]. Правящимъ слоямъ въ Англіи предстояла упорная борьба съ новымъ и далеко не безопаснымъ противникомъ. При этихъ условіяхъ капризъ удержанія десятины въ Ирландіи, давно уже ненужной никому, кромѣ англиканскаго духовенства,—этотъ капризъ консервативной партіи палаты лордовъ долженъ былъ, наконецъ, быть оставленъ: умиротворивши хоть временно Ирландію, можно было съ удвоенною силою обрушиться на чартистовъ. Въ 1838 г. министерство внесло въ парламентъ билль объ уничтоженіи десятины въ Ирландіи. Основной принципъ билля заключался въ томъ, что государство беретъ на себя обязательство выплачивать англиканской церкви до $^3/_4$ того, что она получала отъ десятины. Сумма эта выплачивается, въ свою очередь, государству не арен-

Чартизмъ.

[1]) О чартизмѣ см. т. IV, ч. I, ст. В. П. Потемкина

даторами, а собственниками земли, лендлордами. При этомъ государство можетъ, если захочетъ, погашать по 70 фунтовъ ренты, выплачиваемой имъ данному приходу, внесши единовременно этому приходу 1600 фунтовъ. Билль прошелъ только потому, что Мельбурнъ согласился не уничтожить 12 безполезныхъ англиканскихъ приходовъ въ Ирландіи изъ 22, какіе тамъ существовали.

Отмѣна десятины.

Уничтоженіе десятины въ 1838 г. было послѣднимъ лучомъ въ жизни О'Коннеля. Теперь намъ нужно обратиться къ повѣствованію о томъ общественномъ движеніи, которое вытѣснило О'Коннеля съ перваго мѣста въ ирландской общественной жизни.

II.

Католическіе аристократы — лендлорды, католическіе средніе землевладѣльцы (крайне немногочисленные), католическій торгово-промышленный классъ, наконецъ, католическіе арендаторы изъ зажиточныхъ, — вотъ какіе слои непосредственно воспользовались эмансипаціей 1829 года и вновь пріобрѣтенными политическими правами. Въ 1838 году разрѣшилась проблема о десятинѣ, и нѣкоторое облегченіе первоначально почувствовало все населеніе. Въ 1840 году О'Коннелю и другимъ ирландскимъ депутатамъ удалось добиться отъ кабинета Мельбурна проведенія муниципальной реформы, довольно выгодной для мѣстнаго ирландскаго населенія. Но въ 1841 г. либеральный кабинетъ потерпѣлъ пораженіе на общихъ выборахъ — и долженъ былъ уступить мѣсто консервативному министерству Роберта Пиля. Надѣяться на близкое достиженіе новыхъ успѣховъ не приходилось.

Муниципальная реформа.

Уже выборы 1841 г., на которыхъ О'Коннель былъ забаллотированъ въ Дублинѣ и долженъ былъ искать другого округа, показали, что есть въ странѣ извѣстное недовольство, извѣстная оппозиція противъ него. Начали указывать на то, что законъ 1838 г., отмѣнявшій десятину, часто лишь формально снималъ тяготу съ нищаго арендатора, на котораго-де все равно лендлордъ возложитъ въ видѣ надбавки арендной платы часть налога (перенесеннаго на лендлорда). Муниципальный законъ 1840 года, хотя и былъ привѣтствуемъ, какъ уничтоженіе протестантской монополіи въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, но не могъ сдѣлаться особенно популярнымъ, такъ какъ только очень высокій цензъ допускалъ къ выбору и исполненію обязанностей городскихъ совѣтниковъ. Въ Ирландіи, кромѣ того, вспоминали,

что такія мѣры, въ сущности, вовсе не коренныя, не затрогивавшія главныхъ вопросовъ государственной жизни, проходили въ парламентѣ (даже при либеральномъ кабинетѣ) съ большими усиліями, вслѣдствіе яростной оппозиціи консерваторовъ. Теперь, съ 1841 г., консерваторы стали большинствомъ и взяли въ свои руки власть. О'Коннель не скрывалъ отъ себя и своихъ друзей, что наступаютъ довольно трудныя времена. Но онъ не зналъ, до какой степени трудныя; не предвидѣлъ, что самые болѣзненные удары падутъ на него не изъ Англіи, но изъ Ирландіи, изъ новаго, еще не существовавшаго въ 1841 г. лагеря. Въ ирландскомъ обществѣ уже явно обозначилось новое теченіе, которому суждено было прійти на смѣну этому высокоталантливому, шумному, не любившему противорѣчій, привыкшему къ обожанію «ирландскому диктатору».

О'Коннель не хотѣлъ и не могъ разобраться въ рядѣ новыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью. Онъ, напр., объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ вмѣшательства государственной власти въ отношенія между рабочимъ и работодателемъ, — и это въ эпоху самой жестокой нищеты и безпомощности рабочихъ классовъ. Это поселяло отчужденіе между нимъ и широкими слоями, если не сельскаго, то городского населенія, и иногда, съ конца 30-хъ гг., ему приходилось уже на митингахъ слышать и видѣть недвусмысленныя проявленія раздраженія со стороны собравшейся толпы. Ассоціація, учрежденная 15 апрѣля 1840 г. О'Коннелемъ съ цѣлью агитировать противъ уніи Ирландіи съ Англіей (Repeal association), работала вяло, не возбуждая ни малѣйшаго энтузіазма. Назрѣвали новыя тенденціи и чувства.

Дэффи. Осенью 1841 г. Чарльзъ Гэуэнъ Дэффи, молодой литераторъ, встрѣтился и близко сошелся съ двумя дублинскими адвокатами Джономъ Диллономъ и Томасомъ Дэвисомъ, и, удостовѣрившись въ полной солидарности, они выработали сообща новую, отличную отъ О'Коннелевской программу и тактику. Спустя годъ, 15 октября 1842 г. они начали изданіе новаго журнала, который назвали «Націей». Колоссальный успѣхъ выпалъ на долю новаго органа съ первыхъ же его нумеровъ, и «Нація» обозначилась сразу какъ крупная общественная сила. Чему же она учила и куда звала своихъ читателей?

Дэффи и его друзья задались сложными цѣлями. По собственнымъ словамъ, они хотѣли возстановить въ ирландскомъ народѣ самоуваженіе и увѣренность въ своихъ силахъ. Этому должны

были служить многочисленныя популярныя статьи по ирландской исторіи, прославленіе революціонныхъ героевъ ирландскаго прошлаго и т. п.; стремленіе «революціонизировать» страну, оттолкнуть ее отъ мирныхъ, легальныхъ методовъ О'Коннеля. Но до поры. до времени журналъ старался, вмѣстѣ съ тѣмъ, не затрагивать личность стараго вождя и, напротивъ, подчеркивалъ его заслуги предъ страною. О'Коннель косо глядѣлъ на новыхъ людей, но нечувствительно они начинали вліять на него и дѣлали его тонъ по отношенію къ властямъ все болѣе рѣзкимъ. Весною 1843 г. въ парламентѣ, въ отвѣтъ на запросъ оранжиста Родена о томъ, какъ правительство намѣрено отнестись къ происходящей въ Ирландіи агитаціи, первый министръ сэръ Робертъ Пиль заявилъ, что всѣ средства, какія только находятся въ распоряженіи правительственной власти, будутъ пущены въ ходъ, чтобы воспрепятствовать «расчлененію имперіи», т.-е. расторженію уніи. Въ отвѣтъ на это О'Коннель заявилъ на большомъ митингѣ, что онъ принадлежитъ къ націи, насчитывающей «восемь милліоновъ человѣкъ», и не вѣритъ, чтобы Пиль «посмѣлъ» начать борьбу насильственными мѣрами, разъ Ирландія вовсе не намѣрена устроить возстаніе. «Молодая Ирландія» въ своемъ органѣ всецѣло примкнула къ рѣшительному вызову, брошенному О'Коннелемъ, и не переставала повторять на всѣ лады этотъ вызовъ, отрѣзывая старому вождю всякій путь къ отступленію. Огромные митинги, раздраженное состояніе крестьянъ, стекавшихся на эти митинги, и молодежи, рукоплескавшей новому журналу,—все это повліяло на О'Коннеля. Онъ сталъ говорить слова, пріобрѣтавшія въ его устахъ особый смыслъ, именно потому, что онъ весь вѣкъ убѣждалъ въ тщетѣ не конституціоннаго образа дѣйствій. На колоссальномъ митингѣ въ Коркѣ О'Коннель, между прочимъ, сказалъ: «Представьте себѣ какого-нибудь ирландца, безъ единаго пенни и босого, который переѣхалъ черезъ каналъ на палубѣ парохода, очутился въ Манчестерѣ... и собралъ вокругъ себя извѣстное число ирландцевъ. И вотъ, кто-нибудь спрашиваетъ его: что новаго? А онъ отвѣчаетъ: твой отецъ убитъ драгуномъ; твоя мать застрѣлена полисменомъ; твоя сестра... но я не хочу сказать, что съ ней случилось. Пусть это произойдетъ, и я спрошу Роберта Пиля, сколько пожаровъ вспыхнетъ на англійскихъ мануфактурахъ?»

Репрессіи. Въ отвѣтъ на эти митинги правительство провело (въ августѣ 1843 г.) билль, сильно ограничивавшій право ирландцевъ дер-

жать оружіе у себя дома; въ теченіе всего лѣта Ирландія не переставала наводняться войсками,—и долго медлившій отвѣтомъ Робертъ Пилль вдругъ исполнилъ свою угрозу. 7 октября 1843 г. ирландскій вице-король, графъ Грей, совершенно неожиданно воспретилъ назначенный на слѣдующій день митингъ-монстръ въ Клонтерфѣ. Огромная толпа тотчасъ же собралась въ Дублинѣ вокругъ зданія, гдѣ засѣдала «ассоціація по отмѣнѣ уніи» (repeal association), во главѣ которой стоялъ О'Коннель. Англійскія газеты въ этотъ день писали, что отъ О'Коннеля зависитъ, «прольется ли кровь или нѣтъ». О'Коннель немедленно напечаталъ извѣщеніе, что митингъ отмѣняется.

Смущеніе овладѣло большинствомъ ирландскаго общества, шедшимъ за О'Коннелемъ; раздраженіе — меньшинствомъ, которое симпатизировало журналу «Нація». Приверженцы О'Коннеля доказывали, что итти напроломъ было бы безуміемъ. Доводы «Молодой Ирландіи» сводились къ тому, что не слѣдовало въ такомъ случаѣ заявлять публично, что Пиль не посмѣетъ прекратить агитацію грубою силою. Они предсказывали теперь начало эры униженій и преслѣдованій, — и это предсказаніе исполнилось весьма скоро. Дней черезъ шесть послѣ отмѣны митинга О'Коннель и нѣсколько его приверженцевъ были арестованы, а одновременно былъ арестованъ также вождь «Молодой Ирландіи» Дэффи и съ нимъ редакціонный кружокъ журнала «Нація». Къ нимъ было предъявлено обвиненіе въ «заговорѣ съ цѣлью возбужденія недоброжелательства среди подданныхъ ея величества» и съ цѣлью достигнуть перемѣнъ въ конституціи незаконными способами. О'Коннель вскорѣ былъ освобожденъ по внесеніи залога, другіе остались въ предварительномъ заключеніи. Консервативные круги въ Англіи были въ восторгѣ: «pour la canaille il faut la mitraille», сказалъ старый герцогъ Веллингтонъ, узнавши о крутыхъ мѣрахъ Пиля (и повторяя фразу, нѣкогда сказанную въ Лиссабонѣ по поводу одного народнаго возмущенія).

Судъ начался 15 января 1844 г. и продолжался двадцать пять дней. Несмотря на фантастическій обвинительный актъ, почти полное отсутствіе уликъ,—все же искусственный подборъ присяжныхъ засѣдателей сдѣлалъ свое дѣло: всѣ подсудимые, кромѣ О'Коннеля, были обвинены и приговорены къ десяти мѣсяцамъ тюрьмы. О'Коннель былъ присужденъ къ тюрьмѣ на одинъ годъ и штрафу въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ (почти 20.000

рублей). Впрочемъ, обвиненные не высидѣли всего срока: въ срединѣ сентября (1844 г.) приговоръ былъ отмѣненъ высшей инстанціей.

Разрывъ О'Коннеля и «Молодой Ирландіи».

Съ 1845 г. тренія между О'Коннелемъ и «Молодою Ирландіею» все усиливались. О'Коннель сталъ выражать сочувствіе планамъ федераціи, при которой будущій ирландскій парламентъ былъ бы лишь органомъ, прямо подчиненнымъ парламенту англійскому. «Молодая Ирландія» рѣшительно стояла за полное и безусловное распространеніе уніи. Робертъ Пиль нѣкоторыми мелкими уступками способствовалъ умиротворенію католическаго духовенства и части буржуазіи Ирландіи: онъ провелъ законъ о ежегодной субсидіи католической семинаріи въ Мейкотѣ, открылъ юридическій, медицинскій и камеральный факультеты въ Коркѣ, Голуэѣ и Бельфастѣ. Это также способствовало съ одной стороны усиленію партіи О'Коннеля, а съ другой стороны обостренію непріязни между нимъ и вождями «Молодой Ирландіи»— Деффи, Девисомъ и другими, которые противились введенію католическаго конфессіональнаго элемента въ ирландскихъ университетахъ. Окончательный разрывъ произошелъ во второй половинѣ 40-хъ гг., уже предъ самою смертью О'Коннеля, въ эпоху великаго картофельнаго неурожая.

III.

Экономическій кризисъ.

Экономическое положеніе Ирландіи было еще до этого неурожая отчаяннымъ. Съ 1839 по 1846 годъ сто пятьдесятъ тысячъ фермеровъ было изгнано съ арендуемыхъ ими участковъ, либо за неплатежъ, либо потому, что лендлорду выгоднѣе оказалось расширить пастбищныя угодья. Счастливцы, которыхъ не выгоняли до поры, до времени, жили въ совершенной нищетѣ. По переписи 1841 года 46% всего сельскаго населенія жило такъ, что вся семья помѣщалась въ одной комнатѣ. Эти жилища представляли собою нѣчто неописуемое: удушающій смрадъ, грязь, тѣснота, — все это поражало даже тогдашнихъ наблюдателей, привыкшихъ ко многимъ видамъ на фабрикахъ и въ каменноугольныхъ районахъ Англіи. Назначенная парламентомъ комиссія лорда Девона, изслѣдовавшая въ 1843 — 1845 г. положеніе Ирландіи, заявила въ своемъ отчетѣ, что на нее произвело сильное впечатлѣніе то «страдальческое терпѣніе, съ которымъ ирландскіе рабочіе классы переносятъ страданія большія, нежели тѣ,

которыя выноситъ народъ въ любой другой странѣ Европы». Съ конца лѣта 1845 г. стали приходить неблагопріятныя извѣстія, касавшіяся «урожая картофеля». Дѣйствительность превзошла наихудшія опасенія. Неурожай въ 1845 г. былъ частичный, въ 1846 г. полный, во всѣхъ ирландскихъ графствахъ. Такого голода не было въ Ирландіи еще никогда, за всю ея исторію. Умирали арендаторы на своихъ участкахъ, умирали земледѣльческіе рабочіе, которые въ обыкновенное время рады были даже четыремъ пенсамъ въ день (около 16 коп.), и которыхъ изъ-за неуро-
ужасныхъ деталяхъ голода, приведемъ нѣкоторыя цифры. Въ
жая никуда не брали на работу. Не будемъ останавливаться на 1846 году, къ началу «великаго голода» въ Ирландіи жило 8.288.000 человѣкъ, цифра рожденій за періодъ времени 1847—1851 гг. была за всѣ эти годы вмѣстѣ взятые равна (въ общемъ) 1.421.000 человѣкъ; цифра ежегодной смертности, такъ называемой «нормальной», непосредственно предъ великимъ голодомъ, была равна 151.000 чел., слѣдовательно, за пять лѣтъ должна была бы равняться 755.000 чел., такъ что перевѣсъ рожденій выразился бы за пять лѣтъ въ цифрѣ 666.000. На самомъ же дѣлѣ населеніе съ 1846—51 г. не только не увеличилось, но уменьшилось въ невѣроятной степени: отъ голода умерло (по офиціальнымъ *англійскимъ* свѣдѣніямъ) 1.104.000 чел., въ Англію эмигрировало 314.000 чел., въ другія страны 984.000 чел.; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, въ Ирландіи въ 1851 г. населеніе было равно не 8.954.000 чел., какъ оно было бы въ нормальное время, — а 6.552.000 чел. За одинъ голодный годъ въ Ирландіи произошло 5638 аграрныхъ преступленій, — изъ нихъ 139 убійствъ, 478 поджоговъ и т. п. «Молодая Ирландія усилила революціонный тонъ своей пропаганды и открыто, рѣзко порвала съ О'Коннелемъ. Старику оставалось жить недолго. Въ послѣдній разъ онъ былъ въ парламентѣ 8 февраля 1847 г. Невнятнымъ, прерывающимся шопотомъ больной старикъ просилъ всемогущее собраніе сжалиться надъ Ирландіей. Врачи услали его на югъ. По дорогѣ, въ Генуѣ, онъ скончался 15 мая 1847 г. Эта долгая жизнь оборвалась въ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ ирландской исторіи.

Страшныя бѣдствія, вызванныя великимъ голодомъ 1846 г., не прекращались и въ 1847 г. Вымираніе шло усиленнымъ темпомъ, число аграрныхъ преступленій все возрастало. Не слѣдуетъ удивляться, что налетѣвшая на Европу февральская и мартовская

гроза 1848 года нашла въ Ирландіи благороднѣйшую почву. Дѣятелемъ «Молодой Ирландіи», по выраженію одного изъ нихъ, «новая (французская) республика представлялась золотымъ вѣкомъ человѣческой свободы и прогресса». Въ журналѣ «Нація» печатались боевые призывы: «удобный для Ирландіи случай пришелъ, благодареніе Богу и Франціи... Если нужно, мы должны умереть скорѣе, нежели пропустить этотъ провиденціальный часъ, не давъ ему освободить насъ». Шансы удачи возстанія были совсѣмъ ничтожны, не было организацій и подготовки, не было оружія, былъ измученный голодомъ вымиравшій народъ. Но все же, главный аргументъ противъ возстанія — безполезное пролитіе крови — стушевывался въ глазахъ дѣятелей «Молодой Ирландіи» еженедѣльными бюллетенями смертности, похожими на отчеты о кровопролитныхъ сраженіяхъ. «Хуже не будетъ!» таковъ былъ лозунгъ революціонной попытки 1848 г. въ Ирландіи. Во главѣ возстанія стали О'Брайенъ, Митчель, Мигиръ. 15 марта 1848 г. въ Дублинѣ состоялся огромный митингъ, на которомъ О'Брайенъ заявилъ, что молодымъ людямъ немедленно же необходимо приняться за изученіе военнаго дѣла. Мигиръ тогда же воскликнулъ: «Если мы добьемся успѣха — о! подумайте о радости, о восторгѣ, о славѣ этой старой ирландской націи... Если мы потерпимъ неудачу, странѣ не будетъ хуже, нежели теперь. Голодъ безпощаднѣе, чѣмъ штыкъ солдата». Подобный же митингъ повторился спустя четыре дня. Адресы французской республикѣ летѣли одинъ за другимъ. Во всѣхъ городахъ Ирландіи спѣшно организовывались клубы. Митчель былъ за мятежные призывы преданъ суду и приговоренъ къ каторгѣ, Мигиръ, Мартинъ, Дэффи уже къ началу іюля арестованы, 24 іюля послѣдовала пріостановка Habeas Corpus act'a. Оставшіеся на свободѣ дѣятели О'Брайенъ, Диллонъ, Деффи рѣшили начать дѣйствовать.

Возстаніе 1848.

Рѣшено было начать съ Кильженни. Когда О'Брайенъ съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ товарищей выѣхали въ Кильженни, большая толпа провожала ихъ привѣтственными криками и пѣснями. Въ Кэррикѣ почти все населеніе предложило имъ укрѣпиться. Пока все это происходило, изъ сосѣднихъ городовъ уже шли войска — въ общемъ 1200 чел. съ четырьмя пушками. О'Брайенъ съ своимъ отрядомъ вошелъ въ Килленоль, — и здѣсь, дѣйствительно, расположился лагеремъ. Столкновеніе съ англійскими войсками произошло въ Баллингэри. Сначала англійскій отрядъ бѣжалъ и спрятался въ большой усадьбѣ по дорогѣ; недисциплини-

рованные солдаты-инсургенты вопреки планамъ и увѣщаніямъ О'Брайена съ крикомъ бросились къ усадьбѣ. Оттуда грянулъ залпъ, произошла вылазка — и инсургенты разбѣжались, оставя много убитыхъ и раненыхъ. Вся отчаянная храбрость О'Брайена и его товарищей, изумившая даже англичанъ, была вполнѣ безплодна при окружавшихъ условіяхъ. О'Брайенъ и его товарищи по дѣлу убѣдились, что тѣ самые люди, которые съ рискомъ быть немедленно убитыми или впослѣдствіи повѣшенными, совершали по всей странѣ безчисленныя аграрныя нападенія, тутъ не хотѣли сражаться, смотрѣли угрюмо, слушали увѣщанія разсѣянно. И съ отчаяніемъ «Молодая Ирландія» говорила, что голодныхъ людей нельзя вести въ битву, что безъ запасовъ, безъ провіанта, безъ обоза — ничего нельзя сдѣлать. Отрядъ инсургентовъ подъ проливнымъ дождемъ разсѣялся. Въ ближайшіе дни О'Брайенъ, Мигиръ и другіе предводители были схвачены и преданы суду.

«Они скверные подданные, а какъ бунтовщики еще хуже», сострилъ тогда одинъ англичанинъ. Многіе не могли простить О'Брайену его внезапной попытки. Они были того мнѣнія, что въ мартѣ 1848 г. возстаніе удалось бы или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы больше шансовъ на успѣхъ, потому что подъ вліяніемъ европейскихъ событій, оживленія чартизма въ Англіи, революціонеры имѣли подъ собою серьезную почву, даже безъ особой, чисто военной подготовки. Если бы, пропустивъ этотъ моментъ, они отложили возстаніе на осень, зрѣло подготовились бы, подождали бы денежной помощи (10.000 фунтовъ ст.), присланной изъ Америки уже *послѣ* сраженія при Баллингери,—тоже, можетъ-быть, были бы нѣкоторые шансы. Но затѣвать дѣло среди лѣта, въ разгарѣ полевыхъ работъ, когда одушевленія уже не было, а подготовки *еще* не было, значило итти на вѣрную гибель. Указывали и на коренную ошибку О'Брайена—на нежеланіе воодушевить крестьянъ яснымъ обѣщаніемъ перемѣнъ въ аграрномъ строѣ, на равнодушіе крестьянства къ чисто-политическимъ вопросамъ. **Пораженіе.**

Начались процессы и осужденія. О'Брайенъ и другіе наиболѣе скомпрометированные были обвинены и приговорены къ смертной казни, при чемъ присяжные постановили ходатайствовать о смягченіи участи осужденныхъ. Приговоръ былъ смягченъ королевою, и осужденные были отправлены въ каторжныя работы, въ Австралію.

Мрачный повсюду въ Европѣ конецъ 1848 года былъ тяжелъ и въ Ирландіи. «Что касается служенія Ирландіи, какова она

есть, то я отъ этого служенія отказываюсь. Гробовая крышка захлопнулась надъ послѣднею надеждою нынѣшняго поколѣнія», писалъ Чарльзу Деффи одинъ изъ членовъ партіи «Молодой Ирландіи», когда все уже было покончено.

Одни плыли въ Австралію, закованные въ ручные и ножные кандалы, другіе сидѣли въ тюрьмахъ, третьи находили и для себя мѣсто на эмигрантскихъ пароходахъ, увозившихъ въ Америку цѣлыми десятками тысячъ ирландскихъ крестьянъ. Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ органовъ англійской прессы (Edinburgh Review) не могъ воздержаться отъ изъявленія восторга предъ дѣятельностью вице-короля, лорда Кларендона: «Не агитація сокрушила правительство, а само правительство при аплодисментахъ всей имперіи сокрушило агитацію».

Впечатлѣніе легкости и полноты побѣды было чревато послѣдствіями, ибо соединялось съ почти презрительнымъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ. Это чувство держалось довольно долго; не даромъ же такой знатокъ Англіи, какъ Монтескье, сказалъ въ свое время объ англичанахъ, что они не любятъ отрѣшаться отъ чувства презрѣнія. Поэтому и пробужденіе Ирландіи въ шестидесятыхъ годахъ оказалось для Англіи такимъ болѣзненнымъ. Но въ эпоху разгрома 1848 г. еще никто не представлялъ себѣ, какую новую форму борьбы выберетъ то поколѣніе, которое въ годы голода и возстанія только выходило изъ дѣтскаго возраста.

IV.

Феніи.

Крушеніе революціонныхъ попытокъ 1848 года въ связи съ все усиливающейся эмиграціей и все растущей смертностью создало въ Ирландіи пятидесятыхъ годовъ глубокую общественную реакцію. Дэффи уѣхалъ навсегда изъ Ирландіи, другіе дѣятели движенія разсѣялись и исчезли. Глухая перемежающаяся изрѣдка крупными аграрными преступленіями борьба арендаторовъ противъ лендлордовъ шла, правда, и въ эту мертвенную эпоху общественной усталости и реакціи, — но только къ концу 50-хъ годовъ Ирландія была разбужена феніанскимъ движеніемъ, которому суждено было вписать не одну кровавую страницу въ исторію англо-ирландскихъ отношеній.

Можетъ считаться вполнѣ установленнымъ, что феніанство тѣсно примыкаетъ исторически къ движенію «Молодой Ирландіи».

Журналъ «Нація» жадно читался подраставшимъ поколѣніемъ, агитація Митчеля, броженіе 1848 года,—все это произвело сильное впечатлѣніе на умы тѣхъ, кто по молодости лѣтъ еще не могъ принять дѣятельнаго участія въ событіяхъ. Конецъ броженія 1848 г. и расправа съ его виновниками довершили въ умахъ подраставшаго поколѣнія то глубокое недовѣріе къ «конституціонализму», т.-е. къ возможности легальной продуктивной дѣятельности на пользу родины, которое стало для феніанства столь характерной чертой. Главные дѣятели первой поры феніанства О'Лири, О'Мэгони, Стивенсъ даже приняли нѣкоторое непосредственное участіе въ революціонной вспышкѣ 1848 года и связывали впослѣдствіи «Молодую Ирландію» съ первымъ своимъ боевымъ крещеніемъ. Характерною чертою ихъ психологіи было сравнительное равнодушіе къ аграрному вопросу: они питали глубокую увѣренность, что до *полнаго національнаго освобожденія отъ Англіи* аграрный вопросъ *никогда* не разрѣшится. Въ этомъ равнодушіи къ экономической сторонѣ ирландскаго вопроса и коренилась причина слабости всего движенія. Политическая партія, равнодушно относящаяся къ аграрному вопросу и вмѣстѣ съ тѣмъ желающая дѣйствовать въ нищей и почти исключительно земледѣльческой странѣ, фатально осуждена на конечную неудачу.

Первое ядро новой организаціи было основано Джемсомъ Стивенсомъ, Джономъ Диллономъ и Джономъ О'Лири въ 1858 году. Ирландская эмиграція, проживавшая въ Соединенныхъ Штатахъ, финансировала по мѣрѣ силъ новое предпріятіе; но только съ 1861 г. можно считать совершившимся фактомъ сформированіе феніанскаго «братства». («Финами», «фенами», «фіанами» назывались въ древности дружины, служившія ирландскимъ королямъ; одинъ изъ членовъ новой организаціи, О'Мегони, интересовавшійся древнею исторіею ирландскихъ кельтовъ, и сталъ называть своихъ товарищей по дѣлу этимъ старымъ словомъ; кличка привилась.) Начались дѣятельные разъѣзды Стивенса, Росса, Льюби и др. съ цѣлью устройства «кружковъ» — ячеекъ будущаго возстанія. Этимъ кружкамъ старались придать военную организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюсти конспиративныя требованія. Получалась строгая іерархическая лѣстница, при чемъ каждый подчиненный зналъ только своего непосредственнаго начальника; подчиненные обязывались безотлагательно повиноваться приказу начальника. Городское рабочее населеніе, ремесленники, мелкая и средняя буржуазія, — вотъ тѣ слои, изъ которыхъ пополнялись, глав-

нымъ образомъ, кадры возникавшаго общества. Хроническій застой въ промышленности и торговлѣ, общій упадокъ всѣхъ производительныхъ силъ страны, полнѣйшее экономическое рабство, въ которомъ томилась Ирландія подъ гнетомъ монополіи,—все это создавало фундаментъ подъ фeніанской теоріей, и въ глазахъ многихъ придавало политическому сепаратизму характеръ незамѣнимой панацеи отъ всѣхъ золъ. Вотъ что, несмотря на ахиллесову пяту феніанства — отсутствіе ясной аграрной программы, давало ему нѣкоторое время жизненную силу.

Революціонный способъ дѣйствій феніи съ самаго начала признали единственнымъ, допускаемымъ какъ нравственностью, такъ и здравымъ смысломъ. Первымъ событіемъ, нарушившимъ многолѣтнюю тишину и оцѣпенѣлость ирландской національной жизни, была грандіозная демонстрація 10 ноября 1861 г., на которой феніи впервые испробывали свои силы: поводомъ къ ней послужили похороны останковъ эмигранта Макъ-Мэнеса, бѣжавшаго изъ каторжныхъ работъ и скончавшагося въ Америкѣ. Тѣло его было перевезено въ Дублинъ, и на похоронахъ присутствовала пятидесятитысячная толпа. Организаторами и главными ораторами въ этотъ день были феніи. — Дальнѣйшая агитація и вербовка членовъ общества шли весьма энергично въ первую половину шестидесятыхъ годовъ. 28 ноября 1863 г. появился и первый номеръ газеты «Irish people», главнымъ редакторомъ которой сдѣлался Льюби. Пропаганда феніанства, въ эти годы стремившагося къ подготовкѣ вооруженнаго возстанія, велась въ газетѣ самымъ усиленнымъ образомъ. Органъ феніевъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. *Открыто* онъ пропагандировалъ основную идею феніевъ, отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи; *тайно* — помѣщеніе его редакціи было однимъ изъ пунктовъ, гдѣ феніанскіе руководители встрѣчались и совѣщались. Полиція давно уже выслѣживала феніанскую пропаганду, «Times» и другія вліятельныя газеты давно уже обращали вниманіе правительства на новую партію, не маскирующую своихъ революціонныхъ цѣлей. 16 сентября 1865 г. вышелъ номеръ «Irish people», которому суждено было стать послѣднимъ. Тамъ, между прочимъ, были такія, напр., фразы: «наша единственная надежда на революцію». Но едва ли именно его содержаніе послужило послѣднею каплею, переполнившею чашу полицейскаго терпѣнія. Разгромъ редакціи все равно былъ неминуемъ. Въ помѣщеніи редакціи былъ произведенъ обыскъ, сопровождавшійся арестами. Около двѣнадцати человѣкъ попало въ

руки полиціи сразу, за ними — другіе. Стивенсу удалось бѣжать изъ тюрьмы, — остальные пошли подъ судъ.

Преслѣдованіе феніевъ.

27 ноября 1865 г. подъ усиленною охраною войскъ и полиціи въ Дублинѣ начался процессъ феніевъ, обвинявшихся въ составленіи заговора съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи путемъ вооруженнаго возстанія. Этотъ процессъ ожидался въ Англіи съ большимъ нетерпѣніемъ и интересомъ, ибо англійское общество склонно было смотрѣть съ тревогою на эту «моральную эпидемію», какъ нѣкоторые англійскіе органы называли феніанство. Судоговореніе убѣдило всѣхъ, что «феніанскій заговоръ» довольно широко распространенъ какъ въ Ирландіи, такъ и въ Америкѣ. Процессъ Льюби, кончившійся присужденіемъ его къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, и рядъ другихъ процессовъ привели англійское правительство къ нѣсколькимъ заключеніямъ: вопервыхъ, что цѣль феніевъ исключительно политическая — образованіе самостоятельной ирландской республики; во-вторыхъ, что ряды ихъ пополняются, главнымъ образомъ, изъ средняго городского населенія; въ-третьихъ, что феніанство отличается отъ предшествовавшихъ движеній своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ католическому духовенству; въ-четвертыхъ, что планы феніевъ не представляютъ слишкомъ грозной опасности въ виду равнодушія къ ихъ дѣлу многочисленнѣйшаго слоя — крестьянъ арендаторовъ. Профессіональные шпіоны и случайные предатели давали уличающія показанія; присяжные неуклонно выносили обвинительные вердикты, а судьи столь же неуклонно постановляли приговоры къ многолѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Въ тюрьмахъ съ феніями обращались въ высшей степени жестоко, въ чемъ ирландскіе депутаты неоднократно (но совершенно безрезультатно) упрекали правительство съ парламентской трибуны. Вообще, ирландскіе депутаты, осуждая цѣль и средства феніевъ, указывали правительству на необходимость провести хоть умѣренныя реформы: уничтожить государственный характеръ англиканской церкви въ Ирландіи (т.-е. довершить реформу 1838 г.), а затѣмъ озаботиться ограниченіемъ лендлордовъ въ правѣ изгонять фермеровъ съ ихъ участковъ. Все это было оставлено безъ уваженія. Зато 16 февраля 1866 г. лордъ Россель заявилъ, что правительству необходимы еще полномочія для болѣе успѣшной борьбы противъ феніанской агитаціи, и въ одинъ день (17 февраля 1866 г.) билль о пріостановкѣ дѣйствія Habeas corpus act'а въ Ирландіи прошелъ чрезъ обѣ палаты, 18 февраля былъ подписанъ королевою, а съ

19-го вице-король на законномъ основаніи сталь хватать всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Ставшее (съ 2 августа 1866 г.) у власти министерство лорда Дерби дѣятельно продолжало борьбу противъ феніевъ. Новые полки были посланы въ Ирландію, берега охранялись дозоромъ, такъ какъ опасались высадки феніанскихъ отрядовъ изъ Америки. Въ феніанскихъ кругахъ росло ожесточеніе по мѣрѣ усиленія репрессій.

Въ сентябрѣ 1867 г. манчестерская полиція задержала на улицѣ двухъ выдающихся членовъ феніанской организаціи Келли и Дизи. При арестѣ они пытались выхватить револьверы, но это имъ не удалось. 18 сентября Келли и Дизи, послѣ вторичнаго допроса судьею, были закованы въ кандалы и въ тюремной каретѣ отправлены въ тюрьму. Но по дорогѣ на карету напало 10—12 вооруженныхъ человѣкъ, отчасти переранили, отчасти обратили въ бѣгство конвой, освободили двухъ арестантовъ и, отстрѣливаясь, скрылись. Тотчасъ же пошли аресты, и уже на другой день въ рукахъ полиціи оказалось 23 арестованныхъ, въ томъ числѣ и вновь захваченные Келли и Дизи.

Это отчаянно-смѣлое нападеніе произвело очень сильное впечатлѣніе и въ Ирландіи, и въ Англіи. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, лишь пять человѣкъ было предано суду по обвиненію въ убійствѣ (одного изъ конвойныхъ). Всѣ пятеро были приговорены къ смертной казни. Въ своей послѣдней рѣчи къ суду одинъ изъ обвиненныхъ Элленъ сказалъ: «Милорды и джентльмены, я умру гордо и, торжествуя, для защиты республиканскихъ принциповъ и свободы угнетеннаго и порабощеннаго народа... Я не боюсь наказанія, къ которому присужденъ. Я горжусь своею страною и своимъ мѣстомъ». Приговоръ для двухъ осужденныхъ былъ смягченъ, а Элленъ, Гульдъ и Ларкинъ были повѣшены 23 ноября (1867 г.) въ Манчестерѣ, въ присутствіи колоссальной толпы. Феніанскіе круги были страшно возбуждены этою казнью. Въ Коркѣ, Дублинѣ и другихъ мѣстахъ произошли уличныя демонстраціи и шествія въ честь казненныхъ. Въ Манчестерѣ процессія (около 3000 чел.) прошла по улицамъ съ пѣніемъ похороннаго марша; полиція не вмѣшивалась. Въ Коркѣ въ демонстраціи приняло участіе отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ. Самая грандіозная манифестація въ память казненныхъ состоялась въ Дублинѣ. Этимъ дѣло не ограничилось. 13 декабря въ началѣ четвертаго часа пополудни въ окрестностяхъ Клеркенуэльской тюрьмы раздался страшный взрывъ, отъ котораго вылетѣли стекла въ сосѣднихъ домахъ. Обширная

часть внѣшней стѣны тюрьмы взлетѣла на воздухъ. Отъ послѣдствій взрыва умерло четверо, около сорока человѣкъ получили тяжкія и болѣе легкія иораненія. Взрывъ былъ произведенъ феніями съ цѣлью освободить двухъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ товарищей. Виновныхъ найти не удалось; лишь одинъ изъ арестованныхъ Борретъ (противъ котораго были ничтожныя улики) былъ приговоренъ къ повѣшенію. Вскорѣ послѣ этого событія — новое потрясло англійскія власти: близъ Куинстоуна (въ Ирландіи) феніи напали ночью на одну береговую башню, гдѣ и захватили оружіе и боевые припасы, а затѣмъ скрылись. Все это вносило серьезное безпокойство въ умы правящихъ круговъ. Вотъ, напр., что сказалъ въ началѣ сессіи 1868 г. лордъ Стэнли: «есть нѣчто такое, что въ настоящее время, какъ я предполагаю, на умѣ у каждаго человѣка, принимающаго участіе въ государственныхъ дѣлахъ: я имѣю въ виду тяжкое, опасное и, по крайней мѣрѣ, судя по всей видимости, дискредитирующее насъ положеніе вещей, которое, къ несчастью, не перестаетъ существовать въ Ирландіи». И лордъ Дерби, и смѣнившій его (26 февраля 1868 г.) во главѣ того же консервативнаго кабинета Дизраэли одинаково не хотѣли отступить отъ мѣръ суровѣйшей репрессіи. Но 1868 годъ былъ, все равно, уже концомъ консервативнаго правленія; вождь либеральной оппозиціи, Гладстонъ, быстро шелъ къ власти, а у него уже была программа дѣйствій, нужныхъ, какъ онъ думалъ, для органическаго, внутренняго ослабленія феніанства, для лишенія феніанства сочувствія среднихъ круговъ въ настоящемъ и обще-народнаго сочувствія въ будущемъ. «Мы рѣдко имѣли реформы безъ предшествовавшаго взрыва», съ горечью сказалъ Макъ-Карти, такъ глубоко изучившій природу англо-ирландскихъ отношеній. То, что не хотѣли сдѣлать консерваторы, сдѣлалъ Гладстонъ, когда сталъ у власти.

V.

Гладстонъ

Гладстонъ рѣшилъ пойти на двѣ уступки, провести двѣ мѣры, которыя, собственно, вовсе не стояли у феніевъ въ программѣ требованій, но, не имѣя именно вслѣдствіе этого обстоятельства оскорбительнаго для правительства характера вынужденныхъ уступокъ, могли вмѣстѣ съ тѣмъ на самомъ дѣлѣ способствовать общему пониженію революціоннаго духа въ странѣ. Одна изъ этихъ мѣръ касалась отдѣленія англиканской церкви отъ госу-

дарства въ Ирландіи, а другая явилась нѣкоторою попыткою затруднить проявленія лендлордскаго произвола.

Первая мѣра съ давнихъ поръ диктовалась какъ логикою жизни, такъ и ясно выраженными желаніями ирландскихъ депутатовъ. Дѣло въ томъ, что, по удачному выраженію Макъ-Карти, англиканская церковь въ Ирландіи, благодаря своему характеру церкви государственной, господствующей, была для ирландцевъ всегда своего рода шляпою Гесслера, символомъ угнетенія. Но и кромѣ того, англиканская церковь въ Ирландіи владѣла огромными имуществами, ея служители пользовались огромными доходами. Кардиналъ Маннингъ справедливо писалъ Гладстону: «Это (т.-е. государственный характеръ англиканства въ Ирландіи) усложняетъ горечью каждый другой вопросъ. Даже земельному вопросу это придаетъ характеръ особаго озлобленія. Фатальное преобладаніе одной расы надъ другою отягчается преобладаніемъ одной религіи надъ другой». Правда, со времени уничтоженія сбора десятины съ католическаго населенія въ пользу англиканской церкви исчезло то особое революціонное теченіе, которое этимъ сборомъ возбуждалось, но все-таки Маннингъ глубоко проникъ въ самую сущность вопроса. Нужно было довершить начатое дѣло, уничтожить эту раздражающую ирландцевъ историческую аномалію. Гладстонъ началъ компанію въ пользу уничтоженія государственной церкви въ Ирландіи еще до выборовъ 1868 г., — и на этомъ-то вопросѣ и погибъ кабинетъ Дизраэли, такъ какъ главною платформою либераловъ на осеннихъ выборахъ 1868 г. былъ именно этотъ вопросъ. Либералы побѣдили, и 1 декабря 1868 г. королева поручила Гладстону образовать кабинетъ. «Моя миссія успокоить Ирландію», сказалъ онъ, узнавши, что генералъ Грей ѣдетъ къ нему съ письмомъ отъ Викторіи. 1 марта 1869 г. предложеніе Гладстона было внесено въ палату общинъ. Оно заключалось въ томъ, что англиканская церковь въ Ирландіи объявлялась совершенно отдѣленною отъ правительства Соединеннаго королевства. Изъ 16 милліоновъ фунтовъ стерл., принадлежавшихъ этой церкви, около половины (отъ 8 до 9 милліоновъ) предназначалось на удовлетвореніе и вознагражденіе лицъ и учрежденій, матеріальные интересы которыхъ затрогивались этою реформою, а остальная сумма отходила въ видѣ фонда на нужды благотворительности. 24 марта билль прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 368 голосовъ противъ 250. Страшное возбужденіе и негодованіе доносились до Гладстона со стороны духовныхъ лицъ епископальной

церкви въ Ирландіи. Многіе изъ нихъ называли министерство «кабинетомъ разбойниковъ», намекали на необходимость сопротивляться вооруженною рукою. Ничего не помогло. Прошедшій чрезъ третье чтеніе билль провалился, правда, въ палатѣ лордовъ, но и лорды въ концѣ-концовъ должны были сдаться, — и 26 іюля 1869 г. актъ объ уничтоженіи государственнаго характера епископальной церкви въ Ирландіи былъ подписанъ королевою. Впечатлѣніе въ Ирландіи было самое отрадное. Но эта реформа была лишь первымъ шагомъ; вторымъ должна была стать попытка облегчить матеріальное положеніе многочисленнѣйшаго слоя ирландской націи: крестьянъ арендаторовъ.

Выступая на дорогу аграрнаго законодательства, Гладстонъ, стремясь къ умиротворенію Ирландіи, былъ собственно, піонеромъ, такъ какъ никогда англійскіе правители не проводили и даже не составляли законовъ, которые бы имѣли прямою своею задачею арендаторскіе, а не лендлордскіе интересы. Почти тотчасъ же по окончаніи сессіи Гладстонъ принялся за подготовку билля объ ирландскихъ земельныхъ отношеніяхъ. За предшествовавшее десятилѣтіе (1861 — 1870 гг.) сорокъ семь тысячъ семействъ арендаторовъ было выгнано вонъ лендлордами подъ разными предлогами и за разныя провинности (главная — неплатежъ или неаккуратный платежъ арендной платы). «Предъ нами великій кризисъ», заявлялъ по этому поводу Гладстонъ. Премьеръ прямо говорилъ, что феніанизмъ многому его научилъ. «Состояніе Ирландіи, — писалъ онъ въ началѣ 1870 г. королевѣ, — есть опасность настолько абсолютно превосходящая всякую иную, что я ее называю единственною реальною опасностью, угрожающею благородной имперіи королевы». Особенной оппозиціи на этотъ разъ Гладстонъ не нашелъ ни въ прессѣ, ни въ парламентѣ. Впрочемъ, и реформа особымъ радикализмомъ вовсе не отличалась. Сущность билля сводилась къ тому, что лендлордъ обязывался въ случаѣ изгнанія арендатора вознаградить изгоняемаго за всѣ улучшенія, что были сдѣланы арендаторомъ на фермѣ; для осуществленія этого права арендаторъ подаетъ заявленіе въ судъ, который и опредѣляетъ, долженъ ли лендлордъ выдать вознагражденіе въ данномъ случаѣ, и если долженъ, то въ какомъ размѣрѣ. Въ случаѣ, если лендлордъ изгоняетъ арендатора, исправно платящаго и ничѣмъ не нарушившаго контракта, то обязанъ, кромѣ платы за улучшенія, заплатить арендатору еще извѣстную сумму, по расцѣнкѣ, опре-

Аграрный законъ Гладстона

дѣляемой статьями билля. Кромѣ того, билль предусматривалъ обязательную помощь со стороны казны тѣмъ арендаторамъ, которые захотѣли бы выкупить землю въ собственность: казна выдавала до $^2/_3$ стоимости участка, при чемъ эта сумма съ процентами выплачивалась затѣмъ арендаторомъ (т.-е. новымъ собственникомъ). Этотъ билль прошелъ безъ затрудненій чрезъ обѣ палаты, и 1 августа 1870 г. былъ подписанъ Викторіей.

Феніанское движеніе послѣ судорожныхъ проявленій конца шестидесятыхъ годовъ въ теченіе всего слѣдующаго періода (т.-е. съ начала 70-хъ гг. до начала 80-хъ гг.) какъ бы утихло. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы положеніе Ирландіи особенно улучшилось. Земельный актъ 1870 года самъ по себѣ не обезпечивалъ арендатора отъ ненормально высокой арендной платы, которую лендлордъ всегда имѣлъ возможность установить, хотя бы только затѣмъ, чтобы выжить арендатора на «законномъ» основаніи. Что же касается до обязательнаго при *всякихъ* обстоятельствахъ вознагражденія изгоняемаго арендатора за произведенныя имъ улучшенія на его участкѣ, то нужно было еще доказать предъ судомъ, что эти улучшенія сдѣланы именно арендаторомъ, а не самимъ лендлордомъ; доказывать же это при полной юридической безпомощности крестьянъ являлось крайне затруднительнымъ. Когда же въ 1874 г. палъ Гладстонъ и консерваторы стали у власти, тогда и высшая, и низшая администрація, почти сплошь враждебная гладстоновскому акту, дѣлала еще и отъ себя все зависящее, чтобы свести постановленія акта къ нулю. Послѣ 1870 г. Ирландія перестала нѣкоторое время о себѣ особенно тревожно напоминать: и ни Гладстонъ (до 1874 г.), ни консерваторы (съ 1874 г.) ничего рѣшительно уже въ ея пользу за все это десятилѣтіе не сдѣлали. Гладстонъ откровенно заявилъ въ такомъ духѣ уже предъ самой своею смертью, въ 1897 г., О'Брайену, что — нечего грѣха таить — забыли объ Ирландіи въ эти годы. Объ Ирландіи 70-хъ гг. «забыли» потому, что она была относительно спокойна. Нѣсколько сносныхъ урожаевъ, — даже помимо благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго уступками Гладстона, — немало содѣйствовали этому временному успокоенію. И опять повторилась обычная для англо-ирландскихъ отношеній картина: парламентская ирландская партія, во главѣ которой сталъ съ начала 70-хъ гг. адвокатъ Исаакъ Баттъ, настаивала на необходимости дальнѣйшихъ аграрныхъ и политическихъ реформъ, при чемъ однимъ изъ до-

Баттъ.

водовъ былъ тотъ, что Ирландія уже менѣе волнуется. Англійское же правительство именно потому и не обращало вниманія на Исаака Батта и его товарищей, что въ семидесятыхъ годахъ Ирландія не волновалась. Выходило трагическое qui pro quo, такъ какъ изъ одного и того же факта спорящими сторонами дѣлались прямо противоположные выводы.

Чего же домогался Исаакъ Баттъ со своими товарищами? Ихъ требованія сводились къ слѣдующему: въ области аграрныхъ отношеній — обезпечить *фактически* арендатора отъ опасности изгнанія съ участка; во-вторыхъ, размѣры арендной платы опредѣляются судомъ или спеціальными комиссіями по справедливой оцѣнкѣ; въ-третьихъ, арендаторъ долженъ получить право, когда угодно и кому угодно продать свое землепользованіе. Эта программа «трехъ F» (fixity of tenure, fair rent, free sale) неизмѣнно проваливалась всякій разъ, когда Баттъ вносилъ соотвѣтствующіе билли.

Парнель.

Новая эра въ исторіи Ирландіи началась со второй половины 70-хъ гг., когда на смѣну Батту выступилъ въ роли лидера Чарльзъ Парнель, замѣчательный ораторъ, первостепенный организаторъ, человѣкъ непреклонной воли и большого ума. Съ самаго начала своей дѣятельности Парнель преслѣдовалъ цѣль возможно болѣе широкой кооперацiи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ въ борьбѣ противъ общаго врага. Парнель съ помощью небольшой группы депутатовъ, отколовшихся отъ Батта, началъ въ 1877 г. активную борьбу съ парламентомъ, въ формѣ упорнѣйшей обструкціи. Ему удалось въ очень значительной мѣрѣ затормозить сессію, — и его угрозы и впредь обращаться къ той же тактикѣ, какъ къ *единственной*, остающейся въ распоряженіи ирландскихъ представителей, прозвучали весьма внушительно. По происхожденію своему Парнель былъ англичанинъ, по вѣроисповѣданію протестантъ, по соціальному положенію — ирландскій лендлордъ, — но ни одинъ лидеръ со временъ О'Коннеля никогда не пользовался въ Ирландіи такою огромною популярностью, какая выпала на долю Парнеля съ первыхъ же его шаговъ. Разомъ всѣ заговорили о молодомъ дѣятелѣ. Политика холодной вражды къ Англіи, политика причиненія врагу возможно большаго вреда сразу какъ бы заставила очнуться и правительство, и Англію, и Ирландію. Уже въ 1878 г., еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Батта, Парнель сдѣлался офиціально лидеромъ ирландской партіи.

Правда, общество въ Ирландіи только начинало пробуждаться отъ апатіи, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Но неурожаи 1878—1879 гг. опять всколыхнули весь народъ. Въ томъ же 1878 г. Дэвиттъ, всегда скорбѣвшій по поводу отсутствія у погибшихъ феніевъ ясно разработаннаго плана аграрной реформы, началъ агитацію въ народѣ въ пользу коренной аграрной реформы, которая бы привела: 1) къ защитѣ фермеровъ отъ произвольныхъ изгнаній съ арендуемыхъ участковъ, 2) къ выкупу государствомъ у лендлордовъ земли и распродажѣ ея мелкими участками либо отдачѣ ея *отъ государства* въ аренду. Эта аграрная программа Дэвитта была принята Парнелемъ и слилась въ двуединое цѣлое съ требованіемъ *гомруля*, полнаго самоуправленія для Ирландіи. 16 августа 1879 г. въ Кэстльнэрѣ Дэвиттъ открылъ дѣйствія созданной имъ организаціи «земельной лиги въ Мэйо», а въ сентябрѣ Парнель и Дэвиттъ преобразовали эту организацію въ «Національную земельную лигу», которая словомъ и дѣломъ, пропагандою и денежными субсидіями поддерживала фермеровъ и защищала ихъ отъ произвола и притѣсненій лендлордовъ. Въ 1880 году Парнель и Дэвиттъ отправились въ Америку для пропаганды идей гомруля и аграрной реформы и сбора пожертвованій. Поѣздка произвела колоссальное впечатлѣніе среди сотенъ тысячъ ирландцевъ, эмигрировавшихъ въ Америку, и дала огромные денежные сборы. Вернувшись осенью 1880 г. въ Ирландію, Парнель принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ агитаціи земельной лиги. Въ Эннисѣ 19 сентября 1880 г. онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, гдѣ далъ совѣтъ подвергать общественному остракизму всякаго, кто либо выгонитъ фермера съ его участка, либо исполнитъ приказъ объ этомъ, либо арендуетъ очищенный такимъ способомъ участокъ. Этотъ совѣтъ принесъ плоды очень скоро, и по имени первой жертвы подобной общественной опалы (капитана *Бойкотта*), этотъ способъ сталъ называться *бойкотомъ*. Одновременно участились аграрныя преступленія. За осень и зиму 1880 года ихъ было совершено 1.700. Въ началѣ 1881 г. либеральный кабинетъ Гладстона, стоявшій у власти, внесъ билль, имѣвшій цѣлью предоставить вице-королю обширнѣйшія репрессивныя полномочія въ виду угрожающаго положенія дѣлъ. Послѣ упорнѣйшей обструкціи Парнеля и его товарищей, послѣ засѣданія, протянувшагося сорокъ одинъ часъ безъ перерыва, Спикеръ прервалъ дебаты и поставилъ вопросъ на баллотировку.

Гомруль.

Бойкотъ.

Билль прошелъ и (2 марта 1881 г.) вошелъ въ законную силу. Почти одновременно были проведены новыя правила парламентской процедуры, дѣлавшія впредь сколько-нибудь продолжительную обструкцію почти совершенно невозможной. Дэвиттъ былъ арестованъ, земельной лигѣ грозили преслѣдованія.

Но Гладстонъ, прибѣгая къ репрессіямъ, въ то же время искалъ иныхъ способовъ къ умиротворенію Ирландіи. Въ томъ же 1881 г. онъ выработалъ и провелъ законъ, по которому 1) фермеръ получалъ право продать свое землепользованіе до истеченія срока аренды кому захочетъ, если только самъ лендлордъ не согласится расторгнуть арендный договоръ на условіяхъ, предлагаемыхъ фермеромъ или опредѣляемыхъ судомъ; 2) размѣры ренты, которую, не впадая въ нищету и не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ интересовъ лендлорда, *можетъ* въ данной мѣстности платить фермеръ, опредѣляются судомъ; 3) правительству предоставляется скупать, при удобномъ случаѣ, лендлордскія помѣстья и по дешевой цѣнѣ въ разсрочку продавать ихъ участками фермерамъ, а также выдавать ссуды фермерамъ, желающимъ купить свой участокъ, на льготныхъ условіяхъ погашенія этого долга казнѣ.

Этотъ законъ нанесъ сильный ударъ безконтрольной власти лендлордовъ. То, чего долго и тщетно домогался Исаакъ Баттъ, было въ принципѣ дано Ирландіи. Парнель и Дэвиттъ въ глазахъ ирландскаго общества явились дѣйствительными творцами этой реформы. Самъ Гладстонъ спустя двѣнадцать лѣтъ сказалъ: «я долженъ признать, что безъ «земельной лиги» актъ 1881 года не попалъ бы въ сводъ законовъ». Впрочемъ, ни Парнель, ни Дэвиттъ не были удовлетворены вполнѣ гладстоновскимъ закономъ. Да и усиленныя репрессіи, какъ изъ рога изобилія сыпавшіяся какъ разъ въ это время на Ирландію, продолжали раздражать умы. Особенно главный секретарь по дѣламъ Ирландіи Форстеръ и его помощникъ Боркъ пускали въ ходъ самыя крутыя мѣры; они прямо не успѣвали хватать и сажать въ тюрьмы всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ аграрныхъ преступленіяхъ, съ одной стороны, и въ «подстрекательствѣ» къ преступленіямъ, съ другой стороны. Въ октябрѣ 1881 г. послѣ одной рѣзкой рѣчи Парнель былъ арестованъ и засаженъ въ Кильмэнгэмскую тюрьму.

Зима 1881—1882 гг. была голодною зимою въ Ирландіи, и никакія репрессіи не помогали. За десять мѣсяцевъ, предшество-

вавшіе изданію репрессивнаго закона 2 марта 1881 г., въ Ирландіи было совершено 2.379 аграрныхъ преступленій; а за десять мѣсяцевъ, истекшихъ *послѣ* этого закона, — 3.821.

Гладстонъ всегда былъ и въ «гуманныхъ», и въ «анти-гуманныхъ» своихъ поступкахъ прежде всего государственнымъ человѣкомъ и, убѣдившись, что аграрная революція при существующихъ репрессіяхъ не уменьшается, а увеличивается, онъ рѣшилъ повернуть на другой путь. Онъ рѣшилъ войти въ непосредственныя сношенія съ ирландскимъ лидеромъ, сидѣвшимъ, какъ было уже упомянуто, въ тюрьмѣ. 2 мая Парнель, Дэвиттъ и членъ «Земельной лиги» О'Келли были выпущены изъ тюрьмы. Гладстонъ обязывался расширить земельный законъ 1881 г. и распространить его на *всѣ* категоріи арендаторовъ (безъ прежде обусловленныхъ изъятій), а «Земельная лига» зато отказывалась отъ агитаціи, пропагандировавшей неплатежъ ренты. Форстеръ, раздраженный уступками Гладстона, вышелъ въ отставку; Боркъ остался.

Соглашеніе Гладстона съ Парнелемъ было уничтожено почти тотчасъ же,—и при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ эту тяжкую зиму 1880—1881 гг. въ Ирландіи создалась тайная организація, такъ назыв. «Національная непобѣдимая организація», которая давно уже грозила въ своихъ прокламаціяхъ, что отвѣтитъ насиліемъ на насилія и т. д. Они собирались убить Форстера, когда пришла вѣсть объ его отставкѣ. Самое извѣстіе о соглашеніи Парнеля съ Гладстономъ, было ими принято въ высшей степени несочувственно; они смотрѣли на это соглашеніе какъ на «хитрость врага» и, ни съ чѣмъ не считаясь, не учитывая нисколько обстоятельствъ, рѣшились на убійство новаго главнаго секретаря, назначеннаго Гладстономъ именно съ цѣлью уврачевать раны, нанесенныя Форстеромъ, — мягкаго и благороднаго лорда Кавендиша. 6 мая 1882 года лордъ Кавендишъ прибылъ въ Дублинъ. Послѣ торжественной встрѣчи властями онъ вмѣстѣ съ Боркомъ пошелъ пройтись по Фениксъ-Парку. Тутъ на нихъ вдругъ бросилось нѣсколько человѣкъ и, почти мгновенно заколовши обоихъ сановниковъ, скрылись.

Убійство Кавендиша и Борка.

Непосредственныя послѣдствія этого событія были чрезвычайно серьезны. Ни о какихъ соглашеніяхъ теперь не могло быть и рѣчи, ибо въ Англіи царило страшное раздраженіе и въ парламентѣ, и въ обществѣ. Парнель былъ тоже возмущенъ тѣмъ, что кучка, какъ онъ говорилъ, неизвѣстныхъ людей путаетъ всѣ ра-

счеты и дѣлаетъ напрасными всѣ жертвы. Гладстонъ немедленно провелъ билль «о предупрежденіи преступленій въ Ирландіи», согласно которому вице-король получалъ право арестовывать всякаго, кто встрѣтится ночью и не внушитъ при этомъ къ себѣ довѣрія; для такихъ преступленій, какъ государственная измѣна, убійство и покушеніе на убійство, поджогъ, тяжкія пораненія, нападенія на жилища — назначался судъ безъ присяжныхъ; любой органъ печати могъ быть конфискованъ по распоряженію вице-короля и т. п.

Мрачное время наступило для Ирландіи. Аграрныя преступленія и репрессіи непрерывно слѣдовали другъ за другомъ. Въ 1881 году убійствъ лендлордовъ и управителей произошло 13, а въ 1882 г. ровно вдвое 26; всего же аграрныхъ преступленій за 1881 г. было 2338, а за 1882 г. 2635. Въ Англіи настаивали на дальнѣйшемъ усиленіи репрессій. «Англичане весьма озабочены тѣмъ, что застрѣлено нѣсколько лендлордовъ въ Ирландіи, — говорилъ Парнель: — англичане убиваютъ и грабятъ по всему свѣту, а затѣмъ они вопятъ, если кто-либо будетъ убитъ въ Ирландіи, такъ какъ тутъ убійство имъ не нужно». Земельная лига была закрыта, но Парнель основалъ «Національную лигу», стремившуюся прежде всего къ достиженію гомруля, а затѣмъ къ аграрной реформѣ. Новая лига издавала газету, но ея номера конфисковывались, митинги разгонялись. Аресты усиливались, арендаторы, не внесшіе въ срокъ платы, изгонялись при содѣйствіи полиціи и, вообще, земельный законъ 1881 г. на практикѣ очень мало ограждалъ арендаторовъ. Постоянно приходили извѣстія объ убійствахъ лендлордовъ и властей. Убивали и предполагаемыхъ предателей. Нѣкто Джонъ Кенни былъ убитъ по подозрѣнію въ выдачѣ властямъ склада оружія. Осенью 1882 г. была вырѣзана цѣлая семья Джойнсъ за то, что нѣкоторые изъ ея членовъ дали на судѣ неблагопріятныя для арестованныхъ показанія. Четверо лицъ было схвачено и повѣшено по подозрѣнію въ совершеніи этого убійства. Казни учащались. «Гдѣ Форстеръ арестовывалъ, тамъ теперь лордъ Спенсеръ (вице-король) вѣшаетъ», такой выводъ дѣлали въ ирландской прессѣ. Въ одну январскую ночь 1883 г. были произведены повальные обыски, при чемъ сильно разгромленною оказалась организація «непобѣдимыхъ». Между арестованными были Брэди, Корней, Кэри и др. Страхъ помутилъ умъ Кэри, и онъ далъ убійственныя для товарищей показанія, уличавшія ихъ въ участіи въ убійствѣ Борна и Кавендиша. 14 мая Брэди былъ

Казни.

повѣшенъ; 18-го повѣсили Корнея, спустя двѣ недѣли Фагана и Келли, — другіе члены организаціи были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ десяти лѣтъ до пожизненныхъ. Вскорѣ послѣ того въ Уайтголлѣ, въ Лондонѣ произошелъ взрывъ; почти одновременно были обнаружены приготовленія къ взрыву въ Бирмингэмѣ: 29 іюля (1883 г.) былъ убитъ Кэри въ Капшадтѣ, куда онъ уѣхалъ, чтобы спастись отъ мести революціонеровъ. Его убійца былъ привезенъ въ Дублинъ и тамъ повѣшенъ. Казни продолжались и въ 1884 году. Но уже близился моментъ, когда въ политикѣ Гладстона относительно Ирландіи произошелъ коренной переворотъ, начавшій собою новую эру въ исторіи англо-ирландскихъ отношеній.

Е. Тарле.

Экономическое развитіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и гражданская война.

I.

Ликвидація колоніальнаго періода.

Превратившись въ независимое государство, американскія колоніи Англіи не сразу вышли изъ колоніальныхъ условій быта: экономическая отсталость и послѣ революціи держала ихъ фактически на положеніи европейскихъ колоній, международный престижъ ихъ равнялся нулю, а духовная жизнь едва ли не сводилась къ борьбѣ французскаго вліянія съ англоманствомъ. Огромную роль въ процессѣ освобожденія Америки отъ этихъ пережитковъ колоніальнаго періода сыграла для Америки вторая война съ Англіей, начавшаяся въ 1812 г. — вслѣдствіе насилій надъ американскими судами во время англо-французскихъ войнъ и участія англичанъ во враждебныхъ выступленіяхъ противъ американцевъ индѣйскихъ племенъ — и окончившаяся лишь въ

Амбарго 1807—1800 г. и «2-я освободительная война».

ПОСОБІЯ: *Hanning.* A Students' History of the Un. States. 1898 (есть рус. пер.). *N. W. Elson.* History of the N. S. of America 1908. Томъ 3—5. *Rhodes.* History of the United States from the compromis of 1850. (Томъ 1—4). *The Amerikan Nation.* A. History etc. Edited by Albert Bushell *Hart.* In 27 vol. *Babcock.* Rise of American nationalities. Fr. Ch. *Turner.* Rise of the new West. *Hart.* Slavery and abolition. *Smith.* Parties and slavery. *Chadwick.* Causes of the Civil War. *Hosmer.* Appeal to Arms. *Hosmer.* Outcome of the Civil War. *James H. Hopkins.* A History of political parties in the United States. 1901. *The Americana.* A universal Reference-Library, томъ XV *(United Statis).* Въ частности статьи Henry C. *Emery.* Economical Developmenf. *Sargent.* England, the United States and the Southern confeceracy. 1864. *Бабинъ.* Исторія С.-А. С. Штатовъ.

декабрѣ 1814 г. Несмотря на безрезультатность войны въ смыслѣ прямыхъ результатовъ, ея послѣдствія были для Америки такъ велики,—что американцы прозвали ее даже *«второй войной за освобожденіе»*. «Миръ принесъ намъ совершенно новый порядокъ вещей,—писалъ про эту эпоху одинъ изъ ея современниковъ (знаменитый политическій дѣятель Америки Вебстеръ):—онъ открылъ передъ нами новыя перспективы, окружая насъ рядомъ новыхъ задачъ; все вокругъ насъ измѣнилось, измѣнились и сами мы».

Войнѣ предшествовала болѣе, чѣмъ двухлѣтняя, политика *амбарго*, или закрытіе границъ для иностранной торговли (декабрь 1807—май 1810), примѣненное Джефферсономъ и республиканцами[1]) для предупрежденія вооруженнаго столкновенія. Амбарго и война на цѣлыя семь лѣтъ прервала торговыя связи Америки съ Европой. Щедро надѣленная природными богатствами, страна, съ быстро растущимъ внутреннимъ рынкомъ, оказалась въ теченіе этого періода экономически предоставленной самой себѣ, т.-е. почти лишенной притока европейскихъ товаровъ. Въ результатѣ къ концу войны она превратилась въ страну съ развитой фабричной промышленностью, тогда какъ еще въ началѣ XIX столѣтія она въ значительной степени жила въ условіяхъ натуральнаго хозяйства. Теперь вокругъ одного Провиденса (въ Родъ-Айлендѣ) на разстояніи не болѣе 30 миль раскинулось до 140 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ; сосѣдній Коннектикутъ покрывался фабриками шерстяныхъ издѣлій; въ Пенсильваніи и Нью-Йоркѣ возникали металлургическіе заводы.

Вторымъ не менѣе важнымъ послѣдствіемъ войны было замиреніе западной границы. Населеніе легче передвигалось теперь за Аллеганскія горы и прочнѣе осѣдало тамъ; на глазахъ одного поколѣнія здѣсь выросли новыя сотни тысячъ миль населенной земли, появились милліоны новаго населенія: въ 1810 г. зааллеганское населеніе равнялось всего 370 тысячамъ; въ 1815 году оно превышало два милліона. До войны хозяйственные интересы Америки были обращены на востокъ, къ европейскимъ странамъ; теперь открылся новый источникъ энергіи на западѣ; экономическій центръ перемѣстился отъ океана внутрь страны, и національная жизнь получила большую устойчивость.

---

[1]) Ср. «Книга для чтенія», т. III, стр. 140.

Экономическое развитіе штатовъ послѣ 2-й освободительной войны.

Заселеніе Запада оказало огромное вліяніе на экономическое развитіе Союза, содѣйствуя въ то же время выработкѣ глубокихъ экономическихъ и культурныхъ различій между отдѣльными его географическими районами. Въ 20-хъ годахъ Америка «походила, по выраженію одного историка, не столько на національное государство, сколько на имперію; крупныя единицы, входившія въ ея составъ, можно было сравнить съ европейскими націями: такъ мало походили они другъ на друга». Этими единицами были, во-первыхъ, старыя части Союза — Новая Англія, Средніе штаты и атлантическій Югъ — и, во-вторыхъ, новый за-аллеганскій Западъ, въ свою очередь, распавшійся къ концу 20-хъ годовъ на два района — долину Огіо и Великихъ Озеръ и долину нижняго Миссисипи и Мексиканскаго залива. Дальній, за-миссисипскій Западъ представлялъ собой еще пустыню — необъятное море дѣвственныхъ прерій и лѣсовъ, населенное только стадами бизоновъ да рѣдкими племенами бродячихъ индѣйцевъ. Впрочемъ, у самаго Тихаго океана, за Скалистыми горами, встрѣчались уже поселки бѣлыхъ мѣхоторговцевъ, миссіонеровъ и пастуховъ.

Новая Англія изъ всѣхъ частей Союза переживала, быть-можетъ, наиболѣе глубокія перемѣны. До войны 1812 года это была страна мореходства, рыбныхъ промысловъ и крестьянскаго земледѣлія; коммерсанты и владѣльцы судовъ были господствующимъ ея классомъ, а большинство населенія составляли мелкіе сельскіе хозяева. Теперь ея села превращались въ фабричные центры или исчезали передъ крупными фермами овцеводовъ. На мѣсто былыхъ пуританскихъ колоколенъ выростали кирпичныя трубы, на мѣсто пашенъ—пустынныя пастбища. Крестьяне массами продавали землю и шли работать на фабрики или же забирали свой скарбъ и переселялись на Западъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ Новая Англія не могла уже кормиться своимъ хлѣбомъ и закупала его въ сосѣднихъ штатахъ. Измѣнялась страна и морально: пуританство, безраздѣльно царившее доселѣ надъ умами, уступало вліянію болѣе жизнерадостнымъ религіямъ; свѣтская литература распространяла идеи личной независимости и земного счастья, а въ области политики на смѣну партіи федералистовъ выдвигались защитники протекціонизма «національные республиканцы».

На *Югѣ* хозяиномъ страны становился хлопокъ, на нѣсколько десятилѣтій связавшій ея судьбу съ невольнической системой

труда. Было время, когда она перестала быть выгодной для землевладѣльцевъ и готова была исчезнуть: они сами иронически предсказывали въ началѣ XIX столѣтія, что имъ «придется скоро бѣгствомъ спасаться отъ своихъ рабовъ, и тѣ будутъ разыскивать ихъ при помощи газетныхъ объявленій». Это время прошло, и рабовладѣльцы не только не думали уже «бѣжать» отъ рабовъ, а сами стали потомъ ихъ покупать на послѣднія средства. Хлопокъ вернулъ рабству его пошатнувшуюся было силу, давши рабовладѣльческому хозяйству обезпеченный сбытъ и явившись, по условіямъ своего производства и обработки, именно тѣмъ продуктомъ, который позволилъ владѣльцамъ въ полной мѣрѣ и безъ крайней расточительности использовать рабочія силы своихъ рабовъ: онъ занималъ почти круглый годъ и молодыхъ, и стариковъ, и даже дѣтей подростковъ обоего пола. Приморская часть Георгіи и Южной Каролины уже къ началу 20-хъ годовъ превратилась въ настоящее царство хлопка. Но побѣды его не ограничились этимъ: при хищнической системѣ плантаторскаго хозяйства и растущемъ спросѣ на хлопокъ площадь его культуры распространилась быстро и на внутреннія ихъ области, доселѣ занятыя крестьянскими фермами, и въ новые штаты, на дѣвственныя земли нижняго Миссисипи и Мексиканскаго залива. Въ концѣ 20-хъ годовъ эти штаты (Тенесси, Луизіана, Миссисипи и Алабама) по количеству производимаго хлопка перегнали уже и Георгію, и Ю. Каролину: Югъ, какъ цѣлое, превращался въ страну, производящую хлопокъ. Исчезли здѣсь старыя, независимыя отъ внѣшняго міра помѣстья съ собственными пашнями, огородами, молочнымъ скотомъ, мастерскими и мельницами; ихъ мѣста заняли безконечныя плантаціи хлопка, владѣльцы которыхъ не имѣли уже ни своего хлѣба ни издѣлій своихъ собственныхъ мастерскихъ: все это покупалось теперь въ хлѣбородныхъ штатахъ Запада и на фабричномъ Сѣверо-востокѣ. Особое положеніе заняли на Югѣ такъ называемые «пограничные», т.-е. ближайшіе къ Сѣверу штаты (border states) — Виргинія, Кентукки, Делаваръ, Мэриландъ и, отчасти, Сѣв. Каролина: по климатическимъ условіямъ сдѣлаться хлопковыми штатами они не могли, но косвенно хлопокъ отразился и на ихъ судьбѣ — они сдѣлались для хлопковыхъ плантаторовъ «внутренней Африкой», изъ года въ годъ доставлявшей имъ потребное количество рабовъ.

Негроторговцы крѣпко связали интересы виргинскихъ и сосѣднихъ плантаторовъ съ интересами производителей хлопка.

Въ политическомъ и культурномъ отношеніи укрѣпленіе рабовладѣльческаго хозяйства означало для Юга торжество консервативныхъ тенденцій и духовный застой. Экономически и политически господствуя надъ страной, рабовладѣльческая аристократія подчиняла ее всецѣло и своему духовному авторитету; фактически она оставалась единственной представительницей мѣстной культуры.

Западъ, т.-е. долина Миссисипи и его притоковъ, заселился параллельно экономическому развитію Н. Англіи и Юга. До войны 12-го года западное населеніе группировалось почти исключительно по теченію Огіо и его притоковъ—Тенесси и Кумберланда; послѣ войны оно продвинулось на сѣверъ и западъ — къ Великимъ Озерамъ и къ верховьямъ Миссури. Путешественнику, проѣзжавшему въ 1817 году по большой дорогѣ, соединявшей Пенсильванію съ Огію, казалось, «будто вся старая Америка снялась со своего мѣста»: такъ много встрѣтилось ему переселенцевъ, съ повозками и пѣшкомъ, въ одиночку и семьями двигавшихся на западъ. Переселенцы двигались двумя потоками — изъ сѣверныхъ и изъ южныхъ штатовъ. Дорогу черезъ дѣвственный лѣсъ прокладывали обыкновенно мѣхоторговцы, заводившіе сношенія съ индѣйскими племенами; по ихъ слѣдамъ двигались піонеры, вырубавшіе лѣсные участки и заводившіе первую пашню, и, наконецъ, болѣе осѣдлые хлѣбопашцы, приносившіе съ собой уже извѣстный капиталъ, они скупали у піонеровъ земельные участки, ставили на мѣсто ихъ шалашей прочныя избы, заводили огороды, лѣсопильни и скотные дворы. Значительную часть земли захватывали при этомъ спекуляторы, мелкими участками продававшіе ее затѣмъ въ заранѣе распланированныхъ селеніяхъ и будущихъ городахъ. Западъ сдѣлался житницей и поставщикомъ лѣсныхъ и сельскихъ продуктовъ для всѣхъ остальныхъ американскихъ штатовъ, и только южная его часть была, какъ мы видимъ, отвоевана у хлѣбопашества хлопкомъ. Условія заселенія страны и составъ поселенцевъ предполагали на Западѣ широкое развитіе демократіи. Онъ для всего союза сдѣлался школой политическаго новаторства. Здѣсь возникли первыя послѣдовательно демократическія конституціи; отсюда вышло большинство соціально-политическихъ народныхъ движеній.

Средніе штаты въ географическомъ отношеніи сливались отчасти съ Западомъ, но благодаря своей береговой полосѣ и выгодному положенію между Сѣверомъ и Югомъ они сдѣлались

средоточіемъ торговой и финансовой жизни Америки, а огромныя залежи желѣза и каменнаго угля открывали блестящее будущее ихъ заводской промышленности. Крупнѣйшіе города среднихъ штатовъ—Филадельфія и Н.-Йоркъ—въ 20-хъ годахъ въ нѣсколько разъ превосходили величиною любой изъ остальныхъ американскихъ городовъ. Въ политическомъ и культурномъ отношеніи средніе штаты походили на Западъ: и тамъ, и здѣсь бросались въ глаза духъ новаторства, отсутствіе прочныхъ традицій и смѣлый демократическій размахъ; и тамъ, и здѣсь населеніе отличалось этнографической пестротой и обновлялось то и дѣло свѣжими потоками эмигрантовъ: Н.-Йоркъ 20-хъ годовъ представлялъ уже собою прототипъ современной разноплеменной Америки. Крупные города накладывали на культурно-политическую жизнь среднихъ штатовъ спеціально городской отпечатокъ, придавали ей большую организованность и идейную полноту; Н.-Йоркъ явился, въ частности, родиной современной организаціи американскихъ партій.

Борьба между американскими «націями» и группами ихъ на почвѣ различія интересовъ состовляетъ главное содержаніе политической исторіи Союза до послѣдней четверти прошлаго вѣка. Но вмѣстѣ съ расхожденіемъ интересовъ между районами вырабатывалась крѣпкая связь взаимной экономической зависимости: она предохраняла «имперію» отъ распада и спаивала ее въ устойчивый политическій организмъ, общественная борьба внутри котораго принимала уже общенаціональный масштабъ.

II.

Внутреннія противорѣчія американской жизни и разрѣшенія ихъ до гражданской войны.

(1820 — 1850).

Миссурійскій компромиссъ.

Два потока западной колонизаціи въ соціальномъ отношеніи первоначально не отличались почти другъ отъ друга и мирно сливались въ одно общее теченіе. Но когда вслѣдъ за фермерами и піонерами южныхъ штатовъ на дѣвственныя земли двинулись ихъ конкуренты плантаторы, между сѣвернымъ и южнымъ колонизаціоннымъ потокомъ легла глубокая соціальная рознь. Въ мѣстахъ соприкосновенія они шумно вскипали, и отголоски этихъ столкновеній проносились политическими конфликтами по всей

странѣ. Въ удобной для культуры хлопка южной части Миссисипской долины (до бассейновъ Арканзаса и Тенесса включительно) плантаторы безъ труда добились фактической монополіи своего хозяйства, но тамъ, гдѣ по климатическимъ условіямъ съ нимъ возможна была успѣшная конкуренція мелкихъ, фермерскихъ хозяйствъ, рабовладѣльцы встрѣчали со стороны фермеровъ серьезный отпоръ. Такъ случилось съ виргинскими и сѣверокаролинскими плантаторами, послѣ войны 12-го года продвинувшимися изъ Кентукки и Тенессы въ бассейнъ праваго притока Миссисипи — Миссури: демократическая часть населенія вооружилась здѣсь противъ самаго института рабства.

Въ 1819 году при обсужденіи въ союзномъ конгрессѣ вопроса о превращеніи Миссурійской территоріи въ самостоятельный штатъ вопросу о рабствѣ въ немъ было придано общенаціональное значеніе. Еще въ 1787 году конгрессъ постановилъ, что рабство на западной территоріи Союза, доходившей тогда только до Миссисипи, не должно распространяться на сѣверное теченіе Огіо. Правая половина бассейна Миссисипи, купленное въ 1803 году подъ именемъ Луизіаны, не подходила пока подъ дѣйствіе этого закона, но депутаты сѣверныхъ штатовъ предложили распространить его и на нее, продолживши границу рабства дальше на западъ: Миссури попадалъ бы тогда въ районъ исключительно свободнаго труда. Предложеніе вызвало протесты южанъ: по утвержденію Джефферсона Америка и въ революціонную эпоху не знала такихъ горячихъ споровъ и борьбы мнѣній, какъ вызванные въ 1819 г. вопросомъ о Миссури. Дѣло шло здѣсь, однако, не о принципіальномъ отношеніи къ рабству и не о юридическихъ тонкостяхъ: подъ видомъ споровъ о законѣ 1787 года и территоріи Луизіаны боролись между собой за политическое вліяніе въ Союзѣ рабовладѣльческіе и нерабовладѣльческіе штаты. По численности населенія первые значительно уступали вторымъ, а, слѣдовательно, въ меньшинствѣ были и ихъ депутаты въ первой палатѣ Конгресса. Въ сенатѣ представительство штатовъ было равнымъ, и сила каждой группы ихъ зависѣла отъ ея собственной численности. Въ моментъ принятія въ Союзъ Миссури ровно половина всѣхъ штатовъ находилась въ рукахъ рабовладѣльцевъ [1]), и принятіе новаго штата неизбѣжно нарушало уста-

---

[1]) Союзъ состоялъ въ то время изъ 22 штатовъ: къ 13 старымъ и 4 присоединившимся къ нимъ раньше штатовъ (см. «Кн. для чт.», III, 141) между

новившееся въ Сенатѣ равновѣсіе или въ ту, или въ другую сторону, а такъ какъ интересы двухъ категорій штатовъ въ многомъ въ это время уже расходились, то каждая изъ сторонъ всѣми силами старалась перегнуть вѣсы въ свою пользу.

Вопросъ о Миссури былъ рѣшенъ въ 1820 году компромиссомъ: новый штатъ принимался безъ оговорки о рабствѣ, но, во-первыхъ, одновременно съ нимъ принимался входившій доселѣ въ составъ Массачузетса нерабовладѣльческій *Мэнъ*, и, во-вторыхъ, для будущаго крайнимъ предѣломъ распространенія по территоріи Луизіаны рабства устанавливалась параллель *30° 30′ сѣверной широты*.

Распаденіе Соединенныхъ Штатовъ на экономическіе районы предполагало между ними торговый обмѣнъ: промышленность Новой Англіи работала на южный и западный рынокъ; западъ сбывалъ свои продукты на востокъ, а югъ доставлялъ въ Новую Англію хлопокъ. Естественныхъ путей — Океана, Миссисипи, Гудзона и мелкихъ восточныхъ рѣкъ, для поддержанія этихъ торговыхъ сношеній оказывалось недостаточно, и уже при Джефферсонѣ былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ на національныя средства искусственныхъ дорогъ, первую изъ которой — шоссейный путь черезъ Аллеганы — начали строить еще до «второй освободительной войны». Настоящая революція въ путяхъ сообщенія была произведена развитіемъ въ 20-хъ годахъ рѣчного и морского пароходства и постройкой каналовъ между главнѣйшими водными бассейнами Америки. Пароходство въ нѣсколько разъ сократило разстояніе по воднымъ путямъ: путь между Луизвилемъ (въ Кентукки) и Новымъ Орлеаномъ проѣзжали, до появленія на Миссисипи пароходовъ, въ 30 и 40 дней, а вверхъ по теченію въ 3 мѣсяца и больше; благодаря пароходамъ онъ сократился до 7 и 16 дней. Жители Запада съ восторгомъ отзывались въ 20-хъ годахъ о своихъ пароходахъ: «океанцы (жители восточныхъ штатовъ) называютъ насъ «лѣсовиками» (backwoodsmen), а посмотрѣли бы они на нашего «Вашингтона», «Флориду», «Озеро» — какъ они птицами несутся по Миссисипи, бороздя черезъ чащу лѣсовъ, или будто живыя идутъ противъ потока могучей рѣки. И кого только не несутъ они на своихъ плечахъ: тутъ и спекуляторы, и дэнди, и купцы, и нарядныя

1903—1819 годами вступили въ союзъ еще 5—Луизіана, Индіана, Миссисипи, Иллинойсъ и Алабама.

лэди... А на палубѣ сотни три молодцевъ, повидавшихъ на своемъ вѣку алигаторовъ и довольно понюхавшихъ и пороху, и виски»... Въ концѣ 20-хъ годовъ ежегодная стоимость провозимыхъ до Н.-Орлеана по Миссисипи товаровъ достигла 26 милліоновъ долларовъ.

Постройка перваго канала (между озеромъ Эри и рѣкой Гудзономъ) была начата штатомъ Н.-Йоркомъ въ 1817 году и закончена въ 1825. Событіе это имѣло огромное значеніе для всего прилегающаго края: берега канала быстро покрылись фабричными и торговыми поселками; прежнія деревушки превращались въ крупные города; стоимость канала окупилась въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и уже въ 20-хъ годахъ количество хлѣбнаго транспорта по нему сравнялось съ транспортомъ по Миссисипи. Вслѣдъ за Н.-Йоркомъ за постройку каналовъ принялись и другіе штаты, а скоро, по иниціативѣ Запада, поднялся вопросъ и о національныхъ постройкахъ. Но могъ ли Конгрессъ ассигновать на нихъ деньги? въ правѣ ли былъ онъ заботиться, какъ говорили въ Америкѣ, о «внутреннихъ улучшеніяхъ»? Конституція не давала на этотъ вопросъ прямого отвѣта, оставляя широкое поле для принципіальныхъ споровъ. Поднялся старый вопросъ о широкомъ и узкомъ толкованіи конституціи. Въ постройкѣ національныхъ дорогъ были заинтересованы далеко не всѣ: торговые округи Н.-Англіи, штатъ Н.-Йоркъ, южные миссисипскіе штаты боялись всякаго измѣненія торговыхъ путей; западные и большинство среднихъ штатовъ, промышленные округи новой Англіи и отрѣзанный отъ главныхъ торговыхъ путей старый Югъ стояли, напротивъ, за «внутреннія улучшенія». «Неужели, — говорили западники, — тѣ узкія потребности, изъ которыхъ исходили при толкованіи Конституціи 13 старыхъ штатовъ, до сихъ поръ должны служить для насъ нормой? Вѣдь Америка превратилась за это время въ совершенно новый міръ!» «Попробуйте признать, — возражали имъ южные противники построекъ, — что Конгрессъ можетъ строить дороги, и тогда вамъ скажутъ, что онъ имѣетъ право освободить и рабовъ».

Вопросъ уже въ 20-хъ годахъ былъ рѣшенъ въ духѣ сторонниковъ «внутреннихъ улучшеній», но возраженія противъ нихъ раздавались до середины XIX вѣка.

Вопросъ о тарифѣ.

Другимъ вопросомъ, волновавшимъ въ это время страну, былъ вопросъ о покровительственномъ тарифѣ, возникшій одновременно съ появленіемъ въ Америкѣ фабричной промышленности. Первые

таможенныя пошлины были введены въ Америкѣ съ чисто фискальными цѣлями еще въ 1789 году. Послѣ войны 12-го года началась агитація за повышеніе ихъ въ виду опасности грозившей американской промышленности отъ наплыва на американскій рынокъ англійскихъ товаровъ; за покровительственный тарифъ стояли даже южане, питавшіе надежды на развитіе въ своихъ штатахъ фабричной промышленности; самъ Джефферсонъ, защищавшій когда-то «естественность» простой деревенской жизни, отстаивалъ теперь принципъ «національной промышленности» и утверждалъ, что возражать противъ него, значитъ осуждать Америку «на потерю національной независимости и звѣроподобное существованіе пещерныхъ людей». Западъ высказывался еще опредѣленнѣе: устами своего вождя *Генри Клэя* (Clay) онъ выдвигалъ идею такъ называемой *«американской системы»*, т.-е. осуществленіе при помощи тарифовъ полной независимости Америки отъ заграничнаго производства.

Первый покровительственный тарифъ былъ принятъ Конгрессомъ въ 1816 году. Противъ него, кромѣ коммерсантовъ Новой Англіи, возражала лишь небольшая часть южанъ, боявшихся вздорожанія необходимыхъ для нихъ привозныхъ товаровъ. Но черезъ какихъ-нибудь четыре года настроеніе Юга оказалось уже инымъ: мечта о созданіи собственныхъ фабрикъ при господствѣ рабскаго труда оказалась быстро разрушенной, и тарифный вопросъ сталъ оцѣниваться на Югѣ исключительно съ точки зрѣнія покупателя; въ 1820 году южане почти единогласно голосовали уже противъ повышенія таможенныхъ пошлинъ и, благодаря поддержкѣ части новоанглійскихъ депутатовъ, добились отклоненія билля. Въ 1824 году они объявили принятый, не смотря на ихъ оппозицію, новый тарифный билль «узаконеннымъ грабежомъ», «преступнымъ насиліемъ» и (постоянный въ Америкѣ аргументъ меньшинства) «нарушеніемъ Конституціи». Но съ неменьшей энергіей выступали и протекціонисты: «во имя американской системы,—говорилъ главный вдохновитель ихъ Клэй,—я брошу вызовъ не только Югу, но и самому дьяволу». Въ 1828 году въ Конгрессѣ былъ принятъ тарифъ, получившій отъ южанъ названіе *«тарифа гнусности»*: «для насъ, производителей хлопка, риса и табака, — негодовали они, — безразлично, беретъ ли съ насъ правительство третью часть нашихъ урожаевъ за право отправить остальное за границу или часть

покупаемыхъ нами товаровъ за право нести остальное домой... Нашимъ трудомъ создаются всѣ средства, получаемыя казначействомъ, всѣ фонды, изъ которыхъ черпаютъ свои прибыли фабриканты и ихъ друзья, и мы же, въ качествѣ простыхъ потребителей, являемся сущими рабами этой системы» (т.-е. протекціонизма).

Въ старыхъ хлопковыхъ штатахъ — Георгіи и Ю. Каролинѣ, гдѣ благосостояніе рабовладѣльческаго класса, благодаря истощенію почвы и отдаленности отъ торговыхъ путей, было гораздо менѣе прочнымъ, чѣмъ въ юго-западныхъ штатахъ, на почвѣ борьбы съ протекціонизмомъ возникла даже мысль о выходѣ изъ союза. Южно-каролинскій вождь *Джонъ Кальгунъ* развивалъ, дополняя новыми выводами, старую теорію суверенности штатовъ и защищалъ ихъ право «*нуллифицировать*» любой союзный законъ. Въ 1832 году Ю. Каролина рѣшила осуществить эту теорію и на дѣлѣ: она созвала національный Конвентъ и офиціально кассировала тарифные законы 1828 и 1832 года, готовая къ выходу изъ Союза и къ вооруженной защитѣ своихъ правъ въ случаѣ репрессій со стороны союзной власти. Конфликтъ и на этотъ разъ былъ разрѣшенъ, однако, компромиссомъ: Конгрессъ согласился понизить таможенныя пошлины, а Ю. Каролина отмѣнила свое постановленіе о кассаціи союзныхъ законовъ.

«Демократы» и «виги».

Въ концѣ 20-хъ годовъ старая «республиканская» партія Америки распалась на двѣ самостоятельныя части, положившія начало двумъ новымъ національнымъ партіямъ — «демократамъ» и «вигамъ». Въ основѣ распаденія лежали общія противорѣчія классовыхъ интересовъ, но первоначальнымъ толчкомъ къ нему послужилъ финансовый кризисъ 1819 — 22 года и вызванное имъ движеніе малоимущихъ классовъ противъ верхнихъ слоевъ буржуазіи: разорившіеся фермеры, безработные, вкладчики лопнувшихъ банковъ составили первый кадръ недовольныхъ, постепенное расширеніе котораго новыми элементами привело къ образованію широкаго народнаго движенія и первой демократически организованной партіи. Элементами этими были, во-первыхъ, враждебные промышленной буржуазіи южные землевладѣльцы и, во-вторыхъ, противники привилегированнаго *Національнаго банка.*

Первый національный банкъ Соединенныхъ Штатовъ былъ основанъ еще въ 1791 году усиліями федералистовъ и ихъ

вождя, министра финансовъ *Гамильтона*. Республиканцы, въ качествѣ противниковъ усиленія союзной власти, враждебные самой идеѣ національнаго банка, не желали возобновлять его привилегій, срокъ которыхъ истекъ въ 1811 году, но финансовыя затрудненія, вызванныя войной, вынудили къ этому и ихъ. Второй національный банкъ былъ основанъ въ 1816 году срокомъ, какъ и первый, на 20 лѣтъ. Его конфликтъ съ мѣстными банками возникъ на почвѣ участія въ распродажѣ казенныхъ западныхъ земель; опираясь на свои привилегіи и капиталы, Національный банкъ стремился монополизировать эти кредитныя операціи въ своихъ рукахъ, нарушая этимъ интересы не только мѣстныхъ западныхъ банкировъ, но и ихъ кліэнтуры, дорожившей, въ ту эпоху усиленной погони за землей, ихъ быстрымъ и легко доступнымъ кредитомъ. Противники Національнаго банка ловко использовали въ своихъ цѣляхъ вражду народныхъ массъ къ спекулянтамъ и сдѣлали демократическое движеніе орудіемъ своей борьбы.

Центральной фигурой демократическаго движенія 20-хъ и начала 30-хъ годовъ былъ герой войны 12-го года, генералъ Эндру *Джаксонъ*, именемъ котораго — «Джаксоновцы» называлась вначалѣ и сама демократическая партія. До сихъ поръ кандидаты на президентскій постъ назначались въ Америкѣ партійными «*каукусами*», или общими собраніями всѣхъ принадлежащихъ къ каждой партіи членовъ Конгресса; Джаксонъ былъ первый кандидатъ, выдвинутый народнымъ митингомъ, независимо отъ кандидатовъ каукусовъ. Компанія, начатая въ пользу его въ 1822 году, была первымъ въ Америкѣ примѣромъ широкой, національной партійной борьбы; она положила начало современной организаціи національныхъ американскихъ партій съ ихъ сложнымъ агитаціоннымъ аппаратомъ, партійной прессой и капиталами. Главными требованіями демократовъ 20-хъ годовъ были доступность для народа казенныхъ земель (уничтоженіе спекуляціи) и прямое народное избраніе президента, во власти котораго хотѣли видѣть оплотъ противъ денежной аристократіи, завладѣвшей союзнымъ Конгрессомъ. Побѣда Джаксона въ 1828 году была настоящимъ народнымъ торжествомъ: смотрѣть на перваго «избранника народа» люди съѣзжались за сотни миль; весь путь до Вашингтона превратился для него въ сплошной тріумфъ, а въ столицѣ шумный народный митингъ былъ устроенъ въ самомъ президентскомъ дворцѣ. Чувствуя себя чѣмъ-то въ родѣ народ-

наго трибуна, Джаксонъ ставилъ свою власть выше не только Парламента, но порой и самой конституціи: «я упрекаю демократическое правительство Америки,—писалъ про эту эпоху Токвиль, — не въ слабости власти, а какъ разъ въ противоположномъ — отсутсвіи гарантій противъ тираніи».

Между тѣмъ соединялись въ единую партію и противники Джаксона. Руководимая сторонниками «національной системы», она приняла названіе «*національно-республиканской партіи*». Въ 1831 году она, первая изъ американскихъ партій, созвала свой *національный конвентъ*; въ слѣдующемъ году ея примѣру послѣдовали демократы, и съ этихъ поръ національные конвенты сдѣлались въ Америкѣ прочнымъ обычаемъ партійной жизни. Вскорѣ національ республиканцы расширили свой составъ новыми элементами и, въ качествѣ защитниковъ правъ Конгресса противъ тираніи президента, приняли названіе «*виговъ*». Первая крупная побѣда была одержана ими на президентскихъ и парламентскихъ выборахъ 1840 года, послѣ хозяйственнаго кризиса, завершившаго собою блестящую, въ экономическомъ отношеніи, эпоху «Джаксоновскаго царствованія» и сильно подорвавшаго въ странѣ престижъ демократовъ. Виги использовали его съ небывалымъ еще въ Америкѣ демагогическимъ шумомъ: страна напоминала въ то время, по словамъ Клэя, «океанъ, взбудораженный сильнымъ штормомъ».

Аболиціонизмъ.

Съ первыхъ лѣтъ существованія Республики въ Америкѣ находились люди, протестовавшіе, во имя христіанскихъ чувствъ, противъ рабства. Это были квакеры. Долгое время ихъ кругами исчерпывался фактически весь составъ принципіально интересовавшихся рабствомъ лицъ, тѣмъ болѣе, что, и независимо отъ какой бы то ни было проповѣди, оно умирало въ Америкѣ естественной смертью. Когда развитіе производства хлопка влило въ него новую жизнь, новую силу получило въ Америкѣ и освобожденчество (аболиціонизмъ). Правда, на Югѣ, порабощенномъ рабовладѣльцами, оно совершенно исчезло, но, вытѣсненное на Сѣверъ, оно приняло здѣсь размѣры широкаго общественнаго движенія. Первыми (въ началѣ 20-хъ годовъ) выступили непосредственно заинтересованные въ уничтоженіи рабства, трудящіеся классы: рабство унижающимъ образомъ отражалось на положеніи всѣхъ людей физическаго труда. Первыми крупными вождями освободительнаго движенія были въ Америкѣ н.-йоркскій кожевенникъ Веніаминъ *Лэнди* и бостонскій типографщикъ Уильямъ *Гар-*

рисонъ. Это было радикальное освобожденчество, окрашенное вліяніемъ квакеровъ и проникнутое тенденціями анархизма; освобожденіе понималось имъ шире, чѣмъ освобожденіе однихъ южныхъ невольниковъ: оно включало въ него и освобожденіе «всѣхъ гражданъ Господа» отъ тираніи пуританской обрядности, и уничтоженіе безправнаго положенія женщинъ и многое другое: «мы не признаемъ себя подданными никакого государства,—говорили устами Гаррисона аболиціонисты, наше отечество—міръ, наши сограждане—все человѣчество». На ряду съ радикальнымъ въ началѣ 30-хъ годовъ возникло въ Америкѣ и болѣе умѣренное теченіе аболиціонизма, отказавшееся отъ свойственной Гаррисону рѣзкости тона и признавшее, въ противоположность ему, цѣлесообразность политической борьбы; вслѣдъ за трудящимся, и буржуазные классы американскаго общества стали сознавать невыгодныя стороны южнаго рабства, осудившаго на экономическій и культурный застой наиболѣе богатую въ естественномъ отношеніи половину страны. Во главѣ умѣреннаго аболиціонизма стояли докторъ *Чаннингъ* изъ новой Англіи, издатель Нью-Йоркской «Трибуны» *Грили*, богатые Йоркскіе купцы братья *Тэппоны*, фабрикантъ Фило *Стюартъ* и др. Въ 1839 году они основали политическую «*Партію свободы*», принявшую активное участіе и въ президентскихъ выборахъ 1840 года. Въ концѣ 30-хъ годовъ въ сѣверныхъ штатахъ насчитывалось уже до двухъ тысячъ освободительныхъ обществъ съ 200 тысячами членовъ. Дѣятельность ихъ заключилась въ печатной и устной пропагандѣ освобожденческихъ идей, въ розсылкѣ по южнымъ штатамъ своихъ брошюръ и воззваній, въ подачѣ петицій въ союзный Конгрессъ и т. п. Болѣе богатыя общества организовывали колоніи вольноотпущенныхъ негровъ и надѣляли ихъ пожертвованной или купленной для этой цѣли землей.

Въ 1831 году, точно въ отвѣтъ на горячія прокламаціи Гаррисона, въ Виргиніи вспыхнуло возстаніе негровъ подъ предводительствомъ Нэта Тернера. Оно послужило поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи южанъ, до сихъ поръ относившихся къ пропагандѣ аболиціонистовъ довольно миролюбиво. Послѣ возстанія Тернера, Югъ принялъ по отношенію къ нимъ угрожающе-оборонительную позу: Георгія вотировала крупную награду тому, кто живымъ доставитъ Гаррисона въ ея предѣлы; въ Чарльзтонѣ (Ю. Кароли) толпа разгромила почтовую контору, уничтожая при-

сланныя изъ сѣверныхъ штатовъ газеты, и самъ Джаксонъ высказался за запрещеніе разсылки по почтѣ «зажигательныхъ» (аболиціонистскихъ) воззваній. Дѣятельность радикальныхъ аболиціонистовъ вызвала противъ себя реакцію даже въ сѣверныхъ штатахъ: въ рядѣ городовъ произошли крупные безпорядки, сопровождавшіеся убійствами и разгромомъ имущества негровъ и аболиціонистовъ; въ Бостонѣ самого Гаррисона тащили по улицамъ съ веревкой на шеѣ, и онъ чудомъ спасся изъ рукъ толпы; мѣстами реакціонному настроенію поддались и парламенты: Конектикутъ, напр., воспретилъ въ 1834 году пріемъ въ свои школы негритянскихъ дѣтей. Въ 1836 году союзный Конгрессъ, не смотря на преобладаніе въ немъ сѣверянъ, принялъ резолюцію, заранѣе оставлявшую безъ послѣдствій всѣ петиціи аболиціонистовъ. Лишь въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ это реакціонное настроеніе заглохло здѣсь въ связи съ чрезмѣрнымъ территоріальнымъ усиленіемъ рабовладѣльческихъ штатовъ, грозившимъ существеннымъ интересамъ Сѣвера.

Ростъ рабовладѣльческой партіи.

Хлопокъ былъ и благословеніемъ и проклятіемъ Юга: благословеніемъ потому, что давалъ ему хорошій и постоянный доходъ, проклятіемъ потому, что приковывалъ его къ рабовладѣльческой системѣ хозяйства и напередъ ставилъ границы для его экономическаго прогресса. При той горячкѣ, которая царила на хлопковомъ рынкѣ благодаря колосальному росту хлопчатобумажной міровой промышленности, южанамъ некогда было думать о переустройствѣ своего хозяйства на новыхъ началахъ: приходилось пользоваться, не смотря ни на что, разъ налаженнымъ механизмомъ, лишь по мѣрѣ возможности ускоряя его ходъ; новые капиталы непрерывно вкладывались въ рабовладѣніе (въ 50-хъ годахъ общая стоимость южныхъ рабовъ достигла 2 биліоновъ долларовъ), петля затягивалась, мирная ликвидація системы становилась все менѣе вѣроятной. Въ 1836 году Кальгунъ формулировалъ уже теорію «безусловной желательности рабства»: «рабство, — говорилъ онъ въ Сенатѣ, — росло и развивалось вмѣстѣ съ нашими штатами; оно проникло во всѣ наши учрежденія, и позволить коснуться его мы не можемъ и не хотимъ».

Между тѣмъ производство хлопка росло на Югѣ быстрѣе спроса: средняя цѣна его упала съ 44 центовъ въ 1801 году до $13^1/_2$ въ 1839 и до $5^1/_2$ въ 1845 г. Иначе не могло, впрочемъ, и быть: слишкомъ дорогъ становился рабскій трудъ и

по рыночной своей цѣнѣ, и по малой производительности [1]), и слишкомъ быстро расширяли рабовладѣльцы производство, чтобы количествомъ проданнаго продукта возмѣстить его дешевизну и чтобы ни одного дня не оставлять праздными своихъ дорого купленныхъ рабовъ. Получался заколдованный кругъ: дорогіе рабы и дешевый хлопокъ толкали на чрезмѣрное увеличеніе его производства, а увеличеніе производства вело къ вздорожанію рабовъ и паденію цѣнъ на хлопокъ. Все это, вмѣстѣ съ естественной экстенсивностью [2]) рабовладѣльческаго хозяйства и хищнической обработкой земли, толкало южныхъ плантаторовъ къ захватамъ подъ свое хозяйство все новыхъ и новыхъ земель. Ихъ отвоевывали сперва у мелкихъ хозяевъ-фермеровъ, потомъ у индѣйцевъ, упорныя войны съ которыми тянулись до конца 30-хъ годовъ, и, наконецъ, у сосѣдней Мексики. Ея сѣверо-восточная часть, *Техасъ*, заселявшаяся эмигрантами изъ южныхъ штатовъ съ начала 30-хъ годовъ, въ 1836 году объявила себя независимой и пожелала вступить въ качествѣ новаго штата въ американскій союзъ. Споръ о принятіи Техаса тянулся до 1845 года и завершился двухлѣтней войной Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикой, закрѣпившей за ними не только Техасъ, но и всю огромную территорію между Тихимъ Океаномъ, бывшей территоріей Луизіаны и *Орегономъ*, который съ 1846 года по договору съ Англіей также превратился въ американскую территорію.

Рабство на новыхъ территоріяхъ и послѣдній компромиссъ (1850).

Въ связи съ заселеніемъ этихъ новыхъ территорій и образованіемъ въ ихъ предѣлахъ новыхъ штатовъ выдвигался снова вопросъ о политическомъ равновѣсіи между свободными и рабовладѣльческими штатами. Для Юга онъ обострялся освобожденческимъ движеніемъ въ сѣверныхъ штатахъ, для Сѣвера—опасностью, грозившей протекціонизму въ случаѣ политическаго усиленія рабовладѣльцевъ. Увеличеніе южной американской территоріи и принятіе въ Союзъ трехъ новыхъ рабовладѣльческихъ штатовъ (*Арканзасъ* въ 1836 году, *Техасъ* и *Флорида* въ 1845) заставили сѣверянъ особенно насторожиться. При обсужденіи въ 1846 году билля объ отнятой у Мексики территоріи былъ снова

---

[1]) «Негры работаютъ изъ-подъ палки,—жаловались въ 40-хъ годахъ рабовладѣльцы:—во время работы они будто нарочно задаются цѣлью ломать инструменты и портить скотъ».

[2]) Экстенсивнымъ, въ противоположность *интенсивному*, называется хозяйство, доходность котораго зависитъ лишь отъ его размѣровъ, а не отъ качества работы.

выдвинуть вопросъ о запрещенiи въ ея предѣлахъ рабства. Онъ былъ рѣшенъ отрицательно, но переполохъ, вызванный имъ во всей странѣ, принялъ очень серьезные размѣры. На сѣверѣ подъ лозунгомъ «свободная земля свободному народу» возникла новая политическая партiя «*свободоземцевъ*», а Югъ, сплотившiйся вокругъ старой «демократической» партiи, выдвинулъ, въ противовѣсъ этому лозунгу, принципъ *верховныхъ правъ территорiальнаго населенiя*, или т. наз. «*суверенитета колонистовъ*». Въ теченiе еще нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря примиренческимъ усилiямъ «виговъ», роковой вопросъ удалось обходить, пока онъ съ новой силой не всплылъ затѣмъ, усложненный цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ вопросовъ. Обижаемой стороной считалъ теперь себя Югъ: мало того, что его преобладанiе въ Сенатѣ, достигнутое было принятiемъ Техаса и Флориды, было устранено черезъ три года принятiемъ свободныхъ штатовъ *Iовы* и *Висконсина* (рабовладѣльческiй Арканзасъ еще въ 1837 году былъ уравновѣшенъ свободнымъ *Мичиганомъ*), но и на самой южной территорiи возникъ штатъ, не пожелавшiй допустить въ своихъ предѣлахъ рабства и этимъ снова перегибавшiй политическiе вѣсы въ пользу сѣверянъ: это была, населенная золотоискателями, *Калифорнiя*. Вопросъ о Калифорнiи и сосѣднихъ съ ней территорiяхъ *Юты* и *Новой Мексики* взволновалъ страну еще больше, чѣмъ въ свое время вопросъ о Миссури. Южные демократы на секцiонномъ конвентѣ въ 1849 году провозгласили *право сецессiи* (ухода изъ союза) обиженныхъ штатовъ вообще и необходимость ея для Юга, въ случаѣ недопущенiя рабства на новыхъ территорiяхъ, въ частности. Съ самой крайней теорiей выступилъ снова Кальгунъ: интересы Сѣвера и Юга, заявлялъ онъ, настолько противоположны, что ихъ дальнѣйшее политическое сожительство возможно лишь при полномъ, гарантированномъ Конституцiей, равновѣсiи этихъ двухъ половинъ Союза; нужно не только равное представительство ихъ въ Конгрессѣ, но, быть-можетъ, раздѣленiе между двумя равноправными президентами исполнительной власти. «Никакая конституцiя,—говорили въ противоположность ему представители крайнихъ теченiй Сѣвера,—не можетъ служить защитой рабства: законъ природы, написанный въ сердцѣ и сознанiи свободнаго человѣка, выше всякаго писаннаго закона, выше самой Конституцiи».

Въ iюлѣ 1850 года всѣ спорные вопросы, накопившiеся въ связи съ рабовладѣнiемъ, были разрѣшены, по предложенiю Клэя,

компромиссомъ: въ однихъ изъ нихъ (въ частности въ вопросѣ о Калифорніи) уступилъ Югъ, въ другихъ—Сѣверъ. Самой важной по своимъ послѣдствіямъ уступкой Сѣвера было включеніе въ этомъ «*омнибусъ-билль*», какъ прозвали его въ насмѣшку представители крайнихъ теченій, «*закона о бѣглыхъ рабахъ*», облегчавшаго розыскъ ихъ въ нерабовладѣльческихъ штатахъ.

«Омнибусъ билль» былъ послѣдней попыткой разрѣшить раздѣлявшія союзъ разногласія компромиссомъ.

III.

Наканунѣ гражданской войны.

(1850 — 1860).

Экономическій подъемъ 50-хъ годовъ на Сѣверѣ и Югѣ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ цѣлый рядъ обстоятельствъ сложился крайне благопріятно для экономическаго развитія Америки: въ 1846 году разрѣшили свободный ввозъ иностраннаго хлѣба; начавшаяся въ 1853 году Восточная война устранила на хлѣбномъ рынкѣ конкуренцію Россіи; въ 1848 году было открыто калифорнійское золото, давшее сильный толчокъ промышленной жизни; наконецъ, политическія бури въ Европѣ конца 40-хъ годовъ толкнули въ Америку небывалое количество эмигрантовъ: съ 1850 года до начала гражданской войны Америка получила изъ Европы почти $2^1/_2$ милліона новыхъ гражданъ; можно представить, какую массу новой энергіи принесъ съ собой въ Америку этотъ огромный притокъ рабочихъ силъ.

Экономическій прогрессъ, пережитый Америкой *въ теченіе 8 лѣтъ* съ 1850 года, равнялся своими размѣрами революціи. Заграничная торговля ея увеличалась въ $2^1/_2$ раза, фабричная промышленность (капиталъ и годовой продуктъ) — вчетверо. Сѣть желѣзныхъ дорогъ, едва достигавшая въ 1850 году 7000 миль (постройка первой желѣзной дороги относится въ Америкѣ къ 1828 г.), къ 1858 году выросла до 30.000 миль; семь сквозныхъ линій пронизали теперь Аллеганскія горы, 18 вѣтокъ коснулись Миссисипи и Огіо, и длинная магистраль протянулась съ сѣверо-запада до Луизіаны: «Западъ» теперь уже не западъ, и даже не «Великій западъ», а великій *Центръ*», съ энтузіазмомъ восклицалъ въ 1853 году западный публицистъ: колонія его продвинулась далеко за Иллинойсъ, Висконсинъ и *Іову*; урожаи хлѣба поднялись, по крайней мѣрѣ, на 70%. На Югѣ при высокихъ

цѣнахъ урожаи хлопка поднимались съ 2.5 въ 1850 году до 3.8 милліоновъ кипъ (около 2 билліоновъ фунтовъ) въ 1860 г.; цѣнность вывезеннаго за границу хлопка съ 60 до 100 милліоновъ долларовъ. Плантаторы не жаловались уже на засиліе Сѣвера, а, напротивъ, проникнувшись сознаніемъ собственной силы, говорили, что «хлопокъ—царь» и что «для прогресса цивилизаціи они нужнѣе всѣхъ слюнявыхъ филантроповъ старой и новой Англіи вмѣстѣ взятыхъ».

Небывалый экономическій подъемъ отражался, конечно, на духовной и политической жизни всей страны. Здѣсь сказалось, однако, огромное различіе общественныхъ условій на Сѣверѣ и Югѣ. На Сѣверѣ успѣхи промышленности и притокъ эмиграціи усиливали общественную борьбу и повышали напряженность умственной жизни; на Югѣ матеріальные успѣхи лишь укрѣпляли консервативныя тенденціи общества и завершили порабощеніе его крупнымъ землевладѣльцамъ.

Умственная жизнь на Сѣверѣ принимала въ 50-хъ годахъ характеръ лихорадочныхъ исканій и погони за новизной. Въ литературѣ, религіи, философіи и общественной жизни выдвигались идеи независимой личности, равенства половъ, свободы отъ старыхъ предразсудковъ; моднымъ типомъ становился «радикалъ», блестѣвшій экстравагантностью костюма и образа жизни; демократическая часть молодежи увлекалась европейскими идеями анархизма и соціализма, а по увѣренію консервативныхъ публицистовъ, — вся жизнь Америки превратилась въ господство *измовъ* и въ диктатуру «стриженыхъ женщинъ и лохматыхъ мужчинъ». Одно изъ главныхъ мѣстъ игралъ среди этихъ *измовъ* аболиціонизмъ. Успѣхи аболиціонизма во многихъ случаяхъ свели почти на-нѣтъ принятый въ 1850 году законъ о бѣглыхъ рабахъ: его громили и съ публичныхъ трибунъ, и съ церковныхъ каѳедръ, и въ законодательныхъ собраніяхъ, и на страницахъ газетъ; для спасенія бѣглыхъ возникла тайная организація «подземной желѣзной дороги» — правильно раскинутая сѣть убѣжищъ для южныхъ негровъ, цѣлыми тысячами переправлявшая ихъ въ Канаду; «охотники за неграми» подвергались глумленію и насиліямъ толпы; многіе штаты издавали спеціальные законы (т. наз. «законы о личной свободѣ»), фактически упразднявшіе законъ о бѣглыхъ, а судьи оправдывали его нарушителей и провозглашали въ своихъ приговорахъ его неконституціонность. Чрезвычайно знаменателенъ былъ и безпримѣрный въ исторіи литературы успѣхъ знаменитой повѣсти Бичеръ Стоу «Хижина дяди Тома»:

въ первый же годъ (1852) она разошлась въ 100 тысячахъ экземплярахъ, а слѣдующія изданія, одно за другимъ, распространили ихъ до милліона: Бичеръ Стоу осталась въ представленіи американцевъ «маленькой женщиной, возбудившей большую войну».

Въ концѣ 50-хъ годовъ промышленный подъемъ смѣнился на сѣверѣ жестокимъ кризисомъ... Въ октябрѣ 1857 года въ одномъ Н.-Йоркѣ сосредоточилось до 40.000 безработныхъ, настроеніе которыхъ было настолько тревожно, что общественныя зданія города охранялись войсками. Фермеры жаловались на отсутствіе сбыта: конкуренція русскаго хлѣба опять дала себя знать послѣ окончанія Восточной войны. «Фабриканты не находятъ заказчиковъ, ремесленники и мастеровые остаются безъ заработка: плохо приходится и богатымъ и бѣднымъ», жаловались въ концѣ 1857 года сѣверныя газеты. На общественномъ настроеніи кризисъ отразился небывалымъ подъемомъ религіознаго чувства: молитвенныя собранія приняли, по выраженію современника, характеръ «эпидеміи». Эта экзальтированность настроенія передавалась, конечно, и аболиціонизму.

Хлопковыхъ штатовъ этотъ кризисъ почти не коснулся. Ихъ процвѣтаніе составляло въ концѣ 50-хъ годовъ рѣзкій контрастъ съ угнетеннымъ состояніемъ Сѣвера. «Кто можетъ сомнѣваться, что хлопокъ — царь? — съ торжествомъ говорили плантаторы. — Богатство Юга реально и прочно, богатство Сѣвера мимолетно и призрачно». На Югѣ не знали *измовъ:* бушевавшій на Сѣверѣ потокъ разнообразныхъ умственныхъ интересовъ проходилъ въ сторонѣ отъ его кругозора: «во всемъ мірѣ, — признавались южане, — только наша страна остается неподвижной среди водоворота цивилизаціи». Вся человѣческая мудрость казалась южанамъ навѣки застывшей въ кодексѣ такъ наз. «рыцарства», въ составъ котораго вошло теперь и признаніе «естественности» негритянскаго рабства; за узкими предѣлами этого кодекса для южнаго «джентльмена» начиналось сплошное море вульгарнаго и мѣщанскаго — царство «ложныхъ идей, противныхъ Богомъ установленному порядку»: «Гордость Сѣвера — его доллары, лавки и фабрики, — съ презрѣніемъ говорилъ онъ о сѣверянахъ, — гордость Юга — его сыновья и ихъ благородный духъ»; «*янки*»[1]), по опредѣленію южнаго публициста 50-хъ го-

---

[1]) Такъ называли на югѣ жителей Новой Англіи. Слово «янки» отъ испорченнаго въ индѣйскомъ произношеніи французскаго Anglais или англійскаго English. Въ Европѣ именемъ *янки* стали называть всѣхъ американцевъ.

довъ, это — «разновидность человѣческаго рода, основнымъ качествомъ которой является ложь, лицемѣріе и лукавство»; кромѣ того, это — «кровожадные фанатики, мечтающіе о возстаніи негровъ со всѣми его ужасами и звѣрствами».

Новизна «новыхъ» теорій, появлявшихся и на Югѣ, заключалась лишь въ крайности рабовладѣльческихъ выводовъ: такова была, напримѣръ, теорія рабства, какъ опоры всей современной цивилизаціи и прогресса, развивавшаяся въ концѣ 50-хъ годовъ южными публицистами: «Союзъ между неграми и хлопкомъ есть величайшая въ мірѣ сила, — писалъ въ 1860 году одинъ изъ нихъ, — отъ устойчивости его зависитъ благополучіе и спокойствіе всего христіанскаго міра». «Негроторговля, — говорилось въ другой газетѣ (1856 г.), — есть одна изъ тѣхъ тайныхъ силъ, которыя при всей своей кажущейся отвратительности являются въ рукахъ Божіихъ орудіемъ прогресса». Виднѣйшіе богословы южныхъ штатовъ увѣряли, что «негроторговля — самое лучшее средство для распространенія среди дикарей христіанства» и что аболиціонизмъ, противорѣча Божіимъ планамъ, является теоріей «несомнѣнно безбожной».

Рабовладѣльцы составляли въ населеніи южныхъ штатовъ незначительное меньшинство — всего четвертую часть — но остальные, такъ называемые «бѣдные бѣлые» (poor white), влачили среди рабовладѣльческихъ плантацій такое жалкое существованіе и пребывали на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, что ихъ самостоятельнаго голоса не было слышно; кромѣ того, общій страхъ негритянскихъ возстаній и общее сознаніе принадлежности къ «высшей расѣ» въ значительной степени превращали бѣлое населеніе Юга въ одинъ политически и идейно сплоченный классъ. Въ 50-хъ годахъ передовой слой «бѣдныхъ бѣлыхъ» проявилъ, впрочемъ, нѣкоторые признаки пробужденія: въ 1857 году въ Америкѣ вышла книга, озаглавленная «*Грядущій кризисъ Юга*»; авторъ ея, одинъ изъ «бѣдныхъ бѣлыхъ» Сѣверной Каролины, рисовалъ картину экономическаго и культурнаго расцвѣта южныхъ штатовъ при режимѣ свободнаго труда.

Отмѣна Миссурскаго компромисса.

Среди матеріальнаго благосостоянія 50-хъ годовъ — этого высшаго момента «царствованія» хлопка — южные плантаторы не довольствовались уже по отношенію къ Сѣверу прежней, оборонительной позиціей, а перешли въ наступленіе. Не смотря на территоріальный ростъ рабовладѣльческаго Юга, населеніе Сѣвера росло сравнительно съ нимъ слишкомъ быстро (въ 50-хъ го-

дахъ почти вдвое быстрѣе), чтобы они могли спокойно смотрѣть на свое будущее и не постараться использовать свои матеріальные успѣхи и въ политической области; къ тому же на сѣверѣ у нихъ были союзники въ лицѣ той части буржуазіи, которая экономически тяготѣла къ Югу и предпочитала сохраненіе тамъ старыхъ порядковъ: это были, съ одной стороны, банкиры, вложившіе въ южныя предпріятія свои капиталы (въ 50-хъ годахъ южане были должны сѣвернымъ банкамъ до 300 милліоновъ долларовъ), и, съ другой стороны, втянутое въ торговлю съ Югомъ, купечество среднихъ и ближайшихъ къ нимъ западныхъ штатовъ. Компромиссъ 1850 года (особенно «законъ о бѣглыхъ») явился первымъ шагомъ этой новой, наступительной политики Юга. Въ 1854 году былъ сдѣланъ второй, еще болѣе рѣшительный шагъ. Поднимался вопросъ объ организаціи новой территоріи *Небраски* на западъ отъ рѣки Миссури; такъ какъ она входила въ составъ бывшей территоріи Луизіаны и лежала выше 30° 30′ сѣверной широты, то въ силу Миссурскаго компромисса рабство въ ея предѣлахъ должно было быть признано незаконнымъ; южане не хотѣли, однако, принять этого вывода и объявили самый компромиссъ 1820 года незаконнымъ: только штатъ, говорили они, можетъ ограничить или уничтожить въ своихъ предѣлахъ рабство, Союзъ же, какъ цѣлое, обязанъ охранять въ своихъ предѣлахъ всякую, признанную штатами, собственность, ни въ чемъ не ограничивая заранѣе ихъ правъ. Иллинойскій сенаторъ демократъ *Дегласъ* предложилъ считать Миссурскій компромиссъ отмѣненнымъ компромиссомъ 50-го года и, по принципу «суверенитета колонистовъ», предоставить рѣшеніе вопроса о рабствѣ на будущей территоріи самому населенію Небраски. Предложеніе Дегласа было принято большинствомъ обѣихъ палатъ. Единственной уступкой противникамъ законопроекта было выдѣленіе южной части Небраски въ самостоятельную территорію *Канзасъ*, въ предположеніи, что изъ двухъ будущихъ штатовъ одинъ, въ силу естественныхъ условій, сдѣлается рабовладѣльческимъ, другой — свободнымъ. На Сѣверѣ отмѣна Миссурскаго компромисса вызвала настоящую бурю. «Независимые демократы» въ своемъ «обращеніи къ народу» клеймили это «нарушеніе священнаго договора» какъ «заговоръ противъ европейскихъ эмигрантовъ и свободныхъ земледѣльцевъ» и начало превращенія новыхъ территорій въ «мрачное царство деспотизма, населенное рабовладѣльцами и рабами»; парламенты всѣхъ почти сѣверныхъ

штатовъ присоединились къ этому протесту; на народныхъ митингахъ Дегласа называли Іудой, а одно женское общество прислало ему по почтѣ тридцать серебряныхъ монетъ. На этихъ митингахъ протеста было положено начало новой политической партіи, объединившей всѣхъ противниковъ рабства на территоріяхъ и принявшей въ 1856 году старое, Джефферсоновское, названіе «*республиканцевъ*».

Споры, вызванные закономъ о Небраскѣ, осложнились скоро вмѣшательствомъ судебной власти: въ 1857 году по дѣлу негра *Дредъ-Скотта* верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ постановилъ, что Миссурскій компромиссъ и всѣ подобные ему акты противны американской конституціи, а меньшинство суда вмѣстѣ съ главнымъ судьей *Танэ* признало, кромѣ того, что въ силу конституціи свободные негры, потомки рабовъ, отнюдь не являются американскими гражданами и не могутъ вчинять передъ американскимъ судомъ никакихъ исковъ. Это явно тенденціозное рѣшеніе взбудоражило общественное мнѣніе всей страны.

Отмѣна Миссурскаго компромисса не рѣшала вопроса о рабствѣ въ Канзасѣ и Небраскѣ: законъ предоставилъ его рѣшеніе мѣстному населенію. Въ Небраскѣ онъ рѣшался легко, такъ какъ населеніе ея состояло почти сплошь изъ колонистовъ свободныхъ штатовъ, но въ Канзасѣ враждебно столкнулись оба потока колонизаціи, и территорія сдѣлалась ареной настоящей междоусобной войны: возникли два параллельныхъ Канзасскихъ правительства, изъ которыхъ каждое считало себя единственно законнымъ, «сыны юга» громили поселки сѣверянъ; сѣверяне безпощадно вырѣзывали «сыновъ юга»; вооруженныя шайки разсѣялись по всему Канзасу. Горячія головы изъ сосѣднихъ штатовъ спеціально ѣхали въ Канзасъ сражаться за интересы рабовладѣнія или его враговъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и знаменитый фанатикъ освобожденчества коннектикутскій уроженецъ *Джонъ-Браунъ*. Онъ не удовлетворился уже схватками въ Канзасѣ и рѣшилъ перенести борьбу на старый Югъ: въ 1859 году онъ съ небольшой кучкой товарищей переселился въ Виргинію и сложилъ свою голову въ отчаянной попыткѣ поднять возстаніе для освобожденія всѣхъ американскихъ рабовъ. Смерть Брауна произвела огромное впечатлѣніе на всю страну: на Сѣверѣ ее приравнивали смерти Христа и говорили о началѣ новой американской революціи; на Югѣ готовились къ самозащитѣ и, во имя без-

опасности всего бѣлаго населенія, объединялись вокругъ рабовладѣльцевъ.

Политическая борьба конца 50-хъ годовъ.

Новая *«республиканская партія»*, образовавшаяся въ 1854—56 году, была чисто сѣверной партіей. Основанная по частному поводу — для борьбы съ распространеніемъ рабства на территоріяхъ — она въ остальномъ, особенно въ таможенной политикѣ, явилась преемницей партіи «виговъ», фактически распавшейся послѣ компромисса 1850 года. Это былъ союзъ прогрессивной буржуазіи Сѣвера съ народными, аболиціонистскими теченіями, тогда какъ «демократическая партія» представляла союзъ консервативныхъ ея слоевъ съ рабовладѣльцами. На выборахъ 1856 г. конкурировали уже фактически только эти двѣ партіи, такъ какъ промежуточныя теченія, представленныя новой *«Американской партіей»* (или партіей *«ничего-не-знаекъ»* — Know nothings, какъ прозвали ихъ въ Америкѣ за ихъ скрытную тактику[1]), собрали ничтожное число голосовъ. «Демократическая партія», побѣдившая въ 1856 году, была послѣдней политической нитью, соединявшей еще Сѣверъ и Югъ. На слѣдующихъ выборахъ (1860 г.) оборвалась и она: южные «демократы» зашли въ своихъ рабовладѣльческихъ притязаніяхъ такъ далеко, что «демократы» сѣверныхъ штатовъ отказались принять ихъ платформу, и партія распалась на двѣ независимыя части.

Никто уже не думалъ теперь о компромиссахъ. «Вопросъ идетъ уже не объ отдѣльныхъ вопросахъ рабства, — говорилъ въ 1859 году одинъ изъ южныхъ депутатовъ въ Конгрессѣ, — а о томъ, быть ли у насъ двумъ союзамъ съ рабствомъ въ одномъ изъ нихъ или одному союзу безъ рабства». «Или страна рабовладѣнія, или страна свободнаго труда: никакое среднее рѣшеніе невозможно», заявляли, съ своей стороны, крайніе республиканцы. Возбужденіе доходило въ Конгрессѣ до того, что депутаты и сенаторы являлись на засѣданія не иначе, какъ вооруженные: драки и дуэли происходили между ними почти ежедневно. Споръ о рабствѣ на территоріяхъ усложнялся къ тому же спорами о тарифѣ. «Демократы», побѣдители 1856 года, поспѣшили использовать свою побѣду и въ этомъ смыслѣ: такого низкаго тарифа, какъ введенный ими въ 1857 году, Америка не знала со времени «второй освободительной войны». Кризисъ, разразившійся на

---

[1]) «Американская партія» пыталась примирить американцевъ на почвѣ вражды и иностранной эмиграціи.

Сѣверѣ въ слѣдующемъ году, далъ «республиканцамъ» поводъ присоединить къ своей антирабовладѣльческой агитаціи агитацію за высокій тарифъ: «почему это защитники вѣчнаго и повсемѣстнаго рабства всегда являются у насъ сторонниками свободной торговли? — иронически спрашивали они у избирателей. — Какая-то *тайная связь соединяетъ въ интимный союзъ принципъ скованнаго цѣпями труда и свободной отъ всякихъ узъ торговли».*

Въ 1860 году южные «демократы» выдвинули самую крайнюю рабовладѣльческую платформу съ требованіемъ признанія моральной справедливости рабства и активнаго покровительства ему на территоріяхъ. Среди «республиканцевъ», наоборотъ, одержало верхъ умѣренное теченіе. Конвентъ ихъ собрался въ Чикаго при небываломъ стеченіи народа: огромный баракъ, выстроенный на 12 тысячъ мѣстъ, не могъ вмѣстить всѣхъ съѣхавшихся делегатовъ: толпа наполняла всѣ улицы, ожидая съ волненіемъ результатовъ баллотировки. Боролись два кандидата — *Сюардъ*, кандидатъ аболиціонистовъ-радикаловъ, и *Линкольнъ*, кандидатъ умѣренныхъ; крайніе выдвигали принципъ борьбы съ самой системой невольническаго труда; умѣренные ограничивались отрицаніемъ рабства на территоріяхъ и осужденіемъ Дрэдъ-Скотовскаго рѣшенія. Послѣ трехъ баллотировокъ побѣдителемъ оказался Линкольнъ — «Иллинойская ищейка негровъ», какъ называли его разгнѣванные своимъ пораженіемъ аболиціонисты.

Примиренцы въ лицѣ «*конституціонной партіи* союза» (остатки бывшихъ «виговъ» и «ничего-не-знаекъ») и на этотъ разъ пытались безуспѣшно противопоставить крайнимъ партіямъ свою нейтральную и безсодержательную платформу.

IV.

Гражданская война.

Образованіе «Южной Конфедераціи».

Передъ президентскими выборами 60-го года южане опредѣленно заявили, что не потерпятъ выбора республиканскаго кандидата. Губернаторъ Ю. Каролины заблаговременно разослалъ по хлопковымъ штатамъ циркулярный запросъ, готовы ли они къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ случаѣ избранія Линкольна, а парламентъ ея продлилъ свою сессію до выясненія результата избирательной борьбы и принялъ на случай сецессіи военныя мѣры. Когда пришла вѣсть о побѣдѣ Линкольна надъ «демократическими»

кандидатами, крайнее возбужденіе охватило весь хлопковый югъ. Въ Ю. Каролинѣ уже въ декабрѣ собрался національный конвентъ, провозносившій выходъ штата изъ американскаго союза. Населеніе ликовало, сравнивая себя съ героями революціи, освободившей Америку отъ ига англичанъ. Менѣе или черезъ мѣсяцъ примѣру Ю. Каролины послѣдовали *Миссисипи*, *Флорида*, *Алабама* и *Георгія* и, почти вслѣдъ за ними, *Луизіана* и *Техасъ*. 4-го февраля 1861 года въ столицѣ Алабамы, Монтогомери, открылся соединенный конвентъ семи отколовшихся штатовъ. Онъ провозгласилъ образованіе независимой отъ Союза *Южной Конфедераціи Штатовъ*, принялъ предварительный текстъ ея конституціи и назначилъ ея временнымъ президентомъ и вице-президентомъ миссисипскаго плантатора Джефферсона *Девиса* и Александра *Стефенса* изъ Георгіи.

Первое, чѣмъ конфедеральная конституція отличалась отъ Союзной, было формальное установленіе ею принципа суверенности штатовъ: парламентъ каждаго штата получалъ право 2/3 своего состава объявлять не имѣющимъ силы любой актъ конфедеральной власти, и сама конфедеральная конституція начиналась словами: «мы, народъ *суверенныхъ* штатовъ»... Въ этомъ отношеніи она обращалась къ принципамъ первой американской конфедераціи. *Во-вторыхъ*, конфедеральная конституція опредѣленнымъ образомъ отнимала у Конгресса право вводить покровительственный тарифъ. Мы видѣли, что тарифный вопросъ еще въ 1832 году едва не привелъ къ сецессіи Ю. Каролины; въ 1860 году т. наз. Мореллевскій тарифъ, введенный республиканцами немедленно послѣ ихъ побѣды на парламентскихъ выборахъ, оказалъ на южанъ такое же впечатлѣніе; въ памфлетахъ, обращенныхъ къ Европѣ, они выдвигали даже тарифный вопросъ на первый планъ, стараясь затушевать имъ вопросъ о рабствѣ: «рабство для сѣверянъ только придирка, — увѣряли они, — только предлогъ для вторженія на нашу территорію, чтобы заставить насъ платить огромныя суммы для поддержанія сѣверныхъ мануфактуръ; за свободолюбивыми деклараціями кроются протекціонистскіе замыслы сѣверныхъ фабрикантовъ, привыкшихъ выжимать изъ насъ сокъ».

Въ-третьихъ, особымъ параграфомъ оговаривалось въ конституціи право рабовладѣльцевъ «свободно передвигаться со своими рабами по всей территоріи конфедеральныхъ штатовъ». «Признаніе и покровительство институту рабства въ томъ видѣ,

какъ оно существуетъ въ конфедеральныхъ штатахъ въ настоящее время», выставлялось главной задачей конфедераціи: «Кореннымъ устоемъ новаго правительства, — говорилъ на одномъ публичномъ собраніи вице-президентъ Стефенсъ, — являлась та великая истина, что рабство для чуждыхъ цивилизаціи народовъ есть нормальный видъ существованія; наше правительство, первое въ исторіи, опирается на эту великую истину науки, философіи и морали». Конвенту очень хотѣлось разрѣшить ввозъ въ Америку и африканскихъ негровъ, на чемъ особенно настаивали представители старыхъ хлопковыхъ штатовъ, но такое постановленіе слишкомъ рѣзко противорѣчило бы интересамъ Виргиніи и вообще промышлявшихъ негроторговлей «пограничныхъ» штатовъ, привлечь которые въ конфедерацію, съ политической точки зрѣнія, было безусловно необходимо. Поэтому даже косвенное разрѣшеніе африканской негроторговли, проведенное конвентомъ, было уничтожено путемъ президентскаго вето, и въ конституцію было включено безусловное ея воспрещеніе. Южные публицисты протестовали, однако, противъ этого и заявили, что Южная Конфедерація должна быть «законченной формой соціальной аристократіи, *основанной на непрерывномъ притокѣ рабовъ* и устраненіи всякихъ колебаній въ сторону противниковъ рабства».

Въ теченіе апрѣля и мая къ Конфедераціи хлопковыхъ штатовъ присоединились *Виргинія, Сѣв. Каролина, Тенесси* и *Арканзасъ*. Остальные рабовладѣльческіе штаты — Делаваръ, Мэриландъ, Кентукки и, послѣ долгихъ колебаній, Миссури—остались вѣрными Союзу. Кромѣ того, отъ Виргиніи откололись ея фермерскія области, образовавшія въ 1863 году новый союзный штатъ—*Западную Виргинію*. Вся Южная Конфедерація состояла, такимъ образомъ, изъ 11 штатовъ. Столицей ея, послѣ присоединенія Виргиніи, былъ избранъ *Ричмондъ*, куда и переселился утвержденный въ президентскомъ званіи конвентами штатовъ Девисъ и его правительство.

Колебанія Сѣвера. Начало военныхъ дѣйствій.

Послѣ только что окончившагося хозяйственнаго кризиса сѣверяне вовсе не расположены были начинать войну и вѣрили въ возможность ея предупрежденія. Раздавались даже голоса за полное невмѣшательство въ дѣла Юга: «если хлопковые штаты полагаютъ, что имъ выгоднѣе быть внѣ союза, пусть уходятъ себѣ съ миромъ,—писала въ ноябрѣ 1860 года «Н.-Йоркская Трибуна».—Развѣ возможно силой удержать пятимилліонное населеніе, имѣющее въ своей средѣ до полумилліона мужчинъ, способныхъ

носить оружіе?» Во многихъ городахъ (въ Н.-Іоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи) населеніе обрушивалось на аболиціонистовъ, обвиняя именно ихъ въ возбужденіи южныхъ штатовъ противъ Союза, а въ Филадельфіи мэръ-республиканецъ публично порицалъ всякія нападки на рабство въ печати и въ обществѣ. Предлагались всякаго рода компромиссы: въ прощальномъ посланіи къ Конгрессу президентъ Бьюкананъ (предшественникъ Линкольна) оправдывалъ всѣ поступки южанъ нетерпимостью Сѣвера и рекомендовалъ примиреніе съ ними путемъ соотвѣтствующихъ поправокъ и Конституціи. Примирительнымъ тономъ была проникнута и первая президентская рѣчь Линкольна (4 марта 1861 года): онъ порицалъ, правда, южанъ за ихъ «мятежное» поведеніе и отрицалъ за штатами право сецессіи, но высказывался противъ вмѣшательства въ существующее уже рабовладѣніе и, подобно Бьюканану, признавалъ необходимость соотвѣтствующей конституціонной поправки. Поправка, запрещающая Конгрессу касаться вопроса о рабствѣ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ оно уже существовало, была, дѣйствительно, предложена палатой депутатовъ и, несмотря на отсутствіе южныхъ сенаторовъ и депутатовъ, была принята въ Конгрессѣ двумя третями голосовъ; часть штатовъ (Огіо, Мэрилэндъ, Иллинойсъ) успѣли утвердить ее до начала военныхъ дѣйствій. При организаціи новыхъ территорій—*Колорадо*, *Невада* и *Дакота* — конгрессъ, вопреки недавней тактикѣ сѣверянъ, не сдѣлалъ никакихъ оговорокъ въ смыслѣ недопущенія на нихъ рабства.

Но настроеніе юга было слишкомъ опредѣленнымъ; тамъ не вѣрили въ компромиссы и готовились къ наступительной войнѣ: «мы перенесемъ войну туда, гдѣ намъ легко будетъ двигаться впередъ, — говорилъ Джефферсонъ Девисъ,—гдѣ въ густо населенныхъ городахъ обильная пища для огня и меча нашей арміи». Уже въ январѣ прогремѣли первые выстрѣлы: береговыя орудія Чарльзтонской бухты (Ю. Каролина) встрѣтили огнемъ пароходъ, привезшій подкрѣпленіе для союзнаго форта Сэмнеръ, а 13 апрѣля, послѣ 36-часовой бомбардировки, Сэмнеръ былъ занятъ конфедеральными войсками. Въ Чарльзтонѣ торжествовали побѣду: «флагъ Соединенныхъ Штатовъ склонился передъ маленькимъ штата Южной Каролины». Вслѣдъ за тѣмъ всѣ союзные форты, арсеналы и военные склады въ предѣлахъ отколовшихся штатовъ были конфискованы и объявлены собственностью конфедераціи.

Линкольнъ отвѣтилъ на эти дѣйствія указомъ о созывѣ милиціи и ультиматумомъ, дававшимъ южнымъ штатамъ 20-дневный срокъ для возвращенія въ Союзъ. Общественное мнѣніе Сѣвера склонилось на сторону рѣшительныхъ мѣръ, и даже «демократы», во главѣ съ Бьюкананомъ и Дегласомъ, требовали войны за возстановленіе Союза. Конгрессъ утвердилъ мѣропріятія Линкольна, ассигновалъ на содержаніе арміи и флота необходимыя средства и снабдилъ президента полномочіями военнаго времени. Въ резолюціи о войнѣ конгрессъ заявилъ, что цѣлью ея является для Сѣвера «отнюдь не притѣсненіе кого бы то ни было» или «удовлетвореніе чьихъ-либо злобныхъ чувствъ, а *исключительно борьба за сохраненіе цѣлости Союза*». Южане, съ своей стороны, были убѣждены, что нападающей стороной являются сѣверяне, а они лишь защищаютъ «дорогое каждому человѣку англійской крови право на самоуправленіе».

Военныя силы Сѣвера и Юга. Ходъ войны.

Начало войны было благопріятно для Юга. Хотя попытки южанъ овладѣть союзной столицей и перенести войну на Сѣверъ и не удались, все же перевѣсъ клонился на ихъ сторону, и окончательный результатъ войны не разъ казался сомнительнымъ. Побѣда стоила Сѣверу четырехлѣтнихъ усилій, сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней и билліонныхъ затратъ. И это не смотря на то, что по населенію онъ *почти въ $2^1/_2$ раза* превосходилъ Южную Конфедерацію (22 милліона противъ 9), на 40% состоявшую къ тому же изъ негровъ.

Въ началѣ войны на помощь Югу пришло то самое обстоятельство, которое привело въ конечномъ счетѣ къ его разгрому— простота его хозяйственнаго и соціальнаго строя. Почти весь физическій трудъ здѣсь лежалъ на невольникахъ-неграхъ, и бѣлое мужское населеніе могло быть немедленно взято подъ ружье безъ всякаго риска разстроить народное хозяйство; на сѣверѣ подходящихъ для арміи элементовъ находилось гораздо меньше, и быстрая мобилизація была поэтому невозможна. Несмотря на неравенство силъ двухъ противниковъ, численный составъ ихъ армій былъ вначалѣ почти одинаковъ, и только мало-по-малу превосходство переходило на сторону сѣверянъ: въ 1865 году ихъ армія достигла, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, по крайней мѣрѣ, милліона, тогда какъ Югъ, исчерпавъ всѣ свои рессурсы, могъ противопоставить имъ не болѣе половины этого количества. Простота хозяйственнаго строя отражалась благопріятно и на моральныхъ качествахъ южной арміи: на Югѣ неизвѣ-

стна была та ожесточенная борьба интересовъ внутри страны, которая не прекращалась на Сѣверѣ въ теченіе всей войны и ослабляла значительно его силы; рекрутскіе наборы, вздорожаніе жизни, чрезвычайные налоги, законы военнаго времени,—все это вызывало на Сѣверѣ возмущеніе и протестъ, вело порой къ открытымъ мятежамъ и вообще усиливало междуклассовую и между районную борьбу; на Югѣ надо всѣми имущественными и соціальными различіями преобладало сознаніе расоваго единства всѣхъ бѣлыхъ и общности его интересовъ передъ лицемъ негритянской опасности; въ политическомъ и идейномъ отношеніи гегемонія рабовладѣльцевъ надъ остальными классами была безусловна: ни одинъ изъ нихъ не просыпался еще для самостоятельной борьбы, и во время войны Югъ выступилъ, какъ тѣсно сплоченное моральное цѣлое, искренне убѣжденный въ безусловной правотѣ своего дѣла. Въ числѣ другихъ чертъ феодальнаго общества Югъ отличался къ тому же воинственнымъ духомъ населенія: выростая подъ страхомъ негритянскихъ возстаній и среди непрерывныхъ войнъ съ индѣйцами и Мексикой, южане поколѣніями вырабатывали въ себѣ качества смѣлыхъ и предпріимчивыхъ воиновъ; охота и конный спортъ были любимымъ занятіемъ ихъ среди широкихъ южныхъ степей. На сторонѣ Юга было, наконецъ, въ началѣ войны и сочувствіе Европы,—особенно Англіи и Франціи. Правда, надежды южанъ на непобѣдимость «царя-хлопка» оказались преувеличенными, но сила его все же давала себя знать, увеличивая до извѣстной степени шансы южанъ: «мы не любимъ рабства,—говорилъ въ Англіи лордъ Пальмерстонъ,—но мы нуждаемся въ хлопкѣ, и намъ очень не нравится Мореллевскій тарифъ».

Съ самаго начала войны Англія признала Южную Конфедерацію воюющей стороной и оказывала ей различныя услуги: южные крейсеры строились на англійскихъ верфяхъ, делегаты конфедераціи пріѣхали въ Европу на англійскомъ пароходѣ, а когда американское военное судно попыталось задержать ихъ по дорогѣ, Англія едва не объявила Соединеннымъ Штатамъ войну. Франція, затѣвавшая завоеваніе Мексики, тоже поддерживала Югъ въ надеждѣ затянуть войну и использовать американскую междоусобицу въ своихъ цѣляхъ.

Эти преимущества Юга не могли, однако, уравновѣсить его слабыхъ сторонъ, главной изъ которыхъ, не говоря уже о численномъ превосходствѣ Сѣвера, было отсутствіе у Юга собственной промышленности и собственнаго торговаго флота. Стоило Сѣ-

веру организовать при помощи своего огромнаго флота, наскоро превращеннаго въ военный, правильную блокаду южныхъ береговъ, и конфедерація попадала въ безвыходное положеніе: ея арміи грозилъ недостатокъ военныхъ припасовъ, а всему населенію—жестокая нужда и даже голодъ, такъ какъ хлопковый югъ не имѣлъ въ достаточномъ количествѣ и собственнаго хлѣба. По мѣрѣ захвата сѣверянами береговой полосы и южныхъ портовъ блокада становилась все болѣе и болѣе дѣйствительной, а, осуществивъ ее, Сѣверъ могъ считать войну оконченной и не торопиться съ послѣднимъ ударомъ.

Какъ ни велики были жертвы, понесенныя для войны Сѣверомъ, онъ и въ концѣ ея былъ еще далекъ отъ истощенія, и хозяйственная жизнь его двигалась полнымъ ходомъ, тогда какъ Югъ истекалъ послѣдней кровью и не имѣлъ уже никакихъ рессурсовъ.

Главныя дѣйствія войны, все время носившей для южанъ оборонительный характеръ, сосредоточивались въ Виргиніи, гдѣ арміи противниковъ оспаривали другъ у друга свои столицы, и на Западѣ, гдѣ вспомогательныя арміи сѣверянъ съ двухъ сторонъ—отъ Н. Орлеана и отъ теченія Огіо, вытѣсняли южанъ изъ бассейна Миссисипи. Къ марту 1862 года южане были оттѣснены до юго-западной границы Тенесси; въ апрѣлѣ палъ Новый Орлеанъ, а въ іюлѣ, послѣ взятія сѣверянами Виксбурга, все теченіе Миссисипи—штаты Тенесси, Арканзасъ, Миссисипи и большая часть Алабамы и Луизіаны — было уже въ ихъ рукахъ. Послѣ этого западная армія сѣверянъ двигалась сначала на востокъ къ Оксону, и потомъ на Сѣверъ, черезъ Георгію и обѣ Каролины, на соединеніе съ главными силами, защищавшими Вашингтонъ. Въ Виргиніи южная армія подъ командой знаменитаго генерала *Ли* не только отражала всѣ атаки сѣверянъ, но и наносила имъ серьезныя пораженія. Здѣсь шли сраженія, продолжавшіяся по 10 дней и уносившія по нѣскольку десятковъ тысячъ убитыхъ. Недостатокъ силъ мѣшалъ, однако, Ли перейти въ рѣшительное наступленіе и использовать въ полной мѣрѣ свои побѣды. Кольцо сѣверныхъ армій постепенно замыкалось вокругъ него, пока, въ апрѣлѣ 1865 года, онъ не принужденъ былъ, наконецъ, сложить оружіе передъ главнокомандующимъ сѣверныхъ армій генераломъ Грантомъ. Вслѣдъ за нимъ прекратила сопротивленіе и послѣдняя армія южанъ подъ командой генерала Джонстона.

Освобожденіе рабовъ. 13-я поправка къ конституціи.

Начиная съ Югомъ войну, правительство Соединенныхъ Штатовъ отнюдь не ставило для нея освободительныхъ цѣлей и вполнѣ опредѣленно заявляло, что борется лишь за возстановленіе Союза. Первые шаги, посягавшіе на незыблемость рабовладѣльческихъ правъ, носили со стороны сѣверянъ исключительно полицейскій, или военно-оборонительный характеръ. Это были, во-первыхъ, *Актъ о Конфискаціи*, изданный конгрессомъ въ августѣ 1861 г. и воспрещавшій рабовладѣльцамъ «употреблять своихъ рабовъ для враждебныхъ Соединеннымъ Штатамъ цѣлей», подъ угрозой ихъ конфискаціи и обращенія въ свободное состояніе, и, во-вторыхъ, приказы генераловъ *Фремона* (декабрь 1861 г.) и *Хэнтера* (май 1862 г.), *объявлявшіе* (первый въ предѣлахъ Миссури, а второй въ предѣлахъ Ю. Каролины, Георгія и Флориды) *свободными всѣхъ рабовъ, владѣльцы которыхъ сражаются противъ Соединенныхъ Штатовъ.* Линкольнъ отмѣнилъ распоряженіе обоихъ генераловъ, какъ выходящее изъ предѣловъ «Акта о Конфискаціи», и на упреки аболиціонистовъ еще разъ повторилъ, что освобожденіе рабовъ вовсе не входитъ въ задачи войны: «если бы,—заявилъ онъ,—я могъ спасти союзъ, совсѣмъ не касаясь вопроса о рабствѣ, я его и не касался бы; если бы я могъ спасти его путемъ частичнаго освобожденія негровъ, я освободилъ бы потребное ихъ количество; если бы оказалось надобность въ полномъ освобожденіи, я освободилъ бы ихъ всѣхъ». Мало-помалу эта «надобность» становилась для союзнаго правительства и господствующей сѣверной партіи совершенно очевидной: по мѣрѣ того, какъ война затягивалась и жертвы ея росли, «демократическая» партія, очень сильная въ «среднихъ» штатахъ, повсюду поднимала голову, энергично агитируя за примиреніе съ Югомъ и объявляя войну «не удавшейся»; успѣхи этой агитаціи механически толкали «республиканцевъ» къ болѣе тѣсному сближенію съ народными теченіями аболиціонизма: инстинктивная боязнь слишкомъ смѣлой соціальной реформы замолкала у промышленной буржуазіи Сѣвера передъ опасностью потери политической власти, съ одной стороны, и передъ соблазнительной перспективой окончательнаго сокрушенія противника и овладѣнія богатымъ Югомъ—съ другой. Чѣмъ значительнѣе становились принесенныя жертвы, тѣмъ настоятельнѣе оказывалась нужда въ рѣшительной и быстрой развязкѣ, а лучшимъ средствомъ для нея была, конечно, попытка уязвить южанъ въ самое чувствительное мѣсто — поколебать лойяльность ихъ негритянскаго

населенія. Провозглашеніе освободительныхъ цѣлей войны привлекало, кромѣ того, на сторону Сѣвера общественное мнѣніе Европы, и лишало Югъ ея возможной поддержки. Уже въ мартѣ 62-го года Конгрессъ ассигновалъ милліонъ долларовъ въ качествѣ денежнаго пособія тѣмъ штатамъ, которые пожелали бы приступить къ постепенному выкупу у владѣльцевъ рабовъ; въ апрѣлѣ прошелъ законъ о выкупной операціи въ союзномъ округѣ Вашингтона; въ іюнѣ — о воспрещеніи рабства на настоящихъ и будущихъ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ и, наконецъ, въ іюлѣ — такъ называемый «*Второй Актъ о Конфискаціи*», воспроизводившій, въ общихъ чертахъ, отмѣненный Линкольномъ указъ генерала Фремона: рабамъ, возставшихъ противъ Союза владѣльцевъ, предлагалось покидать своихъ господъ и становиться свободными подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ президенту поручалась организація изъ нихъ особыхъ черныхъ полковъ. Но и этотъ шагъ, наносившій правамъ рабовладѣльцевъ жестокій ударъ, далеко еще не былъ принципіальной отмѣной въ Соедин. Штатахъ рабства.

Въ августѣ и сентябрѣ 62-го года союзная армія потерпѣла въ Виргиніи рядъ крупныхъ неудачъ. Непосредственнымъ результатомъ ихъ былъ манифестъ президента Линкольна, предупреждавшій, что *съ 1-го января 1863 года во всѣхъ штатахъ и округахъ, гдѣ будутъ еще вестись военныя дѣйствія противъ союзнаго правительства, рабы будутъ считаться свободными*; перваго января (послѣ новыхъ успѣховъ южанъ) появился второй манифестъ, подтверждавшій содержаніе перваго. Манифесты Линкольна вызвали на Сѣверѣ критику съ двухъ противоположныхъ сторонъ: консерваторы оспаривали ихъ законность и находили ихъ слишкомъ радикальными, а радикалы аболиціонисты, находившіе ихъ слишкомъ умѣренными, требовали принципіальной и повсемѣстной отмѣны рабства. Самъ Линкольнъ смотрѣлъ на свои манифесты, какъ на чисто военную мѣру, предпринятую имъ по праву начальника морскихъ и сухопутныхъ силъ: съ этой точки зрѣнія онъ отвѣчалъ и на юридическія возраженія противниковъ.

Въ началѣ 63-го года агитація «демократовъ» за немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій имѣла на Сѣверѣ значительный успѣхъ. Война казалась слишкомъ затянувшейся, а мѣры Линкольна отнимали, повидимому, послѣднюю надежду на компромиссъ и примиреніе съ Югомъ. Въ Индіанѣ, Иллинойсѣ, Огіо

произошли огромные митинги протеста противъ войны, а городъ Н.-Йоркъ нѣсколько дней находился во власти толпы, избивавшей негровъ и громившей публичныя зданія; раздавались голоса за немедленный арестъ самого президента. Однако рѣшительныя побѣды конца 1863 года, выяснившія близкій конецъ войны и фактическую невозможность дальнѣйшаго сопротивленія юга, возстановили авторитетъ «республиканцевъ» и укрѣпили положеніе Линкольна. «Мириться» съ побѣжденнымъ югомъ, оставивши неиспользованной побѣду, вовсе не улыбалось большинству сѣверянъ. На выборахъ 1864 года «республиканцы» рѣшительно повысили тонъ, и въ своей избирательной платформѣ требовали уже не только «безпощаднаго подавленія возстанія», но и «отмѣны въ Соединенныхъ Штатахъ рабства». Линкольнъ, выбранный подавляющимъ большинствомъ голосовъ на вторичный срокъ, заявилъ въ своей декларацiи, что, пока онъ остается президентомъ, уничтоженное рабство возстановлено уже не будетъ.

Однимъ изъ первыхъ актовъ собравшагося въ январѣ 1865 года Конгресса было принятіе *13-й поправки къ конституціи* [1]), отмѣнявшей право рабовладѣнія на территоріи всего союза. Этимъ полагался предѣлъ всѣмъ спорамъ о дѣйствительности манифестовъ Линкольна и устранялась возможность возстановленія рабства въ отдѣльныхъ штатахъ. Въ декабрѣ 65-го года поправка получила утвержденіе должнаго количества ($^3/_4$) штатовъ и вошла въ законную силу [2]).

«Реконструкція». 14-я и 15-я поправки къ конституціи.

По мѣрѣ выясненія результата войны передъ побѣдителемъ — Сѣверомъ вставалъ очень сложный и вызвавшій горячіе споры вопросъ о способѣ *реконструкціи,* или обратнаго принятія въ Союзъ побѣжденныхъ штатовъ. Умѣренная программа, къ которой примыкалъ и Линкольнъ, допускала принятіе южныхъ штатовъ безъ всякихъ формальностей—съ единственнымъ условіемъ

---

[1]) Первыя десять поправокъ, установившія права человѣка и гражданина. были приняты въ Америкѣ почти одновременно съ самой конституціей; 11-я поправка (касавшаяся судебной компетенціи С. Ш. въ сферахъ между штатами) — въ 1798 году, а 12-я (о кандидатахъ на вице-президентскій постъ) — въ 1804 году.

[2]) До принятія 13-й поправки рабство продолжало существовать только легально въ двухъ штатахъ — Кентукки и Делавара. Въ штатахъ Южной Конфедераціи оно считалось отмѣненнымъ манифестами Линкольна (касавшимися впрочемъ, *лишь наличнаго состава* рабовъ), а Миссури и Мэрлэндъ сами отмѣнили у себя рабство въ 1863 г

отмѣны въ ихъ предѣлахъ рабства. Еще въ декабрѣ 63-го года Линкольнъ открылъ южанамъ путь къ возвращенію въ Союзъ, заявивши, что всякій штатъ, 10% избирателей котораго принесутъ клятву вѣрности Союзу, признаютъ дѣйствительность президентскаго манифеста объ эмансипаціи и выберутъ мѣстное правительство, будетъ считаться членомъ Союза, если Конгрессъ согласится принять его представителей въ свою среду. Но большинство «республиканской» партіи не раздѣляло этой точки зрѣнія; умѣренная и осторожная до начала войны сѣверная буржуазія предпочитала теперь въ полной мѣрѣ использовать свою побѣду и разъ навсегда покончить съ врагомъ: возстановленію правъ южныхъ штатовъ должна была предшествовать, по ея мнѣнію, ихъ коренная реорганизація, совершенно устраняющая въ нихъ политическое вліяніе стараго землевладѣльческаго класса. Соотвѣтствующая этому взгляду программа развертывалась постепенно среди борьбы различныхъ теченій и по мѣрѣ практическаго осуществленія задачи.

Первоначальный планъ Конгресса состоялъ въ слѣдующемъ: управленіе завоеванными штатами поручается временнымъ губернаторамъ по назначенію президента; губернаторъ каждаго штата, по возстановленіи въ немъ необходимаго порядка, созываетъ мѣстный конвентъ для принятія конституціи, обязательными пунктами которой являются — уничтоженіе въ штатѣ рабства, непризнаніе долговъ конфедераціи и отнятіе у «вождей возстанія» политическихъ правъ; конституція одобряется затѣмъ народнымъ голосованіемъ, и, съ согласія союзнаго Конгресса, штатъ принимается президентомъ въ Союзъ. Линкольнъ находилъ эти условія слишкомъ для Юга тяжелыми и наложилъ на проектъ Конгресса свое вето. Конгрессъ, съ своей стороны, отказался принять избранныхъ на указанныхъ Линкольномъ условіяхъ представителей Арканзаса, Луизіаны и Тенесси. Въ апрѣлѣ 1865 года Линкольнъ былъ убитъ въ Чарльзтонѣ однимъ южаниномъ фанатикомъ, и президентомъ сдѣлался вице-президентъ *Джонсонъ*, выдвинутый «республиканцами» на этотъ постъ, не смотря на свои «демократическія» убѣжденія, какъ единственный представитель Юга, не покинувшій союзный Конгрессъ послѣ сецессіи 11 штатовъ. По вопросу о реконструкціи Джонсонъ стоялъ на еще болѣе умѣренной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Линкольнъ.

Немедленно по вступленіи въ должность Джонсонъ выпустилъ манифестъ объ амнистіи всѣхъ южанъ за исключеніемъ виднѣй-

шихъ вождей (которымъ тоже предоставлялось, впрочемъ, право ходатайствовать объ амнистіи) и приступилъ къ организаціи въ нѣсколькихъ южныхъ штатахъ временнаго правительства, требуя отъ нихъ лишь отмѣны рабства, непризнанія конфедеральныхъ долговъ и утвержденія 13-й поправки. Конгрессъ продолжалъ настаивать на своей программѣ. Главной заботой республиканцевъ сдѣлалось теперь гражданское устройство освобожденныхъ негровъ — единственнаго пока элемента южнаго населенія, на поддержку котораго они могли разсчитывать на Югѣ. Обладая большинствомъ двухъ третей въ обѣихъ палатахъ Конгресса, республиканцы могли осуществлять свою программу, *не смотря на президентское вето*, что и было исполнено ими въ теченіе 39-й и 40-й сессій Конгресса (1865 — 1869 гг.). Прежде всего, вопреки желанію Джонсона, Конгрессъ продлилъ полномочія т. наз. «бюро вольноотпущенныхъ», организованнаго еще до окончанія войны для разбирательства споровъ между неграми и ихъ бывшими господами; по новому закону, окончательно принятому лишь въ іюнѣ 1866 года, волноотпущенные надѣлялись на льготныхъ условіяхъ участками земли, и на бюро возлагалась обязанность ихъ политическаго и гражданскаго воспитанія, а въ случаѣ надобности и вооруженной защиты ихъ противъ бѣлыхъ. Въ мартѣ 66-го года былъ проведенъ «*билль о гражданскихъ правахъ*», вопреки Дрэдъ-Скоттовскому рѣшенію, признававшій за неграми достоинство американскихъ гражданъ, а чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ конституціонности этого закона Конгрессъ еще разъ принялъ его черезъ три мѣсяца, двумя третями голосовъ, въ качествѣ *14-й поправки къ конституціи*. Текстъ поправки гласилъ, во-первыхъ, что «всѣ лица, родившіяся въ предѣлахъ С. Ш. или натурализовавшіяся тамъ, являются гражданами Союза и того штата, въ которомъ они живутъ», во-вторыхъ, что «лишеніе какимъ-нибудь штатомъ части его гражданъ политическихъ правъ иначе какъ за уголовное преступленіе и участіе въ возстаніи уменьшаетъ въ соотвѣтствующей пропорціи представительство даннаго штата въ Конгрессѣ», въ-третьихъ, что «всякія обязательства по займамъ, заключеннымъ для мятежныхъ цѣлей, считаются въ предѣлахъ С. Ш. недѣйствительными» и, наконецъ, что «граждане, разъ нарушившіе вѣрность конституціи и принявшіе участіе въ возстаніи противъ него, считаются лишенными политическихъ правъ, пока не будутъ возстановлены въ нихъ двумя третями Конгресса». Формированная въ общей формѣ

14-я поправка имѣла, конечно, въ виду вполнѣ конкретныя цѣли— лишеніе бывшихъ рабовладѣльцевъ политическихъ правъ, содѣйствіе предоставленію этихъ правъ неграмъ и непризнаніе долговъ конфедераціи.

Утвержденіе поправки ставилось для южныхъ штатовъ непремѣннымъ условіемъ ихъ возстановленія въ правахъ членовъ Союза. За исключеніемъ Тенесси ни одинъ изъ нихъ утвердить 14-ю поправку, однако, не согласился, и Конгрессъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: въ мартѣ 1867 года онъ провелъ двумя третями голосовъ «*Большой реконструкціонный актъ*», въ силу котораго остальные 10 штатовъ подчинялись пяти военнымъ губернаторамъ, надѣленнымъ чрезвычайными полномочіями вплоть до права не считаться съ мѣстными законами, если они «противорѣчатъ, по ихъ мнѣнію, интересамъ вольноотпущенныхъ»; на обязанность этихъ губернаторовъ возлагалось составленіе на мѣстахъ избирательныхъ списковъ *изъ всѣхъ мужчинъ* старше 20-лѣтняго возраста и *проживших въ штатѣ не менѣе года*, «*за исключеніемъ лишенныхъ правъ въ силу 14-й поправки*», и проведеніе черезъ конвентъ, созванный на основаніи этихъ списковъ, мѣстной конституціи со всеобщимъ избирательнымъ правомъ *безъ различія расы*; для принятія штата въ Союзъ требовалось утвержденіе конституціи его населеніемъ, выборъ парламента по новому избирательному закону и утвержденіе 14-й поправки. Предоставленіе избирательныхъ правъ неграмъ и новоселамъ и отнятіе ихъ, въ силу 14-й поправки, у стараго населенія фактически отдавало все дѣло политической реорганизаціи Юга въ руки сѣверянъ, въ большомъ количествѣ переселявшихся въ завоеванные штаты послѣ войны. Съ ихъ помощью въ теченіе полутора года удалось «реконструктировать» шесть южныхъ штатовъ, и только Виргинія, Георгія, Техасъ и Миссисипи оставались еще не принятыми въ Союзъ.

Въ іюлѣ 1868 года 14-я поправка, утвержденная $^3/_4$ штатовъ, вошла, наконецъ, въ законную силу. На президентскихъ и парламентскихъ выборахъ этого года, благодаря участію въ голосованіи негровъ, подавляющее большинство голосовъ даже въ южныхъ штатахъ было подано за республиканцевъ. Президентомъ сдѣлался герой гражданской войны *генералъ Грантъ*. Конгрессъ съ удвоенной энергіей принялся за выполненіе реконструкціонной программы. Несмотря на 14-ю поправку и «Большой реконструкціонный актъ», политическія права за южными неграми

были далеко не обезпечены: тѣ изъ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатовъ, на которые реконструкціонные акты не распространялись (т.-е. всѣ, кромѣ десяти), соглашались скорѣе на уменьшеніе въ Конгрессѣ своего представительства, чѣмъ на предоставленіе неграмъ права голоса, а остальнымъ ничто не мѣшало, вступивши въ Союзъ, измѣнить свои конституціи. Чтобы покончить со всякими колебаніями въ этомъ вопросѣ, Конгрессъ принялъ въ февралѣ 1869 года *15-ю поправку къ конституціи*, гласившую, что ни союзныя, ни мѣстныя правительства не могутъ ограничить политическія права американскихъ гражданъ «на основаніи расы, цвѣта кожи или бывшаго рабства». Для непринятыхъ еще въ Союзъ четырехъ штатовъ утвержденіе 15-й поправки ставилось необходимымъ условіемъ ихъ возстановленія въ правахъ. Въ мартѣ 1870 года поправка вошла въ законную силу, а въ слѣдующемъ году послѣдніе изъ «мятежныхъ» штатовъ были приняты въ Союзъ[1]).

Возстановленіе на Югѣ нормальной жизни. Итоги освобожденія негровъ.

Но и этимъ процессъ реконструкціи еще не кончился: формальное возстановленіе въ правахъ не помѣшало южнымъ штатамъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставаться на положеніи завоеванныхъ провинцій. Коренное населеніе страны во главѣ съ землевладѣльческой аристократіей оставалось на положеніи безкровныхъ «политическихъ преступниковъ», и мѣстными дѣлами управляли, при помощи негритянскихъ голосовъ, пришлые съ сѣвера люди — эмиссары республиканской партіи и просто авантюристы; прожившіи годъ въ одномъ штатѣ, они, въ силу «реконструкціоннаго акта», получали тамъ всѣ политическія права и забирали въ свои руки общественныя должности. Ихъ правленіе было для Юга не менѣе тяжелой эпохой, чѣмъ эпоха военныхъ губернаторовъ. Людей этихъ, являвшихся въ южные штаты, большею частію, съ единственной цѣлью легкой наживы, прозвали здѣсь «саквояжниками» (carpet baggars), за ихъ легкій багажъ, состоявшій иногда изъ одного саквояжа. Они довели на Югѣ до невѣроятныхъ размѣровъ расхищеніе общественнаго и частнаго имущества: за шесть лѣтъ ихъ господства (1868—1874) въ нѣкоторыхъ штатахъ были конфискованы («за недоимки») сотни тысячъ акровъ земли, и налоговое бремя увеличилось въ нѣсколько разъ; за-

---

[1]) Вмѣстѣ съ принятыми послѣ 1850 года Миннесотой (1858), Канзасомъ (1861), Орегономъ (1859), Зап. Виргиніей (1863), Невадой и Небраской (1867) Союзъ состоялъ теперь изъ 37 штатовъ.

битыхъ и невѣжественныхъ негровъ наскоро обучали «искусству голосованія» и, къ негодованію ихъ бывшихъ господъ, не только тянули къ избирательнымъ ящикамъ, но и проводили на общественныя должности. Южане сопротивлялись, какъ могли, при чемъ главнымъ предметомъ ихъ ярости сдѣлались слабѣйшіе изъ противниковъ — негры. Въ 1866 году возникъ въ Тенесси и быстро распространился по всему Югу страшный для нихъ союзъ «*Ку-Клюкса*» (Ku-Klux) [1], спеціально ставившій своей задачей терроризацію негровъ въ цѣляхъ отстраненія ихъ отъ общественной и политической жизни: эта «невидимая имперія» управлялась «великимъ колдуномъ», «великимъ дракономъ», «фуріями», «гидрами», «циклопами» и другими страшными существами, маскарадныя выступленія которыхъ пугали суевѣрныхъ негровъ, быть-можетъ, сильнѣе, чѣмъ прямыя насилія; не было, впрочемъ, недостатка и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ убійствъ, увѣчій и избіеній негровъ «куклюксами» насчитывалось въ 1868—70 гг. цѣлыя сотни. Благодаря сочувствію бѣлаго общества дѣятельность «Ку-Клюкса» оставалась совершенно неуловимой, и для пресѣченія ея Союзный Конгрессъ принужденъ былъ снова прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ. Въ 1870 году былъ изданъ первый «*законъ о сопротивленіи* реконструкціи», въ силу котораго вся выборная процедура ставилась въ южныхъ штатахъ подъ контролемъ назначенныхъ правительствомъ комиссаровъ. Въ слѣдующемъ году спеціальнымъ «закономъ о Ку-Клюксѣ» президенту дано было право вводить въ южныхъ штатахъ военное положеніе и прибѣгать въ случаѣ надобности къ вооруженной силѣ; дѣла о «нарушителяхъ реконструкціи» передавались въ вѣдѣніе федеральныхъ судовъ и подчинялись строгому кодексу. Южане прозвали эти законы «насильническими».

Такое положеніе не могло продолжаться долго: отъ него слишкомъ страдала и политическая, и экономическая жизнь Юга и всей страны. Очень скоро протесты противъ исключительныхъ законовъ стали раздаваться даже изъ республиканскаго лагеря. На выборахъ 72-го года не только демократы, но и часть республиканцевъ, принявшая названіе «*либерально-республиканской партіи*», требовали немедленной амнистіи и отмѣны всѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ. Законъ объ амнистіи и смягченіи «насильническихъ» зако-

---

[1]) Названіе, искусственно созданное по созвучію съ греческимъ κύκλος и съ названіемъ одного индѣйскаго клана *коклетс*

новъ были изданы въ томъ же году. Южане могли перейти теперь отъ обороны къ наступленію: царству «саквояжниковъ» наступалъ конецъ. Уже въ 1870 году власть въ пяти южныхъ штатахъ (Сѣв. Каролина, Тенесси, Техасъ, Георгія и Виргинія) перешла къ старой демократической партіи, а въ 1874—75 году еще въ трехъ (Алабама, Арканзасъ, Миссисипи) противъ бывшихъ губернаторовъ-республиканцевъ и ихъ сотрудниковъ открылся рядъ судебныхъ процессовъ. Съ неграми боролись теперь путемъ законодательства: въ силу 15-й поправки ихъ нельзя было лишить голоса «за цвѣтъ кожи» и «бывшее рабство», но ничто не мѣшало отнять у нихъ политическія права за другія особенности, напримѣръ, «за безграмотность», «за несознательное отношеніе къ голосованію», «за непониманіе конституціи» и т. д. Соотвѣтствующія поправки были сдѣланы къ мѣстнымъ конституціямъ почти всѣми южными штатами; онѣ позволяли имъ, когда угодно и какое угодно количество негровъ, лишать фактически политическихъ правъ, сводя такимъ образомъ на-нѣтъ дѣйствія 14-й и 15-й поправки.

Интересъ къ защитѣ негритянскихъ правъ пропалъ, впрочемъ, послѣ амнистіи и у сѣверянъ: буржуазія перестала цѣнить въ неграхъ орудіе своихъ политическихъ интересовъ, а рабочіе классы встрѣтили въ нихъ конкурентовъ на рынкѣ свободнаго труда. Расовые предразсудки, не находя болѣе сдержки въ политическихъ требованіяхъ момента, вспыхнули съ новой силой и охватили всю страну. Въ современной Америкѣ нѣтъ и тѣни той идеализаціи негровъ и готовности защищать ихъ права, которыя характеризовали американскую интеллигенцію эпохи «Хижины дяди Тома». Негры до сихъ поръ остаются въ Америкѣ фактически безправной и презираемой частью народа: расовый вопросъ ставится остро, и нѣтъ надежды на скорое разрѣшеніе его въ пользу негровъ. Между тѣмъ они составляютъ около 12% всего населенія Америки, а въ отдѣльныхъ штатахъ и округахъ—половину и даже больше.

V.

Хозяйственная жизнь Америки послѣ Гражданской войны.

Промышленное развитіе Юга.

Гражданская война является крупнѣйшей датой въ экономической исторіи Соединенныхъ Штатовъ: разстройство, внесенное ею въ хозяйство южныхъ плантаторовъ только на очень короткій

срокъ задержало хозяйственное развитіе Юга. Тѣмъ съ большей быстротой двинулось оно послѣ окончанія политическихъ смутъ. Предсказаніе старыхъ политиковъ, что вмѣстѣ съ рабствомъ погибнетъ и благосостояніе Юга, было блестяще опровергнуто исторіей. Вмѣстѣ съ рабствомъ Югъ стряхнулъ съ себя тяжелыя путы, замыкавшія передъ нимъ путь къ прогрессу. Несмотря на военное пораженіе и временное политическое разстройство, Югъ вышелъ изъ войны обновленнымъ и готовымъ къ новой жизни. Паденіе рабства уничтожило роковую черту, отдѣлявшую его отъ Сѣвера, поставило въ равныя условія обѣ части Союза и завершило ихъ политическое и экономическое объединеніе. Въ какія-нибудь пять лѣтъ Югъ вернулъ себѣ преобладаніе на хлопковомъ рынкѣ, а еще черезъ 15 лѣтъ его хлопковые урожаи *втрое* превосходили самые лучшіе урожаи рабовладѣльческаго періода. Въ настоящее время Югъ производитъ болѣе 5 билліоновъ фунтовъ хлопка, что составляетъ $^5/_7$ хлопковаго производства всей земли.

Еще быстрѣе двинулось индустріальное развитіе Юга, ставшее фактически возможнымъ лишь послѣ уничтоженія невольническаго труда: только теперь появились здѣсь фабрики и заводы и началась разработка огромныхъ естественныхъ богатствъ — залежей металловъ и каменнаго угля. До войны Югъ перерабатывалъ у себя, путемъ домашней промышленности, не болѣе 178 тысячъ тюковъ хлопка, въ 1880 году южныя фабрики потребляли ихъ уже 222 тысячи, а въ началѣ XX вѣка около 2 милліоновъ. Въ 1903 году прядильныя фабрики Юга имѣли 6½ милліоновъ веретенъ — треть всего количества ихъ въ С. Ш.: мечта южныхъ демократовъ начала прошлаго вѣка о развитіи въ хлопковыхъ штатахъ собственной хлопчатобумажной промышленности исполнилась только теперь.

Экономическое развитіе С. Ш. послѣ войны

Столь же благопріятно отразилась война своими конечными результатами и на экономическомъ развитіи всей страны. Два важныхъ факта совершилось въ немъ послѣ этой эпохи: Америка стала главной поставщицей хлѣба и пищевыхъ продуктовъ въ Европу и почти совершенно освободилась отъ необходимости покупать ея фабрикаты. За четверть вѣка съ середины семидесятыхъ годовъ общее производство хлѣба увеличилось въ С. Ш. вдвое (съ 1 до 2 билліоновъ бушелей), производство пшеницы — втрое (съ 250 до 750 милл. бушелей), а вывозъ ея за границу — почти вчетверо (съ 75 до 290 милліоновъ бушелей). Но какъ ни великъ былъ въ Америкѣ ростъ сельскаго хозяйства, еще быстрѣе

росла ея фабрично-заводская, городская промышленность. Въ 1860 году городское населеніе не превышало 16% всего населенія Америки; къ концу XIX столѣтія оно достигло 40%. Съ 1860 до 1900 года вложенный въ американскую промышленность капиталъ увеличился чуть не въ 10 разъ (съ 1010 милліон. долл. до 9830 м.), а ежегодная стоимость ея продукта болѣе, чѣмъ въ 12; въ частности производство желѣзной и стальной промышленности поднялось съ *1 милліона* тоннъ въ 1860 до *32 милліоновъ* въ 1901 г.; и въ настоящее время по производству желѣза Америка превосходитъ Германію и Англію взятыя вмѣстѣ. До начала 70 годовъ заграничный ввозъ въ Америку постоянно преобладалъ надъ американскими вывозами, но въ девяностыхъ годахъ вывозъ уже на 244 милліона превышалъ ввозъ, въ началѣ девятисотыхъ — на 582 милліона.

Огромныя перемѣны въ хозяйственной жизни кореннымъ образомъ вліяли, конечно, на всю общественную и политическую жизнь Америки. Война прорвала плотину, разъединявшую Сѣверъ и Югъ, ослабила вообще значеніе географическихъ граней, но ростъ капитализма при режимѣ свободнаго труда увеличилъ значеніе соціальныхъ граней: на смѣну старыхъ противорѣчій американской жизни выдвинулись новыя...

Ив. Херасковъ.

Интернаціоналъ.

I.

Образованіе международнаго капитализма и идея международнаго объединенія рабочихъ.

Интернаціоналъ, или Международное Товарищество рабочихъ, былъ продуктомъ экономическихъ успѣховъ за вторую четверть XIX вѣка. Жизнь постепенно устранила препятствія, стоявшія на дорогѣ развивавшемуся капитализму. Широкое примѣненіе пара въ области промышленности, быстрое развитіе жел. дор. и морского транспорта, законодательство, благопріятствовавшее экономическимъ начинаніямъ буржуазіи, ростъ городовъ, развитіе кредита постепенно привели къ образованію международнаго капитализма, т.-е. утвержденіе болѣе или менѣе однородныхъ производственныхъ отношеній во всѣхъ западно - европейскихъ странахъ.

Всѣ эти явленія способствовали также быстрому росту капиталистической эксплуатаціи рабочихъ. Извѣстно, что положеніе пролетаріата на первоначальныхъ стадіяхъ капитализма было исключительно тяжелымъ. У него не было достаточно сильныхъ организацій, чтобы защищать свои интересы, фабричнаго законодательства еще почти не существовало. Но одиночество пролетаріата

Пособія. *Oskar Testut.* Association internationale des travailleurs. 1871. *Villetard.* Histoire de l'I. 1871. *E. Fribourg.* L'Ass. I. des travailleurs. 1871. *P. Brousse.* Le marxisme dans l'I. 1882. *B. Malon.* L'I. son histoire et ses principes. 1872 (небольшой, но содержательный очеркъ; есть русск. пер.). *P. Resch.* Die I. 1885 (содержат. и объективный очеркъ; авторъ—противникъ соціализма). *G. Weill.* Histoire du mouvement social en France. 1904 (гл. V). *Iaeck.* Die I. (очень тенденціозн. исторія И., враждебное отношеніе къ бакунизму. Есть русск. пер.). *J. L. Puech.* Le Proudhonisme dans l'Ass. I. des travailleurs. 1907 (обширн. библіогр. указанія). *Netau.* The life of Michael Bakounine. I—III. 1896—1900 (литограф. изданіе). *Preaudeau.* M. Bakounine. Le Collectivisme dans l'I. 1911 и самое полное и документальное изслѣдованіе объ И. *Guillaume.* L'I., т. I—IV. 1905—1910.

было школой, въ которой постепенно раскрывалось и укрѣплялось его классовое самосознаніе. Именно сознаніе своего одиночества и своего безправнаго положенія толкнули рабочихъ на борьбу противъ капитализма, какъ системы, необходимо опирающейся на эксплуатацію пролетаріата. Изъ сознанія необходимости борьбы съ капитализмомъ выросла постепенно идея необходимости объединенія рабочихъ разныхъ странъ.

Впервые эта идея начинаетъ формулироваться еще въ началѣ 40-хъ годовъ. Въ 1843 г. одна изъ послѣдовательницъ Фурье [1])— Флора Тристанъ, выпустила книжку «рабочій союзъ» (L'Union ouvrière), въ которой, обращаясь къ рабочимъ всѣхъ странъ, призывала ихъ создать всемірный союзъ для защиты пролетарскихъ интересовъ. Нежданная пропаганда этой идеи была прервана смертью Фл. Тристанъ. Но въ 1847 г. эта идея получила вдохновенное истолкованіе въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», кончающемся энтузіастическимъ обращеніемъ къ пролетаріату: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Извѣстно, что появленіе Каммун. Манифеста по времени почти совпадаетъ съ пораженіемъ революціи и наступленіемъ общеевропейской реакціи, охватившей собой цѣлое десятилѣтіе. Вожди революціи должны были эмигрировать, и рабочая мысль долгое время не могла найти себѣ выраженія. Всѣ формы политической свободы были или задушены или подверглись существеннымъ ограниченіямъ. Но никакими преслѣдованіями нельзя было убить протеста, воспитывавшагося всей совокупностью соціальныхъ отношеній, и съ ослабленіемъ реакціоннаго режима къ началу 60-хъ годовъ этотъ протестъ вырывается почти одновременно во всѣхъ странахъ: во Франціи въ формѣ «мутуалистическаго» ученія Прудона, въ Германіи въ формѣ образованія двухъ типовъ рабочей организаціи: лассальянскаго и марксистскаго, наконецъ, въ Англіи въ формѣ «совѣтовъ трэдъ-юніоновъ» и съѣздовъ тр.-юніоновъ». Къ тому же Лондонъ къ началу 60-хъ годовъ становится центромъ революціонной эмиграціи, и здѣсь идея международной солидарности рабочихъ получила наиболѣе широкую популярность.

Въ 1862 г. въ Лондонѣ была устроена всемірная выставка, на которую пріѣхали делегаты французскихъ, нѣмецкихъ и бельгійскихъ рабочихъ. На собраніяхъ делегатовъ былъ поставленъ

---

[1]) См. мою статью «С.-Симонъ и Фурье» въ IV т.

вопросъ о практическомъ осуществленіи идеи международнаго объединенія рабочихъ. Съ особеннымъ одушевленіемъ отнеслись къ этому начинанію англійскіе и французскіе рабочіе, организовавшіе въ результатѣ совѣщаній особые комитеты въ Лондонѣ и Парижѣ. Съ этого момента сношенія между парижскими и лондонскими рабочими болѣе не прерываются, а 28 сентября 1864 г. былъ избранъ, наконецъ, временный комитетъ, которому и было поручено выработать Уставъ Междун. Тов. рабочихъ[1]). Въ октябрѣ Уставъ былъ уже опубликованъ.

Уставъ Междун. Тов. рабочихъ.

Уставу предшествовало слѣдующее введеніе[2]). «Имѣя въ виду, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что усилія рабочихъ, направленныя къ ихъ освобожденію, должны заключаться не въ установленіи новыхъ привилегій, но въ утвержденіи равныхъ правъ и обязанностей для всѣхъ и уничтоженіи всякаго классоваго господства..., что экономическое подчиненіе рабочаго владѣльцамъ средствъ производства, т.-е. источника жизни, есть первая причина его политическаго, нравственнаго и матеріальнаго рабства..., что поэтому экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено какъ средство..., что всѣ усилія, предпринятыя до сихъ поръ къ достиженію этой цѣли, потерпѣли неудачу вслѣдствіе отсутствія солидарности между рабочими различныхъ профессій въ каждой отдѣльной странѣ и братскаго единенія между рабочими различныхъ странъ..., что освобожденіе труда, не будучи задачей ни мѣстной, ни національной, ни какого-либо одного общества, затрагиваетъ интересы всѣхъ современныхъ странъ и требуетъ для его осуществленія взаимной теоретической и матеріальной поддержки..., что движеніе, вырастая среди рабочихъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы, рождая новыя надежды, вмѣстѣ съ этимъ торжественно предостерегаетъ ихъ противъ повторенія старыхъ ошибокъ и зоветъ ихъ всѣхъ къ немедленному объединенію ихъ усилій, пока еще изолированныхъ... — Нижеподписавшіеся... приняли необходимыя мѣры къ основанію «Межд. Ассоц. Раб.». Они объявляютъ, что эта М. А. Р., такъ же, какъ всѣ общества и лица,

---

[1]) Въ комитетъ вошли 5 делегатовъ отъ Англіи (Осборнъ, Эккаріусъ, Оджеръ, Хоуэль, Локрафтъ) и по одному делегату отъ Франціи (Боске), Германіи (К. Марксъ), Италіи (Вольфъ) и Швеціи (Юнгъ).

[2]) Введеніе представляло собой почти буквальное воспроизведеніе первоначальнаго проекта французскихъ рабочихъ.

къ ней присоединяющіяся, признаютъ необходимой основой своего поведенія по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ стремленіе къ истинѣ, нравственности и справедливости. Они считаютъ своимъ долгомъ добиваться для всѣхъ правъ человѣка и гражданина. Нѣтъ обязанностей безъ правъ и нѣтъ правъ безъ обязанностей».

Въ духѣ, соотвѣтствующемъ этимъ общимъ началамъ, былъ составленъ и самый Уставъ, утвержденный первымъ Конгрессомъ Интернаціонала въ 1866 г.

Познакомимся съ важнѣйшими его статьями.

М. Т. Р. должна была быть центральнымъ пунктомъ для сношеній и совмѣстной дѣятельности рабочихъ различныхъ странъ. Членомъ М. Т. могъ стать всякій раздѣлявшій и защищавшій его принципы (ст. 1 и 8)[1]. Главный совѣтъ М. Т. комплектовался изъ рабочихъ различныхъ національностей. Совѣтъ избиралъ исполнительное Бюро. Ежегодно должны были происходить общіе конгрессы, которымъ главн. сов. обязанъ былъ отчетностью. Конгрессъ избиралъ членовъ совѣта и намѣчалъ мѣсто будущаго Конгресса (ст. 3 и 4). Центральная задача Главн. Сов. заключалась въ освѣдомленіи рабочихъ различныхъ національностей о всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ положеніемъ пролетаріата и поддержаніи связи между различными секціями Товарищества (ст. 5). М. Т. гарантировало каждому эмигрировавшему рабочему братскую помощь со стороны мѣстныхъ членовъ Товарищества (ст. 7). Рабочимъ обществамъ, желавшимъ войти въ составъ М. Т., гарантировалось сохраненіе типа ихъ организаціи (ст. 10). Самый процессъ организаціи Интернаціонала намѣчался въ слѣдующемъ видѣ: рабочіе извѣстной мѣстности или опредѣленной профессіи открывали секцію. Секціи соединялись въ федераціи, а И. долженъ былъ стать совокупностью всѣхъ федерацій. Секціи и федераціи были автономны. Гл. Сов. не располагалъ принудительной властью. Высшей инстанціей былъ Конгрессъ; ему принадлежало право измѣненій въ Уставѣ.

Хотя, такимъ образомъ, основной задачей И. было экономическое освобожденіе рабочихъ, но въ самый И. могли войти не только рабочіе, но всѣ вообще сочувствовавшіе его дѣятельности. И, дѣйствительно, въ И. вступили люди самыхъ различныхъ направленій, нерѣдко между собой непримиримыхъ. И этотъ

---

[1] Т.-е. въ Интернаціоналъ могли свободно войти и интеллигенты.

глубокій внутренній расколъ, давшій себя чувствовать уже на первыхъ шагахъ дѣятельности новаго учрежденія, впослѣдствіи сталъ главной причиной его распаденія.

Но на первыхъ порахъ образованіе секцій пошло очень энергично. Первоначальное недовѣріе революціонно настроенныхъ рабочихъ было быстро сломлено. Въ іюлѣ 1865 г. въ Парижѣ было открыто бюро, которое немедленно занялось подготовкой перваго конгресса И. Его предполагали созвать въ Бельгіи, но вслѣдствіе враждебной позиціи, занятой бельгійскимъ правительствомъ, принуждены были перенести въ Швейцарію.

Конгрессы Интернаціонала въ первые годы его существованія.

Этотъ первый конгрессъ И. состоялся въ 1866 г. въ Женевѣ. На немъ присутствовали 60 делегатовъ (изъ нихъ 15 отъ рабочихъ организацій, еще не примкнувшихъ къ И.). Съ самаго начала французскими делегатами былъ поставленъ кардинальный вопросъ — раціонально ли принимать въ члены И. не рабочихъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а интеллигентовъ, хотя бы и сочувствующихъ рабочему движенію. Парижскіе делегаты стояли на отрицательной точкѣ зрѣнія. «Мы ни къ кому не питаемъ ненависти, — говорилъ, напр., одинъ изъ выдающихся организаторовъ Парижскаго бюро Толенъ, — но въ современныхъ условіяхъ мы смотримъ на всѣхъ членовъ привилегированныхъ классовъ, какъ на враговъ. Рабочіе хотятъ эмансипироваться собственными средствами, не прибѣгая ни къ чьему покровительству».

Эта мысль вызвала, однако, страстныя возраженія со стороны англійскихъ и нѣмецкихъ делегатовъ, и французское предложеніе было отвергнуто. Антагонизмъ проявился въ полной силѣ и въ докладахъ, представленныхъ Конгрессу.

Докладъ Главнаго Лондонскаго Совѣта, составленный подъ непосредственнымъ руководствомъ Маркса, далъ суровую критику кооперативнаго движенія, неспособнаго измѣнить существующій хозяйственный строй. Подчеркивая важную роль профессіональныхъ союзовъ въ борьбѣ противъ капитализма, докладъ указывалъ, однако, что профессіональныя организаціи не должны ограничиваться непосредственной борьбой противъ капитализма, должны обратить свое вниманіе также на политическія средства борьбы, въ цѣляхъ овладѣнія государственной властью, и поддерживать всякое политическое движеніе, ведущее къ освобожденію трудящихся.

Наоборотъ, докладъ, представленный Парижскими секціями, былъ пропитанъ прудонизмомъ. Въ И. — гласилъ докладъ — рабочіе впервые заявляли о самостоятельномъ стремленіи къ освобожденію и о нежелательности какой-либо посторонней опеки. Всѣ же предшествующія попытки рабочихъ, въ этомъ смыслѣ, сводились только къ переизбранію своихъ господъ. И докладъ усиленно рекомендовалъ развитіе коопераций. Построенныя на свободномъ договорѣ, кооперативныя товарищества не умаляютъ личности и ея инициативы, что имѣетъ мѣсто въ ассоціаціяхъ. Докладъ развивалъ, между прочимъ, отрицательный взглядъ на стачки, которыя, сокращая потребленіе, вызываютъ этимъ якобы новую безработицу.

Прудонисты остались побѣдителями. Конгрессъ, заслушавъ доклады, высказался за желательность образованія производительныхъ товариществъ, а также за сліяніе всѣхъ кредитныхъ коопераций въ центральный международный банкъ. Подобное рѣшеніе не могло не вызвать раздраженія въ рядахъ марксистовъ. Впослѣдствіи въ письмѣ къ Кугельману Марксъ, описывая Женевскій конгрессъ, жестоко отдѣлываетъ «господъ Парижанъ», явившихся съ головами, набитыми «Прудоновской фразеологіей», для защиты «вульгарнаго буржуазнаго строя, лишь прикрашеннаго на Прудоновскій манеръ». И самому Прудону Марксъ предъявляетъ обвиненіе въ мелко-буржуазномъ утопизмѣ.

Зато слѣдующій Лозаннскій конгрессъ былъ, по преимуществу, торжествомъ сторонниковъ политической борьбы пролетаріата. Конгрессъ вотировалъ, что экономическое освобожденіе пролетаріата неотдѣлимо отъ его политическаго освобожденія и что поэтому завоеваніе политической свободы есть первая и насущная задача, стоящая передъ рабочимъ классомъ. Въ число резолюцій конгресса вошло пожеланіе о томъ, чтобъ средства сообщенія, монополизированныя частными компаніями, перешли въ собственность государства. Вопросъ объ общественной собственности былъ вообще предметомъ долгихъ дебатовъ на Лозаннскомъ конгрессѣ. Французскіе делегаты высказывались противъ нея, наоборотъ, нѣмецкіе, англійскіе и бельгійскіе делегаты защищали ее. Прудонистамъ удалось еще разъ добиться у конгресса резолюціи о желательности развитія производительныхъ коопераций.

Этотъ годъ впервые ознаменовался преслѣдованіемъ членовъ И. Наполеоновское правительство, первоначально искавшее популярности среди рабочихъ, круто перемѣнило политику, когда

И. перенесъ борьбу за освобожденіе пролетаріата на политическую почву. На членовъ Парижской секціи посыпались штрафы; вожаки (Варленъ, Б. Малонъ и др.) поплатились тюремнымъ заключеніемъ. Самый И. въ глазахъ буржуазіи становится пугаломъ. Волненія среди рабочихъ, стачки начали приписывать исключительно воздѣйствію таинственнаго и страшнаго общества, якобы подготовляющаго въ ближайшемъ будущемъ соціальную революцію. Наоборотъ, въ рабочихъ кругахъ преслѣдованія, сыпавшіяся на членовъ И., только усиливали его популярность. И послѣдніе годы десятилѣтія были эпохой наибольшаго расцвѣта И. Особенно замѣчательны его Брюссельскій конгрессъ 1868 г. и Базельскій 1869 г.

Наиболѣе значительнымъ актомъ Брюссельскаго конгресса была его резолюція объ обобществленіи средствъ производства. Послѣ обширнаго доклада бельгійскаго делегата Цезаря де-Папъ, конгрессъ 30 голосами изъ 50 призналъ, что земля, годная къ обработкѣ, лѣса, рудники, копи, каменоломни, каналы и всѣ вообще пути сообщенія должны быть обращены въ общественную собственность. Эта резолюція была яркой побѣдой коллективистовъ надъ прудонистами. Особенное вниманіе конгрессъ удѣлилъ вопросу о стачкахъ. «Хотя стачка, — гласила его резолюція, — не можетъ быть разсматриваема, какъ средство полнаго и окончательнаго освобожденія рабочаго, но въ современныхъ условіяхъ, въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ она является часто необходимостью». И конгрессъ высказался за желательность созданія особыхъ ассоціацій сопротивленія, которыя бы могли взять на себя организацію стачекъ[1]). Былъ выработанъ и цѣлый рядъ правилъ для цѣлесообразнаго проведенія стачекъ. Замѣчательно, что члены И. не только высказывали мысль о всеобщей стачкѣ, но и ясно понимали ея огромное политическое значеніе. Мысль о всеобщей стачкѣ родилась среди дебатовъ о войнѣ и объ отношеніи къ ней рабочаго класса. Предвосхищая положенія современнаго революціоннаго синдикализма, конгрессъ вотировалъ слѣдующую формулу: «общественный организмъ не можетъ существовать, если производство будетъ остановлено на извѣстное время. Такимъ образомъ, довольно того, чтобы про-

---

[1]) Нѣкоторые изъ дѣятелей И., какъ, напр., де-Папъ приписывали исключительно важную роль этимъ ассоціаціямъ, полагая, что онѣ послужатъ ячейками будущаго общества.

изводители перестали производить, чтобы осуществленіе замысловъ единоличныхъ и деспотическихъ правительствъ стало невозможнымъ». И конгрессъ рекомендовалъ рабочимъ «остановить всѣ работы на случай открытія ихъ правительствомъ военныхъ дѣйствій противъ другого народа».

Кромѣ этихъ общихъ резолюцій, конгрессъ высказался за необходимость сокращенія рабочаго времени, за повсемѣстную организацію общедоступныхъ образовательныхъ курсовъ, за необходимость широкаго распространенія производительныхъ кооперацій и обществъ взаимопомощи.

Слѣдующій конгрессъ Базельскій 1869 г. подтвердилъ резолюцію Брюссельскаго объ обобществленіи земли. Но вопросъ о способахъ пользованія землей, когда она перейдетъ въ общественную собственность, вызвалъ большія разногласія. Одни категорически высказывались за организацію крупныхъ государственныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій[1]), другіе проектировали обработку земли свободными и солидарными общинами[2]), наконецъ, третьи предлагали раздачу земли на арендныхъ началахъ кооперацiямъ и частнымъ лицамъ[3]). Вопросъ остался открытымъ.

Любопытнѣйшимъ эпизодомъ Базельскаго конгресса былъ конфликтъ, возникшій по поводу вопроса о «прямомъ народномъ законодательствѣ». Предложеніе было внесено швейцарскими делегатами отъ Цюрихскаго кантона, который ввелъ въ свою конституцію референдумъ. Цюрихскіе делегаты видѣли въ немъ наиболѣе цѣлесообразное средство для разрѣшенія соціальныхъ затрудненій. Предложеніе вызвало энергичный отпоръ со стороны нѣмецкихъ соціалистовъ, во главѣ съ Либкнехтомъ. «Соціальная революція,—доказывали они,—должна быть предварена широкимъ развитіемъ политическаго аппарата и нѣмецкіе соціалисты потребовали спеціальнаго засѣданія для обсужденія этого вопроса». Однако конгрессъ огромнымъ большинствомъ отвергъ контръ-предложеніе, подчеркнувъ этимъ свой политическій индифферентизмъ. Неудивительно, что въ радикальной печати это рѣшеніе было встрѣчено взрывомъ негодованія. Французскіе журналисты клеймили членовъ И., выступившихъ про-

---

1) Главный Совѣтъ, находившійся подъ вліяніемъ Маркса.

2) Большинство комиссіи, занимавшейся спеціальнымъ изученіемъ вопроса.

3) Меньшинство комиссіи.

тивъ Либкнехта и его единомышленниковъ, кличками «бонапартистовъ», «несознательныхъ», «сознательныхъ слугъ реакціи» и т. п.

На этомъ же конгрессѣ Бакунинъ раскрылъ свое антигосударственное credo. Онъ рекомендовалъ предварять борьбу противъ частной собственности борьбой противъ государства, ибо государство, по его убѣжденію, является необходимой политической и юридической гарантіей института Частной Собственности.

Базельскій конгрессъ заключаетъ собой первую наиболѣе плодотворную эпоху существованія И. Къ этому времени относится рядъ событій, глубоко отразившихся на дальнѣйшихъ судьбахъ И. Событія эти вскрыли идейныя противорѣчія, жившія въ Товариществѣ Рабочихъ, и вызывали острый расколъ между его членами, — расколъ, который впослѣдствіи привелъ къ полному разрушенію И.

Расколъ въ Интернаціоналѣ.

Первымъ крупнымъ событіемъ была война 1870 — 71 гг., къ которой И., какъ цѣлое, съ самаго начала относился какъ къ преступленію, возмущающему общественную совѣсть. Но среди рабочихъ разныхъ національностей настроенія были противорѣчивы. Въ Германіи, напр., одни рѣзко критиковали дѣйствія нѣмецкаго правительства, другіе же высказывались за необходимость дать Франціи отпоръ, изъ опасеній, что побѣда Наполеоновскаго режима можетъ имѣть глубокое реакціонное значеніе. Въ Швейцаріи послѣ разгрома при Седанѣ создалось настроеніе, взывавшее къ борьбѣ противъ реакціонныхъ вожделѣній побѣдителя и даже рекомендовавшее итти на помощь Франціи. На этой точкѣ зрѣнія стояло и анархо-революціонное крыло И. (Бакунинъ), въ то же время отказывавшееся, разумѣется, отъ какой бы то ни было солидарности съ буржуазной республикой 4 сентября. Наоборотъ, марксистское теченіе, имѣвшее главную опору въ Лондонскомъ Совѣтѣ, протестовало противъ превращенія войны оборонительной въ наступательную и пропагандировало идею почетнаго мира.

Вторымъ событіемъ была Коммуна, встрѣченная съ энтузіазмомъ не только анархическими элементами И. за ея «антигосударственный» характеръ, но и марксистами, видѣвшими въ ней «славнаго предвѣстника новаго міра». Практически И. участія въ судьбахъ Коммуны не принималъ, и Парижская секція И. оставалась самостоятельной отъ Коммуны организаціей, хотя нѣкоторые ея члены и вошли въ составъ правительства Коммуны. Однако съ подавленіемъ Коммуны, правительство одновременно

открыло преслѣдованія и противъ И. Впрочемъ, исторія И. съ этого момента, въ сущности, есть исторія его постепеннаго умиранія.

Выше уже было указано, что основной причиной распада И. былъ его пестрый составъ, включавшій не только противорѣчивые, но и враждебные элементы. Въ И. въ цвѣтущую пору его дѣятельности были представлены слѣдующіе типы соціалистической мысли:

1) *Мутуалисты*, послѣдователи Прудона. Во французскихъ секціяхъ они были полными господами положенія. Они были противъ допущенія въ И. нерабочихъ элементовъ, отвергали идею политической диктатуры пролетаріата, охотно подчеркивали роль личной иниціативы въ процессѣ соціальной борьбы и на первый планъ выдвигали организаціи экономическаго и кооперативнаго характера.

2) *Автономисты*, представленные, по преимуществу, швейцарскими секціями. Подобно мутуалистамъ, они были федералистами, также отрицательно смотрѣли на политическую борьбу пролетаріата и стояли за экономическія организаціи. Оригинальнымъ пунктомъ ихъ практической программы былъ проектъ организаціи ремесленныхъ Союзовъ въ цѣляхъ представленія интересовъ труда въ его цѣломъ.

3) *Анархисты*, послѣдователи Бакунина, были представлены, по преимуществу, итальянскими и испанскими секціями. Подобно мутуалистамъ и автономистамъ, они были федералистами и стояли за экономическую борьбу. Въ отличіе отъ нихъ, они категорически отрицали государство во всѣхъ его формахъ и требованіяхъ. Ихъ практическая программа рекомендовала революціонную пропаганду и терроръ. Идеальное общество имъ рисовалось въ видѣ федераціи свободныхъ самоуправляющихся общинъ.

4) *Коллективисты*, комплектовавшіеся, главнымъ образомъ, изъ нѣкоторыхъ французскихъ и бельгійскихъ секцій, были также федералистами, также игнорировали политическія организаціи и также предпочитали оставаться на почвѣ экономической борьбы. Но въ своемъ требованіи обобществленія орудій и средствъ производства они рѣзко разошлись съ мутуалистами, защищавшими принципъ частной собственности. Въ практической программѣ они рекомендовали организацію федеративныхъ обществъ сопротивленія.

5) *Марксисты*, рекрутировавшіеся изъ нѣмецкихъ и австрійскихъ секцій, отрицали федерализмъ; только экономическую борьбу пролетаріата считали недостаточной и какъ основной пунктъ своей программы выдвигали организацію самостоятельной политической рабочей партіи. Марксисты, какъ и коллективисты, требовали обобществленія орудій и средствъ производства.

Уже изъ этого бѣглаго обзора программъ господствовавшихъ теченій И. ясны антагонизмы, свившіе себѣ въ немъ съ самаго начала прочное гнѣздо. Наиболѣе непримиримыми теченіями были: марксистское и анархистское какъ въ силу глубокой враждебности самыхъ основъ міровоззрѣнія, такъ и благодаря яркой окрашенности индивидуальностей обоихъ вождей этихъ теченій: Маркса и Бакунина.

Общимъ для этихъ теченій было матеріалистическое объясненіе исторіи и отрицаніе института частной собственности. Но въ то время какъ марксисты разсматривали государство, какъ неизбѣжный этапъ въ экономическомъ развитіи общества, необходимый и въ смыслѣ выявленія классоваго самосознанія пролетаріата, бакунисты отрицали самое государство, какъ одну изъ формъ властвованія, как самостоятельный источникъ общественнаго гнёта и неравенства. Поэтому, если марксисты звали пролетаріатъ къ завоеванію политической власти, къ образованію политическихъ партій, анархисты призывали къ экономической борьбѣ и къ организаціи возстаній противъ государственной власти. Въ то время какъ марксизмъ видѣлъ именно въ пролетаріатѣ прогрессивную силу, призванную разрушить буржуазное общество, бакунизмъ обращался равно ко всѣмъ «свободолюбивымъ» элементамъ общества (интеллиг., босяки и т. д.), не устанавливая въ этомъ смыслѣ никакихъ классовыхъ перегородокъ. Если марксизмъ далѣе указывалъ пролетаріату на необходимость долгой предварительной работы до осуществленія политической диктатуры и рекомендовалъ поэтому, на ряду съ образованіемъ политическихъ партій, организацію профессіональныхъ Союзовъ и т. п.[1]), бакунизмъ полагалъ возможнымъ немедленное осуществленіе соціальной революціи путемъ поднятія

[1]) Въ своемъ посланіи къ секціямъ И. Марксъ удѣляетъ гораздо большее вниманіе професcіон. союзамъ и ихъ роли, чѣмъ это дѣлалъ послѣдующій марксизмъ. Марксъ называетъ проф. союзы «организованной силой, могущей сокрушить самую систему наемнаго труда», «*активными передовыми* борцами рабочаго класса».

народныхъ массъ, организаціи отдѣльныхъ террористическихъ актовъ и т. п. Наконецъ, и самая концепція будущаго строя у марксистовъ и анархистовъ была глубоко различной. Марксизмъ проектировалъ централизованное общество «коммунистовъ», анархизмъ — федерацію автономныхъ общинъ [1]).

Антагонизмъ между анархистской и марксистской мыслью, который Кропоткинъ справедливо называетъ «конфликтомъ между духомъ латинской и германской расы», осложнялся еще борьбой за личное вліяніе, выливаясь то въ форму закулисныхъ дипломатическихъ ходовъ со стороны Маркса, то въ бурныхъ прорывахъ темперамента Бакунина.

Уже самое вступленіе анархистовъ въ И. было необычнымъ. Въ огромномъ большинствѣ анархисты принадлежали передъ этимъ къ революц. «Союзу Соц. Демократіи», основанному Бакунинымъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Бакунинъ хотѣлъ, чтобы союзъ цѣликомъ вошелъ въ составъ И. Это встрѣтило протесты. Тогда союзъ былъ распущенъ, и всѣ секціи его вошли самостоятельно въ И., продолжая, однако, поддерживать между собой прежнія отношенія. Генер. Совѣтъ открылъ немедленно борьбу противъ анархическихъ тенденцій Бакунина и его единомышленниковъ, причемъ въ ходъ были пущены всѣ средства.

Въ настоящее время и нѣкоторые марксисты не считаютъ возможнымъ оправдывать поведенія Маркса въ его конфликтахъ съ Бакунинымъ, тѣмъ болѣе, что еще въ концѣ 68 г. Бакунинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Марксу называетъ его однимъ изъ главныхъ организаторовъ И. и прибавляетъ даже, что «гордится быть его ученикомъ». Раздраженіе противъ Бакунина дошло до того, что антагонисты его пустили слухъ объ его провокаторской дѣятельности. Бакунинъ предложилъ тогда (послѣ Базельск. Конгр. въ ноябрѣ 69 г.) Либкнехту, пустившему этотъ слухъ, третейскій судъ. На судѣ Либкнехтъ отказался отъ своихъ заявленій, судъ призналъ его виновнымъ въ легкомысліи, тѣмъ не менѣе, спустя нѣкоторое время, Либкнехтъ далъ мѣсто въ редактируемомъ имъ журналѣ новой корреспонденціи о шпіонствѣ Бакунина.

Война и коммуна окончательно раздѣлили обѣ враждующія между собой стороны. Уже во время войны Бакунинъ дважды

[1]) Здѣсь не мѣсто останавливаться на спеціальномъ вопросѣ о размѣрахъ и характерѣ вліянія Прудона и Бакунина тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ до сихъ поръ остается еще далеко не выясненнымъ.

попытался осуществить свои идеи на практикѣ, но оба опыта его революцiоннаго творчества (Лiонъ и Марсель) кончились неудачей. Съ неменьшей страстностью онъ пытался организовать въ провинцiи защиту коммуны. Но въ то время, какъ Бакунинъ громилъ своихъ противниковъ за косность и умѣренность, они его клеймили какъ легкомысленнаго и даже преступнаго дилетанта. Генеральное сраженiе произошло на Гаагскомъ конгрессѣ 1872 г. Впервые на этомъ конгрессѣ присутствовалъ и Марксъ. Анархисты требовали немедленнаго роспуска Генер. Совѣта. Марксисты, наоборотъ, настаивали на расширенiи его полномочiй, вплоть до права закрытiя отдѣльныхъ секцiй И. При этомъ Энгельсъ предложилъ перенести временно (на 1 годъ) Ген. Совѣтъ въ Нью-Йоркъ. Предложенiя марксистовъ были приняты большинствомъ конгресса. Тогда на обсужденiе конгресса былъ поставленъ вопросъ объ исключенiи Бакунина и его единомысленниковъ изъ состава И., какъ вносившихъ въ союзъ дезорганизацiю. И это предложенiе было вотировано.

Распаденiе Интернацiонала.

Централистскiя замашки Генер. Совѣта, исключенiе Бакунина, перенесенiе совѣта въ Нью-Йоркъ, грозившее фактической ликвидацiей И., на цѣлый рядъ секцiй произвели удручающее впечатлѣнiе. Почти всѣ итальянскiя, швейцарскiя и испанскiя секцiи сейчасъ же вслѣдъ за Гаагскимъ конгрессомъ вышли изъ И., объявивъ себя автономными. Онѣ созвали новый самостоятельный конгрессъ, на которомъ отмѣнили всѣ резолюцiи Гаагскаго конгресса и объявили низложеннымъ Генер. Совѣтъ. Генер. Сов., въ свою очередь, отвѣчалъ роспускомъ вновь образовавшейся федерацiи и исключенiемъ бунтарскихъ секцiй.

И. фактически умеръ. Идеѣ единства и цѣльности рабочаго движенiя былъ нанесенъ тяжкiй ударъ. Въ Германiи постепенно слагается самостоятельная рабочая партiя (соц.-демократiя), въ Англiи рабочее движенiе возвращается къ традицiонному мирному профессiонализму и единое, казалось, соцiальное движенiе разбивается на отдѣльныя нацiональныя струи.

И. существовалъ недолго — съ 1864 г. по 1876 (годъ его формальнаго закрытiя). И, тѣмъ не менѣе, влiянiе его на развитiе соцiалистической мысли и на все послѣдующее движенiе пролетарiата мы считаемъ огромнымъ.

Прежде всего никакiе литературные споры, никакiе критическiе турниры не могли такъ ярко подчеркнуть и опредѣлить различныхъ типовъ соцiалистической мысли, какъ это сдѣлала

практика И. Въ этой практикѣ стало ясно, что глубоко различные и даже непримиримые типы соціалистической мысли не есть только продуктъ отвлеченной работы вождей отдѣльныхъ теченій, но что они связаны неразрывными узами съ расовыми и національными особенностями, породившими эти формы движенія. Отсюда былъ сдѣланъ въ высшей степени важный и плодотворный выводъ: національная организація пролетаріата должна необходимо предшествовать его международной организаціи. Обратное, несмотря на идейную значительность, не имѣетъ фактическихъ основъ и потому недолговѣчно. Наконецъ, подчеркивая своими внутренними несогласіями неустранимые антагонизмы соціалистической мысли, И. тѣмъ самымъ облегчалъ пролетаріату уясненіе его классоваго самосознанія. Именно въ этомъ смыслѣ онъ далъ могучій толчекъ всему послѣдующему развитію рабочаго движенія. Основные лозунги Интернаціонала: «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ» и «Освобожденіе рабочихъ не есть національная, но международная проблема», остаются основными лозунгами и всего современнаго движенія.

Алексѣй Боровой.

Марксъ.

Марксизмъ и утопическій соціализмъ.

Какъ ни условно дѣленіе новѣйшаго соціализма на «утопическій» и «научный» [1]), оно имѣетъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ реальный смыслъ и точно опредѣляетъ мѣсто марксизма въ исторіи развитія соціалистическихъ идей. Было бы неправильно утверждать, конечно, будто Марксъ изгналъ изъ соціализма все «утопическое» — всякое стремленіе къ идеалу, не вытекающему непосредственно изъ строго научныхъ посылокъ — или что такъ называемый утопическій соціализмъ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ наукой: напротивъ, и въ идейно-теоретическомъ и въ этическомъ отношеніи между тѣмъ и другимъ существуетъ самая тѣсная связь, но это та приблизительно связь, которая соединяетъ возрасты человѣка; въ юномъ возрастѣ человѣкъ по преимуществу мечтаетъ, въ зрѣломъ — дѣйствуетъ, но и зрѣлую его дѣятельность часто вдохновляетъ мечта, и въ юныхъ мечтахъ не все фантазія.

«Утопизмъ» былъ юностью соціализма, марксизмъ — его зрѣлость. То, что тамъ являлось первоначальнымъ наброскомъ тео-

Пособія. *Мерингъ*. Исторія германской соціалъ-демократіи. Особ. 1-й томъ. *Mehring*. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und Ferd. Lassals (имѣется русскій переводъ). *Engels*. K. Marx (I. Conrad. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. IV). *Sombart*. Sozialismus und soziale Bewegung. *Sombart*. Das Lebenswerk von K. Marx. 1909. *Hommacher*. Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus. 1910. *Charosoff*. Karl Marx über die menschliche und kapitalistische Wirtschaft. Eine neue Darstellung seiner Lehre. 1909. *Labriola*. Essai sur la conception materialiste de l'histoire. *Labriola*. Socialisme et philosophie. *Woltmann*. Der historische Materialismus. 1900. *Seligman*. The economical interpretation of history. 1902. Benedetto *Croce*. Materialisme historique et economique. Всѣ упомянутыя въ текстѣ сочиненія Маркса имѣются въ русскомъ переводѣ.

---

[1]) Ср. «Книга для чтенія». Томъ IV, стр. 314—316.

ріи, здѣсь превратилось въ законченную доктрину; проекты будущей общественной жизни стали программой текущей общественной борьбы.

Есть и другое различіе: «утопическій» соціализмъ родился съ крупной промышленностью, какъ отвѣтъ на выдвинутый ею «рабочій вопросъ», марксизмъ — съ классовымъ движеніемъ рабочихъ, какъ орудіе ихъ пробудившейся воли.

Идейные корни того и другого уходятъ въ буржуазную революцію,—оба развились изъ буржуазнаго демократизма, но первый лишь какъ сознаніе неполноты достигнутыхъ старой революціей результатовъ, второй — какъ проповѣдь новой. Первый приглашалъ буржуазное общество использовать идейное оружіе Великой Революціи для освобожденія себя отъ рабочаго вопроса, второй перековалъ его въ идейное оружіе рабочаго класса. Три стадіи освободительнаго движенія — радикальный демократизмъ, соціальный утопизмъ, рабочій соціализмъ — идейно связаны между собой, хотя и опираются на различную общественную среду. Марксъ въ своемъ личномъ духовномъ развитіи послѣдовательно пережилъ ихъ одну за другой.

I.

Молодые годы Маркса. Отъ либерализма и нѣмецкой философіи къ соціализму и матеріализму.

Гегельянство. Критическая философія Канта и его учениковъ[1]) сыграла въ исторіи Германіи приблизительно ту же роль, какую въ исторіи Франціи сыграла «просвѣтительная философія» XVIII вѣка: каждая изъ нихъ была въ своей сторонѣ предтечей и выраженіемъ надвигавшагося революціоннаго кризиса. Ихъ раздѣляло, конечно, огромное различіе въ яркости и силѣ революціоннаго содержанія, соотвѣтствовавшее различію условій самого кризиса въ той и другой сторонѣ, но это скорѣе количественное различіе не уничтожало существеннаго единства общихъ имъ освободительныхъ тенденцій. Если философія Канта была, какъ выражался Марксъ, «нѣмецкой теоріей французской революціи», то философія Гегеля— ея позднѣйшій отголосокъ—проложила въ Германіи путь уже для собственной, нѣмецкой революціи. Какъ ни сильны были кон-

---

[1]) Ср. «Книга для чтенія». Т. IV. Часть 2-я. Стр. 241—250.

сервативныя тенденціи гегельянства [1]) революціонная его сторона — пониманіе дѣйствительности, какъ «діалектическаго» (преодолѣвающаго противорѣчія) развитія, какъ непрерывнаго измѣненія и «прогресса въ сознаніи свободы» — обнаружила на практикѣ гораздо большую жизненность и была широко использована радикальными группами общества. При всей своей схоластичности и кажущейся «потусторонности», философія Гегеля была въ дѣйствительности и по содержанію своему близка современности. Она не только впитала въ себя опытъ революціи и реакціи (Гегель не провозглашалъ уже низверженія «тираніи» во имя отвлеченныхъ началъ, какъ Кантъ и французская философія; онъ говорилъ о глубокихъ противорѣчіяхъ, движущихъ общественную жизнь; онъ отличалъ отъ государства «гражданское общество» и т. д.), но подходила къ самымъ жгучимъ проблемамъ дня вплоть до предвосхищенія (въ «Философіи Права») будущихъ теорій накопленія, обнищанія, кризисовъ. Самая туманность, въ которую Гегель облекалъ свои разсужденія, имѣла удобныя стороны, такъ какъ позволяла радикальнымъ публицистамъ прятать отъ глазъ цензуры свои мысли: благодаря этому «философскому плащу» гегельянцы пользовались въ реакціонной Германіи относительной свободой печати.

Убѣжденнымъ гегельянцемъ выступилъ на арену общественной дѣятельности и Марксъ. Это было въ началѣ 1842 года, когда въ Кельнѣ стала выходить «Рейнская политическая и торгово-промышленная газета», сплотившая вокругъ себя лучшихъ представителей тогдашней прогрессивной Германіи. «Самымъ юнымъ изъ нихъ,—писалъ Трейчке въ 5 томѣ своей «Исторіи Германіи»,—былъ Карлъ Марксъ—плотный 24-лѣтній мужчина съ густыми черными волосами, обильно покрывавшими его голову, щеки и руки, торчавшими изъ ушей и изъ носа, гордый, необузданный, страстный, полный безмѣрнаго самомнѣнія, и въ то же время глубокій и серьезный ученый, неутомимый и безпощадный діалектикъ, съ чисто еврейской остротой ума проводившій до послѣднихъ выводовъ каждое положеніе молодого гегельянства». Въ отличіе отъ многихъ своихъ единомышленниковъ, Марксъ принималъ гегельянство не за страхъ (въ качествѣ «философскаго плаща»), а за совѣсть: государство было для него—«великій организмъ, осуществляющій политическую, правовую и нравственную свободу»; «міровой духъ»

[1]) Ср. «Книга для чтенія». Т. IV. Часть 1-я. Стр. 402—403.

созидалъ у него и философскія системы въ мозгу мыслителей, и желѣзныя дороги руками ремесленниковъ. Марксъ былъ философомъ по призванію. По желанію отца (зажиточнаго трирскаго адвоката изъ евреевъ) онъ готовилъ себя къ юридической карьерѣ, но философія (вмѣстѣ съ исторіей) составляла главный предметъ его занятій. Еще студентомъ, вращаясь въ берлинскихъ гегельянскихъ кружкахъ, онъ основательно познакомился съ Гегелемъ и критической философіей, а по окончаніи курса защитилъ (въ 1841 году) докторскую диссертацію о философіи Демокрита и Эпикура. Въ гегельянствѣ его привлекла, главнымъ образомъ, реалистическая сторона — идея объективной закономѣрности общественной жизни, пониманіе ея частныхъ явленій изъ общаго, принципъ всеобщаго измѣненія и развитія. Это зерно гегельянства было удержано имъ навсегда, и неотъемлемой частью вошло въ систему марксизма.

Людвигъ Фейербахъ.

Среди «лѣвыхъ гегельянцевъ» наибольшую популярность завоевалъ себѣ въ началѣ 40-хъ годовъ Людвигъ Фейербахъ. По мѣрѣ оживленія въ Германіи общественнаго движенія, пробуждалась отъ заоблачныхъ грезъ и гегельянская молодежь: все съ большей жадностью взирала она со своихъ высотъ на грѣшную землю; все охотнѣе замѣняла отвлеченности философской схоластики научной и общественно-политической критикой. Фейербаховскіе «*Тезисы о реформѣ философіи*» и особенно «*Сущность христіанства*» (1842 г.) показались ей свѣжимъ дождемъ въ душный день. «Чтобы представить себѣ освобождающее дѣйствіе на насъ этой книги, — писалъ впослѣдствіи Энгельсъ, — нужно было самому его пережить: мы были въ восторгѣ, мы всѣ стали вдругъ фейербаховцы». Обаяніе Фейербаха и заключалось именно въ отреченіи отъ абстрактности, въ возвращеніи къ реальному, чувственному міру. «Абсолютный духъ Гегеля, — писалъ Фейербахъ,—это мертвый духъ теологіи, какъ призракъ, блуждающій въ головахъ людей... Только чувственное ясно, какъ солнце; только тамъ, гдѣ начинается чувственное, кончается всякое сомнѣніе и падаетъ всякій споръ». Религія есть отвлеченіе отъ живого человѣка, олицетвореніе въ образѣ божества «родовой человѣческой сущности»: Бога нужно очеловѣчить; на мѣсто иллюзорнаго отвлеченнаго существа нужно поставить живого человѣка — воплотить родовое человѣческое начало въ конкретной общественно-политической дѣйствительности.

Передъ обаяніемъ фейербаховской философіи не устоялъ и Марксъ: ея *матеріализмъ* (исканіе истины въ чувственномъ мірѣ) и *гуманизмъ* (возстановленіе полноты не раздвоеннаго абстракціей человѣка) положили глубокій слѣдъ на дальнѣйшее развитіе его идей.

Философская критика буржуазнаго государства и буржуазной революціи.

Въ 30-хъ годахъ въ Германіи почти не интересовались соціализмомъ, или, какъ тогда говорили, коммунизмомъ. Болѣе серьезно заговорили о немъ въ 40-хъ годахъ, особенно въ связи съ конгрессомъ ученыхъ въ Страссбургѣ (1842 г.) и происходившими на немъ преніями о французскомъ соціализмѣ, отчеты о которыхъ появились въ Германіи во многихъ газетахъ. «Рейнскую Газету» самое даже обвинили за эти отчеты въ сочувствіи коммунизму и ей пришлось оправдываться спеціальной статьей: «въ Западной Европѣ коммунизмъ успѣлъ сдѣлаться серьезной практической проблемой,—писалъ Марксъ въ этой статьѣ,—въ Германіи же для него не имѣется пока никакой еще почвы».

Въ мартѣ 1843 года «Рейнская Газета» закрылась. Марксъ вмѣстѣ съ Ругэ и другими нѣмецкими радикалами ѣхалъ теперь въ Парижъ, чтобы основать тамъ свободный отъ нѣмецкой цензуры органъ. Его не удовлетворялъ уже прежній политическій идеалъ; онъ вѣрилъ въ близость для Германіи болѣе глубокаго, радикальнаго переворота. «Нельзя, — писалъ онъ съ дороги Ругэ, — упразднить современные политическіе порядки, не трогая основы государства: система промышленности и торговли, собственности и эксплуатаціи людей, вмѣстѣ съ ростомъ населенія, ведутъ общество къ глубокой катастрофѣ, предупредить которую старая система не сможетъ». «Страждущее человѣчество, которое мыслитъ, и мыслящее человѣчество, которое страждетъ», — вотъ отъ кого нужно ждать спасенія, путь же къ нему идетъ черезъ «безпощадную критику существующаго». «До сихъ поръ разрѣшеніе всѣхъ задачъ хранилось въ письменномъ столѣ философа, а простымъ смертнымъ оставалось открыть свой ротъ и ждать, чтобы въ него полетѣли жареные голуби абсолютнаго знанія». Теперь задача ставится по-иному: «новый міръ не предвосхищается догматически, а открывается критикой старою; то, что доселѣ составляло его мечту, должно быть осознано и стать реальностью». «Уясненіе вѣка, его борьбы и желаній» — такова программа современнаго философа-публициста...

Въ Парижѣ соціальная проблема впервые предстала передъ Марксомъ въ западно-европейской постановкѣ — какъ выдвигае-

мый жизнью насущный вопросъ. Здѣсь впервые столкнулся онъ съ развитымъ буржуазнымъ обществомъ, увидѣлъ рабочее движенiе, сошелся съ коммунистами и вождями революцiонныхъ кружковъ. Всѣ эти новыя впечатлѣнiя предстояло переварить при помощи старыхъ, привезенныхъ изъ Германiи, идей. Въ процессѣ приспособленiя нѣмецкой философiи къ западно-европейской дѣйствительности и начало складываться самостоятельное мiросозерцанiе Маркса.

Первый шагъ къ нему былъ сдѣланъ на страницахъ «Нѣмецко-Французскихъ Ежегодниковъ» — того самаго журнала, для изданiя котораго Марксъ, Ругэ и ихъ товарищи ѣхали за границу, и единственный (двойной) номеръ котораго вышелъ въ Парижѣ въ началѣ 1844 года. Марксъ помѣстилъ въ «Ежегодникахъ» двѣ статьи — введенiе къ критикѣ философiи права Гегеля и критику статей Бауэра о еврейскомъ вопросѣ. Германiя — «не историческая, а философская современница Европы», писалъ Марксъ въ первой статьѣ: чтобы не впасть въ анахронизмъ и возвыситься до «истинно-человѣческихъ проблемъ», нѣмцы должны обращать оружiе критики не противъ современныхъ нѣмецкихъ порядковъ, давно изжитыхъ Европой, а противъ «абстрактнаго продолженiя» ихъ въ спекулятивной философiи права. Современное европейское государство, абстрактнымъ выраженiемъ котораго является эта философiя, есть, въ свою очередь, не что иное, какъ «абстракцiя» отъ «дѣйствительнаго человѣка». Только практика можетъ уничтожить эту абстракцiю: къ вопросамъ, разрѣшаемымъ практикой, сводится, значитъ, и критика нѣмецкой философiи права. «Какимъ образомъ можетъ Германiя изъ *философской современницы* Европы настоящаго превратиться вдругъ въ *историческую современницу* Европы будущаго?» «Только при помощи *матерiальной* силы», отвѣчаетъ Марксъ: теорiя должна овладѣть человѣческими мыслями, облечь себя въ плоть; она должна для этого «апеллировать къ человѣку», затронуть «корень» его существа — быть *радикальной.* Политическiе порядки Германiи воплощаютъ убожества и недостатки всѣхъ варварскихъ и культурныхъ эпохъ: только «радикальная» теорiя, упраздняющая религiю и расщепленiе человѣка на индивида и родъ, можетъ найти въ ней живой отголосокъ, только «человѣческая» революцiя, «разрывающая всѣ препоны», является для нея не утопiей. Частичная, «политическая» революцiя была возможна во Францiи, въ моментъ, когда «все общественное зло казалось сконцентрированнымъ въ одномъ при-

вилегированномъ сословіи и всѣ освободительныя стремленія въ одномъ буржуазномъ классѣ». Въ Германіи подобныхъ условій нѣтъ: ея надежда — «въ образованіи класса съ радикальными цѣпями и универсальнымъ страданіемъ, класса гражданскаго общества безъ признаковъ гражданственности, класса людей, представляющаго полную потерю человѣка». Этимъ классомъ является пролетаріатъ. Въ немъ «радикальная теорія» и находитъ нужную ей матеріальную силу; при помощи его и совершится «эмансипація нѣмцевъ въ людей». «Голова нѣмецкой эмансипаціи — философія, сердце — пролетаріатъ: философія не можетъ осуществить себя безъ упраздненія пролетаріата, пролетаріатъ — упразднить себя, не осуществивъ философіи». Толчокъ же придетъ изъ Франціи: «нѣмецкое возстаніе изъ мертвыхъ возвѣщено будетъ крикомъ гальскаго пѣтуха».

Во второй статьѣ понятія «человѣческой» и «политической» эмансипаціи опредѣляются точнѣе. Одна освобождаетъ государство, другая—самого человѣка. Свобода государства есть свобода его отъ религіи (секулеризація), собственности (отмѣна имущественнаго ценза), профессіи и всѣхъ другихъ «предпосылокъ личнаго существованія»: политическая эмансипація передвигаетъ ихъ въ «гражданское общество», а государство превращаетъ въ лишенную матеріальнаго содержанія «родовую жизнь»; такъ называемыя «права человѣка» суть права эгоиста, индивида, ушедшаго въ личную жизнь. На такихъ изолированныхъ индивидовъ и распадается «гражданское общество» съ уничтоженіемъ того «непосредственнаго политическаго характера», которымъ оно обладало при феодализмѣ и съ вознесеніемъ «политическаго духа общества» на идеальную высоту подъ именемъ «общенародной власти». «Человѣческая эмансипація» должна возстановить единство родового и личнаго бытія: реальный человѣкъ воспrиметъ въ себя абстрактнаго гражданина, личныя силы сорганизуются, какъ общественныя. Эгоистическое «гражданское общество» Марксъ символизируетъ затѣмъ въ общественномъ типѣ «еврея», а отвлеченное «родовое начало» въ типичной абстрактной идеологіи — «христіанствѣ». Побѣда «христіанства», какъ теоріи, есть побѣда «еврейства», какъ практики. «Христіанство» — отчужденное отъ человѣка идеальное начало, «еврейство» — освобожденный отъ идеала человѣческій эгоизмъ. Истинная эмансипація еврея есть эмансипація человѣчества отъ «еврейства» и его «эмпирической основы» торгашества и породившихъ его условій.

Въ «политической» и «человѣческой» эмансипаціи первыхъ «коммунистическихъ» статей Маркса легко узнать буржуазную и соціалистическую революцію, сопоставленіе которыхъ, при всей германской внѣшности и чисто фейербаховскомъ языкѣ этихъ статей, было, несомнѣнно, навѣяно Марксу уже западно-европейскими впечатлѣніями.

Фридрихъ Энгельсъ.

На почвѣ участія въ «Нѣмецко-французскихъ Ежегодникахъ» произошло сближеніе Маркса съ Фридрихомъ Энгельсомъ, имѣвшее очень важное значеніе для развитія «марксистской доктрины»: ихъ имена произносятъ обыкновенно вмѣстѣ, когда говорятъ о «научномъ соціализмѣ» и его творцахъ.

Энгельсъ, какъ и Марксъ, былъ уроженцемъ прирейнской Германіи и почти его сверстникомъ (род. въ 1830 г.). Какъ и Марксъ, онъ увлекался философіей и примкнулъ въ ранней юности къ гегельянству, но въ противоположность Марксу, онъ рано, не закончивъ школьнаго образованія, вступилъ въ практическую жизнь сперва въ качествѣ служащаго одной торговой фирмы въ Германіи, а потомъ (съ 1842 г.) въ качествѣ управляющаго на фабрикѣ своего отца въ Манчестерѣ. Здѣсь, въ Англіи, онъ и столкнулся впервые съ Западной Европой и развитымъ буржуазнымъ обществомъ. Не французскія впечатлѣнія и не французская классовая борьба, а англійская крупная промышленность и ея проблемы послужили, слѣдовательно, исходнымъ пунктомъ его первой критики буржуазнаго строя. Не смотря на это отличіе отъ Маркса, выводы, къ которымъ пришелъ онъ, были тѣ же—отрицаніе режима «свободной конкуренціи» и признаніе освободительной миссіи за пролетаріатомъ. Въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Ежегодникахъ», Энгельсъ трактовалъ о «современномъ фабричномъ рабствѣ, не уступающемъ по жестокости древнему, о «безчеловѣчномъ эгоизмѣ», лежащемъ въ основѣ современнаго экономическаго строя, объ упадкѣ англійской аристократіи и буржуазіи и объ альтернативѣ, открывающейся передъ рабочимъ классомъ — «голодная смерть или соціализмъ». Въ связи съ этими вопросами онъ выдвинулъ идею періодическихъ кризисовъ, стихійно возникающихъ въ капиталистическомъ обществѣ и неизбѣжно приводящихъ въ концѣ-концовъ къ его крушенію. Послѣдняя мысль болѣе полно была развита въ знаменитой книгѣ «*О положеніи рабочаго класса въ Англіи*», вышедшей весной 1845 года.

Статьи и книга Энгельса произвели на Маркса большое впечатлѣніе. Неожиданное совпаденіе выводовъ настолько тѣсно сблизило ихъ, что дальнѣйшую разработку своихъ идей они рѣшили производить сообща.

Разрывъ съ идеалистической философіей.

Со всѣмъ пыломъ молодости, устремившись навстрѣчу жизни и перспективамъ революціонной борьбы, Марксъ и Энгельсъ меньше всего могли удовлетворяться теперь отвлеченными высотами гегельянской мысли. Съ ея критики и начали они свою совмѣстную теоретическую работу.

Лѣвое гегельянство заключало въ себѣ двѣ возможности: можно было признать, что истиннымъ органомъ «самопознанія міроваго духа является философски одаренная личность», и открыть этимъ путь къ крайнимъ идеалистическимъ выводамъ — къ культу личнаго разума; можно было, наоборотъ, развить присущее гегельянству пантеистическое начало и истиннымъ субъектомъ историческаго процесса, выразителемъ сверхличнаго «міроваго мышленія», признать народныя массы. Первымъ путемъ пошли такъ называемые «свободные» — берлинскіе гегельянцы съ Бруно Бауэромъ во главѣ, вторымъ — будущіе основатели «историческаго матеріализма». Первые камни этого новаго философскаго ученія были заложены ими въ направленной противъ «свободныхъ» политической книгѣ «Святое Семейство», изданной въ 1845 году.

Народныя массы враждебны «духу», заявляли «свободные»: все великое гибло въ исторіи отъ прикосновенія массъ, и сама французская революція не удалась благодаря тому, что ея идеи увлекли за собой толпу. — Нѣтъ, отвѣчаетъ имъ Марксъ, въ исторіи мы видимъ какъ разъ обратное: идеи, которыми заинтересована масса, одерживаютъ въ ней верхъ, не отвѣчающія ея интересамъ — терпятъ крушеніе. Для буржуазіи, съ интересами которой совпадала политическая идея революціи, она вовсе не кончилась неудачей; послѣднее же слово свое она скажетъ тогда, когда и остальная народная масса найдетъ для своихъ интересовъ подходящее идейное выраженіе. Историческій процессъ, понимаемый какъ массовый, есть прежде всего «теоретическое и практическое отношеніе человѣка къ природѣ»: чтобы что-нибудь понять въ немъ, въ него необходимо включить «*познаніе природы и индустрію*». Исторія не исчерпывается «политическими, литературными и богословскими актами»: «мышленіе сливается въ ней съ ощущеніемъ, окружающій міръ—съ живыми людьми». Основа

историческаго процесса не въ заоблачномъ искреннемъ мірѣ, а въ *«грубо матеріальномъ производствѣ здѣсь на землѣ»*...

Критика стараго матеріализма.

Еще съ большей выпуклостью выступили эти идеи въ «*Тезисахъ о Фейербахѣ*», набросанныхъ Марксомъ около этого же времени (въ 1845 г.) и изданныхъ въ 1888 году въ видѣ приложенія къ книгѣ Энгельса «Людвигъ Фейербахъ и конецъ нѣмецкой классической философіи». Онѣ имѣютъ капитальное значеніе для пониманія истиннаго смысла «марксизма».

Философія Фейербаха еще недавно казалась Марксу послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Теперь онъ критикуетъ ее, считаетъ недостаточно революціонной. Спустившись въ чувственный міръ съ облаковъ абстракціи, Фейербахъ сдѣлалъ крупный шагъ къ освобожденію человѣческой мысли, но онъ не додѣлалъ начатаго — не включилъ въ этотъ чувственный міръ и дѣйствующаго человѣка. Человѣческая дѣятельность протекаетъ вѣдь не въ теоріи, и внѣшній міръ существуетъ не внѣ человѣческой дѣятельности. Мы не *созерцаемъ* только міръ внѣшнихъ предметовъ, а и *сами являемся его частью*. Вопросъ объ истинѣ рѣшается практикой: мышленіе внѣ практики — пустая схоластика. Если внѣшній міръ дѣйствуетъ на насъ, то и мы дѣйствуемъ на внѣшній міръ; если среда измѣняетъ насъ, то и мы измѣняемъ ее. Измѣненіе человѣческой дѣятельности совпадаетъ съ измѣненіемъ внѣшней среды: революціонная практика доказываетъ это лучше всего.

Сведеніемъ міра религіи къ «свѣтской основѣ» Фейербахъ ограничиваетъ свою задачу. Но почему «свѣтская основа» отдѣлилась отъ самой себя и поселилась въ видѣ религіи на облакахъ — вотъ вопросъ, на который онъ не даетъ никакого отвѣта. Суть, очевидно, въ противорѣчіяхъ, присущихъ самой «свѣтской основѣ». Ихъ нужно раскрыть и устранить, преобразуя тѣмъ самымъ «свѣтскую основу», т.-е. конкретный человѣческій міръ. Міръ этотъ есть міръ человѣческой практики; вся «сущность» человѣка сводится къ общественнымъ отношеніямъ. И отвлеченная «сущность— «родъ», и отвлеченный человѣкъ — индивидъ суть чистыя фикціи: человѣкъ со всѣми его идеями, и религіей въ томъ числѣ, неотдѣлимъ отъ общественной жизни, а общественная жизнь есть практика всѣ тайны которой находятъ объясненіе въ ней же самой. Никакого «гражданскаго общества»—собранія изолированныхъ индивидовъ—не существуетъ. Существуетъ лишь «человѣческое общество», т.-е. живущій общественной жизнью человѣкъ.

«Не истолковывать міръ, а *измѣнять* его» — вотъ истинная задача матеріалиста.

Марксъ зналъ уже, что противорѣчіе «свѣтской основы» слѣдуетъ искать въ «матеріальномъ производствѣ на землѣ». Не онъ одинъ приходилъ къ этой мысли: цѣлое поколѣніе философовъ и ученыхъ наталкивалось на нее и недавнимъ опытомъ французской революціи, завершившейся послѣ ряда колебаній откровенно буржуазной іюльской монархіи, и переворотомъ, вызваннымъ въ общественной жизни Англіи крупной промышленностью, и обостреніемъ рабочаго вопроса, выдвигавшаго на первый планъ экономическія проблемы. Что исторія есть борьба общественныхъ классовъ, что ключи къ ней нужно искать въ политической экономіи — къ этому выводу склонялись въ то время и соціалисты, какъ Сенъ-Симонъ и, отчасти, Фурье и Луи Бланъ, и историки въ родѣ Тьера, Гизо и Минье. Чуткій къ голосу жизни, Марксъ еще въ Парижѣ сталъ изучать экономическую науку, а въ Брюсселѣ, куда ему пришлось переселиться въ началѣ 1845 года по проискамъ прусскаго правительства, онъ не только основательно познакомился и съ «классиками» политической экономіи, Адамомъ Смитомъ и Рикардо, и англійскими соціалистами 20-хъ и 30-хъ годовъ, но успѣлъ, отправляясь отъ нихъ, набрасать первый очеркъ и собственнаго экономическаго ученія. **Политическая экономія.**

Прудонъ, въ спорахъ съ которымъ Марксъ проводилъ въ Парижѣ цѣлыя ночи и книга котораго о собственности произвела на него такое глубокое впечатлѣніе [1]), былъ первымъ учителемъ Маркса въ экономической наукѣ. Критикой Прудона Марксъ началъ изложеніе и собственнаго экономическаго ученія. Это была «Нищета Философіи», изданная имъ въ 1847 году, какъ отвѣтъ на «Философію Нищеты» («Экономическія Противорѣчія») Прудона [2]). Въ этой книгѣ все экономическое ученіе, систематически развитое впослѣдствіи въ «Капиталѣ», было уже фактически налицо.

Ученію Прудона о «конституированной» (выраженной въ количествѣ потраченнаго труда) цѣнности, какъ идеалѣ будущаго, Марксъ противопоставляетъ заимствованную у «классиковъ» теорію трудовой цѣнности товаровъ, какъ факта, осуществленнаго уже въ современномъ обществѣ и являющагося въ немъ «форму-

---

[1]) Ср. «Книга для чтенія». Т. IV. Стр. 332—334.

[2]) Ср. «Книга для чтенія». Т. IV. Стр. 334.

лой рабства рабочихъ»: однимъ изъ товаровъ, продающихся на современномъ рынкѣ, является трудъ («рабочая сила», какъ болѣе точно выражался впослѣдствіи Марксъ). Цѣнность этого товара, какъ всякаго товара вообще, опредѣляется количествомъ тратимаго на его приготовленіе труда, въ данномъ случаѣ—количествомъ труда, затраченнаго на содержаніе рабочаго. Эту трудовую цѣнность своего труда послѣдній и получаетъ, какъ заработную плату. Ему платятъ за трудъ его цѣнность, и именно въ силу этого онъ и остается рабомъ.

Набросокъ соціологической теоріи.

Изъ представленія о трудѣ, какъ товарѣ, въ отличіе отъ труда въ производствѣ[1]) выросло, какъ мы увидимъ ниже, ученіе Маркса о «прибавочной цѣнности» — краеугольный камень его экономической теоріи.

Основной упрекъ, который дѣлаетъ Марксъ Прудону — тотъ же, который онъ дѣлалъ Фейербаху — упрекъ въ отвлеченности: вмѣсто анализа дѣйствительности онъ даетъ анализъ теоріи, вмѣсто исторіи, совершающейся во времени, строитъ исторію, совершающуюся въ идеѣ. Его «экономическія противорѣчія» не суть противорѣчія дѣйствительной жизни. Политическую экономію, аналогію существующаго экономическаго строя, онъ противополагаетъ соціализму, отрицанію этого строя и выводитъ изъ нихъ идею совершеннаго общества. Это — искаженіе Гегеля: это — гегелевскій языкъ безъ гегелевскаго содержанія — безъ «діалектическаго» пониманія дѣйствительности, какъ *реальнаго* процесса примиряющихся противорѣчій. Не противоположность политической экономіи и соціализма, а антагонизмъ буржуазіи и пролетаріата — вотъ истинная діалектика современнаго момента: соціализмъ выступаетъ въ ней не антитезой, а синтезомъ, разрѣшающимъ въ себѣ реально развивающійся конфликтъ. Современнымъ соціалистамъ не приходится искать науки въ своихъ собственныхъ головахъ: имъ достаточно уяснить себѣ совершающееся на ихъ глазахъ, чтобы «стать затѣмъ выразителями дѣйствительныхъ отношеній».

До сихъ поръ діалектическій общественный процессъ выражался и выражается въ борьбѣ общественныхъ классовъ: господствующій классъ порождаетъ рядомъ съ собой классъ угнетен-

---

[1]) «Когда трудъ начинаетъ производить, онъ перестаетъ быть товаромъ, какъ перестаетъ быть товаромъ хлѣбъ въ то время, какъ его ѣдятъ» («Нищета философіи»).

ный; этотъ послѣднiй изъ класса угнетеннаго превращается постепенно въ борющiйся и сознающiй свои интересы классъ («классъ для себя»); наконецъ, побѣда его, знаменующая созданiе новаго общества, ставитъ его, въ свою очередь, въ положенiе господствующаго класса и т. д. Побѣда пролетарiата кладетъ, впрочемъ, конецъ дальнѣйшей классовой борьбѣ: условiемъ его освобожденiя является уничтоженiе всякихъ классовъ, подобно тому, какъ условiемъ освобожденiя буржуазiи было уничтоженiе всякихъ сословiй.

Параллельно съ этимъ возвращенiемъ къ обновленному (въ матерiалистическомъ духѣ) гегельянству Марксъ, развиваетъ и намѣченныя имъ въ «Святомъ Семействѣ» соцiалистическiя идеи: «Общественныя отношенiя людей тѣсно связаны съ уровнемъ производства»... «Ручная мельница даетъ общество съ сюзереномъ во главѣ, паровая мельница — капиталистическое общество»... Самое появленiе борющагося класса знаменуетъ лишь то, что старое общество, въ смыслѣ развитiя «производительныхъ силъ», достигло доступнаго ему предѣла... Какъ «общественныя отношенiя строятся соотвѣтственно производству», такъ «принципы, идеи, категорiи строятся соотвѣтственно общественнымъ отношенiямъ: вѣчнаго нѣтъ ни въ тѣхъ, ни въ другихъ». Непрерывно совершается движенiе роста производительныхъ силъ, разрушенiя общественныхъ отношенiй, возникновенiе идей. Неизмѣннымъ остается лишь самое движенiе, фактъ непрерывнаго уничтоженiя и возникновенiя — *mors immortalis* — безсмертная смерть...

II.

Марксъ и революцiя 48 года.

Марксъ и революцiонное движенiе середины 40 г

Брюссель, гдѣ жилъ съ 1845 года Марксъ и куда часто наѣдывался изъ Германiи Энгельсъ, былъ въ эту безпокойную предреволюцiонную эпоху однимъ изъ главныхъ центровъ международной революцiонной агитацiи: сюда съѣзжались отовсюду политическiе изгнанники, здѣсь вырабатывались планы будущихъ выступленiй и завязывались связи съ рабочими и демократическими организацiями различныхъ странъ. Это было время, когда, по выраженiю Маркса, «всѣ силы старой Европы — папа и царь, Меттернихъ и Гизо, французскiе радикалы и нѣмецкiе полицейскiе готовились къ общему крестовому походу противъ

призрака коммунизма»,—приближался бурный 48-ой годъ. Не Марксу было остаться бездѣятельнымъ въ такую эпоху, уйти въ исключительно теоретическую работу. Онъ активно выступаетъ въ это время въ «Брюссельскомъ рабочемъ ферейнѣ», участвуетъ въ революціонной газетѣ, основанной въ Брюсселѣ нѣмецкими демократами, дѣлаетъ доклады въ «Демократической ассоціаціи», а въ 1847 году офиціально примыкаетъ, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, къ коммунистическому «*Союзу справедливыхъ*», еще въ началѣ 40 годовъ основанному въ Парижѣ Теодоромъ Шустеромъ, Вейтлингомъ и другими нѣмецкими изгнанниками. Памятникомъ дѣятельности Маркса за этотъ періодъ остался напечатанный позднѣе отрывокъ изъ лекцій его по политической экономіи, читанныхъ имъ въ «Рабочемъ Ферейнѣ», и докладъ «О свободѣ торговли», сдѣланный на засѣданіи «Демократической ассоціаціи». И «*Рѣчь о свободѣ торговли*», и особенно отрывокъ изъ лекцій («*Наемный трудъ и капиталъ*») имѣютъ большое значеніе для характеристики развитія его экономическихъ идей: въ нихъ заключено въ сжатомъ видѣ будущее содержаніе «Капитала» (1 томъ).

Теорія и программа соціальной революціи.

Вліяніе Маркса фактически господствовало уже въ «Союзѣ Справедливыхъ», когда, осенью 1847 года, его 2-ой Конгрессъ, составленный изъ делегатовъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ организацій, приступилъ къ выработкѣ своей офиціальной программы. Проектъ ея, составленный Марксомъ и Энгельсомъ, послѣ 10-дневнаго обсужденія, былъ принятъ имъ единогласно. Это былъ знаменитый «*Коммунистическій Манифестъ*» — первый классическій образецъ соціалистической программы и первая систематическая формулировка марксистской доктрины. Что можетъ быть характернѣе этого совпаденія? Въ программѣ конгресса революціонеровъ «философія, измѣняющая міръ», сразу нашла для себя подходящую внѣшнюю форму.

«Исторія человѣческаго общества была, по сей день, исторіей борьбы классовъ» — таковъ исходный пунктъ соціальной теоріи Манифеста. Антагонизмъ современныхъ пролетаріевъ и буржуа — наиболѣе откровенная и упрощенная форма этой борьбы. Здѣсь окончательно сняты съ нея всѣ покровы: два класса открыто идутъ другъ на друга, какъ два непримиримыхъ врага. Современная буржуазія—продуктъ продолжительнаго развитія и цѣлой серіи хозяйственныхъ революцій. Въ исторіи она сыграла чрезвычайно яркую роль: это она разрушила «всѣ остатки патріархальныхъ идиллій», «погасила священные огни», «размѣняла на деньги

всѣ чувства человѣка, его любовь, науку, поэзію»; это она развернула въ небывалыхъ размѣрахъ производительныя силы, открыла эру постояннаго безпокойства, возбужденіе, крушеніе старыхъ общественныхъ связей и идей. Въ лихорадочныхъ поискахъ за рынками она обѣгаетъ всѣ страны, все перестраиваетъ по своему образцу, срывая всякія китайскія стѣны и побивая дешевымъ товаромъ самый упорный и замкнутый національізмъ. За сто лѣтъ ея господства человѣчество успѣло развить активность, какой не развили всѣ предыдущія его поколѣнія, взятыя вмѣстѣ: «машины, пароходы, телеграфы, новые континенты, какъ бы по волшебству вырастающіе изъ земли, — какому вѣку снились такія богатства?» Но, пробудивши ихъ къ жизни, буржуазія оказалась въ положеніи волшебника, безсильнаго справиться съ имъ же вызванными силами ада. «Уже десятки лѣтъ исторія промышленности представляетъ сплошной мятежъ производительныхъ силъ противъ современнаго способа производства и права собственности»; торговые кризисы — невѣдомыя старымъ временамъ «эпидеміи перепроизводства» — быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, періодически ввергая культурное общество въ состояніе варварства, и всѣ усилія буржуазіи бороться съ ними лишь ухудшаютъ положеніе, увеличивая ихъ силу и расширяя районъ. «Производительныя силы» перестаютъ служить буржуазной собственности. Онѣ переросли ея рамки— когда-то опора ея противъ стараго общества—онѣ обратились теперь противъ нея.

Буржуазія же создаетъ и готовый замѣнить ее классъ. Это современный пролетаріатъ, безпрерывно растущій и пополняющій свои ряды массами разоряющихся мелкихъ и среднихъ владѣльцевъ. Машинизмъ и конкуренція, дѣлающіе эксплуатацію рабочихъ все болѣе безчеловѣчной, погружаютъ ихъ въ бездну все большаго рабства и обнищанія. Средніе классы уничтожаются, и буржуазія, собравшая въ своихъ рукахъ все общественное богатство, оказывается постепенно лицомъ къ лицу съ пролетарскими массами, доведенными до состоянія, въ которомъ «не онѣ уже кормятъ буржуазію, а буржуазія вынуждена заботиться объ ихъ прокормленіи»: создается непріемлемое для общества положеніе— дальнѣйшее существованіе буржуазіи грозитъ самымъ жизненнымъ интересамъ. Рабочій классъ начинаетъ борьбу противъ порабощающей его силы. Сперва это стихійныя вспышки — разгромы машинъ и фабрикъ, затѣмъ стачка за болѣе короткій рабочій день и повышеніе платы, наконецъ, планомѣрныя выступленія во имя

общеклассовыхъ задачъ. Та же крупная промышленность, которая умножаетъ пролетаріатъ и ведетъ къ его обнищанію, уничтожаетъ разрозненность рабочихъ и сплачиваетъ ихъ въ революціонный союзъ — «буржуазія сама создаетъ своихъ могильщиковъ». Соціальная революція это — бурный взрывъ, геологическая катастрофа, вызываемая сдвигомъ низшихъ общественныхъ слоевъ.

«До сихъ поръ общественные перевороты совершались меньшинствомъ и во имя меньшинства. Пролетарское движеніе есть стихійное движеніе огромнаго большинства во имя интересовъ огромнаго большинства». Гражданская война, развивающаяся постепенно въ нѣдрахъ буржуазнаго общества, завершается открытой революціей, въ которой «пролетаріатъ теряетъ лишь цѣпи, а выиграть можетъ весь міръ»...

Вторая часть «Манифеста» говоритъ о самихъ коммунистахъ. Въ отличіе отъ соціально-реформаторскихъ ученій ихъ теорія является лишь «выраженіемъ реальныхъ условій совершающагося на ихъ глазахъ пролетарскаго движенія». Они не навязываютъ рабочему движенію готовыхъ принциповъ: въ качествѣ передового пролетарскаго отряда они лишь болѣе ясно сознаютъ то, что въ смутномъ видѣ носится въ сознаніи массъ. Напрасно обвиняютъ ихъ въ стремленіи разрушить собственность, семью, отечество, устои морали. Не право собственности или «присвоенія общественнаго продукта» отрицаетъ коммунизмъ, а право посредствомъ этого присвоенія подчинять себя чужой трудъ: буржуазная собственность есть лишь одна изъ преходящихъ формъ собственности; основанное на ней буржуазное право выражаетъ не «вѣчные законы разума и природы», а «облеченную въ форму закона классовую волю буржуазіи». То же и относительно семьи, отечества, морали: не семью разрушаетъ коммунизмъ, а буржуазную форму ея, которая сама является, фактически, отрицаніемъ семьи, поскольку у пролетарія семья разрушена фабрикой, а у буржуа превращена въ законную проституцію и «общность женъ»; не противъ отечества возстаетъ онъ, а противъ захвата отечества буржуазіей, противъ превращенія ихъ въ орудіе національной вражды и эксплуатаціи одного народа другимъ: у рабочаго нѣтъ отечества — онъ долженъ еще его завоевать; не мораль вообще разрушается съ паденіемъ буржуазіи, а устои буржуазной морали, на смѣну которымъ возникнутъ новые.

«*Пролетаріи* всѣхъ странъ, соединяйтесь!» — таковъ былъ новый лозунгъ, выдвинутый Манифестомъ на мѣсто лозунга «Союза Справедливыхъ» — «*Всѣ люди* братья».

Революція 48 года.

Развивая теорію и программу коммунизма, Марксъ и Энгельсъ имѣли въ виду не неопредѣленно далекое европейское будущее, а Европу ближайшихъ дней. Нарастающее революціонное движеніе въ различныхъ странахъ казалось имъ непосредственной прелюдіей къ соціальной революціи, и соотвѣтственно съ этимъ рисовалась и коммунистическая тактика въ каждой отдѣльной странѣ: во Франціи коммунисты должны были поддерживать крайнюю демократическую партію Ледрю-Роллена и Луи-Блана (такъ называли «соціалъ-демократовъ»), в Польшѣ — сторонниковъ аграрнаго переворота, въ Германіи — борющуюся съ деспотизмомъ буржуазію. На Германію возлагались особенныя надежды: ея буржуазная революція должна была, по мнѣнію авторовъ «Манифеста», стать непосредственнымъ толчкомъ и исходнымъ пунктомъ для революціи пролетарской...

Когда вспыхнула февральская революція, коммунисты рѣшили сосредоточить свою дѣятельность въ Парижѣ, но послѣ мартовскихъ дней) Марксъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими коммунистами поспѣшили оттуда въ Германію. Марксъ поселился въ Кёльнѣ, гдѣ имъ основана была знаменитая въ германскомъ революціонномъ движеніи «*Новая Рейнская Газета*»[2]). Въ февралѣ 49 года онъ, вмѣстѣ съ другими членами Кёльнскаго революціоннаго комитета, предсталъ предъ судомъ по обвиненію въ пропагандѣ вооруженнаго возстанія, но своей защитительной рѣчью (изобличавшей реакціонную дѣятельность прусскаго правительства) произвелъ на присяжныхъ такое сильное впечатлѣніе, что они не только оправдали всѣхъ обвиняемыхъ, но и выразили Марксу благодарность.

Въ общемъ роль коммунистовъ въ германской революціи въ силу чисто объективныхъ условій, оказалась, однако, болѣе скромной, чѣмъ ожидали этого Энгельсъ и Марксъ...

Съ началомъ реакціи положеніе коммунистовъ въ Германіи становилось все болѣе затруднительнымъ. Въ маѣ 49 года была закрыта «Новая Рейнская Газета». Тысячи эмигрантовъ снова потянулись на Западъ — въ числѣ ихъ, конечно, и Марксъ. Какъ

---

[1]) Ср. «Кн. для чтенія». Т. IV. Стр. 471—476.
[2]) Ср. «Книга для чтенія». Т. IV. Стр. 483—486.

и въ первый разъ онъ пытался поселиться въ Парижѣ, но преслѣдуемый французскимъ правительствомъ, долженъ былъ опять отказаться отъ этой попытки. Англія сдѣлалась съ этихъ поръ второй родиной Маркса: онъ почти безвыѣздно прожилъ въ ней свою остальную жизнь. «Союзъ коммунистовъ», заново организованный въ Лондонѣ, еще около двухъ лѣтъ продолжалъ свою дѣятельность, ожидая наступленія новыхъ революціонныхъ событій, при чемъ на этотъ разъ надежды его возлагались преимущественно на Францію.

Марксъ и Энгельсъ раньше другихъ отказались отъ этихъ надеждъ: еще осенью 1850 года они признали революціонный періодъ оконченнымъ «впредь до новаго экономическаго кризиса». Въ 1852 году, когда самые упорные оптимисты успѣли убѣдиться въ неосновательности своихъ ожиданій, «Союзъ коммунистовъ» окончательно распался.

Критика революціи 48 года и новая теорія соціальной революціи.

Первые годы своей изгнаннической жизни — крайне тяжелые для него по борьбѣ съ матеріальной нуждой — Марксъ посвятилъ, главнымъ образомъ, критическому изученію только что пережитыхъ Европой событій.

Въ нѣсколькихъ выпускахъ «*Обозрѣніе Новой Рейнской Газеты*» (журналъ, который онъ началъ издавать въ Лондонѣ съ Энгельсомъ на мѣсто ихъ Кёльнской газеты) онъ помѣстилъ свои очерки «*Классовой борьбы во Франціи 1840 — 50 гг.*». Въ рядѣ еженедѣльныхъ корреспонденцій въ «Нью-Йоркскую Трибуну» — сотрудничествомъ въ которой онъ содержалъ теперь себя и свою семью — онъ разрабатывалъ тему о «Революціи и контръреволюціи въ Германіи». Наконецъ въ 1852 году для предполагавшагося въ Нью-Йоркѣ ежемѣсячника имъ составлена была небольшая книга о «*18 брюмера Луи Бонапарта*».

Работы эти называютъ часто образчиками примѣненія въ исторіи марксистскаго матеріалистическаго метода. Это неточно. По выраженію Энгельса, Марксъ «не нашелъ въ нихъ дальше сведенія политическихъ конфликтовъ къ борьбѣ между классами и ихъ фракціями», т.-е. дальше предварительнаго обобщенія только что пережитыхъ европейскихъ событій, за которыми должна была послѣдовать уже собственно историческая работа — анализъ лежащаго въ основѣ классовыхъ конфликтовъ экономическаго процесса. Но и въ этомъ частичномъ примѣненіи «матеріалистическій методъ» оказался въ рукахъ Маркса могучимъ орудіемъ анализа дѣйствительности: намѣченныя имъ историческія схемы бросили

яркій свѣтъ на запутанные клубки событій и до сихъ поръ сохраняютъ научное значеніе. Самой важной въ этомъ отношеніи и самой законченной изъ историческихъ работъ Маркса является— *«18 Брюмера Луи Бонапарта»*.

Династіи, смѣнявшіяся во Франціи со времени Великой Революціи, разсматриваются Марксомъ, какъ представительницы различныхъ классовъ: Бурбоны — крупнаго землевладѣнія, Орлеаны—«денежнаго мѣшка», Бонапарты—крестьянской массы. Сходство двухъ Бонапартовъ заключается въ томъ, что опорой власти обоихъ ихъ явились интересы крестьянства; различіе между ними въ различіи хозяйственнаго положенія французскаго крестьянства въ началѣ и срединѣ столѣтія: Наполеонъ I упрочивалъ во Франціи только что создавшіяся на мѣстѣ феодальныхъ имѣній крестьянскія «парцеллы», Луи Бонапартъ защищаетъ парцеллу, уже пережившую себя, порабощенную капиталу, колеблющагося на краю пропасти; наполеоновская форма собственности, бывшая въ началѣ вѣка условіемъ обогащенія и освобожденія французскаго крестьянина, въ срединѣ его превратилась въ источникъ крестьянскаго рабства и нищеты. Живыя когда-то «наполеоновскія идеи» превратились въ «галлюцинаціи предсмертной агоніи», трагедія 1-ой имперіи — въ жалкій шутовской фарсъ. То же соотношеніе силъ существуетъ и между двумя буржуазными революціями—той, которая завершилась монархіей Наполеона, и той, которая привела къ торжеству Луи Бонапарта: первая разрывала традиціонныя цѣпи и строила новое, буржуазное общество, вторая была бѣгствомъ буржуазнаго общества отъ революціоннаго призрака, увлекшимъ его до «колѣнопреклоненія передъ прикладомъ»; въ періодъ 1848—51 гг. не общество завоевало себѣ новое содержаніе, а «государство вернулось къ своимъ древнѣйшимъ формамъ — къ откровенному господству штыка и рясы»: государство стало настолько независимымъ отъ буржуазнаго общества, что во главѣ его могъ стать простой «искатель приключеній». Это же обстоятельство обусловливаетъ и непрочность новой власти: она принуждена лавировать между тремя общественными силами — буржуазіей, интересамъ которой она не можетъ не служить, крестьянствомъ, представительницей призрачныхъ интересовъ котораго она должна казаться, и «пролетаріатомъ босяковъ», шефомъ которыхъ фактически является Бонапартъ. Этимъ открывается дорога для новыхъ переворотовъ, для новой, истинно-пролетарской на этой разъ, революціи...

Такимъ образомъ конечной цѣлью историческаго анализа оказалось для Маркса и теперь исканіе революціонныхъ перспективъ будущаго. Теперь, послѣ опыта буржуазныхъ революцій 48 года, онѣ рисуются ему, однако, уже въ значительно измѣненномъ видѣ. Соціальная революція уже не бурный, внезапный взрывъ, а длительный и осторожный процессъ: «пролетарскія революціи XIX вѣка непрерывно критикуютъ себя, то и дѣло прерываютъ свой ходъ, возвращаются назадъ и заново начинаютъ то, что казалось законченнымъ; онѣ безпощадно осмѣиваютъ половинчатость и недостатки первыхъ попытокъ; низвергая противника, онѣ какъ будто нарочно позволяютъ ему собраться съ силой, отступаютъ снова и снова, пока не создается положеніе, исключающее всякую возможность отступленія». Соціализмъ есть провозглашеніе *непрерывной революціи*, осуществленіе политической власти (диктатуры) пролетаріата, какъ переходнаго момента для постепеннаго уничтоженія классовыхъ различій...

III.

Соціально-философская система марксизма.

Послѣднюю половину своей жизни, самую плодотворную въ смыслѣ идейнаго творчества — Марксъ почти безвыѣздно прожилъ въ Англіи.

Это была эпоха подведенія итоговъ, достиженія намѣченныхъ въ юности цѣлей: именно теперь новыя теоріи Маркса приняли форму законченной доктрины, идеи, пробужденныя французскимъ соціализмомъ въ головѣ нѣмецкаго философа, окончательно превратились въ «марксизмъ». Поскольку въ основу этой работы клалась «безпощадная критика существующаго», Лондонъ былъ для нея идеальнымъ мѣстомъ. Гдѣ, какъ не здѣсь, въ столицѣ передовой буржуазной страны, въ центрѣ капиталистической промышленности, было критиковать современное хозяйство, искать въ немъ зародышей новаго строя? Не даромъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ именно въ Англіи въ другомъ ея промышленномъ центрѣ — эту же критическую работу начиналъ и Энгельсъ. Теперь она предпринималась Марксомъ въ несравненно болѣе крупномъ масштабѣ, строилась на болѣе совершенномъ теоретическомъ базисѣ. Для выработки этого послѣдняго Лондонъ съ его богатѣйшей библіотекой Британскаго Музея также давалъ Марксу больше, чѣмъ всякій другой европейскій городъ.

Не такъ благопріятствовали Марксу условія личной жизни: жестокая матеріальная нужда, доходившая вначалѣ почти до нищеты, необходимость содержать себя и семью газетнымъ трудомъ, позднѣе—въ 60 годахъ, работа надъ организаціей «Интернаціонала» и идейное руководство рабочимъ движеніемъ различныхъ странъ [1]),—все это отвлекало его вниманіе и силы отъ чисто теоретической работы.

Онъ умеръ, не успѣвши привести въ исполненіе намѣченныхъ плановъ, но и то, что успѣлъ онъ исполнить, было огромно и яркимъ слѣдомъ запечатлѣлось на исторіи цѣлой эпохи.

Къ концу 50-хъ годовъ онъ успѣлъ собрать и обработать вчернѣ огромный сырой матеріалъ, обнимавшій всѣ стороны буржуазнаго строя,—капиталъ, земельную собственность, наемный трудъ, торговлю, государство, всемірный рынокъ. Въ 1859 году вышелъ первый выпускъ книги «*Къ критикѣ политической экономіи*», въ 1867 — I томъ «*Капитала*». Работой надъ остальными томами былъ занятъ остатокъ его жизни (онъ умеръ въ 1883 году), но ни одинъ изъ нихъ не былъ оконченъ. Уже послѣ его смерти второй и третій томы «Капитала» были редактированы на основаніи сохранившихся рукописей Энгельсомъ и изданы въ 1885 и 1894 году. (Отрывки 4 тома послѣ смерти Энгельса были изданы Каутскимъ).

«Діалектическій методъ».

Грядущее преобразованіе отношеній капитала и труда «ощущается во всѣхъ культурныхъ государствахъ европейскаго континента, — писалъ Марксъ въ предисловіи къ «Капиталу»:—даже у господствующихъ классовъ пробивается сознаніе, что современное общество не есть твердый кристаллъ, а организмъ, способный измѣниться и находящійся постоянно въ процессѣ преобразованія». Обнаружить воочію эту подвижность — открыть «экономическій законъ движенія современнаго общества» — въ этомъ и состоитъ, по словамъ Маркса, конечная цѣль «Капитала». Открытіе это не дастъ, конечно, обществу возможность «перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія», но оно поможетъ ему «сократить и уменьшить муки родовъ». Такимъ образомъ и на этотъ разъ теоретическое изслѣдованіе Маркса преслѣдовало практическую общественную цѣль.

Въ предисловіи ко 2-му изданію «Капитала», Марксъ называетъ свой методъ «діалектическимъ», но не въ старомъ, гегелевскомъ,

---

[1]) Ср. статьи «Интернаціоналъ» и «Фердинандъ Лассаль» въ наст. томѣ.

а въ новомъ, матеріалистическомъ, смыслѣ слова. Гегель считаетъ мыслительный процессъ самостоятельнымъ «деміургомъ дѣйствительности»; для Маркса онъ представляетъ собою «матеріальное начало, прошедшее черезъ человѣческій мозгъ»; «діалектика» Маркса есть прямая противоположность діалектики Гегеля: Марксъ «ставитъ ее на ноги», тогда какъ у Гегеля она стоитъ «внизъ головой».

Это образное выраженіе давало критикамъ поводъ толковать методъ Маркса, какъ новую метафизику, ставящую на мѣсто Гегелевской «сущности вещей» другую — діаметрально ей противоположную, на мѣсто абсолютной активности духа — абсолютную инертность матеріи: діаметрально противоположными другъ другу могутъ быть лишь однородныя вещи, — противоположностью метафизики — другая метафизика, а не наука. Въ дѣйствительности Марксъ никогда не ставилъ себѣ метафизическихъ задачъ. Противопоставляя философію, измѣняющую міръ, философіи, истолковывающей его, онъ совершенно ясно подчеркнулъ научный характеръ своей задачи, такъ какъ именно наука, въ отличіе отъ метафизики, изучаетъ не идеальную, мыслимую, дѣйствительность, а конкретный міръ человѣческой практики, и не для чистаго умозрѣнія, а въ цѣляхъ воздѣйствія на него—подчиненія его разумной человѣческой волѣ. Діалектическій методъ Маркса, какъ методъ научный, стремится лишь *понять*, или выразить въ понятіяхъ — въ формѣ неподвижнаго — подвижность и измѣнчивость отражающей нашу активность общественной жизни. Выразить подвижное въ неподвижномъ можно, разумѣется, лишь условно или символически. Діалектика Маркса именно и носитъ символическій характеръ: она условно разлагаетъ движеніе на рядъ проникающихъ и исключающихъ другъ друга моментовъ — рядъ тезисовъ и антитезъ, примиряемыхъ въ синтезѣ, или движеніи. «Синтеза есть не формула, а движеніе», опредѣляетъ самъ Марксъ («Нищета философіи»), было бы точнѣе сказать — «движеніе, превращенное въ формулу», ибо только, какъ формула, оно и можетъ быть *разумно понято* нами. Въ примѣненіи къ исторіи діалектическій методъ есть условное раздѣленіе связнаго историческаго процесса на взаимно проникающія и исключающія другъ друга эпохи, каждая изъ которыхъ въ извѣстномъ смыслѣ противоположна другой и въ то же время съ ней сосуществуетъ, подобно тому, какъ въ каждомъ моментѣ настоящаго сосуществуютъ исключающіе другъ друга элементы минувшаго и будущаго. Діалектически изучить,

т.-е. понять въ движенiи, современный капитализмъ, значитъ найти въ немъ элементы двухъ противоположныхъ, но какъ бы вытекающихъ другъ изъ друга эпохъ — буржуазной, уходящей корнями въ прошлое, и пролетарской, выступающей изъ тумана будущаго. Онѣ примиряются въ движенiи, приближающемъ общество къ коллективизму: движенiе это и есть искомый «законъ развитiя» капиталистическаго общества, совершенно также движенiе къ капитализму, примирявшее аристократическiе и демократическiе элементы, или тенденцiи, было закономъ развитiя феодальнаго общества и т. д. «Въ своей рацiональной формѣ, — говоритъ Марксъ, — дiалектика обнимаетъ не только положительное пониманiе существующаго, но и пониманiе его отрицанiя — необходимости гибели: всякую общественную форму она созерцаетъ въ движенiи, какъ преходящее, ибо самую сущность ея проникаетъ революцiонно-критическiй духъ»...

Марксъ ищетъ не просто «законъ развитiя» современнаго общества, а *экономическiй* законъ: дiалектика общественной жизни для него прежде всего дiалектика *экономическаго* развитiя. **Историческiй матерiализмъ.**

Еще въ самомъ началѣ своей философской работы, критикуя философiю права Гегеля, Марксъ убѣдился, какъ онъ пишетъ въ предисловiи къ «Критикѣ политической экономiи» (1859 г.), что «юридическiя отношенiя и политическiя формы не могутъ быть поняты сами по себѣ или объяснены такъ называемымъ общимъ развитiемъ человѣческаго духа», что «корни ихъ скрыты въ условiяхъ матерiальной жизни» и что «способъ производства матерiальной жизни опредѣляетъ *въ общемъ* ея соцiальный, политическiй и интеллектуальный процессъ». Иначе говоря, Марксъ убѣдился, что «не общественная жизнь примѣняется къ человѣческому сознанiю, а, наоборотъ, сознанiе—къ условiямъ общественной жизни». Каждой ступени «развитiя матерiальныхъ производительныхъ силъ общества», т.-е. каждой стадiи его техническихъ способностей, соотвѣтствуютъ опредѣленныя «отношенiя производства», т.-е. опредѣленный хозяйственный строй. Хозяйственный строй — вотъ реальная основа, на которой выростаетъ юридическая, политическая и общественно-идеологическая «надстройка». Толчекъ ко всему движенiю дается снизу, со стороны «производительныхъ силъ», или, какъ въ другомъ мѣстѣ выражается Марксъ, со стороны «производительныхъ органовъ общественнаго человѣка»: они развиваются и влекутъ за собой измѣненiя «экономической базы»— «отношенiй производства и собственности»; за измѣненiемъ эконо-

мической базы неизбѣжно слѣдуетъ затѣмъ крушеніе и надстройки»—соціальная революція. Научно констатировать можно лишь «матеріальную сторону смуты», т.-е. діалектически развивающійся хозяйственный процессъ: въ немъ, — въ противорѣчіяхъ матеріальной жизни, въ столкновеніяхъ между уровнемъ техники («производительныя силы общества») и хозяйственной организацией («отношенія производства») — нужно искать ключа къ пониманію того переворота юридическихъ, политическихъ и идеологическихъ формъ, посредствомъ котораго осознается и разрѣшается человѣкомъ основной конфликтъ производительныхъ силъ и отношеній производства.

Основная пружина всего развитія, техническій прогрессъ, является для Маркса продолженіемъ чисто біологическаго развитія, завершеніемъ «естественной технологіи», или развитія животныхъ и растительныхъ органовъ, являющихся и низшихъ, сравнительно съ человѣкомъ, организмовъ тѣми же въ сущности «орудіями производства». Историческое изученіе естественной технологіи уже начато Дарвиномъ, исторія развитія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка могла бы быть изучена еще легче, такъ какъ «человѣческую исторію, въ отличіе отъ естественной, дѣлаемъ мы сами» («Капиталъ». 1. Отд. IV. Прим. 89). Въ этомъ сближеніи общественнаго процесса съ біологическимъ и проявилась, главнымъ образомъ, научная сторона марксизма. Идеаломъ всѣхъ наукъ является единство научнаго знанія, и прогрессъ каждой изъ нихъ выражается въ сближеніи съ сосѣдней болѣе развитой: физика стремится понять всѣ физическія явленія, какъ комбинаціи законовъ механики, химія опирается на ученіе объ атомахъ, какъ составныхъ частицъ физическихъ молекулъ, біологія исходитъ изъ допущенія разлагаемости жизненныхъ процессовъ на физическія и химическія реакціи; стремленіе марксизма сблизить явленіе общественной жизни съ явленіями природы — отразило въ себѣ ту же тенденцію.

Но сближеніе не значитъ отождествленіе, продолженіе не есть повтореніе, и Марксъ, какъ ни соблазняетъ его идея «естественныхъ» и «дѣйствующихъ съ желѣзной необходимостью» законовъ общественнаго развитія (ср. предисловіе къ «Капиталу»), все же не отождествляетъ соціологію съ естествознаніемъ. Еще въ «Тезисахъ о Фейербахѣ» онъ заявляетъ, что «для того, чтобы понять измѣненіе человѣческой среды и человѣческой дѣятельности, мы должны представить ихъ себѣ въ формѣ революціонной прак-

тики». Иначе говоря — общественное развитіе мы изучаемъ не такъ, какъ явленіе природы, — не извнѣ, а *изнутри*, въ качествѣ его участниковъ. Съ другой стороны, и человѣческій трудъ, лежащій въ основѣ матеріальнаго процесса, принципіально отличенъ для Маркса отъ соотвѣтствующей дѣятельности животныхъ и растеній: «Паукъ продѣлываетъ операціи, сходныя съ дѣйствіемъ ткача, пчела можетъ пристыдить постройкой своихъ сотовъ любого архитектора, но есть нѣчто такое, что съ самаго начала отличаетъ самаго плохого архитектора отъ самой лучшей пчелы: человѣкъ прежде, чѣмъ слѣпилъ изъ воска ячейку, уже построилъ ее въ своей головѣ. Человѣкъ не просто измѣняетъ данныя природой формы вещества: онъ воплощаетъ въ немъ свою *сознательную цѣль*... Помимо напряженія исполняющихъ физическую работу органовъ во все продолженіе труда необходима *цѣлесообразная дѣятельность воли*» (*«Капиталъ»*. I. Гл. V).

Такимъ образомъ «развитіе производительныхъ силъ» — краеугольный камень всей теоріи — хотя и является для Маркса продолженіемъ біологическаго процесса развитія животныхъ и растительныхъ органовъ, все же не совпадаетъ съ нимъ по своему содержанію, такъ какъ движется сознательной дѣятельностью человѣческой воли. Правда, «матеріальная сторона» общественнаго процесса можетъ-быть, по утвержденію Маркса (предисловіе «Къ критикѣ политической экономіи»), изучена naturwissenschaftlich, какъ изучаются явленія природы, но *только матеріальная сторона*, а не человѣческая исторія цѣликомъ. Матеріальной же стороной человѣческая исторія для Маркса не исчерпывается: остается еще «надстройка»—тѣ идеологическія формы, въ которыхъ конкретно разрѣшаются матеріальные конфликты и безъ которыхъ и сама «матеріальная сторона» немыслима. «Надстройка» играетъ въ теоріи, по мнѣнію Маркса, не пассивную только роль: изученіе ея для соціолога не простая роскошь: иначе, какъ писалъ впослѣдствіи (1895 г.) Энгельсъ, «примѣненіе матеріалистической теоріи къ любому историческому моменту было бы легче рѣшенія простого уравненія первой степени», и самое «утвержденіе объ опредѣляющей роли экономическаго момента превратилось бы въ лишенную всякаго смысла абстрактную фразу». «Эмпирическія обстоятельства, въ которыхъ конкретно проявляетъ себя экономическій базисъ,—писалъ Марксъ въ 3 томѣ «Капитала» (Глава 47),—могутъ быть безконечно разнообразны: пониманіе каждой изъ

безконечныхъ варіацій одного хозяйственнаго типа возможно лишь путемъ изученія конкретной среды».

Такимъ образомъ Марксъ не выводитъ механически все конкретное содержаніе историческаго процесса изъ условій хозяйственной жизни: онъ видитъ въ нихъ лишь ту основную пружину, которая все время нарушаетъ равновѣсіе общественнаго типа, выводитъ его изъ неподвижности и побуждаетъ развиватъ, путемъ приспособленія къ мѣняющимся условіямъ борьбы за жизнь, исторически заложенныя въ немъ силы.

Критика товарнаго хозяйства. Товаръ и его движенія. Теорія цѣнности.

«Матеріальную сторону» общественнаго процесса Марксъ разсматриваетъ, какъ «естественно-историческій процессъ». Соотвѣтственно этому и свой методъ изслѣдованія хозяйственной формы онъ старается сблизить съ естественно-научнымъ методомъ наблюденія и экспериментаціи. Конечно, «при анализѣ экономическихъ формъ нельзя примѣнять ни микроскопа, ни химическихъ реактивовъ», но «и то, и другое можетъ быть замѣнено силой абстракціи». Наблюденіе при помощи абстракціи—такъ можно опредѣлить методъ Маркса, примѣняемый имъ при систематической критикѣ буржуазнаго способа производства. При помощи абстракціи, какъ естественникъ при помощи ножа, онъ приготовляетъ изъ данной исторической среды, такъ сказать, *препаратъ* капиталистическаго хозяйства, и изучаетъ его затѣмъ, какъ біологъ изучаетъ наклеенный на стеклышко разрѣзъ листка или клѣточки животнаго организма: Марксъ *не строитъ* картину, а *отвлекаетъ*, или извлекаетъ ее изъ дѣйствительности; его абстракція—не отвлеченное оперированіе чистыми понятіями, а наблюденіе реальности, въ строго опредѣленныхъ усиліемъ мысли рамкахъ. При этомъ въ отличіе отъ анатомическаго препарата, «препаратъ» Маркса — не мертвое, а движущееся тѣло: вмѣстѣ съ буржуазнымъ способомъ производства онъ «отвлекаетъ» отъ исторической среды и его противорѣчіе, т.-е. движеніе. Динамичность, главная особенность абстракціи Маркса сравнительно съ абстракціями буржуазныхъ (защищающихъ буржуазный строй) экономистовъ: показать противорѣчивость, неустойчивость, подвижность экономической формы, въ этомъ заключается самая задача его абстракціи.

Біологъ начинаетъ изученіе живого тѣла съ клѣточки. «Клѣточкой» буржуазнаго общества, изъ которой развивается затѣмъ весь сложный механизмъ капиталистическаго хозяйства, является *товаръ*, или «товарная форма цѣнности». Съ анализа этой формы и начинаетъ Марксъ. Въ ней такъ еще мало конкретнаго содер-

жанія, изслѣдуя ее, приходится имѣть дѣло съ такими абстрактными тонкостями, что самый анализъ ея «можетъ показаться вращающимся около мелочей», но «это тѣ самыя мелочи, которыми занимается микроскопическая анатомія».

Съ первой клѣточкой буржуазнаго строя — товаромъ, появляется и зародышъ всѣхъ будущихъ противорѣчій буржуазнаго общества — противоположность потребительной и мѣновой цѣнности. Продуктъ, ставъ товаромъ, какъ бы раздвоился: съ одной стороны, это — вещь, качественно отличная отъ другихъ вещей и удовлетворяющая опредѣленную человѣческую потребность — *потребительная цѣнность*, съ другой—это носитель чего-то общаго всѣмъ товарамъ, чего - то позволяющаго обмѣнивать ихъ другъ на друга, сравнивать по количеству—*мѣновая цѣнность*.

Эта общая товарамъ «субстанція» есть воплощенный въ нихъ человѣческій трудъ—не конкретный трудъ опредѣленныхъ людей, а человѣческій трудъ вообще, — трудъ, измѣряемый количествомъ «общественно-необходимаго» рабочаго времени: «какъ кислородъ есть кислородъ, встрѣчается ли онъ въ ржавчинѣ желѣза, въ атмосферѣ или въ крови человѣка, какъ трудъ, представленный въ мѣновой цѣнности, есть одинъ и тотъ же безличный трудъ, выступаетъ ли онъ въ золотѣ, желѣзѣ, пшеницѣ, шелкѣ». («Къ критикѣ политической экономіи»).

Въ процессѣ обмѣна товары какъ бы теряютъ свои физическія особенности и превращаются въ нѣчто сверхчувственное—въ простые «сгустки абстрактнаго труда», «въ кристаллы одной и той же общественной субстанціи». Въ этомъ заключается своего рода *фетишизмъ* — неизбѣжное слѣдствіе товарнаго хозяйства: трудъ, фактически имѣющій общественный смыслъ (производители не сами потребляютъ свои продукты), обнаруживаетъ это не наглядно—не въ самомъ процессѣ работы (люди работаютъ изолированно), а лишь при обмѣнѣ, въ фактѣ сравнимости и общезначимости различныхъ и произведенныхъ различными людьми вещей. Общественность не имѣетъ конкретнаго характера и чувственно обнаруживается лишь въ формѣ товара: «общественное отношеніе людей принимаетъ фантастическую форму отношенія вещей»; произведенія человѣческихъ рукъ превращаются въ какія-то самостоятельныя существа.

Товаръ, первоначальная зародышевая клѣточка буржуазнаго общества, развиваетъ изъ себя болѣе сложную форму — *деньги*. Это, такъ сказать, слѣдующая болѣе высокая ступень присущаго

товарному хозяйству «олицетворенія вещей» и «овеществленія лицъ». Въ товарѣ овеществлялись общественныя отношенія, въ деньгахъ овеществляется отношеніе самихъ товаровъ — одинъ изъ нихъ становится единственнымъ мѣриломъ цѣнности: раздвоеніе потребительной и мѣновой цѣнности переходитъ въ раздвоеніе самой мѣновой цѣнности на цѣнность, какъ овеществленное рабочее время, и на ея денежное выраженіе — цѣну; цѣнность въ видѣ цѣны отдѣляется отъ товара и получаетъ самостоятельное существованіе.

Противорѣчіе потребительной и мѣновой цѣнности и внѣшнее выраженіе его, противоположность товарной и денежной формы, какъ всякое дѣйствительное противорѣчіе, разрѣшается въ движеніи. Товаръ, какъ продуктъ, есть прежде всего потребительная цѣнность, но онъ въ то же время и мѣновая цѣнность, что выражается въ его цѣнѣ; деньги, за которыя товаръ отчуждается, представляютъ эту мѣновую цѣнность въ видѣ вещи, потребительная цѣнность которой чисто идеальная (возможность купить); чтобы превратиться въ реальную потребительную цѣнность, деньги, отчуждаются за новый товаръ, выступающій уже исключительно, какъ потребительная цѣнность: два равноцѣнныхъ товара обмѣнялись другъ на друга, переходя послѣдовательно, но въ обратномъ порядкѣ отъ потребительной формы цѣнности къ мѣновой и отъ мѣновой къ потребительной, въ результатѣ чего каждый участникъ обмѣна получилъ нужную ему потребительную цѣнность. Противорѣчіе двойственнаго характера товара разрушилось въ движеніи его черезъ денежную форму—черезъ чувственное выраженіе идеальной, общественной, равноцѣнности двухъ различныхъ потребительныхъ цѣнностей. Марксъ обозначаетъ это движеніе краткой формулой W. — G. — W. (Waare — Geld — Waare), или, по-русски, Т. — Д. — Т. (Товаръ — Деньги — Товаръ).

Капиталъ и его движеніе. Теорія прибавочной цѣнности.

При простомъ товарномъ обращеніи деньги, какъ идеальная, т.-е. оторванная отъ продукта, цѣнность, являются лишь орудіемъ, или внѣшней формой движенія товара: цѣлью остается самъ товаръ, какъ потребительная цѣнность. Въ дальнѣйшемъ развитіи товарнаго хозяйства деньги становятся самоцѣлью—превращаются въ *капиталъ*. На этой стадіи уже не товаръ движется при помощи денегъ, а деньги — при помощи товара: формула Т—Д—Т замѣняется формулой *Д.—Т.—Д.* Смыслъ перваго движенія заключался въ качественномъ (потребительномъ) различіи двухъ равноцѣнныхъ товаровъ; смыслъ второго—въ количественномъ разли-

чіи двухъ участвующихъ въ обмѣнѣ суммъ денегъ: Капиталъ есть самовозрастающая въ процессѣ движенія цѣнность.

Но откуда берется это возрастаніе? Какъ это возможно, что при обмѣнѣ равныхъ цѣнностей — Д. на Т. и Т. на Д. — въ результатѣ получается какая-то новая, *прибавочная*, цѣнность? Очевидно, если одинъ и тотъ же товаръ обмѣнился сперва на меньшую, а потомъ на большую цѣнность, то это значитъ, что его собственная цѣнность за это время измѣнилась — очевидно, это какой-то особый товаръ, непохожій на обычный сгустокъ абстрактнаго труда. Иначе говоря, возникновеніе капитала (возможность движенія Д. — Т. — Д.) знаменуетъ появленіе на рынкѣ такого товара, который самъ изъ себя производитъ новыя цѣнности. Такъ какъ всѣ цѣнности производятся трудомъ, то искомый товаръ есть, очевидно, самъ человѣческій трудъ, или рабочая сила: капиталъ и наемный трудъ возникаютъ въ рамкахъ товарнаго общества одновременно, какъ двѣ стороны одного и того же явленія, какъ полюсы одного магнита.

Въ качествѣ товара рабочая сила есть «сгустокъ человѣческаго труда»; цѣнность ея измѣряется рабочимъ временемъ, необходимымъ на ея производство, т.-е. на производство пищи, одежды, топлива и другихъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія и возстановленія силъ рабочаго: покупая на рынкѣ рабочую силу одного или столькихъ-то дней, владѣлецъ денегъ уплачиваетъ за нее именно эту ея цѣнность—ровную стоймости существованія рабочаго въ теченіе даннаго срока. Потребленіе рабочей силы (нервной, мозговой и мускульной энергіи человѣка) есть сама работа — производство цѣнностей. Если бы трудъ, овеществляемый рабочими въ новомъ товарѣ, равнялся труду, который былъ овеществленъ въ его собственной, проданной имъ, рабочей силѣ, общее количество цѣнности (овеществленнаго труда), очевидно, не измѣнилось бы: на мѣсто съѣденнаго рабочимъ хлѣба, изношеннаго платья и т. д. получилось бы равноцѣнное имъ количество, положимъ, желѣза или сукна; продавши его, владѣлецъ денегъ вернулъ бы потраченныя на заработную плату деньги и не выигралъ бы ничего — покупка имъ рабочей силы не имѣла бы смысла. Въ дѣйствительности, покупая ее, онъ зналъ, что цѣнность потребленнаго товара (перешедшей въ новые товары рабочей силы) окажется большей, чѣмъ цѣнность товара, принесеннаго имъ съ рынка (живой рабочей силы), что въ процессѣ своего «потребленія» рабочая сила не только воспроизведетъ

въ новыхъ товарахъ свою собственную цѣнность (заработную плату), но прибавитъ къ ней новую, за которую ему уже ничего не придется платить: продавши товаръ, владѣлецъ денегъ получитъ большую сумму денегъ, чѣмъ та, съ которой онъ первоначально отправился на рынокъ.

Какъ противорѣчіе мѣновой и потребительной цѣнности разрѣшалось въ движеніи товара черезъ денежную форму (Т.—Д.—Т.), такъ противорѣчіе денегъ, какъ самоцѣли, разрѣшается движеніемъ ихъ черезъ превращенную въ товаръ рабочую силу. Первый процессъ цѣликомъ совершался на рынкѣ, второй переносится на мѣсто «потребленія» товара рабочей силы — въ мастерскую. На рынкѣ владѣлецъ денегъ и владѣлецъ рабочей силы встрѣчались, какъ свободныя и равноправныя лица, заключавшія контрактъ на основаніи свободной воли и обмѣна равными цѣнностями.

Въ мастерской картина мѣняется. Участники «свободнаго договора» идутъ туда въ качествѣ представителей двухъ классовъ— въ качествѣ *капиталиста* и *рабочаго*: «первый многозначительно улыбается съ видомъ человѣка, вполнѣ отдавшагося своему дѣлу, второй имѣетъ видъ робкій, колеблющійся, какъ человѣкъ, который продалъ на рынкѣ свою собственную шкуру и которому собираются ее дубить»...

Противорѣчіе капиталистическаго производства. Борьба живого и мертваго труда.

Превращеніе простого товарнаго обращенія въ обращеніе капитала радикально мѣняетъ весь характеръ товарнаго общества. Конечной цѣлью движенія Т. — Д. — Т. была потребительная цѣнность товара—удовлетвореніе человѣческой потребности. Конечной цѣлью движенія Д. — Т. — Д. является мѣновая цѣнность въ ея наиболѣе отвлеченной, денежной формѣ: фетишизмъ, съ самаго начала присущій товару, возводится здѣсь въ принципъ общественнаго хозяйства, основной смыслъ хозяйственной дѣятельности человѣка искажается.

Становясь капиталистомъ, владѣлецъ денегъ превращается въ олицетвореніе самого капиталла. У него уже нѣтъ своей души: его душа — душа капитала, все жизненное стремленіе котораго состоитъ въ томъ, чтобы выростать, создавая своимъ обращеніемъ все новую и новую прибавочную цѣнность. «Капиталъ это—*мертвый трудъ*, который, подобно вампиру, оживаетъ отъ высасыванія живого труда и чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ больше его высасываетъ». Въ бездушную вещь—въ простое орудіе производства прибавочной цѣнности — старается онъ превратить и рабочаго:

«Процессъ труда въ мастерской капиталиста есть процессъ труда между купленными имъ вещами; продуктъ этого процесса принадлежитъ ему по такому же праву, какъ продуктъ броженія, происходящій въ его винномъ погребѣ». Онъ заплатилъ за рабочую силу ея мѣновую цѣнность, и теперь «потребительная цѣнность ея такъ же мало принадлежитъ ея физическому владѣльцу, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла торговцу масломъ». Онъ хочетъ «потребить» ее цѣликомъ, т.-е. заставить рабочаго работать, если можно, весь день.

Чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ больше прибавочная цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, время, въ теченіе котораго рабочій создаетъ цѣнность, равную заработной платѣ — *необходимое рабочее время* — есть величина опредѣленная: всякое удлиненіе рабочаго дня увеличиваетъ остальное — *прибавочное время*, въ теченіе котораго создается *прибавочный продуктъ*, представляющій величину *прибавочной цѣнности*. Чѣмъ выше *эксплуатація рабочей силы*, т.-е. чѣмъ больше относительная длина прибавочнаго времени, — а значитъ (при данной величинѣ необходимаго времени) и длина рабочаго дня, — тѣмъ больше *уровень прибавочной цѣнности*, или отношеніе прибавочной цѣнности (m) къ расходу капиталиста на заработную плату—къ такъ называемому *перемѣнному капиталу*[1]) (v). Прибавочный трудъ не изобрѣтенъ капиталомъ — онъ существовалъ и при болѣе раннихъ типахъ хозяйства,—но лишь съ появленіемъ капитализма «варварскіе ужасы рабства и крѣпостничества смѣнили цивилизованные ужасы чрезмѣрнаго труда». Картина этихъ ужасовъ, составленная по офиціальнымъ документамъ 50-хъ и 60-хъ годовъ. относится къ числу самыхъ потрясающихъ страницъ «Капитала»: фигуры дѣтей, работающихъ безъ перерыва «съ понедѣльника утра до вторника ночи», дѣвушекъ, засыпающихъ за станкомъ, рабочихъ, наскоро обѣдающихъ и спящихъ въ отравленной фосфоромъ атмосферѣ, «почтенныхъ дамъ съ милымъ именемъ Элизы», въ модныхъ мастерскихъ у которыхъ работницы мрутъ «отъ простого переутомленія» — длинной вереницей проходятъ передъ па-

---

[1]) Часть капитала, идущую на заработную плату. Марксъ называетъ перемѣнной его частью, или *перемѣннымъ капиталомъ* (v), въ отличіе отъ *постояннаго капитала* (c), состоящаго изъ «матеріальныхъ средствъ производства»—сырья, орудій, зданій и пр.: только потраченная на заработанную плату часть капитала *мѣняется* во время производства — переходитъ въ продуктъ въ видѣ новой, увеличенной цѣнности.

ми, и мы вѣримъ оратору палаты общинъ, что «хлопчато-бумажная промышленность пожрала въ Англіи, въ продолженіе трехъ человѣческихъ поколѣній, девять поколѣній хлопчато-бумажныхъ рабочихъ». Такая «Тамерлановская расточительность капитала въ расходованіи человѣческой жизни» грозитъ кореннымъ интересамъ общества, и оно посредствомъ фабричныхъ законовъ старается оградить себя отъ чрезмѣрныхъ покушеній этой слѣпой, стихійной силы.

Но прежде всего возстаетъ противъ нея самъ рабочій. «Употребленіе моей рабочей силы и расхищеніе ея, — говоритъ онъ капиталисту, — двѣ совершенно различныя вещи: если вмѣсто 30 лѣтъ нормальной рабочей жизни ты путемъ чрезмѣрной работы берешь у меня мою рабочую силу въ теченіе 10 лѣтъ, то ты фактически ежедневно берешь у меня не дневную, а трехдневную рабочую силу. Это противно нашему уговору и закону товарнаго обмѣна (равная цѣнность за равную): я требую нормальнаго рабочаго дня по праву продавца, который не хочетъ отдавать товара, за который ему не уплачена его цѣнность». Такъ возникаетъ въ рамкахъ товарнаго общества и на основаніи его собственныхъ законовъ первая борьба между «совокупнымъ капиталистомъ» и «совокупнымъ рабочимъ» — классовая борьба за границы рабочаго дня. Первоначальное противорѣчіе товарнаго общества — конкретная (потребительная) и абстрактная (мѣновая) цѣнность — развилась въ капиталистическомъ обществѣ въ противорѣчіи живого и мертваго (овеществленнаго) труда — въ борьбу двухъ классовъ, изъ которыхъ одинъ является носителемъ живыхъ силъ человѣчества, другой — служителемъ превращенныхъ въ фетиши мертвыхъ вещей...

Прибавочную цѣнность, получаемую посредствомъ удлиненія рабочаго дня, Марксъ называетъ *абсолютной*. *Относительной* же прибавочной цѣнностью онъ называетъ ту прибавочную цѣнность, которая получается путемъ увеличенія производительности труда, сокращающаго необходимое рабочее время. Не имѣя возможности безконечно увеличивать абсолютную прибавочную цѣнность, т.-е. безгранично увеличивать рабочій день, капиталистъ обращается къ другому способу увеличить уровень прибавочной цѣнности — къ техническимъ улучшеніямъ. Улучшенія эти при другихъ условіяхъ производства привели бы къ огромному сбереженію человѣческаго труда, при капитализмѣ же они ведутъ къ лишь относительному уменьшенію его оплачиваемой доли—къ со-

кращенію лишь необходимаго рабочаго времени. Огромная экономія, развиваемая обществомъ при помощи развитія производительныхъ силъ, идетъ на пользу не общества въ цѣломъ и даже не живого человѣка вообще [1]), а «въ пользу созданнаго человѣкомъ мертваго чудовища—вампира, оживающаго отъ высасыванія человѣческой крови». Каждая изъ стадій этого развитія лишь увеличиваетъ власть овеществленнаго труда надъ живымъ. Въ простой коопераціи, собирающей рабочихъ подъ непосредственное наблюденіе капиталиста, процессъ труда теряетъ внѣшніе признаки независимости; въ мануфактурѣ, съ ея раздѣленіемъ труда внутри мастерской, рабочіе превращаются въ пассивные органы подчиненнаго капиталисту организма; на фабрикѣ—въ придатокъ къ машинѣ. Машина завершаетъ порабощеніе и обезличеніе рабочаго. Именно она дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда; «разрушаетъ всѣ моральныя и физическія границы рабочаго дня», создаетъ «запасную рабочую армію», превращаетъ живого человѣка въ «игрушку созданнаго его умомъ автомата». «Фабрика уничтожаетъ всякій покой, всякую устойчивость и увѣренность въ положеніи рабочаго, постоянно угрожая вырвать изъ его рукъ вмѣстѣ съ орудіями труда и средства существованія». Получается «безпрерывное закланіе рабочаго класса на алтарѣ промышленности», «безграничное расточеніе рабочихъ силъ». Съ появленіемъ машинъ характерная для капиталистическаго способа производства независимость продукта и условій труда отъ рабочаго переходитъ въ явный антагонизмъ между ними —въ открытую войну между трудящимися и орудіемъ труда: рабочіе въ ярости ломаютъ машины; машины пускаются въ ходъ, какъ орудіе усмиренія рабочихъ: «можно было бы написать цѣлую исторію техническихъ открытій, сдѣланныхъ съ 1830 года и введенныхъ исключительно въ качествѣ средства противъ рабочихъ бунтовъ». Война машинъ съ рабочими—настоящая, смертоносная война, убивающая голодной смертью цѣлыя поколѣнія рабочихъ...

Превращеніе простого товарнаго общества въ капиталистическое совершается на основаніи его собственныхъ экономическихъ

---

[1]) «Если пролетарій превращается въ машину для производства прибавочной цѣнности, то капиталистъ превращается въ машину для превращенія ея въ прибавочный капиталъ»: капиталистъ накопляетъ прибавочную цѣнность не для того, чтобы полнѣе пользоваться жизнью, личное потребленіе кажется ему посягательствомъ на накопленіе капитала.

законовъ — частной собственности и обмѣна одинаковыхъ цѣнностей, — но оно не влечетъ за собой превращенія этихъ законовъ въ ихъ полную противоположность: право собственности превращается въ право присвоенія продукта чужого труда, обмѣнъ равными цѣнностями — въ «обмѣнъ чужого овеществленнаго труда на большее количество чужого же живого труда». Капиталистическій способъ присвоенія — настоящая насмѣшка надъ первоначальными принципами товарнаго общества, и все же онъ вытекаетъ не изъ нарушенія этихъ принциповъ, а *изъ ихъ примѣненія*. Такова «діалектика» товарнаго хозяйства!

«Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія» и историческій законъ развитія капиталистическаго общества.

Стремленіе къ повышенію производительности труда всецѣло подчинено у капитализма стремленію къ умноженію прибавочной цѣнности: если заработная плата низка, т.-е. «необходимое рабочее время» коротко, ручной трудъ можетъ оказаться для капиталиста выгоднѣе машиннаго, человѣческая тяга удобнѣе лошадиной. «Нигдѣ нѣтъ такого безстыднаго расточенія человѣческой силы на всякій вздоръ, какъ въ Англіи — въ странѣ машинъ».

Но и прогрессъ техники, поскольку онъ присущъ капитализму, не имѣетъ въ его рамкахъ того освобождающаго значенія, котораго ждали отъ него еще поэты древности: не новый золотой вѣкъ несетъ онъ пока человѣчеству, а самое большее — «превращеніе немногихъ полуобразованныхъ выскочекъ въ крупныхъ колбасниковъ и вліятельныхъ фабрикантовъ ваксы», въ распоряженіе которыхъ поступаетъ вся жизнь рабочаго и его семьи, превращенная въ «сплошное рабочее время». При капитализмѣ относительное уменьшеніе потребности въ физической силѣ человѣка выражается не въ ослабленіи эксплуатаціи рабочихъ или въ уменьшеніи ихъ числа, а въ растущемъ преобладаніи постояннаго капитала (матеріальныхъ средствъ производства) надъ перемѣннымъ (рабочей силой) — въ вящшемъ торжествѣ овеществленнаго труда надъ живымъ.

Возрастаніе капитала включаетъ въ себя возрастаніе и перемѣнной части: «Простое воспроизведеніе постоянно воспроизводитъ экономическое отношеніе, именуемое капиталомъ — капиталистовъ на одной сторонѣ, наемныхъ рабочихъ на другой; расширенное воспроизведеніе, или накопленіе воспроизводитъ указанное отношеніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ — большее количество или болѣе крупныхъ капиталистовъ на одномъ полюсѣ и большее количество наемныхъ рабочихъ на другомъ». Если такъ, если, несмотря на быстрое увеличеніе производительности труда, число

рабочихъ все же растетъ, то это значитъ, что въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ растутъ расходы капиталиста на машины, сырье, фабричныя зданія — что предпріятія расширяются, что происходитъ непрерывное нарастаніе, или *концентрація* капиталовъ. Концентрируясь, они неизбѣжно и *централизируются*: мелкіе предприниматели не выдерживаютъ конкуренціи крупныхъ — капиталы сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ капиталистическихъ «магнатовъ».

Измѣняя свой составъ въ сторону увеличенія «постоянной» части, прежній капиталъ отталкиваетъ отъ себя все большее количество рабочихъ, которымъ раньше давалъ занятіе, новый же, накопляющійся капиталъ, притягиваетъ новыхъ рабочихъ все въ меньшемъ сравнительно со своей величиной количествѣ: создается «избыточное рабочее населеніе» — «резервная промышленная армія», растущая вмѣстѣ съ капитализмомъ и превращающаяся въ одинъ изъ необходимыхъ его рычаговъ. Всегда готовая къ услугамъ растущаго капитала, резервная рабочая армія поддерживаетъ въ то же время нищету и порабощеніе активной арміи — «тянетъ внизъ гирю пауперизма», «крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея, приковываетъ рабочаго къ капиталу». «Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ, нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія, нравственнаго паденія—на другомъ»— таковъ «*Абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія*».

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Что спасетъ человѣчество отъ смерти и вырожденія? Мы знаемъ уже отвѣтъ Маркса— пролетаріатъ, соціальная революція. Какъ простое товарное хозяйство, основанное на частной собственности производителей, породило изъ себя свою противоположность — капиталистическое хозяйство, основанное на присвоеніи чужого труда, такъ капиталистическое хозяйство «съ необходимостью естественнаго процесса» создаетъ свое отрицаніе — «индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эпохи, на основѣ кооперации, общественнаго владѣнія землей и средствами производства, произведенными самимъ же трудомъ».

Капиталъ и его «законъ»—это старыя «отношенія производства», противъ которыхъ возстаетъ, въ лицѣ борющагося пролетаріата, новая ступень развитія «производительныхъ силъ». «Законъ капиталистическаго накопленія» — лишь одна изъ сторонъ капиталистическаго развитія, одна изъ двухъ антитезъ исторической

«діалектики». Пролетаріатъ—жертва стихійнаго движенія капитала, и историческій, борющійся съ этой стихіей, пролетаріатъ — не одно и то же. «Абсолютный законъ накопленія» превращаетъ его въ толпу голодныхъ и одичавшихъ нищихъ, діалектика историческаго развитія поднимаетъ до роли освободителя человѣчества. *Историческій законъ развитія капиталистическаго общества* не совпадаетъ ни съ «абсолютнымъ закономъ капиталистическаго накопленія», ни съ освобождающими тенденціями научной техники: онъ—*синтезъ* этихъ двухъ антитезъ, *движеніе* капиталистическаго общества къ своему отрицанію черезъ классовую борьбу порабощаемаго и борющагося съ порабощеніемъ пролетаріата. Соціальная революція—не механически надвигающійся взрывъ, а слѣдствіе развиваемыхъ человѣкомъ производительныхъ силъ и приспособленія къ нимъ общественной организаціи. Развитіе машинной техники, ведущее къ обобществленію процесса труда и концентраціи средствъ производства, несовмѣстимо съ сохраненіемъ производственныхъ отношеній, основанныхъ на частной собственности и товарномъ обмѣнѣ; въ ихъ рамкахъ оно ведетъ человѣка къ рабству и вырожденію, и отношенія эти радикально мѣняются, сохраняя лишь прежнюю оболочку. Наконецъ разрывается и она: «бьетъ часъ капиталистической частной собственности, — экспропріаторы экспропріируются». Вмѣстѣ со старыми «производственными отношеніями» («капиталистическая оболочка») рушится и воздвигнутая надъ ними «надстройка»; изъ развалинъ ея поднимается новое зданіе—новое внѣклассовое государство, новое антибуржуазное право, новая свободно-человѣческая мораль. Живымъ носителемъ этой новой «надстройки» выступаетъ не жалкая толпа полулюдей, въ которую грозитъ превратить работающее человѣчество «всеобщій законъ капиталистическаго накопленія», а «постоянно растущій, дисциплинируемый и организуемый самимъ процессомъ капиталистическаго производства рабочій классъ».

«Насиліе является повивальной бабкой всякаго стараго общества чреватаго новымъ». «Капиталъ родился сочащимся кровью и грязью изо всѣхъ поръ съ головы до пятъ». Исторія его возникновенія, такъ называемаго «періода первоначальнаго накопленія»— «огнемъ и кровью записана въ лѣтописяхъ человѣчества». Это исторія изгнанія съ земли крестьянъ, кроваваго законодательства противъ сельскихъ рабочихъ, безчеловѣчной колоніальной политики XVII и XVIII вѣка.

Возможно, что и новое общество родится не безъ насилія, но можно съ увѣренностью сказать, что «превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественномъ производствѣ, въ собственность общественную явится несравненно менѣе продолжительнымъ и труднымъ процессомъ, чѣмъ превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей въ собственность капиталистическую: тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами»...

Экономическія границы капитализма.

1-ый томъ «Капитала» явился событіемъ и въ области науки, и въ области общественнаго движенія, 2-ой и 3-ій томы, изданные послѣ смерти Маркса, ни по своему содержанію — слишкомъ спеціальному, — ни по формѣ — не законченной и не вполнѣ обработанной — не могли сыграть той же роли: явившись крупнымъ вкладомъ въ экономическую науку, они остались, въ общемъ и цѣломъ. достояніемъ спеціалистовъ. Исключеніе, по общественно-теоретическому интересу, составляютъ нѣкоторыя части 3-го тома, особенно отдѣлъ о «Пониженіи нормы прибыли». Это, къ счастью, одинъ изъ немногихъ отдѣловъ обоихъ томовъ, законченный самимъ Марксомъ и изданный Энгельсомъ почти безъ измѣненій.

Въ отличіе отъ 1-го тома, изучавшаго капиталистическое хозяйство, какъ «процессъ производства капитала», 3-ій томъ разсматриваетъ «процессъ капиталистическаго производства въ его цѣломъ». Сюжетомъ 1-го тома былъ процессъ созиданія и роста «прибавочной цѣнности»; сюжетомъ 3-го тома является «прибыль», т.-е. та форма, въ которую конкретно облекается прибавочная цѣнность на капиталистическомъ рынкѣ и которая «въ обыденномъ сознаніи» капиталистовъ является истинной цѣлью всего производства. Въ мастерской основное противорѣчіе капиталистическаго производства находило выраженіе въ борьбѣ между представителями капитала и трудящагося человѣчества; на рынкѣ оно принимаетъ форму конфликта между цѣлями и результатами капиталистическаго производства съ точки зрѣнія самихъ капиталистовъ: борьба новыхъ «производительныхъ силъ» со старой капиталистической «оболочкой» облегчается уменьшеніемъ сопротивляемости этой оболочки. Если бы задачей капитала было умноженіе прибавочной цѣнности само по себѣ, — какъ это условно, путемъ ограниченія анализа предѣлами фабрики, допускалось въ

1-мъ томѣ, — капиталистическій способъ производства, вступая въ непрерывные конфликты съ живыми силами общества, не измѣнялъ бы, по крайней мѣрѣ, самому себѣ: единственной границей его существованія было бы сопротивленіе извнѣ. Въ дѣйствительности цѣлью его служитъ не прибавочная цѣнность, а *прибыль*, а такъ какъ прибыль, или точнѣе *уровень* ея стремится въ капиталистическомъ обществѣ къ пониженію, то существованіе капитализма подрывается и изнутри.

Безотносительно, какъ масса цѣнности, прибавочная цѣнность и прибыль—одно и то же. Относительно, т.-е. по сравненію съ той или другой частью капитала, это—двѣ совершенно различныя вещи. Прибавочная цѣнность есть нарастаніе на перемѣнную часть капитала, прибыль—нарастаніе на весь капиталъ. Уровень, или норма прибавочной цѣнности, это—масса произведенной рабочими новой цѣнности сравнительно съ цѣнностью полученной имъ платы; *норма прибыли*—та же масса сравнительно со всѣми расходами капиталиста[1]). Капиталисту важно повышеніе нормы прибыли, рабочему—пониженіе уровня эксплуатаціи (= прибавочной цѣнности). Къ повышенію эксплуатаціи капиталистъ стремится лишь какъ къ средству повышенія прибыли; погоня за повышеніемъ прибыли раздражаетъ рабочаго лишь какъ поводъ къ непрерывному повышенію эксплуатаціи. Обѣ цѣли субъективно совпадаютъ для капиталиста (стремясь къ повышенію прибыли, онъ не можетъ не стремиться къ повышенію и эксплуатаціи), но объективный результатъ, достигаемый имъ по отношенію къ каждой изъ нихъ, различенъ: уровень прибавочной цѣнности (уровень эксплуатаціи) повышается, а норма прибыли падаетъ; недовольство рабочихъ растетъ, довольство капиталистовъ уменьшается— и то, и другое къ невыгодѣ капитализма.

Что величина $\frac{m}{v}$ (уровень прибавочной цѣнности) всегда больше величины $\frac{m}{c+v}$ [2]), ясно само собой. Марксъ доказываетъ, что съ ростомъ капитализма эта разница между ними растетъ, и не потому, что вторая величина увеличивается медлен-

[1]) Въ разбираемомъ отдѣлѣ 3-го тома прибыль разсматривается, какъ единое цѣлое—какъ доходъ на капиталъ вообще. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ Марксъ анализируетъ и отдѣльныя части—процентъ на денежный капиталъ, предпринимательскій доходъ и ренту.

[2]) Напомнимъ, что буквой m Марксъ обозначаетъ прибавочную цѣнность, буквами c и v—постоянную и перемѣнную части капитала.

нѣе первой, а потому, что она не увеличивается, а *уменьшается*: постоянный капиталъ (сырье, машины, зданія) увеличивается, съ торжествомъ машинизма, гораздо быстрѣе, чѣмъ перемѣнный (сумма заработной платы), настолько быстрѣе, что, несмотря на постоянное увеличеніе m сравнительно съ v (эксплуатація труда повышается), сумма $c+v$ растетъ быстрѣе m, и отношеніе $\frac{m}{c+v}$ уменьшается. «Норма прибыли,—говоритъ Марксъ,—понижается не потому, что изъ рабочаго выжимаютъ меньше прибавочнаго труда, а потому, что вообще труда затрачивается относительно меньше»: живой трудъ, и прибавочный въ томъ числѣ, играетъ въ производствѣ все менѣе важную роль—какъ бы тонетъ въ общей массѣ капиталистическихъ затратъ. Съ общественной точки зрѣнія это чистая прибыль, такъ какъ преобладаніе матеріальныхъ средствъ производства надъ рабочей силой означаетъ огромную экономію человѣческаго труда; съ точки же зрѣнія капиталиста это ущербъ, такъ какъ относительное (сравнительно съ расходами) уменьшеніе величины прибавочной цѣнности воспринимается имъ, какъ паденіе прибыли[1]). Чѣмъ большій капиталъ пускается въ ходъ, чѣмъ большаго ждутъ капиталисты отъ своихъ усилій, тѣмъ меньшимъ оказывается для нихъ достигнутый результатъ. Это не значитъ, что прибыль ихъ дѣйствительно уменьшается, что они становятся бѣднѣе: она растетъ, но недостаточно быстро—не поспѣваетъ за ростомъ производства, не вознаграждаетъ новыхъ усилій и новаго риска. А если такъ, то къ чему и дѣлать усилія? Къ чему копить, если накапливаешь все медленнѣе и медленнѣе? Паденіе нормы прибыли грозитъ «погасить, въ концѣ-концовъ, огонь, оживляющій капиталистическое производство», «погрузить его въ сонъ». Здѣсь намѣчается экономическій предѣлъ развитія капитализма, т.-е. приближеніе разницы прибыли съ увеличившагося къ прибыли съ прежняго капитала къ нулю. За этимъ предѣ-

---

[1]) Марксъ говоритъ о паденіи *средней* нормы прибыли. Несмотря на различное *строеніе* отдѣльныхъ капиталовъ (разное отношеніе ихъ постоянной и перемѣнной части) въ каждый данный моментъ на капиталистическомъ рынкѣ устанавливается,—путемъ отталкиванія и притягиванія капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства,—*общая для всѣхъ капиталовъ, или средняя норма прибыли*, такъ что одни предприниматели продаютъ свои товары фактически дороже, другіе дешевле ихъ истинной цѣнности, т.-е.—$c+v+m$, и лишь общая сумма прибыли всѣхъ капиталистовъ (P) совпадаетъ приблизительно съ общей массой прибавочной цѣнности (M). Эта средняя норма прибыли и стремится, при развитіи капитализма, къ паденію.

ломъ накопленіе теряетъ для капиталиста смыслъ—капитализмъ экономически изживаетъ себя.

Послѣдніе годы жизни Маркса.

Послѣ закрытія Интернаціонала (1872 г.) Марксъ не принималъ уже официальнаго участія въ общественной жизни. Фактически это, правда, не мѣшало ему оставаться однимъ изъ популярнѣйшихъ вождей соціалистическаго движенія, «быть, по выраженію Энгельса, центромъ, къ которому обращались за совѣтомъ и французы, и русскіе, и американцы, и нѣмцы», но главное его вниманіе было все же направлено теперь на теоретическую работу—на окончаніе «Капитала». «При усвоенномъ Марксомъ методѣ историческаго и генетическаго освѣщенія вопросовъ,— писалъ Энгельсъ въ своей біографіи Маркса,—каждый частный вопросъ превращался для него въ цѣлую серію новыхъ. Первобытная культура, агрономія, геологія, землевладѣльческія отношенія въ Америкѣ и Россіи и пр.,—все это ему приходилось изучать для составленія отдѣла о рентѣ; къ германскимъ и романскимъ языкамъ, извѣстнымъ ему раньше, прибавились—древнеславянскій, русскій, сербскій». Немолодой уже и надломленный годами нужды, организмъ Маркса не могъ долго выдержать такой напряженной работы. Уже съ конца 70 годовъ въ здоровьи Маркса замѣчались серьезные признаки разстройства. Смерть жены въ 1881 году подорвала послѣдній остатокъ его силъ. Въ мартѣ 1883 года Марксъ скончался.

IV.

Марксизмъ, какъ общественное движеніе.

Марксизмъ родился съ рабочимъ движеніемъ. Росту послѣдняго соотвѣтствовали и его моральныя побѣды. «Лѣтъ пятнадцать назадъ,—говоритъ Зомбартъ (1909 г.),—придавать сочиненіямъ Маркса малѣйшее научное значеніе, признавалось въ академическихъ кругахъ чудачествомъ, почти сумасшествіемъ. Теперь безъ изученія ихъ не можетъ обойтись ни въ политической экономіи, ни въ соціальной философіи, ни въ исторіи хозяйства ни одинъ серьезный ученый: пройти мимо Маркса въ соціологіи также не возможно, какъ въ біологіи пройти мимо Дарвина, въ физикѣ—мимо Гельмгольца». Въ годъ смерти Маркса ни одна изъ существовавшихъ тогда соціалистическихъ партій не могла еще назваться марксистской. Начиная съ 90 годовъ—послѣ возникновенія «2-го

Интернаціонала» (международнаго союза національныхъ рабочихъ партій и организацій)—марксизмъ завоевываетъ себѣ преобладающее вліяніе, становится господствующимъ теченіемъ соціализма въ огромномъ большинствѣ странъ. Объ «истинномъ пониманіи» его идутъ, правда, споры: званіе «послѣдовательныхъ марксистовъ» оспаривается у официальнаго («ортодоксальнаго») марксизма другими теченіями—«ревизіонизмомъ» въ Германіи, «революціоннымъ синдикализмомъ» въ Италіи и Франціи.

За время своего существованія марксизмъ не разъ подвергался жестокой критикѣ съ самыхъ различныхъ сторонъ. «Кризисы марксизма»—объявленіе его побѣжденнымъ, разложившимся, изжитымъ—вошли недавно въ настоящую моду. Но ни одинъ изъ нихъ не означалъ дѣйствительной гибели марксизма: вопреки всему онъ не умиралъ и продолжаетъ расширять свое вліяніе на рабочія массы. Значитъ ли это, что онъ дѣйствительно неуязвимъ для критики, что въ немъ нѣтъ противорѣчій и недостатковъ? Разумѣется, не значитъ: марксизмъ раздѣляетъ несовершенство всякой философской системы и не является послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Но главная сила его не въ теоретическихъ аргументахъ, а въ глубокой спаянности съ жизнью—*въ преобладаніи активности надъ умозрѣніемъ*. Его оправданіе—не въ отсутствіи историческихъ и логическихъ ошибокъ, а въ *историческомъ фактѣ* классоваго движенія, несущаго въ себѣ отрицаніе буржуазнаго строя. Истиннымъ творцомъ марксизма былъ, въ этомъ смыслѣ, не Марксъ, а рабочій классъ: развитіе его состояло не въ теоретической разработкѣ принциповъ, а въ постепенномъ отказѣ отъ готовыхъ теорій, въ очищеніи ихъ огнемъ жизни и превращеніи въ чисто формальную рамку для содержанія, диктуемаго активной борьбой. Поскольку борьба рабочаго класса движется цѣлью дѣйствительнаго «*измѣненія* міра», она проникнута духомъ марксизма. Поскольку марксизмъ не искаженъ доктринерскимъ «*истолковываніемъ* міра», онъ воплощаетъ себя въ рабочемъ движеніи.

Есть аналогія между марксизмомъ и философской системой Руссо. Сила Руссо тоже заключалась не въ логикѣ, а въ интимномъ созвучіи теоріи съ жизнью: Руссо царилъ надъ умами потому, что въ твореніяхъ его билось сердце революціоннаго класса. Измѣнилась эпоха; забилось по-новому сердце буржуазіи, и жизнь ушла изъ доктрины Руссо, оставивъ историкамъ остовъ—неподвижную, мертвую догму, недостатки которой бросаются намъ въ

глаза. А когда-то ихъ вовсе не видѣли: живая философія Руссо не поддавалась критическому ножу... Марксизмъ еще не сталъ достояніемъ исторіи—въ этомъ вся суть. Онъ несется въ потокѣ жизни: безсильны стремленія анатомировать его, какъ трупъ.

Есть и другое, болѣе прочное, отличіе марксизма отъ революціонныхъ нѣкогда теорій Руссо. Руссо геніально схватилъ жизненный пульсъ эпохи, творчески проникъ въ глубину начинавшейся вокругъ него борьбы, но самъ онъ не былъ борцомъ: онъ умеръ раньше, чѣмъ идеи его превратились въ рычагъ революціи. Марксъ былъ революціонеръ по природѣ; духовное развитіе его протекло среди активной борьбы. Отсюда болѣе глубокая связь его ученія съ жизнью, болѣе полное совпаденіе марксизма системы съ марксизмомъ — движеніемъ. Отсюда же и большее теоретическое совершенство марксизма, ибо въ чемъ заключается совершенство теоріи, если не въ связи съ практикой, не въ полнотѣ отраженія дѣйствительной, т.-е. активной и творческой, жизни?

Ив. Херасковъ.

Восточный вопросъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

I.

Главныя линіи, по которымъ восточный вопросъ развивался въ первой половинѣ XIX в., опредѣлились къ концу предшествовавшаго столѣтія. Подъ властью дряхлѣвшей Оттоманской имперіи находились обширныя области, которымъ въ силу ихъ географическаго положенія предопредѣлена была важнѣйшая роль въ политической и экономической исторіи европейскихъ державъ. Нѣкогда Турція властвовала надъ значительной частью теченія Дуная и его устьями, черноморскимъ побережьемъ, Чернымъ, Эгейскимъ и Мраморнымъ морями, сѣверомъ и востокомъ Средиземнаго бассейна. Турецкое владычество стояло на пути развитія Австріи, исторически слагавшейся въ придунайское государство; оно отодвигало Россію отъ мірового торговаго простора южныхъ европейскихъ морей; въ широко раздвинувшемся торговомъ и колоніальномъ соперничествѣ Франціи и Англіи турецкія владѣнія — Еги-

Восточный вопросъ въ XVIII в.

Пособія: *Восточный вопросъ въ концѣ XVIII в.*: *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Тт. 28—29. — *А. Г. Брикнеръ.* Исторія Екатерины II. *Его же.* Потемкинъ.—*Петровъ.* Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами.—*Лависсъ и Рамбо.* Всеобщая исторія. Т. VII. *Восточный вопросъ въ царствованіе Александра I. С. М. Соловьевъ.* Императоръ Александръ I. Дипломатія. Политика.—*Шильдеръ.* Александръ I.—The Cambridge. Modern History. V. IX.—*Лависсъ и Рамбо.* Исторія XIX в., т. I—III.—*Debidour.* Histoire diplomatique de l'Europe, v. I.—E. *Driault.* La politique orientale de Napoleon.—*Восточный вопросъ въ царствованіе Николая I до Крымской войны*: *Шильдеръ.* Николай I.—*С. Татищевъ.* Внѣшняя политика Николая I.—*Исторія новой Греціи*: *Finlay.* History of Greece.—*G. Fr. Hertzberg.* Geschichte Griechenlands, т. III и слѣд. *Внутренняя исторія Турціи*: *Hammer.* Geschichte des Ottomanischen Reichs.—*Zinkeisen.* Geschichte des osmanischen Reichs. — *Исторія возрожденія Сербіи*: *Н. А. Поповъ.* Россія и Сербія.—*Вопросъ о проливахъ*: *С. Горяиновъ.* Босфоръ и Дарданеллы.

петъ, Архипелагъ, всѣ подступы къ Красному морю—имѣли первостепенное значеніе. Соотвѣтственно географическимъ пунктамъ притяженія интересовъ тѣхъ или иныхъ державъ, въ обезсилѣвшей Турціи обрисовывались сферы иноземнаго вліянія и одновременно возникали центры внутренней оппозиціи. Наиболѣе успѣшно и ускоренно этотъ процессъ развивался поэтому тамъ, гдѣ интересы державъ чаще всего приводили ихъ къ непосредственному соприкосновенію съ райей: въ румынскихъ областяхъ, Молдавіи и Валахіи, и на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова, выше по Дунаю, въ сербскихъ земляхъ. То же наблюдалось въ Мореѣ и на островахъ Эгейскаго моря, гдѣ греки, объединенные подъ турецкимъ владычествомъ, постепенно укрѣпляли и расширяли свое національное самосознаніе въ постоянномъ соприкосновеніи съ боровшимися за торговую гегемонію на Средиземномъ морѣ морскими державами Запада. Живая предпріимчивость греческихъ торговцевъ и моряковъ не менѣе, чѣмъ политическое вліяніе патріархіи и фанаріотовъ, клала основаніе національной оппозиціи въ этой части Оттоманской имперіи. Такимъ образомъ изъ взаимодѣйствія этихъ движущихъ причинъ ко времени разложенія Турціи опредѣлились три сферы національнаго возрожденія райи — Молдавія и Валахія, сербскія земли и всѣ области, населенныя греками. Въ этихъ мѣстностяхъ скрещивались интересы европейскихъ державъ: Австріи, Франціи, Англіи и Россіи.

Франція противъ Россіи.

Внѣшняя политика Турціи со времени перехода ея отъ нападенія къ оборонѣ естественно основывалась на противоположеніяхъ европейскихъ интересовъ. Еще въ первую эпоху Оттоманской имперіи ее спасала отъ дружнаго европейскаго натиска борьба западныхъ державъ. Всѣ враги римскаго императора искали опоры въ Турціи. Съ тридцатыхъ годовъ XVI вѣка Франція, стоявшая во главѣ противниковъ императора, поддерживала близкія сношенія съ Портой. Получивъ за то обширныя привилегіи на Востокѣ, важнѣйшей изъ которыхъ былъ протекторатъ надъ католическими подданными Турціи, Франція до конца XVIII вѣка удерживала первенствующее положеніе въ Константинополѣ. Энергично сдерживая Австрію отъ движенія на Балканы, Франція въ началѣ XVIII вѣка оказывалась главной противницей натиска на Востокъ и новой силы — пробудившейся Россіи.

«Царь московскій ждетъ только окончанія шведской и польской войны, чтобы покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ; австрійскій императоръ нападаетъ

на Турцію съ другой стороны; какъ бы они не принудили мусульманъ убраться во внутреннюю Азію», внушалъ Портѣ за нѣсколько лѣтъ до войны 1711 г. французскій посланникъ. Въ этомъ прозорливомъ совѣтѣ почти пророчески предуказывался ходъ восточнаго вопроса въ XVIII вѣкѣ. Въ борьбѣ съ русскимъ и австрійскимъ натискомъ Турція искала опоры во всѣхъ враждебныхъ Россіи и Австріи интересахъ и планахъ европейскихъ державъ и прежде всего опиралась на ту политическую комбинацію, которая имѣла цѣлью отдѣлить русское вліяніе отъ Запада шведско-польско-турецкой стѣной, т.-е. на французскую «восточную систему». Въ важнѣйшемъ восточно-европейскомъ кризисѣ второй половины XVIII вѣка, въ паденіи Рѣчи Посполитой, Турція не могла не видѣть угрозы своему собственному существованію. «Положеніе Польши таково, что мы должны спасти ея вольности нашимъ оружіемъ», говорилъ въ 1767 г. султанъ Мустафа III. Польскій вопросъ былъ главной причиной русско-турецкой войны 1768 г., закончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, событія, многія десятилѣтія вліявшаго на ходъ и постановку восточнаго вопроса.

Войны съ Турціей при Екатеринѣ II.

Въ полномъ единеніи съ французской дипломатіей, искавшей спасенія Польшѣ въ диверсіи со стороны турокъ и желавшей въ Польшѣ спасти, между прочимъ, самую серьезную опору неприкосновенности Турціи, султанъ объявилъ Россіи войну. Въ 1771 г., завоевавъ Крымъ, Россія положила прочное основаніе своему владычеству на Черномъ морѣ; далеко проникнувъ на Кавказъ, русская армія грозила малоазіатскимъ владѣніямъ турокъ. Уже тогда Турція могла рухнуть. Но этого не случилось, потому что рѣшительные успѣхи Россіи вызвали не менѣе рѣшительное, хотя и сложное по разнообразію мотивовъ, сопротивленіе европейскихъ державъ. Австрія была крайне встревожена захватомъ придунайскихъ областей; Пруссія искала случая освободиться отъ русскаго вліянія и готова была поддержать Австрію; Франція, бросившая Турцію на Россію, чтобы предотвратить паденіе Польши, стала бы во главѣ намѣчавшагося противодѣйствія. Но самымъ существеннымъ было то обстоятельство, что и для Россіи война 1768 г. имѣла главнымъ объектомъ польскій вопросъ. Турцію спасло первенствующее значеніе польскаго вопроса. Въ іюлѣ 1771 г. Австрія заключила съ Турціей союзъ, по которому обязалась взамѣнъ субсидіи и уступки ей Малой Валахіи вернуть туркамъ завоеванныя Россіей области. Екатерина

стояла передъ опасностью коалиціи, которая могла бы не только лишить ее плодовъ турецкой войны, но и повліять, къ невыгодѣ Россіи, на рѣшеніе польскаго вопроса. Поэтому она пошла на значительныя уступки; соглашеніе о раздѣлѣ Польши (1777 г.) было связано съ отказомъ ея отъ большей части русскихъ завоеваній въ Турціи. Мирный договоръ, подписанный въ Кучукъ - Кайнарджи (въ іюлѣ 1774 г.), возвращалъ Турціи Грузію, Мингрелію, Архипелагъ и придунайскія княжества. Однако по этому договору Россія пріобрѣтала громадныя возможности будущаго развитія своей восточной политики въ признаніи независимости отъ султана крымскихъ татаръ, въ привилегіяхъ для Молдавіи и Валахіи, въ амнистіи для грековъ, въ правѣ для русскихъ подданныхъ свободнаго отправленія обрядовъ православной церкви въ Турціи, въ правѣ торговли въ турецкихъ портахъ, пользованія проливами для торговыхъ судовъ и назначенія по надобности консуловъ въ турецкіе города. Кучукъ - Кайнарджійскій договоръ полагалъ начало вмѣшательству Россіи въ отношенія Порты съ ея православными подданными и предрѣшалъ переходъ сѣвернаго побережья Чернаго моря въ обладаніе русскихъ. Но, можетъ-быть, самымъ важнымъ послѣдствіемъ войны было то, что французскіе историки считаютъ роковой ошибкой Шуазеля, руководителя внѣшней политики Франціи въ это время: война, не спасшая Польши, обнаружила одряхлѣніе Турціи и вскрыла ея внутреннія язвы.

Восточная политика Россіи.

Заключенный въ 1774 г. миръ давалъ Россіи, главнымъ образомъ, широкія перспективы будущаго и увѣренность въ ихъ осуществимости, насколько это зависѣло отъ сопротивленія Турціи. Поэтому восточная политика Россіи пріобрѣла послѣ 1774 г. чрезвычайную интенсивность. Пользуясь европейскими осложненіями, позволявшими русской дипломатіи обходить или устранять противодѣйствіе Франціи и Австріи, въ ближайшія двадцать лѣтъ русское правительство колонизовало Новороссію, присоединило къ Россіи Крымъ, выстроило торговые и военные порты, завело флотъ на Черномъ морѣ и наладило тамъ живыя морскія торговыя сношенія съ значительной помощью греческихъ судоходцевъ и купцовъ. Въ русской политикѣ былъ опредѣленно поставленъ вопросъ о близкомъ крушеніи Турціи. Кн. Потемкинъ разрабатывалъ свой «греческій проектъ» возстановленія византійской имперіи съ столицей Константинополемъ и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ на императорскомъ престолѣ. Послѣдовавшія за-

тѣмъ событія устранили Францію на нѣсколько лѣтъ отъ всякаго участія въ международной жизни Европы. Крушеніе монархіи во Франціи давало Россіи и Австріи полную свободу дѣйствій и въ польскомъ и въ турецкомъ вопросахъ. Съ лѣта 1783 г., когда Россія заключила съ Турціей торговый договоръ, давшій возможность чрезвычайно быстро развить торговое судоходство подъ русскимъ флагомъ (главнымъ образомъ, на греческихъ судахъ), русскія сношенія съ райей сдѣлались весьма оживленными. Греки—воспитанники петербургскихъ военныхъ школъ, привезенные въ русскую столицу Потемкинымъ, возвращались въ Турцію въ должностяхъ консуловъ и толмачей, офицеровъ и шкиперовъ и вели повсемѣстно горячую агитацію противъ турецкаго ига. Русскіе консулы щедро раздавали райѣ бераты (свидѣтельства о покровительствѣ), и снабженные ими «баратары», ускользая отъ турецкой юрисдикціи, служили тому же дѣлу пропаганды. Порта, потерявъ терпѣніе, объявила лѣтомъ 1787 г. Россіи войну. Война 1787 — 8 гг. имѣла чрезвычайно важное значеніе для Ближняго Востока, потому что райя поднялась на этотъ разъ еще дружнѣе и при томъ не только греческая, дѣйствовавшая подъ непосредственнымъ вліяніемъ Россіи, но и сербская. Какъ и ранѣе, въ XVIII вѣкѣ сербское возстаніе было связано не съ политикой Россіи, а съ дѣйствіями Австріи. Оно развилось съ того момента, когда Австрія приняла участіе въ войнѣ, и протекало подъ ея прямымъ вліяніемъ. Канунъ возсозданія сербской государственности, этотъ эпизодъ долженъ быть особенно отмѣченъ, такъ какъ основные факторы, дѣйствовавшіе въ то время, оставались въ силѣ въ теченіе всего XIX вѣка. Для русской политики XVIII вѣка сербы были, правда, единовѣрнымъ и единоплеменнымъ народомъ, но слишкомъ далекимъ отъ поля дѣйствія русскихъ интересовъ. Россія боролась еще не за вліяніе на Балканахъ, а за непосредственныя территоріальныя пріобрѣтенія. Ея экономическіе интересы влекли ее къ проливамъ, къ Архипелагу. Поэтому центромъ русской агитаціи были греческіе острова и Морея, отчасти Эпиръ. Австрія же послѣ Пассаровицкаго мира вошла въ непосредственное соприкосновеніе съ сербами. Къ концу XVIII вѣка сербская райя была очень тѣсно связана съ Австріей, какъ политическими, такъ и экономическими интересами.

Россія и Австрія.

Но въ 1787 — 8 гг. австрійскія войска не особенно удачно вели кампанію; послѣ взятія Бѣлграда и занятія близлежащихъ сербскихъ областей имъ не удалось сдѣлать ничего существен-

наго. Россіи приходилось бороться одновременно на югѣ съ Турціей и на сѣверѣ съ Швеціей, выдвинутой противъ нея англо-прусско-голландской коалиціей. Смерть Іосифа II измѣнила въ это тяжелое для Екатерины время австрійскую политику. Леопольдъ II подъ прямой угрозой вмѣшательства Пруссіи заключилъ миръ съ Турціей. Австрія вошла въ враждебную Россіи группировку, примирившись съ Пруссіей.

Россія оставалась одна, безъ друзей и союзниковъ. Только грозное общее замѣшательство на Западѣ дало возможность съ честью и даже съ выгодой выйти изъ этого положенія. Екатерина нашла исходъ въ отвлеченіи вниманія западныхъ державъ къ французскимъ дѣламъ. «Я ломаю себѣ голову, стараясь заставить вѣнскій и берлинскій дворы вмѣшаться во французскія дѣла, — говорила она. — Я желаю, чтобы, занявшись ими, они развязали мнѣ руки. У меня много недоконченныхъ предпріятій, и я желаю, чтобы Австрія и Пруссія были заняты и не мѣшали мнѣ». Однимъ изъ этихъ недоконченныхъ предпріятій была турецкая война. «Занявъ» западныя державы, Екатерина завершила это дѣло Ясскимъ миромъ 29 декабря 1791 г. Турція принуждена была подтвердить всѣ заключенные ею съ Россіей договоры, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго, и признать Днѣстръ русско-турецкой границей. Умѣренная въ территоріальныхъ требованіяхъ, которыя могли бы вызвать несвоевременную ревность Австріи, Екатерина пріобрѣла большее: русская дипломатія заняла въ Константинополѣ мѣсто французской. Предчувствуя это, послѣдній посланникъ Людовика XVI въ Константинополѣ, Шуазель-Гуффье, писалъ въ 1790 г.: «если восточный миръ состоится безъ нашего участія, мы на полстолѣтія потеряемъ свой престижъ въ Константинополѣ». Онъ ошибался только въ длительности русскаго преобладанія. Дипломаты стараго порядка думали, что съ монархіей гибнетъ и Франція, что на картѣ Европы появилось «большое пустое мѣсто: пространство, нѣкогда занятое Франціей», какъ сказалъ Боркъ въ англійскомъ парламентѣ. Какъ и вся Европа, они не предвидѣли революціонныхъ войнъ и наполеоновской эпопеи.

Восточный вопросъ вновь сталъ въ связь съ борьбой Россіи и Франціи за преобладаніе въ Европѣ. Если «недоконченныя предпріятія» Екатерины въ Турціи и Польшѣ спасли революціонную Францію отъ разгрома, возрожденіе французской мощи спасло Турцію.

II.

Восточная политика Наполеона.

Съ 1796 г. начинается новая эра въ исторіи восточнаго вопроса. Подготовленная англо-французской колоніальной борьбой, отнынѣ восточная проблема надолго сводится къ защитѣ Англіей подступовъ къ Красному морю и далѣе къ Индійскому океану отъ покушеній сначала Франціи, затѣмъ Россіи. Восточный вопросъ подвергается непосредственному вліянію общаго хода борьбы между соперничающими державами, и на развитіи его отражаются всѣ фазы этой борьбы, исчерпывающую формулу которой очень рано далъ первенствующій дѣятель эпохи, Наполеонъ Бонапартъ: «Надо сосредоточить всѣ усилія на морѣ и разгромить Англію; тогда вся Европа будетъ у нашихъ ногъ».

Въ основѣ этой политической программы, опредѣлившей, какъ европейскую политику Наполеона, такъ и ходъ восточнаго вопроса въ его время, лежали весьма прочныя реальныя соображенія.

На Востокѣ англійская торговля рѣшительно преобладала надъ французской; англійскій флотъ господствовалъ во всѣхъ водахъ, омывающихъ берега Африки и Азіи. Голландскія, испанскія и французскія колоніи были легкой добычей для первенствующей морской державы. Захвативъ мысъ Доброй Надежды, Англія обезпечивала свое господство въ Индіи, захватъ Гибралтара далъ ей ключъ къ Средиземному морю. Мало вѣря въ уязвимость Англіи со стороны Ламанша, не рѣшаясь еще вступить въ борьбу со всей Европой, чтобы закрыть для англійскихъ судовъ порты Нѣмецкаго моря, генералъ Бонапартъ предложилъ Директоріи нанести ударъ англійскому могуществу на Востокѣ. Слабымъ пунктомъ плана Наполеона былъ вопросъ объ отношеніи Порты къ египетскому походу. Бонапартъ надѣялся сохранить миръ съ нею; во всякомъ случаѣ, онъ сильно желалъ этого. Надежды его были основаны на томъ, что турецкое владычество надъ Египтомъ было только номинальнымъ — страна была подъ властью мамелюковъ; Директорія старалась внушить Портѣ, что Франція намѣрена уважать суверенныя права султана. Но Наполеонъ предвидѣлъ и возможность разрыва съ Турціей. Однако это его не пугало; онъ разсчитывалъ поднять христіанскую райю, «которая, — писалъ онъ, — во имя свободы еще скорѣе возьмется за оружіе, чѣмъ въ защиту своей вѣры», и пойдетъ за Франціей такъ же, какъ шла за Россіей и Австріей». Въ этомъ случаѣ

цѣлью французскаго движенія на Востокъ могъ бы оказаться даже Константинополь.

Наполеонъ не обманывался, полагая, что революція подняла престижъ Франціи среди христіанской райи. Почти не затронувъ славянскихъ племенъ, освободительныя и гуманитарныя идеи вѣка преломились въ сознаніи греческой райи въ смутное, но великое волненіе и чаяніе близкаго національнаго освобожденія. Пламенные стихи патріота поэта Ригаса разносили освободительныя идеи повсюду, гдѣ господствовала греческая рѣчь; отъ Албанскихъ горъ до побережья Малой Азіи звучали положенныя на напѣвъ марсельезы огненныя слова:

„Δεῦτε παῖδες τῶν Ἑλλήνων, ὁ καιρὸς τῆς δόξης ἦλθεν...“

Селимъ III. Турція, болѣе чѣмъ когда-либо, страдала въ это время отъ внутренняго разложенія. Финансовое недомоганіе, разруха военной мощи, постоянныя волненія среди райи осложнялись своеволіемъ пашей. Виддинскій паша Пасванъ-Оглу открыто возмутился противъ султана и овладѣлъ почти всей болгарской областью. Въ Янинѣ сидѣлъ почти независимымъ владыкой честолюбивый и могущественный Али-паша. Новый султанъ, Селимъ III, человѣкъ даровитый, дѣятельный, понимавшій духъ и потребности эпохи, предпринялъ рядъ коренныхъ преобразованій съ цѣлью возстановить государственную организацію и военную мощь Турціи на новыхъ основаніяхъ. Главной его реформой было созданіе спеціальнаго военнаго бюджета и попытки упорядочить въ связи съ этимъ всю финансовую систему. Онъ былъ намѣренъ покончить съ злоупотребленіемъ откупными операціями, съ анархической привилегированной саранчей янычаръ и спахіевъ, пожиравшихъ благосостояніе райи и самого государства, съ самовластіемъ пашей и подкупностью Дивана. Онъ сознавалъ — и это есть лучшее свидѣтельство его государственныхъ дарованій—что угнетеніе райи готовитъ гибель Турціи; въ числѣ задуманныхъ имъ реформъ было и расширеніе правъ райи и охрана ея отъ эксплуатаціи. Но онъ только создалъ себѣ заклятыхъ враговъ и ничего не сдѣлалъ для Турціи; всѣ его планы обратились противъ него. Дважды разгромленная Россіей, Турція съ ужасомъ увидала новаго, еще болѣе грознаго врага, который предлагалъ ей, правда, дружбу и покровительство, но захватывалъ ея владѣнія на Средиземномъ морѣ, волновалъ греческую райю, тѣснилъ мусульманъ въ Египтѣ и двигался въ Сирію. Въ отчаяніи Порта, не вѣря болѣе въ французскую дружбу,

обратилась за помощью къ своему страшному изъ своихъ прежнихъ враговъ, къ Россіи.

Политика императора Павла I.

Императоръ Павелъ послалъ къ Константинополю русскій флотъ. 23 декабря 1798 г. между Россіей и Турціей былъ заключенъ союзный договоръ. Проливы были открыты для русскаго военнаго флота. Общими дѣйствіями русской и турецкой эскадръ французы принуждены были очистить Іоническіе острова. На нѣсколько лѣтъ русское вліяніе безраздѣльно водворилось въ Константинополѣ. Въ Архипелагѣ, на Іоническихъ островахъ, Россія была почти полной повелительницей. Разгромъ Австріи позволилъ быстро распространить русское вліяніе на единовѣрныхъ сербовъ и полновластно направлять ходъ дѣлъ въ придунайскихъ княжествахъ. Мимолетный эпизодъ сближенія Павла съ Наполеономъ только усилилъ русскій авторитетъ въ Турціи. Зная, что она ничего не можетъ противопоставить франко-русскому союзу, кромѣ ненадежной помощи далекой Англіи, Порта съ трепетомъ покорялась всѣмъ велѣніямъ Россіи.

Отношеніе къ Турціи императора Александра I.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра I передъ русской политикой сталъ основной вопросъ: стремиться ли сохранить это положеніе, близкое къ протекторату надъ обезсиленной Турціей, иначе говоря, поставить ли въ основу своихъ дѣйствій сохраненіе Турціи, или итти по пути, предначертанному Екатериной, т.-е. всемѣрно добиваться ея разложенія и гибели, чтобы захватить опорные пункты для будущаго развитія Россіи на югѣ. Рѣшеніе этого вопроса предопредѣлялось общимъ направленіемъ русской политики. Къ раздѣлу можно было приступить только въ согласіи съ Франціей, обязываясь этимъ надолго и рѣшительно стать на ея сторону въ экономической борьбѣ ея съ Англіей. Это было ясно, по крайней мѣрѣ, для Наполеона, когда онъ приказывалъ Дюроку въ 1801 г. внушать молодому императору, что развитіе русской торговли будетъ обезпечено только направленіемъ ея на югъ по плану Екатерины. Но общій складъ экономической жизни Россіи не давалъ реальныхъ основаній для переноса центра вывозной торговли на югъ. Еще не хлѣбъ, въ частности не пшеница, а желѣзо и пенька были основными предметами русскаго вывоза, и поэтому главнымъ факторомъ русскаго торговаго баланса былъ товарообмѣнъ съ Англіей по сѣверному морскому пути. Связь русскаго рынка съ англійскимъ была еще чрезвычайно прочна, и это предопредѣляло тяготѣніе правящихъ круговъ

русскаго общества къ политикѣ, дружественной Англіи, т.-е. враждебной Франціи. Вопросъ о раздѣлѣ Турціи былъ поставленъ передъ Россіей Наполеономъ въ 1802 г., послѣ безуспѣшныхъ усилій побудить Александра вернуться къ послѣднему фазису политики его отца. Наполеонъ думалъ добиться того же результата, поставивъ на почву восточныхъ дѣлъ вопросъ о выборѣ Россіей позиціи въ его борьбѣ съ Англіей. Ему казалось несомнѣннымъ, что перспективы обширныхъ пріобрѣтеній въ Турціи должны повліять на императора Александра. Однако въ Петербургѣ предпочли держаться политики сохраненія Турціи. Такое рѣшеніе было основано не на спорномъ аргументѣ, выдвинутомъ гр. В. Н. Кочубеемъ: «у Россіи нѣтъ сосѣдей спокойнѣе турокъ и потому сохраненіе силъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Рѣшаясь «способствовать всѣми средствами сохраненію государства, слабость и дурное управленіе котораго являются цѣннымъ залогомъ нашей безопасности», Александръ въ то же время предвидѣлъ, что эвакуація французами Египта неизбѣжна и что послѣ этого Турція снова вернется къ враждебности противъ Россіи. Рѣшеніе 1802 г. было принято въ ясномъ сознаніи связи восточнаго вопроса съ общей политикой Россіи и избранной въ этой связи позиціей. Цѣли восточной политики перваго консула уже вполнѣ опредѣлились, какъ враждебныя Англіи и клонящіяся къ захвату торговой гегемоніи на Средиземномъ морѣ съ цѣлью расширить это вліяніе далеко на Востокъ. Отказавшись отъ раздѣла Турціи въ 1802 г., Россія имѣла въ виду не принципіальную защиту Оттоманской имперіи, а сохраненіе ея для себя прежде всего отъ французскаго натиска. Поступая такъ, русское правительство не отвергало въ будущемъ и противоположнаго, «екатерининскаго», курса въ своей политикѣ. Такимъ образомъ, поставленный передъ Россіей въ 1802 г. основной вопросъ былъ не разрѣшенъ, а отсроченъ. Этимъ объясняется существенно противорѣчившій намѣченному Кочубеемъ «коренному принципу» образъ дѣйствій русскихъ представителей въ Турціи, повсемѣстно поддерживавшихъ національное движеніе среди райи, несомнѣнно, для всѣхъ ослаблявшее Оттоманскую имперію. Этотъ эпизодъ представляетъ чрезвычайную важность для освѣщенія исторіи восточного вопроса въ первой половинѣ XIX вѣка, такъ какъ характернѣйшія черты его проходятъ красной нитью черезъ всѣ дальнѣйшія движенія и дѣйствія Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Ре-

альныя заданія восточнаго плана Екатерины остаются, до Крымской войны, излюбленными перспективами русской дипломатіи: стремленіе къ Константинополю, т.-е. къ владычеству надъ проливами, ключемъ экономическаго и политическаго вліянія на востокѣ Средиземнаго моря. Но въ этомъ направленіи Россіи приходится бороться съ противоположными интересами: Франціи, Англіи, Австріи. Въ зависимости отъ отношеній съ этими державами и отъ общаго соотношенія враждебныхъ и дружественныхъ Россіи силъ въ Европѣ, русское правительство переходитъ въ Турціи отъ нападенія къ охранѣ status quo и наоборотъ. Въ моменты лучшихъ отношеній съ Портой — періоды 1798 — 1804 гг. и отъ Адріанопольскаго мира до средины 30-хъ гг. — русская политика въ Турціи стремилась къ протекторату, къ политическому засилію; охраняя Турцію отъ чужого натиска, русская дипломатія использовывала свою гегемонію для укрѣпленія тѣхъ элементовъ въ имперіи, которые могли бы въ будущемъ способствовать завоевательнымъ планамъ Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первые годы XIX вѣка въ полной мѣрѣ опредѣлились интересы и силы, противодѣйствовавшіе русскому натиску на Востокъ. Очень скоро для русской дипломатіи выяснилось, что въ вопросѣ объ использованіи проливовъ для русскаго флота и для русской торговли главнымъ противникомъ Россіи, несмотря на близость европейскихъ интересовъ, является Англія. Для британскихъ государственныхъ людей представлялось совершенно яснымъ, что, по устраненіи съ Средиземнаго моря французскаго флота, самой серьезной опасностью для развитія міровой торговли Англіи будетъ уязвимость ея морскихъ путей на Востокѣ со стороны державы, которая, владѣя проливами, всегда могла бы бросить свой черноморскій флотъ въ Средиземное море, а, расширяясь черезъ Кавказъ въ Персіи, продвигалась бы къ самымъ цѣннымъ англійскимъ колоніямъ. Въ дважды предложенныхъ Наполеономъ русскому правительству планахъ движенія на Индію было не мало фантастики; но эти проекты не лишены были и практической цѣнности: великій дипломатъ сталкивалъ Россію съ Англіей на уже опредѣлившейся для него почвѣ ихъ неизбѣжнаго будущаго антагонизма. Въ англійской политикѣ поэтому преобладало стремленіе, прямо противоположное русской тенденціи: не только сохраненіе Турціи, но и усиленіе ея, какъ надежнаго стража англійскихъ интересовъ на восточныхъ морскихъ путяхъ.

Австрія уже въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ выработала программу своей восточной политики, легшую надолго въ основу ея дѣйствій. Долгая борьба съ Турціей за господство на нижнемъ Дунаѣ отошла въ историческое прошлое. Дѣйствительной соперницей здѣсь сдѣлалась Россія. Вторженія русскихъ войскъ въ придунайскія княжества, которыми открывались русско-турецкія войны, неизмѣнно вызывали болѣзненный откликъ въ Австріи. Еще больше тревожило вѣнскихъ политиковъ расширеніе и укрѣпленіе русскаго вліянія въ Сербіи, гдѣ въ началѣ вѣка возникло возстаніе, длившееся много лѣтъ до образованія сербскаго княжества, гарантированнаго русско-турецкимъ договоромъ. Но наиболѣе важнымъ элементомъ австро-русскаго антагонизма на Балканахъ являлось проникшее въ умы нѣкоторыхъ австрійскихъ политиковъ (прежде всего Меттерниха) сознаніе будущаго значенія славянства въ судьбахъ имперіи. Одной изъ побудительныхъ причинъ сближенія Австріи съ Франціей въ 1810 г. была надежда подчинить этимъ путемъ Боснію, Сербію и Болгарію австрійскому вліянію и, давъ опору планамъ Наполеона относительно Польши, отодвинуть Россію отъ западнаго славянства. Меттерниху было ясно, къ какимъ послѣдствіямъ для имперіи Габсбурговъ привело бы расширеніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Охваченная великой славянской имперіей съ востока и юга, Австрія не могла бы найти сильной опоры даже въ своихъ подданныхъ при преобладаніи среди нихъ славянъ. Врагомъ Австріи на Востокѣ Россія являлась поэтому, съ австрійской точки зрѣнія, какъ держава, продвигающаяся на Дунай, и какъ держава славянская.

Для первенствовавшаго въ ту эпоху государства, для Франціи, русская позиція въ восточномъ вопросѣ имѣла, какъ мы уже указали, не столько непосредственное значеніе, сколько, главнымъ образомъ, косвенное — въ связи съ ролью Россіи въ англо-французской борьбѣ. Поэтому по отношенію къ Россіи Наполеонъ пользовался восточнымъ вопросомъ, какъ средствомъ воздѣйствія на русскую политику. Послѣ недолгаго подготовительнаго періода, когда Александръ пытался удержаться на нейтральной позиціи въ англо-французской борьбѣ, Россія вошла въ столкновеніе съ Франціей, длившееся до Тильзитскаго мира. Наполеонъ, готовясь къ разрыву съ Россіей, опрокинулъ шаткое зданіе русскаго престижа въ Константинополѣ. Ему не стоило большого труда убѣдить Порту разорвать съ Россіей. На Аустерлицкомъ полѣ

рѣшилась судьба русскаго престижа. Разъ Россія можетъ быть побѣждена, симпатіи, преданность и войска Порты были къ услугамъ побѣдителя. Сталкивая Россію съ Турціей, Наполеонъ искалъ не только диверсіи. Подобно многимъ другимъ дѣятелямъ того времени, онъ сильно преувеличивалъ силы Востока. Въ концѣ 1807 г. онъ мечталъ о созданіи громадныхъ «восточныхъ армій» въ Турціи и Персіи, которыя бы, подъ руководствомъ французскихъ генераловъ, ринулись на Россію и надолго отвлекли ее отъ европейскихъ дѣлъ. Его лозунгомъ на Востокѣ былъ бы «газаватъ», священная война ислама противъ Россіи. Громадное кольцо, отъ иллирійскаго корпуса Мармона до полчищъ шаха, «подкрѣпленныхъ 40 тысячами турокъ, которыхъ перевезли бы въ Испагань», дополнило бы натискъ великой арміи на западную границу Россіи... Наполеону Россія уже видѣлась полузадушенной этимъ чудовищнымъ охватомъ. Но ни Турція, ни тѣмъ менѣе Персія не оправдали его расчетовъ. Война оказалась простой диверсіей.

Но восточные интересы Россіи создавали для нея особую область уязвимости и въ ея европейскихъ отношеніяхъ, прежде всего съ Австріей. Наполеонъ широко использовывалъ открывавшіяся отсюда возможности. Въ 1806 г. онъ пугалъ Австрію перспективой движенія Россіи въ придунайскія княжества; наканунѣ войны съ Пруссіей онъ предлагалъ Австріи союзъ на основѣ гарантіи цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи противъ Россіи. Это была одна изъ восточныхъ картъ въ игрѣ Наполеона. Другой — было сближеніе съ Россіей на почвѣ восточнаго вопроса. Эта возможность была использована въ Тильзитѣ. Путемъ двухъ удачныхъ войнъ Наполеонъ приводилъ Россію къ тому, отъ чего она уклонялась со времени воцаренія Александра: къ союзу съ Франціей противъ Англіи. Необходимо было заинтересовать Александра, опредѣлить цѣну союза. Это Наполеонъ и сдѣлалъ, использовавъ восточный вопросъ. Французскій императоръ покупалъ русскую помощь и старался сдѣлать это, конечно, наиболѣе выгоднымъ для себя способомъ. Александръ, спасая свой престижъ въ Европѣ, спасая европейскіе интересы Россіи, видѣлъ центръ торга въ сохраненіи Пруссіи. Но, готовый ради этой цѣли на большія пожертвованія, онъ въ то же время долженъ былъ искать возможно блестящей компенсаціи, возможно понятныхъ массамъ и, главное, немедленно осуществимыхъ плодовъ союза, чтобы убѣдить и себя и русское общество въ томъ, что

союзъ съ непобѣдимымъ противникомъ заключенъ для выгодъ и чести России. Планъ спасенія Пруссіи за счетъ Турціи былъ впервые формулированъ самими прусскими государственными людьми. Александръ и Наполеонъ неизбѣжно должны были перенести переговоры въ эту именно плоскость. Пруссія была спасена цѣной ряда крупныхъ жертвъ для русской политики въ Европѣ. Но ради оправданія союза для Александра, ради его личнаго успѣха, ради удовлетворенія его самолюбія и честолюбія, Наполеонъ далъ обѣщанія вмѣсто реальныхъ цѣнностей, широкія перспективы вмѣсто куска турецкой земли. Исполненіе обѣщаній онъ разсчетливо оставлялъ въ своихъ рукахъ. Александръ возвращался въ Петербургъ съ союзомъ, слѣдствія котораго должны были рѣзко задѣть имущественные интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, т.-е. правящей бюрократіи и придворныхъ круговъ,—возвращался, какъ защитникъ ненавистнаго его окружающимъ союза, а цѣна союза, его оправданіе оставалось въ рукахъ у Наполеона. Вплоть до Эрфуртскаго свиданія французская дипломатія играла на этой болѣзненной уязвимости русскаго императора. Александръ просилъ и требовалъ, унижался и грозилъ: ему нужна была турецкая земля, чтобы бросить этотъ плодъ союза тѣмъ людямъ, которые изъ-за этого союза «также хладнокровно говорили, что нужно убить императора, какъ говорили бы о дождѣ или хорошей погодѣ».

Но Наполеонъ грубо ставилъ удовлетвореніе его желаній въ связь съ реальной основой Тильзитскаго мира. Цѣной русскихъ пріобрѣтеній на Востокѣ онъ ставилъ гибель Пруссіи и полное подчиненіе Россіи экономической гегемоніи Франціи. Въ то же время онъ самъ не отказывался отъ своего давняго плана экономическаго завоеванія Востока. Твердо ставъ въ Иллиріи, онъ оцѣнилъ будущее значеніе торговаго пути черезъ Балканскій полуостровъ на Салоники и намѣчалъ рядъ мѣръ для использованія Малой Азіи въ качествѣ экономической территоріи, предвосхищая этимъ на сто лѣтъ германскую политику. Въ то же время разрывъ Россіи съ Англіей привелъ къ росту англійскаго авторитета въ Константинополѣ, что имѣло послѣдствіемъ закрытіе проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ.

Вмѣсто новыхъ пріобрѣтеній, Россія теряла на Востокѣ уже пріобрѣтенное. На Эрфуртскомъ свиданіи Александръ использовалъ неудачи Франціи въ Испаніи и вырвалъ, наконецъ, у Наполеона свободу дѣйствій на Востокѣ. Вторая турецкая война

(1809 — 12) имѣла цѣлью реализовать хотя бы часть тильзитскихъ обѣщаній, завоевать придунайскія княжества. Но и это не удалось. Въ подготовкѣ къ великому столкновенію и Россія и Франція были одинаково озабочены привлеченіемъ Австріи на свою сторону. Наполеонъ стремился и успѣлъ заключить союзъ съ Австріей, обѣщая ей поддержку на Балканахъ противъ Россіи; Александръ въ переговорахъ съ Вѣной принужденъ былъ поставить въ основу ихъ отказъ отъ пріобрѣтеній на Дунаѣ. Наконецъ самое возникновеніе войны съ Франціей заставило Россію поспѣшить заключеніемъ мира на Востокѣ и пойти съ этой цѣлью на широкія уступки. Послѣдовавшая затѣмъ рѣшительная борьба съ Наполеономъ на нѣсколько лѣтъ, до Вѣнскаго конгресса, отодвинула на второй планъ восточныя дѣла.

III.

Восточный вопросъ послѣ Вѣнскаго конгресса.

Послѣ недолгаго періода полнаго затишья—конечная борьба съ Наполеономъ отвлекала все вниманіе и всѣ силы державъ—восточный вопросъ былъ выдвинутъ немедленно, какъ только позволила побѣда надъ Франціей. Сломивъ во главѣ европейской коалиціи могущество Наполеона, русскій императоръ надѣялся воспользоваться пріобрѣтенной теперь, какъ ему казалось, свободой дѣйствій на Востокѣ, чтобы довершить тамъ неоконченное дѣло, заключительной цѣлью котораго было овладѣніе Константинополемъ и проливами. Не успѣлъ разойтись конгрессъ, какъ въ первые же дни, въ медовый мѣсяцъ священнаго союза восточный вопросъ врѣзался разъединяющимъ факторомъ. Уже въ самомъ актѣ священнаго союза, опубликованномъ въ началѣ 1816 года, заключалось опредѣленное указаніе на планы его инціатора и создателя. Въ союзѣ объединялись «христіанскія державы»; это выраженіе ясно говорило, что Александръ I выключаетъ Турцію изъ европейскаго международнаго единства. Встревоженная Порта обратилась въ Вѣну, въ Лондонъ и въ Петербургъ, прося разъясненій насчетъ смысла этого опредѣленія состава союза. Въ отвѣтъ она получила успокоительныя обѣщанія Англіи и Австріи и мирныя завѣренія Россіи. Но фактически намѣреніе Александра I напасть на Турцію выяснялось все съ большей несомнѣнностью. Прежде всего, иначе какъ этимъ намѣреніемъ не могли объяснить сохраненія въ полной боевой готовности свыше 600 тысячъ войска въ то время, какъ другія государства распускали свои контингенты.

Еще больше подтверждалось это усиленной поддержкой со стороны Россіи сербскаго возстанія, вновь вспыхнувшаго въ 1815 году подъ предводительствомъ Милоша Обреновича; Россія настойчиво и рѣшительно требовала предоставленія сербамъ выговоренныхъ имъ по Бухарестскому миру правъ. Съ другой стороны, вопреки тому же договору, русскія войска не очистили еще къ этому времени нѣсколькихъ укрѣпленій на Черномъ морѣ. Александръ I явно покровительствовалъ мятежнымъ движеніямъ въ Турціи: въ 1816 г. было предложено и оказано широкое гостепріимство Кара-Георгію; извѣстные греческіе агитаторы, братья Александръ и Дмитрій Ипсиланти, были его приближенными; наконецъ, графъ Каподистріа, урожденецъ Корфу, былъ въ 1816 г. назначенъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ и вліятельныхъ совѣтниковъ государя. Въ 1814 г. въ предѣлахъ Россіи возникъ греческій революціонный союзъ — гетерія, который, пользуясь негласной, но очевидной для всѣхъ правительственной поддержкой, быстро и широко распространялся по всей Греціи. Въ Константинополь былъ назначенъ посломъ Строгановъ, державшійся тамъ крайне вызывающимъ образомъ. Англія и Австрія, очень встревоженныя такимъ положеніемъ вещей, старались успокоить Порту обѣщаніемъ поддержки. Ихъ дипломаты всячески противодѣйствовали стремленію русскаго правительства запугать Турцію или вызвать ее на разрывъ. Кризисъ былъ ускоренъ императоромъ Александромъ. Въ концѣ 1816 г. онъ предложилъ европейскимъ державамъ уничтожить морской разбой на Средиземномъ морѣ. Призывая «великую христіанскую семью», какъ онъ выразился въ своей нотѣ, къ обузданію варварійскихъ пиратовъ, государь предлагалъ потребовать отъ Порты гарантіи противъ ихъ разбойничьихъ нападеній на торговыя суда, а въ случаѣ отказа или недостаточныхъ гарантій принять самыя рѣшительныя мѣры противъ этихъ племенъ. При этомъ предлагалось прибѣгать къ вооруженному воздѣйствію безъ всякаго увѣдомленія каждый разъ, какъ варварійцы увеличили бы свои военныя силы. Въ планѣ дѣйствій противъ нихъ содержались ясныя указанія на намѣреніе русскаго правительства занять подъ предлогомъ борьбы съ пиратами нѣкоторыя стратегическія позиціи на Средиземномъ морѣ. Широта русскихъ замысловъ, угрожавшихъ средиземноморскимъ державамъ, подтверждалась слухами о тайномъ русско-испанскомъ договорѣ относительно передачи Россіи Портъ-Магона, потеряннаго Англіей въ 1802 году.

Восточный вопросъ, осложняясь вопросомъ о господствѣ на Средиземномъ морѣ, вновь вставалъ грозной опасностью передъ Англіей. Кэстльри немедленно вошелъ въ соглашеніе съ Меттернихомъ объ организаціи общаго сопротивленія Россіи. Намѣтилась обширная коалиція, въ составъ которой готова была, кромѣ Австріи и Англіи, войти Пруссія. Александру I приходилось или итти на разрывъ со всей почти Европой или уступить. Онъ предпочелъ послѣднее. Восточная политика вновь на нѣкоторое время вступила въ мирный періодъ.

Подготовка греческаго возстанія.

Онъ продолжался очень недолго. Новый кризисъ, небывало еще острый, возникъ на этотъ разъ подъ вліяніемъ революціонной агитаціи въ Греціи. Какъ мы уже указывали, условія жизни и развитія греческаго народа подъ турецкимъ владычествомъ способствовали укрѣпленію въ немъ національнаго самосознанія. Знамя борьбы поднялъ покровительствуемый русскимъ императоромъ вождь гетеристовъ, кн. Александръ Ипсиланти. Онъ началъ съ организаціи возстанія въ придунайскихъ княжествахъ. Но ни призывы къ борьбѣ противъ турецкаго ига, ни обѣщанія русской поддержки не привлекли къ Ипсиланти румынскихъ и славянскихъ элементовъ населенія, на возстаніе которыхъ онъ разсчитывалъ, подготовивъ и направивъ главный ударъ противъ Турціи со стороны княжествъ. Дѣйствія сербовъ носили опредѣленно враждебный грекамъ характеръ. На самомъ непосредственномъ театрѣ дѣйствій Ипсиланти, въ Молдавіи и Валахіи, національная румынская оппозиція еще раньше выставила своего собственнаго вождя, Ѳеодора Владимиреско, съ которымъ Ипсиланти нелегко было войти въ соглашеніе, а затѣмъ пришлось вступить въ борьбу. Неудача, постигшая въ этомъ отношеніи планы гетеристовъ, была неизбѣжной. Слишкомъ много накопилось дѣйствительныхъ причинъ вражды между славянской и румынской райей и греками, греческимъ духовенствомъ, греческими управителями, греческими чиновниками, секретарями и писцами турецкихъ администраторовъ, наконецъ, греками откупщиками и сборщиками податей. Греческое возстаніе обречено было развиваться безъ непосредственной поддержки со стороны другихъ христіанскихъ народностей полуострова.

Обманула грековъ и другая, болѣе прочная и основательная надежда: на русскую помощь. Императоръ Александръ I, имѣя въ виду общее тревожное положеніе въ Европѣ, желалъ успокоить Австрію и Англію насчетъ своихъ восточныхъ замысловъ и пу-

блично заявилъ, что не имѣетъ ничего общаго съ мятежнымъ предпріятіемъ Ипсиланти и вообще съ греческимъ возстаніемъ, проникнутымъ революціоннымъ духомъ и потому не заслуживающимъ никакого сочувствія со стороны монарховъ Европы. Этому заявленію, сдѣланному въ Лайбахѣ, намѣренно дана была всеевропейская огласка. Англійское правительство было враждебно греческому движенію, исходя изъ принципа неприкосновенности Турціи и опасаясь за свое выгодное политическое и экономическое положеніе на Іоническомъ морѣ; австрійскій кабинетъ прежде всего боялся возможныхъ осложненій на Востокѣ въ виду критическаго положенія финансовъ и дезорганизаціи арміи, и потому настаивалъ на томъ, что греческое движеніе вызвано интригами демагоговъ и связано съ дѣятельностью «революціонной партіи» въ Европѣ. Такимъ образомъ, враждебное отношеніе къ грекамъ для этихъ державъ не противорѣчило ихъ интересамъ. Напротивъ, русское правительство, занимая съ Лайбаха ту же принципіально враждебную грекамъ позицію, ставило себя въ крайне двусмысленное и шаткое положеніе. Основная окраска русской восточной политики этой эпохи — стремленіе къ преобладанію въ Турціи или къ разрушенію ея — оставалась неизмѣнной. Торговые интересы юга Россіи были близко связаны съ греческимъ дѣломъ. Сочувствіе значительной части общества было на сторонѣ единовѣрныхъ грековъ. Наконецъ причинная связь греческаго возрожденія съ столѣтней дѣятельностью Россіи на Ближнемъ Востокѣ была ясна, ощутима, безспорна. Изъ этого внутренняго противорѣчія между благопріятными грекамъ реальными данными русской политики и искусственно приданнымъ ей враждебнымъ имъ антиреволюціоннымъ направленіемъ вытекала ея крайняя шаткость, которой и не замедлили воспользоваться другія державы.

Возстаніе грековъ.

Несмотря на эти неблагопріятныя условія, греческое движеніе развилось со стихійной силой. Предпріятіе Александра Ипсиланти скоро закончилось, правда, полной неудачей. Разбитый въ іюнѣ при Драгичанѣ, онъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ былъ схваченъ и заключенъ въ крѣпость. Греческаго дѣла въ княжествахъ не спасло самоотверженное сопротивленіе отдѣльныхъ бандъ, завершившееся трагическимъ подвигомъ одного изъ ихъ предводителей, Георгакиса, взорвавшагося вмѣстѣ съ своими товарищами, чтобы не попасть въ руки турокъ. Турецкія войска заняли княжества и покарали неслыханно кровавыми репрессіями и немногихъ виновныхъ и массы незамѣшанныхъ въ возстаніи. Но событія въ

княжествахъ почти не отражались на ходѣ дѣлъ въ Мореѣ, гдѣ возстаніе возникло и развивалось съ несравненно большей силой и успѣхомъ. Это сопоставленіе давало первое и рѣшающее доказательство несбыточности и безпочвенности излюбленной идеи гетеристовъ типа кн. Ал. Ипсиланти — о возстановленіи Византійской имперіи, точнѣе говоря объ изгнаніи греками турокъ съ Балканскаго полуострова и о замѣнѣ османскаго господства возстановленнымъ греческимъ верховенствомъ надъ всѣми населяющими полуостровъ народностями. Греческое возстаніе оказалось стойкимъ и жизненнымъ лишь тамъ, гдѣ оно было національнымъ — въ собственной Греціи и на греческихъ островахъ. И здѣсь главный толчокъ къ возникновенію мятежа противъ турецкой власти дала пропаганда гетеристовъ. Но руководство движеніемъ съ перваго же момента перешло почти всюду отъ этой тайной политической организаціи къ мѣстнымъ людямъ, выдвинутымъ во главу возставшихъ уже ранѣе пріобрѣтеннымъ ими вліяніемъ на населеніе. Въ различіяхъ соціальнаго положенія этихъ вождей возстанія сказались сразу же глубокія причины будущей борьбы интересовъ различныхъ слоевъ греческаго народа, которой суждено было съ большой напряженностью проявляться въ теченіе всей освободительной борьбы.

Руководители гетеріи, братья Александръ и Дмитрій Ипсиланти, кн. Александръ Кантакузенъ, Кандіотисъ и многіе другіе, являлись прежде всего представителями оторванной отъ соціальной жизни страны интеллигенціи, вносившей въ возстаніе вмѣстѣ съ плодотворной политической агитаціей и большими личными талантами ярко выраженныя якобинскія тенденціи. Въ противовѣсъ имъ и съ явной вскорѣ враждебностью выступили въ Мореѣ приматы, буржуазный элементъ, созданный турецкой административно-финансовой системой. Отвѣтственными представителями жителей каждой греческой общины въ Мореѣ, собиравшими налоги, распредѣлявшими ихъ уплату между домохозяевами и вѣдавшими всѣми дѣлами общины, были выборные отъ населенія «проесты», почти чиновники, засѣдавшіе въ совѣтѣ паши. Изъ этихъ представителей выработался классъ приматовъ, подлинная мѣстная олигархія, богатая, вліятельная и обладавшая организаціонными навыками. Уже первыя вспышки возстанія въ Мореѣ — въ западной Ахайѣ и въ Мессеніи — протекли подъ руководствомъ этихъ мѣстныхъ олигарховъ, сразу придавшихъ имъ стройно организованную и согласную съ своими интересами

форму. Въ ахайскомъ центрѣ Патрасѣ епископъ Германосъ вмѣстѣ съ приматами Заимисомъ, Лондосомъ, Руффосомъ и другими, образовали эпитропію, временное мѣстное правительство на строго олигархическихъ началахъ; въ Мессеніи главари возстанія создали такую же организацію въ каламатской герусіи. Такъ называемые капитаны, предводители полуразбойничьихъ бандъ клефтовъ, частью примкнули къ этимъ буржуазнымъ олигархіямъ, частью, пользуясь пріобрѣтенной въ борьбѣ съ турками популярностью и опираясь на свои отряды, вели собственную политику, независимую отъ общаго движенія. Многія мѣстности превращались какъ бы въ владѣнія такихъ капитановъ. Но, въ общемъ, уже вначалѣ приматы пріобрѣли крупнѣйшее вліяніе на дѣла. Другой характерной чертой этого руководимаго буржуазіей движенія былъ его мѣстный партикуляристскій характеръ. Власть и значеніе приматовъ основывались на ихъ мѣстномъ вліяніи; поэтому при первыхъ же попыткахъ объединенія въ національную организацію, приматы выдвинули принципъ мѣстнаго представительства противъ централистскихъ стремленій гетеристовъ. Это ярко проявлялось уже въ первоначальной попыткѣ объединенія, въ организаціи общей герусіи въ Кальтетси и въ выработанныхъ ею основахъ первой общей конституціи. Въ составъ герусіи вошли приматы изъ Патраса, Калавриты, Каритены, Пиргоса и т. д. и, какъ представитель каламатской организаціи, военный предводитель Петро-бей. Намѣченныя герусіей основы управленія прямо вытекали изъ исторически сложившагося административнаго строя. И немедленно же герусія столкнулась съ централизмомъ гетеристовъ, съ притязаніями на личное верховенство Дм. Ипсиланти, требовавшаго себѣ верховной власти въ качествѣ главноуполномоченнаго гетеріи, представителя генерала Александра Ипсиланти для южной Греціи.

Репрессіи

Внѣшнее возстаніе развертывалось въ видѣ мѣстныхъ вспышекъ, постепенно сливавшихся въ общій пожаръ, вскорѣ (къ концу 1821 года) охватившій всю Грецію. Накопленная за 355 лѣтъ подчиненія турецкому игу ненависть прорвалась въ ужасающихъ жестокостяхъ. Въ теченіе апрѣля 1821 г. въ Мореѣ было перебито 15.000 магометанъ безъ различія пола и возраста и разрушено болѣе 3.000 турецкихъ жилищъ. Изъ 15.000 магометанъ, бѣжавшихъ лѣтомъ изъ Ликоніи въ Триполицу, туда добралось меньше половины; всѣ отставшіе,—главнымъ образомъ, старики, женщины и дѣти, — были безпощадно

истреблены. Эти кровавыя избіенія были въ значительной степени причиной такихъ же безчеловѣчныхъ репрессій со стороны турокъ. Извѣстія изъ Мореи поселили въ Константинополѣ убѣжденіе, что греки намѣрены истребить всѣхъ магометанъ. Въ отвѣтъ явилось не разъ даже прямо высказанное и подтвержденное десятками примѣровъ рѣшеніе поголовно вырѣзать грековъ. Турецкія репрессіи приняли вскорѣ такой звѣрски безпощадный характеръ, что заставили Европу забыть о жестокостяхъ самихъ грековъ. При этомъ турецкія звѣрства, направленныя противъ европейской и христіанской народности, носящей славнѣйшее въ исторіи европейской цивилизаціи имя, задѣвали самыя сочувственныя струны въ сердцахъ европейской интеллигенціи. Турція для массы европейскаго общества боролась не съ какой-нибудь безвѣстной балканской народностью, а свирѣпствовала надъ сынами античной Эллады. Въ невѣдѣніи настоящаго характера новогреческаго народа, въ добровольномъ забвеніи его историческихъ судебъ подъ римскимъ, византійскимъ и турецкимъ владычествомъ, на Западѣ окружили греческое возстаніе романтическимъ ореоломъ эллинскаго возрожденія. Въ Европѣ гораздо острѣе чувствовались маловажные сравнительно эпизоды, разыгрывавшіеся вокругъ классическихъ мѣстностей, какъ Коринѳъ и Аѳины, или связанные съ классическими именами, въ родѣ имени дѣйствовавшаго на востокѣ Средней Греціи предводителя Одиссея, чѣмъ такія, дѣйствительно, ужасныя событія, какъ разгромъ турками Хіоса, гдѣ изъ 100.000 грековъ было убито 23.000 и 50.000 взято и продано въ рабство, гдѣ турки уничтожили главную основу благосостоянія жителей, ихъ фруктовые сады и тутовыя и масличныя плантаціи. Несмотря на свою романтичность, западный филэллинизмъ оказалъ значительныя услуги греческому дѣлу прежде всего тѣмъ, что направленное филэллинистами общественное мнѣніе принудило, наконецъ, правительство измѣнить свое отношеніе къ греческому возстанію.

Первымъ толчкомъ къ такой перемѣнѣ явилось, однако, рѣзкое расхожденіе между Турціей и Россіей. Поводомъ къ нему была расправа турецкаго правительства съ патріархомъ Григоріемъ VII и митрополитами адріанопольскимъ, тырновскимъ и салоникскимъ, повѣшенными въ первый день Пасхи въ знакъ издѣвательства надъ христіанскими вѣрованіями. Прямымъ вызовомъ Россіи, которую Порта, несмотря на лайбахскія заявленія, обвиняла въ поддержкѣ грековъ, была казнь великаго дра-

гомана Мурузи, очень близкаго человѣка русскому послу бар. Строганову. Обыски, аресты и казни фанаріотовъ, повсемѣстные погромы грековъ, ограбленіе и оскверненіе греческихъ храмовъ послѣдовали за этими событіями. Въ Константинополѣ фанатизированная толпа грозила даже зданіямъ европейскихъ посольствъ. Жена англійскаго посла, лорда Стратфорда, подверглась на улицѣ публичному оскорбленію. Строгановъ послѣ убійства патріарха и возмутительнаго надругательства, учиненнаго надъ его тѣломъ, обратился къ посламъ Франціи, Англіи и Австріи съ предложеніемъ совмѣстно заявить Портѣ, что они обратятся къ своимъ правительствамъ съ просьбой прислать въ Босфоръ военныя суда для охраны жизни и имущества иностранцевъ. Стратфордъ отклонилъ русское предложеніе и, пріобрѣтя благодаря этому особенное вліяніе на Порту, побудилъ ее открыто обнаружить враждебность къ Россіи. Русскія торговыя суда подвергались придирчивымъ обыскамъ и всякаго рода стѣсненіямъ подъ предлогомъ поиска на нихъ греческихъ бѣглецовъ; банкиръ русскаго посольства былъ арестованъ и т. д. Самой существенной и острѣе всего отразившейся на русскихъ интересахъ мѣрой былъ приказъ разгружать въ Константинополѣ всѣ суда, идущія изъ Чернаго моря съ хлѣбнымъ грузомъ; основаніемъ было выставлено опасеніе, что греки, пользуясь русскимъ флагомъ, лишатъ столицу хлѣбнаго подвоза. Къ маю русско-турецкія отношенія обострились до крайности. Строгановъ требовалъ на основаніи Бухарестскаго договора очищенія дунайскихъ провинцій и назначенія туда новыхъ господарей, а Порта ставила условіемъ выдачу Россіей грековъ, бѣжавшихъ въ Одессу и другіе черноморскіе города. Въ концѣ мая прибыло вызванное посломъ русское военное судно. Порта грозила силой удалить его. Тогда Строгановъ фактически прекратилъ всякія сношенія съ Портой.

Отношеніе къ греческому возстанію Александра I.

Между тѣмъ императоръ Александръ вернулся изъ Лайбаха въ Петербургъ. Вдали отъ непосредственнаго вліянія Меттерниха, взгляды его на греческое дѣло скоро измѣнились. Вѣрнѣе, онъ пришелъ къ убѣжденію, что внутренняя смута въ Оттоманской имперіи даетъ ему, наконецъ, такую возможность вмѣшательства въ турецкія дѣла, которая можетъ быть осуществлена при сохраненіи созданной въ 1815 г. международной организаціи въ Европѣ. Поццо-ди-Борго и Каподистріа безъ труда удалось убѣдить императора воспользоваться этимъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Въ частности на рѣшеніе государя повліяли свѣдѣнія о хаттишерифѣ 19 марта, которымъ султанъ призывалъ магометанъ къ священной войнѣ противъ православныхъ грековъ. Въ концѣ іюня Портѣ былъ предъявленъ ультиматумъ, требовавшій отъ нея въ 8-дневный срокъ гарантій свободнаго и безпрепятственнаго исповѣданія христіанской вѣры въ имперіи, возстановленія христіанскихъ церквей, справедливаго отношенія къ грекамъ, незамѣшаннымъ въ возстаніи, и возстановленія въ дунайскихъ княжествахъ положенія, обусловленнаго бухарестскимъ договоромъ. Одновременно великія державы были оповѣщены о выступленіи Россіи въ защиту христіанской вѣры; при этомъ было заявлено, что русское правительство считаетъ свои дѣйствія вполнѣ согласными съ принципами Священнаго Союза, такъ какъ оно никоимъ образомъ не имѣетъ въ виду поддерживать или поощрять революцію на Балканскомъ полуостровѣ. Запрашивая державы, что онѣ предпримутъ, если между Россіей и Турціей начнется война и если турецкая имперія военными дѣйствіями будетъ уничтожена, русское правительство предлагало поручить ему возстановленіе порядка въ Греціи, какъ это было поручено Австріи относительно Италіи. Такимъ образомъ въ первый же годъ греческаго возстанія восточный вопросъ былъ поставленъ вновь передъ Европой во всей грозной сложности. Великій визирь отвѣтилъ на русскій ультиматумъ письмомъ на имя гр. Нессельроде, написаннымъ подъ диктовку лорда Стратфорда и пересланнымъ по назначенію чрезъ посредство Меттерниха. Письмо не оставляло сомнѣнія, что Турція не остановится передъ войной. Строгановъ покинулъ Константинополь. Въ южныхъ губерніяхъ Россіи началось сосредоточеніе войскъ. Война казалась неизбѣжной. Александръ готовился къ разгрому и раздѣлу Турціи. Желая привлечь на свою сторону Францію, онъ предлагалъ французскому послу «выбрать, что угодно, отъ Гибралтарскаго пролива до Дарданеллъ».

Опасность нападенія Россіи на Турцію немедленно вызвала сближеніе между Англіей и Австріей. Въ Петербургѣ очень скоро узнали, что между Меттернихомъ и Кестльри состоялось соглашеніе, грозящее серьезнымъ организованнымъ противодѣйствіемъ. Въ Берлинѣ и Парижѣ русская нота встрѣтила очень уклончивое отношеніе. Въ то же время Меттернихъ энергично убѣждалъ царя отказаться отъ косвеннаго содѣйствія грекамъ, чѣмъ, несомнѣнно, была бы война, такъ какъ греческое возстаніе представляетъ слѣдствіе революціонныхъ идей, и право бороться

съ нимъ нужно предоставить законной власти. Австрійской дипломатіей былъ предложенъ компромиссъ, основанный на главныхъ требованіяхъ русскаго ультиматума, но въ предѣлахъ и въ формѣ, пріемлемыхъ для Турціи. Немедленная опасность войны была, однако, устранена болѣе всего тѣмъ, что императоръ сильно охладѣлъ ко всему этому вопросу послѣ того, какъ въ концѣ 1821 года первое національное греческое собраніе въ Эпидаврѣ укрѣпило его антипатіи къ греческому дѣлу.

Національное собраніе въ Эпидаврѣ

1 января собраніе торжественно провозгласило независимость Греціи. Затѣмъ былъ принятъ выработанный итальянцемъ Галлиной органическій статутъ. Имъ провозглашенъ былъ суверенитетъ народа, устанавливающій равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, всеобщее избирательное право и гражданскія свободы, включая свободу печати. Рабство отмѣнялось. Учреждался законодательный сенатъ, избираемый на одинъ годъ. Зато въ организаціи исполнительной власти буржуазія провела въ полной мѣрѣ свои олигархическія и партикуляристскія тенденціи. Исполнительный совѣтъ былъ образованъ изъ пяти членовъ съ Маврокордато во главѣ. Западная Греція, Патрасъ, Каритена, Ливадія и Гидра, главные центры возстанія, имѣли въ совѣтѣ представителями самыхъ вліятельныхъ изъ своихъ приматовъ. Такимъ образомъ организовано было греческое государство. Возстаніе перешло въ оборонительную войну.

Эпидаврскія постановленія, очевидно, стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи видамъ и взглядамъ русскаго императора. Прежде всего идеаломъ его восточной политики было не полное освобожденіе балканскихъ народностей, а образованіе на полуостровѣ полусамостоятельныхъ княжествъ, оберегаемыхъ въ своихъ вольностяхъ однимъ лишь покровительствомъ Россіи. Затѣмъ въ греческой конституціи, несомнѣнно, было ближайшее вліяніе «революціоннаго духа». Вслѣдствіе этого австрійской дипломатіи уже нетрудно было уговорить его согласиться на рѣшеніе вопроса европейской конференціей.

оглашеніе на Веронскомъ конгрессѣ.

Общее соглашеніе державъ относительно восточнаго вопроса въ связи съ греческимъ возстаніемъ было выработано осенью 1822 г. во время Веронскаго конгресса. Восточныя дѣла обсуждались наиболѣе заинтересованными державами въ тайныхъ совѣщаніяхъ при участіи императора Александра, Нессельроде и Татищева съ русской стороны, лорда Стратфорда съ англійской и Меттерниха и Генца съ австрійской. Въ концѣ октября Татищевъ фор-

мулировалъ русскія требованія къ Турціи: офиціальное заявленіе Порты о намѣреніи войти въ переговоры съ союзными державами относительно гарантій лучшаго будущаго для грековъ; непосредственное объясненіе съ Россіей о придунайскихъ княжествахъ и третье—отмѣна ограниченій для иностранной морской торговли. Обѣ другія державы согласились поддержать ихъ въ Константинополѣ. Очевидно, въ такой неопредѣленной формулѣ притязаніе грековъ на независимое существованіе совершенно не принималось въ расчетъ. Общее отрицательное отношеніе державъ съ русскимъ правительствомъ во главѣ къ греческому возстанію проявилось еще болѣе ярко въ враждебномъ и презрительномъ пріемѣ письменныхъ заявленій греческой депутаціи. Уполномоченные временнаго греческаго правительства, гр. Андрей Метакса и французъ капитанъ Журденъ, лично не были даже допущены въ Верону. Письменное обращеніе ихъ конгрессъ призналъ «неумѣстнымъ и неудобнымъ» и, оставивъ его безъ отвѣта, потребовалъ отъ папы высылки депутатовъ изъ Вѣнской области. Это событіе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на грековъ. Уже раньше, какъ мы указывали, русскія симпатіи гетеристовъ встрѣчали недовѣрчивое отношеніе со стороны приматовъ. Враждебность офиціальной русской политики не искупалась въ глазахъ грековъ постоянной помощью, получавшейся ими отъ ихъ соплеменниковъ изъ Одессы и Таганрога, сочувствіемъ русскаго общества и многихъ государственныхъ дѣятелей. Естественный расчетъ побуждалъ грековъ обратить свои надежды скорѣе въ сторону послѣдовательнаго врага, чѣмъ такого измѣнчиваго и ненадежнаго друга. Еще до конгресса въ Греціи возникла мысль искать помощи у Англіи хотя бы цѣной формальнаго отказа отъ надежды на сліяніе Іоническихъ острововъ съ будущимъ греческимъ государствомъ. Впрочемъ, въ то время это было такимъ же движеніемъ утопающаго, хватающагося за соломинку, какъ возникшая тогда же любопытная по своей наивности мысль обратиться за помощью къ папѣ Пію VII взамѣнъ перехода грековъ въ унію. Эти судорожныя метанія за поддержкой объяснялись тяжелымъ положеніемъ грековъ послѣ того, какъ турки, справившись предательскимъ убійствомъ съ Али-пашей Янинскимъ, обратили всѣ свои силы на Пелопоннесъ.

Политика Георга Кэннинга.

Но, дѣйствительно, помощь имъ пришла — нежданно, какъ для нихъ, такъ и для всей Европы — отъ Англіи. Въ сентябрѣ 1822 г. умеръ ожесточенный врагъ греческаго освобожденія, глава

торійскаго кабинета лордъ Лондондерри. Его преемникъ, знаменитый Георгъ Кэннингъ, держался совершенно иныхъ взглядовъ на восточный вопросъ. Онъ предвидѣлъ, что рано или поздно русское правительство естественной силой вещей принуждено будетъ вмѣшаться въ греко-турецкую борьбу, затяжное теченіе которой губительно для черноморской торговли Россіи. Единовѣріе грековъ съ Россіей также, несомнѣнно, должно—при ощутительно вѣроисповѣдномъ характерѣ движенія — дать въ этомъ случаѣ рѣшительную побѣду руссофильскимъ тенденціямъ въ Греціи. Въ результатѣ явилось бы возникновеніе на Средиземномъ морѣ подчиненнаго Россіи государства, предназначеннаго своимъ географическимъ положеніемъ къ развитію въ морскую державу, т.-е. возникновеніе порядка вещей, очень опаснаго для англійскихъ интересовъ. Въ либеральномъ принципѣ покровительства угнетеннымъ народамъ Кэннингъ хотѣлъ найти средство создать изъ Греціи прочный противовѣсъ русскому вліянію, пользуясь временнымъ отклоненіемъ русской политики отъ требуемаго интересами Россіи пути.

Новый курсъ британской политики не сказался въ Веронѣ. Въ сущности, для плановъ Кэннинга предпринятая въ Веронѣ антигреческая демонстрація была очень выгодна, такъ какъ лишній разъ подчеркивала враждебность русскаго правительства къ греческому возстанію. Зато вскорѣ послѣ конгресса Стратфорду приказано было сдѣлать Портѣ рядъ заявленій, свидѣтельствовавшихъ о важнѣйшемъ фактѣ: британское правительство признавало грековъ воюющей стороной. Кромѣ того, англійскій посолъ принужденъ былъ выступить передъ Портой въ новой для него роли защитниковъ интересовъ райи, грозя въ случаѣ неисполненія турецкихъ обѣщаній неудовольствіемъ Англіи. Этотъ разительный обмѣнъ ролями съ Россіей имѣлъ слѣдствіемъ паденіе престижа Стратфорда въ Константинополѣ, приливъ энергіи у грековъ и сближеніе Россіи съ Австріей. При свиданіи русскаго и австрійскаго императоровъ въ Черновицахъ, Меттерниху удалось достигнуть давно намѣченной имъ цѣли: собственныя причины русско-турецкихъ разногласій были совершенно отдѣлены отъ греческаго вопроса, что дѣлало уже нетруднымъ примиреніе Россіи съ Турціей. Однако греческій вопросъ не былъ устраненъ изъ переговоровъ; подъ прямымъ вліяніемъ перемѣны въ англійской политикѣ греческое дѣло было признано предметомъ не частнаго интереса Турціи, а общеевропейскихъ заботъ, т.-е. въ

сущности рѣшено было европейское вмѣшательство. Александръ былъ, несомнѣнно, очень обезпокоенъ англійскимъ выступленіемъ въ пользу грековъ; лично не мѣняя своего отношенія къ нимъ, онъ поспѣшилъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Первымъ изъ нихъ долженъ былъ быть созывъ конференціи. Но Англія соглашалась участвовать въ ней лишь при условіи сообщенія Россіей своихъ взглядовъ на греческій вопросъ. Въ концѣ декабря 1823 г. державамъ было сообщено, что Россія ставитъ возстановленіе дипломатическихъ сношеній съ Турціей въ зависимость отъ совмѣстнаго выступленія державъ въ пользу грековъ, при чемъ намѣчаетъ образованіе трехъ полусамостоятельныхъ, уплачивающихъ Турціи дань, княжествъ, именно одного изъ Восточной Греціи и Өессаліи, другого изъ Западной Греціи съ Эпиромъ и третьяго изъ Мореи съ присоединеніемъ Крита; островамъ предполагалось оставить ихъ муниципальный строй; представителемъ княжествъ передъ Портой долженъ былъ быть патріархъ, облеченный международными полномочіями. Эта нота была сообщена англичанами и Портѣ и греческому правительству. Русскій планъ такъ ясно говорилъ о желаніи использовать, какъ затрудненія турокъ, такъ и тяжелое положеніе грековъ, что вызвалъ почти яростное негодованіе и у тѣхъ и у другихъ. Греческое правительство протестовало противъ русскаго плана. Англія поддержала протестъ. Для русской восточной политики это было тяжелымъ ударомъ; для Греціи же эпизодъ этотъ имѣлъ въ дальнѣйшемъ очень серьезное значеніе, такъ какъ именно въ противовѣсъ русскому плану англійскіе друзья Греціи начали выдвигать принципъ государственнаго единства.

Филэллинизмъ.

Перемѣна въ англійской политикѣ имѣла очень важнымъ слѣдствіемъ оживленіе дѣятельности западно-европейскихъ филэллинистовъ. Общественное движеніе это, идейно тѣсно связанное съ европейскимъ либерализмомъ, разрасталось поэтому быстро и широко; развитію филэллинизма чрезвычайно способствовало и то, что въ его основныя черты входили и привычныя европейской образованности симпатіи къ грекамъ, какъ наслѣдникамъ эллиновъ, и воодушевлявшій людей того времени романтизмъ, нашедшій обильную пищу въ извѣстіяхъ и сказаніяхъ о греческой борьбѣ за свободу среди необычной красочной обстановки полудикаго Востока. Возникла обширная литература, менѣе всего научная, болѣе всего беллетристическая — о древнихъ и новыхъ грекахъ, объ ихъ страданіяхъ и подвигахъ, высокихъ душевныхъ

качествахъ, доблести и гордомъ свободолюбіи. Европейское общество, томившееся послѣ двадцати лѣтъ грозныхъ политическихъ бурь въ сѣрой будничной обстановкѣ реакціи, находило въ греческомъ возстаніи исходъ своимъ собственнымъ запросамъ, цѣлительный контрастъ своей собственной прострации. Расцвѣченный романтическими красками филэллинизмъ скоро выросъ въ внушительную общественную силу, потому что на немъ въ значительной степени сосредоточивало свою энергію грубо подавленное и вновь начинавшее пробовать свои силы общественное мнѣніе. Первые филэллинистическіе комитеты образовались осенью 1821 г. въ Германіи, нѣсколько позже въ Швейцаріи, гдѣ организовался и центральный комитетъ сначала въ Цюрихѣ, потомъ въ Женевѣ. Они направляли въ Грецію добровольцевъ, большей частью изъ бывшихъ офицеровъ, оставшихся не у дѣлъ послѣ замиренія Европы. Серьезное, однако, значеніе пріобрѣли не нѣмецкія и не возникшія позже французскія организаціи, а англійскіе комитеты друзей Греціи, во главѣ съ лондонскимъ. Въ эту организацію вошли видные виги, лордъ Трентъ, Джонъ Боурингъ, Джозефъ Юмъ, Роб. Лонгъ и др. Лѣтомъ 1823 г. секретарь лондонскаго комитета капитанъ Бланьеръ объѣхалъ Грецію и изучилъ на мѣстѣ дѣйствительное положеніе вещей. Въ непосредственной связи съ поѣздкой Бланьера была знаменитая экспедиція Байрона, обаяніемъ своего имени придавшаго для Европы новую привлекательность дѣлу греческаго освобожденія. Это было однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ экспедиціи свободолюбиваго поэта. Другимъ было оказательство передъ всѣмъ міромъ дѣятельнаго сочувствія англичанъ греческому возстанію, гораздо болѣе убѣдительное для массъ, чѣмъ немногимъ понятныя и извѣстныя дипломатическія выступленія. Очень важно для будущаго Греціи было и то, что среди борьбы соперничавшихъ вліяній, раздиравшихъ Грецію, Байронъ сталъ на сторону умнаго и образованнаго фанаріота Маврокордато, т.-е. на сторону «гражданской» партіи противъ «военной». Но дѣятельность Байрона въ Греціи была въ значительнѣйшей степени его личнымъ дѣломъ. Всецѣло лондонскому комитету греки были обязаны заключеніемъ ими перваго государственнаго займа. Внѣшній заемъ былъ почти вопросомъ жизни или смерти для греческаго дѣла; доходы временнаго правительства едва достигали 750.000 р. въ годъ. По почину Бланьера комитетъ взялся за это дѣло. Заемъ былъ, правда, заключенъ на разбойничьихъ условіяхъ: подъ залогъ таможен-

ныхъ доходовъ, солеваренъ и рыбныхъ промысловъ лондонскіе капиталисты дали греческому правительству 8.000.000 р. номинальныхъ изъ 5%, опредѣливъ эмиссіонный курсъ въ 59 за 100; за различными вычетами греки получали всего $43^{3}/_{5}$% суммы займа. По утвержденію современниковъ, операція эта считалась на лондонской биржѣ такой рискованной, что не удалась бы даже при такихъ ростовщическихъ условіяхъ, если бы не обаяніе имени Байрона, присоединеніе котораго къ грекамъ осѣнило даже для лондонскихъ банкировъ греческое дѣло сѣнью британскаго національнаго самолюбія. Несмотря на тяжелыя условія, заключеніе займа оказало грекамъ великую пользу и непосредственно, и по политическому значенію этого факта.

Вмѣшательство Мехмета-Али.

Пока въ Греціи развертывалась междоусобная борьба между «военной» партіей, куда вошли гетеристы и вліятельные капитаны, и «гражданской», руководимой приматами, пока Кэннингъ съ одной стороны, Меттернихъ и Нессельроде съ другой, изощрялись въ дипломатической борьбѣ, существованіе народившагося греческаго государства подверглось крайней опасности. Отчаявшись въ собственныхъ силахъ, султанъ призвалъ на помощь могущественнаго египетскаго намѣстника Мехмета-Али. Этотъ честолюбивый, энергичный и умный албанецъ, посланный въ Египетъ во время французской экспедиціи, сумѣлъ съ тѣхъ поръ покончить съ мамелюками, добиться почти полной независимости отъ Порты, собрать громадныя денежныя средства и по-европейски организовать армію. Призывъ султана шелъ навстрѣчу его честолюбивымъ замысламъ, и онъ охотно оказалъ помощь своему сюзерену. Уже въ концѣ 1823 г. онъ послалъ свой флотъ къ Криту: египтяне овладѣли островомъ, перебили тысячи грековъ, сожгли ихъ корабли. Лѣтомъ 1824 г. изъ Александріи отправлено было въ Грецію подъ начальствомъ сына Мехмета-Али, Ибрагима, 17.000 войска и 57 военныхъ судовъ. Паша Ибрагимъ двинулся въ Морею съ опредѣленнымъ планомъ поголовно истребить грековъ и заселить полуостровъ арабами, преобразовавъ управленіе имъ по подобію Египта въ намѣстничество. Его дѣйствія вскорѣ доказали, что онъ не только хочетъ этого, но способенъ, пожалуй, и добиться. Уже первый его походъ по Мореѣ показалъ, что греки почти не въ состояніи оказывать египтянамъ серьезное сопротивленіе и что Ибрагимъ, дѣйствительно, не останавливается передъ полнымъ обезлюденіемъ и опустошеніемъ цѣлыхъ областей. Съ своей стороны и турки удвоили энергію. Въ Константинополѣ шли об-

ширныя приготовленія; всѣ мусульмане имперіи были призваны къ борьбѣ противъ грековъ. Въ Албаніи было собрано войско въ 24.000 человѣкъ; даже алжирскій бей былъ привлеченъ къ участію въ походѣ: онъ долженъ былъ выставить 12 военныхъ судовъ, правда, за подарокъ въ $1\frac{1}{2}$ милліона піастровъ. Положеніе грековъ было ужасно. Съ громаднымъ трудомъ и на неслыханно тяжелыхъ условіяхъ удалось еще разъ достать въ Англіи деньги, но изъ номинальной суммы займа въ 2 милл. ф. ст. въ руки правительства было передано всего 572 тыс. ф. ст., сумма, слишкомъ ничтожная въ виду грозившихъ опасностей. Изъ-за отсутствія денегъ греческія войска нуждались въ оружіи, въ боевыхъ и жизненныхъ припасахъ, въ лѣчебныхъ средствахъ; отдѣльныя банды (особенно суліотовъ) расходились, регулярныя войска, бывшія подъ начальствомъ француза Фабвье, теряли дисциплину и боевую цѣнность.

Планъ иностраннаго протектората.

Въ этой крайности въ Греціи снова явилась мысль отдаться подъ иностранное покровительство. Образовались три партіи, русская, французская и англійская. Сторонники русскаго протектората не имѣли никакого успѣха, потому что въ это время стало извѣстно о томъ, что даже Меттернихъ разошелся во взглядахъ съ императоромъ Александромъ, высказавшись противъ дробленія Греціи. Правда, главной причиной расхожденія было то, что австрійскій министръ настаивалъ на рѣшеніи вопроса путемъ мирнаго соглашенія съ Портой, а русскій императоръ хотѣлъ и уже подготовлялъ прерванное только его смертью вооруженное воздѣйствіе на Турцію; но всѣмъ было ясно, что греческое дѣло въ данномъ случаѣ является только предлогомъ. Французская партія, организованная ген. Рошемъ, уполномоченнымъ парижскаго комитета друзей греческаго народа, привлекла къ себѣ вліятельныхъ военныхъ вождей, какъ-то Дм. Ипсиланти, Колокотрониса и другихъ; въ нее вообще вошли, главнымъ образомъ, представители «военной» партіи. Наоборотъ, главные руководители гражданской партіи, морейскіе и островные приматы во главѣ съ Маврокордато рѣшили обратиться за помощью къ Англіи. Составленное ими ходатайство къ великобританскому правительству о принятіи Греціи подъ защиту и покровительство Англіи было подписано болѣе чѣмъ 2.000 самыхъ вліятельныхъ гражданъ. Кэннингъ отвѣтилъ отрицательно, но въ дѣйствительности началъ съ этого момента дѣятельно работать надъ довершеніемъ своей дипломатической побѣды. Смерть императора Александра дала

ему возможность повернуть въ желательную для него сторону весь ходъ восточнаго вопроса. Передъ смертью государя Кэнингъ, въ виду явнаго намѣренія его напасть на Турцію, грозилъ, что англійскій флотъ займетъ порты Мореи и острова Архипелага.

Англо-русское соглашеніе 1826 года.

Императоръ Николай I держался иныхъ, чѣмъ Александръ, взглядовъ на восточныя дѣла; не связанный такими сложными европейскими отношеніями, какъ его покойный братъ, онъ прежде всего ясно видѣлъ, что греческая политика Россіи грозитъ ей потерей престижа на православномъ Востокѣ. Правда, лично и онъ смотрѣлъ на грековъ, какъ на «бунтовщиковъ». Но свое личное отношеніе къ грекамъ онъ готовъ былъ подчинить требованіямъ государственной политики. Когда Кэннингъ, считая одинаково опаснымъ для Англіи, какъ нападеніе Россіи на Турцію, такъ и всякое иное отдѣльное и самостоятельное выступленіе ея на Востокѣ, пришелъ къ рѣшенію искать возможность совмѣстнаго дѣйствія съ нею, въ Петербургѣ почва для такого соглашенія была уже подготовлена. Въ концѣ марта 1826 г. былъ подписанъ тайный англо-русскій протоколъ о посредничествѣ между греками и Портой. Греція этимъ актомъ намѣчалась въ узкихъ территоріальныхъ предѣлахъ вассальнымъ государствомъ, связаннымъ съ Турціей личной уніей и лишеннымъ собственнаго дипломатическаго представительства. Въ петербургскомъ протоколѣ компромиссно объединялись русскіе и англійскіе интересы и взгляды. Новое государство предполагалось создать съ сохраненіемъ монархическаго принципа зависимости отъ султана, религіозный протекторатъ оставался въ рукахъ Россіи — это удовлетворяло Николая; Турція не была бы ослаблена, на Средиземномъ морѣ не возникло бы слишкомъ большого морского государства, и въ то же время Греція была бы обязана Англіи своимъ спасеніемъ, — Кэннингъ къ большему не стремился.

Паденіе Миссолонгъ.

Вскорѣ послѣ того въ Греціи совершилось событіе, грозившее ей скорой и конечной гибелью. Центръ національной обороны съ осени 1825 г. былъ сосредоточенъ въ Миссолонгахъ, осажденыхъ Ибрагимомъ-пашей. Въ срединѣ апрѣля крѣпость пала и всѣ защитники ея, а также жители были перебиты. Геройская оборона и трагическая гибель Миссолонгъ вызвали новый громадный подъемъ филэллинизма въ Европѣ.

Англійскій комитетъ оказалъ грекамъ помощь деньгами и людьми; особенно важно было прибытіе въ Грецію извѣстнаго адми-

рала Кочрэна и генерала Черча. Французскій комитетъ, во главѣ съ Шатобріаномъ, германскій подъ главенствомъ Людовика I Баварскаго, швейцарскій во главѣ съ энергичнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ Греціи, женевскимъ банкиромъ Эйнардомъ, собирали большія средства для выкупа плѣнныхъ и помощи нуждающимся грекамъ.

Внутренняя смута въ Турціи

Грекамъ суждено было пережить еще много страданій, но дѣло ихъ въ этотъ тягостнѣйшій моментъ принимало уже благопріятный оборотъ. Въ Турціи разразилась серьезная смута, вызванная стремленіемъ султана реорганизовать армію и управленіе по европейскому образцу. Въ іюнѣ 1826 г. Махмудъ прибѣгъ къ рѣшительной, но безчеловѣчно жестокой мѣрѣ: по его приказу во всей имперіи были перебиты янычары. Хотя такъ устранялся одинъ изъ губительнѣйшихъ пережитковъ османскаго прошлаго, Турція не могла сразу оправиться отъ этого потрясенія. Помимо трудности сразу замѣнить янычаръ въ гарнизонахъ и въ ихъ административно-полицейскихъ функціяхъ, избіеніе ихъ вызвало большое недовольство среди мусульманскихъ массъ, подогрѣвавшееся подозрительнымъ отношеніемъ къ султану, приверженцу европейскихъ обычаевъ и европейскихъ формъ управленія. Одновременно возникли затрудненія между Портой и Мехметомъ-Али. Египетскій намѣстникъ, чувствуя свою силу, открыто указывалъ, что помощь сюзерену уже слишкомъ дорого обошлась ему деньгами и людьми. Онъ подозрѣвалъ, что любимецъ султана Хозревъ-паша, его личный врагъ, имѣетъ въ виду не столько борьбу съ греками, сколько истощеніе египетскихъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Константинополѣ знали, что Мехметъ-Али сблизился съ клерикальными и бюрократическими кругами, недовольными новшествами султана. Это были первые признаки новой грозы, надвигавшейся на Оттоманскую имперію. Австрійская дипломатія, видѣвшая единственный теперь шансъ на спасеніе своей позиціи въ конечномъ пораженіи грековъ, съ большимъ трудомъ улаживала взаимное недовольство между султаномъ и его слишкомъ могущественнымъ вассаломъ.

Отношеніе императора Николая I къ греческимъ дѣламъ.

Съ другой стороны, Россія совершенно отказалась отъ равнодушнаго отношенія къ греческому дѣлу. Первый презрительный взглядъ императора Николая на «бунтовщиковъ» очень скоро замѣнился напряженнымъ интересомъ къ греческимъ дѣламъ, и какъ къ средству возобновленія наступательной восточной политики, и непосредственно, какъ въ области возможнаго расширенія сферы русскаго вліянія. Первый

же совмѣстный съ Англіей шагъ — требованіе отъ Порты прекращенія военныхъ дѣйствій — привелъ къ неожиданно выгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ. Порта, правда, отказалась исполнить это требованіе, выставивъ въ возраженіе консервативный принципъ невмѣшательства въ отношенія между законнымъ монархомъ и его подданными, т.-е. именно ту принципіальную точку зрѣнія, на которой твердо стоялъ Меттернихъ, скрывая за нею свои старанія отстранить Россію отъ активной политики на Востокѣ. Но теперь самъ австрійскій министръ, считая положеніе Турціи, въ виду англо-русскаго соглашенія, отчаяннымъ, посовѣтовалъ Портѣ привлечь на свою сторону русскаго императора уступками по всѣмъ другимъ спорнымъ вопросамъ. Изъ этого совѣта вытекла аккерманская конвенція, подтвердившая бухарестскій договоръ, утвердившая автономію Сербіи и давшая Россіи обширныя торговыя привилегіи въ Турціи. Такой крупный успѣхъ былъ достигнутъ вслѣдствіе особо счастливаго для Россіи совпаденія дѣйствій Кэннинга съ совѣтами Меттерниха Портѣ. Англійское правительство, оставаясь на своей обычной точкѣ зрѣнія, отнюдь не желало столкновенія Россіи съ Турціей и, обязывая русскаго императора своей поддержкой, надѣялось обезпечить себя, благодаря этому, отъ его самостоятельныхъ и отдѣльныхъ выступленій. Непредвидѣннымъ, однако, послѣдствіемъ аккерманскаго успѣха было возрожденіе въ русскихъ правящихъ кругахъ старыхъ завоевательныхъ плановъ. Ради нихъ императоръ Николай оказалъ поддержку Англіи въ ея борьбѣ съ монархистами на Пиренейскомъ полуостровѣ, ради нихъ онъ вступилъ въ іюлѣ въ формальный союзъ съ обѣими «морскими» державами (лондонскій договоръ), цѣлью котораго было, въ концѣ-концовъ, все-таки содѣйствіе «бунтовщикамъ» противъ ихъ законнаго государя.

Гр. Каподистріа.

Въ перемѣнѣ его отношенія къ мятежнымъ грекамъ большую роль сыгралъ гр. Каподистріа, только что избранный національнымъ собраніемъ въ президенты Греціи. Передъ отправленіемъ въ Грецію Каподистріа отправился въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ рѣшающей важности переговоры съ государемъ. Николай Павловичъ высказалъ пожеланіе, чтобы графъ былъ въ Греціи проводникомъ его видовъ и за это обѣщалъ ему свою поддержку. Виды эти были слѣдующіе: образованіе изъ Греціи не независимаго, а вассальнаго государства, гарантированнаго въ своихъ вольностяхъ подобно дунайскимъ княжествамъ; полный разрывъ съ европейскимъ либерализмомъ и, наконецъ, принятіе графомъ пре-

зидентства только при согласіи греческаго правительства съ первымъ изъ этихъ условій, формулированнымъ лондонскимъ договоромъ трехъ державъ. Послѣ Петербурга Каподистріа объѣхалъ дворы другихъ великихъ державъ и убѣдился, что можетъ, дѣйствительно, разсчитывать болѣе всего на Россію: въ Англіи къ нему отнеслись очень недовѣрчиво, видя въ немъ прежде всего бывшаго русскаго дипломата. Въ противовѣсъ переходу политической власти къ русскому, какъ полагали, ставленнику, Англія добилась избранія ген. Черча и адм. Кочрэна главнокомандующими арміей и флотомъ Греціи. Въ свою очередь, переходъ главнаго руководства военными дѣйствіями въ Греціи въ руки англичанъ побудилъ французское правительство войти въ англо-русское соглашеніе, чтобы утрату весьма серьезнаго до этого времени въ Греціи вліянія французскихъ офицеровъ компенсировать хотя бы непосредственнымъ участіемъ въ дружественномъ грекамъ союзѣ и получаемой вслѣдствіе этого возможностью слѣдить за дѣйствіями Россіи и Англіи. Таковы были частные интересы державъ, принявшихъ участіе въ союзѣ, рѣшившемъ греческую проблему.

Наваринъ. Порта даже въ виду такой грозной коалиціи осталась несговорчивой и упорствовала на подсказанной Меттернихомъ принципіальной позиціи. Тогда союзныя державы послали въ греческія воды свои эскадры. Эта демонстрація привела къ Наваринскому бою, во время котораго турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ. Черезъ 2 мѣсяца конвоировавшія гр. Каподистріа суда союзныхъ державъ, прибывъ въ Навплію, подняли, салютуя, греческій флагъ. Въ этотъ день греческое возстаніе, по существу, завершилось, и съ нимъ завершился первый фазисъ восточнаго вопроса послѣ наполеоновской эпохи.

IV.

Почти одновременно съ образованіемъ греческаго государства другая часть балканской райи, сербы, получили національную автономію. Если сербское возстаніе въ общей исторіи восточной Европы не имѣло того значенія, какое пріобрѣла борьба грековъ съ турками, то для внутренней исторіи Оттоманской имперіи и ея христіанскихъ подданныхъ оно представляется весьма важнымъ по своей характерности эпизодомъ.

Сербскіе округи, отошедшіе къ Австріи по Пассаровичскому миру, возвращены были (Слетовскій договоръ 1791 г.) какъ разъ

въ то время, когда султанъ Селимъ III энергично работалъ надъ преобразованіемъ своего государства, усиливая султанскую власть за счетъ пріобрѣтенной злоупотребленіями полунезависимости нашей, хищничества откупщиковъ, своеволія янычаръ и даже традиціонной верховной компетенціи визирата. Оставшіяся ленныя владѣнія рѣшено было отобрать въ казну, лишивъ ленниковъ права передавать ихъ по наслѣдству. Развито и усилено было регулярное войско, и сами янычары должны были быть преобразованы въ обученныя по-европейски постоянныя воинскія части. Эти реформы, остановленныя внѣшними политическими потрясеніями, вызвали внутри Турціи рѣшительную оппозицію. Господствующій классъ былъ затронутъ въ своихъ ближайшихъ интересахъ. Возникли повсемѣстныя смуты на почвѣ борьбы янычаръ и нѣкоторыхъ пашей противъ центральнаго правительства. Такими причинами былъ вызванъ мятежъ Пасвана-Оглу, паши виддинскаго. Изъ нихъ же возникло первоначально движеніе въ Сербіи.

Сербы подъ турецкимъ игомъ въ концѣ XVIII вѣка.

Въ бѣлградскомъ пашалыкѣ янычары въ эпоху реформъ Селима достигли большаго, чѣмъ когда-либо, вліянія. Совершенно не считаясь съ пашой, повсемѣстно вытѣсняя спахіевъ, янычары съ своими предводителями, дахіями, сдѣлались господами страны и подвергали населеніе неслыханной даже при турецкомъ владычествѣ эксплуатаціи. Борьба центральной власти съ сербскими янычарами началась немедленно послѣ возвращенія Бѣлграда Турціи. Паша Абу-Бекръ получилъ отъ султана фирманъ, изгонявшій янычаръ изъ пашалыка. Спахіи привѣтствовали его, какъ освободителя отъ невыносимаго янычарскаго засилія. Послѣ недолгой борьбы янычары были изгнаны, спахіи снова стали получать ленныя повинности, вернувшимся сербамъ отданы были ихъ прежнія земли. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ освобожденная отъ янычаръ страна быстро двинулась къ процвѣтанію. Сынъ Абу-Бекра, паша бѣлградскій Хаджи-Мустафа, поддерживалъ прекрасныя отношенія съ сербами. Но эта идиллія продлилась недолго. На Сербію напалъ Пасванъ-Оглу и съ нимъ прежніе сербскіе дахіи. Паша не задумался призвать къ оружію сербовъ — фактъ чрезвычайно знаменательный, противорѣчившій всѣмъ основамъ османской государственности. Это и отразилось на отношеніи Порты къ сербскимъ событіямъ. Высшее мусульманское духовенство высказалось, что «законъ запрещаетъ изгонять правовѣрныхъ изъ ихъ владѣній въ пользу райи». Бѣлградскому пашѣ было предписано прекратить борьбу съ Пасваномъ-Оглу и пустить янычаръ обратно

въ пашалыкѣ. Положеніе вскорѣ ухудшилось даже противъ бывшаго до ихъ изгнанія. Убивъ пашу и отписавшись передъ Портой, что Хаджи-Мустафа былъ вѣроотступникомъ, такъ какъ дружилъ съ райей, янычарскіе дахіи засѣли въ Бѣлградѣ, раздѣливъ между собой власть. Въ городахъ подъ именемъ кабадахіевъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ — субашей они посадили своихъ намѣстниковъ, совершенно отстранившихъ законную власть. Сербія превращалась въ вассальное владѣніе янычаръ, подобно Египту съ его мамелюками. Немедленно начались и земельные захваты. Изгоняя спахіевъ, янычары обращали и земли и населявшихъ ихъ людей въ свою личную собственность. Нарождался классъ помѣщиковъ на крѣпостномъ правѣ — читлуксахибіевъ. Спахіи, султанскіе чиновники и райя объединялись въ общей ненависти къ притѣснителямъ. Вмѣстѣ они и подняли возстаніе подъ предводительствомъ дефтеркяра (сборщика податей) Азамъ-бега. Возстаніе было подавлено. Гнетъ страшно усилился. Спахіи бѣжали изъ пашалыка и обратились за помощью къ Портѣ. Сербскіе кнезы, т.-е. старѣйшины, тоже послали жалобу султану; «если ты еще нашъ царь,—писали они, — приди и освободи насъ отъ злодѣевъ». Султанъ прислалъ дахіямъ строгій приказъ подчиниться закону, грозя иначе послать противъ нихъ войско. Дахіи отвѣтили на угрозу повсемѣстнымъ погромомъ сербовъ. Кровь полилась по всей странѣ.

«Лойяльное» возстаніе противъ янычаръ.

Тогда самые вліятельные и богатые сербы, Георгій Черный (Кара-Георгій), Янко Катичъ и Васо Чараничъ въ Шумадіи, Яковъ Ненадовичъ за Калубарой и Миленко изъ Кличевца съ Петромъ Тодоровичемъ Добриняцемъ за Моравой призвали сербовъ къ возстанію противъ дахіевъ. Субаши были безъ труда изгнаны изъ деревень. Для руководства дальнѣйшей борьбой рѣшено было выбрать главу. Кнезы отказывались отъ этой опасной чести, такъ какъ имъ въ случаѣ неудачи грозила бы потеря всего состоянія. Благодаря этому выдвинулась кандидатура бывшаго свиноторговца, бывшаго гайдука Георгія Петровича, Кара-Георгія. Онъ былъ избранъ военнымъ предводителемъ: «камандант србивъ», какъ было вырѣзано на его печати. Дахіи пошли было на переговоры, выставивъ посредникомъ ненавистнаго сербамъ митрополита грека Леонтія. Но сербы требовали выдачи имъ дахіевъ. Скоро на помощь къ бѣлградскимъ янычарамъ пришли организованные Пасваномъ-Оглу кирджаліи, полуразбойничьи, полувоенные отряды его сторонниковъ, и боснійскіе янычары. Борьба сербовъ съ турками разгоралась, оставаясь, впрочемъ, все въ той же формѣ сопротивле-

нія янычарскому засилію. Такъ ее понимала Порта, считавшая, что возстаніемъ руководятъ спахіи и поощрявшая поэтому ихъ. Азамъ-бегу поручено было начальство надъ спахіями; кнезу Ивану Рошковичу, начальнику бѣлградской таможни, было поручено снабжать припасами сербское войско; боснійскому пашѣ Бекиру было приказано помочь сербамъ и спахіямъ изгнать янычаръ и принять край подъ свою власть. Въ сербскомъ войскѣ были турки; среди нихъ распространялся подложный султанскій фирманъ, одобрявшій возстаніе райи противъ янычаръ; паша съ 3000 войска дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними. Кирджаліи вели переговоры съ сербами. Наконецъ дахіи бѣжали. Таковы были любопытныя черты этого «лойяльнаго» возстанія.

Помощь боснійскаго паши была очень цѣнной для сербовъ. Но побѣдили янычаръ все-таки не солдаты паши и не спахіи, а они, сербы. Между тѣмъ по «замиреніи» политическія права сербовъ остались прежними, т.-е. ничтожными въ сравненіи съ правами мусульманъ. Паша Бекиръ и руководившая имъ Порта не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ райѣ. Изгнаніе янычаръ не устранило даже введенныхъ ими тяжелыхъ пріемовъ управленія и повышеннаго размѣра налоговъ. Янычаръ замѣнили только другіе мусульмане. Это обстоятельство было рѣшительнымъ искусомъ для сербскаго «лойялизма», и возстаніе противъ злоупотребленій янычаръ перешло въ борьбу за національную автономію. Не надѣясь на свои собственныя силы, сербскіе предводители рѣшили искать помощи у иностранныхъ державъ. Выборъ ихъ колебался между сосѣдней Австріей и единовѣрной Россіей. Противъ Австріи говорили ея уступчивость передъ Турціей, ея пораженія въ борьбѣ съ Наполеономъ. Все, наоборотъ, побуждало искать поддержки у Россіи: и единовѣріе, и побѣды Россіи надъ турками, и полученная дунайскими княжествами благодаря Россіи автономія — больше чего сербы тогда и не желали. Къ началу 1805 г. сербскіе посланцы вернулись изъ Петербурга съ благопріятнымъ отвѣтомъ.

Въ это время не была еще покинута мысль о «справедливости царя», т.-е. султана, который удовлетворитъ вѣрныхъ сербовъ, если ихъ нужды станутъ ему извѣстны. Этимъ объясняются переговоры 1805 г. въ Остружницѣ и сербское посольство въ Константинополь, когда сербы просили позволить имъ, борющимся за султана противъ дахіевъ и кирджаліевъ, занять крѣпости. Сербы шли въ этомъ отношеніи такъ далеко, что просили возмѣстить имъ

военныя издержки. Продолжая борьбу съ субашами, засѣвшими въ южныхъ крѣпостяхъ, сербы считали, что дѣйствують вполнѣ лойяльно; Яковъ Ненадовичъ, осаждая Ужицу, говорилъ, что идетъ противъ «царскихъ враговъ». Если принять во вниманіе, что въ это именно время борьба султана съ янычарами и пашами развернулась шире, чѣмъ когда-либо, надо признать, что запросъ сербовъ ставилъ передъ Оттоманской имперіей рѣшающій вопросъ. Дѣйствія райи направлялись снизу къ той же реформѣ, которую сверху проводила власть. Но, принявъ эту помощь, власть неминуемо должна была измѣнить и вѣроисповѣдную структуру государственности. Вопросъ ставился уже не объ уничтоженіи злоупотребленій и реформѣ арміи, а о коренномъ преобразованіи отношеній между османскимъ государствомъ и его христіанскими подданными. На такую реформу султанъ не отважился, хотя, какъ передаютъ, онъ сознавалъ, что угнетенное состояніе райи представляетъ наибольшую изъ всѣхъ грозившихъ Турціи опасностей. Но, чтобы рѣшиться на такую мѣру, которая бы возстановила лично противъ султана всѣхъ мусульманъ, нужна была бы долгая подготовка, громадная военная сила, независимая отъ настроеній господствующаго класса, внутреннее и внѣшнее спокойствіе. Селимъ III былъ позже убитъ изъ мести за несравненно менѣе широкое ограниченіе правъ военной и бюрократической касты. У него не было возможности, если бы и было желаніе, сдѣлать въ этотъ рѣшающій моментъ шагъ, который повернулъ бы исторію Балканскаго полуострова въ другое русло.

Селимъ поступилъ, какъ поступилъ бы всякій изъ его предшественниковъ: сербскіе посланцы были заключены въ тюрьму, и нишскому пашѣ Гафизу было повелѣно обезоружить сербовъ. Гафизъ двинулся съ войсками въ бѣлградскій пашалыкъ, но былъ отбитъ. Такъ началась борьба сербовъ противъ султана — борьба уже не противъ злоупотребленій государственной системы, а противъ самой турецкой государственности. Въ ближайшей связи съ отношеніями Турціи къ Россіи, съ теченіемъ русско-турецкой войны, слѣдовательно, съ общеевропейскими событіями, то направлявшими русскую политику на Востокъ, то отвлекавшими ее на Западъ, развертывалась и борьба сербовъ за независимость.

Первая стадія ея—удачная для сербовъ война 1805—6 гг.— едва сразу не завершилась конечнымъ успѣхомъ. Лѣтомъ 1806 г. вступленіе русскихъ войскъ въ придунайскія княжества заставило турокъ искать примиренія съ сербами. Сербы съ своей сто-

роны — черезъ своего уполномоченнаго Петра Ичко — умѣли вовремя пригрозить Портѣ союзомъ съ русскими. Въ виду этого турецкое правительство согласилось было на уступки, шедшія въ разрѣзъ съ основами османскаго государственнаго строя. Ичко было обѣщано, что Порта дастъ сербамъ самоуправленіе, позволитъ имъ занять крѣпости, выведетъ изъ страны свои войска и замѣнитъ всѣ прежнія повинности и подати ежегодной данью въ 900 тысячъ піастровъ. Уже посланы были уполномоченные для приведенія договора въ исполненіе; уже два сербскихъ кнеза съ Ичко поѣхали въ Константинополь за султанскимъ фирманомъ. Но пораженіе русскихъ войскъ Наполеономъ положило конецъ и этимъ переговорамъ. Вмѣсто договора Ичко привезъ изъ столицы тескеры, т.-е. паспорта, для полученія ихъ райей взамѣнъ уплаты поголовной подати. Сербы отказались платить. Они сумѣли изгнать турокъ изъ всего пашалыка и уже не хотѣли больше добровольно вернуться подъ турецкую власть.

Первое сербское правительство.

Ближайшіе два года, періодъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній въ Турціи, закончившійся гибелью султана-реформатора и побѣдой военно-религіозной реакціи, для сербовъ были краткимъ временемъ отдыха, въ теченіе котораго въ странѣ организовалась власть. Первое сербское правительство носило яркіе слѣды своего повстанческаго происхожденія. Главную роль въ немъ играла не демократія и не кнезы, сельская и городская буржуазія, выросшая вмѣстѣ съ видоизмѣненіемъ сербской общины и муниципіи подъ турецкимъ финансово-административнымъ режимомъ, а начальники военныхъ отрядовъ, воеводы, господари, во главѣ съ могущественнѣйшимъ изъ нихъ, Кара-Георгіемъ шумадійскимъ. Таковы были первыя скупщины, сеймы, являвшіеся съѣздами не избранныхъ представителей народа, а воеводъ. Таковъ былъ и первый исполнительный правительственный органъ, синодъ, основанный по плану образованнаго серба Филипповича. По его мысли синодъ долженъ былъ образовываться на основѣ областнаго представительства; 12 членовъ его должны были избираться отъ 12 округовъ страны, прежнихъ нахій пашалыка. Но выборы ихъ были фиктивными, такъ какъ въ округахъ никто не смѣлъ ослушаться желанія главнаго воеводы округи, господаря. Въ синодъ вошли ихъ ставленники; и разногласія ихъ отражались и въ синодѣ. Дѣйствительной властью въ странѣ были одни господари съ ихъ дружинами.

Война противъ Турціи въ союзѣ съ Россіей.

Наступленіе русскихъ совершенно измѣнило это положеніе. Значительная часть турецкихъ отрядовъ была отозвана. Гр. Каменскій въ особомъ объявленіи обѣщалъ сербамъ помощь. Сербы задумали тогда двинуться въ Краину, чтобы соединиться съ русскими войсками. Съ своей стороны Каменскій послалъ къ нимъ на помощь отрядъ гр. Цукато. Турки, чувствуя опасность, рѣшили однимъ ударомъ покончить съ сербами: нишскій паша Хуршидъ пошелъ къ Моравѣ съ 30 тысячами войска, боснійскій паша отправилъ черезъ Дрину 40 тысячъ. Однако сербы и русскіе устояли подъ Варвариномъ отъ натиска Хуршида; онъ отступилъ, боясь, что русскія войска, взявшія Рущукъ, нападутъ на него съ тыла. Послѣ этого удалось отбить нападеніе и со стороны Босніи. Въ результатѣ этой войны сербы значительно расширили очищенную отъ турокъ территорію.

Политика Кара-Георгія.

Очень характерной чертой этой и послѣдующей эпохи была борьба господарей за власть, направленная, главнымъ образомъ, противъ Кара-Георгія. Она отражалась и на внутреннихъ дѣлахъ Сербіи и на отношеніяхъ съ Россіей. Господари интриговали противъ Кара-Георгія и у русскаго главнокомандующаго и позже въ Бѣлградѣ, когда туда присланъ былъ Нейшлотскій полкъ. Тѣмъ же отвѣчалъ имъ и Кара-Георгій. Къ концу 1810 г. онъ сломилъ власть господарей и остался одинъ повелителемъ страны, признаннымъ Россіей. Апогей его вліянія относится къ 1811 г., когда его искушали и турки и французы, предлагая ему права придунайскихъ господарей за пропускъ боснійскихъ войскъ противъ русскихъ. Кара-Георгій отказалъ и, сообщивъ объ этихъ предложеніяхъ въ русскую главную квартиру, заявилъ, что самъ въ переговоры съ Портой не вступитъ, а полагается на то, что рѣшатъ между собой царь и султанъ. Это былъ умный шагъ: дѣйствительно, по Бухарестскому миру, сербы получили національную и территоріальную автономію, гарантированную, какъ обязательство Турціи передъ Россіей. Взамѣнъ этого туркамъ возвращались крѣпости въ Сербіи. Казалось, что внутренняя независимость Сербіи обезпечена.

Но лишь только русскія войска были отозваны вслѣдствіе начавшейся войны съ Наполеономъ, турки сразу показали, что не намѣрены считаться съ договоренными вольностями сербовъ. Борьба возобновилась въ 1813 г. Она протекала при тяжелыхъ для сербовъ условіяхъ. Помощи отъ Россіи, занятой войной въ Германіи, ждать было нельзя. Прежняго единодушія не было. Правда,

господари и ихъ дружины были всѣ подчинены Кара-Георгію. Но въ народѣ и среди кнезовъ существовало глухое недовольство военнымъ правительствомъ. Господари, а потомъ ставленники Кара-Георгія правили съ унаслѣдованными отъ турокъ хищническими пріемами; захватили имѣнія спахіевъ и не уничтожили турецкихъ поборовъ, а сами въ свою пользу взимали и «главницу» и другія ненавистныя подати. Послѣ нестройнаго, хотя упорнаго сопротивленія сербовъ, турки заняли осенью 1813 г. всю ихъ область. Кара-Георгій бѣжалъ въ Австрію. За нимъ члены синода и другіе господари. Въ наводненной турками Сербіи остался одинъ господарь, Милошъ Обреновичъ.

Милошъ Обреновичъ.

Къ нему стеклись остатки дружинъ. Онъ едва ли могъ бы организовать сопротивленіе. Но то, что онъ остался одинъ изъ всѣхъ предводителей, сразу выдвинуло его на исключительную высоту. Турецкія власти хотѣли поскорѣе возстановить прежній режимъ и желали поэтому привлечь къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ людей, чтобы съ ихъ помощью успокоить народъ и вернуть его къ мирнымъ занятіямъ. Такого человѣка они намѣтили въ Милошѣ. Онъ принялъ ихъ предложеніе и былъ утвержденъ главнымъ вождемъ трехъ округъ.

Турецкая власть снова тяготѣла надъ страной. Сначала турки еще сдерживались, помня о первомъ сербскомъ возстаніи, но скоро начали попрежнему эксплуатировать сербовъ и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мятежныхъ вспышекъ, перешли къ настоящему террору. Милошъ держался очень осторожно и избѣгалъ всякой близости съ повстанцами, пока опасность не стала грозить лично ему. Весной 1815 года онъ торжественно поднялъ въ Таковѣ воеводское знамя, — знамя возстанія. Борьба длилась недолго. Турки бѣжали изъ сельскихъ мѣстностей. Но гарнизоны въ крѣпостяхъ еще держались. Изъ Босніи и съ юга на Сербію шли турецкія войска. Сербовъ спасло конечное пораженіе Наполеона. Насколько на Балканахъ понимали значеніе исхода борьбы противъ Наполеона для судебъ турецкой райи, видно изъ любопытнаго факта сбора денегъ для отсылки въ Россію, произведеннаго райей въ Янинѣ, Касторіи, Серресѣ, Адріанополѣ и другихъ мѣстахъ, когда туда пришла вѣсть, что Наполеонъ бѣжалъ съ о. Эльбы. Дѣйствительно, Порта поняла послѣ Ватерлоо, что продолженіе борьбы съ сербами даетъ Россіи желательный для нея теперь поводъ вмѣшательства, и поспѣшила примириться съ повстанцами. Въ странѣ водворился миръ, который, очевидно, слѣдовало,

однако, считать непрочнымъ, такъ какъ турки еще больно давали чувствовать свою власть. Но мира не было и среди самихъ сербовъ. Снова началась борьба партій. Большинство кнезовъ тяготилось властью Милоша. Въ этой борьбѣ ему удалось привести къ гибели своихъ главныхъ противниковъ, Молера, начальника бѣлградской «народной канцеляріи» (замѣнившей при туркахъ синодъ), епископа Никшича и, наконецъ, самого Кара-Георгія, вернувшагося въ Сербію, чтобы поднять тамъ возстаніе по соглашенію съ греческой гетеріей. Въ 1817 г. Милошъ былъ провозглашенъ всѣми окружными кнезами главой сербскаго народа. Порта съ своей стороны отдала ему на откупъ «главницу» и другіе сборы. Такимъ образомъ, передъ Портой онъ былъ представителемъ сербовъ, передъ сербами посредникомъ между ними и Портой и отчасти представителемъ турецкой власти. Сила и богатство его быстро возросли до невиданныхъ въ Сербіи предѣловъ. На этой почвѣ ему долго пришлось бороться съ кнезами, сходившимися противъ него даже со спахіями. Мало-по-малу Милошъ уничтожилъ или ослабилъ прежнія основанія власти кнезовъ, связь ихъ съ общинами и все чаще и чаще самъ назначалъ ихъ, наименовывая сердарями и капитанами, т.-е. своими полицейскими, административными и военными чиновниками.

Простые кметы немного пріобрѣли отъ освобожденія. Сборщики податей и кнезы, дѣйствуя отъ имени Милоша, вымогали столько же, сколько раньше турки. Это привело къ крестьянскимъ возстаніямъ, скоро, однако, подавленнымъ. Центральная власть еще больше укрѣпилась.

Во время греческаго возстанія турки дали Милошу еще больше укрѣпить и свое положеніе и независимость страны. Это было уплатой за его отказъ содѣйствовать гетеристамъ, а затѣмъ вообще грекамъ. Аккерманская конвенція укрѣпила за Сербіей права, еще въ 1806 г. исходатайствованныя Петромъ Ичко.

V.

Русско-турецкая война 1828 года.

Мы видѣли, какъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ главныя усилія Австріи и Англіи были направлены на то, чтобы предотвратить войну между Россіей и Турціей. Стремленіе Россіи къ Средиземному морю и къ устьямъ Дуная являлось настолько естественнымъ, настолько отвѣчающимъ ея интересамъ, что иное направленіе русской восточной политики никому не представлялось воз-

можнымъ. И греческій вопросъ по существу разсматривался западными державами въ этой плоскости. Наиболѣе послѣдовательная въ борьбѣ противъ русскаго движенія на Востокѣ, Австрія поэтому именно требовала послѣ іюльскаго союза гарантіи неприкосновенности Турціи. Подтверждая общія подозрѣнія, императоръ Николай рѣшительно отказался дать ихъ. Поэтому же вскорѣ послѣ Наваринскаго боя Меттернихъ, въ полномъ, казалось бы, противорѣчіи съ своей прежней политикой, предложилъ признать независимость Греціи; онъ видѣлъ въ этомъ средство отвлечь Россію отъ войны, затянувъ ее въ долгіе переговоры. Но ни призывы къ монархическимъ чувствамъ императора Николая, ни такая непріятная для него угроза, какъ признаніе независимости Греціи, не могли уже остановить столкновенія. Обстоятельства были слишкомъ благопріятны для Россіи. Подвернулся и нужный предлогъ.

Уничтоженіе турецко-египетскаго флота и избіеніе янычаръ сильно ослабили военныя силы Турціи, и безъ того истощенной долгой борьбой съ греками. Но султанъ съ чрезвычайной энергіей приступилъ къ реорганизаціи арміи. Медлить — значило увеличивать шансы Турціи. Не даромъ гр. Нессельроде высказывалъ въ это время горячее возмущеніе преобразованіями султана, «расшатывающими основы» Турціи и «грозящими вызвать ужасную революцію». Съ другой стороны, международное положеніе было также благопріятно и одинаково не позволяло откладывать войны. Въ Англіи вернувшіеся къ власти торіи охотно разрушили бы все дѣло Кэннинга (Георгъ IV публично назвалъ Наваринскій бой «несчастнымъ» происшествіемъ), но пойти прямо по этому пути значило бы итти на разрывъ съ Россіей. Одна на это Англія не рѣшалась. Австрія, при всей враждебности своей къ русскимъ планамъ, не обѣщала вооруженной поддержки, такъ какъ открытый разрывъ съ Россіей ободрилъ бы всѣ либеральные элементы въ Германіи. Новый французскій кабинетъ Мартиньяка явно склонялся на сторону Россіи, соблазнявшей его предложеніемъ Франціи добиться вознагражденія за потери 1815 года. Англійскому правительству, чтобы не допустить прямого сближенія между Россіей и Франціей, пришлось примириться съ неизбѣжнымъ и согласиться даже на отправку французскаго оккупаціоннаго корпуса въ Морею подъ предлогомъ противодѣйствія чрезмѣрному усиленію русскаго вліянія на Балканахъ.

Предлогъ для войны дала сама Турція. Послѣ Наваринскаго боя Махмудъ, вмѣсто того, чтобы, по совѣту Меттерниха, вступить въ переговоры съ союзниками, рѣзко потребовалъ удовлетворенія. Представители Англіи, Россіи и Франціи покинули Константинополь. Въ началѣ декабря раздраженный султанъ сдѣлалъ крайне неосторожный шагъ, давшій Россіи предлогъ къ войнѣ: онъ обратился съ воззваніемъ къ айанамъ, начальникамъ мусульманскихъ общинъ въ Румеліи и Анатоліи, въ которомъ указалъ на Россію, какъ на главнаго и непримиримаго врага Турціи, поднявшаго греческую райю противъ владычества османовъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мѣръ противъ христіанъ и русской торговли. Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ заявилъ своимъ союзникамъ, что Турція сама бросила вызовъ Россіи, что честь Россіи затронута, задѣты ея интересы, и предложилъ поручить ему возстановить порядокъ: занять русскими войсками дунайскія княжества, поддержать Каподистріа и совмѣстно съ французскимъ и англійскимъ флотомъ блокировать Константинополь и Александрію. Онъ предварялъ при этомъ, что, въ виду оскорбительнаго манифеста султана, война имъ рѣшена независимо отъ согласія союзниковъ.

Мы уже указали, почему ни Англія, ни Австрія не могли предотвратить войны. Въ концѣ апрѣля русскія войска перешли черезъ Прутъ и въ Малой Азіи вторглись въ Арменію. Въ то же время французскій корпусъ ген. Мезона занялъ Морею.

Первые мѣсяцы войны показали, однако, что опасенія западныхъ державъ и надежды императора Николая были одинаково преувеличены. Какъ и всегда въ исторіи русско-турецкихъ войнъ, дезорганизованная и слабая въ полѣ турецкая армія оказывала неожиданно стойкое сопротивленіе, засѣвъ въ крѣпостяхъ, а русскія войска не были подготовлены и надлежащимъ образомъ снабжены для долгаго похода въ чуждыхъ климатическихъ условіяхъ. Австрія пыталась было воспользоваться русскими неудачами, чтобы испугать Николая коалиціей. Но Англія была слишкомъ занята ирландскимъ возстаніемъ. Франція была раздражена противъ Австріи изъ-за итальянскихъ дѣлъ. Даже берлинскій дворъ отказывалъ въ своемъ содѣйствіи; онъ опредѣленно сближался теперь съ Россіей и въ то же время возобновилъ заигрываніе съ германскими либералами. Однако планъ Меттерниха былъ разсчитанъ вѣрно; царь самъ, смущенный неудачами, завелъ было черезъ датскаго посланника

переговоры о мирѣ. Но дѣло разстроилось вслѣдствіе неуступчивости Порты. Также неудачно кончилась вторая попытка Меттерниха: воспользоваться войной, чтобы безъ Россіи рѣшить греческій вопросъ. Франція и Англія согласились начать переговоры съ Портой, но, по французскому требованію, съ оговоркой о предварительномъ согласіи царя, что, очевидно, равнялось полной неудачѣ австрійской интриги. Тѣмъ не менѣе, починъ Меттерниха сыгралъ большую роль: онъ вновь поставилъ на очередь греческій вопросъ, который былъ устраненъ Николаемъ изъ поводовъ къ войнѣ. Когда въ слѣдующемъ году военное счастье перешло на сторону русскаго оружія, и Дибичъ отважной демонстраціей по направленію къ Константинополю принудилъ турокъ къ миру, рѣшеніе греческаго вопроса было предложено уже самой Портой, видѣвшей въ этомъ способъ заручиться благосклонностью морскихъ державъ.

2 сентября въ Адріанополѣ былъ подписанъ мирный договоръ, закрѣпившій за Россіей большую часть ея новыхъ завоеваній на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, обезпечившій ея судамъ свободный проходъ черезъ проливы, свободу торговли въ Турціи для русскихъ подданныхъ и вознагражденіе за военные расходы. Привилегіи княжествъ были расширены такъ, что устанавливался фактическій протекторатъ Россіи надъ ними. Русскія войска до уплаты контрибуціи оставались въ княжествахъ и въ Болгаріи. Наконецъ греческій вопросъ рѣшался представленіемъ грекамъ національной автономіи.

Россія и Англія.

Императоръ Николай не былъ удовлетворенъ такими результатами войны. Мечта о паденіи Константинополя и о завладѣніи проливами обладала слишкомъ притягательной силой и для третьяго преемника Екатерины, чтобы онъ отказался отъ нея. Дѣйствительно, черезъ 2 дня послѣ подписанія мирнаго договора, въ секретномъ комитетѣ въ Петербургѣ обсуждался вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Антагонизмъ русскихъ и англійскихъ интересовъ выяснялся при этомъ съ обычной очевидностью.

Ближайшимъ полемъ для дипломатической борьбы была Греція, не желавшая примириться съ положеніемъ вассальнаго государства. Отношеніе царя къ новому государству къ этому времени сильно измѣнилось: Каподистріа блестяще оправдалъ его расчеты. Онъ разогналъ сенатъ, отказался принять присягу на вѣрность конституціи. Во время войны оказывалъ посильную помощь дѣйствіями греческаго флота. Затѣмъ, опираясь на русскія

субсидіи, создалъ свою, вѣрнѣе, «русскую» партію и во главѣ ея отстаивалъ установленіе въ Греціи чисто монархическаго режима безъ всякихъ конституціонныхъ гарантій. При этихъ условіяхъ Николай ничего не имѣлъ теперь даже противъ независимости Греціи; онъ шелъ даже дальше: какъ бы покровительствуя національнымъ стремленіямъ грековъ, онъ предлагалъ расширить территорію Греціи съ скрытой цѣлью создать Англіи затрудненія на Іоническихъ островахъ и, можетъ-быть, вырвать ихъ изъ ея власти. Рѣшительный протестъ Англіи заставилъ отказаться отъ этого плана. Пришлось согласиться и съ сохраненіемъ конституціоннаго строя, такъ какъ, кромѣ Англіи, этого требовала и Франція. Созванная для рѣшенія греческаго дѣла конференція въ Лондонѣ должна была при такомъ положеніи дѣлъ закончиться объявленіемъ Греціи независимымъ государствомъ. Кандидатомъ на греческій престолъ былъ избранъ близкій родственникъ англійскаго королевскаго дома принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

Каподистріа очень легко сумѣлъ устранить этого нежелательнаго Россіи кандидата, напугавъ его незавидной перспективой царствованія въ нищей, раздираемой внутренними смутами странѣ. Дипломатіи абсолютистскихъ державъ удалось затѣмъ провести своего кандидата, принца Оттона Баварскаго. Въ то же время русскій императоръ съ многозначительной готовностью выслушивалъ сообщенные ему планы новаго французскаго реакціоннаго премьера кн. Полиньяка о франко-русскомъ союзѣ на основѣ обмѣна компенсаціями: Востокъ — Россіи, Бельгія и Люксембургъ — Франціи.

Іюльская революція сильно отразилась и на ходѣ восточнаго вопроса. Подъ развалинами бурбонской монархіи погребены были проекты Полиньяка. Въ Греціи революція подняла духъ либеральной буржуазіи, и тамъ вспыхнуло возстаніе противъ Каподистріа. Неумѣніе отдѣлить интересы Россіи отъ реакціонной идеологіи и на этотъ разъ повело къ паденію престижа Россіи: возстаніе было подавлено русскимъ оружіемъ. Недовѣріе греческой буржуазіи къ Россіи перешло въ боязнь и нелюбовь. Каподистріа былъ убитъ. И самъ русскій кандидатъ, король Оттонъ, желая создать себѣ прочное положеніе, сталъ править, опираясь на либеральную буржуазію и давъ, такимъ образомъ, ходъ конституціоннымъ и враждебнымъ Россіи элементамъ. Въ Петербургѣ сочли это подтвержденіемъ правильности прежняго убѣжденія въ

нежелательности возникновенія на Балканахъ независимыхъ государствъ. Власть Турціи надъ райей болѣе обезпечивала вліяніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ, чѣмъ независимость балканскихъ народовъ, чѣмъ возникновеніе государствъ, «которыя не замедлятъ соперничать съ Россіей», по словамъ гр. Нессельроде.

Отсюда вытекло новое направленіе русской политики: стремленіе сблизиться съ Турціей, чтобы путемъ поддержки власти султана достигнуть возможно большаго вліянія на Востокѣ. Послѣ ряда мелкихъ одолженій, которыми русское правительство старалось сгладить прежнюю вражду, явился случай оказать султану серьезную и выгодную для Россіи услугу: возстаніе египетскаго паши.

Махмудъ II и Мехметъ-Али.

При общемъ развалѣ османскаго государства, оказавшагося несостоятельнымъ не только въ войнѣ съ Россіей, но и въ борьбѣ съ райей, взгляды недовольныхъ естественно обращались къ Мехмету-Али, сумѣвшему въ эти тяжелыя для мусульманства времена создать и укрѣпить новую и прочную, казалось, мусульманскую державу. Фактическая независимость египетскаго намѣстника усилилась во время греческаго возстанія до почти покровительственнаго отношенія къ османскому султанату. Изнемогавшая Турція просила помощи у Египта и только благодаря этой помощи вела борьбу съ греками. Впечатлѣніе было слишкомъ необычайно и сильно, чтобы изгладиться. Когда же султанъ истребилъ янычаръ и пригласилъ французскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ для преобразованія арміи, недовольные реформой стали видѣть не въ Махмудѣ, а въ Мехметѣ-Али истиннаго защитника ислама. Этому сильно способствовало духовенство, внушаемое изъ религіозныхъ центровъ, Мекки и Медины, бывшихъ въ сферѣ вліянія египетскаго паши. При этомъ забывали или не хотѣли помнить, что султанъ въ сущности только подражалъ Мехмету-Али, давно уже создавшему регулярную армію съ помощью европейскихъ инструкторовъ и отнюдь не чуждавшемуся финансоваго и административнаго опыта Запада, когда это ему было нужно и выгодно; забывали и то, что, избивая янычаръ, султанъ также шелъ по слѣдамъ египетскаго намѣстника, истребившаго мамелюковъ. Кромѣ собственной военной силы и сочувствія мусульманской оппозиціи, у Мехмета-Али была опора и на Западѣ—во Франціи. Съ возрожденіемъ колоніальной политики при Карлѣ X (походъ на Алжиръ), мысль объ Египтѣ, какъ объ этапѣ къ завоеванію міровыхъ торговыхъ путей, вновь ожила въ умахъ французскихъ поли-

тиковъ. Сочетаясь съ горькими воспоминаніями о пораженіяхъ въ громадной наполеоновской борьбѣ съ Англіей, мечты французовъ о морскомъ и колоніальномъ могуществѣ естественно снова направились въ эту, привычную сторону. Связи съ египетскимъ пашой были уже давнія и прочныя: французскіе офицеры не только реорганизовали его армію, они участвовали въ греческомъ походѣ, и многими изъ своихъ успѣховъ Ибрагимъ былъ обязанъ ихъ знаніямъ. Тогда это вызывало возмущеніе во Франціи; не только филэллинисты, какъ, напримѣръ, Шатобріанъ, называли позорнымъ такое служеніе полумѣсяцу противъ креста. Теперь тотъ же фактъ казался благопріятной почвой для дальнѣйшаго насажденія французскаго вліянія въ Египтѣ.

Въ началѣ 30-хъ годовъ общія условія сложились особенно благопріятно для Мехмета-Али. Турція была ослаблена войной, мятежами въ Босніи и въ Албаніи, Россія была потрясена польскимъ возстаніемъ, повсюду въ Европѣ іюльская революція вызвала замѣшательство. Египетскій паша могъ надѣяться безпрепятственно расширить свое могущество. Подъ предлогомъ вознагражденія за греческій походъ (раньше онъ получилъ уже за него Критъ), онъ потребовалъ себѣ отъ султана Дамасскій пашалыкъ. Махмудъ отказалъ. Тогда Мехметъ-Али двинулъ египетскую армію противъ своего сюзерена, требуя уже и Акрскій пашалыкъ. Война началась въ октябрѣ 1831 года, а менѣе чѣмъ черезъ годъ всѣ высланныя противъ египтянъ турецкія войска были разбиты, Палестина и Сирія были завоеваны Ибрагимомъ-пашой и онъ стоялъ у Коніи съ 100.000 солдатъ; у султана не было уже средствъ остановить египтянъ на пути къ Константинополю. Турецкій престолъ и съ нимъ халифатъ становились, казалось, легкой добычей Мехмета-Али.

Вмѣшательство Россіи.

Но тутъ вмѣшалась Россія. При указанномъ желаніи русскаго правительства сблизиться съ Турціей, занять покровительственное къ ней положеніе, нападеніе египтянъ давало прекрасный поводъ спасти династію, спасти Турцію, чтобы установить надъ ней русскій протекторатъ. Но и помимо этого расчета, движеніе египтянъ на Константинополь было немалой угрозой русскимъ интересамъ; вновь всплывало старое соображеніе о предпочтительности «слабаго сосѣда» на проливахъ появленію тамъ чьей-либо сильной власти. Торговая политика Мехмета-Али была извѣстна по Египту; овладѣвъ Константинополемъ, онъ, несомнѣнно, сталъ бы бороться противъ подтвержденныхъ адріанопольскимъ догово-

ромъ торговыхъ привилегій Россіи. Наконецъ извѣстную роль играло и мнѣніе императора Николая объ египетскомъ походѣ, какъ о проявленіи революціоннаго духа.

Исходя изъ этихъ соображеній, русское правительство предложило султану вооруженную помощь. Доведенный до крайности, Махмудъ согласился, хотя и подозрѣвалъ въ русской дружбѣ затаенные своекорыстные замыслы. Русскій флотъ вступилъ въ Босфоръ, и въ Скутари былъ высаженъ дессантъ (январь 1833 г.). Во Франціи и въ Англіи вспыхнула тревога. Нѣкоторое замедленіе египтянъ и настоятельные совѣты французскаго и англійскаго пословъ измѣнили настроеніе султана. Онъ пытался отдѣлаться отъ русской помощи, которая казалась ему едва ли не опаснѣе его мятежнаго вассала. Русскій флотъ отказался удалиться. Подозрѣнія подтверждались. Но египтяне двинулись дальше, легко оттѣсняя высланныя противъ нихъ войска. Султанъ почувствовалъ себя погибшимъ и безъ условій отдался подъ покровительство императора Николая, обратившись къ нему съ просьбой прислать ему больше войскъ. Черезъ нѣсколько дней былъ доставленъ 10-тысячный отрядъ. На турецкой границѣ спѣшно стягивалась большая армія. Эти приготовленія вызвали крайнее безпокойство на Западѣ. Англія, Франція и Австрія стали хлопотать о заключеніи мира между Портой и Мехметомъ-Али, желая устранить предлогъ русскаго вмѣшательства; по общему убѣжденію, разъ въ Константинополь было бы введено достаточное количество русскихъ войскъ, судьба столицы Турціи и вопросъ о проливахъ были бы рѣшены: Россія больше не ушла бы оттуда. Хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ; въ концѣ апрѣля въ Кутайѣ былъ подписанъ миръ, по которому Мехметъ-Али получилъ всю Сирію и провинцію Адану на юго-западномъ берегу Малой Азіи. Черезъ мѣсяцъ русскій флотъ ушелъ изъ Босфора и русскія войска эвакуировали Скутари. Западная дипломатія, однако, не могла торжествовать. За нѣсколько дней до эвакуаціи уплата за русскую помощь была получена отъ султана: почти наканунѣ ея былъ подписанъ въ Ункіаръ-Искелесси договоръ русско-турецкаго союза противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ обѣихъ державъ. Россія обязывалась всемѣрно охранять Турцію и ея династію, взамѣнъ чего проливы были признаны закрытыми для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, кромѣ русскихъ. Иначе говоря, надъ Турціей устанавливался русскій протекторатъ, и Константинополь дѣлался передовой крѣпостью, охранявшей

Договоръ въ Ункіаръ-Искелесси.

Россію отъ нападеній со стороны Чернаго моря, отнынѣ, дѣйствительно, русскаго озера. Франція и Англія пытались повліять на султана морской демонстраціей, отправивъ эскадру къ Дарданелламъ. Но русскій посланникъ сумѣлъ удержать Махмуда отъ уступокъ. На прорывъ въ Черное море, т.-е. на шагъ, который уже тогда повелъ бы къ войнѣ съ Россіей, морскія державы не рѣшились, и демонстрація кончилась ничѣмъ.

Мюнхенгретцское соглашеніе съ Австріей.

Казалось, что Россія одержала блестящую дипломатическую побѣду. Оставалось только пользоваться ею. Между тѣмъ почти немедленно за Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ, заключеннымъ въ традиціонномъ духѣ охраны отношеній Россіи съ Турціей отъ иностраннаго воздѣйствія, послѣдовалъ рядъ шаговъ, направленныхъ къ замѣнѣ этого договора международнымъ соглашеніемъ, иначе говоря рядъ существенныхъ уступокъ — Россія отступала съ занятой ею великолѣпной, казалось бы, позиціи. Уже въ томъ же 1833 году заключено было съ Австріей соглашеніе (въ Мюнхенгретцѣ) о совмѣстной гарантіи османской династіи; императоръ Николай признавалъ Австрію посредницей между собою и морскими державами въ тѣхъ особыхъ отношеніяхъ съ Турціей, которыя возникли для Россіи по Ункіаръ-Искелесскому договору. Добровольно нарушался основной, почти столѣтній принципъ русской восточной политики: непосредственныя и обособленныя отъ всякаго рода вмѣшательства отношенія съ Турціей. Вскорѣ за этимъ соглашеніемъ послѣдовало удаленіе русскихъ войскъ изъ Придунайскихъ княжествъ, области, въ которой интересы Австріи были непримиримо враждебны русской политикѣ. Объясненіе такой предупредительности и уступчивости, долго поражавшей современниковъ, крылось въ рядѣ причинъ. Во-первыхъ, политическія и стратегическія выгоды договора были въ значительной степени мнимыми. Турція — это сознавали прекрасно — была бы ненадежнымъ союзникомъ, всегда готовымъ на «измѣну» въ пользу Англіи. Но, и помимо этого, собственными силами она едва ли могла бы остановить вторженіе западно-европейскихъ флотовъ въ Черное море. Не представлялось возможнымъ удержать и монопольнаго положенія въ области торговли; слишкомъ уже развитыя въ это время торговыя сношенія западныхъ державъ съ турецкимъ рынкомъ не остались бы безъ самой серьезной защиты со стороны державъ. Пріобрѣтенныя договоромъ права можно было упрочить и сдѣлать дѣйствительно цѣнными только путемъ признанія ихъ со стороны западныхъ государствъ. Наконецъ, при

возникшемъ изъ-за восточныхъ дѣлъ охлажденіи съ Франціей и Англіей, Россіи грозилъ еще разрывъ съ ея исконной соперницей на Дунаѣ и Балканахъ, Австріей, что было, съ точки зрѣнія Николая Павловича, крайне нежелательно въ виду революціоннаго броженія въ Европѣ. Мюнхенгретцскіе акты ясно доказали это: перебрасывая черезъ Австрію мостъ къ соглашенію съ западными державами по восточному вопросу, русскій императоръ одновременно договорился съ Меттернихомъ о мѣрахъ борьбы съ революціоннымъ духомъ.

Попытки соглашенія съ Англіей.

Соглашеніе Россіи съ Австріей было, дѣйствительно, только отправнымъ пунктомъ новой оріентировки восточнаго вопроса, основной чертой которой было стремленіе Россіи заключить мирную сдѣлку съ главной соперницей своей, Англіей. Ближайшей цѣлью было обезпечить Россію со стороны Чернаго моря, т.-е. дать ей возможность спокойнаго экономическаго и политическаго использованія этого «русскаго озера»; отдаленной и затаенной цѣлью: полюбовный — разъ не удалось иначе — раздѣлъ Оттоманской имперіи.

Франція и Мехметъ-Али.

Первыя попытки русскаго правительства провести этотъ планъ предприняты были, однако, въ очень неблагопріятное время. Ункіаръ-Искелесскій договоръ былъ принятъ въ Англіи общественнымъ мнѣніемъ, какъ прямая угроза англійскимъ интересамъ. Въ публицистикѣ шла дѣятельная агитація противъ Россіи. Основныя причины происшедшаго черезъ 19 лѣтъ столкновенія уже рѣзко и неопровержимо намѣчались самыми вліятельными и популярными выразителями настроенія и интересовъ англійскаго общества. Но, кромѣ Россіи, у Англіи былъ на Востокѣ другой соперникъ, болѣе въ этотъ моментъ опасный — Франція. За дѣйствіями Мехмета-Али англичане видѣли руку французской дипломатіи, за его политикой — французскія интриги, за его торговыми мѣропріятіями — французскую экономическую конкуренцію. Системой торговыхъ монополій и запретительныхъ пошлинъ Мехметъ-Али почти вытѣснилъ англійскую торговлю изъ портовъ Египта и Сиріи. Это было уже серьезнымъ ущербомъ въ настоящемъ и еще болѣе серьезной угрозой для будущаго при оцѣненномъ значеніи Суэцкаго перешейка для мирового торговаго обмѣна. Поэтому англійское правительство воспользовалось новыми тенденціями русской политики и, вопреки враждебному Россіи настроенію общества, видимо, охотно шло на сближеніе. Русская дипломатія не скупилась на авансы. Опираясь на ея уступчивость, англій-

скій посолъ возстановилъ свое вліяніе на Порту. Что было значительно важнѣе, Англіи удалось заключить (въ 1838 г.) съ Турціей торговый договоръ, устанавливавшій на всемъ пространствѣ имперіи единый таможенный тарифъ и равенство въ правахъ торговли для всѣхъ иностранцевъ съ оттоманскими подданными; всѣ мѣстныя пошлины и монополіи отмѣнялись. Значительная уступка со стороны Россіи, договоръ этотъ былъ прямо направленъ противъ «французскаго кліэнта» Мехмета-Али.

Событія вскорѣ же показали, что въ Англіи правильно оцѣнивали главную опасность на Востокѣ и размѣры ея. Западное побережье Аравійскаго полуострова было уже подъ властью Мехмета-Али. Въ 1839 г. онъ захватилъ Бахрейнскіе острова на Персидскомъ заливѣ и грозилъ оттуда Бассорѣ; тогда же египетскія войска напали на владѣнія Маскатскаго султана, что явно указывало на намѣреніе занять и восточное побережье Аравіи. Мехметъ-Али, уже владѣя Суэцомъ, пробился и на Персидскій заливъ. Возникала — подъ покровительствомъ и вліяніемъ Франціи — новая мусульманская держава на путяхъ въ Индію. Еще разъ восточный вопросъ принималъ для Англіи тотъ же грозный обликъ, какъ въ послѣдніе годы XVIII вѣка.

Мехметъ-Али подъ прямымъ воздѣйствіемъ Франціи (ему была категорически обѣщана помощь) не сталъ исполнять англо-турецкаго договора. Не выступая еще прямо, Англія выдвинула противъ него Порту. Этого было очень нетрудно достигнуть. Заключая Ункіаръ-Искелесскій договоръ, султанъ опредѣленно разсчитывалъ, что Россія поможетъ ему расправиться съ ненавистнымъ египетскимъ вассаломъ. Но Россія, сохраняя положеніе, достигнутое въ 1833 г., тщательно избѣгала всякихъ потрясеній на Востокѣ, чтобы не быть по договору втянутой въ борьбу, которая неминуемо повлекла бы столкновеніе съ Англіей. Отсюда возникло глухое недовольство султана, осложнявшееся его недовѣріемъ къ безкорыстности русской политики. Усиливъ вліяніе Англіи, эти обстоятельства и сами по себѣ объясняютъ, почему Порта, по первому же призыву, признала неисполненіе египетскимъ пашой англо-турецкаго договора за государственную измѣну и двинула противъ него войска. 12 іюня при Низибѣ на Евфратѣ турки были разбиты на голову. Черезъ недѣлю старый султанъ умеръ. Черезъ нѣсколько дней капуданъ-паша Ахмедъ-Февзи, по тайному соглашенію съ французскимъ адмираломъ Лаландомъ, вывелъ изъ Дарданеллъ весь турецкій флотъ и передался египтянамъ.

Ликвидація египетскаго вопроса.

Наступилъ рѣшительный моментъ. Турція была наканунѣ гибели. Россія по договору не только имѣла право, но обязана была вмѣшаться. Съ другой стороны, побѣды египтянъ поставили на карту жизненные интересы Англіи. Пальмерстонъ рѣшился тогда однимъ ударомъ поправить дѣло: онъ предложилъ Франціи послать вмѣстѣ съ Англіей свои суда къ Дарданелламъ, чтобы войти въ проливъ, если русскій флотъ покажется въ Босфорѣ. Франція отказала, поддерживая Мехмета-Али, вслѣдствіе чего восточный кризисъ перешелъ уже въ европейскій. На дальнѣйшее предположеніе объ общеевропейской морской демонстраціи въ проливахъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ императоръ Николай. Но онъ указывалъ на другой объектъ демонстраціи — на Александрію и соглашался на общее посредничество, т.-е. опредѣленно отказывался отъ русскаго протектората надъ Турціей. Одно изъ серьезнѣйшихъ опасеній Англіи отпадало: въ борьбѣ съ Франціей она пошла на договорное соглашеніе съ Россіей. Въ іюнѣ 1840 г. между Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей былъ заключенъ такъ называемый «четверной союзъ» съ цѣлью «замиренія Востока». Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль казалось, что возобновилась эпоха коалиціонныхъ войнъ противъ Франціи. Но Людовикъ-Филиппъ отнюдь не хотѣлъ войны съ монархической Европой. Цѣной отказа отъ поддержки Мехмета-Али, т.-е. отъ наступательной восточной политики, Франція была принята въ союзъ. Такъ создалось первое общеевропейское соглашеніе съ цѣлью урегулировать восточный вопросъ. Судьба египетскаго паши являлась теперь уже второстепеннымъ вопросомъ. Съ его сопротивленіемъ покончилъ англо-австрійскій флотъ; въ январѣ 1841 г. онъ принялъ ультиматумъ Европы и, вернувъ султану Сирію, Критъ и турецкія суда, былъ признанъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ Египта и Нубіи.

«Хартія» проливовъ 1841 г.

Основной задачей, предстоявшей державамъ, было опредѣлить новое положеніе, возникшее за фактическимъ отказомъ Россіи отъ Ункіаръ-Искелесскаго договора. Взамѣнъ этой уступки спокойствію и благу Европы, какъ называли этотъ шагъ русскіе дипломаты, Николай Павловичъ хотѣлъ, чтобы державы гарантировали исключительное положеніе Россіи на проливахъ. Ставя этотъ вопросъ на обсужденіе державъ и выводя его, такимъ образомъ, вопреки всему прошлому русской политики, изъ сферы непосредственныхъ соглашеній съ Турціей, русскіе дипломаты хотѣли добиться болѣе прочныхъ результатовъ, главнымъ образомъ,

путемъ соглашенія съ Англіей. Но здѣсь-то русскіе интересы, какъ мы знаемъ, и сталкивались съ англійскими въ самой непримиримой формѣ. Англіи важно было закрыть Средиземное море для военныхъ русскихъ судовъ и имѣть доступъ въ Черное море; Россіи — наоборотъ: имѣть свободный выходъ изъ Чернаго моря, но не допускать туда иностранныя военныя суда. Австрія естественно стояла за ограниченіе правъ Россіи. Франція, приступившая къ участію въ переговорахъ послѣ рѣшенія египетскаго вопроса, соглашалась съ Англіей, неудачно пытаясь добиться компенсаціи въ признаніи нейтральными путей черезъ Суэцъ и Евфратъ. Россія осталась въ полномъ одиночествѣ; коалиція, къ которой она такъ охотно приступила, оказывалась обращенной противъ нея; соглашеніе державъ, созданное ея уступками, было ей враждебно. Дипломатическую неудачу русской политики скрѣпилъ договоръ 2 іюля 1841 г. — «хартія проливовъ», закрывшій ихъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ и Россіи. Одновременно независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи были, вопреки желанію Россіи, гарантированы державами; международная же санкція коснулась и внутреннихъ дѣлъ Турціи: условіемъ упомянутой гарантіи было поставлено исполненіе изданнаго подъ вліяніемъ англійскаго ставленника визиря Решида-паши «хатти-шерифа Больханэ», акта, даровавшаго райѣ равноправіе съ мусульманами. Исключительное положеніе въ Турціи — по отношенію къ Портѣ и къ ея христіанскимъ подданнымъ — отходило отъ Россіи, перенесенное на весь европейскій концертъ. Борьба за преобладаніе въ Турціи между Россіей и Англіей и за экономическое первенство на Востокѣ между Франціей и Англіей закончилась побѣдой той державы, которая въ осуществленіи своихъ государственныхъ задачъ руководилась только реальными интересами, а не отвлекалась династическими соображеніями, какъ Людовикъ-Филиппъ, или борьбой съ либерализмомъ, какъ Карлъ X и русскій императоръ.

Историческое значеніе этого перелома въ исторіи восточнаго вопроса было понято тогда уже почти всюду въ Европѣ. Исключеніе составлялъ одинъ императоръ Николай Павловичъ. Неудача въ вопросѣ о проливахъ мало тревожила его; онъ твердо разсчитывалъ, что сближеніе съ Англіей подготовитъ теперь, наконецъ, раздѣлъ Турціи. Эту иллюзію не разсѣяли ни самыя опредѣленныя доказательства рѣшительнаго нежеланія Англіи чѣмъ-либо поступиться на Востокѣ, ни открыто отрицательное отношеніе

англійскихъ государственныхъ людей къ идеѣ раздѣла. Наиболѣе примѣчательными въ этомъ смыслѣ эпизодами были—греческій переворотъ 1843 г. и судьба секретнаго меморанума гр. Нессельроде 1844 г.

Новыя попытки англо-русскаго соглашенія.

Осенью 43 г. въ Греціи вспыхнуло военное возстаніе противъ короля Оттона, въ теченіе 10 лѣтъ попиравшаго конституціонные принципы. Возстаніе это было до значительной степени подготовлено англійскимъ представителемъ Эдм. Лайонсомъ. Въ результатѣ его власть перешла къ стороннику англійскаго вліянія Маврокордато. И мотивы возстанія и результаты его были крайне непріятны императору Николаю. Однако не русское вліяніе, а французское выступило на борьбу съ Лайонсомъ и поддерживаемой имъ партіей. Русская дипломатія уклонялась отъ вмѣшательства и тогда, когда англійскія интриги противъ дружественнаго Франціи кабинета Коллетиса чуть не привели къ нападенію Турціи на Грецію. Восточный вопросъ протекалъ въ своихъ реальныхъ проявленіяхъ какъ бы внѣ прямого воздѣйствія такой близко заинтересованной въ немъ державы, какъ Россія. Англія и Франція продолжали борьбу, экономическую и дипломатическую, а императоръ Николай строилъ планы раздѣла Турціи. Въ іюнѣ 1844 г. онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ цѣлью договориться о раздѣлѣ сферъ вліянія на Востокѣ и прежде всего о ликвидаціи наслѣдства «больного человѣка» — популярное выраженіе, изобрѣтенное имъ. Такой проектъ и заключался въ меморандумѣ, врученномъ тогда гр. Нессельроде лорду Эбердину. Принятое чрезвычайно уклончиво, предложеніе это только укрѣпило подозрительность англійскаго правительства. Но императоръ остался при убѣжденіи, что восточный вопросъ можно и должно рѣшить радикально, помимо Франціи и Австріи, путемъ англо-русскаго соглашенія. Это странное, на первый взглядъ, ослѣпленіе имѣло очень важную причину въ отношеніи русскаго государя къ Габсбургской имперіи и къ февральской монархіи. Австрію онъ считалъ слишкомъ слабой, чтобы рѣшиться на серьезное сопротивленіе; онъ былъ увѣренъ, что австрійскіе политики удовлетворятся небольшой компенсаціей и поддержкой Россіи противъ революціоннаго броженія въ Германіи и Италіи. Людовика-Филиппа и его правительство онъ не любилъ и презиралъ, учитывая въ то же время острый англо-французскій колоніальный антагонизмъ. Между тѣмъ какъ русская дипломатія, покорная предначертанному свыше курсу, готовилась къ «раздѣлу», англичане укрѣпляли свое влія-

ніе на Порту и пользовались имъ для проведенія нѣкоторыхъ реформъ съ цѣлью возстановить сопротивляемость Оттоманской имперіи. Даже не очень проницательнымъ людямъ было ясно, что громадное недоразумѣніе, запутавшее восточный вопросъ, можетъ привести къ новому острому кризису.

Предпосылки русско-турецкой войны 1853—1856 г.

Первые признаки его сказались немедленно послѣ революціоннаго періода 1848 г.[1]). Въ Турцію бѣжали изъ Венгріи многіе участники возстанія. Россія и Австрія потребовали отъ Порты ихъ выдачи. Порта подъ вліяніемъ англійскаго посла отказала, хотя требованіе было облечено въ форму собственноручнаго письма русскаго императора къ султану. Русскій и австрійскій послы были отозваны. Тогда Англія вмѣстѣ съ революціонной Франціей — это было особенно знаменательно — въ свою очередь, потребовали отъ Порты, чтобъ она осталась при своемъ отказѣ. Англійскій флотъ прошелъ черезъ Дарданеллы. Правда, англійское правительство объяснило это нарушеніе договора 41 г. своеволіемъ адмирала, но впечатлѣніе должно было остаться. Для императора Николая, стоявшаго послѣ 1848 г. въ ореолѣ вершителя судебъ Европы, вопросъ былъ теперь рѣшенъ. Вмѣстѣ съ Англіей или, какъ въ 1828 г., одинъ онъ рѣшилъ довершить завоеваніе Ближняго Востока. Австрія, какъ онъ считалъ, была ему обязана вѣчной благодарностью («если я говорю Россія, я говорю и Австрія», сказалъ онъ какъ-то англійскому послу). Пруссія — по дружбѣ его съ королемъ — была естественной союзницей Россіи. Франція, терзаемая революціей, казалась безсильной. Съ Англіей или противъ Англіи — моментъ для рѣшенія восточнаго вопроса представлялся исключительно благопріятнымъ. Военную силу самой Турціи русскіе политики считали ничтожной. Въ увлеченіи планами будущихъ завоеваній вспоминали даже какое-то древнее пророчество, предсказавшее, что черезъ 400 лѣтъ послѣ паденія Царьграда, т.-е. въ 1853 г., падетъ и Турція.

Планъ раздѣла Турціи.

Въ декабрѣ 1852 г. императоръ Николай сообщилъ англійскому послу выработанный петербургскими дипломатами планъ раздѣла Турціи: Болгарія, Сербія и Боснія превращаются въ самостоятельныя княжества и вмѣстѣ съ Молдавіей и Валахіей

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что въ 48 г. императоръ Николай Павловичъ, усмотрѣвъ «революціонный духъ» въ придунайскихъ княжествахъ, побудилъ Турцію отнять у нихъ дарованныя по мирнымъ договорамъ съ Россіей привилегіи. Нарушенный порядокъ былъ возстановленъ русскими войсками.

поступаютъ подъ русскій протекторатъ; на долю Англіи предназначались Египетъ и Критъ. Англійское правительство, видя въ этомъ планѣ прежде всего стремленіе Россіи завладѣть Балканскимъ полуостровомъ, а затѣмъ и Константинополемъ и твердо стать на южныхъ морскихъ путяхъ, не только отклонило русское предложеніе, но начало оріентировать свою политику къ сближенію съ Франціей, что русскій императоръ считалъ невозможнымъ. Свое предложеніе онъ возобновилъ — и съ тѣмъ же результатомъ — еще разъ въ началѣ февраля 1853 г., когда вопросъ о войнѣ съ Турціей былъ имъ уже рѣшенъ.

Споръ о ключахъ отъ св. мѣстъ.

Между тѣмъ въ восточныхъ дѣлахъ возобновилось дѣйствіе давно — со временъ Наполеона — забытаго фактора, религіознаго протектората Франціи надъ католиками на Востокѣ. Наполеонъ III, готовясь къ борьбѣ съ русской гегемоніей на европейскомъ материкѣ, началъ съ наиболѣе чувствительнаго для русскаго правительства пункта, съ восточнаго вопроса. Выдвинувъ вновь старинное право Франціи — старшей дочери католической церкви — на протекторатъ надъ католиками на Востокѣ, онъ одновременно рѣшалъ и серьезный вопросъ своей внутренней политики, примиряя съ собою вліятельные клерикальные круги. Французскій посолъ въ Константинополѣ Лавалеттъ добился признанія равноправія католиковъ съ православными въ Палестинѣ. Отсюда возникли затяжные споры и столкновенія между католиками и православными изъ-за обладанія св. мѣстами въ Іерусалимѣ (такъ называемый споръ о ключахъ). Но сущность конфликта была въ томъ, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ осложненіяхъ на Ближнемъ Востокѣ выдвигались на первое мѣсто православные, т.-е. религіозный протекторатъ Россіи. Наполеонъ притязалъ, очевидно, на главное орудіе русской восточной политики. Императоръ Николай увидалъ въ этомъ поводъ осуществить свои планы относительно Турціи. Еще разъ, какъ мы указали выше, неудачно попытавшись войти въ соглашеніе съ Англіей, онъ рѣшилъ дѣйствовать одинъ. Черезъ недѣлю послѣ послѣдняго разговора о восточномъ вопросѣ съ англійскимъ посломъ чрезвычайный русскій посолъ кн. Меньшиковъ, послѣ демонстративнаго смотра въ Севастополѣ, прибылъ въ Константинополь и предъявилъ Портѣ требованія императора. Сущность ихъ сводилась къ тому, что всѣ 9 милліоновъ православныхъ подданныхъ Турціи должны были перейти подъ непосредственное

Дипломатическая миссія кн. Меньшикова.

покровительство русскаго императора, который имѣлъ бы такимъ образомъ право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи.

Испуганная Порта готова была на очень существенныя уступки. Исполнено было требованіе объ увольненіи министра иностранныхъ дѣлъ, подписавшаго соглашеніе о правахъ католиковъ въ Палестинѣ. Изданъ былъ фирманъ, подтверждавшій права и привилегіи православной церкви въ Турціи. Предложено было пересмотрѣть въ желательномъ для Россіи направленіи вопросъ о правѣ обладанія св. мѣстами. Но кн. Меньшиковъ, исполняя волю императора Николая, не удовлетворялся этими уступками, очень далекими, конечно, отъ основного русскаго требованія, которое имѣло цѣлью превратить Турцію въ почти подчиненное Россіи государство по образцу придунайскихъ княжествъ.

Поведеніе западныхъ державъ, казалось, оправдывало расчеты русскаго правительства. Глава торійскаго кабинета лордъ Эбердинъ колебался; ему казалось возможнымъ спасти положеніе путемъ переговоровъ съ Россіей и нѣкоторыхъ уступокъ ей въ духѣ Ункіаръ-Искелесскаго договора. Наполеонъ III въ виду этого также не рѣшался на отвѣтственныя выступленія. Когда Порта обратилась къ державамъ съ просьбой о посредничествѣ, послы ихъ выработали въ Вѣнѣ ноту, не содержавшую, правда, главнаго русскаго требованія, но дававшую такое удовлетвореніе Россіи, которое ясно указывало на общее желаніе предотвратить войну. Императоръ Николай имѣлъ теперь полное основаніе вѣрить въ свое могущество и въ страхъ передъ нимъ западной Европы. Отъѣздъ кн. Меньшикова изъ Константинополя, манифестъ 14 іюня о занятіи придунайскихъ княжествъ въ видѣ «матеріальнаго залога» исполненія русскихъ требованій, даже вступленіе русскихъ войскъ въ княжества не вызвали со стороны западныхъ державъ такого противодѣйствія, которое могло бы ослабить эту увѣренность.

Негодованіе европейской либеральной буржуазіи.

Но то, чего не сдѣлали правительства, сдѣлало общественное мнѣніе, вліяніе европейской либеральной буржуазіи, видѣвшей въ императорѣ Николаѣ своего опаснѣйшаго и непримиримаго врага. Едва ли не намѣренное (со стороны Наполеона) опубликованіе вѣнской ноты вызвало взрывъ негодованія въ общественныхъ кругахъ Франціи и Англіи. Этотъ случайный поводъ выяснилъ истинное положеніе вещей. Въ нижней палатѣ оппозиція воспользовалась общимъ настроеніемъ, чтобы заставить лорда Эбердина удалиться отъ власти; его уступчивостью Россіи были къ тому же воз-

мущены не только виги, но и влiятельные консервативные сторонники традицiонной англiйской политики сохраненiя Турцiи отъ покушенiй Россiи, какъ грозящихъ интересамъ Англiи на морскихъ путяхъ. Въ кабинетъ вновь вступилъ лордъ Пальмерстонъ, яркiй выразитель этихъ взглядовъ. Во Францiи общественное мнѣнiе было рѣзко враждебно русскому императору, какъ представителю абсолютизма и реакцiи; противодѣйствiе его планамъ сдѣлалось общественнымъ требованiемъ совершенно независимо отъ ихъ существа. Для Францiи восточный кризисъ былъ предлогомъ къ рѣшенiю главнаго вопроса европейской политики. Въ то же время выяснилось, что Австрiя отнюдь не склонна изъ «благодарности» жертвовать своими интересами на Дунаѣ. Даже руководящiе прусскiе дѣятели (военный министръ Бонинъ и лондонскiй посолъ Бунзенъ) высказывались противъ союза съ Россiей при текущихъ осложненiяхъ на Востокѣ. Въ сентябрѣ 1853 г. императоръ Николай лично видѣлся съ австрiйскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ; ему не только не удалось заключить съ ними союза, но нейтралитетъ ихъ пришлось обезпечить обязательствомъ не переходить черезъ Дунай.

Начало Крымской войны.

Теперь уже дипломатiя морскихъ державъ могла обѣщать Турцiи поддержку. Побуждаемая, съ одной стороны, ими, а съ другой— серьезнымъ движенiемъ среди мусульманъ, требовавшихъ войны съ Россiей, Порта въ концѣ сентября предъявила ультиматумъ объ очищенiи придунайскихъ княжествъ. Въ серединѣ октября Николай Павловичъ обнародовалъ манифестъ о войнѣ, и борьба началась.

15 ноября Францiя и Англiя подписали договоръ съ Турцiей, по которому обязались оказать ей вооруженную помощь, если Россiя будетъ настаивать на своемъ требованiи относительно православной райи. Соединенный англо-французскiй флотъ получилъ приказъ вступить въ Босфоръ. Черезъ три дня адмиралъ Нахимовъ въ отвѣтъ на это уничтожилъ турецкiй флотъ при Синопѣ. Въ Англiи и Францiи этому дѣйствiю придали характеръ вызова. Англiйскiй флотъ вступилъ въ Черное море. Дипломатическiя сношенiя съ Россiей были прерваны. Въ мартѣ Францiя и Англiя подписали оборонительный и наступательный союзный договоръ съ Турцiей и объявили Россiи войну. 29 марта морскiя державы заключили соглашенiе о гарантiи Турцiи противъ Россiи въ связи съ сохраненiемъ европейскаго равновѣсiя; этимъ договоромъ уже предрѣшался парижскiй трактатъ. Тогда же и обѣ германскихъ дер-

жавы заключили оборонительный союзъ о взаимной гарантіи неприкосновенности ихъ территорій и объ общихъ дѣйствіяхъ противъ Россіи въ случаѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы или присоединенія придунайскихъ княжествъ. 2 іюня Австрія дополнила этотъ договоръ соглашеніемъ съ Турціей о занятіи княжествъ австрійскими войсками.

Попытка Россіи покончить съ Турціей вызвала коалицію всей Европы. Первая половина XIX вѣка въ исторіи восточнаго вопроса заканчивалась войной, которая имѣла цѣлью и результатомъ сохраненіе Оттоманской имперіи, какъ фактора европейскаго равновѣсія.

Л. Гальберштадтъ.

Восточный вопросъ (1854—1878).

I.

Парижскій миръ.

Севастопольская война.

Севастопольская война началась изъ-за спора о «святыхъ мѣстахъ». Но мы тщетно стали бы искать «святыхъ мѣстъ» въ тѣхъ переговорахъ, которые привели въ 1856 г. къ заключенію мира. Въ основаніе этого мира легли такъ называемыя «четыре гарантіи», выставленныя вѣнскими нотами 8 августа 1854 г. Лишь послѣдняя изъ этихъ гарантій касается вопроса, вызвавшаго войну,—притомъ касается въ самой общей формѣ: рѣчь здѣсь идетъ о правѣ русскаго императора быть опекуномъ православныхъ подданныхъ султана. Главная же изъ «гарантій», третья, говоритъ о вопросѣ, «святымъ мѣстамъ» и вообще религіи совершенно постороннемъ: о пересмотрѣ лондонскаго трактата 1841 г. касательно права плаванія въ *проливахъ*, Босфорѣ и Дарданеллахъ. Когда начинали войну, о проливахъ не говорили ни слова. Когда пришлось ее кончать, говорили только о нихъ и, по связи съ ними, о Черномъ морѣ. При чемъ разговоры оказались такими сложными, что миръ могъ быть заключенъ лишь спустя годъ послѣ того, какъ представители воюющихъ сторонъ впервые обмѣнялись своими мнѣніями объ условіяхъ этого мира.

Къ веснѣ 1855 г. и въ Петербургѣ и въ Парижѣ одинаково стали привыкать къ мысли, что война кончится, можетъ-быть, въ ничью. Осада Севастополя длилась уже шестой мѣсяцъ, безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ. На парижскихъ бульварахъ громко говорили, что Севастополя «никогда не возьмутъ»,

Пособія. *Татищевъ.* «Александръ II». СПБ. 1901, 2 тт. *Горяиновъ.* «Босфоръ и Дарданеллы». СПБ. 1907 (есть франц. изданіе 1910 г., которымъ мы и пользовались). *Charles-Roux.* «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III». Paris. 1913. *Hanotaux.* «Histoire de la France contemporaine», v. IV, 1908.

и, чтобы прекратить эти разговоры, пришлось прибѣгать къ полицейскимъ репрессіямъ. Мира единодушно желали всѣ, а такъ какъ императора Николая I считали главнымъ виновникомъ войны и главной помѣхой миру, смерть этого государя вызвала въ Парижѣ необычайное ликованіе. Биржевые курсы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ непрерывно падавшіе, отмѣтили это извѣстіе скачкомъ кверху, рѣдкимъ въ биржевыхъ лѣтописяхъ: рента выиграла въ одинъ день 3 франка, а Credit mobilier — цѣлыхъ 52. Что въ основѣ настроенія лежали именно надежды на миръ, показываетъ одновременный подъемъ *русскихъ* цѣнностей. Всѣ и все покупали — никто не хотѣлъ продавать.

Переговоры о мирѣ.

Въ этомъ настроеніи было много наивнаго. Прежде всего Николай I вовсе не былъ главнымъ препятствіемъ къ миру—какъ не былъ онъ и виновникомъ войны, по крайней мѣрѣ, непосредственнымъ [1]). Уже 28 ноября предшествующаго 1854 года русское правительство выразило согласіе вести переговоры на основѣ «четырехъ гарантій». За нѣсколько дней до смерти Николай подписалъ полномочія русскихъ представителей на конференціи, которая должна была открытся въ Вѣнѣ, тогда юридически еще нейтральной, хотя уже съ декабря 1854 г. Австрія была связана съ осаждавшими Севастополь державами формальнымъ союзомъ. Инструкціи этихъ уполномоченныхъ, столь знаменитаго впослѣдствіи кн. А. М. Горчакова и Титова, не были измѣнены Александромъ II ни въ одномъ словѣ; переговоры должны были начаться на основаніяхъ, утвержденныхъ Николаемъ I. Но эти основанія отнюдь не гарантировали быстраго заключенія мира. Русское правительство соглашалось, правда, почти безъ споровъ, на все — за исключеніемъ одного пункта: вопроса о проливахъ. Но его противники не собирались говорить ни о чемъ другомъ; все остальное въ ихъ глазахъ были мелочи. И въ то время, какъ въ Петербургѣ — на этотъ разъ наивность была съ его стороны— разсчитывали держаться въ вопросѣ о конвенціяхъ 1841 г. на оборонѣ, «морскія державы» твердо рѣшили вести въ этомъ пунктѣ самую энергичную дипломатическую атаку. Отказаться отъ *города* Севастополя, разъ онъ обходился черезчуръ дорого, это было возможно. Для поддержанія престижа власти можно было тащить въ судъ исправительной полиціи посѣтителей бульварныхъ кафе, сомнѣвавшихся въ конечномъ успѣхѣ французскаго оружія:

---

[1]) См. *Edm. Bapst.* «Ses origines de la guerre de Crimée». Paris. 1912.

но такія же точно сомнѣнія можно было встрѣтить въ дѣловой перепискѣ людей, заправлявшихъ внѣшней политикой Франціи, и даже въ частныхъ бесѣдахъ самого императора французовъ. Отъ военнаго тріумфа соглашались отказаться, но лишь въ обмѣнъ на полную дипломатическую побѣду. Городъ Севастополь могъ остаться въ русскихъ рукахъ и незапятнаннымъ вступленіемъ вражскихъ войскъ въ его стѣны. Но оставить на Черномъ морѣ флотъ, которому этотъ городъ служилъ базой, значило попросту признаться въ своемъ пораженіи, а союзники отнюдь еще не были въ такой крайности.

Ккъ мысли о крайности не хотѣли привыкнуть, однакоже, и въ Петербургѣ. Тому, кто диктовалъ инструкціи кн. Горчакову, очевидно, и въ голову не приходило, что Россіи придется уступатъ что-нибудь свое, кровное. При нѣкоторой внимательности, похоронный звонъ черноморскому флоту можно было услыхать еще за два мѣсяца до открытія вѣнскихъ конференцій, въ январѣ 1855 г. «Я не понимаю, — говорилъ тогда австрійскій премьеръ, гр. Буоль, тому же кн. Горчакову,—въ чемъ смыслъ того громаднаго флота, который вы держите на Черномъ морѣ? По трактатамъ, это море — закрытое озеро; это тюрьма для вашихъ кораблей и въ то же время это постоянная угроза Турціи и постоянный поводъ для недовѣрія къ вамъ со стороны Европы. Разъ вы не хотите завоевывать Турціи [1]), какой вамъ расчетъ держать безъ употребленія такія силы? Русскій императоръ, конечно, хозяинъ своего флота, онъ можетъ держать сколько ему угодно кораблей въ любомъ изъ своихъ портовъ, но не выгоднѣе ли было бы для него обезпечить своимъ военнымъ судамъ свободный проходъ черезъ Дарданеллы, а въ обмѣнъ на это успокоить опасенія Европы, возбужденной чрезмѣрнымъ скопленіемъ силъ въ Севастополѣ?» Въ Петербургѣ услыхали изо всей этой тирады то, что желали слышать. Буоль предлагаетъ открыть проливы, закрытые лондонскими конвенціями 1841 г.? Отлично: Горчакову дается полномочіе согласиться на открытіе проливовъ для всѣхъ флаговъ, не исключая, понятно, и русскаго. Такъ какъ проливы принадлежали Турціи, то въ сущности это была торговля правами султана. Но не спрашиваться же этого послѣдняго, когда

---

[1]) Тутъ было не безъ ироніи со стороны Буоля, конечно: имп. Николай постоянно съ аффектаціей заявлялъ, что у султана нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ Россія.

рѣчь идетъ объ интересахъ Россіи съ одной стороны, Англіи и Франціи—съ другой? Когда Горчаковъ выступилъ на конференціи въ духѣ своихъ инструкцій, собесѣдники Россіи поняли, что онъ тугъ на ухо, и что съ нимъ нужно говорить громче и яснѣе. Болѣе другихъ живой и нетерпѣливый французскій уполномоченный произнесъ слова: «нейтрализація Чернаго моря». Горчакову и его товарищу это показалось шуткой—и такъ какъ не отставать же имъ было въ остроуміи отъ француза, они предложили со своей стороны нейтрализацію Средиземнаго моря. Видя такую непонятливость, подоспѣвшій тѣмъ временемъ на конференцію французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люисъ, заговорилъ языкомъ, почти уже не дипломатическимъ. «У васъ нѣтъ теперь флота на Черномъ морѣ,—говорилъ онъ.—Тамъ господствуемъ теперь мы. Отъ насъ зависитъ, позволимъ мы вамъ снова завести тамъ флотъ или нѣтъ и на какихъ условіяхъ». Горчаковъ отказался обсуждать подобный вопросъ, но телеграфировалъ въ Петербургъ о такомъ, совершенно неожиданномъ, по его мнѣнію, оборотѣ дѣла. Изъ Петербурга отвѣтили, что никакого умаленія державныхъ правъ россійскаго императора въ какой бы то ни было части его владѣній допущено быть, разумѣется, не можетъ. При этомъ вспомнили о традиціонной дружбѣ Россіи къ Турціи—хотя, въ настоящую минуту, она коварствомъ «морскихъ державъ» и была вовлечена въ войну съ Россіей — и указали на то, что нейтрализація Чернаго моря угрожаетъ великими бѣдами независимости султана. Логически обосновать этотъ послѣдній пассажъ — что отъ исчезновенія русскаго черноморскаго флота султану можетъ грозить бѣда—было бы, вѣроятно, не легко кн. Горчакову. Но его собесѣдники и не потребовали отъ него такого усилія. Услыхавъ петербургскій отвѣтъ, Друэнъ де-Люисъ заявилъ, что больше ему нечего дѣлать въ Вѣнѣ; и къ нему всецѣло присоединился его англійскій коллега, лордъ Россель. Кн. Горчаковъ внесъ еще нѣсколько проектовъ, но наслаждаться ихъ безподобной французской прозой (Горчаковъ, какъ стилистъ, высоко цѣнился въ тогдашнемъ дипломатическомъ мірѣ, и еще выше самъ себя цѣнилъ) могли уже только австрійцы—въ качествѣ хозяевъ стѣснявшіеся уйти изъ комнаты раньше гостя. Горчаковъ долго надѣялся, что французы и англичане придутъ въ себя, поймутъ, какую они предлагали дикость, и заговорятъ разумно. Но время шло, и съ каждою недѣлей становилось все яснѣе, что Наполеонъ III окончательно оставилъ дипломатическую

кампанію, и съ удвоенной энергіей принялся за продолженіе военной. Вмѣсто Друэнъ де-Люиса главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ оказался генералъ Пелисье, въ концѣ мая овладѣвшій подступами къ Малахову кургану, а въ началѣ іюня штурмовавшій и самый курганъ, на первый разъ неудачно. Въ теченіе іюня вѣнскія конференціи умерли естественною смертью, а въ концѣ іюля другой кн. Горчаковъ, главнокомандующій въ Крыму, получилъ знаменитый приказъ: «сдѣлать что-нибудь рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ». Результатомъ было сраженіе на Черной рѣчкѣ (4 августа) и новый штурмъ Малахова кургана французами, на этотъ разъ для нихъ успѣшный (27 числа). Двѣ ночи спустя, пассажиры поѣзда, шедшаго изъ Ліона въ Парижъ, были свидѣтелями рѣдкаго зрѣлища: они видѣли иллюминацію всей Франціи. Не было деревни, которая не зажгла бы плошекъ по случаю взятія Севастополя. Ужасная бойня кончилась въ августѣ тѣмъ, на что почти уже потеряли всякую надежду въ мартѣ: военной побѣдой союзниковъ. Новые мирные переговоры были неизбѣжны—за ликованіемъ французовъ опять скрывалась именно надежда на миръ. Но теперь они, очевидно, должны были принять другой оборотъ и иной характеръ.

Паденіе Севастополя.

Въ то время, какъ французы ликовали, исполненные радостной надежды на миръ, ихъ союзники по ту сторону Ламанша хмурились. Причиной было не только задѣтое военное самолюбіе: день 27 августа для англичанъ былъ несчастнымъ; «французы взяли Малаховъ и утвердились на немъ,—телеграфировалъ англійскій главнокомандующій,—мы атаковали Реданъ [1]), но были отбиты». Но еще за двѣ недѣли до этого событія лордъ Пальмерстонъ писалъ своему брату: «Паденіе Севастополя приближается. Когда это случится, возникнетъ новая опасность—*опасность мира, а не войны.* Австрія постарается навязать миръ недостаточный».

По обыкновенію англійскихъ государственныхъ людей, Пальмерстонъ лучше умѣлъ схватить положеніе, чѣмъ объяснить его. Опасность грозила не со стороны Австріи, она была ближе. Англіи нужно было уничтожить Россію, какъ морскую державу; всякій миръ, который, уничтоживъ черноморскій флотъ, оставилъ бы въ неприкосновенности балтійскій, былъ для нея «недостаточнымъ». Англійская свободная торговля и русскій протекціонизмъ сталкивались всюду, гдѣ была русская таможенная линія; пужно

[1]) «Реданомъ» союзники называли *третій* бастіонъ.

было, чтобы таможенный барьеръ былъ сломанъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно пониженъ, чтобы отношенія между двумя странами стали, если не дружественными, то хотя бы сносными. Это потомъ и сдѣлалъ русскій тарифъ 1857 г., - дипломатическая подготовка котораго совершенно не выяснена, но политическое значеніе внѣ сомнѣній. Интересы Франціи и Россіи сталкивались, наоборотъ, только на Ближнемъ Востокѣ; съ устраненіемъ этого конфликта (экономическія причины его мы увидимъ скоро ниже, въ другой связи), имъ нечего было больше дѣлать. Послѣ паденія Севастополя, Россія не только переставала быть для Наполеона III врагомъ — она становилась желанной союзницей. А для того, чтобы она оставалась союзницей цѣнной, нужно было, чтобы она продолжала быть великой державой. Ее не только не нужно было добивать «до конца», ей нужно было предоставить всѣ средства оправиться. А приручивъ ее, сблизившись съ ней, можно было отказаться даже отъ тѣхъ требованій относительно Чернаго моря, на которыхъ именно Франція настаивала теперь такъ ультимативно (Англія соглашалась оставить Россіи нѣсколько военныхъ кораблей на Черномъ морѣ, но въ количествѣ, совершенно безобидномъ даже для Турціи). «Часто бываетъ такъ, что именно то государство, которое потребовало ограниченія силъ, первое же потребуетъ потомъ и отмѣны этого ограниченія», писалъ Горчакову гр. Морни въ ноябрѣ 1855 г. черезъ своего корреспондента, завлекая Александра II поскорѣе заключить миръ съ Франціей.

Гр. Морни этихъ дней былъ въ высшей степени символической фигурой. Офиціально онъ былъ вторымъ лицомъ въ имперіи; 2 декабря—фактически онъ былъ, пожалуй, первымъ. Гораздо болѣе умный, чѣмъ его братъ [1]), несвязанный формально принадлежностью къ династіи Бонапартовъ (благодаря незаконности своего рожденія, онъ не былъ даже принцемъ), онъ служилъ для этой династіи прочной связью и учрежденіемъ, уже тогда начинавшимъ играть роль мозга и сердца Франціи: парижской биржей. Характерно, что, какъ представитель биржевыхъ интересовъ, Морни былъ противъ Крымской войны. Парижская биржа уже тогда видѣла передъ собою перспективы, гораздо болѣе широкія, чѣмъ отвоеваніе у Россіи какого-то турецкаго рынка. Наполе-

---

[1]) Морни былъ незаконнымъ сыномъ королевы Гортензіи, матери Наполеона III.

онъ III началъ эту войну вопреки *будущимъ* — и очень близкаго будущаго!—интересамъ французскаго банковаго капитала, отчасти потому, что ему приходилось выбирать между союзомъ съ Россіей и союзомъ съ Англіей, стоявшей накануне войны съ Россіей уже 20 лѣтъ, отчасти подчиняясь традиціямъ французской торговли въ Левантѣ, уже тогда старѣвшимъ, но не устарѣвшимъ окончательно, однако, даже и теперь. Въ то время жизненность этихъ традицій достаточно подчеркивалась тѣмъ, что и Крымская война не положила предѣла французскому движенію на Ближній Востокъ: предѣльнымъ пунктомъ было прорытіе Суэцкаго канала. Предвидѣлъ ли Морни, что Россія когда-нибудь будетъ лучшимъ рудникомъ для французскаго капитализма, чѣмъ когда-либо была и могла быть левантская торговля? Слово «рудникъ» какъ разъ попадается въ его перепискѣ, но, правда, онъ говорилъ о рудникѣ дипломатическомъ. Не было, однако, необходимости видѣть на сорокъ лѣтъ впередъ, чтобы оцѣнить значеніе Россіи въ начинавшейся дипломатической игрѣ Франціи, — игрѣ широкаго стиля, вполнѣ заслуживавшей имени «имперіализма». Въ этой игрѣ конфликтъ съ Австріей можно было предвидѣть съ первыхъ же шаговъ, а конфликтъ съ Пруссіей составлялъ фонъ всей картины. Теперь не можетъ быть сомнѣнія — мы это увидимъ подробнѣе ниже, — что франко-прусская война была рѣшена, въ Парижѣ, уже въ 1863 г. Въ 1855 г. дѣло было далеко отъ такой степени зрѣлости, но чтобы видѣть впередъ на 8 лѣтъ, не нужно сверхъестественной дальнозоркости. Какъ бы то ни было, когда Горчаковъ, все еще не разстававшійся со своею мыслью, что французы одумаются, нашелъ ходъ къ Морни и завязалъ съ нимъ переписку, его встрѣтили такъ любезно, какъ онъ даже и не ожидалъ. Правда, насчетъ черноморскаго флота не было болѣе никакихъ надеждъ, но вѣдь и самого флота болѣе не существовало: другой Горчаковъ утопилъ послѣдніе его остатки, эвакуируя Севастополь. А на возрожденіе его, въ не слишкомъ отдаленномъ будущемъ, подавалъ надежды, какъ мы видѣли, самъ Морни. Во всякомъ случаѣ, въ союзѣ съ Франціей этого было легче добиться, чѣмъ противъ нея. Переписка—ведшаяся необыкновенно характерно, въ конвертахъ банкирскаго дома Эскемсъ, представлявшаго интересы французскаго капитала въ Австріи и связаннаго съ Морни именно черезъ парижскую биржу—была, повидимому, на превосходномъ пути. Такъ казалось и Горчакову.

Но въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ, біеніе европейскаго пульса чувствовалось, очевидно, явственнѣе, чѣмъ «во глубинѣ Россіи», гдѣ былъ въ это время его государь. Когда пришли, черезъ Горчакова, предложенія Морни, Александръ Николаевичъ былъ въ Николаевѣ и смотрѣлъ свою южную армію. «Военная обстановка,—разсказываетъ дипломатическій историкъ этихъ событій,—подняла въ императорѣ воинственное одушевленіе; тутъ же, кстати, пришло извѣстіе о взятіи русскими войсками Карса — первый крупный успѣхъ послѣ длиннаго ряда неудачъ. Рѣшено было воевать «до конца». Переписка Морни съ Горчаковымъ продолжалась, по не имѣла уже болѣе вліянія на ходъ дѣла. Роль «кузнеца мира» досталась на долю Австріи.

Австрійскій ультиматумъ.

Австрія такъ долго размахивала мечомъ, не вступая въ бой, что у всѣхъ, наконецъ, явилось убѣжденіе, что драться она вовсе не желаетъ и что мечъ—картонный. Правительство Франца-Іосифа время отъ времени давало осязательныя доказательства правильности этого взгляда, распуская резервистовъ — для того, чтобы снова ихъ созвать черезъ нѣсколько недѣль. Особенно глубоко было убѣжденіе въ безобидности воинственныхъ манифестацій Австріи у кн. Горчакова,—а въ ноябрѣ, когда наладилась его переписка съ Морни, онъ, можно сказать, и «думать забылъ», что Австрія вѣдь тоже союзница «морскихъ державъ». Это очень облегчало представителямъ послѣднихъ ихъ дипломатическіе ходы. Австріи миръ былъ нуженъ больше, чѣмъ кому бы то ни было, въ виду ея неустойчиваго финансоваго положенія: между тѣмъ постоянныя мобилизаціи и демобилизаціи стоили денегъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы убѣдить Австрію, что легче всего она можетъ добиться заключенія мира, объявивъ Россіи войну, или, по крайней мѣрѣ, серьезно пригрозивъ этимъ. Французскому посланнику въ Вѣнѣ, Буркенэ, и австрійскому въ Парижѣ, Гюбнеру, удалось, наконецъ, разъяснить вѣнскому кабинету, что настоящимъ образомъ воевать Австрію не заставятъ, что надо лишь со своимъ картоннымъ мечемъ подойти чуть-чуть поближе къ русской границѣ, дабы обратить на себя вниманіе. Когда Буоль и его государь это поняли, переговоры пошли болѣе ходко. Отъ кн. Горчакова они держались въ строжайшемъ секретѣ. Буоль занималъ его разговорами на общія темы, и Буркенэ ликовалъ въ своихъ донесеніяхъ парижскому двору: «Когда истина выйдетъ изъ облака, она явится ударомъ молніи для кн. Горчакова!» Нужно сказать, однако, что физикамъ

едва ли когда приходилось наблюдать электрическій разрядъ такой медленности. Текстъ ультиматума, который Австрія должна была предъявить Россіи, былъ окончательно установленъ 14 ноября 1855 г. Австрійскій посланникъ, Эстергази, привезъ его въ Петербургъ 27 декабря, а срокъ, въ немъ поставленный, истекалъ 18 января 1856 г.[1]). Уже одна эта медленность должна была бы показать русскому правительству, что дѣло не такъ серьезно, какъ кажется. Объявлять войну за мѣсяцъ до возможнаго начала военныхъ дѣйствій, это почти то же, что заблаговременно извѣщать объ имѣющемъ на-дняхъ быть пожарѣ, какъ требовалъ одинъ петербургскій полицмейстеръ XVIII вѣка. Но кліетизмъ, въ который впалъ петербургскій кабинетъ именно относительно Австріи, сдѣлалъ то, что въ первую минуту Петербургъ растерялся отъ неожиданности. Роль же рѣшительнаго удара сыгралъ даже не столько австрійскій ультиматумъ, сколько письмо прусскаго короля къ Александру II, полученное послѣднимъ за день, за два до офиціальнаго обсужденія ультиматума. Письмо не оставляло сомнѣній, что Пруссія—единственная, на кого еще можно было разсчитывать — не только не окажетъ поддержки Россіи, но даже едва ли сохранитъ дружественный Россіи нейтралитетъ. Послѣ этого, на семейномъ совѣтѣ у императрицы-матери, рѣшено было подчиниться ультиматуму. Знаменитое совѣщаніе $^{3}/_{15}$ января лишь офиціально закрѣпило это рѣшеніе.

Австрійскій ультиматумъ содержалъ въ себѣ упоминавшіяся выше «четыре гарантіи»: 1) замѣна русскаго «покровительства» Сербіи и Молдо-Валахіи международнымъ; 2) свобода плаванія по Дунаю, устья котораго тогда принадлежали еще Россіи; 3) нейтрализаціи Чернаго моря, какъ говорили теперь уже откровенно, взамѣнъ прежняго иносказанія «пересмотръ трактатовъ 1841 г.»; 4) отказъ Россіи отъ исключительнаго права покровительствовать православнымъ подданнымъ султана, съ замѣною опять-таки этого спеціально русскаго «покровительства» международнымъ, но и двумя отягчающими условіями. Въ Вѣнѣ, до паденія Севастополя, никто не посягалъ на неприкосновенность русской территоріи: теперь отъ Россіи требовали уступки части Бессарабіи, именно той, которая прилегала къ Дунаю, Молдавіи. Не довольствовались *обѣщаніемъ* Россіи не мѣшать плаванію по Дунаю—

---

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

хотѣли поставить ее въ *фактическую* невозможность чинить этому плаванію какія-либо препятствія. А во-вторыхъ, сверхъ всѣхъ этихъ опредѣленныхъ условій, воюющія съ Россіей державы выговаривали себѣ право предъявить на конгрессѣ новыя, опредѣлить которыя онѣ теперь затруднялись. Этотъ послѣдній пунктъ звучалъ особенно грозно. Принять его значило, въ сущности, сдаться на милость и на низость побѣдителя—притомъ побѣдителя, не одержавшаго еще ни одной побѣды надъ русскими войсками. Подчиненіе Россіи даже и этому пункту лучше всего характеризуетъ то душевное смятеніе, въ которое былъ повергнутъ Петербургъ—письмомъ прусскаго короля еще гораздо болѣе, чѣмъ австрійскимъ ультиматумомъ. Надъ головой Россіи былъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ. Какъ бы далеко ни пошла она въ своихъ уступкахъ, въ послѣднюю минуту могло быть выдвинуто условіе, абсолютно непріемлемое—и война началась бы снова. Очевидно, что этотъ пунктъ могъ быть вставленъ лишь людьми, мира, въ сущности, не желавшими. Такъ оно и было: «пятый» пунктъ, какъ его обычно называли (хотя по счету онъ, собственно, шестой) былъ внесенъ по настоянію Англіи, не представлявшей себѣ мира, пока былъ цѣлъ балтійскій флотъ. Но воспользовался этимъ англійскимъ изобрѣтеніемъ, исключительно въ свою пользу, Наполеонъ III.

Парижскій конгрессъ.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, Наполеонъ имѣлъ твердое намѣреніе не только заключить миръ, но и сдѣлать Россію своей союзницей. Еще въ ноябрѣ ему случилось обмолвиться, въ одномъ интимномъ разговорѣ, что онъ охотно отдалъ бы четыре пальца своей руки для достиженія этой цѣли. Теперь ему не нужно было жертвовать даже мизинцемъ — его игра была выиграна. На парижскомъ конгрессѣ, который открылся 13—25 февраля 1856 г., императоръ французовъ вполнѣ опредѣленно взялъ себѣ роль адвоката Россіи. Когда русскіе уполномоченные, гр. Орловъ и бар. Брунновъ, явились въ Парижъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ петербургской паники и заранѣе терроризованные грознымъ «пятымъ пунктомъ», они испытали пріятнѣйшее въ мірѣ разочарованіе. Тотъ, кто держалъ въ рукахъ громы войны, чья армія взяла Севастополь, не только не былъ расположенъ «унижать» и «грабить» Россію, но, наоборотъ, шелъ къ ней навстрѣчу съ распростертыми объятіями. Безъ всякихъ затрудненій онъ объявилъ Орлову, что идетъ съ англичанами лишь до извѣстнаго

предѣла, и предѣлъ этотъ оказался весьма близкимъ. Какъ только англичане начинали жать русскихъ, Орловъ бѣжалъ въ Тюильри, получалъ «частную аудіенцію» — и на другой же день предсѣдательствовавшій на конгрессѣ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Валевскій, оказывался «болѣе русскимъ, чѣмъ самъ Орловъ», какъ съ негодованіемъ отмѣчалъ австрійскій посланникъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что, заручившись высокимъ покровительствомъ, Орловъ обращался съ австрійцами болѣе, чѣмъ безцеремонно. Теперь, разъ война не грозила, надо имъ было «дать почувствовать». Въ результатѣ, страшный «пятый пунктъ» свелся — къ запрещенію Россіи воздвигать укрѣпленія на Аландскихъ островахъ... А послѣ конгресса, давая Орлову прощальную аудіенцію, Наполеонъ III, «со слезами на глазахъ», говорилъ ему, что за всѣ свои услуги онъ проситъ одного: «дружбы императора Александра»; таково «желаніе его сердца».

Англичане остались умѣренно довольными парижскимъ трактатомъ 18—30 марта 1856 г. Они громко выражали свое сожалѣніе, что не согласились на предложеніе австрійцевъ — устроить конгрессъ въ Вѣнѣ. Но «дружба» съ императоромъ Александромъ II формально вовсе не упраздняла англо-французскаго союза. Напротивъ, исторія этого союза, всего двѣ недѣли спустя послѣ подписанія мирнаго договора, обогатилась новымъ документомъ. 3—15 апрѣля Франція, Австрія и Англія подписала соглашеніе, которымъ онѣ сообща гарантировали неприкосновенность Оттоманской имперіи и заявляли, что будутъ считать casus belli всякую попытку Россіи нарушить парижскій трактатъ. Въ Петербургѣ были очень обижены этой конвенціей и видѣли въ ней доказательства неискренности Наполеона III. На самомъ дѣлѣ тутъ отражалась лишь внутренняя противорѣчивость франко-англійскихъ отношеній на Ближнемъ Востокѣ. Именно то, что дѣлало Францію союзницей Англіи въ этихъ мѣстахъ, составляло подводный камень, который постоянно угрожалъ англо-французскому союзу, какъ бы ни лавировала около этого камня англо-французская дипломатія.

Роль Франціи о восточномъ вопросѣ.

Мы до такой степени привыкли видѣть во Франціи прежде всего банковую страну, промышленный вывозъ которой ничтоженъ и во внѣшней политикѣ которой интересы обрабатывающей промышленности играютъ ничтожную роль, что намъ нужно нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы представить себѣ имперію Наполеона III въ дни ея расцвѣта. Нѣсколько цифръ помогутъ

намъ въ этомъ случаѣ. Вотъ какъ развивался вывозъ Франціи въ турецкія владѣнія въ теченіе XIX в.:

Десятилѣтія.	Средн. годичн. вывозъ въ милліон. франковъ:
1827—36	22,2
1847—56	80,9
1867—76	233,1

За пятьдесятъ лѣтъ французскій экспортъ въ Турцію выросъ слишкомъ въ 10 разъ! При этомъ за первое двадцатилѣтіе онъ увеличился почти въ четыре раза — за второе менѣе, чѣмъ втрое. Потомъ онъ совсѣмъ пересталъ расти, и десятилѣтіе 1887—1896 г. даетъ намъ средство всего 159, 8 милл. фр., въ полтора раза почти меньше средней 1867—76 гг. Но въ 60 годахъ вывозъ Франціи не только абсолютно, для нея самой, но и относительно, рядомъ съ другими странами, занималъ очень видное мѣсто. Въ 1863 г. Англія ввезла въ Турцію товаровъ на 130 милл. фр., Франція—на 90, Австро-Германія (тогда существовалъ вѣдь еще Германскій союзъ)—на 32, Голландія—на 30, остальныя европейскія страны не болѣе, чѣмъ на 10[1]). *Соперницею Англіи на турецкомъ рынкѣ была, такимъ образомъ, не Австро-Германія, какъ въ настоящее время*[2]), *но Франція*. Это объясняетъ намъ, почему Франція не могла отнестись равнодушно къ наступленію русскаго имперіализма на Константинополь при Николаѣ Павловичѣ, и почему не только Наполеонъ III долженъ былъ явиться непремѣннымъ участникомъ Крымской войны, но уже и представители монархіи Людовика-Филиппа всегда занимали въ Константинополѣ позицію, рѣзко-враждебную Россіи (напр., адмиралъ Руссэнъ въ 1833 г.). Но это же объясняетъ намъ и ту ревнивую подозрительность, которая окрашиваетъ всѣ отношенія двухъ «союзницъ» и до, и послѣ, и даже во время Крымской кампаніи. Яркимъ примѣромъ служитъ исторія крупнѣйшаго—и тѣсно связаннаго съ только что отмѣченными экономическими фактами—предпріятія Франціи на Востокѣ — *Суэцкаго канала*.

---

[1]) Цифры взяты нами изъ книги *A. Martineau*. «Le commerce français dans le Levant». Paris—Lyon. 1902, pp. 23 et 27.

[2]) Въ 1908—9 гг. Англія ввезла въ Турцію на 214 милл. фр., Австро-Венгрія—на 94 милл. фр., Германія—на 44, Франція—на 76. См. *Vehab*. «Situation ékonomique de la Turquie d'Europe». Lille. 1912.

Суэцкій каналъ.

Первые практическіе шаги къ осуществленію грандіознаго плана Фреминанда Лессепса падаютъ какъ разъ на самый разгаръ севастопольской осады. Въ маѣ 1855 г., когда Пелисье готовился брать Камчатскій люнетъ, Лессепсъ могъ отмѣтить первый успѣхъ своего дѣла въ Константинополѣ: этимъ успѣхомъ было паденіе англофильскаго великаго визиря, Решидъ-паши, орудія англійскаго посланника, Стрэтфорда Редклифа. И на этотъ разъ, какъ подъ Севастополемъ, французамъ везло больше, чѣмъ англичанамъ. Предварительныя техническія изысканія были окончены почти одновременно съ подписаніемъ парижскаго мира. Весною слѣдующаго года Люссепсъ рѣшилъ поставить дѣло уже на коммерческую почву и обратился съ воззваніемъ по этому поводу, между прочимъ, и къ англійскому купечеству. Рядъ англійскихъ торговыхъ палатъ (Манчестера, Бирмингама, Ньюкэстля, Ливерпуля и др.) рѣшили оказать поддержку иниціативѣ французскаго инженера. Но глава англійскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ, говорилъ въ парламентѣ 17 іюля 1857 г.: «Правительство ея величества, разумѣется, не можетъ предоставить свое вліяніе на султана въ распоряженіе тѣхъ, кто хотѣлъ бы понудить этого послѣдняго дать согласіе на постройку канала: такъ какъ въ теченіе пятнадцати послѣднихъ лѣтъ правительство ея величества все вліяніе, какимъ оно пользуется въ Константинополѣ и Египтѣ, употребляло на то, чтобы помѣшать этому проекту осуществиться». Когда, несмотря на столь опредѣленно заявленную «волю Англіи», компанія все же образовалась и началась подписка на акціи (осень 1858 г.), офиціозъ англійскаго кабинета «Globe» такъ изображалъ это событіе: «главными подписчиками были гарсоны изъ кафе, соблазненные газетами, которыя у нихъ постоянно подъ руками, и приказчики мелочныхъ лавокъ, привыкшіе читать рекламы на обложкѣ своихъ пакетовъ. Сильно пострадало и духовенство. 3.000 носильщиковъ также сложились, чтобы купить акціи. Все это дѣло не что иное, какъ явное обкрадываніе простаковъ»... Но этими натянутыми шутками напрасно хотѣли скрыть чувства, не имѣющія ничего общаго съ веселостью. 6 мая 1861 г. лордъ Карнарвонъ говорилъ въ верхней палатѣ: «Тѣмъ не менѣе (несмотря на сопротивленіе Порты), г. де-Лессепсъ и его компанія продолжаютъ свое дѣло и получили концессію, которая ихъ уполномочиваетъ не только построить каналъ, но и завладѣть полосой земли шириною отъ одной до полуторы мили въ обѣ стороны. Такимъ образомъ, иностранная компанія и *иностранное пра-*

вительство, дѣйствующее черезъ посредство этой компаніи, могутъ стать собственниками широкой полосы земли въ сердце Египта, и такъ какъ эта часть Египта лишена всякихъ укрѣпленій, работы надъ каналомъ, предпринятыя теперь съ чисто коммерческой цѣлью, легко могутъ получить важное стратегическое значеніе». Рѣчь произвела огромное впечатлѣніе, и другой лордъ, Элленборо, уже не обинуясь, заявилъ, что такъ называемые «французскіе рабочіе» въ Суэцѣ это просто-напросто французскій десантный корпусъ, имѣющій задачей отрѣзать сообщенія Англіи съ Индіей.

Послѣднія слова легко могутъ показаться бредомъ, но на общемъ фонѣ преній[1]) они производятъ только впечатлѣнія самой рѣзкой, крикливой ноты — не больше того. Вся дальнѣйшая политика Великобританіи показала, что съ *возможностью* событій, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорили лорды Карнарвонъ и Элленборо, считались всѣ англійскіе политическіе дѣятели, не исключая Гладстона, горячаго защитника идеи Суэцкаго канала. Именно Гладстонъ, оккупаціей Египта въ 1882 г., положилъ конецъ страхамъ по поводу «стратегическаго значенія» канала и довершилъ этимъ дѣло своего предшественника и политическаго противника Дизраэли, сдѣлавшаго Англію экономически хозяйкой начала, путемъ скупки акцій (въ 1877 г.). Имп. Александръ II и кн. Горчаковъ, по словамъ ихъ французскаго историка, «ничего такъ не боялись, какъ возобновленія англо-французскаго союза». Ихъ опасенія были напрасны. Союзъ обѣихъ странъ сталъ снова возможенъ лишь тогда, когда у обѣихъ явился снова общій политическій противникъ, но этотъ противникъ былъ въ то же время противникомъ и Россіи.

II.

Берлинскій конгрессъ.

Франко-русское сближеніе.

Итакъ, Крымская война должна была послужить прологомъ къ франко-русскому союзу. Что касается *русской* стороны этого новаго союза, партнеру Россіи было не на что пожаловаться. Миссія Морни въ Петербургѣ и Москвѣ (онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для присутствованія на коронаціи

---

[1]) Изложеніе ихъ см. въ книгѣ *J. Charles-Roux.* «L'Jslhme et le canal de Suez».

Александра II) заслуживала бы пары страницъ: болѣе характерной *бытовой* дипломатической картинки мы не встрѣтимъ въ русской исторіи. Въ нашемъ, по необходимости сжатомъ, изложеніи для этой картинки нѣтъ мѣста: отсылаемъ читателя къ спеціальной работы по франко-русскимъ отношеніямъ 50—60 годовъ[1]). Достаточно указать на тотъ фактъ, что, вопреки всякому дипломатическому мѣстничеству, посолъ Наполеона III оказался старѣйшиной иностраннаго дипломатическаго корпуса въ Россіи, для чего использовали даже такую случайность, какъ то, что австрійскій посолъ забылъ свои вѣрительныя грамоты въ Вѣнѣ, и процитировать одинъ отзывъ Морни объ имп. Александрѣ II. «Между нами сказать, нельзя быть любезнѣе этого государя. Все, что я узнаю о немъ, объ его семейныхъ отношеніяхъ, объ его друзьяхъ и, я долженъ сказать, объ актахъ его внутренняго управленія, запечатлѣно характеромъ честности, справедливости и даже рыцарскаго духа. Онъ не помнитъ зла, онъ полонъ уваженія къ старымъ слугамъ своего отца, своей династіи, даже, когда они служили плохо. Онъ никого не оскорбляетъ, онъ чрезвычайно вѣренъ своему слову, въ высшей степени добръ; невозможно не подружиться съ нимъ». А кн. Горчаковъ не находилъ конца изліяніямъ, какъ только передъ нимъ былъ французъ; онъ всѣхъ, случайно попадавшихся ему на дорогѣ, французскихъ дипломатовъ подробно посвящалъ въ свою политическую программу, такъ что даже надоѣлъ имъ. А съ Морни онъ бесѣдовалъ не какъ министръ съ посланникомъ (въ качествѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ смѣнилъ Нессельроде тотчасъ послѣ подписанія парижскаго мира), а «какъ два друга», по опредѣленію Морни. Впрочемъ, легкій налетъ ироніи чувствуется на петербургскихъ донесеніяхъ этого представителя династіи Бонапартовъ при парижской биржѣ—или парижской биржи при династіи Бонапартовъ: трудно это опредѣлить точно.

Но если въ Петербургѣ не помнили зла (то-есть Малахова кургана), то тамъ все время твердо держали въ памяти парижскій трактатъ, и еще болѣе твердо — давнее обѣщаніе Морни, что Франція первая заговоритъ объ отмѣнѣ этого трактата, какъ только «добрыя намѣренія» Россіи будутъ внѣ сомнѣнія. Пока дѣло шло о практическомъ выполненіи договора, начатая на парижскомъ конгрессѣ игра продолжалась безукоризненно. Въ ок-

[1]) Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III». Paris. 1913. Сюда относится 2-я книга: «La mission Morny».

тябрѣ 1856 г. англійскій посолъ въ Парижѣ офиціально жаловался Валевскому, что «во всѣхъ спорахъ, мелкихъ или крупныхъ, которые возникаютъ по поводу примѣненія парижскаго трактата, правительство императора (Наполеона III) всегда оказывается на сторонѣ Россіи». Но стоило «восточнымъ дѣламъ» появиться на сценѣ не въ видѣ дипломатическихъ бумагъ, а въ болѣе конкретномъ образѣ, картина мѣнялась. Уже въ январѣ слѣдующаго (1857 г.) возникло *черногорское дѣло*. На парижскомъ конгрессѣ русскіе уполномоченные, стремясь прежде всего доказать своимъ новымъ друзьямъ «благія намѣренія» Россіи, заявили, что эту страну связываютъ съ Черногоріей только «узы взаимной симпатіи»—и ничто болѣе. Но «владыка» и его потомки привыкли жить подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ. Сто лѣтъ жили они подъ покровительствомъ Россіи. Уже наканунѣ Крымской войны они должны были почувствовать, что это покровительство не особенно надежно: въ 1853 г. отъ турецкаго нашествія спасли Черную гору австрійцы, а не русскіе. Теперь эти послѣдніе формально заявляли, что, кромѣ симпатіи, невѣсомой и ни къ чему не обязывающей, они къ Черногоріи ничего не чувствуютъ. Тогда князь Данило отправился на поиски новаго покровителя. Сначала онъ оставался въ колеѣ вѣковыхъ черногорскихъ традицій: коли не русскій царь, такъ турецкій султанъ. Онъ выразилъ согласіе признать сюзеренитетъ Турціи. Но онъ тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что во дворецъ султана можно теперь пробраться только съ разрѣшенія и при помощи французовъ. Посредникомъ между нимъ и Портой явился французскій консулъ въ Скутари, Экаръ, а въ Константинополѣ о «дѣльцѣ» кн. Данилы хлопотали втроемъ, посланники Франціи, Англіи и Австріи, отнюдь не посвящая въ свои разговоры посланника Россіи. Тогда князь Данило понялъ, что, чѣмъ блуждать по проселочнымъ дорогамъ, лучше итти прямо къ цѣли — и, благо онъ лично былъ большимъ поклонникомъ французскаго языка и французской культуры, отправился въ Парижъ искать покровительства непосредственно у Наполеона III.

Извѣстіе о желаніи черногорцевъ «потурчиться» произвело въ Петербургѣ необыкновенно тягостное впечатлѣніе. Впервые въ разговорахъ Горчакова и Морни, вмѣсто меда, почувствовалась желчь. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ вспоминалъ даже Петра Великаго: и тогда будто бы Черногорія была уже подъ протекторатомъ Россіи. Правда, спѣшилъ оговориться собесѣдникъ

Морни, протекторатъ этотъ не политическій, а «скорѣе религіозный или даже рыцарскій (!)», но, тѣмъ не менѣе, мѣнять одного покровителя на другого Черногорія никакъ не должна, безъ согласія прежде всего Россіи: такова была основная мысль Горчакова. Но изъ-подъ этой частной мысли проглядывала болѣе общая. «Вы стараетесь держать насъ въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ», говорилъ онъ Морни. Парижскій трактатъ лишилъ насъ возможности оказывать *матеріальное* давленіе на Турцію силою черноморскаго флота: теперь насъ хотятъ отрѣзать отъ Турціи и *дипломатически* — и хотятъ тѣ самые люди, которые и относительно матеріальной стороны договора 1856 г. намекали, что она не вѣчна. Какая же тутъ возможна дружба?

Имперіалистическая ассоціація «Франція—Англія».

Наполеонъ III не очень дорожилъ такими новыми кліэнтами, какъ князь Данило. Когда въ Парижѣ выяснилась петербургская точка зрѣнія, кн. Данилу встрѣтили въ Тюльерійскомъ дворцѣ какъ нельзя болѣе холодно, и это сразу же подняло до нормальной температуры русско-французскія отношенія. Новое разграниченіе между Черногоріей и Турціей было произведено при ближайшемъ участіи Россіи. Исторія умалчиваетъ, были ли этимъ разграниченіемъ довольны черногорцы, но кн. Горчаковъ былъ доволенъ въ высшей степени. Первый подводный камень на фарвартерѣ новаго союза былъ благополучно обойденъ — бѣда въ томъ, что это былъ *первый* и что за нимъ слѣдовала цѣлая цѣпь рифовъ. Тутъ особенно важенъ одинъ текстъ, который даетъ возможность, прямо и непосредственно, связать политику первыхъ лѣтъ царствованія Александра Николаевича съ имперіалистическими тенденціями политики его отца. «Вотъ вы приготовляете, сообща съ Англіей, экспедицію противъ Китая,—говорилъ Горчаковъ Морни въ одну изъ послѣднихъ ихъ бесѣдъ: — *у насъ тоже есть очень важныя торговыя отношенія въ той сторонѣ*, и мы были бы очень рады, если бы вы посвятили насъ въ ваши проекты и пригласили насъ къ сотрудничеству, въ интересахъ какъ обѣихъ нашихъ странъ, такъ и всѣхъ вообще. Намъ было жаль, что вы не нашли удобнымъ сообщить намъ объ этомъ. Что касается *персидскихъ* дѣлъ, гр. Валевскій постоянно говорилъ гр. Киселеву (русскому послу въ Парижѣ), что ваше правительство всегда будетъ строго нейтрально въ вопросѣ, гдѣ не замѣшанъ никакой его интересъ: и, однако, вы все-таки вмѣшались офиціозно, положимъ, но вмѣшались въ переговоры объ англо-персидскомъ трактатѣ, а использовали все свое вліяніе на Ферукъ-хана (персид-

скаго уполномоченнаго), въ интересахъ англичанъ. И здѣсь намъ тоже было бы пріятно не остаться въ сторонѣ. *У насъ въ Персіи интересы очень жизненные*, мы ей близкіе сосѣди, и мы не можемъ быть равнодушны къ независимости этой страны. Учрежденіе консульствъ (англійскихъ) на Каспійскомъ морѣ есть для насъ вопросъ очень важный и деликатный, и относительно котораго съ нами нужно было бы посовѣтоваться. Впрочемъ, англійское правительство предупредило всякій возможный протестъ съ нашей стороны, предложивъ столковаться съ нами относительно выполненія тѣхъ пунктовъ трактата, которые насъ касаются. Но мы предпочли бы видѣть такую внимательность съ *вашей* стороны».

Имперіализмъ въ одиночку оказался рискованнымъ и привелъ къ неудачѣ. Но отчего же Россіи не предлагаютъ, по крайней мѣрѣ, вступить въ имперіалистическую ассоціацію «Франція—Англія?» Обѣ эти страны собираются, выражаясь мягко, извлекать пользу изъ Китая. Но почему же Россіи не даютъ ея доли? Они уже извлекли кое-какую пользу изъ Персіи. Но гдѣ опять интересы Россіи? А главные интересы Россіи были, конечно, на турецкомъ востокѣ: какъ же можно «держать Россію въ сторонѣ отъ турецкихъ дѣлъ?» Желаніе вступиться снова въ турецкія дѣла проявлялось Горчаковымъ поминутно, и въ такой иногда формѣ, что результаты получались только отрицательные. Въ 1860 г. произошелъ рядъ, обычныхъ для Турціи, христіанскихъ погромовъ въ различныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, въ Босніи, Болгаріи и въ Сиріи, въ ливанскихъ горахъ. Для православныхъ мѣстностей державы ограничились требованіемъ разслѣдованія: но ливанскіе христіане, марониты, были католики, и Франція нашла нужными мѣры, болѣе серьезныя. Въ Сирію долженъ былъ отправиться французскій экспедиціонный корпусъ; Англія на это была согласна. Горчаковъ сейчасъ же выступилъ съ предложеніемъ — обобщить это рѣшеніе и посылать военные отряды всюду, гдѣ только турки обижаютъ христіанъ. Повидимому, Россія не ожидала возраженій — на южной границѣ началась концентрація военныхъ силъ, сейчасъ же обратившая на себя вниманіе англичанъ. Англійскій посолъ въ Петербургѣ офиціально напомнилъ Горчакову о существованіи парижскаго трактата, гарантирующаго неприкосновенность Турціи. Горчаковъ очень обидѣлся, но ничего не нашелся возразить по существу. Французская экспедиція была этимъ инцидентомъ отсрочена на нѣсколько мѣ-

сяцевъ; въ этомъ и былъ единственный результатъ выступленія Россіи. Для положенія вещей, сложившагося на Ближнемъ Востокѣ въ результатѣ Крымской кампаніи, въ высшей степени характерно, конечно, что принципъ неприкосновенности Турціи обнаруживалъ такую эластичность, въ зависимости отъ вѣроисповѣданія подданныхъ султана: разъ это были католики, «неприкосновенность» толковалась крайне либерально, но коль скоро рѣчь шла о православныхъ, «неприкосновенность» тотчасъ же снова принимала неумолимо пуританскій характеръ. Православные, однако, лишь чувствовали на своей спинѣ то «реальное соотношеніе силъ», которое вскрылось подъ Севастополемъ и вылилось въ парижскій трактатъ. Кн. Горчаковъ ставилъ себѣ въ заслугу, что ни разу, за всѣ 60 годы, онъ не поставилъ на очередь отмѣны этого трактата или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе стѣснительныхъ для Россіи его статей; онъ ждалъ, чтобы иниціативу проявили обѣщавшіе ее когда-то французы. Но къ 1870 году онъ долженъ былъ убѣдиться, что съ этого придется все же начать, а лондонскія конференціи 1871 г. должны были убѣдить его, далѣе, что, разъ начавъ, придется пройти и черезъ попытку—возстановить соотношеніе силъ, нарушенное Севастополемъ. Но тутъ «восточный вопросъ» становится совершенно непонятнымъ безъ «вопроса западнаго» — внѣ общей картины международныхъ отношеній Европы 60—70 годовъ. О ней необходимо сказать нѣсколько словъ.

Международныя отношенія 60—70 гг.

Франція 50 и начала 60 гг., приходится еще разъ это повторить, даетъ намъ картину *быстро развивающейся промышленной страны*. Если мы возьмемъ экспортъ французскихъ продуктовъ за пятнадцатилѣтіе 1847 — 1861 гг., эта истина встанетъ передъ нами весьма рельефно:

СТРАНЫ:	Вывозъ франц. продуктовъ (милліон. фун. ст.).		
	1847	1859	1861
Германск. тамож. союзъ . .	1,75	5,75	6,5
Россія	0,6	1,25	1,25
Бельгія	2,0	6,75	6,25
Швейцарія	1,25	4,5	5,5
Италія	2,25	7,25	7,25
Турція	0,5	1,5	1,25
Франц. колоніи	4,25	9,25	8,75

Таблица[1]) показываетъ намъ, какія огромныя завоеванія дѣлала французская промышленность въ окружающихъ Францію странахъ, не исключая и Германіи. Не исключая даже и Англіи: въ 1859 г. эта послѣдняя ввезла во Францію всего на 16.25 милл. ф. ст., а Франція экспортировала въ Соединенное Королевство, въ томъ же году, на 23,5 милл. фунтовъ. Мы видѣли, кстати, и какую ничтожную, относительно, роль въ этихъ завоеваніяхъ играла левантская торговля (разница въ цифрахъ съ приведенными на стр. 488 объясняется тѣмъ, что тамъ рѣчь шла о французской *торговлѣ*, т.-е. объ общей суммѣ товаровъ, ввезенныхъ французами, хотя бы эти товары были и не французскаго происхожденія,—а здѣсь о національной продукціи Франціи). Главную массу французскаго экспорта составляла *мануфактура*: шелковыя и шерстяныя матеріи (въ меньшей степени бумажныя) и полотно. Металлургія была развита слабѣе (хотя зато въ началѣ 60 гг. развивалась она очень быстро: количество переработаннаго во Франціи желѣза всѣхъ сортовъ увеличилось, съ 1859 по 1862 г., на 33 %). Но для фабрикъ, какихъ бы то ни было, необходимъ былъ *уголь*. Его добыча во Франціи росла съ большой быстротой (съ 5,2 милл. метрич. квинталовъ въ 1847 г. до 9,4 милл. въ 1861 г.), но *спросъ на уголь во Франціи обгонялъ добычу угля*. Все больше и больше его приходилось покупать за границей: въ 1865 г. Франція ввезла изъ-за границы (главнымъ образомъ, изъ Бельгіи) угля на 103 милл. фр., — въ 1867 г. уже на 127 милл. Вопросъ объ «угольномъ питаніи» французской промышленности становился все острѣе — и тутъ не могъ не обратить на себя вниманіе тотъ фактъ, что богатѣйшіе угольные районы континентальной Европы лежатъ совсѣмъ рядомъ съ французской границей. Не говоря уже о сейчасъ упомянутой нами Бельгіи, бросался въ глаза бассейнъ Саоры, въ юго-западномъ углу рейнскихъ провинцій Пруссіи, нѣкоторыя шахты котораго заходили подъ тогдашнюю французскую территорію. Нѣмецъ копалъ нѣдра Франціи... А немного дальше лежалъ Руръ-Дюссельдорфскій бассейнъ, содержавшій въ себѣ запасы драгоцѣннаго топлива, по вычисленіямъ тогдашнихъ статистиковъ, не болѣе, не менѣе, какъ на 5.000 лѣтъ! Нужно было быть стойкимъ, чтобы не поддаться искушенію при подобныхъ условіяхъ.

---

[1]) Она заимствована нами изъ «The Statesman's Jearbook» за 1864 г.—перваго, появившагося въ свѣтъ, тома этого изданія.

Документы, недавно опубликованные краковскимъ университетомъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ III такимъ стойкимъ не былъ. Эти документы—секретная переписка англійскихъ представителей за границей съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Росселемъ, лишь въ наименѣе существенной своей части опубликованные въ свое время въ парламентскихъ «синихъ книгахъ» — относятся къ эпохѣ польскаго возстанія 1863 г., т.-е. къ критическому моменту русско-французскихъ отношеній. Обычная схема этого момента такая: Наполеонъ III хотѣлъ возстановить Польшу, но возстановилъ лишь противъ себя Россію; этимъ воспользовалась Пруссія: въ критическій для Россіи моментъ она предложила послѣдней свои услуги по части подавленія возстанія и гарантію противъ иностраннаго вмѣшательства. Такимъ ловкимъ пріемомъ Бисмаркъ разорвалъ русско-французскій союзъ и замѣнилъ его русско-прусскимъ, который позволилъ Пруссіи вести войну 1866 и 1870—71 гг. и превратиться въ Германскую имперію. При этомъ нѣмецкіе историки выдвигаютъ на первое мѣсто услугу, оказанную Бисмаркомъ Россіи въ 1863 г., а русскіе—услугу Россіи Пруссіи въ 1870 г., и обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ «неблагодарности». Бывшія до сихъ поръ тайной депеши англійскаго посла въ Парижѣ, лорда Коулея, окончательно рѣшаютъ этотъ споръ въ пользу Россіи, давая въ то же время совершенно новое освѣщеніе всему конфликту. Коулей отмѣчаетъ, что польскими дѣлами и польскимъ возстаніемъ въ первыя недѣли его существованія Парижъ интересовался чрезвычайно мало. Лишь когда пришло извѣстіе о «конвенціи Альвенслебена», т.-е. о русско-прусскомъ соглашеніи, направленномъ противъ повстанцевъ, въ концѣ февраля, и въ салонахъ, и въ печати, и на трибунѣ законодательнаго корпуса разомъ дружно заговорили объ угнетеніи поляковъ Россіей. А затѣмъ выступила и французская дипломатія: не могла же она сопротивляться «единодушному порыву общественнаго мнѣнія»... Англійскій дипломатъ выводитъ изъ этого справедливое заключеніе, что Наполеона III интересовали, собственно, вовсе не поляки, а сближеніе Пруссіи съ Россіей: а это послѣднее интересовало его потому, что онъ, по словамъ Коулея, носился въ это время съ планомъ *завоеванія рейнской Пруссіи.* Въ личномъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Наполеонъ энергически отрекался отъ такого намѣренія, но это едва ли убѣдило его собесѣдника, и еще менѣе можетъ убѣдить исто-

риковъ. Но даже и въ этомъ личномъ разговорѣ онъ считалъ войну возможной, если инициативу нападенія на Россію возьметъ на себя Австрія: при чемъ поддержка этой послѣдней Франціей разумѣлась сама собой, — и не менѣе сама собой вытекала изъ этой комбинаціи франко-прусская война. На отказѣ Австріи принять на себя какую бы то ни было инициативу и сорвалось все дѣло. Формальной отговоркой для австрійскаго правительства послужило то, что независимость русской Польши можетъ вызвать сепаратистскія стремленія у австрійскихъ поляковъ. Въ дѣйствительности же Австрія, по всей вѣроятности, предвидѣла, что послѣ войны Франція захочетъ помириться съ Россіей на ея, Австріи, спинѣ, давъ русскимъ, наконецъ, удовлетвореніе въ восточномъ вопросѣ. Вялость Франціи въ вопросѣ объ этомъ удовлетвореніи тѣмъ и объясняется, что для реальныхъ уступокъ она ожидала отъ Россіи реальныхъ услугъ на Западѣ. Отмѣна парижскаго трактата была бы своего рода преміей за выдачу Россіей Пруссіи, а интересы разныхъ православныхъ обитателей Турецкой имперіи — своего рода мелкой монетой, которой предполагалось расплачиваться за услуги второго сорта. Это съ особенной рельефностью обозначилось на вопросѣ, который, къ удивленію читателя, приходится назвать *критско-бельгійскимъ*; какъ сейчасъ читатель увидитъ, вопросъ этого названія вполнѣ заслуживаетъ [1]).

Критско-бельгійскій вопросъ.

Волненія въ христіанскихъ областяхъ Турціи тянулись черезъ всѣ шестидесятые годы, временами обостряясь, временами затихая, но никогда не прекращаясь совершенно. Во второй половинѣ этого десятилѣтія наиболѣе острымъ моментомъ было критское возстаніе 1866—67 гг. Русская ближне-восточная политика находилась тогда въ «греческомъ», если можно такъ выразиться, фазисѣ своего развитія. Какъ въ серединѣ 70 годовъ наибольшее вниманіе Россіи, изъ восточныхъ христіанъ, привлекали къ себѣ сербы, въ 80 г.—болгары, такъ, въ концѣ 60 г. это почетное мѣсто занимали греки. Внѣшнимъ выраженіемъ этого «греческаго» направленія русской политики послужило превращеніе одной изъ русскихъ великихъ княженъ въ королеву эллиновъ, случившееся именно въ 1867 г. Когда вспыхнуло критское возста-

---

[1]) Упоминавшаяся выше англ. секретн. переписка издана г. *Т. Филипповичемъ*. «Confidential correspondece of the british government resp. the Insurrection in Poland: 1863». Paris. 1914.

ніе, Горчаковъ, естественно, выразилъ пожеланіе, чтобы инцидентъ былъ разрѣшенъ присоединеніемъ Крита къ Греціи. Послѣ всего предшествующаго, русскій дворъ былъ не мало—и пріятно—удивленъ, когда Наполеонъ III, въ личномъ разговорѣ съ русскимъ посломъ, Будбергомъ, сталъ обѣщать гораздо больше, чѣмъ у него просили. Не только Критъ нужно присоединить къ Греціи, но и вообще возстановить эту послѣднюю въ ея «естественныхъ границахъ». А притомъ зачѣмъ же и Сербію забывать? Она должна быть сдѣлана вполнѣ независимой, по крайней мѣрѣ, фактически: турецкіе гарнизоны должны быть выведены изъ сербскихъ крѣпостей. Но въ обмѣнъ на все это, Россія должна занять положеніе, «откровенно сочувственное» (franchement lympatique) по отношенію къ «интересамъ Франціи на Западѣ». Въ чемъ состоятъ, въ данную минуту, эти интересы, императоръ французовъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ скромно молчали. Роль невиннаго дитяти, высказывающаго вслухъ то, о чемъ взрослые молчатъ, взялъ на себя Будбергъ. Соперникъ кн. Горчакова, стремясь поскорѣе привести къ благополучному концу дѣло, такъ удачно имъ же и начатое, добился отъ главы французской дипломатіи, по крайней мѣрѣ, отрицательнаго опредѣленія «интересовъ Франціи» — какъ «не противорѣчащихъ (по тогдашнимъ понятіямъ) интересамъ Пруссіи и вообще Германіи». Значитъ, рѣшилъ онъ про себя, о рейнской Пруссіи болѣе не думаютъ. А вслухъ прибавилъ: «что же касается *Бельгіи*, то если вы хотите ее взять, это дѣло между вами и Англіей» [1]).

Французскій дворъ ликовалъ. Слово «Бельгія» было произнесено—и произнесли его не французскія уста. Будбергъ угадалъ правильно. На другой день послѣ Кёнигреца, когда у всѣхъ въ ушахъ стоялъ еще трескъ игольчатыхъ ружей, приходилось пока позабыть о «рейнской границѣ». Сначала необходимо было перевооружить французскую пѣхоту (что къ 70 году и было выполнено). А уголь былъ нуженъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Методомъ исключенія французское «экономическое расширеніе» получило, какъ свой единственный объектъ,—Бельгію. Съ Пруссіей объ этомъ уже велись тайные переговоры. Позиція, которую займетъ Россія, была на континентѣ, можно сказать, рѣшающей: давленію со стороны Франціи и Россіи одновременно Пруссія, вѣроятно, не нашла бы силы противиться. О самой Бельгіи и ея

[1]) Roux, цит. соч., p. 414.

нейтралитетѣ никто, разумѣется, не думалъ: по крайней мѣрѣ, во всѣхъ выдержкахъ изъ дипломатическихъ документовъ, приводимыхъ цитируемымъ нами авторомъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы у кого-нибудь были малѣйшіе упреки совѣсти по этому поводу. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы побудить Россію занять положеніе, «откровенно сочувственное» задуманному предпріятію. Въ Петербургѣ дѣло пошло отнюдь не такъ гладко, какъ позволяли поднятые разговоры съ Будбергомъ. Уже въ первой же бесѣдѣ съ французскимъ посломъ, Горчаковъ далъ понять, что отмѣна нейтрализаціи Чернаго моря — такіе пустяки, о которыхъ онъ даже не думаетъ. Чего же хотѣла Россія въ обмѣнъ на свою «откровенную симпатію?» Нужно ли было за Бельгію отдать ей Константинополь? Но и слово «Бельгія» не такъ легко было выжать изъ Горчакова, какъ изъ Будберга. Попытка французскаго дипломата прибѣгнуть къ сократическому методу дала самый комическій результатъ—Горчаковъ притворился, что онъ совершенно забылъ географію (мы увидимъ, что ему это было и легче, чѣмъ кому бы то ни было), и собесѣдники завязли въ... Пиренеяхъ. Французу пришлось объяснять, что дѣло идетъ «о Люксембургѣ или его окрестностяхъ» (!) На этотъ разъ Горчаковъ не сталъ притворяться, что онъ думаетъ, будто рѣчь идетъ о парижскомъ Люксембургѣ, но сдѣлался сухъ и холоденъ. Мѣсяцъ спустя посолъ засталъ его «опредѣленно враждебнымъ» французскому проекту. Очевидно, въ промежутки прошли оживленные переговоры съ Берлиномъ, и выяснилось, что аннексіи Бельгіи Франціей въ Берлинѣ не желаютъ.

Русско-прусское сближеніе.

Въ отчаяніи Франція ухватилась, дѣйствительно, за Люксембургъ — и даже изъ-за этого франко-прусская война едва не вспыхнула на три года раньше. Сильная именно русской дружбой, Пруссія чувствовала себя настолько прочно въ сѣдлѣ, что не шла ни на какія уступки. Это соотношеніе было совершенно отчетливо охвачено Талейраномъ (франц. посломъ въ Россіи) тотчасъ послѣ перваго разговора съ Горчаковымъ. «Между Россіей и Пруссіей, — писалъ онъ, — должны существовать извѣстныя моральныя обязательства». Но Талейранъ ошибался, выдвигая на первый планъ, какъ основу этихъ «обязательствъ», «симпатію между государями» Пруссіи и Россіи. Другая его гипотеза—о «политической необходимости», которой онъ не хочетъ подробно обсуждать, ближе къ цѣли. А еще ближе будетъ сказать, что русско-прусскій союзъ опирался на необходимость экономическую — подобно

франко-английскому союзу 1850 годовъ. Между Россіей и Германіей складывались, въ 1860 годахъ, отношенія, чрезвычайно напоминающія русско-англійскія самаго начала вѣка: Германія, и въ частности именно Пруссія, была главною потребительницей русской *ржи* [1]), вытѣсняя въ то же время Англію съ русскаго рынка, какъ главную поставщицу продуктовъ обрабатывающей промышленности [2]). За трехлѣтіе 1873—75 гг. англійскій ввозъ составлялъ 32% всего русскаго импорта, а германскій—40%. Россію и Германію поссорили, въ послѣдней четверти XIX в., во-первыхъ, аграрный кризисъ 80—90 годовъ, воздвигшій между двумя странами стѣну германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, да бурный расцвѣтъ за то же время русской промышленности, оплодотворенной, преимущественно, французскими капиталами, и сейчасъ же закрывшейся отъ заграничной конкуренціи тарифомъ, пожалуй, еще болѣе запретительнымъ, чѣмъ были германскія хлѣбныя пошлины. Пока двухъ этихъ условій не было налицо, русско-прусскій союзъ казался несокрушимымъ, и не дипломатическимъ тонкостямъ Наполеона III было его разорвать. Когда императоръ французовъ подписывалъ седанскую капитуляцію, ему и въ голову не приходило, конечно, что въ основѣ всей катастрофы можетъ лежать какой-то черный хлѣбъ, котораго не сталъ бы ѣсть его послѣдній придворный, но очень еще охотно ѣлъ прусскій рабочій. И еще меньше это приходило въ голову кн. Горчакову. Но что четыреугольникъ: Франція—Пруссія—Россія—восточный вопросъ былъ связанъ какою-то *необходимой* связью, что перемѣщеніе одного его угла должно перевернуть всю фигуру, это хотя, быть-можетъ, и не вполнѣ отчетливо, сознавалъ и Горчаковъ: не даромъ Седанъ былъ для него сигналомъ новаго выступленія какъ разъ по восточному вопросу.

---

[1]) Ввозъ въ Германію ржи (почти исключительно русской).

Года.	Тысяча метрич. центнеровъ.
1861	1360
1871	4180
1875	7000
1880	6896

[2]) Въ 1870 г. Россія вывозила въ / ввозила изъ

вывозила въ		ввозила изъ	
Великобританію	на 24.294 тыс. ф. ст	Великобританіи	на 15.268 тыс. ф. ст
Германію	„ 10.867 „ „ „	Германіи	„ 19.489 „ „ „
Францію	„ 4.878 „ „ „	Франціи	„ 2.732 „ „ „

Островъ Критъ исчезъ изъ дипломатической исторіи Европы вмѣстѣ съ «Люксембургомъ и его окрестностями». Чрезвычайно характерно, что всего основательнѣе забыли его, кажется, сами русскіе. По крайней мѣрѣ, въ знаменитой циркулярной депешѣ кн. Горчакова (отъ 19—31 октября 1870 г.), открывшей новую фазу въ исторіи восточнаго вопроса, о греческихъ дѣлахъ нѣтъ ни слова. Депеша эта посвящена всецѣло той статьѣ парижскаго трактата, которая запрещала Россіи держать военный флотъ на Черномъ морѣ и о которой въ 1867 г. Горчаковъ, что называется, и думать забылъ. Это — простой вопросъ самолюбія,—говорилъ онъ тогда. Теперь изъ-за этого «вопроса самолюбія» поставили вверхъ дномъ дипломатическія традиціи всего міра, одностороннимъ актомъ, своего рода указомъ русскаго правительства, отмѣнивъ важнѣйшее международное соглашеніе, какое только видѣла Европа со времени Вѣнскаго конгресса. Не только сопоставленіе фактовъ и хронологическихъ датъ, но и совершенно прямыя текстуальныя указанія не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ существованіи прямой причинной связи между выступленіемъ Россіи и пораженіемъ Франціи. Исторія съ обѣщаніями Наполеона III послужила урокомъ — и съ Пруссіи потребовали уплаты по векселю немедленно по наступленіи срока, не давая даже граціонныхъ дней. Русская депеша застала прусское правительство еще въ Версали, у воротъ Парижа, который только что начинали осаждать. Туда же, въ Версаль, направила и Англія своего уполномоченнаго—объясняться съ Бисмаркомъ по поводу инцидента, созданнаго кн. Горчаковымъ. Послѣдній въ это время, измѣнивъ родному для него французскому языку, объяснялся Бисмарку въ любви по-нѣмецки[1]). Нельзя было разобрать, гдѣ кончается Берлинъ и начинается Петербургъ. Энергическое выступленіе Англіи и Австріи положило конецъ этой путаницѣ племенъ и нарѣчій. Пруссія вовсе не хотѣла разрывать съ Австріей изъ-за русскихъ интересовъ на Черномъ морѣ. Изъ Версаля дано было понять въ Вѣну, что, считая требованія Россіи справедливыми по существу, тамъ вовсе не склонны разсматривать дѣло, какъ конченное, а въ Петербургѣ, что завязанное на европейскомъ конгрессѣ можетъ быть развязано только, по крайней мѣрѣ, на общеевропейской конференціи. Лондонскія конференціи января—

Лондонская конференція.

---

[1]) См. Горяиновъ. «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 163, франц. изданія.

марта 1871 г. оформили отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря[1]). Исторія ихъ могла послужить контръ-урокомъ, напомнивъ, что, во-первыхъ, не слѣдуетъ спѣшить, а во-вторыхъ, что у Пруссіи есть связи и обязательства не только въ сторону Россіи. Но въ Петербургѣ попрежнему, какъ и въ 1855 г., слышали только то, что желали слышать. Безкровная ошибка 1870 г. была повторена en grand въ 1876—78, при чемъ на этотъ разъ она стоила много русской крови.

Союзъ трехъ императоровъ.

Въ первую минуту могло показаться, что изъ урока кое-что все же усвоено. Было совершенно ясно, что стыдомъ лондонской конференціи Россія обязана не столько Англіи, которая, какъ всегда, безъ континентальныхъ союзниковъ была безсильна на континентѣ, сколько Австріи. И вотъ, соглашеніе именно съ Австріей является первымъ шагомъ петербургскаго кабинета послѣ того, какъ ему удалось, такъ или иначе, добиться права вновь построить черноморскій флотъ. Осенью 1872 г., на свиданіи въ Берлинѣ Александра II, Вильгельма I и Франца-Іосифа, возникъ такъ называемый «союзъ трехъ императоровъ». Въ дипломатической плоскости берлинское свиданіе было прежде всего встрѣчей Горчакова съ новымъ австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, гр. Андраши. Горчаковъ былъ — или дѣлалъ видъ, что былъ — очарованъ новымъ знакомствомъ. Андраши — котораго русская дипломатія и вдохновляемая ею публицистика пять лѣтъ спустя всюду ославила, какъ величайшаго въ мірѣ интригана — показался ему чрезвычайно порядочнымъ человѣкомъ, а Австрія — безкорыстнѣйшей державой. Заключено было соглашеніе, на первый взглядъ чрезвычайно странное: суть его сводилась къ тому, что обѣ стороны обязывались не помогать Турціи въ подавленіи возстаній ея христіанскихъ подданныхъ, буде таковыя возстанія имѣли бы мѣсто. Какой-нибудь смыслъ ставить такое условіе былъ лишь въ томъ случаѣ, если можно было предвидѣть, что возстанія вскорѣ начнутся... Впрочемъ, въ вопросѣ о балканскихъ возстаніяхъ кн. Горчаковъ вообще обнаруживалъ чрезвычайно подозрительную проницательность — и, напримѣръ, въ *январѣ* 1875 г., *за шесть мѣсяцевъ* до герцеговинскаго возстанія, онъ

---

[1]) Подробное изложеніе хода конференцій см. въ цитир. кн. г. *Горяинова*, гл. XII, популярный очеркъ, на основаніи, главн. образомъ, этой книги, данъ въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», т. VI, стр. 7—13. Въ виду распространенности этой послѣдней книги нѣтъ надобности его повторять.

предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, но и прямо войну, какъ она разразилась въ 1877 г.[1]). Мы можемъ только догадываться, что на берлинскомъ свиданіи 1872 г. говорились вещи болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, что оставили слѣдъ въ дипломатическихъ документахъ. Это, впрочемъ, достаточно ясно даетъ понять и самъ Горчаковъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ свиданіи съ Андраши: «То было дѣло мира и согласія; *ни бумагомазанія, ни протоколовъ*; никакого положительнаго обязательства, которое бы стѣсняло свободу нашихъ дѣйствій,—словомъ, ничего для дипломатическихъ архивовъ, но моральный результатъ громаденъ».

Читатель догадывается, какіе сюрпризы и опасности сулила подобная манера договариваться именно при извѣстной намъ особенности петербургскаго кабинета — слушалось только то, что нравится. Четыре года спустя послѣ свиданія, давшаго столь громадные моральные результаты, Бисмаркъ получилъ отъ германскаго военнаго уполномоченнаго при русскомъ дворѣ телеграмму, гдѣ отъ имени Александра II, канцлера германской имперіи запрашивали: останется ли Германія нейтральной, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей?..

Россія и Австрія.

Всего за годъ до этого заключенное въ 1872 г. «моральное согласіе» казалось болѣе несокрушимымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Когда, въ іюлѣ 1875 г., вспыхнуло герцеговинское возстаніе, одинъ изъ виднѣйшихъ русскихъ дипломатовъ говорилъ о совмѣстномъ дѣйствіи Россіи, Австріи и Германіи и о томъ, что выполненіе общихъ рѣшеній надо будетъ довѣрить Австріи, «по своему географическому и политическому положенію заинтересованной болѣе, чѣмъ другія, въ возстановленіи порядка» на Балканскомъ полуостровѣ. Вмѣсто географіи и политики было бы болѣе кстати опять-таки говорить объ *экономикѣ*. У Австріи на Ближнемъ Востокѣ были громадные «пріобрѣтенные интересы». Въ промышленную страну она превращалась, въ 50-хъ — 60-хъ гг., не многимъ менѣе быстро, чѣмъ Франція [2]). При этомъ главная

[1]) См. цитаты изъ его разговора о Лефло (франц. посланникъ въ П-гѣ) у Hanotaux, «Histoire de la France contemporaine», IV, pp. 58—59.

[2]) Австрійскій экспортъ:

Года.	Милл. флориновъ.
1851	136
1856	263
1862	334

масса австрійскаго вывоза направлялась въ Турцію. Въ 1874 г. австрійскій экспортъ въ одни турецкія владѣнія достигъ 5 милл. фунт. ст. (при ввозѣ изъ Турціи въ 3 милліона ф). Послѣ торговли Австріи съ Германіей, австро-турецкая торговля шла на первомъ мѣстѣ — Италія и Россія занимали третье и четвертое, но лишь послѣ большаго промежутка. Что касается самой Турціи, то въ ней Австро-Венгрія занимала *второе* мѣсто, послѣ Англіи, которая ввезла, однако, лишь немногимъ больше (на 7 милл. фунтовъ — весь турецкій ввозъ оцѣнивался въ $18^1/_2$ милл.). Уступка Австріи перваго, между тремя восточно-европейскими имперіями, мѣста при водвореніи порядка въ турецкихъ владѣніяхъ соотвѣтствовала, такимъ образомъ, экономической логикѣ. Этой же логикѣ соотвѣтствовало и то, что вмѣшательство Австріи должно было встрѣтить *Англію* поперекъ своей дороги. Россія въ этомъ случаѣ готова была поддержать свою сосѣдку и союзницу: «*Россія и Австрія* убѣждены, что Англія будетъ неизмѣнно и систематически въ оппозиціи съ ними въ Константинополѣ», писалъ въ августѣ 1875 г. генералъ Лефло. Россія и Австрія союзницы противъ Англіи! Чье бы воображеніе могло представить себѣ такую картину въ дни берлинскаго конгресса?

Но вотъ проходитъ всего два мѣсяца, и смѣнившій на время ген. Лефло въ Петербургѣ Лабулэ «въ одномъ словѣ» такъ резюмируетъ положеніе: «петербургскій кабинетъ чувствуетъ, что судьбы Россіи связаны съ освобожденіемъ славянъ; но эта именно возможность составляетъ, наоборотъ, предметъ величайшихъ опасеній кабинета вѣнскаго». И дѣйствительно, какъ было послѣднему не испугаться, если бы онъ увидѣлъ картину, смѣлой кистью набросанную передъ глазами французскаго уполномоченнаго тѣмъ самымъ русскимъ дипломатомъ (бар. Жомини), который два мѣсяца назадъ такъ великодушно представлялъ Австріи представительство «союза трехъ императоровъ» на Балканахъ. На палитрѣ Жомини была только одна краска — красная. Къ будущей веснѣ герцеговинскіе безпорядки превратятся въ поголовное возстаніе всѣхъ турецкихъ христіанъ (Жомини особенно выдѣлялъ, по старой памяти, о. Критъ и Эпиръ). Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ: надо позаботиться объ ея *наслѣдникахъ*. Это будетъ, конечно, *балканская федерація*, а Константинополь станетъ, разумѣется, вольнымъ городомъ, — какъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, напримѣръ. Все это говорилось, когда налицо былъ, отъ всей «федераціи», пока только Пеко Павловичъ, съ четою въ двѣсти

человѣкъ, благополучно взявшій пару турецкихъ блокгаузовъ, въ каждомъ изъ которыхъ сидѣло по двѣ дюжины оборванныхъ «аскеровъ». Французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти цитаты, не находитъ образу дѣйствій русской дипломатіи въ начинавшемся кризисѣ иного объясненія, кромѣ античнаго: ихъ увлекала ихъ судьба, — говоритъ онъ. Иначе пришлось бы предположить у нихъ недостатокъ освѣдомленности и предусмотрительности [1]).

Онъ бы сдѣлалъ лучше, припомнивъ родную французскую поговорку: «аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой». Аппетитъ росъ въ такихъ размѣрахъ, что сотрапезники Россіи почувствовали страхъ. И тотъ же французскій дипломатъ въ то же время имѣлъ случай сообщить изъ Петербурга: «я узналъ сейчасъ, что гр. Андраши высказался противъ вооруженнаго давленія (на Турцію) по ту сторону австрійской границы (т.-е. въ Герцеговинѣ и Босніи); такое вмѣшательство было бы совершенно противно его намѣреніямъ». Создавать балканскую федерацію въ планъ Австріи отнюдь не входило...

Еще два мѣсяца спустя, въ декабрѣ 1875 г., самъ императоръ Александръ II нашелъ нужнымъ объясниться съ Европой по поводу намѣреній Россіи. Посредникомъ былъ выбранъ опять французскій дипломатъ — все тотъ же ген. Лефло, пользовавшійся при петербургскомъ дворѣ большими симпатіями. Императоръ сказалъ, что всѣ его—и, онъ надѣется, Европы, включая и Англію — усилія клонятся къ тому, чтобы поддержать на Востокѣ status quo, «нестолько изъ любви къ Турціи, сколько потому, что ее нечѣмъ было бы замѣнить». Ни онъ самъ, ни его отецъ никогда не хотѣли завладѣть Константинополемъ: ихъ оклеветали. «Но Россія никогда не потерпитъ, чтобы какая-нибудь другая великая держава, *въ особенности Англія*, утвердилась въ Царьградѣ, ни, чтобы вновь возникла византійская, т.-е. *греческая*, имперія». «Я на это уже давно указывалъ греческому королю,—прибавилъ Александръ Николаевичъ.—Я хочу жить съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Мои симпатіи на сторонѣ эллиновъ: но нужно, *чтобы они оставались въ Аѳинахъ* [2]).

Бисмаркъ. Это было явное предостереженіе «морскимъ державамъ», въ число которыхъ, несмотря на королеву эллиновъ изъ дома Романовыхъ, попадала теперь и Греція. Перемѣна въ отношеніи къ

[1]) *Hanotaux*, цит. соч., p. 67.
[2]) *Hanotaux*, цит. соч., p. 72.

послѣдней нашла себѣ чрезвычайно разное выраженіе два съ половиною года спустя, на берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ русскіе собирались совсѣмъ замолчать греческій вопросъ, и защиту эллинскихъ интересовъ должна была взять на себя Франція. Россія, такимъ образомъ — какъ это справедливо отмѣчаетъ и цитируемый нами историкъ—съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія защиты интересовъ православія переходила на этнографическую — защиты интересовъ славянства. Но на этомъ пути—за это можно было ручаться—Россія должна была столкнуться не только съ Австріей, но и съ Германіей. Порывая съ «морскими державами» на вопросѣ о Константинополѣ, Россія рвала теперь и со своими континентальными союзницами на вопросѣ о славянствѣ. Получалась та абсолютная изоляція Россіи, которая стоила ей въ свое время парижскаго мира. Какъ, казалось бы, было не понять и не предвидѣть этого? Но мы имѣемъ документальное доказательство того, что глава русской дипломатіи, кн. Горчаковъ, этого не понималъ и не предвидѣлъ. 20 марта 1876 г. онъ писалъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри: «Бисмаркъ увѣрилъ Шувалова, что, если между нами и Австріей возникнетъ разногласіе на почвѣ восточнаго вопроса, мы можемъ безусловно разсчитывать на Германію. Пруссія, — сказалъ Бисмаркъ,—должница Россіи за поддержку, оказанную ей послѣдней въ 1866 и 1870 гг. Расплатиться за это для Пруссіи—долгъ чести. Вотъ почему, *какъ дворянинъ, а не какъ канцлеръ имперіи* (!), онъ объявилъ, что для поддержанія нашихъ требованій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію; онъ сдѣлалъ это заявленіе, не какъ канцлеръ, потому что въ своихъ политическихъ выступленіяхъ онъ оставляетъ за собою право выражаться менѣе прямо»[1]).

Былъ ли Бисмаркъ просто не понятъ Шуваловымъ или онъ сознательно толкалъ Россію въ авантюру, гдѣ ея положеніе, онъ зналъ, было бы безвыходнымъ? Русская дипломатія впослѣдствіи всегда предпочитала послѣднюю версію, не оставлявшую сомнѣнія въ «вѣроломствѣ» германскаго канцлера. Но сопоставленіе фактовъ показываетъ, что Горчаковъ *не могъ* остаться подъ впечатлѣніемъ «дворянской» бесѣды. Въ маѣ того же 1876 г. онъ былъ въ Берлинѣ, гдѣ они съ Бисмаркомъ и Андраши сообща занимались выработкой «меморандума», для представленія Турціи отъ имени европейскаго концерта (это было продолженіе кампаніи,

---

1) *Горяиновъ*, франц. изд., р. 316.

начатой Австріею еще въ концѣ предыдущаго года: Андраши тогда требовалъ отъ Турціи ряда уступокъ возставшимъ христіанамъ и административныхъ реформъ въ возмутившихся областяхъ). На французскаго посла въ Берлинѣ кн. Горчаковъ произвелъ впечатлѣніе человѣка «скованнаго», хотя оковы его и покрыты цвѣтами. Эта «скованность» нашла себѣ очевиднѣйшее выраженіе въ *рейхштадтскомъ* соглашеніи между Россіей и Австріей, состоявшемся 26 іюня ст. ст. 1876 г. Сущность этого соглашенія заключалась въ томъ, что Россія заранѣе отказывалась отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Европейской Турціи. Въ случаѣ успѣшной войны она могла разсчитывать на анексіи въ М. Азіи (именно, на Батумъ) и на возвращеніе Бессарабіи, принадлежавшей въ данный моментъ Румыніи, а не Турціи. Изъ освобожденныхъ славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ должно было быть образовано *нѣсколько* самостоятельныхъ государствъ—непремѣнно «нѣсколько», ибо Австрія прямо заявила, что образованія *одного* большого государства на Балканахъ она не допуститъ. За то сама Австрія должна была получить прилегающую къ ея границамъ часть Босніи и Герцеговины. Такъ какъ Бисмаркъ писалъ объ «округленіи» Австріи съ этой стороны еще въ декабрѣ 1875 г. [1]), то эту идею безъ всякихъ натяжекъ можно считать германской. Это былъ первый ударъ въ спину «панславизму». Вмѣсто объединенія славянъ большой кусокъ славянства доставался «наслѣдственному врагу».

Но Бисмаркъ готовъ былъ ударить не только по новой схемѣ русской дипломатіи, — той, въ центрѣ которой стояло «славянство». Онъ не прочь былъ нанести ударъ и старой схемѣ, опиравшейся на православіе. Если первая схема ставила Россію во главѣ славянскихъ племенъ балканскаго полуострова, то вторая вела ее къ Константинополю: вотъ почему, усвоивъ первую, русская дипломатія отнюдь не думала оставлять второй. Осенью того же 1876 г. уполномоченный англійскаго кабинета, лордъ Салисбери, подготовляя константинопольскую конференцію, которою Англія надѣялась предупредить вооруженное вмѣшательство Россіи въ балканскія дѣла, объѣзжалъ европейскія столицы и былъ, между прочимъ, въ Берлинѣ. Послѣ свиданія съ нимъ Бисмаркъ нашелъ нужнымъ подѣлиться впечатлѣніями съ французскимъ посломъ (французы и съ этой стороны оказывались посредниками). Германскій канц-

---

[1]) См. Горяиновъ ibid, 314.

леръ остался чрезвычайно доволенъ настроеніемъ, которое онъ нашелъ у англійскаго министра. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что теперь не кончится мирно — но, на всякій случай, если бы русская армія все-таки вторглась въ Болгарію, онъ, Бисмаркъ, подалъ Салисбери мысль, чтобы Англія «ограничилась военной манифестаціей». Въ чемъ же могла бы состоять эта «манифестація»? Бисмаркъ не оставилъ своего собесѣдника въ неизвѣстности и на этотъ счетъ. Я думаю,—сказалъ онъ,—что *Англія ограничится занятіемъ Константинополя.*

Англія и восточный вопросъ.

Если германскій канцлеръ хотѣлъ, чтобы дѣло ни въ какомъ случаѣ не кончилось мирно, онъ, конечно, не могъ бы подать лучшей мысли англійскому кабинету. Отношеніе Англіи къ восточному вопросу сполна исчерпывается словами Дизраэли, сказанными именно въ эту пору (августъ 1876): «Мы всегда думали, что Средиземное море — одна изъ большихъ дорогъ, ведущихъ къ нашей индійской имперіи, и что это море, точно такъ же, какъ и тѣ, которыя съ нимъ связаны, должно быть свободно и безопасно. Наша политика заключается въ томъ, чтобы обезпечить этотъ результатъ». Мы видѣли, что Александръ II, съ русской точки зрѣнія, не допускалъ, чтобы англичане могли утвердиться въ Константинополѣ. Но съ англійской точки зрѣнія то же самое было недопустимо по отношенію къ Россіи, и англійскія газеты говорили это совершенно открыто. «Standart» писала: «Что мы должны заявить, это, что Россія никогда не утвердится ни на Босфорѣ, ни въ Дарданеллахъ, и, къ счастію, мы можемъ помѣшать этому безъ чьей бы то ни было помощи». Восточный вопросъ для Англіи въ 1870 гг. былъ *индійскимъ* вопросомъ, если смотрѣть географически и съ англійской стороны — и *средне-азіатскимъ*, если смотрѣть со стороны русской. Англія видѣла въ завоеваніи Россіей Средней Азіи приступъ къ походу на Индію: и эта точка зрѣнія англійскихъ публицистовъ (главнымъ образомъ, Руалинсона) настолько совпадала съ точкою зрѣнія русскихъ практиковъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, что, напримѣръ, Скобелевъ находилъ совершенно, въ сущности, безполезными какія бы то ни было операціи на Дунаѣ и предлагалъ начать съ удара прямо въ центръ, т.-е. съ экспедиціи черезъ Афганистанъ въ Индію [1]). На счастье — Индіи ли или Скобелева, теперь не ска-

[1]) Подробнѣе объ этой сторонѣ восточнаго вопроса, а также связи ея съ русско-прусскимъ союзомъ, см. въ *послѣднемъ* томѣ «Русской исторіи съ древн. временъ» пишущаго эти строки.

жешь, въ Петербургѣ смотрѣли на дѣло иначе. Сообщая своему брату, Николаю Николаевичу (старшему), что онъ назначается главнокомандующимъ противъ турокъ, государь, на вопросъ великаго князя, въ чемъ состоитъ задача его арміи, отвѣтилъ однимъ словомъ «Константинополь»[1]).

Славянское движеніе.

При свѣтѣ этихъ двухъ разговоровъ, Бисмарка съ Салисбери и императора Россіи съ главнокомандующимъ русской арміей (оба разговора падаютъ приблизительно на одно и то же время, позднюю осень 1876 г.) совершенно новое освѣщеніе получаетъ и константинопольская конференція декабря 1875 — января 1876 г. Освобожденію балканскихъ славянъ стояла поперекъ, главнымъ образомъ, Англія, въ первое время настаивавшая, чтобы Турція, возможно скорѣе, подавила возстаніе. Но англичане опасались, конечно, не сербовъ или болгаръ: они опасались вмѣшательства Россіи. Поэтому, когда Турція, въ отвѣтъ на англійскіе совѣты, ничего не сумѣла устроить, кромѣ новыхъ христіанскихъ погромовъ, своей безсмысленной жестокостью возстановившихъ противъ нея — а, косвенно, значитъ, и противъ министерства Дизраэли — добрую долю даже самого англійскаго общества (агитація Гладстона), въ Лондонѣ рѣшено было это дѣло изъ рукъ турокъ взять. Въ Константинополѣ Салисбери выступилъ съ проектомъ автономной Болгаріи — отъ Дуная до окрестностей Адріанополя, и отъ Чернаго моря до Албаніи. Въ смыслѣ «освобожденія славянъ отъ турецкаго ига» это не оставляло желать ничего большаго. Но русская политика уже давно эволюціонировала за предѣлы этой скромной цѣли, если даже она когда-нибудь и ограничивала себя ею. Уже съ весны 1876 г. велась, если не очень тонкая, то очень смѣлая двойная игра. Въ то время, какъ «скованный» Горчаковъ заключалъ разнаго рода соглашенія съ Австріей, русскій посолъ въ Константинополѣ, кн. Игнатьевъ, отъ котораго эти соглашенія, по крайней мѣрѣ, офиціально, скрывались, чтобы не связывать ему рукъ, съ лихорадочной энергіей работалъ надъ грандіознымъ планомъ—поднять всѣхъ турецкихъ славянъ и, поставивъ Европу передъ «совершившимся фактомъ» всебалканскаго пожара, сдѣлать русское вмѣшательство и морально, и даже матеріально совершенно неизбѣжнымъ. Параллельно съ нимъ и не менѣе энергически въ Москвѣ работалъ Славянскій комитетъ, создавая «неудержимый порывъ русскаго общественнаго мнѣнія»... Почти

---

[1]) Hanotaux, цит. соч., p. 121.

одновременно съ Рейхштадтомъ удалось осуществить первую часть плана — поднять Сербію. Уже для этого Игнатьеву пришлось впасть въ явное противорѣчіе съ офиціальными заявленіями своего правительства. Но что это не былъ актъ его личной политики, а опредѣленная политическая линія, имѣвшая прочную базу въ Петербургѣ, доказывается фактомъ, который сохранили воспоминанія русскаго консула въ Бѣлградѣ, Карцова. Уѣзжая изъ Эмса, куда онъ ѣздилъ къ имп. Александру II и Горчакову за распоряженіями, Карцовъ получилъ «категорическую инструкцію— не допускать Сербію до войны. Прощаясь, кн. Горчаковъ ослабилъ значеніе этой инструкціи, добавивъ: «При всемъ томъ, не забывайте, что если государь противъ войны, его сынъ, наслѣдникъ престола (Александръ Александровичъ), стоитъ во главѣ движенія» [1]).

Когда планъ уже на Сербіи потерпѣлъ крушеніе, сербская армія, предводимая знаменитымъ покорителемъ бухарцевъ и кокандцевъ, кн. Черняевымъ, была разбита турками, положеніе Россіи стало безвыходнымъ. Бросить балканскихъ славянъ въ такую минуту значило вернуться къ разбитому корыту парижскаго мира, при чемъ не было, для утѣшенія, даже Наполеона III съ его обѣщаніями. Сначала, повидимому, было принято героическое рѣшеніе — вмѣшаться просто, ни стѣсняясь никакими соглашеніями съ Австріей и никакими угрозами со стороны Англіи. Къ этому моменту относится знакомая намъ телеграмма Бисмарку, относительно нейтралитета Германіи. Отвѣтъ Бисмарка не подавалъ никакихъ надеждъ. Можно себѣ представить, какой взрывъ негодованія вызвало въ Петербургѣ «коварство» германскаго канцлера! Но разъ насъ обманываютъ, будемъ и мы обманывать. Австрія была успокоена секретной конвенціей, помѣченной 3 января 1877 года, но заключенной, на самомъ дѣлѣ, въ мартѣ этого года: въ ней повторялись обѣщанія Рейхштадтскаго соглашенія—главнымъ образомъ, не устраивать на балканскомъ полуостровѣ *одного* большого славянскаго государства. Кромѣ того, Россія обязалась не переносить военныхъ дѣйствій въ западную часть полуострова: сербы болѣе были не нужны теперь, послѣ ихъ не-

[1]) *Русская Старина* (1908, апрѣль, стр. 70). Г. Гано то эта сторона событій осталась, повидимому, неизвѣстной. Русскіе источники — опубликованные вдобавокъ въ одномъ году съ его книгой — не были ему доступны, а съ французскими дипломатами, по видимому, не всегда откровенничали.

удачи, за которую имъ публично было выражено высочайшее неблаговоленіе. Константинопольская конференція не удалась, а дальнѣйшіе перетоворы были попросту «сорваны» Игнатьевымъ, поставившимъ туркамъ обсолютно непріемлемое требованіе: чтобы переговоры объ обоюдной демобилизаціи, русской и турецкой, велись въ Петербургѣ, куда султанъ долженъ былъ послать спеціальнаго посла для этой цѣли [1]). Турки, только что побѣдившіе на полѣ сраженія, не видѣли никакихъ основаній становиться на колѣни передъ Россіей. Но, взорвавъ контръ-миной планъ Салисбери, не поскупились на обѣщанія и передъ Англіей. Было формально гарантировано, что русскія войска не займутъ Константинополя, и даже, что они не перейдутъ Балканъ, если султанъ обратится съ просьбою о мирѣ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ это сдѣлать. Обставивъ себя всѣми этими ограниченіями, Россія 12 апрѣля 1877 года объявила войну Турціи.

Русско-турецкая война. Какъ ограниченія понимались Россіей, можно было видѣть на практикѣ очень скоро. Мы не переходимъ Балканъ, если султанъ попроситъ мира ранѣе? Такъ не дадимъ ему времени для этого! Тотчасъ послѣ перехода черезъ Дунай особый легкій отрядъ генерала Гурко форсированными маршами двигается впередъ и не столько переходитъ, сколько перелетаетъ балканскій хребетъ, ранѣе, чѣмъ не только были разбиты главныя турецкія силы въ сѣверной Болгаріи, но ранѣе даже, чѣмъ тамъ было дано хотя бы одно серьезное сраженіе. Англичане забезпокоились, но не надолго. Разбрасыванье русскихъ силъ привело только къ ряду неудачъ, одна тяжелѣе другой, и скоро стало казаться, что Россія не нарушитъ принятыхъ на себя обязательствъ просто по физической невозможности это сдѣлать. Но это былъ самообманъ. На русско-турецкой войнѣ оправдывалось общее правило *длительныхъ* военныхъ конфликтовъ: та сторона, которая располагаетъ большими экономическими и военными ресурсами, должна побѣдить, каковы бы ни были ея частичныя неудачи. Какъ ни было расшатано государственное хозяйство Россіи, все же она была во много разъ больше Турціи и деньгами, и людьми. Рано или поздно это должно было сказаться. 28 ноября пала Плевна, неожиданно для обѣихъ сторонъ ставшая главнымъ центромъ турецкаго сопротивленія. Немедленно же въ Порадимѣ подъ Плевной выработываются основныя условія будущаго мира:

---

[1]) Hanotaux, цит. соч., p. 135.

Это былъ, если можно такъ выразиться, расширенный плагіатъ проекта Салисбери — создавалась Болгарія, но протягивавшаяся на югъ уже до Эгейскаго моря, и притомъ не Болгарія — провинціи Оттоманской имперіи, хотя бы и автономная, а Болгарія — вассальное турецкое княжество, фактически зависѣвшее не отъ Турціи, а отъ Россіи. А какъ же русско-австрійское соглашеніе, по которому изъ русскихъ завоеваній не могло быть образовано *одного* государства? Австрію хотѣли поставить передъ совершившимся фактомъ... Въ то же время, вторично перейдя Балканы въ декабрѣ 1877 года, русская армія неудержимымъ потокомъ стремится къ Константинополю и проливамъ. Войска идутъ безъ сапогъ, безъ патроновъ, теряя 50% больными и отсталыми, но идутъ безостановочно, идутъ брать Царьградъ. А какъ же соглашеніе съ Англіей? Англію хотятъ поставить передъ совершившимся фактомъ...

Но если кого трудно поставить передъ совершившимся фактомъ, то это англичанъ. Уже со времени первой экскурсіи Гурко за Балканы, въ іюлѣ, они были насторожѣ. Теперь, въ январѣ, русскіе разъѣзды, увидавъ на горизонтѣ минареты Константинополя, должны были увидать и британскій флотъ, стоявшій на якорѣ у Принцевыхъ острововъ. Царьградъ былъ прикрытъ пушками англійскихъ броненосцевъ. Досадѣ Петербурга, воплямъ о «коварствѣ» и «вѣроломствѣ» не было конца.

Является вопросъ — не о томъ, какъ согласовать образъ дѣйствій Россіи съ данными ею обѣщаніями: совершенно ясно, что обѣщанія эти считались вынужденными и, какъ всякія подъ угрозой данныя обѣщанія, не имѣющими силы. Но является вопросъ: почему русской дипломатіи не пришло въ голову раздѣлить противниковъ? Почему изъ двухъ схемъ, «вѣроисповѣдной и этнографической», не остановились на какой-нибудь одной? Либо Царьградъ и крестъ на св. Софіи, либо «великая Болгарія». Въ первомъ случаѣ, по отношенію къ Австріи, былъ бы лишь вопросъ о размѣрахъ «отступного». Оно было бы громадно, конечно, — пришлось бы поступиться не однѣми Босніей и Герцеговиной, а всей западной половиной Балканскаго полуострова: но и русскій успѣхъ былъ бы не меньше. Во второмъ случаѣ легко было бы столковаться съ Англіей — одна же Австрія, по компетентному заявленію Бисмарка, войны съ Россіей вести не рѣшилась бы. Почему нашли нужнымъ «объять необъятное» и вызвать къ жизни англо-австрійскую коалицію, передъ которой — это знали зара-

нѣе — придется сдаваться? Отвѣтъ на эту дипломатическую загадку приходится, кажется, искать во внутренней политикѣ. Передъ войной Игнатьевъ не скрывалъ даже отъ иностранныхъ дипломатовъ, что у Россіи нѣтъ выхода [1]). Нуженъ былъ возможно болѣе блестящій миръ, хотя бы только на бумагѣ — для того, чтобы состоялось примиреніе «общества» съ «правительствомъ». Пусть потомъ Европа отниметъ у Россіи реальные плоды этого мира — это даже имѣетъ свою хорошую сторону. «Общество» заглядывается именно въ сторону Европы; пусть полюбуется, каковъ его идолъ... Націонализмъ всегда считался радикальнымъ средствомъ противъ революціи.

Санъ-Стефанскій трактатъ.

Такова, если не исторія, то психологія Санъ-Стефанскаго трактата 19 февраля 1878 г. Турки приняли его безропотно. У нихъ не было болѣе арміи, чтобы защищаться; къ тому же и они, вѣроятно, отлично понимали, что *такой* трактатъ останется мертвой буквой. Дѣйствительно, настоящіе переговоры пришлось вести съ Англіей и съ Австріей. Первая была очень довольна тѣмъ, что Константинополя взять русскимъ не удалось, и потому оказалась податливой гораздо болѣе, чѣмъ отъ нея ожидали. Она милостиво санкціонировала ту часть рейхштадтской сдѣлки, которой Россіи предоставлялся Батумъ. Но Англія должна была теперь считаться и съ интересами своей новой союзницы, Австріи, а затѣмъ она на опытѣ видѣла, какъ легко русскіе переходятъ Балканы. Поэтому, хотя переговоры съ русскимъ посломъ, Шуваловымъ, велъ именно первоисточникъ «великой Болгаріи», Салисбери, ставшій теперь министромъ иностранныхъ дѣлъ, «великая Болгарія» была кассирована. Княжество не должно было итти на югъ далѣе балканскаго хребта, часть Болгаріи къ югу отъ него (Вост. Румелія) стала лишь автономной провинціей, а Македонія не получила даже и автономной. Секретной конвенціей съ Англіей (май 1878 г.) дѣло въ сущности было рѣшено — несравненно болѣе удовлетворительно для Россіи, чѣмъ можно было ожидать. Вернувъ себѣ Бессарабію (въ обмѣнъ на нее румыны получили Добруджу), пріобрѣтя чрезвычайно важные для нея пункты въ азіатской Турціи (Батумъ и Карсъ), она ко всему этому получила еще и «задунайскую губернію» до Балканъ. Удержать эту послѣднюю въ русскихъ рукахъ было уже дѣломъ

---

[1]) «Изъ двухъ бѣдъ, которыми болѣетъ Россія, война—меньшая». Hanotaux, цит. соч., p. 133.

дипломатическаго искусства русскаго правительства. Послѣднее этого искусства не обнаружило, и Болгарія ушла изъ русскихъ рукъ, но этому уже не могли помочь никакія международныя конвенціи.

Берлинскій конгрессъ (іюнь—іюль 1878 г.) только оформилъ, согласіемъ всей Европы, результаты русско-англійской сдѣлки. Того значенія, которое приписывало этому конгрессу русское общественное мнѣніе, не посвященное въ тайну англо-русскихъ переговоровъ, онъ не имѣлъ. Онъ интересенъ лишь, какъ яркая бытовая картинка изъ жизни не только русской, но и европейской дипломатіи. Чего стоитъ, напримѣръ, хотя бы воспроизведенный въ запискахъ Шувалова разговоръ Дизраэли (тогда уже лорда Биконсфильда) съ кн. Горчаковымъ о русско-турецкой границѣ въ М. Азіи. Первый изъ собесѣдниковъ, по авторитетному заявленію его коллеги, Салисбери, никогда въ жизни не видалъ карты М. Азіи; второй, при равномъ невѣжествѣ въ географіи, былъ, кромѣ того, чрезвычайно разсѣянъ. Онъ оріентировался по *секретной* картѣ русскаго главнаго штаба — гдѣ были нанесены максимальные предѣлы русскихъ уступокъ — и, позабывъ объ ея секретности, далъ ее «на часокъ» англичанамъ. Когда послѣдніе потомъ съ необычайной мѣткостью стали нажимать всюду до максимума, Горчаковъ былъ въ отчаяніи и громко вопіялъ объ «измѣнѣ». Къ счастію, Биконсфильдъ и послѣ этого остался столь же невиненъ въ географіи, и происшедшій между нимъ и Горчаковымъ архи-комическій споръ далъ поводъ для германскаго вмѣшательства. При помощи нѣмцевъ, турокъ все же удалось оттѣснить отъ «максимальной» границы. Не давъ ничего новаго, берлинскій конгрессъ, какъ и предшествовавшая ему англо-русская сдѣлка, оставилъ открытымъ главный вопросъ, около котораго вертится вся исторія русско-турецкихъ войнъ со времени Екатерины II: вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Въ *этомъ* вопросѣ война 1877 — 78 гг. осталась лишь порывомъ — и не послѣднимъ.

Берлинскій трактатъ.

Въ томъ видѣ, какъ они изображены выше, эти порыванія могутъ показаться дѣломъ отдѣльныхъ личностей. Но мы видѣли уже много разъ, что за личной политикой всегда скрывается объективная историческая необходимость, — необходимость экономическая. Странно было бы, если бы русская политика на Ближнемъ Востокѣ представляла собою исключеніе. Но разбирать этотъ вопросъ во всей его широтѣ здѣсь нѣтъ мѣста: онъ вывелъ бы

насъ далеко за хронологическія рамки настоящей статьи, заставилъ бы спуститься въ прошлое до царствованія Николая I и подняться въ будущее до нашихъ дней. Достаточно сказать, что имперіалистическія порыванія къ Ближнему ли или къ Дальнему Востоку всегда предшествовались, какъ вѣрнымъ симптомомъ, расцвѣтомъ русской обрабатывающей промышленности[1]). Схема явленія въ сущности очень проста. Развивающаяся промышленность предполагаетъ рынокъ: но внутренній рынокъ былъ скованъ, сначало прямо крѣпостными, позже полу-крѣпостными, соціальными отношеніями. Измѣненіе этихъ отношеній было, одновременно, въ интересахъ народнаго хозяйства въ его цѣломъ и народной массы, но не въ интересахъ господствующаго класса, крупнаго землевладѣнія. Сопротивленіе этого класса было всегда непреодолимой преградой для русской буржуазіи: поставленная между демократіей и дворянствомъ, она всегда клонила въ сторону послѣдняго. «Невозможность» расширить внутренній рынокъ заставляла искать внѣшнихъ: при чемъ расширеніе, естественно, шло въ направленіи странъ, одновременно щедро подѣленныхъ природой и менѣе культурныхъ, чѣмъ Россія. Отсюда захватъ азіатской Турціи, Персіи или Манчжуріи казался условіемъ sine qua non дальнѣйшаго развитія русскаго капитализма. Дворянство охотно брало на себя роль «бронированнаго кулака» въ этомъ случаѣ, но его боевой готовности оказывалось мало. Искусственная задержка въ развитіи внутреннихъ отношеній фатально отражалась на боевыхъ качествахъ народной массы. Крѣпостной или полу-крѣпостной мужикъ, казалось бы, отличный матеріалъ для солдата, но арміямъ изъ такихъ мужиковъ никогда не везло. Неудачная или, какъ это было въ 1878 г., не вполнѣ удачная война вновь ставила вопросъ о внутреннихъ реформахъ, — а неудача въ разрѣшеніи этого вопроса вызывала новую серію имперіалистическихъ потерь. Какъ выйти изъ этого рокового круга, можетъ показать только сама исторія; но, кажется, выходъ виденъ. *М. Покровскій.*

---

[1]) Для періода, непосредственно предшествующаго русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., мы имѣемъ такія данныя:

ГОДА.	Вновь основано акціон. к-ій.	Переработано иностр. хлопка, пряжи.		Выплавлено чугуна.
		Тысячи		пудовъ.
1870	33	2801	254	21949
1873	106	3530	323	23484
1876	41	4708	340	26957

Цифры взяты у *Туганъ-Барановскаго* «Русская фабрика».

Русское общество и освобожденіе крестьянъ.

I.

Первые признаки общественнаго оживленія послѣ вступленія на престолъ Александра II.

Русское общество никогда не было нѣмымъ свидѣтелемъ ужасовъ крѣпостного права. Наоборотъ, оно никогда не переставало и не уставало возвышать свой голосъ противъ рабства, возмущаться поруганіемъ и попираніемъ правъ человѣка и указывать даже правительству на необходимость уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но то были голоса отдѣльныхъ смѣльчаковъ, за свою смѣлость и платившихся нерѣдко потерей собственныхъ правъ, потерей свободы. Въ цѣломъ же русское общество безмолвствовало — уста его были скованы строжайшимъ запретомъ касаться вопроса о крѣпостномъ правѣ, гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было. Въ частности, незадолго до освобожденія крестьянъ, особенно, въ противоположность самой жизни, всего сильнѣй тогда именно вопіявшей противъ крѣпостного права, русское общество хранило это краснорѣчивое молчаніе. Правительство Николая I своими неустанными и все болѣе и болѣе усиливавшимися преслѣдованіями малѣйшихъ проявленій общественной инициативы и гласности довело общество до состоянія полной прострации. Страхъ пришибъ русскаго человѣка и отбилъ охоту выходить за предѣлы домаш-

Пособія. *Семеновъ.* Освобожденіе крестьянъ (4 т.). *Скребицкій.* Крестьянское дѣло (5 томовъ). *Иванюковъ.* Паденіе крѣпостного права. *Джаншіевъ.* Эпоха великихъ реформъ и А. М. Унковскій. *Корниловъ,* А. А. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи и Общественное движеніе при Александрѣ II. *Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ.* Гранатъ, вып. 9—11. *Великая реформа, св.* 4, изд. Историч. комиссія. Сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина,* т. II и III. Сочиненія *Кавелина,* т. II. *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, кн. 14—17. *Кн. О. Трубецкая.* Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. *Никитенко.* Дневникъ. Сочиненія *А. И. Герцена,* т. 6. Сочиненія *Н. Г. Чернышевскаго,* т. 3 и 4.

нихъ интересовъ. И только съ наступленіемъ новаго царствованія страхъ этотъ сталъ разсѣиваться, и русское общество стало освобождаться отъ сковавшаго его гипноза. Тогда же открылась возможность прикоснуться и къ наиболѣе запретному предмету—крѣпостному праву.

Первые признаки общественнаго пробужденія и оживленія обнаруживаются вмѣстѣ съ манифестомъ о вступленіи на престолъ Александра II и манифестомъ о заключеніи парижскаго мира. Еще слово «реформа» не было произнесено въ правящихъ сферахъ и не появилось ни одного, намекающаго на преобразованія правительственнаго акта, но всѣ разомъ какъ-то почувствовали, что жить такъ, какъ жили до сихъ поръ, далѣе нельзя. Еще правительство не высказалось относительно крѣпостного права ни въ ту ни въ другую сторону, а общественное вниманіе уже устремилось къ этому коренному вопросу тогдашней русской жизни, какъ бы давая понять правительству, что оно не можетъ остаться неприкосновеннымъ, что ломка осужденнаго подъ Севастополемъ строя должна начаться именно отсюда.

Погодинъ. Наиболѣе экспансивные представители русскаго общества тогда же манифестировали передъ правительствомъ одушевлявшія ихъ такого рода чувства, раздѣлявшіяся широкими кругами русскихъ передовыхъ людей. Такъ М. П. Погодинъ привѣтствовалъ новаго царя цѣлой тирадой горячихъ призывовъ на путь обновленія Россіи.

«Разсѣй лучами милости и благости,—обращался Погодинъ къ Александру II,—эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ, черезъ которую и непридворные льстецы не могутъ къ тебѣ проникнуть. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты,—мало ли ихъ есть на святой Руси?.. Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе «общаго блага». Печать и въ обыкновенное время не можетъ нигдѣ принесть столько пользы и причинить столь мало вреда, какъ въ Россіи, а въ настоящее время подъ умнымъ надзоромъ она должна бы замѣнить многія другія учрежденія. Не книги опасны, а событія, которыя возговорили теперь яснѣе, громче всякихъ книгъ, журналовъ и газетъ и которыя читаются и толкуются теперь всячески самыми безграмотными, безъ цензуры... Вели раскрыть настежь во-

рота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ; дай средства намъ научиться лить такія же пушки, штуцера и пули, какими бьютъ теперь враги нашихъ малыхъ дѣтей, сверхъ обыкновенной опасности войны, — а безъ образованія, безъ покровительства всѣмъ наукамъ, нельзя намъ имѣть медицины достаточной. Мы отстали во всѣхъ познаніяхъ: военныя, физическія... мѣры,—тѣ ли у насъ теперь, что у нихъ? Не свѣтъ опасенъ, а опасна тьма! Духа не угашайте, изрекъ апостолъ».

Такъ говорилъ человѣкъ умѣренныхъ взглядовъ, консерваторъ. **Герценъ.**

Еще опредѣленнѣй реагировалъ на смерть Николая I и вступленіе на престолъ Александра II зарубежный глашатай русскаго общественнаго мнѣнія, радикалъ и демократъ А. И. Герценъ.

Въ открытомъ письмѣ къ Александру II отъ 10 марта 1855 года онъ категорически потребовалъ отъ новаго царя немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землей.

«Дайте землю крестьянамъ! Она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ России позорное пятно крѣпостного состоянія, залѣчите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій — эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку. Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить».

Высказавшись каждый по-своему, эти выразители двухъ крайнихъ фланговъ русскаго общественнаго мнѣнія, тѣмъ не менѣе, сошлись на мысли немедленнаго обновленія Россіи.

Духъ общества воспрянулъ и все пришло въ движеніе.

«Здѣсь, въ Петербургѣ,—писалъ въ это время К. Д. Кавелинъ Погодину,—общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится».

Въ свою очередь, Погодинъ свидѣтельствовалъ своему петербургскому корреспонденту объ оживленіи въ московскомъ обществѣ, гдѣ въ это время съ жадностью ловили каждый слухъ изъ Петербурга, готовились къ встрѣчѣ Александра II, обсуждались проекты привѣтствій ему и т. д.

Провинція. Отъ центровъ общественное движеніе шло къ периферіи. Провинція подобно обѣимъ столицамъ тоже засуетилась, заговорила. Атмосфера здѣсь сразу наполнилась слухами, которые вызывали

толки, сужденія, даже нѣкоторые практическіе шаги. Всѣхъ охватило предчувствіе наступленія новой эры, смутное ожиданіе чего-то новаго. И какъ слухи, такъ и толки по поводу нихъ сосредоточились около крѣпостного права.

«Диковинное настало время, — читаемъ въ письмѣ одного симбирскаго помѣщика,—на кого ни посмотришь, каждый и всѣ ждутъ чего-то. Настоящимъ никто не хочетъ удовлетвориться».

«Толки объ эмансипаціи становятся съ каждымъ днемъ серьезнѣе и положительнѣе,—читаемъ въ другомъ письмѣ,—люди не просто болтливые, а достойные вѣроятія и съ авторитетомъ утверждаютъ, что скоро положено будетъ начало».

«Слышатся отовсюду крики о рабствѣ», писалъ тамбовскій помѣщикъ.

Различные были эти толки, какъ различно было и само общество. И по-разумному реагировали на нихъ обитатели захолустныхъ провинціальныхъ городовъ.

Въ однихъ близкая возможность эмансипаціи вызывала чувство нравственнаго удовлетворенія, вздохъ облегченія.

«О, дай, Господи, чтобы любезное отечество наше мирно и безъ потрясеній могло освободиться отъ язвы, которою повсюду проникнуто. Дай намъ, Господи, людей».

Въ Ново-Московскомъ уѣздѣ, среди сторонниковъ эмансипаціи даже образовался «маленькій кружокъ пріятелей, сочувствующихъ и понимающихъ другъ друга и немного мыслящихъ» для обсужденія предстоящей реформы.

Стали появляться проекты реформы, возникла мысль объ образованіи капитала на выкупъ крестьянъ.

Другихъ вѣсть объ отмѣнѣ крѣпостного права страшила, какъ вѣсть о грядущемъ разореніи.

«У насъ разсказываютъ, — читаемъ въ письмѣ орловскаго помѣщика,—что составляется положеніе о свободѣ крестьянъ. Это насъ сильно безпокоитъ, потому что такой переходъ насъ всѣхъ разоритъ, все у насъ растащатъ». Напуганному воображенію крѣпостниковъ рисовались даже картины крушенія порядка въ Россіи, сцены великой французской революціи. «Разрушить этотъ порядокъ (т.-е. крѣпостное право) значитъ приготовить гибель государству», такъ казалось одному тамбовскому помѣщику.

«Ежели теперь въ Россіи существуетъ какой-либо порядокъ въ народѣ, то съ уничтоженіемъ крѣпостного права онъ совер-

шенно разрушится». «Скажу тебѣ, что вмѣстѣ съ дарованіемъ крестьянамъ вольности государь подпишетъ мнѣ и многимъ тысячамъ помѣщиковъ смертный приговоръ. Милліонъ войска не удержитъ крестьянъ отъ неистовства». Гибель всего этому корреспонденту казалась совершенно неизбѣжной.

И чѣмъ слухи дѣлались опредѣленнѣй, тѣмъ сильнѣе начинало реагировать на нихъ задѣтое за живое дворянство. Когда проникло въ общество извѣстіе о секретномъ комитетѣ, то среди крѣпостниковъ его называли не иначе какъ крыловскимъ квартетомъ. Ходатайство нѣкоторыхъ петербургскихъ дворянъ о введеніи у нихъ инвентарей вызвало въ другихъ злобныя выходки, издѣвательства и запугиванія.

Болѣе практичные помѣщики спѣшили предупредить надвигавшуюся грозу и отпускали на волю своихъ крестьянъ за небольшое вознагражденіе, безъ земли. Менѣе практичные, но болѣе малодушные и трусливые, подобно страусу, прячущему голову въ виду несчастія, бѣжали за границу, чтобы не видѣть гибели своего благосостоянія.

«Нашихъ столько за границей, — читаемъ въ одномъ письмѣ изъ-за границы въ провинцію, — что увѣряютъ, что надо ѣхать за границу, чтобы видѣться съ русскими».

Такъ различно и своеобразно реагировали столицы и провинція на первые слухи объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Несмотря на всю пестроту этихъ впечатлѣній и мнѣній, въ нихъ можно отмѣтить одну доминирующую и потому въ извѣстной мѣрѣ объединяющую ихъ черту. Эта черта состоитъ въ отрицательномъ отношеніи большинства провинціальнаго общества къ мысли объ упраздненіи крѣпостного права. Къ такому выводу пришелъ и наблюдатель жизни привинціальнаго, главнымъ образомъ общества того времени по письмамъ современниковъ, у котораго мы заимствовали приведенныя выше выдержки. «Исключая самыхъ небольшихъ кружковъ Москвы и Петербурга, — говоритъ онъ, — остальное дворянство почитало это дѣло просто невѣроятнымъ, невозможнымъ и несбыточнымъ».

Привычка, ставшая второй натурой, къ праздной, обезпеченной даровымъ трудомъ жизни, и безотчетный страхъ передъ неизвѣстными условіями новой жизни, безъ крѣпостныхъ, несомнѣнно, опредѣлили описанное отношеніе дворянства къ слухамъ объ эмансипаціи.

Позднѣе, когда слухи стали дѣйствительностью, среди дворянъ оказалось значительно меньше крѣпостниковъ.

II

Частныя «записки» относительно освобожденія крестьянъ.

Русское образованное общество въ это время дѣлилось на двѣ неравныя половины, на два противоположныхъ и даже враждебныхъ другъ другу стана—славянофиловъ и западниковъ. Они вышли изъ одного кружка сороковыхъ годовъ Станкевича, воспитались на одной и той же нѣмецкой философіи Гегеля и Шеллинга, но разошлись затѣмъ очень далеко.

Славянофилы считали реформу Петра I ошибкой и звали назадъ отъ западно-европейской культуры—«домой», какъ они выражались, въ до-петровскую самобытную Русь—московскаго самодержавія, православія и земскихъ соборовъ.

Западники, наоборотъ, видѣли въ реформѣ Петра величайшую заслугу и стояли за продолженіе ея, за движеніе впередъ по пути именно западно-европейской культуры.

Оба направленія, пользуясь наступленіемъ новаго царствованія, въ надеждѣ на возможность широкой общественной работы, поспѣшили выхлопотать разрѣшеніе на изданіе журнала. Такимъ образомъ возникли одновременно «Русскій Вѣстникъ» Каткова и «Русская Бесѣда» Кошелева.

Явилась даже мысль объ объединенной дѣятельности обоихъ направленій русской общественной мысли. Предстоявшая крестьянская реформа казалась такимъ дѣломъ, передъ которымъ должны были смолкнуть всякія разногласія, прекратиться счеты и раздоры.

Извѣстный ученый К. Д. Кавелинъ первый выразилъ эту мысль, высказалъ эту потребность—въ письмѣ къ Погодину въ ноябрѣ 1855 года.

«Время теперь такое, — писалъ Кавелинъ,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, поставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый — единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, можетъ быть столько же, сколько въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не

хочетъ ихъ маленькихъ несогласій». И Кавелинъ же первый подалъ примѣръ примиренія. Онъ, западникъ, вступилъ въ дружескія отношенія съ консерваторомъ Погодинымъ.

А «Современникъ», органъ русскаго радикализма, горячо привѣтствовалъ появленіе «Русской Бесѣды» — органъ славянофиловъ, разсчитывая въ немъ найти сторонника, «сподвижника въ общемъ дѣлѣ».

Ни желанія Кавелина, ни надежды «Современника» не оправдались — новый журналъ взялъ съ первой же книжки воинственный тонъ, и славянофилы не пошли въ объятія западника Кавелина. Тѣмъ не менѣе, нота примиренія, прозвучавшая тогда въ русскомъ обществѣ, достойна быть отмѣченной. Кромѣ того, впослѣдствіи, когда русское общество оказалось ближе къ дѣлу, чѣмъ въ этотъ моментъ, славянофилы и западники принялись совмѣстно за общественную работу и сошлись на нѣкоторыхъ пунктахъ.

Итакъ, русское общество собралось работать и основало съ этой цѣлью два печатныхъ органа.

Однако положеніе русской печати было тогда не таково, чтобы можно было на ея страницахъ работать такъ, какъ хотѣлось. Крѣпостное право находилось еще подъ запретомъ и вмѣсто насущнаго вопроса — крестьянскаго, новымъ журналамъ приходилось заниматься теоретическими вопросами, тратить силы на отвлеченную полемику, даже домашніе споры.

Поэтому накопившаяся въ обществѣ энергія стала искать себѣ другого исхода, гдѣ бы ея силы нашли болѣе плодотворное приложеніе. И нашла—въ нелегальной литературѣ, которая такимъ образомъ естественно взяла на себя задачу русской повременной печати.

Мы разумѣемъ здѣсь прежде всего Герцена съ его вольной типографіей въ Лондонѣ и сначала «Полярной Звѣздой», а потомъ «Колоколомъ».

Онъ сразу поставилъ крестьянскую реформу въ рѣшительной и категорической формѣ. Въ основу ея онъ клалъ слѣдующія требованія: полная отмѣна крѣпостного права, безъ всякихъ полумѣръ, надѣленіе крестьянъ землей и сохраненіе общиннаго землевладѣнія —теперь же, немедленно.

Къ числу нелегальныхъ изданій мы относимъ и всю рукописную литературу — «записки» относительно уничтоженія крѣпостного права. Эти «записки» стали появляться еще при Николаѣ I, но въ наибольшемъ количествѣ онѣ появились съ наступленіемъ

новаго царствованія. Тогда «записки» полились дождемъ. «Проекты летятъ тысячами», восклицалъ одинъ современникъ. Не даромъ крѣпостники ворчали, что «всякій имѣетъ свой болѣе или менѣе нелѣпый проектъ». Понятно въ этой тысячѣ записокъ большая часть хламъ, дѣйствительно «нелѣпые» проекты. Онѣ характерны только какъ симптомъ приподнятаго настроенія русскаго общества въ это время. Для опредѣленія же «умонаклоненія» общества въ крестьянскомъ вопросѣ пригодны нѣсколько такихъ «записокъ», составленныхъ не рядовыми прожектерами, а вожаками общественныхъ группъ.

Таковы, напримѣръ, записки кн. В. А. Черкасскаго, Ю. Ѳ. Самарина, К. Д. Кавелина, А. И. Кошелева и Позена.

На нихъ мы остановимся.

Въ этихъ запискахъ мы найдемъ оттѣнки общественной мысли по крестьянскому вопросу, формулировку главнѣйшихъ теченій ея.

Уже и умѣреннѣй всѣхъ посмотрѣлъ на дѣло кн. Черкасскій. Онъ, собственно, не предполагаетъ возможность отмѣны крѣпостного права и предлагаетъ въ своей запискѣ лишь рядъ мѣръ противъ распространенія крѣпостной зависимости и для освобожденія крестьянъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, за извѣстное вознагражденіе и безъ земли. Допущеніе гласности въ обсужденіи крестьянскаго вопроса въ литературѣ завершаетъ скромныя пожеланія Черкасскаго.

Записка Самарина.

Самаринъ глубже вникъ въ дѣло и пошелъ дальше своего единомышленника. Онъ прежде всего со всѣхъ сторонъ разсмотрѣлъ институтъ крѣпостного права и выставилъ его гибельное вліяніе на весь строй русской жизни.

«Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза,— вспоминаетъ Самаринъ сдачу Севастополя,—а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ». Подъ послѣднимъ разумѣется николаевскій режимъ и его опора — крѣпостное право. Оно—тормозъ прогресса.

«Во главѣ современныхъ домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться, стоитъ какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было, — вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Съ какого бы конца ни началось наше внутреннее обновленіе, мы встрѣтимся съ нимъ неизбѣжно». И съ нимъ надо раздѣлаться.

Крѣпостное право вредно въ нравственномъ отношеніи — оно деморализуетъ помѣщиковъ ничѣмъ нестѣсняемымъ произволомъ

надъ крестьянами и крестьянъ—тупымъ страхомъ передъ властью помѣщиковъ, подчиненіемъ насилію.

Въ политическомъ отношеніи вредъ крѣпостного права состоитъ въ томъ, что оно разрушаетъ исконное представленіе народа о союзѣ царя съ нимъ и порожаетъ вслѣдствіе разъединенія народа отъ царя дворянствомъ мысль о заговорѣ дворянъ противъ царя и народа.

Вредъ крѣпостного права для хозяйственной жизни страны формулируется положеніемъ, что «производительность труда находится въ прямомъ отношеніи къ свободѣ трудящихся». Крѣпостной трудъ невыгоденъ и, пока онъ существуетъ, нѣтъ мѣста для развитія предпріимчивости, инниціативы, творчества, а безъ нихъ невозможно развитіе земледѣлія и промышленности.

Наконецъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ въ настоящее время натянулись до крайности. Даже уменьшеніе жестокости со стороны помѣщиковъ не ограждаетъ ихъ отъ злобы крестьянъ. «Исчерпываются примѣненія крѣпостного труда къ хозяйственнымъ цѣлямъ».

Итакъ, крѣпостное право осуждено самой жизнью на упраздненіе.

Между тѣмъ, что же дѣлаетъ правительство?

«Гражданскія и хозяйственныя отношенія, основанныя на крѣпостномъ правѣ, сами собою клонятся къ упадку; передъ нами открывается загадочная будущность, а правительство какъ будто *не поспѣваетъ естественнымъ ходомъ вещей*. Бравшись нѣсколько разъ за вопросъ, повидимому, для очистки своей совѣсти, *оно не овладѣло имъ, не заявило твердаго взгляда и рѣшительной воли*. Вмѣсто постепеннаго приближенія къ осуществленію глубоко-обдуманнаго плана, мы видимъ въ его дѣйствіяхъ какое-то *колебаніе въ разныя стороны*, рядъ недосказанныхъ *желаній и* быстро прерванныхъ попытокъ, а со стороны общества рядъ *періодически возникавшихъ* тревогъ, за которыми всякій разъ водворялось *безплодное усыпленіе*».

Послѣ такого суроваго и грознаго предисловія слѣдовало бы ожидать отъ автора записки требованія немедленнаго и полнаго уничтоженія крѣпостного права.

Однако Самаринъ совершенно неожиданно въ практической части своей записки предлагаетъ вмѣсто, дѣйствительной отмѣны крѣпостного права рядъ «переходныхъ отъ крѣпостного состоянія

къ гражданской свободѣ мѣръ», видимо, тоже «для очистки совѣсти».

«Положить предѣлъ естественному развитію крѣпостного права; открыть исходъ (выкупъ безъ земли) изъ него отдѣльнымъ личностямъ, поднимающимся выше уровня крѣпостного сословія; облегчить и поощрить добровольныя сдѣлки (въ духѣ улучшеннаго положенія объ обязанныхъ крестьянахъ)», вотъ что предлагаетъ Самаринъ вмѣсто отмѣны крѣпостныхъ отношеній. Онъ не рѣшается даже разстаться съ вотчинной властью помѣщиковъ надъ крестьянами по освобожденіи и оставляетъ за ними право наказанія крестьянъ розгами до 40 ударовъ.

Критикъ крѣпостного строя не сумѣлъ подняться надъ объектомъ критики. Сдѣлавъ нѣсколько пируэтовъ въ воздухѣ, онъ занялъ въ этомъ строѣ то же самое мѣсто, какъ и другіе.

Записка Кавелина.

Кавелинъ въ своей запискѣ сначала показываетъ, какъ исторически сложилось крѣпостное право, потомъ переходитъ къ государственнымъ крестьянамъ и, отмѣтивъ сравнительную легкость устроенія этихъ крестьянъ въ свободныхъ гражданъ, обращается къ крестьянамъ владѣльческимъ.

Крѣпостное право, по мнѣнію Кавелина, имѣетъ всеобъемлющее вліяніе на жизнь Россіи. И вліяніе это пагубное.

«Какъ въ тѣлѣ отъ неправильнаго обращенія крови обнаруживаются самые разнообразные припадки и болѣзни, такъ и въ государствѣ — отъ крѣпостного права».

Экономическій, нравственный и политическій вредъ отъ крѣпостого права неисчислимъ.

При крѣпостной работѣ—обычно плохой—пропадаетъ огромный процентъ рабочихъ силъ для страны: «потерю эту должно оцѣнить ежегодно, по крайней мѣрѣ, въ $96\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей». Въ ущербъ экономической жизни неправильно распредѣляется населеніе и искусственно прикрѣпляется къ одному роду занятій — земледѣлію. Нераціональное веденіе хозяйства сбиваетъ цѣны на хлѣбъ и рабочія руки и тѣмъ самымъ подрываетъ благосостояніе не только помѣщиковъ и крестьянъ, но и всего государства. Въ моральномъ отношеніи крѣпостное право влечетъ за собой произволъ, раболѣпство, лѣнь, хитрость, располагаетъ къ роскоши, праздности, невѣжеству, т.-е. полному нравственному растлѣнію. Въ политическомъ отношеніи крѣпостное право, съ одной стороны, угроза государственному порядку въ смыслѣ разрушенія его на-

роднымъ возстаніемъ, съ другой—«камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія въ Россіи».

Доводы въ пользу крѣпостного права не заслуживаютъ даже упоминанія.

Правительство пробовало приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права. Но изъ этого до сихъ поръ ничего не вышло. Почему же?

«Вопросъ о крѣпостномъ правѣ не былъ достаточно зрѣло обсужденъ правительствомъ; цѣль стремленій послѣдняго не была опредѣлена совершенно ясно; наконецъ правительство, повидимому, не знало средствъ, ведущихъ къ цѣли ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣло къ нимъ прибѣгнуть». Полицейскія мѣры, боязнь гласности, тайна и запрещеніе обществу касаться крестьянскаго вопроса, игнорированіе экономической стороны дѣла, — вотъ ошибки правительства.

Съ точки зрѣнія Кавелина крѣпостное право въ силу перечисленныхъ соображеній подлежитъ полному уничтоженію.

Въ самой реформѣ его прежде всего занимаетъ юридическая сторона дѣла. Необходимо, чтобы съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній «права и интересы обѣихъ сторонъ—помѣщиковъ и крѣпостныхъ—были вполнѣ сохранены и уважены». У владѣльцевъ нельзя отнять крестьянъ безъ вознагражденія, крестьянъ нельзя лишить земли. Первое разорило бы помѣщиковъ, второе создало бы классъ пролетаріевъ. И то и другое не въ интересахъ права, справедливости и государства.

Отсюда «освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ могло бы совершиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ; 2) ихъ надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею и 3) освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ».

Такимъ образомъ въ противоположность Черкасскому и Самарину, Кавелинъ предлагаетъ полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній и освобожденіе крестьянъ съ *землей*.

Для осуществленія крестьянской реформы въ такомъ видѣ Кавелинъ проектировалъ *выкупъ* земли за государственный счетъ. Онъ сдѣлалъ точный подсчетъ стоимости операцій для Смоленской губерніи. При 81 р. 25 к. на душу это составило бы 30.119.264 р. $58^1/_3$ коп. Кавелинъ исходилъ изъ фактическаго пользованія въ данный моментъ крестьянъ землей и считалъ, что они владѣютъ

половиной земли. При вычисленіи же цыфры выкупа онъ принималъ въ расчетъ разницу между черноземными, гдѣ цѣнилась выше земля, и нечерноземными губерніями, гдѣ больше цѣнился трудъ крѣпостныхъ. Лишить дворянъ безмездно рабочей силы, источника доходовъ, Кавелинъ не считалъ возможнымъ. Не считалъ онъ возможнымъ и использовать задолженность помѣщиковъ изъ опасенія разоренія ихъ, невыгоднаго и для государства.

Однако одновременную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній для всей Россіи при посредствѣ выкупа Кавелинъ не допускалъ. Его пугала колоссальность финансовыхъ затратъ и хотѣлось провѣрки грандіозной операціи опытомъ въ небольшомъ размѣрѣ. Онъ предложилъ начать реформу съ западныхъ губерній.

Какъ видимъ, Кавелинъ пошелъ значительно дальше Самарина. договорился до полнаго уничтоженія крѣпостного права. Но— сынъ своего вѣка, онъ находилъ, что реформу можно произвести постепенно, во всякомъ случаѣ медленнѣй, чѣмъ она совершилась потомъ въ дѣйствительности.

Записки Кошелева.

Кошелевъ составилъ, собственно, 4 записки. Прежде всего онъ возражаетъ своимъ противникамъ—крѣпостникамъ и аргументируетъ тѣми же доводами, что Самаринъ и Кавелинъ.

Кошелевъ старался больше подѣйствовать на чувство своихъ противниковъ, сломить ихъ мрачной перспективой.

«Всѣ изложенныя нами обстоятельства, — писалъ онъ, — налагаютъ въ настоящее время долгъ неукоснительно заняться дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ людей. Конечно, оно можетъ быть совершено не въ одинъ, не въ два, не въ три года, но приняться за него надобно *сейчасъ*, ибо каждая грядущая минута можетъ произнести страшныя слова: *теперь уже поздно*».

Самое освобожденіе крестьянъ должно состояться, по мысли Кошелева, при слѣдующихъ условіяхъ: вполнѣ и безусловно, безъ всякихъ переходныхъ стадій, одновременно по всей Россіи, съ землей въ такомъ количествѣ, чтобы жить «безъ нужды», уступаемой имъ помѣщиками за извѣстное вознагражденіе и устройствомъ крестьянъ мірскими обществами. Средство для разрѣшенія земельнаго вопроса Кошелевъ видѣлъ въ выкупѣ земли за государственный счетъ, при чемъ, считая за душу съ надѣломъ въ среднемъ 90 руб., и за вычетомъ долга крѣпостнымъ учрежденіямъ, исчислялъ необходимую для выкупа сумму въ 450 милліоновъ рублей.

Прекращеніе крѣпостныхъ отношеній Кошелевъ предоставлялъ добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами «при побужденіи со стороны правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозою произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ».

Вся операція освобожденія растягивалась имъ на 12 лѣтъ съ раздѣленіемъ на трехлѣтніе промежутки для оцѣнки земли и заключенія договора между помѣщиками и крестьянами. Пока же Кошелевъ предлагалъ положить предѣлъ распространенію крѣпостного права и снять съ крестьянскаго вопроса «покрывало таинственности».

Кошелевъ достаточно рѣшителенъ и не даромъ заслужилъ у своихъ друзей Черкасскаго и Самарина репутацію радикала въ крестьянскомъ вопросѣ. Онъ сразу сталъ на точку зрѣнія дѣйствительной и полной ликвидаціи крѣпостного права. Но быстрое рѣшеніе вопроса и ему представлялось невозможнымъ.

Записка Кошелева — та крайняя вѣха, до которой дошла въ это время русская дворянская интеллигенція въ крестьянскомъ вопросѣ.

При всей большей или меньшей прогрессивности изложенныхъ записокъ, въ особенности Кавелина и Кошелева, и извѣстной правильности намѣчаемаго ими пути освобожденія крестьянъ, онѣ страдаютъ однимъ недостаткомъ, общимъ имъ всѣмъ, — непониманіемъ сущности крѣпостныхъ отношеній. Безправіе въ немъ онѣ подмѣниваютъ правомъ и съ большей или меньшей настойчивостью требуютъ вознагражденія помѣщика не только за землю, но и за самое освобожденіе. Душа при вычисленіи выкупной суммы расцѣнивается вмѣстѣ съ землей. Мысль о правахъ на землю также и крестьянъ совершенно чужда имъ. А о неправомѣрности личнаго закрѣпощенія крестьянъ они какъ будто не подозрѣваютъ.

Въ этомъ сказалась принадлежность авторовъ записокъ къ дворянству. Ихъ устами высказалась именно дворянская, а не внѣклассовая интеллигенція.

Позенъ, получившій въ эпоху эмансипаціи репутацію почти что шуллера, относился съ большимъ презрѣніемъ и насмѣшками къ появившимся тогда запискамъ.

«Всѣ, — говорилъ онъ, — пустились писать. Въ числѣ вновь поступившихъ проектовъ есть самые сумасброднѣйшіе. Другіе одѣты въ красивую оболочку, имѣютъ видъ практичности, но въ сущности никуда не годятся и поведутъ къ большимъ бѣдамъ».

Къ послѣднимъ онъ причислилъ проектъ Кошелева, «отъ котораго не ожидалъ такой утопіи».

Самъ Позенъ рѣшилъ написать не утопическій, а вполнѣ реальный проектъ. Такъ какъ утопіей онъ считалъ освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей съ обязательнымъ выкупомъ, то онъ въ своей запискѣ то и другое отбросилъ и предложилъ ограничиться существующими законами для улучшенія быта крестьянъ, не трогая священныхъ правъ помѣщика на землю и крестьянъ.

Практикъ, однако, на дѣлѣ оказался больше утопистомъ, чѣмъ Кошелевъ и его друзья. Въ жизнь вошли начала, выработанныя послѣдними, а не Позеномъ.

У Позена были свои читатели и сторонники, но на рынкѣ тогдашняго общественнаго мнѣнія записка его цѣнилась не высоко. Ее называли «курьезной пьесой». Тогда какъ записки Кавелина, Самарина, Черкасскаго, Кошелева — ждались «съ нетерпѣніемъ», переписывались, ходили по рукамъ и жадно читались. Въ частности записка Кавелина, по его словамъ, въ виду ея примирительнаго характера «принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо».

III.

Временный упадокъ общественнаго настроенія вслѣдствіе бездѣйствія правительства.

Итакъ, общество русское съ наступленіемъ новаго царствованія оживилось, и общественная мысль заработала въ направленіи упраздненія крѣпостного права. Однако все, чѣмъ питалось и поддерживалось въ это время общественное оживленіе и работа общественной мысли, не выходило пока изъ предѣловъ слуховъ. Чего-либо положительнаго и вполнѣ опредѣленнаго не было. Существовалъ, правда, секретный комитетъ по крестьянскому вопросу, но, не говоря уже о томъ, что онъ ничего не дѣлалъ, происходившее въ его средѣ обставлялось строжайшей тайной. Записки о крѣпостномъ правѣ проникли въ правящія сферы, но оглашеніе ихъ не допускалось и печати опредѣленно было «сказано въ III отдѣленіи, что такъ какъ государь не мало еще не выразилъ своего собственнаго (мнѣнія — насчетъ крѣпостного права), то и не слѣдуетъ печатать болѣе того, что было допускаемо при Николаѣ I», т.-е. ничего не писать. И цензура строго слѣдила за выполненіемъ этого предписанія. По словамъ Погодина, она «просто обезумѣла и не пропускаетъ ничего», «цензура неистовствуетъ».

Такимъ образомъ правительство молчало относительно крѣпостного права, печати не велѣно было объ этомъ говорить, секретный комитетъ толокся на одномъ мѣстѣ. И по внѣшности все оставалось безъ измѣненія, по-старому. Неудивительно, что общественное настроеніе, воспрянувшее было подъ вліяніемъ слуховъ, начало понижаться, и тѣмъ, которые предвѣщали зарю новой жизни, начинало казаться, что никакой зари не будетъ, и они впали въ уныніе.

«Здѣсь тебя ждетъ жизнь сѣренькая, — писалъ Н. А. Некрасовъ 27 іюня 1857 года И. С. Тургеневу, собиравшемуся изъ-за границы домой. — Сѣро, сѣро! Глухо, дико, глупо и почти безнадежно!» Кавелину казалось даже, что «возвратились 1849 и слѣдующіе годы».

Отъ слуховъ безплодныхъ и противорѣчивыхъ стала уставать даже и провинція. Тамъ тоже нервничали и впадали въ тоску, въ состояніе безнадежности.

«Надо пожить здѣсь, — писали изъ провинціи, — чтобы оцѣнить все значеніе прихода почты и всю горечь разочарованія, когда она приноситъ однѣ канцелярскія дрязги, гдѣ видишь всѣ усилія министерства поддержать сей милый, такъ называемый порядокъ».

«Горячо было принялись мы, — писалъ новомосковскій помѣщикъ, сторонникъ эмансипаціи, — за обсужденіе могущаго быть у насъ лучшаго порядка, лучшихъ отношеній насъ, владѣльцевъ, къ крестьянамъ нашимъ, но—увы!—первый шагъ, первое столкновеніе съ властью высшею разрушило все. Видно, еще долго ждать нашихъ лучшихъ дней».

А нервно относившійся къ событіямъ въ своей родинѣ Герценъ не выдержалъ и послалъ даже русскому правительству свое первое предостереженіе.

«Пора проснуться! Теперь еще время. Ты можешь мирнымъ путемъ рѣшить вопросъ освобожденія крѣпостныхъ.

Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ; мужики рѣшатъ его по-своему. Рѣки крови прольются, — и кто будетъ виноватъ въ этомъ?

Проснись! Работай не надъ мертвечиной формалистики, а надъ живымъ государственнымъ вопросомъ. Работай, пока время не ушло. Vivos voco!»

Только на крѣпостниковъ молчаніе правительства подѣйствовало успокоительно. Они съ чувствомъ удовлетворенія констатировали прекращеніе толковъ объ освобожденіи и ждали офиціальнаго разсѣянія слуховъ. «Въ нашемъ обществѣ,—писалъ одинъ нижегородскій помѣщикъ, — толки о свободѣ крестьянъ начали мало-по-малу прекращаться». Толковали только учителя да дворовые люди въ трактирахъ и харчевняхъ. «Недавно разнеслась молва, что для подавленія подобныхъ толковъ готовится высочайшій манифестъ. Дай-то Богъ, чтобы это сбылось, тогда бы мы вышли изъ заблужденія и двусмысленнаго положенія».

Трудно сказать, сколько бы продолжалось это неопредѣленное и тягостное состояніе, если бы дворянство литовскихъ губерній не возбудило ходатайства объ освобожденіи крестьянъ безъ земли. Это сдвинуло правительство съ мертвой точки. 20 ноября 1857 года появился высочайшій рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, гдѣ правительство разрѣшило литовскому дворянству освобожденіе крестьянъ, но на установленныхъ имъ началахъ — и картина русской жизни сразу измѣнилась.

Высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 г. и новый подъемъ общественнаго настроенія.

Рескриптъ этотъ считается поворотнымъ моментомъ въ отношеніи правительства къ крѣпостному праву. Политика келейности и оттягиванія рѣшенія этого капитальнаго вопроса русской жизни отнынѣ прекращается и уступаетъ мѣсто политикѣ открытыхъ дверей и признанія за нимъ неотложности. Въ рескриптѣ Назимову правительство не произнесло слово «отмѣна» крѣпостного права, и начала измѣненія въ положеніи крестьянъ отличались скромнымъ и палліативнымъ характеромъ. Но оно отняло у крѣпостного права неприкосновенность и сняло съ него пелену тайны. Непоколебимое пошатнулось, запрещенное стало дозволеннымъ.

Такъ поняло рескриптъ и общество русское и живо, со всѣхъ сторонъ откликнулось на него.

Откуда вообще трудно было ждать добраго и ждать потеряли терпѣніе, оттуда — «изъ цвѣтного гноища Петербургской ямы — вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную». Такъ выразился по поводу рескрипта А. С. Хомяковъ.

«Главное — приступъ сдѣланъ и назадъ итти нельзя», занесъ въ свой «Дневникъ» проф. А. В. Никитенко.

Старикъ С. Т. Аксаковъ привѣтствовалъ рескриптъ, какъ поворотъ въ русской жизни.

Жребій брошенъ... Роковое
Слово выслушалъ народъ...
Слово страшное, святое
Произнесъ минувшій годъ.

А сынъ его И. С. спѣшилъ похоронить крѣпостной режимъ и привѣтствовать наступленіе новой эры.

Дню прошедшему забвенье!
Дню грядущему привѣтъ!

Даже извѣстный радикалъ, впослѣдствіи преслѣдовавшійся правительствомъ и рѣзко разошедшійся съ нимъ, въ этотъ моментъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ словамъ рескрипта и горячо отозвался на него, ожидая отъ правительства осуществленія желаній либеральной части русскаго общества.

«Съ царствованія Александра II,—писалъ Н. Г. Чернышевскій въ «Современникѣ»,—начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованія Петра. Исторія Россіи съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со временъ Петра отъ прежнихъ временъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ настолько же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, насколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтія въ Россіи».

«Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостного права благословляетъ времена Александра II славою высочайшею въ мірѣ».

Но всѣхъ горячѣй и восторженнѣй привѣтствовалъ рескриптъ А. И. Герценъ.

Бурный энтузіастъ разразился знаменитымъ письмомъ къ Александру II.

«*Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!*» Такъ начиналось это письмо. Далѣе Герценъ говоритъ о крикахъ реакціонеровъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Александра II, о надеждахъ, возлагавшихся на него, о своемъ ожиданіи, о паденіи надеждъ. «Надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся во мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось».

«Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ, — все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано *имъ*, грядущія поколѣнія этого не забудутъ».

«Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» — опять тѣми же словами заканчивалось письмо.

Банкетъ въ Москвѣ.

Экспансивный К. Д. Кавелинъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, чтобы устроить здѣсь банкетъ въ ознаменованіе крупнаго событія. Онъ опять носился съ прежней мыслью и хотѣлъ при помощи банкета объединить интеллигентныя силы столицы, на крестьянскомъ вопросѣ примирить враждовавшихъ между собой славянофиловъ и западниковъ и въ то же время манифестировать правительству поддержку общественнаго мнѣнія въ начатомъ имъ дѣлѣ. При содѣйствіи Погодина и Каткова Кавелину удалось сорганизовать банкетъ, который и состоялся въ залахъ Купеческаго клуба на Б. Дмитровкѣ 28 декабря 1857 года.

Примиреніе славянофиловъ съ западниками опять не произошло. Видные представители славянофильства — Самаринъ, Кошелевъ и др.—отказались участвовать въ обѣдѣ: подъ предлогомъ несоотвѣтствія святости дѣла питью шампанскаго и изъ опасенія повредить дѣлу манифестаціей союза либеральной интеллигенціи съ Александромъ II, вѣрнѣе же просто изъ боязни громко высказываться за эмансипацію.

Но банкетъ отъ этого не потерялъ, и цѣль, ему поставленная, была достигнута.

«Бываютъ эпохи, когда... силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ: благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху!»

Такими словами начался банкетъ, открывшійся рѣчью М. Н. Каткова.

Закончилъ свою рѣчь Катковъ тостомъ за здоровье императора. Тостъ былъ подхваченъ громкими криками «ура» всѣхъ при-

сутствовавшихъ, оглушительный громъ которыхъ, по свидѣтельству оратора, «и послѣ долго стоялъ въ стѣнахъ залы».

Далѣе слѣдовали рѣчи и тосты за русское дворянство М. П. Погодина, который кстати вспомнилъ и «дорогого нашего кормильца, дорогого нашего поильца, православнаго мужичка» и поздравилъ его съ новымъ годомъ; за свободный трудъ говорили рѣчи также проф. И. К. Бабстъ, А. В. Станкевичъ, Н. Ф. Павловъ.

Затѣмъ поднялся иниціаторъ банкета К. Д. Кавелинъ.

«Этого 20 ноября,—сказалъ ораторъ,—чаяли уже многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу, его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца, оно озабочивало многія царствованія, въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ»... Обратившись далѣе къ дворянству и воздавъ долгъ уваженія и признательности «державному Миротворителю», Кавелинъ призвалъ всѣхъ къ единогласію и примиренію.

«Да смягчатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой несокрушимой твердынѣ да устроится жизнь наша на вѣчныя времена! Да будетъ все воедино, исполняясь благоговѣніемъ передъ неисповѣдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цѣли». Громъ рукоплесканій и крики «браво» покрыли заключительныя слова Кавелина.

Послѣднимъ говорилъ В. А. Кокоревъ.

Извѣстный откупщикъ выступилъ какъ бы отъ лица крестьянъ, изъ которыхъ онъ происходилъ, и указывалъ на огромное значеніе освобожденія крестьянъ для всѣхъ сословій, для цѣлой Россіи, въ смыслѣ обновленія ея и пріобщенія къ общеевропейской культурѣ.

«Пожелаемъ взаимно другъ другу одного, чтобы процессъ нашихъ мыслей не прерывался въ насъ и дома, внутри нашихъ жилищъ и происходилъ бы въ духѣ смиренномудрія и терпѣнія». «Предлагаю тостъ въ честь и славу тѣхъ людей, которые въ чувствахъ искренней любви къ государю будутъ содѣйствовать нашему выходу изъ кривыхъ и темныхъ закоулковъ на открытый путь гражданственности».

«Праздникъ,—вспоминаетъ Катковъ,—кончился, но одушевленіе, наполнявшее всѣхъ присутствовавшихъ, еще нѣкоторое время удерживало ихъ предъ портретомъ государя. Долго раздавалось громогласное *ура*! и внезапно перешло въ стройные звуки на-

родного гимна *Боже, царя храни!* Такъ закончился этотъ праздникъ».

Въ залахъ Купеческаго клуба 28 декабря собралась московская интеллигенція. Она выразила свое полное довѣріе правительству и солидарность съ императоромъ и предложила свои услуги въ начатомъ имъ великомъ дѣлѣ.

Такъ можно истолковать смыслъ этого перваго банкета.

Самый банкетъ и рѣчи, произнесенныя на немъ, произвели шумъ, вызвали толки. Описаніе банкета и наиболѣе интересныя рѣчи — Каткова, Кавелина, Кокорева, были помѣщены въ журналахъ. А на рѣчь Кокорева типографія «Русскаго Вѣстника» получила отъ автора заказъ въ 10 шт. экземпляровъ.

За первымъ банкетомъ послѣдовали другіе.

Впечатлѣніе отъ рескрипта 20 ноября въ провинціи.

Всколыхнулъ рескриптъ 20 ноября и провинцію, уже начинавшую было, какъ мы знаемъ, настраиваться на минорный тонъ вслѣдствіе не оправдавшихся слуховъ. Теперь сюда пришли уже не расплывчатые слухи, а подлинный фактъ, приступъ правительства къ уничтоженію крѣпостной зависимости. И крестьянскій вопросъ снова сдѣлался темой разговоровъ, предметомъ одушевленныхъ чаяній и свѣтлыхъ перспективъ съ одной и горькихъ сѣтованій, раздраженій — съ другой стороны.

«Крестьянскій вопросъ, — разсказываетъ современникъ,—поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою. Многіе съ ума сошли, многіе умерли. Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, не робѣлъ большой и малый владѣлецъ».

Въ атмосферѣ напряженнаго интереса къ крестьянскому вопросу провинція росла, мужала въ умственномъ и моральномъ отношеніи, измѣнилась до неузнаваемости.

«Надо читать газеты и журналы того времени,—говоритъ историкъ эпохи,—чтобы понять, какое оживленное общественное движеніе было вызвано рескриптами. Общество какъ бы проснулось послѣ долгаго сна».

И все это писалось, говорилось и дѣлалось по поводу въ сущности весьма скромныхъ намѣреній правительства, изображенныхъ въ рескриптѣ 20 ноября. Согласно ему — «помѣщикамъ сохраняется право собственности на *всю землю*», крестьянамъ же «остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они... пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа» и «предоставляется въ пользованіе», «надлежащее... количество земли, за которое

они или *платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику»*. Крестьяне, хотя и устраиваются въ сельскія общества, тѣмъ не менѣе, «помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція»; наконецъ правительство предлагало «надлежащимъ образомъ обезпечить уплату крестьянами «податей и денежныхъ сборовъ».

Это очень далеко отъ полнаго, дѣйствительнаго и при томъ съ землей освобожденія крестьянъ — и очень близко къ временнообязаннымъ крестьянамъ николаевскаго времени.

Въ первый моментъ общество не замѣтило дефектовъ рескрипта. Оно слишкомъ отдалось чувству радости и слишкомъ вѣрило правительству.

И только ближайшее знакомство съ началами рескрипта отрезвило общество и, занявшись крестьянской реформой, оно выдвинуло свои начала, болѣе широкія.

Мы разумѣемъ здѣсь все время передовое общество и публицистику того времени.

IV.

Разработка въ повременной печати крестьянскаго вопроса.

Печать отозвалась на рескриптъ усиленной разработкой крестьянскаго вопроса.

Славянофилы основали даже спеціальный журналъ — «Сельское благоустройство». Органъ западниковъ «Русскій Вѣстникъ» открылъ особый отдѣлъ подъ названіемъ «Крестьянскій вопросъ». Въ «Современникѣ» началъ печататься рядъ статей Чернышевскаго по крестьянскому вопросу. Наконецъ и Герценъ въ своемъ «Колоколѣ» завелъ отдѣлъ, посвященный реформѣ, поступившій въ распоряженіе его друга Огарева.

На первой очереди теперь стоялъ вопросъ о выкупѣ. Идея безземельнаго освобожденія не была еще оставлена въ правящихъ сферахъ. Но подъ вліяніемъ «записокъ» она поколебалась и пробилась въ рескриптъ въ осторожной и скрытой формѣ. За идею же выкупа предстояло еще бороться. И журналистика выступила со всѣми аргументами, какъ логическаго, такъ и практическаго свойства, въ защиту идеи выкупа земли.

Чернышевскій о выкупѣ земли крестьянами.

Чернышевскій въ «Современникѣ» въ особенности обстоятельно и неотразимо доказывалъ необходимость, выгодность для помѣщиковъ и полную возможность для государства обязательнаго выкупа земли въ пользу крестьянъ.

Противники идеи выкупа, тѣмъ болѣе обязательнаго, пугали огромными цифрами стоимости этой операціи и отсюда — невозможностью ея.

Чернышевскій считаетъ эти цифры преувеличенными и ни на чемъ неосновванными. Самъ онъ беретъ цифры изъ «Сельско-хозяйственной статистики Смоленской губерніи» Я. Соловьева, только что вышедшей тогда, и «Статистическаго описанія Кіевской губерніи» Жуковскаго и на нихъ строитъ свои расчеты. Оказывается, при 49 р. 5 к. на ревизскую душу и 10.844.902 душъ крестьянъ выкупная операція будетъ стоить 531.942.443 р. 10 к.— цифра очень далекая, по словамъ Чернышевскаго, отъ «страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ». Потомъ Чернышевскій поднялъ норму выкупной суммы до 70 — 90 р. съ души, отъ чего поднялась и общая стоимость выкупной операціи до 812.500.000 рублей.

По мнѣнію Чернышевскаго большія цифры противниковъ выкупа или, по крайней мѣрѣ, скептиковъ происходятъ оттого, что они хотятъ выкупа всей земли помѣщика и оцѣниваютъ ее всю одинаково. Между тѣмъ часть земли находилась въ личномъ пользованіи крестьянъ и должна была находиться по закону въ такомъ пользованіи, а стало быть, и по закону и по справедливости должна остаться за крестьянами. Эта земля была какъ бы не помѣщичья, а крестьянская, она служила для прокормленія крестьянъ, а не помѣщика. Доходъ помѣщика получается съ остальной, находящейся въ его пользованіи земли. И на рынкѣ земля оцѣнивается по доходу съ этой земли, крестьянская доля сюда не входитъ. Поэтому и выкупная сумма должна вычисляться по этому дѣйствительному, а не фиктивному доходу, т.-е. примѣнительно къ части помѣщичьей земли, а не всей ея.

Съ этой точки зрѣнія выкупъ даже выгоденъ для помѣщиковъ.

«Крѣпостное право,—говоритъ Чернышевскій, — это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ — это правда, земли у васъ много — и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше: ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ,—цѣните ихъ хотя въ 10.000 р.

за душу, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копейки: она служить только къ прокормленію крестьянъ, а прокормленіе крестьянъ служить только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная ихъ работа на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины 20 рублей, вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 р., если бы крѣпостного права не было. Такъ вотъ оно каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно то же самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить».

Что же касается тѣхъ помѣстій, гдѣ нѣтъ барщины и крестьяне на оброкѣ, при чемъ оброкъ даетъ владѣльцу доходъ, частью превышающій земледѣльческій доходъ, то эти случаи не согласны со смысломъ и требованіями крѣпостного права. Крѣпостное право простирается на земледѣльческій трудъ и доходъ, все же прочее на немъ не основано и, какъ на немъ не основанное нарушеніе его принципа, не подлежитъ принятію въ расчетъ. Значитъ, и здѣсь остается та же чисто земледѣльческая норма выкупа.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Чернышевскаго, «цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика; земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья цѣнность помѣстья не уменьшается. Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ почти весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостного права».

Это единственно возможныя основанія выкупа, сообразныя съ требованіями «государственной пользы» и «житейской справедливости».

Два послѣднихъ требованія въ первый разъ были выставлены въ своемъ чистомъ видѣ, безъ классовой окраски. Въ первый разъ также вспомнили въ обществѣ о правахъ крестьянъ на землю. То была точка зрѣнія внѣклассовой интеллигенціи.

Самое осуществленіе выкупной операціи, по мнѣнію Чернышевскаго, должно было взять на себя государство.

Настойчиво проводилъ идею выкупа также «Русскій Вѣстникъ».

Герценъ о выкупѣ.

Но лучшимъ союзникомъ въ защитѣ идеи выкупа передовой журналистики оказался, какъ всегда, Герценъ.

Онъ въ данномъ случаѣ дополнилъ Чернышевскаго. Поскольку послѣдній старался воздѣйствовать на разсудокъ, на присущій человѣку практицизмъ и успокоить насчетъ экономическаго краха, настолько первый старался воздѣйствовать на чувство и именно запугать яркой картиной краха въ случаѣ отказа отъ выкупа земли.

Выкупъ всей земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, обязательной по распоряженію правительства,—вотъ что казалось Герцену безусловно необходимымъ. И онъ настойчиво требовалъ такого выкупа.

«Иначе Россіи угрожаетъ шляхетская олигархія; а необходимое послѣдствіе этой олигархіи — рѣзня. Пора правительству приняться за выкупъ! Время дорого, внутренніе элементы бродятъ и пойдутъ къ развязкѣ, какъ бы она ни была трагична, быстрѣе, чѣмъ кажется сильнымъ міра сего. Не надо также забывать, что теперь минута для выкупа удобна, и если, напротивъ того, крестьянскій вопросъ дойдетъ до трагической развязки, — въ этомъ виновато будетъ правительство».

Вопросъ объ общинѣ съ началомъ крестьянской реформы выходилъ изъ теоретической фазы и вступалъ въ практическую. Отпускаемыхъ на волю крестьянъ надо было устраивать такъ или иначе въ земледѣльческія общества и отъ рѣшенія вопроса объ общинѣ зависѣло все будущее благосостояніе этой огромной земледѣльческой массы. Отсюда понятно, насколько важенъ былъ данный вопросъ объ общинѣ и отсюда общинномъ землевладѣніи крестьянъ. И журналистика на ряду съ выкупомъ занялась также и вопросомъ объ общинѣ.

Славянофилы давно занимались этимъ вопросомъ съ точки зрѣнія самобытности данной формы русской жизни и отстаивали въ ней выраженія творческаго національнаго духа русскаго народа отъ нападокъ противниковъ ихъ, утверждавшихъ, что община—

продуктъ творчества не народа, а государства, извѣстная фискально-полицейская форма, не больше. На той же точкѣ зрѣнія они продолжали стоять и настаивать на организаціи крестьянъ въ общины и теперь.

Чернышевскій объ общинѣ и общинномъ землевладѣніи

«Современникъ» же въ лицѣ Чернышевскаго посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ другой стороны — частью отвлеченной, но болѣе практической. Онъ увидалъ въ общинѣ готовую форму соціалистическаго строя и рѣшилъ выдвинуть ее въ качествѣ весьма подходящаго опыта этого строя.

Исходя въ сущности изъ довольно далекихъ отъ дѣйствительности перспективъ соціалистовъ, Чернышевскій сталъ на вполнѣ реальную почву въ рѣшеніи вопроса объ общинѣ и привелъ въ защиту общиннаго землевладѣнія совершенно конкретныя практическія основанія, даже цифры.

Ему нужно было опровергнуть доводы противниковъ, что община несовмѣстима съ успѣхами сельскаго хозяйства и отсюда является тормозомъ вообще прогресса въ экономической жизни страны. И онъ опровергъ ихъ.

По мнѣнію Чернышевскаго, въ общинномъ землевладѣніи единственное спасеніе крестьянства отъ бѣдствій батрачества и нищеты, приносимыхъ вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма, ростомъ промышленности и торговли. Примѣръ Англіи и Франціи у насъ на глазахъ. А поскольку благо крестьянства есть наше общее благо, постольку надо стараться избавить его отъ грядущихъ бѣдствій. Что касается мнѣнія о несовмѣстимости общиннаго землевладѣнія съ прогрессомъ сельскаго хозяйства, то оно основано на способахъ пользованія (передѣлы), которые легко устранимы. Самый же принципъ не противорѣчитъ и не мѣшаетъ успѣхамъ земледѣлія.

«Русскій Вѣстникъ» стоялъ на точкѣ зрѣнія индивидуальной свободы личности и высказывался противъ общиннаго землевладѣнія.

Съ выкупомъ и общиннымъ землевладѣніемъ печать тѣсно связала вопросъ о моментѣ разрыва крѣпостныхъ отношеній крестьянина съ помѣщикомъ. И выкупъ и переходъ къ общинному землевладѣнію ставились разсматриваемыми органами печати такъ, что разрывъ наступалъ тотчасъ же съ обнародованіемъ манифеста о волѣ. Никакихъ временныхъ, переходныхъ состояній полусвободы, полурабства они не допускали. Крѣпостное право, какъ

право на свободу, на личность человѣка ликвидировалось сразу, безвозвратно и безслѣдно.

Иными словами, передовая печать сошла съ точки зрѣнія высочайшаго рескрипта 20 ноября и выдвинула свои основы крестьянской реформы, болѣе широкія и болѣе рѣшительныя.

Исключеніе въ этомъ случаѣ составили славянофилы. Они, раздѣляя какъ идею освобожденія крестьянъ съ землей, такъ и идею выкупа, остались, тѣмъ не менѣе, на точкѣ зрѣнія правительства. И держались правительственной программы какъ въ печати, такъ и въ губернскихъ комитетахъ. «Какъ она ни дурна,—говорилъ про эту программу Кошелевъ,—но наши дворяне сто разъ хуже ея». При помощи ея они хотѣли припереть крѣпостниковъ и вырвать у нихъ освобожденіе крестьянъ, но при сохраненіи, согласно программы, вотчинной власти помѣщиковъ и тѣлесныхъ наказаній. Въ защиту послѣднихъ славянофильскіе представители не постѣснялись даже выступить въ прессѣ, чѣмъ внесли непріятный диссонансъ въ хоръ прогрессивной печати.

Позиція крѣпостниковъ въ журналистикѣ.

Совершенно особое мѣсто занялъ «Журналъ землевладѣльцевъ» — органъ помѣщиковъ крѣпостниковъ или «плантаторовъ», какъ ихъ тогда называли. Понятно, онъ отстаивалъ интересы своего класса и строилъ реформы на подчиненіи крестьянскихъ интересовъ интересамъ помѣщиковъ.

Въ противоположность другимъ журналамъ, которые старались расширить смыслъ высочайшаго рескрипта 20 ноября въ духѣ уничтоженія крѣпостного права, этотъ журналъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сузить предѣлы рескрипта, свести задачу правительства на полумѣры.

«Не освобожденіе крестьянъ,—говорится въ предисловіи первой книжки журнала,—или уничтоженіе крѣпостного состоянія, какъ неправильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшею волею, а прочное и при томъ постепенное улучшеніе ихъ быта». Съ точки зрѣнія «Журнала землевладѣльцевъ» это, впрочемъ, «болѣе, чѣмъ крѣпостное освобожденіе».

Само собою разумѣется, журналъ стоялъ за возможно дольшее продленіе переходнаго періода, опеки помѣщиковъ надъ крестьянами, включая сюда и право наказанія ихъ розгами. Въ дѣлѣ же матеріальнаго устройства крестьянъ органъ помѣщиковъ выставилъ слѣдующія положенія: 1) возможно меньшіе размѣры крестьянской усадебной осѣдлости; 2) надѣленіе крестьянъ по-

левою землею лишь въ пользованіе и не болѣе одной десятины на душу; 3) барщинный трудъ; 4) высокіе оброки; 5) незаконность и вредъ нормированнаго правительствомъ выкупа крестьянами паевыхъ угодій; 6) обезземеленіе крестьянъ по истеченіи переходнаго времени; 7) вредъ общиннаго землевладѣнія.

И эти положенія, направленныя къ полному разоренію крестьянъ, отстаивались, какъ согласныя съ интересами крестьянъ, ради ихъ пользы. По мнѣнію «Журнала землевладѣльцевъ», отмѣна крѣпостного права есть нарушеніе правъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ. Обычный софизмъ крѣпостниковъ.

Пощадите крестьянъ, если вы не хотите пощадить помѣщиковъ, и не трогайте крѣпостнаго права. Такъ можно формулировать ихъ лицемѣрныя изліянія.

Но не этими запоздалыми голосами защитниковъ крѣпостного права, нашедшими себѣ пріютъ въ «Журналѣ землевладѣльцевъ», опредѣлялось настроеніе русскаго общества въ данный моментъ. Выразителями общественнаго мнѣнія служили названные ранѣе журналы.

Стѣсненія печати и общества въ обсужденіи крестьянскаго вопроса.

Не сразу, впрочемъ, общество получило возможность открыто высказаться. Описанныя выступленія печати произошли спустя годъ — полтора послѣ рескрипта.

Общество поняло правительственную декларацію, какъ разрѣшеніе заниматься вопросами объ уничтоженіи крѣпостного права и устройствѣ крестьянъ по освобожденіи. И воспользовалось этимъ разрѣшеніемъ.

Первое время такъ и было въ дѣйствительности. Но потомъ шумъ, поднятый обществомъ, смутилъ покой правительства, и оно властной рукой прекратило его.

Прежде всего въ правящихъ сферахъ не понравился московскій обѣдъ и опубликованіе рѣчей застольныхъ ораторовъ. Въ особенности вызвала неудовольствіе рѣчь Кокорева. Московскій генералъ-губернаторъ поспѣшилъ прекратить дальнѣйшіе банкеты. Цензоръ получилъ нагоняй за отчетъ въ печати объ обѣдѣ 28 декабря.

Затѣмъ обращено было вниманіе на печать. Въ результатѣ «Русскій Вѣстникъ» уже съ апрѣля, слѣдующаго за рескриптомъ 20 ноября, 1858 года, прекратилъ веденіе отдѣла «крестьянскій вопросъ» — «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ». Умолкъ также и «Современникъ».

Исторія съ Кавелинымъ проливаетъ свѣтъ на эти репрессіи. Когда Чернышевскій напечаталъ въ «Современникѣ» выдержки изъ «записки» Кавелина, касающіяся выкупа земли при освобожденіи, то Кавелина постигла опала. Онъ былъ отставленъ отъ воспитанія наслѣдника.

Въ этомъ разгадка возобновившихся репрессій. Общество пошло дальше правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Правительство еще не высказалось окончательно относительно выкупа, въ этотъ моментъ было даже противъ него, тѣмъ болѣе въ обязательной формѣ, а общество уже рѣшило вопросъ въ окончательной формѣ и громко заговорилю о необходимости обязательнаго выкупа.

Правительство чувствовало, что подъ напоромъ общественныхъ требованій, неотразимыхъ своей жизненностью и здравымъ смысломъ, ему придется уступить, выйти за предѣлы рескрипта 20 ноября — какъ это и случилось потомъ — между тѣмъ позиція, занятая крѣпостниками, окружавшими царя и сидѣвшими въ Главномъ комитетѣ, не допускала подобныхъ уступокъ. И вотъ подъ вліяніемъ послѣднихъ правительство на общественное содѣйствіе отвѣтило стѣсненіемъ общественной дѣятельности и иниціативы.

Таковъ истинный смыслъ репрессій.

Понятно, тонъ общественной жизни снова понизился и въ интимной перепискѣ, гдѣ можно было высказываться, раздаются опять ноты недовольства, ламентаціи. Только что показавшійся просвѣтъ заволокло надвинувшейся тучей. Побѣда, одержанная надъ крѣпостниками, готова была ускользнуть. Во всякомъ случаѣ опредѣленность положенія послѣ рескрипта 20 ноября смѣнилась опять неопредѣленностью, и въ душу закрадывались сомнѣнія.

Этимъ и объясняется раздраженный и угрожающій тонъ приведенной выше цитаты изъ статьи «Колокола» о выкупѣ.

Позднѣе правительство сняло запретъ съ крестьянскаго вопроса. Тогда и появились приведенныя статьи о выкупѣ, общинѣ и т. д.

V.

Откликъ дворянства на рескриптъ 20 ноября.

До сихъ поръ мы слышали отклики на высочайшій рескриптъ болѣе или менѣе случайные, шедшіе изъ разныхъ общественныхъ круговъ, которые этотъ правительственный актъ ни къ чему прямо не обязывалъ.

Но рескриптъ 20 ноября имѣлъ въ виду опредѣленную общественную группу, т.-е. дворянство, и обязывалъ ее къ тѣмъ или инымъ шагамъ. Какъ же эта общественная группа отнеслась къ рескрипту?

Дворянство отозвалось на него. Но отозвалось не сразу и не скоро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось побуждать его откликнуться на косвенный призывъ царя. Оно, такъ сказать, упиралось, не хотѣло добровольно наложить на себя рукъ, и у современника отъ откликовъ дворянства получилось весьма неблагопріятное впечатлѣніе. «Полнаго безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ, по его словамъ, на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ, не обнаружилось ни въ одной губерніи».

Дворянство однѣхъ губерній въ своихъ отзывахъ указывало правительству на опасность затрагиваемаго имъ вопроса, дворянство другихъ отмѣчало трудность задуманнаго дѣла, ссылалось на нерушимость правъ, просило обождать и т. д.

Но медля и упираясь, дворянство, тѣмъ не менѣе, уступало желанію правительства и просило его разрѣшенія приступить къ дѣлу на началахъ рескрипта 20 ноября. Отнестись критически къ этимъ началамъ и просить ихъ измѣненія рѣшились немногіе, хотя многіе имъ не сочувствовали. Въ числѣ ихъ были тверскіе дворяне, которые черезъ своего предводителя А. М. Унковскаго указали правительству на ошибочность принятыхъ имъ началъ крестьянской реформы. Унковскій возставалъ противъ срочно-обязаннаго періода и сохраненія на это время вотчинной власти за помѣщикомъ и противъ освобожденія крестьянъ безъ надѣла, только съ усадьбой. Онъ видѣлъ здѣсь опасную для государства полумѣру, освобожденіе крестьянъ не дѣломъ, а словомъ, и при томъ безъ земли. По его же мнѣнію надо освободить крестьянъ «не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, и не словомъ, а дѣломъ»—«при надѣлѣ ихъ необходимо-нужнымъ количествомъ усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и съ вознагражденіемъ за это помѣщиковъ». Въ виду этого Унковскій отъ лица тверскихъ дворянъ просилъ позволенія «не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать и обсуждать всѣ необходимые предметы со всею откровенностью».

Вслѣдъ за откликами дворянства съ тою же постепенностью и медленностью открывались такъ называемые губернскіе коми-

теты для выработки положеній объ освобожденіи крестьянъ. Къ концу 1858 года они, впрочемъ, открылись повсюду.

Открытіе губернскихъ комитетовъ, составы ихъ и настроеніе въ нихъ.

Съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ русскому обществу въ лицѣ дворянства предстояло принять непосредственное активное участіе въ крестьянской реформѣ. Призывалось къ работѣ, правда, дворянство—заинтересованная сторона—и при томъ для рѣшенія собственнаго кровнаго вопроса, но вопросъ этотъ столько же былъ дворянскій, сколько крестьянскій и еще болѣе общегосударственный. Стало-быть, дворянству поручалось въ сущности рѣшеніе общегосударственнаго вопроса, и оно выступало здѣсь въ качествѣ общественнаго элемента. На него въ силу этого даже ложился долгъ и отвѣтственность предъ обществомъ за крестьянское дѣло.

Посмотримъ теперь, какъ этотъ общественный элементъ выполнилъ свой долгъ.

Члены въ губернскіе комитеты выбирались дворянскими обществами, большею частью по уѣздамъ. Понятно выборы внесли оживленіе въ жизнь провинціи. Въ связи съ ними обнаружились различныя настроенія въ средѣ провинціальнаго дворянства, толки, даже выступленія по поводу отмѣны крѣпостного права. И уже по этимъ выборнымъ собраніямъ можно было составить представленіе о линіи поведенія дворянства въ комитетахъ. Современники рисуютъ намъ рядъ такого рода провинціальныхъ картинъ.

Невеселыя это большею частью картинки. Хомяковъ дѣлился своими впечатлѣніями отъ Рязанской губерніи и писалъ И. С. Аксакову. «Въ Данковѣ видѣлъ я нѣсколько дворянъ. Настроеніе не совсѣмъ дурно. У многихъ склоняется расчетъ въ отчужденіе земли въ собственность крестьянамъ, но, разумѣется, дорожатся». Изъ Данкова Хомяковъ «прискакалъ въ Тулу къ выборамъ» и отписывалъ тому же корреспонденту. «Общая физіономія собранія была лучше, чѣмъ ожидали. Однако въ уѣздѣ нашемъ выбраны негодные депутаты». «Вообще итогъ депутатовъ очень сносенъ, хотя есть и большіе негодяи и много плантаторовъ. Большинство сомнительно». Въ слѣдующемъ письмѣ Хомяковъ сообщилъ еще нѣсколько штриховъ для характеристики тульскаго дворянства. «Одно ясно,—писалъ онъ:—дворяне всѣ противъ, и ни за что бы не тронулись, да боятся правительства и подличаютъ ему: такъ крапивенскій предводитель объявилъ губернскому, что всѣ дворяне отказываются, и показалъ ему от-

казъ, а потомъ, когда побывалъ у губернатора и тотъ на него крикнулъ, сталъ увѣрять, что его не поняли, что, напротивъ, всѣ согласны и, дѣйствительно, черезъ недѣлю привезъ согласіе всего уѣзда». И чѣмъ дальше, тѣмъ тульское дворянство больше обнаруживало свои крѣпостническія поползновенія. Членъ его кн. Черкасскій приходилъ въ отчаяніе отъ своихъ коллегъ. Тульскій комитетъ — по его словамъ — «представляетъ верхъ безобразія». «Не надѣюсь на нашъ комитетъ,—писалъ онъ Погодину 23 ноября 1858 года, — который если даже послѣ выборовъ и исправится нѣсколько, но все-таки будетъ непремѣнно настаивать на томъ, чтобъ ограбить крестьянъ и обобрать у нихъ болѣе половины и даже $^{2}/_{3}$ теперешняго надѣла».

Не лучше обстояло дѣло съ самарскимъ дворянствомъ.

«До сихъ поръ все идетъ какъ должно,—писалъ съ иронией Ю. Ѳ. Самаринъ изъ Самары Смирновой,—дворянство упирается, правительство медлитъ, а народъ терпѣливо ждетъ все спокойно и смирно. Раздраженіе дворянства не привилось народу».

Изъ Московской губерніи Шевыревъ писалъ Погодину изъ своего Клинскаго уѣзда. «Видѣлъ князя Меншикова. Говоритъ, что случается ему слышать въ комитетѣ дикія мысли. Великое дѣло идетъ что-то вяло». Ѳ. И. Тютчевъ поражался равнодушіемъ къ происходящему въ комитетахъ. Никто не знаетъ ничего и даже «незамѣтно, чтобы кто-нибудь стремился узнать это».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чувствовалась безпомощность провинціальнаго дворянства при рѣшеніи столь серьезнаго вопроса, безтолковщина, нерѣшительность.

Нѣкій Бергъ исколесилъ въ это время всю Тамбовскую губернію и дѣлился своими впечатлѣніями съ Погодинымъ. Онъ былъ въ Кирсановѣ на «довольно безтолковомъ собраніи помѣщиковъ». Кромѣ безтолковости, здѣсь «была еще какая-то мужицкая робость, тоже довольно намъ свойственная. Отъ нихъ хотятъ открытаго мнѣнія для уясненія премудраго вопроса, а они шепчутся, боясь, какъ бы не услыхалъ баринъ. Кто поумнѣе, ходятъ пѣтухами и ничего не говорятъ».

Но рядомъ съ этимъ отличное пониманіе собственныхъ интересовъ и забвеніе крестьянскихъ.

При толкахъ объ эмансипаціи, по словамъ Берга, почти никто не боится потерять однихъ крестьянъ безъ земли. Можно, говорятъ, дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаньѣ, молебенъ (какъ это

вообще водится на Руси). Доказываютъ (и это кажется такъ), что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, ибо ихъ кормитъ только во время работъ, а тамъ — прощай, куда знаешь! Своихъ же корми цѣлый годъ, всю сволочь и старье, какое только есть».

Большаго цинизма и грубости трудно себѣ представить.

При такихъ ауспиціяхъ начиналась работа губернскихъ комитетовъ. Нельзя назвать ихъ благопріятными реформѣ. Не даромъ лучшіе изъ членовъ комитетовъ, какъ Самаринъ, Черкасскій, Кошелевъ, смотрѣли безнадежно на нихъ и придумывали особую тактику, чтобы достигнуть какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, въ родѣ «*утомленія дворянъ* общими спорами».

Общее направленіе въ губернскихъ комитетахъ.

Настроеніе дворянскихъ провинціальныхъ круговъ опредѣлило ихъ составъ. При всей пестротѣ этого состава, члены комитетовъ по своимъ убѣжденіямъ распались на консерваторовъ и либераловъ, при чемъ большинство всюду принадлежало первымъ. Только въ тверскомъ комитетѣ составилось либеральное большинство. Это, впрочемъ, не означало такое же подраздѣленіе членовъ комитета на крѣпостниковъ и эмансипаторовъ. На отношеніе дворянства къ отмѣнѣ крѣпостного права гораздо больше общихъ теоретическихъ убѣжденій и соображеній повліяли реальные интересы, соображенія собственной пользы.

Реальные интересы дворянства различались по мѣстнымъ условіямъ крѣпостного хозяйства. Землевладѣльческая Россія дѣлилась на двѣ неравныя части — полосу чернозема и полосу суглинка и супеска. Въ первой полосѣ главную цѣнность помѣщичьяго хозяйства составляла земля, для обработки которой всегда можно было найти рабочія руки. Поэтому потеря для помѣщика здѣсь при освобожденіи крестьянъ состояла не столько въ уходѣ крестьянъ, сколько въ уходѣ съ ними надѣльной земли — при освобожденіи ихъ съ землей, конечно. Во второй полосѣ, гдѣ земля была мало плодородна и крестьяне, состоя на оброкѣ, очень часто жили на сторонѣ, зарабатывая очень много и платя очень много помѣщику, наоборотъ — цѣнность наибольшую составлялъ крестьянинъ, его трудъ, а не земля. Для помѣщиковъ этой полосы тяжелѣй была потеря крестьянъ, чѣмъ земли.

Вотъ эти-то реальные интересы и опредѣлили отношеніе дворянства въ комитетахъ къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права и ко всѣмъ тѣсно связаннымъ съ нимъ частнымъ вопросамъ, въ

роде выкупа земли, размѣровъ надѣла, стоимости надѣла, вотчинной власти помѣщика и срочнаго періода и т. д. Такимъ образомъ рядомъ съ вертикальнымъ дѣленіемъ членовъ комитета на консерваторовъ и либераловъ, существовалъ рядъ подраздѣленій горизонтальныхъ — то же на противниковъ и сторонниковъ отмѣны крѣпостного права, выкупа, надѣла и т. д., не совпадавшихъ съ первымъ дѣленіемъ, такъ какъ по экономическимъ соображеніямъ консерваторы часто находились вмѣстѣ съ либералами, считая для себя болѣе выгоднымъ полное уничтоженіе крѣпостной зависимости.

Но какъ ни разнообразно было дѣленіе членовъ комитетовъ по своимъ направленіямъ, равнодѣйствующая этихъ направленій все-таки, по наблюденіямъ современниковъ, шла по линіи дворянскихъ, а не общихъ и тѣмъ болѣе крестьянскихъ интересовъ.

Въ этомъ легко убѣдиться изъ работъ губернскихъ комитетовъ.

VI.

Работа губернскихъ комитетовъ.

Правительство сначала хотѣло предоставить комитетамъ свободу дѣйствій въ рамкахъ высочайшаго рескрипта. Но затѣмъ передумало и разослало въ руководство особую программу. Авторъ этой программы, извѣстный уже намъ крѣпостникъ Позенъ, постарался при помощи ея въ несовсѣмъ опредѣленную форму рескрипта вложить вполнѣ опредѣленное содержаніе. Содержаніе это сводилось къ продленію крѣпостной зависимости на неопредѣленное время подъ видомъ срочно-обязаннаго періода и безземельному освобожденію крестьянъ въ конечномъ итогѣ его.

Такимъ образомъ комитетамъ, согласно программы, предлагалось въ сущности не столько рѣшать вопросъ — быть или не быть крѣпостному праву, — сколько опредѣлить переходное состояніе ихъ на пути къ полной свободѣ и при непремѣнномъ условіи сохраненія за помѣщикомъ права на всю землю и вотчинной власти на все время переходнаго состоянія. Выкупу подлежала только усадьба.

Программа эта встрѣтила въ средѣ членовъ комитетовъ возраженія — одни недовольны были ею, какъ вообще регламентаціей, другіе потому, что она не допускала немедленнаго и полнаго уничтоженія крѣпостного права. Въ общемъ же она была принята

въ руководство всѣми, кромѣ тверского комитета, который игнорировалъ ее.

Программа, конечно, дала направленіе работамъ комитетовъ въ смыслѣ суженія вопроса о крѣпостномъ правѣ. Но все же ходъ работъ ихъ и конечный результатъ опредѣлились не программой, а тѣми реальными интересами помѣщиковъ, о которыхъ была рѣчь выше.

Передъ каждымъ комитетомъ стояло три главныхъ вопроса — о выкупѣ усадьбъ крестьянами, земельные надѣлы и вотчинная власть помѣщиковъ. И всѣ эти вопросы рѣшены были ими именно подъ угломъ экономическихъ интересовъ помѣстнаго дворянства.

Вопросъ о выкупѣ въ губернскихъ комитетахъ.

Вопросъ о выкупѣ усадьбъ тѣсно сплелся съ вопросомъ о выкупѣ личной свободы крестьянъ. Правительство не предполагало особаго выкупа личности крестьянъ. Въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 февраля 1858 года оно потомъ даже опредѣленно запретило поднимать вопросъ о выкупѣ личности крестьянъ. Но ни въ рескриптѣ, ни въ программѣ такого запрещенія не было. Наоборотъ, они давали возможность, если не прямо, то въ скрытой формѣ провести выкупъ личности крестьянъ. А товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ въ личныхъ бесѣдахъ съ дворянами даже указалъ способъ скрытаго выкупа личности. И комитеты воспользовались этимъ. Они провели запрещенный грузъ подъ флагомъ повышенной оцѣнки усадьбы. Въ особенности за эту лазейку ухватились комитеты нечерноземныхъ, промышленныхъ губерній, гдѣ такъ высоко расцѣнивалась именно личность крестьянъ, ихъ трудъ. Отказались отъ выкупа личности крестьянина и установили нормальную оцѣнку усадьбы лишь комитетъ—Тверской, Саратовскій, Самарскій и Оренбургскій. Они не нашли возможнымъ брать за землю подъ усадьбой и самую усадьбу дороже 150 рублей. Въ другихъ же комитетахъ крестьянскія усадьбы оцѣнили до 400—500 и даже 1200 рублей за десятину, тогда какъ существовавшая тогда цѣна за душу въ населенныхъ имѣніяхъ по даннымъ Смоленской, напримѣръ, губерніи была — 117 рублей. Отсюда можно видѣть, какой крупный кушъ хотѣло получить дворянство на крестьянскихъ усадьбахъ.

Вопросъ о надѣлахъ въ комитетахъ.

Слѣдующій вопросъ—о надѣлахъ—былъ въ сущности самый центральный и самый острый. Подъ надѣломъ здѣсь разумѣлась пахотная и луговая земля, отводившаяся крестьянамъ въ пользованіе на время срочно-обязаннаго періода. Если бы этотъ періодъ былъ точно опредѣленъ, то помѣщикамъ нечего было бы

безпокоиться за цѣлость своей земли. По миновеніи срока, надѣлы вернулись бы къ нимъ. Но правительство не опредѣлило точно время пользованія надѣлами, и надѣлы могли оставаться въ пользованіи крестьянъ неопредѣленно долгое время. Могли надѣлы и совсѣмъ остаться за крестьянами—это опасеніе тоже существовало среди дворянъ. Въ данный моментъ правительство было противъ выкупа надѣловъ крестьянами въ собственность, но потомъ — какъ это и случилось въ дѣйствительности— взглядъ правительства могъ измѣнится. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ близко соприкасался съ вопросомъ о выкупѣ. И тѣ комитеты, которые были противъ срочно обязаннаго періода и за скорѣйшую ликвидацію крѣпостного права, сами возбудили вопросъ о выкупѣ надѣловъ. Особенно настойчиво и энергично выдвинули идею выкупа тверичи. Отъ Тверского комитета отправилась въ Петербургъ спеціальная депутація просить правительство разрѣшить выработать проектъ выкупной операціи. Собственно у тверичей такой проектъ былъ наготовѣ. Они предлагали выкупъ усадьбы вмѣстѣ съ надѣломъ при посредствѣ акціонернаго общества, которое уплачивало бы помѣщику выкупную сумму, а само при гарантіи правительства получало бы съ крестьянъ въ теченіе 42 лѣтъ эту сумму. Вопросъ о выкупѣ они поставили очень рѣзко. Въ случаѣ отклоненія ихъ предложенія отказывались работать, предоставляя мѣсто чиновникамъ, «которые напишутъ все, что имъ велятъ».

Правительство сдалось передъ натискомъ тверичей и разрѣшило имъ включить въ свой проектъ положеніе о выкупѣ. Тогда же было дозволено и другимъ комитетамъ заняться вопросомъ о выкупѣ.

Но дозволеніе правительства пришло поздно. Нѣкоторые комитеты закончили свою работу, другіе заканчивали. И кромѣ Тверского имъ воспользовались Калужскій, Нижегородскій и еще нѣсколько. Огромное же большинство обошло вопросъ о выкупѣ, и при обсужденіи вопроса о надѣлахъ исходило изъ правительственной программы.

Прежде всего эти послѣдніе комитеты, согласно программѣ, отвели землю крестьянамъ во временное пользованіе — одни на болѣе, другіе на менѣе продолжительный срокъ — послѣ котораго она къ нимъ возвращалась. Другими словами, проектировали обезземеленіе крестьянъ. Затѣмъ опредѣлили минимальные размѣры надѣловъ. Правительство, не указывая нормы надѣла, тѣмъ не менѣе,

требовало обезпеченія крестьянъ землей въ достаточномъ количествѣ. Между тѣмъ комитеты, въ особенности черноземные, дорожившіе землей, низвели надѣлъ до 1-й и 1-й съ дробью десятины. Изъ нечерноземныхъ постаралась въ этомъ случаѣ Московская губернія, отведшая крестьянамъ надѣлъ въ 1, 3 десятины. Какъ извѣстно, редакціонныя комиссіи вообще понизили норму надѣловъ. «Между тѣмъ, сравнивая эти нормы съ нормами губернскихъ комитетовъ, мы видимъ, что эти послѣднія въ большинствѣ комитетовъ ниже нормъ редакціонныхъ комиссій болѣе, чѣмъ на 100%. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нормы редакціонныхъ комиссій выше нормъ комитетовъ на 175, на 200 и даже на 300%».

Собственно, болѣе или менѣе нормальные размѣры надѣловъ въ 3—4 и болѣе десятинъ проектировались во многихъ комитетахъ, но прошли они въ Тверскомъ, Самарскомъ и Рязанскомъ.

Но надѣлъ отводился крестьянамъ не безвозмездно. За него въ комитетахъ назначили барщину (на короткое время) и оброкъ— на болѣе продолжительное время.

«Изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ только два комитета нечерноземныхъ губерній: Тверской и Ярославской и меньшинство Калужскаго и 5 членовъ Владимирскаго совершенно отмѣняли барщину, при чемъ тверское большинство и калужское меньшинство назначали умѣренные оброки, близкіе къ тѣмъ, которые впослѣдствіи были опредѣлены для этихъ губерній редакціонными комиссіями».

Остальные комитеты требовали отъ крестьянъ за надѣлы до 100 и болѣе рабочихъ дней въ году въ пользу помѣщика, при чемъ $^2/_3$ — $^3/_4$ лѣтомъ, такъ что для обработки собственной земли и уборки хлѣба у крестьянъ не оставалось совсѣмъ времени.

Что касается оброка, то для иллюстраціи отношенія его къ надѣламъ, остановимся на Костромской губерніи. Въ крѣпостное время здѣсь средняя норма надѣла была 6,8 десятины, оброкъ же — 23 р. 50 коп. Теперь же комитетъ отвелъ земли въ однихъ уѣздахъ 3 десятины, въ другихъ 1½—2½ дес. и положилъ за нихъ оброкъ отъ 22 р. 50 коп.—37 р. 50 коп.

Сокративъ существовавшіе до сихъ поръ надѣлы, комитеты забыли (конечно, сознательно) сократить лежавшія на надѣлѣ въ крѣпостное время повинности и вмѣсто облегченія сравнительно съ крѣпостнымъ временемъ крестьянъ ожидало отчаяніе матеріальнаго положенія. Вообще цифра 25—30 рублей самая распространенная въ комитетскихъ опредѣленіяхъ оброка.

«Особенно ярко обозначается чрезвычайная повышенность и полная несоразмѣрность съ надѣломъ проектированныхъ почти всѣми комитетами нормъ оброковъ изъ сопоставленія ихъ съ нормами, принятыми впослѣдствіи въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Сопоставленіе этихъ нормъ съ проектами губернскихъ комитетовъ показываетъ, что въ большей части послѣднихъ повинности проектировались на 100 и болѣе процентовъ выше, нежели нормы редакіонныхъ комиссій».

Однимъ словомъ, комитеты обкарнали крестьянъ со всѣхъ сторонъ. И землю урѣзали, и за усадьбу взяли, и повинностей навалили, и на себя работать заставили.

Вопросъ о вотчинной власти помѣщиковъ въ комитетахъ.

Вотчинная власть помѣщиковъ сама по себѣ не представляла для дворянства ничего привлекательнаго. Сохраненія ея, какъ прерогативъ, хотѣли только петербургскіе дворяне, руководимые Шуваловымъ, мечтавшимъ о феодальномъ строѣ въ Россіи. Но вопросъ о вотчиной власти помѣщика былъ связанъ, съ одной стороны, съ срочно-обязаннымъ періодомъ, съ другой—съ организацiей мѣстнаго управленія и ролью въ немъ дворянства послѣ освобожденія крестьянъ.

Съ этихъ двухъ сторонъ онъ и разрѣшился въ комитетахъ.

Разъ крестьяне оставались временно крѣпкими землѣ и отбывали повинности въ пользу помѣщика, то для исправнаго полученія послѣднихъ необходимо сохранить за помѣщикомъ власть надъ крестьянами. Хотя существовало сомнѣніе въ дѣйствительности власти при измѣнившихся условіяхъ, но немногіе хотѣли разстаться съ нею. Къ тому же этого требовала и программа. Потомъ правительство, принявъ идею выкупа, пришло къ необходимости сокращенія до минимума переходнаго періода и введенію крестьянскаго самоуправленія. Но это новое рѣшеніе не было сообщено комитетамъ и большинство ихъ сохранило за помѣщикомъ вотчинную власть, не забывъ снабдить его и такой мѣрой воздѣйствія, какъ розги.

Мотивы и здѣсь были экономическіе. Противники выкупа и немедленной ликвидаціи крѣпостного права оказались сторонниками вотчинной власти помѣщика. Наоборотъ, сторонники выкупа и противники срочно-обязаннаго періода оказались и противниками вотчинной власти помѣщика.

Послѣдніе высказались—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, какъ Тверской комитетъ, Владимирскій, Калужскій — за гражданское равноправіе крестьянъ съ другими и организацію мѣстнаго

управленія на началѣ самоуправленія. Хорошо разработанный въ такомъ смыслѣ проектъ представили тверичи. Кромѣ всесословнаго земскаго самоуправленія, сюда вошло раздѣленіе властей, судъ присяжныхъ, отвѣтственныхъ чиновниковъ, гласность и свобода печати.

Такимъ образомъ дворянство въ губернскихъ комитетахъ не оказалось на высотѣ того положенія, въ которое поставилъ его историческій моментъ. Крестьянское дѣло они поняли какъ дворянское и рѣшили крестьянскій вопросъ согласно своимъ, землевладѣльческимъ, а не обще-государственнымъ интересамъ.

Такъ поступило во всякомъ случаѣ большинство въ комитетахъ. Но и меньшинство не освободилось совершенно отъ землевладѣльческихъ интересовъ.

Новѣйшій историкъ крестьянской реформы на основаніи работъ губернскихъ комитетовъ приходитъ именно къ такому выводу относительно меньшинства въ комитетахъ — вопреки существовавшему ранѣе представленію о меньшинствѣ въ комитетахъ, какъ представителяхъ либеральнаго направленія, радѣвшихъ объ общихъ интересахъ — онъ утверждаетъ, «что всѣ они, *не исключая и самыхъ либеральныхъ*, относились къ реформѣ съ точки зрѣнія сословныхъ, помѣщичьихъ интересовъ, а нѣкоторые намѣревались даже сдѣлать изъ реформы выгодную для дворянства аферу».

И если, тѣмъ не менѣе, изъ среды комитетовъ вышли нѣкоторыя предложенія, имѣющія общегосударственный интересъ, какъ проекты выкупа и мѣстнаго самоуправленія, то это произошло подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, дѣйствовавшаго за предѣлами комитетовъ.

Печати — вотъ кому мы обязаны здѣсь прежде всего. Она расширила рамки правительственной программы и заставила правительство отказаться отъ вотчинной власти помѣщика и принять идею выкупа и она же навела на эти мысли губернскіе комитеты.

VII.

Измѣненіе взгляда на развязку крестьянскаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ.

Пока открывались и приступали къ работѣ губернскіе комитеты, въ Петербургѣ, въ правительственныхъ кругахъ произошла существенная перемѣна во взглядахъ на крестьянское дѣло. Собственно, настоящій руководитель реформы — Главный комитетъ — не измѣнилъ своихъ взглядовъ, онъ остался на точкѣ зрѣ-

нія высочайшаго рескрипта 20 ноября. Но измѣнился взглядъ будущаго руководителя реформы — Я. И. Ростовцева, который именно сошелъ съ точки зрѣнія рескрипта и сталъ на болѣе широкую точку зрѣнія.

Изучая лѣтомъ 1858 года, на досугѣ, крестьянскій вопросъ, Ростовцевъ постепенно усвоилъ себѣ мысль о надѣленіи крестьянъ пахотной землей въ собственность сверхъ усадьбы, о выкупѣ и вообще о скорѣйшей развязкѣ крѣпостныхъ отношеній. Своими новыми мыслями Ростовцевъ подѣлился съ Александромъ II, тотъ согласился съ нимъ и, когда они оба вернулись осенью этого года въ Петербургъ, новыя мысли Ростовцева и Александра II послѣ ряда особыхъ засѣданій подъ предсѣдательствомъ самого императора и при участіи членовъ Главнаго комитета Ланского и Ростовцева — 18 октября и 19, 24 и 29 ноября — были формулированы и закрѣплены въ высочайше утвержденномъ журналѣ этихъ засѣданій 4 декабря 1858 года. Здѣсь говорилось, что крестьяне получаютъ личную свободу сейчасъ же по обнародованіи новаго положенія о нихъ, не дожидаясь ликвидаціи всѣхъ крѣпостныхъ отношеній, затѣмъ, что «власть надъ личностью крестьянина сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ», а не остается, хотя бы временно въ рукахъ помѣщика, какъ предполагалъ рескриптъ 20 ноября, — помѣщику предписано «имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей». наконецъ въ противоположность рескрипту, говорящему все время о предоставленіи крестьянамъ земли въ пользованіе, журналъ 4 декабря высказывалъ мысль о необходимости «стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными собственниками». Средство къ этому журналъ видѣлъ въ выкупѣ.

Практическимъ результатомъ измѣнившагося въ правительствѣ отношенія къ крестьянской реформѣ было — образованіе такъ называемыхъ редакціонныхъ комиссій.

Поступавшіе изъ губернскихъ комитетовъ проекты указывали на необходимость особаго органа, который бы занялся выработкой на основаніи проектовъ общаго положенія для освобождаемыхъ крестьянъ. Сначала такого рода выработку возложили на комиссію 4-хъ — Ланского, Панина, Муравьева, М. Н., и Ростовцева, при Главномъ комитетѣ, въ помощь ему. Но затѣмъ, по мысли частію Милютина, частію Ростовцева, рѣшено было создать для этой цѣли новый органъ, подъ именемъ редакціонныхъ комиссій—

одну для выработки мѣстныхъ, отдѣльныхъ положеній, другую для выработки общаго положенія.

Редакціонныя комиссіи.

Такъ возникли редакціонныя комиссіи, которыя сыграли большую роль въ крестьянской реформѣ.

На практикѣ двѣ комиссіи слились въ одну, подраздѣлившись на отдѣлы — административный для опредѣленія правъ и отношеній помѣщиковъ и устройства сельскихъ обществъ, юридическій для ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній и регламентаціи срочно-обязаннаго положенія и поземельныхъ правъ помѣщиковъ и хозяйственный для рѣшенія вопросовъ, касающихся усадьбы, надѣла и повинностей крестьянъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилась еще спеціальная финансовая комиссія, занятая исключительно выкупомъ.

Каждый отдѣлъ работалъ самостоятельно, но доклады отдѣловъ поступали на разсмотрѣніе общихъ собраній и на нихъ же дѣлались постановленія.

По составу своему редакціонныя комиссіи были частію бюрократическими, такъ какъ въ нихъ входили представители вѣдомствъ, частію общественными, такъ какъ въ нихъ входили, въ видѣ общественнаго элемента, представители дворянства, члены-эксперты, тоже, впрочемъ, по назначенію правительства. Изъ числа перваго рода представителей сюда вошли, между прочимъ, Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, Любощинскій, Семеновы П. и Н. Въ качествѣ же членовъ экспертовъ были приглашены въ числѣ другихъ Ю. Ѳ. Самаринъ, баронъ В. А. Черкасскій, Татариновъ. Старанія Н. А. Милютина не допустить участія въ редакціонныхъ комиссіяхъ крѣпостниковъ разбились о покладистость Ростовцева и въ нихъ вошли, напримѣръ, Позенъ, Шуваловъ, Паскевичъ. Мысль о включеніи сюда крестьянъ (старость) не осуществилась, и общественный элементъ состоялъ исключительно изъ помѣщиковъ и притомъ «зажиточныхъ и даже богатыхъ». Учрежденіе стало быть — бюрократическо-дворянское.

Необычныя по своему составу редакціонныя комиссіи заняли и положеніе тоже необычное среди прочихъ правительственныхъ учрежденій.

Учрежденная въ помощь Главному комитету, онѣ, однако, не зависѣли не только отъ него, но и вообще отъ какого-либо учрежденія. Черезъ своего предсѣдателя онѣ непосредственно сносились съ самимъ государемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что для комиссій было сдѣлано цензурное изъятіе. Онѣ получили право пользоваться всѣми изданіями, не исключая «Колокола». Съ занятій ихъ рѣшено было снять покровъ тайны, и потому труды ихъ печатались и разсылались по правительственнымъ и дворянскимъ учрежденіямъ.

Судя по журналу 4 декабря 1858 года, правительство оставляло прежнюю позицію отстаиванія въ крѣпостной реформѣ исключительно дворянскихъ интересовъ и склонялось въ сторону крестьянскихъ. Отсюда передача руководящей роли взамѣнъ Главнаго комитета, сплошь крѣпостническаго, редакціоннымъ комиссіямъ, учрежденію, въ цѣломъ сочувствовавшему реформѣ.

Такъ надо понимать созданіе новаго своеобразнаго и независимаго отъ Главнаго комитета учрежденія въ реформѣ редакціонныхъ комиссій.

Насколько, впрочемъ, уклонъ правительства въ сторону крестьянскихъ интересовъ былъ значителенъ и окончателенъ — это мы увидимъ изъ работъ комиссій. Пока же отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ организаціи комиссій и отношеніи къ ихъ внутренней жизни верховной власти, заставляющія сомнѣваться во всякомъ случаѣ въ искренности правительственнаго поворота къ крестьянамъ.

Мы имѣемъ въ виду составъ комиссій и исторію съ Паскевичемъ и Шуваловымъ. Какъ это ни странно, но въ составъ комиссій на ряду съ горячими и убѣжденными сторонниками освобожденія крестьянъ вошли закоренѣлые крѣпостники, сторонники обезземеленія и закабаленія крестьянства. Другими словами, въ самихъ комиссіяхъ правительство поставило сознательно барьеръ, который бы не давалъ имъ заходить слишкомъ далеко въ защитѣ крестьянскихъ интересовъ. И, когда комиссіи наткнулись на этотъ барьеръ и барьеръ подался, правительство постаралось вновь воздвигнуть его на прежнемъ мѣстѣ. Мы разумѣемъ скандальное столкновеніе Шувалова и Паскевича, по самымъ жгучимъ вопросамъ — о надѣлахъ и выкупѣ, съ предсѣдателемъ и большинствомъ комиссій и уходъ ихъ изъ комиссіи. Какъ извѣстно, дѣло дошло до Александра II, и онъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ удалиться, употребилъ всѣ усилія, чтобы вернуть ихъ въ комиссіи. Въ результатѣ было возобновленіе борьбы въ средѣ комиссій между крѣпостниками и сторонниками освобожденія. Интересно при этомъ отмѣтить, что выступать защитниками крестьянскихъ интересовъ, даже просто

требованій справедливости приходилось часто не общественному, а бюрократическому элементу, въ лицѣ Милютина и Соловьева. А предсѣдатель долженъ былъ напоминать зарвавшимся поборникамъ дворянскихъ интересовъ, что согласно волѣ государя бытъ крестьянъ необходимо улучшить, а не ухудшить.

Свои дѣйствія редакціонныя комиссіи открыли 4 марта 1859 года и работали до 10 октября 1860 г. Дѣятельность ихъ распалась на 3 періода: первый — до 16 сентября 1859 года, второй — до 8 апрѣля 1860 года и третій — до 10 октября 1860 года.

Первымъ предсѣдателемъ комиссіи былъ Я. И. Ростовцевъ. Прошлое Ростовцева — служба по военному вѣдомству и доносъ на декабристовъ — мало хорошаго обѣщало сторонникамъ освобожденія крестьянъ. Но и крѣпостникамъ нечего было ждать для себя отъ разночинца — выскочки. Въ дѣйствительности же Ростовцевъ оказался достаточно объективнымъ предсѣдателемъ и порою даже горячимъ защитникомъ крестьянскихъ интересовъ.

Вторымъ предсѣдателемъ былъ гр. В. Н. Панинъ, по выраженію Герцена, «глава самой дикой, самой тупой реакціи»; онъ опредѣленно гнулъ въ сторону дворянскихъ интересовъ и оказалъ несомнѣнную услугу крѣпостникамъ.

Программа редакціонныхъ комиссій.

Комиссіи прежде всего установили общія положенія для своихъ работъ. Въ основу ихъ легъ журналъ 4 декабря 1858 г. и руководящія указанія Ростовцева, формулированныя имъ въ такомъ видѣ:

1. Освободить крестьянъ съ землей.

2. Конечной развязкой освобожденія считать *выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ*.

3. Оказать содѣйствіе *дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4. *Избѣгнуть* по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго *періода* или *сократить переходное состояніе*.

5. *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6. *Дать самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Эти 6 пунктовъ получили одобреніе комиссій въ цѣломъ и приняты были ими въ качествѣ основныхъ началъ крестьянской реформы.

Согласившись относительно принциповъ реформы, комиссіи приступили къ выработкѣ практическихъ формъ ея, имѣвшихъ потомъ войти въ положеніе объ освобожденныхъ крестьянахъ. Здѣсь онѣ, кромѣ предначертаній верховной власти, приняли въ расчетъ также заключенія губернскихъ комитетовъ, которые успѣли къ этому времени прислать свои проекты.

Передъ комиссіями, какъ и передъ губернскими комитетами, стояли тѣ же главные вопросы — объ устройствѣ крестьянъ землей, выкупѣ земли и общественномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. Около этихъ вопросовъ вращались, главнымъ образомъ, пренія въ комиссіяхъ, происходили столкновенія и рѣшеніе ихъ опредѣлило характеръ положенія 19 февраля.

Какъ же разрѣшили комиссіи эти вопросы?

Вопросъ о личномъ освобожденіи крестьянъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ.

Освобожденіе крестьянъ слагалось изъ двухъ моментовъ — личнаго освобожденія и надѣленія ихъ землей. Первый моментъ ясно опредѣлялся предшествующими правительственными актами въ смыслѣ полученія крестьянами личной свободы тотчасъ послѣ обнародованія манифеста объ освобожденіи и при томъ безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ. И комиссіи высказались въ томъ же смыслѣ, закрѣпивъ съ своей стороны новое правовое положеніе крестьянъ соотвѣтствующими статьями закона. Въ силу этого пали обусловливавшіяся крѣпостной зависимостью права помѣщиковъ на личность крестьянъ, въ родѣ права требованія работы, отдачи въ услуженіе, наказанія и т. п., а вмѣстѣ съ ними и обязанности помѣщиковъ относительно крестьянъ, тоже вытекавшія изъ крѣпостной зависимости, какъ призрѣніе неимущихъ, кормленіе во время голода, отвѣтственность по суду и т. д. На крестьянъ же распространились общія гражданскія права, съ извѣстными, впрочемъ ограниченіями.

Надѣленіе крестьянъ землей.

Второй моментъ не поддавался такой простой и безспорной регламентаціи. Правительство, правда, категорически еще въ рескриптѣ Назимова требовало надѣленія крестьянъ землей и при томъ въ достаточномъ количествѣ «для обезпеченія ихъ быта и исполненія ими повинностей». И комиссіи всецѣло присоединились къ этому требованію. Но оно носило отвлеченный характеръ, въ него надо было вложить конкретное содержаніе, т.-е. опредѣлить практическія мѣры надѣленія крестьянъ землей и установить самое количество земли. И вотъ, когда комиссіи приступили къ практическому разрѣшенію этого вопроса, то въ ихъ средѣ произошли серьезныя разногласія. Ростовцевъ считалъ исходомъ

крестьянской реформы выкупъ земли крестьянами. Однако выкупъ не могъ произойти тотчасъ же и неизбѣжно возникало временное переходное состоянiе для крестьянъ и помѣщиковъ, которое надо было регламентировать. Кромѣ того, выкупъ могъ быть или добровольнымъ или обязательнымъ. Ростовцевъ стоялъ за возможное сокращенiе временно-обязаннаго перiода и переносилъ центръ тяжести въ окончательный моментъ его. Онъ находилъ даже необходимымъ ограничить его 12 годами, по истеченiи которыхъ допускалось принятiе правительствомъ мѣръ для окончательной ликвидацiи взаимныхъ отношенiй помѣщиковъ и крестьянъ по земельному устройству ихъ. Что же касается выкупа, то Ростовцевъ, судя по запискѣ «Ходъ и исходъ», предпочиталъ обязательный выкупъ добровольному. Но въ редакцiонныхъ комиссiяхъ онъ высказался за добровольность выкупа и настойчиво проводилъ свою мысль, ссылаясь даже на высочайшую волю. Противъ этихъ взглядовъ предсѣдателя, поддержанныхъ большинствомъ членовъ, выступили Шуваловъ съ Паскевичемъ, а затѣмъ Апраксинъ, что и вызвало очень шумный инцидентъ, дошедшiй до государя.

Первые изъ интерпеллянтовъ находили, что *добровольный выкупъ* не можетъ служить *общимъ исходомъ* крестьянскому вопросу, потому что, составляя договоръ, зависящiй отъ обоюднаго согласiя помѣщиковъ и крестьянъ, онъ можетъ или вовсе не состояться или относиться до неопредѣленнаго времени, въ какомъ случаѣ *срочно-обязанный* перiодъ обращается въ *безсрочный. Выкупъ же обязательный*, хотя и ведетъ къ разрѣшенiю вопроса, но составляетъ, съ одной стороны, *стѣсненiе права собственности* помѣщика, а съ другой—*нарушенiе предоставляемой крестьянамъ свободы*, ибо неестественно заставлять свободнаго человѣка прiобрѣтать вопреки его волѣ поземельную собственность». Съ своей стороны они предлагали не соединять личную свободу крестьянъ съ вопросомъ о землѣ и затѣмъ предоставить имъ землю въ безсрочное пользованiе за справедливую повинность и право «принимать землю или отказываться отъ нея, по своему усмотрѣнiю».

На точкѣ зрѣнiя нарушенiя помѣщичьихъ правъ стоялъ и Апраксинъ, который, впрочемъ, болѣе категорически высказался противъ предположенiй комиссiй. Онъ прямо призналъ ихъ несогласными съ закономъ, и срочно-обязанный перiодъ толковалъ какъ временное состоянiе, по минованiи котораго отпада-

ютъ всѣ обязанности помѣщика, въ томъ числѣ и обязанность надѣленія крестьянъ землей, т.-е. послѣдняя возвращается къ помѣщику вмѣстѣ съ окончаніемъ даннаго періода.

Возражавшіе были затронуты въ своихъ землевладѣльческихъ интересахъ. Въ нихъ, конечно, а не въ свободѣ крестьянъ, лежалъ центръ тяжести возраженій и конечной ихъ цѣлью являлось обезземеленіе крестьянъ.

Такъ это поняли и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Здѣсь прямо было заявлено, что нѣкоторыми лицами высказывается мнѣніе, «клонящееся, въ той или другой формѣ, къ окончательному освобожденію крестьянъ *безъ земли* и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ *класса свободныхъ, но бездомныхъ и беземельныхъ работниковъ»*. Черкасскій, Милютинъ, Соловьевъ, Жуковскій и др., особенно горячо протестовавшіе, отмѣтили, что подобное освобожденіе было бы номинальнымъ и оставило бы крестьянъ въ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ. И комиссіи отвергли эти отдѣльныя мнѣнія и еще разъ подчеркнули необходимость освобожденія крестьянъ съ землей, обязавъ помѣщиковъ продать крестьянамъ усадьбу по установленной правительствомъ цѣнѣ и отвести участокъ земли въ безсрочное пользованіе съ отказомъ отъ права распоряженія его, т.-е. какъ разъ допустили ограниченіе правъ помѣщика на землю [1]).

Шуваловъ и Паскевичъ еще были недовольны допущеніемъ вмѣшательства въ развязку взаимныхъ отношеній крестьянъ и

---

[1]) Формулировалось это рѣшеніе слѣдующимъ образомъ:

1) Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли.

2) На усадьбы и земли, поступающія въ надѣлъ крестьянамъ, помѣщики сохраняютъ право собственности, ограничиваемое предоставленнымъ крестьянамъ правомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія усадьбами и землями и правомъ выкупа усадебной осѣдлости на основаніяхъ, опредѣленныхъ Положеніемъ. Это право помѣщиковъ, по 432 ст. Св. зак. Гражд., т. X, ч. I, есть право неполной собственности.

3) Земли, которыя, за предоставленіемъ усадебъ и за надѣломъ крестьянъ, останутся во владѣніи помѣщиковъ, принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности.

4) Крестьянамъ предоставляется на основаніяхъ, установленныхъ Положеніемъ, право безсрочнаго и постояннаго, за опредѣленныя повинности, пользованія усадьбами (съ правомъ выкупа оныхъ) и землями, которыя поступятъ къ нимъ по надѣлу.

помѣщиковъ правительства. Комиссіи и это игнорировали, т.-е. оставили въ силѣ вмѣшательство, и высказались за выкупъ крестьянами земли при содѣйствіи правительства. Но самый выкупъ все же былъ признанъ добровольнымъ, хотя въ комиссіяхъ раздавались голоса и за обязательный выкупъ. Въ особенности настойчиво требовалъ этого Николай Семеновъ. Верхъ взяло мнѣніе Ростовцева, и комиссіи постановили относительно выкупа такъ: «выкупъ производится по добровольному соглашенію между помѣщиками и крестьянами. Изъ сего основного правила допускается слѣдующее изъятіе. Выкупъ производится *по требованію одного помѣщика»*. Стало-быть, помѣщикъ могъ требовать выкупа, а крестьянинъ не могъ. При такой постановкѣ вопроса невозможна была тотчасъ же полная ликвидація крѣпостного права. Если эта невозможность была въ интересахъ хоть нѣкоторыхъ, меньшинства помѣщиковъ, то для крестьянъ она во всякомъ случаѣ была безусловно нежелательна. Они нуждались въ скорѣйшей развязкѣ съ помѣщикомъ. И со стороны комиссій, стремившихся, на словахъ, къ скорѣйшей развязкѣ, такое рѣшеніе являлось непослѣдовательностью.

Обсужденіе вопроса о количествѣ отводимой крестьянамъ земли, о размѣрахъ крестьянскаго надѣла, въ комиссіяхъ тоже вызвало разногласіе, хотя и не столь острое, какъ въ вопросѣ о выкупѣ, но все же повліявшее неблагопріятно на казалось твердое намѣреніе ихъ обезпечить крестьянъ землей, подчеркнутое въ спорѣ съ Шуваловымъ и Паскевичемъ. Остановились на существующихъ надѣлахъ, какъ исходной точкѣ. Но противъ этого выступили обычные радѣтели дворянскихъ интересовъ — Позенъ, Апраксинъ и др. Они считали несправедливымъ такой пріемъ нормировки надѣловъ, своего рода привилегіей для помѣщиковъ съ малымъ надѣломъ и обездоленіемъ помѣщиковъ съ большимъ надѣломъ крестьянъ. Произнесено было слово «ущербъ» дворянскимъ интересамъ. За крестьянъ, по обыкновенію, заступился Соловьевъ, который вообще сильно перегибалъ въ сторону крестьянскихъ интересовъ и, напримѣръ, требовалъ, чтобы разъ отведенная крестьянамъ земля должна навсегда оставаться ихъ, даже въ случаѣ отказа ихъ. Однако «ущербъ» сдѣлалъ свое дѣло, и комиссіи пошли на уступки дворянству. Исходный пунктъ остался — существующіе надѣлы. Но такъ какъ они колебались въ своихъ размѣрахъ — въ однѣхъ мѣстностяхъ были больше, въ другихъ меньше, то онѣ рѣшили установить норму надѣла, т.-е.

такое количество земли, за которое крестьянскіе надѣлы не должны были переходить. Въ зависимости отъ разницы мѣстныхъ условій (количество, качество земли и т. д.) норма надѣла устанавливалась не однообразная, а по полосамъ. Такимъ образомъ черноземная часть была разбита на 5 мѣстностей съ надѣлами въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$ и $4^1/_2$ десятины, нечерноземная—на 7 мѣстностей съ надѣлами въ $3^1/_4$, 4, $4^1/_2$, 5, 6 и 7 десятинъ, степная — на 4 мѣстности съ надѣломъ въ $6^1/_4$, $8^1/_4$, $10^1/_4$ и 12 десятинъ. А чтобы максимальный размѣръ надѣла не обездолилъ помѣщиковъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существующій надѣлъ былъ меньше нормальнаго, комиссіи установили еще минимальный размѣръ, равный $^1/_3$ максимальнаго. Послѣднее требованіе имѣло въ виду уже интересы крестьянъ — для предупрежденія произвольнаго пониженія надѣльной нормы. Въ силу этихъ постановленій комиссій при надѣленіи крестьянъ землей слѣдовало въ случаяхъ превышенія существующихъ надѣлами нормъ отрѣзать отъ нихъ въ пользу помѣщика, въ обратномъ же случаѣ — прирѣзать къ нимъ въ пользу крестьянъ. Однако комиссіи, чтобы прирѣзка къ крестьянскимъ надѣламъ не зашла слишкомъ далеко, поставили ей границы. Именно, въ пользу крестьянъ могло итти не больше $^2/_3$ земли, а $^1/_3$ обязательно должна оставаться за помѣщикомъ. Эта $^1/_3$ настолько была заповѣдной, что въ случаѣ, если въ моментъ введенія положенія помѣщикъ обладалъ въ наличности $^1/_3$ земли, онъ освобождался отъ обязанности увеличенія надѣловъ, а въ случаѣ обладанія менѣе $^1/_3$ земли имѣлъ право даже прирѣзать къ себѣ изъ крестьянской земли, надѣльной.

Благодаря этимъ ограниченіямъ и двумъ размѣрамъ надѣловъ максимальному и минимальному — крестьянскіе надѣлы оказывались чрезвычайно эластичными и при томъ въ сторону суженія, приближенія къ минимуму. Сдѣлали это комиссіи изъ опасенія обезземеленія дворянства. И, дѣйствительно, обезземеленіе дворянства было на данный моментъ предупреждено. Но зато крестьянскому обезземеленію было положено прочное начало.

Говорить послѣ этого о надѣленіи крестьянъ комиссіями землей въ достаточномъ для обезпеченія быта и повинностей количествѣ врядъ ли приходится.

Крестьянскія повинности.

Перейдя къ вопросу о повинностяхъ крестьянскихъ, редакціонныя комиссіи рѣшительно отказались отъ переоцѣнки и измѣненія ихъ въ будущемъ. Но при опредѣленіи самого количества ихъ онѣ, какъ и въ надѣлахъ, за исходную точку взяли суще-

ствующіе размѣры оброка и барщины и распредѣлили ихъ по мѣстностямъ, болѣе, впрочемъ, единообразно. Именно для нечерноземной части съ оброкомъ было назначено платить 9 рублей съ тягла, въ нечерноземной съ барщиной, черноземной и степной— 8 рублей. А самая сумма платежей разверстывалась по десятинамъ надѣла въ убывающей прогрессіи — на 1-ю десятину ложилось отъ 3 р. 50 к. до 4 р., на 2-ю меньше, на 3-ю еще меньше и т. д. Напримѣръ, при надѣлѣ въ 8 десятинъ крестьянинъ долженъ былъ платить за первую десятину 4 р., за вторую — 1 р. 20 к., — $46^2/_3$ к. и $46^2/_3$ к.

Едва ли надо указывать, что такая расцѣнка и раскладка была въ интересахъ помѣщиковъ и совсѣмъ не въ интересахъ крестьянъ. Малонадѣльному и отсюда маломочному крестьянину приходилось платить за первую десятину столько же, сколько платилъ и многонадѣльный и вообще непропорціонально много за свой надѣлъ. А помѣщикъ, благодаря первой десятинѣ, получалъ съ малонадѣльныхъ и съ многонадѣльныхъ почти тоже, въ убыткѣ не оставался.

Въ комиссіяхъ было высказано по поводу повинностей желаніе (Татариновъ), чтобы размѣръ ихъ не оставался неизмѣннымъ, а измѣнялся въ уровень съ измѣняющимися цѣнами на продукты. Татариновъ предлагалъ даже измѣрять оброкъ мѣрами и пудами зерна — во избѣжаніе потерь помѣщиками въ будущемъ. Но комиссіи на это не пошли и установили именно неизмѣнный размѣръ повинностей и денежный. Отъ принципа неизмѣняемости повинностей онѣ отказались лишь во второмъ періодѣ занятій — подъ вліяніемъ депутатовъ отъ дворянства.

Общественное управленіе крестьянъ.

Оставалось дать общественное устройство освобождаемымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ. Согласно журналу 4 декабря комиссіи отвергли сохраненіе за помѣщикомъ правъ вотчинной полиціи и провозгласили принципъ крестьянскаго самоуправленія. Однако проектированное ими устройство оказалось далекимъ отъ истиннаго самоуправленія. Онѣ, правда, снабдили крестьянское управленіе атрибутами общественнаго самоуправленія. Намѣтили сходы крестьянскіе, выборныхъ должностныхъ лицъ— старостъ, старшинъ. Кругъ же вѣдомство сельскихъ обществъ ограничили чисто хозяйственными дѣлами. Затѣмъ на исполнительные органы сельскихъ обществъ были возложены обязанности по охранѣ порядка и сбору податей, а на самыя общества— отвѣтственность за круговой порукой всѣхъ членовъ въ исправ-

номъ платежѣ податей. Наконецъ сельскія власти подчинялись мѣстной администраціи, а черезъ нихъ подчинялись и сами сельскія общества. Получалась такимъ образомъ не свободная, самоуправляющаяся община, о возрожденіи которой мечтали славянофилы, а новая полицейско-фискальная мелкая единица, и крестьяне, освобожденные отъ власти помѣщика, ставились подъ власть бюрократіи.

Эта, такъ сказать, пародія на самоуправленіе вызвала въ средѣ комиссій очень оживленныя пренія. Интересно, что противъ нея выступилъ консерваторъ, представитель дворянскихъ интересовъ, редакторъ «Журнала землевладѣльцевъ» А. Д. Желтухинъ. Онъ находилъ въ корнѣ ложнымъ отправной пунктъ комиссій. Онѣ хотятъ «замѣнить безотчетную власть и безотчетный судъ помѣщиковъ правильнымъ полицейскимъ и судебно-полицейскимъ устройствомъ крестьянъ и создать сельскія общества въ правительственныхъ или административныхъ видахъ». Иначе говоря, реформа «направлена противъ помѣщика и въ пользу правительственной администраціи». «Интересы (же) самихъ крестьянъ отодвинуты на второй планъ». Между тѣмъ единственной цѣлью правительства должно быть «благо народа». Съ развитіемъ гражданственности укрѣпляется мысль, что «всякій самъ лучше всѣхъ можетъ заниматься своими дѣлами» и правительство облегчитъ свою задачу «предоставленіемъ все большаго и большаго самоуправленія», не обособляя сословія и не противополагая ихъ интересы, но соединяя то и другое. И у насъ, по мнѣнію Желтухина, организація сельскаго управленія должна преслѣдовать ту же цѣль, и цѣль эта достигнется тогда, когда «между крестьянами и помѣщиками прекратятся всякія обязательныя отношенія и когда уничтожится раздѣленіе крестьянъ на разныя вѣдомства».

Еще энергичнѣй возсталъ противъ подобной организаціи общественнаго правленія крестьянъ Ю. Ѳ. Самаринъ. «Вы навязываете народу,—говорилъ онъ, — такую насильственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ». Однако Самарина не поддержали даже его единомышленники славянофилы, въ томъ числѣ Черкасскій, и его краснорѣчіе, какъ и доводы Желтухина, не поколебали взгляда большинства на организацію крестьянскаго управленія.

Надо замѣтить, что своей организаціей крестьянскаго управленія редакціонныя комиссіи положили начало обособленія крестьянъ отъ прочихъ сословій и ограниченія ихъ въ правахъ, сохранившагося вплоть еще до нашихъ дней.

Своему постановленію относительно устройства крестьянскаго управленія редакціонныя комиссіи нашли достойную отповѣдь въ словахъ К. С. Аксакова. Онъ обрушился ближайшимъ образомъ на своихъ единомышленниковъ, но имѣлись въ виду имъ и комиссіи. «Вы подняли руку на народъ, — говорилъ онъ, — злое дѣло, худое дѣло! Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее *душегубство*... Вы распинаете теперь русскій народъ».

Такимъ образомъ редакціонныя комиссіи, поставленныя между дворянскими и крестьянскими интересами и вынужденныя при дворянскомъ составѣ постоянно лавировать между этими интересами, не только не удержались въ равновѣсіи, но опредѣленно склонились на сторону дворянъ.

Говорить послѣ этого о рѣшительности уклона правительства въ сторону крестьянъ, конечно, не приходится. Это — въ первомъ періодѣ работъ комиссій. Второй же и третій періодъ обнаружили даже способность комиссій къ еще большимъ уступкамъ дворянству.

VIII.

Второй и третій періодъ работы редакціонныхъ комиссій.

Крестьянская реформа въ сознаніи русскаго общества неразрывно соединилась съ другими реформами русской общественной жизни. Еще Самаринъ и Кавелинъ въ своихъ запискахъ указали на тѣсную связь крѣпостного права со всѣми сторонами русской жизни, охарактеризовали его какъ тормозъ всякому улучшенію, прогрессу. Отсюда логически слѣдовало, что съ уничтоженіемъ этого тормоза должна была измѣниться вся жизнь русская въ смыслѣ свободы, самоопредѣленія, развитія гражданственности. Въ свою очередь, и печать послѣ выхода въ свѣтъ высочайшихъ рескриптовъ не преминула подчеркнуть всеобъемлющее въ этомъ смыслѣ значеніе отмѣны крѣпостного права. Наконецъ эта же мысль нашла себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ и получила здѣсь конкретную форму соотвѣтствующихъ практическихъ мѣръ, предложенныхъ правительству, напримѣръ, тверскимъ комитетомъ.

Но всего ярче, напряженнѣй и шире мысль о продолженіи крестьянской реформы, о реформахъ въ связи съ ней — общественныхъ и даже политической, была высказана въ моментъ окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Она вспыхнула вслѣдствіе столкновенія дворянства съ петербургской бюрократіей.

Комитетамъ было обѣщано участіе черезъ депутатовъ въ окончательномъ рѣшеніи крестьянскаго дѣла.

Столкновеніе депутатовъ I-го призыва съ комиссіями.

Съ увѣренностью въ этомъ и пріѣхали въ Петербургъ осенью 1859 года 21 депутатъ отъ комитетовъ — перваго призыва. Между тѣмъ правительство передумало: опасаясь измѣненій уже выработанныхъ редакціонными комиссіями началъ освобожденія крестьянъ подъ вліяніемъ депутатовъ, оно рѣшило ограничить ихъ роль дачей свѣдѣній по мѣрѣ надобности. Депутаты увидали въ этомъ вѣроломство и оскорбленіе и подняли цѣлый скандалъ. Всѣ попытки ихъ измѣнить принятое въ редакціонныхъ комиссіяхъ рѣшеніе, однако, не имѣли успѣха. И они уѣхали изъ Петербурга, чтобы разсказать выбиравшимъ ихъ дворянамъ, какъ обошлась бюрократія съ ихъ уполномоченными. Изъ этого конфликта и родилось кратковременное, но довольно яркое общественное теченіе въ пользу общественныхъ и политическихъ реформъ, промелькнувшее въ моментъ развязки крестьянскаго вопроса.

Собственно, основанія для столкновенія депутатовъ съ редакціонными комиссіями были, такъ какъ были пункты разногласія — надѣлы и выкупъ. Для депутатовъ 1-го призыва, большею частію изъ нечерноземныхъ губерній, земля не представляла, правда, особенной цѣнности, но все же и они не склонны были отводить ее въ большомъ количествѣ и совсѣмъ за дешево. А въ обязательномъ выкупѣ они прямо были заинтересованы, какъ средствѣ скорѣйшей развязки вопроса. Однако пункты разногласія не исключали возможности соглашенія при дворянскомъ составѣ комиссій. И послѣ такое соглашеніе состоялось къ выгодѣ дворянства. Теперь же вмѣсто соглашенія произошелъ конфликтъ. И виновата въ этомъ была дѣйствительно бюрократія.

Среди руководителей комиссій изъ бюрократовъ (Милютинъ, Соловьевъ) возникли опасенія, что депутаты, какъ они увѣряли министра внутреннихъ дѣлъ Ланского и Александра II, будучи включены въ комиссіи, ниспровергнутъ принятыя ими начала въ ущербъ крестьянамъ.

Недовольство депутатовъ и вообще дворянства работами комиссій было, и о немъ знали въ Петербургѣ. Но здѣсь боялись не столько ущерба крестьянскимъ интересамъ, сколько ущерба своей власти. Боялись политическихъ выступленій дворянства, ихъ поползновеній и покушеній пріобрѣсти на мѣстахъ власть взамѣнъ утерянной надъ крестьянами, что обнаружилось въ нѣкоторыхъ комитетахъ и въ частности — тверскомъ. Отсюда недовѣріе къ депутатамъ и недопущеніе ихъ въ комиссіи и конфликтъ.

Чисто экономическія разногласія тотчасъ же отодвинулись на задній планъ, и столкновеніе пріобрѣло политическую окраску. Фрондеры-депутаты не забыли о своихъ сословныхъ экономическихъ нуждахъ — въ адресъ тверичей вошло требованіе о выкупѣ «по цѣнѣ и условіямъ неразорительнымъ для помѣщиковъ» — но выступленіе ихъ было именно политическимъ. Въ лицѣ редакціонныхъ комиссій депутаты напали вообще на бюрократію, на ея властолюбивыя и корыстолюбивыя поползновенія.

Бюрократія устранила дворянъ отъ рѣшенія близкаго имъ вопроса. Она считаетъ себя компетентнѣй общества, въ данномъ случаѣ, дворянства. Но она вообще вѣдаетъ всѣ сферы жизни, съ отмѣной крѣпостного права въ ея вѣдѣніе изъ вѣдѣнія помѣщиковъ поступитъ крестьянская масса, она же возьметъ въ свое завѣдываніе всю мѣстную жизнь, управленіе новымъ обществомъ. Между тѣмъ въ средѣ бюрократіи царитъ взятка, произволъ, невѣжество. Это не можетъ быть допущено, тѣмъ болѣе теперь, въ обновляемой съ освобожденіемъ крестьянъ русской жизни. Въ бюрократіи все зло, отъ нея нужно русскому обществу эмансипироваться.

Таковъ былъ ходъ мыслей раздраженныхъ петербургской бюрократіей дворянскихъ депутатовъ 1-го призыва.

Дворянская фронда.

Уѣзжая изъ Петербурга, они подали на высочайшее имя адреса, въ которыхъ излили свои жалобы на бюрократію и указали рядъ необходимыхъ въ связи съ этимъ преобразованій. Сначала былъ составленъ одинъ общій адресъ, подписанный 18-ю изъ 21 депутата, затѣмъ 5 человѣкъ, въ томъ числѣ Унковскій, отказались и составили свой особый адресъ. Отдѣльно выступилъ сибирскій депутатъ Шидловскій, который посмотрѣлъ на дѣло весьма просто: предложилъ царю собрать «къ подножію своего престола» уполномоченныхъ дворянства и съ ними рѣшить крестьянскій вопросъ.

Адресъ пяти указывалъ на необходимость: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ *немедленнаго выкупа*, по цѣнѣ и условіямъ не разорительнымъ для помѣщиковъ; 2) образовать *хозяйственно-распорядительное управленіе*, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить *независимую судебную власть*, т.-е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; 4) дать возможность обществу путемъ *печатной гласности* доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія».

Политическаго строя адресъ не касался, его авторамъ четыре указанныя мѣры представлялись достаточной гарантіей противъ произвола бюрократіи при сохраненіи самодержавія. Мысль о конституціи была чужда въ этотъ моментъ фрондирующему дворянству. Только нѣкій камергеръ М. А. Безобразовъ выступилъ въ запискѣ на высочайшее имя съ предложеніемъ дворянской олигархіи взамѣнъ бюрократическаго самодержавія. И поплатился за это высылкой изъ Петербурга. Но и адресъ 5 былъ найденъ Александромъ II «ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности».

Этими протестами депутатовъ 1-го призыва заключился второй періодъ редакціонныхъ комиссій, въ теченіе котораго депутаты призывались въ комиссіи отдѣльными группами. Въ результатѣ этой совмѣстной работы были нѣкоторыя уступки дворянству, напримѣръ, отказъ комиссій отъ неизмѣнности повинностей крестьянъ.

Тѣ же чувства и мысли депутаты принесли на мѣста. Естественно, что здѣсь они нашли себѣ сочувствіе, поддержку, и недовольство отдѣльныхъ дворянъ-депутатовъ превратилось въ недовольство всего дворянства. Атмосфера провинціи напряглась. И правительство, чтобы разрѣшить эту атмосферу, особымъ циркуляромъ запретило на предстоявшихъ дворянскихъ собраніяхъ совсѣмъ касаться крестьянскаго вопроса. Это подлило масла въ огонь, сгустило еще болѣе атмосферу, недовольство дворянъ достигло крайняго напряженія. Оно увидало новое посягательство на свои права. Собранія всюду прошли бурно, а въ

нѣкоторыхъ кончились демонстративнымъ выступленіемъ противъ правительства. Теперь выпадъ былъ сдѣланъ не только противъ бюрократіи, но и противъ самодержавія. Фрондирующее дворянство въ полунегодованіи договорилось до необходимости ограниченія власти императора.

Тверское дворянство, предводимое Унковскимъ и его единомышленниками Головановымъ и Европеусомъ, рѣшило игнорировать циркуляръ министра Ланского, какъ незаконный, и протестовать противъ него въ письменной формѣ.

«Докажемъ нашими дѣйствіями,—говорилъ на собраніи Европеусъ, — что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими, и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать офиціальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицомъ общества и всей Россіи». И Европеусъ прочиталъ самый протестъ.

Хотѣли послать протестъ министру черезъ губернатора, но такъ какъ послѣдній отказался, то составили соотвѣтствующее прошеніе на высочайшее имя и отвезли съ экстреннымъ поѣздомъ.

На владимирскомъ дворянскомъ собраніи съ горячей рѣчью выступилъ противъ господства чиновниковъ, противъ его произвола и игнорированія имъ дворянства П. С. Безобразовъ. За нимъ говорилъ дворянинъ Протопоповъ въ духѣ демократизма, уничтоженія привилегій и работы силами всѣхъ сословій на пользу страны. А въ заключеніе собраніемъ была принята цѣлая программа преобразованій, дословно повторяющая пункты адреса 5, съ добавленіемъ новаго пункта: «управленіе общее для всѣхъ сословій». Въ эту не совсѣмъ ясную формулу владимирское дворянство запрятало требованіе конституціи.

Пріѣздъ въ Петербургъ депутатовъ 2-го призыва и завершеніе крестьянской реформы.

Виновники демонстрацій, конечно, пострадали — одни получили выговоры, другіе отправились въ ссылку. И послѣ описанныхъ выступленій правительство рѣшило взять еще болѣе твердый курсъ въ смыслѣ отстаиванія положеній редакціонныхъ комиссій и скорѣе суженія ихъ въ сторону чисто-дворянскихъ интересовъ, чѣмъ расширенія до предѣловъ либеральныхъ требованій.

Въ пріѣхавшихъ къ этому времени въ Петербургъ депутатахъ 2-го призыва правительство нашло поддержку своему курсу. Выраженіемъ твердости этого курса послужило назначеніе въ предсѣдатели комиссій послѣ смерти Ростовцева гр.

Панина и завершеніе реформы въ духѣ дворянскихъ, а не крестьянскихъ интересовъ. Мы имѣемъ въ виду сокращеніе надѣловъ редакціонными комиссіями при незначительной сбавкѣ повинностей. Тенденцію къ этому онѣ обнаружили еще послѣ встрѣчи и бесѣдъ съ депутатами 1-го призыва.

Связанныя съ крестьянской реформой надежды прогрессивной части русскаго общества, такимъ образомъ, не оправдались, вспышки либерализма въ цѣляхъ расширенія офиціальной программы потухли, не давши яркаго пламени, и подъемъ настроенія, сопровождавшій начало реформы, въ русскомъ обществѣ смѣнился разочарованіемъ въ концѣ ея. Общественныя выступленія въ печати, комитетахъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, грубо отталкиваемыя правительствомъ, не пропали, кое-чего достигли. Но отъ этихъ пинковъ жаръ остылъ, и вышедшая изъ рукъ бюрократіи крестьянская реформа навѣвала невеселыя мысли.

Представители радикализма Чернышевскій и молодой его соратникъ Добролюбовъ успѣли къ этому времени уже разочароваться въ намѣреніяхъ правительства. Они теперь не вѣрили даже въ русскій либерализмъ и всѣ свои надежды возлагали на освобождаемый народъ. Отъ него только они ждали освобожденія Россіи и въ него одного только вѣрили.

Поникъ и представитель свободнаго русскаго слова Герценъ. Глубокое уныніе и разочарованіе слышится въ его предваряющихъ реформу словахъ.

«Пришла Великая суббота, скоро ударитъ колоколъ... а на душѣ страшно и тяжело! Зачѣмъ намъ отравляютъ эту праздничную минуту? И мы, какъ наши бѣдные крестьяне, стоимъ въ раздумьи, съ неполной вѣрою, съ глубокимъ желаніемъ любви и съ непреодолимымъ чувствомъ ненависти».

Манифестъ 19 февраля Герценъ привѣтствовалъ и хотѣлъ поднять стаканъ за царя-освободителя, но вѣсть о пролившейся крови въ Варшавѣ во время манифестаціи остановила его и... рука опустилась сама собой.

Эта опустившаяся рука и поникшая подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей голова Герцена — лучшая эмблема разбившихся надеждъ русскаго общества, связанныхъ съ крестьянской и другими реформами Александра II.

В. Алексѣевъ.

Крестьянская реформа.

Общій характеръ реформы.

19 февр. 1861 г. порвались навсегда вѣковыя цѣпи крѣпостного права, и многомилліонная крестьянская масса могла, наконецъ, вздохнуть свободно. Возвѣщая объ этомъ знаменательномъ событіи, высочайшій манифестъ призывалъ раскрѣпощенный народъ къ свободному труду, залогу его домашняго благополучія и блага общественнаго. Въ русской деревнѣ начиналась новая эра, устанавливались новыя экономическія и юридическія отношенія.

Дѣятели освобожденія ясно сознавали все громадное историческое значеніе крестьянской реформы. «Исходъ крестьянскаго вопроса представляется мнѣ въ радужномъ свѣтѣ,—писалъ Александру II Ростовцевъ, незадолго до своей смерти: — крестьяне получатъ свободу полную; они зачнутъ богатѣть, цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастаетъ быстро, закоренѣлыя заблужде-

Пособія: «Высочайше утвержденныя 19 февр. 1861 г. Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». СПБ. 1861 г. *А. Скребицкій.* «Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II». 4 тома (II томъ въ 2-хъ частяхъ). Боннъ. 1862—68 г.г. *Н. П. Семеновъ.* «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II». Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. 3 тома (III томъ въ 2-хъ частяхъ). СПБ. 1889—1892 г.г. «*Великая реформа*», изд. Сытина, томъ VI. Москва. 1911 г. «Крестьянскій строй», т. I. Изд. кн. *П. Д. Долгорукова* и гр. *Т. Л. Толстого.* СПБ. 1905 г. «Освобожденіе крестьянъ; дѣятели реформы». Москва. Изд. «Научнаго слова» 1911 г. *А. А. Головачевъ.* «Десять лѣтъ реформъ 1861—1871 гг.». СПБ. Изд. 1872 г. *Иванюковъ.* «Паденіе крѣпостного права въ Россіи». СПБ. 1903 г. *А. А. Корниловъ.* «Крестьянская реформа». СПБ. 1905 г. *Страховскій.* «Крестьянскія права и учрежденія». Изд. товарищ. «Общественная Польза» *Ю. Э. Ансонъ.* «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». Изданіе второе. СПБ. 1881 г. *Л. В. Ходскій:* «Земля и земледѣлецъ», т. II. СПБ. 1891 г. Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797—1897 гг., т. II. «Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ» (т. II. СПБ. 1888 г.).

нія начнутъ исчезать, оба сословія будутъ ограждены въ своихъ интересахъ, и правительство получитъ много кандидатовъ на высшія мѣста, какъ губернскаго, такъ и государственнаго управленій». Разрѣшался, дѣйствительно, вопросъ колоссальной исторической важности: Россія какъ бы искупала свои прежніе грѣхи и вступала на широкій путь народной самодѣятельности и свободной хозяйственной инціативы. Правда, вся реформа проникнута, можно сказать, духомъ компромисса и отъ многаго, что въ началѣ ея творцы стремились провести въ жизнь, пришлось впослѣдствіи имъ же самимъ отказаться.

Общія и Мѣстныя Положенія.

Регулировать хозяйственный и юридическій строй раскрѣпощенной деревни долженъ былъ цѣлый рядъ узаконеній, извѣстныхъ подъ именемъ «Высочайше утвержденныхъ 19 февр. 1861 г. Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости». Это былъ цѣлый сборникъ въ 354 стр. большого формата въ листъ, заключавшій въ себѣ, кромѣ Высочайшаго Манифеста и Именного Указа Сенату, рядъ положеній, какъ общаго, такъ и мѣстнаго характера. Общія положенія заключали въ себѣ постановленія, касающіяся всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ находились крѣпостные люди. Ими опредѣлялись, съ одной стороны, личныя, имущественныя и сословныя права крестьянъ и дворовыхъ, а съ другой — компетенція и кругъ дѣятельности различнаго рода учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ; особое положеніе устанавливало тѣ юридическія нормы, на основаніи которыхъ крестьяне могли выкупать въ собственность отведенныя имъ въ пользованіе усадебныя и надѣльныя земли. Что касается мѣстныхъ положеній, то они заключали въ себѣ тѣ юридическія нормы, которыми опредѣлялась преимущественно хозяйственная сторона реформы, въ зависимости отъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій. Такихъ мѣстныхъ положеній издано было четыре:

1) для губерній Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ,

2) для губерній Малороссійскихъ,

3) для губерній Кіевской, Подольской и Волынской, и

4) для губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и части Витебской.

Въ основу этого дѣленія положены были, съ одной стороны, хозяйственныя и бытовыя особенности (напр., въ Великороссіи повсе-

мѣстно существовала поземельная община, тогда какъ въ Малороссіи подворное землепользованіе), съ другой — тѣ юридическія отношенія, которыя устанавливались между помѣщиками и крестьянами (такъ, напр., въ губерніяхъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ, для которыхъ составлены 3-е и 4-е мѣстныя положенія, существовали инвентари, которыми регулировались эти отношенія еще въ 1840-хъ и 1850-хъ гг.). Кромѣ перечисленныхъ мѣстныхъ положеній, издано было довольно много дополнительныхъ правилъ, касающихся Сибири, Донской обл., Бессарабіи и Ставропольской губ., а также крестьянъ, приписанныхъ къ частно-владѣльческимъ фабрикамъ и горнымъ заводамъ. Такимъ образомъ, всѣ эти положенія и правила представляли изъ себя, дѣйствительно, «кодексъ въ полномъ смыслѣ этого слова, который даже при бѣгломъ обзорѣ поражаетъ своей полнотою, цѣльностью и законченностью» (слова проф. Вормса). Если такое громадное значеніе законодательству о крестьянахъ придаютъ представители современной науки, то какое же сильное впечатлѣніе должно было оно производить на людей 1860-хъ гг., на глазахъ которыхъ произошла отмѣна крѣпостного права. «Ни одинъ народъ, ни одно государство Европы не имѣли и не дождались всеобъемлющаго законодательства о крестьянахъ такихъ величавыхъ размѣровъ, съ такимъ вниманіемъ отнесшагося ко всѣмъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ страны». Такъ писалъ въ 1861 г. извѣстный нѣмецкій экономистъ бар. Гакстгаузенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ крестьянской поземельной общины и всего хозяйственнаго строя дореформенной русской деревни.

Реформы у крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ.

Реформа коснулась не одяихъ только владѣльческихъ крестьянъ. Въ 1863 г. были отпущены на волю крестьяне удѣльные, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1866 г. произведены были коренныя измѣненія въ хозяйственномъ и общественномъ бытѣ у крестьянъ государственныхъ. Такимъ образомъ на протяженіи какихъ-нибудь 5 лѣтъ осуществлено было цѣлыхъ три крестьянскихъ реформы, и всѣ разряды сельскаго населенія Россіи слились въ единую сословную массу.

Переходный періодъ.

Основные принципы освободительнаго акта должны были проводиться въ жизнь въ теченіе т. н. переходнаго періода, продолжительность котораго составители Положенія опредѣляли въ два года. За это время должны были быть составлены

по всѣмъ имѣніямъ уставныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялось число ревизскихъ душъ, выходящихъ на волю въ данномъ имѣніи, количество усадебной, полевой и луговой земли, отходящей въ ихъ пользованіе, и величина повинностей, отбываемыхъ освобожденными крестьянами за эту землю. Въ теченіе перваго года помѣщики могли составлять уставныя грамоты сами, а затѣмъ эти обязанности переходили исключительно къ мировымъ посредникамъ. Къ веснѣ 1863 г. всѣ уставныя грамоты, провѣренныя посредниками, должны были быть утверждены или уѣздными съѣздами, или даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Эти учрежденія обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы при составленіи договоровъ между помѣщиками и крестьянами не нарушались предоставленныя послѣднимъ по закону личныя и по состоянію права. Такимъ образомъ, черезъ два года послѣ реформы экономическій строй въ раскрѣпощенной деревнѣ долженъ былъ получить совершенно новыя юридическія основанія. Взамѣнъ прежняго барскаго произвола вводился въ жизни договорный принципъ, при чемъ договоръ обязательно облекался въ письменную форму.

До тѣхъ поръ, пока не налажено было мірское крестьянское самоуправленіе, на что давался шестимѣсячный срокъ, оставлялись при исполненіи своихъ обязанностей прежніе крестьянскіе «начальники»,—бурмистры и старосты, поставленные отъ барской конторы, а за помѣщиками удерживалась прежняя вотчинная власть. «Помѣщикамъ,—говорилось въ высочайшемъ манифестѣ,—сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ».

Права помѣщиковъ надъ крестьянами въ переходный періодъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщики не только въ теченіе переходнаго періода, но и за все время существованія обязательныхъ отношеній, т.-е. до тѣхъ поръ, пока крестьяне не приступали къ выкупу своихъ земель, продолжали оставаться попечителями своихъ бывшихъ крѣпостныхъ и могли, напр., обращать вниманіе надлежащихъ лицъ и учрежденій на неправильное обложеніе крестьянъ казенными податями и повинностями. Помѣщикамъ разрѣшалось, кромѣ того, присутствовать во время слѣдствія и суда надъ ихъ бывшими крестьянами, а также получать справки по всѣмъ касающимся крестьянъ дѣламъ, какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ. Законъ разрѣшалъ имъ даже требовать смѣны выборныхъ сельскихъ должностныхъ лицъ, чѣмъ дости-

галось, въ извѣстной степени, подчиненіе помѣщикамъ органовъ крестьянскаго управленія.

Но предоставляя помѣщику довольно широкія права и полномочія, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ слагалъ съ него цѣлый рядъ лежавшихъ прежде на немъ обязанностей. Такъ, съ момента введенія въ дѣйствіе освободительнаго акта онъ не долженъ былъ уже продовольствовать крестьянъ во время голода и оказывать призрѣніе малолѣтнимъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ, отвѣчать за своевременное отбываніе ими податей и повинностей, ходатайствовать за крестьянъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Имущественныя права помѣщика отдѣлены были теперь отъ имущественныхъ правъ, какъ отдѣльнаго крестьянина, такъ и цѣлаго сельскаго міра, вполнѣ опредѣленной юридической гранью, которая прежде при крѣпостномъ правѣ такъ часто стиралась. Міръ, какъ юридическое лицо, становился между помѣщикомъ и крестьянами, т. к. въ теченіе временно-обязаннаго періода помѣщикъ не имѣлъ права вступать въ непосредственныя сношенія съ отдѣльными крестьянами, а долженъ былъ всѣ свои требованія предъявлять ко всему сельскому обществу и при томъ не иначе, какъ черезъ старосту.

Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Для проведенія въ жизнь крестьянской реформы, для осуществленія на практикѣ сложнаго дѣла административнаго и хозяйственнаго устройства раскрѣпощенной крестьянской массы, созданъ былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ учрежденій, кругъ вѣдомства которыхъ постепенно расширялся въ первые годы послѣ реформы. Это были мировые посредники, уѣздные мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Всѣ эти учрежденія обвѣяны тѣмъ началомъ компромисса, которымъ проникнута вся реформа 1861 г. Они были наполовину дворянскими, наполовину бюрократическими, при чемъ ихъ дворянское происхожденіе компенсировалось сильнымъ вліяніемъ на нихъ мѣстной администраціи. Это вліяніе, до нѣкоторой степени косвенное въ сферѣ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, являлось довольно значительнымъ въ уѣздныхъ съѣздахъ и преобладало, можно сказать, въ губернскихъ присутствіяхъ.

Мировые посредники.

Всѣ селенія бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ распредѣлялись на мировые участки, при чемъ волостная территорія не могла при этомъ дробиться. Число мировыхъ участковъ на уѣздъ опредѣлялось уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и подлежало

утвержденію губернскаго начальства. Самое замѣщеніе должностей мировыхъ посредниковъ происходило слѣдующимъ образомъ. На уѣзднаго предводителя дворянства возлагалась обязанность составить списокъ тѣхъ потомственныхъ дворянъ даннаго уѣзда, которые обладали необходимымъ для мирового посредника имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Этотъ списокъ предъявлялся на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго дворянскаго собранія. Затѣмъ списки изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи передавались «на дальнѣйшее распоряженіе губернатору, который, по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, «избиралъ» надлежащее количество посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ. Утвержденіе же этихъ лицъ въ должности производилось указами Сената. Губернаторъ, такимъ образомъ, облекался полномочіями какого-то верховнаго избирателя.

Но усмотрѣніе начальника губерніи въ дѣлѣ организаціи мировыхъ учрежденій еще рѣзче выступаетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, «гдѣ по малому числу помѣщиковъ» не было дворянскихъ выборовъ. Здѣсь уже у него были вполнѣ развязаны руки: онъ единоличной своей властью образуетъ мировые участки и назначаетъ въ нихъ мировыхъ посредниковъ. Однако, посредники, столь зависимые отъ губернатора въ моментъ избранія или назначенія, по утвержденіи ихъ въ должности Сенатомъ, не могли быть устранены отъ своихъ обязанностей въ теченіе 3 лѣтъ, за исключеніемъ только совершенія ими преступныхъ дѣяній. Въ служебномъ отношеніи они приравнивались къ должности уѣзднаго предводителя дворянства, что должно было придавать имъ болѣе почетное и независимое положеніе.

Посредниками могли быть лица, принадлежавшія къ потомственному дворянству и владѣвшія землею въ количествѣ не менѣе 500 дес. Но для дворянъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имущественный цензъ понижался до 150 дес. Однако посредниками могли быть также всѣ лица, пользовавшіяся избирательнымъ голосомъ въ дворянскихъ собраніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредниками могли назначаться и не окончившіе курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если только за ними числилось до 150 дес. земли. Когда же не находилось въ уѣздѣ достаточнаго количества потомственныхъ дворянъ, даже съ минимальнымъ имущественнымъ цензомъ, то должности посредниковъ могли быть замѣщаемы и личными дворянами, но владѣвшими землею не менѣе, чѣмъ 1.000 дес. Ко-

нечно, всѣ эти исключенія должны были содѣйствовать тому, что независимое положеніе посредниковъ отъ мѣстной губернской власти становилось все болѣе и болѣе эфемернымъ, такъ какъ владѣльцы какихъ-либудь 150 дес. земли, хотя бы и изъ потомственныхъ дворянъ, не могли не чувствовать себя въ довольно странномъ положеніи передъ лицомъ губернатора, облеченнаго широкими административными полномочіями. За исполненіе своихъ обязанностей посредники опредѣленнаго жалованья не получали, но въ ихъ безотчетное распоряженіе выдавалось ежегодно по 1.500 р., изъ которыхъ они должны были производить расходы «на содержаніе канцеляріи, наемъ разсыльныхъ и другія издержки по отправленію должности».

Компетенція мировыхъ посредниковъ.

Что касается обязанностей мировыхъ посредниковъ, то онѣ были чрезвычайно сложны и разносторонни. Ихъ вѣдѣнію подлежали всѣ споры между помѣщиками и бывшими крѣпостными, возникавшіе на почвѣ землеустройства и отбыванія повинностей, разборъ различнаго рода дѣлъ, вытекавшихъ изъ нарушенія имущественныхъ правъ или помѣщиковъ, или крестьянъ и изъ невыполненія арендныхъ договоровъ и условій найма на работу. Они могли при этомъ разсматривать иски только стоимостью не свыше 30 р., присуждая къ уплатѣ опредѣленнаго вознагражденія въ пользу потерпѣвшаго. За проступки же, уголовно наказуемые, имъ разрѣшалось подвергать виновныхъ денежнымъ штрафамъ не свыше 5 р., а лицъ податного состоянія также къ отбыванію общественныхъ работъ до 6 дней, къ аресту до 7 дней и даже къ тѣлесному наказанію до 20 ударовъ розгами. Мировые посредники, кромѣ того, разсматривали и утверждали различные акты и сдѣлки, заключаемыя между помѣщиками и крестьянами, провѣряли и нерѣдко составляли уставныя грамоты, а въ случаѣ возникновенія малѣйшаго сомнѣнія относительно количества отводимой крестьянамъ земли, измѣряли ее въ натурѣ при помощи находящихся въ ихъ распоряженіи землемѣровъ и межевщиковъ.

Сверхъ этихъ судебныхъ и землеустроительныхъ функцій, посредники были облечены широкими административными полномочіями по отношенію къ органамъ крестьянскаго общественнаго управленія. Они утверждали въ должности волостныхъ старшинъ и приводили ихъ къ присягѣ, могли устранять всѣхъ должностныхъ лицъ, за исключеніемъ старшинъ, отъ исполненія ими своихъ обязанностей и даже назначать дру-

гихъ крестьянъ на эти должности своею единоличной властью. За служебные упущенія и проступки посредники имѣли право подвергать крестьянскихъ должностныхъ лицъ денежнымъ взысканіямъ до 5 р. и аресту до 7 дней. Кромѣ того, ихъ утвержденію подлежали мірскіе приговоры объ удаленіи изъ общества порочныхъ его членовъ.

Для объединенія и согласованія дѣйствій отдѣльныхъ мировыхъ посредниковъ учреждались мировые съѣзды или въ каждомъ уѣздѣ, или по одному на два уѣзда. Въ составъ ихъ входили, въ качествѣ предсѣдателя, уѣздный предводитель дворянства, всѣ мировые посредники даннаго округа и одинъ чиновникъ по назначенію губернатора. **Мировой съѣздъ.**

Компетенціи мировыхъ съѣздовъ подлежали дѣла отчасти землеустроительныя, отчасти административныя. Они утверждали уставныя грамоты и разбирали тѣ поземельные споры, которые не могли разрѣшить своею властью мировые посредники, устанавливали общіе сроки для уплаты крестьянами оброка и дѣлали постановленія о разверстаніи и обмѣнѣ крестьянскихъ земель и угодій, а также о перенесеніи усадьбъ и о точномъ измѣреніи надѣльныхъ земель. Кромѣ того, ихъ вѣдѣнію подлежало разсмотрѣніе жалобъ, какъ на мировыхъ посредниковъ, такъ и на органы крестьянскаго управленія.

Наконецъ высшимъ въ губерніи учрежденіемъ по крестьянскимъ дѣламъ были губернскія присутствія. Они должны быть образованы во всѣхъ губерніяхъ тотчасъ по опубликованіи освободительнаго акта, при чемъ предсѣдательствованіе въ нихъ возлагалось на начальника губерніи. Въ составъ губернскихъ присутствій входили, какъ представители высшей мѣстной администраціи, такъ и лица, принадлежавшія къ помѣстному дворянству, а именно: управляющій палатою государственныхъ имуществъ, а тамъ, гдѣ его не было, управляющій удѣльною конторою, губернскій прокуроръ и въ извѣстныхъ случаяхъ управляющій казенною палатой, губернскій предводитель дворянства, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, приглашаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ по сношенію съ губернаторомъ, и два члена изъ мѣстныхъ дворянъ по избранію губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ насчитывалось нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, составъ **Губернскія по крест. дѣламъ присутствія.**

присутствія пополнялся еще однимъ членомъ по выбору заводовладѣльцевъ, и другимъ отъ горнаго вѣдомства по назначенію министра финансовъ. Интересно, что въ случаѣ надобности губ. присутствія могли приглашать на свои засѣданія свѣдущихъ лицъ изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ.

Кругъ вѣдомства губ. присутствій отчасти совпадалъ съ компетенціей мировыхъ съѣздовъ, отчасти былъ шире ея. Они окончательно утверждали уставныя грамоты, составляли урочныя положенія, повышали или понижали размѣры повинностей, распредѣляли уѣзды на мѣстности при опредѣленіи величины земельнаго надѣла, когда въ томъ встрѣчалась надобность. Кромѣ того, ихъ вѣдѣнію подлежали всѣ жалобы на мировыхъ посредниковъ и на уѣздные мировые съѣзды, утвержденіе проектовъ распредѣленія селеній по волостямъ и разсмотрѣніе добровольныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами.

Поземельная община и сельскій міръ.

Заботы о хозяйственно-административномъ устройствѣ раскрѣпощенной деревни направляли вниманіе и правительственныхъ и общественныхъ сферъ на поземельную общину и сельскій міръ. Разрушать крестьянскую общину и ставить каждаго отдѣльнаго крестьянина лицомъ къ лицу съ его бывшимъ помѣщикомъ, съ одной стороны, и съ представителями мѣстной власти—съ другой, составители Положенія считали неудобнымъ по цѣлому ряду весьма вѣскихъ соображеній. Бытовая старина въ ихъ глазахъ имѣла тѣмъ большее значеніе, чѣмъ крѣпче за нее держалась крестьянская масса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не могли не считаться и съ соображеніями фискально-полицейскаго характера. Эту точку зрѣнія съ самаго начала занятій Редакціонныхъ Комиссій особенно настойчиво проводилъ ихъ предсѣдатель Ростовцевъ. Вопросъ объ общинѣ, по его мнѣнію, былъ чисто правительственнымъ, «до правъ собственности и до интересовъ помѣщика не относящимся». Онъ полагалъ, что общинное устройство необходимо было Россіи по двумъ причинамъ, непосредственно касающимся правительства: во-первыхъ, «потому, что народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика»; и, во-вторыхъ, «потому, что безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей».

Эти взгляды Ростовцева раздѣлялись многими изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, которые, говоря объ общинѣ и мірѣ,

старались разграничивать эти два понятія. «Сельское общество,— говорили они, — это единица административная, а поземельная община — единица хозяйственная». Въ цѣломъ рядѣ засѣданій послѣ долгихъ и жаркихъ преній Комиссіи рѣшили назвать сельское общество волостью, а поземельную общину — мірскимъ обществомъ'. Но Положеніе не совсѣмъ точно различаетъ эти два понятія, почему и въ сельскомъ обществѣ и въ волости смѣшаны какъ бы оба ряда функцій, и хозяйственныя, и административныя.

Открытіе крестьянскаго общественнаго управленія.

Именной Указъ Сенату 19 февраля 1861 г. возлагалъ на мировыхъ посредниковъ, а гдѣ ихъ еще не было на уѣздныхъ предводителей дворянства, обязанность принять мѣры къ своевременному открытію повсемѣстно въ уѣздахъ сельскихъ обществъ и избранія старостъ и другихъ должностныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ особыя комиссіи изъ уѣзднаго предводителя дворянства, земскаго исправника и одного изъ помѣщиковъ должны были въ мѣсячный срокъ составить проектъ распредѣленія селеній на волости и внести его на утвержденіе въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Губернскія же присутствія обязаны были заботиться о своевременномъ открытіи волостныхъ правленій съ надлежащимъ количествомъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Волостныя учрежденія должны были повсюду начать дѣйствовать не позднѣе, чѣмъ черезъ полгода по опубликованіи Положенія.

Сельское общество и волость.

Территоріальными подраздѣленіями крестьянскаго общественнаго управленія по Положенію 1861 г. были — сельское общество и волость. Въ составъ сельскаго общества входили всѣ крестьяне одного владѣльца, жившіе или въ одномъ селеніи, или въ нѣсколькихъ смежныхъ и при этомъ владѣвшіе сообща или всѣми угодьями, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ. Когда въ селеніи насчитывалось менѣе 20 душъ, то оно могло быть причислено къ ближайшему сельскому обществу. Если же въ одномъ и томъ же селеніи проживали крестьяне, принадлежавшіе различнымъ владѣльцамъ, то изъ нихъ всѣхъ образовывалось одно общество. Нѣсколько сельскихъ обществъ составляли волость, при чемъ они должны были быть расположены на разстояніи не далѣе 12 верстъ отъ того мѣста, гдѣ учреждалось волостное правленіе. Волостная территорія ни въ коемъ случаѣ не могла захватывать селеній, находящихся въ различныхъ уѣздахъ, и должна была совпадать по возможности съ границами цер-

ковнаго прихода или двухъ смежныхъ, заключая въ себѣ население отъ 300 до 2.000 ревизскихъ душъ.

Органы крестьянскаго общественнаго управленія.

Какъ въ сельскомъ обществѣ, такъ и въ волости органами крестьянскаго общественнаго управленія были, съ одной стороны, сходъ, съ другой — должностныя лица. Сельскій сходъ состоялъ изъ всѣхъ домохозяевъ даннаго селенія, при чемъ отъ многотягольныхъ дворовъ могло присутствовать по два человѣка. Что касается волостного схода, то въ него входили выборные отъ всѣхъ сельскихъ обществъ данной волости по одному на каждые 10 дворовъ.

Для законности того и другого схода на немъ обязаны были присутствовать должностныя лица. Такими должностными лицами были сельскіе старосты, а тамъ, гдѣ встрѣчалась необходимость — сверхъ того особые сборщики податей, смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, училищъ и больницъ, лѣсные и полевые сторожа, сельскіе писаря и т. п. Во главѣ волости стоялъ волостной старшина съ волостнымъ правленіемъ, въ составъ котораго входили всѣ сельскіе старосты данной волости и сборщики податей, гдѣ они имѣлись. Сверхъ того, при правленіи учреждалась должность волостного писаря, котораго нанималъ сходъ за опредѣленное вознагражденіе, обычно, не изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Право созыва сельскаго схода принадлежало не только сельскому старостѣ, волостному старшинѣ и мировому посреднику, но и помѣщику, на землѣ котораго находилось данное селеніе, однако только до тѣхъ поръ, покуда существовали временно-обязанныя отношенія, но самый созывъ схода могъ быть произведенъ не иначе, какъ черезъ старосту или другое, замѣняющее его должностное лицо.

Компетенція сельскаго схода.

Такъ какъ самое понятіе «сельское общество» отличалось двойственностью, заключая въ себѣ и хозяйственные и административные элементы, то вполнѣ понятно, что кругъ вѣдомства сельскаго схода, являвшагося распорядительнымъ органомъ этого общества, былъ чрезвычайно широкимъ. По ст. 51 Общ. Пол. онъ выбираетъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія и подвергаетъ ихъ учету, приноситъ жалобы въ правительственныя и общественныя учрежденія и выдаетъ довѣренности своимъ повѣреннымъ на веденіе дѣлъ, принимаетъ новыхъ членовъ въ общество и удаляетъ изъ его среды наиболѣе вредные эле-

менты, назначаетъ опекуновъ къ малолѣтнимъ, повѣряетъ ихъ дѣятельность, разрѣшаетъ семейные раздѣлы и вообще вѣдаетъ все, что касается бытовыхъ явлешй въ сельской жизни.

На ряду съ этими административно-юридическими функціями, сходъ облеченъ широкой компетенціей въ сферѣ хозяйственно-податной. Онъ разсматриваетъ всѣ дѣла, связанныя съ пользованіемъ мірскою землею, даетъ разрѣшеніе на устройство торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ предѣлахъ сельской территоріи. Въ теченіе временно-обязаннаго періода онъ раскладываетъ оброкъ и распредѣляетъ издѣлье въ пользу помѣщика тамъ, гдѣ существовала круговая порука. Сходъ постановляетъ также раскладку и способъ взиманія сборовъ на мірскія нужды, а также всѣхъ вообще податей и повинностей, какъ казенныхъ, такъ и земскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ принимать мѣры для взысканія недоимокъ, не только казенныхъ и общественныхъ, но и по сборамъ въ пользу помѣщика. А такъ какъ фискальные интересы въ глазахъ составителей Положенія стояли на первомъ планѣ, то эти мѣры отличались большимъ разнообразіемъ и подчасъ даже суровостью. Дозволялось не только обращать на пополненіе недоимки доходъ съ имущества, принадлежащаго недоимщику, но даже «продать ту часть недвижимаго имущества, которая не составляетъ необходимость въ его хозяйствѣ, и отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда недоимка лежала на всемъ сельскомъ обществѣ, то понужденіе къ ея уплатѣ возлагалось на мѣстную полицію.

На сходъ возложена была также обязанность заботиться о поднятіи культурнаго уровня деревни: совѣщаніе и ходатайство объ общественныхъ нуждахъ и благоустройствѣ, о призрѣніи и обученіи грамотѣ. Такимъ образомъ, не было, можно сказать, ни одного вопроса, касающагося внутренняго и внѣшняго строя жизни въ раскрѣпощенной деревнѣ, который бы не подлежалъ вѣдѣнію сельскаго схода. Личность отдѣльнаго крестьянина какъ бы поглощалась міромъ, къ которому онъ прикрѣпленъ былъ прочною цѣпью. Міръ замѣнилъ для крестьянъ, съ одной стороны, прежняго помѣщика, съ другой — стоялъ между ними и всѣмъ тѣмъ, что находилось внѣ даннаго сельскаго общества.

Связь крестьянина съ сельскимъ обществомъ.

Наиболѣе крѣпко привязывала крестьянина къ сельскому обществу общинная форма землевладѣнія, но даже и тамъ, гдѣ

ея не существовало, онъ былъ прикрѣпленъ къ своему обществу круговой порукой въ отбыванiи повинностей и въ уплатѣ выкупныхъ платежей. Однако эту связь можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ ослабить, а иногда даже порвать навсегда. Каждый домохозяинъ могъ выйти изъ поземельной общины, оставаясь, тѣмъ не менѣе, членомъ общества, въ томъ случаѣ, если онъ выкупалъ въ полную собственность свой надѣльный участокъ путемъ досрочнаго погашенія лежащей на немъ доли выкупныхъ платежей. Если же онъ пріобрѣталъ гдѣ-нибудь на сторонѣ землю, размѣрами не менѣе $4^1/_2$ дес., или заявлялъ за собою купеческiй капиталъ и выправлялъ гильдейское свидѣтельство, то онъ окончательно выходилъ изъ даннаго сельскаго общества, но долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, или приписаться къ другому обществу или войти въ составъ одного изъ городскихъ сословій.

Компетенція волостного схода.

Компетенція волостного схода отчасти совпадала съ сельскимъ, отчасти превышала его. Вообще онъ долженъ былъ выносить «постановленіе о всѣхъ предметахъ относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости». Но по нѣкоторымъ вопросамъ волостные сходы имѣли въ своемъ вѣдѣнiи такія дѣла, къ которымъ сельскія общества не имѣли прямого касательства, такъ, напр., они должны были составлять и провѣрять рекрутскiе списки и заботиться объ учрежденiи и своевременномъ заполненiи волостныхъ хлѣбныхъ магазиновъ.

Должностныя лица крестьянскаго управленія.

Въ рукахъ какъ сельскаго, такъ и волостного схода сосредоточена была распорядительная власть, что же касается власти исполнительной, то она возлагалась на сельскихъ старостъ и волостного старшину съ правленiемъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ должно было происходить вполнѣ свободно безъ всякаго начальственнаго воздѣйствія. Но когда на выборы поступала жалоба мировому посреднику не менѣе, чѣмъ отъ $^1/_5$ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ сходѣ, то онъ, удостовѣрившись въ ея основательности, отдавалъ распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ уже въ своемъ присутствiи. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ имѣли мѣсто временно-обязанныя отношенія, помѣщику предоставлено было право требовать смѣны неисправныхъ сельскихъ старостъ и опротестовать наемъ на должность писаря лица, по его мнѣнію, «неблагонадежнаго». Съ требованіями подобнаго рода помѣщикъ долженъ былъ обращаться непосредственно къ мировому посреднику или даже въ уѣздныя и губернскія учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Сельскій староста и волостной старшина.

Такъ какъ сельское общество было территоріальнымъ подраздѣленіемъ волости, то его должностныя лица являлись своего рода низшей инстанціей по отношенію къ старшинѣ и др. волостнымъ властямъ. На сельскаго старосту возлагались самыя разнообразныя обязанности какъ административно-полицейскаго, такъ и хозяйственно-податного характера. Онъ долженъ былъ приводить въ исполненіе всѣ постановленія схода, а также всѣ требованія, исходящія какъ отъ волостного, такъ и уѣзднаго начальства. Въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ онъ долженъ былъ наряжать ихъ на работы и собирать съ нихъ оброкъ и, вообще, «немедленно исполнять законныя требованія помѣщика подъ своею личною отвѣтственностью».

Что касается волостного старшины, то онъ, являясь главнымъ административно-полицейскимъ органомъ въ волости, обязанъ былъ наблюдать за сохраненіемъ общаго порядка, спокойствія и благочинія въ ней.

Въ цѣломъ рядѣ статей Положеніе подробно регламентируетъ обязанности и старостъ и старшинъ, стараясь какъ бы заранѣе опредѣлить тотъ кругъ, въ предѣлахъ котораго они могли безпрепятственно дѣйствовать. Но какъ бы ни была широка компетенція этихъ должностныхъ лицъ, въ ней все-таки превалировали функціи чисто полицейскія. Въ этомъ отношеніи устанавливалась строгая подчиненность и старостъ и старшинъ мѣстнымъ уѣзднымъ властямъ, начиная отъ мирового посредника и судебнаго слѣдователя и кончая уѣздной полиціей и др. начальствующими лицами различныхъ вѣдомствъ. Всѣ «законныя требованія» ихъ они должны были на основаніи 63 и 85 ст. Общ. Пол. «исполнять безпрекословно». Но такъ какъ понятіе «законность» иногда слишкомъ широко толковалось, то статьи эти чреваты были цѣлымъ рядомъ послѣдствій, и, благодаря имъ, крестьянское общественное самоуправленіе почти свелось на-нѣтъ, что показала уже практика ближайшихъ послѣ реформы лѣтъ. Въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо изъ сельскихъ или волостныхъ властей преступленія по должности, дѣла подобнаго рода разбирались въ Уѣздномъ судѣ, а самое преданіе суду постановлялось мировымъ посредникомъ.

Волостной судъ.

Принимая во вниманіе сложившійся вѣками бытовой строй сельской жизни, Положеніе должно было создать и особый крестьянскій судъ. Онъ не былъ судомъ писаннаго права, не руко-

водствовался статьями и параграфами Указа о наказ., а ставилъ свои приговоры на основанiи господствующихъ въ данной мѣстности обычаевъ. У него не было сходства и съ судомъ стариковъ, имѣвшимъ мѣсто въ оброчныхъ деревняхъ въ эпоху крѣпостного права, онъ былъ не частной расправой, а выборнымъ коллегiальнымъ учрежденiемъ по типу судовъ, существовавшихъ у государственныхъ крестьянъ. Въ составъ волостного суда входили избранные на сходѣ крестьяне отъ 4 до 12 человѣкъ, при чемъ засѣданiе суда считалось законнымъ при наличности 3 судей. За исполненiе своихъ обязанностей судьи иногда получали вознагражденiе изъ мiрскихъ суммъ. Всѣ дѣла въ судѣ должны были производиться словесно и только приговоры и рѣшенiя, равно какъ и полюбовныя сдѣлки, состоявшiяся въ немъ, должны были записываться въ особую книгу.

При поголовной почти безграмотности волостныхъ судей получалъ громадное значенiе на судѣ волостной писарь, являвшiйся его секретаремъ. Онъ былъ почти единственнымъ истолкователемъ законовъ и формулировщикомъ письменныхъ приговоровъ.

Хотя составители Положенiя и сдѣлали попытку провести въ жизнь принципъ отдѣленiя суда отъ администрацiи, воспретивъ старшинѣ принимать участiе въ судебныхъ засѣданiяхъ, однако независимость судей нарушалась тѣмъ, что они, подобно другимъ должностнымъ лицамъ сельскаго управленiя, подчинены были дисциплинарной власти волостного старшины.

Компетенцiя волостного суда.

Юрисдикцiи волостного суда подлежали крестьянскiя тяжбы до 100 р. включительно. Споры же и тяжбы, въ которыхъ сумма иска превышала 100 р. или въ которыхъ истецъ или отвѣтчикъ принадлежали къ другому сословiю, могли разбираться въ волостномъ судѣ только съ обоюднаго согласiя сторонъ. Проступки уголовнаго характера разбирались волостнымъ судомъ только тогда, когда, во-первыхъ, данное преступленiе не подлежало вѣдѣнiю общихъ судебныхъ установленiй и, во-вторыхъ, когда обѣ стороны принадлежали къ крестьянскому сословiю, или, въ-третьихъ, когда потерпѣвшiй, хотя и принадлежалъ къ другому сословiю, однако, пожелалъ искать удовлетворенiя въ волостномъ судѣ.

Виновныхъ судъ могъ приговаривать къ общественнымъ работамъ не свыше 6 дней, къ денежному штрафу до 3 р. включительно, къ аресту до 7 дней и даже къ тѣлесному наказанiю до 20 ударовъ розгами. Впрочемъ, отъ тѣлеснаго наказанiя изба-

влены были какъ старики, достигшіе 60-лѣтняго возраста, и должностныя лица крестьянскаго управленія, такъ и тѣ изъ крестьянъ, которые кончили курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Приговоры волостного суда считались окончательными въ предѣлахъ его компетенціи. Крестьянамъ не возбранялось также обращаться помимо волостного суда къ третейскому разбирательству своего бывшаго помѣщика, при чемъ жаловаться куда бы то ни было на его приговоръ они уже не могли.

Правовая сторона реформы.

Съ момента опубликованія освободительнаго акта, конечно, въ корнѣ должно было измѣниться прежнее безправное положеніе крѣпостной массы. Отмѣняя навсегда крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ людей, Положеніе 19 февр. 1861 г. уравнивало ихъ въ личныхъ, корпоративныхъ и имущественныхъ правахъ съ другими свободными податными состояніями. Однако въ пользованіи этими правами они подвергались все-таки нѣкоторымъ ограниченіямъ. Вмѣсто помѣщика надъ крестьянами былъ поставленъ міръ въ видѣ сельскаго общества и волости. Если правомочія помѣщика, носившія гражданско-правовой характеръ, были при освобожденіи отмѣнены безостаточно, хотя и не безвозмездно, то, какъ говоритъ проф. Вормсъ, правомочія помѣщика публично-правового характера, напр., его власть примѣнять «исправныя» наказанія и ссылать перешли почти полностью къ органамъ управленія, частью къ общегосударственнымъ органамъ, а главнымъ образомъ къ міру, къ сословному крестьянскому обществу.

Личная и сословная правоспособность освобождаемыхъ крестьянъ опредѣлялась, съ одной стороны, писаными законами, съ другой—нормами обычнаго права. Ихъ семейственныя права, а также права, вытекающія изъ различнаго рода сдѣлокъ, имущественнаго характера регулировались писаными законами, а что касается обычнаго права, то оно выступаетъ на первый планъ во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ порядкомъ наслѣдованія и установленія опеки. Власть же міра особенно сильно давала себя чувствовать крестьянину въ области такъ называемыхъ публичныхъ или сословныхъ правъ. Онъ могъ, напр., быть лишенъ правъ состоянія не только по суду, но и по приговору своего сельскаго общества.

Личныя и имущественныя права крестьянъ.

Съ момента освобожденія крестьяне могли безпрепятственно вступать въ бракъ, не спрашивая на то разрѣшенія у кого бы то ни было, отдавать своихъ дѣтей во всѣ общесословныя учебныя

заведенія, отлучаться въ другія общества и сословія, поступать на военную службу и занимать должности по учебной, ученой и межевой частямъ. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ пользованіи своими семейственными и личными правами крестьяне должны были считаться съ волею сельскаго схода, такъ, напр., безъ согласія схода не могли происходить семейные раздѣлы и выходъ въ другое сословіе или общество. Но эти ограниченія вытекали, главнымъ образомъ, изъ того положенія, которое создавалось для крестьянъ, какъ для лицъ, пользовавшихся усадебной и надѣльной землею въ предѣлахъ данной мірской территоріи.

Законъ не стѣснялъ крестьянъ въ выборѣ хозяйственныхъ занятій. Они безпрепятственно могли заниматься торговлей и ремеслами, не записываясь даже иногда въ гильдіи и цехи, устраивать промышленныя и торговыя заведенія, кромѣ винокуренныхъ заводовъ. Въ гражданскомъ отношеніи они вполнѣ уравнивались съ лицами прочихъ податныхъ состояній. Имъ дозволялось какъ отдѣльно, такъ и цѣлыми обществами вступать во всякаго рода договоры, обязательства и подряды какъ съ частными лицами, такъ и съ казною; однако надѣльныя земли, отведенныя имъ въ пользованіе, ни въ коемъ случаѣ не могли служить залогомъ по этимъ договорамъ и обязательствамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне получили право вчинять иски отъ своего имени и принимать дозволенныя закономъ мѣры къ огражденію своего имущества, а также выступать на судѣ свидѣтелями, повѣренными и поручителями. Что касается мѣръ взысканія и наказанія, то онѣ могли назначаться для крестьянъ не только по приговору суда, но и по распоряженію поставленнаго надъ ними начальства, при чемъ въ системѣ наказаній удержаны были, какъ извѣстно, и розги.

Земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ.

Мысль о земельномъ надѣлѣ, объ освобожденіи съ землей была, по словамъ проф. Янсона, краеугольнымъ камнемъ всей крестьянской реформы. Она вполнѣ опредѣленно выражена и въ высочайшемъ манифестѣ отъ 19 февр. 1861 г., и въ общемъ Положеніи. «Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли,—говорилось въ этихъ актахъ,—предоставляютъ крестьянамъ за установленныя повинности въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанности ихъ передъ правительствомъ, опредѣленное въ Положеніяхъ количество поле-

вой земли и другихъ угодій». Такимъ образомъ, крестьянинъ выходилъ на волю не бездомнымъ пролетаріемъ, а съ усадебной осѣдлостью и съ полевымъ надѣломъ, предоставляемымъ ему въ постоянное пользованіе за опредѣленныя повинности въ пользу помѣщика.

Что касается основного принципа крестьянскаго землеустройства, провозглашеннаго Положеніемъ 19 февр. 1861 г., то онъ, по словамъ одного изслѣдователя, «заключался въ томъ, что освобождаемые крестьяне должны были получить въ свое постоянное пользованіе тѣ земли, которыми они пользовались до утвержденія этого Положенія». Однако этотъ принципъ былъ скорѣе красивымъ лозунгомъ, чѣмъ практически осуществимой мѣрой. Дѣло въ томъ, что и въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, и въ Главномъ Комитетѣ и затѣмъ отчасти даже въ Государственномъ Совѣтѣ большинство членовъ склонялось въ пользу отрѣзокъ довольно значительной части прежнихъ крестьянскихъ земель. Если мы припомнимъ, что по Положенію отрѣзки могли производиться въ цѣломъ рядѣ случаевъ, какъ видно будетъ ниже, то насъ нисколько не удивитъ, что площадь крестьянскаго землепользованія въ первые годы послѣ реформы уменьшилась на 4,12% или на 1,573 т. дес. Но принявъ во вниманіе, что въ сѣверныхъ и приуральскихъ губерніяхъ, а также въ юго-западномъ и западномъ краѣ отчасти по хозяйственнымъ, а болѣе по политическимъ соображеніямъ были сдѣланы прирѣзки въ 2,314 т. д., мы должны выдѣлить эти мѣстности изъ общей площади Европейской Россіи, и тогда картина получится совершенно иная. Во всѣхъ губерніяхъ промышленнаго нечерноземнаго района, черноземной полосы и степного юга передъ освобожденіемъ въ пользованіи крестьянъ находилось всего 26.010 т. дес., отрѣзано же было при освобожденіи 4,089 т. д., что составитъ 15,72% ихъ дореформеннаго землепользованія.

Надѣлы.

Въ составъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель входили, во-первыхъ, усадьбы съ коноплянниками и выгонами и, во-вторыхъ, полевыя земли, луга, гдѣ на то согласіе помѣщика, и лѣса въ извѣстныхъ случаяхъ, установленныхъ Мѣстными Положеніями. По своему качеству отводимыя крестьянамъ надѣльныя земли должны были быть способны къ воздѣлыванію. Такимъ образомъ, въ составъ надѣла не могли входить пески, болота, каменистые и глинистые овраги и т. п. пространства, а равно улицы, проѣзжіе проулки, дороги и оставляемые на помѣщичьихъ земляхъ прогоны для ско-

та. Что касается солончаковыхъ почвъ, особенно часто встрѣчающихся въ юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ, то надѣлъ не могъ состоять изъ нихъ цѣликомъ, но въ его составъ могла входить часть солончаковъ изъ расчета 3 дес. солончаковъ за 1 дес. удобной земли.

Лѣса въ видѣ общаго правила оставлялись въ собственности помѣщика, за исключеніемъ кустарниковъ, находящихся на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Въ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ губ. лѣса входили въ составъ крестьянскаго надѣла только въ 5 послѣднихъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы, т.-е. въ 16 наиболѣе лѣсныхъ губерніяхъ, лежащихъ на западѣ, на сѣверѣ, на востокѣ и отчасти въ центрѣ. Въ Малороссіи и въ Литовскихъ губерніяхъ за крестьянами оставались тѣ лѣса, которые прежде находились въ пользованіи отдѣльныхъ дворовъ, въ юго-западномъ же краѣ — лѣса, которые значились въ составѣ крестьянскаго надѣла по инвентаріямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянамъ должны были быть обязательно предоставлены водопои и прогоны къ нимъ, а гдѣ ихъ не было, помѣщикъ обязывался выкопать пруды и вырыть колодцы. Однако право собственности на всѣ воды оставлялось за помѣщикомъ, при чемъ какъ пользованіе ими, какъ и ловлю рыбы въ нихъ онъ могъ предоставить крестьянамъ на опредѣленныхъ условіяхъ.

Усадьбы. Подъ крестьянскую усадьбу, въ составъ которой входили и коноплянники и выгоны, отводилось отъ 1200 до 1800 кв. саж. въ зависимости отъ мѣстности. Если же коноплянники лежали отдѣльно, то они должны были составлять площадь не менѣе, чѣмъ до 120 кв. саж. на дворъ, а подъ выгонъ, находящійся внѣ черты усадебъ, должно было отводиться отъ 200 до 300 кв. саж. на дворъ; въ Малороссійскихъ же и сѣверо-западныхъ губ. даже отъ 500 до 1000 кв. саж.

Полосы и мѣстности. Надѣленіе освобождаемыхъ крестьянъ пашней и лугами должно было происходить на основаніи тѣхъ правилъ, которыя включались въ Мѣстныя Положенія. При составленіи этихъ правилъ принимались во вниманіе, съ одной стороны, явленія климатическаго и почвеннаго характера, съ другой — мѣстные хозяйственные особенности и навыки. Всего составителями Положенія намѣчалось 4 большихъ района въ предѣлахъ Европейской Россіи, не считая окраинъ и Сибири.

1) Губерніи Великороссійскія, Новороссійскія и Бѣлорусскія. Онѣ дѣлились на 3 полосы: нечерноземную, черноземную и степную, при чемъ каждая изъ полосъ дѣлилась еще на мѣстности; нечерноземная — на 9, черноземная на 8 и степная на 12.

2) Губерніи Малороссійскія — Полтавская, Черниговская и Харьковская. Онѣ дѣлились только на мѣстности, при чемъ въ Полтавской губ. выдѣлялось 2 мѣстности, въ Черниговской—3 и въ Харьковской — 4.

3) Юго-западный край—губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская.

4) Сѣверо-западный край — губерніи: Виленская, Гродненская, Ковенская, Минская и отчасти Витебская.

Разрѣшая аграрный вопросъ, дѣятелямъ реформы 1861 г. приходилось считаться съ тѣмъ, что въ эпоху крѣпостного права нигдѣ за исключеніемъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній не были опредѣлены нормы крестьянскихъ надѣловъ. Въ западныхъ губерніяхъ эти нормы были установлены инвентарными правилами 40 и 50-хъ годовъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ Россіи размѣры крестьянскаго землепользованія всецѣло зависѣли отъ доброй воли помѣщика. Въ оброчныхъ имѣніяхъ иногда вся земля цѣликомъ предоставлялась въ пользованіе крестьянъ, тамъ же, гдѣ господствовала барщинная система хозяйства, львиную долю всѣхъ пашенъ и угодій помѣщики удерживали за собою. Насколько неравномѣрно было обезпеченіе крестьянъ землею, въ предѣлахъ иногда одной и той же губерніи, можно судить по примѣру Калужской, гдѣ въ однихъ имѣніяхъ приходилось на ревизскую душу $2^1/_4$ дес., а въ другихъ—23 дес. Такимъ образомъ, какъ бы естественно сами собой выступали два понятія — о высшихъ и низшихъ надѣлахъ.

Величина надѣла.

Для перваго района, т.-е. для губерній Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ, Положеніе и намѣчаетъ такія высшія и низшія надѣльныя нормы, при чемъ для различныхъ полосъ и мѣстностей эти нормы были различны. Такъ въ нечерноземной полосѣ высшіе надѣлы устанавливались въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5, $5^1/_2$, 6 и 7 дес., а въ черноземной — въ $2^3/_4$, 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5 и 6 дес. Въ обѣихъ этихъ полосахъ рядомъ съ высшими были опредѣлены и низшіе надѣлы въ $^1/_3$ высшаго. Что касается степной полосы, то тамъ устанавливались только одни такъ называемыя указныя нормы надѣловъ, размѣры ко-

торыхъ опредѣлены были для Великороссійскихъ губерній — въ 6, 7, 8, 10, 12 д., а для Новороссійскихъ въ 3, $3^1/_2$, 4, $4^1/_2$, 5, $5^1/_2$ и 6 дес.

Второй районъ, охватывающій 3 Малороссійскія губерніи, заключалъ въ себѣ высшія нормы надѣловъ отъ $2^3/_4$ до 7 дес. на душу, при чемъ низшіе размѣры равнялись $^1/_2$ высшихъ. Въ третьемъ районѣ, т.-е. въ юго-западномъ краѣ, надѣлы подраздѣлялись на коренные и дополнительные, примѣнительно къ нормамъ, установленнымъ инвентарями, при чемъ ихъ максимальные размѣры не были выше $9^1/_2$ дес., а минимальные не спускались ниже $4^1/_2$. Что же касается четвертаго района, т.-е. сѣверо-западнаго края или такъ называемыхъ литовскихъ губерній, то тамъ надѣльныя нормы не устанавливались, а удерживались тѣ размѣры крестьянскаго землепользованія, которое существовало тамъ передъ реформой по инвентарнымъ правиламъ.

Отрѣзки и прирѣзки.

Положеніе не желало стѣснять помѣщиковъ въ вопросѣ обезпеченія крестьянъ землею. Надѣленіе ихъ пашней и другими угодьями оно предоставляло добровольному соглашенію помѣщика съ его бывшими крѣпостными. И только тогда, когда добровольнаго соглашенія не послѣдовало, вступали въ силу соотвѣтствующія статьи закона. Высшія и низшія надѣльныя нормы должны были служить для помѣщика своего рода путеводными вѣхами. Въ ихъ предѣлахъ его починъ могъ совершенно свободно проявляться. Размѣры крестьянскихъ надѣловъ не могли быть только ниже установленнаго минимума.

Если крестьянскій надѣлъ при крѣпостномъ правѣ былъ меньше нормъ, установленныхъ для данной мѣстности Положеніемъ, то слѣдовало произвести соотвѣтствующую прирѣзку. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣры дореформеннаго землепользованія были выше вводимыхъ при освобожденіи максимальныхъ нормъ, помѣщикъ могъ сдѣлать отрѣзку въ свою пользу.

Однако Положеніе допускало отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ, существовавшихъ до 1861 г., еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, если послѣ надѣленія крестьянъ землею по нормамъ, существовавшимъ въ данномъ имѣніи до освобожденія, у помѣщика оставалось во всѣхъ его дачахъ, лежащихъ на двѣнадцативерстномъ разстояніи другъ отъ друга, меньше $^1/_3$ всей площади удобной земли въ нечерноземной и черноземной полосахъ, а въ степной меньше $^1/_2$, то онъ могъ прирѣзать себѣ недостающее количество земли, съ тѣмъ, однако, чтобы крестьянскіе надѣлы

не опускались ниже минимальныхъ нормъ. Затѣмъ, если крестьяне добровольно соглашались довести свой надѣлъ до половины высшаго или указнаго, установленнаго для данной мѣстности, то всю излишнюю землю помѣщикъ былъ вправѣ удержать за собою. Наконецъ отрѣзка имѣла мѣсто и тогда, когда крестьяне выходили на волю съ такъ называемымъ даровымъ или четвертнымъ надѣломъ, т.-е. когда помѣщикъ съ согласія своихъ крестьянъ представлялъ имъ въ собственность и при этомъ безвозмездно $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла.

Недостаточность земельнаго обезпеченія крестьянъ.

Говоря о крестьянскихъ надѣлахъ, нельзя не констатировать того факта, что, въ общемъ, нормы высшихъ и указныхъ надѣловъ установлены были довольно скупо, и въ большей части случаевъ средніе размѣры дореформеннаго землепользованія на душу были выше того максимума, который вводился Положеніемъ 1861 г. Въ подтвержденіе этого мы не можемъ не привести небольшой цифровой справки по 24 губ. о сравнительныхъ размѣрахъ среднихъ надѣльныхъ нормъ до реформы и максимальныхъ и указныхъ надѣловъ, вводимыхъ Мѣстными Положеніями. Въ 8 губ. высшія нормы надѣла были ниже среднихъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ до реформы, при чемъ это превышеніе колебалось въ предѣлахъ отъ 0,04 до 4,38 дес. Это все губерніи сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя. Въ 4 губ., а именно въ Московской, наиболѣе густо населенной, и 3 черноземныхъ Рязанской, Курской и Тамбовской, надѣлы, предоставленные крестьянамъ послѣ освобожденія, превышали среднія нормы, существовавшія при крѣпостномъ правѣ, и превышеніе это колебалось въ предѣлахъ отъ 0,01 до 0,64 дес. Въ 12 же губ. въ однихъ уѣздахъ высшія нормы были ниже среднихъ надѣловъ дореформеннаго землепользованія, а въ другихъ уѣздахъ выше, при чемъ пониженіе происходило въ предѣлахъ отъ 0,02 до 1,85 дес., а превышеніе отъ 0,01 до 0,78 дес.

Земельное обезпеченіе освобождаемыхъ крестьянъ нельзя было считать достаточнымъ. По вычисленію профессора Янсона для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей крестьянской семьи слѣдовало нарѣзать на душу по 8 дес. земли вмѣстѣ съ усадьбой. На практикѣ же такихъ надѣловъ помѣщичьи крестьяне почти нигдѣ не получили, если не считать нѣкоторыхъ мѣстностей степной полосы. Для большей наглядности мы приводимъ здѣсь таблицу размѣровъ земельныхъ надѣловъ на душу

съ указаніемъ, какой % освобождаемыхъ крестьянъ получилъ то или иное земельное обезпеченіе.

Дес. на душу.		% ко всей массѣ быв. пом. кр.
менѣе	1	6
	1—3	41
	3—5	42
болѣе	1	11

Разверстаніе крестьянскихъ надѣловъ.

При сильно господствовавшей въ эпоху крѣпостного права черезполосицѣ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель вполнѣ основательно было предоставить помѣщику право при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній настаивать на отведеніи крестьянскихъ надѣловъ къ одному мѣсту, внѣ площади тѣхъ земель и угодій, которыя помѣщикъ оставлялъ за собою. Такое разверстаніе могло происходить не только при составленіи уставной грамоты, но и въ теченіе 6 лѣтъ послѣ ея утвержденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, до тѣхъ поръ, покуда крестьяне не приступили еще къ выкупу своихъ надѣльныхъ земель, помѣщики могли требовать ихъ обмѣна, если въ нихъ обнаружены были цѣнныя ископаемыя, или когда помѣщику встрѣчалась надобность провести по этимъ землямъ дорогу, проложить осушительныя канавы или устроить вблизи нихъ плотины на принадлежащихъ ему рѣкахъ. Однако сами крестьяне настаивать на разверсткѣ или обмѣнѣ отводимыхъ имъ земель не имѣли права.

Но помѣщикъ, кромѣ того, получалъ возможность сносить крестьянскія усадьбы или цѣликомъ, или въ отдѣльныхъ ихъ частяхъ. Такъ, помѣщикъ могъ настаивать на сносѣ крестьянскихъ усадьбъ тогда, когда онѣ находились на разстояніи 50 саж. отъ принадлежащихъ ему построекъ, а овины, кузницы и бани даже на разстояніи 100 саж. Этимъ правомъ помѣщику разрѣшалось пользоваться съ нѣкоторыми ограниченіями: болѣе одного раза, напр., переносить крестьянскія усадьбы воспрещалось, а самый переносъ могъ производиться на разстояніи не свыше 10 или 15 верстъ отъ прежняго мѣста жительства и обязательно въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла. На помѣщика возлагалась при этомъ обязанность устроить за свой счетъ новыя усадьбы со всѣми прежними постройками.

Въ совершенно особыхъ условіяхъ находились крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и вопросъ объ ихъ землеустройствѣ былъ выдѣленъ и разработанъ въ отдѣльномъ положеніи. Мелкопомѣстными дворянами считались такіе, у которыхъ насчитывалось по 10-й ревизіи не болѣе 21 души крестьянъ, и земельныя владѣнія которыхъ не превышали 160—900 дес. въ зависимости отъ той же или иной мѣстности. Если у подобныхъ владѣльцевъ крестьяне не были въ достаточной степени обезпечены землею, то они по прекращеніи обязательныхъ отношеній къ ихъ бывшимъ господамъ могли ходатайствовать о водвореніи своемъ на казенныхъ земляхъ. Имъ нарѣзались надѣлы отъ 8 до 15 дес. на душу, выдавался матеріалъ для постройки двора или отъ 20 до 35 р. на его устройство, а также сѣмена и сельско-хозяйственныя орудія съ рабочимъ скотомъ. Сверхъ того, они получали цѣлый рядъ льготъ по отбыванію казенныхъ повинностей. Самимъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ предоставлялось право ходатайствовать объ обращеніи всѣхъ ихъ крестьянъ въ казенное вѣдомство, при чемъ они должны были отвести имъ установленный для данной мѣстности надѣлъ, взамѣнъ чего помѣщики получали изъ казны сумму, равную капитализованному изъ 6% крестьянскому оброку. **Крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ.**

Что касается крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, то они составителями Положенія подраздѣлены были на двѣ группы: на мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ. Первымъ предоставлялась въ постоянное пользованіе усадебная осѣдлость и въ нѣкоторыхъ случаяхъ по одной десятинѣ луга на душу. Сельскихъ же работниковъ приравнивали къ крестьянамъ и надѣляли ихъ землею по нормамъ, установленнымъ Мѣстными Положеніями. **Крестьяне, приписанные къ частнымъ горнымъ заводамъ.**

За отведенную крестьянамъ усадебную и надѣльную землю они обязаны были отбывать въ пользу помѣщика извѣстныя повинности. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ эти повинности могли быть издѣльными, а затѣмъ онѣ обязательно должны были переводиться на деньги и уплачиваться въ опредѣленные сроки въ видѣ годового оброка. До тѣхъ поръ, пока крестьяне не выкупали своихъ земель, они должны были находиться къ помѣщику въ обязательныхъ отношеніяхъ, уплачивая ему оброчныя деньги. Переоброчка не могла совершаться въ первыя 20 лѣтъ послѣ реформы, и только съ 1881 г. въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ еще продолжались обязательныя отношенія, оброкъ могъ быть возвышенъ. **Повинности за землю.**

Издѣльная повинность за высшій или указной надѣлъ въ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ устанавливалась въ 40 мужскихъ и 30 женскихъ дней въ годъ. Но $^{3}/_{5}$ этой барщины отбывалось лѣтомъ, а $^{2}/_{5}$ въ зимніе мѣсяцы. Размѣры барщины, исполняемой въ теченіе дня, устанавливались урочными положеніями, составленіе которыхъ возлагалось на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., во время наводненія и др. стихійныхъ бѣдствій, помѣщикъ могъ требовать на работу всѣхъ крестьянъ даннаго селенія, но эти экстренные сгонные дни зачитались въ то издѣлье, которое крестьяне обязаны были отбывать за надѣлъ.

Положеніе отмѣняло всякаго рода сборы и приношенія въ пользу помѣщиковъ, но удерживало на временно-обязанный періодъ подводную повинность; однако уже съ весны 1862 г. наряжать крестьянъ съ подводами можно было только въ предѣлахъ даннаго имѣнія и не иначе, какъ съ зачетомъ барщинныхъ дней. Издѣльную повинность крестьяне могли отбывать на господскихъ фабрикахъ и заводахъ, производство на которыхъ находилось въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ напр., на полотняныхъ и суконныхъ фабрикахъ и на заводахъ свеклосахарныхъ, винокуренныхъ, селитренныхъ, дегтярныхъ, пивоваренныхъ, кирпичныхъ и другихъ.

Барщина, какъ мы уже упоминали выше, съ 1863 г. повсемѣстно должна была быть замѣнена оброкомъ, при чемъ величина оброка за высшій или указной надѣлъ устанавливалась отъ 8 до 12 р. съ души въ зависимости отъ мѣстныхъ выгодъ и удобствъ. Этотъ оброкъ въ особенныхъ случаяхъ по ходатайству помѣщика или крестьянъ могъ возвышаться на 1 руб., но это происходило не иначе, какъ по постановленію губернскаго присутствія.

Для Малороссійскихъ губерній величина оброка съ десятины отводимой крестьянамъ земли опредѣлялась различно въ зависимости отъ мѣстности, колеблясь въ предѣлахъ отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 80 к. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены были инвентари, т.-е. въ юго-западномъ краѣ и въ такъ называемыхъ Литовскихъ губерніяхъ, размѣры оброка и барщины при освобожденіи не только не могли повышаться сравнительно съ инвентарями, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже значительно понижались. Въ предѣлахъ юго-западнаго края расцѣнка повинностей за надѣльныя

земли по Положенію 1861 г. производилась слѣдующимъ образомъ: всѣ три губерніи, входившія въ его составъ, раздѣлены были на 9 мѣстностей, изъ которыхъ въ первой полагалось съ десятины 20 дней барщины или 3 р. 30 к. оброка, а въ послѣдней — $8\frac{1}{2}$ дней или 1 р. 35 к.

Оброкъ за усадьбу.

Такъ какъ крестьяне по прошествіи 12 лѣтъ могли отказаться отъ пользованія надѣльной землею, оставляя за собою только одну усадьбу, то составители Положенія установили нормы оброка порознь за усадебную землю и за пашню съ остальными угодьями. Въ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ на усадьбу относилось изъ всего оброка, причитавшагося за высшій или указной надѣлъ, 1 р. 50 к., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. съ души, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и выше въ зависимости отъ промышленнаго или торговаго характера даннаго селенія. Если въ составъ крестьянскихъ усадебъ входили фабрики, заводы и др. промышленныя или торговыя заведенія, то земля подъ ними цѣнилась вдвое дороже сравнительно съ расцѣнкой обычныхъ крестьянскихъ усадебъ.

Оброкъ въ 8 — 12 р. взимался за полный крестьянскій надѣлъ въ нечерноземной, черноземной и степныхъ полосахъ. Но если надѣленіе крестьянъ землею происходило не по высшимъ нормамъ, то размѣры оброка понижались.

Принципъ градаціи.

Однако это пониженіе происходило не пропорціонально количеству десятинъ уменьшаемаго земельнаго надѣла, а на основаніи такъ называемаго принципа градаціи. Онъ состоялъ въ томъ, что первыя десятины крестьянскаго надѣла облегались большимъ сравнительно съ остальнымъ количествомъ оброка. Въ нечерноземной полосѣ $\frac{1}{2}$ всего оброка падала на первую десятину, $\frac{1}{4}$ на вторую, а на прочія развертывалась поровну остальная часть оброка. Въ черноземной же и степной полосахъ на первую десятину падало $\frac{4}{9}$ оброка, а остальныя $\frac{5}{9}$ распредѣлялись равномѣрно по оставшимся десятинамъ.

Введеніе принципа градаціи составители Положенія мотивировали слѣдующимъ соображеніемъ: «безусловно равномѣрное обложеніе повинностью всѣхъ десятинъ крестьянскаго надѣла и пониженіе этой повинности пропорціонально съ уменьшеніемъ количества земли не соотвѣтствовали бы дѣйствительнымъ средствамъ крестьянъ, а помѣщиковъ подвергали бы крайне неуравнительнымъ потерямъ». При этомъ указывалось на то, что первыя деся-

тины обыкновенно болѣе доходны, такъ какъ лучше унаваживаются.

Но если подобнаго рода хозяйственныя соображенія могли имѣть еще нѣкоторое основаніе для нечерноземныхъ губерній, то въ черноземной и степной полосахъ, гдѣ земли не удобрялись, введеніе принципа градаціи нельзя было ничѣмъ объяснить. Однако вопросъ разрѣшается довольно просто, если мы не будемъ упускать изъ виду, что путемъ градаціи хотѣли и Губернскія и Редакціонныя комиссіи вознаградить помѣщика за утрату той, мѣстами главной, доли повинностей, которая вытекала изъ чисто личной зависимости крестьянъ отъ ихъ бывшихъ господъ. Эту мѣру не только считали справедливой дѣятели освобожденія, но ея цѣлесообразность отстаиваютъ и нѣкоторые изъ ученыхъ специалистовъ. «Не вознаградить совсѣмъ помѣщика за эти повинности,—говоритъ, напр., проф. Вормсъ,—было бы даже юридически не вполнѣ правильно, разъ предшествовавшее законодательство допускало отдѣльныя возмездныя сдѣлки относительно рабочаго капитала». — Но если и согласиться съ почтеннымъ ученымъ, что принципъ градаціи имѣлъ нѣкоторое юридическое основаніе, то нельзя забывать, что его введеніе наносило громадный матеріальный ущербъ крестьянскому хозяйству. По вычисленію проф. Ходскаго принципъ градаціи приводилъ къ тому, что при надѣлѣ въ три раза меньшемъ противъ высшаго платежъ на одну десятину повышался на 50 — 88% по отдѣльнымъ мѣстностямъ.

Обременительность оброка.

Говоря о тѣхъ платежахъ, которые крестьяне во временнообязанный періодъ должны были уплачивать за землю своимъ бывшимъ помѣщикамъ, мы не можемъ не привести въ заключеніе словъ проф. Янсона. «Платежи и повинности за землю,—писалъ онъ въ концѣ 70 г.,—не находятся вовсе въ соотвѣтствіи, не говоримъ уже съ доходами, отъ надѣловъ получаемыми, но и со всей совокупностью условій, обезпечивающихъ бытъ крестьянъ—напротивъ, они находятся въ обратномъ отношеніи со степенью обезпеченности этого быта земельными надѣлами». Послѣ освобожденія до момента выкупа своихъ надѣловъ крестьяне только по приблизительному подсчету уплатили помѣщикамъ оброка около 527 милліоновъ рублей.

Выкупная операція.

Вознагражденіе помѣщика за отводимую крестьянамъ при освобожденіи землю посредствомъ выкупа признавалось въ манифестѣ 19 февр. 1861 г. мѣрою вполнѣ справедливой какъ

въ нравственномъ, такъ и въ правовомъ отношеніи. «Законно пріобрѣтенныя помѣщиками права,—говорилось въ немъ,—не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; и было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности».

Выкупу подлежала не личность самого крестьянина, а отводимая ему усадьба и земельный надѣлъ при согласіи на то помѣщика. Но основаніемъ для выкупа служила не доходность земли и не ея рыночная стоимость, а средняя величина оброка, уплачиваемаго крестьянами помѣщикамъ въ послѣдніе годы передъ реформой. Размѣры этого оброка колебались отъ 8 до 12 р. съ души въ зависимости отъ мѣстности и отъ тѣхъ подсобныхъ заработковъ, которые имѣлъ крестьянинъ. Такимъ образомъ, въ расцѣнку оброка какъ бы въ скрытомъ, замаскированномъ видѣ вносилась стоимость отчуждаемой отъ помѣщика крестьянской рабочей силы. Этимъ стремленіемъ вознаградить помѣщиковъ за самую личность крестьянина и объясняется повышенная расцѣнка усадебъ и принципъ градаціи при распредѣленіи оброка по отдѣльнымъ десятинамъ крестьянскаго надѣла. Вполнѣ понятно, что обязательнымъ условіемъ для выкупа крестьянами ихъ надѣловъ былъ предварительный переходъ ихъ съ барщины на оброкъ.

Размѣры выкупа за полный, т.-е. высшій или указной надѣлъ, опредѣлялись путемъ капитализаціи изъ 6% установленнаго для данной мѣстности оброка, или, другими словами, стоимость полнаго надѣла равнялась такой суммѣ, которая, принося въ годъ 6%, давала бы доходъ, равный величинѣ оброка. Такимъ образомъ, если оброкъ составлялъ, напр., 9 р., то полный надѣлъ оцѣнивался въ 150 р. Если выкупу подлежала одна только усадьба, то ея стоимость опредѣлялась также путемъ капитализаціи изъ 6% того оброка, который устанавливался Мѣстными Положеніями за пользованіе усадебной землей.

Правительственная ссуда при выкупѣ.

Правительство приходило на помощь крестьянину при выкупѣ только тогда, когда, во-первыхъ, вмѣстѣ съ усадьбой выкупалась и надѣльная земля и, во-вторыхъ, когда размѣры надѣла были не ниже $^1/_3$ максимальныхъ нормъ, установленныхъ для данной мѣстности. Сама выкупная операція состояла въ томъ, что правительство выдавало помѣщику выкупными свидѣтельствами, приносящими 5% въ годъ, такую сумму, которая составляла $^4/_5$ или $^3/_4$ стоимости выкупаемой крестьянами земли. Ссуда въ $^4/_5$ выдавалась тогда,

когда выкупался весь надѣлъ полностью, а въ $^3/_4$ тогда, когда крестьянскіе надѣлы были меньше высшихъ или указныхъ размѣровъ. Слѣдовательно, сверхъ правительственной ссуды крестьяне должны были за свои надѣлы вносить еще дополнительные платежи въ 20 или 25%, отъ которыхъ помѣщикъ при желаніи могъ отказаться. Какъ только утверждалась выкупная сдѣлка, обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику тотчасъ прекращались, и они вступали въ разрядъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, подъ названіемъ крестьянъ собственниковъ.

Погашать выкупную ссуду крестьяне должны были въ теченіе 49 л. ежегодными взносами въ 6 к. на каждый 1 р. ссуды, изъ которыхъ 5 к. шло на ростъ, $^1/_2$ к. на погашеніе выданнаго въ ссуду капитала, а остальные $^1/_2$ к. взимались на составленіе запаснаго капитала, предназначеннаго на покрытіе особыхъ расходовъ по завѣдыванію выкупной операціей и на возмѣщеніе различныхъ экстренныхъ расходовъ и потерь.

Досрочный выкупъ и ограниченіе правъ крестьянъ на землю.

Выкупные платежи наиболѣе крѣпко привязывали крестьянина къ его сельскому обществу потому, что подобно другимъ податямъ онъ долженъ былъ выплачивать ихъ за круговой порукой всѣхъ его членовъ. Однако на основаніи 165 ст. Пол. о выкупѣ домохозяинъ, выплатившій сразу всю стоимость своего надѣла, могъ выйти изъ общества, превратившись въ крестьянина-собственника.

Желая удержать, во что бы то ни стало, въ рукахъ освобождаемыхъ крестьянъ отведенные имъ надѣлы, Положеніе воспрещаетъ имъ въ теченіе 9 лѣтъ продавать ихъ кому бы то ни было, хотя бы данный земельный участокъ считался по выкупной сдѣлкѣ крестьянскою собственностью.

Выкупъ усадьбы.

Усадьбы предоставлялись крестьянамъ навсегда, отъ полевыхъ же надѣловъ они могли отказаться спустя 12 лѣтъ послѣ реформы. Хотя такихъ случаевъ отказа было очень немного, и крестьяне по освобожденіи крѣпко держались за землю, но все-таки слѣдуетъ отмѣтить, что передъ составителями Положенія освобожденный крестьянинъ являлся никѣмъ инымъ, какъ постояннымъ пользователемъ снимаемаго у помѣщика небольшого участка полевой земли, имѣвшимъ при этомъ незначительную усадебную осѣдлость. Усадьбу крестьяне могли выкупать и безъ согласія помѣщика, при чемъ ея стоимость выводилась или, какъ

было упомянуто, путемъ капитализацiи извѣстной доли оброка, или прямо устанавливалась мѣстными положенiями, такъ, напр., въ Малороссiйскихъ губернiяхъ отъ 102 до 240 р.

Выкупъ надѣла.

Выкупъ же земельныхъ надѣловъ могъ происходить или по добровольному соглашенiю крестьянъ съ помѣщикомъ или по одностороннему требованiю послѣдняго. Помѣщикамъ было гораздо выгоднѣе настаивать на выкупѣ надѣльныхъ земель въ нечерноземной полосѣ, гдѣ доходность имѣнiй была незначительна, чѣмъ въ черноземной, гдѣ почва была несравненно лучше, и гдѣ доходы получались помѣщиками почти исключительно отъ продуктовъ. Такъ, напр., по словамъ одного изслѣдователя, въ Псковской губ. число выкупныхъ сдѣлокъ по требованiю помѣщика доходило до 90%, тогда какъ въ южныхъ губернiяхъ отношенiе было зачастую обратное.

Тяжесть выкупныхъ платежей.

О тяжести выкупныхъ платежей можно судить по тому, что уже въ первые годы послѣ реформы на крестьянахъ стала накапливаться значительная недоимка. Такъ въ 1862 г. недоимка составляла 60% оклада; въ 1863 г. — 45%; въ 1864 г.—30%; въ 1865 г. — 16% и только съ 1866 г. она уже не переходитъ 10% оклада.

Мѣры по ихъ взысканiю.

Этотъ фактъ, очевидно, предусматривали сами составители Положенiя, такъ какъ они отводили очень много мѣста принудительнымъ мѣрамъ взысканiя выкупной недоимки, чѣмъ, повидимому, думали предупредить ея накопленiе. Мѣстныя уѣздныя власти съ мировымъ посредникомъ во главѣ могли не только воспрещать увольненiе крестьянъ по паспортамъ изъ селенiй, въ которыхъ накопилась недоимка, но даже продать часть движимаго крестьянскаго имущества для ея погашенiя. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ преобладало подворное землевладѣнiе и не существовало круговой поруки въ уплатѣ выкупныхъ платежей, разрѣшалось даже продавать съ публичныхъ торговъ участки, принадлежавшiе недоимщикамъ съ переводомъ на покупателя оставшейся части выкупного долга.

Выкупная операцiя въ западномъ краѣ.

Выкупная операцiя въ западныхъ губернiяхъ, затронутыхъ польскимъ возстанiемъ, была довольно значительно модифицирована въ цѣляхъ не столько экономическихъ, сколько политическихъ. Чтобы склонить на свою сторону крестьянскую массу въ борьбѣ съ польской шляхтой, русское правительство обнародовало рядъ мѣръ, значительно измѣнившихъ къ лучшему хозяйственно-

правовое положеніе западно-русской деревни. Указами 1 марта, 30 іюля и 2 ноября 1863 г. были сразу ликвидированы временно-обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, и выкупъ крестьянскихъ надѣловъ сдѣланъ былъ обязательнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была произведена провѣрка составленныхъ ранѣе договоровъ, и всѣ неправильности въ нихъ были исправлены. Крестьянамъ, лишившимся своихъ земель во время проведенія въ западныхъ губерніяхъ инвентарной реформы 1854 г., онѣ были возвращены, а утратившимъ землю ранѣе предоставлялись небольшіе участки по 3 дес. на дворъ. Выкупные платежи были понижены въ среднемъ на 55%. Такимъ образомъ, площадь крестьянскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ была значительно расширена, стоимость надѣльныхъ земель была понижена болѣе, чѣмъ на половину.

Законодательная регламентація выкупа.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, когда еще 15% всѣхъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ находились во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ своимъ помѣщикамъ, указомъ 28 декабря 1881 г. выкупъ сдѣланъ былъ обязательнымъ. Съ 1 января 1883 г. всѣ временно-обязанные крестьяне должны были приступить къ выкупу своихъ надѣловъ, и къ 1 января 1932 г. выкупная операція, такимъ образомъ, повсемѣстно заканчивалась. Но подъ вліяніемъ аграрныхъ волненій правительство указомъ 3 ноября 1905 г. сократило выкупные платежи на половину, а затѣмъ къ 1 января 1907 г. ихъ совсѣмъ отмѣнило.

Итоги выкупной операціи.

Итакъ, мы теперь имѣемъ возможность подвести итоги этой наиболѣе важной сторонѣ крестьянской реформы 1861 г. Оказывается, что за 45 лѣтъ, протекшихъ съ освобожденія, бывшіе помѣщичьи крестьяне внесли 1.541.204 т. р., да сверхъ того досрочнаго погашенія 24.156 т. р. Слѣдовательно, вся отведенная крестьянамъ земля обошлась имъ въ довольно внушительную сумму 1.565.360 т. р.

Если мы припомнимъ, что въ оцѣнку земельнаго надѣла включена была, хотя и въ скрытомъ видѣ, стоимость крестьянскаго труда, то насъ нисколько не должно удивлять, что при выкупѣ крестьянами была переплачена за землю довольно значительная сумма. Одинъ изъ современныхъ экономистовъ г. Лосицкій сдѣлалъ попытку подсчитать, во что обошлась освобожденнымъ крестьянамъ ихъ надѣльная земля, и сколько они переплатили помѣщикамъ за нее лишняго сравнительно со стоимостью ея по ры-

ночнымъ цѣнамъ 50 и 60 гг. XIX в. Выводы г. Лосицкаго сгруппированы въ прилагаемой таблицѣ.

Губ.	Площадь надѣла (въ тыс дес.).	Цѣнность надѣла зем. (въ милл. р.). 1854—58 гг.	1863—73 гг.	по выкупу.
Нечерн.	12.286	155	180	342
Черноз.	9.841	219	284	342
Запад.	10.141	170	184	183
Всего	32,268	544	648	867.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе продажныя цѣны на землю, въ 1850 г. мы видимъ, что крестьяне переплатили за отведенные имъ надѣлы 323 милліона руб., или 37.25%. Если же для сравненія мы возьмемъ стоимость надѣльной земли въ ближайшіе годы послѣ реформы, то переплата будетъ равняться 219 милліонамъ руб., что составитъ 25.25%. Но особенно бросается въ глаза рѣзкая разница между стоимостью надѣльной земли и внесенными за нее выкупными платежами въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ она доходитъ до 54.67% — 47.36%. Здѣсь крестьяне вносили выкупъ не столько за землю, сколько за свой рабочій трудъ, который при малоплодородной почвѣ являлся для помѣщика главнымъ источникомъ дохода.

Дворовые люди.

На ряду съ крѣпостными крестьянами реформа 19 февраля затрагивала и т. н. дворовыхъ людей. Они представляли изъ себя значительную массу домашнихъ слугъ и крѣпостныхъ ремесленниковъ, которыхъ наканунѣ освобожденія, по 10 ревизіи 1859 г., насчитывалось 1.467.378 ревизскихъ душъ, что составляло 6.8% всего крѣпостного населенія. Эта громадная полутора-милліонная крѣпостная масса состояла не только изъ лицъ, издавна принадлежащихъ къ разряду барской дворни, но въ ея составъ входило не мало крестьянъ, насильственно отрываемыхъ отъ земли. Дѣло въ томъ, что среди дворянъ къ концу существованія крѣпостного права, все настойчивѣе распространялись слухи о томъ, что правительство предприметъ освобожденіе крестьянъ, не иначе, какъ съ земельнымъ надѣломъ. А такъ какъ земля въ глазахъ помѣщиковъ представляла значительно большую цѣнность, сравнительно со стоимостью самихъ крѣпостныхъ, то многіе изъ дворянъ средины XIX в. цѣлыми массами обезземеливали своихъ

крестьянъ, переводя ихъ во дворъ. Такъ, за 8 лѣтъ, протекшихъ между 9 и 10 ревизіями, число дворовыхъ возросло на 430 т. душъ или на 41.7%. Подобнаго рода переводы могли продолжаться и въ дальнѣйшемъ, что начинало внушать безпокойство правительственнымъ сферамъ, и 2 марта 1858 г. былъ изданъ указъ, которымъ строго воспрещалось перечисленіе крестьянъ въ дворовые люди.

Условія освобожденія дворовыхъ людей.

Для дворовыхъ людей реформа устанавливала двухлѣтній переходный періодъ, въ теченіе котораго они должны были или уплачивать оброкъ, или находиться въ услуженіи у своихъ господъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно по опубликованіи Положенія, они уравнивались съ крестьянами во всѣхъ личныхъ, семейственныхъ и имущественныхъ правахъ. Черезъ 2 года, т.-е. къ веснѣ 1863 г., дворовые окончательно получали свободу. Однако они должны были обязательно приписаться къ какому-нибудь городскому или сельскому обществу, а въ Донской области могли сверхъ того приписываться къ казачьему сословію. Этой полицейской мѣрой бывшіе дворовые какъ бы искусственно прикрѣплялись къ опредѣленному мѣсту жительства.

Положеніе дворовыхъ въ 2-лѣтній переходный періодъ.

Однако въ періодъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику личныя права дворовыхъ ограждались въ извѣстной мѣрѣ закономъ. Такъ, напр., безъ ихъ согласія помѣщики не могли совершать на нихъ никакихъ сдѣлокъ, въ противномъ случаѣ, они немедленно получали свободу. Точно такъ же помѣщикъ не могъ самовольно наказывать провинившихся дворовыхъ людей, а долженъ былъ отсылать ихъ для наказанія въ городскую или земскую полицію съ письменнымъ увѣдомленіемъ о степени ихъ виновности. Имущественное положеніе дворовыхъ не должно было также за эти годы подвергаться ухудшенію. Тѣ изъ нихъ, которые жили по паспортамъ на сторонѣ, уплачивая господамъ оброкъ, не могли быть требуемы владѣльцами къ нимъ на службу, оброка же съ нихъ нельзя было брать болѣе 30 р. въ годъ съ мужчины и 10 р. съ женщины. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Бессарабской области, законъ предписывалъ владѣльцамъ въ теченіе переходнаго періода не только снабжать дворовыхъ продовольствіемъ, одеждой, помѣщеніемъ и отопленіемъ, но и уплачивать имъ жалованье отъ 20 до 30 р. въ годъ въ зависимости отъ занимаемой ими должности.

Обезпеченіе дворовыхъ при освобожденіи.

При выходѣ на волю дворовые ни усадебной, ни полевой землею не надѣлялись, но зато и помѣщики не получали за нихъ никакого вознагражденія. Такимъ образомъ, по отношеніи къ дворовымъ людямъ довольно точно соблюдался тотъ принципъ, что самая личность крѣпостному выкупу не подлежала. Однако помѣщику не возбранялось по добровольному соглашенію со своими бывшими дворовыми надѣлять ихъ усадебной осѣдлостью и даже полевой землею. Но правительство въ подобнаго рода сдѣлки уже не вступалось, и въ уставныя грамоты они не вносились. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда при составленіи уставной грамоты отъ кого-либо изъ числящихся въ дворнѣ поступало заявленіе мировому посреднику, что такія лица не дворовые, а крестьяне, то имъ помѣщикъ обязанъ былъ предоставить усадебную и полевую землю въ одномъ общемъ надѣлѣ со своими бывшими крестьянами. При этомъ такія земли подлежали выкупу. Однако помѣщикъ не долженъ былъ своихъ дворовыхъ людей, выходящихъ въ крестьяне, снабжать домами и другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства.

Освобожденіе удѣльныхъ крестьянъ.

Въ 1863 и 1866 гг. основныя начала крестьянской реформы были распространены на удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ 26 іюня 1863 г. отпускались на волю крестьяне, водворенные на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ. Такихъ крестьянъ насчитывалось до 1, 2 милл. ревизскихъ душъ и они занимали какъ бы среднее положеніе между помѣщичьими и государственными. Во всѣхъ личныхъ, имущественныхъ и сословныхъ правахъ они уравнивались съ бывшими крѣпостными, а что касается ихъ общественнаго управленія, то у нихъ вводилось то же самое волостное и сельское устройство. Въ однихъ случаяхъ изъ селеній бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ образовывались самостоятельныя волости, а въ другихъ ихъ поселенія сливались въ одну массу съ селами и деревнями бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, составляя вмѣстѣ съ ними одну волостную територію.

Земельное обезпеченіе удѣльныхъ крестьянъ.

Наибольшую долю вниманія реформа 1863 г. удѣляетъ поземельному устройству крестьянъ. И надо отдать справедливость, что аграрный вопросъ въ имѣніяхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ былъ разрѣшенъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г. Основной принципъ ихъ землеустройства состоялъ въ томъ, что за небольшими исключеніями этимъ разрядамъ сельскаго населенія предоставлялись въ

собственность всѣ тѣ земли, которыя находились въ ихъ пользованіи къ моменту реформы. Отрѣзки въ пользу удѣльнаго вѣдомства допускались только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ имѣлъ мѣсто поземельный сборъ, отрѣзались всѣ излишнія земли противъ показанныхъ въ табеляхъ поземельнаго сбора, а во-вторыхъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ поземельный сборъ не былъ введенъ, размѣры надѣловъ должны были быть доведены до высшихъ или указныхъ нормъ, установленныхъ Мѣстными Положеніями 1861 г. Прирѣзки же могли производиться только въ томъ случаѣ, когда размѣры существующихъ надѣловъ не достигали высшихъ или указныхъ нормъ для данной мѣстности по Положенію 1861 г. Однако такія прирѣзки могли производиться лишь за счетъ сверхтабельныхъ излишковъ земель, находившихся въ пользованіи удѣльныхъ крестьянъ до реформы; но тогда, когда такихъ излишковъ не оказывалось, они должны были довольствоваться своими прежними надѣльными землями. Такимъ образомъ, для удѣльныхъ крестьянъ не устанавливались максимальные и минимальные размѣры надѣловъ, что должно было естественно приводить къ значительному увеличенію площади отводимыхъ имъ земель.

Итоги земельной реформы у удѣльныхъ крестьянъ.

По подсчету проф. Ходскаго, крестьяне удѣльнаго вѣдомства въ 18 губ. Европ. Россіи, гдѣ находятся удѣльныя имѣнія, имѣли передъ реформой въ среднемъ 4,2 дес. на душу, при чемъ минимальныя нормы надѣла равнялись 1,6 дес. (Архангельская губ.), а максимальныя—7,2 дес. на душу (Самарская губ.). Послѣ же освобожденія средняя норма надѣла достигла 4,8 дес., при чемъ низшій надѣлъ въ 2,1 дес. встрѣчаемъ въ Московской губ., а высшій 7 дес. въ Олонецкой губ. Интересно при этомъ отмѣтить, что почти во всѣхъ губерніяхъ надѣлы значительно увеличились, въ общемъ, на 14,3%. Уменьшеніе надѣльной площади произошло только въ 3-хъ губерніяхъ: во Владимірской на 0,1 дес. на душу, въ Самарской на 0,4 дес. и въ Петербургской на 2,3 дес. Что же касается увеличенія, то оно имѣло мѣсто во всѣхъ остальныхъ 15 губерніяхъ, при чемъ менѣе, чѣмъ на 1 дес., надѣлъ увеличился въ 7 губ.; отъ 1 до 3 дес. въ 4-хъ губ.; отъ 3 до 5 дес. въ 3-хъ губ. и на 5 дес. въ одной. Наибольшее увеличеніе замѣчается въ такихъ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ, какъ Новгородская, Олонецкая, Пермская и Вологодская; а наименьшее увеличеніе въ 0,1 дес. и въ 0,2 дес. отчасти въ

центральныхъ, отчасти въ Поволжскихъ губ., какъ, напр., Московская, Орловская и Саратовская. Такимъ образомъ, если исключить Петербургскую губернію, гдѣ имѣли мѣсто совершенно особыя условія, то почти повсемѣстно размѣры крестьянскихъ надѣловъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ возросли. О степени земельнаго обезпеченія удѣльныхъ крестьянъ можно судить по слѣдующей таблицѣ.

Число десятинъ на душу.	% ко всей массѣ уд. крестьянъ.
менѣе 2	3,1
2—4	39,4
4—6	35,4
болѣе 6	22,5

Сравнительно съ помѣщичьими крестьянами удѣльные, какъ говоритъ одинъ современный изслѣдователь, были обезпечены землею лучше въ 1 ½ раза. Тогда какъ ¾ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ имѣли только по 10 дес. на дворъ, изъ удѣльныхъ крестьянъ 56 % имѣло болѣе 10 дес. Средній же размѣръ надѣла у нихъ равнялся 12 дес.

Въ составъ крестьянскаго надѣла въ удѣльныхъ имѣніяхъ, такъ же какъ и у бывшихъ крѣпостныхъ, входили усадебныя и полевыя земли и тамъ, гдѣ было возможно, луга, но лѣса и и воды, какъ общее правило, оставались въ собственности вѣдомства. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне вели лѣсное переложное хозяйство или занимались смолокуреніемъ, напр., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской и Вологодской губерніи, а также если они прежде пользовались изъ оброка участками дровянаго лѣса, въ составъ ихъ надѣла должны были входить и лѣса.

Выкупная операція у удѣльныхъ крестьянъ.

Что касается выкупа, то онъ былъ сдѣланъ обязательнымъ и основанія выкупной операціи были почти такія же, какъ и въ Положеніи о выкупѣ 1861 г. Выкупная сумма за пріобрѣтаемыя крестьянами въ собственность земли вычислялась путемъ капитализаціи изъ 6 % того поземельнаго сбора или того подушнаго оклада, который удѣльные крестьяне уплачивали до реформы. Эти платежи Положеніе 1863 г. называетъ оброкомъ и опредѣляетъ его размѣры для различныхъ мѣстностей отъ 8 до 12 р. съ души за полный—высшій или указной надѣлъ. Когда же размѣры надѣла понижались, то исчисленіе оброка происходило

на основанiи принципа градацiи въ обычной пропорцiи для нечерноземной, черноземной и степной полосъ. Слѣдовательно, отдѣлъ о выкупѣ представляетъ изъ себя какъ бы точный сколокъ съ тѣхъ нормъ, которыя составлены были въ 1861 г. дѣятелями освобожденiя.

Реформа 1866 г. государственныхъ крестьянъ.

Административно-поземельное устройство государственныхъ крестьянъ произведено было двумя законодательными актами: Высочайше утвержденнымъ Мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта 18 янв. 1866 г. о преобразованiи общественнаго управленiя государственныхъ крестьянъ и о передачѣ сихъ крестьянъ въ вѣдѣнiе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденiй, и Именнымъ Указомъ Сенату 24 ноября 1866 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 36 губернiяхъ.

Административное устройство.

Волостное устройство, проведенное у государственныхъ крестьянъ реформой гр. Киселева, подвергалось тѣмъ измѣненiямъ, которыя вытекали изъ стремленiя уравнять государственныхъ крестьянъ въ ихъ общественномъ управленiи съ бывшими помѣщичьими. Въ этомъ отношенiи и волость и сельское общество организовывались у нихъ совершенно по образцу, установленному Положенiемъ 1861 г. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сосѣднiя селенiя государственныхъ крестьянъ входили въ составъ волостей территорiи бывшихъ крестьянъ владѣльческихъ, но выборы всѣхъ должностныхъ лицъ при этомъ должны быть произведены заново.

Поземельное устройство.

Въ основанiе поземельнаго устройства казенныхъ крестьянъ положены были слѣдующiя правила: за сельскими обществами государственныхъ крестьянъ сохранялись всѣ предоставленныя имъ въ надѣлъ и состоящiя въ ихъ пользованiе земли и угодья.—Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ земли, находящiяся въ пользованiи крестьянъ, не отграничены отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженiи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣлялось по соразмѣрности съ существующимъ пользованiемъ, но не свыше: въ уѣздахъ малоземельныхъ 8 дес., а многоземельныхъ 15 дес. на душу. Кромѣ пахотныхъ земель и луговъ, государственные крестьяне получали также въ составъ своихъ надѣловъ и лѣсные участки отъ 1 до 3 дес. на душу. Въ центральныхъ, сѣверо-западныхъ и отчасти въ восточныхъ губернiяхъ болѣе $^3/_4$ казенныхъ крестьянъ получили лѣсные на-

дѣлы. Въ общемъ же средніе размѣры земельнаго обезпеченія казенныхъ крестьянъ по реформѣ 1866 г. равнялись 5,9 дес. на ревизскую душу. Максимальныхъ размѣровъ средніе душевые надѣлы достигали въ губерніяхъ Астраханской, Самарской и Оренбургской (9—16 дес.); минимальные же размѣры въ 3—5 дес. имѣли мѣсто въ центрально-промышленныхъ, средне-черноземныхъ, въ малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ (всего 17 губ.). Въ остальныхъ же 26 губерніяхъ Европейской Россіи средніе размѣры надѣла бывшихъ государственныхъ крестьянъ колебались отъ 5 до 10 дес.; 70,7% общаго числа бывшихъ государственныхъ крестьянъ получили болѣе 4 дес. на ревизскую душу, что соотвѣтствуетъ приблизительно 10 дес. на дворъ, а болѣе 1/3 имѣли свыше 6 дес. на душу, или 15 дес. на дворъ.

Оброчная подать и выкупная операція.

Каждое общество на отведенныя ему земли и угодья получало «владѣнныя записи» и уплачивало за пользованіе ими особый налогъ подъ названіемъ «государственной оброчной подати». Отъ этой подати, цѣликомъ или отъ части, сельскія общества и владѣльцы подворныхъ земельныхъ участковъ могли освобождаться посредствомъ взноса въ губернское или уѣздное казначейство государственными процентными бумагами такого капитала, проценты съ котораго составляли бы сумму, равную ежегодному взносу оброчной подати. Земли, освобожденныя такимъ способомъ отъ оброчной подати, превращались въ полную собственность своихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, этими правилами какъ бы устанавливался своего рода выкупъ государственными крестьянами казенныхъ земель. Обязательный же выкупъ земельныхъ надѣловъ для этого разряда сельскаго населенія введенъ былъ только въ 1886 г. Распоряжаться и пользоваться своими землями сельскія общества бывшихъ казенныхъ крестьянъ могли по своему усмотрѣнію. Если 2/3 членовъ сельскаго общества высказывалось за переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворно участковому, то весь мірской надѣлъ могъ быть раздѣленъ по дворамъ или по душамъ. Но отчуждать въ теченіе первыхъ 3 лѣтъ по полученіи владѣнныхъ записей свои земли постороннимъ лицамъ ни сельскія общества, ни отдѣльные дворохозяева не имѣли права.

Итоги крестьянскихъ реформъ 1861—1866 г.

Подводя итоги тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ положеніи всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія въ связи съ реформами 1861 — 1866 гг., мы должны отмѣтить, что въ личныхъ, имущественныхъ и корпоративныхъ правахъ всѣ крестьяне были

сравнены между собой и составили одно сословіе податныхъ сельскихъ обывателей. Всѣ они безъ различія своего происхожденія приписаны были къ сельскимъ обществамъ и волостямъ, судились однимъ и тѣмъ же волостнымъ судомъ и въ административномъ отношеніи вѣдались одними и тѣми же учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ. Но что касается степени хозяйственнаго обезпеченія, то оно далеко не было одинаковой у различныхъ разрядовъ крестьянскаго населенія. Въ этомъ отношеніи интересны тѣ данныя, которыя приводятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ такіе крупные научные авторитеты, какъ профессора Янсонъ и Ходскій. Первый изъ названныхъ ученыхъ произвелъ подсчетъ размѣровъ земельнаго обезпеченія у всѣхъ разрядовъ крестьянскаго населенія по 12 центральнымъ и сѣверо-западнымъ губерніямъ. Оказалось, что въ среднемъ надѣлы государственныхъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ равняются 5,42 дес. на душу, удѣльныхъ 4,28 дес., бывшихъ помѣщичьихъ 3,78 дес., при чемъ колебанія между высшими и низшими размѣрами происходили въ слѣдующихъ предѣлахъ:

	Госуд.	удѣл.	б. пом.
высшій	9,5 дес.	6,3 дес.	5,6 дес.
низшій	3,3 »	2,25 »	2,9 »

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ видно, что на первомъ мѣстѣ по степени земельнаго обезпеченія стоятъ государственные крестьяне, на второмъ—удѣльные и на третьемъ—бывшіе помѣщичьи.

Другой изслѣдователь, проф. Ходскій, оперируетъ съ болѣе значительнымъ цифровымъ матеріаломъ, охватывающимъ всю территорію Европейской Россіи. Онъ полагаетъ, что средній для каждой мѣстности надѣлъ бывш. госуд. крестьянъ можно принять за рабочую норму крестьянской поземельной собственности. Тѣхъ крестьянъ, которые при реформѣ получили надѣлы, равные этимъ среднимъ нормамъ, можно считать достаточно обезпеченными землею; всѣхъ тѣхъ, у которыхъ надѣлы выше — надѣленными съ избыткомъ, а недостаточно надѣленными, по его мнѣнію, являются тѣ изъ крестьянъ, надѣлы которыхъ были ниже. Изъ всѣхъ 21.279 тыс. рев. душъ госуд. удѣльн. и бывш. пом. крестьянъ «щедрые» надѣлы получили 6.943 т. д., или 32,6%; достаточные—8.430 т. д., или 39,7%; недостаточные—5.906 т.

дес., или 27,7%. Такимъ образомъ, болѣе $1/4$ всѣхъ крестьянъ получили недостаточное земельное обезпеченіе и только $1/3$, можно сказать, имѣетъ землю съ избыткомъ. Что касается отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія, то изъ числа бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ 42,6% было надѣлено недостаточно, а щедро только 13,9%. Изъ числа же государственныхъ и удѣльныхъ 50,7% получили «щедрые», а 13,7% недостаточные надѣлы.

В. Бочкаревъ.

Судебная реформа.

I.

Коренной переворотъ въ состоянии нашего правосудія, осуществленный суд. реформою.

Въ зданіи судебныхъ установленій въ Москвѣ, въ извѣстномъ Екатерининскомъ залѣ, есть горельефъ «желаніе Россіи», изображающій мольбу подданныхъ даровать Россіи правый судъ и человѣколюбивые законы. Имѣть правый судъ — таково исконное «желаніе Россіи».

Проходили столѣтія, а завѣтное желаніе это все не осуществлялось; народъ толковалъ о правосудіи, а въ судахъ неразлучно царили волокита и взяточничество, потворство богатымъ

Пособія. *М. А. Филипповъ.* Судебная реформа въ Россіи, Спб., 1871 — 1875 гг.; *А. А. Головачевъ.* Десять лѣтъ реформъ, Спб. 1872 г.; *В. Фуксъ.* Судъ и полиція, М., 1889 (сочиненіе, написанное въ духѣ, враждебномъ судебной реформѣ Александра II; представляетъ интересъ, такъ какъ знакомитъ съ главнѣйшими нареканіями, которыя были вызваны судебною реформою въ лагерѣ ея противниковъ); *Гр. Джаншіевъ.* Основы судебной реформы, М., 1891; *его же*, Эпоха великихъ реформъ, М., послѣднее изданіе 9-ое 1905 г.; *І. В. Гессенъ.* Судебная реформа, Спб., 1905 г.; *К. К. Арсеньевъ.* Итоги судебной реформы, въ «Вѣстн. Европы». 1871 г., мартъ, май, іюнь; *В. Устиновъ.* Основныя начала Судебныхъ Уставовъ 1864 г., въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1895 г., № 1; *А. Ф. Кони.* Судебная реформа и судъ присяжныхъ, въ сборникѣ «За послѣдніе годы», Спб., 2 изд. 1898 г.; *И. Г. Щегловитовъ.* Къ сорокалѣтію Судебныхъ Уставовъ 2-го ноября 1864 г., въ «Вѣстникѣ Права», 1904 г., № 9; *Вл. Набоковъ.* Сорокалѣтіе Судебныхъ Уставовъ, въ «Образованіи», 1904 г., № 12; *М. П. Чубинскій.* Судебная реформа, въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», вып. 11 и 12. *А. Ѳ. Кони.* Отцы и дѣти судебной реформы, М., 1914 г. «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ» въ 3 т., Петрогр., изд. минист. юстиціи; «Судебная Реформа», подъ ред. *Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго* (вышли I и II томы, Москва, 1915 г., изд. «Объединеніе»).—Чрезвычайно важное пособіе для изученія мотивовъ, которыми руководились составители Судебныхъ Уставовъ при выработкѣ отдѣльныхъ положеній этого кодекса, и тѣхъ разногласій, которыя при этомъ возникали, составляетъ выпущенное Государственною Канцеляріею изданіе «Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны» (изд. 2-ое 1866—67 г.).

и сильнымъ. Удивительно ли, что «судъ и неправда въ понятіяхъ народа были синонимами» (И. С. Аксаковъ)? За полвѣка до изданія «Судебныхъ Уставовъ» Александра II министръ юстиціи Трощинскій отзывался о своемъ вѣдомствѣ словами Давида: «сіе море великое и пространное, въ немъ же гадовъ нѣсть числа»[1]. И до самой реформы 1864 г. это море — скорѣе, топкое болото — продолжало кишѣть всякими паразитами и затягивать въ свои пучины безчисленныя жертвы. — А двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, когда уже выяснились результаты произведенной ими реформы, министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ писалъ: «Несмотря на то, что и уставы эти и созданныя ими учрежденія доживаютъ первую четверть столѣтія, мы привыкли считать и называть ихъ новыми — такая б е з д н а отдѣляетъ ихъ отъ смѣненнаго ими прежняго порядка». Чтобы измѣрить хотя бы лишь приблизительно эту бездну, бросимъ взглядъ на старые, дореформенные судебные порядки.

II.

Дореформенные судебные порядки. Смѣшеніе властей.

Хотя уже Петровскій указъ отъ 8 января 1719 г. объ учрежденіи гофгерихтовъ и другихъ прежде небывалыхъ судовъ можетъ подсказать мысль о намѣреніи Петра провести идею раздѣленія властей, отдѣленія суда отъ администраціи, но, какъ справедливо замѣчаетъ В. О. Ключевскій, «Петръ едва ли понималъ суды въ смыслѣ особыхъ независимыхъ органовъ государственнаго управленія, свободныхъ отъ всякаго сторонняго давленія; скорѣе всего онъ не успѣлъ освободиться отъ древне-русскаго взгляда на судъ, какъ на отрасль той же администраціи»[2]. Тотъ же взглядъ на судъ, какъ на отрасль администраціи, хотя теоретически уже поколебленный, фактически продолжалъ проявляться во взаимныхъ отношеніяхъ судебныхъ и чисто административныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ по Своду Законовъ. Значительная часть споровъ о правѣ гражданскомъ подлежали вѣдѣнію полицейскихъ властей; на полиціи же лежало производство слѣдствій и всѣхъ относящихся къ нему мѣръ. Существовалъ огромный разрядъ дѣлъ, по которымъ мѣста и лица казеннаго управленія, начальники губерній и министры принимали

---

[1]) «Министерство Юстиціи (1802 — 1902), въ «Журн. Мин. Юст.», 1903 г., № 1, стр. 16.

[2]) В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. IV, М., 1910 г., стр. 245

участіе въ судѣ и рѣшеніи. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ представлялись на утвержденіе начальниковъ губерній. Генералъ-губернаторы располагали правомъ останавливать исполненіе рѣшеній палаты уголовнаго суда. Мѣстныя административныя власти могли постоянно вмѣшиваться въ судебное производство, подъ предлогомъ устраненія медленности; даже право жалобы на медленность въ производствѣ дѣлъ судебными и полицейскими мѣстами было предоставлено исключительно губернскимъ правленіямъ. Полиція исполняла приговоры не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, при чемъ, выходя нерѣдко, по незнанію своихъ правъ, за предѣлы своихъ компетенцій, принимала на себя разрѣшеніе вопросовъ, относившихся къ вѣдѣнію суда. Это смѣшеніе суда съ администраціею имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ отправленіе правосудія вносилось административное усмотрѣніе съ сопутствующими ему соображеніями о цѣлесообразности, удобствѣ и, главное, угодности или неугодности начальству принимаемой мѣры или постановляемаго рѣшенія.

Соединенная съ административной, судебная власть не была отдѣлена и отъ законодательной. Послѣдняя, не говоря о нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, принимала участіе въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ тогда, когда для разрѣшенія дѣла не оказывалось точнаго закона: въ такихъ случаяхъ дѣло переходило изъ низшей инстанціи въ высшую и черезъ Государственный Совѣтъ поступало на разрѣшеніе Государя Императора; рѣшеніе послѣдняго, по существу, было ничѣмъ инымъ, какъ новымъ закономъ, который, такимъ образомъ, вопреки основному началу права и требованію справедливости, получалъ обратное дѣйствіе, т.-е. примѣненіе къ такому событію или поступку, при наступленіи или совершеніи которыхъ нельзя было предвидѣть послѣдствій, опредѣленныхъ затѣмъ рѣшеніемъ верховной власти.

Сословный характеръ дореформеннаго правосудія.

Другая черта дореформеннаго правосудія — сословный характеръ его организаціи. Большинство судейскихъ должностей замѣщались по выборамъ отъ сословій; такъ, уѣздный судъ, составлявшій первую собственно судебную инстанцію, состоялъ изъ уѣзднаго судьи, избираемаго дворянствомъ, и четырехъ засѣдателей: двухъ отъ дворянства, участвовавшихъ въ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, и двухъ отъ поселянъ, призывавшихся къ участію только въ дѣлахъ ихъ сословія, при чемъ «призывъ» этотъ на дѣлѣ сводился къ тому, что засѣдатель изъ поселянъ или, не чи-

тая, подписывалъ журналъ, или, если онъ былъ неграмотнымъ, просилъ, чтобы за него расписались; въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда принимали участіе представители отъ дворянства и городского общества; представителей же отъ поселянъ не было вовсе. Эти представители отъ сословій или отстаивали интересы своего сословія или не играли въ судѣ никакой роли; обычное мѣсто засѣдателей изъ поселянъ бывало въ передней, гдѣ они дожидались порученій канцелярскихъ чиновниковъ. По замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, «неравномѣрность распредѣленія сословныхъ представителей въ судебныхъ мѣстахъ была даже отчасти причиной того равнодушія къ этой (т.-е. по отправленію правосудія) важной общественной повинности, въ которомъ не безъ основанія многіе упрекаютъ наши сословія».

Отсутствіе авторитета у судей. Ихъ зависимость отъ канцеляріи.

При обычномъ равнодушіи представителей отъ сословій къ своимъ судейскимъ обязанностямъ, при отсутствіи у нихъ авторитета и низкомъ образовательномъ уровнѣ, нерѣдко доходившемъ до совершенной безграмотности, они по большей части слѣпо полагались на справки съ законами и выписки изъ дѣлъ, преподносившіяся канцеляріями. Взаимное отношеніе между судами и состоявшими при нихъ канцеляріями было прямо обратнымъ тому, какое должно бы вытекать изъ ихъ дѣйствительнаго назначенія: фактически вліяніе канцеляріи на ходъ и рѣшеніе дѣлъ было почти неограниченнымъ.

Въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда хоть товарищи предсѣдателей (а иногда и предсѣдатели) назначались отъ правительства, изъ числа лицъ, получившихъ спеціальную подготовку, но въ первый инстанціи — въ уѣздныхъ судахъ — даже и этого не было. «Въ уѣздные судьи,—вспоминаетъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ),—большею частью выбирались небогатые и смирные помѣщики изъ отставныхъ военныхъ. Или французъ подъ Бородинымъ изувѣчилъ, или турокъ часть тѣла повредилъ — милости просимъ! Лишь бы разсудокъ не подлежалъ освидѣтельствованію, да и то соблюдалось только потому, что уѣздный стряпчій, ежели онъ кляузникъ, можетъ донести. Вообще на присутствія уѣздныхъ судовъ того времени даже серьезные люди смотрѣли въ родѣ, какъ на богадѣльни, но канцеляріи судовъ называли «звѣринцами». О секретаряхъ говорили: «мерзавцы», а о писцахъ «разбойники съ большой дороги» и боялись ихъ. Да, впрочемъ, можно ли не опасаться людей, которые получали полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья?!»

Въ этомъ «полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья», разумѣется, есть нѣкоторое преувеличеніе, но суть въ томъ, что окладовъ жалованья, которое дѣйствительно получали секретари канцелярій, было совершенно недостаточно для того, чтобы существовать: еще въ 1858 г. секретари канцелярій уѣздныхъ судовъ въ 37 губерніяхъ получали по 168 р. 15 к. въ годъ, т.-е. по 14 руб. въ мѣсяцъ (въ 1859 г. состоялось увеличеніе оклада на 57%). [1]) Можно себѣ представить, сколько получали ихъ помощники и писцы, которые не лишены были возможности вліять на судьбу дѣлъ.

Дореформенная прокуратура.

Дѣятельность судовъ находилась подъ «ближайшимъ надзоромъ» прокуратуры, въ составъ которой входили губернскіе прокуроры и стряпчіе, губернскіе и уѣздные. Однако надзоръ прокуратуры распространялся не только на судебныя учрежденія, но на всѣ губернскія и уѣздныя мѣста. Въ этомъ «объединительномъ характерѣ» прокурорскаго надзора апологеты старыхъ судебныхъ порядковъ видѣли его особое достоинство: «при такомъ единствѣ органовъ правительственной власти,—пишетъ одинъ изъ нихъ [2]),—столкновенія между судомъ и администраціею случались весьма рѣдко». Еще бы! Прокурорскій надзоръ лишалъ суды послѣднихъ признаковъ самостоятельности, подчиняя ихъ «видамъ правительства». Къ этому надо прибавить, что дѣйствительно всесторонній надзоръ со стороны прокуратуры за точнымъ соблюденіемъ судами законовъ былъ совершенно неосуществимъ въ виду неисчислимаго множества лежавшихъ на ней обязанностей. Достаточно сказать, что, помимо другихъ своихъ функцій, прокуроръ долженъ былъ прочитывать и оцѣнивать съ точки зрѣнія законности содержавшихся въ нихъ постановленій журналы губернскаго правленія, уголовной, гражданской и казенной палатъ, палаты государственныхъ имуществъ, приказа общественнаго призрѣнія, особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, комиссіи народнаго продовольствія, губернскаго рекрутскаго присутствія и губернскаго больничнаго совѣта!

Дореформенная адвокатура.

Адвокатуры въ современномъ смыслѣ при старыхъ судебныхъ мѣстахъ не было. Судебное представительство было вплоть до из-

---

[1]) Прилож. I. («Штаты и табели») къ XXXIV т. Полн. Собр. Зак., стр. 232 — 233.

[2]) В. Фуксъ, Судъ и полиція. Москва, 1889 г., стр. 14 — 15.

данія Судебныхъ Уставовъ абсолютно свободною профессіею[1]). Повѣреннымъ могъ быть всякій, за исключеніемъ малолѣтнихъ, монаховъ и другихъ особо перечисленныхъ въ законѣ категорій лицъ. И дѣйствительно, за ходатайство по дѣламъ брались люди, повидимому, совершенно для этого непригодные: полуграмотные и не имѣвшіе представленія о законахъ. Эти дѣйствовавшіе безконтрольно, нанимавшіеся, какъ прислуга, ходатаи по дѣламъ, стяжали себѣ заслуженную репутацію «кляузниковъ» и «душевредцевъ» и были, какъ засвидѣтельствовано Государственнымъ Совѣтомъ въ 1861 г., «одною изъ причинъ бѣдственнаго положенія нашего судопроизводства». Вѣроятно, отражая взглядъ того времени на «адвокатовъ», проф. Я. Баршевъ въ своемъ курсѣ уголовнаго процесса, перечисляя лицъ, пребываніе которыхъ на судѣ не необходимо, называетъ «адвокатовъ» непосредственно вслѣдъ за «доносчиками»[2]).

Слѣдственное начало въ дореформенномъ процессѣ.

Недостаткамъ стараго судоустройства соотвѣтствовали столь же крупные недостатки порядка и пріемовъ разсмотрѣнія дѣлъ въ судахъ. Прежде всего, старый процессъ былъ проникнутъ слѣдственнымъ началомъ въ противоположность господствующему теперь состязательному. При слѣдственномъ порядкѣ производства судъ принимаетъ дѣятельное участіе въ изысканіи доказательствъ, въ направленіи дѣла и въ самомъ опредѣленіи содержанія тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ разрѣшенію въ дѣлѣ, тогда какъ при состязательномъ порядкѣ судъ ограничивается тѣмъ, что дѣлаетъ выводъ изъ представленныхъ ему доводовъ и доказательствъ. Старый уголовный процессъ былъ цѣликомъ слѣдственнымъ; въ гражданскомъ процессѣ слѣдственное начало преобладало надъ состязательнымъ и только въ коммерческихъ судахъ, по закону 1832 г., было примѣнено начало состязательнаго производства. Изъ слѣдственнаго принципа въ уголовномъ процессѣ вытекали безправіе и беззащитность подсудимаго, его безпомощность предъ лицомъ судьи, бывшаго въ то же время его обвинителемъ и защитникомъ — больше первымъ, чѣмъ послѣднимъ. Въ гражданскомъ судѣ слѣдственное начало было однимъ изъ главныхъ тормозовъ процесса; на судью имъ налагались непосильныя обязанности: онъ долженъ былъ требовать офиціальнымъ путемъ отъ различныхъ мѣстъ и лицъ такихъ свѣдѣній, которыя скорѣе и

---

[1]) См. Е. В. Васьковскій, Организація адвокатуры, ч. I, стр. 309 — 316.

[2]) Я. Баршевъ, Основанія уголовнаго судопроизводства, Спб., 1841 г., стр. 12.

съ большимъ удобствомъ могли бы быть собраны частными лицами; онъ посылалъ предписанія и затѣмъ на письмѣ же тщетно требовалъ ихъ исполненія отъ учрежденій и лицъ, отъ него независящихъ; если же судья не отличался энергіею или по корыстнымъ видамъ предпочиталъ затянуть дѣло, то онъ всегда имѣлъ возможность отсрочивать его разрѣшеніе, возбуждая такіе вопросы, которыхъ сами тяжущіеся не возбуждали [1]).

Канцелярская тайна и письменность.

Въ непосредственной связи со слѣдственнымъ началомъ были канцелярская тайна и письменность, дошедшая въ старомъ процессѣ до крайнихъ предѣловъ своего развитія. Слѣдственное начало требуетъ устраненія всякаго вліянія сторонъ на судъ; судъ долженъ дѣйствовать какъ бы автоматически, а для того, чтобы стороны не могли оказывать давленія на механизмъ судебнаго производства, необходимо, чтобы всѣ пружины этого механизма были отъ нихъ сокрыты. Разъ не допускается публичное состязаніе сторонъ въ судѣ, то суду, естественно, приходится основывать всѣ свои дѣйствія на письменныхъ объясненіяхъ и формальныхъ протоколахъ. Развитіе письменности въ старыхъ судахъ еще болѣе способствовало могуществу канцелярій и все большей медленности процесса, а канцелярской тайны одной было достаточно для того, чтобы лишить судъ довѣрія общества.

Формальная теорія доказательствъ.

Письменность изсушала старый процессъ; канцелярская тайна лишила его свѣта, безъ котораго отправленіе правосудія перестаетъ быть жизненной функціей живого организма, и то же послѣдствіе — превращеніе судебной процедуры въ соблюденіе мертвыхъ формъ — имѣла принятая въ дореформенномъ законодательствѣ теорія оцѣнки доказательствъ. Согласно этой теоріи (такъ наз. формальной), вѣсъ доказательствъ, ихъ значеніе для приговора опредѣляется по заранѣе опредѣленной закономъ расцѣнкѣ [2]). Неизбѣжный результатъ такой расцѣнки — принесеніе правды дѣйствительной въ жертву правдѣ формальной. Если въ гражданскомъ процессѣ, распутывающемъ узлы, которые сплетаются въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній членовъ общества между собою, признаніе силы формальной правды — *въ извѣстныхъ все-таки границахъ* — неизбѣжно, то въ уголовномъ процессѣ ея торжество было или отказомъ правосудія отъ

---

[1]) См. мотивы къ ст. 15 Уст. Гражд. Судопр. въ изд. Государственной Канцеляріи.

[2]) Обстоятельное изложеніе формальной теоріи доказательствъ, см. у Я. Баршева, назв. соч., стр. 194 — 220.

охраны интересовъ общества, которые законодатель признаетъ наиболѣе цѣнными, или поруганіемъ не менѣе цѣнныхъ интересовъ личности.

Всѣ доказательства въ нашемъ старомъ уголовномъ процессѣ дѣлились на «совершенныя» и «несовершенныя», «полныя» и «половинныя», при чемъ одного совершеннаго доказательства преступленія было достаточно для произнесенія обвинительнаго приговора, а одно несовершенное доказательство имѣло своимъ послѣдствіемъ лишь оставленіе обвиняемаго въ подозрѣніи. Оцѣнка качества доказательства зависѣла не столько отъ его внутренняго достоинства, сколько отъ чисто внѣшнихъ признаковъ; такъ, при равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей, въ случаѣ ихъ противорѣчія, отдавалось преимущество мужчинѣ передъ женщиной, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ неученымъ, духовному передъ свѣтскимъ. Господство теоріи формальныхъ доказательствъ приводило къ тому, что судьи въ большинствѣ случаевъ должны были останавливаться на полуубѣжденіи, т.-е. ограничиваться произнесеніемъ приговоровъ объ оставленіи въ подозрѣніи. Нельзя было не видѣть въ этихъ приговорахъ признаковъ слабости правосудія, которое не могло сказать ни «да», ни «нѣтъ», и которое должно было, по недостатку законныхъ доказательствъ, отпускать половину завѣдомыхъ преступниковъ. Законодатель стремился формальной расцѣнкой доказательствъ положить предѣлъ произволу судей, для котораго слѣдственный процессъ былъ благопріятной почвой. Взглядъ законодателя раздѣляла и старая теорія процесса. Такъ, проф. Я. Баршевъ относилъ опредѣленную закономъ систему уголовныхъ доказательствъ къ «средствамъ, обезопашивающимъ справедливость уголовно-судебныхъ приговоровъ» [1]). Хороша была справедливость суда, накладывавшаго клеймо подозрѣнія на множество лицъ, среди которыхъ наряду съ несомнѣнно виновными могли быть и столь же несомнѣнно невиновные!

Ревизіонный порядокъ пересмотра приговоровъ.

Къ коррективамъ недостатковъ слѣдственнаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ въ старомъ процессѣ относится и ревизіонный пересмотръ приговоровъ. Указанныя въ законѣ категоріи дѣлъ переходили — въ силу закона же, а не желанія заинтересованныхъ лицъ — изъ одной инстанціи въ другую, пока, наконецъ, иногда черезъ десятки лѣтъ — не получали окончательно раз-

[1]) Назв. соч., стр. 55.

рѣшенія. Законодатель, отдавая тяжущихся, лишенныхъ имъ инициативы, и безправныхъ подсудимыхъ въ полное распоряженіе суда, въ то же время не довѣрялъ суду; отсюда — необходимость безконечнаго контроля. На дѣлѣ, этотъ контроль приносилъ больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ, затягивая до безконечности дѣло, онъ не обезпечивалъ правильнаго рѣшенія, которое становилось тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ дальше потокомъ мнѣній, заключеній, протоколовъ, отношеній, донесеній и т. под. «бумагъ» дѣло уносилось отъ его начала.

Таковъ былъ старый судъ... На его сторонѣ были твердо сложившіяся традиціи и укоренившіяся привычки общества. Можно было думать, что процессъ заживленія застарѣлыхъ язвъ нашего правосудія будетъ медленнымъ и тяжелымъ, но дѣйствительность оказалась снисходительнѣе къ русскому обществу, чѣмъ можно было ожидать. На исторіи судебной реформы въ Россіи оправдалась плодотворная по своимъ послѣдствіямъ мысль, что не только люди дѣлаютъ учрежденія, но и учрежденія дѣлаютъ людей. Достаточно было ввести новыя судебныя учрежденія, построенныя на выработанныхъ опытомъ Запада началахъ, и старый судъ не только, какъ организація, но и какъ очень опредѣленный типъ правосудія, при воспоминаніи о которомъ, по выраженію его современника, «волосы встаютъ дыбомъ и морозъ деретъ по кожѣ», рухнулъ, какъ старое насквозь источенное червями зданіе, отпалъ, какъ отпадаютъ гнилыя вѣтви здороваго дерева...

III.

Происхожденіе суд. реформы 1864 г.

Отдѣленіе судебной власти отъ законодательной и административной, независимость судей, учрежденіе кассаціоннаго суда и введеніе суда съ присяжными засѣдателями, сокращеніе числа инстанцій, выборный мировой институтъ, организація прокуратуры, какъ стоящаго рядомъ съ судомъ органа публичнаго обвиненія, и адвокатуры, какъ самоуправляющейся корпораціи повѣренныхъ по гражданскимъ дѣламъ и профессіональныхъ защитниковъ обвиняемыхъ, равенство всѣхъ передъ правосудіемъ, принципъ состязательности, гласность, устность процесса, отмѣна формальной теоріи доказательствъ,—вотъ наиболѣе крупныя черты того плана, по которому было осуществлено при Александрѣ II преобразованіе судебной части въ Россіи. Было бы, разумѣется, безполезно настаивать, что эти черты суть лишь дальнѣйшее раз-

витіе историческихъ началъ нашего судоустройства и судопроизводства: судебная реформа, составляя результатъ частью раціональнаго заимствованія и приспособленія западно-европейскихъ порядковъ, частью теоретической работы мысли, представляетъ собою рѣшительный переломъ нашего судебнаго быта. Но этимъ не умаляется ея положительное значеніе, ибо, съ точки зрѣнія господствующихъ ученій о правообразованіи, заимствованія и даже творчество на основаніи установленныхъ доктриною началъ составляютъ такой же законный путь развитія права, какъ и органическій ростъ его, если только эти два пути другъ другу рѣшительно не противорѣчатъ.

Но, съ другой стороны, было бы ошибочно утверждать, какъ долго утверждали враги судебной реформы, что она была скороспѣлымъ плодомъ недолгой работы, что проникающія ее идеи, занесенныя внезапнымъ вѣяніемъ съ Запада, не были въ должной мѣрѣ продуманы и взвѣшены. Можно считать доказаннымъ, что эти идеи въ дѣйствительности вынашивались очень долго, пока не сдѣлались убѣжденіемъ законодателя. Вѣдь уже въ извѣстномъ «Планѣ государственнаго образованія», представленномъ Сперанскимъ императору Александру I въ 1809 г.[1]), можно прослѣдить и начало суда присяжныхъ и даже идею кассаціи, т.-е. отмѣны приговоровъ, постановленныхъ съ нарушеніемъ закона (безъ разсмотрѣнія дѣлъ по существу). Различая «дѣйствіе державной власти» въ порядкѣ законодательномъ, исполнительномъ и судебномъ, Сперанскій проектировалъ учрежденіе «въ порядкѣ судномъ» четырехъ степеней суда: волостного, окружнаго, губернскаго и верховнаго, подъ именемъ сената. Въ случаяхъ, особо закономъ опредѣленныхъ, главный судья въ волостномъ судѣ и предсѣдатель въ окружномъ судѣ должны были, по проекту Сперанскаго, приглашать депутатовъ для составленія суда присяжнаго съ соблюденіемъ «равенства состояній подсудимаго и депутатовъ». Въ сенатѣ для производства дѣлъ (въ отличіе отъ сужденія) должно было находиться извѣстное число рекетмейстеровъ при каждомъ департаментѣ; «если при разсмотрѣніи дѣла рекетмейстерами, не касаясь существа его, усмотрѣно будетъ нарушеніе извѣстныхъ формъ въ губернскомъ судѣ, тогда дѣло, по общему ихъ приговору и утвержденію министра юсти-

---

[1]) См. Н. К. Шильдеръ. «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», т. II, Спб., 1904 г., гл. XI и прилож. XII.

ціи обращается для исправленія въ губернскій судъ, а поступокъ предсѣдателя, яко блюстителя формъ, допустившаго такое нарушеніе, предается уваженію Государственнаго Совѣта». Конечно, этотъ порядокъ отмѣны приговоровъ рекетмейстерами, не принадлежавшими, по проекту, къ составу судей, при участіи министра юстиціи, т.-е. представителя власти исполнительной, а не судебной, послѣдующимъ обращеніемъ дѣла для исправленія въ тотъ же судъ, коимъ было допущено нарушеніе формъ производства, далекъ отъ современной кассаціи, процедуры строго судебной, недопускающей участія во вторичномъ разсмотрѣніи дѣла того состава суда, коимъ было допущено нарушеніе, повлекшее за собою пересмотръ дѣла; тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть въ проектѣ Сперанскаго, по крайней мѣрѣ, зародыша идеи современной кассаціи.

Комитетъ 6 дек. 1826 г.

Но и въ болѣе развитомъ видѣ эта идея — равно, какъ проекты отдѣленія судебной власти отъ законодательной и административной и введенія суда мирового, — не были новостью уже въ первой четверти прошлаго столѣтія и имѣли своихъ приверженцевъ среди лицъ, близко стоявшихъ къ государственной работѣ или даже принимавшихъ въ ней непосредственное участіе. Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая I эти планы были на разсмотрѣніи секретнаго комитета, учрежденнаго для разбора бумагъ кабинета Александра I и для выработки предположеній относительно лучшаго устройства управленія и суда. Среди другихъ бывшихъ на его разсмотрѣніи проектовъ и мнѣній, комитетъ этотъ, извѣстный подъ именемъ «комитета 6 декабря 1826 г.», обсудилъ слѣдующія записки: «разсужденіе объ учрежденіи губерній», авторство котораго приписывается статсъ-секретарю М. А. Балугьянскому [1]) (ближайшему сотруднику Сперанскаго по составленію Свода Законовъ), мнѣніе адмирала Мордвинова, представленное гр. Кочубею, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта, и записку самого гр. Кочубея, озаглавленную: «не можно ли учредить въ уѣздахъ мирныхъ судовъ (juge de paix?)».

Считая изъ всѣхъ частей современнаго ему порядка управленія самою несовершенною «судную часть», М. А. Балугьянскій предлагалъ въ основу преобразованія судебнаго устройства положить прежде всего два начала: самостоятельность суда и незави-

---

[1]) Н. М. Коркуновъ, М. А. Балугьянскій. Проектъ судебнаго устройства 1828 г., въ «Журн. Мин. Юст.», 1895 г., № 8.

симость судей. Судъ долженъ пользоваться самостоятельностью по отношенію къ правительственной власти, ибо «всякій чувствуетъ, что тамъ, гдѣ губернаторъ можетъ давать повелѣнія судьямъ судить то или другое, пересматривать ихъ приговоры, останавливать ихъ исполненіе, тамъ не законъ царствуетъ, а произволъ; судная власть занимаетъ послѣ законодательной второе мѣсто въ государствѣ; величество закона требуетъ, чтобы приговорамъ оной повиновались всѣ прочія управленія». Самостоятельности суда должна соотвѣтствовать независимость судей, для обезпеченія которой судей «должно опредѣлять правительству изъ людей опытныхъ и свѣдущихъ въ законахъ по жизнь или, по крайней мѣрѣ, на долгое время». Во главѣ всей судебной власти М. А. Балугьянскій проектировалъ поставить сенатъ: «всѣмъ судамъ высшимъ и меньшимъ не зависѣть отъ какой-нибудь власти, кромѣ власти судебнаго сената», который, однако, долженъ былъ «не судить о существѣ тяжбы или судьбѣ подсудимаго по апелляціи, но уничтожить производство въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона къ дѣлу или нарушенія формы и велѣть разсмотрѣть дѣло другому суду». Другими словами, сенатъ, по проекту Балугьянскаго, долженъ былъ стать тѣмъ, чѣмъ онъ и сталъ по Судебнымъ Уставамъ, т.-е. кассаціоннымъ судомъ. Для болѣе послѣдовательнаго отдѣленія судебной власти отъ правительственной Балугьянскій предполагалъ преобразовать прокуратуру, пріурочивъ ее исключительно къ судамъ, и, кромѣ того, образовалъ особые органы судебной полиціи для исполненія судебныхъ приговоровъ. По вопросу о составѣ судебныхъ присутствій Балугьянскій высказался въ пользу присоединенія къ назначаемымъ правительствомъ судьямъ выборныхъ засѣдателей, при чемъ послѣдніе должны «судить только о подлинности дѣла (т.-е. подлинно ли имѣлъ мѣсто извѣстный фактъ), а судьи—о правдѣ по закону». Въ этомъ предположеніи ввѣрить рѣшеніе вопросовъ о фактѣ и о правѣ различнымъ категоріямъ судей нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ, намека на судъ съ присяжными засѣдателями.

Очень любопытно, что изъ числа предположеній Балугьянскаго вниманіе комитета остановили на себѣ сравнительно менѣе важныя; основные же поднятые ими вопросы объ отдѣленіи судебной власти отъ административной и законодательной и о независимости судей были оставлены комитетомъ вовсе безъ обсужденія,—потому, думаетъ Н. М. Коркуновъ, что оказались выше

его понимания. Не этимъ ли обстоятельствомъ, т.-е. тѣмъ, что проектъ Балугьянскаго въ своей главной части остался непонятымъ комитетомъ, объясняется и та похвальная аттестація за благонамѣренность, которой проектъ былъ удостоенъ?

Подобно Балугьянскому, настаивалъ на необходимости отдѣленія судебной власти отъ другихъ властей и адмиралъ Мордвиновъ: «Всегда и вездѣ признаваемо было,—писалъ онъ въ своемъ мнѣніи, представленномъ гр. Кочубею 2 іюня 1827 г.,—что раздѣленіе властей есть совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительныя власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены... Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ». Въ видѣ иллюстрацій тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ смѣшеніе властей, Мордвиновъ приводитъ примѣръ Турціи, гдѣ «не судья судитъ, но паша», и гдѣ вслѣдствіе этого «повсемѣстно водворились дикость, уныніе и нищета».

Въ запискѣ графа Кочубея проектировалось введеніе избираемыхъ сословіями мирныхъ судей, которые могли бы разбирать споры и тяжбы, «руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формою». Не та же ли самая идея впослѣдствіи была воспроизведена составителями Судебныхъ Уставовъ, которые, объясняя значеніе мирового института, писали: «На мирового судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма, уважаетъ естественную справедливость и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ и на своихъ понятіяхъ основанномъ рѣшеніи?»

Проекты Балугьянскаго и Кочубея и мнѣніе Мордвинова не имѣли непосредственныхъ практическихъ послѣдствій [1]), тѣмъ не менѣе, самою постановкою намѣченныхъ въ нихъ вопросовъ эти проекты и предположенія подготовляли почву для будущей реформы и суда.

---

[1]) Комитетъ 6 дек. 1826 г. утвердилъ не ихъ предположенія, а проектъ Сперанскаго, который цѣликомъ стоялъ на исторической почвѣ, думая улучшить состояніе правосудія установленіемъ особаго губернскаго надзора надъ судами. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, и этотъ проектъ не получилъ осуществленія вслѣдствіе антагонизма, встрѣченнаго имъ со стороны министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Составленіе Свода Законовъ способствовало наглядному выясненію недостатковъ процессуальнаго законодательства. Въ 1833 г. Николай I въ своей рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ заявилъ: «Главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было, естественно, правосудіе». 29 октября 1836 г. Николай I одобрилъ представленную ему министромъ юстиціи Дашковымъ записку о мѣрахъ къ исправленію дѣйствовавшихъ законовъ о судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ. Какъ говорилось въ этой запискѣ, «мысль государя императора состояла въ томъ, чтобы прежде всего по теченію дѣлъ въ сенатѣ удостовѣриться, въ какой части законовъ нашихъ встрѣчается наиболѣе недоразумѣній и затрудненій и потому опредѣлить, какія именно части законовъ наиболѣе требуютъ дополненія и исправленія. По разсмотрѣніи сего вопроса, совокупно признано, что законы о судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ наиболѣе требуютъ исправленія». Далѣе въ запискѣ доказывалось, что способъ исправленія долженъ быть «систематическимъ», т.-е. исправленію должно быть подвергнуто процессуальное законодательство во всемъ своемъ объемѣ на основаніи предварительно составленныхъ «общихъ началъ», такъ какъ противоположный этому способъ,—«отдѣльное исправленіе нѣкоторыхъ только статей, доколѣ не исправятся и другія, повлекло бы иногда еще болѣе неудобства, нежели сколько ихъ есть въ настоящемъ порядкѣ». «Этотъ всеподданнѣйшій докладъ отмѣчается въ «Историческомъ очеркѣ Министерства Юстиціи» за сто лѣтъ его существованія, какъ «первое начало къ систематическому пересмотру нашихъ судопроизводственныхъ законовъ»[1]). Однако продолженіе за этимъ началомъ послѣдовало нескоро.

Записка Дашкова и гр. Блудова.

Ближайшимъ поводомъ для дѣйствительно систематической и планомѣрной работы по составленію новаго процессуальнаго кодекса послужило дѣло объ имѣніи и долгахъ коллежскаго регистратора Ивана Баташова. Въ высочайшей резолюціи по этому дѣлу, послѣдовавшей 10 ноября 1848 г., императоръ Николай I высказалъ: «Изложеніе причинъ медленности непомѣрной, съ которою производится сіе столь извѣстное дѣло, ясно выставляетъ всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства». Эти слова, говорится въ предисловіи къ «Судебнымъ Уставамъ» въ изданіи

---

[1]) См. извлеченія изъ названнаго очерка, напечатанныя въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», 1903 г., № 1 — 3.

Государственной Канцеляріи, «сдѣлались колыбелью судебной реформы въ Россіи». Тогда же Николай I повелѣлъ главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи графу Блудову представить соображенія о средствахъ къ исправленію недостатковъ устава гражданскаго судопроизводства. Въ представленной запискѣ графъ Блудовъ подвергъ подробному обсужденію вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ограничиться лишь нѣкоторыми частными исправленіями процесса, или же составить полный проектъ гражданскаго судопроизводства. Государь приказалъ: не ограничиваясь отдѣльными исправленіями, составить новый проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

Работы II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

Въ 1850 г. составленный II отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи проектъ былъ сообщенъ министру юстиціи гр. Панину, а въ 1852 г., въ виду крайней настойчивости, съ которой гр. Панинъ противился всякимъ новшествамъ, для разрѣшенія, прежде представленія проекта въ Государственный Совѣтъ, спорныхъ вопросовъ, вызвавшихъ возраженія гр. Панина, былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, особый комитетъ. Одновременно въ томъ же II отдѣленіи собственной Е. В. канцеляріи производились работы и по составленію проекта уголовнаго судопроизводства. Въ 1850 г. въ особой комиссіи гр. Блудова при участіи чиновниковъ отъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ обсуждался вопросъ, могутъ ли предложенныя въ то время министерствомъ юстиціи нѣкоторыя измѣненія законовъ уголовнаго судопроизводства быть приведены въ дѣйствіе прежде обнародованія всего новаго устава. Комиссія единогласно признала, что всякое частное измѣненіе этихъ важныхъ законовъ неудобно и даже невозможно. Позднѣе подъ руководствомъ того же графа Блудова было приступлено къ работамъ, относящимся до судоустройства [1]).

Работы комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, сначала производившіяся съ тою, почти вошедшею въ поговорку, медленностью, съ какою обычно производятся работы во всякаго рода комиссіяхъ и комитетахъ для выработки проектовъ и предположеній, оживились съ началомъ царствованія императора Александра II, выразившаго въ манифестѣ о вступленіи на престолъ свое приснопамятное пожеланіе, чтобы правда и милость царство-

---

[1]) См. «Обзоръ работъ по преобразованію судебной части въ Россіи», въ «Журн. Мин. Юст.», 1862 г., т. XIV, стр. 654 — 674.

вали въ судахъ. Тотъ свѣжій, бодрящій вѣтеръ, который подулъ въ Россіи послѣ уроковъ крымской кампаніи, проникъ и во II отдѣленіе Е. И. В. канцеляріи, опрокинулъ груды уже ветхихъ томовъ «дѣла» о преобразованіи судебной части въ Россіи съ проектами крохотныхъ реформъ, сдунулъ пыль съ другихъ, заключавшихъ въ себѣ уже болѣе смѣлыя предположенія, перевернулъ страницы въ третьихъ, обвѣялъ своимъ дыханіемъ и самого уже престарѣлаго руководителя «дѣла» и его сотрудниковъ,—и работа закипѣла. Къ 1860 г. гр. Блудовымъ уже были внесены въ Государственный Совѣтъ уставъ гражданскаго судопроизводства, положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, уставъ уголовнаго судопроизводства и уставъ судоустройства. Эти проекты въ своихъ предположеніяхъ далеко ушли отъ существовавшихъ въ то время судебныхъ порядковъ. Въ нихъ предполагалось отдѣленіе судебной власти отъ административной, упраздненіе сословныхъ судовъ, уничтоженіе канцелярской тайны, устраненіе полиціи отъ производства слѣдствій, введеніе устности и гласности и, наконецъ, созданіе сословія адвокатуры, — той самой адвокатуры, которая мерещилась Николаю I не иначе, какъ въ образѣ «Мирабо, Марата и Робеспьера» (изъ которыхъ, кстати сказать, только Робеспьеръ былъ дѣйствительно по профессіи адвокатомъ).

Введеніе судебныхъ слѣдователей.

Широкая постановка реформы встрѣтила рѣшительную оппозицію со стороны министра юстиціи гр. Панина. Однако и онъ былъ готовъ признать цѣлесообразность нѣкоторыхъ изъ числа намѣченныхъ въ проектахъ гр. Блудова мѣръ. Въ числѣ мѣръ, которымъ «посчастливилось» встрѣтить сочувствіе со стороны гр. Панина, оказалось и предположенное устраненіе полиціи отъ производства слѣдствій о преступленіяхъ съ учрежденіемъ самостоятельнаго института судебныхъ слѣдователей, подчиненныхъ одной лишь судебной власти. Поэтому онъ не замедлилъ, для скорѣйшаго осуществленія этой мѣры, испросить Высочайшее разрѣшеніе на отдѣленіе проекта организаціи слѣдственной части отъ другихъ блудовскихъ проектовъ для представленія на разсмотрѣніе законодательной власти. На основаніи Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1860 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта проектъ получилъ силу закона. Такимъ образомъ, общая судебная реформа была предварена изъятіемъ изъ вѣдѣнія общей полиціи слѣдственной части и введеніемъ судебныхъ слѣдователей, назначаемыхъ изъ числа лицъ, обладающихъ опытомъ въ судебныхъ дѣлахъ и, сверхъ того, получившихъ юридическое образованіе.

Этою мѣрою порывалась одна изъ нитей, связывавшихъ дѣло суда съ дѣломъ общей администраціи почти въ одну нераздѣльную функцію, и вмѣстѣ санкціонировалось признаніе за юридическимъ образованіемъ значенія столь же существеннаго условія судебной дѣятельности, какъ и прославленный опытъ. Судебные слѣдователи были первой ласточкой, заставившей говорить о скоромъ наступленіи весны для всего судебнаго вѣдомства. Надежды общества выросли, и онѣ не были обмануты.

Вліяніе на ходъ судебной реформы акта 19 февр. 1861 г.

Планъ судебной реформы подвергся новому измѣненію послѣ объявленія воли 19 февраля 1861 г. Измѣненія, которыя проектировались комитетами, работавшими подъ руководствомъ графа Блудова, стали уже недостаточными; требованія повысились. И это было неизбѣжно: за «освобожденіемъ раба» должно было послѣдовать «преображеніе всей жизни»—въ частности, «преображеніе», а не простое улучшеніе правосудія. Не говоря уже о томъ, что актъ освобожденія крестьянъ, уничтоживъ патріархальную помѣщичью юстицію, такъ сказать, увеличилъ спросъ на новое правосудіе, этотъ актъ имѣлъ для судебной реформы и другія еще болѣе существенныя послѣдствія. Прежде всего вѣдь лишь съ отмѣною крѣпостного права стало возможнымъ самое стремленіе къ утвержденію прочнаго правопорядка. Въ самомъ дѣлѣ, если и теперь содержащаяся въ нашихъ основныхъ законахъ (ст. 84) торжественная декларація: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ», все еще не получила полнаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью, то при существованіи въ лицѣ помѣщиковъ «ста тысячъ полицмейстеровъ» (по выраженію императора Николая I) эта декларація была лишена всякаго реальнаго значенія. Можно ли было серьезно говорить объ управленіи на твердомъ основаніи законовъ въ странѣ, въ которой въ принципъ управленія былъ возведенъ помѣщичій произволъ? Могла ли быть рѣчь о правопорядкѣ, когда этотъ правопорядокъ своею большею частью покоился на колеблющемся основаніи помѣщичьей власти? Съ упраздненіемъ послѣдней самъ собою возникалъ вопросъ о подведеніи подъ правопорядокъ надежнаго фундамента въ видѣ заново перестроеннаго суда. Новый судъ долженъ былъ быть такъ устроенъ, чтобы стать проводникомъ начала законности въ жизни.

Далѣе: превративъ крѣпостного крестьянина изъ «крещеной собственности», изъ принадлежности недвижимаго имѣнія въ независимаго отъ помѣщичьей опеки носителя правъ и прежде всего

права на самостоятельный трудъ, актъ 19 февраля приложилъ идею личности къ многомилліонной массѣ людей, которыхъ языкъ какъ бы съ сознательной ироніей называлъ «душами», но въ которыхъ въ дѣйствительности дотолѣ духъ всемѣрно угашался; между тѣмъ только распространенная на всѣхъ членовъ общества, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому и другому состоянію, идея личности могла получить присущій ей высокій смыслъ: эта идея неразрывно связана съ представленіемъ о человѣческомъ достоинствѣ, т.-е. о достоинствѣ каждаго, кто носитъ гордое «званіе человѣка», а могло ли быть званіе человѣка само по себѣ «гордымъ», когда милліоны людей считались объектами вещнаго права и продавались или покупались наравнѣ со скотомъ? Возвышенная объявленіемъ воли или даже впервые обрѣтшая свой подлинный смыслъ идея личности, самостоятельной и надѣленной правами, не могла не отразиться и на содержаніи новаго судебнаго законодательства. Въ противоположность старому процессу, который весь былъ построенъ на отрицаніи личнаго момента, новый процессъ долженъ былъ отвести широкое мѣсто инціативѣ участвующихъ въ процессѣ лицъ, ихъ личной энергіи и самодѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность старому сословному суду, новый судъ, отвѣчая новымъ требованіямъ, вытекающимъ изъ признанія за всѣми человѣческаго достоинства, долженъ былъ стать судомъ, равнымъ для всѣхъ.

Но этимъ далеко еще не исчерпывается значеніе освобожденія крестьянъ для судебной реформы: только съ упраздненіемъ крѣпостного права стала возможной самая постановка вопроса объ учрежденіи суда съ присяжными засѣдателями, составляющаго понынѣ славный, хотя и полуразрушенный, памятникъ творчества авторовъ «Судебныхъ Уставовъ». Судъ присяжныхъ, по крайней мѣрѣ, въ своей идеѣ, есть судъ представителей всего общества безъ различія классовъ, а мыслимо ли было сочетать съ крѣпостнымъ правомъ участіе крестьянина въ судѣ надъ помѣщикомъ? И вообще не было ли бы разительнымъ противорѣчіемъ, при безправіи крѣпостного крестьянина, не смѣвшаго устраивать ни свою личную, ни свою семейную жизнь по своей волѣ, его право подавать свой голосъ при рѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ? Какъ, самъ не имѣвшій почти никакихъ правъ, крестьянинъ могъ бы быть облеченъ властью лишать правъ другихъ?

Сами составители Судебныхъ Уставовъ ставили въ связь съ освобожденіемъ крестьянъ и возможность положить конецъ

смѣшенію властей, которое, какъ они полагали, составляло естественное послѣдствіе крѣпостного состоянія: «Помѣщичьи крестьяне,—разсуждали они,—въ лицѣ своего владѣльца имѣли администратора, хозяина, судью и исполнителя имъ же постановленныхъ рѣшеній... Такое смѣшеніе властей въ быту крестьянъ помѣщичьихъ, по необходимости, должно было отразиться и въ учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ: и у нихъ власти хозяйственныя и полицейскія, въ силу самой необходимости, сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными... При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ оно необходимо должно было проникнуть и въ общее управленіе» (См. мотивы къ ст. ст. 1 и 2 Уст. Гражд. Судопр. въ изд. Государственной Канцеляріи).

Наконецъ, по общему отзыву современниковъ, освобожденіе крестьянъ способствовало успѣху судебной реформы тѣмъ подъемомъ общественнаго настроенія, которымъ оно сопровождалось. Хотя актъ 19 февраля вызвалъ немало разочарованій, даже протестовъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно и то, что великъ былъ энтузіазмъ, охватившій верхи русскаго общества, когда, наконецъ, «порвалась цѣпь великая», и этотъ энтузіазмъ сказался подъемомъ всего плана судебной реформы на новую, ранѣе казавшуюся недосягаемой, ступень.

«Основныя положенія преобразованія судебной части».

Порядокъ подготовленія судебной реформы съ 1861 г. былъ таковъ: въ виду обнаруженныхъ противорѣчій въ разновременно составленныхъ проектахъ гр. Блудова, на государственную канцелярію съ «прикомандированными къ ней юристами», въ спискѣ которыхъ значатся ставшія потомъ громкими имена Н. А. Буцковскаго, Н. И. Стояновскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, было возложено сначала извлечь изъ блудовскихъ проектовъ «главныя основныя начала», а потомъ, — когда стала очевидной невозможность ихъ согласованія другъ съ другомъ,—изложить тѣ начала, «несомнѣнное достоинство коихъ признано (въ настоящее время) наукою и опытомъ европейскихъ государствъ». Эти начала, по обсужденіи ихъ въ государственномъ совѣтѣ и Высочайшемъ утвержденіи, были обнародованы 29 сентября 1862 г., подъ именемъ «основныхъ положеній преобразованія судебной части».

«Основныя положенія» произвели огромное впечатлѣніе какъ на русское, такъ и на западно-европейское общественное мнѣніе. Лейпцигскій профессоръ Вехтеръ по поводу нихъ писалъ, что они составляютъ эпоху «даже въ наши прогрессивныя времена», и что

съ ихъ принятіемъ «Россія вступаетъ на новое поприще, пролагая открыто путь къ коренной реформѣ и заслуживая черезъ то всеобщее сочувствіе, въ нѣкоторыхъ государствахъ, можетъ-быть, возбуждая и зависть» [1]). Правда, по замѣчанію современника, проф. Утина [2]), тонъ, господствовавшій въ то время въ европейской прессѣ, наиболѣе заинтересованной въ нашихъ судьбахъ, былъ «вообще ложенъ» и могъ «часто ввести въ заблужденіе, если не европейскую публику — она не очень легковѣрна — то русскихъ читателей», но едва ли это замѣчаніе можетъ быть отнесено къ отзывамъ такихъ ученыхъ, несомнѣнно, дорожившихъ вѣскостью своего слова, какъ проф. Вехтеръ или извѣстный процессуалистъ Миттермайеръ (также весьма сочувственно относившійся къ судебной реформѣ въ Россіи).

Составленіе окончательной редакціи Суд. Уставовъ.

Вслѣдъ за утвержденіемъ «основныхъ положеній» гр. Панинъ покинулъ постъ министра юстиціи, а на его мѣсто былъ назначенъ Д. Н. Замятнинъ. Въ противоположность гр. Панину, Замятнинъ, какъ и состоявшій при немъ товарищемъ министра Н. И. Стояновскій,—оба были самыми горячими и искренними друзьями судебной реформы. Когда къ зимѣ 1863 г. образованная при государственной канцеляріи комиссія, работавшая подъ руководствомъ, главнымъ образомъ, С. И. Зарударо, закончила уже составленіе, въ согласіи съ опубликованными «основными положеніями», проектовъ судоустройства и судопроизводства, Д. Н. Замятнинъ образовалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ для предварительнаго разсмотрѣнія этихъ проектовъ особыя совѣщательныя засѣданія. Результатомъ этихъ засѣданій были весьма цѣнныя «замѣчанія министра юстиціи», представляющія собою тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе проектовъ. Въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, свидѣтельствующаго о томъ ускоренномъ темпѣ, съ которымъ въ это время шли работы по составленію Судебныхъ Уставовъ, замѣчанія министра юстиціи должны были быть представлены Государственному Совѣту во время самыхъ засѣданій, назначенныхъ для разсмотрѣнія проектовъ и лишь, по ходатайству Д. Н. Замятнина, было дозволено главнѣйшія изъ его соображеній сообщить Государственному Совѣту въ печат-

---

[1]) См. «Мнѣніе тайнаго совѣтника доктора Вехтера изъ Лейпцига о нашей судебной реформѣ», въ «Журн. Мин. Юст.», 1863 г., т. XVII, стр. 651.

[2]) Б. Утинъ, «Судебная реформа», въ «Отечественныхъ Запискахъ», Петроградъ, 1862. т. CXLV, стр. 35.

ныхъ экземплярахъ ко времени, которое будетъ назначено для слушанія дѣла[1]).

Обнародованіе и введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ.

Начатое въ декабрѣ 1863 г. разсмотрѣніе въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта проектовъ Судебныхъ Уставовъ и сдѣланныхъ на нихъ замѣчаній было закончено уже 2 октября 1864 г., а 20 ноября 1864 г. послѣдовалъ указъ о распубликованіи утвержденныхъ Судебныхъ Уставовъ во всеобщее свѣдѣніе. Только для того, чтобы избѣжать ощутительнаго, даже и для краткаго очерка, пробѣла, здѣсь слѣдуетъ привести столь извѣстныя и часто повторяемыя слова указа, опредѣлявшія значеніе Судебныхъ Уставовъ: «разсмотрѣвъ сіи проекты, мы,— говорилъ въ указѣ императоръ Александръ II,—находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ Закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Когда Судебные Уставы были обнародованы, волна прогрессивнаго движенія шестидесятыхъ годовъ стала уже падать; отсюда замѣтная медлительность въ введеніи ихъ въ дѣйствіе. Въ редакціонной комиссіи, учрежденной при Государственной Канцеляріи, вопросъ о порядкѣ осуществленія реформы вызвалъ расколъ мнѣній: меньшинство считало не только возможнымъ, но и безусловно необходимымъ единовременное введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій на всемъ пространствѣ Европейской Россіи; напротивъ, большинство полагало, что въ виду новизны дѣла, надлежитъ ограничиться введеніемъ реформы, въ видѣ опыта, въ одномъ или въ двухъ округахъ. Мнѣніе большинства восторжествовало и въ Государственномъ Совѣтѣ. Только въ апрѣлѣ 1866 г. были открыты новые суды въ Петербургѣ и въ Москвѣ: распространеніе же Судебныхъ Уставовъ на всю территорію Россіи было растянуто на тридцать три года (послѣдними дождались судебной реформы — въ 1899 г. — сѣверо-восточные уѣзды Вологодской губерніи).

---

[1]) Историческій очеркъ Министерства Юстиціи; см. «Журн. Мин. Юст.», 1903 г., № 3, стр. 5 — 6.

Современники свидѣтельствуютъ о томъ сочувствіи, съ которымъ было встрѣчено почти всѣми, безъ различія направленій, введеніе первыхъ судовъ, организованныхъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ (нападки начались позднѣе) — и немудрено: Судебные Уставы ввели Россію въ преддверіе правового государства, придавъ организаціи и дѣятельности русскаго суда тѣ формы, которыя отличаютъ судъ въ правовомъ государствѣ. Къ ближайшему выясненію того самаго существеннаго, что было дано Судебными Уставами, мы теперь переходимъ.

IV.

Судебная реформа — наиболѣе цѣльная изъ реформъ Александра II.

Среди законодательныхъ актовъ царствованія Александра II, реформировавшихъ правовыя основы русской жизни, Судебные Уставы 1864 г. занимаютъ выдающееся мѣсто.

Было бы, конечно, преувеличеніемъ приписывать имъ первенствующее значеніе—это значеніе неоспоримо принадлежитъ великому акту освобожденія крестьянъ—но и отъ Положенія 19 февр., какъ и отъ другихъ «великихъ реформъ» достопамятнаго десятилѣтія съ 1861 по 1871 г. Судебные Уставы замѣтно, уже при первомъ знакомствѣ съ ними и въ особенности съ мотивами содержащихся въ нихъ постановленій, отличаются законченною цѣльностью и принципіальною стройностью. Заложенные въ нихъ принципы, какъ лучи, пронизываютъ ихъ основныя части, давая имъ свое освѣщеніе. Нельзя сказать, чтобы эти «лучи», отбрасываемые правовыми идеями, изъ которыхъ исходили творцы «Судебныхъ Уставовъ», не потерпѣли «преломленія» въ средѣ старыхъ понятій и предразсудковъ, черезъ которую имъ суждено было пройти прежде, чѣмъ получить воплощеніе въ законѣ: въ Судебныхъ Уставахъ уже въ ихъ первоначальной редакціи найдется не мало постановленій, несогласныхъ съ началами, на которыхъ долженъ быть построенъ судъ въ правовомъ государствѣ; но всѣ эти постановленія бросаются въ глаза именно, какъ искаженія замысла, какъ исключенія изъ правила, какъ досадный копромисъ, не могущій, однако, скрыть достоинствъ того плана, по которому Судебные Уставы построены. Если воспользоваться столь употребительнымъ сравненіемъ законодательныхъ памятниковъ съ произведеніями зодчаго, то можно сказать, что, если одни законоположенія десятилѣтія 1861 — 1871 гг. напоминаютъ недоведенное до конца зданіе (какъ, напр., Поло-

женія о крестьянахъ, сохранившія сословную обособленность крестьянъ и возложившія на бывшихъ крѣпостныхъ всю тяжесть выкупа), другія похожи на зданіе, покосившееся въ одну сторону (Земское Положеніе 1864 г. и Городовое Положеніе 1870 г., установившіе весьма одностороннее представительство интересовъ мѣстнаго населенія), то, напротивъ, Судебные Уставы выдѣляются среди законодательныхъ произведеній «эпохи великихъ реформъ», какъ зданіе стройное, выведенное въ тщательно продуманномъ стилѣ, но съ ненужными пристройками къ нему, которыя такъ легко, казалось бы, могли быть отдѣлены отъ него.

Основныя начала Судебныхъ Уставовъ. Отдѣленіе судебной власти отъ другихъ властей.

«Основныя положенія» 1862 г. полагаютъ во главу угла преобразованія судебной части такое «общее правило»: «власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной». Отдѣленіе судебной власти отъ *законодательной* выразилось въ отмѣнѣ перехода судебныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и въ освобожденіи монарха отъ участія (за двумя исключеніями) въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ. Выводомъ изъ отдѣленія судебной власти отъ *административной* было изъятіе производства судебныхъ слѣдствій изъ рукъ полиціи (состоявшееся уже въ 1860 г.), устраненіе надзора за отправленіемъ правосудія со стороны мѣстной администраціи и установленіе общаго правила, что всякія тяжбы и дѣла о преступленіяхъ, какъ бы ни были они маловажны, подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ учрежденій. Наконецъ въ цѣляхъ отдѣленія судебной власти отъ *исполнительной*, которая составителями Судебныхъ Уставовъ отличалась отъ административной, исполненіе судебныхъ рѣшеній и призывъ къ суду по дѣламъ гражданскимъ было возложено на особыхъ приставовъ, непосредственно подчиненныхъ судебному мѣсту и даже находящихся въ его составѣ.

Отдѣленіемъ судебной власти отъ другихъ властей достигается, съ одной стороны, *подзаконность* судебной власти, независимость ея ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ закона, а, съ другой стороны, точность исполненія ея рѣшеній. Практически особо важное значеніе должно было имѣть послѣдовательное разграниченіе властей судебной и административной. Соображенія, которыми составители Судебныхъ Уставовъ мотивировали необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной, отличаются такою лапидарною точностью и опредѣленностью, что они заслужи-

ваютъ быть приведенными въ подлинныхъ выраженіяхъ. Въ мотивахъ къ Судебнымъ Уставамъ читаемъ: «Администрація требуетъ отъ управляемыхъ исполненія закона и предупреждаетъ нарушеніе законнаго порядка, а судъ возстановляетъ порядокъ, уже нарушенный, и опредѣляетъ послѣдствія сего нарушенія. Если одна и та же власть и предъявляетъ требованіе, и сама же обсуждаетъ послѣдствія его неисполненія, то очевидно, что обвиняемые не могутъ имѣть никакихъ огражденій отъ неправильнаго преслѣдованія ихъ... По симъ причинамъ рѣшеніе административныхъ властей по дѣламъ судебнымъ внушаетъ къ себѣ недовѣріе, и всякое наказаніе, назначенное безъ суда, представляется произволомъ власти, возбуждающимъ ропотъ... Въ судахъ нашихъ не можетъ достаточно развиться и утвердиться ни сознаніе правъ, ни соотвѣтствующее ему сознаніе отвѣтственности, если и право и отвѣтственный трудъ судебнаго дѣла принадлежатъ не судьѣ исключительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ органамъ управленія и власти». Отсюда необходимость выдѣленія судебной организаціи изъ административной и сосредоточенія исключительно въ рукахъ только судебныхъ учрежденій всей полноты судебной власти, что и выражено въ текстѣ Судебныхъ Уставовъ, какъ благая вѣсть: «Никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, правилами сего устава опредѣленномъ», и затѣмъ: «всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ разрѣшенію *судебныхъ* установленій».

Несмѣняемость судей.

Но отдѣленная отъ административной, власть судебная должна быть освобождена и отъ всякаго вліянія со стороны первой. Составители Судебныхъ Уставовъ справедливо полагали, что «всякое подчиненіе судебнаго мѣста лицу правительственному, ослабляя высокое значеніе суда, ограничиваетъ право его примѣнять законы «*безпристрастно, не смотря на лица, и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ*», какъ то предписано въ ст. 64-й т. I свода законовъ основныхъ».

Независимость суда предполагаетъ независимость судей, а непремѣннымъ условіемъ послѣдней представляется *несмѣняемость*. Для обезпеченія несмѣняемости судей составители Судебныхъ Уставовъ создали ст. 243 учрежденія судебныхъ установленій (такъ называется часть Судебныхъ Уставовъ, посвященная организаціи судовъ, судоустройству въ отличіе отъ судопроизводства), согласно которой судьи не могутъ быть увольняемы иначе, какъ

по приговору уголовнаго суда или по ихъ собственному прошенію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ точно указанныхъ случаевъ. Ст. 243 учрежденія судебныхъ установленій представляетъ собою тотъ пунктъ Судебныхъ Уставовъ, въ которомъ идея господства права надъ усмотрѣніемъ достигаетъ въ нихъ своей кульминаціонной высоты. Вѣдь по точному смыслу этой статьи судью уволить отъ должности, внѣ судебнаго порядка, не можетъ никто,—слѣдовательно, не можетъ этого сдѣлать и глава государства. Можно безъ преувеличенія сказать, что законъ о несмѣняемости придалъ Судебнымъ Уставамъ значеніе перваго у насъ конституціоннаго акта, которымъ самодержавіе подвергло себя — хотя бы только въ одномъ отношеніи — добровольному ограниченію[1]). Конечно, впослѣдствіи ст. 243 была истолкована въ томъ смыслѣ, что ею само собою подразумѣвается возможность увольненія судей волею императора. Въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи учрежд. суд. уст., опубликованной въ 1900 г., говорится: «Само собою разумѣется, что постановленіе ст. 243 учр. суд. уст. ни въ чемъ не касается непосредственнаго проявленія Самодержавной воли. По самой сущности Самодержавнаго правленія въ Россійской Имперіи Монархъ Всероссійскій ограничивается только собственною волею. Въ законахъ основныхъ изображены тѣ коренныя начала государственнаго управленія, которыя признала за благо установить сама Верховная власть; засимъ всѣ постановленія ограничительнаго характера, содержащіяся въ другихъ

---

[1]) Впервые въ принципѣ несмѣняемости усмотрѣли «конституцію» реакціонныя «Московскія Вѣдомости» (№№ 24 и 26 за 1884 г.); нельзя отказать имъ въ признаніи мѣткости этого опредѣленія, и только опасеніемъ за будущее «Судебныхъ Уставовъ» можно объяснить ту остроумную и тонкую, но все же неубѣдительную аргументацію, которою пользуется К. Д. Анциферовъ въ полемикѣ съ «Московскими Вѣдомостями» для доказательства того, что несмѣняемость въ Россіи, будучи не результатомъ договора Верховной власти со своими чиновниками, а актомъ самодержавной воли, нисколько этой послѣдней не противорѣчитъ, такъ какъ она есть актъ этой же воли, лишь постановившей осуществленіе своего права на устраненіе судей въ формы судебнаго производства. К. Д. Анциферовъ. Къ ученію о несмѣняемости по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 года, въ его «Сборникѣ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству», Спб., 1898 г. Вѣдь такимъ путемъ можно было бы доказывать, что самодержавію не противорѣчитъ и всякая такъ наз. октроированная конституція, т.-е. конституція, дарованная монархомъ въ силу его законодательной власти, ибо—можно сказать—такая конституція есть такъ же актъ самодержавной власти, поставившей осуществленіе законодательной власти монарха въ формы парламентской процедуры.

частяхъ Свода Законовъ, имѣютъ въ виду исключительно органы правительства подчиненнаго» [1]). Съ этимъ пониманіемъ ст. 243 невозможно согласиться: если бы ст. 243 должна была выразить только ту мысль, что судьи не могутъ быть увольняемы властью органовъ правительства подчиненнаго, то она была бы совершенно излишня, такъ какъ несмѣняемостью въ такомъ узкомъ и своеобразномъ смыслѣ пользуются всѣ должностныя лица, назначаемыя на должности, подобно судьямъ, Высочайшими приказами.

Иначе, чѣмъ составители цитированной выше объяснительной записки къ проекту новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій, понималъ несмѣняемость министръ юстиціи, на долю котораго выпало первоначальное введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, Д. Н. Замятнинъ. Кн. Мещерскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» такъ объясняетъ состоявшееся въ 1867 г. замѣщеніе на посту (послѣ кратковременнаго пребыванія на этомъ посту кн. С. Н. Урусова) министра юстиціи Д. Н. Замятнина гр. К. И. Паленомъ, бывшимъ всего за три года передъ тѣмъ вице-директоромъ департамента полиціи: «это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александръ II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого ему министръ юстиціи Замятнинъ докладывалъ, послѣ неприличной рѣчи одного сенатора въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что онъ, *государь, не имѣетъ права безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должности*». Да, повидимому, и министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, подпись котораго значится подъ объяснительной запиской къ проекту новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій... сознавалъ, что данное въ этой запискѣ толкованіе ст. 243 не вполнѣ соотвѣтствуетъ духу и дѣйствительному смыслу этой статьи. По крайней мѣрѣ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о необходимости учредить особую комиссію для пересмотра Судебныхъ Уставовъ онъ указывалъ, что «дѣйствующія правила о судейской несмѣняемости въ нынѣшней своей постановкѣ не отвѣчаютъ условіямъ нашего государственнаго устройства». Если ст. 243 «ни въ чемъ не касается непосредственнаго проявленія Самодержавной воли», то въ чемъ же въ такомъ случаѣ министръ могъ видѣть ея несоотвѣтствіе нашему государственному строю?

---

[1]) Высочайше учрежден. Комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части. Объяснительная записка къ проекту новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій. Спб., 1900 г., т. II, стр. 285.

Съ чѣмъ дѣйствительно нельзя не согласиться, такъ это съ тѣмъ, что несмѣняемость въ ея подлинномъ значеніи, представляя собою нѣкоторое ограниченіе власти главы государства, въ самомъ дѣлѣ несовмѣстима съ самодержавіемъ. Отъ этого-то и произошло, что, какъ уже въ 1871 г. предвидѣлъ К. К. Арсеньевъ, начало несмѣняемости постепенно превратилось у насъ «въ громкую фразу безъ всякаго внутренняго содержанія».

Учрежденіе кассаціонныхъ департаментовъ.

На ряду съ отдѣленіемъ судебной власти отъ другихъ властей и установленіемъ гарантій независимости судебной власти, той же цѣли обезпеченія строгой законности въ отправленіи правосудія должно было служить учрежденіе кассаціонныхъ департаментовъ сената въ качествѣ органа надзора за порядкомъ судопроизводства, правильнымъ толкованіемъ и однообразнымъ примѣненіемъ законовъ подчиненными судебными мѣстами. То и другое, т.-е. какъ наблюденіе за выполненіемъ процессуальныхъ формъ, такъ и руководство судами въ примѣненіи законовъ, составляетъ задачу высокой важности. Судъ нарушаетъ законъ и тогда, когда пренебрегаетъ процессуальными формами, которыми законодатель позаботился обставить его дѣятельность, и тогда, когда онъ неправильно примѣняетъ законъ, хотя бы лишь потому, что заблуждается въ значеніи его. Если одинъ и тотъ же законъ понимается различными судами неодинаково; если то дѣйствіе, которое одинъ судъ считаетъ дозволеннымъ, другой караетъ, какъ преступленіе, то въ обществѣ не можетъ быть увѣренности, что суды подчиняются только велѣніямъ закона и не руководятся въ своей дѣятельности больше усмотрѣніемъ, чѣмъ закономъ. Создавая кассаціонные департаменты сената, какъ «верховное мѣсто управленія правосудіемъ въ Имперіи и охраненія силы законовъ», составители Судебныхъ Уставовъ стремились выразить мысль, которою руководствовался еще Петръ Великій, когда въ 1722 г., при измѣненіи состава сената, онъ повелѣлъ выбрать въ коллегіи новыхъ президентовъ, а прежнихъ оставить сенаторами, «дабы сенатскіе чины партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились... о правомъ судѣ». Но, если мысль сосредоточить въ сенатѣ верховное судебное управленіе ведетъ свое начало еще отъ Петра Великаго, то самое осуществленіе ея было смѣлымъ, не имѣвшимъ почвы въ національномъ правѣ, подражаніемъ французскому образцу. Какъ и кассаціонный судъ во Франціи, каждый изъ двухъ кассаціонныхъ департаментовъ сената (гражданскій и уго-

ловный), не входя въ разсмотрѣніе существа дѣла, ограничивается отмѣною рѣшенія, постановленнаго съ нарушеніемъ закона, и передачею дѣла, по которому рѣшеніе отмѣнено, на новое разсмотрѣніе низшаго суда, обязаннаго подчиниться, въ изъясненіи смысла закона, указанію сената. Результаты кассаціонной практики сената въ первыя десятилѣтія превзошли ожиданія: установивъ небывалое раньше единообразіе судебной практики, сенатскія рѣшенія сдѣлались въ то же время авторитетнымъ подспорьемъ законодательства, придавшимъ гибкость его нормамъ и привившимъ его содержанію способность внутренняго (путемъ толкованія) развитія. Можно даже пожалѣть о томъ преувеличенномъ авторитетѣ, который пріобрѣли сенатскія рѣшенія въ нашей судебной практикѣ.

Судъ присяжныхъ.

Еще болѣе смѣлымъ заимствованіемъ, чѣмъ кассаціонный судъ, былъ с у д ъ п р и с я ж н ы х ъ. Рѣшаясь на введеніе суда съ присяжными засѣдателями, составители Судебныхъ Уставовъ исходили изъ мысли, что первымъ изъ числа условій, внушающихъ общее довѣріе къ уголовному суду, является «отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ». Важность этого условія доказывалась тѣмъ соображеніемъ, что при рѣшеніи вопросовъ о виновности и наказаніи одними и тѣми же судьями послѣдніе часто стараются опредѣлить степень вины сообразно тому наказанію, которому они желали бы подсудимаго подвергнуть; такимъ образомъ, изобличенные преступники наказываются не по законамъ, утвержденнымъ верховной законодательной властью, а по произволу судей; такъ какъ въ дѣйствительности только вопросъ о виновности можетъ быть разрѣшаемъ «*по чистой совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемой*», рѣшеніе же вопроса о наказаніи должно быть лишь точнымъ примѣненіемъ закона, то отсюда необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія этихъ двухъ вопросовъ и притомъ различными судьями; если рѣшеніе вопроса о наказаніи можетъ быть ввѣрено лишь коронным судьямъ-юристамъ, знающимъ законъ, то рѣшеніе вопроса о винѣ цѣлесообразнѣе всего возложить на присяжныхъ засѣдателей, какъ на выразителей общественной с о в ѣ с т и. Такова та логика, которая привела творцовъ Судебныхъ Уставовъ къ убѣжденію въ необходимости ввести судъ съ присяжными засѣдателями. Мало того, они полагали, что «введеніе суда присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то

ни было, потому что нигдѣ, можетъ-быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчается большое различіе», тогда какъ «присяжные, избираемые обыкновенно изъ той же среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ къ оцѣнкѣ *факта*, чѣмъ судьи».

Мысль ввести судъ съ присяжными засѣдателями непосредственно послѣ отмѣны крѣпостного права, сдѣлать вершителемъ правосудія «вчерашняго раба», забитаго, униженнаго и неразвитого, была дѣйствительно смѣлою, а, по мнѣнію иныхъ, даже и дерзкою, но составители Судебныхъ Уставовъ не остановились передъ ея осуществленіемъ, поддерживаемые въ своей рѣшимости убѣжденіемъ, что, если «развитость народа имѣетъ немалое вліяніе на достоинство его учрежденій», то, съ другой стороны, «хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество». Если бы эта вѣра въ способность общества совершенствоваться по мѣрѣ улучшенія учрежденій всегда раздѣлялась носителями власти, въ законодательствѣ не было бы застоя!

Въ мотивахъ къ «Основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части» судъ присяжныхъ изображается, какъ дальнѣйшее развитіе, существовавшаго по Своду Законовъ 1857 г., учрежденія сословныхъ засѣдателей. Въ дѣйствительности трудно найти точки сколько-нибудь тѣснаго соприкосновенія между этими учрежденіями. «Между сословными засѣдателями и присяжными,—замѣчаетъ А. Ѳ. Кони, — цѣлая пропасть»: присяжные засѣдатели представители общественной совѣсти, а не сословныхъ воззрѣній; въ отличіе отъ сословныхъ засѣдателей, игравшихъ пассивную роль въ старыхъ судахъ, связанныхъ теоріею формальныхъ доказательствъ, присяжные засѣдатели—активные судьи по по убѣжденію, по совѣсти. Судъ присяжныхъ въ Россіи есть, несомнѣнно, учрежденіе, цѣликомъ заимствованное изъ западно-европейскаго права, своимъ успѣхомъ лишній разъ свидѣтельствующее противъ того взгляда, который отвергаетъ все то, что не самобытно, не національно.

Едва ли и сами авторы Судебныхъ Уставовъ не чувствовали натяжки сопоставленія присяжныхъ засѣдателей съ сословными засѣдателями. Иначе какъ объяснить, что именно въ связь съ

учрежденіемъ суда присяжныхъ они ставили уничтоженіе сословныхъ судовъ? Въ самомъ дѣлѣ, сохраненіе послѣднихъ на ряду съ судомъ присяжныхъ, который долженъ быть голосомъ народа (а не отдѣльныхъ сословій), было бы, несомнѣнно, вопіющимъ противорѣчіемъ.

Мировые судьи.

Къ суду присяжныхъ, какъ формѣ участія общества въ отправленіи правосудія, примыкаетъ, рѣзко, однако, отличаясь отъ него, судъ мировой.

Мировые судьи, избираемые земскими собраніями или городскими думами, т.-е. органами общественнаго управленія, были введены Судебными Уставами для разбора маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Популярность, которую очень скоро стяжалъ себѣ мировой институтъ, несмотря на нѣкоторые несомнѣнные недостатки его организаціи, говоритъ о томъ, насколько счастливою была положенная въ основаніе его мысль. Относительно близкій къ населенію и свободный отъ преувеличеній формализма, открытый, дешевый мировой судъ много способствовалъ поднятію правосознанія въ широкихъ массахъ населенія.

Прокуратура и адвокатура.

Прокуратура, освобожденная отъ значительной части обременявшихъ ее прежде разнообразныхъ обязанностей, ставшая, главнымъ образомъ, органомъ преслѣдованія преступленій, поставленная рядомъ съ судомъ, а не надъ судомъ, и адвокатура, организованная въ видѣ самоуправляющейся корпораціи юристовъ, пришедшихъ на смѣну прежнимъ «ябедникамъ», — эти два такъ называемые вспомогательные органы суда удачно дополняютъ въ стройномъ планѣ Судебныхъ Уставовъ систему судебныхъ учрежденій.

Принципъ состязательности.

Въ области гражданскаго судопроизводства составители Судебныхъ Уставовъ рѣшительно склонились на сторону состязательнаго принципа. Поскольку въ уголовномъ процессѣ этимъ принципомъ опредѣляется положеніе обвиняемаго, составители Судебныхъ Уставовъ провели его въ стадіи окончательнаго производства, нѣсколько ослабивъ также прежнее слѣдственное или розыскное начало въ стадіи предварительнаго изслѣдованія событія, заключающаго въ себѣ признаки преступленія. Состязательность оживила самодѣятельность участвующихъ въ процессѣ лицъ. Въ процессѣ появились стороны, надѣленныя широкими полномочіями для того, чтобы каждая изъ нихъ могла отстаивать свои интересы. Стороны розыскиваютъ и представляютъ доказательства, присутствуютъ при провѣркѣ доказательствъ судомъ,

получаютъ доступъ къ обозрѣнію судебнаго производства, составлявшаго прежде канцелярскую тайну. Личность тяжущагося или обвиняемаго съ ихъ волею и интересами, прежде подавленная бездушнымъ формализмомъ процесса, заслоненная отъ суда ворохомъ исписанной бумаги, безправная, имѣвшая лишь ограниченныя средства для того, чтобы влиять на направленіе дѣла въ гражданскомъ судѣ, скорѣе пассивная жертва, чѣмъ активная сторона въ судѣ уголовномъ, теперь выдвинулась на первый планъ и стала главнымъ предметомъ вниманія судей; въ уголовномъ процессѣ принимаются мѣры къ огражденію личнаго достоинства и личной свободы обвиняемаго; въ гражданскомъ волеизъявленіе лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, становится главнымъ двигателемъ процесса, опредѣляя самый кругъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ судомъ; какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ судѣ ревизіонный порядокъ пересмотра рѣшенныхъ дѣлъ устраняется и по всѣмъ дѣламъ замѣняется порядкомъ пересмотра по жалобѣ, допускающимъ переносъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую лишь по желанію заинтересованныхъ лицъ [1]), при чемъ число инстанцій, разсматривающихъ дѣло по существу, ограничивается двумя.

На ряду со всѣмъ этимъ оживляется и дѣятельность суда; письменность, какъ способъ производства дѣла, тѣсно связанный съ слѣдственнымъ процессомъ, уступаетъ мѣсто состязанію сторонъ передъ судомъ, живому обмѣну мнѣній, подкрѣпляемыхъ непосредственнымъ представленіемъ доказательствъ суду, который, по общему правилу, оцѣниваетъ ихъ уже не по указкѣ законодателя, а по совѣсти и убѣжденію; личная совѣсть и личное убѣжденіе судьи заняли мѣсто формальной системы доказательствъ. Словомъ, если старый судъ былъ механизмомъ, работа котораго больше опредѣлялась узкими предписаніями закона, чѣмъ личною инициативою и энергіею, то новый судъ сталъ живымъ организмомъ, одухотвореннымъ волею участвующихъ въ процессѣ лицъ. Въ довершеніе всего Судебные Уставы настежь раскрыли залы судебныхъ засѣданій не только для сторонъ, но и для публики. Разсмотрѣніе дѣлъ стало по общему правилу публичнымъ, т.-е. доступнымъ для общественнаго контроля. Въ раскрытыя двери суда хлынулъ потокъ очищающаго свѣта.

Публичность процесса.

[1]) Обжалованіе приговоровъ допускалось и въ старомъ процессѣ, но не по всѣмъ дѣламъ.

Понятно, что перечисленныя начала Судебныхъ Уставовъ съ теченіемъ времени должны были вызвать нареканія, ибо при своемъ примѣненіи къ жизни они тотчасъ же затронули разнородные интересы, для которыхъ и равенство всѣхъ передъ правосудіемъ, и независимость судебной власти, и судъ общественной совѣсти, и, пожалуй, больше всего гласность оказались невыгодными[1]).

V.

Недостатки судебной реформы 1864 г.

На ряду съ высокими достоинствами Судебные Уставы имѣли и недостатки и крупныя принципіальныя противорѣчія. К. К. Арсеньевъ («Право», 1899 г., № 48) склоненъ считать самымъ крупнымъ недостаткомъ Судебныхъ Уставовъ то, что они оставили внѣ сферы своего дѣйствія судъ крестьянскій, волостной. Въ самомъ дѣлѣ, отказавшись отъ сословной организаціи, Судебные Уставы не могли, не впадая въ противорѣчіе съ собственными отправными началами, предоставить самому многочисленному изъ сословій, крестьянскому, искать правосудія по большей части своихъ дѣлъ въ собственномъ сословномъ судѣ, а между тѣмъ они это сдѣлали коротенькимъ примѣчаніемъ къ ст. 2 учрежд. судебн. установленій: «судебная власть духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ, крестьянскихъ, станичныхъ и инородческихъ судовъ опредѣляется особыми о нихъ постановленіями».

Сохраненіе особаго крестьянскаго суда.

Теперь, когда со времени судебной реформы прошло почти полвѣка, нельзя не сожалѣть о томъ, что крестьяне такъ долго не пользуются благомъ суда, равнаго для всѣхъ, и отправляемаго лицами, знающими право и опытными въ его примѣненіи. Долгій опытъ разбилъ идиллическія мечтанія о торжествѣ въ волостномъ судѣ подлинной народной правды, и опытъ же показалъ всю безнадежность ожиданій, что волостной судъ можетъ встать въ уровень съ особенно острой въ крестьянской средѣ потребностью въ справедливомъ и законномъ разрѣшеніи тяжбъ.

Накопилось слишкомъ много матеріала, свидѣтельствующаго, что волостные суды — лишь жалкая пародія на судъ, что, зависимые отъ мѣстныхъ властей и деревенскихъ дѣльцовъ, волостные судьи не пользуются авторитетомъ среди сельскаго насе-

---

[1]) Объ этихъ пострадавшихъ отъ введенія Судебныхъ Уставовъ интересахъ весьма осторожно, но съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла говоритъ И. Г. Принтцъ въ статьѣ «Случайности, вліявшія на судебное преобразованіе 1864 г.» въ «Журн. Мин. Юст.», 1894 г., № 2.

ленія, что даже продажность не составляетъ слишкомъ рѣдкаго явленія въ волостномъ судѣ, что благодаря низкому уровню своего умственнаго развитія волостные судьи съ трудомъ и часто тщетно разбираются въ гражданскихъ дѣлахъ, что въ ихъ рѣшеніяхъ буква одерживаетъ верхъ надъ смысломъ документовъ, что равнымъ образомъ они безпомощны при разборѣ уголовныхъ дѣлъ, и что, наконецъ, они безсильны справиться даже съ самыми упрощенными формами процесса. Выяснилось также, что волостной судъ въ значительной мѣрѣ утратилъ свое значеніе и въ качествѣ суда, знающаго обычное крестьянское право, ибо самое это обычное право уступило большую часть своихъ позицій закону, и до настоящаго времени грань между сферами господства закона и обычая продолжаетъ передвигаться, благодаря чему волостной судъ, одновременно руководящійся закономъ и обычаемъ, неизбѣжно напоминаетъ «человѣка, сидящаго на двухъ стульяхъ», которые постепенно раздвигаются подъ нимъ въ разныя стороны[1]). Но въ то время, когда составлялись Судебные Уставы, ихъ пробѣлъ по отношенію къ организаціи сельскаго правосудія, какъ упоминаетъ и К. К. Арсеньевъ, «мало бросался въ глаза» и, надо думать, не только потому, что—«устраненіе его казалось вопросомъ времени», но и потому, что самый вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ волостнымъ судамъ, былъ въ то время далеко не такъ ясенъ, какъ теперь. Составителямъ Судебныхъ Уставовъ упраздненіе волостныхъ судовъ могло казаться, какъ и казалось въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ рѣшительнымъ шагомъ. Чѣмъ станетъ крестьянство, только что освобожденное отъ крѣпостной зависимости, какъ сложится его общественная жизнь, какихъ работниковъ оно выдвинетъ изъ своей среды, тогда, т.-е. при составленіи Судебныхъ Уставовъ, предвидѣть было нельзя, а съ другой стороны при существовавшей тогда глубокой пропасти между городомъ и деревней, между городскимъ и сельскимъ укладомъ правовыхъ понятій самая возможность подчинить всю область правовыхъ отношеній въ деревнѣ общимъ нормамъ права и общему суду не безъ нѣкотораго основанія представлялась сомнительной. Нельзя не согласиться съ І. В. Гессеномъ, который пишетъ: «Нужно вспомнить, чѣмъ была тогда деревня; она была тогда ограждена китайской стѣной крѣпостного права, и никто, собственно, не зналъ, что за этой ки-

---

[1]) Н. Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ. М., 1886 г., стр. 191.

тайской стѣной скрывается. Деревня переживала тогда, можно сказать, періодъ натуральнаго хозяйства, и въ такую минуту рѣшиться на то, чтобы подчинить ее дѣйствію общаго закона, было бы дѣйствительно смѣлостью»[1]). Можетъ-быть, этотъ смѣлый шагъ нужно было сдѣлать, но нельзя отрицать и того, что для такого шага недостаточно было принципіальной послѣдовательности, а нужна была и большая вѣра въ народныя силы, въ то, что онѣ сумѣютъ превозмочь переломъ правовой жизни, — неизбѣжный, если бы уже въ то время совершилась замѣна волостного суда общимъ, который, не зная народнаго обычнаго права, не могъ бы судить иначе, какъ на основаніи общаго права. Вотъ почему, если составители Судебныхъ Уставовъ и сдѣлали ошибку, не упразднивъ волостного суда, то нельзя имъ этой ошибки вмѣнять въ вину.

Административная гарантія.

Напротивъ, на нихъ падаетъ вся тяжесть отвѣтственности за другой и притомъ несомнѣнный недостатокъ Судебныхъ Уставовъ, роковымъ образомъ отразившійся на характерѣ сложившихся у насъ отношеній между властью и обществомъ. Недостатокъ этотъ — сохраненіе въ силѣ основныхъ положеній дореформеннаго процесса для дѣлъ о преступленіяхъ по службѣ лицъ административнаго вѣдомства. Подобно ранѣе существовавшему процессуальному законодательству, Судебные Уставы оставили за начальствомъ обвиняемыхъ должностныхъ лицъ исключительное право привлеченія ихъ къ отвѣтственности за преступленія по службѣ. Равнымъ образомъ, преданіе суду, т.-е. окончательное рѣшеніе вопроса, должно ли лицо административнаго вѣдомства, уличаемое въ преступленіи по службѣ, предстать передъ судомъ, постановляющимъ приговоръ, Судебные Уставы поставили въ зависимость отъ лицъ и учрежденій административнаго же вѣдомства (отъ губернскаго правленія, министровъ и главноуправляющихъ, перваго департамента сената). Словомъ, Судебные Уставы обезпечили чиновникамъ особую привилегію, извѣстную подъ именемъ «административной гарантіи». Иначе, какъ привилегія, административная гарантія не можетъ быть разсматриваема, ибо она создастъ для должностныхъ лицъ возможность избѣжать уголовной отвѣтственности по основаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ задачами правосудія. Можно, не опасаясь преувеличенія, положиться на свидѣтельство отнюдь не тенденціознаго истолкователя преобра-

---

[1]) I. Гессенъ. Мѣстный судъ, Спб., 1910 г., стр. 31.

зованій, предпринятыхъ послѣ 19 февраля 1861 г., А. А. Головачева, по словамъ котораго, и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, въ офиціальныхъ бумагахъ о чиновникахъ, уличенныхъ въ казнокрадствѣ, не перестали встрѣчаться распоряженія въ такомъ родѣ: «Хотя такой-то и обвиняется въ томъ-то, но принимая во вниманіе его безпорочную въ продолженіе столькихъ-то лѣтъ службу, слѣдуетъ ограничиться денежнымъ взысканіемъ и уволить его отъ настоящей должности». Порядокъ административной гарантіи, нашедшій въ нашемъ правѣ такое широкое развитіе, какого онъ не получилъ ни въ одномъ западно-европейскомъ законодательствѣ[1]), въ дѣйствительности гарантировалъ у насъ для должностныхъ преступленій, по выраженію Н. В. Муравьева, впослѣдствіи министра юстиціи, «процессуальную неуловимость».

Составители Судебныхъ Уставовъ, повторяя въ этомъ случаѣ мотивы, которыми оправдывался декретъ французскаго учредительнаго собранія отъ 17 августа 1790 г., выводили административную гарантію изъ превратно истолкованнаго начала раздѣленія властей: «отдѣленіе административной власти отъ судебной,—говорится въ Журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта,—необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя».

Что въ дѣйствительности административная гарантія не можетъ быть оправдываема требованіемъ раздѣленія властей, теперь признано и министерствомъ юстиціи въ объясненіяхъ къ внесенному въ Государственную Думу проекту «объ измѣненіи порядка производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ по службѣ». Скорѣе, напротивъ, начало раздѣленія властей въ его современномъ пониманіи можетъ служить основаніемъ общаго, а не особаго порядка преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ. Изъ начала раздѣленія властей вытекаетъ требованіе, чтобы одна власть (точнѣе, органъ одной изъ трехъ видовъ дѣятельности государственной власти) не брала на себя выполненія дѣла, составляющаго право и обязанность другой, — т.-е. въ частности, чтобы судъ не правилъ, а администрація не-

---

[1]) Это офиціально признано въ «Объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства». Спб., 1900 г., т. IV, стр. 235.

судила и не отправляла бы функцій судебнаго характера (какъ преданіе суду); съ этой точки зрѣнія, административная гарантія, дающая администраціи возможность тормозить дѣло правосудія, представляется не выводомъ изъ начала раздѣленія властей, а, напротивъ, противорѣчіемъ ему.

Параллельно съ административной гарантіей въ уголовномъ процессѣ, Судебные Уставы установили и особый порядокъ «взысканія вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства». Порядокъ этотъ до крайности затрудняетъ привлеченіе должностныхъ лицъ къ гражданской отвѣтственности за неправомѣрныя, хотя и не преступныя, дѣйствія по службѣ — главнымъ образомъ, назначеніемъ чрезвычайно краткихъ сроковъ давности, по истеченіи которой право на искъ погашается, и установленіемъ для разсмотрѣнія исковъ «особыхъ присутствій», образуемыхъ на половину изъ административныхъ чиновниковъ, — въ томъ числѣ (въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ) и ближайшаго начальника того управленія, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ. Немудрено, что при этихъ условіяхъ, — при неизбѣжной до извѣстной степени, солидарности между должностными лицами одного и того же вѣдомства въ воззрѣніяхъ на свойства и предѣлы ихъ полномочій — административные чиновники на дѣлѣ пользуются почти полною безотвѣтственностью за причиняемые ихъ дѣйствіями частнымъ лицамъ убытки.

Эта, составляющая правило, изъ котораго жизнь знаетъ сравнительно немногія исключенія, безотвѣтственность должностныхъ лицъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и уголовномъ порядкѣ, имѣла, какъ сказано, самыя роковыя послѣдствія для строя правовыхъ и бытовыхъ отношеній между властью и обществомъ: отсутствіе должнаго уваженія къ закону и часто пренебрежительное обращеніе съ правами гражданъ — на сторонѣ власти, сознаніе своей беззащитности и отсутствіе убѣжденія въ силѣ права — на сторонѣ общества [1]).

Недостатокъ надлежаще обезпеченной отвѣтственности должностныхъ лицъ получилъ особое значеніе въ связи съ вызвавшимъ такъ много заслуженныхъ нареканій примѣчаніемъ къ ст. 1 уст. угол. судопр.

---

[1]) Указанія на эти послѣдствія существующаго порядка привлеченія должностныхъ лицъ къ отвѣтственности можно найти даже въ отчетахъ о ревизіи судебныхъ установленій, произведенной въ 1895 г.

Сохраненіе чрезмѣрно широкихъ полномочій администраціи.

Провозгласивъ въ текстѣ этой статьи, что судебное преслѣдованіе за преступленія невозможно безъ привлеченія къ отвѣтственности «въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава», законодатель тотчасъ же оговаривается въ примѣчаніи: «къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ законами». Примѣчаніе это явилось результатомъ пререканій, возникшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи предположенія сосредоточить всю полноту карательной власти въ рукахъ суда. Противъ этого предположенія послѣдовали возраженія со стороны принца Ольденбургскаго и графа Панина. Они полагали, что слѣдуетъ предоставить администраціи налагать наказанія, не передавая дѣла въ судъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація, не имѣя возможности представить доказательства вины подозрѣваемаго, въ то же время признаетъ оставленіе подозрѣваемаго на свободѣ опаснымъ для общества. Въ видѣ уступки оппозиціи принца Ольденбургскаго и графа Панина, большинство Государственнаго Совѣта, не раздѣлявшее ихъ мнѣнія, согласились признать право административной власти «принимать въ установленномъ закономъ порядкѣ мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ».

Противъ такого права администраціи по существу нельзя было бы возражать, но сопоставленіемъ въ примѣчаніи къ ст. 1 мѣръ предупрежденія и пресѣченія преступленій съ судебнымъ преслѣдованіемъ была открыта возможность сохранить и умножить всѣ тѣ постановленія, которыя даютъ администраціи право принимать самостоятельно и безконтрольно по отношенію къ различнымъ группамъ лицъ мѣры, по существу ничѣмъ не отличающіяся отъ наказанія. Такимъ образомъ, была уничтожена та преграда, которую составители Судебныхъ Уставовъ предполагали поставить для административныхъ репрессій противъ лицъ, только подозрѣваемыхъ въ преступленіи или даже лишь могущихъ совершить преступленіе, и въ то же время особые порядки привлеченія должностныхъ лицъ къ отвѣтственности закрѣпили условія, благодаря которымъ мѣры административной репрессіи могли быть осуществляемы даже съ превышеніемъ законныхъ предѣловъ, безъ большого риска для виновныхъ въ та-

комъ превышеніи должностныхъ лицъ понести наказаніе или отвѣтить въ гражданскомъ порядкѣ.

Особый порядокъ судопроизводства по преступленіямъ государственнымъ.

На ряду съ особымъ порядкомъ отвѣтственности должностныхъ лицъ другое важное изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства составляютъ правила о судопроизводствѣ по преступленіямъ государственнымъ. Дѣла о преступленіяхъ этого рода были уже «Основными положеніями» 1862 г. §§ 125 и 126 изъяты изъ вѣдѣнія суда съ присяжными засѣдателями и отнесены къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ представителей отъ сословій: дворянскаго, городского и крестьянскаго съ установленіемъ преимущества для перваго изъ этихъ сословій, въ качествѣ представителей котораго къ палатѣ присоединялись два предводителя дворянства[1]). Нельзя не удивляться искусственности тѣхъ соображеній, которыми въ мотивахъ къ ст. ст. 1030—1031 уст. угол. судопр. (изд. Госуд. Канц.) оправдывается исключительный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. «Хотя всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовнаго возбуждаетъ недовѣріе къ суду, котораго дѣйствія въ такомъ случаѣ обыкновенно истолковываются превратно, какъ предпринятыя будто не въ общихъ видахъ открытія истины, но не слѣдуетъ, однако, смѣшивать собственно порядка судопроизводства, въ смыслѣ тѣхъ судебныхъ формъ, посредствомъ коихъ устанавливается равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою, съ порядкомъ подсудности, въ которомъ всегда и вездѣ допускались различія не только территоріальныя, но также — по роду преступленій и проступковъ». Какъ будто подсудность не обусловливаетъ собою и «порядка судопроизводства», который въ судѣ съ присяжными засѣдателями уже тѣмъ рѣшительно отличается отъ суда съ сословными представителями, что въ первомъ присяжные засѣдатели разсматриваютъ вопросъ о виновности обвиняемаго самостоятельно и независимо отъ коронныхъ судей, тогда какъ во второмъ сословные представители рѣшаютъ тотъ же вопросъ совмѣстно съ коронными судьями и обычно, какъ показываетъ опытъ, подъ ихъ вліяніемъ, чѣмъ явно нарушается равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою, ибо въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ судьи и прокуроръ, будучи одинаково представителями ко-

---

[1]) Теперь послѣ закона 18 марта 1906 г. присоединяется лишь одинъ предорянства.

роны, интересы которой въ этого рода дѣлахъ всегда замѣшаны, связаны между собою весьма понятною солидарностью. Ничего не говоритъ въ пользу исключительной подсудности для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и ссылка на неизбѣжныя различія въ подсудности въ зависимости отъ рода преступленій: по общему правилу, эти различія устанавливаются, смотря по важности преступленій и тяжести угрожающихъ за нихъ наказаній; преступленія государственныя въ большинствѣ относятся къ тяжкимъ преступленіямъ, т.-е. именно къ тѣмъ, для которыхъ составителями Судебныхъ Уставовъ установленъ судъ съ присяжными засѣдателями, какъ представляющій наибольшія гарантіи справедливости приговора. Остается въ приведенномъ разсужденіи Государственнаго Совѣта справедливымъ только одно, а именно, что «всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовнаго возбуждаетъ недовѣріе къ суду».

Не вполнѣ удовлетворительный порядокъ замѣщенія судебныхъ должностей.

Изъ числа другихъ недостатковъ Судебныхъ Уставовъ заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ далеко не идеальный порядокъ замѣщенія судебныхъ должностей. Судебные Уставы установили для общихъ судебныхъ учрежденій порядокъ назначенія судей, для мирового суда — порядокъ выборовъ. Такое различіе имѣетъ за себя солидныя, хотя и не вполнѣ безспорныя, основанія, но условія назначенія въ первомъ случаѣ и выборовъ во второмъ въ томъ видѣ, въ которомъ они установлены Судебными Уставами, вызываютъ серьезныя возраженія. Хотя рекомендація кандидатовъ на должности членовъ окружного суда или судебной палаты (но не сената) предоставляется тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣется вакансія, но, во-первыхъ, эта рекомендація ни къ чему не обязываетъ министра юстиціи, представляющаго кандидатовъ къ назначенію Высочайшею властью и имѣющаго право устранить рекомендуемаго судомъ кандидата *безъ объясненія причинъ* [1]), и, во-вторыхъ, порядокъ рекомендаціи вовсе не примѣняется къ замѣщенію должностей предсѣдателей и товарищей предсѣдателей, т.-е. именно къ тѣмъ назначеніямъ, которыя могутъ обратиться въ рукахъ министра въ могущественное средство вліянія на судей. Независимость судей не обезпечивается одною ихъ несмѣняемостью; назначеніе и повышеніе судей могутъ быть также средствомъ и для оказанія давленія на

---

[1]) На необходимости объясненія министромъ причинъ устраненія кандидата настаивали нѣкоторые изъ составителей Судебныхъ Уставовъ.

ихъ совѣсть и убѣжденіе и для особенно желательнаго, въ односторонних видахъ администраціи, подбора судей, и это-то средство было всецѣло сохранено Судебными Уставами въ рукахъ министра юстиціи. Происходящая отсюда опасность для судейской независимости была отмѣчена, какъ при составленіи Судебныхъ Уставовъ, такъ и въ первыхъ же о нихъ отзывахъ, и притомъ не только представителями либеральнаго лагеря; такъ, сенаторъ К. Н. Лебедевъ, консерваторъ по убѣжденіямъ, отмѣчая впечатлѣніе, вызванное изданіемъ Судебныхъ Уставовъ, заноситъ вскорѣ послѣ 20 ноября 1864 г. въ своихъ запискахъ: «Судебное сословіе не получило предположенныхъ исключительности и независимости, и министръ сохраняетъ значительную степень вліянія непосредственно и черезъ Высочайшія утвержденія... Должно ожидать большого произвола въ первыхъ назначеніяхъ на замѣщеніе судебныхъ мѣстъ, и весьма можетъ статься, что назначенія эти совершатся самымъ одностороннимъ образомъ» [1]). Конечно, усмотрѣніе министра при первыхъ назначеніяхъ было неизбѣжно, но опасность произвола и односторонности при замѣщеніи судебныхъ вакансій не была предотвращена Судебными Уставами и на будущее время.

Что касается условій выбора мировыхъ судей, то худшее изъ нихъ заключалось въ требованіи отъ кандидатовъ въ мировые судьи довольно высокаго имущественнаго ценза (въ уѣздѣ обладаніе землей отъ 250 до 1600 въ зависимости отъ мѣстности или другимъ недвижимымъ имуществомъ стоимостью не менѣе 15.000 руб.). Когда были опубликованы «Основныя положенія преобразованія судебной части», то офиціозный, повидимому, авторъ статьи, посвященной ихъ разсмотрѣнію, въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» выражалъ пожеланіе, чтобы имущественный цензъ для мировыхъ судей былъ установленъ въ возможно менѣе значительномъ размѣрѣ: «въ противномъ случаѣ учрежденіе мировыхъ судей будетъ учрежденіемъ аристократическимъ и станетъ достояніемъ одного только дворянства и весьма немногихъ лицъ изъ городского сословія, владѣющихъ значительными недвижимыми имѣніями» [2]). Къ сожалѣнію, это соображеніе осталось безъ должнаго вниманія при окончательной редакціи Судебныхъ Уста-

---

[1]) Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева, въ «Русскомъ Архивѣ», 1911 г., № 5, стр. 153.

[2]) См. «Судебная реформа въ Россіи», въ «Журн. Мин. Юст.», 1862 г., октябрь, стр. 8.

вовъ, и были установлены высокія ставки имущественнаго ценза, могущія даже, какъ замѣчаетъ А. А. Головачевъ, внушить подозрѣніе (тотчасъ же, впрочемъ, имъ отвергаемое), что законъ имѣлъ въ виду хоть отчасти вознаградить мировымъ институтомъ землевладѣльцевъ за отошедшее отъ нихъ крѣпостное право [1]).

Но какъ ни серьезны были указанные и другіе недостатки Судебныхъ Уставовъ, они не составляли ихъ органической принадлежности. Для устраненія этихъ недостатковъ нужна была бы не переработка Судебныхъ Уставовъ въ цѣломъ, подобная той, которая была предпринята комиссіею 1894 г., а лишь измѣненіе отдѣльныхъ постановленій,—главнымъ же образомъ, отмѣна законовъ съ исключительнымъ характеромъ, устанавливающихъ privilegia odiosa и gratiosa, т.-е. изъятія изъ общаго правила въ пользу однихъ лицъ и во вредъ другимъ.

Благородные металлы не встрѣчаются безъ постороннихъ примѣсей. Ихъ очищаютъ, и тогда они пріобрѣтаютъ свой блескъ и свою высокую цѣнность. И задача законодателя должна была бы заключаться въ томъ, чтобы очистить заложенныя въ Судебныхъ Уставахъ золотыя начала правового порядка отъ примѣси чертъ, свойственныхъ полицейскому строю государственной жизни.

Законодатель, вмѣсто того, пошелъ путемъ изданія новеллъ, окончательно засорившихъ Судебные Уставы и самымъ пагубнымъ образомъ отразившихся на нашей судебной практикѣ. Но ознакомленіе съ этими новеллами не входитъ въ нашу задачу. Ихъ исторія была бы исторіей не судебной реформы, а нашего попятнаго движенія въ трудномъ дѣлѣ устроенія правосудія.

Н. Полянскій.

---

[1]) А. А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ, Спб. 1872 г., стр. 336.

Земскія учрежденія.

I.

Земское устройство до реформы 1864 г.

Еще задолго до отмѣны крѣностного права общественная мысль, ясно сознавъ, что язва рабовладѣнія разъѣдаетъ народный организмъ, начала усиленно работать надъ разрѣшеніемъ великой очередной задачи. Тѣмъ временемъ и жизнь, продолжая усложняться, неустанно подтачивала корни крѣпостного права. И вотъ мы видимъ, что въ теченіе всей первой половины XIX ст. правительственная власть не перестаетъ искать выхода, который, идя навстрѣчу назрѣвшей потребности, въ то же время возможно меньше нарушалъ бы интересы владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ.

Крѣпостное право проникало собою весь строй общественной и государственной жизни; начало сословности—съ безгласностью однихъ и всевластіемъ другихъ—являлось исходнымъ пунктомъ всей общественной и государственной организаціи. Поэтому, когда государственная власть была поставлена въ необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ вопроса объ ослабленіи или даже устраненіи крѣпостного гнета, передъ нею выдвинулась задача реформировать также и строй управленія, въ частности *мѣстное управленіе*. И дѣйствительно, уже съ начала XIX ст. дѣлается рядъ попытокъ относительно преобразованія мѣстныхъ учрежде-

Пособія: *Н. Авиновъ.* Опытъ программы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. *В. Гессенъ.* Вопросы мѣстнаго управленія. *Г. Джаншіевъ.* Изъ эпохи великихъ реформъ. *Б. Веселовскій.* Исторія земства, 4 т. *А. А. Кизеветтеръ.* Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. *Н. И. Іорданскій.* Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. *С. Ю. Витте.* Самодержавіе и земство. *В. И. Чарнолускій.* Земство и народное образованіе. *И. Озеровъ.* Земское обложеніе и въ чемъ должна состоять его реформа. *Русская* земская медицина, сборн. Осипова, Попова и Куркипа.

ній, при чемъ соотвѣтственно наибольшей заинтересованности государства главное вниманіе было обращено на упорядоченіе податной части, на отправленіе *земскихъ повинностей* [1]). «Потребность въ правильномъ и удобномъ исполненіи земской повинности, — говорится въ запискѣ къ проекту земскаго Положенія 1864 г., — была первымъ поводомъ къ тому, чтобы призвать къ участію въ этомъ дѣлѣ представителей мѣстнаго населенія».

При существованіи крѣпостного права, при безправности массы податного населенія, естественно приходилось обращаться, главнымъ образомъ, къ дворянству и строить мѣстное управленіе на основѣ сословной исключительности. Уже съ XVIII ст. стремленіе государственной власти итти въ этомъ направленіи намѣтилось вполнѣ опредѣленно [2]). Съ начала же XIX ст. попытки привлечь представителей «мѣстнаго населенія къ устройству *хозяйственныхъ* дѣлъ губерніи» становятся особенно настойчивыми. Указомъ 24 іюля 1802 г., констатировавшимъ «неуравнительность раскладокъ и произвольность ихъ взысканій», Сенату было повелѣно выработать «единообразное и общее о повинностяхъ Положеніе».

Положеніе 1805 и 1851 г.

Съ этого времени надъ рѣшеніемъ данной задачи непрестанно работаютъ разныя комиссіи. Между прочимъ, выработанное Сенатомъ «Предварительное Положеніе» о земскихъ повинностяхъ въ 1805 г. получило силу закона; съ небольшими измѣненіями оно просуществовало до 1851 г., легши затѣмъ въ основу Устава 1851 г. При Николаѣ I работы возобновились, при чемъ руководящимъ началомъ для нихъ служили слова резолюціи государя отъ 3 мая 1826 г. относительно того, что «лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть жители, ибо они ближе знаютъ, гдѣ, кто и что самъ можетъ исправить деньгами,—гдѣ, кто и что самъ собою, своими руками, своею лошадью».

Комиссіи при Николаѣ I.

Но дальше палліативовъ законодательство Николая I не пошло. При немъ были учреждены уѣздныя (1833 г.) и губернскія (1849 г.) дорожныя комиссіи, уѣздныя квартирныя (1840 г.) и губернскія строительныя (1849 г.) комиссіи, а также «комиссіи народнаго продовольствія» (1834 г.). На ряду съ этими наслаивавшимися институтами продолжали существовать екатерининскіе «при-

[1]) Къ числу земскихъ повинностей были отнесены: повинность на починки дорогъ, доставка подводъ для чиновъ полиціи, воинскихъ командъ, арестантовъ и т. д.

[2]) См. ст. *М. М. Богословскаго* въ «Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени», т. II.

казы общественнаго призрѣнія» и нѣсколько видоизмѣненные «комитеты земскихъ повинностей».

«Въ основѣ всѣхъ указанныхъ попытокъ реформировать хозяйственное управленіе въ періодъ послѣ 1805 г., — читаемъ въ запискѣ къ проекту земскаго Положенія 1864 г.,—замѣтно преобладаетъ стремленіе дать этому управленію мѣстный представительный характеръ, но это направленіе не служило безусловнымъ руководствомъ. Признавая необходимость ввести мѣстное самоуправленіе, законодательство вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняло это устройство контролю правительственныхъ властей и подробно регламентаціи, опредѣлявшей всѣ частности».

Безплодность попытокъ частичной реформы земскаго управленія.

Эта чрезмѣрная регламентація, при узкосословной организаціи «комиссій» и «комитетовъ», приводила къ тому, что предпринимавшіяся реформы оставались безплодными и не вносили улучшенія въ мѣстное хозяйственное управленіе; по официальному признанію, дѣйствительная власть продолжала находиться въ рукахъ канцелярій и второстепенныхъ исполнительныхъ агентовъ власти, «а земское хозяйство попрежнему оставалось на положеніи «домашняго хозяйства исправника», являлось «безгласнымъ и безконтрольнымъ».

Такой крѣпостной характеръ административно-хозяйственнаго управленія былъ тѣсно связанъ со всѣмъ укладомъ жизни дореформеннаго времени [1]) и могъ быть измѣненъ лишь съ паденіемъ крѣпостного права.

II.

Работы по составленію Положенія 1864 г.

Работы по составленію земскаго Положенія начались вслѣдъ за изданіемъ указа 25 марта 1859 г., сосредоточились сперва въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, которой было преподано исходить изъ признанія необходимости «предоставить хозяйственному управленію въ *уѣздѣ* большее единство, большую самостоятельность и большее довѣріе».

Дворянство — въ самыхъ различныхъ его слояхъ — отнеслось недовѣрчиво къ трудамъ комиссіи, работавшей въ тиши канцелярій и отвергнувшей мысль о содѣйствіи мѣстныхъ людей. Бро-

[1]) Весьма характернымъ представляется фактъ, отмѣченный въ 1862 г. на Херсонскомъ дворянскомъ собраніи: однажды г. Очаковъ прислалъ въ Херсонъ для составленія земской раскладки своего депутата по этапу.

женіе въ средѣ дворянства еще усилилось, когда нѣкоторыя предположенія комиссіи стали немедленно проводиться въ жизнь. Таково было, напр., преобразованіе 16 іюня 1859 г. полицейской и слѣдственной части, которымъ увеличена власть губернаторовъ, а дворянство лишено права выбирать «земскихъ исправниковъ». Это недовольство рѣзко проявилось осенью 1859 г. среди депутатовъ, призванныхъ въ редакціонную комиссію, по крестьянскому дѣлу. «Слухи на счетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія, полиціи и суда,—писалъ А. И. Кошелевъ,— сильно волновали членовъ губернскихъ комитетовъ... А потому неудивительно, что депутаты въ своихъ замѣчаніяхъ дозволяли себѣ самыя рѣзкія выходки противъ чиновничества»...

Депутаты редакціонной комиссіи имѣли возможность высказать свои взгляды на мѣстную реформу лишь путемъ подачи записокъ. Особенной обстоятельностью отличалась записка тверского предводителя дворянства А. М. Унковскаго, указывавшаго на то, что «новое устройство управленія является въ Россіи первою и главною потребностью». «Вся жизнь народа, — писалъ онъ, — взята подъ опеку правительства. Нѣтъ ни одной мелочи, безусловно довѣренной самому народу... Народъ не смѣетъ нанять общими средствами одной подводы или лачужки для исполненія подводной или квартирной повинности; не можетъ починить дряннаго мостика, даже не имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты... Вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную въ степень государственнаго устройства».

Столь же опредѣленно высказывался и рязанскій депутатъ А. И. Кошелевъ, при этомъ онъ указывалъ на то, что «мѣстная общественная дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій», хотя «дворянство, классъ самый образованный и какъ главный землевладѣлецъ, долженъ для блага всего края сохранить преимущественный голосъ».

Мнѣнія, высказанныя А. М. Унковскимъ и А. И. Кошелевымъ, раздѣлялись большинствомъ депутатовъ. Среди послѣднихъ была небольшая средина дворянъ, которая не расходилась съ либеральной частью въ критикѣ дореформенныхъ порядковъ, но которая всѣ взоры свои направляла въ сторону усиленія дворянскаго господства, при томъ не только въ мѣстной жизни, но и въ государственной. «Удостой призвать, государь, къ подножію престола твоего нарочито избранныхъ представителей отъ дворянства, — писалъ, между прочимъ, во всеподданнѣйшемъ адресѣ

симбирскій представитель Шидловскій, — и кончи хоть личнымъ твоимъ, государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія твоего».

Отвѣтомъ на эти заявленія послужили репрессіи: нѣкоторые депутаты получили замѣчаніе, другіе—«внушеніе», а Унковскій и Шидловскій были отданы подъ надзоръ губернаторовъ.

Работы продолжались чисто бюрократически, и всякая мысль объ обращеніи за содѣйствіемъ къ обществу отвергалась, такъ какъ, по мнѣнію министра вн. дѣлъ Ланского, «общія и поверхностныя указанія частныхъ лицъ на недостатки административнаго устройства... не заслуживаютъ вниманія».

23 октября 1859 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о выработкѣ проекта и *губернской* реформы земско-хозяйственныхъ учрежденій.

Въ концѣ 1860 г., въ видѣ уступки, нѣкоторымъ дворянскимъ собраніямъ было разрѣшено высказать соображенія, между прочимъ, и «о губернскихъ земскихъ повинностяхъ» и «устройствѣ управленія ими». Но обсужденіе было поставлено администраціей въ тѣсныя рамки и не внесло успокоенія. Недовольство продолжало нарастать, достигнувъ высшаго пункта къ началу 1862 г., когда, съ одной стороны, тверское дворянство (3 февраля) выступило съ конституціоннымъ адресомъ, а съ другой — громко зазвучали голоса крупно-помѣстнаго крѣпостническаго дворянства (гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, А. П. Платоновъ, Безобразовы и др.) объ усиленіи привилегій дворянства, какъ въ области государственнаго управленія, такъ и въ мѣстной жизни, — насчетъ власти чиновничества.

Комиссія Валуева.

Между тѣмъ въ концѣ апрѣля 1861 г. Ланской и Милютинъ получили отставку; министромъ вн. дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ, въ рукахъ котораго и сосредоточились дальнѣйшія работы по земской реформѣ. Общія условія для проведенія земской реформы измѣнились къ худшему. «Слово земство, — писала 26 января 1862 г. великая княгиня Елена Павловна Н. А. Милютину, — наводитъ страхъ въ высшихъ сферахъ». Страхъ этотъ питался тѣмъ конституціоннымъ движеніемъ среди дворянства, о которомъ рѣчь была выше.

Первымъ шагомъ Валуева явилось предложеніе губернскимъ предводителемъ въ январѣ 1862 г. не допускать «вмѣшательства дворянства въ обсужденіе вопросовъ, его вѣдѣнію и разсмотрѣнію не подлежащихъ». Въ мартѣ 1862 г. послѣдовало вторичное

напоминаніе. Съ этого времени дворянскія собранія проходятъ глуше и почти не касаются даже общихъ основаній реформы.

Въ основу работъ комиссіи по выработкѣ земскаго Положенія легъ всеподданнѣйшій докладъ Валуева отъ 22 марта 1861 г., который, по замѣчанію Джаншіева, «производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло... не объ ограниченіи всемогущей бюрократіи..., а о защитѣ ея отъ чрезвычайныхъ притязаній всесильнаго самоуправленія».

Отношеніе общества къ акту 1 января 1864 г.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что проектъ Валуева въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ давалъ больше, чѣмъ проектъ Милютина и чѣмъ утвержденное 1 января 1864 г. земское Положеніе [1]).

Общество, ожидавшее отъ работъ Валуевской комиссіи едва не ликвидаціи возвѣщенныхъ принциповъ самоуправленія, встрѣтило актъ 1 января весьма благожелательно — въ лицѣ различныхъ представителей, начиная славянофиломъ И. С. Аксаковымъ и кончая Н. В. Шелгуновымъ, который впослѣдствіи характеризовалъ первый годъ отношенія общества къ земству, какъ періодъ «восторженности».

III.

Введеніе земства.

Введеніе земства началось съ февраля 1865 г. и въ 60-хъ годахъ коснулось 31 губерніи и въ 1870 — 75 гг. — 3-хъ [2]). *Мысль о распространеніи земства на окраинныя губерніи была отвергнута,* въ виду того, какъ формулировалъ проф. Градовскій, что «введеніе въ этихъ мѣстностяхъ настоящаго самоуправленія дало бы легальную жизнь... враждебнымъ для насъ

---

[1]) Согласно проекту Валуева избирательныя права представлялись не только собственникамъ недвижимаго имущества, но и арендаторамъ, земскому собранію представлялся выборъ предсѣдателя собранія (по закону предсѣдателемъ является предводитель дворянства) и т. д.

[2]) Въ 1876 г. земство было введено еще въ области Войска Донского, но въ 1882 г. оно уничтожено тамъ. Въ 1865 г. земство было введено въ Самарской, Пензенской, Костромской, Новгородской, Херсонской, Псковской, Курской, Ярославской, Полтавской, Черниговской, Московской, Харьковской, Казанской, Петроградской, Рязанской, Воронежской, Калужской, Тамбовской и Нижегородской (съ марта по декабрь). Въ 1866 г. — въ Смоленской, Тверской, Тульской, Симбирской, Орловской, Владимірской, Саратовской, Екатеринославской и Таврической. Въ 1867 г. — въ Вятской и Олонецкой. Въ 1869 г. — въ Бессарабской, въ 1870 г.— въ Вологодской и Пермской, въ 1875 г.— въ Уфимской г.

(національнымъ Б. В.) началамъ... Попеченіе правительства въ такихъ мѣстностяхъ естественно должно быть направлено къ поддержанію русскихъ началъ, а не къ развитію земскихъ учрежденій».

Общій характеръ Положенія 1864 г.

Составители Положенія 1864 г. стремились поставить земство обособленно, всячески предотвратить возможность вторженія ихъ въ кругъ вѣдѣнія администраціи. Земствамъ была *предоставлена лишь область «мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ»* и сами они, по замѣчанію В. П. Безобразова, не были введены въ общій строй государственныхъ установленій, а наставлены особо, какъ «отдѣльныя государственно-общественныя тѣла». Но законодатель имѣлъ передъ собой одну изъ основныхъ задачъ — упорядочить отправленіе столь существенныхъ для государства повинностей, какъ дорожная, этапная, подводная и т. д. Въ виду этого въ Положеніе было *введено дѣленіе повинностей на обязательныя и необязательныя* для земства; перваго рода повинность распространяется на тѣ «предметы, которые, составляя потребность преимущественно мѣстныхъ жителей, имѣютъ въ то же время и государственное значеніе». Болѣе точнаго опредѣленія «обязательныхъ» повинностей законъ не даетъ, ограничиваясь лишь перечисленіемъ ихъ [1]), и такимъ образомъ *земства съ самаго начала были поставлены въ двойственное положеніе*, въ зависимость отъ агентовъ администраціи, такъ какъ сами они были лишены права непосредственнаго приведенія въ исполненіе своихъ постановленій. Этотъ пробѣлъ особенно давалъ себя чувствовать при взысканіи податей, когда земская касса оказывалась въ полной зависимости отъ распорядительности чиновъ полиціи, а также при веденіи продовольственнаго страхового дѣла и т. д.

Далѣе слѣдуетъ сказать, что изъ вѣдѣнія земствъ искусственно были устранены многіе предметы,—столь же искусственно, какъ и само *дѣленіе потребностей на мѣстныя и государственныя*.

Для всего Положенія 1864 г. характерно, между прочимъ, то, что указаніе на право земства заботиться о народномъ образованіи сперва не было даже включено, а затѣмъ,—уже при разсмо-

---

[1]) Къ числу обязательныхъ для земства повинностей были отнесены расходы на мѣстное гражданское управленіе (крестьянскія присутствія, на земскихъ начальниковъ, на мировыхъ судей, арестные дома, на доставленіе лошадей полицейскимъ чинамъ и судебнымъ слѣдователямъ и т. д.).

треніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ,—такое указаніе было сдѣлано, но ограничительно: земства имѣютъ право вѣдать лишь *хозяйственную* сторону школы, не касаясь педагогической.

Финансы земства.

Крайне существеннымъ представляется также и то, что финансы земскихъ учрежденій съ самаго начала были поставлены въ крайне ненормальныя условія, и съ теченіемъ времени, несмотря на многочисленныя ходатайства земствъ, несмотря на все возраставшія требованія, которыя жизнь предъявляла къ культурной дѣятельности земства,—ихъ источники обложенія не только не расширялись, но даже подвергались ограниченію. Какъ въ 60-хъ годахъ, такъ и теперь, несмотря на значительное развитіе торговли и промышленности, центръ земскаго бюджета покоится на обложеніи земель, лѣсовъ и отчасти городскихъ недвижимыхъ имуществъ.

Наслѣдіе крѣпостной эпохи.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть, что земскія учрежденія были снабжены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣлыми нормами, пережиткомъ крѣпостной эпохи. Такъ, имъ было передано продовольственное дѣло, построенное на уставѣ 1835 г. (дѣйствуетъ донынѣ); они получили въ свое распоряженіе также «временный уставъ о земскихъ повинностяхъ», перешедшій съ небольшими измѣненіями изъ дореформенной эпохи и опять-таки сохранившій въ общемъ свою силу и до сихъ поръ; земствамъ поручились заботы объ уѣздныхъ, губернскихъ и т. п. дорогахъ, проселочныя же дороги подчинялись и подчиняются вѣдѣнію полиціи и т. д.

Сравненіе Положенія 1864 и 1890 г.

Въ 1890 г. земскія учрежденія были реформированы, при чемъ въ общемъ Положеніе 1864 г., по сравненію съ замѣнившимъ его Положеніемъ 1890 г., отличается выгодно во многихъ отношеніяхъ. Согласно ему надзоръ губернатора не распространяется на цѣлесообразность дѣйствій земства (соотвѣтствіе ихъ «мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ»), а ограничивается наблюденіемъ за законностью таковыхъ; выборные и наемные служащіе управъ не подлежали утвержденію администраціи, для преданія суду управъ требовалось постановленіе земскаго собранія, тогда какъ теперь это совершается административнымъ путемъ; земскія собранія имѣли право повѣрки полномочій гласныхъ, теперь и эта функція находится въ рукахъ администраціи.

Не меньшее отличіе существуетъ и въ организаціи земскаго представительства по Положенію 1864 г. и нынѣ дѣйствующему (1890 г.). Согласно Положенію 1864 г. выборы уѣздныхъ гласныхъ производились на съѣздахъ: 1) землевладѣльцевъ, 2) горожанъ

и 3) выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. Избирательное право въ *съѣздѣ землевладѣльцевъ* предоставлялось собственникамъ земли, не ниже опредѣленнаго количества, и владѣльцамъ иного рода имуществъ, оцѣненнаго не менѣе, чѣмъ въ 15 т. р., или предпріятія съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6 т. р. *На сельскихъ съѣздахъ* участвовали выборщики отъ волостныхъ сходовъ, — по расчету не болѣе $^1/_3$ общаго числа домохозяевъ, правомочныхъ къ участію въ волостномъ сходѣ (т.-е. «десятидворные»), и не менѣе, чѣмъ по 1 отъ каждаго сельскаго общества. Крестьяне могли выбирать въ гласные и землевладѣльцевъ. Въ съѣздахъ *городскихъ избирателей* участвовали лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, владѣльцы предпріятій съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6000 р., владѣльцы недвижимой собственности, оцѣненной для налога въ 500—3000 р. (смотря по размѣрамъ города), и повѣренные отъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ, компаній и т. д.

Губернскіе гласные избирались изъ среды уѣздныхъ, на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Полномочія уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ ограничивались 3-лѣтнимъ срокомъ. Уѣздныя и губернскія собранія выбирали исполнительные органы—*управы*.

Организація земскаго представительства по Положенію 1864 г. въ основѣ соотвѣтствовала пожеланіямъ, высказаннымъ дворянскими собраніями 1860—62 гг. Она вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворила и передовые круги общества. Лишь проф. В. Н. Лешковъ въ принципѣ разошелся съ началами реформы, построенной на имущественномъ цензѣ. «Требованіе владѣнія имуществомъ... для участія въ земскихъ учрежденіяхъ,—писалъ онъ,—есть аномалія».

Положеніе 1864 г. и общество.

Такое отношеніе общества проистекало въ общемъ изъ того, что Положеніе 1864 г. въ организаціи земскаго представительства довольно точно отражало соотношеніе силъ, какое наблюдалось тогда въ общественной жизни. Положеніе 1864 г. открывало просторъ для дѣятельности помѣстнаго дворянства—наиболѣе культурно и политически сложившагося слоя. Правда, оно оставляло внѣ земства неимущіе слои интеллигенціи, но, во-первыхъ, эта интеллигенція въ то время не проявляла замѣтнаго тяготѣнія къ земству, а во-вторыхъ, она была сравнительно немногочисленна и сосредоточивалась въ немногихъ крупныхъ центрахъ. Нарожденіе широкихъ слоевъ провинціальной интеллигенціи—явленіе бо-

лѣе поздняго времени; оно находится въ значительной мѣрѣ въ связи съ расширеніемъ и развитіемъ земскаго дѣла.

Далѣе, что касается крестьянства, то оно въ 60-хъ годахъ и долго спустя не являлось активнымъ работникомъ въ земствѣ и не претендовало, за немногими исключеніями, на болѣе видное мѣсто. Наконецъ представители городского населенія, которымъ реформа 1864 г. отвела скромную роль, также, по своему общественному вѣсу, едва ли могли претендовать въ то время на большее.

Въ дальнѣйшемъ жизнь измѣнялась и усложнялась. Дворянство усиленно ликвидировало свои помѣстья—земскіе цензы, нарождалась промышленная буржуазія, появился «третій элементъ»—нецензовая провинціальная интеллигенція и т. д. и т. д. Все это не могло не отражаться на земской жизни, заставляя ее перерастать мѣстныя рамки полусословнаго Положенія 1864 г. и чисто сословнаго положенія 1890 г.

Измѣненія, внесенныя земствомъ въ земское Положеніе въ 1890 г.

Закономъ 1890 г. въ организацію выборовъ внесены слѣдующія измѣненія: число гласныхъ — губернскихъ и уѣздныхъ — сильно сокращено, при чемъ значительный перевѣсъ представленъ дворянству; крестьяне стали выбирать лишь кандидатовъ въ гласные — притомъ не на съѣздахъ, а на волостныхъ сходахъ; эти кандидаты получали затѣмъ утвержденіе администраціи, крестьяне лишились права выбирать гласными землевладѣльцевъ. Затѣмъ — и это одно изъ существенныхъ — избиратели были раздѣлены на 3 куріи: дворянскую, крестьянскую и разночинную, т.-е. на сословныя куріи, вмѣсто прежнихъ двухъ территоріально-имущественныхъ и одной сословной. Наконецъ духовенство лишилось избирательныхъ правъ, вмѣсто чего нынѣ на земскихъ собраніяхъ присутствуетъ назначаемый епархіальнымъ начальствомъ депутатъ духовнаго вѣдомства.

Земельный цензъ въ большинствѣ уѣздовъ въ 1890 г. былъ нѣсколько пониженъ.

Составъ гласныхъ по закону 1864 г. и 1890 г.

Общее число губернскихъ гласныхъ въ 1890 г. сократилось съ 2.284 до 1.618 (въ 34 губерніяхъ), а *уѣздныхъ* — съ 5.073 до 3.174, при чемъ по сословіямъ произошли такія измѣненія:

---

[1]) Высочайшимъ указомъ 5 октября 1906 г. установленъ новый порядокъ: выборные отъ волостныхъ сходовъ избираютъ изъ своей среды гласныхъ на общемъ уѣздномъ съѣздѣ.

Годы.	Дворяне и чиновники. Число уѣзд. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Число губ. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Крестьяне. Число уѣзд. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Число губ. гласныхъ. Абсол.	Въ %%
1885 . . .	5595	42.4	1862	81.6	5073	38.5	157	6.8
1891 . . .	5647	55.2	1448	89.5	3174	31.0	29	1.8

Годы.	Разночинцы. Число уѣзд. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Число губ. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Духовенство. Число уѣзд. гласныхъ. Абсол.	Въ %%	Число губ. гласныхъ. Абсол.	Въ %%
1885 . . .	2223	16.9	225	11.2	305	2.2	10	0.4
1891 . . .	1415	13.8	141	8.7	—	—	—	—

Закономъ 1864 г. *земствамъ ввѣрялись дѣла, относящіяся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ,* именно: устройство и содержаніе дорогъ, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, страхованіе отъ огня, завѣдываніе благотворительными заведеніями и проч. мѣры призрѣнія, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, участіе въ попеченіи о народномъ здравіи, народномъ образованіи и о тюрьмахъ, назначеніе, раскладка и взиманіе земскихъ сборовъ.

Компетенція земства.

Закономъ 1890 г. *компетенція* земствъ нѣсколько расширена, предоставленіемъ имъ права издавать обязательныя постановленія по ряду предметовъ (ст. 108) — санитарныхъ и др. Но *самостоятельность* земствъ этимъ закономъ подверглась значительному стѣсненію: губернатору былъ представленъ надзоръ не только за законностью, но и за цѣлесообразностью дѣйствій земскихъ учрежденій, при чемъ были учреждены (1892 г.) особыя административныя инстанціи при губернаторѣ, въ видѣ *губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій,* разсматривающіе протесты губернатора по постановленію земскихъ собраній, жалобы частныхъ лицъ на земство и т. д. Въ качествѣ высшей инстанціи остался попрежнему Сенатъ. Ограниченіе въ 1890 г. было проведено такъ далеко, что нынѣ земства составляютъ лишь

проекты смѣты, утверждаемые губернаторомъ. Точно такъ же и всѣ постановленія земскихъ собраній получаютъ силу лишь по утвержденіи ихъ губернаторомъ.

IV.

Условія земской дѣятельности въ 60-хъ годахъ.

Когда земскія учрежденія приступили къ работѣ, они встрѣтили передъ собою весьма трудную задачу; имъ предстояло насаждать культуру въ странѣ, дотолѣ пребывавшей во мракѣ крѣпостного состоянія. Ни школъ, ни медицинской помощи, ни вообще культурныхъ начинаній въ деревнѣ дореформеннаго времени не существовало. Приходилось начинать все самостоятельно, закладывать фундаментъ. Трудность задачи усугублялась еще рядомъ причинъ внутренняго и внѣшняго характера. Въ наличности почти не было работниковъ, приходилось думать о *созданіи кадровъ земскихъ учителей, врачей* и т. д.; сами гласные не имѣли еще навыка въ веденіи общественныхъ дѣлъ, при чемъ крестьянство, забитое крѣпостнымъ безправіемъ, относилось къ земству индиферентно. Среди дворянства еще были сильны преданія крѣпостной эпохи, и въ массѣ своей оно продолжало смотрѣть на крестьянъ, какъ на объектъ для воздѣйствій, а не какъ на активную силу въ земствѣ. Съ другой стороны, земствамъ были предоставлены весьма скудныя средства, тогда какъ отъ нихъ требовались крупные расходы на «обязательныя», нужныя для администраціи, потребности, какъ то: на содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія (крестьянскихъ присутствій, а впослѣдствіи земскихъ начальниковъ), мировыхъ судей, дорогъ, подводной повинности, воинской-квартирной и т. д. На эти *обязательные расходы* земства ассигновали: въ 1868 г.—9.266 т. р., или 63_6% всей смѣты, а въ 1880 г.—15.060 т. р., или 43_0%.

Помимо всего этого, земства почти съ первыхъ же шаговъ натолкнулись на ограниченія и стѣсненія со стороны администраціи. Значительная часть недоразумѣній возникала благодаря той двойственности положенія, въ которое были поставлены земства, не введенныя въ общій строй государственныхъ установленій, не снабженныя полнотой власти, нужной имъ въ качествѣ органовъ публичной власти на мѣстахъ.

Но кромѣ того, давало себя чувствовать и то недовѣрчивое отношеніе, которое возникло къ земству въ правящихъ сферахъ еще въ періодъ выработки земскаго Положенія.

Это недовѣріе питалось оппозиціонными стремленіями, проявленными кое-гдѣ въ земствахъ на первыхъ порахъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить столкновеніе администраціи съ С.-Петербургскимъ земствомъ, въ результатѣ чего послѣдовала пріостановка дѣятельности земскихъ учрежденій С.-Петербургской губерніи (на 1 годъ) и карательныя мѣры по отношенію руководителей земства— Н. Ѳ. Крузе и гр. А. П. Шувалова.

Вскорѣ затѣмъ (13 іюня 1867 г.) былъ изданъ законъ, устанавливавшій цензуру губернатора для земскихъ изданій, усиливавшій отвѣтственность и власть предсѣдателей земскихъ собраній (предводителей дворянства); вмѣстѣ съ тѣмъ земствамъ разныхъ губерній было воспрещено сноситься другъ съ другомъ.

V.

Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, которую преслѣдовало правительство, вводя земство, было стремленіе упорядочить отбываніе всевозможныхъ повинностей (дорожной, подводной, этапной и т. д.); неурегулированность ихъ сильно вредила государственнымъ интересамъ и до крайности отягощала «податныя сословія». По офиціальному свидѣтельству (1862 г.) тяжесть натуральныхъ повинностей ложилась на массы населенія не меньшимъ бременемъ, чѣмъ крѣпостное право, и отмѣна *натуральныхъ повинностей*, переложеніе ихъ на деньги, съ привлеченіемъ къ несенію этихъ повинностей въ сословія, — разсматривалась тогда какъ продолженіе освободительной реформы. Насколько остро въ то время стоялъ данный вопросъ, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, заявленія гласныхъ-крестьянъ въ первыхъ земскихъ собраніяхъ. Это почти единственный вопросъ, заставившій вначалѣ гласныхъ крестьянъ выйти изъ пассивнаго состоянія. Во многихъ собраніяхъ предложенія объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей исходили именно отъ крестьянъ, нерѣдко встрѣчая рѣшительную оппозицію со стороны дворянъ [1]). «Дай Богъ, — писалъ въ 1869 г.

Первые шаги земства.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дабы помѣшать переложенію натуральныхъ повинностей въ денежныя, дворяне, пользуясь своимъ господствующимъ положеніемъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, зачисляли эти повинности въ разрядъ губернскихъ. Въ связи съ этимъ гласный Д. Ѳ. Самаринъ говорилъ, между прочимъ, на Сибирскомъ губ. земскомъ собраніи (1867 г.): «въ уѣздныхъ собраніяхъ интересы личныхъ землевладѣльцевъ подавлены, но зато они преобладаютъ въ Губернскихъ собраніяхъ». На обязанности послѣднихъ лежитъ «возстанавливать нарушаемую уѣздными земствами справедливость».

бар. Н. А. Корфъ, которому лично приходилось вести безуспѣшную борьбу въ Екатеринославскомъ земствѣ въ пользу переложенія повинностей, — чтобы земскія учрежденія... пришли, наконецъ, къ заключенію, что только равномѣрное распредѣленіе налоговъ... можетъ повести къ общему, прочному благосостоянію...»

Въ результатѣ всѣхъ вышеуказанныхъ соображеній рядъ земствъ, въ періодъ подъема настроенія (1865 — 67 гг.), поспѣшилъ переложить натуральныя повинности съ крестьянъ на общій земскій сборъ. Къ тому же во многихъ мѣстахъ такая мѣра вызывалась и непосредственными интересами не только крестьянъ, но и землевладѣльцевъ господствовавшаго въ земствѣ элемента,— такъ какъ ею привлекались къ налогу казенныя земли и торговопромышленныя предпріятія, землевладѣльцы не освобождались отъ обязанности поставлять для починки дорогъ не вездѣ дешево стоившій лѣсной матеріалъ. Въ общемъ къ 1869 г. бремя натуральныхъ повинностей (не считая починки проселочныхъ дорогъ и многихъ другихъ, падавшихъ и падающихъ по закону исключительно на крестьянъ) было снято съ крестьянъ на 30%: земства ассигновали въ среднемъ около 102 т. р. на губернію, при общей стоимости повинностей свыше 344 т. р.

Съ конца 60-хъ годовъ переложеніе натуральныхъ повинностей почти пріостановилось. «Многія уѣздныя собранія,—писала, между прочимъ, Новгородская губ. управа, — сожалѣютъ о полномъ переводѣ дорожной повинности на денежную», сожалѣютъ, что «сдѣлали ошибку..., отяготили себя по неопытности».

Раскладка земскихъ повинностей.

Не менѣе важная задача встала съ самаго начала передъ земствами и въ дѣлѣ установленія уравнительныхъ оцѣнокъ для раскладки земскихъ сборовъ. Здѣсь пришлось столкнуться земствамъ прежде всего съ новизной дѣла, къ тому же крайне сложнаго. Не меньшую роль играла также заинтересованность господствовавшаго въ земствѣ элемента, т.-е. дворянъ-помѣщиковъ. И мы видимъ, что земскія раскладки лишь много времени спустя, когда были вызваны къ жизни *земскія статистическія бюро*, стали выравниваться; вначалѣ же переобложеніе крестьянскихъ земель было весьма значительнымъ. Такъ, въ среднемъ земскій налогъ на десятину составлялъ (въ копейкахъ):

Земли:	1868 г.	1870 г.	1875 г.	1880 г.
Надѣльпыя	$6^4/_5$	$11^1/_3$	$14^1/_2$	$15^3/_5$
Остальныя	$6^2/_5$	7	$6^1/_5$	$7^2/_5$

Одно изъ немногихъ исключенiй для того времени представляетъ Новоторжское земство, Тверской губернiи, понизившее въ 1870 г. обложенiе надѣльныхъ земель на 23 — 30% по сравненiю съ частными (а ранѣе онѣ облагались выше на 42%) въ виду того, земли крестьянъ хуже и больше обременяли податями.

Народное образованiе.

Какъ мы сказали, до земства въ деревняхъ школъ почти не было. Земства приступили къ насажденiю *народнаго образованiя*, не имѣя передъ собой опыта. При этомъ губернскiя земства сосредоточили вниманiе на подготовкѣ учителей (путемъ спецiальныхъ школъ, — въ 1869 г. основана первая земская учительская семинарiя въ Новгородѣ, по программѣ земства, — и педагогическихъ курсовъ), а уѣздныя стали выдавать пособiе крестьянамъ на устройство школъ.

Вначалѣ руководящiе земскiе круги полагали, что заведенiе школъ — дѣло самихъ крестьянъ, которые пользуются ими. Такого взгляда придерживались и такiе передовые земскiе люди того времени, какъ бар. Н. А. Корфъ и кн. А. И. Васильчиковъ. «Наше исходное положенiе, — писалъ послѣднiй, — есть то, что обществамъ или волостямъ оставляется вся инициатива открытiя школъ и установленiя сборовъ на ихъ содержанiе», такъ какъ «за всякое благо и за всякую пользу долженъ платить только тотъ, кто имѣетъ возможность участвовать въ выгодахъ — вещественныхъ или нравственныхъ, — охраняемыхъ извѣстными мѣропрiятiями».

Съ теченiемъ времени «поощрительныя» пособiя принимали регулярный характеръ; такъ, съ начала 70-хъ годовъ многiя земства вмѣсто «наградъ» учителямъ выдаютъ имъ опредѣленную долю жалованья, а съ 90-хъ годовъ и все содержанiе учащихъ берутъ на свой счетъ. Нѣсколько позже земства начинаютъ принимать регулярное участiе въ расходахъ на письменныя принадлежности и учебники, еще позже — самые послѣднiе годы — въ хозяйственномъ содержанiи школъ. Такимъ образомъ, земская школа лишь сравнительно недавно начала становиться на твердую почву. Однако, если принять во вниманiе, что до земства сельской школы почти не существовало, придется признать, что въ этой области земства сдѣлали въ первые же годы весьма крупный шагъ, доведя къ концу 70-хъ годовъ число земскихъ школъ до 10.000.

Земская медицина.

Параллельно развивалась и *земская медицина*, которая до 80-хъ годовъ строилась на основѣ фельдшеризма, т.-е. преслѣдовала цѣль дать народу помощь фельдшера, «мершицкаго док-

тора», какъ говорили тогда. На уѣздъ имѣлось по 1 — 2 врача, которые разъѣзжали по уѣзду и контролировали фельдшеровъ, лѣча попутно случайно пришедшихъ паціентовъ. Больницъ въ селеніяхъ не существовало; имѣлись лишь лѣчебницы въ уѣздныхъ городахъ, доставшіяся земствамъ отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Губернскія земства содержали губернскія лѣчебницы и «сумасшедшіе дома», перешедшіе къ нимъ точно такъ же отъ приказовъ.

«Разъѣздная система» и фельдшеризмъ поглощали не мало средствъ, не доставляя населенію дѣйствительной помощи. Противъ нихъ съ конца 70-хъ годовъ раздаются голоса протеста изъ среды врачей и передовыхъ гласныхъ, и въ теченіе 80-хъ годовъ рядъ земствъ приступаетъ къ замѣнѣ разъѣздной системы — стаціонарной, при которой дѣятельность врача отдается на лѣчебницу, а фельдшера постепенно утрачиваютъ значеніе самостоятельныхъ врачевателей. Эта реформа повышала расходы [1]), въ виду чего нѣкоторыя земства въ 80-хъ годахъ поспѣшили ввести плату за лѣченіе и лѣкарства, но съ 90-хъ годовъ и то и другое постепенно отмѣняется вслѣдствіе незначительности дохода и массы стѣсненій для населенія. Безплатная врачебная помощь, доступная по возможности одинаково всему населенію, становится съ тѣхъ поръ цѣлью, къ осуществленію которой начинаютъ стремиться — съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ — всѣ земства. Къ моменту введенія земства врачи были лишь въ уѣздныхъ городахъ, т.-е. въ 34 губерніяхъ число ихъ достигало 359. Въ 1870 г. на земской службѣ въ уѣздахъ состояло 599, а въ 1880 г. — 1.125 врачей; фельдшерскихъ пунктовъ къ 1880 г. числилось 2.387, всего же фельдшерскаго и акушерскаго персонала къ 1880 г. было 5.100. Затѣмъ земства приняли штатныхъ коекъ: въ губернскихъ больницахъ — 11.309, а къ 1890 г. ихъ было 26.446; въ уѣздныхъ больницахъ къ 1890 г. было 11.702 штатныхъ койки и въ селахъ 8.470. Въ губернскихъ психіатрическихъ лѣчебницахъ при передачѣ ихъ земству имѣлось 1.167 штатныхъ коекъ, а въ 1887 г. ихъ было 6.489.

Народное образованіе и медицина — главнѣйшія отрасли земской дѣятельности 70 — 80-хъ годовъ, если не считать «обяза-

---

[1]) Однако расходы увеличивались не пропорціонально, потому что съ упраздненіемъ разъѣздной системы получалась большая экономія на разъѣздахъ, въ содержаніи лошадей.

тельныхъ» повинностей, о которыхъ было говорено выше и которыя отвлекали много средствъ и силъ земства.

Ветеринарія. Съ конца 70-хъ годовъ — въ связи съ развившимися эпизоотіями — повальными скотскими падежами — начала развиваться и *земская ветеринарія*. Закономъ 3 іюня 1879 г. былъ введенъ спеціальный сборъ со скота, просуществовавшій до начала 90-хъ годовъ, которому и обязана быстрымъ развитіемъ ветеринарія (въ 1870 г. земства ассигновали на нее 32 т. р., а въ 1881 г. — 216 т. р.; въ 1870 г. было 22 врача, а въ 1880 г. — 116).

Статистика. Въ 70-хъ годахъ нѣкоторыя земства приступили *къ организаціи собиранія статистическихъ свѣдѣній* — въ интересахъ установленія правильнаго обложенія и вообще для выясненія экономическаго положенія населенія (Тверское, Вятское, Херсонское). Но это наладилось не сразу; нерѣдко землевладѣльческое большинство земскихъ собраній, обвинявшее статистиковъ въ стремленіи выставить эксплуатацію крестьянъ помѣщиками въ мрачномъ видѣ, закрывало статистическія бюро (Херсонское, Курское, Рязанское и др.) или даже постановляло объ уничтоженіи сборниковъ, изданныхъ бюро (Рязанское и Курское земства). Къ этому присоединились и стѣсненія со стороны администраціи, потребовавшей въ 1887 г. отъ статистическихъ бюро представленія программъ изслѣдованія на утвержденіе. Несмотря на все это, земская статистика постепенно крѣпла и раздвигала свои рамки: въ 80-хъ годахъ начались въ рядѣ губерній почвенныя изслѣдованія, санитарныя, положено начало страховой статистикѣ и т. д.

Экономическія мѣропріятія. Непосредственно къ уврачеванію язвъ народной жизни, раскрытыхъ статистическими изслѣдованіями, *къ подъему экономическаго благосостоянія* земства приступили позднѣе, преимущественно съ середины 90-хъ годовъ, но и до 90-хъ годовъ нѣкоторыя попытки уже намѣтились. Такъ, кое-гдѣ еще въ началѣ 70-хъ годовъ было приступлено къ поддержкѣ кустарныхъ артелей (гл. обр. въ Тверской губ.), съ середины 70-хъ годовъ нѣкоторыя земства (Тверское, Ярославское, Московское, Таврическое, Костромское и т. д.) организуютъ, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, кредитъ крестьянамъ для пріобрѣтенія земли. Съ начала 80-хъ годовъ Московское, а позже и другія земства приступаютъ къ болѣе планомѣрной дѣятельности по содѣйствію кустарнымъ промысламъ, а Пермское и позднѣе (съ конца 80-хъ годовъ) Московское и Херсонское — къ агрономической дѣятельности.

Но экономическая дѣятельность земствъ широко развернулась лишь съ середины 90-хъ годовъ. До этого времени почти все вниманіе земствъ было поглощено медициной, народнымъ образованіемъ, «обязательными повинностями» и отчасти продовольственной помощью населенію.

Страхованіе отъ огня.

Страхованіе отъ огня, какъ и большинство другихъ отраслей мѣстнаго общественнаго хозяйства, развилось лишь съ введеніемъ земства. До него страхованіе существовало — въ крайне небольшихъ размѣрахъ у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ; что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то до отмѣны крѣпостного права заботы вообще объ ихъ благосостояніи возлагались на помѣщиковъ, а послѣ отмѣны крѣпостного права и до введенія земскаго страхованія (1 іюля 1867 г.) пособіе пострадавшимъ отъ поморовъ производилось изъ продовольственнаго капитала. Не существовало страхованія и у помѣщиковъ, а также въ городахъ. Земства, можно сказать, создали страхованіе отъ огня въ деревнѣ и сильно подвинули его въ городахъ.

Продовольственное дѣло.

Много пришлось поработать земствамъ также надъ организаціей продовольственнаго дѣла, надъ помощью крестьянамъ, пострадавшимъ отъ неурожая.

Развитіе земской дѣятельности вообще требовало средствъ, а между тѣмъ въ этомъ отношеніи земства были крайне стѣснены, такъ какъ тяжесть обложенія, согласно закону, падала почти полностью на земли и лѣса, промышленность же и торговля были ограждены закономъ въ значительной степени. Въ 1865 г. *земская смѣта* была исчислена въ $5._6$ милл. р., въ 1871 г. — $20._6$ м. р. и въ 1880 г. — $36._3$ м. р. На душу населенія приходилось: въ 1868 г. — 38 коп. и въ 1880 г. — 69 коп.

Смѣты въ 1867—1886 гг.

Распредѣленіе расходовъ по главнѣйшимъ рубрикамъ въ 1868 и 1880 гг. видно изъ слѣдующаго $\left(\frac{\text{тыс. руб.}}{\text{\% смѣты}}\right)$:

Годы.	Обязат. расходы.	Содерж. земскаго управ.	Медицина.	Народное образов.	Прочіе расходы.	Вся смѣта.
1868 . .	9266	2798	1204	739	563	14570
	$63._6$	$19._2$	$8._3$	$5._1$	$3._8$	100
1880 . .	15059	2367	6393	5003	5291	35074
	$43._0$	$9._6$	$17._9$	$14._3$	$15._2$	100

Сильнѣе всего возросли расходы на народное образованіе, а затѣмъ на медицину.

VI.

Общая характеристика земскихъ взглядовъ 60—70-хъ гг.

Какъ мы упоминали, общество встрѣтило введеніе земскихъ учрежденій, по выраженію Н. В. Шелгунова, «восторженно». Отъ земства ждали многаго, въ нихъ видѣли «восходящее солнце русскаго органическаго развитія» и преддверіе къ введенію конституціоннаго образа правленія. На первыхъ порахъ конституціонныя стремленія въ земствѣ почти не проявились; само общество, только что вышедшее изъ тисковъ крѣпостного права, было не подготовлено и не могло дать опоры земскимъ заявленіямъ въ указанномъ смыслѣ. Предстояло еще пройти школу самоуправленія. Въ области культурной передъ земствами выдвинулась огромная задача, къ рѣшенію которой требовалось подойти съ широкимъ масштабомъ. Недостатокъ подготовки и слишкомъ еще свѣжія традиціи крѣпостной эпохи наложили, какъ мы видѣли, печать на первый періодъ земства. Въ массѣ своей земства не могли подняться выше уровня пониманія общественныхъ задачъ среднепомѣстнаго, воспитаннаго въ крѣпостныхъ условіяхъ, дворянства. На крестьянъ установился взглядъ какъ на объектъ благожелательнаго воздѣйствія, а не какъ на дѣятельнаго устроителя общественной жизни; школа нужна прежде всего крестьянамъ — они и должны ее содержать, земству слѣдуетъ ихъ «поощрять» пособіями; врачъ крестьянамъ не нуженъ, а нуженъ «мужицкій докторъ», фельдшеръ, — вообще лѣчиться крестьянинъ не любитъ. Вотъ приблизительно основные взгляды земской среды 60-хъ годовъ.

Подошли земства съ первыхъ же шаговъ и къ экономическимъ вопросамъ, но проложили ихъ черезъ призму землевладѣльческихъ интересовъ. Вниманіе земствъ сосредоточилось на земельныхъ банкахъ для помѣщиковъ, на репрессіяхъ по отношенію сельскихъ рабочихъ, на страхованіи скота и лѣсоохраненіи, на предоставленіи земствамъ желѣзнодорожныхъ концессій и гарантій. Интересы крестьянина выдвинулись и заняли видное мѣсто позднѣе, по мѣрѣ притока въ земство интеллигенціи — въ качествѣ гласныхъ и служащихъ, по мѣрѣ того, какъ росло само общество и измѣнялись окружавшія земство условія. Въ 70-хъ годахъ общество мало интересовалось земской дѣятельностью, печать посто-

янно отмѣчала абсентеизмъ гласныхъ и вообще рисовала земскую дѣятельность въ весьма мрачныхъ краскахъ. Хорошимъ образчикомъ такого отношенія можетъ служить сатира Щедрина. Но, несмотря на многіе недостатки, земская работа, тѣмъ не менѣе, продолжала развиваться; въ это время закладывался фундаментъ земскаго зданія, происходила серьезная организаціонная работа и укрѣпленіе заложенныхъ реформою 1864 г. *началъ общественности*. Земство становилось однимъ изъ устоевъ преобразованной Россіи, *проводникомъ культуры въ странѣ*, только что вышедшей изъ тисковъ крѣпостного права.

Роль земствъ въ дореформенное время.

Б. Веселовскій.

Польское возстаніе 1863 г.

Польская эмиграція послѣ возстанія 1831 г.

Суровый николаевскій режимъ, воцарившійся въ Царствѣ Польскомъ послѣ усмиренія возстанія 1831 г. [1]), вызвалъ исключительную по своимъ размѣрамъ эмиграцію поляковъ за границу, преимущественно во Францію. Представители науки и литературы, видные политическіе дѣятели, ксёндзы, крупные и мелкіе чиновники, офицеры и рядовые солдаты,—всѣ эти люди, столь различные какъ по общественному и соціальному положенію, занимаемому ими, такъ и по уровню своего образованія, объединены были на чужбинѣ общими національными стремленіями, общей вѣрой въ необходимость возстановленія своего отечества. Они считали пребываніе за границей временнымъ и смотрѣли на него, какъ на короткій отдыхъ между двумя эпизодами борьбы за независимость польскаго государства — между тѣмъ, который только окончился, и тѣмъ, который вскорѣ долженъ наступить. Но, готовясь къ новой борьбѣ, они неизбѣжно должны были раздѣлиться на отдѣль-

Пособія: *Grabiec.* Rok 1863. Poznań. 1913.—*Его же.* Dzieje narodu polskiego. Kraków—Warszawa. S. a.—*Limanowski.* Historya ruchu narodowego od 1861 do 1864 r. T. I.—II. Lwów. 1882.—*Stefański.* Trzy okresy w dzeijach demokracyi polskiej. «Krytyka», 1898 r., zesz. VI.—*Siemiradzki.* Porozbiorowe dzieje Polski. T. I—II. Chicago. 1903—1906.—*Семевскій* (ред.). Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. «Голосъ Минувшаго», 1913 г., №№ 9, 10, 12.—*Корниловъ*: Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ (въ сборникѣ «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи». Спб. 1905).—*Его же.* Реформа 19 февр. 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ (въ сборникѣ «Великая Реформа», т. V. М. 1911 г., изд. Сытина). —*Lubicz.* Sprawa wloscianska w Polsce porozbiorowej. Kraków. 1909.—*Сидоровъ.* Польское возстаніе 1863 г. Спб. 1903 г. (приведена подробная библіографія предмета) — *Спасовичъ.* Жизнь и политика маркиза Вѣлёпольскаго. Спб. 1882 г. — *Подвинскій.* 100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. М. 1907 г.

---

[1]) См. статью «Польское возстаніе 1831 г.» («Кн. для чтенія по ист. новаго времени», т. IV, ч. II), стр. 77—78.

ныя группы, представлявшія различные оттѣнки польской политической и общественной мысли.

Вокругъ кн. Адама Чарторійскаго, нѣкогда русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и попечителя виленскаго учебнаго округа, а затѣмъ предсѣдателя польскаго революціоннаго правительства въ эпоху возстанія 1831 года, сгруппировались аристократы-либералы, стремившіеся къ установленію въ Польшѣ конституціонной монархіи, какая была проведена закономъ 3 мая 1791 г. [1]). На произведенныхъ аристократами выборахъ будущаго польскаго короля избраннымъ оказался кн. Чарторійскій. Сторонники реальной политики, считавшіе немедленное новое возстаніе дѣломъ безцѣльнымъ въ виду внутренней слабости Польши и недостаточной національной сознательности низшихъ слоевъ польскаго народа, аристократы старались заручиться предварительно поддержкой европейскихъ державъ, не принимавшихъ участія въ раздѣлахъ Польши, и расположить въ свою пользу виднѣйшихъ европейскихъ политическихъ дѣятелей; повсюду въ Европѣ, преимущественно на Балканахъ, они содержали своихъ дипломатическихъ агентовъ; путемъ печати они освѣдомляли западно-европейское общественное мнѣніе о сущности польскаго вопроса. Одновременно съ этимъ они конспиративно вели на родинѣ большую культурную работу, направленную къ поднятію патріотическихъ чувствъ въ низахъ польскаго общества и къ воспитанію юношества въ преданности идеѣ возстановленія Польши. Знамя возстанія они предполагали поднять съ началомъ европейской войны, которая казалась имъ вовсе не такъ уже далекой въ виду все возраставшаго могущества Россіи и явнаго стремленія ея къ овладѣнію Константинополемъ. Они надѣялись, что державы, заинтересованныя въ ослабленіи Россіи, сами установятъ для послѣдней естественную преграду путемъ возстановленія свободной и независимой Польши.

Взгляды кн. Чарторійскаго не встрѣчали сочувствія въ радикально-демократическихъ кругахъ польской эмиграціи. Эмигранты-демократы осуждали дипломатическую дѣятельность аристократической партіи, считая ее оскорбительнымъ для народнаго достоинства выпрашиваніемъ милостыни. Будущность Польши и они ставили въ зависимость отъ Европы, но не отъ европейскихъ кабинетовъ, а отъ демократически настроенныхъ европейскихъ наро-

---

[1]) См. статью «Польша въ XVIII в.». («Кн. для чт. по ист. нов. времени», т. II), стр. 496—505.

довъ. Воскрешеніе Польши, «представительницы западно-европейскихъ демократическихъ идей, разрушенной Россіей въ борьбѣ за эти идеи», они признавали дѣломъ необходимымъ для всего человѣчества. Находя, что эта обязанность возстановленія польскаго государства будетъ особенно ясно сознана европейской демократіей тогда, когда Польша сама пріобщится къ все громче раздающимся на западѣ лозунгамъ соціальнаго равенства, они тѣсно связывали въ своей программѣ будущее возстаніе съ соціальной революціей, съ надѣленіемъ польскихъ крестьянъ землей. Уже въ 1832 г. наиболѣе энергичные демократическіе элементы основали во Франціи «Демократическое общество», заключавшее свой символъ вѣры въ девизѣ: «все для народа черезъ народъ». «Все для народа,—заявляли демократы,—это цѣль; все черезъ народъ — это форма». Въ изданномъ въ 1836 г. манифестѣ они подробно изложили свою программу, въ которой будущность польскаго народа основывали на началахъ всеобщаго равенства и свободы и на признаніи «права владѣнія землею и всякою иною собственностью только за трудомъ».

Разрѣшеніемъ соціальной проблемы въ Польшѣ въ духѣ утопическаго соціализма занимались помимо «Демократическаго общества» и другіе эмигрантскіе союзы, изъ которыхъ наиболѣе значительными были «Молодая Польша» и «Польскій народъ». «Молодая Польша», организовавшаяся въ маѣ 1834 г. и представлявшая вѣтвь основанной Джузеппе Мадзини «Молодой Европы», начертала во главѣ своего устава: «единымъ самодержцемъ является народъ; единымъ народнымъ правительствомъ — законъ; единымъ законодателемъ — воля народа». Возникшій спустя годъ послѣ «Молодой Польши» «Польскій народъ» совершенно отрицалъ частную собственность и требовалъ замѣны ея собственностью общественной.

Демократическая пропаганда въ Польшѣ.

Если аристократическая партія на эмиграціи считала крестьянскую реформу вопросомъ сравнительно второстепеннымъ, то для демократовъ ихъ лозунгъ «все для народа черезъ народъ» являлся почти религіознымъ догматомъ. Демократическая эмигрантская молодежь, идеализируя польское крестьянство, стремилась отдать на служеніе ему всѣ свои силы, искупить грѣхи шляхетской Рѣчи Посполитой, грѣхи своихъ дѣдовъ и отцовъ передъ порабощенными и угнетенными польскими хлопами. На далекую родину она понесла новую проповѣдь соціальнаго равенства, долженствовавшую возстановить Польшу и заселить ее «милліонами свободныхъ, счастливыхъ, пользующихся всѣми благами природы

жителей безъ различія происхожденія или вѣроисповѣданія» (программа Демократическаго общества). Но успѣха эта проповѣдь не имѣла. Зерна новаго ученія падали на каменистую, совершенно не подготовленную для его воспріятія почву. Кумиръ демократіи— крестьянскій людъ, невѣжественный и темный, раздѣленный на три части, лишенный своихъ руководителей, не то съ апатіей, не то съ какимъ-то фатализмомъ относившійся къ своему положенію, въ лучшемъ случаѣ оставался глухимъ къ призывамъ демократическихъ эмиссаровъ, въ худшемъ — участвовалъ въ преслѣдованіи ихъ и выдавалъ ихъ въ руки властямъ. Непонимаемые хлопомъ, проклинаемые запуганнымъ репрессіями шляхтичемъ, польскіе народники-соціалисты гибли массами на плахахъ и висѣлицахъ, въ тюрьмахъ и сибирскихъ рудникахъ.

Получая свѣдѣнія о полной неудачѣ демократической пропаганды на родинѣ и не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго количества оружія, людей и денегъ, руководители Демократическаго общества постановили отложить на неопредѣленное время начало возстанія, назначеннаго уже было на февраль 1846 г. Но демократы Краковской Рѣчи Посполитой признали это постановленіе объ отсрочкѣ для себя необязательнымъ и порѣшили дѣйствовать самостоятельно. Приготовленный уже манифестъ Демократическаго общества къ польскому народу они издали отъ своего имени, окрасивши его, однако, радикализмомъ, переходящимъ въ утопическій коммунизмъ. «Мы завоюемъ себѣ,—заявляло временное революціонное правительство, призывая народъ къ оружію, — такую свободу, какой еще не было на свѣтѣ; мы добьемся такого соціальнаго устройства, при которомъ всякій—сообразно своимъ заслугамъ и способностямъ—будетъ пользоваться благами жизни, и никакимъ привилегіямъ не будетъ въ немъ мѣста; при этомъ устройствѣ всякій гражданинъ найдетъ обезпеченіе для себя, своей жены и своихъ дѣтей, а обиженные отъ природы въ умственномъ или физическомъ отношеніи будутъ получать безъ всякаго умаленія своего достоинства помощь отъ всего общества; земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, перейдетъ въ ихъ полную собственность, всѣ барщины и повинности будутъ отмѣнены, а участіе въ освободительной борьбѣ во имя національной идеи будетъ вознаграждено надѣлами изъ національнаго земельнаго фонда» [1]).

---

[1]) Переводъ по книгѣ Ю. Подвинскаго «100 лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу». М. 1907 г., стр. 138.

Руководимое кн. Меттернихомъ австрійское правительство, прекрасно освѣдомленное о готовящемся возстаніи, прибѣгло къ провокаціи; ложь и обманъ оно признало средствомъ болѣе дѣйствительнымъ для усмиренія движенія, чѣмъ воинскую силу Галиціи, состоявшую изъ венгерскихъ полковъ, крайне враждебно относившихся къ Австріи. Черезъ своихъ агентовъ Меттернихъ сталъ распространять въ народѣ слухи о стремленіи императора уничтожить барщину и о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ при этомъ со стороны пановъ, которые предполагаютъ даже вырѣзать крестьянъ и возстановить польское правленіе. Это натравливаніе одного класса населенія на другой возымѣло свое дѣйствіе. Въ двухъ округахъ Западной Галиціи, тарновскомъ и бохнянскомъ, опоенные водкой хлопы, вооружившись косами, ножами и дубинами, бросились подъ руководствомъ нѣкоего Якова Шели жечь и грабить панскія усадьбы, истребляя при этомъ инвентарь и запасы продовольствія, вырѣзывая по указаніямъ австрійскихъ чиновниковъ цѣлыя помѣщичьи семьи, ксёндзовъ и дворскую челядь и даже сдирая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кожу съ живыхъ людей. За каждый доставленный возставшими крестьянами въ участокъ трупъ австрійскія власти выдавали вознагражденіе. Эпилогомъ этой «галиційской рѣзни» или «кровавой масленицы» было занятіе «вольнаго города» Кракова — главнаго очага повстанческаго движенія австрійскими и русскими войсками и присоединеніе въ ноябрѣ того же 1846 г. Краковской республики, послѣдняго независимаго уголка Польши, къ Австрійской имперіи, несмотря на протесты со стороны Англіи и Франціи. Начавшееся было подъ вліяніемъ извѣстій о галиційскомъ возстаніи движеніе въ пограничныхъ уѣздахъ Царства Польскаго безъ труда было подавлено въ самомъ зародышѣ русскими властями, а участники его, и дѣйствительные, и только подозрѣваемые, частью сосланы, частью перевѣшаны и разстрѣляны.

Наступилъ 1848 годъ, принесшій столь жданную эмигрантами-демократами «весну народовъ». Польское имя загремѣло теперь въ огнѣ революціи, польская команда стала раздаваться на всѣхъ почти западно-европейскихъ баррикадахъ, польскіе генералы повели въ бой возставшіе европейскіе народы. Въ Вѣнѣ прославленному польскому герою Іосифу Бему вручено было руководительство революціей, въ Венгріи Генрихъ Дембинскій занялъ постъ командующаго республиканской арміей, въ Италіи—Мицкевичъ и Мѣрославскій, дѣйствуя заодно съ Гарибальди, поддерживали

духъ итальянскаго народа въ его борьбѣ за независимость. Поставкой этихъ добровольцевъ-вождей для иностранныхъ революціонныхъ войскъ, инструкторовъ и агитаторовъ и организаціей немногочисленныхъ польскихъ легіоновъ, мужественно сражавшихся за чужія права, ограничилось почти все участіе двадцатимилліоннаго польскаго народа въ событіяхъ 48 года. Сформированные въ великомъ княжествѣ Познанскомъ подъ руководствомъ Людвика Мѣрославскаго польскіе полки, долженствовавшіе составлять авангардъ нѣмецкой арміи въ ея будущей войнѣ съ Россіей,—войнѣ, столь популярной въ кругахъ тогдашней нѣмецкой демократіи, были по требованію прусскихъ властей сокращены до 2800 человѣкъ, а затѣмъ, когда прошла революціонная гроза, перебиты прусскими регулярными войсками.—Революціонное движеніе въ Галиціи привело къ бомбардировкѣ австрійскими войсками Кракова и Львова, потребовавшихъ своихъ правъ.—Попытки возстанія въ Царствѣ Польскомъ носили спорадическій характеръ и не имѣли серьезнаго вліянія на общее положеніе страны; немногочисленныя организаціи среди школьной и ремесленной молодежи Варшавы и Вильны скоро раскрывались правительствомъ, и участники ихъ подвергались ссылкѣ въ Сибирь или публичному наказанію палками на городскихъ площадяхъ. Послѣдній ударъ надеждамъ поляковъ нанесла вооруженная помощь, оказанная имп. Николаемъ Австріи при подавленіи венгерскаго возстанія; планы Генриха Дембинскаго на вторженіе черезъ Венгрію въ Галицію, которая должна была сыграть роль польскаго Піемонта, теперь окончательно рухнули.

Впрочемъ, 1848 годъ, принудившій почти всѣхъ европейскихъ монарховъ даровать своимъ народамъ конституціи и приведшій къ установленію республики во Франціи, не прошелъ безслѣдно и для польскихъ земель. Австрійской и прусской Польшѣ онъ принесъ даже извѣстные положительные результаты. Населеніе великаго княжества Познанскаго получило гарантію неприкосновенности всѣхъ правъ, признанныхъ за нимъ при соединеніи его съ Пруссіею. Вновь возникшая въ Познани организація, легализированная правительствомъ «Польская Лига», будила теперь національное самосознаніе во всѣхъ находившихся подъ прусскимъ владычествомъ польскихъ областяхъ, не исключая онѣмеченной еще въ XIII в. Силезіи, и поддерживала бодрость крестьянъ, вѣрившихъ, что на ихъ землѣ «пройдутъ нѣмцы, пройдутъ москали, но хлопы останутся навѣки». Въ Галиціи правительственнымъ указомъ 15 апр.

1848 г. отмѣнена была «всякаго рода барщина и всѣ вытекающія изъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній повинности крестьянъ за вознагражденіе, которое будетъ уплачено за счетъ правительства». Только въ Царствѣ Польскомъ упадокъ общеевропейской революціи вызвалъ усиленіе репрессій и дальнѣйшее сліяніе этой окраины съ имперіей. Правительственная политика направлена была здѣсь къ устраненію всего, что поддерживало иллюзію государственной самобытности царства. Установлена была имперская паспортная система, введенъ русскій языкъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, русскія мѣры и вѣсъ. Въ апатію или развлеченія погрузилась шляхта. Заглохло умственное движеніе. Въ полный упадокъ стала приходить страна. Въ теченіе десятилѣтія (1846—56 гг.) на одинъ милліонъ уменьшилась численность населенія. Прекратили свою дѣятельность даже подпольныя организаціи. Запуганное населеніе покорно несло свое иго безъ мечтаній о воскрешеніи прошлаго и безъ надеждъ на лучшее будущее.

Польскій вопросъ во время восточной войны.

Воцарившейся въ странѣ тишины не нарушила и гроза восточной войны, разразившаяся въ 1853 г. Вооруженному выступленію поляковъ мало благопріятствовали общія условія края. Поднятіе движенія въ прусской и австрійской Польшѣ представляло большую опасность, особенно въ началѣ войны, въ виду стремленія Англіи и Франціи обезпечить за собою нейтральность Пруссіи и привлечь на свою сторону Австрію. Что же касается русской Польши, наводненной въ то время арміями Николая I, то она, не успѣвши еще оправиться отъ тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ ей неудачнымъ возстаніемъ 1831 г., ограничилась лишь организаціей въ Турціи слабыхъ польскихъ легіоновъ подъ руководствомъ гр. Владислава Замойскаго и извѣстнаго писателя Михаила Чайковскаго, перешедшаго въ магометанство и принявшаго имя Садыкъ-паши. Легіоны эти должны были при благопріятныхъ обстоятельствахъ вторгнуться въ Польшу и поднять въ ней знамя возстанія. Вскорѣ, однако, между вождями легіонеровъ начались раздоры, являвшіеся отзвукомъ несогласій, царившихъ между аристократическимъ и демократическимъ эмигрантскими лагерями. Даже посредничество Адама Мицкевича, пытавшагося примирить враждовавшихъ и указывавшаго, что расчеты должны быть произведены только «при пограничныхъ столбахъ», не привело ни къ какимъ результатамъ. Польскихъ границъ легіоны не увидѣли. Послѣ заключенія Парижскаго мира одна ихъ часть была распущена, а другая сначала перешла на сторону вождя кавказскихъ

горцевъ, знаменитаго Шамиля, а затѣмъ возвратилась на турецкую службу. — Восточная война не привела и къ дипломатическому вмѣшательству въ польскія дѣла, на которое разсчитывали эмигранты - аристократы, строившіе свои планы на политическомъ осложненіи въ Европѣ и на внѣшнихъ пораженіяхъ Россіи. Съ одной стороны, молчаніе Польши во время войны дало поводъ иностраннымъ дипломатамъ считать польскій вопросъ не требующимъ немедленнаго разрѣшенія; съ другой — противницы Россіи, особенно Англія, преслѣдуя собственныя цѣли и считаясь по необходимости съ интересами Пруссіи и Австріи, не были расположены выступить на защиту Польши. Едва ли не наибольшимъ другомъ поляковъ оказалась въ то время Турція. Еще до окончанія войны турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паша представилъ меморіалъ объ опасностяхъ, угрожающихъ Европѣ, и особенно Австріи, со стороны Россіи, и указывалъ на возстановленіе независимой Польши, этого «буфера между западной Европой и Россіей», какъ на единственное средство предотвращенія приближающейся бѣды. Решидъ - паша предлагалъ Австріи подать начало возстановленію Польши добровольнымъ отказомъ отъ Галиціи, предлагая взамѣнъ теперешнюю Румынію. Но планъ турецкаго государственнаго дѣятеля былъ отвергнутъ. На парижской международной конференціи предсѣдатель ея гр. Александръ Валевскій (сынъ Наполеона I и польки гр. Маріи Валевской) сдѣлалъ было попытку поднять польскій вопросъ, но обсужденію послѣдняго воспротивился представитель Россіи кн. А. Ѳ. Орловъ. Валевскій долженъ былъ удовлетвориться неофиціальнымъ обѣщаніемъ имп. Александра II даровать полякамъ общую амнистію и свободу исповѣданія, допустить родной языкъ въ школахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ и открыть въ Варшавѣ университетъ.

Крестьянскій вопросъ въ Царствѣ Польскомъ.

Вступленіе на престолъ имп. Александра II вызвало новыя надежды поляковъ на удовлетвореніе ихъ національныхъ стремленій и на болѣе заботливое отношеніе правительства къ назрѣвшимъ нуждамъ края. Весь строй Царства Польскаго, и политическій, и соціальный, потрясенный въ предшествовавшее царствованіе, нуждался въ радикальномъ обновленіи. Въ первой очереди стояло разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, занявшаго центральное мѣсто въ исторіи возстанія 63 года. Еще знаменитый диктаторъ польскаго народа, Тадеушъ Косцюшко, предоставилъ польскимъ крестьянамъ въ силу Поланецкаго универсала отъ 7 мая 1794 г.

личвую свободу и неприкосновенность занятой ими земли, по указъ этотъ почти не былъ осуществленъ на дѣлѣ, такъ какъ вскорѣ послѣ его изданія послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши между тремя державами. Личная свобода польскихъ крестьянъ подтверждена была и IV статьей конституціи, дарованной Наполеономъ I образованному имъ въ 1807 г. Варшавскому герцогству; однако, это признаніе за крестьянами права свободнаго перехода и переселенія въ предѣлахъ герцогства не соединялось съ надѣленіемъ ихъ какими бы то ни было поземельными правами; попрежнему земля числилась за помѣщикомъ; попрежнему крестьянинъ долженъ былъ уплачивать аренду трудомъ и данью сообразно съ господствовавшимъ тогда строемъ натуральнаго хозяйства.—Конституція Царства Польскаго 1815 г., возстановившая въ странѣ господство шляхетскаго сословія, еще болѣе ухудшила положеніе освобожденныхъ въ 1807 г. польскихъ крестьянъ. Политика правительства, направленная къ огражденію интересовъ помѣщичьяго класса, привела къ сліянію власти помѣщичьей съ властью полицейской и возстановленію вотчинной юрисдикціи путемъ новаго устройства такъ называемой сельской гмины, т.-е. мелкой административной единицы, управляемой войтомъ. Согласно постановленію намѣстника Царства Польскаго отъ 30 мая 1818 г. каждая деревня, насчитывавшая не менѣе 10 обитаемыхъ дворовъ, могла составлять гмину, при чемъ владѣлецъ деревни ipso jure дѣлался войтомъ. Войтъ, являвшійся послѣднимъ звеномъ администраціи, былъ, съ одной стороны, подчиненъ высшему начальству, а съ другой—освобожденъ отъ отвѣтственности передъ населеніемъ за свою дѣятельность и снабженъ исполнительною, административною и судебною властью. Помѣщики-войты не замедлили подъ покровомъ своихъ вотчинныхъ правъ возстановить барщину, отмѣненную продолжавшимъ дѣйствовать въ Царствѣ Польскомъ кодексомъ Наполеона, и поставить въ экономическую отъ себя зависимость номинально свободныхъ крестьянъ, за которыми законъ не призналъ никакихъ правъ на занимаемую ими землю.

Волненія, происходившія въ 1846 г. среди крестьянъ Царства Польскаго подъ вліяніемъ извѣстій о «Галиційской рѣзнѣ» и постигшаго страну неурожая, побудили правительство Николая I издать 26 мая 1846 г. указъ объ огражденіи живущихъ на владѣльческихъ земляхъ крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола, происходящаго вслѣдствіе «неопредѣленія закономъ» крестьянскихъ

обязанностей. Сохраняя за крестьянами право свободнаго перехода изъ однихъ мѣстъ въ другія при условіи предварительнаго о томъ увѣдомленія помѣщика, названный указъ гарантировалъ крестьянамъ, «исполняющимъ въ точности лежащія на нихъ въ отношеніи къ владѣльцу обязанности», безпрепятственное пользованіе занимаемыми ими участками земли и запрещалъ владѣльцамъ «по произволу удалять крестьянъ изъ своихъ имѣній или отнимать и уменьшать предоставленный каждому поселянину участокъ и угодья, ниже увеличивать повинности». Но и этотъ указъ, распространявшійся только на крестьянъ, которые владѣли участками не меньше трехъ морговъ ($1\frac{1}{2}$ десят.), и сохранявшій за помѣщиками вотчинную юрисдикцію, долго не получалъ дальнѣйшаго развитія; онъ былъ несочувственно встрѣченъ и мѣстной администраціей, всячески старавшейся его обходить, и высшими правительственными кругами, съ особенною осторожностью относившимися послѣ 1848 г. къ помѣщичьимъ правамъ. Только спустя 12 лѣтъ послѣ указа 1846 г. изданы были правила «о добровольномъ очиншеваніи» (16 дек. 1858 г.), долженствовавшія содѣйствовать заключенію добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами о замѣнѣ барщины чиншемъ, т.-е. оброкомъ. Но примѣненіе этихъ правилъ, не вводившихъ какихъ бы то ни было обязательствъ для договаривавшихся сторонъ при несогласіи одной изъ нихъ, было крайне незначительно; до 1861 г. очиншевано было лишь около 20 имѣній. Въ прежней силѣ оставались также вотчинныя права владѣнія имѣніемъ, еще разъ подтвержденныя закономъ 3 марта 1859 г.

Изложенныя робкія попытки правительства улучшить положеніе крестьянъ далеко не достигали своей цѣли. Царство Польское, страна по преимуществу земледѣльческая, нуждалось въ болѣе радикальной реформѣ. Тремъ съ половиною милліонамъ польскихъ крестьянъ — все населеніе Царства Польскаго составляло въ то время неполна 5 милліоновъ, а крестьянъ-хозяевъ числилось въ немъ не болѣе 5 тысячъ — настоятельно нужны были собственные земельные надѣлы, къ которымъ они могли бы приложить свой трудъ. Эта желанная крестьянамъ земля находилась исключительно во владѣніи шляхты, нераціонально ведшей свое хозяйство и эксплоатировавшей подвластныхъ ей чиншевиковъ и батраковъ[1].

[1] Съ исторіей крестьянскаго вопроса въ Польшѣ русскій читатель можетъ подробнѣе ознакомиться по статьямъ А. А. Корнилова, указаннымъ среди «Пособій»

Рабочій вопросъ.

Значительный притокъ въ города деревенскаго пролетаріата, не находившаго на мѣстахъ примѣненія своимъ силамъ, вызвалъ усиленное, несоотвѣтствовавшее состоянію польской промышленности, предложеніе труда. Молодая промышленность Царства Польскаго, несмотря на благопріятныя условія — умѣренный климатъ страны, обиліе лѣсовъ и ископаемыхъ богатствъ, не была еще въ состояніи использовать всю эту нахлынувшую массу рабочихъ рукъ. Она только начинала оправляться отъ тяжелаго кризиса, пережитаго ею вслѣдъ за подавленіемъ возстанія 1831 г., когда на страну обрушилось почти непосильное бремя военныхъ контрибуцій и податей, предназначенныхъ на содержаніе громадныхъ военныхъ силъ, на новыя работы по укрѣпленіямъ и на другія затраты, соотвѣтствовавшія политическимъ цѣлямъ русскаго правительства, но не имѣвшія ничего общаго съ экономическимъ благосостояніемъ польскаго населенія. Только въ 1850 г. упразднена была таможенная граница между имперіей и царствомъ, установленная въ видѣ репрессіи послѣ усмиренія возстанія 31 года и закрывавшая русскіе рынки для польскихъ товаровъ. Только въ 1848 г. открыта была первая въ краѣ варшавско-вѣнская желѣзная дорога, облегчившая доставку изъ Домбровскаго горнаго района и изъ-за границы угля, сырья и фабричныхъ машинъ, усилившая товарообмѣнъ между имперіей и Польшей и оживившая экономическую дѣятельность страны. Но развитіе машиннаго производства, оказавшее весьма благотворное вліяніе на общій ростъ польской промышленности, привело вмѣстѣ съ тѣмъ къ значительному сокращенію числа фабричныхъ рабочихъ. Улицы Варшавы, Лодзи и другихъ польскихъ промышленныхъ центровъ переполнились ищущими занятій рабочими и ремесленниками. Въ средѣ рабочаго класса появилась сильнѣйшая нужда. Неурожаи 1859 и 1860 годовъ и поврежденіе посѣвовъ и травъ саранчей въ 1861 г., вызвавшіе крайнее вздорожаніе хлѣба, мяса и другихъ предметовъ первой необходимости, еще болѣе ухудшили бѣдственное состояніе трудящихся массъ.

Голодающаго городского пролетарія и озлобленнаго, невѣжественнаго хлопа жестоко эксплуатировалъ такой же голодающій и такой же невѣжественный еврей. Въ этой эксплуатаціи, въ ростовщичествѣ, посредничествѣ и мелкой торговлѣ польское еврейство, составлявшее 11% населенія Царства и чуждое ему религіей, культурой и языкомъ, ограниченное въ правахъ, устраненное изъ ремесленныхъ цеховъ и купеческихъ обществъ, угне-

гаемое своимъ многочисленнымъ клиромъ, находило единственныя доступныя ему средства для поддержанія своего жалкаго существованія.

Земледѣльческое Общество.

Разрѣшеніе крестьянскаго и рабочаго вопросовъ являлось необходимымъ не только для поднятія экономическаго благосостоянія края, но и для сохраненія общественнаго спокойствія. Хотя большія надежды на общую перемѣну правительственнаго курса, которыя польское общество питало послѣ вступленія на престолъ императора Александра II, быстро разсѣялись, хотя самъ Александръ не замедлилъ охладить восторгъ поляковъ указаніемъ на необходимость сохраненія въ Царствѣ Польскомъ порядка, установленнаго его отцомъ, несмотря на это система правленія въ Царствѣ была теперь нѣсколько смягчена, и польскому обществу были предоставлены извѣстныя льготы. Помимо возвращенія изъ Сибири многихъ ссыльныхъ поляковъ, снятія запрета съ нѣкоторыхъ сочиненій Мицкевича, открытія въ Варшавѣ медико-хирургической академіи и т. п., полякамъ дано было разрѣшеніе на учрежденіе «Земледѣльческаго Общества», сыгравшаго весьма видную роль въ польской общественной жизни той эпохи. «Царство Польское,—пишетъ В. Д. Спасовичъ,—было въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, по отсутствію всякихъ другихъ органовъ и каналовъ жизни общественной, всякое промышленное предпріятіе нѣсколько большихъ размѣровъ получало политическую окраску, и политика проникала даже въ пренія объ удобреніи полей, пшеницы и картофеля. За неимѣніемъ всякой другой организаціи, Земледѣльческое Общество превратилось мало-по-малу въ фактическое представительство общественнаго мнѣнія страны». Оно развило широкую просвѣтительную дѣятельность въ крестьянской средѣ, учреждало въ деревняхъ школы и пріюты, заводило образцовыя фермы и т. п. Его политическое значеніе было признано самимъ правительствомъ, поручившимъ ему приступить къ обсужденію крестьянскаго вопроса. Насчитывая въ своей средѣ около 3000 членовъ, Земледѣльческое Общество не могло быть вполнѣ единомышленнымъ въ своихъ взглядахъ. Его предсѣдатель, гр. Андрей Замойскій, моральный предводитель шляхетской массы, глава «бѣлой», умѣренной помѣщичьей партіи, стремившейся къ сохраненію прежняго шляхетскаго строя, находилъ возможнымъ ограничиться лишь добровольнымъ очиншеваніемъ; сторонники другого виднѣйшаго государственнаго дѣятеля того времени, маркиза Александра Вѣлёпольскаго — самъ Вѣлёпольскій членомъ Об-

щества не состоялъ, — требовали очиншеванія обязательнаго; но идея освобожденія крестьянъ съ надѣлами признавалась въ обѣихъ этихъ партіяхъ ниспровергающей начала собственности и законнаго порядка. Ее проповѣдывали сравнительно немногочисленные радикалы, группировавшіеся вокругъ убѣжденнаго демократа и писателя по крестьянскому вопросу, гр. Ѳомы Потоцкаго. Однако обнародованіе въ имперіи положеній 19 февр. 1861 г., общее возбужденіе Царства Польскаго и стремленіе предотвратить крестьянскія массы отъ политической агитаціи привели къ торжеству именно этой идеи. На февральскомъ засѣданіи 1861 г. увлеченное Потоцкимъ большинство, исходя изъ побужденій моральнаго и патріотическаго характера, признало, что «нельзя ограничиваться очиншеваніемъ и что необходимо, чтобы посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, имѣющей цѣлью выкупъ чиншей, крестьяне могли быть поставлены въ возможность пріобрѣсти въ собственность свои надѣлы». Высказываясь, такимъ образомъ, за предоставленіе крестьянамъ одной только *«возможности»* пріобрѣсти путемъ выкупа въ собственность свои участки и сохраняя въ силѣ другимъ пунктомъ той же февральской резолюціи добровольныя соглашенія, какъ «наиболѣе умѣстное основаніе дѣйствій при измѣненіи крестьянскихъ отношеній», Земледѣльческое Общество откладывало тѣмъ самымъ разрѣшеніе жгучаго крестьянскаго вопроса на неопредѣленное время, но оно открыто провозглашало самый принципъ будущей крестьянской реформы; оно заявляло отъ имени помѣщичьей шляхты о своемъ стремленіи исправить вѣковыя ошибки прошлаго и построить новое общество на широкихъ демократическихъ началахъ.

Какъ шляхетская «бѣлая» партія, руководимая гр. Андреемъ Замойскимъ, такъ и городскіе интеллигенты, профессора, литераторы, промышленники, купцы, отчасти примыкавшіе къ Земледѣльческому Обществу, отчасти группировавшіеся вокругъ банкира Леопольда Кроненберга, сторонника польско-еврейскаго единенія, мечтали о возстановленіи Польши «отъ моря до моря», въ предѣлахъ 1772 г. Но опредѣленнаго политическаго плана не было ни у тѣхъ, ни у другихъ. И «бѣлые» помѣщики-шляхтичи, и городскіе интеллигенты, несмотря на принесенныя Парижскимъ миромъ разочарованія, продолжали вѣрить въ иностранную помощь, обращая свои взоры то на демократовъ-революціонеровъ, Кошута, Гарибальди, то на племянника великаго императора, Наполеона III, который старался ввести въ европейскую политику принципъ на-

ціональности и дѣятельно поддерживалъ итальянцевъ въ ихъ борьбѣ съ Австріей за объединеніе и независимость. Не разсчитывая на силы собственнаго народа и признавая необходимымъ предварительно подготовить его къ активному выступленію путемъ распространенія въ его средѣ просвѣщенія и улучшенія его экономическаго положенія, эти умѣренные круги польскаго общества старались подавить начинавшееся въ странѣ революціонное броженіе.

«Красные. Первый сигналъ къ народному возстанію исходилъ изъ круговъ польской молодежи, обучавшейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Кіева, Москвы, Петербурга и Варшавы. Кіевскій университетъ насчитывалъ въ 1859 г. изъ общаго количества 1200 студентовъ — 800 поляковъ, въ петербургскомъ университетѣ поляки составляли одну треть; въ петербургской медико-хирургической академіи почти половину; сотни ихъ обучались въ инженерномъ и лѣсномъ институтахъ, въ Московскомъ университетѣ въ 1858 г.— 600 поляковъ, и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Молодежь эта, воспитанная на демократической литературѣ эмигрантовъ, легко поддававшаяся вліянію возвращенныхъ по амнистіи изъ Сибири участниковъ прежнихъ возстаній, тѣсно сплоченная въ многочисленныхъ политическихъ кружкахъ, устремлялась на родину для распространенія своихъ убѣжденій. Подобно краковскимъ демократамъ, вырѣзаннымъ въ 1846 г. организованными Меттернихомъ крестьянскими черными сотнями, польскіе идеалисты-студенты проходили по роднымъ деревнямъ и селамъ, пробуждая и просвѣщая народъ и заимствуя его обычаи и нравы. Доходившія до нихъ изъ-за границы извѣстія о борьбѣ итальянцевъ за свободу и пораженіяхъ австрійцевъ при Мадженте и Сольферино, усугубляли ихъ энергію и оживляли вѣру въ лучшее будущее родной страны. Эти молодые демократы не замедлили завязать сношенія съ «богомъ революціи», демагогомъ и врагомъ шляхты Людвикомъ Мѣрославскимъ, участникомъ возстанія 1831 г. и организаторомъ познанскаго движенія 1848 г., открывшимъ сначала въ Парижѣ, затѣмъ въ Кунео, въ Піемонтѣ, подготовительную школу для будущихъ офицеровъ новаго польскаго возстанія. Отъ Мѣрославскаго они возвращались на родину нагруженные агитаціонными листками, брошюрами и газетами, проповѣдывавшими приближеніе третьяго дня,—дня третьяго возстанія, которое принесетъ Польшѣ свободу и независимость.—«Красная» партія—такъ именно назывались радикалы-студенты и примкнувшіе къ нимъ крайніе элементы, участвовавшіе еще въ движеніяхъ 1846 и 1848 гг.,—въ своихъ

національно-политическихъ стремленіяхъ мало отличалась отъ руководимой Замойскимъ «бѣлой» партіи. И тѣ, и другіе настаивали на возстановленіи исторической Польши въ предѣлахъ 1772 г. И тѣ, и другіе искали опоры въ народныхъ массахъ, памятуя неудачные опыты предшествовавшихъ возстаній. Принципъ надѣленія крестьянъ землей, провозглашенный на февральскомъ засѣданіи Земледѣльческаго Общества, вполнѣ соотвѣтствовалъ планамъ «красныхъ» демократовъ. Но въ то время какъ умѣренные, считаясь съ реальными условіями, направляли свои старанія къ планомѣрной подготовкѣ страны и боролись съ идеей немедленнаго переворота,—переворота во что бы то ни стало, «красные» находили всякую отсрочку вредящей національному дѣлу и презрительно относились къ «милленерамъ», откладывавшихъ возстаніе «на тысячу (mille) лѣтъ». Съ крестьянскими косами демократы-народники надѣялись добыть винтовки, съ винтовками — пушки. Содѣйствія же крестьянскихъ косъ они разсчитывали добиться посредствомъ безвозмездной передачи крестьянамъ въ собственность земли, на которой тѣ сидѣли; выкупную кредитную операцію, намѣченную Земледѣльческимъ Обществомъ, они отвергали безусловно. Они разсчитывали также на недовольство низшихъ слоевъ городского населенія, на рабочихъ и ремесленниковъ, искавшихъ выхода изъ тяжелаго экономическаго положенія, создавшагося къ тому времени въ Царствѣ Польскомъ.—Революціонному теченію поддавалось и многочисленное католическое духовенство, располагавшее милліонными капиталами и обширными землями. Его долгая борьба съ русскимъ правительствомъ окружала его ореоломъ мученичества и усиливала его вліяніе на преданныя вѣрѣ предковъ народныя массы. Оно умѣло разжигало католическій фанатизмъ и подстрекало свою паству противъ русскихъ, какъ враговъ «польской» вѣры,—враговъ, «распявшихъ» ждущую воскрешенія Польшу.

Манифестаціи.

Для поднятія патріотическаго духа въ населеніи учащаяся молодежь постановила прибѣгнуть къ религіозно-политическимъ манифестаціямъ. Въ разныхъ костелахъ Варшавы совершены были панихиды по польскимъ патріотамъ, по «Адамѣ, Сигизмундѣ и Юліи» (Мицкевичѣ, Красинскомъ и Словацкомъ); въ іюнѣ 1860 г. торжественно, при большомъ стеченіи народа, похоронена была Екатерина Совинская, вдова героя возстанія 1831 г., ген. Іосифа Совинскаго, и демонстративно почтена память его сотрапиковъ, павшихъ при взятіи русскими предмѣстія Варшавы—Воли. Манифестаціи повторились въ октябрѣ того же года во время

съѣзда въ Варшавѣ трехъ монарховъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ Польши; населеніе заранѣе приглашалось не выходить на улицу и не участвовать въ торжествахъ; Франца-Іосифа встрѣтили на вокзалѣ криками: «Vive Solferino et Magenta»; сожгли тріумфальную арку, построенную въ честь Александра II; на устроенномъ въ театрѣ народномъ спектаклѣ разлили ассафетиду. Въ 30-лѣтнюю годовщину ноябрьскаго возстанія начался національный трауръ, выражавшійся въ отказѣ отъ роскошныхъ костюмовъ и всякихъ увеселеній; кринолины и наряды почти сразу исчезли съ улицъ Варшавы и провинціальныхъ городовъ; мѣсто золотыхъ украшеній заняли патріотическія эмблемы — изображенія одноглаваго польскаго орла, оксидированныя кольца въ видѣ кандаловъ или терніевъ и т. п.; публичные балы замѣнены были лекціями на научныя темы; въ театрахъ допускался только серьезный репертуаръ. Религіозно-патріотическія манифестаціи стали достигать своей цѣли. О нихъ заговорило все населеніе. Ихъ инициаторы и организаторы, поддерживаемые ремесленниками и духовенствомъ, могли разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ. Они назначили на 25 февр. 1861 г. н. ст. новую демонстрацію на Гроховскомъ полѣ подъ Варшавой, на которомъ въ 1831 г. происходила битва между польскими повстанцами и русскими войсками подъ начальствомъ Дибича-Забалканскаго. Но собравшуюся въ этотъ день Старомъ Мѣстѣ—такъ называется кварталъ Варшавы, заселенный въ то время мелкими ремесленниками, — большую толпу, намѣревавшуюся двинуться на поле сраженія, разсѣяли по приказу оберъ-полицмейстера Ѳ. Ѳ. Трепова казаки и жандармы. Спустя два дня между манифестантами и войсками произошло новое столкновеніе, во время котораго по безоружной толпѣ, пѣвшей религіозные гимны, данъ былъ залпъ, при чемъ убито было пять человѣкъ: два помѣщика, ремесленникъ, рабочій и гимназистъ. Этотъ несчастный случай взбудоражилъ всю Варшаву. Озлобленіе городского населенія противъ властей достигло теперь своего апогея. Взрывъ негодованія озадачилъ самого намѣстника М. Д. Горчакова, который передалъ управленіе городомъ «делегаціи», составленной изъ представителей различныхъ слоевъ населенія: писателя Крашевскаго, доктора Халубинскаго, купца Шленкера, двухъ ксёндзовъ, раввина, сапожника и другихъ лицъ. Опасеніе передъ дальнѣйшими волненіями и растерянность правительства, озабоченнаго броженіемъ, происходившимъ въ самой имперіи въ связи съ осуществляемой въ то именно время крестьянской ре-

формой, привели къ предоставленію полякамъ извѣстныхъ льготъ, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ маркиза Вѣлёпольскаго.

Маркизъ Александръ Вѣлёпольскій (род. въ 1803 г.) выступилъ на политическое поприще еще въ эпоху возстанія 1830 г.; избранный депутатомъ на сеймѣ и затѣмъ отправленный предсѣдателемъ революціоннаго правительства кн. Адамомъ Чарторійскимъ въ Лондонъ съ дипломатическими порученіями, онъ уже во время этой поѣздки убѣдился въ неосновательности польскихъ надеждъ на иностранную помощь; увѣренность эту еще болѣе усилила «Галиційская рѣзня» 1846 г. и роль, какую во время этихъ событій сыграло правительство Меттерниха. Въ опубликованномъ въ томъ же году «Открытомъ письмѣ къ кн. Меттерниху» (Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich) Вѣлёпольскій, осуждая австрійское правительство, убѣждалъ поляковъ положиться на великодушіе русскаго императора, такъ какъ только единеніе съ Россіей можетъ обезпечить полякамъ ихъ національную самобытность. Письмо это, столь несогласное съ народными идеалами поляковъ, вызвало страстную отповѣдь поэта Сигизмунда Красинскаго и навлекло на Вѣлёпольскаго презрѣніе общественнаго мнѣнія,—презрѣніе, еще болѣе усилившееся въ эпоху крымской войны, когда онъ демонстративно отправилъ въ ряды русскаго войска своего сына Сигизмунда, недопущеннаго впослѣдствіи гр. Андреемъ Замойскимъ въ члены Земледѣльческаго Общества. Когда варшавскія манифестаціи приняли угрожающіе размѣры, и правительство пришло къ рѣшенію, на ряду съ подавленіемъ безпорядковъ, смягчить строгости и предоставить полякамъ извѣстныя льготы, оно остановило свое вниманіе на маркизѣ Вѣлёпольскомъ, какъ человѣкѣ, могущемъ внести успокоеніе въ волновавшуюся страну; намѣстникъ Царства Польскаго кн. Горчаковъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ выработанному Вѣлёпольскимъ плану реформъ и послалъ въ Петербургъ соотвѣтствующее представленіе. Планъ этотъ въ главныхъ своихъ чертахъ сводился къ развитію системы народнаго образованія въ національномъ духѣ, введенію въ Царствѣ Польскомъ мѣстнаго самоуправленія, очиншеванію крестьянъ и предоставленію политическихъ правъ евреямъ. Въ отвѣтъ на представленіе кн. Горчакова послѣдовалъ 14/25 марта 1861 г. Высочайшій указъ о возстановленіи государственнаго совѣта Царства, но безъ признаковъ представительства и лишь съ правомъ обсужденія нуждъ всей страны, прошеній и жалобъ жителей, о введе-

Маркизъ Вѣлёпольскій.

нія органовъ мѣстнаго самоуправленія — губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ для совѣщанія о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, объ учрежденіи комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ упраздненіемъ варшавскаго учебнаго округа и о допустимости реорганизаціи училищъ и открытія высшихъ учебныхъ заведеній. Назначенный директоромъ комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Вѣлёпольскій при самомъ вступленіи въ новую должность, открывавшую весьма широкій просторъ для осуществленія его реформаторскихъ плановъ, вооружилъ противъ себя польское общество, уже ранѣе не надѣлявшее его своими симпатіями. Представившейся ему депутаціи отъ католическаго духовенства онъ сдѣлалъ выговоръ за участіе въ манифестаціяхъ и предупредилъ, что не допуститъ «правительства въ правительствѣ». Вслѣдъ за тѣмъ, 6 апр. 1861 г., онъ закрылъ державшееся вдали отъ манифестацій и политически пассивное Земледѣльческое Общество, создавая себѣ тѣмъ самымъ новыхъ враговъ въ средѣ наиболѣе умѣренныхъ элементовъ польскаго общества. Отвѣтомъ на эту репрессію было устройство въ Варшавѣ 8 апрѣля враждебной маркизу уличной демонстраціи, во время которой войсками было убито болѣе 100 человѣкъ и нѣсколько сотъ ранено.

«Моральная революція». Разставленныя на площади Варшавы послѣ событій 8 апрѣля 1861 г. войска сдѣлали невозможными дальнѣйшія уличныя манифестаціи. Патріотическое движеніе вновь направилось въ храмы, въ которыхъ искало себѣ выраженія придавленное патріотическое чувство. Вновь начались панихиды по умершимъ въ послѣднее время руководителямъ общества, Іоахимѣ, Лелевелѣ, Адамѣ Чарторійскомъ и по другимъ польскимъ патріотамъ, особенно по «пяти павшимъ», пролившимъ свою кровь, какъ выразился на ихъ похоронахъ одинъ духовный ораторъ, для того, чтобы «умилостивить тяготѣющій надъ поляками гнѣвъ Божій»; одновременно съ этимъ во всѣхъ костелахъ совершались богослуженія «за благоденствіе отчизны», неизмѣнно кончавшіяся пѣніемъ религіозныхъ гимновъ. Но эти церковныя манифестаціи не имѣли еще рѣзко выраженнаго антиправительственнаго характера. Распѣвавшіяся манифестантами пѣсни не заключали въ себѣ ничего «опаснаго» и не могутъ быть квалифицированы, какъ революціонныя. Одна изъ нихъ — Boze, cos Polske, — сочиненная еще въ 20-хъ годахъ директоромъ Кременецкаго лицея Алоизіемъ Фелинскимъ, исполнена даже благодарности къ имп. Александру I за

возстановленіе польскаго государства и свидѣтельствуетъ о стремленіи поляковъ къ единенію съ русскими: «Боже... соедини Твои народы союзомъ свободы подъ однимъ скипетромъ ангела мира». Такое сочетаніе національнаго движенія съ религіознымъ экстазомъ находитъ себѣ объясненіе во вліяніи не вымершихъ еще въ польскомъ народѣ мессіанических идей, въ вѣрѣ поляковъ въ возможность «моральнаго переворота» и разрѣшенія польскаго вопроса не мечомъ, а крестомъ и молитвой. Характерно, что въ цѣломъ потокѣ богослуженій «за благоденствіе отчизны», совершавшихся съ марта до октября 1861 г., когда въ Варшавѣ было введено военное положеніе, шляхтой, интеллигенціей и крестьянами было устроено самое незначительное ихъ количество; всѣ остальныя приглашенія на эти богослуженія исходили отъ низшихъ слоевъ городского населенія, отъ ремесленниковъ и рабочихъ. Среди организаторовъ этихъ богослуженій мы встрѣчаемъ портныхъ, сапожниковъ, кузнецовъ, кожевниковъ, скорняковъ, каретниковъ, мясниковъ, рыбаковъ, извозчиковъ, фельдшеровъ, акушерокъ, «торговцевъ фруктами за желѣзной брамой», «зеленщицъ изъ Стараго Мяста», «панекъ-полекъ, занимающихся портняжничествомъ», «панекъ, трудящихся надъ полировкой золота», и т. д. Такимъ образомъ, городской пролетаріатъ, который первымъ отозвался на призывъ радикаловъ-студентовъ возстать на защиту родины, является и главнымъ участникомъ происходящей въ странѣ «моральной революціи»; онъ не берется еще за оружіе; для доказательства своихъ религіозно-патріотическихъ чувствъ онъ уходитъ пока въ костелы, въ которыхъ встрѣчаетъ поддержку со стороны духовенства, надѣющагося возвратить себѣ былое величіе въ союзѣ съ народными массами и не сопротивляющагося поэтому этой профанаціи религіи. Постепенно манифестаціонное движеніе переходитъ въ провинцію. Въ далекихъ мѣстечкахъ и селахъ варшавская ремесленная молодежь распространяетъ патріотическія эмблемы, бѣлые орлики, медальоны и книги и будитъ національное самосознаніе народа; она обращается съ призывомъ и къ помѣщикамъ, совѣтуя имъ облегчить тяжелое положеніе крестьянъ.

Реформы Вѣлёпольскаго.

Реформы, которыя тѣмъ временемъ проводилъ Вѣлёпольскій согласно Высочайшему указу отъ 14/26 марта 1861 г., нисколько не содѣйствовали успокоенію края. Большой аристократъ и плохой политикъ, Вѣлёпольскій не искалъ для своей программы опоры въ широкихъ массахъ трудового населенія; онъ надѣялся

провести свои преобразовательные планы въ союзѣ съ русскимъ правительствомъ и безъ согласія польскаго общества, представлявшагося ему въ видѣ заговорщиковъ-анархистовъ, которыхъ лишь постепенно можно перевоспитать въ лояльныхъ гражданъ. Убѣжденный поклонникъ дѣйствовавшаго въ Польшѣ кодекса Наполеона, признававшаго, что «каждый туземецъ пользуется гражданскими правами», Вѣлёпольскій мечталъ о созданіи сильнаго третьяго сословія, какъ противовѣса стремившейся къ возстановленію независимаго польскаго государства шляхтѣ; это третье сословіе онъ хотѣлъ образовать, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, которымъ открылъ доступъ въ губернскіе, уѣздные и городскіе совѣты и даже въ государственный совѣтъ. Консерваторъ въ крестьянскомъ вопросѣ, онъ замѣнилъ барщину оброчной системой, сначала добровольной, затѣмъ обязательной; но выкупные платежи, замѣнившіе барщину, были при этомъ вычислены по столь высокой таксѣ, что сами помѣщики признавали ихъ превосходящими платежныя силы крестьянъ и дѣлали имъ скидку. Если реформа эта была проведена въ расчетѣ на пріобрѣтеніе симпатій помѣщичьей шляхты, то цѣли своей она не достигала: шляхта не измѣнила враждебнаго отношенія къ Вѣлёпольскому, раздражавшему ее своимъ чрезмѣрнымъ тяготѣніемъ къ Россіи, и не сошла съ того пути, на который стала въ памятномъ засѣданіи Земледѣльческаго Общества.—Наибольшее значеніе имѣла, несомнѣнно, школьная реформа Вѣлёпольскаго, направленная къ національзаціи польской школы и приданію ей строго польскаго характера. Вѣлёпольскому не удалось ввести въ Польшѣ обязательнаго начальнаго обученія — выработанный имъ соотвѣтствующій проектъ, прошедшій черезъ государственный совѣтъ, былъ отвергнутъ въ Петербургѣ, — но онъ принялъ мѣры къ увеличенію начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, улучшилъ программу преподаванія и добился открытія (въ 1862 г.) въ Варшавѣ «Главной школы» съ четырьмя факультетами въ объемѣ университетскаго курса.

Взрывъ возстанія.

Однако всѣ, даже наиболѣе прогрессивныя, начинанія Вѣлёпольскаго наталкивались на крайнее недовѣріе польскаго общества и на препятствія со стороны намѣстниковъ Царства, непрерывно смѣнявшихся послѣ смерти кн. Горчакова (ген. Н. О. Сухозанетъ — съ 18 мая по 11 авг. 1861 г., гр. К. К. Ламбертъ — по 14 окт. 1861 г., опять Сухозанетъ — по 24 окт. 1861 г., ген. А. Н. Лидерсъ — по 2 іюня 1862 г.) и мало знакомыхъ съ нуждами

и настроеніями польскаго народа. Военное положеніе, введенное гр. Ламбертомъ въ Варшавѣ и объявленное 2/14 окт. 1861 г., наканунѣ готовящейся демонстраціи по поводу годовщины смерти Косцюшки, усилило лишь подпольныя организаціи, въ составъ которыхъ вошли преимущественно ремесленники и рабочіе, и обострило нервное напряженіе столицы. Назначенныя по Косцюшкѣ панихиды состоялись со всѣми церемоніями и пѣніемъ религіозныхъ гимновъ, но присутствовавшіе на нихъ были заарестованы введенными въ костелы войсками и отправлены въ цитадель. Въ этомъ поступкѣ властей римско-католическое духовенство увидѣло поруганіе своихъ святынь и объявило правительству войну въ формѣ временнаго закрытія всѣхъ костеловъ. Примѣру ксёндзовъ послѣдовали евангелическіе пасторы и еврейскіе раввины, также закрывшіе свои храмы. Взволновалось и населеніе литовскихъ губерній, за нѣсколько дней передъ тѣмъ подчеркнувшее свою солидарность съ поляками устройствомъ грандіозной манифестаціи подъ Городломъ въ годовщину польско-литовской уніи 1413 г. Террористическія мѣры, къ которымъ прибѣгъ намѣстникъ А. Н. Лидерсъ, не производили никакого дѣйствія. Въ іюнѣ 1862 г. пистолетнымъ выстрѣломъ Лидерсу раздроблена была челюсть. Новый намѣстникъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ, братъ Александра II, былъ раненъ 3 іюля, на второй день послѣ своего пріѣзда въ Варшаву. Затѣмъ произведены были два неудавшіяся покушенія на Вѣлёпольскаго, назначеннаго начальникомъ гражданскаго управленія Царства Польскаго. Тогда Вѣлёпольскій, по выраженію его біографа В. Д. Спасовича, «для борьбы съ революціей прибѣгъ къ средствамъ самой же революціи,—къ тому, что называется coup d'etat». На январь 1863 г. онъ назначилъ рекрутскій наборъ, но не по жребію, а по заранѣе составленнымъ администраціей именнымъ спискамъ; распространяя наборъ только на города и занося въ списки наиболѣе безпокойныхъ революціонеровъ, онъ надѣялся такимъ путемъ освободить страну отъ руководителей движенія и водворить въ ней спокойствіе. «Это не конституція, а проскрипція,—говорилъ онъ,—но она необходима». Несмотря на отрицательное отношеніе къ этой мѣрѣ высшихъ петербургскихъ и мѣстныхъ военныхъ властей съ вел. княземъ-намѣстникомъ во главѣ, несмотря на предупрежденія спеціально пріѣхавшаго въ Варшаву русскаго посланника въ Парижѣ кн. Орлова, указывавшаго на негодованіе западно-европейскаго и особенно французскаго общественнаго мнѣнія и выражавшаго опа-

сеніе, какъ бы осуществленіе проекта Вѣлёпольскаго не вызвало взрыва возстанія, рекрутскій наборъ былъ произведенъ въ ночь съ 14 на 15 янв. 1863 г. при содѣйствіи администраціи, полиціи и солдатъ. Но взяты были только тѣ, кто не хотѣлъ или не успѣлъ уйти. Остальные бѣжали въ лѣса. Спустя 8 дней, въ ночь съ 22 на 23 янв., вспыхнуло возстаніе.

Возстаніе и общество.

Организовавшійся лѣтомъ 1861 г. «Центральный народовый комитетъ» принялъ на себя руководительство возстаніемъ въ качествѣ временнаго національнаго правительства (ржондъ народовый), полномочія котораго должны были окончиться послѣ прибытія проживавшаго въ Парижѣ ген. Мѣрославскаго, намѣченнаго на постъ диктатора возстанія. Народовый ржондъ въ составѣ предсѣдателя, студента Кіевскаго университета Стефана Бобровскаго, и нѣсколькихъ членовъ, принадлежавшихъ къ партіи «красныхъ», оказался съ самаго начала своей дѣятельности въ крайне затруднительномъ положеніи. На призывъ его къ вооруженному возстанію отозвались только участники неудавшейся «моральной революціи», т.-е. городской пролетаріатъ, ремесленники и рабочіе, низшее, преимущественно монашеское, духовенство, отчасти мелкіе чиновники и дворская челядь—въ общей сложности, около 10.000 человѣкъ. Вооруженные охотничьими двухстволками, пиками, косами и палками и лишенные какихъ бы то ни было опорныхъ пунктовъ, крѣпостей и арсеналовъ, польскіе повстанцы пытались вести борьбу съ Россіей, располагавшей къ началу возстанія почти стотысячной арміей въ самомъ Царствѣ Польскомъ и такимъ же количествомъ войска въ смежныхъ съ Царствомъ областяхъ. Они не могли разсчитывать на пополненіе скудной повстанческой кассы—въ началѣ возстанія въ ней находилось около 400.000 польскихъ злотыхъ (60.000 руб.) — въ виду враждебнаго отношенія къ возстанію наиболѣе зажиточнаго класса населенія—помѣщичьей шляхты, напуганной кандидатурой Мѣрославскаго, «адскаго демагога», которому, основательно или нѣтъ, приписывалась фраза, что «Польша будетъ свободна только тогда, когда на кишкѣ послѣдняго ксёндза будетъ повѣшенъ послѣдній шляхтичъ». Страхъ передъ социальной революціей раздѣляли со шляхтой богатые мѣщане и евреи. Оставались надежды на крестьянъ. Стремясь привлечь ихъ къ возстанію, революціонныя власти прибѣгали то къ религіозной демагогіи, то къ радикальнымъ соціальнымъ реформамъ. Такъ, національная организація Сандомірскаго воеводства, издавая 1 янв. 1863 г. обращеніе къ крестьянамъ, заявляла объ-

учрежденіи въ Варшавѣ тайнаго народнаго правительства, признавшаго Ченстоховскую Божію Матерь королевой Польши и приказавшаго, чтобы со времени перехода страны подъ опеку Божіей Матери всѣ жители признавались братьями, чтобы отнынѣ не было ни пановъ, ни хлоповъ, ни шляхты, ни чиновниковъ, ни мѣщанъ, но только равные во всѣхъ отношеніяхъ граждане-поляки. Исправляя регентство отъ имени Богоматери, народное правительство въ самомъ началѣ возстанія, 22 янв. 1863 г., издало декретъ о безвозмездномъ переходѣ всей земли, состоявшей въ пользованіи крестьянъ, въ полную ихъ собственность и о запрещеніи помѣщикамъ требовать съ крестьянъ барщину и взимать какіе бы то ни было платежи и поборы въ свою пользу. Значенія этого акта не слѣдуетъ умалять. Энергично приводившійся въ исполненіе при содѣйствіи террористической организаціи «жандармовъ-вѣшателей», декретъ 22 янв. оказалъ несомнѣнное вліяніе на русское крестьянское законодательство въ Царствѣ Польскомъ, которые принуждено было учесть создавшееся въ странѣ положеніе, принять во вниманіе фактъ неплатежа крестьянами повинностей съ самаго начала возстанія и перехода къ нимъ земли безъ всякаго выкупа. Но цѣли, которую преслѣдовали его авторы, декретъ 22 янв. не достигъ. Онъ не привлекъ на сторону движенія крестьянъ. «Слишкомъ мало въ нихъ, — пишетъ историкъ крестьянскаго вопроса въ Польшѣ А. А. Корниловъ,—было развито сознаніе своей національности; слишкомъ сильно говорило въ нихъ чувство недовѣрія и ненависти къ панамъ». Чуждые идеѣ возстанія въ 1861 г., враждебные къ ней въ 1862 г., польскіе крестьяне, принявши изъ рукъ народоваго ржонда землю, въ лучшемъ случаѣ заняли выжидательную позицію, въ худшемъ—«сыграли, по выраженію польскаго историка, роль Каиновъ по отношенію къ братьямъ повстанцамъ». Нерѣдко они безжалостно добивали остатки повстанческихъ отрядовъ, доставляли русскимъ войскамъ проводниковъ и оказывали имъ всяческое содѣйствіе. Партизанскіе начальники, въ свою очередь, жестоко мстили за это крестьянамъ и вѣшали ихъ на проѣзжихъ дорогахъ. Разбирая причины такого отношенія сельскаго люда къ возстанію, польскій историкъ Грабецъ отмѣчаетъ агитацію русскихъ комендантовъ и военачальниковъ,—агитацію, падавшую на почву, уже подготовленную двухлѣтними аграрными волненіями и плачевнымъ положеніемъ деревни; онъ указываетъ также, что «повстанческіе отряды, составленные изъ ненавистной крестьянамъ дворской челяди и мѣщанъ, требовали въ деревняхъ

провіанта и фуража, разоряли крестьянское достояніе, уничтожали посѣвы и, главное, выступали противъ русскаго правительства, на которое крестьяне возлагали до тѣхъ поръ всѣ свои надежды и въ которомъ видѣли своего защитника отъ вѣкового панскаго притѣсненія и избавителя отъ злоупотребленій крѣпостного права; партизанскіе отряды были въ глазахъ крестьянъ лишь нарушающими порядокъ «бунтовщическими бандами»[1]).

Совокупность указанныхъ обстоятельствъ исключала возможность успѣха возстанія. Мѣрославскій, принявшій въ половинѣ февраля диктатуру, дважды потерпѣлъ пораженіе у самой границы отъ русскаго полковника Шильдера-Шульднера и, контуженный, бѣжалъ въ Познанское княжество. Его преемникъ, «семидневный» диктаторъ Маріанъ Лянгевичъ, соратникъ Гарибальди и профессоръ артиллеріи въ Кунео, былъ арестованъ австрійскими властями въ Галиціи, черезъ которую онъ пытался пробраться къ Люблину, и, заключенный въ моравскую крѣпость Оломунецъ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ — дочерью русскаго генерала Анной Пустовойтовой, сошелъ со сцены возстанія. Другіе начальники повстанческихъ отрядовъ или погибли въ неравномъ бою, или, взятые въ плѣнъ, ожидали повѣшенія или разстрѣла. Къ концу марта 1863 г. возстаніе можно было считать почти ликвидированнымъ. Тутъ, однако, для повстанцевъ засіяла новая надежда,—надежда на иностранную помощь.

Возстаніе и Зап. Европа.

Борьба горсти повстанцевъ съ могущественной Россіей вызывала живѣйшія симпатіи къ полякамъ со стороны народовъ Зап. Европы. Въ Лондонѣ, Туринѣ, Лиссабонѣ, Брюсселѣ, во многихъ швейцарскихъ городахъ, происходили народные митинги, выносившіе революціи о необходимости оказать Польшѣ помощь. 7000 французскихъ рабочихъ заявили польскому комитету въ Парижѣ о своей готовности вступить въ ряды повстанческой арміи. Во всѣхъ почти парламентахъ состоялись «польскіе дебаты». Статьями о польскомъ возстаніи переполнены были иностранныя газеты. Викторъ Гюго, Мадзини, Энгельсъ, Марксъ, Гарибальди, гр. Монталамберъ, принцъ Іеронимъ Наполеонъ, Кошутъ и другіе политическіе и общественные дѣятели Зап. Европы, нерѣдко совершенно различные по своей партійной окраскѣ, соединялись подъ общимъ знаменемъ пріязни и сочувствія Польшѣ. Когда въ февралѣ 1863 г.

[1]) См. рецензію на книгу Грабца въ журналѣ «Голосъ Минувшаго», іюль 1913 г.

заключена была въ Петербургѣ по иниціативѣ кн. Бисмарка прусско-русская конвенція, гарантировавшая обоимъ государствамъ взаимную вооруженную помощь противъ поляковъ, а довѣрительное письмо Наполеона III къ имп. Александру II относительно предоставленія Польшѣ самодѣятельности не возымѣло никакого дѣйствія,—Франція, Австрія и Англія открыто вмѣшались въ польское дѣло. 4/13 апр. французскій посолъ въ Петербургѣ гр. Монтебелло, англійскій — лордъ Нэпиръ и австрійскій — гр. Тунъ вручили русскому канцлеру кн. Горчакову представленія аккредитовавшихъ ихъ державъ, различныя по своему тону, но почти аналогичныя по содержанію. Франція и Австрія указывали на опасность, грозящую спокойствію всей Европы со стороны хронически повторяющихся польскихъ возстаній, и выражали надежду, что русскій императоръ, въ доброжелательствѣ и либерализмѣ котораго названныя державы не сомнѣваются, пожелаетъ найти средства, могущія гарантировать Польшѣ длительный миръ. Съ болѣе рѣзкимъ заявленіемъ выступила Англія. Исходя изъ точнаго смысла Вѣнскаго трактата, она «со скорбью» констатировала неисполненіе Россіей обязательствъ, принятыхъ ею на себя по отношенію къ полякамъ, и предупреждала, что такое поведеніе Россіи можетъ вызвать конфликтъ «весьма грознаго характера». Спустя двѣ недѣли послѣдовалъ уклончивый отвѣтъ русскаго правительства на изложенныя ноты; не безъ колкости кн. Горчаковъ обращалъ въ этомъ отвѣтѣ вниманіе державъ на то, что водвореніе спокойствія въ Царствѣ Польскомъ въ значительной степени зависитъ отъ нихъ самихъ, такъ какъ главными причинами длительности возстанія являются надежды поляковъ на помощь этихъ державъ. Молчаніе, которымъ державы встрѣтили русскій отвѣтъ, свидѣтельствовало объ отсутствіи среди нихъ единенія и опредѣленнаго плана дѣйствія. Единенія среди заступившихся за Польшу державъ дѣйствительно не существовало. Франція негодовала на Пруссію, но считалась съ Россіей; Англія признавала «главной виновницей» Россію; Австрія колебалась въ виду своей естественной солидарности съ державами, участвовавшими въ польскихъ раздѣлахъ; она опасалась, какъ бы результатомъ ея столкновенія съ Россіей и Пруссіей не явилась утрата ею богатой и спокойной Галиціи безъ какой бы то ни было компенсаціи.

Возстаніе и русское общество

Иноземное вмѣшательство въ польскія дѣла вызвало сильное патріотическое движеніе въ Россіи. Въ началѣ возстанія и русское общество, и нѣкоторые періодическіе органы, «Современ-

никъ», «Петербургскія Вѣдомости» и др., проявляли несомнѣнное сочувствіе къ возставшимъ полякамъ, видя въ рѣшимости ихъ приняться за оружіе естественный отвѣтъ на произведенный Вѣлёпольскимъ рекрутскій наборъ. Герценъ прямо признавалъ въ «Колоколѣ», что возстаніе вызвано Россіей и Вѣлёпольскимъ. и съ похвалой отзывался о повстанцахъ. Но дипломатическая кампанія привела къ тому, что поляки, боровшіеся до сихъ поръ лишь съ русскимъ правительствомъ, увидѣли во враждебномъ себѣ лагерѣ значительную часть русскаго народа. Въ ту пору либеральныхъ вѣяній и либеральныхъ реформъ патріотической прессѣ съ М. Н. Катковымъ во главѣ нетрудно было представить польское возстаніе, какъ дѣло реакціонной польской шляхты, возставшей на защиту своихъ классовыхъ интересовъ противъ русскаго правительства, преисполненнаго лучшихъ чувствъ къ порабощеннымъ и эксплуатируемымъ польскимъ крестьянамъ. Попытка иностранныхъ державъ заступиться за поляковъ изображалась, какъ походъ противъ Россіи и ея государственнаго единства, какъ грядущее нашествіе на Москву двунадесяти языковъ. Предпринятая реакціонной прессой кампанія противъ поляковъ сопровождалась патріотическими манифестаціями, подачей всеподданнѣйшихъ адресовъ, сборами пожертвованій въ пользу «бѣдныхъ польскихъ хлоповъ, разоренныхъ повстанцами», «жертвъ жандармовъ — вѣшателей» и т. п. За всеподданнѣйшими адресами дворянства петербургской, московской и другихъ губерній, за 44 молебнами и панихидами, отслуженными въ одной Москвѣ, за проявленіемъ патріотическихъ чувствъ со стороны старообрядцевъ, послѣдовали манифестаціи евреевъ, кіевскихъ, смоленскихъ, могилевскихъ и минскихъ. Въ этомъ антипольскомъ движеніи приняли участіе самые видные представители русской общественности, науки и литературы, И. С. Аксаковъ, Гильфердингъ, Кояловичъ, Самаринъ, Погодинъ, Костомаровъ, Кулишъ и даже Тургеневъ, Некрасовъ, Тютчевъ. Только Герценъ недоумѣнно спрашивалъ въ «Колоколѣ»: «къ чему этотъ патріотическій скандалъ, словно покойникъ Растопчинъ бѣгаетъ съ зажженной спичкой по Москвѣ, а покойникъ Наполеонъ ѣдетъ изъ Филей по Дорогомиловскому мосту?» Онъ старался успокоить возбужденіе, вызванное въ русскомъ обществѣ вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ, и увѣрялъ, что эти послѣднія «помогаютъ (полякамъ) платоническимъ сочувствіемъ, корпіей, статьями и концертами, въ которыхъ послѣднюю ноту поетъ Горчаковъ».

Присоединеніе шляхты къ возстанію.

На ходъ уже близившагося къ концу польскаго возстанія дипломатическая кампанія Англіи, Франціи и Австріи оказала весьма существенное вліяніе. Аристократы-эмигранты съ кн. Владиславомъ Чарторійскимъ, сыномъ кн. Адама, во главѣ, строившіе, какъ уже было сказано, свои расчеты на иностранномъ вмѣшательствѣ, получивши отъ Наполеона III сигналъ: «durez», призвали къ участію въ возстаніи шляхту, которая до того времени держалась въ сторонѣ отъ движенія. «Бѣлые» раскрыли теперь свои кошельки и пополнили скудную повстанческую кассу. Мѣсто необученныхъ и недисциплинированныхъ повстанческихъ отрядовъ заняли хорошо вооруженныя и обмундированныя повстанческія войска, состоявшія подъ командой бывшихъ офицеровъ. Вся интеллигенція демонстративно порвала сношенія съ русскимъ правительствомъ. Польскіе члены Государственнаго Совѣта подали въ отставку вмѣстѣ съ варшавскимъ архіепископомъ Сигизмундомъ-Щенснымъ Фелинскимъ; примѣру ихъ послѣдовали лица, занимавшія почетныя должности въ Царствѣ Польскомъ и въ литовскихъ губерніяхъ, предводители дворянства, члены губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, мировые посредники и т. д. Амнистія, предложенная русскимъ правительствомъ тѣмъ участникамъ возстанія, которые до 1 (13) мая сложатъ оружіе, была отвергнута. Новые, умѣренные руководители движенія постановили придать всему возстанію иное, согласное измѣнившимся внѣшнимъ обстоятельствамъ, направленіе. Съ одной стороны, они, находя, что «границы будущей Польши опредѣлятся пролитою повстанцами кровью», старались расширить территорію возстанія, распространить его на всю историческую Польшу — Литву, Подолію, Волынь, Украину, Ливонію и другія бывшія польскія земли; съ другой стороны, принимая во вниманіе, что иностранная помощь пока не выходитъ изъ сферы дипломатическаго давленія на Россію, они рѣшили беречь народныя силы до возникновенія войны и въ ожиданіи реальной помощи со стороны державъ превратить начатую «красными» народную революцію въ вооруженную общенародную демонстрацію; представители имущественныхъ круговъ польскаго общества, они въ опубликованной 16 апр. программѣ объявляли единственною цѣлью возстанія пріобрѣтеніе политической независимости Польши и отвергали всѣ соціальные вопросы; не высказываясь открыто противъ надѣленія крестьянъ землею, они откладывали проведеніе аграрной реформы на неопредѣленное время; есть основаніе думать, что они под-

строили дуэль опаснаго для нихъ соперника Стефана Бобровскаго, бывшаго предсѣдателя «краснаго» народоваго ржонда, съ секретаремъ диктатора Лянгевича гр. Адамомъ Грабовскимъ, закончившуюся смертью близорукаго, не владѣвшаго оружіемъ, Бобровскаго. 30000-ную собранную ими повстанческую армію они разсѣяли по всѣмъ землямъ бывшей Рѣчи Посполитой, но главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій попрежнему оставалось Царство Польское.

Отношеніе крестьянъ къ возстанію въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ.

Обращеніе народоваго ржонда къ братьямъ-литовцамъ и русинамъ осталось безъ отклика. Литовскіе крестьяне, освобожденные въ мартѣ 1863 г. русскимъ правительствомъ отъ «обязательныхъ отношеній» къ помѣщикамъ, не поддержали возстанія. Успѣху послѣдняго препятствовалъ также антагонизмъ, существовавшій между двумя дѣйствовавшими въ Вильнѣ комитетами, умѣреннымъ и краснымъ. Первый стращалъ русское правительство соціальной революціей, пытаясь такимъ путемъ добиться извѣстныхъ уступокъ. Въ то же время онъ самъ опасался соціальной революціи и надѣялся лишь на европейское вмѣшательство. Второй отталкивалъ отъ себя польское общество сепаратистическими тенденціями, стремленіемъ къ полной самостоятельности Литвы, къ разрыву ея съ Польшей. Только въ жмудскихъ областяхъ движеніе приняло чисто-народный характеръ; здѣсь крестьяне явно сочувствовали возстанію и нерѣдко принимали на себя предводительство партизанскими отрядами. — Если отношеніе крестьянства литовскихъ губерній къ возстанію можно характеризовать, какъ нейтральное, то въ большинствѣ другихъ перешедшихъ къ Россіи областей «исторической Польши» его слѣдуетъ признать прямо враждебнымъ. На Украинѣ возстаніе было подавлено силами самихъ крестьянъ съ незначительною лишь помощью русскаго войска. Съ крайнимъ ожесточеніемъ крестьянскіе отряды, руководимые русской полиціей, преслѣдовали и убивали «бисовыхъ ляхивъ», пытавшихся принести имъ землю и свободу. Въ глазахъ украинскаго крестьянина польскій идеалистъ-демократъ оставался представителемъ ненавистной ему польской шляхты, поработительницы и притѣснительницы сельскаго люда. Особенно трагическая судьба постигла небольшую партію студентовъ Кіевскаго университета, отправившихся изъ Кіева для распространенія «Золотой грамоты», изданной на малорусскомъ языкѣ народовымъ ржондомъ и обѣщавшей крестьянамъ земельные надѣлы, гражданское равноправіе, свободу исповѣданія и языка, а пра-

вославнымъ священникамъ — опредѣленное жалованіе изъ государственнаго казначейства подъ условіемъ безвозмезднаго исполненія церковныхъ требъ. Встрѣчаемые во многихъ деревняхъ битіемъ въ набатъ, бранью, издѣвательствомъ и полнѣйшимъ недовѣріемъ — «ни, хлопци, то воны намъ дурятъ головы!» говорили крестьяне по поводу уставной грамоты, — подозрѣваемые во всевозможныхъ преступленіяхъ вплоть до поджоговъ крестьянскихъ избъ и намѣренія вырѣзать крестьянскія семьи, кіевскіе студенты-народники, дошедши до дер. Соловьевки, частью погибли здѣсь подъ ударами крестьянскихъ косъ и палокъ, частью, тяжело раненые, были отвезены въ кіевскую и житомирскую тюрьмы казаками, успѣвшими вырвать ихъ изъ рукъ разъяренныхъ крестьянъ.—Съ такою же враждебностью отнеслось къ возстанію и волынское сельское населеніе. Въ Подоліи не поднялась даже шляхта. Въ Ливоніи агитаціонная дѣятельность революціонныхъ эмиссаровъ вызвала соціальную катастрофу: крестьяне разгромили помѣщичьи имѣнія, перебили шляхту и торжественно доставили убитыхъ и раненыхъ въ Двинскъ.

Муравьевъ въ Литвѣ.

Приступленіе шляхты къ возстанію, попытки ея распространить движеніе на сѣверо-западный и юго-западный край, появленіе «золотыхъ грамотъ» въ Поволжьѣ (т. наз. «Казанскій заговоръ»), въ которомъ еще жива была память о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ, наконецъ, сочувствіе западно-европейскаго общества польскимъ повстанцамъ, заставлявшее опасаться международныхъ осложненій,— всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, принудили русское правительство принять болѣе энергичныя мѣры для подавленія польскаго возстанія. Въ Литву и Царство Польское отправлены были усмирители—гр. Муравьевъ и гр. Бергъ. Гр. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, нѣкогда участникъ заговора декабристовъ, выдавшій впослѣдствіи своихъ товарищей и начавшій съ этого времени быстро подвигаться по административной лѣстницѣ, заслужившій еще на посту гродненскаго губернатора своими жестокостями эпитетъ «вѣшателя» и не безъ гордости говорившій, что онъ «не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ», будучи назначенъ на отвѣтственный постъ литовскаго ген.-губернатора и снабженъ почти неограниченными полномочіями, превзошелъ даже ту репутацію, которую онъ стяжалъ себѣ своею предшествовавшею дѣятельностью. Признавая главными виновниками возстанія католическихъ ксендзовъ, шляхту, помѣщиковъ и польскихъ чиновниковъ и ища для себя опоры въ лояль-

ныхъ крестьянскихъ массахъ, онъ старался привлечь послѣднія на сторону русскаго правительства надѣленіямъ ихъ особыми правами и преимуществами и послѣдовательнымъ проведеніемъ самой демократической аграрной политики. Онъ организовалъ изъ крестьянъ сельскую стражу, имѣвшую наблюденіе надъ остальными гражданами, задерживавшую на дорогахъ и при корчмахъ проѣзжихъ и ревизовавшую ихъ паспорта. Обязанность содержанія русскаго войска въ Литвѣ онъ возложилъ на губернаторовъ, которымъ предоставилъ право изыскивать для этого средства въ имѣніяхъ помѣщиковъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ возстанію. Стремясь къ экономическому разоренію помѣщичьей шляхты, онъ обложилъ шляхетскія имѣнія контрибуціями въ размѣрѣ 10% дохода. Земли и дома шляхтичей, участвовавшихъ въ возстаніи, оказавшихъ ему какое бы то ни было содѣйствіе или просто покинувшихъ свои владѣнія безъ разрѣшенія воинскаго начальника, онъ велѣлъ подвергнуть секвестру и передать безземельнымъ крестьянамъ, особенно тѣмъ, которые проявили усердіе при подавленіи возстанія. Онъ поощрялъ крестьянъ и денежными преміями, назначивши 5 рублей за поимку повстанца съ оружіемъ и 3 руб.—безъ оружія. Убытки, причиненные повстанцами частнымъ лицамъ и государственной казнѣ, онъ разложилъ на имѣнія помѣщиковъ польскаго происхожденія, распорядившись въ случаѣ неуплаты подвергать принудительной продажѣ ихъ недвижимое имущество. За доставку повстанцамъ продовольствія или недонесеніе о проходѣ повстанческихъ отрядовъ онъ предавалъ виновныхъ военному суду; на каждые три дня его управленія Литвою приходилось приблизительно по одному казненному. Аресты «безъ малѣйшей вины», даже при отсутствіи подозрѣнія, вѣшанія «ради примѣра», уничтоженіе до тла помѣщичьихъ мазъ и шляхетскихъ околицъ (поселеній мелкой шляхты) являлись обычными его пріемами, въ которыхъ онъ самъ сознается въ своихъ запискахъ. Отрицая за поляками какія бы то ни было культурно-національныя права въ Литвѣ, онъ принималъ широкія мѣры къ уничтоженію въ ней польщизны, запрещалъ школьное преподаваніе польскаго языка, упразднялъ католическіе монастыри и т. п., поощряя въ то же время усиленными окладами русскихъ чиновниковъ и православное духовенство. Но подавляя возстаніе путемъ террора, разоренія и искорененія польскаго элемента въ литовскихъ губерніяхъ и насажденія въ нихъ русскихъ началъ, онъ самъ сознавалъ, что однѣхъ этихъ мѣръ недостаточно

для умиротворенія края. Въ письмахъ къ министру государственныхъ имуществъ А. А. Зеленому, недавно изданныхъ въ журналѣ «Голосъ Минувшаго», онъ указывалъ и на другую, положительную, мѣру — на «возвышеніе самостоятельнаго быта сельскаго населенія»; онъ надѣялся достигнуть этой цѣли обезпеченіемъ крестьянъ земельными угодіями и уничтоженіемъ разорительныхъ для нихъ чиншей и оброковъ. Редакторъ названныхъ писемъ В. И. Семевскій признаетъ, что хотя «въ дѣятельности Муравьева въ сѣверо-западной Россіи очень много сторонъ, глубоко возмущающихъ нравственное чувство, но въ крестьянскомъ дѣлѣ его рѣшительность и замѣчательная энергія принесли чрезвычайно много пользы сельскому населенію сѣверо-западнаго края». Выхлопотавши высочайшее разрѣшеніе на пересмотръ всѣхъ постановленій мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и надѣливши мировыхъ посредниковъ, назначенныхъ имъ изъ лицъ, извѣстныхъ своими демократическими убѣжденіями, инструкціей дѣлать при провѣркѣ уставныхъ грамотъ «возможно дешевую оцѣнку землямъ, отводимымъ крестьянамъ въ надѣлъ», онъ увеличилъ пространство крестьянскаго землевладѣнія въ Гродненской, Виленской, Витебской, Ковенской и Минской губерніяхъ въ среднемъ на 24% и, признавши въ отличіе отъ остальной Россіи обязательность выкупа, понизилъ выкупные платежи на 15—20% противъ исчисленныхъ оброковъ.

Намѣстничество гр. Берга.

Графъ Θедоръ Θедоровичъ Бергъ, бывшій адъютантъ гр. Паскевича и финляндскій генералъ-губернаторъ, назначенный въ апрѣлѣ 1863 г. помощникомъ главнокомандующаго русскими войсками въ Польшѣ, занялъ въ августѣ того же года постъ намѣстника Царства съ неограниченными почти полномочіями. В. кн. Константинъ Николаевичъ, не пожелавшій, по выраженію его жены, исполнять обязанности палача поляковъ, былъ отозванъ въ Петербургъ, а начальникъ гражданскаго управленія маркизъ Вѣлёпольскій, потерпѣвши полную неудачу въ своей примирительной политикѣ, подалъ въ отставку. Стараясь подражать М. Н. Муравьеву, Бергъ усвоилъ себѣ преимущественно отрицательныя стороны усмирительной дѣятельности послѣдняго; онъ ввелъ въ систему смертныя казни и пытки, усилилъ полицію и прибѣгъ къ содѣйствію дворниковъ для наблюденія за жильцами. Ему пришлось вести жестокую борьбу съ «красными», вновь выступившими на сцену вслѣдствіе утраты польскимъ обществомъ вѣры въ успѣшность дипломатической кампаніи.

Столь жданныя поляками совмѣстныя ноты англійскаго, французскаго и австрійскаго правительствъ, отправленныя въ Петербургъ въ іюнѣ 1863 г., сводились лишь къ требованію амнистіи полякамъ и предоставленія имъ уступокъ въ предѣлахъ конституціи 1815 г.; онѣ совершенно умалчивали о «нераздѣлимости Литвы, Руси и Польши»—этомъ непоколебимомъ догматѣ участниковъ польскихъ возстаній; онѣ игнорировали выставленный въ 1863 г. лозунгъ: кровь возставшихъ опредѣлитъ границы будущей Польши. «Заступничество» державъ, въ жертву которому былъ принесенъ революціонный характеръ движенія, приводило въ лучшемъ случаѣ къ тому, что уже ранѣе предоставляли полякамъ реформы Вѣлёпольскаго и указъ объ амнистіи имп. Александра II. Народное правительство, въ которомъ имѣли перевѣсъ «бѣлые», признало «даже блѣдную тѣнь уступки (въ вопросѣ о Литвѣ) преступленіемъ и измѣной» и сложило свои полномочія въ руки представителей ультра-революціонныхъ элементовъ. На бѣлый терроръ Берга новый «сентябрскій ржондъ», составленный изъ анархистовъ, отвѣтилъ краснымъ терроромъ. Черезъ своихъ агентовъ — «жандармовъ-вѣшателей» въ провинціи и «кинжальщиковъ» въ городахъ—анархисты-демагоги стали убивать наиболѣе усердствующихъ полицейскихъ и шпіоновъ, въ томъ числѣ иностраннаго доктора Германи, котораго русское правительство командировало въ Варшаву для раскрытія революціоннаго правительства; они произвели рядъ политическихъ убійствъ и покушеній, въ томъ числѣ на самого Берга, сожгли варшавскую ратушу, въ которой находилась схема новой подымной подати, наложенной Бергомъ на городъ въ видѣ контрибуціи и т. п. Но, подражая французскимъ террористамъ 90-хъ гг. XVIII в., они усвоили себѣ только внѣшнія формы французской революціи; они не понимали ея духа, неспособны были выработать какую бы то ни было положительную программу; они знали лишь кинжалъ и петлю, на которые Бергъ отвѣчалъ казнями на городскихъ площадяхъ. Ихъ неистовства вызывали осужденіе и въ широкихъ слояхъ населенія, выносившихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть правительственныхъ репрессій, и въ шляхетскихъ кругахъ, съ большею тревогою взиравшихъ на грядущую соціальную революцію, чѣмъ на установленіе русскаго деспотизма. Преслѣдуемый русскими властями и лишенный всякой опоры въ странѣ, сентябрьскій ржондъ спустя мѣсяцъ сложилъ свою власть.

Диктатура Траугуту.

Хотя на совмѣстныя іюньскія ноты Англіи, Австріи и Франціи кн. Горчаковъ отвѣтилъ протестомъ противъ вмѣшательства европейскихъ державъ во внутреннія дѣла россійской имперіи, а при послѣдовавшей вслѣдъ за тѣмъ робкой попыткѣ Франціи поднять вопросъ о Литвѣ онъ «разъ навсегда» отказался отъ обмѣна мнѣніями по поводу этой части русскихъ владѣній, на которую, согласно его заявленію, не простирались какія бы то ни было международныя постановленія, — тѣмъ не менѣе, Наполеонъ III продолжалъ манить поляковъ надеждой на созывъ европейскаго конгресса, который разрѣшитъ польскій вопросъ въ желательномъ для поляковъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого группировавшіеся вокругъ кн. Владислава Чарторійскаго аристократы порѣшили, во что бы то ни стало, продлить возстаніе до весны и дождаться такимъ образомъ европейскаго вмѣшательства. Принявшій по ихъ предложенію въ октябрѣ 63 г. диктаторскую власть Ромуальдъ Траугутъ, горячій патріотъ и выдающійся знатокъ военнаго искусства, нѣкогда полковникъ русскихъ саперныхъ войскъ, а въ послѣднее время отважнѣйшій партизанъ, направилъ свои усилія къ превращенію разрозненныхъ партизанскихъ отрядовъ въ сплоченную регулярную армію, къ поднятію воинской субординаціи и пополненію повстанческой кассы; стремясь привлечь на свою сторону крестьянскія массы, онъ принялъ мѣры къ безпрекословному выполненію помѣщиками и чиновниками январскаго декрета народоваго ржонда о надѣленіи крестьянъ землею, установивши за нарушеніе этого декрета и за незаконное взиманіе съ крестьянъ поборовъ весьма суровыя кары вплоть до смертной казни. Уже спустя два мѣсяца у него было основаніе сообщить кн. Чарторійскому объ удовлетворительномъ положеніи возстанія. Дѣйствительно, по мѣрѣ проникновенія январскаго декрета въ деревню, равнодушное и даже враждебное отношеніе крестьянъ къ возстанію постепенно стало смѣняться несомнѣннымъ интересомъ и къ «войнѣ», и къ «польскому ржонду», давшему землю и располагавшему властью наказать кнутомъ пана или эконома, вредящаго хлопу, и повѣсить измѣнника или доносчика. Повстанческіе отряды, переведенные вслѣдствіе наступившихъ холодовъ изъ лѣсовъ въ деревни, находили въ крестьянскихъ избахъ безопасное, порою даже радушное, для себя убѣжище. Въ селахъ и деревняхъ стали возникать народныя организаціи, содѣйствовавшія успѣху возстанія; особенное значеніе имѣла крестьянская жандармерія, производившая развѣдки и сообщавшая повстанцамъ о

движенiи русскихъ войскъ. Вскорѣ, однако, Траугута постигли два роковыхъ удара. Бисмарку удалось нарушить соглашенiе между державами, выступившими на защиту Польши, и заставить Австрiю и Англiю отказаться отъ вмѣшательства въ польскiя дѣла. Въ февралѣ 1864 г. австрiйское правительство, относившееся до того времени благосклонно къ организацiи на своей территорiи польскихъ вооруженныхъ отрядовъ, объявило въ Галицiи осадное положенiе, дабы прекращенiемъ той помощи, которую поляки получали изъ галицiйскихъ земель, облегчить Россiи подавленiе возстанiя. Англiя, опасавшаяся перевѣса Францiи на проектируемомъ Наполеономъ конгрессѣ, отказалась отъ участiя въ послѣднемъ. Покинутый союзниками Наполеонъ принужденъ былъ признать себя безсильнымъ сдѣлать что бы то ни было въ пользу поляковъ. Надежда на иностранную помощь исчезла такимъ образомъ безповоротно. Одновременно съ этимъ русское правительство постановило перетянуть на свою сторону польскихъ крестьянъ, надѣливши ихъ большими правами, чѣмъ тѣ, которыя предоставлялъ имъ январскiй декретъ народоваго ржонда. Этой цѣли долженъ былъ служить актъ 19 февр. 1864 г.

Указъ 19 февр. 1864 г. Въ силу указа 19 февр. 1864 г. польскимъ крестьянамъ дарована была въ собственность вся земля, бывшая во время изданiя указа въ ихъ пользованiи, со всѣмъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, находившимся при усадьбахъ. Они получили болѣе того, что давало русскимъ крестьянамъ Положенiе 19 февр. 1861 г., и того, что обѣщалъ январскiй декретъ революцiоннаго правительства. Въ сравненiи съ положенiемъ 1861 г. преимущества указа 1864 г. состояли: 1) въ предоставленiи крестьянамъ *всей*, бывшей фактически въ ихъ владѣнiи, земли, безъ ограниченiя максимальными нормами, установленными Положенiемъ 1861 г. и приводившими нерѣдко къ тому, что русскiе крестьяне послѣ освобожденiя получали меньшее количество земли, чѣмъ какимъ пользовались при крѣпостной зависимости; 2) въ *немедленномъ* предоставленiи земли въ собственность, съ уничтоженiемъ установленнаго для русскихъ крестьянъ по Положенiю 1861 г. временно-обязаннаго перiода, соединеннаго съ несенiемъ извѣстныхъ повинностей за право пользованiя землей; 3) въ предоставленiи земли *безъ обложенiя крестьянъ выкупными платежами*, подобно тому, какъ это установлено было революцiоннымъ январскимъ декретомъ. Въ сравненiи съ этимъ послѣднимъ декретомъ преимущество указа 1864 г. состояло въ освобожденiи крестьянъ

не только отъ экономической, но и отъ юридической зависимости отъ помѣщиковъ, отъ власти и суда владѣльцевъ имѣній и ихъ арендаторовъ, благодаря введенію крестьянскаго и гминнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ. Къ сожалѣнію, указъ 19 февр. 1864 г. разрѣшалъ крестьянскій вопросъ только на ближайшее время; мелкіе участки, которые онъ предоставилъ крестьянамъ, удовлетворили земельный голодъ лишь перваго поколѣнія; слѣдующія поколѣнія, вслѣдствіе естественнаго роста населенія, въ лучшемъ случаѣ получили землю въ количествѣ недостаточномъ для пропитанія, въ худшемъ остались совсѣмъ безъ земли, увеличивая кадры деревенскаго пролетаріата. Другимъ недостаткомъ указа 19 февр. 1864 г. былъ антиобщественный его характеръ. Стремясь превратить крестьянство въ оплотъ государственной власти въ Царствѣ Польскомъ и раздѣлить польское общество на два враждебныхъ лагеря, указъ 1864 г. сохранялъ крестьянскіе сервитуты, т.-е. право крестьянъ на полученіе изъ господскихъ лѣсовъ строевого матеріала, дровъ, валежника и листьевъ для подстилки и право пастбища въ господскихъ лѣсахъ и на дворовыхъ земляхъ. Эти сервитутныя права, приносившія крестьянамъ сравнительно небольшую пользу и сильно задерживавшія ходъ сельско-хозяйственной культуры, сѣяли лишь рознь между крестьянами-собственниками и крупными землевладѣльцами, такъ какъ первые, поддерживаемые чиновниками присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, которыхъ поляки называли «крестьянскими трибунами», старались извлечь изъ этого пользованія возможно бо́льшую выгоду, а вторые, получивши отъ казны за отошедшія отъ нихъ земли вознагражденіе по болѣе, чѣмъ умѣренной, оцѣнкѣ и считая себя и безъ того обиженными правительствомъ, защищали свои владѣнія отъ превышенія крестьянами размѣра предоставленнаго имъ пользованія сервитутами. Но эти отрицательныя стороны крестьянской реформы 1864 г. сказались позднѣе. Для даннаго момента февральскій указъ вполнѣ удовлетворялъ той политической цѣли, которую онъ преслѣдовалъ, и болѣе способствовалъ подавленію возстанія, чѣмъ русскія войска и терроръ гр. Берга. «Шляхта,—пишетъ польскій историкъ Болеславъ Лимановскій, — оказалась разъ навсегда выброшенной изъ сѣдла; наши революціонеры встрѣтили во врагѣ соперника и, не чувствуя себя въ силахъ итти далѣе, чѣмъ онъ, должны были сложить оружіе,—должны были, такъ какъ отъ нихъ

ускользнула послѣдняя опора, на которую они разсчитывали,— крестьянское населеніе».

Правительственная система послѣ подавленія возстанія.

Послѣдовавшее въ апрѣлѣ 1864 г. заарестованіе Траугута можно считать концомъ возстанія.

Послѣ подавленія возстанія правительственная система поставила своей программой утвержденіе русской государственности въ Царствѣ Польскомъ и постепенное уничтоженіе автономныхъ учрежденій, поддерживавшихъ иллюзію польской обособленности. Въ видахъ органическаго слiянія Царства Польскаго съ Имперіей упраздненъ былъ Государственный Совѣтъ и правительственныя комиссіи финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и функціи ихъ въ значительной части переданы образованному указомъ 19 февр. 1864 г. Учредительному Комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ намѣстника Царства изъ назначаемыхъ Высочайшею волею членовъ. Страна получила русскія учрежденія, но безъ выборнаго мирового суда, безъ суда присяжныхъ, безъ органовъ земскаго и городского самоуправленія—это послѣднее предоставлено Царству лишь въ 1915 г. Существенныя измѣненія произведены были въ области народнаго образованія и воспитанія. Вопреки принципу охраненія народности, установленному Высочайшимъ рескриптомъ отъ 30 авг. 1864 г., который запрещалъ «превращать разсадники науки въ орудія для достиженія политическихъ цѣлей» и предоставлялъ польскому юношеству «возможность обучаться на его природномъ языкѣ», польскій языкъ былъ послѣдовательно устраненъ изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ изъ начальныхъ училищъ. Въ преобразованномъ изъ Варшавской Главной Школы Варшавскомъ университетѣ введенъ былъ общій уставъ россійскихъ университетовъ.—Одновременно съ этимъ реформированъ былъ бытъ свѣтскаго и монашествующаго католическаго духовенства. Реформа эта, обусловливавшаяся преимущественно ролью духовенства въ только что подавленномъ возстаніи, сводилась, главнымъ образомъ, къ запрещенію непосредственныхъ сношеній польской церкви съ римской куріей,—запрещенію, вызвавшему официальный разрывъ Ватикана съ русскимъ правительствомъ, къ усиленію зависимости приходскаго духовенства отъ правительства, конфискаціи церковныхъ имѣній и капиталовъ, уменьшенію числа монастырей, подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству и преслѣдованію упорствующихъ уніатовъ. Обрусѣнію края и укрѣпленію въ немъ русской власти мѣры эти способствовали весьма мало; безцѣльно раздражая поляковъ, онѣ

усиливали лишь ихъ оскорбленныя патріотическія чувства, ихъ болѣзненную, фанатическую привязанность къ своему прошлому, своему языку и своей вѣрѣ.

«Органическая работа».

Послѣдствія проиграннаго возстанія 1863 г. коснулись, главнымъ образомъ, земледѣльческой шляхты. Наиболѣе истощенная пожертвованіями на возстаніе, конфискаціями и контрибуціями, она сразу лишилась безплатной рабочей силы и чиншей и значительнаго количества земли. Хотя за повинности, отбываемыя крестьянами до 19 февр. 1864 г., она и получила отъ казны вознагражденіе 4% ликвидаціонными листами, но дѣйствительная стоимость послѣднихъ равнялась лишь половинѣ номинальной. Съ трудомъ примѣняясь къ новымъ условіямъ землевладѣнія, помѣщичья шляхта, принужденная пріобрѣтать за деньги фабричные продукты, поставлявшіеся ей раньше крестьянами, волей-неволей заинтересовалась торговлей и промышленностью, которыхъ она ранѣе избѣгала. Одновременно съ этимъ матеріально окрѣпшая благодаря реформѣ 64 года и располагавшая извѣстнымъ запасомъ денегъ часть польскаго крестьянства значительно увеличила контингентъ потребителей произведеній промышленности. Окончательный толчокъ развитію послѣдней дала усиленная пролетаризація деревенскаго населенія, наступившая вскорѣ послѣ реформы 64 года, какъ слѣдствіе измельчанія крестьянскихъ надѣловъ: выбрасываемые изъ деревни малоземельные и безземельные крестьяне нахлынули толпами въ города и фабричные посады, предоставляя на нужды промышленности дешевую рабочую силу. Польское общество, видя во внутреннемъ спокойствіи страны главнѣйшій залогъ правильнаго развитія промышленности, отказывается мало-по-малу отъ мечтаній о возстановленіи независимаго польскаго государства, о Польшѣ «отъ моря до моря», и выставляетъ новый лозунгъ, — лозунгъ «органической работы», т.-е. охраненія своей народности путемъ культурнаго развитія и мирнаго повседневнаго труда. Идеологовъ шляхетства смѣняютъ идеологи мѣщанства, съ осужденіемъ и насмѣшкой относящіеся къ романтической поэзіи и мессіаническимъ теоріямъ. Трезвые позитивисты, они вступаютъ въ борьбу съ застарѣлыми шляхетскими предразсудками, стремятся пріобщить польское общество къ происходящему на западѣ умственному движенію, культивируютъ науку, принимаютъ мѣры къ развитію промышленности и торговли и къ просвѣщенію низшихъ слоевъ населенія. Они идутъ «впередъ пу-

темъ труда», воспѣваютъ «шумъ молота и стукъ машины» и вѣрятъ, что «только знаніе и трудъ, только трудъ и любовь могутъ души людскія зажечь». Трудясь и мысля, развивая матеріальныя силы и увеличивая духовныя пріобрѣтенія своего народа, они доказываютъ его право на культурное самоопредѣленіе и отстаиваютъ его національное существованіе.

И. Рябининъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Внѣшняя біографія Н. Г. Чернышевскаго, несмотря на длинные монотонно-трагическіе годы его жизни на каторгѣ и поселеніи, не отличается никакими особенно интересными фактами. Ро- **Біографія Чернышевскаго.**

Пособія: Подробный библіографическій указатель статей и книгъ, посвященныхъ *Чернышевскому*, составленъ сыномъ его, *М. Н. Чернышевскимъ*, подъ заглавіемъ «О *Чернышевскомъ*. Библіографія 1854 — 1910»; Пет., 1911.—Имъ же издано превосходное «Полное собраніе сочиненій» въ 10 томахъ; Пет., 1906.—До сихъ поръ появилось три выпуска писемъ *Чернышевскаго* къ семьѣ: «*Чернышевскій* въ Сибири. Переписка съ родными»; Пет., 1912—1913 гг. (выпускъ I обнимаетъ корреспонденцію 1865 — 1875 гг.; выпускъ II — 1876—1877 гг.; выпускъ III — 1878—1883; къ письмамъ приложены вводныя статьи *Е. А. Ляцкаго*, примѣчанія *М. Н. Чернышевскаго*, интересные портреты и автографы).— Н. С. *Русановъ*, «*Чернышевскій* въ Сибири. По неизданнымъ письмамъ и семейному архиву»; «Русское Богатство», 1910, №№ 3—7.— Изъ становящихся все болѣе многочисленными работъ о *Чернышевскомъ* цитируемъ: *Г. В. Плехановъ*, «*Н. Г. Чернышевскій*»; Пет., 1910.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій*», статья въ «Исторіи русской литературы XIX в.», подъ ред. *Овсянико-Куликовскаго*, вып. 13, Москва, 1909. — *Ю. М. Стекловъ*, «*Н. Г. Чернышевскій* его жизнь и дѣятельность» (1828 — 1889); Пет., 1909.—*М. Антоновъ*, «*Н. Г. Чернышевскій*. Соціально-философскій этюдъ»; Москва, 1910. — *Мих. Лемке*, «Политическіе процессы *М. И. Михайлова*, *Д. И. Писарева* и *Н. Г. Чернышевскаго*» (по неизданнымъ документамъ); Пет., 1907.—*Ивановъ-Разумникъ*, «Исторія русской общественной мысли»; т. II, гл. I, Пет., 1911, 3-е изд., дополн.—*Н. С. Русановъ*, «*Н. Г. Чернышевскій* и Россія 60-хъ годовъ»; «Соціалисты Запада и Россіи»; Пет., 1909, 2-е изд.—Онъ же, «Ученики Маркса о *Чернышевскомъ*»; «Русское Богатство», 1909, № 11.—*Н. Ѳ. Анненскій*, «*Н. Г. Чернышевскій* и крестьянская реформа»; «Великая реформа», т. IV, Москва, 1911.—*Е. А. Ляцкій*, «Юношеская любовь *Н. Г. Чернышевскаго*»; «Познаніе Россіи», 1909, № 1.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* въ годы ученія и на пути въ университетъ»; «Совр. Міръ», 1908, №№ 5—6.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* въ университетѣ»; «Совр. Міръ», 1908, № 12; 1909, № 3.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* и *Ш. Фурье*»; «Совр. Міръ», 1909, № 11. — Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* и *Н. И. Введенскій*»; «Совр. Міръ», 1910, № 6.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* и учителя его мысли»; «Совр. Міръ», 1910, №№ 10—11.—Онъ же, «*Н. Г. Чернышевскій* въ редакціи «Современника»; «Современникъ», 1911, №№ 9—11.—Онъ же, «Любовь и запросы личнаго счастія въ жизни *Н. Г. Чернышевскаго*»; «Современникъ», 1912, №№ 9—12. Онъ же, Н. Г. Чернышевскій и его диссертація объ искусствѣ. «Голосъ Минувшаго». 1916, № 1.

дился онъ 12 іюля 1828 г. въ семьѣ саратовскаго протоіерея, мягкаго и образованнаго Гавріила Ивановича; 8 лѣтъ былъ зачисленъ въ ученики духовнаго училища, но являлся туда только на экзамены, а на самомъ дѣлѣ прошелъ весь періодъ низшей бурсы дома, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ своего отца. Лишь въ возрастѣ 16 лѣтъ застѣнчивый, но живой и впечатлительный мальчикъ поступилъ въ семинарію, гдѣ съ самаго же начала обратилъ на себя вниманіе преподавателей большимъ умомъ, рѣдкой памятью, колоссальной для такого юнаго возраста эрудиціей и даромъ устнаго и письменнаго изложенія. Въ эти молодые годы Чернышевскій, кромѣ обычныхъ предметовъ семинарскаго цикла наукъ, прекрасно уже изучилъ греческій и латинскій, на которомъ даже говорилъ, два новѣйшихъ языка, еврейскій языкъ и нѣсколько восточныхъ. Въ 1846 г. чистый, нѣжный юноша, съ согласія отца и сопровождаемый матерью, отправляется въ Петербургъ и здѣсь, хорошо выдержавъ экзаменъ, поступаетъ на историко-филологическій факультетъ.

Въ университетѣ, живя въ очень скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ, но всегда скорбя о тѣхъ, по его мнѣнію, тяжелыхъ жертвахъ, которыя должны были нести родители на его воспитаніе, Чернышевскій сначала увлекается офиціальными науками, работаетъ для И. И. Срезневскаго надъ (впослѣдствіи напечатаннымъ) словаремъ къ Ипатьевской Лѣтописи. Но скоро у него сохраняется интересъ развѣ лишь къ лекціямъ наиболѣе выдающагося въ то время на факультетѣ профессора Куторги, читавшаго по всеобщей исторіи. А черезъ полтора года онъ уже всецѣло захваченъ мыслителями, лежавшими внѣ круга университетскаго преподаванія, но оставившими глубокій слѣдъ на его послѣдующемъ развитіи. Познакомившись съ кружкомъ своего старшаго земляка, Иринарха Введенскаго, а при посредствѣ послѣдняго съ нѣкоторыми изъ петрашевцевъ, Ханыковымъ, Дебу, братьями Европеусами, Чернышевскій отъ нихъ узнаетъ о существованіи нѣкоторыхъ великихъ и оригинальныхъ умовъ Запада, дотолѣ неизвѣстныхъ ему. Онъ продолжаетъ еще работать надъ Гегелемъ, который одно время оказываетъ на него немалое дѣйствіе. Но теперь онъ переходитъ къ основательному изученію Фурье и его школы, повидимому, всего болѣе Консидерана, страстно штудируетъ Фейербаха, слѣдитъ за бурными событіями февральской революціи и послѣдовавшаго торжества реакціи во Франціи, равно

какъ за судьбами перваго серьезнаго соціалистическаго общества въ Россіи, петрашевцевъ.

Въ эти же 1848—49 гг. онъ сильно занятъ проектомъ перпетуумъ мобиле, силу котораго хочетъ примѣнить прежде всего къ устроенію общественныхъ фаланстеровъ въ духѣ Фурье. И этотъ проектъ онъ не оставляетъ даже первое время своего пребыванія въ Саратовѣ, куда, прекрасно выдержавъ кандидатскій экзаменъ, онъ пріѣзжаетъ старшимъ учителемъ гимназіи. Здѣсь онъ проводитъ три года, оказывая благотворное вліяніе на своихъ учениковъ не только своими широкими идеалами и стремленіями къ новому лучшему строю, а и примѣромъ своей удивительно гуманной, но въ то же время чрезвычайно сильной волею личности. Въ 1853 г., весною, онъ женится на Ольгѣ Сократовнѣ Васильевой, въ которой онъ, по его словамъ, нашелъ женщину, могущую раздѣлять его возвышенныя демократическія стремленія. Этой женщинѣ, какъ самъ онъ выражается, онъ приноситъ всю чистоту своего тѣла и души и въ ней въ теченіе всей своей жизни продолжаетъ видѣть идеалъ подруги. Въ маѣ 1853 г. Чернышевскій, видя узость перспективы, раскрывающейся передъ нимъ въ Саратовѣ, отправляется въ Петербургъ, прежде всего на поиски хлѣбной работы, и временно преподаетъ русскій языкъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Онъ въ то же время готовится къ экзамену на магистра и, выдержавъ его и защитивъ свою столь надѣлавшую тогда шуму диссертацію «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», получаетъ въ 1855 г. ученую степень.

Впрочемъ, уже раньше онъ находитъ въ литературной дѣятельности не только хлѣбное занятіе, но возможность вліять на русское тогда еще столь неразвитое общество пропагандою тѣхъ идей «свободы, равенства, братства и довольства, уничтоженія нищеты и порока», ради торжества которыхъ еще въ концѣ 40-хъ годовъ Чернышевскій мечталъ «сладко умереть», если только будетъ «убѣжденъ» въ томъ, что эти взгляды «справедливы». Въ 1853—1855 гг. онъ пишетъ одновременно въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ», но все чаще и чаще въ послѣднемъ, пока, наконецъ, встрѣтивъ крайне сочувственное къ себѣ отношеніе Некрасова, онъ не оставляетъ органъ Краевскаго и цѣликомъ переходитъ въ журналъ Некрасова. «Современникъ» и является тою всероссійскою трибуною, съ которой Чернышевскій въ теченіе неполныхъ десяти лѣтъ проводитъ съ неподражаемымъ умѣніемъ, логикою и силою убѣжденія тѣ идеи, которыя лягутъ

въ основаніе русскаго соціализма новой эпохи. Особенно его роль властителя думъ и учителя молодого поколѣнія становится исключительной съ конца 1857 г., когда, найдя въ юношѣ Добролюбовѣ великолѣпнаго литературнаго критика, Чернышевскій переходитъ вплотную къ занятію экономическими вопросами и политическою публицистикою.

На рубежѣ 60-хъ годовъ, когда первый пылъ увлеченія русскаго общества либеральными идеями уже проходилъ и наступала разслойка прогрессивнаго лагеря на постепеновцевъ, удовлетворявшихся половинчатыми преобразованіями, и радикаловъ, страстно стремившихся прежде всего къ надлежащему рѣшенію великаго по тому времени крестьянскаго вопроса, Чернышевскій является теоретическимъ вожакомъ наиболѣе сознательныхъ и энергичныхъ элементовъ русской интеллигенціи. Въ консервативномъ и даже умѣренно либеральномъ лагерѣ противъ Чернышевскаго скопляется масса злобы. Правительство получаетъ съ разныхъ сторонъ анонимный доносъ за доносомъ на Чернышевскаго, этого главу «бѣшеныхъ демагоговъ». Когда, подъ вліяніемъ исковерканной реакціонными происками реформы 19 февраля, въ лѣвыхъ кругахъ усилилось отрицательное отношеніе къ правительству, начинаютъ составляться группы убѣжденныхъ людей, считающихъ необходимымъ силою повернуть Россію на путь прогрессивнаго развитія. Патріотическія польскія манифестаціи, предвѣщавшія скорое возстаніе, подливаютъ масла въ огонь и проводятъ въ Россіи еще болѣе глубокую трещину между правительствомъ, консерваторами и умѣренными либералами, съ одной стороны, и послѣдовательными демократами и соціалистами,—съ другой. Возникаютъ подпольныя организаціи «Великорусса» и «Молодой Россіи». Дѣлаются попытки пропаганды среди крестьянства, взбудораженнаго обманувшей ихъ чаянія реформой и во многихъ мѣстахъ поднимавшагося во имя «настоящей воли». Замѣтную грань между все еще колебавшейся политикой правительства, вступавшаго на торную дорогу реакціи, и походомъ всѣхъ силъ гнета и притѣсненія противъ русскаго народа составляетъ пожаръ Щукина рынка, приписанный молвою краснымъ заговорщикамъ. «Современникъ» былъ временно закрытъ, и Чернышевскій арестованъ (12 іюня 1862 г.). Его обвиняли, главнымъ образомъ, въ составленіи «воззванія къ барскимъ крестьянамъ». Юридически это обвиненіе Чернышевскаго было возмутительнымъ актомъ неправосудія. Но въ настоящее время можно считать на основаніи разныхъ соображеній устано-

вленнымъ, что если не физическимъ, то духовнымъ авторомъ этой прокламаціи былъ Чернышевскій, который во всякомъ случаѣ является главнымъ теоретическимъ вождемъ первыхъ русскихъ соціалистовъ.

Извѣстна дальнѣйшая судьба Николая Гавриловича. Заключенный въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ около двухъ лѣтъ и написалъ свой романъ «Что дѣлать», ставшій Евангеліемъ крайнихъ русскихъ прогрессистовъ, Чернышевскій былъ приговоренъ Сенатомъ къ 14 годамъ каторжной работы, сокращеннымъ въ окончательной конфирмаціи до 7 лѣтъ. Чернышевскій провелъ первые два года каторжныхъ работъ въ Кадаѣ, послѣдніе 5 лѣтъ—на Александровскомъ заводѣ въ сравнительно тяжелыхъ, но все же не совсѣмъ безотрадныхъ условіяхъ, такъ какъ въ это время его заключеніе раздѣляли польскіе повстанцы и русскіе политическіе арестанты. Однако въ 1871 г., когда срокъ каторги для Чернышевскаго истекъ, и онъ долженъ былъ бы въ качествѣ поселенца избрать мѣсто жительства въ предѣлахъ Сибири, высшая власть распорядилась сослать его въ Вилюйскъ, за сотни верстъ къ сѣверу отъ Якутска, гдѣ великій изгнанникъ прожилъ 12 лѣтъ въ чудовищной обстановкѣ,—затерянный среди пустыни, лишенный общенія съ мало-мальски сознательными человѣческими существами, снѣдаемый цынгой и ревматизмомъ, но изломанный физически и изстрадавшійся нравственно, Чернышевпродолжавшій въ своихъ письмахъ къ семьѣ трогательно распространять лживыя свѣдѣнія о своей якобы очень сносной жизни. Лишь въ 1883 г., послѣ 20-лѣтняго пребыванія въ Сибири, скій былъ возвращенъ въ Россію и получилъ позволеніе поселиться въ Астрахани, а два года спустя былъ переведенъ въ Саратовъ, гдѣ усиленно занимался литературными, преимущественно переводными работами и, надорвавшись надъ этими занятіями, умеръ 17 октября 1889 г. отъ кровоизліянія въ мозгъ.

Общее значеніе Чернышевскаго.

Значеніе Чернышевскаго въ исторіи русской мысли и политическаго развитія было поистинѣ колоссальнымъ. Его можно считать основателемъ того направленія, изъ котораго вышелъ весь последующій русскій соціализмъ. Для надлежащаго уясненія этой роли Чернышевскаго нужно обратить вниманіе на условія среды, его окружавшей, и прежде всего на страшную отсталость русской общественной жизни и на крайнюю неразвитость нашихъ политическихъ идей. Человѣкъ съ самыми рѣшительными задатками оригинальнаго мыслителя и глубокаго изслѣдователя соціальныхъ

отношеній, Николай Гавриловичъ, однако, вынужденъ былъ взять въ руки указку и терпѣливо проходить со своими только что пробуждавшимися къ сознательной жизни учениками азбуку политическихъ и экономическихъ наукъ. Этимъ объясняется порою растянутость его изложенія, повтореніе доводовъ, излишнее, если можно такъ выразиться, разжевываніе мысли. Но, благодаря этому же характеру неустанной и мастерской популяризаціи, его сочиненія представляютъ собою единственный въ своемъ родѣ примѣръ необыкновенно яснаго и прозрачнаго изложенія самыхъ, казалось бы, трудныхъ вопросовъ науки о народномъ хозяйствѣ и общественной политики.

Основы его міросозерцанія.

Главными элементами міросозерцанія Чернышевскаго, самостоятельно продуманными и слитыми имъ въ одно цѣлое, были: философія Гегеля, но особенно воззрѣнія одного изъ самыхъ блистательныхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, Фейербаха; великіе французскіе (отчасти и англійскіе) соціалисты-утописты; и классическая (преимущественно англійская) школа политической экономіи. Центральнымъ пунктомъ міропониманія Чернышевскаго былъ матеріализмъ, расцвѣченный преимущественно высоко-гуманнымъ антропологизмомъ Фейербаха. Человѣкъ является продуктомъ природы, частью ея, но такою частью, которая занимаетъ высшее мѣсто въ лѣстницѣ творенія и, доходя до самосознанія, начинаетъ могущественно воздѣйствовать на всю природу, а въ томъ числѣ и на человѣческое общество въ желательномъ для своихъ потребностей смыслѣ. Нервные процессы, происходящіе въ человѣкѣ, являются лишь высшимъ проявленіемъ могучихъ силъ природы. Цѣлесообразное реагированіе живого организма на среду заключаетъ въ себѣ суть личной и коллективной исторіи человѣка. Для Чернышевскаго геніальные умственные процессы, въ результатѣ которыхъ Ньютонъ сдѣлалъ свое великое открытіе закона тяготѣнія, и тѣ первые процессы, при помощи которыхъ «курица отыскиваетъ овсяныя зерна въ кучѣ сора и пыли», составляютъ явленія одного и того же порядка, которыя разнятся лишь «размѣромъ», степенью сознательности. Таковъ «антропологическій принципъ въ философіи» (названіе одной изъ замѣчательныхъ статей Чернышевскаго).

Его интеллектуализмъ.

Но, стоя на такой единой матеріалистической точкѣ зрѣнія, Чернышевскій придавалъ громадное значеніе въ исторіи людей именно процессу мышленія, умственному элементу, интеллекту. Въ этомъ смыслѣ я считаю вполнѣ подходящимъ для Чернышев-

скаго названіе интеллектуалиста, т.-е. мыслителя, который полагаетъ, что главнымъ факторомъ прогресса является ростъ человѣческаго познанія. Не нужно, конечно, черезчуръ преувеличивать эту прямолинейность взглядовъ Чернышевскаго. Несомнѣнно, эта точка зрѣнія была наиболѣе обычной его позиціей, съ высоты которой онъ разсматривалъ явленія общественной и личной жизни людей. Но такая позиція не исключала у него временнаго подчеркиванія то элемента чистаго ума, то элемента импульса, чувства, практической потребности, вызывающей извѣстную творческую страсть въ человѣкѣ. Порою онъ даже предвосхищалъ такъ называемый экономическій матеріализмъ, говоря еще въ 1856 г. при разборѣ Грановскаго о «матеріальныхъ условіяхъ быта, играющихъ едва ли не первую роль въ жизни, составляющихъ коренную причину почти всѣхъ явленій и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни». Съ другой стороны, во многихъ статьяхъ Чернышевскій поражаетъ, наоборотъ, своимъ интеллектуализмомъ, утверждая, что «прогрессъ основывается на умственномъ развитіи», благодаря которому «уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь». Вы можете также найти не мало мѣстъ у Чернышевскаго, изъ которыхъ слѣдуетъ, что важнѣйшіе факты человѣческой исторіи, — крупныя перемѣны, существенные перевороты въ жизни общества, — совершаются отнюдь не при посредствѣ холоднаго, чисто разсудочнаго отношенія къ предлагаемой реформѣ, а, наоборотъ, опираются на великія общественныя страсти, отнюдь не считающіяся съ деталями дѣла, а бросающія человѣчество на пригодный въ общихъ чертахъ и кратчайшій путь для достиженія серьезныхъ практическихъ результатовъ.

Значеніе соціальныхъ страстей въ исторіи. Отношеніе къ политической свободѣ.

Въ связи съ этимъ послѣднимъ взглядомъ у Чернышевскаго встрѣчаются какъ разъ тѣ посылки, изъ которыхъ онъ въ случаѣ необходимости дѣлаетъ наиболѣе революціонные выводы. Конечно,—разсуждаетъ онъ,—разумъ устрояетъ, въ концѣ-концовъ, человѣческую жизнь. Но, когда въ обществѣ выработалась великая практическая потребность, то люди, ранѣе другихъ схватившіе ее умственнымъ процессомъ и сильнѣе другихъ прочувствовавшіе ее своею страстью добра и человѣческой солидарности, должны сдѣлать все возможное, чтобы расшевелить подобныя же творческія страсти въ широкихъ массахъ и направить ихъ для рѣшенія основныхъ задачъ современности. Этимъ отчасти объясняется, почему въ своихъ политическихъ статьяхъ

порою Чернышевскій какъ будто отрицательно относится къ вопросамъ чисто политической свободы, къ практикѣ парламентаризма и прочимъ политическимъ учрежденіямъ, выдвигавшимся на первый планъ доктринерами либерализма. Онъ тутъ же сопровождаетъ эту мысль такими ограниченіями и поясненіями, изъ которыхъ явствуетъ, что и парламентаризмъ, и всѣ политическія свободы не имѣютъ сами по себѣ большого значенія, покамѣстъ массы остаются внѣ вліянія пропаганды. Но какъ только, благодаря этимъ учрежденіямъ, послѣдовательные «демократы» и «радикалы» (термины Чернышевскаго для названія соціалистовъ) начинаютъ работать надъ распространеніемъ своихъ взглядовъ въ рамкахъ политической свободы, то и массы начинаютъ приходить къ лучшему пониманію своихъ интересовъ, стремятся рѣшать насущные вопросы въ желательномъ для себя смыслѣ и возбуждаютъ крайне подозрительное отношеніе у либераловъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя они сами раньше проповѣдывали въ своемъ кругу, когда массы по неграмотности и неразвитости не умѣли еще пользоваться этимъ орудіемъ политической борьбы. Теперь «свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ». Теперь они «принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ очень хорошо жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ».

Я лишь вскользь отмѣчаю то обстоятельство, что и въ своей теоріи нравственности, извѣстной подъ именемъ «разумнаго эгоизма», Чернышевскій въ сущности соединяетъ двѣ точки зрѣнія: точку зрѣнія ума, расчета, соображенія пользы, на основаніи которой человѣкъ совершаетъ то или другое нравственное дѣйствіе; и то ощущеніе удовольствія, наслажденія и, во всякомъ случаѣ, удовлетворенности своимъ поведеніемъ, которое характеризуетъ высоко развитую благородную личность. Здѣсь, можетъ - быть, не мѣшаетъ прибавить, что въ этой области Чернышевскому подсказывались такіе взгляды самими особенностями его индивидуальности, которая отличалась не только необыкновенно сильнымъ развитіемъ ума, — на это часто обращалось вниманіе, — но и изумительною энергіею воли и благородствомъ сердца, что, какъ мнѣ кажется, большинствомъ писавшихъ о немъ не было достаточно оцѣнено.

Наиболѣе замѣчательны были взгляды Чернышевскаго въ политической экономіи. Можно прямо сказать, что тутъ синтезъ

ученій великихъ соціалистовъ и классическихъ англійскихъ экономистовъ былъ произведенъ съ энергіею мысли и искусствомъ, которымъ въ исторіи науки о народномъ хозяйствѣ почти нѣтъ примѣра до Маркса, въ то время совершенно неизвѣстнаго Чернышевскому. Такъ, слѣдуя внѣшнимъ образомъ за Миллемъ, трактатъ котораго Чернышевскій сначала переводилъ, а затѣмъ сталъ излагать и комментировать, онъ устанавливаетъ важныя категоріи выгоднаго и убыточнаго производства и потребленія (вмѣсто производительнаго и непроизводительнаго), опредѣляетъ условія производительности труда, съ неопровержимою логикою доказывая необходимость наличности двухъ факторовъ для осуществленія максимума производства: крупнаго характера промышленности и личной заинтересованности каждаго производителя, — что дѣлаетъ необходимымъ «союзное производство», т.-е. соціалистическій строй народнаго хозяйства. Идя дальше по этому пути, Чернышевскій блистательно доказываетъ полнѣйшую возможность для человѣчества обезпечить себѣ уже теперь надлежащимъ производствомъ удовлетвореніе всѣхъ нормальныхъ потребностей и не оставляетъ камня на камнѣ (несмотря на мелкія и случайныя погрѣшности въ ариѳметическихъ выкладкахъ) отъ теоріи Мальтуса, обрекавшаго человѣчество или на систематическое голоданіе, или на безпрестанное калѣченіе своихъ самыхъ естественныхъ потребностей.

Чернышевскій экономистъ. Его взгляды въ области народнаго хозяйства.

Переходя къ «распредѣленію», Чернышевскій разсматриваетъ вопросъ о томъ, какой же принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе нормальнаго хозяйственнаго строя. И приходитъ къ заключенію, что этимъ принципомъ отнюдь не можетъ быть соперничество, пресловутая свободная конкуренція, которая вызываетъ хаотическое переполненіе рынка и расточеніе силъ общества на ненужные предметы, а въ то же время увеличиваетъ на одной сторонѣ число крупныхъ капиталистовъ, на другой — массы полуголодныхъ рабочихъ. Вмѣсто начала конкуренціи Чернышевскій выдвигаетъ принципъ кооперативнаго производства, основанный на исчисленіи суммы нормальныхъ потребностей общества, подлежащихъ удовлетворенію, и суммы общественнаго труда, которымъ располагаетъ данный союзъ людей. Въ связи съ этимъ, въ ученіи объ «обмѣнѣ», Чернышевскій развиваетъ различіе между мѣновой цѣнностью предмета, опирающейся на игру спроса и предложенія, и внутреннею стоимостью вещи,

обусловливаемой количествомъ человѣческаго труда, потребнаго на ея производство.

Чернышевскій необыкновенно умѣло доказываетъ и то противорѣчіе, которое лежитъ въ современномъ обществѣ между экономическимъ раздѣленіемъ труда, необходимымъ для усиленія его производительности, и физіологическимъ раздѣленіемъ труда въ самомъ человѣкѣ, который, подъ вліяніемъ крайней специализаціи занятій, неизбѣжно превращается въ искалѣченное однобокое существо. И въ этомъ пунктѣ Чернышевскій опять-таки дѣлаетъ выводъ, клонящійся къ доказательству необходимости «союзнаго производства». Самъ прогрессъ промышленности упрощаетъ, по его мнѣнію, различныя операціи труда. И наступаетъ такой моментъ, когда человѣкъ можетъ свободно переходить отъ одной упрощенной операціи къ другой, упражняя послѣдовательно различныя стороны своего организма и занимаясь тѣмъ, что школа Фурье называла «привлекательнымъ трудомъ».

Останавливаетъ на себѣ вниманіе и та глубокая критика, которую Чернышевскій обращаетъ противъ такъ называемаго трехчленнаго распредѣленія продукта, т.-е. распаденія его на заработную плату, прибыль и ренту. Съ мастерствомъ, которое до Маркса не было, повидимому, превзойдено никѣмъ, Чернышевскій доказываетъ, какъ движеніе современнаго общества по этимъ противорѣчивымъ тенденціямъ должно, въ концѣ-концовъ, подорвать само себя. Оно должно неизбѣжно противопоставить владѣльцевъ ренты владѣльцамъ прибыли и людямъ, живущимъ заработной платой. Въ свою очередь, эти два послѣдніе класса, промышленники и рабочіе, должны неизбѣжно относиться другъ къ другу крайне враждебно, поскольку враждебно движеніе прибыли и заработной платой. Въ свою очередь, эти два послѣдніе класса, промышленники и обратно.

Взгляды Чернышевскаго на общину и крестьянскую реформу.

Въ примѣненіи къ Россіи мы должны подчеркнуть значеніе статей Чернышевскаго по крестьянскому вопросу и, въ частности, выставленное имъ и обоснованное экономически требованіе необходимости установить при опредѣленіи выкупной суммы по возможности умѣренныя цифры. Такія статьи, какъ «Труденъ ли выкупъ земли», были, можно сказать, лозунгомъ всего лѣваго лагеря по этому вопросу. Еще большее значеніе, и не только практическое, но и теоретическое, имѣла мастерская защита Чернышевскимъ общиннаго владѣнія землею, въ которомъ онъ не видѣлъ какой-нибудь идеальной, притомъ спеціально русской осо-

бенности пользованія, какъ то утверждали славянофилы, а общую всему человѣчеству на извѣстной ступени развитія форму, сохранившуюся пока въ Россіи, и сохранившуюся лишь потому, что экономическій прогрессъ не зашелъ еще далеко впередъ, но за то дающую намъ возможность перейти къ болѣе высокой формѣ общественнаго производства, если только у насъ хватитъ мужества не слѣдовать символу вѣры западно-европейско-манчестерской школы и сохранить общинное пользованіе. Его этюды «О поземельной собственности» (знаменитая политика съ Вернадскимъ) и поражающая широтой размаха «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» представляютъ до сихъ поръ лучшее, что можно сказать въ защиту общины. Какъ бы то ни было, вѣру въ возможность прогрессивнаго развитія общины Чернышевскій поддерживалъ въ своихъ ученикахъ со всей силой энергіи и убѣжденія. И не его вина, что обстоятельства сложились такимъ образомъ, что не только общинѣ пришлось терпѣть рядъ сильныхъ ударовъ, вплоть до современнаго систематическаго похода на нее, но и сами условія освобожденія крестьянъ должны были вызвать экономическій упадокъ большинства ихъ.

Чернышевскій—романистъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно Чернышевскаго-беллетриста. Принято пренебрежительно отзываться о художественныхъ достоинствахъ «Что дѣлать», этой страстной и, что бы ни говорили, краснорѣчивой проповѣди, какъ въ защиту кооперативнаго производства въ духѣ Фурье и «святого старика» (Оуэна), такъ и свободной высоко-человѣческой любви между равноправными и равноцѣнными мужчиной и женщиной. При этомъ забываютъ, что значеніе всякаго литературнаго произведенія, разсчитаннаго на широкіе круги, опредѣляется тою массою внушенія, идейной энергіи, которая отдѣляется отъ него въ данный моментъ. Какъ растянуты и скучны кажутся намъ нынѣ хотя бы романы Руссо, его «Новая Элоиза» и «Эмиль», и какія слезы восторга и идейнаго энтузіазма лились на страницы этихъ твореній, когда они считались современниками великаго женевца! Эти же длинноты, эта же растянутость, но эти же волны внушенія, способности потрясать и убѣждать характеризуютъ и романъ Чернышевскаго. Лучшимъ отвѣтомъ на строгіе отзывы критиковъ служитъ то страстное увлеченіе «Что дѣлать», которое охватило молодую русскую интеллигенцію, и то трогательное всесильное желаніе, которое было пробуждено въ ней этой книгой, жить согласно идеалу, составлявшему предметъ золотыхъ сновъ Вѣры Павловны.

Впрочемъ, строгіе критики дѣлаютъ исключеніе, когда говорятъ о томъ реализмѣ и юморѣ, который сильно проявляется при изображеніи Чернышевскимъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ типовъ романа. Чего стоитъ одна мать Вѣры Павловны! А что касается до написаннаго имъ въ Сибири романа «Прологъ Пролога», то лица, изображенныя въ немъ, не только представляютъ прекрасно воспроизведенныя фигуры дѣйствительности, но принимаютъ порою почти трагическую рельефность, въ родѣ, напр., личности графа Чаплина (Муравьева-Вѣшателя).

Чернышевскій—художественный критикъ.

Во всякомъ случаѣ, на романахъ Чернышевскаго ясно видишь то живое начало, которое проникаетъ и беллетристическую дѣятельность великаго писателя, вдохновляясь основнымъ положеніемъ его диссертаціи: «Жизнь выше искусства». Замѣтимъ кстати, что Чернышевскій, даже какъ критикъ, отнюдь не былъ педантомъ-утилитаристомъ, а говорилъ объ «автономіи» истиннаго искусства и прекрасно въ свое время оцѣнилъ и Толстого, и Николая Успенскаго, и Щербину. А его большая литературно-историческая работа «Очерки Гоголевскаго періода» и по настоящее время является едва ли не лучшимъ трудомъ по оцѣнкѣ предшественниковъ Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ сторонъ самого «неистоваго Виссаріона».

Н. С. Русановъ.

Радикально-демократическое теченіе въ эпоху шестидесятыхъ годовъ.

Демократическая интеллигенція.

Крестьянская реформа составляетъ глубокій водораздѣлъ между двумя большими періодами русской жизни. На самой своей срединѣ XIX вѣкъ какъ бы надломился подъ тяжестью новыхъ историческихъ силъ, и Россія старая, монархическая, дворянская, крѣпостническая стала перерождаться въ Россію новую, конституціонную, демократическую, свободную. Этотъ процессъ, разумѣется, далеко не завершился даже теперь и потребуетъ отъ народа еще долгихъ и напряженныхъ усилій. Но начало положено, и ничто не остановитъ неумолимаго хода исторіи.

Эпоха реформъ внесла существенныя измѣненія въ самую структуру общества и въ составъ т. н. интеллигенціи. Старыя ея группировки неизбѣжно должны были распасться; на ихъ мѣстѣ возникли новыя фракціи съ болѣе строгой идеологической дифференцировкой. Демократическіе элементы общества пріобрѣтаютъ теперь вліятельное значеніе въ русской жизни и придаютъ всему движенію обостренный, радикальный характеръ.

Сороковые годы знали, во-первыхъ, идеологовъ общественно-политическаго консерватизма, во-вторыхъ, славянофиловъ и, въ-третьихъ, западниковъ (съ раздѣленіемъ послѣднихъ на консти-

Пособія: *А. А. Корниловъ.* Общественное движеніе при Александрѣ II (1855 — 1881). М. 1909.— *С. Г. Сватиковъ.* Общественное движеніе въ Россіи (1700 — 1895). Ростовъ н/Д. 1905.— *М. К. Лемке.* Очерки общественнаго движенія «шестидесятыхъ годовъ». Спб. 1907.— *Его же.* Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1907.— *Л. Ф. Пантелѣевъ.* Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905.— *Ч. Вѣтринскій.* Герценъ. Спб. 1908.— *В. Я. Богучарскій.* А. И. Герценъ. Спб. 1912.— *Г. В. Плехановъ.* Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1910.— *Ю. М. Стекловъ.* Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность. Спб. 1909.— *М. Антоновъ.* Н. Г. Чернышевскій. Соціально-философскій этюдъ. М. 1910.

туціоналистовъ и соціалистовъ). Ни одна изъ этихъ идеологій не могла сохранить прежняго вида въ условіяхъ эпохи 60-хъ годовъ. Естественно, что наибольшая метаморфоза должна была произойти съ фракціей западниковъ. Ихъ глаза всегда были устремлены впередъ, въ сторону новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ общественно-политическаго бытія; кромѣ того, именно къ западничеству примкнула демократическая интеллигенція эпохи.

Въ началѣ періода 60-хъ годовъ, когда вся лучшая часть русскаго общества была охвачена свѣтлой вѣрой въ наступающее обновленіе, когда Русь «казалась сильна, молода, къ Правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремилась», — не чувствовалось потребности разбираться въ междупартійныхъ различіяхъ; наоборотъ, хотѣлось сплотиться, слиться въ одномъ великомъ стремленіи, поставить на первомъ планѣ (какъ писалъ Кавелинъ Погодину 3 ноября 1855 г.) «единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда». Того же мнѣнія былъ и демократъ Н. Г. Чернышевскій. «Согласіе въ сущности такъ сильно,—писалъ онъ тогда,—что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста». Но настроеніе это оказалось непродолжительнымъ: жизнь не замедлила обнажить дѣйствительное содержаніе, какое каждая группа влагала въ «отвлеченные и потому туманные вопросы». Славянофилы пошли своимъ путемъ; западники, какъ либералы, такъ и соціалисты, разбились на нѣсколько фракцій. Для нашей цѣли первостепенную важность представляетъ та часть демократической интеллигенціи, которая своимъ органомъ имѣла «Современникъ», а идейнымъ вождемъ—Николая Гавриловича Чернышевскаго.

Отношеніе Н. Г. Чернышевскаго къ дворянской оппозиціи.

Чернышевскій понималъ симптоматическое значеніе дворянскаго либерализма.

Вскорѣ послѣ тверского собранія 1862 г. онъ высказалъ свой взглядъ на это движеніе въ «Письмахъ безъ адреса», которыя предназначались для второй книжки «Современника» за 1862 г., но въ первый разъ были напечатаны лишь въ 1873 г. въ журналѣ П. Л. Лаврова «Впередъ». Въ силу создавшагося положенія вещей, «дворянство,—разсуждаетъ Чернышевскій,—сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ

сословій... Въ мысляхъ о реформѣ общаго законодательства, объ основаніи администраціи и суда на новыхъ началахъ, о свободѣ слова, — дворянство только является представителемъ всѣхъ другихъ сословій, и представителемъ ихъ выступило оно даже не потому, чтобы въ немъ сильнѣе были эти желанія, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, а единственно потому, что оно имѣетъ при нынѣшнемъ порядкѣ организацію, дающую возможность выражать желанія». Другія сословія, внѣ всякаго сомнѣнія, высказали бы то же самое, но «только съ большею рѣшимостью». Мало того, авторъ «Писемъ безъ адреса» убѣжденъ, что «общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія» своихъ желаній. И это потому, что недовольство стало всеобщимъ явленіемъ. Проснулся и народъ. Онъ не хочетъ болѣе быть пассивнымъ орудіемъ чужой воли. «Нынѣшнее расположеніе народныхъ мыслей» иное: назрѣваетъ большое народное движеніе. «Всѣ лица и общественные слои, отдѣльные отъ народа, трепещутъ этой ожидаемой развязки». Моментъ отвѣтственный. Въ правильномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и широкомъ проведеніи реформъ заинтересована вся страна.

Разъясняя своему адресату важность дворянскаго либерализма, самъ Чернышевскій «съ большею рѣшимостью» смотрѣлъ на дѣло: онъ стремился къ осуществленію идей демократическаго радикализма, т. н. русскаго, или народническаго соціализма.

Народническій соціализмъ (Герценъ и Чернышевскій).

Въ эпоху раскрѣпощенія, когда всѣ нити движенія неизбѣжно сходились въ избѣ мужика, именно деревня должна была стать основой радикальной идеологіи: въ шестидесятые годы мыслимо было только народничество. Классъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ также не былъ забытъ; публицисты и экономисты (Н. Г. Чернышевскій, Н. В. Шелгуновъ, В. В. Берви—Н. Флеровскій) немало писали по вопросу объ европейскомъ пролетаріатѣ и о русскомъ рабочемъ. Но все же центромъ общаго вниманія было сельское населеніе. Народническій соціализмъ шестидесятыхъ годовъ былъ естественнымъ развитіемъ и синтезомъ передовыхъ идеологій сороковыхъ годовъ: въ немъ совершилось органическое сліяніе западническаго соціализма съ славянофильскимъ преклоненіемъ передъ народомъ, какъ носителемъ высшей правды. Это сліяніе прежде всего произошло въ синтетической душѣ Александра Ивановича Герцена.

Исходъ французской революціи 1848 г. послужилъ тяжелымъ урокомъ для Герцена; его вѣра въ возможность возрожденія по-

средствомъ политической реорганизацiи государства была разбита, и онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сознаъ, что первенство должно принадлежать рѣшенiю вопроса соцiальнаго. Европа мучительно занята преобразованiемъ своихъ экономическихъ взаимоотношенiй. Въ ней происходитъ борьба работника-пролетарiя съ хозяиномъ, и борьба эта должна закончиться торжествомъ соцiалистическихъ идеаловъ. Европейскiй работникъ протягиваетъ руку нашему мужику, потому что и у насъ на очереди та же самая задача. Какъ на Западѣ «человѣкомъ будущаго» является работникъ, такъ въ Россiи — мужикъ съ общинными формами его быта. Деревня сохранила общину, которая есть не что иное, какъ первобытный коммунизмъ. Если его оплодотворить европейскимъ началомъ — свободной личности, то наша крестьянская община безъ труда разовьется въ болѣе совершенную соцiалистическую организацiю. Община — наше великое преимущество передъ Западомъ, и Россiи предстоитъ итти своимъ путемъ къ той общей цѣли, которая составляетъ предметъ стремленiй всего человѣчества. Россiя — молода, ея буржуазiя пока — quantité negligeable; поэтому намъ нѣтъ необходимости переживать всѣ послѣдовательныя стадiи, черезъ которыя прошло экономическое развитiе Европы. Исторiя застала насъ въ такомъ состоянiи, что мы можемъ сразу примкнуть къ великому соцiалистическому движенiю.

Болѣе глубокiй экономистъ, чѣмъ Герценъ, Чернышевскiй представилъ дальнѣйшее, научное развитiе доктрины народническаго соцiализма[1]). И онъ видѣлъ въ общинѣ «противоядiе отъ болѣзни», порожденной въ Европѣ существованiемъ пролетарiата: «неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшенiй,—писалъ онъ,—представляетъ наше общинное владѣнiе землею; неистощимый запасъ нацiональнаго благосостоянiя и государственнаго процвѣтанiя находится въ немъ». Съ помощью общины мы легко можемъ осуществлять соцiалистическiя идеи; такъ, безъ всякихъ потрясенiй мы можемъ провести въ жизнь принципъ нацiонализацiи земли или создать «общинный союзъ для производства работъ». Чернышевскiй, такъ же, какъ Герценъ, убѣжденъ, что у Россiи — свой путь соцiальнаго развитiя. Онъ не обвиняетъ поголовно всю Европу въ буржуазности и не приписываетъ русскому мужику наслѣдственнаго соцiализма, но вѣритъ,

---

[1]) См. статью Н. С. Русанова.

что Россія можетъ, не повторяя экономической эволюціи Запада, примкнуть къ его соціалистическимъ стремленіямъ.

Позиція Герцена.

Несмотря на очевидное родство соціальнаго міровоззрѣнія Герцена и Чернышевскаго, они не могли дѣйствовать съ полной солидарностью: люди разныхъ поколѣній и разныхъ общественныхъ классовъ, они замѣтно отличались другъ отъ друга особенностями психологіи и различнымъ пониманіемъ тактическихъ вопросовъ, которымъ въ періодъ активной борьбы, разумѣется, нерѣдко принадлежало рѣшающее значеніе. Сама жизнь размежевала сферы ихъ вліянія.

Герценъ, въ качествѣ эмигранта, жилъ за границей, въ Лондонѣ, гдѣ съ 1855 г. сталъ издавать «Полярную Звѣзду», а съ 1857 г. также знаменитый «Колоколъ». Съ непрестанной думой объ историческомъ подвигѣ декабристовъ, Герценъ взялъ на себя роль смѣлаго трибуна народной свободы. Своимъ словомъ онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на русское общество въ періодъ подготовки и проведенія крестьянской реформы. Вліяніе это было тѣмъ болѣе широкимъ, что Герценъ въ это время сталъ, такъ сказать, на путь реальной политики, выдвинувъ въ своей программѣ-minimum такіе пункты, которые имѣли право разсчитывать на ближайшее осуществленіе. Это — «освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ», «освобожденіе слова отъ цензуры», «освобожденіе суда отъ мрака канцелярской тайны» и «освобожденіе спины отъ палки и плети» («Колоколъ», 1860, № 60). Герценъ радовался, что революцію можно замѣнить эволюціей жизни, и съ надеждой слѣдилъ за реформаторской дѣятельностью правительства. «Саперы революціи», съ ихъ политическимъ терроромъ, вызываютъ его принципіальное отрицаніе. Письменныя обращенія къ государю (въ формѣ адресовъ или открытыхъ писемъ въ «Колоколѣ») кажутся ему мѣрой достаточно цѣлесообразной. Въ сущности направленіе Герцена, какъ публициста, можно бы назвать просто либеральнымъ. Онъ не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы осудить рѣзкія выступленія демократическихъ публицистовъ, «желчевиковъ», какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Личное объясненіе по этому поводу, происшедшее между издателемъ «Колокола», Герценомъ, и вдохновителемъ «Современника», Чернышевскимъ, убѣдило обѣ стороны, что ихъ расхожденіе весьма значительно. Вліяніе Герцена на демократическую молодежь стало падать. Но все же до 1863 г. «Колоколъ» обладалъ значительной моральной силой и былъ глашатаемъ радикально-демократиче-

скихъ идей, тѣмъ болѣе что сотрудники Герцена, Н. П. Огаревъ, В. И. Кельсіевъ и М. А. Бакунинъ постарались придать его органамъ болѣе радикальное содержаніе и усилить ихъ агитаціонную роль. Такъ, въ статьѣ «На новый годъ» («Колоколъ», 1861, № 89) Огаревъ развернулъ обширную программу, требуя созданія «государственной союзной думы изъ посланныхъ отъ всѣхъ областныхъ думъ», сохраненія и развитія общиннаго владѣнія, узаконенія различныхъ конституціонныхъ свободъ, введенія гласнаго и общественнаго суда и пр. «Отъ русскихъ императоровъ,— говорится въ концѣ статьи,—зависитъ рядомъ разумныхъ уступокъ и дарованія областямъ свободы, самостоятельности и самоуправленія и признаніемъ ихъ правъ — стоять во главѣ движенія и мирно достигать до тѣхъ идеаловъ, къ которымъ Россія невольно будетъ стремиться. Иначе достиженіе ихъ будетъ стоить много смутъ и ненужнаго кровопролитія». Агитаціонный характеръ носятъ статьи «Колокола»: «Что нужно народу» (1861, № 102), «Что дѣлать войску» (№ 111), «Заводите типографіи» (№ 105) и пр.

Правительство видѣло въ Герценѣ и Огаревѣ опасныхъ враговъ и, съ наступленіемъ первыхъ признаковъ общественной реакціи, начало систематическій походъ противъ нихъ, пользуясь услугами офиціозныхъ публицистовъ, въ родѣ барона Фиркса (псевдонимъ Шедо-Феротти), или добровольцевъ, какъ Катковъ. Одного факта свиданія съ Герценомъ было достаточно, чтобы привлечь человѣка къ суду за государственное преступленіе. Въ 1862 г. возникъ даже цѣлый процессъ 32-хъ «о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами».

Заграничныя изданія.

Кромѣ изданій Герцена, дѣлу соціальной и политической свободы служили и еще нѣкоторые заграничные органы. Таковы газеты кн. П. В. Долгорукова («Правдивый», «Листокъ», «Будущность», «Европеецъ»), «Русская Библіотека» Ив. Головина и «Свободное Слово» Л. П. Блюммера. Но ихъ авторитетъ былъ не великъ и во всякомъ случаѣ не могъ итти ни въ какое сравненіе съ «Колоколомъ» Герцена.

Вліяніе Н. Г. Чернышевскаго.

Въ Россіи во главѣ демократическаго движенія безспорно нужно поставить Н. Г. Чернышевскаго. Его вліяніе явственно сказалось на всей передовой публицистикѣ шестидесятыхъ годовъ. Добролюбова можно съ достаточнымъ основаніемъ считать ученикомъ Чернышевскаго: общественно-политическое міровоззрѣніе популярнаго критика носило ту же окраску народническаго соціа-

лизма. Соціалистомъ въ духѣ Чернышевскаго постепенно становится и Писаревъ, поскольку въ своихъ статьяхъ онъ касался соціальныхъ проблемъ, «вопроса о раздѣтыхъ и голодныхъ людяхъ» [1]). Молодежь воспитывалась, главнымъ образомъ, на «Современникѣ». Чернышевскаго можно считать прикосновеннымъ, прямо или косвенно, ко всѣмъ наиболѣе яркимъ моментамъ въ дѣятельности демократической интеллигенціи.

Начало демократическихъ выступленій.

Ходъ событій толкалъ интеллигенцію на путь активныхъ выступленій съ цѣлью пропаганды демократическихъ идей и организаціи революціонныхъ силъ. Эти выступленія начинаются тотчасъ же послѣ объявленія манифеста 19 февраля.

Реформа раздражила большую часть дворянства, не вполнѣ удовлетворила крестьянство и обманула ожиданія радикальныхъ друзей народа. Въ результатѣ — общее недовольство и тревожное настроеніе.

«Освобожденіе крестьянъ только *началось* съ провозглашеніемъ манифеста,—писалъ Герценъ въ «Колоколѣ» (1861, № 95; статья «Манифестъ»): — не отдыхъ, не торжество ждетъ государя, — а упорный трудъ; не отдыхъ, не воля ждетъ народъ, — а новый страшный искусъ». Герценъ оказался пророкомъ. Правительство вяло плелось по колеѣ реформъ, и «стоглавая гидра» крѣпостничества все смѣлѣе и смѣлѣе нападала на молодую, только что нарождавшуюся свободу. Началась гражданская война, принимавшая все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Ждали, что въ 1863 г., когда должно было окончиться состояніе крестьянъ въ качествѣ временно-обязанныхъ, неминуемо должно вспыхнуть общее народное возстаніе.

Горючаго матеріала вокругъ было болѣе чѣмъ достаточно. Проведеніе реформы сопровождалось крестьянскими «бунтами», которые жестоко усмирялись военной силой. Особенно выдѣлялись волненія въ Пензенской и Казанской губерніяхъ. «Земля вся наша и чистая воля», требовали пензенскіе мужики, руководимые свящ. Ѳед. Поморцевымъ и крестьянами Горячевымъ и Егорцевымъ. Ген. Дренякинъ въ апрѣлѣ 1861 г. побѣдилъ бунтов-

[1]) Писареву пришлось, какъ извѣстно, поплатиться тюрьмой за статью, направленную противъ барона Фиркса. Статья Писарева заканчивалась мыслью о неизбѣжности насильственнаго переворота: «Чтобы при теперешнемъ положеніи дѣлъ не желать революціи, надо быть или совершенно ограниченнымъ, или совершенно подкупленнымъ въ пользу царствующаго зла».

щиковъ (с. Кандѣевки), убивъ 11 человѣкъ и ранивъ 31; виновные подверглись наказанію розгами и каторгой. Въ Казанской губ. движеніе сосредоточилось въ раскольничьемъ селѣ Бездна (Спасскаго уѣзда); вождемъ былъ крестьянинъ Антонъ Петровъ. Усмиреніе было поручено гр. Апраксину; на этотъ разъ было убито 55 человѣкъ, ранено 71 ч., а Петровъ былъ разстрѣлянъ на глазахъ толпы 19 апр. 1861 г. Группа казанскихъ дворянъ устроила обѣдъ въ честь начальника карательной экспедиціи. Возмущенные всѣмъ этимъ событіемъ, студенты университета и духовной академіи отслужили панихиду по убитымъ, а молодой историкъ Аѳ. Пр. Щаповъ произнесъ рѣчь, въ которой называлъ Христа глашатаемъ свободы, братства и равенства, Антона Петрова — новымъ пророкомъ, возвѣщающимъ во имя Божіе правду и свободу.

Н. А. Серно-Соловьевичъ.

Положеніе о крестьянахъ давало очень много поводовъ для серьезной критики. Это и сдѣлалъ Николай Александровичъ Серно-Соловьевичъ, выпустившій лѣтомъ 1861 г. въ Берлинѣ (но за своимъ полнымъ именемъ) брошюру «Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса». «Благороднѣйшій, чистѣйшій и честнѣйшій человѣкъ», «послѣдній маркизъ Поза», по характеристикѣ Герцена, — Серно-Соловьевичъ нѣкоторое время работалъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, и еще въ сентябрѣ 1858 г. сумѣлъ лично вручить государю свою записку, касающуюся предпринятой реформы. Его компетентность въ этомъ вопросѣ — внѣ всякаго сомнѣнія. Серно-Соловьевичъ открыто и честно выступилъ съ своимъ мнѣніемъ. Положеніе 19 февраля, доказывалъ онъ, не рѣшило крестьянскаго вопроса, а скорѣе исказило его. «Отмѣна помѣщичьяго крѣпостного права въ Россіи будетъ окончательно совершена тогда, когда крѣпостное населеніе окончательно преобразуется въ свободныхъ поземельныхъ владѣльцевъ внѣ всякой зависимости отъ помѣщиковъ, внѣ всякихъ обязательныхъ отношеній къ нимъ... Для крестьянъ срочнообязанное время будетъ тяжкимъ испытаніемъ». Народъ ждетъ освобожденія полнаго и съ землею. Раціональная реформа предполагаетъ 1) «признаніе земли народною собственностью, слѣдовательно, право каждаго на надѣлъ», 2) «предоставленіе мірскому устройству права развиваться безъ регламентаціи и чиновничьяго вмѣшательства», 3) «сокращеніе выкупныхъ нормъ сообразно съ справедливостью» и 4) «уменьшеніе крестьянскихъ платежей и пополненіе этой убавки сборами съ другихъ сословій». Не-

обходимо произвести «общую выкупную операцію»; въ финансовомъ отношеніи она вполнѣ возможна, а «результаты ея неисчислимы»: она повлечетъ за собою широкій расцвѣтъ экономическихъ силъ страны. Если этихъ соображеній окажется мало и если ошибка не будетъ исправлена немедленно, то, «значитъ, настоящій общественный бытъ окончательно сгнилъ на корнѣ и людямъ достаточно смѣлымъ, чтобы сознать это, ничего не остается дѣлать, какъ собирать силы для созданія вмѣсто него новаго, лучшаго порядка».

Здѣсь мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ генезисѣ революціоннаго движенія. Мирное рѣшеніе вопроса признается еще возможнымъ, и Серно-Соловьевичъ вовсе не спѣшитъ брать въ руки знамя возстанія: онъ хочетъ испробовать всѣ легальныя средства и, очевидно, еще питаетъ нѣкоторую надежду на ихъ цѣлесообразность.

«Великоруссъ».

Тѣмъ же настроеніемъ проникнуты и составители нелегальнаго листка «Великоруссъ», первый нумеръ котораго разбрасывался по Петербургу и Москвѣ въ іюлѣ 1861 г. Полагаютъ, что въ комитетъ «Великорусса» входили въ числѣ другихъ Н. А. Серно-Соловьевичъ и Н. Г. Чернышевскій, но вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній объ организаціи этого изданія у насъ пока нѣтъ. Указавъ на крестьянскія волненія, какъ на естественное выраженіе недовольства народа «обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія», «великоруссцы» предвидятъ возможность «большихъ смутъ», «пугачевщины». Такъ какъ «глупое и невѣжественное» правительство «ничего не въ силахъ понимать», то надобно, чтобы «образованные классы» взяли дѣло въ свои руки; а если они не могутъ этого, то «патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы». Сначала во всякомъ случаѣ «Великоруссъ» предлагаетъ обществу обратиться къ правительству съ опредѣленнымъ требованіемъ, и «требованіе будетъ исполнено»: «Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя». Предоставивъ такимъ образомъ самому обществу проявить свою иниціативу, «Великоруссъ» рѣшилъ произвести нѣчто въ родѣ анкеты по двумъ вопросамъ: а) «должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью?» и б) «способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной

власти добросовѣстно и твердо?» Въ зависимости отъ рѣшенія этихъ вопросовъ будетъ находиться и тактика. Такимъ образомъ, крестьянская реформа, т.-е. проблема соціальнаго порядка, неизбѣжно вызвала постановку вопроса о политическимъ строѣ Россіи.

Отвѣты «Великоруссу». Въ «Колоколѣ» Герцена появились два отклика на призывъ «Великорусса»: одинъ (1861 г., № 108) принадлежалъ Огареву, другой (ib., № 107) былъ анонимный и нѣкоторыми приписывается М. Ил. Михайлову (извѣстному поэту, переводчику Гейне, беллетристу и публицисту). Послѣдній отвѣтъ заслуживаетъ особаго вниманія. Авторъ очень горячо и убѣдительно доказывалъ, что совершенно безполезно обращаться къ «обществу», такъ какъ «общество — это помѣщики — чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность преступленій, — стало-быть, серьезной вражды быть не можетъ». Нѣтъ также никакой нужды ждать отвѣтовъ, а слѣдуетъ «прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно». Поэтому необходимо соединить «элементы, враждебные бездарному правительству», и возбудить ихъ «къ совокупному дѣйствію», но при этомъ главнымъ условіемъ успѣха является участіе самого народа. Послѣднему «недостаетъ духа начинанія, иниціативы», а интеллигенція, по чувствамъ принадлежащая къ народу, не имѣетъ съ нимъ связи, и потому безсильна. «Надо, чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть». Съ этою цѣлью слѣдуетъ образовать тайный «союзъ», учреждать «тайные центры, общества, братства», которыя и занялись бы въ теченіе двухъ переходныхъ лѣтъ подготовкой почвы для народнаго возстанія. Союзъ не будетъ мѣшать тѣмъ, кто добивается конституціи, но не конституція — «цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль — полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей». Авторъ письма не сомнѣвается въ возможности успѣха: вѣдь «составлять союзы у насъ легче, чѣмъ гдѣ-нибудь», а правительство «дрябло и безсильно во всемъ и для всего».

Какъ видно изъ второго нумера «Великорусса» (сентябрь 1861 г.), гдѣ подведены итоги анкеты, большинство отвѣчавшихъ смотрѣло на дѣло менѣе радикально: желали «водворенія законнаго порядка», а главнѣйшими условіями для этого считали

«хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституцію»; составленіе же конституціи полагали поручить не правительству, а особо избраннымъ депутатамъ. «Мнѣнія о томъ, способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены», сообщилъ третій нумеръ «Великорусса», вышедшій въ концѣ сентября того же 1861 г.

Планъ дѣйствій, предложенный «Великоруссомъ».

Комитетъ «Великорусса» смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ большинство, но, въ виду обнаружившагося разногласія, предлагалъ «передовымъ патріотамъ» помогать «умѣренной партіи» въ ея конституціонныхъ стремленіяхъ: «Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики». Слѣдуетъ поэтому «на первый разъ испытать мирныя средства», именно подать государю адресъ, составленный «въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его», но подать лишь послѣ того, какъ общественное мнѣніе путемъ пропаганды будетъ въ достаточной мѣрѣ подготовлено къ такому шагу. При этомъ условіи «демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство». Можно опасаться лишь одного, что, согласившись на всѣ требованія, правительство потомъ постарается «взять назадъ свои уступки». Во всякомъ случаѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, комитетъ готовъ дѣйствовать съ помощью петиціи. Если же образованные классы не сумѣютъ довести этого плана до конца, тогда остается послѣдній путь — «дѣйствовать на простой народъ». «Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію, народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ». «Передовые патріоты», такимъ образомъ, нисколько не сомнѣвались въ томъ, что они — господа положенія, и что имъ такъ легко взять въ свои руки всѣ нити движенія. Текстъ адреса былъ готовъ и даже напечатанъ въ третьемъ нумерѣ «Великорусса», который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и послѣднимъ, — но дальнѣйшихъ результатовъ предпріятіе не имѣло, если не считать того, что III отдѣленіе усиленно приня-

лось за розыски инициаторовъ и, разумѣется, сумѣло привлечь къ отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ Вл. Александровича Обручева.

Агитація среди интеллигенціи.

Попытка «Великорусса» позондировать общественное настроеніе, дѣйствительно, нѣсколько помогла оріентироваться въ вопросѣ. Было очевидно, что интеллигенція въ массѣ своей еще не способна къ сорганизованнымъ дѣйствіямъ, и что прежде всего необходимо продолжать агитацію именно въ этой средѣ, обращаясь къ наиболѣе чуткимъ ея элементамъ.

Прокламація «Къ молодому поколѣнію».

Эту цѣль и преслѣдовала прокламація «Къ молодому поколѣнію». Ея происхожденіе въ точности не выяснено, но связывается она съ именами Н. В. Шелгунова и М. И. Михайлова. Послѣдній именно обвинялся въ ея распространеніи.

Предки Михайлова были крѣпостными; въ семьѣ его хранились разсказы о военномъ усмиреніи родного села и о тѣлесномъ наказаніи, которому подвергся его дѣдъ (Михайлушка въ «Семейной хроникѣ» Аксакова). Эти воспоминанія усиливали, по свидѣтельству самого Михайлова, «горькую боль сердца при вѣсти о печальныхъ случаяхъ усмиренія крестьянъ военною силой», и толкали его на революціонную дорогу. Прокламація «Къ молодому поколѣнію», напечатанная Герценомъ въ сентябрѣ 1861 г., весьма объемиста. Въ качествѣ эпиграфа въ ней приведено стихотвореніе Рылѣева «Гражданинъ» («Я ль буду въ роковое время позорить гражданина санъ» и т. д.). Крестьянскій вопросъ, говорилось здѣсь, разрѣшался безъ участія самого народа и «народной партіи». Недовольство реформой всеобщее. Гдѣ же выходъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прокламація развиваетъ цѣлую идеологію въ духѣ народническаго соціализма Герцена. Въ экономической и соціальной жизни Европа намъ не указъ. «Жалкіе экономисты» не понимаютъ, что «не идеи идутъ за выгодами, а выгоды—за идеями», что экономизмъ «нищаетъ насъ въ духовномъ отношеніи» и толкаетъ въ «тѣсный индивидуализмъ». «Да и кто можетъ утверждать, что мы должны итти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи?» Мы не только можемъ, но и должны прійти «къ новымъ порядкамъ, неизвѣстнымъ даже и Америкѣ», «если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ», т.-е. земледѣльческую общину съ «равенствомъ правъ и владѣнія». «Мы — народъ запоздалый, и въ этомъ наше спасеніе. Мы должны благословить судьбу, что не

жили жизнью Европы. Ея несчастія, ея безвыходное положеніе — урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала и ея императорской власти». «Мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея. Мы вѣримъ въ свои свѣжія силы; мы вѣримъ, что призваны внести въ исторію новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы». «Наша сельская община есть основная ячейка; собраніе такихъ ячеекъ есть Русь». Этими идеями опредѣляются въ прокламаціи основные пункты ея практической программы и слѣдующія desiderata «народной партіи»: верховная власть можетъ быть только выборной и ограниченной; начала народнаго самоуправленія должны получить дальнѣйшее развитіе; общинное владѣніе сохраняется, и земля должна принадлежать «не лицу, а странѣ»; всякіе слѣды крѣпостного права уничтожаются, и страна получаетъ всѣ «свободы» и конституціонныя гарантіи.

Авторы прокламаціи «хотѣли бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота». «Но если нельзя иначе», говорятъ они, то «мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу».

Въ Россіи есть «свое особое сословіе, свой кругъ, непризнанный правительствомъ, враждебный ему и дворянству, дружественный народу». Это, сказали бы мы, внѣсословная интеллигенція, пополняемая не изъ одного дворянства (Ломоносовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій). Вотъ — друзья народа. «Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій». Молодежь болѣе другихъ способна «пожертвовать личными интересами благу всей страны»; потому ей и подобаетъ роль «вожаковъ народа». Она обратится съ пропагандой прежде всего къ народу, «которому 19 февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату», далѣе къ войскамъ, ко «всѣмъ угнетеннымъ», ко всѣмъ, «кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола». «Довольно корчить либераловъ; наступила пора дѣйствовать». «Зрѣйте въ этой мысли, — заканчиваетъ прокламація, — составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смертъ за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14 декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ, право, умирать не легче!»

. Характерно, что прокламація «Къ молодому поколѣнію» начинается и оканчивается обращеніемъ къ «тѣнямъ мучениковъ 14 декабря». Прошлое служитъ вдохновляющимъ примѣромъ для настоящаго; радикалы и революціонеры 60-хъ годовъ (начиная съ Герцена) сознаютъ свою преемственную связь съ декабристами, но хотятъ избѣжать ихъ ошибокъ [1]). Въ отвѣтѣ «Великоруссу», который приписывается также Михайлову, говорится о «неудачахъ 25 и 48 годовъ», которыя служатъ предостереженіями отъ «двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего-либо силами одного общества, безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ». Пропагандисты 60-хъ городовъ, какъ видимъ, проповѣдуютъ самобытную доктрину русскаго соціализма и непремѣннымъ условіемъ успѣха считаютъ активное участіе самого народа [2]).

Возникновеніе тайныхъ обществъ.

Изложенные выше листки и прокламаціи говорили отъ лица то комитета, то какого-то коллектива («мы»). Но исторія до сихъ поръ не раскрыла, какъ были организованы эти раннія попытки пропаганды. Можно думать, что кружки были не велики по составу и не представляли сплоченнаго цѣлаго: не даромъ всякій разъ внушалась мысль о необходимости составленія тайныхъ союзовъ и обществъ. Очевидно, дѣло объединенія революціонныхъ элементовъ было лишь въ самомъ зародышѣ. Постепенно, однако, возникаютъ конспиративныя организаціи.

Общество «Земля и Воля».

Таково общество «Земля и Воля», созданное въ 1862 г. при участіи Н. А. Серно-Соловьевича, П. Л. Лаврова, А. Н. Энгельгардта, Ник. Утина, Л. Ф. Пантелѣева и, вѣроятно, Чернышевскаго. Въ бумагахъ Серно-Соловьевича оказался подробно разработанный проектъ конституціи, который онъ предполагалъ подать государю въ 1862 г. По этому проекту, верховная власть принадлежитъ государю императору, но власть законодательная—

---

[1]) Интересны въ этомъ случаѣ и воспоминанія В. И. Кельсіева. «...Съ дѣтства слышалъ я о декабристахъ,—разсказываетъ онъ («Пережитое и передуманное», Спб. 1868, стр. 248),—и хотя въ кружкѣ, къ которому я принадлежалъ по рожденію, относились къ нимъ не совсѣмъ сочувственно, но все-таки тайна, окружавшая ихъ личности, ихъ стремленія, пріучала меня почему-то безусловно уважать ихъ».

[2]) За распространеніе прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» Михайловъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ. 3 августа 1865 г. Михайловъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ.

въ рукахъ «народнаго собранія», состоящаго «изъ выборныхъ отъ дворянства, городскихъ и сельскихъ обывателей». Въ статьѣ «Мысли вслухъ» Серно-Соловьевичъ разсуждаетъ о желательной тактикѣ народниковъ: онъ горячо возстаетъ противъ формулы: «все для народа, но не народомъ», и убѣдительно доказываетъ, что «тѣ только искренно хотятъ дѣйствовать за народъ, формула которыхъ: «все для народа и только народомъ». «Народъ слишкомъ много страдалъ и слишкомъ практиченъ, чтобъ вѣрить словамъ: ему нужны дѣла, дѣла разумныя и сильныя». Вотъ почему общество Серно-Соловьевича ставитъ на своемъ знамени «земля и воля». Въ первомъ же нумерѣ изданной обществомъ газеты «Свобода» было выставлено требованіе созвать народное собраніе съ учредительными функціями. Герценъ и Огаревъ привѣтствовали мысль о необходимости созыва «земскаго собора» и рекомендовали инціатору распространить работу преимущественно на провинцію: «живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ— ваша работа не пойдетъ въ ростъ... Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль земской земли».

Кружокъ П. Г. Зайчевскаго и прокламація «Молодая Россія».

Рядомъ съ «Землей и волей» выростаютъ и другіе, болѣе радикальные кружки. Здѣсь нужно назвать распространителей «золотыхъ грамотъ», малоизвѣстное тайное общество «Русская Правда» и кружокъ московскихъ студентовъ П. Г. Зайчевскаго, Аргиропуло, И. И. Гольцъ-Миллера и др. Молодежь какъ бы откликнулась на сдѣланный ей вызовъ, и въ 1862 г. «центральный комитетъ» выпустилъ свой манифестъ «Молодая Россія», который по рѣзкости тона превзошелъ всѣ предшествующія прокламаціи.

«Колоколъ», по мнѣнію составителей «Молодой Россіи», «не можетъ служить не только полнымъ выраженіемъ мнѣній революціонной партіи, но даже и отголоскомъ ихъ». Не удовлетворяетъ «республиканскую партію» и «Великоруссъ»: «онъ вызывалъ улыбку революціонеровъ своимъ мнѣніемъ о томъ, что государь побоится отдать приказъ стрѣлять въ собравшійся народъ, своими невинными адресами, которыми думаетъ спасти Россію». О заграничныхъ журналахъ господъ въ родѣ Блюммера [1]) и князя Долгорукова [2]) или о русскихъ прокламаціяхъ не стоитъ и распро-

[1]) Л. П. Блюммеръ издавалъ въ Берлинѣ «Свободное слово». Здѣсь, между прочимъ, онъ напечаталъ свою «буржуазійную» конституцію.

[2]) Кн. П. В. Долгорукій, издававшій газеты: «Правдивый», «Листокъ», Будущность», «Европеецъ».

страняться: «неимѣніе опредѣленныхъ принциповъ, пустое, ничего незначащее и ни къ чему не ведущее либеральничанье — вотъ отличительныя черты». «Молодая Россія» на маломъ не помирится: она идетъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. «Главныя основанія, на которыхъ должно построиться новое общество», слѣдующія: республиканско-федеративный союзъ областей, дѣленіе областей на земледѣльческія общины, общинное владѣніе землей, выборъ судебныхъ властей, правильное распредѣленіе налоговъ, устройство общественныхъ фабрикъ и общественныхъ лавокъ, общественное воспитаніе дѣтей, уравненіе женщинъ въ правахъ съ мужчинами, уничтоженіе брака и семьи, закрытіе монастырей, учрежденіе національной гвардіи, независимость Польши и Литвы.

Средство для осуществленія новаго общественнаго строя одно: «революція, революція кровавая и неумолимая, — революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка». Непримиримые враги уже стоятъ другъ противъ друга, съ полной готовностью вступить въ смертельный бой. Это — «партія народа» и «партія императорская». Мира между ними не можетъ быть. «Центральный революціонный комитетъ», выпуская «Молодую Россію», беретъ на себя задачу поднять народъ, въ особенности старообрядцевъ, войско, а, главное, молодежь. «Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главѣ движенія, что не такъ надѣется революціонная партія!» Съ восторгомъ говоритъ «Молодая Россія» о приближающейся революціи: «Скоро, скоро наступитъ день, когда мы распустимъ великое знамя будущаго, знамя красное и съ громкимъ крикомъ: да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!»

Прокламація не останавливается ни передъ какими выраженіями, чтобы пробудить чувство безпощадной мести противъ «партіи императорской», чтобы вызвать въ сердцахъ молодежи революціонный энтузіазмъ. Большую степень экстаза трудно себѣ и представить.

Энергичнымъ революціонерамъ удалось распространить свой листокъ по обѣимъ столицамъ во множествѣ экземпляровъ. Герценъ и Бакунинъ съ осужденіемъ отнеслись къ необычайно вызывающему тону «Молодой Россіи». Чернышевскій подалъ главарямъ совѣтъ смягчить впечатлѣніе, произведенное ихъ прокла-

мацiей. Въ результатѣ — новый листокъ подъ заглавiемъ «Предостереженiе». Авторы «Молодой Россiи» называются здѣсь экзальтированными молодыми людьми, допустившими, въ пылу благороднаго увлеченiя, рѣзкость выраженiя и «нѣсколько опрометчивыхъ словъ», которыя были приняты за подтвержденiе слуховъ о томъ, что именно революцiонеры жгутъ Петербургъ. «Демократы, — увѣряетъ «Предостереженiе», — никогда не дѣйствовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами». Но они готовы стать въ ряды народа, когда послѣднiй поднимется противъ своихъ притѣснителей, убѣдившись, что онъ не получитъ полной воли. Перевороты вообще совершаются не революцiонной партiею, а народами. Русскiе крестьяне уже начинаютъ готовиться къ революцiи: «народное возстанiе близится». И революцiонеры приглашаютъ сейчасъ «публику» помочь имъ въ «заботахъ смягчить готовящееся въ самомъ народѣ возстанiе». **Листокъ «Предостереженiе».**

Итакъ, по общему убѣжденiю, революцiонное настроенiе народа было внѣ сомнѣнiя: едва успѣетъ наступить роковой 1863 г., какъ народъ дружно поднимется во имя земли и воли. На интеллигенцiи лежитъ обязанность сначала помочь народу точнѣе формулировать, что ему нужно, а потомъ, когда начнется народная революцiя, занять руководящую позицiю съ цѣлью наилучшаго использованiя народныхъ силъ. **Пропаганда среди народа.**

«Что нужно народу»? спрашиваетъ Огаревъ въ «Колоколѣ» (1861, № 102) и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что народу «нужна земля да воля». «Безъ земли народу жить нельзя, да безъ земли нельзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. Земля никому другому не принадлежитъ, какъ народу». Вмѣстѣ съ землей, которой крестьяне будутъ владѣть «сообща, т.-е. общинами», народъ долженъ получить полную волю и право управляться своими выборными. Чтобы достигнуть своей цѣли, народъ долженъ сближаться съ войскомъ и съ надежными людьми, будетъ ли то помѣщикъ, расположенный къ крестьянамъ, или купецъ, готовый помогать освобожденiю народа своими деньгами, или «такой человѣкъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ, и учился, и писалъ, и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мiрскую да волю народную». Пока необходима разумная сдержанность, чтобы потомъ, когда наступитъ благопрiятный моментъ, «можно было умно, твердо, спокойно, **«Что нужно народу» Н. П. Огарева.**

дружно и сильно отстоять противъ царя и вельможъ землю мірскую, волю народную да правду человѣческую».

Авторъ этой статьи-прокламаціи обращался непосредственно къ народу и, очевидно, питалъ надежду, что его голосъ дойдетъ до русской деревни, но, разумѣется, нѣтъ ничего легче, какъ усомниться въ основательности подобной надежды.

«Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ».

Съ бо́льшимъ правомъ могли разсчитывать па это тѣ, кто былъ причастенъ къ составленію «Воззванія къ барскимъ крестьянамъ», за которое въ 1862 г. арестовали, а въ 1864 г. осудили Н. Г. Чернышевскаго. Прокламація, составленная по языку и тону очень умѣло, съ вѣрнымъ пониманіемъ народной психологіи, стремится разъяснить крестьянству призрачность дарованной воли и сущность той политической свободы, какой пользуются французы, англичане и швейцарцы («чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и равный для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ, и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было»). Русскіе люди также могутъ «вправду вольными людьми стать»: «надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ, да сноровку имѣть, да силой запастись». До поры, до времени нужно хранить спокойствіе и осторожность. «А когда вездѣ готовы будутъ, значитъ, вездѣ поддержка подготовлена, ну тогда дѣло начинай... Мы ужъ увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ». «А мы всѣ — люди русскіе и промежъ васъ находимся, только до поры, до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся».

Нѣтъ основанія категорически утверждать, что авторомъ «Воззванія» былъ именно Чернышевскій, но такое предположеніе является весьма вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ (нѣкоторые прямо приписываютъ ему бланкизмъ) онъ могъ сочувствовать идеямъ и тактикѣ этого документа. Вспомнимъ, что, сидя въ заключеніи, онъ написалъ свой романъ «Что дѣлать» (1863 г.), въ которомъ вывелъ народника-революціонера Рахметова, а въ финальной сценѣ романа намеками выразилъ свою увѣренность въ томъ, что уже въ 1865 г. русскіе политическіе дѣятели могутъ снять свой трауръ.

О практическихъ результатахъ «Воззванія къ барскимъ крестьянамъ» говорить не приходится: оно не было даже отпечатано, и

самъ правительствующій сенатъ, склонный въ подобныхъ случаяхъ преувеличивать опасность, призналъ, что отъ «злоумышленія Чернышевскаго» «ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло».

Воскресныя школы.

Деревня, слѣдовательно, до сихъ поръ остается недоступной для непосредственнаго вліянія радикаловъ. Испробованы были и другіе способы воздѣйствія на народъ, напр., черезъ посредство воскресныхъ школъ, количество которыхъ въ началѣ 60-хъ годовъ быстро росло не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ. На этой почвѣ лѣтомъ 1862 г. возникло дѣло, по которому были привлечены учитель Сампсоньевской воскресной школы (въ Петербургѣ), студентъ Хохряковъ, и учитель Введенской школы, студентъ Беневоленскій. Имъ было предъявлено обвиненіе въ томъ, что они читали своимъ ученикамъ «Что нужно народу» (Н. П. Огарева), «Что дѣлать войску» и т. п., а рабочіе Митрофановъ, Федоровъ и Трифоновъ обвинялись въ томъ, что «они не только имѣли у себя возмутительное воззваніе «Молодая Россія», но передавали оное другимъ для прочтенія».

Пропаганда В. И. Кельсіева среди старообрядцевъ.

Вас. Ив. Кельсіевъ взялъ на себя пропаганду среди старообрядцевъ и сектантовъ, но и онъ похвалиться удачей не могъ. Сначала онъ развилъ довольно энергичную дѣятельность, полагая, что раскольники какъ нельзя болѣе проникнуты революціоннымъ духомъ: усиленно агитировалъ въ «Общемъ Вѣчѣ», въ листкѣ, который стали издавать при «Колоколѣ»; печаталъ историческіе матеріалы по расколу и книги; «полезныя» для раскольниковъ; стремился использовать для своей цѣли знаменитую Макарьевскую ярмарку и хотѣлъ завести «исполинскую» переписку съ раскольниками; ухитрился въ 1862 г. изъ Лондона тайно пробраться въ Москву, имѣя въ виду склонить на свою сторону крупныхъ представителей старообрядчества; съ 1862 по 1865 г. вмѣстѣ съ Чайковскимъ (Садыкомъ-пашею) пропагандировалъ т. н. некрасовцевъ въ Тульчѣ. Но все оказалось безуспѣшнымъ. Очевидно, и въ данномъ случаѣ расчетъ былъ невѣренъ. Разочаровавшись въ намѣреніи «сковать себѣ партію не изъ однѣхъ верхушекъ» (какъ выразился онъ въ письмѣ къ Н. А. Серно-Соловьевичу отъ 7 іюля 1862 г.), Кельсіевъ въ 1867 г. вернулся въ Россію и предалъ себя въ руки правительству, которое и даровало ему полное прощеніе.

Пропаганда въ войскахъ.

Еще болѣе безрезультатными оказались усилія пропагандистовъ привлечь на сторону революціи войска. Сближеніе съ вой-

скомъ рекомендовалось прокламаціей «Къ молодому поколѣнію» и Огаревымъ въ его статьѣ—«Что нужно народу». «Колоколъ» (1861, № 105) въ особой прокламаціи разъяснялъ, «что дѣлать войску». По свидѣтельству Л. Ф. Пантелѣева, зимой 1861 г. Н. В. Шелгуновъ писалъ прокламацію къ солдатамъ. Въ дѣлѣ Михайлова, дѣйствительно, фигурировалъ, между прочимъ, рукописный документъ, доставленный предателемъ Всев. Костомаровымъ, подъ заглавіемъ «Къ солдатамъ». А въ бумагахъ арестованнаго въ 1862 г. студента Баллода нашлось воззваніе къ офицерамъ русской арміи. Вѣроятно, были и другія попытки въ этомъ родѣ, но едва ли хоть одна изъ прокламацій дошла по своему назначенію и имѣла какія-нибудь реальныя послѣдствія.

Отношеніе общества и правительства къ революціонерамъ.

Какъ ни разрозненны и ни теоретичны были изложенныя выше выступленія радикаловъ-демократовъ, они произвели свое впечатлѣніе на общество и правительство. Время было тревожное. Народъ, казалось всѣмъ, хранилъ въ себѣ какую-то опасную тайну, и возможность его возстанія представлялась далеко не иллюзорной. Въ 1862 г. происходятъ загадочные пожары. Молва приписывала ихъ «нигилистамъ», хотя, по нѣкоторымъ даннымъ, ихъ виновниками были чуть ли не реакціонеры. Университетская молодежь была охвачена безпокойствомъ, о чемъ свидѣтельствовалъ рядъ студенческихъ «безпорядковъ». Все это обостряло общее возбужденіе и заставляло съ опаской взирать на ближайшее будущее. Либералы были въ смятеніи, обыватели—въ ужасѣ. Правительство напрягало свои силы, чтобы предотвратить революціонный взрывъ: дѣлались энергичные розыски «комитетовъ»; производились многочисленные аресты; одинъ за другимъ возникло нѣсколько политическихъ процессовъ, окончившихся тяжелыми карами противъ лицъ, въ которыхъ подозрѣвали вожаковъ движенія.

Всенароднаго возстанія, которое пріурочивалось къ 1863 г., не произошло. Зато броженіе въ Польшѣ, начавшееся еще въ 1861 г., въ 1863 г. приняло революціонный характеръ. Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ полякамъ радикальныя прокламаціи, начиная съ «Великорусса» и кончая «Молодой Россіей». На сторонѣ Польши стояли Бакунинъ съ Герценомъ. Моральную поддержку готовы были оказать ей и либералы какъ западническаго, такъ и славянофильскаго оттѣнка. Но событія, особенно же дипломатическое вмѣшательство европейскихъ державъ, вы-

звали небывалый подъемъ патріотизма, Катковъ взялъ на себя руководящую роль, и правительственная реакція отнынѣ могла опираться на общественное мнѣніе. Реформы по инерціи продолжаются: въ 1864 г. вводятся земскія учрежденія. Но общественное настроеніе идетъ на убыль. «Нигилисты» и «соціалисты» дѣлаются предметомъ литературныхъ обличеній и административныхъ гоненій. Съ обѣихъ сторонъ озлобленіе растетъ, и уже шестидесятые годы познакомились съ новымъ, ранѣе не практиковавшимся у насъ способомъ политической борьбы—съ терроромъ. Объ этомъ громко возвѣстилъ міру выстрѣлъ Д. В. Каракозова, раздавшійся 4 апрѣля 1866 г. Каракозовъ принадлежалъ къ кружку Ишутина, который образовался въ Москвѣ еще въ 1863 г. и, насколько теперь извѣстно, стремился вести въ народѣ пропаганду посредствомъ школъ, мастерскихъ и артелей. Ни глава кружка, ни другіе важнѣйшіе его участники (Худяковъ, Николаевъ, Юрасовъ, Странденъ, Ермоловъ) въ сущности террористами не были. Каракозовъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ. Какъ бы то ни было, его покушеніе послужило сигналомъ для дальнѣйшаго усиленія реакціи. Этимъ и завершилась эпоха шестидесятыхъ годовъ.

Выстрѣлъ Каракозова.

Разсмотрѣнное нами радикально-демократическое теченіе имѣетъ свою безспорную историческую важность. Оно было прямымъ результатомъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя породили всю эпоху реформъ, и въ частности глубокаго процесса демократизаціи жизни, который сталъ быстро развиваться съ момента освобожденія крестьянъ. Русскій (народническій) соціализмъ служилъ идеологической основой тогдашнихъ прокламацій. Хотя въ ихъ теоретической аргументаціи не было строгой выдержанности, но конечные идеалы—одни и тѣ же, при чемъ разрѣшеніе соціальной проблемы неразрывно связывалось съ необходимостью измѣненія политическаго строя Россіи. Никакого антагонизма между соціальными и политическими стремленіями, который рѣзко скажется впослѣдствіи, пока не наблюдается. Находясь еще въ первой стадіи развитія, радикальное движеніе было чисто интеллигентскимъ; особенно дѣятельное участіе принимали литераторы и учащаяся молодежь. Настоящимъ знаніемъ конкретныхъ условій деревенской жизни и пониманіемъ народной психологіи большинство пропагандистовъ не обладало: горячіе призывы или оставались на страницахъ ихъ органовъ или наудачу бросались въ пространство, въ невѣдомую среду. Между самими революціонерами еще не

Значеніе радикально-демократическаго движенія.

было сорганизованности; надежды на народъ, на раскольниковъ, на войско—не оправдались. Дѣйствій въ сущности не было, были одни слова. Но въ этихъ словахъ прозвучалъ голосъ самой жизни; въ нихъ явственно выразились демократическіе идеалы эпохи. Ни неудачи, ни кары, ни реакція не могли пріостановить движенія: семидесятые годы пройдутъ, главнымъ образомъ, подъ знакомъ активнаго народничества.

П. Сакулинъ.

Главныя радикальныя теченія въ Россіи въ семидесятыхъ годахъ.

Основная черта народничества 70 гг.

Говорить о «радикальныхъ» теченіяхъ семидесятыхъ годовъ, значитъ говорить почти исключительно о такихъ теченіяхъ той эпохи, въ которыхъ соціальные элементы безусловно преобладали надъ политическими. Лишь въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ явилось теченіе такъ называемое «народовольческое», бывшее по существу уже теченіемъ политическимъ. Правда, еще до появленія народовольчества существовало въ общемъ движеніи направленіе, которое призывало къ ниспроверженію политическаго строя Россіи путемъ нанесенія ему смертельнаго удара со стороны небольшого числа рѣшительныхъ и сплоченныхъ въ централизованную организацію заговорщиковъ, захвату этой организаціей власти и совершенію затѣмъ ею же сверху внизъ «соціальной революціи», — это направленіе, такъ называемое «якобинское», во главѣ котораго стоялъ редакторъ заграничнаго журнала «Набатъ» Петръ Никитичъ Ткачевъ, — но оно было до такой степени слабо и непопулярно, что останавливаться на немъ было бы необходимо лишь въ томъ случаѣ, если бы имѣть въ виду не «главныя радикальныя теченія семидесятыхъ годовъ», а детальную исторію всего революціоннаго движенія того времени. Особо стоитъ направленіе «украинское», замѣчательный вождь котораго — Михаилъ Петровичъ Драгомановъ рѣшительно выдвигалъ на ряду съ идеей федерализма проблему борьбы за политическую свободу для Россіи, какъ цѣлаго, относясь въ то же время рѣзко отрицательно къ мысли якобинцевъ о захватѣ власти, но и это те-

Пособія: *Лавровъ.* Народники пропагандисты 1873—78 г.г. *Богучарскій.* Активное народничество 71 г.г. Многочисленныя воспоминанія современниковъ, напечатанныя въ журналахъ «Бѣлое», «Минувшіе годы» и «Голосъ Минувшаго» (на нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются ссылки въ статьѣ). См. также библіографію, указанную въ статьѣ А. А. Гизетти «Идейные вожди народничества въ 70 г.г.».

ченіе среди революціонной молодежи семидесятыхъ годовъ не только великорусской, но даже и украинской, популярностью не пользовалось.

Такимъ образомъ въ строкахъ этихъ рѣчь должна итти о движеніи соціально-революціонномъ, и притомъ почти исключительно движеніи, такъ называемомъ *народническомъ*.

Что, однако, надо понимать подъ этимъ выраженіемъ? Оно имѣетъ два значенія: болѣе тѣсное и болѣе широкое. Въ первомъ смыслѣ оно означаетъ возобладавшее въ началѣ второй половины семидесятыхъ годовъ теченіе, ставившее своей задачей вызвать народную революцію, исходя не изъ той или иной теоретической доктрины, а изъ назрѣвшихъ уже въ самомъ народѣ его потребностей, на почвѣ которыхъ и должна вестись въ народѣ, вмѣсто прежней пропаганды соціалистическихъ идей, революціонная агитація. Въ этомъ смыслѣ выраженіе «народничество» очень близко къ выраженію «бунтарство» и «народникъ» къ «бунтарю». Но терминъ «народничество» имѣетъ и другой болѣе широкій смыслъ, въ которомъ и можно употреблять его, какъ охватывающій своими характерными признаками почти все революціонное движеніе въ Россіи десятилѣтія 1869—1879 года. Признаки эти заключаются: 1) въ вѣрѣ въ возможность произвести въ ближайшемъ же будущемъ соціально-экономическій переворотъ не только въ интересахъ народа, но и силами самого народа, при чемъ подъ «народомъ» подразумѣвалось почти исключительно земледѣльческое населеніе Россіи — «мужики», а подъ переворотомъ или «соціальной революціей» — такое новое устроеніе народомъ всѣхъ его отношеній, которое будетъ покоиться на воплощеніи въ жизни принциповъ соціализма; 2) въ провозглашеніи борьбы съ государственностью во имя анархіи и въ 3) въ связи съ этимъ въ *аполитичности* движенія, выражавшейся не только въ равнодушномъ, но даже враждебномъ отношеніи народниковъ къ идеѣ борьбы за измѣненіе формъ политическаго строя и *противопоставленіи* понятія «соціализмъ» понятію «политическая борьба». Съ появленіемъ въ 1879 г. на исторической сценѣ Россіи «народовольчества», хотя оно и продолжало находиться въ народническомъ руслѣ, о чемъ самымъ категорическимъ образомъ народовольцы и заявили въ своей программѣ («по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты и *народники*»), дѣло рѣзко измѣнилось: народовольчество включило въ свою программу принципъ борьбы за измѣ-

неніе политическаго строя въ Россіи и направило всѣ свои силы именно въ эту сторону, вслѣдствіе чего эпоха конца семидесятыхъ и самаго начала восьмидесятыхъ годовъ сдѣлалась эпохою смерти народничества въ его старыхъ аполитическихъ формахъ.

Въ теченіе всего своего существованія въ этихъ формахъ народничество раздѣлялось, въ свою очередь, на два главныхъ теченія: «бакунизмъ» и «лавризмъ». Во главѣ перваго стоялъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, во главѣ второго —Петръ Лавровичъ Лавровъ.

Къ этимъ двумъ теченіямъ мы теперь и перейдемъ.

Характеръ «радикальнаго» — оно же и соціально-революціонное — движенія семидесятыхъ годовъ опредѣлился, съ одной стороны, всей предшествовавшей исторіей русской интеллигенціи и въ частности ея ролью въ событіяхъ «эпохи великихъ реформъ», а съ другой — вліяніемъ на русскую интеллигенцію передовой европейской мысли и тѣхъ формъ борьбы за воплощеніе въ жизнь соціалистическихъ идеаловъ, лозунги которыхъ исходили тогда изъ Международнаго Общества Рабочихъ.

«Народническое» направленіе мысли русской интеллигенціи дано было ей «отцами народничества» Герценомъ, Огаревымъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ; лозунги борьбы были сформулированы Бакунинымъ. Эти лозунги: «соціальная революція» и «анархія».

Соціальная революція являлась лозунгомъ борьбы и всего рабочаго движенія въ Европѣ, но по вопросу о «государственности» и «анархіи» въ нѣдрахъ европейскаго движенія и въ частности Международнаго Общества Рабочихъ («Интернаціонала») мнѣнія рѣзко раздѣлялись. Выразителемъ и вдохновителемъ первой точки зрѣнія явился Карлъ Марксъ, второй — Михаилъ Бакунинъ. Между тѣмъ русскіе революціонеры «молодого поколѣнія» шестидесятыхъ годовъ старались почти съ самаго возникновенія Интернаціонала принимать въ немъ дѣятельное участіе. О томъ, чтобы связать Интернаціоналъ съ революціоннымъ движеніемъ въ самой Россіи, заботился еще въ 1865 году «каракозовецъ» Худяковъ. Потомъ нѣсколько русскихъ эмигрантовъ сдѣлались и членами Международнаго Общества Рабочихъ. Происходившая въ немъ борьба «марксистовъ» и «бакунистовъ» находила себѣ живой отголосокъ въ средѣ русской интеллигенціи, какъ черезъ ту часть русской молодежи, которая стала уже въ значительномъ количествѣ учиться въ заграничныхъ универ-

«Марксизмъ» и «бакунизмъ».

ситетахъ, такъ и путемъ русской заграничной печати. Въ подавляющемъ большинствѣ русская революціонная молодежь приняла сторону Бакунина, признала себя «бакунистами», другими словами, «анархистами».

Безъ сомнѣнія, корень различія между «марксизмомъ» и «бакунизмомъ» лежалъ очень глубоко, но на практикѣ главное различіе ихъ сводилось къ вопросу, — долженъ или не долженъ пролетаріатъ принимать участіе въ «политикѣ», другими словами, — долженъ ли онъ дѣйствовать для осуществленія своихъ цѣлей *через* существующія «буржуазныя» государства («государственность») или не только помимо, но и принципіально *противъ* нихъ, какъ и противъ таковыхъ («анархія»). Марксъ и его сторонники говорили — *да*, Бакунинъ и множество тогдашнихъ европейскихъ революціонеровъ — *нѣтъ*. Послѣдніе утверждаютъ, что надо стремиться къ «соціальной революціи», направленной прямо на государство, въ цѣляхъ его уничтоженія, и отсюда истекало ихъ безусловно отрицательное отношеніе къ «политикѣ» въ смыслѣ работы для замѣны одной государственной формы другою, реформированія тѣхъ или иныхъ сторонъ государственнаго управленія, участія въ избирательной борьбѣ въ парламенты и т. д. Такую работу, совершаемую, разумѣется, въ интересахъ пролетаріата, признавали «соціалисты-государственники», но ее «рѣшительно отрицали и анархисты». Въ составленной Бакунинымъ для русскихъ соціалистовъ и пользовавшейся въ семидесятыхъ годахъ огромной популярностью книжкѣ «Государственность и анархія», всѣ упованія возлагаютъ на «соціальную революцію», которая должна направиться прямо на государство. «Соціальная революція» и «государство», — писалъ въ этой книжкѣ Бакунинъ, — вотъ *два полюса*, антагонизмъ которыхъ составляетъ самую суть настоящей общественной жизни въ цѣлой Европѣ». Въ чемъ же должна состоять политическая организація въ будущемъ? На этотъ вопросъ Бакунинъ отвѣчалъ въ напечатанной имъ въ журналѣ «Народное Дѣло» статьѣ, которая такъ и называется «Наша программа», слѣдующимъ образомъ: «вся будущая политическая организація должна быть ничѣмъ другимъ, какъ федераціею вольныхъ рабочихъ какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-ремесленныхъ артелей (ассоціацій). И потому, во имя освобожденія политическаго, мы хотимъ прежде всего *окончательнаго разрушенія государства*, хотимъ искорененія *всякой государственности* со всѣми ея церковными, политическими, военно- и гра-

жданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями»...

Программа «лавристовъ» (мы пока говоримъ только о *программѣ* ихъ, а не о тактикѣ), во главѣ которыхъ стоялъ Петръ Лавровичъ Лавровъ, въ сущности была очень близка къ программѣ «бакунистовъ». Самъ Лавровъ, вспоминая и аргументируя со всегда отличавшею его безупречною добросовѣстностью исторію заграничнаго органа «лавристовъ», журнала «Впередъ», писалъ такія строки: «Лавристы».

«Во все продолженіе существованія «бакунистовъ» и «впередовцевъ» (т.-е. «лавристовъ», которыхъ Лавровъ называлъ «впередовцами» изъ понятной скромности) за границею и въ Россіи никогда не было опредѣленно установлено, въ *чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы*, а столкновенія происходили по второстепеннымъ пунктамъ, какъ по вопросу о важности или ненужности пріобрѣтенія знаній, въ агитаціонной тактикѣ и т. д.»[1]).

Такимъ образомъ и «бакунисты», и «лавристы» относились одинаково безусловно враждебно къ стремленіямъ къ политическому преобразованію Россіи. И тѣ, и другіе признавали своимъ идеаломъ «анархію», а средствомъ для достиженія этой цѣли — «соціальную революцію».

Немаловажную роль въ такомъ направленіи мысли русской революціонной молодежи сыграли событія Парижской Коммуны. На вліяніе этихъ событій постоянно указывала и революціонная литература того времени, и обвинительные акты по разнымъ политическимъ дѣламъ, и т. д. Являлись послѣ этихъ событій вопросы: что же несетъ съ собою для блага трудящихся массъ не только конституція, но даже и республика? Вотъ во Франціи уже третья республика, а что же дала каждая изъ нихъ рабочему классу? Первая — запрещеніе рабочихъ союзовъ, вторая — іюньскіе дни, третья — ужасы Парижской Коммуны. Какъ же было принять тогда въ Россіи программу преобразованія государства капиталистическаго въ государство соціалистическое, дѣйствуя черезъ парламентъ, котораго нѣтъ, который надо еще въ такомъ случаѣ завоевать и который сулитъ «четвертому сословію» въ будущемъ въ той или иной формѣ «іюньскіе дни» или «Парижскую Коммуну»?..

И далѣе: если надо стремиться къ замѣнѣ абсолютизма на-

---

[1]) П. Лавровъ. «Народники пропагандисты 1873—1878 г.г.», стр. 60.

роднымъ представительствомъ, то на какой основѣ послѣднее должно существовать? На основѣ всеобщаго избирательнаго права? Но въ то время вся Европа еще жила подъ впечатлѣніемъ воцаренія Наполеона III, за котораго, при всенародномъ голосованіи, подало свои голоса огромное большинство населенія уже тогда пережившей три революціи Франціи. Это событіе дискредитировало на долгое время въ глазахъ европейской демократіи всеобщее избирательное право, привлекши вмѣстѣ съ тѣмъ къ этой формѣ голосованія симпатіи реакціонныхъ элементовъ Европы.

Такимъ образомъ опытъ Европы какъ бы говорилъ русскимъ соціалистамъ *противъ* борьбы за политическое преобразованіе Россіи.

Къ тому же выводу какъ будто приводилъ и анализъ съ точки зрѣнія соціологической положенія вещей въ Россіи. Являлись вопросы: если даже и допустить, что преобразованіе полицейскаго строя Россіи въ строй конституціонный желательно, то прежде всего существуютъ ли въ ней какія-либо силы, которыя могли бы взять на себя и осуществить подобную задачу? Вѣдь нельзя же закрывать глаза на тотъ фактъ, что подобное преобразованіе исполнимо лишь при условіи заинтересованности въ немъ массъ народныхъ, — безъ участія ихъ всякая попытка этого рода обречена на неизбѣжную неудачу, — массы же народныя къ «политикѣ» глубоко равнодушны и требуютъ не конституціи или республики, а радикальнаго улучшенія своего положенія, — прежде всего «земли». Съ другой стороны, если бы какая-либо группа конституціоналистовъ выдвинула вмѣстѣ съ своими политическими задачами и широкую программу экономическихъ преобразованій, то такая группа тоже не имѣла бы никакого успѣха, ибо подобной программѣ явилось бы враждебно то самое «буржуазное общество», къ которому группа должна была бы обратиться съ своими призывами. Значитъ, остается обращеніе непосредственно къ самому народу съ близкимъ всей его исторіи лозунгомъ, — прежде всего «Земля», а затѣмъ «Воля», лозунгомъ «Земля и Воля».

Во имя этихъ лозунговъ поднимался уже не разъ русскій народъ противъ своихъ утѣснителей, и имена такихъ народныхъ героевъ, какъ Степанъ Разинъ или Емельянъ Пугачевъ, живы въ памяти народной. Вотъ куда должны быть обращены взоры революціонной молодежи, она должна представить собою «коллективнаго Стеньку Разина». Въ этомъ смыслѣ и формулировалъ Ба-

кунинъ свой призывъ къ русской революціонной молодежи, называющійся «Нѣсколько словъ молодымъ братьямъ въ Россіи».

«Кто побѣдитъ на этотъ разъ? — задавалъ вопросъ Бакунинъ. — Народъ, безъ сомнѣнія. Стенька Разинъ былъ богатырь, но онъ былъ одинъ между всѣми и надъ всѣми; его личная громадная сила не могла устоять противъ сплотившейся и организованной государственной силы, такъ какъ въ народѣ, предводительствуемомъ имъ однимъ, не было и тѣни организаціи. Погибъ онъ и все погибло. Теперь будетъ не то. Не будетъ, вѣроятно, народнаго богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающаго въ своемъ лицѣ всю народную жизнь и силу. Но будетъ зато легіонъ безсловесной и безымянной молодежи, живущей уже и теперь народною жизнью и сплоченной крѣпко между собою одною мыслью и цѣлью. Соединеніе этой молодежи по народамъ, вотъ, залогъ народной побѣды... Стенька Разинъ на этотъ разъ не одинокій, а коллективный, и тѣмъ самымъ непобѣдимый у ней за плечами... Итакъ, молодые друзья, бросайте *этотъ міръ, обреченный на гибель,* эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. *Ступайте въ народъ!* Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, какъ служить народу и какъ лучше вести его дѣло. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителемъ народа, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій. Чтобы пріобрѣсти способность и право служить народному дѣлу, она должна утопиться въ народѣ. Не хлопочите о наукѣ, во имя которой хотѣли бы васъ связать и обезсилить. *Эта наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель.* Наука же новая и живая, несомнѣнно, народится *потомъ,* послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа. Таково убѣжденіе лучшихъ людей на Западѣ, гдѣ такъ же, какъ и въ Россіи, старый государственный міръ, основанный на религіи, на метафизикѣ и на буржуазной цивилизаціи, на правѣ семейномъ и на наслѣдственномъ правѣ, видимо, падаетъ и долженъ уступить мѣсто освобожденному чернорабочему міру. Вамъ врутъ, господа, что въ Европѣ все спитъ. Напротивъ, все просыпается, и надо быть, право, глухимъ и слѣпымъ, чтобы не услышать и не увидать несомнѣнныхъ признаковъ приближающейся общественной бури.

Готовьтесь къ борьбѣ, — помимо границъ государственныхъ рабочій міръ подалъ себѣ руку въ Европѣ и Америкѣ, и, во имя общей побѣды, зоветъ васъ, русскую безсословную молодежь, какъ работниковъ революціи, на крѣпкій союзъ».

Въ книгѣ «Государственность и анархія» Бакунинъ утверждалъ сверхъ того, что въ Россіи «ничего не стоитъ поднять любое село».

Отношенія къ конституціи.

Суммируемъ, слѣдовательно, положенія, которыя представлялись несомнѣнными:

1) Политическія революціи ничего не дали трудящимся массамъ въ Европѣ, царящій буржуазный строй которой оказался, послѣ политическихъ революцій, по выраженію Энгельса, «самой злой, отрезвляющей карикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII вѣка».

2) Трудящіяся массы поняли это, и теперь Европа живетъ наканунѣ «соціальной революціи», которая, въ отличіе отъ бывшихъ революцій политическихъ, будетъ направлена не на измѣненія формъ правленія и установленія политической свободы, а на коренное преобразованіе всей соціально-экономической структуры современнаго общества. Она уничтожитъ раздѣленіе общества *на классы* и преобразуетъ строй капиталистическій въ строй соціалистическій. Такова задача, которую предстоитъ исполнить рабочему классу въ Европѣ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, понимая это выраженіе не въ смыслѣ историческомъ, а въ смыслѣ прямомъ, т.-е. что «соціальная революція» разразится не позже, какъ черезъ какой-нибудь десятокъ другой лѣтъ. Въ этомъ были убѣждены одинаково европейскіе и «бакунисты» и «марксисты».

3) Русская революціонная молодежь должна итти по тому же пути съ тою разницею, что объектомъ соціально-революціоннаго воздѣйствія долженъ служить въ Россіи не городской пролетаріатъ, который такъ незначителенъ въ ней численно, а крестьянство, которое таитъ въ себѣ огромные запасы соціально-революціонной энергіи и которое поэтому легко поднять на завоеваніе «земли и воли», на новое возстаніе по образцу возстаній Разина и Пугачева.

4) Въ Россіи нѣтъ элементовъ, изъ которыхъ могла бы сложиться сильная конституціонная партія, а если бы таковая и сложилась и усилія ея увѣнчались успѣхомъ, то отъ этого народъ не выигралъ бы, а, напротивъ, много проигралъ, ибо тогда

власть перешла бы въ руки буржуазіи, которая еще сильнѣе экономически закрѣпостила народъ. Поэтому русская революціонная молодежь должна быть враждебна конституціоналистамъ.

Совершенно въ этомъ же смыслѣ говорилъ и органъ «лавристовъ» — заграничный журналъ «Впередъ».

«Всѣ нынѣшнія централизованныя политическія программы, — писалъ онъ въ своей программѣ, — намъ прямо враждебны. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее раздѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами, — все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индиферентно для насъ въ своемъ проявленіи»[1]).

Конституція — зло. Въ этомъ Лавровъ былъ совершенно солидаренъ съ Бакунинымъ. «Пойдетъ ли она (русская молодежь), — писалъ Лавровъ въ брошюрѣ «Русской соціально-революціонной молодежи», — вмѣстѣ съ конституціоналистами, которые тоже могутъ составить заговоръ съ цѣлью ограниченія власти всероссійскимъ представительнымъ соборомъ, съ либеральными гарантіями? Забыла ли она, что при союзѣ народныхъ партій съ партіями буржуазными *всегда* былъ обманутъ народъ? Неужели она думаетъ, что есть что-либо общее между народной спеціальной революціей и революціей въ пользу либеральной конституціи, которою прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?»

Такимъ образомъ съ этой стороны никакого различія между двумя главными радикальными теченіями въ 70-хъ годахъ не было, и Лавровъ былъ совершенно правъ, когда, какъ мы видѣли выше, говорилъ, что за все время существованія бакунистовъ и лавристовъ «никогда не было опредѣленно установлено, въ чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы». Затѣмъ Лавровъ тутъ же прибавлялъ, что расхожденія существовали «по второстепеннымъ пунктамъ, какъ по вопросу о важности или ненужности пріобрѣтенія знаній, въ агитаціонной тактикѣ и т. д.».

Разногласіе лавристовъ и бакунистовъ.

Подъ «второстепенными пунктами» разногласія Лавровъ указываетъ, однако, такіе, которые *на практикѣ* оказались чрезвычайно существенными.

---

[1]) Впередъ (пеперіодическое изданіе). 1873. Т. I, стр. 9.

Мы видѣли, что Бакунинъ призывалъ молодежь отвернуться и отъ науки, ибо эта наука «должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель», что «новая, живая наука народится *потомъ*, послѣ народной побѣды, изъ освобожденной жизни народа», и потому молодежь должна итти «въ народъ», не заботясь о предварительномъ пріобрѣтеніи «знаній».

Вотъ противъ этого-то взгляда на науку и ея значеніе въ жизни современнаго и будущаго общества рѣшительно возстали Лавровъ и его послѣдователи.

Вотъ что гласила по этому поводу выше цитированная программа журнала «Впередъ»:

«Лишь строгою и умѣлою *личною* подготовкою можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, можно считать себя, дѣйствительно, полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности въ Россіи.

Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и *готовность къ нему народа русскаго*, можно считать себя *въ правѣ* признать народъ къ осуществленію этого переворота.

Кто воображаетъ, что можетъ рѣшать угадываніемъ или инстинктомъ трудныя и сложныя задачи, которыя представляетъ установка новаго общественнаго строя, тотъ приготовляетъ себѣ неминуемое пораженіе въ минуту, когда задача станетъ передъ нимъ со всею своею практическою неизбѣжностью. Онъ окажется безполезнымъ дѣятелемъ въ то время, когда силы его будутъ всего нужнѣе. Онъ станетъ игрушкой въ рукахъ шарлатановъ или эгоистовъ, которые лучше его подготовились въ области мысли. Если же онъ проповѣдуетъ систематическую вражду къ строгой и основательной подготовкѣ въ области мысли, то онъ готовится вести своихъ товарищей и союзниковъ къ гибели въ битвѣ съ лучше подготовленными врагами; онъ готовился вести народъ къ революціи безъ будущности, мгновенный успѣхъ которой неизбѣжно вызоветъ подавленіе, потому что у народной партіи не будетъ знанія — единственнаго орудія возможной по-

бѣды. Проповѣдь систематическаго невѣжества, въ виду рѣшенія трудныхъ задачъ будущаго соціальнаго переворота, встрѣтитъ на нашихъ страницахъ самое рѣшительное противодѣйствіе».

Что же въ такомъ случаѣ долженъ дѣлать въ народѣ «лавристъ» или «впередовецъ»?

Та же программа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ:

«Для русскаго соціальная почва, на которой можетъ развитъся будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться, никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота, — вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству».

Вотъ, слѣдовательно, съ какими цѣлями надо было итти въ народъ. Не подымать народъ немедленно, не обращаться къ нему съ непосредственными призывами къ возстанію, а подготовлять его, развивать его общину, его мірскую сходку, давать ему образованіе и считать себя «въ правѣ» дѣйствовать прямымъ революціоннымъ путемъ лишь тогда, когда это укажетъ «теченіе историческихъ событій» и когда обнаружится «готовность къ перевороту народа русскаго». Конечно, тутъ была такая огромная разница съ «бакунистами», которая въ этихъ «второстепенныхъ вопросахъ» стоила расхожденія во взглядахъ самыхъ основныхъ.

Къ тому же «лавристъ» долженъ былъ итти «въ народъ» лишь послѣ самой обширной и тщательной къ тому подготовки. Лавровъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей не отрицанія науки, а самаго широкаго образованія.

Опять громадное различіе въ требованіяхъ, которыя предъявлялись къ молодежи со стороны обоихъ руководителей революціоннымъ движеніемъ семидесятыхъ годовъ.

Разъ лавристы стали на точку зрѣнія необходимости для дѣятельности въ народѣ широкими и глубокими знаніями, естественно,

возникали и другіе, истекавшіе отсюда, вопросы. Вѣдь, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ вопросъ ставился о необходимости «распространенія знаній въ народѣ». Но пропагандисты— интеллигенты, — это вѣдь лишь первые провозвѣстники въ народѣ соціалистическихъ истинъ; далѣе ихъ должны смѣнить пропагандисты изъ самого народа. А они-то какъ же? И они, конечно, должны воспитываться не на революціонныхъ же брошюркахъ, а пріобрѣсти основательныя знанія. Съ этимъ какъ быть? «Распространять знанія»! Но вѣдь въ силу одной уже почти поголовной неграмотности русской деревни, — это значило заниматься *культурною дѣятельностью*, къ чему на практикѣ и сводилась дѣятельность лавристовъ, разъ они поселялись «въ народѣ» сколько-нибудь осѣдло. Но культурной дѣятельности мѣшали историческія условія, а бороться съ ними, *какъ съ таковыми*, программой Лаврова, какъ и программой Бакунина, рѣшительно воспрещалось. Какъ же исполнять въ народѣ ту программу, которую возвѣстилъ журналъ «Впередъ», какъ «дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы широки они ни были и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота?» Бакунисты относятся ко всему этому отрицательно, они не признаютъ важности и необходимости даже знаній. Но лавристы? Не они ли заявили, имѣя въ виду именно бакунистовъ, что «проповѣдь систематическаго невѣжества» встрѣтитъ съ ихъ стороны «самое рѣшительное противодѣйствіе»? Какъ же со всѣмъ этимъ быть?

Движеніе въ народъ въ 1874 г.

Жизнь дала всему этому свое рѣшеніе: въ силу тѣхъ условій, среди которыхъ она протекала, въ силу *вѣры* въ близость «соціальной революціи» во всей Европѣ и такой же *вѣры* въ революціонность крестьянства русскаго, къ 1874 году въ Россіи огромное большинство революціонной молодежи стало «бакунистскою», и этотъ годъ ознаменовался первымъ массовымъ движеніемъ молодежи «въ народъ», съ цѣлью поднять его на непосредственное соціально-революціонное дѣло.

Еще до этого движеніе молодежи вылилось въ формы изданія и распространенія среди молодежи такихъ произведеній, которыя должны были направить ея мысль по намѣченному руслу, — этимъ занялся извѣстный кружокъ «чайковцевъ», — въ сближеніи молодежи съ городскими рабочими и отдѣльными попытками вы-

пуска революціонныхъ листковъ, но главная волна движенія поднялась въ 1874 году.

Двинулась молодежь въ этомъ году въ походъ съ величайшимъ, чисто религіознымъ, энтузіазмомъ.

Приведемъ двѣ-три характеристики этого движенія, сдѣланныя самими его участниками.

«Это не было организованное движеніе, а стихійное, — говорилъ П. А. Крапоткинъ, — одно изъ тѣхъ массовыхъ движеній, которыя наблюдаются *въ моменты пробужденія человѣческой совѣсти*» [1]).

«Движеніе это, — писалъ С. М. Кравчинскій, — едва ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ *религіозныхъ движеній*. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности *личнаго нравственнаго очищенія*. Но это движеніе не выдержало и не могло выдержать столкновенія съ грубой и суровой дѣйствительностью... Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Но это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоящей страшной борьбы. Такъ пропагандистъ семидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣе *религіозными, чѣмъ революціонными движеніями*. Соціализмъ былъ его *вѣрой*, народъ — *его божествомъ*. Невзирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня — завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе страшнаго суда» [2]).

«Весною 1874 года, — пишетъ въ своихъ мемуарахъ О. В. Аптекманъ, — волна революціонно-пропагандистскаго движенія достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Они теперь уже не нужны. Всѣ вопросы рѣшены. Время уже итти въ народъ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего надо научиться физическому труду. И работа закипѣла. Одни направляются на заводы, фабрики, гдѣ съ помощью спропагандированныхъ рабочихъ устраиваются и приступаютъ къ работѣ. Поступки этихъ студентовъ импонируютъ товарищамъ, —

---

[1]) «Записки революціонера», стр. 291.

[2]) «Подпольная Россія», стр. 15 и 17.

примѣръ ихъ заразителенъ. Тѣ, которые почему-либо не могутъ ему послѣдовать, страдаютъ отъ огорченія. Другіе, — такихъ было, если не ошибаюсь, большинство, — бросаются на изученіе ремеслъ, — сапожнаго, столярнаго, слесарнаго и проч.; этому можно скорѣе научиться, да и ремесло пригодится въ ссылкѣ. Надобно быть готовымъ. Во многихъ частяхъ Петербурга, — на Выборгской, Петербургской сторонахъ, въ Измайловскомъ полку, на Васильевскомъ островѣ и проч., — открываются такія мастерскія, въ которыхъ выучка, подъ руководствомъ опять-таки рабочаго-революціонера, идетъ довольно успѣшно. Мастерскія, устраивавшіяся молодежью, были почти всѣ на одинъ манеръ. Мастерскія были одновременно и «коммунами». Зайдемъ въ такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель изъ трехъ комнатъ съ кухней, на Выборгской сторонѣ. Скудная мебель. Спартанскія постели. Запахъ кожи, вара бьетъ въ носъ. Это сапожная мастерская. Трое молодыхъ студентовъ сосредоточенно работаютъ. Одинъ особенно занятъ прилаживаніемъ двойной толстой подметки къ ботфортамъ. Подъ подошву надо спрятать паспортъ и деньги, — на всякій случай. У окна, согнувшись, вся ушла въ работу молодая дѣвушка. Она шьетъ сорочки, шаровары, кисеты для своихъ товарищей, собирающихся на-дняхъ итти въ народъ. Надо торопиться, — и иголка такъ и мелькаетъ въ воздухѣ. Лица молодыя, серьезныя, добрыя и ясныя. Говорятъ мало, потому что некогда. Да и о чемъ разговаривать? Все уже рѣшено, все ясно, какъ день. То же самое и при встрѣчахъ на улицахъ. Лаконическіе вопросы: «куда направляетесь? куда ѣдете?» и т. д. въ томъ же родѣ. Крѣпкія рукопожатія и всякія благія пожеланія. Въ путь-дорогу!»[1])

Двинулись въ «путь-дорогу» и мужчины и женщины.

«Нужно замѣтить, — разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей освободительнаго движенія того времени, пишущій подъ псевдонимомъ «Старикъ», — что пропагандская дѣятельность въ народѣ женщины, особенно молодой, представляла такія затрудненія, какихъ не зналъ мужчина. Еще на сходкахъ (молодежи) нерѣдко поднимался этотъ вопросъ, но опредѣленнаго рѣшенія не было постановлено: большинство же, — въ томъ числѣ и сами женщины, — склонялись къ тому мнѣнію, что въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать

---

[1]) «Изъ исторіи революціоннаго народничества», стр. 53.

равноправія, — пусть тѣ изъ женщинъ, кто можетъ, идутъ въ народъ, какъ и мужчины въ крестьянской одеждѣ и сами, какъ знаютъ, избѣгаютъ непріятностей, связанныхъ съ принадлежностью къ прекрасному полу» [1]).

Эта черта русскаго освободительнаго движенія единственная въ своемъ родѣ. Кажется, нигдѣ въ мірѣ женщина не работала въ освободительномъ движеніи такъ тѣсно рука объ руку съ мужчиною. Не словами, а дѣлами русская женщина завоевывала и продолжаетъ завоевывать себѣ равноправіе съ мужчиной во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Что же встрѣтили пропагандисты въ деревнѣ? Тамъ ждало ихъ самое глубокое разочарованіе. Народъ, дѣйствительный народъ, оказался совершенно не тѣмъ, какимъ онъ представлялся издали и, несмотря на всю, затраченную пропагандистами, огромную энергію, ни въ одной деревнѣ, какъ констатировали органы революціонной печати, не удалось вызвать не только «бунта», но даже и «пассивнаго сопротивленія». «Ничего не стоитъ поднять любую деревню», думали многіе бакунисты съ авторомъ «Государственности и анархіи», и поднять именно во имя идеаловъ «соціализма» и «анархіи», а на дѣлѣ бакунистамъ пришлось встрѣтиться съ полнѣйшей чуждостью народу именно этихъ идеаловъ.

«Между нами, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. В. Аптекманъ, — были люди талантливые, умные и производили впечатлѣніе, несомнѣнно, глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее — душу народную? *Не соціализмъ и не анархія*, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей — и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знанія, которыми онъ обладалъ, давали возможность обобщать данные частные факты и освѣщать ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. *Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно*

---

[1]) «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу». «Былое». 1906 г. Декабрь. Стр. 70.

измѣнялось. Не то, чтобы его не хотѣли слушать — «по что не послухать?» — а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: «не любо, не слушай, а врать не мѣшай». Пропагандисты тогда же почувствовали, что здѣсь кроется что-то неладное, но торопливость, съ какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значенie этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностью» [1]).

Неуспѣхъ движенія пропагандистовъ. Здѣсь и лежала, безъ сомнѣнія, коренная причина полнаго неуспѣха движенія пропагандистовъ «въ народъ», но причина эта была затемнена въ ихъ сознаніи другою: отношеніемъ къ движенію со стороны властей, обрушившихся на пропагандистовъ съ самыми свирѣпыми репрессіями. За всѣ послѣдовавшія затѣмъ событія исторически отвѣтственной является власть и только власть. Она своими преслѣдованіями «не позволила вдуматься въ глубокое значеніе» тѣхъ фактовъ изъ крестьянской жизни, которые констатировали сами пропагандисты. Вслѣдствіе этого неудачу движенія 1874 года стали объяснять не коренною его причиною, а причинами второстепенными: недостаточностью организованности движенія, его хаотичностью, отсутствіемъ надлежащей конспиративности и т. д. Явилась поэтому попытка созвать первую «всероссійскую социально-революціонную организацію», но и эта попытка, показавши (во время «процесса пятидесяти») Россіи образцы такихъ замѣчательныхъ женщинъ, какъ Бардина, Фигнеръ и другія, окончилась также быстрою и полною неудачею.

Тѣмъ не менѣе, ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ въ сознаніи пропагандистовъ стали отличаться и нѣкоторыя новыя идеи. Революціонеровъ 1873 — 1874 года можно назвать «максималистами», у революціонеровъ періода слѣдующаго, «народниковъ» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, явилась какъ бы «программа — минимумъ». На судѣ по дѣлу 1-го марта 1881 года Желябовъ говорилъ: «мы государственники, а не анархисты... Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы были дѣйствительно анархистами... Непродолжительный періодъ пребыванія въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, но, съ другой стороны, тотъ же періодъ убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ *до поры, до времени* слѣдуетъ остановиться».

---

[1]) «Изъ исторіи революціоннаго народничества», стр. 77

«До поры, до времени», — это и значитъ поставить задачи временныя, т.-е. создать программу — минимумъ.

«Мы рѣшили дѣйствовать,—продолжалъ Желябовъ,—во имя сознанныхъ народомъ интересовъ, — уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознанныхъ. Это отличительная черта народниковъ. Изъ мечтателей - метафизиковъ они перешли въ позитивизмъ и держались почвы, — это основная черта народничества» [1]).

Но «держаться почвы» — это означало, конечно, необходимость обстоятельнаго практическаго ознакомленія съ почвой, «а для этого прежняя «летучая пропаганда» должна была смѣниться прочнымъ поселеніемъ пропагандистовъ въ народѣ, заведеніемъ тамъ «колоній».

Такихъ попытокъ и было сдѣлано нѣсколько, но и онѣ всѣ разбились о преслѣдованія властей.

Наталкиваясь постоянно на такія преслѣдованія, прежняя «доктринерская» мысль пропагандистовъ о несущественности и даже вредности борьбы за измѣненіе *политическихъ* условій жизни Россіи терпѣла, конечно, все болѣе и болѣе пораженія, и отсюда явилось сначала новое *настроеніе*—защищаться силою отъ преслѣдованій (вооруженныя сопротивленія при арестахъ, убійства особо ненавистныхъ должностныхъ лицъ и т. д.), а затѣмъ и новое *направленіе*, признавшее необходимость борьбы именно за политическую свободу.

Народовольчество.

Такъ возникло «народовольчество». Оно появилось на исторической сценѣ, какъ направленіе, сформировавшееся уже въ 1879 году, какъ продуктъ борьбы двухъ теченій, образовавшихся въ существующемъ до того времени народническомъ тайномъ обществѣ «Земля и Воля», и быстро завоевало себѣ признаніе среди большинства русскихъ соціалистовъ. Можно сказать, что въ 1879 году прежнее народничество въ его старыхъ *аполитическихъ формахъ* умерло и уже никогда болѣе въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ не воскресало.

Такимъ образомъ къ возникновенію новаго направленія привела сама жизнь и прежде всего отношеніе къ движенію семидесятыхъ годовъ властей.

Что народническое движеніе семидесятыхъ годовъ безъ правительственныхъ преслѣдованій потекло бы по другому руслу, къ

[1]) Дѣло 1 марта 1881 года. Стенографическій отчтеъ. Стр. 338—339.

этому заключенію, бросая взглядъ на прошлое, пришли многіе изъ самыхъ активныхъ участниковъ этого движенія.

«Припоминая теперь движеніе 1870 — 1878 года, — говоритъ П. А. Крапоткинъ, — я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи *удовлетворилось бы* возможностью спокойно жить среди крестьянъ и фабричныхъ работниковъ, учить ихъ, работать съ ними, либо лично, либо въ земствѣ, — словомъ, возможностью оказывать народу тѣ безчисленныя услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могутъ быть полезны крестьянамъ и рабочимъ. Я зналъ людей этого движенія и говорю съ полнымъ знаніемъ дѣла» [1]).

Совершенно также смотритъ на этотъ вопросъ и В. К. Дебагорій-Мокріевичъ.

«Уже и тогда, — пишетъ онъ, — болѣе безпристрастные изъ насъ приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладаетъ революціоннымъ настроеніемъ. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передѣла земли, но ожидали они его мирно, терпѣливо, какъ царскую милость. Можно желать передѣла и въ то же время спокойно ожидать многіе годы, ничего не предпринимая. Очевидно, однако, что еще годъ, другой подобныхъ странствій по деревнямъ или жизни среди народа, и мы отрезвились бы отъ нашихъ революціонно-народническихъ утопій. Движеніе наше улеглось бы, приняло бы болѣе спокойное теченіе и, въ концѣ-концовъ, пожалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ «крайней лѣвой» нашего общественнаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшера, кто ремесленника, и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро положила бы свою печать на нашу пропаганду. Мы увидѣли бы вокругъ себя почти поголовную безграмотность, — а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія, — и самъ собой выступилъ бы на очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и т. п. *культурной дѣятельности*. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько-нибудь нормальны» [2]).

Это, безъ сомнѣнія, совершенно вѣрныя мысли, но тутъ слѣдуетъ внести и одинъ значительный коррективъ.

---

[1]) Записки революціонера, стр. 403.

[2]) Воспоминанія. стр. 180.

Взоры революціонеровъ семидесятыхъ годовъ были всецѣло направлены въ сторону крестьянской массы. На городскихъ рабочихъ обращали вниманія очень мало и хотя съ ними и «занимались», но и такія занятія имѣли въ виду не уясненіе классоваго самосознанія рабочихъ, не способствованіе развитію самостоятельнаго рабочаго движенія, а по преимуществу выработку изъ рабочихъ пропагандистовъ для той же деревни.

И вотъ, невзирая на такія занятія съ рабочими, такъ сказать, «между дѣломъ», результаты пропаганды въ ихъ средѣ оказались несравненно продуктивнѣе, чѣмъ въ крестьянствѣ, хотя туда и были направлены всѣ силы пропагандистовъ.

Результаты пропаганды среди крестьянъ, по крайней мѣрѣ, видимые ея результаты, сводились почти къ нулю, — рабочая же масса оказывалась къ революціонной пропагандѣ несравненно болѣе воспріимчивой.

На это существуетъ много свидѣтельствъ.

Въ Петербургѣ образовался «Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ» съ относительно говоря уже весьма реалистическою программою.

Въ Кіевѣ кружокъ рабочихъ составилъ самостоятельную программу, въ которой говорилось, что «мы, южные рабочіе, задались мыслью какимъ бы то ни было путемъ добиваться политической свободы».

Въ Ростовѣ-на-Дону, по свидѣтельству шлиссельбуржца М. Р. Попова, дѣло пропаганды среди рабочихъ обстояло очень хорошо: завязаны были большія связи въ рабочей средѣ не только въ самомъ Ростовѣ, но и въ его окрестностяхъ. «*Многолюдныя сходки рабочихъ* собирались за городомъ на открытомъ воздухѣ» [1].

Всѣ такіе факты, указывавшіе на несомнѣнную воспріимчивость рабочаго класса къ соціалистическимъ и революціоннымъ идеямъ, не оцѣнивались, однако, надлежащимъ образомъ самими соціалистами изъ интеллигентной среды. На это были свои причины и характера общаго, коренившагося въ экономической структурѣ Россіи съ слишкомъ еще незначительнымъ тогда въ ней развитіемъ промышленности, и болѣе частнаго, въ силу котораго на германскую соціалъ-демократію указывались тогда въ русской соціалистической литературѣ, какъ на примѣръ, которому именно *не надо*

---

[1]) М. Р. Поповъ.—«Изъ моего революціоннаго прошлаго»,—«Былое». 1907 г. 1 іюль. Стр. 295.

слѣдовать, ибо иначе русская революціонная партія также потеряетъ свою революціонность, какъ потеряла ее партія германская [1]).

«Земля и Воля».

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ возникшее въ 1877 г. общество «Земля и Воля» (въ 1878 г. оно стало издавать органъ того же наименованія) стояло еще на «бакунистической» точкѣ зрѣнія. Преслѣдованія властей имѣли, однако, своимъ результатомъ все большее и большее отклоненіе общества отъ этой точки зрѣнія. «Политика» врывалась въ формѣ вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ, что знаменовало уже болѣе или менѣе сознанную идею неприкосновенности личности и жилища; а при сгустившейся затѣмъ еще болѣе атмосферѣ новое настроеніе оформилось въ такъ называемое «террористическое» направленіе, захватившее настолько значительную часть членовъ общества «Земля и Воля», что въ его средѣ послѣдовалъ расколъ. Въ 1879 году, послѣ съѣздовъ членовъ общества и другихъ лицъ въ Липецкѣ и Воронежѣ, общество «Земля и Воля» распалось окончательно на два общества, изъ которыхъ первое приняло названіе «Черный Передѣлъ», а второе— «Народная Воля». Первое продолжало стоять на прежней народническо-аполитической точкѣ зрѣнія, второе, считая себя тоже народническимъ, поставило, однако, своею непосредственной задачей борьбу за политическую свободу и созывъ Учредительнаго Собранія, которое и должно опредѣлить новыя формы государственнаго строя Россіи.

Симпатіи огромнаго большинства русскихъ соціалистовъ склонились къ «народовольчеству», которое въ періодъ 1879—1882 года почти всецѣло заполняетъ собою революціонное движеніе въ Россіи. Событіе 1-го марта 1881 года явилось кульминаціонною точкою въ дѣятельности «народовольцевъ», но оно же, истощивши всѣ ихъ силы, оказалось смертельнымъ и для нихъ самихъ. Событіе это обнаружило, что въ русскомъ обществѣ вовсе не оказалось въ наличности тѣхъ силъ, на которыя разсчитывали народовольцы. Дальнѣйшая исторія этой партіи — не болѣе, какъ исторія ея агоніи и потому событіемъ 1-го марта не только хронологически (оно имѣло мѣсто уже въ *восьмидесятыхъ* годахъ), но, можно сказать, и фактически заканчивается разсмотрѣнный въ этомъ очеркѣ періодъ «радикальнаго» движенія въ Россіи.

В. Богучарскій.

---

[1]) П. Б. Аксельродъ помѣстилъ также на эту тему рядъ статей въ русскомъ заграничномъ журналѣ «Община». Большія извлеченія изъ этихъ статей приведены въ нашей книгѣ «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», стр. 355—361.

Идейные вожди „народничества" въ 70-хъ годахъ.

(Бакунинъ, Лавровъ, Михайловскій).

Народничество какъ міросозерцаніе.

Семидесятые годы истекшаго столѣтія извѣстны въ исторіи русской общественной жизни и мысли какъ эпоха укрѣпленія и развитія «народничества». Народничество — не только общественно-политическое ученіе, но цѣлое своеобразное міровоззрѣніе, по-своему подходившее ко всѣмъ вопросамъ теоріи и практики. Основатели и идейные руководители этого теченія — люди настолько крупные и оригинальные, что знакомство съ ихъ воззрѣніями и до нашихъ дней связано не съ однимъ лишь историческимъ интересомъ; оно цѣнно и само по себѣ.

Прежде всего надо замѣтить, что самое наименованіе «народничество» далеко не указываетъ на всѣ особенности этого ученія. Взгляды идейныхъ вождей движенія 70-хъ гг. на «народъ», какъ «совокупность трудящихся классовъ», и вытекавшая отсюда ихъ политическая и экономическая программа тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ихъ воззрѣніями на *личность человѣка*, какъ верховную цѣнность міросозерцанія. «Народничество» пыталось гармонически сочетать начало общественности (идеаломъ общественности былъ для народниковъ строй соціалистическій) съ началомъ индивидуализма. Народничество нельзя разсматривать какъ продуктъ исключительно *русскихъ* условій: оно тѣсно связано съ развитіемъ общечеловѣческой «западноевропейской» мысли.

Съ другой стороны, идейные корни русскаго народничества уходятъ глубже 70-хъ годовъ: его настоящимъ основателемъ по справедливости считается А. И. Герценъ, нашедшій своеобразный исходъ изъ споровъ «западничества» и «славянофильства». Рядомъ съ нимъ должно быть названо имя В. Г. Бѣлинскаго, — этого перваго вдохновеннаго защитника человѣческой личности

въ русской журналистикѣ. Экономическія основанія народничества заложены Н. Г. Чернышевскимъ; первые зародыши «народническихъ» рѣшеній нѣкоторыхъ нравственныхъ вопросовъ можно найти у Н. А. Добролюбова; крайній индивидуализмъ Д. И. Писарева тоже повліялъ на народниковъ 70-хъ гг.

Въ настоящей статьѣ будетъ разсмотрѣно ученіе «народниковъ» въ его окончательномъ видѣ, какой придали ему П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. Для освѣщенія идейной атмосферы 70-хъ гг. нужно коснуться личности и основныхъ идей М. А. Бакунина, который хотя и не можетъ въ тѣсномъ смыслѣ слова считаться «народникомъ», но оказалъ большое вліяніе на общественное движеніе 70-хъ гг.; а кромѣ того интересенъ какъ теоретикъ анархизма, — теченія обще-европейской мысли, также пытавшагося соединить начала индивидуализма и общественности.

I.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ [1]).

(1814—1876).

Молодые годы Б.

М. А. Бакунинъ родился 18 мая 1814 г. въ с. Премухинѣ, Новоторжскаго у., Тверской губ., въ зажиточной и очень образованной помѣщичьей семьѣ, изъ среды которой впослѣдствіи вышли многіе земскіе дѣятели, и которая вообще оставила слѣдъ въ исторіи русской культурно-общественной жизни.

Съ дѣтства Бакунинъ обнаруживалъ незаурядныя способности, бурный неуравновѣшенный характеръ и страстную жажду

Пособія: 1) *М. А. Бакунинъ.* Рѣчи и воззванія (Съ прилож. біограф. очерка М. П. Драгоманова и статьей А. И. Герцена). Изд. Балашова. 1906 г. 2) *Бакунинъ.* Собраніе сочиненій. Подъ редакц. А. И. Бакунина. Т. I и II. 3) Переписка Бакунина, изданная Драгомановымъ. 4) *Эльцбахеръ.* Сущность анархизма, т. I, гл. IV. М. А. Бакунинъ. (76—92) Кн-во «Просторъ», 1906 г. 5) *П. Лавровъ.* Народники-пропагандисты 1873—1878 г. (особенно стр. 150—184). 6) *А. А. Мейеръ.* Бакунинъ и Марксъ. «Факелы», сборн. II. 7) *Лагардель:* Бакунинъ и Марксъ. «Завѣты», 1913 г., № 2 -3. 8) *Гросманъ.* Бакунинъ и Бергсонъ. «Завѣты», 1914 г., № 5. 9) *Ж. Гильомъ.*. М. А. Бакунинъ. «Былое», 1906, № 8. 10) *З. К. Ралли.* Воспоминанія. «Минувшіе годы», 1908, № 10. 11) *Ю. Стекловъ.* Послѣдніе годы жизни М. А. Бакунина. «Голосъ Минувшаго», 1914, № 5. 12) *Богучарскій.* Активное народничество семидесятыхъ годовъ, гл. III., стр. 63—100. 13) *А. Корниловъ.* Молодые годы Михаила Бакунина. М. 1915 г. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

жить по-своему. Обучался онъ, по дворянскимъ традиціямъ тѣхъ временъ, въ военномъ училищѣ (артиллерійской школѣ въ Петербургѣ), но, не кончивъ курса, былъ отчисленъ (за рѣзкій отвѣтъ начальству) въ армію и уже черезъ годъ вышелъ въ отставку. Продолжая много заниматься языками, физикой, математикой, Бакунинъ сближается въ Москвѣ въ 1835 г. съ кружкомъ Станкевича. Германская идеалистическая философія становится на время центромъ умственной жизни для Бакунина, и въ этой области проявляетъ онъ наклонности своего рѣзкаго увлекающагося духа. Раздѣляя преклоненіе кружка передъ философіей Фихте, онъ охваченъ стремленіемъ къ нравственному совершенствованію и пересозданію людскихъ отношеній творческою дѣятельностью познавшаго истину духа.

Скоро Бакунинъ съ тѣмъ же пыломъ переходитъ къ изученію Гегеля и увлекается его ученіемъ о «разумности дѣйствительнаго». При этомъ нужно замѣтить, что Бакунинъ правильно понялъ это ученіе и не придалъ ему того односторонняго консервативнаго истолкованія, какъ его горячій другъ Бѣлинскій, пытавшійся прямо приложить ученіе Гегеля къ оправданію русскихъ политическихъ условій того времени. Все же и для Бакунина это ученіе было своего рода чистилищемъ, — переходомъ отъ романтическаго индивидуализма къ цѣльному и полному утвержденію жизни, соединенному съ борьбою за дальнѣйшее освобожденіе человѣчества.

Переходъ этотъ былъ тѣмъ легче, что, выѣхавъ въ 1840 г. за границу, Бакунинъ примкнулъ тамъ къ кружку «лѣвыхъ гегеліанцевъ». Онъ усвоилъ идею вѣчнаго и непрерывнаго движенія мысли и жизни, и выступаетъ противъ оправданія религіозныхъ традицій философіей Шеллинга (въ брошюрѣ «Шеллингъ и откровеніе», изданной имъ анонимно на нѣмецкомъ языкѣ въ 1842 г.).

Затѣмъ Бакунинъ помѣщаетъ (подъ псевдонимомъ Jules Elisard) въ журналѣ лѣвыхъ гегеліанцевъ «Deutsche Jahrbücher» статью «Реакція въ Германіи», которая заканчивается знаменитыми словами: «Воздухъ полонъ, чреватъ бурями!.. И потому мы зовемъ нашихъ ослѣпленныхъ братьевъ: покайтесь, покайтесь, царство божье близко!.. Позвольте же намъ довѣриться вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть вѣчно-неисчерпаемый и вѣчно-творящій источ-

никъ новой жизни. Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ съ тѣмъ и творческая страсть».

Мечты о «философской бурѣ» скоро сливаются воедино съ надеждами на бурю политическую. Бакунинъ сближается съ нѣмецкими коммунистами школы Вейтлинга, а затѣмъ съ Прудономъ; разъѣзжаетъ по всей Европѣ, пропитываясь атмосферой конспирацій и заговоровъ. Бакунинъ увлекается революціонной дѣятельностью, все время мысля переворотъ политическій и соціальный неразрывно и одновременно. При этомъ надо не забывать, что вѣру Бакунина раздѣляла почти вся тогдашняя соціалистическая Европа, — всѣ мечтали о близости крушенія «стараго міра». Бакунинъ выступаетъ все рѣшительнѣе; рѣчью въ память Польскаго возстанія онъ отрѣзываетъ себѣ возвратъ въ Россію и принимаетъ дѣятельное участіе въ парижской революціи 1848 г.

Революціонная дѣятельность Б.

Революція эта была большимъ «праздникомъ» для Бакунина; но ея чисто-политическая форма далеко не утолила въ немъ жажду обновленія. Герценъ по этому поводу передаетъ отзывъ о Бакунинѣ одного изъ вожаковъ Февральской революціи, Коссидьера: «въ первый день революціи этотъ человѣкъ просто кладъ, а на другой день надобно его разстрѣлять».

Бакунина отправили съ революціонными порученіями къ австрійскимъ славянамъ, такъ какъ, по словамъ Герцена, онъ проповѣдывалъ не только «коммунизмъ и равенство», но и «освобожденіе всѣхъ славянъ», уничтоженіе «всѣхъ Австрій». Бакунинъ участвуетъ во «всеславянскомъ» съѣздѣ въ Прагѣ и затѣмъ въ такъ называемомъ «святодуховскомъ» возстаніи чеховъ. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Бакунина къ національному вопросу. Бакунинъ ненавидѣлъ зародыши германскаго имперіализма и буржуазное чисто-политическое революціонерство нѣмцевъ 1848 года, соединявшееся съ мечтами о «Deutsche Einheit» (единство Германіи). Онъ надѣялся только на взрывъ соціальной революціи пролетаріата и крестьянства. Поэтому онъ примкнулъ къ панславистскому движенію, идеализируя «молодыя» славянскія племена, которыя способны сказать міру «новое слово», создать новыя формы политической и соціальной жизни, объединившись на началахъ свободнаго соглашенія, рисовавшагося, впрочемъ, Бакунину въ видѣ туманной утопіи какого-то «всеславянскаго совѣта». Однако, когда рознь между славянами, нѣмцами и мадьярами поставила

подъ вопросъ результаты австрійской революціи и дала имперскому правительству случай раздавить ее, натравивъ эти племена другъ на друга, Бакунинъ сумѣлъ въ своемъ «Воззваніи къ славянамъ» сказать слово о братствѣ борцовъ за свободу, которая должна быть выше частныхъ національныхъ интересовъ.

Въ 1849 г. Бакунинъ бьется на баррикадахъ въ Дрезденѣ, являясь главнымъ организаторомъ всей обороны города; онъ попадаетъ въ плѣнъ, заключенъ въ крѣпость Кенигштейнъ; затѣмъ приговоренъ саксонскимъ правительствомъ къ смертной казни — казнь замѣнена вѣчной тюрьмой. Въ маѣ 1850 г. Бакунинъ выданъ Австріи, почти полтора года томился въ австрійскихъ тюрьмахъ, въ теченіе полугода прикованный къ стѣнѣ; судимъ австрійскими властями за участіе въ славянскихъ возстаніяхъ, вторично приговоренъ къ смертной казни и, наконецъ, выданъ Россіи.

Около четырехъ лѣтъ просидѣлъ Бакунинъ въ Петропавловской крѣпости; здѣсь, между прочимъ, онъ составилъ по желанію государя записку о славянскихъ дѣлахъ. Въ этомъ онъ весь: никогда не остается бездѣятеленъ, никогда не теряетъ надежды *убѣдить*. Переведенный затѣмъ въ Шлиссельбургъ, онъ, вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ о немъ родныхъ (еще черезъ четыре года), освобожденъ и поселенъ въ Восточной Сибири, гдѣ попадаетъ подъ легкую опеку извѣстнаго генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго. Въ своей перепискѣ того времени съ Герценомъ и Огаревымъ Бакунинъ мечтаетъ о «разрушеніи всѣхъ Австрій» и защищаетъ отъ нападокъ «Колокола» своего «патрона», какъ геніальнаго администратора и чуть ли не будущаго демократическаго диктатора Россіи...

Разумѣется, Бакунинъ, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ плѣненія, — бѣжалъ черезъ Японію и Америку, и въ 1861 году явился въ Лондонъ къ своимъ друзьямъ. Онъ началъ было сотрудничать въ «Колоколѣ», но скоро обнаружились разногласія. По словамъ Герцена, Бакунинъ не хотѣлъ понять чисто пропагандистской задачи «Колокола», хотѣлъ, во что бы то ни стало, связать его редакцію съ непосредственною организаціей революціоннаго движенія въ Россіи. Бакунинъ остался прежнимъ идеалистомъ-фантазеромъ, вѣрующимъ во всесильное значеніе заговоровъ: онъ соединилъ свое дѣло съ дѣломъ польскаго возстанія, историческія права котораго признавалъ и Герценъ, однако, гораздо внимательнѣе вглядывавшійся въ аристократическія и узко-националистическія тенденціи его вожаковъ. Огарева Баку-

нинъ больше подчинялъ своему вліянію, между прочимъ, увлекая его, кромѣ единенія съ Польшей, и своей идеей использовать старообрядцевъ, какъ революціонную силу, — предпріятіе, еще разъ показывающее безграничный утопизмъ Бакунина.

Въ началѣ 1864 г. Бакунинъ перебрался въ Италію; на итальянцевъ, — какъ на «свѣжій» народъ, «не испорченный» сильной государственной властью — онъ возлагалъ большія надежды; здѣсь основалъ онъ «Союзъ соціальной демократіи» (въ Испаніи). Въ Италіи тогда сильно было обаяніе политическихъ революціонныхъ организацій Мацциниа съ его девизомъ «Dio e popolo» — «Богъ и народъ». Противъ этого религіознаго демократизма Бакунинъ началъ борьбу во имя принциповъ интернаціональнаго и анти-религіознаго, анархическаго коммунизма, такъ какъ онъ понималъ только *полный* разрывъ со «старымъ міромъ»[1]). «Союзъ» стремился къ замѣнѣ всѣхъ принудительныхъ формъ общественности вольными федераціями на трудовой основѣ, не признающими надъ собою ни религіознаго ни политическаго авторитета и коллективно владѣющими всякой собственностью. Въ 1867 году Бакунинъ съ нѣсколькими друзьями пытается превратить въ революціонно-соціалистическую организацію «Лигу Мира и Свободы», незадолго передъ тѣмъ возникшую въ Женевѣ. Стремясь доказать неразрывную связь идеи Мира и союза народностей съ принціальнымъ отрицаніемъ религіи, государства и частной собственности, Бакунинъ вноситъ въ «Лигу» свой мемуаръ: «Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ»[2]).

Б. въ Интернаціоналѣ.

Потерпѣвъ неудачу, друзья выходятъ изъ состава «Лиги» и основываютъ «Международный Союзъ соціальныхъ революціонеровъ» (Alliance internationale). Союзъ этотъ, принявшій программу полнаго уничтоженія классовъ и уравненія личностей, обращенія всякой собственности въ коллективную и замѣны политически-авторитарныхъ государствъ всеміpной федераціей земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій, входитъ въ составъ Интернаціональнаго Общества Рабочихъ, основаннаго Марксомъ и Энгельсомъ и находившагося тогда въ зенитѣ своей славы и силы. Единеніе это не могло быть продолжительнымъ: «Союзъ» требовалъ автономіи, а въ Интернаціоналѣ господствовалъ цен-

[1]) Критику идей Маццини Бакунинъ далъ въ брошюрѣ «Политическая теологія Маццини и Интернаціоналъ».

[2]) Аналогичная мысль лежитъ въ основѣ трактата «Богъ и Государство» (1871 г.) и «Писемъ о патріотизмѣ».

трализмъ. Оба вождя, Марксъ и Бакунинъ, расходились рѣшительно во всемъ, борьба была неизбѣжна. Теперь пора уже признать, что въ пріемахъ борьбы грѣшили обѣ стороны, но борьба эта въ основѣ своей была борьбою двухъ принциповъ, разныхъ взглядовъ, какъ на формы организаціи, такъ и на будущій идеалъ, разныхъ отношеній къ основной тактикѣ борьбы. Централизмъ и федерализмъ, переходящій въ анархію; гибкая политическая тактика и утопическій идеалъ непрерывнаго бунта; еще глубже — коллективизмъ — пускай даже цѣною порабощенія, свободы личности, индивидуализмъ — пускай даже цѣною полнаго распада солидарности! Грѣшили оба противника и національзмомъ. Марксъ былъ очень склоненъ къ пангерманизму, Бакунинъ—къ панславизму, къ которому, подъ вліяніемъ личнаго раздраженія, стали даже примѣшиваться нотки антисемитизма. Марксъ иногда, вѣроятно, искренно считалъ Бакунина русскимъ шпіономъ; Бакунинъ называлъ Маркса врагомъ народнаго дѣла, «резонеромъ», государственникомъ - деспотомъ. На Гаагскомъ конгрессѣ Бакунинъ и его друзья были исключены, но въ результатѣ распался самый Интернаціоналъ, изъ котораго вышли почти всѣ представители романскихъ странъ и Россія. Распаденіе это косвенно доказало преждевременность международной организаціи, за которой тогда еще не стояли сплоченныя партіи отдѣльныхъ странъ. Впослѣдствіи сама жизнь выдвинула задачей новаго Интернаціонала соединеніе наиболѣе плодотворныхъ идей обоихъ противниковъ.

Проповѣдь разрушенія «стараго міра».

Одновременно со своей дѣятельностью въ Интернаціоналѣ Бакунинъ ведетъ дѣятельную пропаганду своихъ идей среди русской эмиграціи. Въ статьяхъ своихъ въ журналѣ «Народное Дѣло» Бакунинъ зоветъ къ разрушенію всего «стараго міра» вплоть до его «юридическихъ и ученыхъ» учрежденій силами всего народа, «коллективнаго Стеньки Разина» — вѣритъ больше всего непосредственному инстинкту протеста. Бакунинъ считаетъ русскаго крестьянина духовно подготовленнымъ къ возстанію гнетомъ страданья и общиннымъ укладомъ жизни. Впрочемъ, Бакунинъ рѣзко возставалъ противъ чрезмѣрной идеализаціи общины и яркими красками изображалъ гнетъ «міра», идеализируя разбойника, какъ бунтаря, противъ этого гнета. Исповѣдуя принципъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», Бакунинъ возлагаетъ всѣ надежды на «народную вольницу» и революціонную интеллигентную молодежь. Еще въ 1868/9 г. Бакунинъ изъ-за границы принималъ участіе въ рево-

люціонныхъ предпріятіяхъ С. Нечаева; но вскорѣ рѣшительно разрываетъ союзъ съ нимъ, осуждая его организаторскіе пріемы и тактику. И то уже было поздно: дурная слава Нечаева повредила и Бакунину въ глазахъ товарищей по Интернаціоналу и даже послужила одной изъ причинъ его исключенія. Но и это не заставляетъ Бакунина усомниться въ основахъ своего революціоннаго міросозерцанія, въ духѣ котораго онъ и продолжаетъ воздѣйствовать на молодежь 70-хъ годовъ. Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ («Государственность и Анархія», «Кнуто-Германская имперія и соціальная революція») Бакунинъ пытается подвести итоги истекшаго періода бурныхъ политическихъ движеній въ Европѣ, попрежнему проповѣдуя разрушеніе «стараго міра» дружными усиліями трудящихся массъ во имя идеала анархіи и коммунизма. Онъ видитъ въ Германской государственности оплотъ европейской реакціи, призываетъ «молодые» славянскіе и южно-романскіе народы бороться съ нею; обличаетъ германскую соціалъ-демократію въ мѣщанствѣ и государственныхъ тенденціяхъ, возлагаетъ надежды на чернь, которой нечего терять, больше чѣмъ на фабричныхъ рабочихъ, уже «испорченныхъ» своей относительной обезпеченностью.

Въ послѣдніе годы жизни Бакунину казалось, что повсюду восторжествовалъ «доктринерскій государственный соціализмъ нѣмцевъ», стремящійся къ завоеванію власти политической въ современномъ государствѣ. Особенно послѣ разгрома коммуны 1871 г. — въ организаціи которой (въ Ліонѣ) Бакунинъ, уже утомленный, разбитый жизнью, въ послѣдній разъ пытался воплотить свои идеалы — утратилъ умирающій левъ международнаго мірового бунта всякую вѣру въ революціонный инстинктъ народныхъ массъ. Въ 1876 году Бакунинъ умеръ въ Италіи, одинокій и разочарованный, смутно лишь предчувствуя возможность совсѣмъ новыхъ путей развитія движенія.

Такова поэма бурной жизни Бакунина. Читая характеристику этого человѣка, хотя бы въ воспоминаніяхъ особенно хорошо его понимавшаго и любившаго его Герцена, невольно проникаешься къ нему восторженнымъ уваженіемъ. Но не такъ легко правильно оцѣнить положительное значеніе его идей и дѣятельности. Бакунинъ — утопистъ фанатикъ, плохой организаторъ, совсѣмъ слабый и поверхностный теоретикъ. Во всѣхъ его разсужденіяхъ бросается въ глаза одно зіяющее противорѣчіе: ненавидя «теологическое» міросозерцаніе и борясь съ нимъ, Бакунинъ старается

объяснить всѣ явленія человѣческой природы и общественной жизни, строго «позитивно», даже матеріалистически—во всякомъ случаѣ «естественными» причинами и «необходимостью». А между тѣмъ въ основѣ всѣхъ его разсужденій лежитъ бунтъ, пожалуй, и противъ самихъ законовъ природы, вѣра въ безграничную свободу и мощь человѣческой воли, изъ ничего творящей новый міръ. Положительные идеалы коммунизма и анархіи совсѣмъ не разработаны у Бакунина: даны лишь самыя общія ихъ формулы. А все-таки въ его идеяхъ есть нѣчто могучее, въ его книгахъ нѣчто воспитывающее духъ. Это именно *само смѣлое отрицаніе стараго.* Вѣчной правдой останутся слова Бѣлинскаго о немъ: «Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто перевѣшивающее всѣ его недостатки, это вѣчно-движущее начало, лежащее въ глубинѣ его духа». Бакунинъ прежде всего *искатель-бунтарь*, отрицатель, сомнѣвающійся каждое мгновеніе въ томъ, чѣмъ увлекался такъ недавно, но всегда вѣрный лозунгу освобожденія и счастья творящей личности.

Мысль подлинно — свободная должна пройти черезъ такое отрицаніе, чтобы создать основы новаго взгляда на міръ.

II.

Петръ Лавровичъ Лавровъ.

(1853—1900).

П. Л. Лавровъ родился въ имѣніи своего отца — отставного генерала, участника походовъ 1812 — 15 гг. — въ Мелеховѣ. **Біографія Лаврова.**

Пособія: 1) *П. Лавровъ.* Очерки вопросовъ практической философіи, т. I. Личность. 1860 г. 2) Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. 1861 г. 3) — *(Миртовъ)* Историческія письма. 1906. 4)—Формула прогресса Н. К. Михайловскаго.—Противники исторіи.— Научныя основы исторіи цивилизаціи. 1906. 5)—Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. 1906 (№№ 3 — 5 изданы «Русск. Богатствомъ»). 6)—*(Арнольди)* Цивилизація и дикія племена. 1900. 7)—*(Арнольди)* Современныя ученія о нравственности и ея исторія. 190³/₄. 8)—*(Арнольди)* Задачи пониманія исторіи. 1900. 9)—(Доленги) Важнѣйшие моменты въ исторіи мысли. 1904. 10) *Лавровъ:* Знаніе и революція. 1900. 11) *Лавровъ:* Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ. (Женева). 12) *Н. И. Карѣевъ.* Теорія личности Лаврова. 1906. Изд. «Свѣточъ». 13) Статьи *Н. С. Русанова* «Былое», 1907, № 2; «Русск. Богатство», 1910, № 2). 14) *Б. Камкова* («Завѣты», 1913, № 6—7). *А. Гизетти* (Вопросы обществовѣдѣнія). 15) *Лавровъ (Миртовъ):* Народники пропагандисты (гл. III—IV особенно). 16) *Богучарскій.* «Активное народничество», гл. IV. 17) *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли, т. II, гл. II. 18) Матеріалы о Лавровѣ, напечатанные въ «Голосѣ Минувшаго», 1915 и 1916 г.

Псковской г. Матерью П. Л. была обрусѣлая шведка. Мальчикъ росъ одиноко, такъ какъ былъ гораздо моложе своихъ братьевъ и сестеръ; характеръ у отца былъ деспотичный, чудаковатый; воспитывали хилаго, болѣзненнаго «барчонка» «въ ватѣ». Всѣ эти обстоятельства способствовали раннему развитію любви къ чтенію, къ книгамъ. Уже подросткомъ онъ познакомился съ библіотекою отца, въ которой, несмотря на строго-православныя и вѣрноподданническія убѣжденія Лавра Степановича, находились сочиненія французскихъ мыслителей XVIII вѣка, а языкамъ мальчикъ рано выучился по обычаю домашняго воспитанія того времени. Согласно тѣмъ же традиціямъ отданъ былъ Лавровъ въ военную школу— Михайловское артиллерійское училище въ Петербургѣ. Здѣсь вначалѣ была очень тяжела дисциплина, обижали насмѣшки товарищи; но скоро мальчикъ закалился и не уступалъ прочимъ въ силѣ и ловкости.

Началось товарищеское общеніе, кружки; мысль Лаврова усиленно работаетъ. Занятія математикой и естествознаніемъ вызываютъ въ немъ размышленія о силѣ необходимости въ природѣ и кризисъ религіозныхъ традицій. Начинается и знакомство съ нѣмецкой идеалистической философіей, политической исторіей запада, утопическимъ соціализмомъ.

Математическія способности Лаврова избавили его отъ военной службы, оказалось возможнымъ избрать путь преподавателя математическихъ наукъ въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ половинѣ 50-хъ г. онъ уже состоитъ профессоромъ Артиллерійской Академіи. Одновременно со спеціальными занятіями, Лавровъ продолжаетъ вырабатывать свое міровоззрѣніе, изучая вопросы антропологіи, исторіи религіи, соціологіи; онъ знакомится серьезно съ соціализмомъ, становится близокъ съ литературными радикальными кружками. Не пылкимъ юношей, а уже вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ выступаетъ Лавровъ въ это время въ печати, сначала со спеціальными педагогическими статьями, затѣмъ со статьями по исторіи и философіи, сотрудничаетъ въ энциклопедическомъ словарѣ Краевскаго и редактируетъ въ немъ философскій отдѣлъ. Первая крупная работа Лаврова «Очерки вопросовъ практической философіи Ч. I. Личность» вышла въ 1860 г. [1]). Въ этомъ сочиненіи и въ появившихся затѣмъ «Трехъ

---

[1]) Она посвящена А. Г. и П. П., т.-е. Александру Герцену и Пьеру Прудону, откуда видны соціалистическія убѣжденія Лаврова, уже въ это время окрѣпшія.

бесѣдахъ о современномъ значеніи философіи» (читанныхъ публично зимою 1860—1 г.) уже вполнѣ опредѣленно выражена основная идея Лаврова: при уясненіи общественныхъ вопросовъ слѣдуетъ исходить изъ интересовъ личности, какъ живой единицы: общественныя отношенія, обезпечивающія развитіе личности, должны быть основаны на равноправіи и «справедливости». Но преобладающее вліяніе философіи германскаго идеализма сдѣлало изложеніе Лавровымъ этихъ мыслей сухимъ, отвлеченнымъ, а время было боевое. Шестидесятники не сразу признали Лаврова своимъ, онъ казался имъ подозрительнымъ эклектикомъ, постепеновцемъ; не нравилась его убѣжденная критика узкаго матеріализма (въ статьѣ «Механическая теорія міра»). Писаревъ считалъ Лаврова туманнымъ, половинчатымъ писателемъ, Чернышевскій сдержанно отозвался объ его книгѣ, хотя въ написанной по поводу ея статьѣ «Антропологическій принципъ философіи» развивалъ самостоятельно въ сущности тѣ же по духу идеи.

Послѣдующее развитіе русской мысли, связанное съ переходомъ шестидесятниковъ отъ матеріализма къ позитивизму, сблизило Лаврова и Чернышевскаго, но тутъ наступили тяжелыя времена: политическіе процессы 60-хъ годовъ, потомъ каракозовское покушеніе, паника въ обществѣ, гоненіе на интеллигенцію, печать. Лавровъ былъ въ 1866 г. арестованъ за «вольнолюбивыя» стихотворенія (пользовавшіяся въ 50 — 60 гг. нѣкоторой извѣстностью) и высланъ въ Вологодскую губернію. Тяжело было такому человѣку одиночество въ глухой провинціи, когда онъ уже привыкъ стоять въ центрѣ умственныхъ интересовъ эпохи. Но Лавровъ сумѣлъ и ссылкой воспользоваться для продолженія работы надъ своимъ міровоззрѣніемъ. Онъ знакомится ближе съ позитивизмомъ и эволюціонизмомъ, въ результатѣ чего появляются въ разныхъ журналахъ его роботы по исторіи цивилизаціи («Цивилизація и дикія племена», «Научныя основы исторіи цивилизаціи», «До человѣка», позднѣе еще «Современныя ученія о нравственности и ея исторія и мн. др.). Во всѣхъ этихъ работахъ, а также въ замѣчательной статьѣ «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», Лавровъ выясняетъ вопросъ объ отношеніяхъ естествознанія и исторіи,— стихійныхъ законовъ природы и сознательной воли человѣка, старается разграничить понятіе эволюціи, какъ простого процесса измѣненій, и прогресса, какъ преобразованія жизни въ соотвѣтствіи съ идеаломъ всесторонняго развитія личности и правильнаго удовлетворенія всѣхъ ея потребностей. Онъ оспариваетъ традиціонное

представленіе о «культурѣ» европейскихъ народовъ, вскрывая противорѣчія въ этой культурѣ, часто подавляющей личность своими традиціями и охватывающей лишь небольшой кругъ привилегированнаго меньшинства, выбившагося въ борьбѣ за существованіе на поверхность, за счетъ массы «пасынковъ цивилизаціи». Культурѣ-традиціи противопоставляетъ Лавровъ истинную «цивилизацію»: освобожденіе личности и созданіе справедливой общественности. Только такая цивилизація сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе «дикарей высшей культуры», которыми полны современные высшіе классы, скрывающіе подъ внѣшнимъ лоскомъ грубость нравовъ, понятій, привычекъ, групповой эгоизмъ и жажду наживы вопреки всякой солидарности человѣчества. Въ области философіи Лавровъ продолжаетъ стремиться къ творческому вліянію живыхъ элементовъ идеализма и позитивизма.

«Историческія письма».

Главнымъ произведеніемъ Лаврова въ эту эпоху были знаменитыя «Историческія письма», напечатанныя въ 1869 г. въ журналѣ «Недѣля», а въ 1870 г. вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Здѣсь онъ свелъ воедино свои воззрѣнія на задачи исторической жизни человѣчества, изложивъ ихъ въ сравнительно доступной формѣ отдѣльныхъ этюдовъ, проникнутыхъ яркимъ паѳосомъ убѣжденія и призыва къ самостоятельности. «Историческія письма» дали какъ разъ отвѣтъ на тотъ вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу, который особенно волновалъ молодежь, переживавшую переломъ отъ увлеченія идеей личнаго самосовершенствованія и выработки «реалистическаго» міровоззрѣнія (проповѣдь Писарева) къ смутной пока жаждѣ общественной дѣятельности во имя переустройства всѣхъ формъ жизни. Въ «Историческихъ письмахъ» молодежь съ увлеченіемъ читала о томъ, что интеллигенція («критически-мыслящія личности») должна уплатить свой «долгъ народу» («цѣну прогресса»), отдавъ всѣ свои силы на служеніе ему, на борьбу за его счастье и освобожденіе. Въ «Историческихъ письмахъ» черпала молодежь вѣру въ мощь идейной пропаганды новыхъ началъ жизни; она слышала въ нихъ призывъ къ постепенной организаціи личностей въ кружки, а кружковъ—въ партію, ставящую на своемъ знамени лозунгъ полнаго освобожденія и равенства трудящихся массъ. Во всемъ этомъ была доля преувеличенія; впослѣдствіи Лавровъ самъ признавалъ, что въ «Историческихъ письмахъ» онъ отводилъ личному воздѣйствію слишкомъ важную роль, не учитывая стихійной стороны общественнаго развитія, и слишкомъ оптимистически «гар-

монически» смотрѣлъ на борьбу за новый міръ, не учитывая сложности общественныхъ антагонизмовъ капиталистическаго строя. Съ другой стороны, призывъ къ уплатѣ «долга народу» былъ понятъ слишкомъ аскетически массою молодежи; причиною этого былъ соціальный составъ самой молодежи, преимущественно изъ «кающихся дворянъ», чувствующихъ, что они достигли образованія «на счетъ» крѣпостной массы, что народъ ихъ не знаетъ, не пойметъ. Впослѣдствіи самому Лаврову пришлось бороться съ этими односторонностями, доказывать молодежи необходимость полноты личнаго развитія, ради плодотворной пользы въ томъ же дѣлѣ служенія народу. Но значеніе «Историческихъ писемъ» гораздо шире: въ этой книгѣ даны драгоцѣнныя указанія о методахъ и задачахъ исторической науки, описывающей живой процессъ событій въ ихъ индивидуальномъ своеобразіи; обоснованіе необходимости «оцѣнки» историческихъ событій во имя интересовъ цѣльной личности,—оцѣнки, помогающей намъ различать «важное» отъ «неважнаго» въ исторіи. Прогрессъ по Лаврову состоитъ въ «развитіи личности въ умственномъ, физическомъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніи въ общественныхъ формахъ истины и справедливости». Критически мыслящія личности борятся «культурой» — традиціей во имя творчества «цивилизаціи» свободно-равныхъ людей. Во имя интересовъ личности оцѣниваются всѣ общественныя явленія и сами формы общенія стихійно возникшія (національность, государство, семья). Въ этихъ формахъ достойно сохраненія только то, «чѣмъ онѣ служатъ человѣку, принудительный элементъ государства, семьи, суживающій горизонтъ національизмъ обречены на вымиранье по мѣрѣ развитія этой истинной цивилизаціи. Критическая мысль рождаетъ новую вѣру въ будущее, вѣру разумную и активную[1]).

Лавровъ за границей.

Самъ Лавровъ уже не былъ въ Россіи, когда молодежь увлекалась его «Историческими письмами»: уже въ началѣ 1870 г. онъ бѣжалъ изъ ссылки за границу съ помощью Германа Алекс. Лопатина, начинавшаго тогда свою бурную политическую дѣятельность. Лавровъ попалъ въ Парижъ въ концѣ франко-прусской войны и сблизился здѣсь, съ одной стороны, съ верхами ученой интеллигенціи, съ другой — съ соціалистическими организаціями.

[1]) Предвидѣніе въ исторіи невозможно. Самый идеалъ растетъ и развивается въ связи съ новыми требованіями жизни. Личность должна сдѣлать лишь все, что можетъ, для его осуществленія. Соціализмъ никогда не мыслился Лавровымъ грубо-утопически.

Лавровъ раздѣлялъ съ парижанами бѣдствія осады, а когда вспыхнула коммуна, обратился къ ея вождямъ съ предложеніемъ организовать дѣло народнаго просвѣщенія на соціалистическихъ началахъ. Но сейчасъ важнѣе было добыть поддержку самому возстанію. Лавровъ, пробравшись благополучно, какъ иностранецъ, черезъ кольцо версальскихъ войскъ въ Лондонъ, тщетно пытается найти эту поддержку у вождей Интернаціонала, силы котораго очень преувеличивались.

«Впередъ».

Послѣ разгрома коммуны Лавровъ живетъ сначала въ Цюрихѣ и Лондонѣ. Въ Цюрихѣ какъ разъ въ это время собиралась русская молодежь учиться; а вскорѣ зародились первыя попытки политической организаціи «движенья въ народъ». По предложенію кружка молодежи Лавровъ сталъ во главѣ заграничнаго журнала «Впередъ», которымъ онъ руководилъ съ 1872 по 1877 гг. (только послѣдній выпускъ этого журнала вышелъ уже безъ участія Лаврова). Въ 1876—8 гг. при этомъ журналѣ издавалась еще двухнедѣльная газета. Лаврову не сразу удалось столковаться съ молодежью: написанную имъ программу журнала пришлось дважды передѣлывать въ самыхъ основахъ; да и то, когда соглашеніе было достигнуто наконецъ, «Впередъ» удовлетворилъ далеко не всѣхъ. «Впередъ» стремился быть органомъ международнаго соціализма на русской почвѣ, ставя задачею освободительнаго движенія тѣхъ лѣтъ революцію не только политическую, но и соціалистическую, при этомъ выдвигая даже задачи соціализма на первый планъ; здѣсь и была точка разногласія съ такъ называемыми «якобинцами» — сторонниками радикальной политической борьбы, какъ первой и единственной пока задачи русскихъ революціонеровъ. «Якобинцы» эти [1]), кромѣ того, были централистами во взглядахъ на организацію движенія; «Впередъ», не упуская изъ вида необходимости объединенія, склонялся болѣе къ федерализму. Эти черты, а также принципіально отрицательное отношеніе къ принудительной государственности внѣшне сближали Лаврова съ послѣдователями Бакунина, идейное вліяніе котораго на русскую молодежь достигаетъ въ этотъ моментъ своего высшаго развитія. Но и здѣсь были важные пункты разногласія. Во-первыхъ, Лавровъ все же не былъ анархистомъ и частичное значеніе государства признавалъ. Но важнѣе этого оттѣнка убѣжденій было ради-

---

[1]) Идейнымъ вождемъ ихъ былъ П. Ткачевъ; главнымъ ихъ органомъ — газета «Набатъ».

кальное разногласіе по вопросу о средствахъ борьбы за будущее. Бакунисты огуломъ *отвергали* «старый міръ»; Лавровъ критически *судилъ* всѣ явленія и учрежденія современности и выдѣлялъ въ ней элементъ подлинной цивилизаціи, постоянныя цѣнности: науку, искусство, частныя историческія пріобрѣтенія въ процессѣ организаціи борьбы съ природой и устроенія общежитія. Для Лаврова миссія революціи была *прежде всего* созидательная; разрушительная же сторона ея—только печальной необходимостью. Поэтому и борьбу за соціализмъ въ Россіи Лавровъ мыслилъ не какъ немедленную агитацію въ народныхъ массахъ, якобы духовно уже «готовыхъ» возстать, и нуждающихся только въ зажигающей искрѣ до планомѣрной организаціи, а какъ сложную систему идейной пропаганды, воспитаніе «новаго человѣка» въ каждомъ изъ дѣятелей движенія и въ массовыхъ кадрахъ борцовъ [1]). «Лавристы» въ Россіи въ пылу полемики съ «бакунистами» перетянули, однако, палку въ противоположную сторону, превращая всю работу соціалистовъ въ просвѣтительство и «соціальную педагогію», такъ что Лаврову впослѣдствіи пришлось указывать своимъ ученикамъ на частичную правоту противниковъ: необходимость организаціонной работы въ массахъ и болѣе рѣзкаго отрицанія существующихъ условій. На почвѣ этихъ разногласій распалась редакція «Впередъ», значеніе котораго въ русскомъ общественномъ движеніи и сводится къ этимъ указаніямъ на великую цивилизующую миссію соціализма и международное единство этого движенія [2]).

Вообще Лавровъ былъ въ высшей степени проникнутъ сознаніемъ этого единства, всегда терпимо относился къ своимъ противникамъ и не настаивалъ на деталяхъ своихъ воззрѣній, — во имя общаго дѣла. Несомнѣнно, расходясь во многомъ съ ортодоксальнымъ марксизмомъ, идейно руководившимъ тогда западноевропейской соціалъ-демократіей, онъ всегда подчеркивалъ общность конечныхъ цѣлей всѣхъ соціалистовъ и до послѣдней степени воздерживался отъ полемики. Уже было указано, какъ вни-

---

[1]) Лавровъ, подобно всѣмъ русскимъ соціалистамъ того времени, возлагалъ надежду на крестьянство, какъ главную массу трудящихся въ Россіи.

[2]) Популярное изложеніе своихъ взглядовъ на основныя силы, борющіяся въ европейской жизни, далъ Лавровъ въ полубеллетристическомъ произведеніи: «Кому принадлежитъ будущее»? (Изъ разговоровъ послѣдовательныхъ людей). Отвѣтъ Лаврова: «будущее можетъ принадлежать союзу интеллигенціи и трудящихся подъ знаменемъ науки».

мательно онъ прислушивался къ голосу молодежи, приступая къ изданію «Впередъ».

Въ концѣ 70-хъ годовъ, когда жизнь показала необходимость борьбы за политическую свободу, какъ первой задачи передовыхъ людей въ Россіи, Лавровъ примыкаетъ къ партіи «Народной Воли» и становится однимъ изъ редакторовъ ея «Вѣстника», хотя во многомъ расходится съ вождями этой партіи. Эта терпимость во имя единства въ общемъ дѣлѣ, при рѣдкой нравственной чистотѣ и личной обаятельности Лаврова, сдѣлала его совѣстью русскихъ соціалистовъ, ихъ идейнымъ вождемъ и наставникомъ; мало того, создала Лаврову исключительное авторитетное положеніе въ средѣ соціалистовъ Запада.

Послѣднія двадцать лѣтъ Лавровъ прожилъ въ Парижѣ, гдѣ квартира его стала мѣстомъ паломничества, источникомъ силъ и духовнаго возрожденія для всѣхъ его единомышленниковъ. Но не только единомышленники цѣнили Лаврова. Не надо забывать, что Лавровъ-эмигрантъ не прекратилъ своей *научной* работы. Онъ все время принималъ горячее участіе въ жизни разныхъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ, — былъ однимъ изъ разносторонне образованныхъ людей своего времени. Еще въ ссылкѣ (въ Вологдѣ) задумалъ онъ свой грандіозный трудъ «Опытъ Исторіи Мысли». Трудъ этотъ онъ издавалъ въ свѣтъ отдѣльными выпусками со множествомъ дополнительныхъ статей и экскурсовъ [1]. Закончить эту работу такъ и не удалось; но то, что создано Лавровымъ, представляетъ собою обширный опытъ анализа всѣхъ факторовъ зарожденія человѣческой мысли на землѣ («Подготовленіе человѣка») развитія ея въ первобытномъ обществѣ; философіи и исторіи древняго міра и переходной эпохи, а также основныхъ теченій новаго времени. Во всѣхъ этихъ этюдахъ Лавровъ развиваетъ изложенныя нами выше основы своего ученія: о прогрессѣ и цивилизаціи — какъ работѣ критической мысли надъ «культурными формами», вѣчной борьбы переживаній «стараго» съ зарождающимся «будущимъ». Трудъ Лаврова ждетъ

---

[1]) «Опытъ Исторіи Мысли» изданъ былъ за границей въ 5-ти выпускахъ. Въ Россіи вышелъ въ сокращенномъ переработанномъ видѣ (подъ псевдонимомъ Доленги), подъ заглавіемъ «Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли». С. П. Б. 1907 г. Ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ нему книга «Задачи пониманія исторіи». С. П. Б. 1900 г. (псевд. С. С. Арнольди), гдѣ Лавровъ пересматриваетъ вопросъ о методахъ и фактахъ исторіи и даетъ краткую «схему» исторіи развитія критической мысли въ Европѣ.

еще достойной оцѣнки спеціалистовъ, заключая въ себѣ множество тонкихъ наблюденій и пророческихъ мыслей.

Смерть Лаврова всколыхнула всю массу его друзей и похороны его были торжественнымъ днемъ траура для международнаго соціализма. Снова и снова приходится обращаться и современной мысли къ идеямъ Лаврова, такъ красиво сочетавшимъ индивидуализмъ и общественность. Ему выпало на долю счастье примкнуть къ *творческой* традиціи общечеловѣческой мысли, жить полнотою момента и много, много оставить будущему. Такими именно бываютъ великіе люди — это ихъ тайна.

III.

Николай Константиновичъ Михайловскій.

(1842—1904).

Молодость М.

Н. К. Михайловскій родился 15 ноября 1842 г. въ небогатой дворянской семьѣ. Учился въ Костромской гимназіи (до IV класса) и въ Горномъ корпусѣ (нынѣшнемъ Горномъ Институтѣ), но не окончилъ курса: былъ уволенъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и съ 20-ти лѣтъ всецѣло посвятилъ себя журнальной литературѣ. Уже съ 1860 г. начинаютъ появляться его статьи и замѣтки въ разныхъ журналахъ,—преимущественно въ «Книжномъ Вѣстникѣ», вокругъ котораго объединился въ это время небольшой кружокъ молодежи, симпатизировавшей соціалистическимъ ученіямъ (преимущественно Прудону). Михайловскій—настоящій духовный «сынъ» русской литературы: главными

Пособія: 1) Собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго въ 6 том. (особ. основныя статьи I—III т. и замѣтки 70 г.г.). 2) Дополнительные тома сочиненій «Литературныя воспоминанія» (2 т.) «Отклики» (2 т.) «Послѣднія сочиненія» (2 т.) и т. X-й изданіе подъ ред. Е. Е. Колосова (Изд. «Русск. Богатство», а теперь М. М. Стасюлевича). 3) На славномъ посту. Юбилейный сборникъ. (Статьи С. Н. Южакова, М. Р. Гоца, Н. С. Русанова и нѣкотор. др.). 4) *Красносельскій.* Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени 1900 г. 5) *Е. Е. Колосовъ.* Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. 1911 г. 6) *В. М. Черновъ.* Философскіе и соціологическіе этюды (статьи: «Философскія основы ученья Н. К. Михайловскаго» и «Субъективный методъ въ соціологіи»). 7) Его же статьи о Михайловскомъ въ «Завѣтахъ» 1913—1914 г.г. 8) Тамъ же статья *А. Гизетти* (№ 1, 1914 г.) 9) *Ранскій.* Соціологія Н. К. Михайловскаго. 10) *Бердяевъ.* Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. 11) *Коварскій.* Н. Михайловскій и общественное движеніе 70 годовъ. 12) *Ивановъ - Разумникъ.* «Исторія русской общественной мысли», т. II, гл. III.

его учителями были Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ. Онъ пережилъ на себѣ увлеченіе матеріализмомъ и естествознаніемъ въ 60-хъ годахъ, зачитывался статьями Писарева, призывъ котораго къ воспитанію личной самодѣятельности и выработкѣ гармоническаго, разумнаго міросозерцанія пришелся очень Михайловскому по душѣ. Но зоркій, творческій умъ молодого писателя, его раннія, соціалистическія симпатіи, тяга къ общественному дѣлу и основательное знаніе естественныхъ наукъ уберегли его отъ крайностей поверхностной «писаревщины». Сильное вліяніе на выработку взглядовъ Михайловскаго оказалъ его «другъ-учитель», Николай Дмитріевичъ Ножинъ,—его товарищъ по «Книжному Вѣстнику», талантливый молодой естествоиспытатель и своеобразный мыслитель-соціологъ, къ сожалѣнію, рано умершій и оставившій послѣ себя лишь наброски большихъ философскихъ замысловъ [1]).

Можно сказать—сама личная судьба Михайловскаго, дворянина по рожденію, но трудового интеллигента по жизни, предназначала его въ примирители и объединители двухъ группъ, изъ которыхъ созидалась тогда русская демократическая интеллигенція. То были (по позднѣйшимъ опредѣленіямъ самого Михайловскаго): «кающіеся дворяне», проникнутые чувствомъ своей вины передъ народомъ чувствомъ долга—служить ему, и «разночинцы»—выходцы изъ народа, жаждущіе прежде всего собственнаго освобожденія, весь «старый міръ» призывавшіе къ отвѣту за скорби трудового, голоднаго своего дѣтства и юности. «Кающіеся дворяне» видѣли первыхъ своихъ учителей въ радикалахъ и соціалистахъ 40-хъ годовъ,—Бѣлинскомъ, Герценѣ, отчасти Бакунинѣ, проповѣдь котораго казалась имъ дальнѣйшимъ развитіемъ идей «народной правды»; они воспринимали «Историческія письма» Лаврова прежде всего, какъ призывъ къ самопожертвованію и общественному служенію, что наложило такой своеобразно-идеалистическій, аскетическій отпечатокъ на раннее движеніе «въ народъ». Разночинцамъ была больше по душѣ жизнерадостная проповѣдь Чернышевскаго, полная вѣры въ силы интеллигенціи и горькой насмѣшки надъ «старымъ», горячая рѣчь Добролюбова, «отрицаніе авторитетовъ» у Писарева; у Бакунина — имъ были ближе боевые, анархическіе призывы; у Лаврова—идея личнаго самовоспитанія и освобожденія. Такимъ образомъ, уже и Бакунинъ и въ особенности

---

[1]) О немъ см. ст. С. Г. Сватиковъ въ «Гол. Мин.», 1914, №.

Лавровъ были общими учителями демократической интеллигенціи; уже они начали синтезъ «идеализма» 40-хъ г. и «реализма» 60-хъ, но завершить этотъ синтезъ удалось Михайловскому, такъ какъ онъ, къ счастью, не былъ вынужденъ эмигрировать и смогъ остаться въ центрѣ текущей русской жизни, чутко всегда отзываясь на всѣ ея явленія [1]).

Что такое прогрессъ.

Первымъ большимъ литературнымъ произведеніемъ Михайловскаго была статья «Что такое прогрессъ?» появившаяся въ 1869 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этой статьѣ выступилъ Михайловскій со смѣлою критикой ученья Герберта Спенсера о прогрессѣ и обществѣ,—ученія, которое онъ разбиралъ какъ примѣръ ненужнаго перенесенія методовъ естествознанія въ область соціологіи. Спенсеръ отрицалъ понятіе «прогресса», какъ человѣческое «субъективное», пытаясь всецѣло замѣнить его понятіемъ эволюціи, которая представлялась англійскому мыслителю процессомъ непрерывнаго перехода отъ однороднаго къ разнородному дифференціаціей. Прилагая это ученіе къ обществу, Спенсеръ утверждалъ, что прогрессъ состоитъ въ усиленіи спеціализаціи и раздѣленія труда между людьми, которые превращаются какъ бы въ органы громаднаго организма. Михайловскій горячо возсталъ противъ этого превращенія личности въ «палецъ отъ ноги» общества; доказывалъ необходимость гармоническаго, всесторонняго развитія человѣческаго индивидуума, вредъ неравенства и угнетенія въ обществѣ, разбитомъ на враждующія, другъ друга непонимающія группы и классы «спеціалистовъ» физическаго и умственнаго труда. Михайловскій противополагаетъ этой «сложной» кооперации «простую»—сотрудничество безъ закрѣпленно-неизмѣннаго раздѣленія труда. Онъ смѣло взялъ подъ свою защиту «субъективное» понятіе прогресса,—какъ развитіе къ идеалу гармонической личности и общества равныхъ, свободныхъ людей; онъ утверждалъ необходимость въ наукахъ о человѣческомъ обществѣ такого «субъективнаго метода», исходящаго изъ оцѣнки явленій во имя интересовъ личности. Эти идеи, естественно развившіяся въ идейномъ преемствѣ отъ Герцена и Чернышевскаго, совпали во многомъ съ основными девизами «Историческихъ писемъ» Лаврова, который встрѣтилъ статью Михайловскаго сочувственнымъ отзывомъ, но

---

[1]) Много автобіографическаго элемента, а еще болѣе важнаго матеріала для характеристики духовной жизни этой эпохи есть въ полубеллетристическихъ очеркахъ Михайловскаго «Вперемежку» (въ IV томѣ).

правильно указалъ на нѣкоторыя односторонности въ его точкѣ зрѣнія. Михайловскій дѣйствительно далъ слишкомъ узкую формулу прогресса: «Прогрессъ,—писалъ онъ,—есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію его между людьми». Формула эта, казалось, отрицаетъ всю исторію человѣчества, призывая вернуться къ «однородности» первобытныхъ обществъ. Съ другой стороны, «субъективизмъ» Михайловскаго въ этой первой статьѣ тоже былъ полемически-преувеличенъ; Лавровъ справедливо указалъ на общеобязательность (а, слѣдовательно—объективность) научно-понятой идеи «справедливости», какъ равенства свободныхъ и всестороннихъ личностей, во имя которой строится идеалъ.

Критика дарвинизма.

Раньше, чѣмъ указать поправки, внесенныя Михайловскимъ въ дальнѣйшемъ для освѣщенія этихъ вопросовъ, разсмотримъ его отношеніе къ другому выдающемуся естествоиспытателю, [illegible]кавшему тогда молодежь, Чарльзу Дарвину. Михайловскій с[illegible]мени успѣха своей статьи о прогрессѣ, окончательно прим[illegible]шій въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и опредѣлившійся, какъ литераторъ-журналистъ по призванію, въ 1870 г. помѣстилъ въ этомъ журналѣ рядъ статей подъ общимъ названіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука». Въ этихъ статьяхъ подвергнута критикѣ такъ называемая «дарвинистическая соціологія», представители которой,—исходя изъ ученія Дарвина о томъ, что измѣненія всѣхъ формъ и видовъ въ животномъ мірѣ обусловлено борьбой за существованіе и побѣдой сильнѣйшихъ,—защищали неравенство и экономическую конкуренцію въ человѣческомъ обществѣ, какъ необходимое условіе прогресса. Михайловскій, вполнѣ признавая громадное научное значеніе дарвинизма, какъ ученія о постепенномъ развитіи животнаго міра, критикуетъ прежде всего его односторонность: указываетъ, что на ряду съ борьбою за существованіе факторомъ развитія является упражненіе органовъ, стремленіе каждаго организма къ наивысшему развитію своихъ силъ; наконецъ, взаимопомощь и общественные инстинкты у животныхъ, какъ и у людей. Но прежде всего вѣдь побѣда въ борьбѣ за существованіе принадлежитъ вовсе не лучшимъ, а наиболѣе приспособившимся. Приспособленіе же къ средѣ есть пассивность; приспособленіе къ «худшимъ» условіямъ существованія можетъ уродовать организмъ (пещерныя рыбы, живя въ темнотѣ, слѣпнутъ): въ такой борьбѣ побѣждаютъ худшіе, лучшіе

гибнуть. Въ человѣческомъ обществѣ тѣмъ болѣе нельзя отожествлять приспособленіе съ прогрессомъ. «Русская жизнь!—говорить Михайловскій.—Пересчитай своихъ выбывшихъ изъ строя неприспособленныхъ; можетъ-быть, теперь, въ виду всякихъ полезныхъ приспособленій, это воспоминаніе сыграетъ роль скелета на пирѣ». Въ борьбѣ за существованіе торжествуютъ не «идеальные» (всесторонніе), а «практическіе» (односторонніе, поддавшіеся средѣ) типы.

Борьба за индивидуальность.

Критика дарвинизма привела Михайловскаго къ попыткѣ построенія собственной эволюціонной гипотезы, — теоріи «борьбы за индивидуальность». Очередная журнальная работа помѣшала ему систематически развить эту теорію, какъ и многіе другіе замыслы; но и тотъ краткій набросокъ, который далъ Михайловскій въ 1877 г., показываетъ въ немъ большое научное чутье и тонкій даръ аналитика. Михайловскій доказываетъ, что одна борьба за [illegible]ществованіе не создаетъ движенія впередъ, нужно предполо[illegible]ь, что борьба идетъ за *расширеніе* существованія, за власть [illegible]мощь организма. Весь міръ — лѣстница «индивидуальностей» (клѣточка, органъ, организмъ, общество); низшія особы стихійно складываются въ высшія; но въ природѣ идетъ непрерывная борьба съ этимъ централизующимъ процессомъ. Человѣческая личность состоитъ изъ органовъ, которые должны подчиняться централизующей силѣ организма, но сами люди вынуждены отстаивать свою личность отъ гнета «общества, т.-е. стихійно складывающихся» по органическому типу» коллективовъ (семьи, государства и т. п.), которые стараются ихъ превратить въ свои подчиненные органы («пальцы отъ ноги»).

О «вольницѣ и подвижникахъ».

Къ этой теоріи тѣсно примыкаетъ ученіе Михайловскаго о «вольницѣ и подвижникахъ». Въ борьбѣ съ гнетомъ коллектива, въ исканіи истинной общественности человѣчество часто уклоняется на путь *разрыва* съ обществомъ, то въ формѣ анархическаго индивидуализма разбойничьихъ шаекъ, стихійнаго «прожиганія жизни» (вольница), то въ формѣ отреченія отъ міра и самой природы своей, — самоистязанія, аскетизма, ухода въ пустыню (подвижники). И тотъ и другой путь — утопиченъ; они въ сущности однородны, оттого иногда и перекрещиваются въ исторіи (напр., постриженіе въ монахи «удалыхъ молодцовъ» древней Руси; смѣшеніе аскетизма съ разнузданностью въ нѣкоторыхъ сектахъ Индіи, Средневѣковья). Средство борьбы не въ «уходѣ», а въ *сознательномъ активномъ приспособленіи среды,* — такъ,

чтобы могли быть разумно удовлетворены потребности каждаго органа (физіологическое раздѣленіе труда); въ замѣнѣ стихійно-органическихъ коллективовъ формами подлинной общественности, т.-е. вольными союзами свободно-равноправныхъ личностей, во имя общихъ интересовъ, во имя борьбы съ природою и удовлетворенія альтруистически-родовыхъ влеченій, глубоко коренящихся въ человѣкѣ. Только такое равноправно-трудовое общество (соціалистическій строй) само управляющее своей жизнью, способно къ развитію — прогрессу[1]). «Я не цѣль природы, природа не имѣетъ цѣлей. Но у меня есть цѣли и я ихъ достигну». Такъ формулируетъ Михайловскій свое «человѣческое» міросозерцаніе.

|. и народничество.

Легко замѣтить тѣсную связь этихъ научныхъ статей Михайловскаго съ думами и тревогами молодежи семидесятыхъ годовъ. Въ своихъ публицистическихъ замѣткахъ и обзорахъ Михайловскій непосредственно подходилъ къ этимъ запросамъ, примѣняя свои общіе принципы къ разрѣшенію проблемъ практики. Ставя идеаломъ человѣческаго развитія объединеніе умственнаго и физическаго труда, Михайловскій привѣтствовалъ сближеніе интеллигенціи и трудящихся массъ—«хожденіе въ народъ». Трудъ, по словамъ Михайловскаго, есть основная особенность личности; интересы личности совпадаютъ съ интересами труда (т.-е. трудящихся массъ «народа»). Это единеніе представлялось ему осуществимымъ въ идеалѣ общественнаго переустройства на соціалистическихъ началахъ, а не только *личной* «трудовой жизни» и «опрощенія» (отсюда критика зарождавшагося тогда соціальнаго ученія Л. Н. Толстого). Михайловскій раздѣлялъ идеи «народнической» молодежи (хотя скептически смотрѣлъ на непосредственные результаты «хожденія въ народъ») — идеи о необходимости немедленной соціалистической пропаганды среди крестьянъ, и спорилъ съ либерализмомъ, критикуя капиталистическій строй западно-европейскаго общества, при которомъ «свобода» остается пустымъ призракомъ. «Мы желаемъ, конечно, свободы политической, — писалъ Михайловскій въ 1872 г., разбирая романъ Достоевскаго «Бѣсы», — но если всѣ связанныя со свободою права должны только протянуть для насъ роль яркаго ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы. Да будутъ они

---

[1]) Въ 70-хъ г. Михайловскій уже усвоилъ экономическое ученіе Маркса, хотя не могъ принять его цѣликомъ по многимъ внутреннимъ особенностямъ своего міросозерцанія.

проклята, если не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ».

Михайловскій надѣялся на то, что Россія сможетъ облегчить для себя необходимую переходную эпоху капиталистическаго строя, связанную съ обезземеленьемъ крестьянъ и укрѣпленіемъ буржуазіи, какъ господствующаго класса новыхъ эксплуататоровъ народнаго труда, если будутъ сохранены и развиты зародыши соціалистическихъ формъ въ деревнѣ (земельная община). Въ этомъ онъ продолжалъ традицію того своеобразно-творческаго синтеза «западничества» и «славянофильства», который дали Герценъ и Чернышевскій. Михайловскій вслѣдъ за ними говорилъ, что на Западѣ нѣтъ единой культуры, а идетъ борьба общественныхъ силъ; и Россія должна, пользуясь уроками исторіи, брать изъ западныхъ формъ быта лишь то, что освобождаетъ личность. Но Михайловскому скоро стала ясна неизбѣжность капитализма и у насъ; онъ сознавалъ безсиліе интеллигенціи передъ «союзомъ мѣстнаго кулака съ администраторомъ»; рано началъ указывать на необходимость считаться съ разслоеніемъ трудовой крестьянской массы, внимательнѣе относиться къ зарожденію класса фабричныхъ рабочихъ, на важность политической борьбы, какъ перваго этапа по пути соціализма въ Россіи.

Въ спорѣ «бакунистовъ» и «лавристовъ» онъ старался занять примиряющую позицію, указывая на одинаковую необходимость пропаганды идей (воздѣйствіе на «умъ») и непосредственной революціонной агитаціи (воздѣйствіе на «чувство»). Особенно важно ученіе Михайловскаго о томъ, что работа въ народѣ должна руководиться не его «мнѣніями» (утопическія представленія славянофиловъ и бакунистовъ о «народной правдѣ»), а его «интересами» [1]). «Интересы» эти, конечно, должны быть выяснены на почвѣ критическаго анализа народной жизни, потому что въ «мнѣніяхъ» народа, разумѣется, есть зародыши здороваго міросозерцанія и обществен-

---

[1]) Возражая одному изъ такихъ «догматическихъ народниковъ» (умѣреннаго направленія), Михайловскій писалъ: «У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкапъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ комнату ворвется русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями, и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги,—я не покорюсь и людямъ деревни... Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь; но пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу за то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ».

ности (возраженіе книжно-теоретической доктринѣ крайнихъ «лавристовъ», преувеличивавшихъ «педагогическія» задачи интеллигенціи). Михайловскій боролся съ анархически-дезорганизаторскими наклонностями «бакунистовъ» и съ крайнимъ аскетизмомъ нѣкоторыхъ «кающихся дворянъ», указывая на необходимость *одновременной* борьбы за личное и народное счастье, предостерегая отъ уклоненія движенія на путь «вольницы» или «подвижниковъ». Нравственное ученіе Михайловскаго и выросло именно изъ этого сочетанія началъ «чести»,—какъ чувства «общественной» отвѣтственности за свое тяжелое личное положеніе (протестъ «разночинцевъ») и «совѣсти», — какъ чувства личной отвѣтственности за свое привилегированное общественное положеніе («дворянское покаяніе»). Только тамъ, гдѣ «честь и совѣсть» не глушатъ другъ друга, выростаетъ сильная общественно-активная личность. Личность эта—идеально-собирательный «профанъ», этотъ «свѣдущій работникъ» въ избранной имъ излюбленной области (необходимость такой вольной технической спеціализаціи Михайловскій признавалъ); но въ то же время и прежде всего—человѣкъ, которому не чуждо ничто человѣческое: идеальный типъ трудовой интеллигенціи. Отъ его имени Михайловскій споритъ со жрецами «чистой» науки и «чистаго» искусства, которые превращаютъ въ самоцѣль эти великія формы—орудія расширенія мощи гармонической личности и приносятъ человѣка въ жертву абстракціямъ «высшихъ цѣлей».

Сочетаніе индивидуализма и соціализма навсегда остается лозунгомъ Михайловскаго. Одинокій, деспотическій индивидуализмъ не освобождаетъ личность; всякое «барство» неразрывно связано съ «рабствомъ» и не менѣе уродуетъ человѣка, чѣмъ угнетеніе. Личность, не знающая преградъ своимъ прихотямъ, быстро разлагается, произволъ ведетъ къ полному безволію, господству животныхъ страстей [1]).

Герои и толпа.

Въ 80-хъ годахъ, когда усиленіе политической реакціи затруднило публицистическую дѣятельность Михайловскаго, онъ пробовалъ вернуться къ работѣ чисто научной: подвергъ этотъ вопросъ о «децентрализаціи» личности блестящему анализу въ своихъ статьяхъ о герояхъ и толпѣ (1882—1888). Статьи эти—грандіозный опытъ выясненія стихійныхъ сторонъ въ массовыхъ дви-

[1]) Психологическій анализъ такой дезорганизаціи личности далъ Михайловскій въ статьяхъ объ Іоаннѣ Грозномъ. Внимательно разбираетъ онъ проявленія болѣзненно-крайняго индивидуализма у нѣкоторыхъ героевъ Достоевскаго «Жестокій талантъ» и Лермонтова «Герой безвременья».

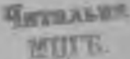
женіяхъ. «Героемъ» называетъ Михайловскій всякаго вожака массы; въ его лицѣ какъ бы сосредоточивается сознаніе «толпы»: герой и толпа составляютъ единый организмъ; каждая личность въ толпѣ превращается въ безвольное орудіе этого цѣлаго. Въ слѣпыхъ движеніяхъ массы есть нѣчто родственное явленіямъ гипноза. Михайловскій, тщательно анализируя массовыя эпидеміи, подражанія, преступленія толпы и пр., приходитъ къ выводу, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ослабленіемъ индивидуальнаго сознанія, раствореніемъ его въ коллективѣ.

Это даетъ Михайловскому поводъ вернуться къ давно его интересовавшему вопросу о вліяніи «среды» на измѣненія организма и онъ выдвигаетъ (не успѣвъ правда развить ее до конца) смѣлую гипотезу о *буквальномъ, механическомъ* характерѣ этого вліянія: «среда» передѣлываетъ индивида по-своему, душитъ своеобразіе и водворяетъ на его мѣсто «приспособленность» (напр., песчанаго цвѣта суслики въ пустынѣ, зеленыя насѣкомыя въ листьяхъ). Въ настоящее время эта гипотеза выдвигается многими критиками дарвинизма. Отсюда выводъ Михайловскаго, что движенія типа «герой-толпа» обречены на исчезновеніе, по мѣрѣ роста личности и укрѣпленія сознательности въ массахъ; на ихъ мѣсто должна стать сознательно организующая работа людей надъ преобразованіемъ своего общежитія. Михайловскій глубоко вѣрилъ, что идеалъ этого общежитія, растущій въ процессѣ жизни, долженъ и можетъ быть созданъ въ своихъ основахъ, критической работой науки и философіи. Цѣль знанія не одна истина, но и справедливость; человѣкъ ищетъ двуединой Правды. Слово «Правда» поражало Михайловскаго своей внутренней красотой, и цѣлью своей жизни онъ ставилъ служеніе этой Правдѣ. «Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію правдѣ—истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять правду—справедливость, правду субъективную, — такова задача всей моей жизни» [1]). Не легка была эта задача, но Михайловскій стойко выполнялъ ее въ 70-е годы, когда былъ «властителемъ думъ» молодежи, не измѣнялъ ей и позже, хотя развитіе русской жизни внесло частныя поправки въ его первую начальную схему.

Александръ Гизетти.

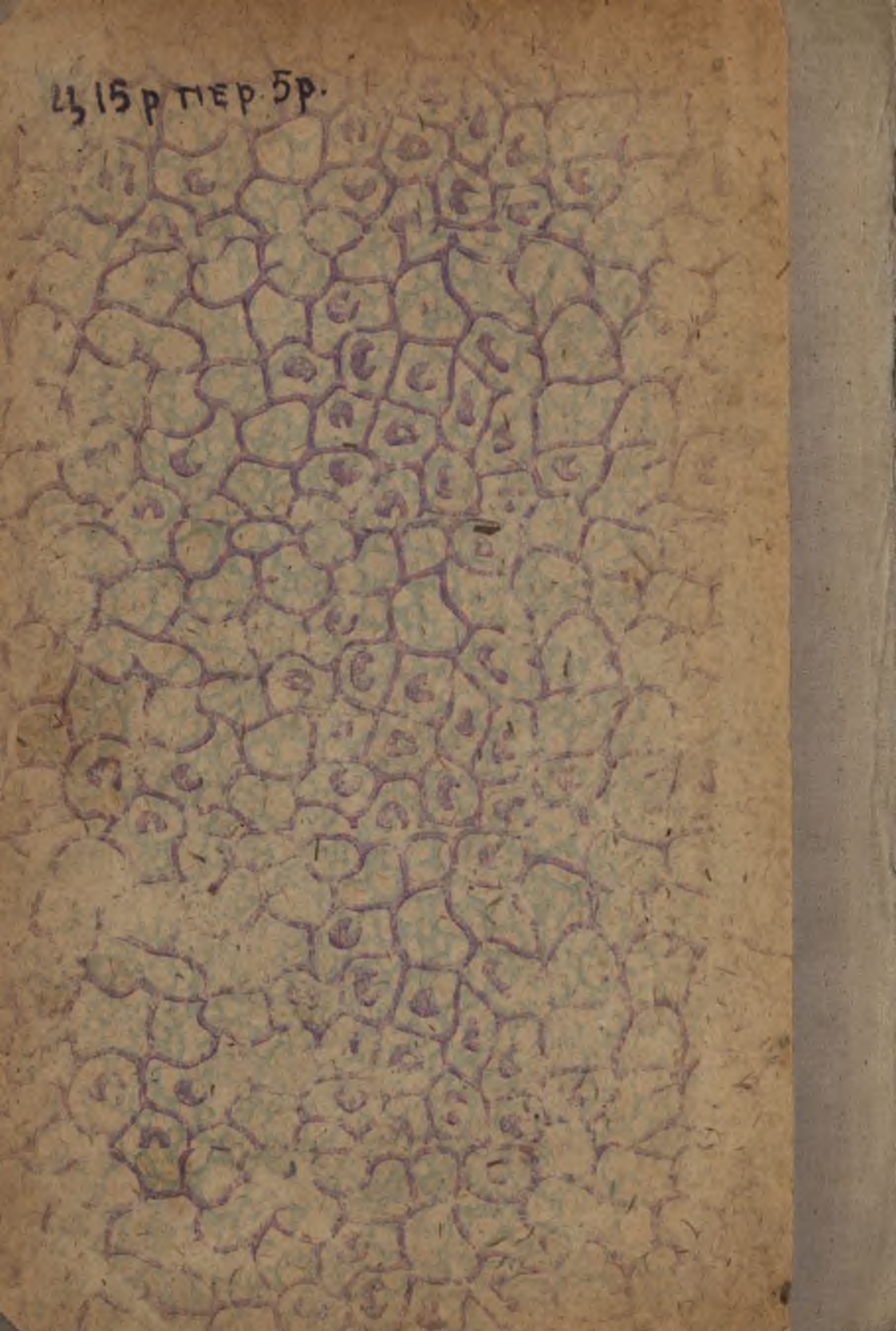
---

[1]) Изъ всего предыдущаго ясно, что эта субъективность правды—справедливости (идеала) не обозначаетъ ея произвольности, а лишь соотвѣтствіе идеала интересамъ живого цѣльнаго человѣка (субъекта).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ц 15 р пер. 5 р.